

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

ОКТАБРЬ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.). Янжула.	3—20	IX. Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ. (Воспоминанія запаснаго). Н—чь.	119—139
II. Розовое и черное изъ моей жизни. М. Безобразовой.	21—43	X. Изъ далекаго прошлаго. (Памяти именитаго предка). М. Бардаковой.	143—147
III. Темное Царство. (Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Сообщ. В. Шереметевскій	44—48	XI. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Пониковой). Сообщено Е. С. М.	148—164
IV. Около бурсы. (Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства). В. К.	49—70	XII. М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. А. Е. К.	167—174
V. Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ П. П. Бахтину. Сообщ. А. Чебышевъ.	71—78	XIII. Александръ I и Восточная политика Россіи. В. Тимошукъ.	175—192
VI. Воспоминанія гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. (Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845). Сообщилъ В. М. Коллбакинъ.	79—94	XIV. Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. (Изъ бумагъ А. П. Попова). А. П. Попова.	193—200
VII. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г. Е. А. Рагозиной.	95—108	XV. Воспоминанія жизни Ф. Г. Тернера	201—210
VIII. Овсянниковъ и Юханцевъ въ Красноярскъ. К. А. Салъгина.	109—118	XVI. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей (1806—1812 г.г.). Сообщ. Е. Каменскій.	211—230
		XVII. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
		а) Три письма Цесаревича Константина Павловича къ П. И. Линдестрему (1812). Сообщилъ Мих. Соколовскій.	140—142
		б) Оригинальная резолюція епископа смоленскаго Іосифа I-го. Сообщ. А. Плъенковъ.	165—166
		XIX. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	

Приложеніе: Портретъ Маріи Владиміровны Безобразовой.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. П. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1910.

Библиографическій листокъ.

Н. Г. Мартыновъ. Статистическія таблицы россійскаго книгоиздательства за 1909-й годъ. Пять таблицъ. Спб. 1910.

Въ основу своей работы составитель положилъ издаваемую главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати „Книжную Лѣтопись“ и, обстоятельно разработавъ и сгруппировавъ по статистическимъ рубрикамъ ея данныя, представилъ въ цифрахъ картину русскаго книгоиздательскаго дѣла въ прошедшемъ году. Всего въ этомъ году было отпечатано 86.957.814 экземпляровъ книгъ (въ 1908 г. 75.868.320) общою стоимостью въ 26.836.819 р. 50 к. Больше всего напечатано книгъ богословскихъ, беллетристическихъ, народныхъ, медицинскихъ; почтенную цифру дала мелкая детективная беллетристика (559 названій, болѣе 8½ миллионъ экземпляровъ), Правительственныя учрежденія и ученые и другія общества выпустили 2.677 разныхъ наименованій; изъ коммерческихъ книгоиздательствъ особенно выдѣляются товарищество Сытина (издавшее 721 сочиненіе, въ 10.931.500 экз., на 2.357.687 руб.), Березовскій, Вольфъ, Панафидина, „Польза“, Суворинъ, Солякинъ, Тихомировы, „Посредникъ“, Саблинъ, Юргенсонъ, „Миръ“, Тузовъ, „Брокгаузъ и Ефронъ“, Стушинъ, „Школьникъ“, „Знаніе“, Любичъ, Башмаковы, Гранатъ, Девриенъ, „Просвѣщеніе“, Марксъ, „Петербургскій учебный магазинъ“, „Общественная Польза“. Больше всего книгъ печаталось, конечно, въ столичныхъ губерніяхъ (8.849 и 4.862 названія), меньше всего на окраинахъ (въ губерніяхъ и областяхъ: плоцкой, радомской, сѣдлецкой, ломжинской, елизаветпольской, карской, закаспійской—по одному названію). Главными центрами издательской дѣятельности были, какъ всегда, столицы; провинція сильно отстаетъ отъ нихъ, и, на примѣръ, столь крупный центръ какъ Одесса напечатала въ прошломъ году почти въ 14 разъ меньше книгъ, чѣмъ Петербургъ (печатались книги всего въ 283 городахъ). Большую часть книгъ (52½ миллионъ) издали болѣе или менѣе крупныя коммерческія фирмы; гораздо большее число случайныхъ и безымянныхъ издателей напечатали менѣе половины этого количества. Интересныя таблицы, стоившія составителю немало кропотливой работы, наглядно показываютъ положеніе книгоиздательскаго дѣла въ Россіи, и, если издатель будетъ ихъ продолжать и улучшать, дадутъ матеріалъ для интересныхъ историческихъ и социологическихъ выводовъ.

И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели отъ Гоголя до нашихъ дней. Опытъ библиографическаго пособія по новѣйшей литературѣ. Бердянскъ. 1909.

„Данная работа предназначена для широкихъ круговъ читающей публики. Намъ кажется“ — справедливо говоритъ составитель, — „что въ настоящее время ощущается извѣстная потребность въ цѣломъ справочномъ пособіи, содержащемъ въ себѣ все наиболее цѣнное въ критической литературѣ нѣсколькихъ послѣднихъ десятилѣтій. Съ одной стороны, сильно возросъ интересъ къ литературѣ, и выдвинулись новые кадры читателей; съ другой стороны—усложнившаяся жизнь привела къ идейному „разброду“, и ориентироваться стало труднѣе, чѣмъ когда-либо. Смотря на свою работу какъ на изданіе справочное по преимуществу, составитель вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что для извѣстныхъ круговъ читателей она можетъ служить пособіемъ характера руководящаго“. Составитель пользовался извѣстнымъ трудомъ г-жи Мезіеръ, но „большая часть журнальныхъ статей была пересмотрѣна заново; критическая литература послѣдняго десятилѣтія, какъ журнальная, такъ и отдѣльно вышедшая, просмотрѣна самостоятельно. Для болѣе удобнаго ориентированья проведено дѣленіе на литературу біографическую и критическую; первой удѣляется особенно много мѣста тамъ, гдѣ она, по характеру своему, представляетъ большой общественный интересъ“. Значенія руководства, какъ наивно полагаетъ составитель, эта работа имѣть не можетъ, но для справокъ вполне годится, не претендуя, конечно, на полноту матеріала. Въ выборѣ писателей, заслуживающихъ, по мнѣнію составителя, „вниманія“, виденъ произволъ: такъ, среди прозаиковъ, гдѣ прилежно указаны разные Крапивскіе, Яблоновскіе, Скитальцы и Федоровы, мы не нашли ни Кохановской, ни Сухова-Кобылина; въ числѣ критиковъ и публицистовъ есть и Лавровъ, и Плехановъ, но нѣтъ ни Хомякова, ни Ап. Григорьева, ни Аппенкова, ни Юрія Самарина, ни Флеровскаго, ни Дружинина, ни Овсяннико-Куликовскаго (а на сочиненія послѣдняго чуть не на каждой страницѣ брошюры разсыяны многочисленныя ссылки). Попадаютъ существенныя недосмотры: такъ, не указаны извѣстныя статьи о Короленкѣ Ю. Николаева (Говорухи-Отрока), статьи о Щербинѣ, появившіяся въ 1906—1908 г.г. въ „Историч. Вѣстникъ“ и въ „Русс. Старинѣ“; среди матеріаловъ о Бѣлинскомъ упоминаются такіе пустячки, какъ статья Ангела Богдановича, но не указаны статьи А. Л. Волинскаго, В. В. Катлаша, „Исторія русской общественной мысли“ Иванова-Разумника, сборникъ писемъ Бѣлинскаго, изданный Зинченко. Но главнымъ недостаткомъ работы являются, повторяемъ, не подобныя пробѣлы, а грубые пропуски крупныхъ литературныхъ явленій. Страннымъ показалось намъ предупрежденіе (замѣтимъ, во всей брошюрѣ единственное)— „съ осторожностью относиться“ къ статьямъ одного критика (стр. 23); слѣдовало, по крайней мѣрѣ изъ простой добросовѣстности, объяснить этотъ оракульскій совѣтъ, который не всякому читателю можетъ быть понятенъ,—тѣмъ болѣе, что осторожность полезна не только въ данномъ случаѣ, а рѣшительно всегда и всюду, въ особенности при пользованіи указателями вродѣ настоящаго.

ОТКРЫТА ПОДПСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1911 годъ.

Вступая въ 1911 году въ сорокъ второй годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редація предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редація предполагаетъ напечатать въ 1911 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается: Островскаго, Писемскаго, Юрьева, Елисѣева, Успенскаго, Кони, Соловьева, Крылова, Чичерина, Муромцева, Стороженко, Бунге, Делянова, Боголюбова, Побѣдоносцева, Витте и др. **А. Лебедевъ** — Николай Гавриловичъ Чернышевскій. **П. Л. Юдинъ**. — Изъ жизни Н. И. Костомарова въ Саратовѣ. **Е. А. Лехачевскій**. — Первообразъ русскаго народа. Графа А. К. Толстого. **А. И. Слезкинскій**. — Тайный другъ Пушкина. **М. Васильевой**. — Записки крѣпостной. **Л. Н. Любимова**. — Изъ жизни инженера путей сообщенія. **А. Синицина**. — Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріяшевой**. — Воспоминанія стараго педагога. **В. В. Шереметевскаго**. — Басурманская неволя. **Де Ливрона**. — Изъ воспоминаній о плаваніи на клиперѣ „Стрѣлокъ“. **Г. А. Данилова**. — Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Ө. Г. Тернера**. Воспоминанія жизни (о Вышнеградскомъ, Витте, Рейтернѣ, Юнинѣ, гр. А. А. Ливенѣ, гр. Валувѣ, Горемыкинѣ, И. Н. Дурново, Сипягинѣ, Ванновскомъ, гр. К. И. Паленѣ, К. К. Гротѣ, М. Н. Анненковѣ, гр. Л. Н. Толстомъ, А. Г. Рубинштейнѣ, Айвазовскомъ, Захарьинѣ, ст. секр. Безобразовѣ, гр. А. А. Толстой, Е. А. Нарышкиной, кн. Ек. Радзивиллѣ, Бисмаркѣ и др. **И. Лаврентьевой**. — Другъ дѣтей. — Изъ жизни Е. М. Бемъ. — Свѣтлый лучъ изъ дальнихъ лѣтъ. о Т. П. Пассекѣ. **Е. А. Альбовскаго**. — Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **Д. Перскій**. — Новый директоръ. Міокотисанъ. На бордажѣ. **М. В. Безобразовой**. — Дневникъ академика В. П. Безобразова. **Ф. Д. Филоненко**. — Изъ подольской старины. (Изъ быта духовенства). „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **О. А. Новиковой**. **Н. Раевскій**. — Къ постройкамъ стараго Петербурга. **А. И. Сергѣева**. — Изъ быта духовенства. **Е. А. Рагозиной**. — Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліонга, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Митхадъ п., Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфеть, Мухтаръ-пашей и др. **И. И. Оноре**. — 11 лѣтъ въ театрѣ (о Вагнерѣ, Сьровѣ, Ларошѣ и др.). **А. А. Чебышева**. — Письма П. А. Катенина — И. А. Бахтину и много другихъ историческихъ изслѣдованій и воспоминаній.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Марія Владиміровна
Безобразова

ПРИ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

**„Стенографическій Отчетъ Портъ-
 Артурскаго процесса“.**

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПб. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
 и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Книжная лавка

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1910.

ОКТАБРЬ. — НОЯБРЬ. — ДЕКАБРЬ.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

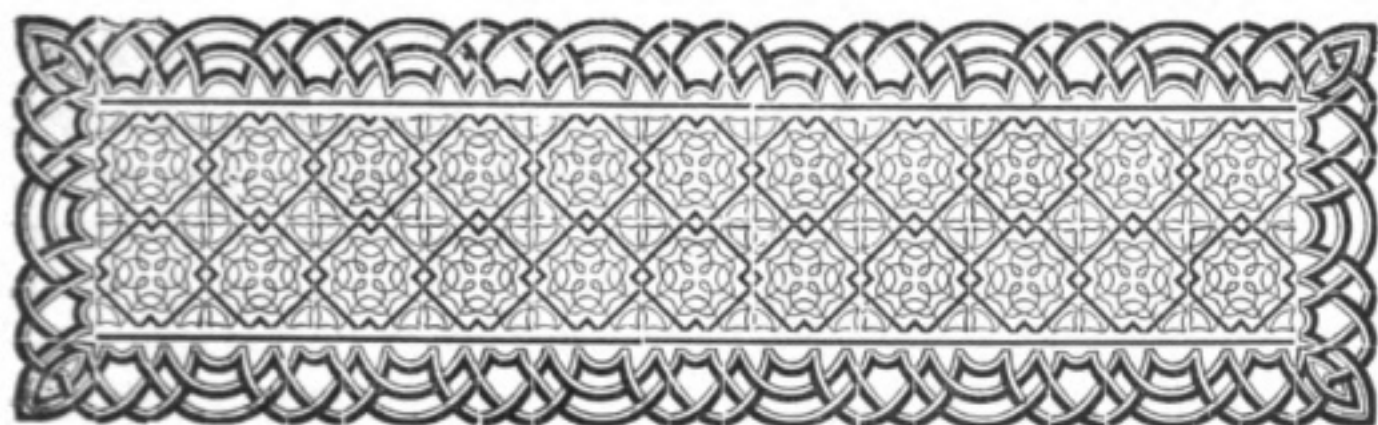
ТОМЪ СТО СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1910.

DK
i
K 39
v. 144
INDIANA UNIV
LIBRARIES
BLOOMINGT

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.
(1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А VI ¹⁾.

Изъ другихъ нашихъ писателей, исключительно Петербургскихъ (о знакомыхъ Московскихъ я говорилъ раньше въ первыхъ главахъ), я наиболѣе близко былъ знакомъ съ почтеннымъ Павломъ Александровичемъ Гайдебуровымъ, редакторомъ, если не основателемъ, за многіе годы извѣстной „Недѣли“, одного изъ нашихъ распространенныхъ органовъ печати, погибшаго, къ сожалѣнію, въ полномъ расцвѣтѣ отъ злого рока, въ видѣ безжалостной цензуры. Меня познакомилъ съ Павломъ Александровичемъ человѣкъ совсѣмъ не литературный, мой добрый покровитель, Михаилъ Ѳедоровичъ Громницкій, московскій прокуроръ, извѣстный ораторъ, соперникъ князя Урусова и Плевако по многимъ процессамъ. Онъ гдѣ-то подцѣпилъ или познакомился случайно съ Гайдебуровымъ и привезъ его ко мнѣ, желая обоимъ сдѣлать одолженіе: мнѣ молодому и жаждавшему дѣла профессору и писателю дать полезное знакомство въ лицѣ редактора, а Гайдебурову доставить сотрудника.

Когда я познакомился съ Павломъ Александровичемъ, онъ еще былъ вначалѣ своего литературнаго успѣха. „Недѣля“ лишь начала распространяться, и онъ жилъ довольно бѣдно, гдѣ-то на Кузнечномъ, но затѣмъ быстро въ нѣсколько лѣтъ, особенно, когда явилось приложеніе, въ видѣ „Книжекъ Недѣли“, журналъ и редакторъ великолѣпно расцвѣли и процвѣли. Они

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1910 г.

перешли въ хорошую квартиру на Кабинетской, завели прекрасную обстановку и расширили кругъ своихъ знакомствъ и сотрудниковъ. Я очень подружился и съ самимъ Гайдебуровымъ и съ его милой супругой Евгеніей Карловной, а впоследствии и съ его дѣтьми и сдѣлался почти своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ. Приѣзжая, напримѣръ, иногда лѣтомъ изъ Москвы, я останавливался у нихъ въ Теріокахъ на дачѣ и жилъ по нѣскольکو дней, пользуясь и полнымъ вниманіемъ и радушнымъ гостепріимствомъ.

Вскорѣ, вначалѣ нашего знакомства я сталъ изрѣдка пописывать статьи въ „Недѣль“, первоначально очень робко и скромно, безъ имени или съ выдуманымъ псевдонимомъ или подъ инициалами, а потомъ мало-по-малу началъ и подписываться по просьбѣ редактора. Статьи касались всевозможныхъ предметовъ для меня интересныхъ. Сюда попадали не только экономическія замѣтки и разсужденія, но даже почему-либо интересныя или курьезныя встрѣчи за границей, или наблюденія дома: въ родѣ, напримѣръ, неподписанной статьи „Встрѣча съ курятникомъ изъ Апраксина двора, въ Лондонѣ и разговоръ съ нимъ“. „Разговоръ въ Москвѣ съ хозяйкой-бѣлошвейкой о поставкѣ для раненыхъ бѣлья“, и т. д. и т. д. Подобныя шалости пера особенно нравились П. А. Гайдебурову, который меня поощрялъ писать въ такомъ родѣ, но имени я не открывалъ. Къ такимъ шалостямъ пера я отношусь въ настоящее время анонимную статью противъ Чичерина и Герье въ пользу общиннаго землевладѣнія, котораго тогда я былъ, къ сожалѣнію, сторонникомъ. Въ „Недѣль“ въ первый разъ, вѣроятно, съ роду была, помнится, также моя статейка о несчастьяхъ отъ машинъ въ московскихъ фабрикахъ, по тогдашней несовершенной статистикѣ, данныхъ собранныхъ, по карточной системѣ, доставленной мнѣ М. А. Саблинымъ; своей новостью содержанія она обратила вниманіе и вызвала даже правительственный запросъ, откуда могли попасть такія свѣдѣнія въ частныя руки — показалось, вѣроятно, опаснымъ совать въ нихъ носъ!..

Изъ болѣе серьезныхъ плодовъ моей литературной дѣятельности въ „Недѣль“, могу назвать помѣщенную въ „книжкахъ приложенія къ „Недѣль“ весьма любопытную статейку „Искусство писательства“. Анкетъ или изслѣдованіе одного англійскаго писателя Джоржа Бентона, путемъ опроса многихъ авторовъ объ искусствѣ выработки стила или хорошаго языка. Въ живомъ изложеніи маленькая статья знакомитъ съ способами, которые весьма многіе англійскіе, а отчасти иностранныя авторы (176 человѣкъ) сообщили Бентону о наилучшихъ способахъ выучиться хорошо выражать свои мысли, или просто сочинять и что они сами дѣлали для этой цѣли? Тутъ

приводятся любопытныя мнѣнія самыхъ разнообразныхъ и очень крупныхъ писателей, въ родѣ физика Тиндаля, нѣмецкаго эволюціониста Геккеля, многихъ англійскихъ романистовъ: Уильки Коллинза, Миссъ Олифантъ, Марка Твена, Крауфорда, Уильямъ Блэккъ и мн. др. Общіе выводы весьма поучительны: 1) хорошій стиль или языкъ составляетъ, прежде всего, природный даръ, 2) огромное большинство писателей, повидимому, не довольствуясь такимъ даромъ, употребляли многіе годы на дальнѣйшее развитіе его путемъ чтенія, писанія, изученія иностранныхъ языковъ и т. д. Наконецъ, 3) важнѣйшій выводъ изслѣдованія Бентона заключается въ наблюденіи у большинства писателей и писательницъ важнаго вліянія ихъ матерей на образованіе (хорошаго стиля или языка у будущихъ литераторовъ) и лишь въ одномъ случаѣ замѣчено вліяніе отца—крупная важность слѣд. женскаго образованія.

Другая любопытная статья, помѣщенная мною въ „книжкахъ Недѣли“, носитъ оригинальное названіе, вполне опредѣляющее ея содержаніе: „Мы всё слишкомъ падки на даровщинку“. Въ статьѣ этой на основаніи наблюденій каждодневной русской жизни и въ сравненіи съ хорошо мнѣ извѣстной жизнью Англии, я утверждаю, что у насъ, у русскихъ, развита большая и вредная слабость—живиться на чужой счетъ, выпрашивать и канючить, и это рѣшительно никого не возмущаетъ, въ то время, когда попрошайничество между англичанами презирается и терпится лишь, какъ непріятное исключеніе; „полагайся на самого себя, думай о самомъ себѣ, помогай самому себѣ“—составляетъ тамъ общепринятое правило руководства житейской мудрости, а у насъ, у русскихъ вмѣсто того—„помогите, подайте копеечку!“

Вообще принципъ даровщинки составляетъ, по моему мнѣнію, характерную особенность русской жизни, проникающую одинаково черезъ всё слои русскаго народа и кладущую грань между нашей и западно-европейской жизнью. Конечно, и на западѣ много охотниковъ для дароваго полученія разныхъ благъ, но тамъ этотъ способъ не одобряется, а представляется достойнымъ лишь трудовое, такъ сказать, начало, которое проходитъ черезъ всю Европейскую жизнь и задаетъ господствующій тонъ... У насъ же наоборотъ—всякая тяжесть, сплошь и рядомъ, сваливается, какъ бы съ общаго молчаливаго согласія на государство, общество, или частныхъ лицъ и во всѣхъ классахъ народа, подъ разными видами, одно и то же стремленіе—къ даровщинкѣ)!

1) Настоящая статья о „Даровщинкѣ“ была написана мною первоначально для перваго нумера новаго спеціального журнала „Трудовая

Очень можетъ быть, что въ маленькой журнальной статьѣ я не успѣлъ и не сумѣлъ обосновать и укрѣпить свои положенія, но во всякомъ случаѣ я руководствовался добрыми мотивами и желалъ только хорошаго русскому народу, поэтому я не могу не признавать рѣзкую критику Евгенія Маркова статьи моей „Даровщинка“, появившуюся въ „Новомъ Времени“ за тотъ годъ (1897) отчасти недоразумѣніемъ, отчасти большой несправедливостью и обвиненіе *ad hominem* меня самого въ стремленіи къ „Даровщинкѣ“, было забавно для всѣхъ, кто знакомъ съ исторіей моей жизни, въ томъ числѣ, надѣюсь, и для читателей „Русской Старины“.

Очень скоро у Гайдебуровыхъ развелось множество знакомыхъ, какъ въ литературныхъ, такъ и ученыхъ кругахъ. Внимательный, любезный и разнообразно-свѣдущій хозяинъ привлекалъ всѣхъ. За прекрасными обѣдами и, наконецъ, на вечерахъ у Гайдебуровыхъ можно было одинаково встрѣтить и Н. С. Таганцева, и В. И. Сергѣевича, Н. В. Шелгунова, Ф. М. Достоевскаго, Я. П. Полонскаго и многихъ другихъ ученыхъ и литераторовъ и болѣе или менѣе лицъ, прикосновенныхъ къ литературѣ. Изъ упомянутыхъ литературныхъ именъ остановлюсь на Ф. М. Достоевскомъ; мнѣ его пришлось видѣть лишь 3 раза въ жизни, уже въ дни его славы! Изъ нихъ два раза на вечерѣ у Гайдебурова. Я былъ большимъ его почитателемъ, не только его произведеній отдѣльно печатаемыхъ или въ журналахъ, но особенно въ „Дневникѣ Писателя“.

Когда меня Гайдебуровъ подвелъ къ нему, я чрезвычайно обрадовался и отнесся къ нему, что называется, со всѣмъ сердцемъ. Къ сожалѣнію, мой невольный порывъ встрѣченъ былъ Достоевскимъ болѣе нежели холодно, почему-то ему не понравилось званіе профессора, которое прибавилъ при моей рекомендаціи Гайдебуровъ. Я пытался и даже нѣсколько разъ завести съ нимъ разговоръ, онъ уклонялся и вообще держалъ себя на вечерѣ буквой или буддой, принимавшимъ поклоненіе отъ поклонниковъ и съ важностью молчавшимъ. Во время общаго чая за огромнымъ столомъ я усѣлся, помню, между Шелгуновымъ и поэтомъ Андреевскимъ и скоро завязалъ съ ними (дѣло, кажется, было весной) разговоръ о

Помощь“ при его основаніи... Но статья моя не понравилась Редакціи, потому что пристрастіе къ даровщинкѣ приписывается мною въ настоящей статьѣ одинаково всему русскому народу, т. е. помимо простого—такъ же дворянству и купечеству... Мнѣ было предложено выкинуть мѣсто статьи, относящагося къ привилегированнымъ сословіямъ... Я не согласился, взялъ статью обратно и послалъ „Даровщинку“ въ „Недѣлю“, гдѣ она и была уже напечатана цѣликомъ, безъ купюровъ (см. сборникъ „Между дѣломъ“).

И. Я.

пріятности деревенской жизни, при чемъ я разсказалъ своимъ сосѣдямъ, что въ деревнѣ Тверской губерніи (въ имѣніи моего тестя), гдѣ я провелъ тогда нѣсколько лѣтнихъ вакаатовъ, я имѣлъ всегда два любимыхъ занятія, доставляющихъ мнѣ столько же удовольствія, сколько и здоровья:—„ходить въ лѣсъ по грибы“ и разводить овощи въ огородѣ. Я съ жаромъ описывалъ объ свои любимыя забавы! Какъ я слѣжу за проростаніемъ сѣмянъ въ огородѣ, какъ много въ этомъ поэзіи и интереса въ опытахъ разнаго рода, напримѣръ, въ искусственномъ ускореніи созрѣванія и т. п. Какъ, наконецъ, пріятно находить подъ кустами рыжики, какъ цѣлыми часами я просиживалъ на одной большой полянѣ съ своими близорукими глазами, болѣе раскапывая, нежели ища маленькіе грибки въ травѣ и мохѣ и т. д. и т. д. Мои сосѣди слушали меня съ видомъ сочувствія, иногда лишь вставляя свои реплики или замѣчанія.

Какъ вдругъ раздался рѣзкій, нѣсколько визгливый голосъ Ѳ. М. Достоевскаго съ другого конца стола, гдѣ онъ сидѣлъ около милой хозяйки Евгеніи Карловны,—„Профессоръ, а профессор!“ воскликнулъ онъ, хотя ему хозяинъ и назвалъ мое имя съ отчествомъ! „Скажите, зачѣмъ вы занимаетесь въ деревнѣ скучнымъ огородничествомъ, когда гораздо веселѣй и пріятнѣй садоводство?!“ Меня очень поразило такое странное, если не сказать болѣе, замѣчаніе, я отвѣчалъ ему коротко и сухо: „Да потому, что я не имѣю счастья владѣть собственнымъ имѣніемъ, а проживаю, и то изрѣдка, на дачѣ, а въ 1—2 года разводить садъ и фруктовыя деревья невозможно“. „Ну вотъ и неправда“, выстрѣлилъ Достоевскій, „есть сорта яблонь, которыя въ два, три года даютъ фрукты“. „Можетъ быть такъ и есть, но, во всякомъ случаѣ, это занятіе не по профессорскому карману и требуетъ слишкомъ много возни и хлопотъ!“ — „Напрасно, напрасно, попробуйте!“ и все это говорилось самымъ раздраженнымъ злымъ тономъ. Присутствующіе переглянулись, а Шелгуновъ со свойственной ему прямою, нисколько не стѣсняясь и глядя въ глаза Достоевскому, замѣтилъ мнѣ полусмѣясь: „Ну, что какъ вамъ нравятся, Иванъ Ивановичъ, наши знаменитые писатели, не правда ли, мы ихъ очень избаловали, давая возможность говорить все, что придетъ имъ въ голову?!“ Хозяинъ Гайдебуровъ умоляющимъ образомъ взглянулъ на Н. В. Шелгунова, тотъ понялъ, поднялся и пошелъ въ сосѣднюю комнату, туда же вслѣдъ за нимъ отправился и я.

Другой разговоръ, который я велъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, тоже былъ неудачный, или потому, что наши натуры не сошлись, или я ему не понравился; это было въ Александринскомъ театрѣ, я встрѣтилъ его во время антракта. Онъ меня спросилъ, давно ли

я пріѣхалъ изъ Москвы и давно ли видѣлъ Владиміра Соловьева, къ которому, очевидно, онъ былъ расположенъ. На дальнѣйшіе его разспросы о Соловьевѣ, какъ онъ поживаетъ, когда узналъ, что мы знакомы, я отвѣтилъ, что, повидимому, хорошо, что по слухамъ все больше обрѣтается около Каткова съ Леонтьевымъ и Любимовымъ, гдѣ ему тепло, и что въ Москвѣ это многимъ не нравится, начиная со старика-отца! Достоевскаго это передернуло, онъ бросилъ на меня довольно свирѣпый взглядъ и тотчасъ отошелъ, и больше я его не видалъ.

Изъ другихъ литераторовъ, бывавшихъ въ домѣ Гайдебуровыхъ, мы больше всего сошлись съ Н. В. Шелгуновымъ, съ человѣкомъ въ высшей степени интереснымъ, наблюдательнымъ, съ запасомъ многихъ цѣнныхъ экономическихъ свѣдѣній и обширнымъ знакомствомъ съ хозяйственной жизнью народа на сѣверѣ, особенно Вологодской губерніи, мѣстѣ его продолжительной ссылки. Мы настолько съ нимъ сошлись, что, я помню, онъ даже подарилъ моей женѣ свою фотографію на прощанье въ одно изъ свиданій.

Точно также на вечерахъ у Гайдебуровыхъ я встрѣтился и познакомился съ извѣстнымъ поэтомъ Я. П. Полонскимъ. Изъ разговоровъ съ нимъ я вскорѣ же узналъ о пунктѣ, насъ сближающемъ: оказалось, мы оба съ Я. П. были воспитанниками одной и той же Рязанской гимназіи, но, конечно, онъ гораздо старше меня и приблизительно лѣтъ на двадцать! Тѣмъ не менѣе нашлись учителя, надзиратели и даже сторожа, которые одинаково жили и дѣйствовали въ Рязанской гимназіи и во время Полонскаго, какъ и въ мое! И вотъ посыпались у насъ воспоминанія о шалостяхъ, забавныхъ приключеніяхъ гимназистовъ и т. д. Особо частую роль играли два лица: учитель французскаго языка Барба и швейцаръ „Камрадъ“, исполнитель всякихъ секуцій и, несмотря на то, первый другъ гимназистовъ. Мы съ Полонскимъ встрѣтились у Гайдебуровыхъ раза три, и онъ усердно звалъ меня къ себѣ на пятницы, но я нѣсколько лѣтъ не могъ собраться.

Однажды въ одинъ изъ своихъ частыхъ, но кратковременныхъ наѣздовъ въ Петербургъ, въ концѣ, помнится, 70-хъ годовъ, Гайдебуровъ мнѣ напомнилъ: „Сегодня именины Я. П. Полонскаго и какъ разъ пятница, поѣдемте къ нему, вы собирались много разъ, онъ человѣкъ нецеремонный и только обрадуется Вамъ, народу будетъ масса, и едва ли ему придется отвести душу съ Вами о Рязани и ея гимназіи“.

Въ тотъ же вечеръ довольно поздно по-московски, что-то часовъ въ десять, мы отправились съ Гайдебуровымъ къ Якову Петровичу; Полонскій встрѣтилъ насъ буквально съ распростертыми объятіями

и очень, очень благодарилъ меня, что я вспомнилъ свое обѣщаніе и кстатѣ именины, немедленно представилъ меня своей супругѣ и кое-кому изъ своихъ гостей и затѣмъ прочно меня усадилъ на весь вечеръ между двумя наиболѣе почетными гостями, и я, увы! почти не двигался до конца вечера, отданный, такъ сказать, имъ на жертву почету и при томъ при довольно оригинальной обстановкѣ: мнѣ припоминается небольшая комната и особаго вида, изогнутая какъ S софа, только съ тремя мѣстами, вблизи другихъ сидѣній не было, два крайнихъ мѣста на софѣ было уже занято, когда меня ввелъ въ эту комнату хозяинъ, и представивши сидѣвшимъ, предложилъ мнѣ занять мѣсто посрединѣ, что я и сдѣлалъ. Хозяинъ назвалъ имъ мое имя и званіе: „Московскій профессоръ Янжулъ“, но забылъ назвать мнѣ ихъ, предполагая, что я долженъ знать этихъ знаменитостей, но я какъ разъ не зналъ ни одного! Между тѣмъ былъ посаженъ съ ними для почета и долженъ былъ бесѣдовать болѣе или менѣе долгое время.

Одинъ изъ собесѣдниковъ—высокая, длинная, сухощавая фигура, другой—средняго роста, одѣтъ щеголевато и гораздо менѣе говорливый, нежели первый, который, едва меня хозяинъ представилъ и я усѣлся между ними, къ великому моему удивленію, что называется съ мѣста въ карьеръ, принялся бранить Московскій университетъ, представитель котораго сѣлъ съ нимъ рядомъ. Авторитетнымъ, не допускающимъ, повидимому, возраженій, рѣзкимъ тономъ, онъ осуждалъ и чуть ли не оплакивалъ упадокъ, будто бы, и разложеніе Московскаго университета (это въ періодъ одного изъ лучшихъ моментовъ его процвѣтанія!?). Преимущественно доставалось отъ моего сосѣда именно юридическому факультету, наиболѣе близкому моему сердцу. Къ моему негодованію, онъ позволилъ себѣ употребить такую фразу, говоря о старыхъ профессорахъ: „Всѣ старики или перемерли, или ушли, изъ старыхъ, хорошихъ профессоровъ въ Москвѣ“ (и при этомъ слѣдуютъ имена) „остался одинъ и тотъ дуракъ!“ Последнее ругательное выраженіе относилось къ моему любимому и почтенному декану Василю Николаевичу Лешкову, добрѣйшему оригиналу, но отнюдь не глупому человѣку. Я вспыхнулъ отъ такой крайней безцеремонности этого незнакомца и выступилъ въ горячую защиту милаго старика и всего юридическаго факультета, оговорившись, что, конечно, мнѣ не къ лицу защищать свое, своихъ товарищей, гораздо старше меня, но что я не могу хладнокровно слушать такіе отзывы о почтенныхъ людяхъ, особенно при столь рѣзкихъ обвиненіяхъ и осужденіяхъ. Тогда, не ограничиваясь сказаннымъ, мой собесѣдникъ напалъ специально на молодыхъ и наиболѣе всѣхъ на моего друга М. М. Ковалевскаго; предметомъ его выходокъ по-

служила незадолго передъ этимъ напечатанная книжка М. М. о старой французской финансовой администраціи съ большимъ количествомъ выписокъ и выдержекъ на старомъ французскомъ языкѣ. На это-то и обрушился желчный незнакомецъ, приписывая вполнѣ неосновательно ему лишь желаніе покрасоваться своей ученостью и многоязычіемъ, а вовсе не любовь къ наукѣ ¹⁾?! „Вотъ Забѣлинъ ни одного языка не знаетъ, а выше всего факультета“!

Положеніе мое было довольно жалкое, онъ продолжалъ разносить Московскій университетъ, а я даже не зналъ, кто онъ такой, возражать же ему въ его тонѣ не считалъ себя въ правѣ, какъ молодой человекъ передъ стариками, тѣмъ болѣе я видѣлъ, что всѣ входящіе отвѣшивали ему низкіе поклоны и, прислушавшись нѣсколько минутъ къ нашей бесѣдѣ, удалялись. Я не могъ выдержать дольше такого измывательства надъ своими чувствами и, услышавъ пѣніе или музыкальное исполненіе и отговорившись любовью къ музыкѣ, направился въ сосѣдную комнату. Тутъ лишь отъ кого-то изъ присутствующихъ, мнѣ раньше знакомыхъ (юристъ Неклюдовъ, или поэтъ Садовниковъ) я наконецъ узналъ, кто это былъ тотъ желчный старикъ, поносившій нашъ университетъ; оказалось, это былъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, а другой молчаливый собесѣдникъ, князь Волконскій, тогдашній попечитель Петербургскаго Учебнаго Округа!..

Но не долго продолжалось мое произвольное удаленіе отъ почетныхъ гостей: добрѣйшій хозяинъ Яковъ Петровичъ внезапно появился около меня въ комнатѣ, гдѣ я бесѣдовалъ съ кѣмъ-то изъ упомянутыхъ выше лицъ, и сообщилъ мнѣ на ухо: „Очень понравились Константину Петровичу, (!) просить Васъ вернуться, ему что-то надо Вамъ сказать о Добровольномъ флотѣ“. Дѣлать было нечего, я вернулся и водворился на прежнемъ мѣстѣ на софѣ, между двумя сановниками. На этотъ разъ уже мягкимъ тономъ, безъ всякаго брюзжанья, Побѣдоносцевъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что онъ слышалъ отъ кого-то, что я по своей специальности финансиста интересуюсь портовыми и ластовыми сборами и что даже дѣлаю какую-то работу по этому предмету или собираюсь дѣлать для Московскаго общества содѣйствія мореходства. К. П. выслушалъ внимательно мои объясненія и вдругъ любезно вызвался быть мнѣ даже полезнымъ по своей служебной дѣятель-

¹⁾ Довольно любопытная, между прочимъ, пропія судьбы: въ настоящемъ, 1909, году Парижская Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, на мѣсто своего члена-корреспондента, освободившагося за смертію К. П. Побѣдоносцева, избрала именно М. М. Ковалевскаго!!!

ности при Добровольномъ флотѣ, имѣя не мало матеріаловъ по этому вопросу; затѣмъ завязалась у насъ интересная бесѣда, которая мнѣ наглядно въ нѣсколько минутъ показала, какой, все-таки, умный и свѣдущій человекъ былъ Побѣдоносцевъ, несмотря на извѣстный фанатизмъ и желчное отношеніе и брюзжаніе ко всему свѣжему, что не укладывалось по его привычнымъ старымъ мѣркамъ и трафаретамъ!..

Я, конечно, очень благодарилъ его за предложеніе и общалъ съ благодарностью воспользоваться всѣмъ, что онъ доставить мнѣ по этимъ сборамъ. На другой день, дѣйствительно, онъ мнѣ прислалъ съ курьеромъ въ гостиницу кучу печатныхъ и частью гектографическихъ матеріаловъ по указанному вопросу, собранныхъ, очевидно, въ дѣлахъ и въ архивахъ Добровольнаго флота. Такимъ образомъ, въ именинную пятницу у почтеннаго Якова Петровича я имѣлъ случай познакомиться съ новымъ для себя лицомъ въ видѣ будущаго оберъ-прокурора Синода, но зато упустилъ его для болѣе близкаго ознакомленія и сближенія съ симпатичнымъ поэтомъ и хозяиномъ: намъ ни разу не пришлось за этотъ вечеръ обмѣняться словомъ о дорогой Рязани.

Зато мнѣ совершенно неожиданно пришлось чуть не въ тотъ же самый прїездъ въ Питеръ познакомиться съ нашимъ крупнымъ писателемъ-сатирикомъ Михаиломъ Евграфовичемъ Салтыковымъ, по литературѣ Щедринымъ. Я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ почтеннымъ писателемъ лишь одинъ разъ въ жизни, на вечерѣ, можно сказать карточномъ, у Григорія Захарьевича Елисѣева, сотоварища Салтыкова по „Отечественнымъ Запискамъ“. Я уже нѣсколько лѣтъ предварительно познакомился съ послѣднимъ, желая найти пріютъ для своихъ статей на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ и двѣ изъ моихъ статей были уже, кажется, тамъ напечатаны. На вечерѣ былъ лишь небольшой кружокъ, очевидно, лицъ пріятныхъ Михаилу Евграфовичу и дружественно-расположенныхъ, а именно: Алексѣй Михайловичъ Унковскій, присяжный повѣренный, мнѣ уже хорошо знакомый, какъ большой другъ моего тестя Вельяшева, извѣстный юристъ Александръ Львовичъ Боровиковскій и, кажется, Лихачевъ, бывшій потомъ городскимъ головой и впоследствии сенаторомъ. Хозяева, видимо, всячески старались угодить и ублажить нервнаго гостя; хозяйка прямо труса праздновала и всплескивала руками, если что-нибудь не такъ удавалось.

Салтыковъ весь вечеръ проигралъ въ карты, я же переходилъ отъ одного къ другому свободному гостю и упражнялся въ разговорахъ, такъ какъ въ карты совсѣмъ не играю. По временамъ, впрочемъ, слышенъ былъ будто нѣсколько повышенный голосъ Ми-

хаила Евграфовича, но затѣмъ немедленно слѣдовала шутка остроумнаго Унковскаго, и все приходило опять въ порядокъ. За ужиномъ, или за чаемъ наступилъ большой антрактъ, въ теченіе котораго мнѣ и пришлось бесѣдовать съ Салтыковымъ. Я ему рассказалъ между прочимъ, какъ мы, воспитанники Рязанскаго т. н. Благороднаго пансіона, бѣгали когда-то тайкомъ отъ своихъ надзирателей смотрѣть несчастнаго повѣсившагося казачка, котораго Михаилъ Евграфовичъ описалъ въ одномъ своемъ разсказѣ во время его службы въ Рязани. Салтыковъ немедленно оживился при упоминаніи о Рязани и вступилъ со мной въ охотный и длинный разговоръ по поводу ея. Видимо, Рязань оставила на немъ глубокое впечатлѣніе, онъ разсказывалъ мнѣ довольно долго о своихъ рязанскихъ знакомыхъ и о тѣхъ господахъ помѣщикахъ, гдѣ служилъ вышеупомянутый казачекъ, и который подалъ поводъ къ его разсказу. Многое изъ того, что онъ разсказывалъ, къ сожалѣнію, ускользнуло изъ моей головы, тѣмъ болѣе, что скоро нашъ разговоръ перешелъ въ общій; между прочимъ припоминаю, что А. Л. Боровиковскій поднялъ вопросъ, почему-то, вѣроятно, придравшись къ какому-нибудь случаю того времени, объ адвокатской этикѣ: всякое ли дѣло имѣетъ право брать адвокатъ для защиты или нѣтъ? къ сожалѣнію, я не помню, что высказалъ по этому поводу Салтыковъ, и скоро споръ продолжался между нами двумя. А. Л. упорно держался мнѣнія, что адвокатъ долженъ брать всякое дѣло, если только оно соотвѣтствуетъ его личнымъ убѣжденіямъ. Я же старался ограничить этотъ слишкомъ обширный и неопредѣленный кругъ принимаемыхъ дѣлъ исключительно уголовными дѣлами, въ гражданскихъ же дѣлахъ я выражалъ мнѣніе: такъ какъ право писанное очень расходится нерѣдко съ правомъ моральнымъ, поэтому дѣла гражданскія должны съ особенною осторожностью приниматься къ разсмотрѣнію, исключительно лишь тѣ, при томъ, которыя оправдываются общими началами нравственности.

Изъ состава редакціи „Отечественныя Записки“ я чаще всего видался, кромѣ Елисѣева, съ Николаемъ Константиновичемъ Михайловскимъ; съ нимъ меня познакомилъ Николай Ивановичъ Зиберъ, постоянно проживавшій за границей, но въ этотъ разъ почему-то временно находившійся въ Петербургѣ. Мы безъ церемоніи явились къ нему съ Зиберомъ въ его пріемный день, не помню какой, и были очень любезно приняты. Николай Константиновичъ объявилъ мнѣ, что онъ уже обо мнѣ слышалъ отъ своего пріятели Глѣба Успенскаго, который видѣлъ меня какъ-то въ Москвѣ (и даже бывалъ у меня) и много ему разсказывалъ о моей личности, какъ новомъ-де типѣ профессоровъ, которые своимъ дѣ-

ломъ прилежно занимаются, а въ то же время и выпить при случаѣ не прочь, и который отлично фехтуетъ на всякихъ смертоносныхъ оружіяхъ, начиная съ рапиры и эспадрона и кончая штыкомъ (я дѣйствительно тогда усердно занимался фехтованьемъ по совѣту врачей)!..

Впослѣдствіи нашему сближенію съ Н. К. Михайловскимъ много способствовала его милая племянница (дочь его сестры) Марія Геннадіевна Мягкова, ученица Московской Консерваторіи. Н. К. М., когда эта молодая особа поступила въ Консерваторію, просилъ насъ письменно изъ Петербурга позаботиться о ней, оказать возможное радушіе, что мы и сдѣлали: черезъ нее мы получали часто извѣстія о дядѣ.

Вечера у Михайловскаго мнѣ очень нравились по своей непринужденности, интересной болтовнѣ и сообщенію всѣхъ литературныхъ и городскихъ новостей. Главнаго украшенія общества—дамъ, насколько я припоминаю, почти не бывало, можетъ быть, впрочемъ вслѣдствіе нелегальнаго положенія супруги хозяина. Съ Григоріемъ Захарьевичемъ Елисѣевымъ онъ былъ въ положительной ссорѣ по извѣстнымъ тогда въ Петербургѣ причинамъ, а о Салтыковѣ просто избѣгалъ почему-то говорить. Изъ его посѣтителей чаще всего я припоминаю Аняенскаго и Кривенко, и въ пріятной бесѣдѣ съ хозяиномъ и ими двумя и за стаканомъ рейнвейна, почему-то тамъ любимаго, мы засиживались долго за полночь.

Впослѣдствіи, моя пріязнь съ Михайловскимъ продолжалась довольно долго и, бывая въ Москвѣ, онъ посѣщалъ меня, а я въ свою очередь бывалъ у него, но, увы, уже долго спустя послѣ кончины „Отечественныхъ Записокъ“ и перехода Михайловскаго въ „Русское Богатство“ нашей дружбѣ суждено было покончиться. Николай Константиновичъ прежде всего былъ человѣкъ кружковый и строго смотрѣлъ, чтобы никто изъ его добрыхъ пріятелей не отступалъ отъ малѣйшей буквы правилъ и завѣтовъ, принятыхъ кружкомъ въ былое время; между тѣмъ вмѣстѣ съ годами шла, естественно, перемѣна взглядовъ въ русскомъ обществѣ. Появлялись новыя направленія, новые писатели, переставшіе поклоняться старымъ богамъ. Какъ извѣстно, Михайловскій не переносилъ этого и немедленно вступилъ напр. въ борьбу съ народившимся въ 90-хъ годахъ поколѣніемъ ново-марксистовъ.

Хотя я всегда считалъ себя противникомъ Маркса и Марксъ, мнѣ былъ крайне несимпатиченъ, тѣмъ не менѣе вновь созданное направленіе ново-марксистовъ вызвало немедленно мое сочувствіе и симпатіи въ одномъ отношеніи своимъ стремленіемъ освободиться отъ привычной рутинны и здравыми взглядами во многихъ вопросахъ экономіи. Между

прочимъ, въ нѣсколькихъ строкахъ своей новой книги „Промысловые синдикаты“ я сказалъ комплиментъ талантливому и остроумному очерку г. П. Б. Струве, и что съ главнѣйшими его выводами я вполне согласенъ ¹⁾. Моя книга о синдикатахъ положила конецъ нашей дружбѣ съ Михайловскимъ, онъ пересталъ у меня бывать, посѣщая Москву, а въ „Русскомъ Богатствѣ“ появилась довольно нелѣпая, но рѣзкая критика о моей книгѣ, написанная, по слухамъ, моимъ товарищемъ и ученикомъ профессоромъ Карышевымъ.

Sic transit gloria mundi!!!...

До настоящаго времени я говорилъ лишь о положительныхъ типахъ нашей литературы, людяхъ вполне добропорядочныхъ и въ большей или меньшей степени извѣстныхъ по своему таланту и той пользѣ для родной литературы, которую они посильно принесли. Въ заключеніе этого отдѣла моихъ воспоминаній, я хочу хотя бы въ сжатой передачѣ рассказать то, что память моя сохранила о совершенно иного рода нашемъ литераторѣ, отрицательномъ типѣ журналистики, который принесъ ей очень сомнительную долю пользы, но въ личной жизни своей оказалъ русскому обществу несомнѣнно много вреда.

Я разумѣю свое преходящее, но по сложности времени довольно продолжительное знакомство съ однимъ любопытнымъ субъектомъ, долго вращавшимся въ нашей литературной средѣ,—это Евгений Львовичъ Кочетовъ, корреспондентъ и фельетонистъ.

Если память не измѣняетъ, наша встрѣча съ нимъ въ первый разъ произошла еще въ 1866 году. Я проживалъ тогда въ Москвѣ въ домѣ дьякона Покровскаго около Патріаршихъ Прудовъ, набитаго студентами, въ маленькой каморкѣ съ очень легкой стѣной или перегородкой, отдѣлявшей меня отъ сосѣдней большой комнаты, занятой какимъ-то корректоромъ изъ Синодальной типографіи Зубковымъ, женатымъ человѣкомъ, довольно смирнымъ малымъ, но по временамъ выпивавшимъ. Въ одну ночь, мы со студентомъ Павломъ Ивановичемъ Кедровымъ, моимъ хорошимъ пріятелемъ, сидя за чаемъ въ моей комнатѣ, услышали въ комнатѣ Зубковыхъ крупный разговоръ, который скоро перешелъ въ явную ссору, едва не драку: съ одной стороны слышались угрозы выгнать на морозъ (а морозъ былъ тогда сильный въ серединѣ зимы), съ другой стороны жалобы на судьбу и на жестокость людей. Поневоѣ прислушиваясь, мы поняли только одно, что хозяинъ комнаты Зубковъ,

¹⁾ См. „Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки“. СПб. 1895 г. И. И. Янжулъ, стр. 402.

котораго мы знали, выгоняетъ какого-то господина, у него ночевавшаго за какое-то оскорбленіе, нанесенное имъ его женѣ, говорившаго все это довольно пьянымъ голосомъ. Молодой жалобный мужской голосъ умолялъ его о милосердіи, увѣрялъ въ своей невинности и больше всего ссылаясь на то, что у него вѣдь нѣтъ теплаго пальто, теперь холодно и онъ замерзнетъ и т. д. Но все было напрасно, скоро послышалась возня, изъ сосѣдней комнаты кого-то выталкивали въ общій корридоръ. Мы съ Кедровымъ немедленно бросились въ корридоръ и увидали плачущаго юношу лѣтъ двадцати съ чѣмъ-то, небольшого роста и одѣтаго очень налегкѣ.

Возмущенные фактомъ безчеловѣчія, мы немедленно пригласили пострадавшаго ко мнѣ въ комнату, завѣряя, что мы не дадимъ ему замерзнуть; какъ бы заранѣе гарантируя его отъ такой случайности, напоили его чаемъ съ ромомъ, при чемъ поздно замѣтили, что онъ и такъ уже выпилъ изрядно. Этотъ молодой человѣкъ и былъ Евгеній Львовичъ Кочетовъ¹⁾, эстандартъ-юнкеръ какого-то кавалерійскаго полка („штыкъ-юнкеръ“ по студенческому прозвищу) впоследствии же извѣстнѣйшій сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Новаго Времени“. Таково было начало нашего знакомства съ этимъ интереснымъ субъектомъ изъ литературнаго міра.

Изъ его разказовъ въ этотъ же вечеръ немедленно мы узнали, что Кочетовъ сынъ, будто бы, богатыхъ тульскихъ или орловскихъ помѣщиковъ, но въ ссорѣ съ отцомъ и что послѣ хорошей домашней подготовки и, кажется, какого-то кадетскаго корпуса онъ поступилъ на военную службу юнкеромъ въ кавалерійскій полкъ, стоявшій гдѣ-то около Вильны, тамъ послѣ непродолжительной службы, во время повстанія, онъ попалъ въ какую-то исторію, влюбился въ польку и въ чемъ-то ей проговорился, въ очень важномъ; за это онъ былъ заключенъ въ тюрьму и нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ въ ожиданіи надъ собою военнаго суда, будто бы, угрожавшаго ему смертной казнью; въ заключеніе по какому-то счастливому случаю онъ былъ освобожденъ отъ суда и выпущенъ на свободу. Послѣ этого онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ разныя занятія, между прочимъ состоялъ, будто бы, переводчикомъ при Петербургскомъ Окружномъ судѣ, благодаря хорошему знанію языковъ, изученныхъ еще дома, а отчасти во время службы. Онъ, дѣйствительно, при насъ съ Кедровымъ говорилъ съ разными лицами довольно свободно по-нѣмецки, по-французски, по-польски и на еврейскомъ жаргонѣ. Въ

¹⁾ Е. Л. Кочетовъ всегда подписывался, насколько мнѣ извѣстно, „Львовъ Кочетовъ“,—его литературное имя.

Москву онъ былъ вызванъ (намъ извѣстно по слухамъ) магистрантомъ Ляпидевскимъ, пригласившимъ его для какого-то совмѣстнаго изданія не то журнала, не то книгъ, но Ляпидевскій, будто бы, въ концѣ концовъ обманулъ его и никакой работы ему не предоставилъ, и онъ, проживши скоро ранѣе сдѣланныя имъ сбереженія, уже болѣе мѣсяца жилъ, какъ мы, студенты, выражались, „закладнымъ правомъ“—спустилъ все, что имѣлъ.

Прінскіе средства къ существованію, онъ описывалъ тогда свои приключенія въ Западномъ краѣ въ сочиненіи, озаглавленномъ „Недавнее съ Недалекаго Запада“ и теперь прінскіе издателя; при этомъ онъ намъ показалъ, вынувъ изъ кармана, небольшую засаленную рукопись, довольно дурно написанную, съ помарками и ошибками. Теперь-де онъ, для исправленія своихъ ошибокъ, въ виду литературной неопытности, познакомился съ нашимъ сосѣдомъ Зубковымъ и послѣдніе дни даже у него ночевалъ, но сегодня Зубковъ будто бы вообразилъ, что онъ ухаживаетъ за его женой и, наговоривши ему дерзостей, выгналъ его, какъ мы видѣли, и поставилъ въ ужасное положеніе. Мы немедленно съ Кедровымъ объявили ему, что мы не дадимъ ему замерзнуть и поможемъ, чѣмъ возможно. На эту ночь я предложилъ ему (на что молодость только способна!) раздѣлить со мною единственную постель, очень узкую и колченогую, а на завтра мы его устроимъ-де лучше и болѣе прочно; такъ и сдѣлали: эту ночь мы проспали съ нимъ не особенно удобно, а на другой день онъ помѣстился въ квартирѣ Кедрова, въ Спиридоновскомъ переулкѣ, въ такъ называемомъ студенческомъ вагонѣ Цемпша (большой деревянный длинный срубъ, стоявшій посреди большого двора и набитый студентами, какъ русская изба тараканами). Комната была побольше моей, и хозяйка Кедрова откуда-то притащила диванъ, и на немъ водворился Кочетовъ, предвкушая свою будущую знаменитость въ газетномъ дѣлѣ!..

Прежде всего намъ съ Кедровымъ, такъ сказать, воспріемнымъ отцамъ этого злосчастнаго литератора, представлялось рѣшить вопросъ, какъ добыть ему средства къ существованію, которыхъ у насъ самихъ было мало?! Мы скоро убѣдились, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, что онъ самъ слишкомъ мало образованъ, чтобы быть путнымъ преподавателемъ, кромѣ развѣ разговорныхъ языковъ. Тутъ внезапно явился и созрѣлъ у насъ смѣлый финансовый планъ, такъ какъ по его словамъ имъ было заложено чуть ли не цѣлое большое имущество по разнымъ закладчикамъ; и вотъ достали нѣкоторую сумму денегъ и поѣхали съ господиномъ Кочетовымъ къ разнымъ евреямъ въ Зарядье отыскивать его имущество и, смотря по суммѣ залога или стоимости его, выкупать или прода-

вать; оказалось, дѣйствительно, что имъ заложено довольно обширный на нашъ студенческій взглядъ гардеробъ и даже золотыя и серебряныя вещи; что стоило того, мы выкупали, перезакладывали и продавали, этимъ путемъ была выручена довольно порядочная, по нашимъ соображеніямъ, сумма, которая и была вручена Кочетову на прожитье и расплату съ нами. Мы прожили вмѣстѣ, помнится, еще два весеннихъ мѣсяца въ домѣ Цемпша, и только ближе къ лѣту, въ концѣ нашихъ экзаменовъ, нашли какой-то подходящій урокъ для Кочетова въ Смоленскую губернію, къ помѣщику Иванову, куда онъ и уѣхалъ.

Изъ продолжительной довольно жизни его въ домѣ Цемпша, среди студенческой компаніи, для насъ выяснились, какъ я сказалъ раньше, во-первыхъ,—малая образованность г. Кочетова, тогда еще плохо владѣвшаго перомъ, и во-вторыхъ,—удивительнѣйшая феноменальная лживость: можно сказать, каждый день онъ придумывалъ какой-нибудь слухъ или извѣстіе, которое въ скоромъ времени не подтверждалось; первоначально это ему сходило съ рукъ, но вскорѣ молодежь, не терпѣвшая надъ собой издѣвательства, начала его преслѣдовать за вранье. Онъ съежился и присмирѣлъ. Никому изъ насъ рѣшительно, несмотря на всѣ сдѣланныя ему любезности, онъ не показалъ никакой благодарности и простился очень холодно, когда уѣхалъ на урокъ. Его сплетни не разъ служили поводомъ ссоръ между пріятелями.

Примѣрно черезъ годъ, мы съ Кедровымъ, или кто-то изъ насъ, встрѣтилъ на улицѣ Евгенія Кочетова, на этотъ разъ уже вполне прилично одѣтаго и гордо подносявшаго голову. На наши вопросы, что онъ дѣлаетъ и когда вернулся съ урока, Кочетовъ отвѣчалъ, что онъ покончилъ скандаломъ съ послѣднимъ хозяиномъ Ивановымъ, такъ какъ онъ невозможный человѣкъ и предъявлялъ ему неосновательныя, будто бы, требованія, что онъ теперь находится здѣсь въ Москвѣ не одинъ, а съ дѣвицей, которую привезъ изъ Смоленской губерніи и на которой собирается жениться. При этомъ просилъ къ себѣ зайти въ сравнительно очень приличные номера на Никитской. Кто-то изъ насъ зашелъ къ нему, и оказалось, дѣйствительно, онъ жилъ довольно зажиточно съ дѣвицей немолодой и некрасивой, племянницей одного изъ знаменитыхъ Севастопольскихъ адмираловъ (фамилію я забылъ), при чемъ Кочетовъ открыто хвасталъ золотыми и серебряными вещами, принадлежавшими родственнику его гражданской жены.

Мое личное знакомство этотъ разъ съ Кочетовымъ возобновилось и продолжалось не долго. Квартира его превратилась совершенно въ игорный домъ и по временамъ, не стѣсняясь, очень гру-

бо онъ помыкалъ этой несчастной дѣвушкой, которую съ собой привезъ. Я скоро прекратилъ свои посѣщенія, но извѣстія о немъ постоянно доходили до меня, сначала черезъ прислугу, потомъ разныхъ общихъ знакомыхъ. Прислуга рассказывала, напримѣръ, разные ужасы, какъ онъ обращается съ женой, при чемъ подъ конецъ онъ бросилъ или выгналъ ее и все ея наличное имущество осталось, будто бы, въ его собственности!..

Прошелъ еще годъ, я, оставленный при университетѣ, жилъ въ деревнѣ на урокъ у родителей своего товарища по университету графа Камаровскаго. Кто-то въ семьѣ прочелъ и обратилъ мое вниманіе на романтическое убійство. Дѣвица Тр. изъ хорошей семьи (сестра ея—жена извѣстнаго тогда писателя Ф. Д. Нефедова), имѣла несчастье сблизиться съ тѣмъ же самымъ г. Кочетовымъ; въ какихъ-то номерахъ или меблированныхъ комнатахъ, гдѣ она жила, или очутилась, ночью однажды послышались громкіе, сердитые голоса, раздавался выстрѣлъ, и когда явились прислуга и полиція, то оказались на-лицо: г. Кочетовъ и сильно раненая дѣвица Тр. Кочетовъ сначала показавъ, что онъ будто бы нечаянно ее ранилъ, а затѣмъ дѣвица заявила, со своей стороны, что никто не виноватъ, она сама стрѣляла въ себя, но къ сожалѣнію неудачно. Этотъ случай вызвалъ большіе толки въ Москвѣ, и всѣ утверждали довольно единогласно, что это было покушеніе на убійство, но несчастная дѣвушка приняла по любви на себя.

Съ тѣхъ поръ въ продолженіе довольно многихъ лѣтъ мнѣ не приходилось встрѣчаться съ виновникомъ всѣхъ этихъ исторій, но изрѣдка слышалъ о разныхъ романическихъ приключеніяхъ въ томъ же родѣ. Любопытно во всемъ этомъ, что этотъ русскій Донъ-Жуанъ не обладалъ вовсе красивою наружностью; небольшого роста, довольно полный, круглая голова и торчащіе рыжіе усы, такъ что напоминалъ собою фигуру кота, но рѣшительность, назойливость и нахальство обнаруживалъ всегда въ достаточной степени; очевидно, что этихъ качествъ, вѣроятно, было довольно для его побѣдъ.

Въ восьмидесятихъ годахъ Кочетовъ уже состоялъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ качествѣ извѣстнаго корреспондента, ѣздилъ во время Русско-Турецкой кампаніи на войну, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ былъ корреспондентомъ „Новаго Времени“. Приблизительно въ это же время онъ сдѣлалъ скандалъ въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“ и вызвалъ В. М. Соболевскаго и кого-то другого на дуэль. Позднѣе, уже въ девяностыхъ годахъ, къ моему великому удивленію, я узналъ изъ газетъ, что Кочетовъ поступилъ на государственную службу по министерству финансовъ и былъ назначенъ сразу на важную должность директора Русскаго Черноморско-Дунай-

скаго Пароходнаго Общества, послѣ закрытія котораго онъ скоро и умеръ. Мнѣ пришлось его видѣть послѣдній разъ въ жизни въ мѣстѣ, гдѣ я никакъ не ожидалъ, — при посѣщеніи дома Л. Н. Толстого. Я тотчасъ же узналъ его сидящаго за чайнымъ столомъ въ кругу семьи Толстого, посреди дамъ. Отъ кого-то изъ лицъ семейства Льва Николаевича я узналъ тогда же, что это было чуть ли не первое его посѣщеніе и, разумѣется, я счелъ долгомъ немедленно рассказать, какую личность представлялъ изъ себя этотъ господинъ и какъ осторожно надо относиться къ его знакомству.

Въ заключеніе расскажу одну нехорошую продѣлку, или шалость господина Кочетова, которая нанесла многимъ непріятности. Весной въ 1866 году, когда мы съ Кедровымъ открыли Кочетова и спасли его отъ замерзанія, случился извѣстный Каракозовскій выстрѣлъ въ Государя Александра II; послѣ него полиція, естественно, обнаружила усиленную дѣятельность въ многочисленныхъ обыскахъ и арестахъ у студентовъ: въ томъ числѣ былъ обыскъ въ знакомомъ намъ вагонѣ Цемшша. Спасаясь отъ будущихъ непріятностей, многіе студенты начали поэтому уничтожать или прятать свои письма или запрещенныя книги, чтобы себя не компрометтировать, на случай обыска, въ числѣ прочихъ и мы съ Кедровымъ; хотя мы и не имѣли ничего выдающагося, чтобы скрывать, но владѣли, конечно, немногими книгами, вродѣ Герцена, Фейербаха и т. д., и я, между прочимъ, имѣлъ свое гимназическое сочиненіе о французской революціи, казавшееся мнѣ весьма краснымъ. Мы начали думать, куда бы намъ скрыть всѣ эти творенія на время, какъ вдругъ наши совѣщанія прервалъ незадолго передъ тѣмъ спасенный нами Кочетовъ: „Да я вамъ, господа, отлично могу спрятать!“ „Куда вы можете спрятать?“ „Видите ли, вчера (хотя объ этомъ ничего не слышали) я случайно нашелъ свою родственницу, старушку-тетушку, живущую въ Замоскворѣчьи, на церковномъ дворѣ въ маленькомъ домикѣ“. Мы имѣли глупость съ Кедровымъ ему повѣрить, собрали все якобы запрещенное, что у насъ было, завернули въ толстую сахарную бумагу, перевязали крѣпкими бичевками и передали Кочетову. На другой день, на нашъ запросъ, онъ отвѣтилъ, что отнесъ къ тетушкѣ, и та съ удовольствіемъ согласилась беречь, сколько времени мы пожелаемъ. Затѣмъ, какъ это водится съ беззаботной молодостью, мы просто забыли всю эту исторію о нашихъ запретныхъ книгахъ.

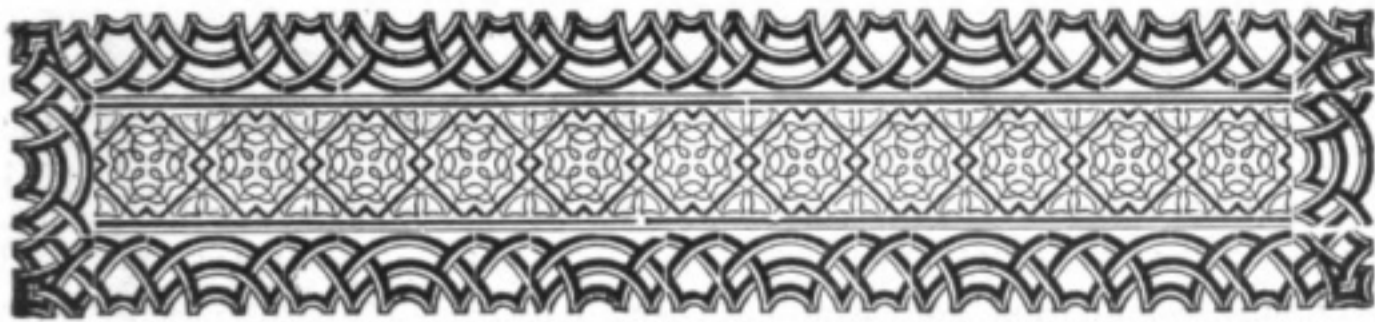
Черезъ полтора примѣрно года уже, кончивши, помнится, курсъ, лѣтомъ я, гуляя, встрѣтилъ гдѣ-то на Спиридоновкѣ добрейшую старушку Анну Ивановну, содержательницу комнатъ въ вагонѣ Цемшша, гдѣ жили раньше Кедровъ и Кочетовъ; естественно, разспросы о здоровьѣ и „какъ поживаете?“. Старушка Анна Ивановна

пользовалась большимъ расположеніемъ своихъ жильцовъ, ибо готовила вкусно и ждала долго деньги со студентовъ. Подѣлились общими воспоминаніями, какъ вдругъ она вспоминаетъ: „А знаете, прошлый годъ меня едва не уморили вы, господа студенты!“ „Что же такое съ вами случилось?“ „Представьте себѣ, изъ подъ нашего дома, собаки, которыхъ было всегда такъ много на дворѣ, вытащили къ лѣту какой-то свертокъ съ книгами и порядочно растрепали его, дворникъ отнялъ у нихъ этотъ свертокъ, увидавши книги—нѣчто цѣнное, отнесъ хозяину, хозяинъ такъ и такъ передалъ въ участокъ—запрещенное-де. Вотъ и пошла писать губернія!“ . Въ это время у генераль-губернатора засѣдала особая комиссія по дѣлу о Каракозовѣ, — производилось слѣдствіе. Бѣдную старушку Анну Ивановну начали таскать для допросовъ чуть не каждый день, кому принадлежали книги, бумаги, и кто у нея жилъ? „Ну, что же мнѣ было отвѣчать?!“ возражала бѣдная Анна Ивановна, „почемъ же я знаю, кому эти книги понадобились. Да студенты, по правдѣ сказать, книгами мало и занимались“. „А не было ли у васъ такихъ, которые занимались этими книжками и политикой?“ . Я имъ говорю: „больше господа занимались водкой, дѣвницами“. Смѣются и пристають ко мнѣ, а одинъ даже пригрозилъ. Спасибо, добрый жандармскій полковникъ подарилъ мнѣ 3 рубля и отпустилъ: „Ну, старушка, ступайте, больше къ вамъ приставать не будутъ!“ .

Таковы оказались послѣдствія и слѣды безцѣльнаго вранья Евгения Львовича Кочетова, безъ всякой личной надобности, для краснаго словца о какой-то несуществующей тетушкѣ, погубившаго наши рукописи и книги и надѣлавшаго кучу неприятностей невинной старухѣ!!!...

Иванъ Янжуль.

Розовое и черное изъ моей жизни.

(Посвящается А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой).

Марія Владиміровна Безобразова, дочь академика, Владиміра Павловича и писательницы Елизаветы Дмитріевны, род. 29 мая 1857 г. въ Петербургѣ, получила первоначальное образование въ пансіонѣ Мезе. 16 лѣтъ держала экзаменъ на домашнюю учительницу, взявъ все предметы главными, въ 1876 г. окончила педагогическіе курсы при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ по отдѣленію русскаго языка, была съ 1880—83 гг. учительницей новыхъ языковъ въ Вяземской женской гимназіи, а съ 1883—85 г. начальницей пятиклассной прогимназіи въ г. Жиздрѣ (Калужской губ.), гдѣ преподавала естествовѣдѣніе, географію и исторію. Потомъ поѣхала заниматься философіей въ Лейпцигъ, гдѣ въ 1887 г. появилась ея работа „Ueber Plotin's Glückseligkeitslehre“ (Ученіе Плотина о счастіи). Въ 1888 г., 26 января, прочла первую публичную лекцію въ Москвѣ „О значеніи Канта“ и потомъ провела 2 семестра въ Цюрихскомъ университетѣ. Въ 1891 г. получила степень доктора философіи Бернскаго университета, при чемъ диссертация „Handschriftliche Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland“ была плодомъ изысканій въ рукописныхъ отдѣленіяхъ Румянцевскаго Музея, Публичной бібліотеки, Чудова монастыря, духовныхъ академій Петербургской, Московской и Кіевской Мысль о существованіи философіи въ Россіи въ древнія времена всецѣло принадлежитъ М. В., и никому не приходило раньше въ голову изслѣдовать съ такой цѣлью рукописи. Въ 1897 г. сочиненіе подъ заглавіемъ „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи“, представленное въ Академію Наукъ на премію митрополита Макарія, получило почетный отзывъ. Нѣсколько главъ были напечатаны въ „Извѣстіяхъ Академіи“, „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и „Богословскомъ Вѣстникѣ“. М. В. прочла два курса по исторіи философіи всеобщей и русскаго въ Москвѣ и 8 лекцій по введенію въ философію въ Петербургѣ. Читала кромѣ того публичныя лекціи въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Тамбовѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ, Вязмѣ, Рославлѣ, Твери, Либавѣ и— въ Русскомъ кружкѣ въ Вѣнѣ,—всего до 70 разъ.

Какъ дѣятельный членъ Русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго Общества, М. В. основала 2 кружка—домашнихъ чтеній и этическій въ 1899 г., вступившій теперь подъ ея руководствомъ въ 11 годъ своего существованія. По ея мысли основано Философское Общество при С.-Петербургскомъ университетѣ, Вяземская общественная библіотека и народное училище Дмитровскаго у. Московской губ.

М. В. принимала живое участіе въ „Женскомъ Дѣлѣ“ А. К. Пѣшковой-Толнѣвской, въ ея же „На помощь матерямъ“, а теперь участвуетъ въ „Воспитаніи и Обученіи“ Н. А. Альмедингенъ. Отдѣльными изданіями появились: „Философскіе этюды“, „Краткій обзоръ исторіи философіи“, „Публичныя лекціи“, „Мысли и афоризмы“, „О Русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ Обществѣ“¹⁾.

Ред.

¹⁾ Венгеровъ. Краткій біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ вып. 28, Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона, т. III, Малый энциклопедическій словарь, т. I, стр. 412.

уществуютъ странные люди, къ которымъ я несомнѣнно принадлежу, и потому и рассказывать о себѣ я не могу такъ, какъ это дѣлаютъ другіе; къ тому же не знаю, стоитъ ли это дѣлать, можетъ ли быть интересно то, что я могу сказать?

Потомъ, когда я хочу что-нибудь рассказать, то наталкиваюсь на одну большую трудность—я не умѣю рассказывать или не владѣю той формой, въ которой ведется обыкновенно повѣствованіе.

Тотъ языкъ, который я себѣ выработала, по возможности кратко передаетъ содержаніе моихъ мыслей—онъ прежде всего точенъ и сжатъ, а съ такимъ языкомъ нельзя приступать къ повѣствованію. Или пропустишь то, что съ моей точки зрѣнія не заслуживаетъ вниманія, или же впадешь въ другую крайность—начнешь размазывать.

И потому я заранѣе прошу о снисхожденіи всѣхъ тѣхъ, которые будутъ читать эти строки—я не родилась повѣствовательницей.

Можетъ быть, удивить еще больше, когда я скажу, что не родилась женщиной. Не воскресъ ли во мнѣ потомокъ какой-нибудь современницы матриархата, или въ меня не вошло чего-то, что въ теченіе вѣковъ обуславливало собой тотъ типъ женщины, которую мы всѣ знаемъ—итогъ ея порабощенія. Моей натурѣ чужды всѣ чисто женскіе элементы женщины, чуждо ея порабощеніе.

Съ самаго ранняго дѣтства я чувствовала, что не родилась дѣвочкой.

— Не ошиблась ли Луиза Христіановна, меня принимавшая, былъ вопросъ, который я не разъ задавала.

Но нѣтъ, она не ошиблась.

Я родилась не только дѣвочкой, но даже красивой дѣвочкой, и всѣ тѣ знаки вниманія, которые мнѣ оказывали, должны были разубѣдить меня въ возможности фізіологической игры природы.

Драма была на духовной почвѣ. Всѣ мои психическіе задатки и способности не вязались съ тѣмъ, что обыкновенно природа даетъ женщинѣ, всѣ мои вкусы шли въ разрѣзъ съ издавна сложившимся строемъ жизни этой пресловутой дѣвочки.

Я не только никогда не играла въ куклы, но возненавидѣла поводъ, по которому ихъ дарятъ—елку. На елку пріѣзжали тѣ старшіе родные, для которыхъ мои молодые родители не были законодателями и не могли имъ сказать: „не дарите“. Эти старшіе заваливали меня, какъ первенца, аршинными куклами, ихъ кроватками,

шкапиками и другой дребеденью, а я была несчастна не потому только, что все это было мнѣ не нужно, а по совсѣмъ другой причинѣ. Мнѣ надо было показать благодарность, даже радость. Какъ неглупая дѣвочка, я знала, что это было необходимо, а между тѣмъ для меня всего тяжелѣе была ложь. Потому-то я искренно радовалась, когда проходилъ этотъ несносный вечеръ, уѣзжали старшіе, провожаемые всѣми знаками почтенія, и я могла забросить пли, лучше сказать, забыть аршинныхъ куколъ, пищавшихъ „мама“. Для меня не было бѣльшаго праздника, чѣмъ когда мы съ братьями принимались опустошать елку, и я могла поиграть въ ихъ игрушки. Я совсѣмъ не была выше игрушекъ. До сихъ поръ помню одинъ подарокъ отца—онъ подарилъ мнѣ его задолго до елки такъ же, какъ и я, сгорая отъ нетерпѣнія. Какъ сейчасъ, вижу эти бѣлыя сани, такія большія, что въ нихъ могли усѣсться оба брата, съ облучкомъ для меня—сани, запряженные парой вороныхъ въ серебряной сбруѣ. Сбруя снималась и надѣвалась, и моему блаженству не было конца. Милый папа зналъ, что подарить.

Отецъ кончилъ курсъ съ серебряной медалью въ Александровскомъ лицѣѣ и 23 лѣтъ женился на своей троюродной сестрѣ Масловой. Матери было только 18 лѣтъ. Она воспитывалась за границей и знала по-французски лучше, чѣмъ по-русски. Сестры ея даже едва говорили на своемъ родномъ языкѣ, а вышли обѣ за провинціаловъ. Двѣ сестры отца всю жизнь провели въ провинціи и оказались замужемъ за итальянцами—одна даже за ревнивымъ сициліанцемъ, доведшимъ ее до чахотки,—другая за извѣстнымъ санскритистомъ Дегубернатисомъ. Отецъ очень быстро шелъ по службѣ, чуть не 25 лѣтъ былъ начальникомъ отдѣленія, а 32 л. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. И отецъ, и мать оба писали.

Лѣтомъ разыгрывалась фантазія матери. Съ нетерпѣніемъ ждала я своихъ именинъ, зная, что она готовитъ мнѣ сюрпризъ. Но то, что она дарила, всегда превосходило мой ожиданія. За деревяннымъ топоромъ слѣдовала маленькая соха съ желѣзными лемехами.—соха, въ которую я впрягала братьевъ, и наконецъ явилась коса въ сообществѣ бруска въ брусочницѣ и молотка съ бабкой.

Когда этой настоящей маленькой косой я выкашивала нашъ, такъ называемый, чистый дворъ, ремешокъ брусочницы опоясывалъ красную кумачную рубашку съ косымъ воротомъ, а внизу торчали высокія голенища сапоговъ. Лѣтомъ мать уступала моей слабости и позволяла мнѣ ходить въ рубашкѣ. Но за то зимой мнѣ оставалось только завидовать. У этихъ счастливыхъ мальчиковъ были такіе красивые синіе кафтаны съ золотыми пуговками, отороченные сѣрымъ барашкомъ, и къ довершенію моей зависти еще красные чушаки и шапки, а я... ходила въ салопѣ и капорѣ.

Мои прогулки въ городѣ были отравлены этими атрибутами „дѣвочки“. Мнѣ было неловко въ нихъ, и они казались мнѣ некрасивыми.

Въ рубашкѣ было такъ удобно вскочить въ телѣгу, править, лазить на каждое дерево.

Я ѣздила, правда, въ платьѣ на козлахъ нашего большого крытаго тарантаса, потому что уговорить меня сѣсть въ клѣтку было трудно, и править я любила больше всего на свѣтѣ, пока не стала ѣздить верхомъ, и тогда править показалось мнѣ уже скучнымъ.

Кучеръ былъ нерѣдко пьянъ, какъ это подобаетъ деревенскому кучеру, и я совсѣмъ одна справлялась съ тройкой. Я изучила всѣ нехитрые приемы этого управленія, и лошади меня слушались: возжей я не дергала,—для этого я слишкомъ любила лошадей. Любила и собакъ и помню, какъ 4-хъ лѣтъ ничѣмъ не сумѣла угостить собаку, кромѣ освященной просфоры, и до чего всѣ перепугались.

Уже если я завидовала братьямъ, то еще больше кучеру, у котораго все было настоящее. Его шляпа съ павлиньими перьями и наборный поясъ были лучше того, что носили мальчики.

Но хотя у меня не было ни шляпы съ павлиньими перьями, ни кушака, за то уже въ 13 лѣтъ у меня была собственная лошадь. Не зная, что мнѣ покупать, отецъ давно дарилъ мнѣ деньги, и на нихъ-то я купила лошадку.

Хотя „Каренькую“ не только кормила на свой счетъ бабушка (въ ея имѣніи мы жили всегда лѣтомъ), но моя лошадка и пахала, и возила навозъ и сѣно, все же я каталась на ней раза 2 въ недѣлю, а остальное время заботилась о томъ, чтобъ ее не мучили. Впрочемъ, бабушка и сама любила лошадей, и имъ жилось у нея хорошо.

Мое мальчишество не нравилось старушкѣ. Она пыталась иногда читать мнѣ наставленія, хотя и дѣлала это въ очень мягкой формѣ.

„Зачѣмъ мама тебѣ это позволяетъ? Развѣ дѣвочкѣ можно“?

И я вспыхивала, хотя бабушка была такая добрая и слабая, что на нее нельзя было сердиться. Къ тому же она и сама меня опасалась: то же, какъ я проводила время, подкупало ее въ мою пользу.

А именно лѣтомъ я вся отдавалась своему садику.

Бабушка отвела мнѣ лужокъ за домомъ, и на этомъ лужкѣ я устроила себѣ садъ-огородъ. Были у меня тамъ и цвѣты, и овощи, и ягодные кусты, цвѣла и поспѣвала клубника. Очень занимала меня компостная куча, которую я постоянно перелопачивала, но не помню, чтобъ мои урожаи отличались обиліемъ. Напротивъ, у бабушки хотя и не было компоста, все родилось несравненно лучше. Мой уголокъ былъ слишкомъ тѣнистъ и не удобренъ издавна, какъ

бабушкинъ огородъ. Тѣмъ не менѣе я гордилась своимъ садикомъ и его не бросала—чуть ли не до 18 лѣтняго возраста. Тутъ стало уже не до него, и какъ жаль, что стало такъ.

Мое дѣтство въ деревнѣ неразрывно связано съ сосѣдями по имѣнію, именно, двумя дѣвочками однихъ со мной лѣтъ. Мы проводили два дня въ недѣлю вмѣстѣ и проводили ихъ неизмѣнно... въ банѣ. Баня изображала избу, а мы мужиковъ. Мужики производили всѣ сезонныя работы. Роли были распределены разъ навсегда: самая энергичная изъ насъ была хозяйномъ, ея сестра—хозяйкой, а я—работникомъ. И мы совсѣмъ уходили въ свою крестьянскую жизнь.

Теперь, когда я вспоминаю эту игру, мнѣ всегда кажется, что мы предугадали въ ней свою судьбу. Хозяинъ дѣйствительно сталъ хозяйномъ, управляетъ образцово имѣніемъ, тѣмъ самымъ, гдѣ мы играли въ банѣ, хозяйка также хорошо ведетъ свое городское хозяйство, а я... такъ и осталась работникомъ, чѣмъ была въ банѣ.

Хорошо жилось въ деревнѣ и, когда наступала осень, не хотѣлось въ городъ. Не то, чтобъ я не любила учиться, но весь складъ городской жизни, заключенной въ стѣнахъ, и атрибуты дѣвочки были мнѣ противны.

Всего менѣе пришла я ко двору въ пансіонѣ, куда ходила съ 10 лѣтъ.

Это былъ очень приличный нѣмецкій пансіонъ, гдѣ воспитывалось 3-е поколѣніе дѣвочекъ тихихъ и выдержанныхъ, готовившихся стать со временемъ добрыми Hausfrauen и Mütter' а до тѣхъ поръ усердно зубрившихъ то, что полагалось зубрить. И среди нихъ вдругъ очутилась я—этотъ русскій сорванецъ, добрый товарищъ моихъ братьевъ, для которыхъ я оказывалась очень часто слишкомъ бойка, когда ихъ муштровала и находила, что они не умѣютъ войти во вкусы лошадей и плохіе кучера.

Что было мнѣ дѣлать въ пансіонѣ! Моей удали не было никакого исхода, и во все время существованія этого пансіона, съ тѣхъ поръ, какъ велась толстая черная книга, именуемая „журналъ“, ни у кого еще никогда не было такихъ балловъ за поведеніе. Я оставалась одна и сама по себѣ въ этомъ отношеніи. Меня такъ много и часто бранили, что я давно перестала слушать и интересоваться тѣмъ, что мнѣ собственно говорили. Помню, что мнѣ пророчили адъ, но я не боялась и ада. Когда я была въ младшихъ классахъ, моя классная дама—нѣмка даже выдумывала для меня особенныя наказанія, никогда въ пансіонѣ не существовавшія и вѣрно послѣ меня канувшія въ вѣчность. Она отправляла меня завтракать въ отдѣльную комнату, а я этимъ гордилась.

Ни баллы, ни наказанія не производили на меня ни малѣйшаго

впечатлѣнія: я такъ же мало обращала на нихъ вниманія, какъ на слова, и продолжала жить по-своему. Предосудительнымъ я считала говорить по-французски и по-нѣмецки (я недурно уже говорила дома), а напротивъ стремилась обучить лучшему выговору своихъ товарокъ - нѣмокъ, которыя немилосердно коверкали русскій языкъ. И совершалось то великое чудо, что нѣмочки, не боясь даже замѣчаній, отвѣчали мнѣ по-русски, и я отъ души могла радоваться ихъ успѣхамъ, за которые мнѣ столько доставалось. У нѣмочекъ же я ничему не научилась.

Въ классѣ я или читала русскую книгу, или писала сочиненіе; слушать, какъ по 10-ти разъ отвѣчаютъ то же самое, казалось мнѣ нестерпимо скучнымъ. И все это дѣлалось на глазахъ учителей, такъ какъ я никогда не скрывала того, чѣмъ занималась. Меня оставляли въ покоѣ, потому что сдѣлать со мной все равно ничего не могли.

Учителю французскаго языка, возлѣ котораго я имѣла удовольствіе сидѣть (я была у него второй ученицей, а мы помѣщались за длиннымъ столомъ по рангамъ и сидѣли на стульяхъ), я даже сама читала наставленія, когда мнѣ казалось, что онъ недостаточно внимательно слушаетъ то, что ему отвѣчаютъ. Онъ мнѣ надоѣдалъ тѣмъ, что на меня смотрѣлъ и на мой вопросъ. „Que me regardez vous“ всегда увѣрялъ: „J'étudie votre caractère“.

Уроковъ дома я никогда не учила, а только въ классѣ. Дома я читала и со страстью играла на роялѣ, потому что мнѣ нравилась моя учительница музыки (ученица Антона Рубинштейна), и хотѣлось доставить ей удовольствіе. Таланта же къ музыкѣ у меня не было, какъ вообще не было никакихъ талантовъ.

Моя жизнь въ пансіонѣ протекала довольно спокойно—я умѣла избавить себя отъ всѣхъ скучныхъ обязанностей, которыя на мнѣ лежали, и училась исподволь. Я не знала, что такое переутомленіе, и не понимала самолюбія хотѣть быть первой ученицей. Съ удивленіемъ пожимала я плечами, когда меня бранили за то, что я недостаточно хорошо учусь. Вѣдь въ числѣ же лучшихъ я, думалось мнѣ, когда я постигала наконецъ, за что мнѣ досталось на этотъ разъ.

„А баллы, какое мнѣ дѣло до ихъ балловъ“, недоумѣвала я, сидя за Гоголемъ или Тургеневымъ и уносясь въ иной міръ. Все равно умремъ, все суета суеть и, когда человѣкъ живетъ на землѣ такъ недолго, стоитъ ли заботиться о балахъ! Въ моихъ глазахъ это было верхомъ суеты, и отъ этой суеты я была избавлена или избавила себя сама.

Мысль о смерти не давала мнѣ покоя. Совсѣмъ еще маленькой

дѣвочкой я видѣла страшные сны: себя въ гробу и пробужденіе потомъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ моихъ сновъ, который развивался во всѣхъ подробностяхъ и, какъ это бываетъ со снами, часто повторяющимися, у него была своя обстановка, и я относилась къ этому сну, какъ къ чему-то своему и родному.

Когда я стала старше, мысль о смерти являлась мнѣ и наяву и принимала образъ нирваны. Въ любое время дня или ночи я могла представить себѣ, что болѣе не существую, и уничтожались для меня время и пространство. Ничего болѣе ужаснаго не могу вообразить до сихъ поръ. Когда нѣтъ времени и пространства, то нѣтъ ничего, и состояніе безпредѣльной пустоты, чего-то худшаго, чѣмъ пустота, потому что пустота все еще наше человѣческое понятіе, внезапно меня охватывало. Я выходила изъ этого сомнѣнія, произнося обыкновенно одно слово „мама“, и направлялась къ матери ближайшимъ путемъ.

Разъ я перелѣзла черезъ комодъ, потому что путь по полу показался мнѣ длиннымъ. Только когда я видѣла близкаго человѣка, состояніе это проходило. Въ немъ я изучила понятія пространства и времени и убѣдилась, что безъ нихъ человѣкъ не можетъ жить. Все обращается въ ничто, когда нѣтъ времени и пространства, было мнѣ ясно задолго до того, какъ я читала Канта.

Рано начала я читать все то, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ философіи. Никто мнѣ этого не говорилъ, но я чутѣмъ знала, что тѣ вопросы, которые меня мучаютъ, создали философію, и философы тѣ люди, которые одни могутъ меня утѣшить и успокоить. У нихъ искала я разрѣшенія вѣчныхъ вопросовъ о происхожденіи міра и его будущемъ,—разрѣшеніе и разгадку того, что составляло мою внутреннюю жизнь. Объ этомъ я не говорила даже съ матерью, хотя была съ ней дружна и рассказывала ей много такого, чего обыкновенно не говорятъ матерямъ.

Я еще не была въ пансіонѣ, когда мнѣ попалась въ дѣтскомъ журналѣ психологія, которую я списала и хранила, какъ святыню. Изъ этого же источника почерпнула я, вѣрно, правила жизни Франклина—другое мое сокровище, занесенное въ тетрадку. Когда давали урокъ исторіи, я шла въ кабинетъ отца и въ его просторномъ нѣмецкомъ Веберѣ читала о томъ періодѣ, который у насъ проходилъ, но читала только то, что дѣлали въ это время философы. Я не всегда учила урокъ—какое мнѣ было дѣло до войнъ и суеты королей, но я всегда читала въ Веберѣ о томъ, что составляло для меня содержаніе жизни.

Мать рано начала удовлетворять моей страсти къ чтенію. Въ то же время начались и мои первые литературные опыты, которые

были такъ же неудачны, какъ и многіе послѣдующіе. Помню, какъ я сидѣла надъ первымъ дѣтскимъ чтеніемъ — сказками и всѣми своими силами пыталась выкинуть изъ нихъ волшебный элементъ. Иногда мнѣ казалось, что я нашла рѣшеніе, и я долго радовалась, но, потомъ обыкновенно разочаровывалась. Волшебный элементъ былъ такъ крѣпко вплетенъ въ сказку, что когда я замѣняла его естественнымъ, то ничего не оставалось. Я чувствовала, что ничего не выходитъ и моя работа пропала.

Когда сказки замѣнились нравоучительными повѣстями въ родѣ „Квичи“ и *Le Vaste monde*“, я до того сжилась съ ихъ героинями, что начала проводить въ жизни то, что дѣлали эти дѣвочки. Въ этихъ повѣстяхъ особенно часто шла рѣчь о суетѣ мірской—истинный міръ, міръ религіи не имѣлъ ничего общаго съ нашей жизнью. Иногда я помышляла даже о томъ, чтобы обратиться къ своимъ близкимъ съ вопросомъ о томъ, почему они такъ мало думаютъ о будущей жизни и не дѣлаютъ того, исполнять что мнѣ казалось просто. Иногда я представляла себѣ, что придетъ тотъ день, когда я это скажу всѣмъ людямъ—они поймутъ меня, увѣруютъ и перестанутъ грѣшить.

Но какъ ни казалось просто то, что надо дѣлать, насталь тотъ день, когда я и сама разочаровалась въ томъ, чему прежде такъ горячо вѣрила.

Произошло это въ Италіи, гдѣ мы проводили осень. Былъ ли то переходный возрастъ—14 лѣтъ, вліяніе католицизма съ его процессіями и мадоннами въ платьяхъ или разговоры дяди-атеиста, которые доносились до меня урывками изъ другой комнаты—вѣрно все вмѣстѣ взятое заставило меня рѣшить, что религія лишь измышленіе, иллюзія и фантазія человѣка.

Вернувшись въ пансіонъ, я стала мучить несчастныхъ нѣмочекъ и ежеминутно ихъ спрашивала:

— Вѣришь ли ты?

Когда мнѣ говорили, что „да“, я скорѣе отвязывалась, чѣмъ когда слышала „не знаю“. Все мое негодованіе изливалось на произносившую такія глупыя, по моему мнѣнію, слова.

— Какъ можешь ты говорить „не знаю“, когда это самое важное въ жизни,—громила я несчастную дѣвочку и объясняла ей всю важность вопроса.

Не помню, чтобъ я когда-нибудь говорила, что сама не вѣрю, а тѣмъ болѣе, чтобъ развивала свои мотивы. Отъ меня этого никто не требовалъ, и я считала нужнымъ молчать.

Только разъ помню, что возбудила споръ въ классѣ, который долго насъ занималъ.

Рѣчь шла о томъ, какъ мыслить человѣкъ — словами или не-словами. Началось съ того, что я по своему обыкновенію приста-вала къ одной изъ нѣмочекъ и на этотъ разъ дразнила ее тѣмъ, что она думаетъ по-нѣмецки. Дѣвочка эта говорила по-русски лучше всѣхъ, была даже православная, а все же я увѣряла, что она нѣмка, и въ доказательство и привела этотъ свой аргументъ.

Она отвѣтила мнѣ такъ, какъ я вовсе не ожидала.

— Совсѣмъ не думаю словами.

— Какъ не думаешь!—накинулась я на нее.—Нельзя думать безъ словъ! Каждый человѣкъ думаетъ словами!

— А вотъ,—объясняла она мнѣ,—придетъ къ намъ въ классъ Флѣри, неужели ты себѣ это говоришь, а я такъ представляю себѣ его вицмундиръ, лысину....

Меня осѣнило, что я была неправа. Да, конечно, и я, когда думаю, что Флѣри придетъ въ классъ, представляю себѣ его, а не говорю слова. Но какъ же это однако? Есть такія вещи, о которыхъ безъ словъ совсѣмъ нельзя думать, и я вспоминала свои излюб-ленные „добродѣтель, вѣра, грѣхъ“. Да, нельзя—кто же правъ—Лейшке или я?

И кто бы ни входилъ къ намъ въ классъ—былъ ли то учитель ариѳметики, географіи или рисованія, которая-нибудь изъ нѣмокъ непремѣнно докладывала, что его просятъ отвѣтить на одинъ во-просъ: „Какъ думаетъ человѣкъ?“

И учителя путали и путали. Изъ ихъ объясненій я ничего не вынесла и такъ и осталась съ убѣжденіемъ, что это трудный во-просъ, пока не узнала, что мы спорили о понятіяхъ и представле-ніяхъ и никакъ не могли прійти къ соглашенію, что нужны и тѣ, и другія.

Хотя этотъ споръ имѣлъ мало отношенія къ воззрѣніямъ Лейб-ница и Локка на прирожденные и приобрѣтенныя идеи, тѣмъ не менѣе ихъ разногласіе было мнѣ всегда особенно понятно и близко, чѣмъ-то совсѣмъ своимъ благодаря нашему спору.

У меня была еще мысль, которой обыкновенно не бываетъ у дѣтей: мнѣ совсѣмъ не хотѣлось вырасти, даже больше того — я страшно боялась того времени, когда буду большая, не стану больше ходить въ пансіонъ, и мнѣ придется жить.

„Хотя бы теперешнее время никогда не прошло“, было един-ственное, о чемъ я мечтала, шествуя въ пансіонъ, играя на роялѣ и въ карты съ француженкой, гувернанткой младшихъ.

Мнѣ было хорошо, и я представляла себѣ, что дальше будетъ хуже.

Можетъ быть, иногда потомъ мнѣ было лучше, чѣмъ я себѣ это представляла, боясь вырасти—я слишкомъ уже боялась.

Итакъ, я росла не такой дѣвочкой, какъ многія, и имѣла право спрашивать Луизу Христіановну—не ошиблась ли она.

Но я не любила и даже обижалась, когда одна русская товарка (моя любимая) называла меня чудачкой.

Несмотря на свою бойкость, я была застѣнчива, и мнѣ хотѣлось быть, какъ всѣ.

Когда въ пансіонѣ меня цѣловали чужія дамы, я сгорала отъ стыда и готова была провалиться сквозь землю только, чтобъ не сдѣлать реверанса.

Дѣтскіе балы смущали меня необходимостью войти въ залу, хотя я охотно на нихъ ѣздила.

Застѣнчивость уживалась во мнѣ съ бойкостью и мальчишествомъ съ мыслью о смерти.

Много неразгаданнаго въ человѣческой душѣ, и крайности не всегда одна другую исключаютъ.

Мнѣ не было еще 16-ти лѣтъ, когда, просидѣвъ 2 года въ старшемъ классѣ, чтобъ не кончить 14-ти, я вышла изъ пансіона и вступила въ жизнь, которой такъ боялась.

II.

Во время послѣдняго года, который я проводила въ пансіонѣ, рѣчь все чаще и чаще заходила объ экзаменѣ на домашнюю учительницу.

Въ самомъ пансіонѣ экзаменовъ не существовало.

Въ каждомъ классѣ было такъ мало ученицъ (не болѣе 15-ти), что всѣхъ знали и переводили по годовымъ балламъ. Иногда оставляли, когда ученъе не давалось; случалось, что оставляли и за способность, т. е. слишкомъ юный возрастъ.

Естественно, что вопросъ объ экзаменѣ всѣхъ пугалъ. Держали его далеко не всѣ, спрашивали же другъ друга рѣшительно всѣ.

— Будешь держать экзаменъ?

Когда съ этимъ вопросомъ обращались ко мнѣ, то я неизмѣнно отвѣчала.

— Книги никогда не возьму въ руки.

И я говорила чистосердечно. Мнѣ еще совсѣмъ не приходило въ голову, что я буду дѣлать, когда кончу въ пансіонѣ. Менѣе всего было мнѣ ясно то, что я когда-нибудь заинтересуюсь учебниками. Слишкомъ мало удѣляла я имъ до сихъ поръ вниманія. Но потому-то именно учебники мнѣ еще совсѣмъ не надобли, и моя работа была впереди.

Случилось очень скоро то, о чемъ я совсѣмъ не помышляла.

Въ 16 лѣтъ я была еще слишкомъ молода, чтобъ выѣзжать: надо было подождать годъ. Братья не были болѣе моими товарищами: старшій учился въ лицѣ, второй въ гимназіи, и они продолжали быть мальчиками въ то время, какъ я стала взрослой.

Что оставалось мнѣ дѣлать?

Я купила себѣ программы экзаменовъ и русскіе учебники (въ пансіонѣ всѣ предметы, въ томъ числѣ и ариѳметика, проходились по-нѣмецки). День былъ у меня правильно распредѣленъ, и каждому предмету отведено свое время. Сколько меня ни отговаривали, я брала всѣ предметы главными и приводила аргументомъ то, что главный предметъ можно обратить въ дополнительный, не выдержавъ экзамена, но почему не попробовать, и кому это мѣшаетъ?

Я относилась теперь къ экзаменамъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ бывало въ пансіонѣ къ балламъ, и совсѣмъ не волновалась. Любимымъ моимъ предметомъ сдѣлалась ариѳметика, которой я совсѣмъ не знала въ пансіонѣ. Мнѣ попался очень хорошій учебникъ Назарова, и я до того увлекалась рѣшеніемъ задачъ, что забывала даже о распредѣленіи своего дня. Память у меня всегда была хорошая и, когда я разъ пришла къ матери съ толстой книгой хронологіи, то оказалось, что я знаю въ этой книгѣ всѣ событія до одного.

И вотъ мы сѣли въ карету и ѣхали въ шестую гимназію. Я ощущала только радость. Меня не охладилъ даже первый экзаменъ—французскій, несмотря на то, что учитель все время ко мнѣ придирался и поставилъ 4. Тотъ же баллъ получила я изъ нѣмецкаго, всѣ же остальные экзамены выдержала на 5. Это случилось рѣдко. Во время послѣдняго экзамена ко мнѣ подошелъ окружный инспекторъ и меня поздравилъ.

Этотъ первый успѣхъ произвелъ на меня впечатлѣніе. Я увѣровала въ свои способности и рѣшила..... поступить въ Цюрихскій университетъ. Одна знакомая барышня дала мнѣ университетскую программу, и я ее хранила какъ самое дорогое, что у меня теперь было. Въ этомъ только заключалась вся моя связь съ университетомъ. Долго, очень долго у меня не было другого отношенія къ Цюриху, какъ эта программа.

Но когда я попробовала разъ объявить о своемъ рѣшеніи матери, то она только разсмѣялась.

То была мать, сочувствовавшая моему желанію учиться, но былъ еще отецъ, ему вовсе не сочувствовавшій.

Ученныя женщины были кошмаромъ отца: онъ ихъ преслѣдовалъ внѣ дома и могъ ли примириться съ ними у себя?

Отецъ только потому отдалъ меня въ нѣмецкій пансіонъ, что тамъ учили меньше, чѣмъ въ гимназіяхъ, а, по его словамъ, не учили естественной исторіи. По его мнѣнію, женщинамъ совсѣмъ не надо было учиться, но такъ какъ не учиться въ XIX в. было нельзя, то онъ и нашелъ палліативъ въ образѣ нѣмецкаго пансіона.

Странно, конечно, что, при такомъ отношеніи къ женскому образованію вообще и къ моему въ частности, отецъ сдѣлалъ изъ меня своего секретаря, не помню, съ какихъ лѣтъ, но кажется, когда я еще была въ пансіонѣ. Я разсылала повѣстки и циркуляры, а позже читала корректуру его изданій. Другой его секретарь, магистрантъ Петербургскаго университета, никогда не оспаривалъ у меня первенства.

Но хотя я собиралась въ Цюрихъ, тѣмъ не менѣе не уяснила себѣ вопроса, чему хочу учиться и чѣмъ стать? Если въ дѣтствѣ меня всего больше интересовала философія, то въ юности привлекало естествовѣдѣніе. Я по-прежнему любила деревню, и мнѣ хотѣлось дѣятельности, гдѣ для женщины будетъ такой же просторъ, какъ и для мужчины. А въ сельскомъ хозяйствѣ они равны, и я всего чаще мечтала о томъ, чтобъ стать агрономомъ.

Далека была отъ меня мысль, что я могу стать кабинетнымъ ученымъ. Въ нашемъ домѣ мнѣ давно надобѣли ученые, и та атмосфера, которой я была окружена, казалась мнѣ скучной. Тѣ подробности, о которыхъ мнѣ приходилось постоянно слышать, представлялись мнѣ ненужными. Сути государственныхъ наукъ я не могла уразумѣть, и онѣ оставались мнѣ чуждыми.

Когда мать давала мнѣ читать экономистовъ, то я только удивлялась тому, что такія книги ей нравятся. Отецъ имѣлъ привычку читать мнѣ свои статьи, и я всегда радовалась, когда онъ кончалъ. Мнѣ было жаль сказать ему, что скучно.

Мать до тонкости изучила спеціальность отца—политическую экономію. Она не только читала Адама Смита (онъ-то и былъ мнѣ особенно противенъ), Ропера, Молиари, Лоренца Штейна, но переводила и академическіе мемуары отца на французскій языкъ. Мать писала по-французски лучше, чѣмъ по-русски.

Ея писательская дѣятельность началась съ фельетоновъ въ „Journal de St.-Petersbourg“. То были критическіе очерки русской литературы, блиставшіе остроуміемъ и возбуждавшіе постоянныя нападки „Гражданина“ благодаря своему либерализму. Еще замѣчательнѣе были ея корреспонденціи въ „Journal des Débats“. Онѣ обращали на себя всеобщее вниманіе, и авторомъ ихъ считали одно время Анат. Леруа-Больё. Она писала ихъ въ теченіе 10-ти лѣтъ и вела одно время этотъ отдѣлъ въ „Revue Suisse“ и въ „Contemporary

Review“ (по-английски). Въ „Rivista Europea“ (издавалъ ее Дегубернатисъ) были помѣщены ея статьи о Тургеневѣ и въ „Nouvelle Revue“ о женскихъ типахъ въ русской литературѣ. Можетъ быть, лучшее, что написала мать,—статья въ „Journal des Economistes“ о женскомъ вопросѣ. Она доказываетъ, что ошибаются тѣ экономисты, которые считаютъ освобожденіе женщинъ социалистической теоріей, и что въ политической экономіи не существуетъ аргумента противъ свободы женщины.

Отецъ же, одинаково изучавшій политическую экономію и преподавшій ее въ Александровскомъ лицей и Великимъ Князьямъ, былъ яркимъ противникомъ этой свободы и недалеко ушелъ въ этихъ своихъ воззрѣніяхъ отъ кн. Мещерскаго.

И мать 10 лѣтъ скрывала отъ отца, что она писательница. Ея псевдонимъ „Татьяна Свѣтова“ оставался глубокой тайной (я была въ числѣ 3, 4 посвященныхъ).

Когда эта тайна раскрылась—мать написала дѣтскіе рассказы и подписалась Е. Васильевская и показала ихъ отцу, случилось, что онъ первый началъ расхваливать эти рассказы и написалъ о нихъ рецензію. Особенностью отца было необыкновенно мягкое сердце, сердце не мужское, но горячъ онъ былъ, конечно, страшно, какъ всѣ добрые люди.

Стоицизмъ матери произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Онъ при своей экспансивности не могъ себѣ представить, какъ можно скрывать что-нибудь нѣсколько часовъ, а не только десять лѣтъ.

Я мечтала тѣмъ временемъ о чемъ-то большомъ и захватывающемъ. Миѣ хотѣлось дѣйствовать и творить большое и великое. Великое не умѣщалось у меня въ рамкахъ писанья. Писать было чѣмъ-то черезъ-чуръ обыденнымъ и прозаическимъ въ нашемъ домѣ, гдѣ всѣ писали, начиная съ отца и кончая 10 лѣтней сестрой и 9-лѣтнимъ братомъ, сочинявшими повѣсти.

А я, напротивъ, никогда не писала и не слыла въ семьѣ писательницей—слишкомъ много уже всѣ это дѣлали.

Твердо рѣшено было у меня лишь одно—попасть въ Цюрихъ, а для этого надо было пройти, по моему миѣнію, курсъ мужской гимназіи. И вотъ я взяла программу—вычеркнула то, что знала, и занялась тѣмъ, чего не знала—математикой и древними языками. Алгебра миѣ понравилась—я опять увлеклась рѣшеніемъ задачъ, но геометріи не понимала и никогда не была въ состояніи рѣшить ни одной задачи. Когда же дошла до тригонометріи, то стала совсѣмъ втупикъ. Миѣ казалось, что геометрія построена на какомъ-то чудовищномъ недоразумѣніи—въ чемъ оно, я не могла разяснить, но для меня это была фиктивная наука.

Древніе языки пошли у меня недурно, только греческій смутилъ на первыхъ порахъ своей азбукой. Второй братъ, всегда первый ученикъ своего класса, мнѣ помогъ, время отъ времени просматривалъ мои переводы и неизмѣнно ставилъ тройки. Больше я не заслуживала, хотя все же подвигалась не совсѣмъ медленно и въ 2 года прочла тѣхъ авторовъ, которые полагается читать въ гимназій. Аттестата зрѣлости мнѣ, конечно, никто не выдалъ, да я о немъ и не помышляла.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ я мало читала за исключеніемъ спеціальныхъ сочиненій по химіи и ботаникѣ, такъ какъ слушала лекціи Менделѣева и Бекетова на Владимірскихъ курсахъ. Меня возила на эти лекціи мать къ великому ужасу отца, который, съ своей стороны, усердно пропагандировалъ манежъ и балы.

Я ничего не имѣла противъ манежа—лошади вѣдь были съ дѣтства моей страстью и, когда я брала первый урокъ, берейтору и мнѣ казалось, что я провела всю свою жизнь на лошади.

Одинаково не имѣла я ничего и противъ баловъ, хотя танцевала гораздо хуже, чѣмъ ѣдила верхомъ. Въ жизни барышни балы являлись оазисами. Насколько скучны были визиты и разговорные вечера, настолько интересны балы. Только на балу и чувствовала я себя свободной. Самая атмосфера бала казалась мнѣ обаятельной: общее оживленіе, блескъ залы, чудная музыка.

Но однихъ баловъ для моей жизни было мало, и пришелъ тотъ день, когда я вошла въ кабинетъ къ отцу и повела съ нимъ рѣшительный разговоръ.

Я объявила ему, что хочу учиться. Онъ удивился, потому что никакъ не могъ понять, о какомъ ученѣ я говорю.

Но я твердо стояла на томъ, что хочу поступить на педагогическіе курсы.

Отецъ разсмѣялся.

— Ты хочешь быть учительницей. Но какая же ты учительница? объявилъ онъ мнѣ.

Хотя я давно уже учила и крестьянскихъ дѣтей, и сестру съ братомъ и любила учить, но отвѣчала:

— Я не хочу быть учительницей, такъ какъ дѣйствительно думала о совсѣмъ другомъ. Но я знала, что это другое, по его воззрѣніямъ, мнѣ еще болѣе недоступно, и потому-то рѣшила добиваться того, что казалось мнѣ болѣе возможнымъ.

Давно уже направляла я шаги гувернантки на Гороховую, чтобъ лишній разъ взглянуть на милую мнѣ, синюю вывѣску курсовъ.

— Мнѣ только хочется учиться,—очень краснорѣчиво убѣждала я отца, такъ какъ долго готовилась къ этому разговору и обду-

мала всѣ его слова. И онъ внимательно меня слушалъ. Но тутъ явился новый вопросъ.

— Какже ты будешь ходить одна по улицамъ?

Мнѣ было 18 лѣтъ, но я еще никогда не ходила одна. Помню, какъ разъ мать послала за мной къ знакомымъ карету съ лакеемъ, но отецъ нашелъ такую охрану недостаточной и посадилъ въ карету еще гувернантку.

Однако у меня былъ готовъ отвѣтъ. На курсы поступала одна наша сосѣдка по дому, и я объявила отцу, что буду ѣздить съ ней. Л. принадлежала къ очень почтенному семейству, и отецъ неожиданно согласился.

Я пошла объявить матери о томъ, что произошло.

Она была такъ поражена, что мнѣ не вѣрила.

— Какъ могъ онъ позволить!—все повторяла она. Но это невѣроятное случилось, и наступило время конкурсныхъ экзаменовъ.

Я была увѣрена, что ихъ не выдержу, такъ какъ на 40 вакансій желающихъ поступить оказалось 100 и 40 изъ нихъ были съ медалями. Медали меня всего болѣе смущали. Мнѣ почему-то казалось, что должны поступить ихъ обладательницы, а никакъ не я. Мои шансы казались мнѣ ничтожными.

И потому трудно себѣ представить мою радость, когда я была принята и значилась въ спискѣ четвертой. На этотъ разъ мое мѣсто доставляло мнѣ неописанное блаженство.

Итакъ, я вступаю въ храмъ науки достаточно подготовленною: мое домашнее образованіе не оказалось ниже гимназическаго, и блескъ медалей потускнѣлъ къ моихъ глазамъ. Я перестала взирать на нихъ съ прежнимъ благоговѣніемъ и скоро убѣдилась, что многія, имѣвшія медали, знали гораздо меньше тѣхъ, у которыхъ медалей не было.

Наступило славное время.

Передъ мной открылся новый міръ,—міръ университетскаго знанія, хотя собственно курсы не были университетомъ, и изъ преподавателей профессоромъ былъ одинъ В. В. Никольскій. Онъ читалъ въ духовной академіи.

Педагогическіе курсы переживали въ 1875—76 г.г. блестящее время: они были преобразованы, и при нихъ открыта прогимназія взамѣнъ прежней школы, а вѣдь извѣстно, что въ Россіи метутъ особенно чисто только новыя метлы.

Ревностно занимался курсами несомнѣнно талантливый педагогъ, покойный И. Ф. Рашевскій. Мы были первыми слушательницами, учившими въ прогимназіи, и съ своей стороны одинаково старались—усердно посѣщали содержательныя лекціи, много читали и писали дѣльныя сочиненія.

Но лучшимъ на курсахъ были для многихъ изъ насъ лекціи Владиміра Васильевича Никольскаго. Онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умеръ, и у него нѣтъ того имени, которое онъ оставилъ бы, если бы прожилъ дольше. Впослѣдствіи онъ былъ инспекторомъ Александровскаго лицея, и, кажется, недолго.

Кто внимательно слушалъ его лекціи, никогда ихъ не забудеть. Н. не былъ краснорѣчивъ, но то, что онъ говорилъ, было лучше всякаго краснорѣчія. Каждое его слово было продумано и взвѣшено, и основная мысль лекціи была проведена всегда образно и ярко.

Онъ читалъ намъ исторію русской литературы и чего только не вносилъ въ свои курсы. Впервые постигла я смыслъ тѣхъ понятій, которыя прежде оставались для меня мертвой буквой.

Н. объяснялъ намъ, что такое народное самосознаніе, и какъ оно отражается на литературѣ.

Въ литературу, по Никольскому, входили не одни произведенія словесности—она охватывала всѣ плоды просвѣщенія, выражавшіеся въ словѣ.

Помню его лекціи объ эпохѣ Екатерины II. Онъ разъяснилъ, чѣмъ былъ „Наказъ“, и ввелъ насъ въ науку о правѣ. По поводу французскихъ энциклопедистовъ Н. изложилъ вкратцѣ исторію новой философіи.

Я не согласилась съ тѣмъ, что онъ говорилъ о Декартѣ, и когда меня просили какъ-то разъ повторить его лекцію, я передала собственное мнѣніе. А именно Н. называлъ „мысль, слѣдовательно существующую“ Декарта силлогизмомъ. Я же понимала это положеніе въ болѣе широкомъ смыслѣ—для меня оно было не силлогизмомъ, т. е. чѣмъ-то только формальнымъ, а въ этихъ словахъ заключалось цѣлое міросозерцаніе. Впослѣдствіи я узнала, что изложеніе Н. было семинарскимъ, мое же обыкновеннымъ.

Другой нашъ авторитетъ Рашевскій читалъ намъ, будущимъ учительницамъ языковъ, дидактику и методику русскаго языка, разъясняя сущность грамматики и связь русскаго языка съ церковно-славянскимъ. Въ то же время Р. прививалъ намъ гуманное отношеніе къ учащимся.

Занятія въ прогимназіи были организованы образцово. Сначала мы слушали уроки преподавательницъ и разбирали эти уроки на особыхъ конференціяхъ. Каждая изъ насъ представляла письменный отчетъ и имѣла право высказывать свободно свое мнѣніе. Далѣе надо было составить программу собственныхъ уроковъ и выбрать себѣ ассистентокъ. Слѣдовали эти уроки, и за ними опять конференція, на которой дававшая уроки представляла о нихъ отчетъ, ассистентки же дѣлали свои замѣчанія.

Разъ на одну изъ такихъ конференцій пріѣхалъ Осининъ, начальникъ курсовъ. Многія изъ насъ, въ томъ числѣ и я, его не любили за высокомерное обращеніе, неумѣстное въ высшемъ учебномъ заведеніи. Но Осининъ считалъ курсы гимназіей, а насъ ученицами.

На первой же своей лекціи (онъ читалъ педагогику, излагая психологию по Бенеке, но никогда не называя источника) онъ объявилъ намъ, что мы не имѣемъ права пропускать уроки, и насъ будутъ записывать. Этого, кажется, никогда не дѣлалось, да и было некому, а всего чаще пропускали мы уроки именно самого Осинина. И часъ былъ ранній, и его манера спрашивать и заставлять стоять неприятны. Помню, какъ я и сидѣвшая рядомъ со мной В. боялись, что онъ насъ вызоветъ, и этого не случилось съ нами въ теченіе двухъ лѣтъ.

Но вотъ онъ пріѣхалъ на конференцію и какъ разъ, когда я была ассистенткой. Мнѣ пришлось сдѣлать при немъ мои замѣчанія, и я осталась сидѣть, какъ это было заведено на конференціяхъ.

Не знаю, это ли или моя критика не понравилась Осинину, но когда я кончила, онъ объявилъ:

— У всякой медали есть двѣ стороны.

— У насъ здѣсь принято только критиковать, мы никогда не хвалимъ,—быстро возразила я къ всеобщему удивленію.

Осинина на курсахъ очень боялись, и странно прозвучали мои слова начальнику о томъ, что у насъ принято.

Мнѣ не приходило, конечно, въ голову, что это дерзость. Я сказала только то, что знали всѣ, но чего никто бы не сказалъ.

Осининъ промолчалъ, но оказалось вскорѣ, что онъ моихъ словъ не забылъ.

На своемъ урокѣ онъ задалъ классное сочиненіе. Когда въ слѣдующій разъ онъ принесъ то, что мы написали, то въ числѣ первыхъ вызвалъ меня.

Сосѣдка дергала меня за платье, боясь, что я опять не встану.

Но я стояла и слушала.

— Вы не умѣете писать, у васъ встрѣчаются ошибки въ родѣ „не“ вмѣсто „ни“ (въ одномъ мѣстѣ было дѣйствительно переправлено, но другихъ ошибокъ не было),—распекалъ меня начальникъ и поставилъ 7. Сочиненіе это относилось къ педагогикѣ, а не къ русскому языку. И такая мечь показалась всѣмъ мелкой, такъ какъ всѣ знали, что я не могла написать на 7. Осининъ уронилъ себя въ глазахъ слушательницъ, и промолчала на этотъ разъ я.

У него была еще одна черта, которая одинаково не заслужи-

вала уваженія. Онъ дѣлалъ выговоры наставникамъ при слушательницахъ.

Всего чаще приходилось выносить такое обращеніе старушкѣ-надзирательницѣ, единственной на всѣ курсы. Что могла она подѣлать съ бурлившей молодежью? Мы пользовались большою внѣшней свободой, проводили скучныя лекціи въ корридорѣ и не всегда входили въ классъ по звонку.

Наши бесѣды въ корридорѣ, такъ называемыя журъ-фиксы, были гораздо полезнѣе скучныхъ лекцій, и старушка поступала умно, оставляя насъ въ покоѣ.

Разъ Осининъ набросился на учителя французскаго языка за то, что на его урокъ мы собрались не всѣ сразу.

Это былъ тотъ самый Флёрн, который училъ меня въ пансіонѣ (лекторъ университета). Здѣсь не онъ не слушалъ, а не слушали его. Какъ свою бывшую ученицу, онъ меня особенно отличалъ и читалъ мои сочиненія вслухъ.

В. П. Острогорскій, преподававшій иностранную литературу, поставилъ мнѣ за годовое сочиненіе 11. То былъ большой ударъ моему самолюбію. Я просидѣла надъ этимъ сочиненіемъ всю зиму, перечитала не только указанные О. десятки источниковъ, но и многое другое и написала 100 большихъ страницъ. Не мало заставили меня страдать мои „Страданія молодого Вертера“. Я ожидала слова поощренія и не получила даже полнаго балла!

Итакъ, я бездарность, полная бездарность, приходило мнѣ нередко въ голову.

Не понимаю до сихъ поръ, отчего это случилось? Неужели причиной служило то, что мои взгляды не сходились съ воззрѣніями учителя? О. подчеркнул тѣ мѣста, гдѣ не былъ со мной согласенъ, а я думала вотъ что.

„Неужели развитіе заключается въ томъ, чтобы повторять сказанное учителемъ. Развѣ нельзя сказать что-нибудь другое? Меня поражала такая узость, и я всего менѣе прощала ее тому, кто былъ на словахъ поборникомъ свободы. Какая нетерпимость и непоследовательность! И съ пыломъ молодости я долго помнила, что меня обидѣли.

На второй годъ я не могла себя заставить заниматься у О. и даже не прочла того произведенія, которое онъ всю зиму разбиралъ въ классѣ; кажется, то было „Домби и сынъ“ Диккенса; къ тому же онъ слишкомъ растягивалъ свои объясненія, все что-то обѣщая, а на самомъ дѣлѣ повторяя старыя фразы: то былъ катехизисъ либерализма и, по моему мнѣнію, О. совершенно напрасно опошлялъ хорошее.

На этотъ разъ я написала два сочиненія—оба въ одинъ вечеръ прямо набѣло, какъ писала, бывало, въ пансіонѣ. На этотъ разъ я получила 12, и это меня нѣсколько успокоило. И такъ, 12 Острогорскаго оказались для меня величиной достижимой, хотя и не далось за цѣлый годъ труда. Это все же было несправедливо, а съ несправедливостью я какъ-то не мирюсь. Много еще такихъ 11 пришлось мнѣ получить въ жизни и всегда, по моему мнѣнію, когда я ихъ не заслуживала.

Острогорскій считался нашимъ курсомъ преподавателемъ изъ среднихъ (раньше и, можетъ быть, и позже его ставили выше всѣхъ), а были совсѣмъ плохіе, въ особенности историки. Они читали старыя записки и дремали сами, а, подражая имъ, и мы. Я же была занята. Литографированныхъ записокъ у насъ тогда не существовало, тѣ же, которыя были въ ходу изъ года въ годъ, у меня не доставало терпѣнія переписывать, потому что въ нихъ заносилось буквально все отъ слова до слова. И потому я писала только главное и прямо въ тетрадь перомъ. Мои записки никому не годились, но я приготовлялась по нимъ къ экзаменамъ въ нѣсколько часовъ.

Экзамены я выдержала хорошо и кончила второй. Первой была моя сосѣдка по скамейкѣ В. Когда мы переходили на старшій курсъ, Рашевскій называлъ насъ лучшими. Это было удивительно, потому что во время его уроковъ мы неизмѣнно молчали. Молчали на вопросы „что такое подлежащее?“ и т. п., ибо понимали, что Р. даетъ новыя опредѣленія, и старыя уже никуда не годятся. Молчали еще потому, что не любили вставать и слышать, какъ насъ называютъ просто по фамиліямъ. Когда къ намъ относились не какъ къ барышнямъ, мы чувствовали себя неловко.

Разъ пришлось щегольнуть тѣмъ, что мы—барышни.

Старшій курсъ былъ приглашенъ на балъ къ принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. Это случилось впервые во все время существованія курсовъ и составляло событіе. Старушка-надзирательница учила насъ добросовѣстно тому, какъ себя держать, и даже реверансамъ.

Но мы болѣе, чѣмъ оправдали ея надежды. В. танцевала съ маленькими великими князьями, а я кадрили съ ненавистнымъ мнѣ Осиннымъ. Собственно кавалерами были приглашены ученики коммерческаго училища, поражавшіе неотесанностью и неумѣньемъ танцевать рядомъ съ нами. Наверху о насъ было сказано, что мы приличіе даже институтокъ, и больше педагогическіе курсы никогда уже не приглашались съ коммерческимъ училищемъ, а всегда съ лицеемъ и правовѣдніемъ.

В. и я держались вдали от учителей. Мы даже досадовали, когда любимого Никольскаго мучили послѣ лекціи,—вѣдь онъ усталъ, и зачѣмъ ему надоѣдаютъ! И въ числѣ этихъ жаждущихъ поговорить съ учителями была обыкновенно Л., съ которой я ѣздила на курсы.

Отецъ не любилъ, чтобъ опаздывали къ обѣду, и потому я уѣзжала одна. Теперь уже давно было предано забвенію, что я не могу ходить одна по улицамъ, хотя кромѣ курсовъ я нигдѣ и не бывала.

Вся моя жизнь сосредоточивалась тамъ. Очень хорошо сложились товарищескія отношенія, такъ какъ было много развитыхъ дѣвушекъ, съ которыми я сошлась. У меня существовала, впрочемъ, одна слабость: я не могла видѣть слушательницу, чтобъ съ ней не познакомиться и, когда приходила на курсы, то здоровалась со всѣми, потому что всѣхъ знала. В. не мало трунила надъ „моей популярностью“. А я не прощала ей замкнутости или „аристократизма“, по моимъ словамъ. Когда у насъ затѣвалось какое-нибудь общее дѣло и нужны были депутатки, выбирали всегда меня, а я тащила за собой ее. Она сердилась и соглашалась только, чтобъ отъ меня отвязаться.

Общественное служеніе не доставляло ей ни малѣйшаго удовольствія, толпа пугала. Извѣстная замкнутость была и во мнѣ—я сторонилась старшихъ, но меня тянуло къ товарищамъ. Это какое-то органическое чувство, сильнѣе меня самой.

И сколько я испытала горя отъ того, что меня тянуло къ людямъ, какъ къ своимъ.

Но на курсахъ жилось хорошо, и эти счастливыя страницы жизни никогда не изглядятся изъ моей памяти.

Когда первый разъ въ жизни я вошла въ классъ, чтобъ дать пробный урокъ, то почувствовала себя совсѣмъ свободной. Моя ассистентка, баронесса К., у которой была собственная школа, даже попросила меня ее поучить.

Я разсмѣялась и объяснила, что никогда еще не учила въ классѣ. Мнѣ кажется, что умѣнье учить нельзя передать, какъ и многое другое. Это даръ природы.

Сущность хорошаго преподаванія заключается въ томъ, чтобъ видѣть въ классѣ цѣлое и всегда имѣть передъ собой это цѣлое. Тогда классъ будетъ заинтересованъ, и дисциплина сведется на нѣтъ.

Мнѣ было предложено мѣсто образцовой учительницы русскаго языка въ прогимназіи при курсахъ. Мѣста этого всѣ добивались, а я должна была отказаться.

То, что я не буду учительницей, было обѣщано отцу и, когда

подходило время къ окончанію курсовъ, онъ даже увѣрялъ, что уѣдетъ изъ Петербурга, если я буду учительницей.

Итакъ, мнѣ пришлось отказаться, а къ Цюриху я не приблизилась ни на шагъ.

Когда я читала свѣдѣнія, сообщаемыя о студенткахъ заграничныхъ университетовъ, у меня сжималось сердце. „Есть же такія счастливицы“, думалось мнѣ, и ихъ становилось съ каждымъ годомъ все больше, а я все сидѣла въ Петербургѣ и вѣрно просижу тутъ всю жизнь.

Цюрихъ былъ теперь окруженъ въ моихъ глазахъ не только ореоломъ,—къ его блеску прибавились острия иглы. Давно забросила я программу, такъ какъ одинъ ея видъ заставлялъ меня страдать еще сильнѣе.

И, кончивши курсы, я опять обратилась въ ненавистную мнѣ куклу—барышню.

Разкажу только одинъ эпизодъ, который случился со мной два года позже.

Въ 1878 г. былъ открытъ 3-й курсъ, и говорили, что дадутъ особыя права тѣмъ, которыя его кончатъ. Я проводила зиму съ бабушкой въ уѣздномъ городѣ, но мнѣ захотѣлось записаться. Когда пришло время экзаменовъ, я достала записки и приѣхала въ Петербургъ экзаменоваться.

Я прекрасно выдержала всѣ экзамены—оставался послѣдній—русская исторія.

Почему-то 2-й и 3-й курсы были соединены, и мнѣ пришлось сидѣть нѣсколько часовъ и слушать, какъ отвѣчаетъ 2-й курсъ. Это было нѣчто ужасное. Экзаменаторъ до невозможности придирался, слушательницы терялись и отвѣчали плохо вовсе не потому, что не приготовились. Я переживала всѣ эти муки издѣвательства надъ людьми, которые не могли собой овладѣть и объявить, что все знаютъ.

И вотъ дошла очередь до меня. Рѣчь шла о какой-то войнѣ. Не успѣла я сказать двухъ фразъ, какъ меня прервалъ экзаменаторъ:

— Вы же говорили, что война велась изъ-за Аравіи, а теперь увѣряете, что причиной войны явились курды.

— Желаніе овладѣть Аравіей было причиной войны, возмущеніе курдовъ явилось поводомъ къ ней,—объяснила я спокойно и продолжала прерванный разговоръ.

Онъ очень скоро меня опять перебилъ.

— Зачѣмъ были нужны туркамъ нѣмецкіе офицеры?

— Чтобъ реорганизовать армію.

— А вы сейчас сказали „чтобы вести войну“.

— Развѣ одно мѣшаетъ другому, по-прежнему невозмутимо отвѣчала я. Реорганизованная армія была нужна, чтобъ воевать.

— Если вы будете продолжать такъ мнѣ отвѣчать, я перестану васъ спрашивать,—вспыхнувъ, объявилъ учитель.

— Какъ вы хотите,—спокойно сказала я, положила на столъ билетъ и ушла изъ класса.

Когда я пріѣхала домой, меня всѣ спросили, что случилось и почему я такая счастливая?

— Выдержала экзаменъ?.

Но выдерживала я ихъ много, и къ этому давно всѣ привыкли.

— Не выдержала,—разсказывала я съ восторгомъ. Вечеромъ, въ концертѣ, я встрѣтила одну изъ экзаменовавшихся со мной, и она мнѣ разсказала, какъ долго не могъ прійти въ себя П., и что онъ поставилъ мнѣ 7.

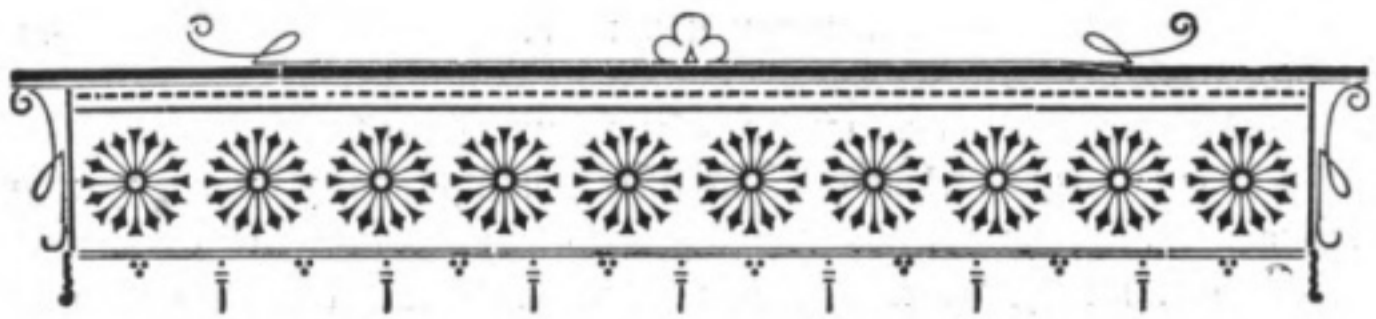
Учитель отказался экзаменовать меня еще разъ и такимъ образомъ я не получила аттестата объ окончаніи 3-го курса. Все равно правъ этого аттестатъ не давалъ никакихъ.

Отецъ сообщилъ мнѣ, что инцидентъ былъ гдѣ-то описанъ—учителя бранили, а меня хвалили.

Какъ я была счастлива, что отомстила. „Можетъ быть, это оставитъ другихъ“, мечтала я.

М. Безобразова.

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

VII ¹⁾.

Судъ объѣзжаго головы.

Объѣзжій дворъ былъ подчиненъ Разрядному приказу. Разрядъ назначалъ объѣзжаго голову и давалъ ему наказъ. Въ Разрядѣ обжаловывались рѣшенія объѣзжаго головы; въ этотъ приказъ переносились со съѣзжаго двора и невершенныя дѣла по челобитью одной изъ сторонъ. Объѣзжему было дозволено наказывать только людей „самыхъ малыхъ чиновъ“; объ остальныхъ провинившихся онъ долженъ былъ подавать въ Разрядъ „докладныя письма“; туда же со съѣзжаго двора отсылались колодники, арестованные объѣзжимъ головой. Кн. Ѳедоръ Борятинскій по приведенному выше дѣлу съ Климомъ Купреяновымъ долженъ былъ оправдываться тѣмъ, что онъ хотѣлъ отослать арестованнаго Купреянова въ Разрядъ, но „отослать было того числа неколи, потому что то число было въ субботу“. Судебная дѣятельность объѣзжаго головы ограничивалась кругомъ не слишкомъ важныхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ и весьма походила на юрисдикцію современныхъ мировыхъ судей. Объѣзжій голова разбиралъ дѣла, какъ возникшія въ предѣлахъ Китая-города, такъ и по челобитьямъ всякихъ чиновъ людей на торговыхъ людей Китая-города: съѣзжему двору были подсудны дѣла о нанесеніи побоевъ въ Охотномъ ряду или за Покровскими воротами, разъ побой были нанесены торговыми людьми Китая-города.

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

Дѣлопроизводство съѣзжаго двора не отличалось сложностью. Дѣло обыкновенно начиналось челобитьемъ потерпѣвшаго, большею частью „словеснымъ“, которое записывалось на съѣзжемъ дворѣ. Иногда истецъ указывалъ на отвѣтчика „имянно“, иногда же, въ случаѣ, напримѣръ, драки или брани на улицѣ съ какимъ-нибудь встрѣчнымъ, заявлялъ, что онъ, „какъ его (отвѣтчика) зовутъ, того не знаетъ, только въ лицо его укажетъ“. За отвѣтчикомъ со съѣзжаго двора посылались „ходаки“, т. е. стрѣльцы, иногда съ подъячимъ, снабженный „сыскою памятью“, т. е. приказомъ объ арестѣ. По приводѣ отвѣтчика на съѣзжій дворъ его допрашивали. Надо замѣтить, что отвѣтчикъ почти всегда запирался, вопреки обличеніямъ истца утверждая, что онъ его „не бранивалъ, не безчещивалъ, не бивывалъ“, „денегъ не вырывывалъ“, платя „не дирывалъ“ и вообще въ глаза его не видалъ. Случалось, что на съѣзжій дворъ приводили не того, кого было нужно; въ 1693 году по челобитью человѣка стольника Алмазова В. Бакшѣева на съѣзжій дворъ былъ взятъ торговый человѣкъ Алексѣй Алексѣевъ, будто бы „безчестившій Бакшѣева скаредными словами“; но Бакшѣевъ, присмотрѣвшись къ Алексѣеву, заявилъ, что „тотъ человѣкъ его, Василя, не бранивалъ и не безчещивалъ, и въ лицо того человѣка онъ, Василій, опознался“. При допросѣ происходилъ осмотръ вещественныхъ доказательствъ: объѣзжій смотрѣлъ „битаго“, „дранаго“, „разореныхъ мѣстъ“, „ломаной коробки“: когда въ Сукояномъ Смоленскомъ ряду была найдена подброшенная для поджога горѣвшая тряпица, эта тряпица, хотя и загашенная, была принесена торговыми людьми на съѣзжій дворъ; когда садовникъ В. Осиповъ въ Нижнемъ Москательномъ ряду вздумалъ бросать подушкой въ одного торговаго человѣка, эта подушка добросовѣстно была представлена на съѣзжій дворъ. О результатѣ осмотра на съѣзжемъ дворѣ составлялся протоколъ. Осмотръ „битаго“ за отсутствіемъ врача носилъ поверхностный характеръ: записывалось просто, что „по осмотру на такомъ-то битаго лобъ и носъ и лѣвая щека и руки обѣ разбиты до крови и по бокамъ и по снѣжъ бито-жъ и синева и вспухло“; иногда вносилось въ протоколъ, что „битыхъ мѣстъ не объявилось“. При осмотрѣ „дранаго“ аккуратно записывалось, напримѣръ, что у одного кафтанъ „выше красныхъ клиновъ подранъ, да оторваны двѣ пуговицы серебряныя“, а у другого „кондырь ¹⁾ у праваго рукава оторванъ“. „И тотъ драный кондырь, говорилось въ протоколѣ, отданъ за караулъ сторожу Якушкѣ Алексѣеву“. Тотъ же Якушка хранилъ и болѣе рѣдкостныя веще-

¹⁾ Обшлагъ.

ственные доказательства: когда выдрали бороду у одного тяглеца Покровской сотни, „тадраная борода, волосы, были отданы за караулъ“ тому же сторожу. Послѣ допроса обвиняемаго и осмотра вещественныхъ доказательствъ приступали къ допросу свидѣтелей; предписывалось „взять у истца третьимъ (т. е. свидѣтелямъ) роспись“, и на представленной „третьейской росписи“ помѣчалось: „сыскать тѣми людьми въ правду безо всякія поноровки противъ истцовой третьейской росписи“. Отвѣтчикъ иногда отводилъ всѣхъ „третьихъ“, иногда нѣкоторыхъ, указывая, что такіе-то свидѣтели „друзья и хлѣбосольтцы“ истца, иногда же „слался на тѣхъ же третьихъ въ повальный обыскъ“. Иные челобитчики слались на цѣлые ряды и даже на „всю Красную Площадь“. Нерѣдко стороны, „не ходя въ сыскъ, поговоря межъ себя любовно“, мирились и уплачивали „мировыя“ деньги; иногда отвѣтчикъ былъ вынужденъ извиниться, „добить челомъ“ истцу. Если дѣло не оканчивалось, то по отвѣтчикѣ собирали поруку въ томъ, что ему „ставиться на съѣзжемъ дворѣ противъ челобитья по вся дни и безъ указа съ Москвы не съѣхать“, и отпускали восвояси. Съ отвѣтчика всегда ¹⁾ взыскивались „приводныя“ деньги въ размѣрѣ 4 алтынъ 2 денегъ. Большинство имѣющихся въ нашемъ распоряженіи дѣлъ съѣзжаго двора оканчивается взысканіемъ этихъ „приводныхъ“ денегъ ²⁾.

Для буйныхъ или особенно важныхъ преступниковъ на съѣзжемъ дворѣ имѣлись „желѣза“ и „чепи“, послѣднія даже „двойныя“; но тюрьмы въ собственномъ смыслѣ не было, а сажали просто въ „конюшню“ или „подполья“ и вообще съѣзжій дворъ въ своемъ тѣсномъ помѣщеніи не имѣлъ способовъ устеречь своихъ колодниковъ. Въ 1687 году, напримѣръ, стрѣльцы привели на съѣзжій дворъ квасника Семена Ерофеева и „греческаго работника“ Андрюшку, нанесшихъ побой на Никольской человѣку боярина П. М. Салтыкова: приводные люди оказали упорное сопротивленіе, „били стрѣльцовъ и изодрали кафтанъ“ на одномъ изъ нихъ, и поэтому были посажены на съѣзжемъ дворѣ „въ желѣзахъ“. Но колодники въ самомъ скоромъ времени, „видя вину свою, въ желѣзахъ ушли на Спасскій (Зайковоспасскій) монастырь, а съ Спасскаго монастыря прошли на Никольскій монастырь, и стрѣльцы Сенку квасника на Никольскомъ монастырѣ поймали и, поймавъ, повели на съѣзжій дворъ, а греческій работникъ Андрюшка, разбивъ желѣза, ушелъ“. Повидимому, „желѣза“ на съѣзжемъ дворѣ не были слыш-

¹⁾ Исключеніе изъ этого правила было одинъ разъ сдѣлано (Пр. 1061, 224).

²⁾ Пр. 1061, 2, 7, 40, 189; Пр. 1512, 52, 70, 97, 206, 250, 279, 300; 2513, 6.

комъ прочны; сажать же на „двойную“ цѣпь объѣзжіе головы не имѣли права, и Печатнаго Двора тередорщикъ (печатникъ) Борисъ Ѳедосѣевъ въ 1695 году жаловался на то, что его на сѣзжемъ дворѣ незаконно „посадили на двойную цѣпь, будто въ какомъ разбойномъ или татиномъ дѣлѣ“.

Нѣкоторыя дѣла со сѣзжаго двора переносились въ разные приказы, какъ неподсудныя объѣзжему головѣ. На дѣлѣ о кражѣ со взломомъ коробки у подьячаго Лихачонкова въ 1674 году на сѣзжемъ дворѣ состоялась помѣта: „искать о томъ судомъ, гдѣ онъ судимъ, то дѣло судное“. Дворцовые крестьяне отсылались въ приказъ Большого Дворца или въ Дворцовый Судный, солдатъ Преображенскаго полка къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому. Въ іюль 1674 года на сѣзжемъ дворѣ производили сыскъ о найденномъ у церкви Николая Чудотворца въ Посольской улицѣ ¹⁾ „въ пустой избѣ мертвомъ маломъ ребенкѣ“, брошенномъ матерью, крестьянкой, пришедшей съ мужемъ изъ Галицкаго уѣзда въ Москву „покормиться“ и здѣсь овдовѣвшей ²⁾; послѣ предварительнаго дознанія женка была отправлена въ Патріаршіи Духовный приказъ.

На сѣзжемъ дворѣ подьячіе „дѣлали всякія приказныя дѣла“, т. е. вели обычное канцелярское дѣлопроизводство того времени. На дворѣ были книги „указныя“, куда записывались указы, получавшіеся изъ Разряда, „переписныя“, однѣ „дворовыя“, другія „рядовыя“, т. е. „дворомъ и рядомъ“, записныя поручнымъ; велись и приходныя книги, при чемъ была особая книга „приводнымъ деньгамъ“; была заведена и особая книга, куда записывалось, „кому какое наказаніе учинено и за какую вину“. Встрѣчаются жалобы на медленность дѣлопроизводства сѣзжаго двора, въ родѣ жалобы нищаго Тишки Иванова, который 12 сентября 1693 года заявилъ въ Разрядѣ, что еще 19 іюля онъ подалъ челобитную на сѣзжемъ дворѣ въ Китаѣ-городѣ, и „по тому его челобитью указу никакого не учинено и по се число, волочитя онъ и убытчитя многое время“. Но вообще надо сказать, что судъ на сѣзжемъ дворѣ, если не всегда былъ „правый и милостивый“, но нерѣдко былъ столь „скорый“, что о такой скорости не могутъ и мечтать люди, имѣющіе въ настоящее время дѣла не только въ окружныхъ, но и въ мировыхъ судахъ. Достаточно привести слѣдующій примѣръ для доказательства того, что судъ XVII вѣка не былъ сплошной волокитой, „судомъ для осуда, а не для разсуда“ 9 августа 1693 года на сѣзжемъ дворѣ въ Китаѣ-городѣ билъ че-

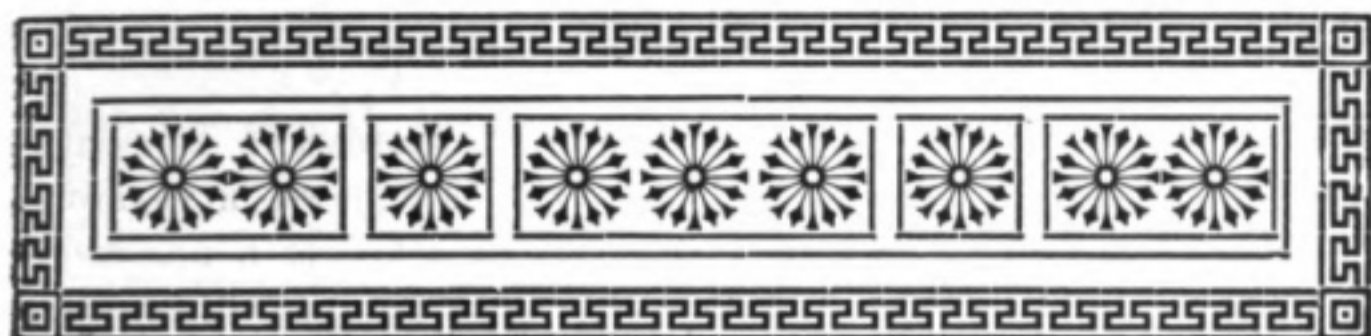
¹⁾ Никола Красный Звонъ въ Юшковомъ переулкѣ.

²⁾ Любопытно, что мать пришла ночевать въ ту избу, гдѣ „покинула“ ребенка, потому, что „ее безъ молитвы въ домъ никто не пускалъ“.

ломъ словесно кровельный караульщикъ Верхняго Овощного ряда Константинъ Сидоровъ на неизвѣстнаго ему торговаго человѣка Горшечнаго ряда съ товарищи въ томъ, что они его „били и увѣчили и крестъ сорвали“. „И то видѣли многіе люди, заявлялъ онъ, и тѣмъ людямъ онъ принесетъ третьимъ роспись“. Тотчасъ на съѣзжѣ дворѣ состоялась помѣта „сыскать и допросить“, и въ тотъ же день отвѣтчикъ, оказавшійся торговымъ человѣкомъ Лукьяномъ Ивановымъ, былъ приведенъ на съѣзжій дворъ и допрашиванъ, при чемъ показалъ, что Сидоровъ самъ его „учалъ бить“, а онъ его „не бивалъ и не увѣчивалъ“. Уже на другой день 10 августа „противъ общей ссылки Горшечнаго ряду и рыбныхъ шалашей и портными мастерами большимъ повальнымъ обыскомъ было сыскivano, по святѣй, непорочнѣй евангельской заповѣди Господни, еже ей-ей, въ правду“, и „въ сыскѣ по отвѣтчикѣ сказали десять человѣкъ, а по истцѣ въ томъ сыску торговые люди никто не сказали“. Оказалось, что Сидоровъ съ товарищемъ забралися въ погребъ при „разломанной“ лавкѣ Иванова и „учали“ тамъ „рѣшетами землю грести“, ища денегъ, а, когда Ивановъ сталъ ихъ „изъ той ямы высылатъ“, Сидоровъ „учалъ его, Лучку, бить и за горло давить и повелъ было на съѣзжій дворъ и на улицѣ его, Лучку, кулаками билъ“. На основаніи обыска, 14 августа объѣзжій голова стольникъ Никита Ксенофоновичъ Таракановъ, „слушавъ сего дѣла, приказали истцу въ бою и въ увѣчѣѣ отказать для того, что по истцѣ въ повальномъ обыску противъ его челобитья третейскіе люди ничего не сказали, а по отвѣтчикѣ сказали десять человѣкъ въ томъ, что онъ, отвѣтчикъ, его, истца, не бивалъ, а билъ де онъ, истецъ, его, отвѣтчика, и въ томъ иску истца обвинили, а отвѣтчика оправили“¹⁾.

¹⁾ Пр. 1061, 99—100, 323; Пр. 1116, 120; Пр. 1512, 167—172; Пр. 1534, 1—8, 131; Пр. 1655, 122—125; Пр. 1716, 514, 550; Пр. 2513, 1—4, 42, 107; Чт. О. Ист. Др. Рос. 1894, III, 4—5.

Около бурсы.

Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ, въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства.

Вмѣсто предисловія.

Когда перевалить за полсотню лѣтъ, естественнымъ является желаніе и самому себѣ дать отчетъ о пережитомъ и подѣлиться съ другими воспоминаніями о прошломъ. Оно такъ не похоже на настоящее, при измѣнившихся кореннымъ образомъ обстоятельствахъ уже не повторится и можетъ исчезнуть безслѣдно, если правдивый лѣтописецъ не занесетъ его въ свою записную тетрадь.

Авторъ этихъ воспоминаній постарается быть правдивымъ лѣтописцемъ-бытописателемъ. Онъ опишетъ пережитое и видѣнное безъ прикрасъ, безъ сгущенія и безъ того густыхъ красокъ, безъ употребленія беллетристической формы. Последняя, будучи введена въ правдивую лѣтопись событій, придаетъ имъ характеръ вымышленности. Авторъ ручается, что здѣсь нѣтъ ничего вымышленнаго, развѣ только имена. Это является вполне понятнымъ, если принять во вниманіе, что нѣкоторыя описываемыя здѣсь событія отстоятъ отъ настоящаго времени лишь на 40 — 45 лѣтъ. Можетъ быть, не сошли еще съ жизненной сцены нѣкоторыя изъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ описываемыхъ здѣсь событіяхъ. Наконецъ, остались дѣти этихъ лицъ, ихъ родные и близкіе, чувства которыхъ не хотѣлось бы безъ нужды тревожить.

Сначала я не предполагалъ печатать своихъ воспоминаній: я хотѣлъ, чтобы они были доступны лишь тѣсному семейному кругу да тѣсному кругу близкихъ друзей. Но недавно у меня на квар-

тирѣ собрался небольшой кружокъ хорошихъ знакомыхъ — товарищей по профессіи и по школѣ. Были тутъ и юристы и педагоги. Зашла рѣчь о больномъ въ настоящее время вопросѣ: о положеніи средней школы. Разговоръ невольно перешелъ на то, какъ мы сами воспитывались и учились. Я вспомнилъ старину и рассказалъ нѣсколько выдающихся, наиболѣе выпуклыхъ случаевъ изъ своего дѣтства, описалъ обстановку своей школьной жизни. Мой школьный товарищъ не только подтвердилъ вѣрность рассказаннаго мною, но даже добавилъ его кое-чѣмъ, мною упущеннымъ, и слушатели, удивляясь, что „бурса“, описанная Помяловскимъ, была возможна и въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, выразили пожеланіе, чтобы я не тайлъ своихъ воспоминаній о новой „бурсѣ“, которая существовала въ то время, когда Россія вступила уже на путь реформъ царствованія Александра II. Конечно, время взяло свое: многія явленія, описанныя Помяловскимъ, въ наше время были уже невозможны, но многое еще осталось. Оно въ наше время не было такъ выпукло и рѣзко, какъ во времена Помяловскаго, но все-таки оно стоитъ того, чтобы дать о немъ правдивый рассказъ...

I. Первые впечатлѣнія дѣтства.

Первые мои воспоминанія дѣтства относятся къ тому времени, когда только что окончилась крымская война. Смутно помню, что въ мое родное село возвращались тогда такъ называемые „ратники“, т. е. ополченцы, которыхъ во время войны пришлось отправить въ дѣйствующія въ Крыму (подъ „Вастополемъ“) и на Кавказѣ (на Капказѣ — какъ у насъ говорили тогда) войска. Я, конечно, не отдавалъ себѣ отчета въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производили на наше деревенское общество рассказы о событіяхъ несчастной для насъ войны, но все-таки, какъ сквозь сонъ, припоминаю грустные рассказы, какъ гибли наши ратники, попадали на минированныя непріятельскія мѣста, потому что, не понимая предупрежденій: „мины“, не хотѣли сворачивать мимо. Помню, какъ мать моя и домочадцы щипали „корпю“ изъ ветхаго бѣлья для отправленія въ госпитали („вошпитали“ — говорилось въ селѣ), гдѣ еще были тяжело больные и раненые. Помню, какъ мы, дѣти, любовались темнобронзовымъ крестомъ на Владимірской лентѣ, полученнымъ моимъ отцомъ, сельскимъ священникомъ, за минувшую войну.

Не больше сохранилось у меня воспоминаній и о Кавказской

войнѣ и о „волѣ“. Последняя, правда, осуществилась въ то время, когда мнѣ шелъ 9-й годъ. Но, благодаря тому, что тѣ два села, съ которыми я имѣлъ тогда соприкосновеніе, П—ое и Кр—во, были государственными и не знали „барщины“, воспоминанія о „волѣ“ у меня остались смутныя.

II. Мои родители.

Родился я въ 1852 году, въ с. П—скомъ, М—го уѣзда, Т—ой губ., въ семьѣ сельскаго священника. Изъ родныхъ своихъ, кромѣ отца, матери и старшаго брата, который, когда я сталъ себя помнить, уже учился въ семинаріи, помню хорошо дѣда, заштатнаго пономаря, да жившую съ нами мою крестную мать, крестьянскую дѣвушку—„вѣковуху“, которая вынянчила моего старшаго брата и сдѣлалась почти членомъ нашей семьи.

Отецъ мой получилъ семинарское образованіе, былъ, по тогдашнему времени, довольно развитымъ человекомъ, хорошо помнилъ латынь, на которой въ его время въ семинаріи говорили, писали сочиненія и преподавали почти всѣ предметы, кромѣ богословія и русскаго языка. Мать, дочь сельскаго пономаря, нигдѣ не училась и, кажется, не умѣла даже писать. Дѣдъ тоже едва могъ подписать свое имя и отчество. Престарѣлый и глухой, онъ копался около дома по хозяйству, а лѣтомъ сидѣлъ на пчельникѣ, который былъ у отца. Крестная мать, Авдотья Ивановна, была совершенно неграмотна. Она знала нѣсколько молитвъ, была очень богомольна. Стоя на козѣняхъ во время вечерней молитвы, она долго пересчитывала имена извѣстныхъ ей святыхъ и названія праздниковъ, прося ихъ простить ее, грѣшную. Я любилъ слушать ея наивныя молитвы: „Иванъ Предтецъ ¹⁾ престоль, прости ты меня, грѣшную“. „Звисясье (Вознесенъе) Божіей Матушки, прости ты меня, грѣшную“. Но еще болѣе я любилъ слушать ея чувствительные рассказы—сказки объ Аленушкѣ и ея братцѣ, превращенномъ въ козленка, котораго ожидала тяжелая участь:

„Точать ножи булатные,
Кипятъ котлы кипучіе...“

Она была просвирнею. Печеніе просфоръ сопровождалось у нея усердными молитвами, и я помню, бывало, помогалъ ей предъ праздникомъ Благовѣщенія, когда просфоры заготовлялись въ огромномъ

¹⁾ Уроженка Елатомскаго уѣзда, она букву „ч“ произносила какъ „ц“.

числѣ для раздачи прихожанамъ ¹⁾, печатать верхушки просфоръ деревянною печатью съ изображеніемъ креста и буквъ: іс-хс ні-ка.

III. Родное село и родительскій домъ.

Село П—ое, гдѣ я родился и провелъ свое дѣтство до десяти лѣтъ, отличается отъ другихъ сель средней полосы Россіи довольно живописнымъ мѣстоположеніемъ. Оно расположено на берегу довольно большой рѣки, въ промежуткахъ между нѣсколькими, довольно высокими, горами, спускающимися къ рѣкѣ. За рѣкой—заливные луга и громадный, казавшійся мнѣ тогда безконечнымъ, казенный лѣсъ. На одной изъ горъ стояла (стоитъ и теперь) небольшая деревянная одноглавая съ колокольнею церковь, построенная въ 1842 году. Близъ нея, на горѣ—нашъ небольшой плодовый садъ, а за нимъ, чрезъ дорогу, и нашъ домъ. Это была постройка изъ вѣковыхъ сосновыхъ, распиленныхъ на-двое, бревенъ, крытая камышомъ. Она состояла изъ двухъ частей, раздѣленныхъ холодными стѣнами: чистой половины, такъ называемой „горницы“, и жилой половины, такъ называемой „избы“. „Горница“, состоявшая всего изъ двухъ комнатъ и холодной пристройки, была предназначена главнымъ образомъ для приѣма гостей и праздничнаго препровожденія времени и зимою даже не всегда топилась. Въ ней, помню, стоялъ столъ, покрытый бѣлою вязанною (издѣліе матери) салфеткою, старинный диванъ и нѣсколько стульевъ съ сидѣньемъ изъ мягкаго камыша. Въ переднемъ углу стоялъ маленькій столикъ-угольникъ, на которомъ обыкновенно лежала епитрахиль съ крестомъ и евангеліемъ, требникъ и служебникъ. Надъ столикомъ — кіоты съ образами, предъ которыми почти постоянно теплилась лампада, наполнявшая комнату запахомъ деревяннаго масла. Здѣсь же былъ небольшой, за стекломъ, ящикъ, гдѣ хранилась дарохранительница для запасныхъ Св. Даровъ. На стѣнахъ висѣло нѣсколько портретовъ государей и архіереевъ, какая-то старинная гравюра-ландшафтъ да старинные въ высококомъ, отъ пола почти до потолка, деревянномъ футлярѣ стѣнные часы съ боемъ. Помню, что бой этихъ часовъ въ дѣтствѣ всегда занималъ меня. Тяжелыя свинцовыя гири часовъ висѣли на веревочкахъ. Пока веревочки новы,

¹⁾ Послѣ Благовѣщенія (25 марта) крестьяне уже начинали полевые работы, и просфоры брали съ собою, какъ благословенный хлѣбъ, способствующій урожаю хлѣбовъ.

гири хорошо держались, но когда выступы веревочекъ скоро сглаживались, какъ ни старался отецъ мой натирать веревочки мѣломъ, чтобы онѣ не скользили по шестернѣ часовъ, такъ называемая „боевая гиря“ (т. е. тянувшая пружину, производящую бой) почти всегда въ концѣ боя колокольчика ухитрялась сорваться и съ шумомъ падала на полъ футляра, заканчивая этимъ бой часовъ.

На окнахъ висѣли миткалевые занавѣски да стояло нѣсколько горшковъ съ цвѣтами—фуксіей и геранью,—вотъ и все украшеніе горницы. Впрочемъ, я забылъ упомянуть объ одномъ украшеніи горницы, которое меня очень занимало. На потолокъ большой комнаты, въ самомъ ея центрѣ, была нарисована масляными красками звѣздоподобная фигура съ указаніями странъ свѣта (с., ю, в., з.). Предмѣстникъ моего отца, большой любитель физики и астрономіи, устроилъ на домѣ флюгеръ, который вращалъ пристроенную на потолокъ стрѣлку, показывавшую направленіе вѣтра. Въ мое время этой стрѣлки уже не было и нарисованная на потолокъ фигура только напоминала о бывшемъ здѣсь приспособленіи для метеорологическихъ наблюденій.

„Изба“ состояла изъ двухъ половинъ: собственно кухни, гдѣ происходила стряпня, и чистой половины, гдѣ мы обѣдали, зимою спали и вообще проводили большую часть времени. Убранство этой половины тоже ничѣмъ не выдѣлялось. Большой липовый бѣлый столъ, покрытый или самотканною скатертью или клеенкою домашняго издѣлія, на которой деревенскій живописецъ нарисовалъ масляными красками арбузы, огурцы и фрукты, нѣсколько широкихъ лавокъ вдоль стѣнъ, нѣсколько табуретокъ и скамеекъ, кровати за цвѣтнымъ пологомъ, нѣсколько иконъ въ переднемъ углу и лубочныхъ картинъ по стѣнамъ—вотъ все украшеніе избы. Громадная „русская“ печь (въ горницѣ была „голландка“ изъ простого кирпича) имѣла вверху большое помѣщеніе для спанья. Здѣсь зимою нерѣдко сушилась рожь и гречиха, предназначавшіяся къ отправкѣ на мельницу или круподерку. Помню, какъ мы, дѣти, послѣ бѣганья по морозу и катанья на салазкахъ, забирались на эту печь и старались согрѣться на ней, зарываясь въ горячую рожь или гречиху. Близъ печи, нѣсколько выше ея, были расположены палаты—широкій помостъ изъ досокъ, настланныхъ приблизительно на аршинъ ниже потолка. Въ холодное время это было любимое мѣсто для спанья дѣтей. А пока уснешь — прекрасный наблюдательный пунктъ, такъ какъ оттуда, свѣсивъ голову, можно было видѣть все, что дѣлается въ избѣ, и слышать все, что тамъ говорилось. Въ избѣ зимою наша семья проводила почти все свое время. Здѣсь мать и крестная занимались рукодѣліями. Дѣдъ ковырялъ лапти, которые онъ почти повседневно

употреблялъ, кромѣ праздниковъ и прїѣзда гостей, когда надѣвались сапоги. Мать и крестная пряли ленъ и шерсть и ткали „красна“ на устроенномъ въ избѣ домашнемъ станкѣ („станъ“). Отецъ занимался со мною науками, подготавливая меня къ духовной школѣ, и принималъ здѣсь прихожанъ и причетниковъ. Здѣсь же по зимамъ отецъ крестилъ приносимыхъ изъ села младенцевъ, такъ какъ церковь была холодная, безъ печей. Здѣсь же, въ крѣпкіе морозы, доилась корова и помѣщались на первое время новорожденные телята и ягнята, а въ углубленіи подъ печкой во время морозовъ сберегались и лечились пѣтухи и индюки съ отмороженными гребнями.

Въ избѣ было душно и сумрачно. Горѣла большею частью березовая лучина, вставляемая въ такъ называемый „свѣтець“—высокую подставку, наверху которой была устроена желѣзная вилка о трехъ концахъ, куда вкладывалась лучина, предварительно хорошо высушенная въ печи. Около свѣтца надо было сидѣть, чтобы поправлять лучину и бросать обгорѣшіе ея концы въ лоханку съ водою, которая помѣщалась подъ свѣтцомъ и въ которую падали уголья, образовавшіеся отъ горѣнія лучины. Лучина давала много чаду и слабо освѣщала избу. По праздникамъ да при гостяхъ на столѣ появлялась сальная свѣчка, а въ торжественныхъ случаяхъ зажигались и стеариновые свѣчи, называвшіеся тогда „каллетовскими“. О керосинѣ у насъ не имѣли и понятія. Сальные свѣчи издавали смрадный запахъ, оплывали и съ ними тоже было немало возни, такъ какъ постоянно надо было слѣдить за свѣтильнею, снимать ее или особаго рода щипцами, или просто обмоченными слюною пальцами.

Уже по описанному выше можно судить, что обстановка жизни въ домѣ моихъ родителей была самая простая. Отъ крестьянской обстановки она отличалась главнымъ образомъ тѣмъ, что изба наша была „съ трубою“, а не курная, гдѣ дымъ прежде, чѣмъ выйти въ дверь и слуховыя отверстія вверху стѣны, долженъ былъ долго пробыть въ самой избѣ.

IV. Образъ жизни сельскаго духовенства. „Помочь“.

Образъ жизни сельскаго духовенства того времени также мало отличался отъ крестьянскаго. Мой отецъ, напримѣръ, самъ пахалъ землю въ полѣ и огородѣ, косилъ и убиралъ хлѣбъ и сѣно, участвовалъ въ молотбѣ и возилъ въ сосѣдній городъ на продажу

сельско-хозяйственные продукты. Мать, по болѣзненному состоянію, не принимала участія въ полевыхъ работахъ, но огородъ, садъ, домашній скоть и птица были на ея попеченіи. Кухарки у насъ не было: кушанье готовили мать и крестная. Для работъ по сельскому хозяйству нанимался „работникъ“, обыкновенно молодой крестьянскій парень изъ мѣстныхъ прихожанъ, которому платилось 20 — 30 рублей въ годъ.

Въ пользованіи причта нашей церкви было около 90 десятинъ полевой и сѣнокосной земли. На долю отца приходилась половина этого пространства. Хотя часть земли была подъ оврагами, но все-таки своими силами трудно было убрать хлѣбъ и сѣно. Тутъ отца выручала такъ называемая „помочь“ (искаженное— „помощь“), заключающаяся въ томъ, что въ воскресный или небольшой праздничный день, послѣ богослуженія и обѣда, цѣлая толпа крестьянскихъ парней, дѣвиць и молодухъ, по предварительному приглашенію отца, сдѣланному въ церкви, послѣ службы, являлись на работу за угощенье, въ видѣ плотнаго ужина, водки и браги (домашняго пива). Я долженъ сказать, что отца моего за его простоту и благожелательное отношеніе къ прихожанамъ, за совѣты, услуги и даже матеріальную помощь, которую онъ оказывалъ нуждающимся, прихожане очень любили и не отказывались выручить въ трудныхъ случаяхъ. А къ такимъ случаямъ и относилась нужда въ помощи, когда надо было наскоро убрать хлѣбъ и сѣно. Поэтому, помочь о. Якову устраивалась очень охотно. Весело работала молодежь, а еще веселѣе становилась она вечеромъ, послѣ ужина и угощенья. Невдалекѣ отъ дома, на пригоркѣ и лужайкѣ, гдѣ устраивалось угощенье, затѣвалось пѣніе. Плясокъ и хороводовъ, конечно, не было: близко отъ церкви, да и пеловко на глазахъ „батюшки о. Якова“, но пѣсни лились чуть не до полночи. Батюшка, чтобы не стѣснять молодежи своимъ присутствіемъ, уходилъ, а мы долго любовались веселостью собравшейся молодежи, удивляясь, когда она успѣетъ выспаться, если съ зарей ей предстоитъ подниматься на свою собственную работу.

V. Доходы сельскаго духовенства. Христославленье.

Вышеописанная обстановка жизни сельскаго духовенства становится понятною, если будутъ извѣстны тѣ доходы, которыми оно въ то время пользовалось, особенно въ бѣдныхъ приходяхъ, вродѣ отцовскаго. Въ с. П—скомъ считалось въ то время 150 дворовъ съ 500 ревизскихъ душъ. Зажиточныхъ крестьянъ было мало.

Помню, во всемъ селѣ тогда былъ одинъ только каменный, да и то очень небольшой домъ; во всемъ селѣ едва-ли было болѣе 2—3 самоваровъ. Денежный доходъ причта не превышалъ 300 руб. въ годъ, изъ которыхъ на долю отца приходилось не болѣе 150 руб. Исправленіе требъ оплачивалось незначительными суммами: крещеніе младенцевъ 20—25 коп., похороны отъ 50 коп. до 1 руб., включая въ эту сумму и вознагражденіе за сопровожденіе покойника изъ дома въ церковь и изъ церкви на кладбище, расположенное далеко въ полѣ, за селомъ. Пасхальные молебны въ домѣ прихожанъ оплачивались 20 коп.; рождественскіе и крещенскіе—вмѣстѣ 25 коп. Случалось, что бѣдные крестьяне не платили и этого ничтожнаго вознагражденія, прося „записать до Хрещенья“ или до Пасхи, и причтъ ни съ чѣмъ уходилъ изъ курной избы, гдѣ во время молебна ему чуть не выѣлъ глаза наполнявшій избу дымъ. У болѣе зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ уплаты 15—20 коп. за молебенъ, „батюшку“ и причтъ просили иногда „присѣсть“, т. е. угощали закуской, состоящей изъ жареной баранины, свинины, гуся или утки, да браги и сивухи. Конечно, изрѣдка послѣ продолжительнаго и утомительнаго хожденія по селу въ теченіе цѣлаго дня, такое угощеніе приходилось кстати. Но на Пасхѣ, когда такія угощенія учащались, они были очень обременительны. Отказаться „присѣсть“—значило обидѣть радушнаго хозяина, и приходилось присаживаться и довольно часто. И вотъ весь причтъ церковный, а также и „богоносцы“, носившіе съ причтомъ образа по селу ¹⁾, къ вечеру возвращались домой порядочно нагружившимися... И это было очень грустное явленіе, подрывавшее благоговѣйное, праздничное настроеніе. При этомъ бывали и пьяныя ссоры, такъ не гармонировавшія съ любвеобильнымъ призывомъ церкви: „другъ друга обьемъ“ „простимся воскресеніемъ“... Дѣтское чувство подсказывало мнѣ, что этого не должно было быть, и краска стыда покрывала мои щеки при созерцаніи такихъ, къ сожалѣнію, нерѣдкихъ явленій. Больно и теперь вспоминать объ этомъ...

VI. Отношеніе къ духовенству прихожанъ, интеллигенціи и начальства.

Оправданіемъ всего этого можетъ служить развѣ низкій уровень развитія сельскаго духовенства того времени. Полное отсутствіе

¹⁾ Это были или любители или давшіе обѣтъ (напр. во время болѣзни) носить иконы при хожденіи причта по селу съ молебнами.

всякихъ высшихъ запросовъ, кромѣ механическаго, подчасъ, исправленія требъ, вѣчная забота о кускѣ насущнаго хлѣба, о воспитаніи дѣтей, захолустная жизнь, — все это располагало къ возможности вышеописанныхъ грустныхъ явленій. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, представляло сельское духовенство? Прихожане-простецы, правда, уважали „добрыхъ“ пастырей, хотя бы они и не высоко стояли по умственному развитію. Но не такъ относилась къ духовенству, особенно сельскому, мѣстная интеллигенція, высшее духовенство и разнаго рода начальство. Дворяне-помѣщики, теперь такъ стремящіеся (на словахъ, по крайней мѣрѣ) къ поддержанію основъ государственной жизни, между которыми красуется и „православіе“, — чего только они не дѣлали для того, чтобы убить уваженіе къ этому православію своимъ отношеніемъ къ сельскому духовенству? Какому унижительному обращенію подвергались тогда не только низшіе члены клира, но и сами „батюшки“? Но объ этомъ писалось такъ много, что не стоитъ распространяться ¹⁾. Я коснусь только отношеній къ сельскому духовенству его духовнаго начальства. Начну съ самаго посвященія въ священный санъ. Боже мой, какія мытарства нужно было пройти, чтобы получить мѣсто священника или діакона въ селѣ! Начиная съ обращенія къ консисторскому сторожу и кончая всесильнымъ секретаремъ консисторіи — вездѣ униженіе, вездѣ нужны были взятки. Про консисторію, вѣдь, не даромъ сложилась поговорка на семинарско-латинскомъ языкѣ: *consistorium est oblutatio et obdiratio pororum, diaconorum, diatcorum, ponotagogumque* (консисторія есть облупація и обдирація поповъ, діаконровъ, дьячковъ и пономарей). Наконецъ, мѣсто священника или діакона дано. Предстоитъ посвященіе въ санъ. Начинаются мытарства „ставленника“, т. е. лица, готовящагося къ посвященію. Надо дать псаломщику, иподіаконамъ, діаконамъ и самому протодіакону, а то при посвященіи будетъ устроена какая-нибудь неловкость, за которую владыка не похвалитъ. Ставленнику нужно подсказать, гдѣ стать, какъ и гдѣ поклониться, что и гдѣ поцѣло-

¹⁾ Расскажу очень характерный случай. Въ помѣщичьемъ селѣ ожидался пріѣздъ архіерея, объѣзжавшаго епархію. Встрѣча владыки духовенствомъ ближайшихъ селъ назначена въ помѣщичьемъ селѣ, и потому масса духовенства, пріѣхавшаго съ своими облаченіями, собралась въ домъ помѣщика. Помѣщикъ приказалъ своимъ челядинцамъ перепутать облаченія, чтобы полюбоваться тѣмъ смятеніемъ, которое должно было овладѣть духовенствомъ, когда при пріѣздѣ владыки оно должно было впопыхахъ разбирать подходящее каждому облаченіе.

вать, а вся эта наука не даромъ давалась ему. Про одного прото-діакона, Саввушку, отличавшагося громаднымъ ростомъ и громадною силою, у насъ ходили преданія, что при возгласѣ „повели“! онъ, неугодившимъ ему ставленникамъ, заставляя ихъ нагибаться для поклоновъ при посвященіи, давалъ такіе тумаки въ шею, что ставленники долго потомъ помнили свое посвященіе въ санъ. И это въ храмѣ Божіемъ, при торжественной обстановкѣ архіерейскаго богослуженія, при томъ благоговѣйномъ настроеніи, которое должно окрылять молодого человѣка, отдающаго себя на служеніе Богу... А отношеніе самихъ владыкъ къ сельскому духовенству? Естественно было бы ожидать, что младшіе представители священства найдутъ въ лицѣ старшихъ чиновъ—покровителей и наставниковъ, къ которымъ открытъ доступъ, къ которымъ въ минуты затрудненій можно идти за духовною помощью и совѣтомъ. А между тѣмъ, припоминаю тотъ страхъ и трепетъ, которыми, бывало объято сельское духовенство, когда ему приходилось предстать предъ грозныя очи владыки. Вѣроятно, многіе изъ нихъ читали при этомъ псаломъ: „помяни, Господи, Давида и всю кротость его“—псаломъ, которому встарину приписывалось укрощающее гнѣвъ начальства дѣйствіе. Я слышалъ, что владыки, при явкѣ къ нимъ сельскаго духовенства, допускали колѣнопреклоненіе его предъ ними. А „разнести“ священника въ церкви, при прихожанахъ и постороннихъ людяхъ, за малѣйшую неисправность, обнаруженную въ церкви, въ книгахъ, при объѣздахъ епископомъ церковей — это было обыденнымъ явленіемъ. И тутъ надо было дать лицамъ, сопровождавшимъ епископа, чтобы они не очень уже рылись въ церкви и книгахъ и были снисходительны къ упущеніямъ, не доводили о нихъ до свѣдѣнія епископа. Вообще, объѣздъ архіереемъ сельскихъ церковей — это было нѣчто ужасное для сельскаго духовенства. Священники и діаконы (не говоря уже о низшихъ причетникахъ) часто сбивались въ произнесеніи возгласовъ и эктений при встрѣчѣ архіерея, путали многолѣтія Царствующему Дому. Въ то время при богослуженіи требовалось перечисленіе всѣхъ членовъ Царствующаго Дома. Вдругъ, забудешь кого-нибудь или упомянешь его не въ надлежащемъ, по порядку, мѣстѣ. Помню, долго послѣ отъѣзда архіерея шли толки по селамъ о посѣщеніи архіереемъ храмовъ, подсчитывалось, во что обошелся приѣмъ архіерейской свиты, которая собирала не только деньгами, но и натурою—холстами, индѣйками и т. п. домашними продуктами. Благодаря поборамъ, которые позволяла себѣ архіерейская свита, у насъ про одного изъ архіереевъ (изъ малороссовъ) сложена была даже пѣсня-пародія на извѣстную патріотическую пѣсню объ Императорѣ Александрѣ I: „Ѣздилъ бѣлый русскій царь“.

Не малое безпокойство и переполохъ причиняли, бывало, и посѣщенія мелкихъ начальниковъ, вродѣ благочинныхъ и даже столоначальниковъ существовавшихъ тогда духовныхъ правленій (отдѣленія консисторіи въ уѣздныхъ городахъ). Они тоже ревизовали метрическія исповѣдныя и обыскныя книги, ревизовали, кажется, затѣмъ, чтобы поживиться насчетъ духовенства. Помню, къ намъ появлялся нерѣдко правленскій столоначальникъ Василій Васильевичъ, жилъ нѣсколько дней, пилъ и угощался до опьяненія и уѣзжалъ, снабженный разными припасами — подарками для его супруги Евгеніи, которую духовенство наше называло въ насмѣшку „Явленіемъ“, можетъ быть, характеризуя такъ неожиданныя появленія ея мужа на ревизію.

VII. Церковное учительство. Отправление богослуженія.

Приниженное, обездоленное, мало развитое сельское духовенство имѣло слабое вліяніе на паству. Требованіе Св. Писанія: „подобаетъ пресвитеру быти учительну“ выполнялось очень мало. Сельскій пресвитеръ „поучалъ“ рѣдко, да и то больше по печатнымъ образцамъ. Я помню, сколько труда прилагалъ сельскій священникъ, чтобы составить проповѣдь, которую ему, послѣ цензуры соборнаго протоіерея, приходилось по очереди произносить въ городѣ. Покойный Побѣдоносцевъ („Московскій Сборникъ“) считалъ проповѣдничество въ нашей церкви и не особенно нужнымъ, такъ какъ само наше богослуженіе поучительно и весьма назидательно. Это послѣднее соображеніе довольно справедливо. Наши духовныя пѣснопѣнія полны высокой поэзіи и величественной простоты и способны вызвать умиленіе и быть назидательными. Но понимать наше церковное пѣніе и чтеніе не подѣ силу не только неграмотному простолюдину, но даже и такъ называемому образованному классу православнаго населенія. Наши богослужебныя книги переведены съ греческаго языка самымъ невозможнымъ образомъ. „Иядвія моя наполнишася поруганій“... „еродіево жилище предводительствуетъ ими“... „сушу глубородительную землю солнце нашествова иногда“. „Странствія Владычня, безсмертныя трапезы“... Готовъ держать пари, что и теперь многіе изъ духовенства не въ состояніи правильно перевести эти и имъ подобныя выраженія, очень часто встрѣчающіяся въ богослужебныхъ книгахъ. Еще недавно одинъ молодой батюшка затруднялся объяснить мнѣ выраженіе Евангелія, „во едину отъ субботъ“. Помню хорошо случай, происшедшій въ родительскомъ домѣ во время моего дѣтства. На рождественскихъ праздникахъ

у насъ собрались сосѣдніе священники. Бесѣдовали о божественномъ, и кто-то предложилъ перевести извѣстный ирмосъ рождественскаго канона: „любити убо намъ, яко безбѣдное страхомъ“ и т. д. Перевели, но въ концѣ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Не имѣя подъ рукой книги, недоумѣвали, слѣдуетъ ли читать „имати (имѣти) силу“, или и мати, силу. И только справка съ книгою дала возможность разрѣшить недоразумѣніе ¹⁾).

Если даже священники затруднялись перевести столь употребительную церковную пѣснь, то что же сказать о низшемъ клирѣ и прихожанахъ-простолюдинахъ? Что послѣдніе поймутъ изъ быстрого чтенія дьячка, который и самъ-то не понимаетъ читаемаго имъ? Я хорошо помню, какъ нашъ сельскій дьячекъ, читая на Рождествѣ апостоль: „Многочастнѣ, многообразнѣ древле Богъ, глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ днѣй сихъ глагола намъ въ сынѣ“, прочиталъ послѣднее слово „во снѣ“, такъ какъ по славянски это слово пишется сокращенно съ титломъ. А рассказы о передѣлкахъ Салафіиля и Зоровавеля, Акиллы и Прискиллы въ Соловоя и Журавеля, „Акислы и Прикислы“, вѣдь это не зубоскальные анекдоты. Для того, чтобы богослуженіе наше было назидательнымъ, нужно далѣе, чтобы оно отправлялось не такъ механически, какъ это зачастую бываетъ. У насъ въ селѣ былъ, во время моего дѣтства, дьячекъ, который считалъ грѣхомъ пропустить что-либо при чтеніи каѳизмъ и паремій. И вотъ, для того чтобы богослуженіе не затягивалось, онъ рекомендовалъ мнѣ и другому мальчику, стоявшему со мною на клиросѣ, читать каѳизмы сразу вдвоемъ: я долженъ былъ читать одну страницу, а мой товарищъ въ то же время другую. Можете себѣ представить, что выходило при такомъ параллельномъ, вслухъ, чтеніи псалмовъ! А вычитываніе или, лучше сказать, бормотаніе 40 разъ: Господи, помилуй? При поспѣшности, съ которою произносится это, слышится все, что угодно („поминосъ“, „помилось“), но только не моленіе о помилованіи. Недостаетъ также нашему

¹⁾ Да, пора бы подумать о нашемъ богослужебномъ языкѣ. По этому поводу припоминаю случай изъ моей позднѣйшей, уже семинарской жизни. Нашъ учитель гомиетики о. П. П. Р—въ, указывая на то, что слогъ проповѣди долженъ быть высокимъ, совѣтовалъ достигать этого употребленіемъ славянскихъ оборотовъ. Когда я сказалъ, что славянскіе обороты не всегда вразумительны, и что лучше бы вообще славянскій языкъ замѣнить русскимъ, о. Р—въ возразилъ, что русскій языкъ еще не доросъ до этого. „Ну, какъ ты переведешь: отверзу уста моя? Разину ротъ мой“? И мои товарищи и я не могли не признать, что такой переводъ былъ бы кощунственнымъ, но, вѣдь, развѣ нельзя употребить другое, болѣе подходящее выраженіе, тѣмъ болѣе, что слово „уста“ уже обрусѣло?

богослуженію выразительности чтенія. Часто громадный басъ діакона гудитъ въ церкви, но звуки выходятъ, какъ изъ пустой бочки, не членораздѣльными. Псаломщицкое чтеніе монотонно, съ глотаніемъ словъ. Мнѣ передавали, что когда одинъ молодой священникъ сталъ отправлять богослуженіе безъ традиціонной интонаціи, а приближаясь къ тому идеалу, который должно преслѣдовать общественное богослуженіе—бесѣда души съ Богомъ, священника вызвали къ архіерею и внушили ему не вводить новшества: „вѣдь церковь не театр“. Допустимъ, что выразительное чтеніе въ неумѣлыхъ устахъ можетъ превратиться въ актерскую декламацію. Но тогда бороться надо не съ выразительностью чтенія, а съ излишествами. Умный, благоговѣйный членъ причта не допуститъ излишества и не превратитъ святого дѣла богослуженія въ театральную декламацію. Недавно мнѣ пришлось быть на двухъ похоронахъ. Молодой, проникнутый важностью событія, священникъ совершалъ чинъ отпѣванія. Маленькая кладбищенская церковь почти вся рыдала, когда священникъ благоговѣйно, съ выраженіемъ произносилъ умиленные слова, которыми церковь, сочувствуя человѣческой скорби, старается смягчить ее надеждою на вѣчную память, вѣчный покой, вѣчную жизнь и воскресеніе. Присутствуя затѣмъ на вторыхъ похоронахъ, гдѣ службу отправлялъ другой священникъ, я былъ пораженъ: какъ будто другія слова, другія пѣсни! А между тѣмъ и покойникъ для меня былъ ближе, чѣмъ первый, и діаконъ здѣсь былъ громогласный, и церковь богаче, и пѣвчіе пѣли куда лучше, чѣмъ въ кладбищенской церкви! А все это оттого, что священникъ только механически вычитывалъ, что полагалось по требнику. Его самого, повидимому, не умилялъ обрядъ, — не умилялъ онъ и присутствующихъ въ церкви.

VIII. Деревенскія занятія и развлеченія.

Но возвратимся къ разсказу о быломъ. Росъ я, большею частью, на лонѣ природы. Кромѣ нѣсколькихъ часовъ занятій по подготовкѣ къ поступленію въ духовное училище, почти все весеннее, лѣтнее и осеннее время я проводилъ на воздухѣ. Отецъ мой любилъ ловить рыбу и собирать грибы. И того и другого было вдоволь. Нѣсколько часовъ ходьбы по лѣсу, часа 1½—2 ловли рыбы бреднемъ въ р. Цнѣ и прилегающихъ къ ней озерахъ, и мы приносили полныя корзины грибовъ, рыбы и раковъ.

Умственная жизнь была мало развита. Тѣ книги, которыя были въ домѣ и въ церкви, были перечитаны по десятку разъ. Да и что

же тамъ было? Какъ теперь помню, наиболѣе употребительнымъ было чтеніе „Примѣровъ благочестія“—нѣчто вродѣ хрестоматій изъ жизни святыхъ. Получались епархіальныя вѣдомости, но въ нихъ, кромѣ оффиціального отдѣла, помню, помѣщался сдѣланный мѣстнымъ преосвященнымъ переводъ съ французскаго разсужденій От. Николая о христіанской религій,—чтеніе мало доступное. Нѣсколько томовъ проповѣдей, естественная исторія Горизонтова (эту книгу я любилъ читать и перечитывалъ десятки разъ), да нѣсколько томовъ сочиненій по сельскому хозяйству, съ описаніемъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, вотъ все, что я помню изъ того, что перебивало въ моихъ рукахъ, кромѣ букварей и азбукъ съ картинками, изъ которыхъ помню какъ теперь на букву Θ—„Θеодора съ квасомъ“.

IX. Первые шаги ученія.

Ученье мое началось довольно рано. Собственно говоря, я даже не помню, какъ я научился читать. Припоминаю только, что дѣдъ мой изъ лыка и лучинъ складывалъ буквы, и, такимъ образомъ, научился я читать по наглядному способу. Писать училъ меня мой отецъ; съ нимъ я прошелъ чтеніе по-славянски, первыя начала ариѳметики, молитвы, псалмы, заповѣди и священную исторію. Отъ отца же я получилъ первыя познанія и въ древнихъ языкахъ. Совершенно случайно я чуть было не научился и рисованію. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ пришлось въ нашей церкви сдѣлать довольно большой ремонтъ, особенно иконостаса. Посѣтившій въ концѣ 50-хъ годовъ нашу церковь преосвященный Макарій (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) нашель, что въ церкви слишкомъ много скульптурныхъ изображеній, напоминавшихъ католическіе храмы. Рѣзное распятіе, рѣзныя фигуры ангеловъ и архангеловъ, даже одна икона: коронованіе св. Дѣвы Маріи—все это должно быть замѣнено новыми иконописными изображеніями. Отецъ собралъ нѣсколько сотъ рублей, и на цѣлое лѣто у насъ поселился извѣстный въ округѣ живописецъ Кириллъ Рыжковъ, съ учениками и подмастерьями. Живописная работа меня очень занимала, и я цѣлые дни проводилъ въ церкви, гдѣ спѣшно производилась работа. Живописецъ былъ, конечно, не изъ важныхъ, но все-таки это не была шаблонная работа, когда всѣ святые выходятъ на одно лицо, съ одинаковыми глазами, носами и ртами, отличаясь лишь цвѣтомъ одежды. У Рыжкова были цѣлые альбомы рисунковъ живописныхъ произведеній, и онъ взялся учить меня рисованію. Отецъ мой ничего не имѣлъ противъ этого, но мать, увидавши въ моихъ

рукахъ альбомы съ голыми тѣлами, запротестовала противъ занятій художествомъ, и занятія эти скоро прекратились.

Х. Первая деревенская школа въ домъ отца.

Выучившись читать и писать, я сталъ оказывать помощь отцу въ обученіи крестьянскихъ дѣтей. И до нашего захоlustья дошли отголоски идей эпохи реформъ, начавшейся послѣ Крымской войны. И у насъ стала пробуждаться умственная жизнь; потребность грамотности въ крестьянскомъ населеніи стала назрѣвать, и отецъ мой завелъ первую школу у себя въ домѣ, конечно, бесплатную и самъ сталъ учить въ ней крестьянскихъ ребятъ грамотѣ. И вотъ, въ нашей „избѣ“ съ осени до весны стало собираться болѣе десятка парнишекъ, которыхъ отецъ мой началъ обучать чтенію по-русски и по-славянски и письму. Когда отцу, по его служебнымъ обязанностямъ, некогда было заниматься въ школѣ, помогалъ дѣдъ, помогалъ и я, уже перешедшій первоначальную премудрость. А наука была, дѣйствительно, премудреная и нелегкая. Оправдывалось старинное изреченіе: „корень ученія горекъ“... Обученіе производилось по старому, слогосоставительному способу. Сначала по букварю заучивались названія буквъ по-славянски: азъ, буки, вѣди, глаголъ, добро, есть и т. д. Называя ту или другую букву, ученикъ долженъ былъ указкой изъ лучины показывать эту букву въ букварѣ. Играла роль, конечно, слуховая и зрительная память. Долго происходилъ процессъ заучиванья по порядку всѣхъ буквъ славянскаго и русскаго алфавитовъ. Затѣмъ переходили къ составленію слоговъ, первоначально простыхъ, состоящихъ изъ согласной и гласной буквъ. И вотъ начиналось заучиванье: буки—азъ=ба, вѣди—азъ=ва; слово—есть=се и т. д., пока не заучивались на память всевозможныя комбинаціи согласныхъ буквъ съ гласными. Затѣмъ шло заучиваніе сложныхъ слоговъ, состоящихъ изъ 3—4 буквъ: буки—рцы—азъ=бра, вѣди—рцы—укъ (у)=вру и т. д. Послѣ всего этого приступали къ чтенію словъ, а потомъ молитвъ и псалмовъ. Чтеніе начиналось по слогамъ, изъ которыхъ, я теперь, право, уже не знаю, какъ ученикъ ухитрялся составить слово. Напримѣръ, чтобы прочесть по этому способу: „отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“, нужно было продѣлать такую тарабарщину, онъ—твердо—червь—есть—че=отче; и—живете—есть—же=иже; есть—слово—иже—си=еси; нашъ—азъ=на; нашъ—есть—не—буки—есть—бе=на небе, слово—ять—сѣ=на небесѣ, херь—ерь—хъ=на небесѣхъ. Наконецъ, трудности преодолены; съ грѣхомъ пополамъ

черезъ полгода ученія начинается чтеніе по-славянски. Безъ знанія сокращеній, такъ называемыхъ титлаъ, нельзя ступить и шагу. И вотъ опять заучиванье на память всѣхъ словъ, гдѣ употребляются титла, въ алфавитномъ порядкѣ, азъ—ангелъ, архангелъ, архангельскій, буки—титло—цы—есть—це—Богородице. За букваремъ слѣдовало чтеніе по псалтыри съ выучиваніемъ псалмовъ наизусть: „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ... Вскую шаташася языцы... Помилуй мя, Боже“. На сколько я помню свое дошкольное время, ученики наши дальше не доходили. Параллельно съ чтеніемъ шло и обученіе письму. Учились по прописямъ, срисовывая буквы. Объ элементахъ буквъ понятія тогда у насъ не имѣли, а прямо списывались буквы по алфавиту. Писали гусиными перьями и самодѣльными чернилами, которыя приготовлялись у насъ дома изъ отвара чернильныхъ орѣшковъ и зеленого купороса. Плохо держится перо въ непривычныхъ, грубыхъ хотя и дѣтскихъ рученкахъ. То и дѣло, бывало, слышишь возгласы учениковъ: „батюшка, у меня перо раскорячилось!“ Это значило, что прилежный мальчуганъ приналегъ на перо такъ, что оно расколосось по раскепу (разрѣзъ кончика пера), и нужно было или переочинивать перо или снабжать ученика новымъ. За матеріаломъ этимъ дѣло не останавливалось. Всегда былъ запасъ гусиныхъ перьевъ, собранныхъ на лугу самими же мальчуганами. Позднѣе, когда я самъ поступилъ въ школу, и такимъ образомъ моя „педагогическая дѣятельность“ прекратилась, школа, учрежденная отцомъ, сдѣлалась, земскою. Появились и учебныя пособія, книги для чтенія, которыми снабжало школу, земство, и дѣло пошло впередъ. Появился и учитель отъ земства, котораго у насъ называли почему-то „учельщикомъ“, но все-таки крестьяне не забыли старой „батюшкиной“ школы, родоначальницы земской школы¹⁾.

Занятія въ нашей школѣ начинались съ ранняго утра и оканчивались только къ вечеру. Среди дня былъ небольшой отдыхъ для обѣда. Это было очень веселое время. Я и мои ученики, изъ которыхъ нѣкоторые были гораздо старше меня, отправлялись играть въ снѣжки, лѣпить изъ снѣга фигуры, кататься съ горъ.

¹⁾ Спустя болѣе 35 лѣтъ, посѣтивъ родину и могилы своихъ родителей, я на церковномъ бугрѣ (гора, гдѣ стояла наша деревенская церковь), около церкви замѣтилъ не бывшія тамъ прежде двѣ небольшія постройки и узналъ, что въ одной изъ нихъ помѣщается земская, и въ другой—церковно-приходская школа. Съ грустью узналъ, что между школами существуетъ антагонизмъ. Какъ будто двѣ сосѣднія лавочки, соперничающія въ торговлѣ однимъ и тѣмъ же товаромъ!..

Это послѣднее было особенно занимательно. На высокую гору втаскивались большія салазки, а то и сани. Мы садились на нихъ большою кучею и, сломя головы, летѣли внизъ по крутымъ ска-тамъ горы. Порою салазки или сани втаскивались въ сугробъ, и всѣ мы, въ силу инерціи, вылетали изъ саней и салазокъ и зары-вались въ сугробахъ снѣга. Немалое удовольствіе доставляло также катанье на гладкомъ, какъ зеркало, льду широкой рѣки, еще не покрытомъ снѣгомъ. О конькахъ мы тогда и не слышали.

Нѣсколько лѣтъ тянулось ученье въ описанной мною прими-тивной школѣ, и все-таки оттуда выходили еле-еле грамотными. Бывшее тогда въ ходу изреченіе: „я учился не по этой псалтыри“ было насмѣшкою надъ грамотеями, умѣвшими читать только ту книгу, по которой они учились, но оно было примѣнимо и къ боль-шинству. Да и по своей-то псалтыри деревенскій парень скоро забывалъ умѣть читать, развѣ, благодаря какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ (голосу, умѣнью пѣть) онъ имѣлъ случай читать и пѣть въ церкви на клиросѣ. Все это объясняется, конечно, и слабою подготовкою, которую давала школа, но болѣе всего отсут-ствіемъ въ деревнѣ какого бы то ни было рода книги. Нечего было читать, и начинался рецидивъ неграмотности. Да что гово-рить о нашемъ деревенскомъ захолустьи? Недалеко отъ моей родины расположенъ богатый торговый городъ съ хлѣбною при-ставью. Тамъ въ описываемое нами время не было книжнаго магазина и библіотеки, изъ которой можно было бы брать книги. Лубочныя изданія: книжки сказокъ о „Бовѣ-королевичѣ“, „Францѣ Венеціановичѣ“, „Еруслаѣ Лазаревичѣ“, „Битва русскихъ съ кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа“, лубочныя картины съ изображеніемъ страшнаго суда, „какъ мыши kota хоронили“, „сильный храбрый воинъ Аника“, нѣчто вродѣ каррикатуръ на пьянство и скупость, „же-лѣзная дорога“¹⁾—все это можно было раздобыть въ деревнѣ только у офеней, а въ городѣ на ларяхъ, гдѣ продавалась разная мелочь. Помню, что долго еще въ нашемъ селѣ царяла полная безграмотность. Почти никто въ деревнѣ, кромѣ чиновъ причта, да

¹⁾ Вѣроятно, не многіе видѣли послѣднюю картину. Мимо деревни мчится поѣздъ и представлена группа мужиковъ, изумленныхъ такою не-видалью. Подписаны стихи, въ которыхъ прославляется смѣтливость рус-скаго человѣка: „Что за дивная запряжка, богатырская ухватка! Везетъ тысячь сто пудовъ, будто бы вязанку дровъ. Нѣмцы вздоръ наговорили, что машину сочинили. Нѣтъ, голубчики, нихтъ варь! Русью пахнетъ само-варь!“

и то не всѣхъ, не умѣлъ ни прочесть, ни написать письма. Помню, что по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ въ нашъ домъ приходили мужики и бабы, чтобы прочесть письмо отъ сына-солдата или родственника, ушедшаго на заработки „на линію“ „въ Тараполь“ (Ставропольская губ.) или „за Волгу“ (Самарская губ. ¹).

XI. Интеллектуальная жизнь деревенскаго духовенства. Развлеченія. Лѣкарства.

Какъ уже можно судить изъ сказаннаго мною о бытѣ сельскаго духовенства въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, умственная жизнь была слабо развита. Политикой совсѣмъ не занимались. Я даже не помню, видѣлъ ли я въ родительскомъ домѣ до поступленія въ школу газету или журналъ, кромѣ епархіальныхъ „Вѣдомостей“.

¹) Мнѣ много пришлось прочесть подобныхъ писемъ. Обыкновенно слушателей, а въ особенности слушательницъ собиралась масса, такъ какъ письмо, адресованное, напр., отцу, всегда заключало въ себѣ упоминаніе и о другихъ родныхъ кумовьяхъ и сватахъ. Слогъ этихъ писемъ очень однообразный: „Любезному моему батюшкѣ NN и любезной моей матушкѣ NN отъ сына вашего NN желаю я вамъ добраго здравія и всякаго благополучія, въ дѣлахъ вашихъ скорого и счастливаго успѣха и прошу у васъ родительскаго благословенія, навѣки нерушимаго, которое будетъ по гробъ моей солдатской жизни. Затѣмъ идутъ такія же фразы (кромѣ родительскаго благословенія) въ отношенія братьевъ, дядей, тестя и тещи (богоданные батюшка и матушка). Если корреспондентъ женатъ, въ концѣ-концовъ доходитъ очередь и до супруги: еще богоданной моей любезной супругѣ NN отъ супруга вашего NN, низко вамъ кланяюсь и цѣлую въ сахарныя уста“. Почти все письмо состояло изъ подобныхъ привѣтствій и только въ концѣ были короткія сообщенія или о службѣ или о заработкахъ, а отъ солдатъ—и просьба прислать нѣсколько денегъ. Кажется, что интереснаго въ такомъ письмѣ? И тѣмъ не менѣе, чтеніе письма вызывало слезы умиленія. Каждая изъ слушательницъ, какъ только о ней упоминалось въ письмѣ, сморкалась и утирала слезы рукавомъ рубахи или фартукомъ (запонъ), причитая: не забылъ, нашъ голубчикъ (или нашъ кормилецъ). Расчувствовавшіяся бабы награждали и чтеца какъ ласковыми словами: „спасибо, касатикъ“, такъ и деревенскимъ угощеніемъ, вродѣ подсолнечныхъ и тыквенныхъ сѣмячекъ и т. п. Приходилось мнѣ и писать отвѣтъ на письма. По установившемуся обычаю, отвѣтъ долженъ былъ повторить привѣтствія отъ всѣхъ, кому они были присланы. Избави Богъ, пропустить какую-либо тетушку или написать письмо безъ „низкаго съ любовью поклона, родительскаго благословенія и поцѣлуя въ сахарныя уста отъ супруги“.

Только позже отецъ сталъ выписывать духовно-нравственный журналъ „Странникъ“, издаваемый священникомъ Гречулевымъ. Помню, полученіе ежемѣсячной книжки журнала составляло чуть не праздникъ, и книжка, кажется, по нѣсколькѣ разъ перечитывалась нами. Развлеченій, которыя носили бы образовательный характеръ, у насъ не было. Иногда собирались къ намъ сосѣди — духовные. Всѣ разговоры сводились къ хозяйственнымъ заботамъ, урожаю, доходности приходовъ, пріѣзду архіерея и благочиннаго. Соберутся, поговорятъ, выпьютъ, поюють — да и восвояси. Пѣть у насъ въ домѣ очень любили. Отецъ былъ большой любитель пѣнія и, обладая прекраснымъ баритономъ, всегда, бывало, устраивалъ пѣніе между гостями. Пѣли духовныя пѣсни, но позволялось и свѣтское пѣніе. Конечно, это были большею частью кантаты о суетности и бренности земной жизни, но, подъ хмѣлькомъ, позволялось и суетное. Припоминаю нѣкоторыя изъ употребительныхъ тогда пѣсенъ.

1.

Все со временемъ промчится,
 Горе съ счастьемъ пролетитъ.
 Къ разрушенью все стремится...
 Кто сей цѣли избѣжитъ?
 Кедръ кудрявый съ облаками
 Наравнѣ вчера стоялъ.
 Дунулъ вѣтеръ — вверхъ корнями
 Кедръ поверженный упалъ.
 Гдѣ цвѣточекъ тотъ прекрасный,
 Кой долину украшалъ?
 Дунулъ вѣтеръ, вѣтеръ ужасный,—
 И цвѣтокъ навѣкъ завялъ!
 Такъ и я скоро увяну,
 Скоро кончится мой вѣкъ;
 Прахомъ и землей я стану
 И не буду человѣкъ...

2.

Какъ отъ вѣтки родной
 Листъ осенней порой,
 Оторвавшись, по вѣтру летаетъ, —

Такъ и жизнь здѣсь моя
 Все грустнѣй день отъ дня
 Вдоль безбрежнымъ потокомъ несется.

3.

Пчелка золотая, что ты жужжишь,
 Все, вокругъ летая, прочь не летишь?
 Или ты любишь Лизу мою?
 Соты ль душисты въ алыхъ устахъ?
 Розы ль огнисты въ яркихъ глазахъ?
 Сахаръ ли бѣлый грудь у нея?..

Въ пѣвнн принимали участіе и матушки, и тогда можно было слышать заунывную пѣсню:

Катя въ рощицѣ гуляла,
 Друга милаго искала,
 Кой клялся ее любить,
 Каждый вечеръ съ нею быть.

Но ужъ солнце закатилось,
 Небо ясное затмилось;
 На цвѣты роса падеть,
 А сердечный другъ нейдетъ.

Другъ не идетъ, и все не мило!
 Въ Катѣ сердце приуныло.
 Стала Катя тосковать
 И не знала, что начать.

То ходила, то стояла,
 Руки бѣлыя ломала,
 То смотрѣла сквозь лѣсокъ
 И кляла свой лютый рокъ...

Отецъ мой былъ общительнаго, веселаго нрава. Часто во время скромной пирушки онъ предлагалъ тостъ: „Выпьемъ по полной, вѣкъ нашъ недолгій. Многая лѣта, многая лѣта!“ Или на напѣвѣ:

прокимень гласъ 3-й—онъ затягивалъ: „Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили“. Или: „Чарочка моя серебряная! Кому чару пить, кому выпивать? Кто не допиваетъ, тому наливаютъ“. И чарочка усердно прогуливалась вокругъ стола, заставленнаго „яствіями и питіями“. Преобладали, конечно, водка и брага, но иногда, особенно въ праздникъ, гостей угощали и наливкою домашняго приготовления и даже лиссабонскимъ виномъ, кажется, кашинскаго производства. Невозможная тогда водка—сивуха сдабривалась сарентскимъ бальзамомъ, который отцу привозили въ подарокъ прихожане, ѣздившіе съ извозомъ на Волгу и оттуда привозившіе рыбу. Кромѣ того, въ ходу была настойка на смородиновыхъ листьяхъ, шелухъ кедровыхъ орѣховъ и, какъ лѣкарство почти отъ всѣхъ болѣзней, внутреннихъ и наружныхъ, настойка на звѣробѣ.

Кстати о лѣкарствахъ. Лѣчились тогда, въ общемъ, мало и то домашними средствами. Помню, что къ намъ только одинъ разъ пріѣзжалъ врачъ изъ уѣзднаго города. И тамъ онъ былъ, кажется, единственный. Извѣстенъ онъ былъ тѣмъ, что его рѣдко можно было застать трезвымъ. Обыкновенно дѣлалось такъ, что этого врача привозили въ деревню къ больному, немного протрезвляли, а затѣмъ, по оказаніи медицинской помощи, онъ опять напивался, и его отправляли домой. Кромѣ врача, помню, были еще „подлѣкаръ“ и „воспенникъ“ (простой крестьянинъ, наученный прививать оспу) да баба-повитуха. Болѣзней мудреныхъ тогда не знали. Отъ лихomanки (лихорадка) пили водку, настоенную на полыни, трефоли и тысячелистникѣ. Болѣла голова, былъ жаръ—прикладывали къ вискамъ листья отъ вилка (кочана) кислой капусты, отъ живота помогалъ огуречный рассоль и „накидывались горшки“ (суррогатъ сухихъ банокъ). Отъ кашля давали лакрицу, а „жаба“ лѣчилась и симпатическими средствами. Наша сосѣдка, Варя Аеонкина (интересно, что мужа ея звали Аеонька Варинъ), отъ жабы давала пить воду съ уголька и дѣлала массажъ шеи, причитывая что-то „о Зарѣ-Зарницѣ, красной дѣвицѣ“ и рекомендуя жабѣ удалиться куда-то подальше отъ раба Божія (имя рекъ). Отъ чесотки (ее называли у насъ „шелуди“) помогало смазываніе тѣла въ жаркой банѣ дегтемъ, свареннымъ съ шелухою отъ лука и куринымъ пометомъ (!). Помню, примѣнялись и довольно героическія средства. При сильныхъ боляхъ въ животѣ рекомендовалось встряхиваніе больного, поднятаго за ноги (чтобы перемѣстившіяся внутренности приняли нормальное положеніе), а одинъ разъ я видѣлъ, какъ крестьянка, страдавшая какою-то внутреннею болѣзнию, попросила татарина, водившаго ручного медвѣдя, чтобы медвѣдь потопталъ ее ногами, для чего легла животомъ на землю. Заразительныхъ болѣзней (такъ

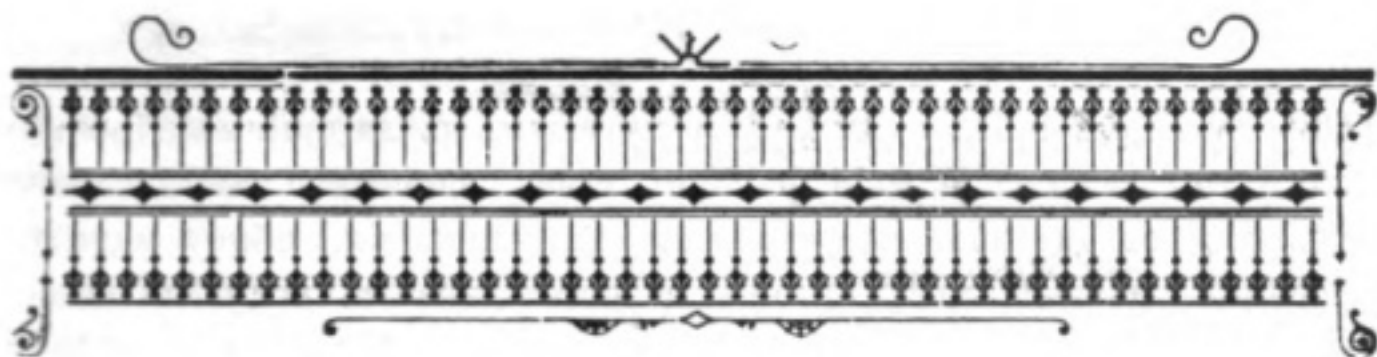
называемых у насъ „прилипчивыхъ“) не особенно боялись тогда, и я помню, какъ мой отецъ, отправившись напутствовать больного натуральною оспою, почему - то взялъ меня съ собою (мнѣ тогда было лѣтъ 8—9).

Въ особыхъ тяжелыхъ случаяхъ, когда всѣ вышеописанныя средства не помогали, предоставлялось все на волю Божию. При трудныхъ родахъ просили батюшку, чтобы онъ отворилъ царскія врата...

В. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Материалы для истории русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. ¹⁾.

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

11.

5/17 іюля 1823. Шаево.

Вочтоу ранѣе отвѣчалъ бы я, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, на Варшавское письмо ваше, если-бъ на именины мои 29-го іюня не наѣхало ко мнѣ множество гостей, которыхъ я долженъ былъ принимать и подчивать; все это только что кончилось. Теперь толпа эта ушла, и насъ двое осталось, сирѣчь я и князь Голицынъ пресумный и прелюбезный; онъ проживеть долго, и можетъ быть вплоть до осени, когда дѣла позовутъ меня въ Кострому, такъ что мы и поѣдемъ отсель вмѣстѣ. Любя меня, Вы примете участіе въ облегченіи моей скуки и одиночества. Удивляюсь отъ чего Вы не получили въ Варшавѣ моего письма; я отправилъ его не медля ни мало, коль скоро Вы меня увѣдомили о своемъ направленіи, и на оберткѣ помѣстилъ таинственныя слова: *poste restante*. Что это значитъ? ждуть ли письма, или въ догоню за проѣхавшимъ отправляются? Хотѣлъ бы послѣдняго, но боюсь, что только первое, и что такимъ образомъ, часть моей переписки будетъ вѣчно тяготить ящики разныхъ почтовыхъ домовъ, въ разныхъ столицахъ Европейскихъ. Какъ величать Васъ? Секретаремъ ли А. Л. ²⁾ или просто *Г-нъ при, attaché à?* разрѣшите такое важное недоумѣнье.

¹⁾ „Русская Старина“ августъ 1910 г.

²⁾ А. Л. Нарышкинъ.

Обратимся къ письму Вашему и путевымъ наблюденіямъ. Перемена климата бросилась вамъ вдругъ въ глаза: вспомните же о здѣшнемъ, гдѣ всѣ сосѣди мои рты разинули отъ удивленія, ибо у меня уже поспѣли на грядкахъ... огурцы! а экаго дива съ роду не бывало.

Устройство Рижскаго театра я предугадывалъ; жаль, что Вы не видали какой-нибудь драмы: нѣтъ ли актеровъ порядочныхъ? оперы же, а особливо *романтическія*, суть чудовища отъ которыхъ здравый смыслъ, истинный вкусъ и дѣльное искусство не найдутъ убѣжища. Въ Варшавѣ все это никогда не обитало, и такъ подробные ваши рассказы объ ней утверждаютъ меня только въ давнешнемъ малоуваженіи моемъ къ Польшѣ и чадамъ ея. Вязать въ театрѣ чулки, какъ въ Ригѣ, это странно, смѣшно своимъ прозаизмомъ; но давать оперы надъ болотомъ и заставлятъ пѣвцовъ спѣваться съ лягушками, это великолѣпно, это достойно отчизны слова: *не позволяемъ*. Возвратимся на часъ во свояси. Вы что-то шутите надъ Карамзинымъ, а ему не до шутокъ: ко мнѣ пишетъ А. А.¹⁾, что онъ при смерти боленъ, и даже слухъ о его смерти носился. Если умретъ онъ, большая сдѣлается революція въ мірѣ литературномъ; въ особенности Россійская Академія спасется отъ глупости новой и останется при невѣжествѣ старомъ. О Каченовскомъ много было писано въ первомъ письмѣ моемъ; въ добавокъ вотъ вамъ изъ 9-й книжки Увѣдомленіе: „Г. Д. З. и другія особы, прославшія свои піесы для напечатанія и требующія отчета, почему долго не выходятъ онѣ въ свѣтъ посредствомъ В. Е., симъ почтеннѣйше увѣдомляются, что Редакторъ не можетъ отступить отъ предположенныхъ для себя правилъ, и что онъ объявляетъ причины свои только тѣмъ особамъ, которыхъ *самъ просилъ* доставить къ нему извѣстныя статьи для помѣщенія въ семъ журналѣ“²⁾. Гречь со своей стороны подвизается; онъ теперь, въ половинѣ іюня, объявляетъ въ своей библіографіи о Сидѣ, печатанномъ въ его же типографіи въ прошломъ году, и вотъ какъ: „Въ первой книжкѣ Благонамѣреннаго на сей 1823-й годъ помѣщена критика на сей переводъ, строгая, жестокая, но—сказать правду—не несправедливая. Зная таланты г-на Катенина и свѣденія его въ русскомъ и французскомъ языкахъ, мы полагаемъ что онъ торопился симъ переводомъ, желая, вѣроятно изготovitъ оный къ сроку, назначенному для бенефиса“³⁾. Обращаюсь къ Вамъ съ вопросомъ: Кто лучше?

¹⁾ А. А. Жандръ.

²⁾ Вѣстн. Евр. 1823. № 9 стр. 80. Въ бумагахъ Бахтина сохранилось его письмо, вызвавшее печатный отвѣтъ Каченовскаго.

³⁾ „С. О.“ 1823 г. ч. 86-ая, № 24, стр. 180.

Гречь, или Каченовскій? Каченовскій, или Гречь? Впрочемъ къ нимъ я давно привыкъ; но горько съ новыми чернотами знакомиться. Горько, а кажется не миновать тому: живой портретъ Карла XII-го на мази, врядъ ли не тронулся ¹⁾; онъ повторяетъ примѣръ молодыхъ Скуратовыхъ, перестаетъ писать ко мнѣ, объявляетъ себя обязаннымъ за что-то Семеновой и пр. и пр. и пр. даже слухъ носится отъ пріятелей Гнѣдича, что сей одинокій мужъ уже и обучаетъ, или, какъ говорятъ, *усовершенствываетъ* моего экс-пріятеля. Впрочемъ явнаго разрыва со мной еще нѣтъ; пріѣздъ же Колосовыхъ ускоритъ развязку. Точно, сударь, дѣвка преумная ²⁾, и какъ пишетъ хорошо!—но скажите что сказать, выдумайте что думать о всѣхъ людяхъ, о всемъ родѣ человеческомъ, о всѣхъ связяхъ, обязанностяхъ, чувствахъ, словомъ о всѣхъ словахъ, которыми набиты всѣ книги, если Вася ³⁾ сдѣлаетъ то, что уже говорятъ, и что кажется на правду похоже. Вспомните всѣ обстоятельства вамъ извѣстныя, съ перваго дебюта въ бенефисъ отцу по усиленной прозвѣ старухи Колосовой ⁴⁾ къ Тюфякину ⁵⁾ и до путешествія моего въ Красное село и красной кабакъ и красной Кологривъ, вспомните, подумайте, и назовите; у меня нѣтъ словъ на это. Прощайте, мой почтенный Николай Ивановичъ. Жду вашихъ писемъ; Варшавское читали мы съ Голицынымъ, и смѣялись, и толковали, и васъ похвалили. Онъ знаетъ что Вы М. И., но о Д. З. я ему не говорилъ ни слова, храня чужую тайну; онъ же подозрѣваетъ Зыкова. *Bon voyage* до свиданія, увы! и до свиданія въ Кологривѣ. Весь вашъ

Павелъ Катенинъ.

12.

6-го декабря 1823 г. Кологривъ.

Ваши письма, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, приносятъ мнѣ несказанное удовольствіе, оживляютъ нѣсколько мое чувство и во-

¹⁾ В. А. Каратыгинъ выступалъ въ 1822 г. съ большимъ успѣхомъ въ переводной драмѣ „Карлъ XII при Бендерахъ“ (пер. А. Шеллера).

²⁾ А. М. Колосова.

³⁾ В. А. Каратыгинъ.

⁴⁾ Мать А. М. Колосовой, Евгенія Ивановна, род. 1782, ум. 1869, извѣст. танцовщица, оставившая сцену въ 1826 г.

⁵⁾ Гофмейстеръ, князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, род. въ 1769, ум. 1845, занималъ должность главнаго директора Императорскихъ театровъ съ 1818 по 1821.

ображеніе; ибо то и другое почти умерли отъ скуки и хлопотъ. Я не въ пору вздумалъ прошедшимъ лѣтомъ купить имѣніе за 74 тысячи рублей, надѣясь осенью получить выгодную поставку вина; вмѣсто того новый министръ финансовъ ¹⁾ постановилъ такую цѣну что и брать убытокъ, ищу вездѣ денегъ для уплаты моему продавцу, а деньги товаръ рѣдкій, словомъ сказать, погрязъ въ безднѣ золь и не знаю какъ выкарапкаться. Но оставимъ это: зачѣмъ мнѣ и вамъ наводить тоску въ столицѣ веселостей? ась! каковъ Парижъ? чудо, не правда ли? прошу реляціи о всемъ что тамъ есть; обѣщанная же толстая тетрадь по сію пору не пожаловала, а письмо изъ Карлсруэ отъ 14/26 октября лежитъ передо мною. Не знаю ничего самъ навѣрно о Каратыгинѣ: онъ и отецъ его продолжаютъ весьма дружески со мною переписываться, но на счетъ Гнѣдича офиціально отвѣта не бывало; я изъ этого замѣчаю, что Василій нѣсколько шаговъ сдѣлалъ было по дорогѣ пагубы, но по чему нибудь вспять обратился, и теперь заминаетъ рѣчь чтобъ не краснѣть въ разговорѣ; ни съ Семеновою, ни съ Колосовою, судя по его словамъ ладовъ большихъ нѣтъ, а онѣ между собою рго fogта помирились посредствомъ княгини Кутузовою ²⁾, на пробахъ дружески цѣлуются, и въ этой комедіи доказываютъ большое дарованіе и искусство. Федра Лобанова сыграна дурно и принята холодно ³⁾: не смотря на то Орестъ Сомовъ въ сынѣ отечества ⁴⁾ осыпаетъ глупыми похвалами переводчика и актеровъ, и увѣряетъ что мѣстами Лобановъ побѣдилъ непобѣдимаго—Лобановъ Расина! блажены вѣрующіе! Низость Хвостова, который влачился за мною какъ хвостъ, и теперь ругаетъ, ничуть неудивительна: Есть ли душа въ такомъ стихотворцѣ? на счетъ же журналовъ Греча и Каченовскаго, я все совершенно не могу съ вами согласиться; конечно, первый больше пристрастенъ, больше подлъ, но за то второй больше скученъ и глупъ. Вы не повѣрите какимъ онъ вздоромъ набить: есть статья

¹⁾ Егоръ Францовичъ Канкринъ, род. 1776 г., ум. 1845 г., министръ финансовъ съ 1823 по 1844 г.

²⁾ Екатерина Ильинична Кутузова, жена кн. М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго, урожд. Бибикова, род. въ 1754 г., ум. 1824 г.

³⁾ „Федра“ Расина, въ переводѣ М. Е. Лобанова, была представл. 9-го ноября 1823 г. и, по свидѣтельству П. Аранова („Лѣтопись русскаго театра, стр. 345—346), имѣла успѣхъ, благодаря прекрасной игрѣ Е. С. Семеновою (роль Федры) и В. А. Каратыгина (роль Ипполита).

⁴⁾ „С. О.“ 1823 г., ч. 89-ая № 46, стр. 242—260. Переводъ Лобанова хвалилъ также и А. Бестужевъ въ „Пол. Звѣздѣ“ на 1824 г. (Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1823 г., стр. 6—7). Ср. отзывъ Пушкина (Соч. изд. Лит. фонда, т. VII, стр. 69).

писанная кѣмъ-то изъ Женевы объ игрѣ *Mlle Duchesnois* ¹⁾, въ родѣ Бестужева, но еще ближе къ совершенству. Благодарю васъ душевно, любезный другъ, за похвальное намѣреніе вывести на чистую воду по возвращеніи въ Россію плутни по которымъ статья Д. :). остановлена: это необходимо; что же касается до краткаго обозрѣнія русской литературы, я стою въ своемъ словѣ, и готовъ быть вашимъ переводчикомъ, съ условіемъ чтобы никто меня и не подозревалъ въ этомъ дѣлѣ ²⁾. Только стиховъ и не требуйте, французскій языкъ такъ неспособенъ къ переводамъ въ стихахъ, что при величайшемъ трудѣ надо будетъ потерять большую часть красоты, а краска подлинника совершенно исчезнетъ; нынѣ же Шатобрианъ, Г-жа Сталь, Жюнгене, Сисмонди ³⁾ приучили французовъ къ хорошимъ переводамъ изъ иностранной поэзіи: по ихнему сдѣлать будетъ и легче и успѣшнѣе: развѣ что-нибудь мѣлкое можно попытаться и въ стихи передѣлать, и выдать это единственно за образчикъ, настаивая притомъ на трудности и даже невозможности длиннѣйшаго опыта. Я отвѣдаю Державинскихъ Харитъ ⁴⁾, сверхъ того есть мой пѣвецъ Усладъ прелестно переведенный Голицынымъ ⁵⁾. На всякій случай посылаю его къ вамъ теперь; можетъ быть, вы взду-

¹⁾ Cathérine-Josephine Rafin, dite Mlle Duchesnois, знамен. франц. актриса, род. 1777 г., ум. 1835 г. Письмо объ ея игрѣ отъ 10/21 сент. 1823 г. изъ Женевы (подпись Г. л. г. л-въ) напеч. въ „Вѣст. Европы“, 1823 г. № 19, стр. 216—230 и № 20, стр. 241—267.

²⁾ Статья Бахтина появилась въ „Mercure du XIX siècle“, 1824 г. t. V, съ подписью L. N. Въ русскомъ переводѣ статья появилась въ „Вѣстн. Европы“ 1824 г. (ч. 138 №22, стр. 102—113), подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя Замѣчанія Россіянина, живущаго нынѣ въ Парижѣ, на Автологію Г. Дюпре де Сентъ-Мора (Изъ Mercure du 19 Siècle, 77 livraison. 505 p.)“. Переводъ подписанъ буквами А. Р. Къ статьѣ редакторъ присоединилъ слѣдующее примѣчаніе: „Мы должны были выпустить нѣсколько строкъ изъ сей піесы и напоследокъ здѣсь остановиться. Въ окончаніи, какъ читатель могъ уже замѣтить, говорится о самой щекотливой и раздражительной половинѣ словесности нашей, *elle est vivante* находящейся: предлагать о ней свои мнѣнія не безопасно: irritable genus vatum!-Рдръ“. См. вводную статью.

³⁾ Jean-Charles-Leonard Simonde des Sismondi, знам. франц. истор. и литераторъ, авторъ „L'Histoire des français“. 31 т. и De la Litterature du midi de l'Europe. Paris, 1813 г., 4 v. in 8, род. 1773 г., ум. 1842.

⁴⁾ „Хариты“ Г. Р. Державина (1795 г.), перев. Катенинымъ на франц. яз. подъ названіемъ „Les Graces“ и появились въ „Mercure“ 1824 г., въ статьѣ Бахтина.

⁵⁾ „Пѣвецъ Усладъ“, стих. Катенина (напеч. въ 1-ый разъ въ „Вѣстн. Евр.“ 1818 г. № 2) перев. на франц. яз. кн. Н. С. Голицынымъ подъ названіемъ „Le Troubadour“ (напеч. въ „Mercure“, въ ст. Бахтина, а также и въ I-омъ т. соч. Катенина, стр. 179—180) и на вѣмецк. яз. Эльканомъ, подъ заглавіемъ „Der Sânger“ (Соч. Катенина, I, стр. 180—181).

маете его помѣстить въ *Revue encyclopedique* ¹⁾; не худо, если бы издатель сдѣлалъ при томъ замѣчаніе что эта бездѣлка сообщена ему русскимъ путешественникомъ, обѣщавшимъ по его просьбѣ черезъ нѣсколько времени доставить ему любопытное и толковое обозрѣніе словесности, мало или дурно извѣстной во Франціи. Съ осторожностію совѣтовалъ бы я также узнать отъ Ланглеса ²⁾, не имѣетъ ли онъ или Его сотрудники литературныхъ сношеній съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ, а особенно изъ Арзамасскихъ, и въ какой они тамъ чести. Мнѣ что-то сдается что эти интриганты вездѣ себя припутали; они изъ поприща чистѣйшей человѣческой славы сдѣлали вертепъ разбойничій. Но оставимъ ихъ и поговоримъ о себѣ: въ Августѣ мѣсяцѣ случилось со мною несчастіе, я сильно вывихнулъ большой палецъ правой руки, и хотя его вправили, но все что-то плохо, боль по сіе время продолжается, писать рука скоро устаетъ, въ концѣ около ногтя помертвѣлость, лѣкаря смотрѣли и за новость сказали мнѣ что палецъ болить, что это неприятно, что сомнительно выздоровѣетъ ли онъ когда-нибудь совершенно, и тому подобное, что пособить не знаютъ чѣмъ, а не худо помазать тѣмъ другимъ, авось и поможетъ, богъ милостивъ: мое презрѣніе къ шарлатанамъ только утвердилось.

Шесть или семь недѣль пробылъ я у Голицына въ Ростовѣ, познакомился тамъ еще кое съ кѣмъ, между прочимъ съ Голицынымъ бывшимъ Ярославскимъ губернаторомъ и братомъ Министра ³⁾, игралъ комедію два раза, а въ третій зрителемъ былъ: въ Ярославлѣ тоже посѣщалъ театръ, играли Пожарскаго ⁴⁾ весьма сносно, а потомъ любовную ссору ⁵⁾, но къ сожалѣнію играли въ пустынь; никто изъ жителей города театра не любитъ, а предпочитаетъ бостонъ и вистъ. Впрочемъ, вы пишите что то же самое и въ чужихъ краяхъ: *tutto il mondo e fatto come la nostra famiglia* ⁶⁾. Довольны ли Вы своимъ патрономъ? я полагаю что дѣлъ у него не

¹⁾ „*Revue Encyclopedique*“, изд. съ 1819 по 1833 г. Въ ней удѣлено было не мало мѣста статьямъ о русской литературѣ.

²⁾ Louis-Matthieu Langlès, р. 1765 г., ум. 1824 г., франц. ориенталистъ, сотрудникъ *Revue Encyclopedique*.

³⁾ Кн. Мих. Ник. Голицынъ род. 1755 г., ум. 1827 г., былъ Ярославскимъ губернаторомъ съ 1802 по 1816, братъ кн. Александра Ник. Голицына, Министра Дух. Дѣлъ и Народ. Просвѣщ. (1773—1844).

⁴⁾ Трагедія М. В. Крюковскаго представл. въ 1-й разъ въ 1807 г.

⁵⁾ *Любовная ссора*, ком. въ 2-хъ д., въ стихахъ (передѣлка „*Dépit amoureux*“), А. Бухарскаго, Спб., 1806.

⁶⁾ „Весь міръ устроенъ подобно нашей семьѣ“.

много, но знатные часто и бездѣліемъ своимъ другихъ обременяютъ, Князя Хованскаго, выведеннаго на театрѣ Раупахомъ¹⁾, я знаю; но зналъ ли авторъ что онъ писалъ? изъ чего онъ это взялъ? и что вывелъ? жаль что люди съ истиннымъ талантомъ не всегда имѣютъ что еще нужнѣе, здравый разумъ; а кажется всему виновато одно слово: *romantique*. Съ этимъ волшебнымъ словомъ дается воля писать безсмыслицу и приобрѣтать похвалу: кто же захочетъ отказаться отъ такого лестнаго преимущества, сочинять добросовѣстно, трудиться, быть ото всѣхъ разруганнымъ, а благодаря равнодушію нынѣшняго столѣтія къ искусствамъ, еще и забытымъ? Познакомьтесь въ Парижѣ, буде случай представится, съ молодымъ стихотворцемъ Lavigne²⁾. Куда хорошо пишетъ! но и тотъ въ трагедіяхъ не имѣетъ порядочнаго расположенія. Что же у насъ! что за Персей Ростовцева³⁾! по счастію неигранный. Для бенефиса Колосовой возобновляется Гамлетъ⁴⁾! Она Офелія, а Семенова Гертруда; Ее приняли очень хорошо и фраза модная, что Семенова больше природнаго имѣетъ, а Колосова болѣе искусства: должно ли объяснять что это искусство приписывается Тальмѣ⁵⁾? Тальма выучилъ говорить русскіе стихи: не пророкъ, а отгадчикъ.

Жандръ ко мнѣ изрѣдка пишетъ, я самъ это время былъ не во все исправенъ, рука больная и безпрестанныя переѣзды разстроили мою аккуратность. Прощайте, милый Николай Ивановичъ, жду отъ

¹⁾ „Ernst-Veniamin-Solomon Raupach“, род. 1784 г., ум. 1852 г., долгое время проживалъ въ Россіи, занималъ кафедру всеобщей литературы въ Спб. Университетѣ. Въ 1821 г. послѣ суда надъ нимъ и нѣкот. другими профессорами, по обвиненію въ распространеніи атеизма и матеріализма, былъ уволенъ отъ должности и покинулъ Россію. Авторъ многочисл. драмъ, пользовавшихся въ свое время большимъ успѣхомъ. Его „Fürsten Chovansky“ появились въ печати въ 1818. Въ числѣ другихъ его пьесъ назовемъ еще „Die Leibeigenen oder Isidor und Olga“ (1826), драму изъ жизни русскихъ крѣпостныхъ.

²⁾ Jean-François Casimir Delavigne, изв. франц. поэтъ и драматич. писатель, р. 1793 г., ум. 1843 г.

³⁾ „Персей“, траг. въ 5 д., соч. Я. Ростовцева. Спб., 1823. Хвалебный отзывъ о пьесѣ данъ въ „Поляр. Звѣздѣ“ на 1824 г., стр. 6—7 (А. Бестужевымъ) и въ „С. О.“, 1823 г., ч. 85, стр. 234—235.

⁴⁾ Въ бенефисъ А. М. Колосовой, 29 янв. 1824 г., былъ представленъ „Гамлетъ“, въ передѣлкѣ Висковатова (главная роль была исполнена В. А. Каратыгинимъ).

⁵⁾ François-Joseph Talma, знаменитый франц. трагикъ, р. въ 1763 г., ум. въ 1826 г.

васъ многого и многого; отъ меня прошу требовать мало, я живу въ глуши, по уши въ хлопотахъ, одинъ какъ перстъ, и съ перстомъ выломленнымъ, точно Іовъ: каковъ *цитатъ*? прощайте до свиданія. Весь вашъ.

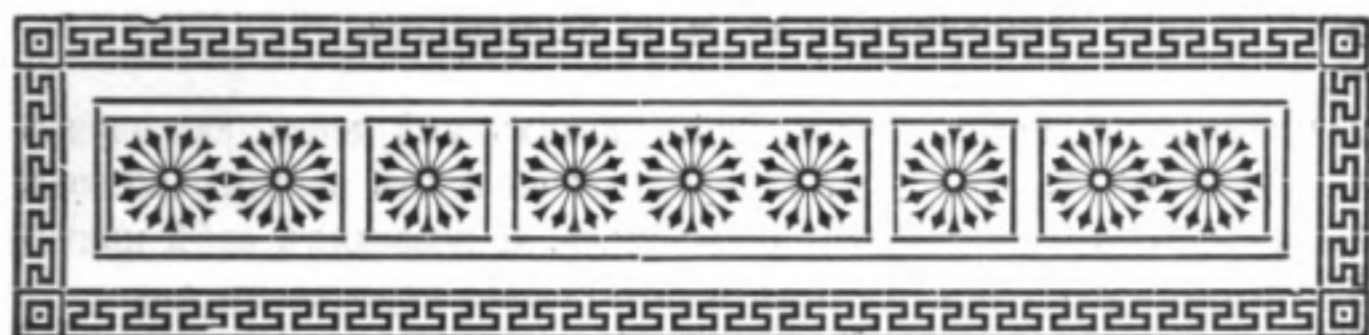
Павель Катенинъ.

P. S. Поздравляю съ днемъ ангела.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года ¹⁾.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Въ этотъ день мы шли именно такимъ образомъ, но движеніе исполнялось дурно, по причинѣ скорости движенія, и въ цѣпи образовались промежутки; наше счастье, что непріятель не показывался, и только арріергардъ помѣнялся съ горами лишь нѣсколькими скоро прекратившимися выстрѣлами,—это были первые выстрѣлы въ эту кампанію.

Часовъ около 3-хъ пополудни я достигъ съ своими людьми Хубарскихъ высотъ, гдѣ былъ разбитъ лагерь отряда.

Въ предшествовавшіе годы ²⁾ эти высоты нѣсколько разъ ставились цѣлью похода, но онѣ имѣли значеніе до тѣхъ поръ, пока мы не овладѣли Чиркеемъ (тетъ-де-понъ на лѣвомъ берегу Койсу, съ занятіемъ котораго высоты обходились съ тыла).

Я лично отправился въ главную квартиру засвидѣтельствовать свое почтеніе графу Воронцову, котораго я не видѣлъ двое сутокъ. Я его засталъ за обѣдомъ со всей свитой, состоявшей примѣрно изъ сорока человѣкъ ³⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1910 г.

²⁾ Особенно, начиная съ 1840 года, т. е. 1841, 42, 43 и 44-й.

³⁾ Свита и штабъ гр. Воронцова, помимо нач. штаба (ген. В. О. Гурко) и офицеровъ генер. штаба, состояла изъ лицъ: Принцъ Александръ Гессенскій, князь Ѳ. И. Паскевичъ, князь Эмилій Витгенштейнъ, полк. Минквицъ, кн. Дундуковъ-Корсаковъ, ген. Фокъ, чиновники—баронъ А. П. Николаи и Щербининъ, личные адъютанты—Лонгиновъ (убитъ), Нечасовъ (авторъ воспом., нами изданныхъ) и Глѣбовъ, при Паскевичѣ—поручики Самсоновъ и Бекле-

Послѣ обѣда главнокомандующій оказалъ мнѣ честь, заговоривъ со мной о той быстротѣ, съ которой мы со всѣмъ нашимъ обозомъ исполнили двѣнадцативерстный переходъ. Я позволилъ себѣ критиковать это движеніе и указать на отсутствіе порядка въ движеніи и должно быть отстаиваніе мной діаметрально противоположной системы движенія явилось слишкомъ продолжительнымъ, такъ какъ графъ началъ напѣвать нѣкую англійскую пѣсенку, которую мы привычно переводили словами „Вы мнѣ надоѣли“¹⁾.

Урочище Хубаръ и окружающая мѣстность представляютъ весьма возвышенное плато. Это плато начинается у подножія скалистаго гребня, отдѣляющаго Салатавію отъ Гумбета, и простирается до мѣнѣ возвышенной области, покрытой великолѣпными лѣсами, заключенными между нашимъ лагеремъ и равниной, и надъ которыми мы теперь вполнѣ господствовали.

На этихъ высотахъ—чудесный воздухъ, и на нихъ-то въ періодъ спокойствія въ этихъ странахъ²⁾ паслись лѣтомъ многочисленныя стада жителей Шамхальства и Кумыкской плоскости. Это плато въ различныхъ мѣстахъ перерѣзано очень глубокими и очень обрывистыми оврагами, поросшими густымъ лѣсомъ, и переходъ одного изъ таковыхъ, такъ называемаго Теренгульскаго, составлялъ для насъ задачу слѣдующаго дня. На двухъ противоположныхъ сторонахъ именно этого оврага въ прошломъ 1844 году встрѣтились лицомъ къ лицу нашъ экспедиціонный отрядъ и всѣ силы Шамиля, и обѣ стороны оставались въ этомъ расположеніи двое сутокъ. Съ насту-

мишевъ, затѣмъ еще—кап. Альбрантъ, докт. Андреевскій, сынъ графа Семень, князь Васильчиковъ (адъютантъ, былъ раненъ), полковникъ графъ Строгановъ, пор. Едлинскій (кажется еще Дараганъ), князь Яшвилъ, князь Ал. Голицынъ, князь Ираклій Грузинскій, флиг.-адъют. Сколковъ, графъ де-Бальменъ (здѣсь убитый) и мн. др.

¹⁾ Совершенно естественно, что Бенкендорфъ—ученикъ Вельяминова, подвергъ критикѣ это движеніе, но онъ видимо плохо зналъ Воронцова, если рѣшился ему это высказать, да еще ссылаясь на превосходство другой системы дѣйствій вообще. Ревнивому къ своей славѣ Воронцову, полагаемъ, все это крайне не понравилось, и съ этого времени правдивый Бенкендорфъ едва-ли пользовался искреннимъ расположеніемъ Воронцова, что впрочемъ послѣдній, по свойственной ему скрытности, ничѣмъ не обнаружилъ, продолжая, по внѣшности, оказывать ему вниманіе, считаясь вѣроятно съ большими связями Бенкендорфа въ Петербургѣ.

²⁾ Когда господство Шамиля далеко еще не простиралось на эти области, оставшіяся намъ преданными, что доказываетъ, что до 40-хъ годовъ мы были сильнѣе на Кавказѣ.

явленіемъ ночи отрядъ въ 6 баталіоновъ съ частью конницы получилъ приказаніе перейти другимъ, менѣе обрывистымъ, оврагомъ, выведившимъ въ обходъ праваго фланга расположенія скопищъ Шамиля, и, обойдя этотъ флангъ подошвой высотъ, стать на сообщеніяхъ Шамиля. Одновременно, съ завязкой боя этимъ обходнымъ отрядомъ, главныя силы должны были форсировать оврагъ съ фронта.

Но нашъ обходный отрядъ былъ открытъ непріателемъ заблаговременно и не счелъ себя достаточно сильнымъ для развитія рѣшительныхъ дѣйствій, а Шамиль успѣлъ снять свой лагерь и отступить. По зрѣломъ обсужденіи обстоятельствъ, мы тоже повернули обратно, и кампанія 1844 года кончилась¹⁾.

Въ настоящемъ году насъ не ожидало ничего подобнаго и тамъ, гдѣ стоялъ нашъ противникъ, со стороны Буртуная, двигался къ намъ на соединеніе Дагестанскій отрядъ князя Бебутова.

Итакъ, авангардъ и главныя силы перешли Теренгуль послѣ полудня 3-го іюня. Обозъ двигался всю ночь, и мой баталіонъ получилъ приказаніе прикрывать здѣсь переправу черезъ небольшой ручей.

Ширина Теренгульскаго оврага вверху равнялась дальности орудійнаго выстрѣла, внизу—10 сажень, глубина—1.500 футь. Тропа, по которой мы спускались на дно оврага, была очень крута, а незадолго до насъ прошедшій сильный дождь и масса прослѣдовавшей здѣсь пѣхоты до-нельзя затруднили движеніе по этой тропѣ лошадей. Людямъ спускаться было легче, такъ какъ, сѣвъ на коротки, они сползали прямо внизъ, что продѣлывало большинство людей пѣхоты, особенно же люди, побывавшіе въ этотъ день на полковомъ праздникѣ Навагинскаго полка.

Орудія были выпряжены, подвѣшены на канатахъ, спущены на рукахъ и тѣми же способами подняты на противоположный берегъ оврага.

Эта послѣдняя операція была возложена и на меня, и на долю моего баталіона досталось 2 полевыхъ орудія и 4 зарядныхъ ящика;

¹⁾ Безрезультатность этой экспедиціи вызвала большое неудовольствіе на Нейдгарта, руководившаго ею лично и немедленно послѣдовало замѣщеніе его графомъ Воронцовымъ. Не оправдывая вообще Нейдгарта, какъ дѣятеля на Кавказѣ, замѣтимъ лишь, что въ данномъ случаѣ ему болѣе ничего не оставалось, какъ отойти назадъ, такъ какъ планъ дѣйствій, составленный въ Петербургѣ, совершенно не отвѣчалъ свойствамъ мѣстности и противника и всѣмъ вообще обстоятельствамъ веденія войны на Кавказѣ.

не менѣе 3-хъ часовъ ушло на эту работу, при чемъ каждое орудіе требовало не менѣе роты полного состава.

Эта ночь съ 3-го на 4-ое іюня, ночь въ глубинѣ оврага отличалась полнымъ отдыхомъ; мы ее провели въ густомъ лѣсу, переполненномъ пнями и давно заброшенными завалами, заваленными сухимъ хворостомъ и травой. Топоръ и разнообразная дѣятельность солдата прервали тишину этой мрачной пустыни, а бивачные огни озаряли громадные деревья, казавшіяся призраками. Въ этомъ зрѣлищѣ было что-то фантастическое, и вся обстановка этой ночи на походѣ носила во многомъ характеръ притона калабрійскихъ разбойниковъ.

Послѣ полуночи усталость и покой вновь погрузили все въ молчаніе, которое нарушалось только мрачнымъ завываніемъ шакаловъ.

Утромъ 4-го мы достигли вершины лѣваго берега оврага и здѣсь поставили нашу палатку рядомъ съ палатками главной квартиры. Къ вечеру всѣ ко мнѣ собрались; помню, что были—*Щербининъ*, *Николаи* (баронъ), *Лобановъ*, *Паскевичъ*, *Витгенштейнъ* и *Дундуковъ*. Лежа на землѣ, частью сидя на барабанахъ, мы чокались стаканами, подъ звуки хора пѣсельниковъ Карабинерной роты. Знаменитая „Куринская“ пѣсня для многихъ была еще новостью, а потому немало золотыхъ перепало въ карманы Карабинеровъ. Затѣмъ настала очередь Минквица, этого неизмѣннаго предсѣдателя всѣхъ нашихъ вакхическихъ празднествъ,—неутомимаго запѣвалы всѣхъ нашихъ собраній. Вспоминая свою молодость, онъ затягивалъ нѣмецкія пѣсенки, вынесенныя имъ изъ жизни студентовъ—буршей Лейпцига. Мы всѣ подтягивали ему хоромъ.

Минквицъ—самый веселый и самый пріятный товарищъ въ кампаніи; городская жизнь и „Friedenzeit“, какъ называетъ онъ мирное время, совсѣмъ ему не по нутру; женщина дѣлаетъ его сентиментальнымъ и мечтательнымъ. Въ Минквицѣ есть что-то среднее между нѣмецкимъ студентомъ и русскимъ кавалерійскимъ офицеромъ, но, прежде всего, онъ достойнѣйшій и благородный представитель нашей доброй расы, которая искренне восприняла все хорошее отъ русскихъ, благоговѣнно храня въ своемъ сердцѣ чувство долга и обязанности по отношенію Государя и Россіи, но и не отказываясь одновременно отъ происхожденія своихъ предковъ. Исполненіе этого двойного долга, какъ русскихъ по отношенію Россіи, и какъ нѣмцевъ по отношенію самихъ себя,—мы ставимъ вопросомъ нашей чести и требованія нашей религіи.

У насъ достаточно такта — ставить эти вопросы открыто и взаимно сочетать ихъ, но никогда одновременно ихъ не смѣшивая,

что мы исполняемъ не подь давленіемъ требованій разума или по расчету, а потому, что мы прежде всего честные и порядочные люди и хотимъ во всемъ оставаться таковыми.

Наше Балтійское дворянство потому и прекрасно, что, оставаясь неприкосновеннымъ и самобытнымъ, оно гордится не столько своими рыцарскими предками, сколько воспитаніемъ таковыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и до нашихъ дней и поддержанія въ средѣ своихъ членовъ принциповъ, покоющихся на чувствахъ чести и благородства.

У насъ прежде всего принципъ—„noblesse oblige“, который мы ставимъ въ основу всѣхъ нашихъ дѣйствій, въ чемъ и заключается превосходная гарантія того, что мы гордимся отдавать себя на службу Россіи и ея государей.

Часть главнаго хребта, раздѣляющая Салатавію и Гумбетъ, прерывается въ 2-хъ мѣстахъ, чѣмъ и получается возможность сообщаться между собой жителямъ этихъ странъ. Первый и главный изъ этихъ путей образуетъ долина р. *Акъ-таша*, въ верхней своей части, называемой урочищемъ или ущельемъ *Мичи-кале*, доступнымъ для движенія во всякое время года, равно и удобны и доступны къ проходу со стороны Салатавіи, и самая дорога, съ кавказской точки зрѣнія, считается сносной, но она преграждена завалами противника и ея форсированіе стоило бы намъ значительныхъ потерь.

Графъ Воронцовъ рѣшилъ обойти это направленіе и перейти хребетъ по другой—*Киркинской дорогѣ*, настолько неудобной и малодоступной, что она была заброшена даже горцами.

Было рѣшено, что графъ Воронцовъ лично произведетъ рекогносцировку къ Кирки, пока непріятель укрѣпляется на Мичи-кале. Мы получили приказаніе быть готовыми къ движенію къ разсвѣту 5-го іюня. Въ составъ развѣдочной колонны вошли 6 баталіоновъ и 4 горныхъ орудія, въ томъ числѣ и 1-й баталіонъ Куринскаго полка, которому, въ виду молодости 40-го полка, по обычаю, надлежало идти въ головѣ колонны ¹⁾).

Командованіе отрядомъ было возложено на генераль-маіора *Пассека* и въ условіяхъ, какъ мною упомянуто выше, личнаго общаго руководства графа Воронцова. Пассекъ былъ только-что назначенъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣх. дивизіи, въ составъ которой входили Кабардинцы и Куринцы, и онъ долженъ былъ

¹⁾ Куринцы и Кабардинцы были большіе мастера въ лѣсныхъ дѣйствіяхъ и, казалось, было бы цѣлесообразнѣе назначить въ экспедицію войска, искусившіяся въ дѣйствіяхъ въ горахъ, а таковыхъ было довольно.

впервые предстать передъ войсками, знавшими его до сихъ поръ только по имени.

Пассекъ имѣлъ громкую репутацію, заслуженную въ операціяхъ 1843 года: превосходно исполненное отступленіе изъ Аваріи, блистательная оборона Зырянъ, многочисленность знаковъ Высочайшаго благоволенія за заслуги, безпримѣрная на Кавказѣ быстрота движенія по службѣ (менѣе, чѣмъ за годъ—изъ подполковниковъ въ генераль-маіоры), всѣ эти обстоятельства въ общей ихъ совокупности значительно его выдвинули, и его имя было на всѣхъ устахъ.

Ко времени описываемыхъ событій Пассеку было 35 лѣтъ отъ роду, и за нимъ уже были безспорно выдающіяся военныя заслуги и качества. Обладая необычайнымъ глазомѣромъ и смѣлостью, граничившей съ отвагой, чрезвычайной увѣренностью въ себѣ, энергіей и непоколебимой волей, Пассекъ, одновременно, при безграничномъ честолюбіи былъ и крайне самолюбивъ¹⁾. Онъ производилъ впечатлѣніе могучаго льва, только-что порвавшаго свои цѣпи.

Въ европейской войнѣ онъ обратилъ бы на себя вниманіе и прославилъ бы нашу армію, но на Кавказѣ онъ былъ именно тѣмъ военачальникомъ, каковымъ здѣсь быть не слѣдовало. Здѣсь ничѣмъ нельзя рисковать и никогда нельзя здѣсь разсчитывать „на авось“. Здѣсь, при всякомъ предпріятіи, надо быть увѣреннымъ въ силѣ удара: всякое здѣсь дѣйствіе должно быть спокойно и осторожно взвѣшено, такъ какъ въ этомъ краѣ десять успѣховъ не окунаютъ послѣдствій одной ничтожной неудачи.

Пассека тоже нѣтъ въ живыхъ, и эту потерю арміи пришлось пережить въ теченіе этой ужасной кампаніи 1845 года. Онъ велъ въ атаку свой послѣдній взводъ, когда одинъ горецъ разрядилъ свой пистолетъ въ упоръ въ грудь Пассека; со словами: „прощай, моя бригада“, онъ умеръ мгновенно.

¹⁾ Нѣкоторые изъ современниковъ, близко знавшихъ Пассека и событій 1843 года въ Дагестанѣ, воздавая должное этому замѣчательному военачальнику, истому богатырю во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе, признають, что честолюбіе, увѣренность въ себѣ и пылкость Пассека были причиной большихъ военныхъ осложненій этого года, и ему ставится въ упрекъ, что онъ, владея перомъ и имѣя огромное вліяніе на генерала Клюки фонъ-Клюгенау, настоялъ на оставленіи въ Хунзахѣ (въ Аваріи) отряда значительной силы, что совершенно не отвѣчало обстоятельствамъ, но что было соединено съ отдѣльнымъ начальствованіемъ Пассека этимъ отрядомъ. Пребываніе Пассека въ Хунзахѣ дало возможность Шамилю взять Гергебиль, а затѣмъ и блокировать въ Шурѣ и самого командующаго войсками въ Дагестанѣ генерала Гурко; только своевременное прибытіе генерала Фрейтага спасло насъ въ Дагестанѣ отъ большихъ бѣдъ.

Я имѣлъ драгоцѣнный сувениръ, полученный мною изъ рукъ самого героя, смерть котораго еще болѣе увеличила его цѣнность, — онъ мнѣ подарилъ свой собственный георгіевскій крестъ, который я, конечно, свято берегъ бы, если бы мнѣ дано было его сохранить, но, послѣ того какъ я былъ вторично раненъ, мой сюртукъ остался въ рукахъ непріятеля, и съ нимъ исчезъ и прекрасный бѣлый крестъ героя.

Но вернемся къ утру 5 іюня.

Я долженъ былъ получить приказаніе отъ этого генерала и представить ему свой баталіонъ. Онъ вскорѣ появился передъ фронтомъ въ сопровожденіи блестящей свиты, которая на Кавказѣ обыкновенно примыкаетъ къ начальникамъ, которыхъ сопровождаетъ успѣхъ по службѣ. Пассекъ былъ очень высокаго роста, имѣлъ могучую грудь и ту ширину въ плечахъ, которая встрѣчается только въ Россіи и главнымъ образомъ на его родинѣ—въ Сибири; голосъ его былъ очень громкій, и онъ хорошо говорилъ, несмотря на нѣкоторую тривиальность.

Онъ обратился къ войскамъ съ небольшою рѣчью, которую закончилъ слѣдующей фразой, покрытой громкимъ солдатскимъ „ура“: „я считаю честью доказать вамъ, что я тоже хочу быть старымъ Куринцемъ“.

Съ нашимъ солдатомъ слѣдуетъ постоянно говорить; словомъ и пѣсней его можно вести на край свѣта. Къ мелкимъ житейскимъ и матеріальнымъ утѣхамъ онъ менѣе чувствителенъ, чѣмъ къ слову похвалы или одобренія, такъ какъ, не зная радостей жизни, онъ мало о нихъ и думаетъ.

Отрядъ нашъ двинулся впередъ. Солдаты шли налегкѣ, имѣя на себѣ лишь суточную сухарную дачу. Мы подымались по скату, покрытому скудной травой; за первымъ подъемомъ открывались все новые, на которые слѣдовало взбираться. Это движеніе было затруднительно для нашихъ Егерей, привыкшихъ къ равнинамъ Чечни, гдѣ они дѣлали изумительные по быстротѣ переходы, но не привыкшихъ къ походамъ въ горахъ¹⁾.

Нахожу здѣсь умѣстнымъ замѣтить, что на Кавказѣ все специализируется, какъ свойства и качества войскъ, такъ и офицеровъ, что является необходимымъ по причинѣ различія природы и свойствъ разныхъ

¹⁾ Удивительно, какъ это графъ Воронцовъ не принялъ во вниманіе, что Куринцы не привыкли дѣйствовать въ горахъ, и что къ этому, чисто горному маневру у него были специалисты этого дѣла—Аншеронцы и Навагинцы.

мѣстностей края. Естественно, что одинъ полкъ превосходно дѣйствуетъ въ лѣсахъ, другой, благодаря быстротѣ своего хода, въ горахъ; одинъ офицеръ провелъ долгіе годы въ борьбѣ съ чумой на турецкой границѣ, другой—въ административной службѣ Закавказья, третій—всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ лихорадкой и спячкой на службѣ гарнизона въ небольшомъ фортѣ морского побережья; одинъ — на бивакахъ въ ледникахъ лезгинскихъ горъ, другой—въ преслѣдованіи конныхъ партій черкесъ на Кубани; нѣкоторые офицеры провели всю жизнь въ Чечнѣ, въ этой странѣ вѣчной войны и опасностей, служа постоянно мишенью чеченца, другіе — въ Дагестанѣ — странѣ всевозможныхъ лишеній, но гдѣ легко создаются репутаціи, блистательныя карьеры, и легко дается успѣхъ.

Каждая изъ различныхъ мѣстностей Кавказа имѣетъ свою, ей присущую природу, свойства, свой типъ, требуя и особаго способа веденія войны и прежде, чѣмъ дѣйствовать въ той или другой мѣстности и быть на что-либо годнымъ, надо ее изучить; и все это различіе происходитъ по той простой причинѣ, по которой Арменія относится къ Осетіи, Имеретія къ Кабардѣ и Кахетія къ Кумыкской плоскости, также, какъ Франція относится къ Китаю.

Мы продолжали наше движеніе. Главнокомандующій опередилъ насъ съ кавалеріею. Вскорѣ адъютантъ за адъютантомъ потребовали нашего скорѣйшаго къ нему присоединенія. Мы же уже совсѣмъ выбились изъ силъ; за крутымъ подъемомъ послѣдовала выбитая въ скалѣ тропинка, которую мы прошли почти бѣгомъ. Тамъ, гдѣ кончилась тропинка, обнаружилась довольно широкая сѣдловина, на которой мы застали графа, бывшаго пѣшкомъ и стоявшаго къ намъ спиной. Передъ нимъ открывалась глубокая и довольно широкая долина, бесплодная, скалистая, лишенная всякой растительности,—долина, обычно встрѣчаемая на значительныхъ высотахъ Кавказа; небольшой ручей пересѣкалъ ее справа налѣво на всемъ ея протяженіи, а съ противоположной стороны долины высились командующія нами высоты;— мы достигли *Киркинскаго перевала*—воротъ въ Гумбетъ, и высота передъ нами была гора *Анчимееръ*.

Здѣсь графъ Воронцовъ рѣшилъ перейти въ Гумбетъ, и этотъ перевалъ отвѣчалъ его соображеніямъ. Всѣ тотчасъ же поняли, что намъ предстоитъ драться, и вся усталость была забыта. Простая развѣдка обратилась, по приказанію графа, въ захватъ господствующаго положенія, въ цѣлую операцію, исполненіе которой предстояло Пассеку.

Я уже говорилъ, что эта дорога была заброшена годами, а на верху перевала она совершенно прерывалась. У самыхъ нашихъ ногъ двухсаженная скалистая стѣна отдѣляла насъ отъ крутого спуска къ ручью, и здѣсь-то и предстояло намъ слѣдовать. Передовые солдаты выломали кирками нѣсколько глыбъ, нѣсколько чело-вѣкъ были еще спущены внизъ и образовали изъ этихъ глыбъ нѣчто въ родѣ лѣстницы. Работа кипѣла съ такой быстротой и энергіею, что полчаса спустя можно было уже спустить внизъ нѣсколько орудій. Пассекъ, князь нетерпѣніемъ, воодушевлялъ солдатъ и голосомъ и жестами. Надъ его головой развѣвался бѣлый значокъ съ серебрянымъ крестомъ, его вышивали нѣжныя ручки,— это была какъ бы эмблема любви и надежды, но смерть, о которой я уже упоминалъ, унесла всѣ эти надежды на будущее.

То было блестящее начало кампаніи. Подъ звуки боевыхъ пѣсенъ и крикахъ „ура“ работа кипѣла съ той силой, которую даетъ вѣрное обѣщаніе побѣды. Самъ главнокомандующій присутствовалъ при этой сценѣ, стоя на выдающемся уступѣ скалы и опираясь на свою турецкую саблю. Онъ снисходилъ до насъ—молодежи, шумно выражающей свою радость при видѣ непріятеля, котораго наконецъ начнемъ колотить. Онъ подавлялъ насъ всѣмъ обаяніемъ своего величія, своей старой славы, ясностью взгляда и тѣмъ спокойствіемъ стараго воина, которое такъ шло его благороднымъ чертамъ.

Наконецъ столь долго сдерживаемому нашему рвенію данъ сигналъ: Воронцовъ обнажилъ свою бѣлую голову и, минуто спустя, мы уже были у подошвы высоты, поджидая Пассека. Прибылъ и онъ, отдавъ свои послѣднія приказанія.

Дружина Грузинской милиціи подъ начальствомъ князя *Левана Меликова* ¹⁾ стала въ головѣ колонны. Она должна была подняться къ подошвѣ Анчмеера и начать эскаладу этой высоты въ мѣстѣ, указанномъ приданными ей проводниками. Я получилъ приказаніе поддержать грузинъ и слѣдовалъ за ними вблизи, вскорѣ замѣтивъ, что они повернули къ высотѣ.

Высота Анчмееръ въ этомъ мѣстѣ имѣла 1.500 футъ высоты при скатѣ въ 45°. Колебаніямъ не было мѣста: грузины ползли вверхъ.

¹⁾ Князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ, получившій здѣсь своего офицерскаго Георгія, быстро затѣмъ продвигался по служебной лѣстницѣ и въ 1859-мъ году явился однимъ изъ главныхъ дѣятелей покоренія восточнаго Кавказа, въ семидесятые годы мы видимъ его уже начальникомъ Дагестанской области, а вскорѣ и помощникомъ главнокомандующаго Кавказской арміею.

Я крикнулъ своимъ сбросить мѣшки и остаться въ однихъ рубахахъ; они оставили при себѣ только патронныя сумки и ружья. Я указалъ имъ на главнокомандующаго, остававшагося личнымъ свидѣтелемъ ихъ храбрости; отвѣтомъ мнѣ было уже не „ура“, а какой-то ревъ восторга и нетерпѣнія.

Бой дѣло святое. Бой для русскаго солдата заключаетъ въ себѣ что-то священное. Онъ идетъ въ бой съ тѣмъ же сосредоточеннымъ чувствомъ, съ какимъ вступаетъ въ церковь; горе тому, кто вырывается подъ огнемъ,—его сочтутъ за нехриста. Передъ вступленіемъ въ дѣло всѣ обнажаютъ головы, осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, и уста шепчутъ краткую молитву. Кавказскія войска не нуждаются въ одушевленіи себя барабаннымъ боемъ и звуками трубъ.

Я подалъ сигналъ атаки движеніемъ руки, и карабинеры (1-ая рота), предводимые *Пассетомъ*, бросились впередъ; во 2-мъ эшелонѣ пошла 2-ая егерская рота. Самъ я намѣревался вести 3-ью и 4-ую роты, какъ ядро и резервъ моего отряда. Но это предположеніе такъ и осталось кабинетнымъ соображеніемъ, и на мѣстѣ все пошло иначе; невозможно удержать разъ вызванный порывъ, и нельзя остановить на полпути пущенныя впередъ войска.

Чтобы взобраться на Анчимееръ надо было карабкаться наверхъ на четверинкахъ. Первоначальнаго порыва хватило на половину подъема, но импульсъ былъ еще настолько силенъ, что войска все еще подвигались бѣгомъ; ну какъ тутъ сохранить единство и порядокъ!?

Вскорѣ однако боевой порядокъ установился, но не по порядку номеровъ ротъ, а по правилу „равненія по переднимъ“: карабинеры, грузины—милиціонеры и егеря—всѣ перемѣшались. Это былъ уже не штурмъ, а бѣгъ на призы, и это было для насъ большимъ счастьемъ, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, взять Анчимееръ нельзя было спокойствіемъ и порядкомъ, а именно только наскокомъ и порывомъ.

Противникъ встрѣтилъ насъ сверху жестокимъ огнемъ, но насъ выручала крутизна ската, и мы укрывались въ мертвомъ пространствѣ; ядра и пули проносились надъ нашими головами. Одновременно горцы скатывали на насъ цѣлыя глыбы камня, но наши солдаты умѣло отъ нихъ укрывались: „старая штука“, приговаривали бывалые старики.

Графъ Воронцовъ и его штабъ, оставаясь все это время на Киркинскомъ перевалѣ, по другую сторону долины, слѣдили за нами въ подзорныя трубы—какъ изъ ложи въ оперѣ. Говорятъ, зрѣлище было великолѣпное: мы казались горстью людей, разбросанныхъ по скату этой огромной горы, которую отстаивала масса лезгинъ въ живописныхъ костюмахъ и тюрбанахъ, съ своими значками, гордо воткнутыми въ землю. По временамъ, по долину стлались облака и, попеременно, то закрывали, то открывали насъ зрителямъ, погружая ихъ въ безпокойство и поселяя у нихъ сомнѣніе въ успѣхѣ штурма ¹⁾. Что касается моихъ егерей, то они были увѣрены въ успѣхѣ. Съ самаго начала дѣла одинъ молодой солдатъ, размахивая въ воздухѣ винтовкой, крикнулъ: „прочь татары, Куринцы идутъ!“

Это восторженное восклицаніе стало какъ бы общимъ боевымъ кличемъ, перекатилось среди горъ въ тысячи эхо и возбудило нашихъ храбрецовъ. Безъ одинаго выстрѣла, благодаря только сильному атакующихъ, захватили мы первый выступъ, занятый наиболѣе быстроногими.

Я не имѣлъ чести лично и непосредственно участвовать въ этомъ лихомъ налетѣ по физической тому невозможности: я былъ уже утомленъ продолжительнымъ утреннимъ хожденіемъ, напряженіе же, потраченное мной на эту эскаладу, окончательно меня обезсилило: у меня пошла пѣна горломъ и, несмотря на то, что меня поддерживали при подъемѣ два моихъ егеря, я упалъ совершенно изнеможенный.

Я думаю, что я такъ бы и остался тутъ, на мѣстѣ, и до днесь, если бы по близости не случился одинъ достойный житель Кахетинъ, геркулесъ по сложенію, нѣкто Х...

Я, такъ сказать, запрегъ его, ухватившись обѣими руками за его поясъ, и потащился наверхъ этимъ способомъ, подталкиваемый къ тому же еще сзади двумя егерями, и также достигъ перваго возвышеннаго уступа, гдѣ и нашелъ своихъ людей, лежавшихъ за гребнемъ и завязавшихъ отсюда живую перестрѣлку съ горцами, продолжавшими удерживать самую вершину горы.

¹⁾ Другой очевидецъ, бывшій въ штабѣ Воронцова и наблюдавшій съ нимъ этотъ штурмъ, говоритъ: „между зрителями, смотрѣвшими на бой съ нашей площадки, нашлись шутники, которые назвали это дѣло „bataille Anchimer (en chimère), намекая, что побѣда досталась дешево, но, въ сущности, дѣло было труднѣе, чѣмъ оно казалось намъ сверху“. Очевидецъ этотъ шт.-кап. баронъ Дельвигъ весь успѣхъ этого дѣла приписываетъ талантамъ и рѣшительности Пассека, котораго онъ ни въ чемъ не обвиняетъ во всей этой Анчимееровской операціи.

Немедленно принялъ я всѣ мѣры задержать пылъ моихъ людей, запретивъ имъ дальнѣйшее наступленіе, съ цѣлью дать подсобиться всѣмъ отставшимъ, такъ какъ намъ необходимо было сосредоточиться, дабы не дать себя уничтожить значительно насъ превосходившими силами горцевъ. Непрiятель видѣлъ нашу малочисленность и легко могъ насъ подавить.

Еще ранѣе, до насъ достигли звуки пѣнія священной пѣсни— „Ла-иллахъ-иль-алла“ (нѣтъ Бога кромѣ Бога), запѣваемой правовѣрными мучениками ислама въ тѣхъ случаяхъ, когда они обрекаютъ себя неминуемой гибели за вѣру. Но этотъ, когда-то столь почитаемый священный напѣвъ теперь уже не имѣлъ того дѣйствія, которое имѣлъ въ первыя времена мюридизма, когда онъ производилъ сильное впечатлѣніе на послѣдователей Кази-муллы, священный стихъ пересталъ быть истиной, и теперь горцы прибѣгали къ нему скорѣе подъ давленіемъ чувства страха. „Ничего, Ваше Сiятельство, насъ не надуешь“, обратился ко мнѣ по этому случаю мой вѣрный казакъ Игумновъ, „мы знаемъ, что они подлецы“.

Во время удачнаго дѣла кавказскій солдатъ становится очень болтливъ, и нѣтъ никакой возможности зажать ему ротъ,—льется неистощимый потокъ шутокъ, прибаутокъ и острыхъ словечекъ; старики же, кромѣ того, очень расположены тогда давать совѣты, которые рѣдко бываютъ плохи ¹⁾).

Мы продолжали перестрѣливаться, пули сыпались на насъ градомъ, и было необходимо выйти изъ этого положенія. Я сдался на просьбу карабинеровъ и предоставилъ имъ съ ихъ храбрымъ командиромъ честь ударить на горцевъ съ фронта. Непрiятель стойко встрѣтилъ атаку и часть грузинской милиціи была уже опрокинута, когда въ-время послѣлъ Пассьеть съ ударомъ въ штыки.

Минута была рѣшительная. Я съ егерями (три роты) взялъ въ обходъ вправо; значки непрiятеля почти повсюду исчезли, скопище его обратилось въ полное бѣгство, и на вершинѣ Анчмеера гремѣло побѣдное ура 1-го баталіона Куринцевъ. Штурмъ длился три четверти часа ²⁾).

¹⁾ Какъ цѣнны всѣ эти наблюденія Бенкендорфа, всегда готоваго воздать должное всѣмъ, кромѣ себя самого, котораго онъ ставитъ на послѣднемъ планѣ, и сколько жизненной правды въ его воспоминаніяхъ!

Б. К.

²⁾ Послѣ грузинской милиціи и 1-го баталіона Куринцевъ, ударившихъ на позицію горцевъ у Анчмеера съ фронта, и уже послѣ отступленія гор-

За опьяненіемъ первой побѣдой послѣдовало полное изнеможеніе; покачали офицеровъ, которыми люди остались наиболѣе довольны, указали мнѣ отличившихся нижнихъ чиновъ, немного погорланили и попѣли, но, въ концѣ концовъ, измученные и изнеможенные мы всѣ повалились на землю. Когда Пассекъ пріѣхалъ насъ привѣтствовать, мы могли подняться лишь съ неимовернымъ трудомъ. Я лично испытывалъ сильнѣйшую боль въ области сердца, мнѣ не хватало воздуха, я задыхался и свободно, какъ всегда, началъ я дышать только значительно позднѣе и тогда, когда я вылечивался отъ ранъ, полученныхъ 5 недѣль спустя.

Грузинскіе милиціонеры рѣзко отъ насъ отличались: превосходные пѣшеходы, почти всѣ поголовно горные жители, они превосходили нашихъ солдатъ въ умѣніи лазить по горамъ. вмѣсто отдыха, тѣсно ставъ другъ къ другу и положивъ каждый правую руку на плечо сосѣда, они принялись за національные круговые танцы, сопровождая ихъ монотоннымъ пѣніемъ, прерываемымъ изрѣдка громкими возгласами. Музыка—можетъ быть и не была красива, но она напоминала имъ славное прошлое ихъ боевой жизни. Эти пѣсни пѣвались еще ихъ отцами во время всѣхъ войнъ, а война была настоящей стихіей былой Грузии. Эти пѣсни распѣвались на берегахъ Инда, въ эпоху побѣдной здѣсь войны Надиръ-Шаха, когда 5.000 грузинъ составляли отборное ядро его арміи.

Грузины вообще отличаются поразительной храбростью, переходящей зачастую предѣлы благоразумія.

Напримѣръ, у Тушинъ (бывшихъ въ составѣ этой Грузинской милиціи) существовали обычаи: свадебный подарокъ принимался лишь при условіи одновременнаго поднесенія женихомъ семи кастей рукъ, отрѣзанныхъ у неприятели во время боя, или,—тушинская дѣвушка никогда не вышла бы замужъ за человѣка, раненаго сзади.

Трудно себѣ представить что-либо живописнѣе, воинственнѣе и

цевъ, слѣва вышелъ 1-й баталіонъ Литовскаго полка, а сзади постепенно подходили первые баталіоны Апшеронскаго и Житомирскаго полковъ. Честь же удара и сбитія противника всецѣло принадлежала 1-му баталіону Куринцевъ и грузинской милиціи, и если бы эти части были опрокинуты, то одинъ отрядъ Пассека едва-ли захватилъ бы Анчимееръ.

Успѣху этого труднаго дѣла мы обязаны конечно умѣнью Пассека дѣйствовать въ горахъ, его чудесному глазомѣру, сообразительности и рѣшительности и, кромѣ Пассека, болѣе всего молодецкому баталіону Куринцевъ и храброй грузинской милиціи князя Левана Меликова, начавшаго здѣсь свою карьеру.

Б. К.

болѣе дикое, чѣмъ эта бывшая передъ нашими глазами группа грузинскихъ милиціонеровъ ¹⁾).

Когда солнце сѣло, мы еще находились на самой вершинѣ горы, спускавшейся къ сторонѣ противника болѣе отлого, чѣмъ къ сторонѣ нашего восхожденія; вдали, кое-гдѣ, еще видѣлись значки непріятели. Мой доблестный грузинъ не былъ мною забытъ, и я предложилъ ему все золото, имѣвшееся налицо въ моемъ карманѣ, но онъ мнѣ заявилъ, что ни за что не возьметъ денегъ, что онъ дворянинъ и оказаніе мнѣ помощи было дѣломъ чести. Ему не пришлось раскаться въ своемъ безкорыстїи, и онъ, и его братъ (который тутъ былъ ни при чемъ), оба получили по моему ходатайству нѣкоторое повышеніе по службѣ. Впослѣдствїи, желая сдѣлать ему прїятное, я доставилъ его брату должность переводчика, хотя онъ ни слова не зналъ по-татарски. Казалось, это должно было бы положить основаніе его карьерѣ, но, думаю, что успѣхъ этого рода службы требовалъ моего возвращенія въ Грузію. Оказавшій мнѣ услугу старшій братъ былъ очень хорошій человекъ, простой и добродушный, словомъ—истый кахетинецъ. Онъ меня часто навѣщалъ потомъ въ Тифлисѣ и приносилъ плоды своего сада. На пасху, по обычаю между друзьями, онъ подносилъ мнѣ обыкновенно совершенно бѣлаго и безъ малѣйшаго пятнышка барашка.

Взятіе Анчимеера произвело въ горахъ потрясающее впечатлѣніе.

Уже 7-го іюня событіе это стало извѣстнымъ въ отрядѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова, дѣйствовавшаго въ Южномъ Дагестанѣ. Въ извѣстїи, доставленномъ горцами въ упомянутый отрядъ, упоминалось и о *трехглазомъ полковникѣ*, въ которомъ я былъ признанъ всѣми меня знавшими (по моему моноклю).

Результаты нашего успѣха были весьма значительны для отряда, вслѣдствіе оставленія противникомъ Мичикальскаго ущелья, и горцы собрались въ значительныхъ силахъ только уже въ Андїи.

Графъ Воронцовъ былъ очень доволенъ и засыпалъ насъ своимъ вниманіемъ. Въ ознаменованіе этого славнаго дѣла, въ Высочайшемъ приказѣ отъ того же 5-го іюня, Куринскій полкъ наименованъ „*Егерскимъ графа Воронцова*“. Имя Куринскаго полка мало

¹⁾ Чудесныя картины и рисунки мюнхенскаго художника Горшельта, обезсмертившаго кавказскую войну въ своихъ изображенїяхъ, превосходно дополняютъ впечатлѣніе Бенкендорфа.

что говорить нашей арміи въ Россіи, но это имя настолько связано съ боевой славой нашихъ войскъ на Кавказѣ, что тамъ оно не можетъ быть предано забвенію.

Главнокомандующій, въ своемъ обращеніи къ полку, какъ его шефъ, со свойственнымъ ему тактомъ не преминулъ подчеркнуть тотъ почетъ, который былъ связанъ съ именемъ полка: „не имя мое соединяетъ насъ“, говорилъ онъ полку, „а насъ соединяетъ заслуженная мною честь носить мундиръ Куринскаго полка“.

Ночь съ 5-ое на 6-ое, проведенная нами на вершинѣ Анчи-меера, была очень холодная, и такъ какъ къ намъ не подошли наши вьюки, то намъ пришлось лечь спать голодными и подъ открытымъ небомъ, укрывшись однѣми бурками ¹⁾.

Моя бурка была потеряна, но къ счастью мой маленькій Мамудъ раздобылъ мнѣ другую, съ помощью которой, хорошо ли, дурно ли но я кое-какъ примостился въ расщелинѣ скалы.

Мамудъ—молодой чеченецъ, родомъ изъ Шали, давно уже служилъ намъ лазутчикомъ; дурное обращеніе, которое ему пришлось перенести отъ своего деверя—Шамиля (сестра его имѣла честь раздѣлять ложе этого великаго человѣка), заставило его бѣжать изъ Дарго и искать нашего покровительства. Мы его встрѣтили въ Темиръ-ханъ-Шурѣ, гдѣ онъ находился въ качествѣ политическаго «сылнаго», и такъ какъ я зналъ, что съ нимъ сносился Лобановъ, что онъ былъ очень смышленъ и на все годенъ, то и приютилъ его у себя. Судьбу свою онъ связалъ съ моей или, говоря попросту, завязалъ знакомство съ кухней моего Семена; меня именовалъ своимъ ауломъ.

Мамудъ отличался удивительнымъ знаніемъ географіи своей страны и умѣніемъ разбираться по картѣ, не имѣя ранѣе никакого о ней представленія. Стоило только ориентировать карту по странамъ свѣта и указать ему главнѣйшіе рубежи, какъ онъ уже постигалъ все остальное.

Въ этотъ вечеръ онъ меня много забавлялъ, повѣряя мнѣ (на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ, перемѣшанномъ татарскими словами), что въ первый же разъ, какъ у насъ будетъ вино, онъ

¹⁾ Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ, почему въ штабѣ отряда не были приняты всѣ мѣры для доставленія прежде всего обоза войскамъ отряда Пассека, хотя бы часть его? Воронцовъ поднялъ отрядъ налегкѣ, а вслѣдъ за нимъ слѣдовало направить и обозъ его и, конечно, Воронцову слѣдовало сговориться и условиться съ Пассекомъ, а не оставлять его безъ малѣйшихъ указаній.

отомститъ Магомету, напившись пьянымъ, такъ какъ въ сегодняшнемъ дѣлѣ пуля прострѣлила ему рукавъ, что вынуждаетъ его прервать всякую связь съ религіозными постановленіями Магомета. Въ то время онъ былъ еще очень милъ, но когда я покидалъ Тифлисъ, онъ уже измѣнился: милости, которыми онъ былъ осыпанъ, и невоздержная жизнь въ городѣ создали изъ него порядочнаго негодяя,—обычное явленіе порчи нравовъ при соприкосновеніи цивилизаціи съ первобытными нравами населенія, а отсюда то суровое презрѣніе къ этой цивилизаціи со стороны послѣдователей корана.

Генераль Пассекъ назначилъ двѣ роты Литовцевъ для сопровожденія нашихъ раненыхъ къ главному отряду и въ числѣ таковыхъ было и 17 человекъ Куринцевъ, принятыхъ съ той заботливостью и живѣйшей симпатіею, съ которыми принимаютъ обыкновенно первыхъ раненыхъ. Графъ Воронцовъ далъ имъ денегъ, въ ихъ пользу была открыта подписка, а для доставленія ихъ въ Темиръханъ-Шуру были назначены лучшія черводарскія лошади. Но въ послѣдствіи, когда этихъ раненыхъ пришлось имѣть постоянно передъ глазами, то люди, мало-по-малу, привыкли ко всѣмъ этимъ ужасамъ и страданіямъ. Послѣ описываемыхъ событій, я, какъ-то будучи въ Дрезденѣ, смотрѣлъ пьесу (передѣланную изъ романа „Мемуары дьявола“), въ которой одинъ изъ актеровъ рассказывалъ массу ужасовъ и преступленій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, начиналъ онъ свой рассказъ грустнымъ тономъ, каждый разъ заканчивая его фразой: „но вѣдь къ этому скоро привыкаешь“ (Aber man gewöhnt sich!). Эта сцена живо напомнила мнѣ всѣ тѣ бѣдствія и страданія, которыя уже прошли передъ моими глазами, и то впечатлѣніе, которое когда-то онѣ на меня производили.

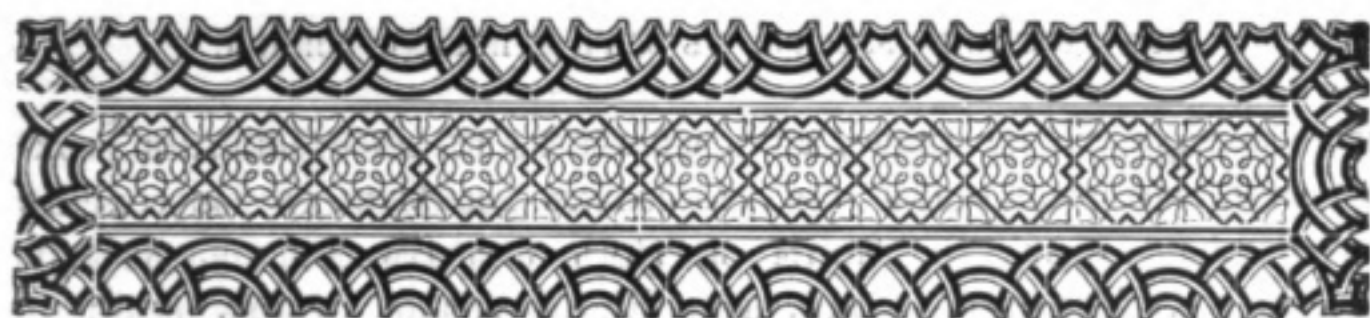
Боже мой! До чего справедливо это—„ко всему привыкаешь“!..

Война служитъ богатой школой грустныхъ и безотрадныхъ опытовъ надъ самимъ собой.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXXIII ¹⁾.

Ночь прошла благополучно. Наступилъ канунъ одного изъ величайшихъ праздниковъ Ислама—„рожденіе Магомета“. Али не проспалъ утренней службы и отправился въ мечеть.

Прислуга доложила, что пришли два паликара и желали имѣть секретный разговоръ съ консуломъ.

Прибывшіе сообщили много новаго въ слѣдующей версіи.

За хорошія деньги имъ удалось подкупить шпиона, тайнаго ренегата изъ черкесовъ, который выдалъ имъ весь планъ заговора.

Оказалось, что духовенство, озлобленное выходкой грека, пришло въ крайнюю степень раздраженія и стало подстрекать гарнизонъ немедленно приступить къ расправѣ съ христіанами.

Тогда былъ наскоро созванъ совѣтъ, и принято рѣшеніе вызвать всѣхъ турокъ, жившихъ въ горахъ и долинахъ, открыть арсеналь и раздать имъ оружіе, а военной эскадрѣ было отдано приказаніе повернуть всѣ пушки противъ европейской части города на случай упорнаго сопротивленія оттуда.

Всѣ присутствовавшіе съ энтузіазмомъ принялись готовиться къ нападенію; но вернувшійся изъ Конака главный шейхъ не одобрилъ порыва горячихъ головъ и предложилъ нѣчто другое.

Прежде всего онъ объяснилъ собранію, что по распоряженію начальника края не будетъ допущенъ пріемъ шифрованныхъ депешъ впредь до всесторонняго обсужденія характера и причинъ кроваваго

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1910 года.

происшествія, но не иначе, какъ совмѣстно съ иностранными резидентами, которые могли бы въ своихъ поспѣшныхъ донесеніяхъ неправильно освѣтить факты и тѣмъ вызвать дипломатическое осложненіе. Такимъ образомъ, пока Кіамиль-паша будетъ возиться съ агентами державъ, эскадрѣ и крѣпостному гарнизону, по указанію шейха, надлежало занять пассивное положеніе и быть въ резервѣ, а для активнаго выступленія противъ дерзкихъ гяуровъ призвать съ берега изъ окрестностей Чесмы нѣсколько бандъ зейбековъ и спрятать ихъ до времени въ трюмахъ военныхъ кораблей. Послѣ праздника, т. е. съ воскресенья на понедѣльникъ, выпустить малоазіатскихъ гостей прогуляться по острову и предоставить имъ свободу дѣйствій, что могло быть совершенно достаточно для достиженія извѣстной цѣли. На могущее послѣдовать вмѣшательство дипломатіи отписаться не составитъ труда, сваливъ все на башибузуковъ, и тогда дѣло уладится само по себѣ, а невѣрные все-таки получатъ возмездіе за оскорбленіе магометанской святыни.

Передавъ въ подробностяхъ все вышеизложенное, паликары объяснили намъ, что греческимъ населеніемъ Хіоса уже приняты мѣры на случай самообороны, и что сейчасъ формируется многочисленный отрядъ партизановъ, часть котораго засядетъ на палубахъ коммерческихъ судовъ для наблюденія за рейдомъ, а главныя силы расположатся за выступами прибрежныхъ скалъ; въ укрытомъ мѣстѣ будетъ собрано множество шлюпокъ и лодокъ, нагруженныхъ запасами оружія, патроновъ, топоровъ и другими боевыми принадлежностями.

— Нашъ планъ таковъ, — говорилъ одинъ изъ пришедшихъ, Христофоръ Сарико, извѣстный среди греческой молодежи своей несравненной отвагой и неустрашимостью:—при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи турокъ мы немедленно спускаемъ на воду всю нашу флотилію и плывемъ къ эскадрѣ; затѣмъ подходимъ къ ней вплотную, рубимъ цѣпи якорей, взбираемся наверхъ и захватываемъ нушки...

— Но это безуміе,—перебилъ его дядя,—васъ перерѣжутъ и перетопятъ, какъ барановъ!..

— О, нѣтъ!—самоувѣренно возражалъ храбрый Сарико,—насъ слишкомъ много по сравненію съ численностью экипажа съ башибузуками вмѣстѣ, да мы и проворнѣе ихъ! Едва-ли они успѣютъ шевельнуться, какъ уже будутъ отправлены нашими молодцами за бортъ въ даръ Посейдону—туда имъ и дорога!.. съ свирѣпою радостью договорилъ молодой человекъ и, получивъ отъ дяди нѣкоторую сумму денегъ для фонда организациі, отправился съ тѣмъ же порученіемъ къ другимъ консуламъ.

Въ то же утро собрались у насъ всѣ резиденты западныхъ державъ и агенты коммерческихъ конторъ для совмѣстнаго обмѣна взглядовъ и мнѣній.

Разсчитывать на успѣхъ предпріятія, задуманнаго греками, казалось ребячествомъ; но такъ или иначе, а надо же было защищаться.

Пассажирскихъ пароходовъ, какъ нарочно, ранѣе вторника не ожидалось по расписанію ни одного, а слѣдовательно на ихъ помощь въ передачу донесенія нечего было и надѣяться; прорваться хотя бы на парусной шкунѣ сквозь стражу, высланную къ выходу въ открытое море, также не имѣлось никакихъ шансовъ.

Тогда пошли на компромиссъ и составили такой планъ дѣйствій: отправиться всей компаніей къ губернатору и, не затрагивая вопроса о шифрованныхъ депешахъ, выразить ему полное довѣріе и увѣренность, что онъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, возстановитъ собственной властью порядокъ въ странѣ. Въ то же время Австро-Венгерскому консулу, г. Буковичу, какъ представителю монархіи, которая наравнѣ съ Англіей пользовалась также особенными симпатіями Блистательной Порты, испросить для себя специальное разрѣшеніе паши на отправку телеграммы въ Смирну по личному якобы торговому дѣлу, но только со славянскимъ текстомъ, хотя и написаннымъ латинскимъ шрифтомъ. Начальникъ края принялъ консуловъ чрезвычайно любезно, обстоятельно разъяснилъ имъ, по какимъ собственно побужденіямъ онъ установилъ цензуру, очень извинялся за причиненное безпокойство и далъ обѣщаніе, что въ его владѣніяхъ миръ и согласіе никогда не будутъ нарушены.

Настала очередь г. Буковича: Кіамиль-паша видимо колебался; но, вѣроятно, опасаясь испортить отношенія съ агентомъ дружественной державы, далъ ему разрѣшительный билетъ къ цензору, предварительно обязавъ австрійца честнымъ словомъ, что въ его депешѣ не будетъ ничего, касающагося прискорбнаго инцидента; но это нисколько не помѣшало послѣднему по окончаніи аудіенціи отправить въ контору „Ллойда“ краткое изложеніе случившагося съ убѣдительною просьбой похлопотать о присылкѣ къ воскресенью военнаго корабля.

Долго вертѣли въ рукахъ турецкіе чиновники подозрительный листокъ съ неизвѣстнымъ содержаніемъ; но предъявленный документъ за подписью губернатора заставилъ ихъ повиноваться.

Никто тогда не могъ понять причинъ, побуждающихъ Кіамиль-пашу дѣйствовать такъ коварно, когда расправа съ христіанами уже была предрѣшена.

Но современемъ выяснилось, что въ этомъ ужасномъ дѣлѣ онъ

только игралъ роль простой пѣшки въ рукахъ хитроумныхъ шейховъ. По ихъ же указаніямъ онъ также не отмѣнилъ цензуры до слѣдующей недѣли, чтобы, такимъ образомъ, дать возможность осуществиться заговору безъ всякой помѣхи извнѣ.

Г л а в а XXXIV.

Наступали часы вечерней службы въ мечетяхъ.

Солнце ушло съ зенита и склонялось къ вершинамъ могучаго Тавра, зажигая на немъ розовые лучи заката. Небо сіяло лазурью и дышало зноемъ на раскаленную землю. Все предвѣщало душную, жаркую ночь. Я вышла на плоскую крышу дома, чтобы освѣжиться, и залюбовалась несравненной панорамой моря во всемъ его удивительномъ очарованіи. Оно было величаво и прекрасно, отражая въ себѣ разнообразіе красокъ угасающаго дня.

— Какой восторгъ это дивное, лучезарное море,—цѣло въ моей душѣ,—и какое счастье жить на берегу его и слушать плескъ прибоя!.. Какъ хороша жизнь сама по себѣ: молодость, любовь... А что такое „любовь“ въ сущности?—уже переходя изъ лирическаго настроенія на элегическій тонъ, задумалась я:—Это волна, что взбѣжала вотъ сейчасъ на отмель, блеснула изумрудами и откатилась бѣлой пѣной... Ничто не вѣчно въ подлунномъ мірѣ, сказалъ какой-то мудрецъ—пусть будетъ и такъ. Люблю ли я его? Кажется, что да? Онъ обѣщалъ мнѣ рай—правда, во вкусѣ Магомета; но не все-ли равно, если и туда заглядываетъ счастье. И надо же было подвернуться этому ничтожеству, этимъ хитрымъ голубымъ глазамъ... И я заплакала горько и неутѣшно о „потерянномъ раѣ“.

Какая-то лодочка причалила къ агентству, и чей-то громкій голосъ назвалъ меня по имени, привѣтствуя на турецкомъ языкѣ: „Селямъ аллеикюмъ!“

Смотрю и глазамъ не вѣрю: менѣе всего можно было ожидать въ такое тревожное время появленія турецкаго офицера подъ окнами христіанскаго дома.

А это оказался тотъ самый артиллеристъ, съ которымъ я видѣлась наканунѣ у входа въ конакъ.

— Хассанъ-эфенди!—крикнула я, спускаясь внизъ,—аллейкюмъ селямъ! но почему вы не въ мечети—скоро зажгутъ плошки на минаретахъ, и какъ бы не вышла неприятность для васъ?

— Успѣю еще, не беспокойтесь! соскучился я о жемчужинѣ моего сердца,—перевелъ онъ на французскій языкъ турецкій ком-

плиментъ,—и вотъ, какъ видите, не утерпѣлъ; очень испугались вы вчера?

— О! нисколько,—уклонилась я отъ истины, — кто же станетъ обижать насъ, не правда ли? кому мы дѣлаемъ вредъ?

— Конечно, конечно,—нерѣшительно и колеблясь отвѣтилъ онъ,— только, знаете, злыхъ людей на свѣтѣ больше, чѣмъ добрыхъ — объ этомъ-то я хотѣлъ побесѣдовать съ вами, алмазь мой драгоценный!

— Подождите, — перебила я, — ваша „порція“ готова, сейчасъ принесу.

Слезы благодарности показались на глазахъ старика.

А „порція“ эта состояла всегда изъ нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ, сладкихъ пирожковъ, конфетъ и разныхъ бездѣлушекъ для его дѣтей.

Каждый четвергъ, т. е. въ кануны еженедѣльныхъ праздниковъ Пслама, въ извѣстный часъ, незадолго до вечерней службы, къ стѣнамъ нижняго этажа подплывалъ каибъ Хассанъ-эфенди, и я вручала ему пакетъ, прозванный въ шутку домашними „порціей Хассана“. Такъ продолжалось до настоящаго дня. Обыкновенно онъ сердечно благодарилъ за подарки и спѣшилъ, не задерживаясь излишними разговорами, къ себѣ въ крѣпость.

Но на этотъ разъ, высказанное имъ желаніе поговорить о людской злобѣ озадачило и встревожило меня. Положивъ свертокъ на дно лодки и поцѣловавъ собственную ладонь правой руки въ знакъ глубокой признательности, эфенди продолжалъ начатый разговоръ и, къ удивленію моему, высказалъ почти то же самое, что и кавасъ Али, только съ небольшими вариациями.

Такъ, онъ сообщилъ, что въ Смирну уже пришла британская эскадра подъ вымпеломъ герцога Единбургскаго, и что, по слухамъ, ждали на-дняхъ „Свѣтлану“, сопровождаемую большимъ отрядомъ военныхъ судовъ подъ командой адмирала Бутакова.

— Вообразите же себѣ какое веселье и торжество наступятъ тамъ,—съ воодушевленіемъ рассказывалъ Хассанъ-эфенди, стараясь выразиться какъ можно цвѣтистѣе, чтобы привести меня въ восхищеніе своими новостями, — иллюминаціи, танцы, катанья въ горы... А сколько русскихъ офицеровъ будутъ за вами ухаживать! Все это народъ образованный, съ утонченнымъ воспитаніемъ, не то, что греческія свиньи съ торговыхъ шкунь, дикіе паликары,—и онъ такъ же, какъ и Али, презрительно плюнулъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло, драгоценный мой перлъ, украшеніе души вашего вѣрнаго Хассана,—говорилъ онъ съ трогательной мольбой, прижимая руки къ сердцу: — общайте мнѣ именемъ Ал-

лаха, что вы сейчасъ же пойдете къ вашему доброму дядѣ и будете очень, очень просить его отправить васъ, обѣихъ дамъ, въ Смирну и непременно въ субботу, такъ какъ къ воскресенью, я слышалъ, затѣваютъ тамъ что-то необыкновенное!—схитрилъ бѣдняга, украдкой вытирая набѣгавшія слезы.

У меня сжалось сердце тоской—я прекрасно поняла его: благодарный другъ въ довольно ясныхъ намекахъ предупреждалъ о грозившей опасности, но не смѣлъ выдать тайны постановленій совѣта шейховъ. Малоазіатскихъ разбойниковъ боятся даже коренные турки, съ которыми они не всегда церемонятся и, ради добычи, съ удовольствіемъ ограбятъ и зарѣжутъ любого мусульманина, какъ и всякаго другого. Къ услугамъ этого сброда прибѣгаютъ, правда, въ исключительныхъ обстоятельствахъ или по секретнымъ мотивамъ въ родѣ, на примѣръ, даннаго случая, а правительство, какъ извѣстно, формируетъ изъ нихъ иррегулярную конницу, т. е. отряды „башибузуковъ“, что въ переводѣ означаетъ „сорви-голова“.

Уѣхать въ Смирну—чего бы лучше! Но объ этомъ я не могла и мечтать, да и совѣстно какъ-то было останавливаться на такой мысли: дядя мой по долгу службы не имѣлъ права отлучаться изъ консульства безъ особеннаго на то разрѣшенія посольства, тѣмъ болѣе въ виду наступающихъ событій; жена его, и говорить нечего, не бросила бы мужа одного, а я, не столько по долгу совѣсти, сколько по сердечному побужденію намѣрена была раздѣлить общую участь.

Г л а в а XXXV.

Однако, какія неправдоподобныя вещи рассказываетъ авторъ, подумаютъ, какъ мнѣ кажется, многіе: офицеръ турецкой арміи еженедѣльно приходилъ къ христіанкѣ за подаваніемъ?..

Удивляться и недовѣрять можно всему; но узнать и понять причину такого ненормальнаго явленія, это уже совсѣмъ другое дѣло.

Хотя я достаточно говорила о бѣдственномъ матеріальномъ положеніи военныхъ въ Оттоманской Имперіи, но позволяю себѣ опять напомнить читателю то же самое для ясности рассказаннаго случая.

Послѣдніе годы царствованія Абдуль-Азиса были печальной эпохой въ исторіи турецкаго народа.

Въ началѣ даже очень популярный и подававшій блестящія надежды, монархъ этотъ къ концу своей жизни сдѣлался жестокимъ

самодуромъ, безумнымъ расточителемъ государственныхъ финансовъ и привелъ бы страну къ полнѣйшему банкротству, если бы не золото Англіи, съ помощью котораго она же и убрала его съ престола.

Дошло до того, что истощенной казнѣ стало не подъ силу платить жалованье чиновникамъ въ провинціяхъ и войскамъ.

Первые, съ молчаливаго согласія, еще кое-какъ прозябали бакшишами, а послѣдніе, даже офицеры, не получая долгими мѣсяцами содержанія, бѣдствовали ужасно. Жить хочется, и ѣсть надо, но взять негдѣ—поневоля и руку протянешь.

Вотъ какую грустную картину представляла собой служба турецкаго воина, такъ что сомнѣваться въ достовѣрности приведеннаго мною факта не имѣется основанія.

Для иллюстраціи къ сказанному еще нѣсколько словъ.

Въ хіосской цитадели хранилось до 1876 года, какъ любопытные памятники былыхъ временъ владычества генуэзцевъ надъ Архипелагомъ, нѣсколько пушекъ удивительной формы. Одна изъ нихъ была, на примѣръ, точная копія тыквы, съ жерломъ, обращеннымъ къ небесамъ: какъ стрѣляли изъ нея и куда попадали—на этотъ вопросъ Хассанъ-эфенди, опытный артиллеристъ, не далъ мнѣ отвѣта.

Однажды я пришла въ крѣпость къ нему въ гости и не нашла интересныхъ орудій на своихъ мѣстахъ. Тогда почтенный эфенди объяснилъ, что на дняхъ пріѣзжала комиссія и увезла ихъ на монетный дворъ, гдѣ не хватило металла для чеканки піастровъ.

Таково было состояніе финансовъ подъ скипетромъ Абдуль-Азиса; но измѣнилось ли все къ лучшему при послѣдовавшихъ перемѣнахъ—то уже иной вопросъ.

А сейчасъ я расскажу, какимъ образомъ пришлось мнѣ выручать изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ турецкаго офицера. О бѣдственномъ положеніи послѣдняго я узнала отъ дочери Кіамиль-паши, которая, хотя и не изъ числа сердобольныхъ, со слезами на глазахъ посвятила меня во всѣ подробности его горестной судьбы. Большая семья Хассанъ-эфенди буквально голодала, такъ какъ жалованья не выдавали уже второй годъ, кредиторы преслѣдовали безпощадно, а чиновники Высокой Порты требовали непосильныхъ взятокъ за перемѣщеніе на болѣе выгодное мѣсто. Къ тому времени освобождалась въ Хіосѣ вакансія пріемщика артиллерійскихъ запасовъ, должность, дававшая маленькій посторонній заработокъ.

Но безъ бакшиша кому слѣдуетъ, какъ мѣсто получить?

Въ такую скверную минуту жизни бѣдный эфенди послалъ свою жену въ гаремъ губернатора съ просьбой одолжить ему взаймы

небольшую сумму, чтобы извернуться. Но тамъ отвѣтили, что я рада бы всей душой, да самимъ, молъ, не очень-то жирно живетъся.

Тогда, послѣ нѣкотораго раздумья, остановились на мнѣ. Онѣ считали моихъ родныхъ очень богатыми, а меня слишкомъ доброй, судя по тѣмъ подачкамъ, которыя расточала я провожатымъ и посыльнымъ изъ солдатъ.

Элиме пріѣхала ко мнѣ и все объяснила. Къ данному моменту въ моей шкатулкѣ собралось довольно порядочное количество золотыхъ лиръ и серебра, которыми не скупилась одаривать меня дядя и его жена.

Мнѣ самой до боли стало жаль несчастнаго старика, и я немедленно занялась устройствомъ его дѣлъ, отославъ ему прежде всего 200 рублей, что оказалось вполне достаточно для достиженія цѣли.

Послѣ того я приобрѣла особенное расположеніе въ средѣ мусульманскаго населенія и даже настолько, что, когда мнѣ приходилось бывать въ крѣпости и проходить мимо часовыхъ, то послѣдніе, замѣтивъ меня издали, радостно улыбались и отдавали воинскую честь, что дѣлалось, конечно, только по сердечному побужденію.

Зато и гордилась же я такимъ исключительнымъ вниманіемъ и, сознаюсь откровенно, мнѣ чрезвычайно нравились эти привѣтствія карауловъ.

Теперь мнѣ предстоитъ не легкая задача съ достаточной убѣдительностью выяснить на этихъ страницахъ, въ чемъ собственно проявилась сила подвига двухъ преданныхъ намъ мусульманъ Хасана и Али.

Заранѣе предвижу основательныя возраженія: но попробую, какъ умѣю.

Прочитавъ уже данную мною раньше характеристику выдающимся чертамъ душевнаго склада турка; кто - нибудь скажетъ мнѣ такъ:

— Положимъ, что отъ благодарныхъ сердець можно было бы ожидать нѣсколько болѣе опредѣленныхъ указаній на степень опасности для вашей жизни, а не однихъ только осторожныхъ и туманныхъ намековъ, да и то издали. Каждый изъ насъ по долгу совѣсти безъ всякихъ колебаній предостерегъ бы ближняго отъ бѣды—вотъ и все!

Такова, несомнѣнно, наша этика, а какова она у пламеннаго обожателя Магомета—въ этомъ - то вопросѣ и надо разобраться.

— Хорошо. — отвѣтитъ мнѣ воображаемый оппонентъ, выслушавъ всѣ доводы о святости присяги и о страшной отвѣтственности,

налагаемой Исламомъ, за нарушеніе ея,—станемъ всецѣло на мусульманскую точку зрѣнія: оба ваши доброжелателя были, конечно, солидарны со всѣми присутствовавшими на тайномъ совѣщаніи улемовъ и также, какъ и прочіе, жаждали отомщенія гяурамъ, оскорбившимъ величайшую ихъ святыню.

— Но по отношенію къ вашей семьѣ, что же особеннаго сдѣлали признательные друзья? Угощая васъ эживоками, разнообразными метафорами и, по обычаю Востока, живописными сравненіями, какъ тотъ, такъ и другой не подумали даже сознаться просто и откровенно въ собственномъ безсиліи оградить своихъ благодѣтелей отъ роковыхъ случайностей момента, и не разъяснивъ даже, почему они съ такой настойчивостью добивались вашего отъѣзда изъ Хіоса.

Такъ гдѣ же здѣсь отраженіе высокихъ порывовъ души, и гдѣ же тутъ подвигъ?—спросить европеецъ; но я намѣрена возражать и на это.

— Такое ясное предупрежденіе иностранца со стороны правовѣрнаго, побывавшаго въ совѣтѣ шейховъ, было бы равносильно слѣдующему признанію: „сюда приглашены малоазіатскія банды; вы, конечно, сами знаете для какой цѣли, а потому скорѣе вызывайте военные корабли съ десантами и расправляйтесь съ нами“!

Ну, можно ли требовать что-либо подобное „отъ магометанина“, давшаго клятву на реликвіяхъ пророка хранить безусловную тайну?!

Я подчеркиваю слова „отъ магометанина“, потому что наше просвѣщенное понятіе о святости присяги очень таки растяжимо: кому не извѣстно, напримѣръ, что нѣтъ ничего легче, какъ найти лжесвидѣтеля по самому безсовѣстному дѣлу.

Не такъ относится мусульманинъ къ трактуемому предмету—вотъ эту разницу взглядовъ я и хочу объяснить.

Когда возникаетъ броженіе умовъ по поводу религіозныхъ недоразумѣній въ родѣ того, о чемъ идетъ рѣчь, духовенство приводитъ къ присягѣ на знамени пророка всѣхъ присутствующихъ въ закрытомъ собраніи.

Тогда каждый клянется въ благоговѣйномъ сознаніи воличія и святости этого акта съ непоколебимымъ намѣреніемъ исполнить въ точности данное обѣщаніе и принимаетъ на себя тяжкую отвѣтственность за малѣйшее уклоненіе въ сторону.

Доведенные до экстаза опаснымъ настроеніемъ своихъ руководителей, исламиты даютъ страшную клятву въ такой, приблизительно, формулѣ: они обязуются ни при какихъ обстоятельствахъ и принужденіяхъ, даже пыткахъ, не обмолвиться хотя бы единымъ словомъ о рѣшеніяхъ совѣта, чтобы неосторожнымъ выраженіемъ не навести

хвтраго франка на нѣкоторыя догадки и тѣмъ испортить планъ заговора.

Въ противномъ случаѣ виновный объявляется преступникомъ противъ Ислама, лишается жизни и самаго главнѣйшаго блага для набожнаго и вѣрующаго почитателя пророка: его душѣ воспрещается входъ въ рай Магомета.

Въ такихъ-то ужасныхъ условіяхъ находились бѣдные наши друзья, оба турка, когда пытались удалить насъ изъ Хіоса и, такимъ образомъ, давали намъ достаточно внушительное предостереженіе. Они очень хорошо понимали, что и этотъ шагъ съ ихъ стороны могъ бы заставить опытнаго консула насторожиться и принять соотвѣтствующія мѣры. Тѣмъ не менѣе, оба безъ оглядки рискнули своимъ благополучіемъ, какъ въ здѣшней, такъ и въ загробной жизни.

Это ли не высочайшій подвигъ самопожертвованія?

Конечно, холодному европейцу, давно потерявшему вѣру въ Промысль и Творца и живущему бездушными доктринами, не под силу понять психологію мусульманина, глубоко убѣжденнаго, что его религія есть та самая истина, которую ищетъ человѣчество.

Г л а в а XXXVI.

Всѣ живущіе на островахъ турецкаго Архипелага, благодаря близкому сосѣдству съ Малой Азіей, прекрасно знаютъ, что за теплая компанія эти зейбеки, лазы, курды и прочія племена „Леванта“, какъ называютъ въ Турціи Анатолію.

Каждую ночь на своихъ проворныхъ, легкихъ лодочкахъ они развѣзжаютъ у береговъ сосѣдей, высаживаются въ закрытыхъ мѣстахъ около скалъ и дѣлаютъ набѣги по преимуществу внутрь страны, гдѣ живутъ колонисты, владѣльцы цвѣтущихъ плантацій.

Излюбленнымъ мѣстомъ левантскихъ экскурсантовъ всегда былъ Хіосъ, какъ наиболѣе населенный греческими богачами—коммерсантами; но и городскими обывателями они также интересовались, въ чемъ пришлось самолично и по опыту убѣдиться, и о чемъ я расскажу современемъ.

Островитяне привыкли къ подобнымъ любезностямъ анатолійскихъ визитеровъ и принимали мѣры къ самоохранѣ, не рассчитывая на помощь гарнизона по причинѣ его отдаленности отъ загородныхъ колоній. Да и вообще, турецкія власти ничего не могутъ съ ними подѣлать.

Хіотяне еще съ незапамятныхъ временъ пользуются особеннымъ

вниманіемъ племени зейбековъ, какъ ближайшихъ къ нимъ аборигеновъ Малой Азіи.

Въ мусульманской Азіи такъ уже сложилось само собой, что когда возникаютъ вспышки фанатизма между магометанами и христианами, то почти всегда къ мѣсту потасовки являются башибузуки, но, конечно, болѣе изъ любви къ грабежамъ, чѣмъ по идейнымъ мотивамъ. Появленіе ихъ какиковъ прошлою ночью у эскадры не удивило бы никого въ обыкновенное время, если бы не сигнальныя ракеты изъ Чесмы и свѣдѣнія, добытыя шпіономъ въ мечети, а потому не трудно было догадаться, что на этотъ разъ бандамъ назначалась роль исполнительная...

Весь день субботы я не отходила отъ окна и съ понятнымъ волненіемъ наблюдала горизонтъ, въ надеждѣ увидѣть на немъ дымокъ военнаго корабля; но одновременно всѣ мы сознавали ясно, что столь желанная помощь едва-ли устранить надвигающуюся бѣду.

Кто можетъ отвѣтить за своеволие и безчинства малоазіатскихъ разбойниковъ? да никто, какъ и всегда!

И какая получится отъ того польза для населенія, если линейное судно, въ случаѣ беспорядковъ, выпуститъ нѣсколько гранатъ по городу и высадитъ роту солдатъ? Ровно никакой—только насмѣшить буйныхъ анатолийцевъ, и больше ничего! При первомъ же выстрѣлѣ изъ орудія эти господа удерутъ въ горы, а оттуда на противоположную сторону острова, сядутъ въ свои быстрыкрылыя лодки и улетятъ къ себѣ на берегъ съ тѣмъ, чтобы вернуться опять, когда непрошенные гости уберутся съ Хиосскаго рейда. А пока тамъ будетъ тянуться безконечная волокита дипломатической переписки, можно сто разъ наверстать потерянное время.

Наблюдавшій въ подзорную трубу съ плоской крыши дома секретарь нашего консульства, Артуръ Триконъ ¹⁾, сбѣжалъ внизъ и радостно объявилъ, что показался военный корабль. Слава Богу! Она пришла, эта помощь; но какая?...

Къ рейду подошло небольшое авизо подъ британскимъ флагомъ, и на его кормѣ мы прочли: „Coquette“.

Она бросила якорь и тотчасъ же спустила на воду шлюпку, въ которую сѣло нѣсколько офицеровъ. Гребцы направили боть прямо къ пристани цитадели, гдѣ прибывшіе были встрѣчены комендантомъ и администраціей.

По правиламъ международнаго этикета моряки прежде всего

¹⁾ Здравствуетъ по нынѣ и служитъ въ Хиосѣ агентомъ „Русскаго Пароходства и Торговли“.

сдѣлали визитъ губернатору, отъ него отправились къ своему консулу, а затѣмъ къ остальнымъ агентамъ европейскихъ державъ.

Настала и наша очередь: лодка причалила къ агентству, и гордые сыны Альбіона, важно озираясь, вошли по мосткамъ въ контору, а отсюда поднялись къ намъ наверхъ. Ихъ пригласили въ пріемную. Капитанъ, рыжій, красный дѣтина, еле волоча ноги, пыхтѣль, какъ паровикъ, и надо было полагать, что онъ уже изрядно нагруженъ джиномъ.

Помощникъ его, типичный британецъ, длинный, костлявый, съ огромными клыками вмѣсто зубовъ и съ огненными бакенбардами направлялъ свой лорнетъ во всѣ стороны и, съ удивленіемъ разсматривая обстановку комнаты, какъ будто очутился на лунѣ.

— Ого! — бормоталъ онъ на плохомъ французскомъ языкѣ:—въ Хіосѣ европейскій комфортъ — интересно! — Прочіе ничего не говорили, а только моргали сонными глазами. Имъ подали угощеніе въ англійскомъ вкусѣ: хересь, бисквиты и честеръ. Тогда они сдѣлались общительнѣй и рѣшили, что попали не къ дикарямъ.

Капитанъ совсѣмъ оживился, проглотивъ стаканъ любимаго напитка и, закусывая сыромъ, соблаговолилъ сообщить намъ о цѣли своего прибытія.

— Мы командированы къ вамъ,—говорилъ онъ съ превеликимъ достоинствомъ, — чтобы освѣтить въ настоящемъ видѣ характеръ беспорядковъ и, ознакомившись съ подробностями инцидента, пришли къ заключенію, что игра не стоитъ свѣчъ: на базарѣ подрались два дурака, а умные люди испугались и надѣлали шуму. Изъ такого вздора нельзя беспокоить эскадры, которая имѣетъ несравненно болѣе важное назначеніе, чѣмъ разбирать домашнія дразги по захоlustьямъ Эгейскаго моря. На Востокѣ всегда дерутся отъ скуки: то за Магомета, то за Моисея, стоитъ ли обращать вниманіе на подобныя глупости,—уже съ громкимъ хохотомъ договорилъ командиръ авизо, допивая третій стаканъ вина.

Возраженія и доводы моего дяди не привели ни къ чему и только насмѣшили англичанъ. Бойкій помощникъ капитана отвѣтилъ за всѣхъ такъ:

— Ваши опасенія весьма преувеличены: странно, что вы боитесь башибузуковъ? Вѣдь эти негодяи отчаянные трусы! возьмите каждый по палкъ и разгоните ихъ; слишкомъ много чести вызывать для подобной дряни военные корабли!

Убѣдившись, что спорить съ людьми предвзятыхъ мнѣній не стоитъ труда, мы перевели разговоръ на другія темы.

Мнѣ захотѣлось сказать что-нибудь пріятное нашимъ гостямъ,

и я выразила имъ сожалѣніе, что до сихъ еще не видѣла гордости ихъ флота, фрегата „Девастейшинъ“¹⁾).

Какъ видно было, это очень понравилось самолюбивымъ мореплавателямъ, потому что они стали чрезвычайно любезны и взапуски всѣ сразу принялись описывать мнѣ несравненные достоинства своего „Опустошителя“.

Зубатый помощникъ съ неподржаемымъ самомнѣніемъ началъ доказывать, что весь Хіосъ—это съ его-то сотысячнымъ населеніемъ!—и со всѣми зейбеками на придачу, могли бы свободно размѣститься на палубахъ и въ трюмахъ англійскаго „чудовища“.

Прочіе моряки вторили ему и, въ концѣ концовъ, довольные мною, такъ разошлись, что стали усиленно приглашать меня непременно прѣхать въ Безикскую бухту, гдѣ имѣлъ стоянку удивительный корабль, чтобы осмотрѣть пушки, ядра и другія чудеса „Опустошителя“.

Рыжій капитанъ съ ловкостью медвѣдя расшаркался передо мной и попросилъ заранѣе разрѣшенія сопровождать мою особу въ качествѣ кавалера на ихъ эскадру, обѣщая, во что бы то ни стало, исходатайствовать для меня разрѣшеніе—не спрашивая на то моего согласія—быть представленной начальнику всѣхъ морскихъ силъ Великобританіи, адмиралу лорду Сеймуру. Рисуя мнѣ столь заманчивую перспективу, онъ думалъ, конечно, что я или умру немедленно отъ счастья или же, по крайней мѣрѣ, сойду съ ума.

Но я почувствовала приливъ патріотизма и заявила ему, что у насъ есть точно такое же „чудовище“ морей—это фрегатъ „Петръ Великій“.

Надо было видѣть эффектъ послѣднихъ словъ: англичане презрительно переглянулись, а помощникъ командира досталъ изъ кармана сигару и, протягивая ее мнѣ, съ гримасой отвѣтилъ:

— Вотъ ваши пушки на „Петръ Великомъ“, а вотъ наши!—и онъ описалъ руками такой громаднѣйшій кругъ, что невольно пришлось усумниться въ вѣроятіи подобнаго размѣра орудій; но, желая переспорить хвастливыхъ моряковъ, я, къ сожалѣнію, сказала другую глупость:

— Наша царь-пушка въ Московскомъ Кремлѣ самая большая въ мірѣ по своей величинѣ, а потому вы ничѣмъ не удивите насъ.

Кажется, что эта выходка уронила меня въ ихъ глазахъ, и капитанъ авизо со смѣхомъ возразилъ:

-- Вашу „царь-пушку“ можно заряжать только горохомъ и стрѣлять по воробьямъ.

¹⁾ Въ переводѣ значитъ „опустошитель“.

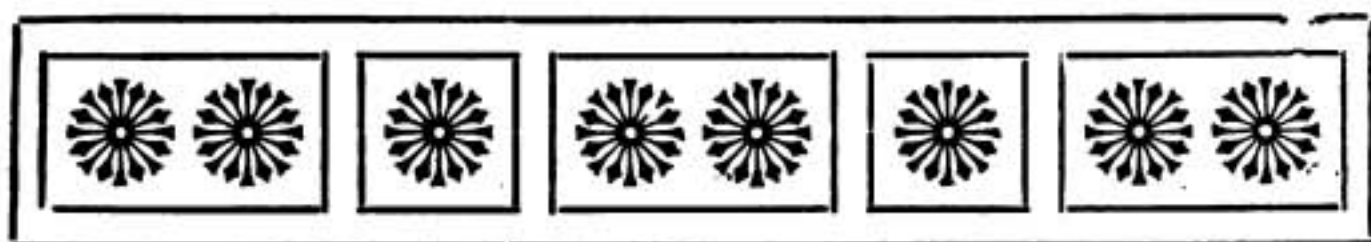
Наконецъ, интересные визитеры стали прощаться и снова повторили приглашеніе посѣтить бухту Безики, чтобы сравнить „Девастейшинъ“ съ „Петромъ Великимъ“.

Почему-то они воображали, что для меня это былъ вопросъ жизни и смерти. Но такова національная черта британца: съ кѣмъ бы онъ ни сталкивался, каждый обязанъ былъ, по его глубокому убѣжденію, склониться передъ міровымъ превосходствомъ Англїи и помнить, что она выше всѣхъ странъ на свѣтѣ...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Овсянниковъ и Юханцевъ въ Красноярскѣ.

Въ октябрьской книжкѣ „Русская Старина“, за 1907 годъ, появились записки „судебнаго дѣятеля“, принадлежащія талантливому перу многоуважаемаго А. Ѡ. Кони.

Въ нихъ уважаемый авторъ, между прочимъ, останавливается съ глубокимъ интересомъ и ярко рисуетъ оригинальныя черты,—еще и по сіе время живо сохранившагося въ памяти русскаго общества,—интендантскаго подрядчика-милліонера, Степана Тарасовича Овсянникова.

Все, что относится въ запискахъ А. Ѡ. Кони—до Овсянникова, русскою прессою, какъ столичною, такъ и провинціальною было перепечатано и публикою прочтено съ глубокимъ интересомъ.

Однако, о жизни интереснаго старика въ городѣ Красноярскѣ, куда былъ сосланъ Овсянниковъ, авторъ, видимо, при всемъ его желаніи,—не далъ положительной характеристики своего героя,—по неимѣнію, конечно, достаточно основательныхъ данныхъ, а только гадательныя предположенія, вычитанныя случайно въ газетахъ. Автору настоящихъ строкъ тоже нѣсколько разъ приходилось читать газетныя статьи о жизни въ Сибири Овсянникова и Юханцева, жившихъ въ одномъ городѣ,—но въ большинствѣ случаевъ газетныя статьи далеки отъ истины.

Послѣднее обстоятельство и побудило меня, лѣтъ восемь тому назадъ, написать свои личныя воспоминанія объ этихъ двухъ „прототипахъ современныхъ героев“, изъ которыхъ Овсянникова, въ 1881 году, я имѣлъ возможность наблюдать весьма близко; относительно же Юханцева—только могъ собрать самыя точныя данныя о его жизни отъ людей достойныхъ полнаго довѣрія, а именно отъ

доктора А. И. Бургера и чиновника енисейскаго губернскаго правленія, К. Д. Добошинскаго, которые оба въ Юханцевъ принимали самое близкое участіе.

I.

Въ ночь съ 17 на 18 апрѣля 1881 года, въ г. Красноярскѣ случился пожаръ, жертвой котораго сдѣлались около шести сотъ домовъ, въ томъ числѣ и нѣсколько церквей. Самая богатая и большая часть города совершенно выгорѣла.

Послѣ этой страшной катастрофы, недѣли черезъ двѣ, мнѣ пришлось пріѣхать въ этотъ городъ по дѣламъ службы и, между прочимъ, познакомиться съ однимъ страховымъ агентомъ, занимавшимъ, кромѣ того, въ губернскомъ правленіи должность казначея.

Вотъ этотъ-то агентъ, К. Д. Добошинскій, будучи лично и коротко знакомъ съ Овсянниковымъ и Юханцевымъ, и повѣдалъ мнѣ кой-что объ ихъ житьѣ-бытьѣ, чѣмъ я и хочу подѣлиться здѣсь съ читателями.

Оба героя въ ссылку пріѣхали на собственные средства, которыхъ у Овсянникова оказался избытокъ; напротивъ, у Юханцева едва-едва хватило доѣхать; а изъ цѣнныхъ вещей осталась только одна шуба, которую было можно оцѣнить рублей въ шестьсотъ, но и ту ему пришлось скоро реализовать, конечно, значительно за меньшую сумму, и Юханцевъ остался „въ чемъ Богъ велѣлъ“.

Овсянниковъ былъ старикъ лѣтъ за семьдесятъ; высокаго роста; широкія плечи показывали его когда-то богатырскую физическую силу; съ огромной головой на толстой шеѣ; лицо типично-широкое, съ небольшою окладистой бородой; руки огромныя и мохнатые, какъ лапы медвѣдя; голосъ грубый и повелительный, не терпящій возраженій; брови густыя и нависшія надъ глазами, съ торчащими, грубыми, какъ щетина, волосами. Одежда экъс-милліонера граничила чуть не съ рубищемъ: на шеѣ черная засаленая „косынка“, изъ-подъ которой не было видно бѣлья; такіе же сюртукъ и брюки, изъ которыхъ рукава перваго доходили чуть не до локтей, а низки вторыхъ поднимались высоко на рыжія голенища огромныхъ, и, неособенно опрятныхъ и стоптанныхъ въ каблукахъ,—сапогъ. Если ко всему сказанному еще добавимъ его стеганый картузь съ огромнымъ кожанымъ козырькомъ и выцвѣтшее отъ времени старое и короткое пальтишко, то будемъ имѣть полное понятіе о виѣшной фигурѣ Степана Тарасовича. О духовной

жизни его намъ сообщили очень мало свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, что Овсянниковъ весьма часто посѣщалъ церкви, почти ежедневно, а также и ближайшіе монастыри. А чтобы дать понятіе о его домашней жизни, то мы на эту тему должны рассказать объ его отношеніяхъ къ одному страховому обществу (Россійскому, учрежденному въ 1827 году), въ которомъ состояло на страхъ его имущество, въ суммѣ 3.800 рублей, а также и въ тотъ моментъ, когда происходилъ огромный пожаръ въ Красноярскѣ, т. е. въ ночь съ 17 на 18 апрѣля 1881 года.

По правиламъ (уставамъ) всѣхъ страховыхъ обществъ тотъ клиентъ его, у котораго сгорѣло застрахованное имущество, обязанъ сдѣлать агентурѣ заявленіе объ этомъ происшествіи, указавъ въ немъ: все ли сгорѣло имущество, или только часть его и какая именно; кромѣ того, потерпѣвшій убытокъ обязанъ сообщить и о причинѣ пожара, если она ему извѣстна; въ противномъ случаѣ, сказать въ своемъ заявленіи стереотипную фразу „пожаръ произошелъ отъ неизвѣстной причины“.

Вотъ такую-то именно формальность и былъ обязанъ продолжать Овсянниковъ относительно своего застрахованнаго имущества, что онъ и исполнилъ, изобразивъ въ своемъ заявленіи, что его имущество „сгорѣло до тла“.

Между тѣмъ, страховому агенту было уже отлично извѣстно, что Степанъ Тарасовичъ свое имущество спасъ отъ пожара совершенно все, не исключая даже и всевозможныхъ маринадовъ и вареній хранившихся въ погребу, такъ какъ тотъ домъ, въ которомъ квартировалъ Овсянниковъ, началъ горѣть только черезъ десять часовъ, послѣ начала всеобщаго пожара.

— По крайней мѣрѣ не спасли ли вы, Степанъ Тарасовичъ, хоть святые иконы?—вѣжливо и спокойно задалъ ему вопросъ страховой агентъ.

Иконы были застрахованы въ 2.000 рублей.

— Даже и ихъ, Константинъ Домениковичъ (агентъ), къ моему великому горю не успѣлъ вынести!.. Не удостоился, видно, по грѣхамъ своимъ... Такъ ужъ, видно, суждено мнѣ отъ самого Господа Бога, за мои прегрѣшенія!.. Охъ грѣхи, грѣхи наши тяжкіе....

— Но вѣдь ваша квартира и домъ были объаты пламенемъ только черезъ десять часовъ послѣ начала всеобщаго пожара?—продолжаетъ задавать вопросы агентъ своему страхователю,—и вы могли спасти отъ пожара совершенно все свое имущество,—что и были обязаны сдѣлать даже въ силу извѣстныхъ страховыхъ пра-

вилъ, изложенныхъ въ имѣющемся у васъ уставѣ. Почему же вы, почтеннѣйшій Степанъ Тарасовичъ, этого не сдѣлали?

— Какъ мнѣ не знать вашихъ уставовъ; слава Богу, не мало имѣлъ дѣлъ со страховыми обществами и заплатилъ имъ денежекъ; да черезъ нихъ и несчастнымъ-то сдѣлался и теперь страдаю!.. Знаю, что и въ теперешній пожаръ былъ обязанъ спасать свое имущество, застрахованное у васъ, и знаю, что общество возмѣстило бы мнѣ всѣ убытки, если бы я какіе произвелъ, сохраняя отъ огня имущество, но Богъ не привелъ, видно, по грѣхамъ моимъ!.. Представьте себѣ какой тогда, въ пожаръ, со мной случай вышелъ, да и случай небывалый, такъ сказать, рѣдкостный. Я уже давно по ночамъ мучаюсь безсонницей, а тутъ на меня навалился такой крѣпкій, просто сказать—мертвецкій сонъ, что и растаскать не могли!.. Проснулся уже тогда только, какъ стала загораться моя квартира и меня, на рукахъ, какъ бревно, изъ нея потащили!.. Что подѣлаете, на все божеская воля и Его соизволеніе... А то непременно бы спасъ все имущество и теперь не просилъ бы отъ васъ вознагражденія.

— Спали до утра и въ такое время, когда въ городѣ горѣло разомъ до шестисотъ домовъ?!—удивляясь наглости Овсянникова, переспросилъ агентъ.

— Что же тутъ удивительнаго? Сонъ накатился такой и все тутъ!... Я уже говорилъ вамъ, до этого времени, страдалъ безсонницей лѣтъ пять, а тутъ, на притчу-то и заснулъ мертвымъ сномъ. Да и то сказать: горѣли не мои дома, а я старикъ и тушить пожары во весь свой вѣкъ не умѣлъ; мое же имущество было застраховано, слѣдовательно, можно было и спать спокойно и ни о чемъ не беспокоиться,—съ какой-то ироніей и не моргнувъ глазомъ, возразилъ старый милліонеръ страховому агенту.

Во всякомъ, солидномъ коммерческомъ предпріятіи неизмѣнно существуетъ основной принципъ — всѣми мѣрами избѣгать по дѣлу судебныхъ процессовъ и, ради него, всѣ солидныя фирмы готовы, иногда, бросить нѣсколько десятковъ, даже сотенъ тысячъ рублей, лишь бы избѣжать судебныхъ процессовъ, и онѣ прибѣгаютъ къ нимъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Исходя изъ выше сказаннаго правила, страховой агентъ предложилъ Овсянникову въ полное вознагражденіе отъ общества 2.000 рублей.

Это предложеніе какъ-бы обожгло каленымъ желѣзомъ и возмутило старика до глубины души, и онъ разомъ превратился въ героя былыхъ и счастливыхъ для него временъ. Со сверкающими

глазами и моментально покраснѣвшимъ лицомъ, онъ быстро соскочилъ съ кресла и, выпрямившись во весь ростъ, зычнымъ голосомъ заговорилъ:

— Какъ!... мнѣ?!... мнѣ, Степану Тарасовичу Овсянникову, за сгорѣвшее имущество мое на 3.800 руб., вы предлагаете только 2.000 рублей?!... Н..нѣтъ-сь, этому не бывать!.. Тысячу разъ н..нѣтъ-сь!.. Я получу все или ничего, но на такія сдѣлки не пойду-сь!!.. Я буду на васъ жаловаться. Меня въ Питерѣ еще не забыли тѣ, съ кѣмъ я тамъ такъ долго водилъ хлѣбъ-соль!... У меня еще тамъ есть добрые люди и находятся „у дѣль“ и хорошо еще помнятъ стараго Степана Тарасовича Овсянникова!... Они не дадутъ еще меня въ обиду, при моемъ несчастномъ и незаслуженномъ моими дѣлами положеніи!!!.....

— Но вы напрасно волнуетесь, Степанъ Тарасовичъ; намъ уже доподлинно извѣстно, что вы спасли совершенно все имущество,— прервавъ Овсянникова, заявилъ страховой агентъ. Намъ лучше бы все это покончить миромъ: и для насъ было бы меньше хлопотъ и для васъ непріятностей...

— Вадоръ все... у меня сгорѣло все!!...—съ дикой хрипотой въ голосѣ величественно прогремѣлъ эксъ-милліонеръ и гордо вышелъ изъ комнаты, забывъ захватить даже свой стеженный картузь, съ огромнымъ козырькомъ, который ему вынесла уже горничная агента на улицу.

Въ свою очередь и страховой агентъ былъ возмущенъ наглостью стараго эксъ-милліонера и, въ данномъ случаѣ, далеко не зауряднаго страхователя, а извѣстнаго по своимъ темнымъ дѣламъ всей Россіи. Не теряя времени, агентъ тотчасъ же пригласилъ къ себѣ полицейскихъ властей и, съ ними вмѣстѣ, произвелъ объ имуществѣ Овсянникова, такъ называемый „повальный обыскъ“.

Этотъ „повальный“ обыскъ далъ самые блестящіе и неожиданные результаты. Оказалось, что знаменитый старикъ спасъ не только все застрахованное имущество, въ томъ числѣ и св. иконы въ дорогихъ украшеніяхъ, но даже самъ своими руками, еще вечеромъ, какъ только пожаръ принялъ грандіозные размѣры, вытаскалъ изъ погреба грибы и капусту,—какъ показали его „метрески“, каковыхъ на иждивеніи почтеннаго старца содержалось восемь штукъ, разбѣянныхъ по разнымъ частямъ города.

„Повальный обыскъ“ и его результаты, для Овсянникова, какъ ссыльнаго по суду за преступленія,—были не пустой игрушкой, а довольно таки непріятной исторіей, т. к. сибирская администрація того времени, при исполненіи своихъ обязанностей относительно

ссылныхъ, руководствовалась еще дореформенными законами, а послѣдніе давали право даже маленькому полицейскому чину угощать „березовой кашей“, и, даже, плетми—до 25 ударовъ,—тѣхъ лицъ изъ сосланныхъ, которые на мѣстѣ ихъ водворенія совершили новое преступленіе уголовнаго характера.

Послѣ „обыска“ эксъ-милліонеръ до того сократился, что уже не показывался не только въ агентуру, но и даже на улицу и въ церковь.

Только уже послѣ, мѣсяца черезъ два, инспекторъ Россійскаго страхового общества, 1827 года, въ то время вернувшійся изъ Красноярска въ Екатеринбургъ, получилъ отъ агента такую телеграмму: „N 000,000 (страховой полисъ Овсянникова)—согласенъ дѣло покончить миромъ. Готовъ получить вмѣсто двухъ одну тысячу рублей, чтобы откупиться отъ полиціи“.

Деньги 2,000 рублей были немедленно переведены.

Изъ сказаннаго выше легко убѣдиться, что Овсянниковъ и въ ссылкѣ не смирился въ своемъ всемогуществѣ и не имѣлъ настолько силы воли, чтобы удержаться отъ привычки любостыжанія, не считаясь ни съ препятствіями и ни съ послѣдствіями.

Отъ обывателей города Красноярска Степанъ Тарасовичъ не пользовался никакими симпатіями.

Какъ провелъ въ ссылкѣ эксъ-милліонеръ послѣдніе годы, до помилованія, сказать, къ сожалѣнію, ничего не могу, а потому и заканчиваю о немъ свой безхитростный разсказъ и перейду къ другому герою.

II.

Не такъ жилось Юханцеву въ ссылкѣ; да и не таковъ онъ былъ человекъ, какъ Овсянниковъ.

Выше уже было говорено, что Юханцевъ въ Сибирь явился чуть не безъ гроша денегъ, имѣя только одну болѣе или менѣе цѣнную вещь—шубу, которую вскорѣ и долженъ былъ продать за безцѣнокъ. Деньги, вырученныя за нее, конечно, были прожиты скоро, и Юханцевъ остался въ чужомъ городѣ, среди незнакомаго народа, лишенный свободы и безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ.

Не дай Богъ никому находиться въ подобномъ положеніи. Но и доводить себя до такого состоянія—тоже не слѣдуетъ, чтобы потомъ не сѣтовать на свою судьбу. Впрочемъ, какъ мнѣ передавалъ К. Д. Добошинскій,—Юханцевъ и не жаловался на свое тяже-

ное положеніе, а стойчески, безъ всякаго ропота переносилъ свою ссылку, какъ должное себѣ искупленіе. А сознаніе человѣкомъ собственной вины есть всегда вѣрнѣйшій признакъ, что онъ сохранилъ въ себѣ гордость и человѣческое достоинство. Кто сберегъ эти качества, тому не страшны никакія превратности житейскихъ невзгодъ; такія качества доказываютъ нравственную силу въ человѣкѣ и уваженіе къ себѣ. Плохо вездѣ только тому, кто къ себѣ это уваженіе потерялъ: такой человѣкъ уже прямо пропащій и ни на что порядочное не способенъ въ будущемъ.

Юханцевъ былъ человѣкъ развитой, всесторонне-образованный, зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ; собою видный мужчина, молодъ, въ обхожденіи ловокъ, въ бесѣдѣ занимателенъ,—поэтому и неудивительно, что онъ по прибытіи въ Красноярскъ быстро привлекъ къ себѣ симпатіи всѣхъ сталкивавшихся съ нимъ людей, которые потомъ приняли въ немъ живое участіе, жалѣли его и его прошлаго, блестящаго положенія, на которомъ онъ не умѣлъ удержаться только по слабости, или, вѣрнѣе, мягкости своего характера; на сколько было возможно, всѣ старались облегчить Юханцеву участь ссылки и сдѣлать сносною его жизнь.

Такое же участіе въ Юханцевѣ принималъ и вышеупомянутый К. Д. Добошинскій и, имѣя много связей въ городѣ, досталъ ему службу въ одномъ изъ административныхъ учрежденій, съ жалованьемъ 25 руб. въ мѣсяць.

Излишне, конечно, говорить, что опытный и широкообразованный ссыльный для сказаннаго учрежденія былъ не служака, а находка. Ему, почти тотчасъ же по поступленіи на службу, стали поручать для рѣшенія такія дѣла, какія были по плечу только самымъ опытнымъ чиновникамъ. Исправность и усердіе къ службѣ Юханцева были прямо образцовыми.

Почемъ знать, быть можетъ Юханцевъ долго бы прослужилъ въ этомъ учрежденіи, если бы не случилось одного крупнаго инцидента, хотя и вовсе не имѣющаго ничего общаго съ его служебными обязанностями.

Въ Красноярскѣ Юханцевъ, между прочимъ, познакомился и былъ радушно принятъ въ домѣ нѣкоего состоящаго на дѣйствительной службѣ, полковника Z, человѣка недавно женатаго на молоденькой и хорошенькой барышнѣ.

Юханцевъ весьма часто бывалъ у Z и всегда засиживался у нихъ—за полночь; лѣтомъ же постоянно экскурсировалъ вмѣстѣ съ ними на загородные пикники, которымъ Z посвящалъ положительно все свое свободное время, изъ любви къ природѣ.

Вотъ на одномъ изъ подобныхъ пикниковъ и произошелъ тотъ казусъ, который тяжело отозвался на Юханцевъ, противъ всякаго его ожиданія. Впрочемъ, это не наше мнѣніе; наше совершенно иное...

Расположившись на избранномъ мѣстѣ среди природы, угостившись вволю, даже съ избыткомъ,—полковникъ Z обратился по какому-то поводу къ своей женѣ, приглашая ее подойти къ нему.

— Оленька!... Оленька!...

— Охъ, ужъ эта „Оленька“!... „Оленька“!... какъ-то грустно и въ полголоса повторилъ за полковникомъ Юханцевъ.

— Что?... „Оленька“ называешь мою жену?... да какъ ты смѣешь?!... вспылывъ, заоралъ полковникъ во все горло.

— Во-первыхъ, г. Z, я не „ты“,—вамъ бы стыдно называть меня такъ; а во-вторыхъ: произнося это, дорогое для меня женское имя, съ которымъ тѣсно связана моя жизнь,—я не имѣлъ въ виду вашей супруги; а потому вамъ, полковникъ, совершенно нѣтъ никакого основанія такъ волноваться и быть со мной грубо-невѣжливымъ,—хладнокровно возразилъ Юханцевъ.

Но полковникъ, вмѣсто того, чтобы внять голосу благоразумія и справедливости, еще больше разгорячился отъ замѣчаній Юханцева и ударилъ своего мнимаго врага. Тѣмъ же отвѣтилъ полковнику и Юханцевъ и, будучи почти атлетическаго сложенія, такъ намялъ своему противнику бока, что тому пришлось долго возиться съ компрессами.

Благодаря прислугѣ, скандалъ быстро облетѣлъ не только всѣ закоулки маленькаго городишка, но и уѣзда, не минуя, конечно, и высшихъ сферъ, да и не только мѣстныхъ, но и столичныхъ.

Вскорѣ полковникъ, отъ своего начальника, за сближеніе съ Юханцевымъ получилъ, точно не упомяну: не-то выговоръ, не-то переводъ въ какое-то захолустье, или даже отставку, только что-то въ этомъ родѣ.

Относительно же Юханцева и его службы въ казенномъ учрежденіи кому слѣдуетъ было сдѣлано отеческое внушеніе, и онъ лишился своего миниатюрнаго жалованья.

Въ іюль мѣсяцѣ 1881 года, я уѣхалъ изъ Красноярска и съ тѣхъ поръ не бывалъ въ немъ; но все же и до сихъ поръ, черезъ много-много лѣтъ, не отказываюсь о немъ побесѣдовать. Въ теченіе этого времени мнѣ не мало встрѣчалось аборигеновъ Красноярска, которые охотно сообщали, между прочимъ, свѣдѣнія и о дальнѣйшей жизни Юханцева. Овсянниковъ же, лѣтъ черезъ пять послѣ пожара, былъ возвращенъ изъ ссылки, съ правомъ проживать въ Царскомъ Селѣ.

Вотъ этими-то сообщеніями я и хочу въ короткихъ словахъ подѣлиться съ читателями, оставляя всю справедливость разсказовъ объ Юханцевѣ на ихъ отвѣтственности; хотя я, лично, имъ вполне довѣряю; да въ этомъ меня подкрѣпляютъ и тѣ отрывочныя замѣтки, которыя изрѣдка попадали на страницы столичныхъ газетъ.

III.

Вскорѣ послѣ инцидента съ полковникомъ Z. Юханцевъ нѣкоторое время жилъ гдѣ-то недалеко отъ Красноярска, на „заимкѣ“, — не то на мельницѣ, не то на пасѣкѣ, вверхъ по теченію рѣчки Качи, впадающей въ могучій Енисей, почти въ самомъ городѣ. Затѣмъ раздобывшись ружьишкомъ, Юханцевъ пропадалъ въ окрестныхъ дебряхъ дремучихъ лѣсовъ, но не удаляясь на продолжительное время отъ Красноярска, гдѣ онъ появлялся въ базарные дни, въ качествѣ продавца дичи: рябчиковъ, куропатокъ, тетеревей, — во множествѣ висѣвшихъ на его плечахъ. Въ это время костюмъ Юханцева ничѣмъ не отличался отъ одежды мѣстнаго промысловаго охотника: такіе же огромные бродни на ногахъ; войлочная шляпа на головѣ съ широкими полями, — деревенскаго издѣлія; на плечахъ чекмень, изъ сукна той же фабрикаціи; такого же сорта было и бѣлье эксъ-камергера.

Но такими мелочами этотъ человѣкъ, въ былое время сорившій огромныя деньги на цыганокъ, ни мало теперь не смущался, а частенько бывалъ веселъ и добродушно шутилъ надъ своимъ превращеніемъ, не произнося ни одной жалобы на свою „горькую судьбу“, какъ дѣлаютъ обыкновенно всѣ фарисеи и мелочные людишки.

Далѣе, какъ мнѣ передавали, Юханцевъ съ матеріальной стороны былъ сравнительно обезпеченъ, но жилъ весьма скромно и вполне корректно; отъ всѣхъ знавшихъ его пользовался любовью и уваженіемъ.

Онъ, до полученія помилованія и выѣзда въ Россію, долгое время завѣдывалъ въ Красноярскѣ знаменитою бібліотекою г. Юдина; дѣлалъ для нея переводы съ иностранныхъ языковъ; давалъ уроки дѣтямъ мѣстныхъ интеллигентныхъ аристократовъ.

Но, наконецъ, Юханцеву была возвращена свобода на всѣ четыре стороны, кромѣ столицъ, и онъ воспользовался ею.

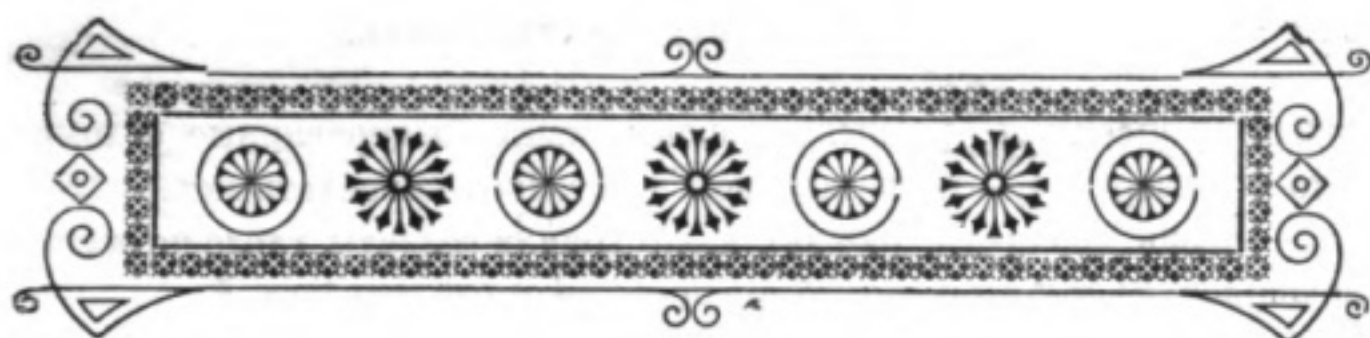
Выѣхалъ этотъ герой изъ Красноярска уже не тѣмъ орломъ, какъ прибылъ въ него, а почти дряхлымъ старикомъ; безъ вся-

кихъ признаковъ былого молодечества и красоты, съ которыми онъ прибылъ въ ссылку, вскорѣ послѣ жгучихъ ласкъ цыганки, Ольги Шишкиной!..

Юханцевъ, какъ и Раскольниковъ, вернулся къ свободной жизни съ новыми и прочными принципами и, думается намъ,—съ совершенно иными и спокойными взглядами на стремленія человѣческія.

К. А. Сапѣгинъ.

Тяжелые дни Мукденских боевъ ¹⁾.

(Воспоминанія запаснаго).

Матурань—это большая деревня, гдѣ были сосредоточены огромные интендантскіе склады и разныя тыловыя учрежденія арміи.

Теперь недалеко отъ Матурани шелъ ожесточенный бой отряда генерала Голембатовскаго и какъ говорили потомъ: храбрые полки, входящіе въ составъ этого отряда, молодецки дрались, переходя нѣсколько разъ въ стремительныя атаки, которыя увѣнчивались замѣтнымъ успѣхомъ, такъ какъ было взято въ этотъ день много японцевъ въ плѣнъ, а равно удалось захватить и нѣсколько ихнихъ пулеметовъ. Словомъ, какъ говорили, успѣхъ былъ на нашей сторонѣ, но тѣмъ не менѣе въ Матурани было очень неспокойно. Когда еще мы подходили къ Матурани, то помню, встрѣтили полкъ, идущій впередъ на поддержку войскъ Голембатовскаго. Солдаты шли бодро и весело. Видимо, движеніе впередъ ихъ воодушевляло. „Идемъ японца изъ деревни вышибать“, отвѣчали они на предлагаемые имъ вопросы; и по лицамъ этихъ людей было видно, что они справятся съ честью съ той задачей, которая на нихъ была возложена. А въ той сторонѣ, куда они шли съ такимъ порывомъ и отвагой, слышался несмолкаемый грохотъ боя. Въ близъ лежащей деревнѣ упавшимъ непріятельскимъ снарядомъ что-то такое взорвало: послышался страшный оглушительный трескъ, и къ небу поднялся огромный клубъ темнаго дыма, въ которомъ видны были

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1910 г.

разлетающіеся въ разныя стороны какіе-то деревянные обломки. Что это взорвало,—такъ для насъ и осталось неизвѣстнымъ.

— Ишь, грохнула, проклятая,—говорили солдаты, глядя на расплывающійся по небу огромный мрачный дымный клубокъ.

— А и сила же, братцы,—говорили другіе.

Интенданты въ Матурани, не получая никакихъ инструкцій отъ своего начальства, положительно не знали—что имъ дѣлать съ тѣми огромными складами продовольствія и фуража, которые здѣсь были заготовлены. Увезти ихъ не было никакой возможности, а на счетъ сжиганія они не получали никакихъ указаній.

И дѣйствительно, положеніе этихъ бѣдныхъ людей было очень затруднительное, тѣмъ болѣе, что въ Матурань начали уже временами падать непріятельскія шимозы. Бросить склады—скажутъ зачѣмъ не сожгли, а начать сжигать безъ разрѣшенія было рисковано, потому что этого не допускала всѣмъ извѣстная канцелярская формальность. Вотъ поэтому-то они и метались теперь, совершенно растерянные, ища всюду свое начальство, но онаго почему-то нигдѣ не находили.

По всему было видно, что мы не намѣрены долго задерживаться въ Матурани. Всюду здѣсь было какое-то спѣшное движеніе: укладывались и запрягались повозки и двуколки; денщики бѣгали съ озабоченными и потными лицами, вынося вещи штабныхъ офицеровъ на повозки; сами эти офицеры, чистенькіе и щеголевато одѣтые, стояли на глиняныхъ заборахъ фанзъ и съ биноклями въ рукахъ наблюдали за картиной жестокаго боя. Эскадронъ полевыхъ жандармовъ, подъ командою браваго ротмистра, строился на дворѣ одной изъ фанзъ, готовый тронуться въ путь по первому приказанію.

Мимо нашего полка, который сталъ за деревней совмѣстно съ другими полками дивизіи, проскакалъ какой-то генераль изъ штабныхъ, съ одутловатымъ скопческимъ лицомъ—и на вопросъ командира полка о томъ, какія послѣдуютъ дальнѣйшія приказанія, грубо отвѣтилъ: „вы ихъ своевременно получите“ и, хлопнувъ нагайкой своего коня, поскакалъ дальше—конечно не впередъ.

— Знаемъ мы это „своевременно“, пробурчалъ себѣ подъ носъ командиръ. Онъ былъ золъ, потому что раненая рука давала о себѣ знать.

Такъ до солнечнаго заката мы простояли за Матуранью, не получая никакихъ „своевременныхъ“ приказаній, а потомъ кажется уже безъ всякихъ приказаній потянулись на Даваньганьпу, которая отстояла отъ Матурани въ верстахъ трехъ по направленію на Мукденъ.

У Даваньганьпу остановились, не зная что дѣлать дальше. Такъ

какъ оставалось только одно: во что бы то ни стало дожидаться какихъ-нибудь приказаній, то начальникъ дивизіи остановилъ насъ, выславъ одинъ полкъ въ прикрытіе къ сторонѣ Матурани. И мы начали ждать, стоя на открытомъ полѣ.

Мимо насъ непрерывно тянулись какія-то повозки, потомъ ящики, потомъ опять повозки, орудія, ящики, повозки, потомъ опять орудія. Все это тянулось медленно, идя въ нѣсколько рядовъ и очень часто останавливаясь, и исчезало гдѣ-то во тьмѣ, которая окутала уже землю чернымъ холоднымъ саваномъ.

Матурань горѣла. Вѣроятно интенданты, не получивъ своевременныхъ указаній, сами облили свое добро керосиномъ и устроили великолѣпную иллюминацію.

Въ темнотѣ послышался рѣзкій и крикливый голосъ, принадлежащій какому-то очевидно артиллерійскому начальнику, который сбѣпился съ какимъ-то генераломъ изъ штабныхъ: „я вамъ говорю, ваше превосходительство, кричалъ чуть-ли не съ пѣной у рта артиллеристъ: извольте дать мнѣ диспозицію, я не знаю до сихъ поръ—куда мнѣ идти со своей артиллеріей“.

Штабный генераль отвѣчалъ тихо и, конечно, не имѣя при себѣ никакой диспозиціи, старался оправдаться, но артиллеристъ не уступалъ.

„Нѣтъ-съ ужъ вы не увивайте, ваше превосходительство, а потрудитесь вручить мнѣ диспозицію; довольно уже намъ въ потемкахъ ходить“.

И такъ долго раздавался раздраженный рѣзкій голосъ артиллериста, но все же, надо полагать, ему и на сей разъ не удалось получить отъ штабного генерала не только диспозиціи, но даже и указаній относительно того—куда слѣдовать и что дѣлать.

— Однако онъ его ловко отбрилъ, говорили офицеры; давно бы пора за этихъ штабныхъ господъ приняться.

Пошелъ снѣгъ, а мы стояли въ полянѣшемъ невѣдѣніи—что намъ дѣлать и куда слѣдовать. Въ Даванганьпу также были огромные склады, и они теперь пылали такъ же ярко и сильно, какъ и въ Матурани. Между этой послѣдней и Даванганьпу были сложены громадныя скирды гаоляна, и теперь эти скирды вдругъ запылали, и пламя начало освѣщать мѣстность по крайней мѣрѣ на версту во всѣ стороны. Картина полного разрушенія была ужасна и неопишуема. Кругомъ пылали огромныя пожарища; пламя горячими языками поднималось почти къ самымъ низко ползущимъ надъ землею тучамъ, изъ которыхъ на землю медленно падали снѣговые хлопья. И при свѣтѣ пожарищъ эти медленно падающіе хлопья и тучи и земля были красны и казалось, что падающій на землю

свѣтъ покрываетъ ее краснымъ покровомъ; какъ будто кровью поливались теперь эти ужасныя поля, на которыхъ въ безпорядочномъ хаосѣ перемѣшались повозки и орудія, голодныя и усталыя лошади и не менѣе голодные и утомленные люди, которые не спали уже третью ночь.

Среди пламени и пожарищъ слышался несмолкаемый грохотъ ружейной перестрѣлки; это брошенные патроны сгорали въ морѣ огня, дополняя своимъ несмолкаемымъ трескомъ всю эту ужасную картину, на фонѣ которой главную роль играли безчисленныя фигуры валявшихся на землѣ въ полномъ изнеможеніи грязныхъ, озябшихъ и полубезумныхъ людей.

Такъ простояли мы часовъ до двухъ ночи; наконецъ дошло и до насъ приказаніе, въ которомъ главную роль играло слово „немедленно“.

Немедленно нашему начальнику дивизіи было приказано собрать такіе-то полки (нѣкоторые изъ нихъ были не изъ нашей дивизіи и начальнику дивизіи было совершенно неизвѣстно—гдѣ они находятся); немедленно взять такія-то батареи (мѣсто нахождения ихъ было тоже неизвѣстно) и немедленно же слѣдовать съ этимъ отрядомъ черезъ такія-то и такія-то деревни—туда-то (по картѣ выходило верстъ 25) и тамъ поддержать такого-то генераль-лейтенанта, который уже дерется съ непріателемъ.

Конечно, самъ упоминаемый генераль-лейтенантъ и не думалъ даже драться, какъ объ этомъ старались насъ увѣрить въ отданномъ приказаніи. Въ всякаго сомнѣнія, онъ только отдавалъ соответствующія приказанія и потомъ, судя по ходу боя, доносилъ своему начальству о томъ, что онъ или „потѣснилъ“ или „атаковалъ“ или обошелъ, или наконецъ самъ обойденъ. Но такъ уже принято.

Было приказано прибыть и оказать поддержку дерущимся войскамъ обязательно къ разсвѣту наступающаго дня, то есть 18 февраля. Другими словами: на сборъ отряда и на прохожденіе 25 верстъ давалось около 4-хъ часовъ времени.

Собрать отрядъ, но вѣдь это легко сдѣлать, когда всѣ части его находятся въ одномъ мѣстѣ, но извольте-ка вы ночью собрать разрозненные и неизвѣстно гдѣ находящіеся полки и батареи; но самымъ умилительнымъ „перломъ“ въ этомъ достопримѣчательномъ стратегическомъ измысленіи было то, что намъ необходимо было во что бы то ни стало въ теченіе 4—5 часовъ отмахать 25 верстъ; и это должны были исполнить люди, которые вотъ уже два дня только то и дѣлали, что дрались съ непріателемъ, когда было свѣтло, а когда начинало темнѣть и наступала ночь, то ихъ, какъ барановъ, голодныхъ и усталыхъ, съ помутившимися мозгами, гнали куда-то

въ невѣдомую даль, и люди эти шли, какъ пьяные, спотыкаясь и падая и не зная, куда и зачѣмъ они идутъ и уже третью ночь не имѣютъ отдыха и не могутъ обогрѣться.

Непосильно было выполнить то, о чемъ приказывалось, но все же нужно было исполнить приказаніе. Невольно закрадывается мысль о томъ, что и самое-то приказаніе было отдано только для того, чтобы успокоить свою совѣсть и, въ случаѣ чего, чтобы можно было сказать высшему начальству, что приказаніе было отдано такъ-то и такъ-то, но почему тотъ, кому это было приказано, не сдѣлалъ такъ—въ этомъ уже его вина.

Поскакали адъютанты и ординарцы розыскивать назначенные въ отрядъ полки и батареи, но добрыхъ два часа прошло, прежде чѣмъ отрядъ наконецъ былъ сформированъ и могъ двинуться по назначенію.

Среди глубокой ночи, подъ падающими съ неба кровавыми хлопьями, среди этого моря пожарищъ, протискиваясь между запрудившими всю мѣстность орудіями, ящиками и повозками и толча по ногамъ валявшихся на землѣ полумертвыхъ отъ усталости людей, мы шли по указанному въ приказаніи направленію; шли очень медленно и неувѣренно, потому что была ночь, и мѣстность для насъ была совершенно незнакома.

Люди едва волочили ноги, качаясь и спотыкаясь на ходу; всѣ угрюмо молчали, и лишь только изрѣдка чей-нибудь тоскливый, страдальческій вздохъ да тихое восклицаніе: „о Господи, Царь небесный, милостивый“, давали понять ту тоску и муку, которую унесли эти люди въ сердцахъ своихъ.

Къ разсвѣту мы пришли въ Суходяпу, не сдѣлавъ и 10 верстъ: оставалось еще верстъ 15, и при данныхъ печальныхъ условіяхъ мы могли дойти до назначеннаго мѣста только къ вечеру.

Влѣво отъ насъ уже слышался грохотъ канонады; это вѣроятно и былъ тотъ бой, въ который мы должны были поспѣть къ разсвѣту—бой русскаго генераль-лейтенанта съ японскимъ генераль-маіоромъ.

Въ Суходяпу былъ полный хаосъ; да теперь мы такъ уже привыкли къ картинамъ беспорядочно-хаотическаго содержанія, что онѣ насъ и не поражали. Въ сердцѣ чувствовалась та преступная на войнѣ апатія ко всему, которая такъ страшна и нежелательна при данныхъ условіяхъ. Мчатся по дорогѣ, обгоняя одна другую, какія-то перегруженные повозки и двуколки, — ну, чтожъ, пусть ихъ мчатся. Какіе-то солдаты во дворѣ одной изъ фанзъ галдятъ и ругаются, растаскивая сложенные здѣсь запасы, ну, чтожъ — пусть ругаются, пусть даже передерутся между собою, если это

имъ такъ нравится. Зарядный ящикъ свалился въ канаву, — ну, чтожъ, пусть себѣ валится, пусть пропадаютъ разсыпавшіеся по землѣ снаряды. Полная апатія, полное изнеможеніе и полный сумбуръ въ больныхъ мозгахъ.

Слава Богу, насъ, кажется, хотять остановить на привалѣ: вотъ передній полкъ свернулъ съ дороги и строится въ колонну, за ними слѣдующій и слѣдующій, и мы становимся на высокомъ, обрывистомъ берегу рѣки, при чемъ съ равнины, распростершейся на той сторонѣ, до насъ доносится несмолкаемый гулъ жестокой канонады, да тянетъ холодный и рѣзкій вѣтеръ, осыпающій насъ густыми облаками пыли, перемѣшанной со снѣгомъ. Холодно и непривѣтливо. Замерзшая рѣка покрылась какимъ-то буроватымъ пыльнымъ налетомъ; растущій по берегу чахлый тальникъ, колеблемый вѣтромъ, совершенно окоченѣлъ отъ стужи; онъ, порывисто и какъ бы нервно содрогаясь, гнется къ землѣ и, кажется, молить кого-то объ избавленіи отъ страданій. А въ дали все бухаютъ и грохочутъ пушки, вырывая въ каждую данную минуту человѣческія жизни, и люди тамъ умираютъ, покорные неумолимой судьбѣ, и быть можетъ безъ особаго сожалѣнія разставаясь съ этимъ грустнымъ міромъ.

На наше счастье кашевары въ теченіе ночи успѣли сварить намъ горячую похлебку, которую мы наскоро и поѣли, согрѣвъ и насытивъ наши голодные желудки.

Простоявъ съ полчаса на этомъ мѣстѣ, мы пошли дальше. черезъ какую-то большую деревню, въ которой находился одинъ изъ госпиталей. Здѣсь у воротъ фанзы стояли, помню, двѣ молодыя и смазливяя сестры, которыя о чемъ-то весело щебетали съ нѣсколькими окружавшими ихъ врачами, пропуская мимо себя утомленные полки и какъ бы любуясь запыленными, грязными солдатами. Не могу понять, почему эта молодая компанія была такъ весела въ это далеко не веселое время.

Къ полдню мы пришли въ Мадяпу и стали на большой привалѣ. Картина хаоса и здѣсь была полная, и здѣсь все время мимо насъ дефилировали безчисленные повозки, тѣснясь около единственнаго моста и торопясь скорѣе переѣхать на другую сторону рѣки. Временами повозокъ этихъ скапливалось такъ много, что онѣ запружали собою всю дорогу, сцѣпляясь другъ съ другомъ колесами, и тогда конюха поднимали ужасный крикъ и пускали въ оборотъ самыя отборныя ругательства. Грохотъ канонады не прекращался, и теперь мы все приближались къ ней. Близъ самаго Мадяпу раздался вдругъ оглушительный взрывъ, который произвелъ нѣкоторый переполохъ среди людей. Сначала думали, что это какой-нибудь тяжелый непріятельскій снарядъ былъ направленъ въ стоя-

щую на бивакѣ колонну нашего отряда и, конечно, если бы японцы въ дѣйствительности были бы въ состояніи обстрѣлять насъ артиллерійскимъ огнемъ, то этимъ, благодаря нашей скученности, они нанесли бы намъ огромный вредъ. Но какъ оказалось, это былъ умышленно произведенный нашими инженерами взрывъ какого-то сооруженія, и опасность сама собою миновала.

Выступивъ изъ Мадяпу, мы пошли вдоль высокой насыпи, которая когда-то была сдѣлана для предполагаемой здѣсь желѣзной дороги, но въ верстахъ двухъ отъ Мадяпу эта насыпь прекращалась, и тутъ открывался огромный кругозоръ на мѣстность, находящуюся по ту сторону насыпи.

Пока мы шли за насыпью, мы были скрыты отъ непріятеля, но едва нашъ авангардъ миновалъ насыпь и вышелъ на совершенно ровное и открытое поле, какъ съ лѣвой стороны посыпались ружейныя пули. Непритель видимо владѣлъ уже этой мѣстностью и по отношенію нашей колонны занималъ фланговое положеніе.

Авангардъ развернулъ боевой порядокъ, готовый принять на себя ударъ, а колонна главныхъ силъ, во главѣ которыхъ шелъ нашъ полкъ, дойдя до конца насыпи, остановилась, дабы не обнаруживать себя передъ непріателемъ впредь до выясненія обстановки.

Но какъ выяснить эту обстановку. Кавалерія у насъ не было. Завязать перестрѣлку авангардомъ, — но это едва-ли къ чему-нибудь привело бы, такъ какъ японцы, отвѣчая на наши выстрѣлы, конечно постарались бы нарочно умалить свои силы съ тѣмъ, чтобы, выманивъ насъ на поле, обрушиться на насъ всею массою тогда, когда мы, представляя имъ свой флангъ, тянулись бы въ колоннѣ.

Начальникъ дивизіи, видя, что силы его слишкомъ незначительны для такого рискованнаго предпріятія, какъ фланговый маршъ вблизи противника, силы котораго были ему совершенно неизвѣстны, къ тому же сознавая, что части его отряда чрезмерно утомлены, созвалъ совѣтъ. Не знаю, что тамъ говорили, но только намъ было приказано повернуть кругомъ и идти обратно въ Мадяпу, съ тѣмъ, чтобы перейти на другую дорогу, которая шла параллельно нашей теперешней, но только версты на три дальше отъ непріятеля.

Повернули и медленно потянулись назадъ.

Артиллерія наша почему-то застряла на заворотѣ, и мы простояли около желѣзно-дорожной насыпи до наступленія полной темноты, дожидаясь, пока артиллерія не двинется съ мѣста, а она все стояла и стояла вѣроятно потому, что ей мѣшали проходящіе черезъ Мадяпу обозы и парки.

Наконецъ, уже когда совсѣмъ стало темно, мы тронулись и,

пройдя Мадяпу, очутились въ какой-то небольшой деревушкѣ—въ верстѣ отъ послѣдней, гдѣ почему-то было приказано остановиться, построиться въ резервный порядокъ и ждать дальнѣйшихъ приказаній, а пока таковыя послѣдуютъ—выслать двѣ роты въ сторожевое охраненіе.

Все это было исполнено, и мы начали ждать.

Въ совершенной темнотѣ и не обращая уже вниманія на холодный вѣтеръ, люди повалились на землю, стараясь хоть немного заснуть, но полагаю, что никто не уснулъ, потому что было очень холодно.

Кругомъ на далекомъ горизонтѣ безпрестанно вспыхивали какіе-то таинственные огоньки; поднимались къ небу какія-то ракетки, которыя и разсыпались снопами красныхъ искръ въ вышинѣ, и все это производилось при полномъ молчаніи, и только холодный вѣтеръ вылъ свою монотонную и заунывную пѣсню.

Очевидно, всѣ эти огоньки-ракетки, которыя вспыхивали и потухали, были не что иное, какъ сигналы, съ помощью которыхъ неприятельскіе военачальники вели между собою переговоры и посылали моментальныя извѣстія за десятки верстъ.

Взлетитъ такая ракетка гдѣ-то далеко-далеко на одномъ краю темнаго небосклона, взлетитъ и таинственно рассыплется на тысячи красныхъ искръ—беззвучно и безшумно и, смотришь, черезъ минуту на противоположномъ краю горизонта взлетаетъ такая же ракетка и также таинственно рассыпаетъ свои красныя искры въ безпредѣльной тьмѣ. Потомъ снова взлетаютъ двѣ ракетки на прежней части горизонта, и имъ вторятъ такія же двѣ противоположной его части.

Дѣло сигнализаціи въ японской арміи очевидно было доведено до совершенства, и вѣроятно эти валетающія ракетки и вспыхивающіе огоньки имѣли свой языкъ, слова котораго только для насъ составляли глубокую тайну, но были такъ ясны и понятны для тѣхъ, кто ими пользовался.

Часовъ въ 12 ночи получило приказаніе слѣдовать въ деревню Янсытунъ, до которой было около 4 верстъ, но мы для того, чтобы пройти это ничтожное разстояніе, употребили цѣлую ночь и только лишь къ разсвѣту 19 февраля прибыли въ Янсытунъ. Причиной этому было то, что весь путь былъ совершенно загроможденъ артиллеріей, парками и обозами, которые въ нѣсколько рядовъ загромоздили дорогу и, казалось—не были въ состояніи двинуться съ мѣста: настолько плотно они сѣпились между собою и стояли густой безпорядочной массой.

Кое-какъ, лавируя между повозками, проходя подъ мордами

утомленныхъ и апатично стоявшихъ лошадей, обходя, гдѣ было можно, эту беспорядочную толпу стороной, мы шагъ за шагомъ продвигались впередъ и, надо просто удивляться тому—какъ это мы всѣ не разбрелись, не потерялись въ этой темнотѣ и полнѣйшей неурядицѣ.

Но вотъ въ деревнѣ Фоганьтунъ, отстоящей всего только въ одной верстѣ отъ Янсытуня, мы наткнулись на такое столпотвореніе вавилонское, что ужаснѣе этого трудно себѣ что-либо и представить. Въ этой деревнѣ были огромные склады, которые по нашему обыкновению были отданы на расхищеніе проходящимъ войскамъ.

Странное и непонятное обыкновение, которое весьма нерѣдко приходилось наблюдать во время нашихъ злополучныхъ отступленій. Казалось, что тѣ люди, по инициативѣ которыхъ отдавались подобныя странныя распоряженія, какъ бы нарочно дѣлали это для того, чтобы усугубить тотъ беспорядокъ, который и безъ того почти неизбеженъ во время отступательныхъ маршей вообще, а ночныхъ въ особенности.

Боже мой, что здѣсь творилось: невообразимая путаница, шумъ, гвалтъ, споры и ссоры между солдатами, крики офицеровъ; вороха бѣлья, разбросанные всюду; полушубки, папахи, даже помню ящикъ съ конфетами, который схватилъ какой-то солдатъ и, чувствуя, что онъ очень тяжелъ, швырнулъ его объ землю со словами: „тащи, ребята,—сласти принеси“; и огромная толпа солдатъ, толкая и давя другъ друга, набросилась на эти конфеты и почти съ остервенѣніемъ начала набивать ими свои рты и карманы.

Какіе-то глубокія канавы и высокіе валы, черезъ которые пришлось перелазить, подсаживая другъ друга, и толпа, толпа, толпа, бессмысленная и ужасная толпа, которой нѣтъ удержа, съ которой невозможно справиться и которая не только не понимаетъ, но даже и не слушаетъ никакихъ убѣжденій, не признаетъ никакихъ резоновъ, кромѣ развѣ хорошаго тумака. И все это вблизи непріятеля, гдѣ-то притаившагося среди сумрака холодной ночи; того непріятеля, которому и эта ночь не мѣшаетъ осмысленно дѣлать задуманное дѣло,—энергично стремиться къ развѣ намѣченной цѣли и вести переговоры о томъ, какъ окончательно нанести намъ пораженіе.

Тяжело вспоминать о всѣхъ этихъ безобразіяхъ, но еще тяжелѣе переживать ихъ: самое же ужасное—это еознавать свое полнѣйшее бессиліе помочь горю.

Къ чести нашего полка опять-таки скажу, что наши люди не принимали участія во всѣхъ этихъ безобразіяхъ и единственно, чѣмъ попользовались наши солдаты—это консервами и сахаромъ,

недостатокъ чѣго сильно у насъ ощущался, но и это пользованіе, благодаря распорядительности и вниманію офицеровъ, было упорядочено. Людямъ говорили: „берите консервы, берите сахаръ, берите что вамъ нужно, но черезъ десять минутъ будьте всѣ вотъ на этомъ мѣстѣ“, и люди такъ и поступали.

То обстоятельство, что солдаты запаслись консервами и сахаромъ, принесло намъ огромную пользу, такъ какъ во время пятидневнаго боя въ Янсытунѣ наши кухни могли подвозить пищу только по ночамъ, да и то ночью не всегда было спокойно; тутъ же, имѣя при себѣ изобиліе консервовъ, сахару и сухарей, люди этимъ питались и поддерживали свои упавшія силы.

Наконецъ, когда уже начало свѣтать, намъ удалось выбраться изъ этого проклятаго Фоганьтуня, и вскорѣ мы пришли въ Янсытунъ, гдѣ и расположились на какомъ-то дворѣ, обнесенномъ невысокой глинобитной стѣнкой.

Это было 19 февраля утромъ.

Мы узнали, что здѣсь насъ присоединили къ отряду генерала Церпицкаго, и были очень довольны, потому что храбрость этого генерала и его способность и умѣнье дѣйствовать на войска были уже извѣстны въ арміи, и вообще онъ въ глазахъ войскъ считался однимъ изъ лучшихъ и надежныхъ.

Въ деревнѣ мы зашли въ одну изъ фанзъ, которая вся была переполнена китайцами. Они еще спали въ двухъ комнатахъ, расположенныхъ по обѣ стороны передней. Вышелъ какой-то старикъ, съ непривѣтливомъ и озлобленнымъ лицомъ, нервно захлопнувъ за собою дверь, чѣмъ и показалъ намъ, что дальше передней насъ пускать не намѣрены. Мы конечно не стали домогаться пропуска въ обитаемая помѣщенія, а остались тутъ же. Черезъ четверть часа обитатели фанзы начали просыпаться. Въ переднюю одна за другой выползали грязныя и неуклюжія бабы въ синихъ балахонахъ съ огромными трубками въ рукахъ. Тутъ были и старухи и молодыя, и всѣ онѣ были необычайно грязны и безобразны. Изъ полуотворенныхъ дверей въ жилия помѣщенія несся довольно ощутительный „ароматъ“, который конечно нельзя сравнить съ тѣмъ тонкимъ ароматомъ, который насыщаетъ собою воздухъ въ изящномъ будуарѣ красавицы. Но конечно на эти мелочи никто не обращалъ вниманія. Проснувшіеся мужчины не вступали съ нами рѣшительно ни въ какіе разговоры и даже старались дѣлать видъ что какъ будто бы они насъ и совсѣмъ не замѣчаютъ.

Не долго намъ пришлось быть въ бездѣйствіи. Солдаты едва успѣли закусить разогрѣтыми консервами и побаловаться горячень-

кимъ чайкомъ, какъ уже получило свѣдѣніе о появленіи съ запада со стороны деревни Нингуаньтунъ японцевъ.

Полкъ закопошился. Роты спѣшно начали строиться, и черезъ 10 минутъ мы уже тянулись длинной колонной на ровное и открытое мѣсто между деревнями Янсытунъ и Фогантунъ, которое мы и должны были занять. Когда вышли на открытую площадь, то съ запада до насъ начали долетать уже пули, хотя, правда, и не частыя, но во всякомъ случаѣ показывающія, что непріятель появился.

Редуть, что былъ возведенъ на западной окраинѣ Янсытуня, былъ уже занятъ однимъ изъ полковъ нашего отряда, а намъ было приказано стать во вторую линію и въ случаѣ атаки противника поддержать войска первой линіи.

Конечно, самое удобное было бы для этого расположиться за деревней, но здѣсь мѣсто было уже занято другою частью войскъ, а потому насъ и повели въ промежутокъ между деревнями, рассчитывая развести полкъ по-ротно и укрыть роты за могилками и небольшими рошицами, которыя были разбросаны на этой площади. Такъ оно и было сдѣлано, но оказалось, что только нѣкоторыя роты были въ состояніи укрыться за мѣстными предметами, а остальнымъ пришлось остаться на совершенно открытой мѣстности, и если бы японцы открыли артиллерійскій огонь, то полкъ неминуемо понесъ бы огромныя потери.

Положеніе было непріятное, но къ счастью для насъ непріятель вѣроятно еще не успѣлъ подвезти сюда свою артиллерію и продолжалъ пока только обстрѣливать насъ рѣдкимъ и дальнимъ ружейнымъ огнемъ, который не принесъ намъ, слава Богу, никакихъ потерь.

Съ часъ мы пробыли на этомъ мѣстѣ, и на наше счастье получило отъ начальника дивизіи приказаніе, указывающее, что задача полка состоитъ въ томъ, чтобы въ случаѣ атаки помочь центру и правому флангу, въ виду чего и приходилось уходить съ этого мѣста.

Рота за ротой осторожно мы перебрались за Янсытунъ и тутъ кое-какъ размѣстились во рвахъ и за стѣнками деревни, и лишь только мы очистили это ровное мѣсто, какъ японцы открыли по намъ жестокой артиллерійскій огонь. Странно, неужели они не замѣтили, какъ отсюда постепенно отходили наши роты. Хороши бы мы были, если бы этотъ огонь засталъ насъ на этой ровной площади, но Богъ помиловалъ, и мы избѣжали излишнихъ и напрасныхъ потерь.

Обстрѣлявъ эту площадь, непріятель перенесъ огонь на самую

деревню и до самаго вечера забрасывалъ насъ снарядами, видимо стараясь во что бы то ни стало найти нашу артиллерию, которая, будучи расположена въ ложбинѣ за деревнею, энергично отвѣчала на огонь непріятеля.

Въ полку за этотъ день было нѣсколько десятковъ раненыхъ, хотя канонада достигала временами до ужасающей силы; шимозы, шрапнели и шестидюймовыя осадныя бомбы оглашали воздухъ потрясающими звуками разрывовъ, свистомъ пуль и осколковъ, а ружейныя пули дополняли этотъ концертъ своимъ довольно непріятнымъ пѣніемъ.

Въ этотъ день японцы насъ не атаковали, и лишь только утромъ изъ деревни Нингуаньтунъ вышла какая-то пѣхотная часть и стремительно повела атаку на редутъ, сооруженный къ западу отъ Янцуня, вѣроятно думая, что быть можетъ онъ еще не занятъ нашими войсками, но энергичный командиръ занимавшаго этотъ редутъ полка—полковникъ Ю. подпустилъ ихъ шаговъ на 800, а потомъ открылъ жестокой огонь, и они, потерявъ много людей убитыми и ранеными и бросивъ ихъ тутъ же на полѣ, повернули назадъ, и надо думать, что это нѣсколько ослабило ихъ пылъ.

Какъ бы въ отместку, они, какъ уже было сказано, держали насъ пѣлый день подъ такимъ сильнымъ огнемъ, что даже дрожала земля, и деревня очень часто исчезала совершенно въ облакахъ буроваго дыма и пыли.

Къ вечеру стрѣльба утихла.

Утро 20 февраля было ясное и тихое. Воробьи такъ громко и мирно чирикали, сидя на оголенныхъ деревьяхъ; они радовались, что вотъ сейчасъ на этомъ ясномъ безоблачномъ небѣ взойдетъ солнце и согрѣетъ и приголубитъ ихъ.

Для нихъ—веселыхъ и довольныхъ, перепархивающихъ съ сучка на сучекъ, это солнце было по истинѣ „солнцемъ правды“, а намъ, людямъ, оно несло со своимъ восходомъ снова непріятные часы и минуты тяжелаго ожиданія.

И дѣйствительно, какъ только первые лучи пронизали холодный неподвижный воздухъ и освѣтили верхушки деревьевъ и фанзъ, такъ сейчасъ же заревѣли пушки, и люди снова начали убивать другъ друга.

А воробьи по-прежнему беззаботно и радостно чирикали, перепархивая стаями съ дерева на дерево.

Вотъ проносится неподалеку отъ такого веселаго общества, размѣстившагося на сучьяхъ огромнаго дерева, непріятельскій снарядъ и грохается со всего размаха объ мерзлую землю. Ву-у-у!—разлетаются съ визгомъ осколки въ разныя стороны. Воробьи на секунду

сразу смолкаютъ, какъ бы удивляясь, „что сей сонъ значитъ“. Потомъ они всё снимаются съ этого дерева и перелетаютъ на другое и тамъ снова начинаютъ весело и беззаботно щебетать, какъ бы дѣлясь своими впечатлѣніями и подсмѣиваясь надъ довольно глупыми съ воробьиной точки зрѣнія шутками, которыми теперь забавляются эти двуногія твари, вездѣ и всюду валяющіяся по землѣ. Прилетаетъ шрапнель и рвется неподалеку отъ дерева: тр-рах-піу-у-у!—раздается въ воздухѣ, и воробьи слетаютъ дружной стаей, какъ бы по командѣ улетаютъ далеко—далеко, вѣроятно сообразивъ, что шутки этихъ двуногихъ тварей и для нихъ—воробьевъ, могутъ окончиться очень плачевно.

Мы наблюдали въ бинокль за тѣмъ, что дѣлается впереди, а тамъ съ самаго утра японцы начали энергично ломить впередъ, напирая повидимому на Фоганьтунъ и забрасывая насъ на Янсытунѣ снарядами, вѣроятно для того, чтобы не дать намъ возможности помочь сосѣдямъ.

Видно было, какъ по ровному полю двигались ряды людей, скакали какія-то лошади, видны были повозки, которыя опроретью носились по полю, вѣроятно или подвозя патроны, или же стараясь укрыться отъ огня. И все это двигалось въ дыму отъ безпрестанно и всюду разрывающихся снарядовъ.

Наша пѣхота положительно „исходила“ свинцомъ. Казалось, что рвали какіе-то огромные куски матеріи и рвали ихъ непрерывно. Съ трескомъ барабана нельзя сравнить бѣглый боевой огонь: это именно такое же впечатлѣніе, какое получилось бы, если бы заставить тысячи людей разрывать на куски какую-нибудь плотную и толстую ткань. Въ бинокль было ясно видно, какъ падали люди, и какъ новые и новые ряды напирали все впередъ и впередъ.

Шла бѣшенная атака.

— Господи, помоги, крестясь, говорили солдаты: поддержи, Господи. Лица у большинства были блѣдныя, и руки нервно сжимали винтовки.

И странно: эти люди, которые сами три дня тому назадъ отбивали въ теченіе цѣлаго дня атаки непріятеля, которые на другой день послѣ этого шли подъ жестокимъ огнемъ впередъ, прикрывая отступление товарищей и которые раньше еще до этого сплошной и могучей лавиной ломили на непріятеля, желая во что бы то ни стало выбить его изъ деревни,—теперь эти же люди были блѣдны. Бессонныя ли ночи, постоянное ли нервное напряженіе повліяло на нихъ, объяснить этого не берусь, но пишу такъ, какъ оно и было на дѣлѣ.

Прискакалъ отъ начальника дивизіи молодой и симпатичный юноша—ординарецъ, бывший прапорщикъ нашего полка и, запыхав-

шись, началъ докладывать командиру: „господинъ полковникъ, японцы атакуютъ; одна рота сосѣдняго съ нами полка уже отступила. Начальникъ дивизіи приказалъ вамъ поддержать боевую линію хотя бы однимъ баталіономъ“.

— „Въ ружье!“ — сейчасъ же раздалась команда. Солдаты, крестясь, начали разбирать ружья и мѣшкотно выстраивались за стѣнками, за которыми они только что сидѣли.

— За мной, шагомъ маршъ! снова раздалась громкая и энергичная команда, и тотъ, кто командовалъ, ставъ во главѣ ротъ, повелъ ихъ на улицу деревни, которая направлялась къ войскамъ передовой линіи.

Вдоль улицы несея намъ навстрѣчу ураганъ свинца; снаряды грохотали во всѣхъ направленіяхъ. Наши роты шли, держась ближе къ продольной стѣнкѣ съ тѣмъ, чтобы хоть немного укрыться отъ огня. Люди сгибались и шли какъ-то вяло—нерѣшительно. Полковникъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что за нимъ идетъ не болѣе 50 человекъ, а остальные люди только по одиночкѣ выбѣгали изъ-за стѣнокъ и, согнувшись, догоняютъ товарищей.

— Стой! закричалъ онъ,..... этакіе. Что, японскихъ штыковъ испугались.—И тутъ послѣдовало крѣпкое слово.

Моментально картина перемѣнилась. Люди выпрямились и стройно стали въ отдѣленіе.—К., обратился полковникъ къ молодцу заурядъ прапорщику: бѣгите какъ можно скорѣе и гоните людей изъ-за стѣнокъ; пока всѣ не придутъ—не поведу впередъ, потому что стыдно вмѣсто баталіона подводить какую-то несчастную горсть.

Не прошло и минуты, какъ весь баталіонъ собрался.

— Шагомъ маршъ!—снова раздалась громкая команда, и теперь уже по улицѣ двигалось не стадо испуганныхъ гусей, а могучая російская пѣхота, которая мѣрно отбивала шагъ по мерзлой землѣ и которую, казалось, нельзя было сокрушить непріятельскимъ штыкомъ.

Вскорѣ мы пришли на назначенное мѣсто. Здѣсь былъ и начальникъ дивизіи.

— Здорово, братцы!—раздался его не громкій, но спокойный голосъ.

— Здравья желаемъ!—отвѣтили на привѣтствіе любимаго начальника сотни бодрыхъ солдатскихъ голосовъ.

Тутъ же я замѣтилъ, какъ нѣсколько солдатъ вели подъ руки раненнаго пулею въ голову начальника дивизіоннаго штаба. Пуля прошла ему на вылетъ въ обѣ щеки, выбила нѣсколько зубовъ и повредила челюсть.

Мы подошли тогда, когда атака была уже отбита, и начальникъ

дивизиі сказалъ, что вызвалъ насъ только для того, чтобы подбодрить войска, а то вотъ рота одна уже отступила, и можно было опасаться за то, что этотъ примѣръ подѣйствуетъ пагубно и на прочія части; словомъ, необходимо было влить свѣжую часть, такъ какъ это сильно подбодряетъ людей.

Отступившая рота была изъ того полка, который по сосѣдству съ нами занималъ деревню Фогантунъ. Часть людей этой роты — человекъ 25 прибыла въ Янцйтунъ, и теперь эти люди какъ-то приниженно жались около стѣнокъ, не смѣя отъ стыда смотрѣть прямо передъ собою. Помню, среди нихъ былъ юноша вольноопредѣляющійся; былъ также одинъ солдатъ, — рослый и красивый молодецъ съ крестомъ на груди; было и нѣсколько бородачей запасныхъ, и всѣ они теперь смотрѣли сконфуженно и приниженно. Жаль было этихъ несчастныхъ людей, которые выносили теперь въ своихъ сердцахъ смертельную тоску и муку. Помню, что многіе, очень многіе старались уколоть самолюбіе этихъ несчастныхъ, не стѣняясь называли ихъ подлыми трусами, и называли даже такіе люди, которые не имѣли нравственнаго права произносить этого слова, а они, оплеванные и униженные, какъ-то съежились и молча стояли, переживая смертельную тоску.

Какъ оказалось это впоследствии, они совсѣмъ и не думали быть трусами, потому что до конца выполнили бы свой долгъ, какъ честные солдаты, но обстоятельства сложились для нихъ такъ невыгодно, что они принуждены были оставить свой постъ.

Ихъ рота занимала совершенно ровный и открытый участокъ, и они не успѣли сдѣлать окоповъ, за неимѣніемъ надлежащаго шанцеваго инструмента; а между тѣмъ началась убійственная канонада и непріятель повелъ атаку. Несмотря на это, они все же таки не покидали своего поста и, теряя многихъ своихъ товарищей, отстрѣливались, на сколько были въ силахъ. И вдругъ на нихъ съ тыла полетѣли свои же шрапнели и начали вырывать и безъ того сильно порѣдѣвшіе ряды. Вотъ то положеніе, въ которомъ ради ошибки, столь возможной на войнѣ и довольно не рѣдко случавшейся, очутились эти несчастные люди. Есть ли хоть какая-нибудь возможность — быть въ ихъ ужасномъ положеніи и не дрогнуть, и они дѣйствительно дрогнули, — не вынесли этой невозможной пытки, а за это ихъ теперь клеймили позоромъ.

Не знаю, что случилось съ этими несчастными, но вѣрьте, если вы еще живы, что и вы — честные солдаты, и что если васъ тогда оскорбляли, такъ только потому, что всѣ эти ужасы, вся эта кровь, трупы и вопли также сильно дѣйствовали на вашихъ судей, и что эти судьи сами переживали нечеловѣческія нравственныя муки,

которыя и сдѣлали ихъ слишкомъ жестокими и черствыми при произнесеніи надъ нами приговора.

До самаго почти вечера непріятель производилъ атаку за атакой, и перестрѣлка то утихала, то поднимался такой адскій грохотъ, что хоть уши затыкай.

Помню, въ нашъ полкъ безпрестанно приводили подъ стражу какихъ-то китайцевъ, которые были кѣмъ-то пойманы, какъ шпіоны. Многіе изъ нихъ были ранены и всѣхъ ихъ отсылали въ ровъ, который былъ за деревней; тамъ подъ карауломъ они и содержались до наступленія темноты, послѣ чего ихъ препровождали въ штабъ отряда.

Помню, привели какого-то здоровеннаго солдата Н—скаго полка, который хотѣлъ перебѣжать къ японцамъ, но былъ пойманъ и задержанъ товарищами. Его вели связаннаго; одежда на немъ была порвана; лицо грязное и со слѣдами кровоподтековъ, а глаза свѣтились какой-то особенной грустью. Подвели его къ командиру полка.

—Ваше Высокоблагородіе, заговорилъ этотъ солдатъ тихимъ и сдавленнымъ голосомъ: вѣдь всѣ мы-братья во Христѣ, а Онъ училъ насъ никого не обижать и не убивать....

—Ну-ну-ну, веди его, нечего тутъ растобаривать, сказалъ командиръ съ досадой. И его повели.

Какъ потомъ рассказывали, онъ долго лежалъ молча, связанный, а потомъ не выдержалъ и началъ страшно ругаться; ругалъ онъ всѣхъ самыми отборными словами, даже какъ говорили — и богохульствовалъ; и въ этой ругани было что-то ужасное — что-то не человѣческое—безумное. Рассказывали потомъ, что его разстрѣляли.

Помню, въ этотъ же день произошелъ одинъ трогательный случай, котораго никогда не забуду: во время сильнѣйшей канонады, когда воздухъ трясся отъ безпрестанныхъ оглушительныхъ взрывовъ шести-дюймовыхъ бомбъ, шимозъ и шрапнелей, вдругъ на улицѣ деревни появилась древняя старуха-китаянка. Она шла съ клюкой и нащупывала ею дорогу, изъ чего и можно было заключить, что она слѣпа, а такъ какъ звукъ падающихъ и рвущихся снарядовъ видимо не производилъ на нее никакого впечатлѣнія, то, вѣроятно, и чувство слуха у нея было атрофировано. Она едва передвигала ноги и шла съ такою скоростью, что, вѣроятно, ползущая рядомъ съ нею черепаха давно бы обогнала ее и прибыла бы на мѣсто назначенія значительно раньше.

Солдаты долго и молча смотрѣли на эту передвигающуюся тѣнь,—на это напоминаніе о давно минувшей молодости и быть можетъ и красотѣ.

— Однако, братцы, ушибеть бабушку-то, сказалъ какой-то солдатъ.

— Известно, ушибеть. И зачѣмъ только въ такую непогодь изъ дому вышла.

Послышался сдержанный смѣхъ.

— Надо провесть бабушку, а то грѣхъ будетъ, сказалъ другой молодой солдатъ, съ лихо заломленной на затылокъ папахой, которая открывала его дышащее здоровьемъ, доброе и симпатичное лицо, на которое положительно можно было любоваться.

Сказавъ это, онъ быстро подбѣжалъ къ старухѣ, схватилъ ее подъ руку и быстро повелъ. Старуха и не упиралась, и вскорѣ они исчезли за поворотомъ улицы.

Минуть черезъ пять солдатъ этотъ вернулся.—И Боже Ты мой, говорилъ онъ: привелъ эту я бабушку въ фанзу, а тамъ биткомъ китаемъ набито; всѣ плачутъ и вопль такой, что я бросилъ тамъ бабушку да и назадъ; мочи нѣтъ смотрѣть-то на нихъ: этта бомба, значитъ, грохнула недалеко отъ фанзы; что народу перекалѣчила,—страсть: и старики и бабы и дѣти,—всѣмъ на орѣхи попало.

— Вотъ, братцы мои, и за что это, къ примѣру, этому бѣдному Китаю влетаетъ; мы, къ примѣру, солдаты, наше дѣло стало быть такое, а онъ—Китай, ничѣмъ, къ примѣру, тутъ не повиненъ.

— Н—да, братъ: это точно что не за что; такъ ужъ ему такая задача въ жисти выпала. И солдаты замолчали, не будучи въ состояніи разрѣшить этихъ вопросовъ, да и едва-ли кто-либо въ состояніи разрѣшить ихъ.

Фанза, въ которую сносили раненыхъ, была тутъ же—въ деревнѣ. На дворѣ были сложены убитые. Они лежали рядышкомъ, кто на спинѣ, кто на боку. У нѣкоторыхъ сжатые въ кулаки руки были подняты къ верху, какъ будто бы они грозили этими кулаками самому небу. Тутъ же валялись убитые лошади; у одной, помню, была перебита задняя нога, и окровавленная кость торчала наружу. Почему-то эта кость особенно рельефно выдѣлялась на общемъ фонѣ картины.

Въ самой фанзѣ была давка. Три доктора едва успѣвали справляться со своимъ дѣломъ; все подносили и подносили раненыхъ, и не было уже мѣста на канахъ, а потому ихъ и сваливали прямо на полъ. Нѣкоторые хрипѣли въ предсмертной агоніи, нѣкоторые бредили и ругались отборными словами, а нѣкоторые такъ ужасно и протяжно стонали, что не было возможности выносить этихъ звуковъ, выражающихъ нечеловѣческія мученія. Всюду грязь, кровь, куски рваной одежды, запахъ карболки и непріятный запахъ крови. Раненый начальникъ штаба сидѣлъ на канѣ. Онъ не могъ говорить, потому что пуля, пробивъ ему обѣ щеки, выбила зубы и по-

вредила челюсть. Онъ только перекрестилъ нашего командира, который зашелъ сюда перевязаться. У обоихъ на глазахъ были слезы. Доктора положительно сбились съ ногъ, дѣлая перевязки; руки и лица у нихъ были въ крови, а они работали, работали и работали, и казалось, что нервы у нихъ уже окончательно притупились, и они видѣли передъ собою не искалѣченныхъ мучающихся людей, а какихъ-то истукановъ, которые хрипятъ, корчатся, стонуть и мычатъ не потому, что имъ больно, а потому, что въ каждомъ изъ нихъ вставлена машинка, которая и издаетъ все время одинъ и тотъ же звукъ.

Скверно и невыносимо тяжело быть на перевязочномъ пунктѣ.

Подъ вечеръ нашему полку было приказано усилить одной ротой гарнизонъ редута, который былъ при выходѣ изъ деревни, а четырьмя ротами—усилить его фланги. Ожидали ночного штурма, а потому и принимали эти мѣры.

Часа за два до наступленія темноты непріятель открылъ такой убійственный огонь по деревнѣ, какого, кажется, еще не было. Шести-дюймовыя бомбы одна за другой грохались объ землю, и земля буквально вздрагивала отъ ихъ тяжелаго паденія. Пудовые осколки ударялись объ стѣнку, пробивали ихъ, или же отскакивали, дѣлали прыжки и рикошеты по землѣ, страшно и сердито фурча въ воздухъ и убивая на смерть попадавшихъ имъ на дорогѣ людей. Пули отъ этихъ чудовищныхъ снарядовъ наполняли воздухъ адскимъ визгомъ. Пыль поднялась такая, что вмѣстѣ съ дымомъ она закутала все какъ-бы завѣсой и затмила собою склоняющееся къ горизонту солнце.

Непріятель видимо готовился къ штурму и открылъ эту пальбу, съ цѣлью перебить у насъ возможно больше людей и тѣмъ облегчить себѣ выполненіе задачи.

Снаряды летѣли на насъ и съ фронта и слѣва. Помню, одна шести-дюймовая бомба упала какъ разъ около первой роты нашего полка и вырвала сразу семь человѣкъ. Земля задрожала отъ страшнаго взрыва; пули и осколки съ визгомъ разлетѣлись, и въ облакѣ дыма послышались отчаянные вопли.

— Санитары! санитары! вопили растерявшіеся солдаты. Многие крестились, вздыхали и говорили: О Господи, всѣхъ перебьетъ, всѣмъ смерть пришла.

Блѣдные и измученные санитары, которые отъ усталости едва не валились съ ногъ, сгибаясь подъ летящими пулями и снарядами и неся пропитанная кровью носилки, побѣжали къ тому мѣсту, куда ихъ звали, и вскорѣ двое носилокъ несли уже мимо насъ; остальные люди были мертвы, и ихъ нечего было уже выносить.

— Держи налѣво; въ улицу ту держи, кричали солдаты растерявшимся санитарамъ; прямо пойдешь—пришибеть: ишь палить „проклятый“—свѣту не видать.

— Да влѣво, „дьяволы“, держите, влѣво—вонъ улица-то, въ нее и заворачивай, все сильнѣе и сильнѣе орали солдаты, видя, что санитары никакъ не могутъ понять—куда ихъ направляютъ.

И вотъ во время этихъ криковъ падаетъ позади нихъ бомба. Санитары летятъ на землю; раненые валятся съ носилокъ, а санитары, бросивъ ихъ, крестясь, стараются укрыться за стѣнку сосѣдняго двора. Ишь „дьяволы“ струсили, проклятые, обалдѣли и раненыхъ покидали, кричатъ люди.

Безпомощные, окровавленные раненые тихо стонуть, лежа на землѣ рядомъ съ брошенными носилками.

— Братцы, родненькіе, вынесите, молятъ они тихо; смерть пришла наша; вынесите, братцы.

Нѣсколько солдатъ идутъ и осторожно кладутъ раненыхъ на носилки.

Санитары, снова крестясь и вздыхая, выползаютъ изъ-за стѣнокъ и снова взваливаютъ на плечи свою тяжелую ношу.

— Вы, ребята, вотъ сюды—въ улицу-то, значить, а какъ дошли до конца, такъ стало быть направо вертай, а тутъ ужъ дорога одна; тамъ нашъ и перевязочный. (Перевязочный пунктъ нашего полка былъ въ верстахъ двухъ отъ деревни). „Ладно, ладно, теперь мекаемъ. Ишь бомба-то грохнула,—ровно бы и спужались маленько. А пятерыхъ-то на смерть пришибло“, добавляютъ они и скрываются за поворотомъ въ улицу.

— Свѣтопредставленіе да и только, говорятъ солдаты, возвращаясь на свои мѣста.

Помню, одна изъ бомбъ угодила подъ корень огромнаго столѣтняго дуба. Закачался гигантъ и тяжело съ хрипомъ рухнулъ на землю, чуть не подавивъ собою близъ находящихся людей.

— Во, ребята, силище-то, говорили солдады: гляди, какой дубъ, а какъ соломину срѣзала.

— Она срѣжетъ и не энтакій, чаво ей; ишь проклятушая реветь-то какъ.

— Хорошо, что хрипнулъ-то не въ нашу сторону; сколько бы народу задавилъ.

Распростершійся гигантъ легъ на томъ мѣстѣ, гдѣ быть можетъ онъ болѣе ста лѣтъ стоялъ, давая тѣнь и прохладу подъ своими могучими вѣтвями, а теперь эти вѣтви, со страшнымъ трескомъ, подломились, не выдержавъ давленія его грузнаго, рухнувшего на землю тѣла. А нѣкоторыя изъ нихъ безпомощно торчали къверху,

какъ-бы прощаясь съ тѣмъ небомъ и съ тѣмъ солнцемъ, которыя дали ему и жизнь, и силу, и красоту.

До наступленія темноты продолжалась сильная канонада.

Отъ генерала Церпицкаго нѣсколько разъ пріѣзжали ординарцы—узнать, что у насъ дѣлается. Генераль видѣлъ, что Янсы-нунъ весь покрытъ дымомъ, и беспокоился за наши положенія. Да и было дѣйствительно отъ чего беспокоиться, но мы держались прочно и упорно.

Съ наступленіемъ темноты, командиръ повелъ роты на поддержку гарнизона редута.

Рекогносцировка мѣстности была сдѣлана еще засвѣтло—во время самага разгара канонады; ее производили храбрые офицеры: капитанъ Р. и подпоручикъ Я. Они, не обращая вниманія на огонь, пошли на указанные имъ участки и высмотрѣли обстоятельно мѣста, наиболѣе удобныя для расположенія ротъ. Теперь, съ наступленіемъ тьмы, мы шли на эти мѣста,—шли тихо и осторожно, дабы не производить шума и тѣмъ не привлечь на себя вниманія непріятели. Вотъ какой-то большой прудъ, покрытый гладкимъ льдомъ. Солдаты гуськомъ перебираются по льду, стараясь не шумѣть, но никакъ не могутъ этого достигнуть: ноги тяжело шуршатъ по льду, а котелки—эти вѣчно брякающіе котелки, и теперь стучать и брякаютъ въ ночной тишинѣ.—Тише, черти, чего стучите,—слышится временами чей-нибудь сдавленный голосъ, но стукъ отъ этого нисколько не уменьшается, и вереница закутанныхъ въ башлыки людей продолжаетъ неуклюже скользить по гладкой поверхности льда; нѣкоторые падаютъ, грохоча объ ледъ винтовками, и потомъ крихтя поднимаются и догоняютъ товарищей. А впереди тьма непроглядная и тишина, тишина, тишина; и что-то жуткое шлетъ собою эта тишина; кажется, что тамъ среди этого непрогляднаго мрака что-то такое уже затѣвается; кажется, что вся эта непроглядная тьма уже наполнилась цѣлыми милліонами какихъ-то злыхъ существъ, которыя все ползутъ и ползутъ впередъ—на животахъ ползутъ, съ оскаленными отъ злобы зубами и держа въ рукахъ ружья съ примкнутыми къ нимъ огромными ножами, которыми они собираются пороть животы всѣмъ этимъ неуклюжимъ, закутаннымъ въ башлыки и переутомленнымъ людямъ, повалившимся на берегу пруда и старающимся рассмотреть страшный и таинственный мракъ впереди.

— О Господи, вздыхаютъ эти люди, ночь-то дуже холодна.—Нѣкоторые зѣваютъ, крестятъ рты и приговаривая: „Господи, Царь батюшка милостивый“; нѣкоторые, болѣе спокойные, уже свернулись калачиками и храпятъ подъ ватными китайскими одѣялами. Такихъ саба-

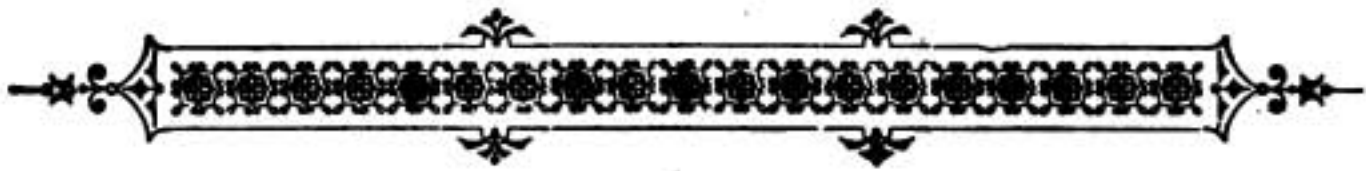
ритовъ будятъ товарищи, толкая ихъ безцеремонно подъ бока кулакомъ или прикладомъ и приговаривая: „вставай, чортъ, ишь спать здоровъ, лѣшій!“ Потревоженный на минуту вылезать изъ-подъ одѣяла, всматривается въ темноту, но глаза у него снова слипаются, и черезъ минуту онъ опять уже храпитъ, уткнувшись носомъ въ прикладъ винтовки.

Двѣ другія роты расположились за лѣвымъ флангомъ редута. Здѣсь какъ будто лучше: не такъ пустынно и безлюдно. Здѣсь нѣтъ пруда, покрытаго льдомъ, отъ котораго вѣетъ могильнымъ холодомъ, но есть фанзы и стѣнки, а слѣдовательно часть людей можетъ стоять за стѣнками наготовѣ, а другая часть отдыхать.

Н—чъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТРИ ПИСЬМА ЦЕСАРЕВИЧА КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА КЪ П. И. ЛИНДЕСТРЕМУ.

(1812).

Въ царствованіе Императора Александра I масонство сотнями насчитывало своихъ членовъ въ высшихъ слояхъ общества. Съ 1810 г. масонскія ложи пользовались терпимостью правительства и, обязанныя строгимъ, быстрымъ и подробнымъ отчетомъ о своей дѣятельности, въ сущности перестали быть тайнымъ обществомъ. Исключеніемъ было только нѣсколько малочисленныхъ, тайныхъ ложъ, не дававшихъ отчета въ своей дѣятельности. Печатные списки членовъ, предназначавшіеся только для братьевъ союза, попадали, однако, по своей многочисленности въ руки непосвященныхъ. Списки пестрятъ именами съ коронами въ различное число зубцовъ, отъ дворянской до княжеской, и высокіе гражданскіе и военные чины попадаютъ въ иныхъ пожалуй даже чаще, чѣмъ мелкіе.

Семейное преданіе сохранило свѣдѣніе, что извѣстный врачъ, лейбъ-медикъ Петръ Ивановичъ Линдестремъ принадлежалъ къ масонству. Фактъ этотъ очень любопытенъ, если принять во вниманіе то довѣріе, которымъ пользовался П. И. Линдестремъ со стороны Цесаревича Константина Павловича, тоже масона. Въ семейныхъ бумагахъ контръ-адмирала В. В. Линдестрема сохранились собственноручныя письма Цесаревича къ П. И. Линдестрему. Письма открываютъ одну изъ страничекъ сердечной жизни Цесаревича—его горячую любовь къ своему побочному сыну, Павлу Константиновичу Александрову, родившемуся въ 1808 г. Матерью П. К. Александрова была Жозефина Фридрихсъ, француженка по происхожденію. Въ письмахъ Цесаревичъ постоянно благодаритъ за попеченіе о сынѣ. Отъ 1812 г. сохранилось 20 писемъ, изъ коихъ два письма въ апрѣлѣ, 2—въ маѣ, 11—отъ іюня и 5 отъ іюля; встрѣчаются письма, писанныя два дня подрядъ.

Еще маленькое замѣчаніе. Въ послѣдствіи Фридрихсъ вышла замужъ за Вейса, который былъ тоже масономъ и состоялъ членомъ ложи Храма Постоянства въ Варшавѣ.

Печатаемые ниже письма приводятся съ любезнаго разрѣшенія Владиміра Владиміровича Линдестрема.

М. С.

I.

(Переводъ). Такъ какъ война началась, то я отправилъ м-ше Фридрихсъ черезъ Люценъ и Островъ на Псковъ. Такъ что посылайте ей теперь извѣстія о маленькомъ сынѣ туда, по адресу: экипажъ Его Высочества Цесаревича. Чувствую себя хорошо. Скоро начнутся военныя дѣйствія. Дай Богъ, чтобы все шло хорошо. Мы сосредоточиваемся болѣе въ тылу арміи. Все идетъ хорошо и пойдетъ еще лучше. Поцѣлуйте Павлика отъ меня и скажите ему, что нѣтъ на дню такой минуты, когда бы я не думалъ о немъ и о его доброй, прекрасной матери, которую я люблю всѣмъ сердцемъ. Передайте привѣтъ Опочинину и Клейнмихелю.

Цѣлуя васъ отъ всего сердца, мой дорогой Линдестремъ, весь вашъ.

Константинъ.

Свѣнцианы. 16 іюня 1812 г.

P. S. Сегодня утромъ корпусъ нашей арміи вошелъ въ Ливонію.

II.

(Переводъ). Много обязанъ за ваше письмо, которое получилъ вчера, и за добрыя вѣсти, присланныя вами о дорогомъ моемъ Павликѣ. Жандръ, вернувшись сюда, рассказывалъ мнѣ о немъ столько хорошаго, что мнѣ нетерпѣливо хочется его скорѣе увидѣть. Богъ знаетъ, когда мнѣ это удастся по теперешнимъ обстоятельствамъ. Поцѣлуйте мальчика отъ меня и скажите ему, что я его очень люблю и всегда думаю о немъ. Поклонъ англичанкѣ и дѣтямъ, такъ же какъ Опочинину и Клейнмихелю. А васъ, дорогой мой, цѣлую отъ всего моего сердца.

Весь вашъ Константинъ.

лагерь при Дриссѣ.

28 іюня 1812 г.

III.

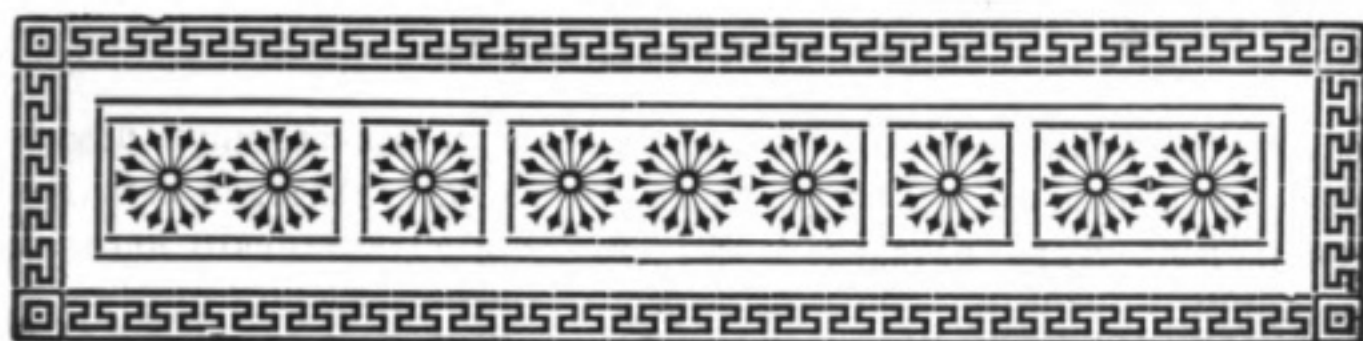
(Переводъ). Дорогой мой Линдестремъ. Не хочу пропустить сегодняшній день, не попросивъ васъ поцѣловать отъ меня моего сына, чтобы поздравить его съ днемъ его Ангела. Да сохранить его всеблагій Богъ и сдѣлаетъ его счастливымъ. Скажите ему, что я его очень люблю и всегда о немъ думаю. Поклонъ англичанкѣ и дѣтямъ, такъ же какъ Опочинину и Клейнмихелю. Что относится до васъ, дорогой мой Линдестремъ, примите въ этотъ день мои благодаренія за труды, которые вы полагаете на моего сына. Да воздастъ вамъ за это всеблагій Господь щедрою рукою. Цѣлую васъ отъ всего сердца.

Константинъ.

29 іюня 1812 г.
Въ лагерь при Дриссъ.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Изъ далекаго прошлаго.

Памяти именитаго предка.

реди множества фамилныхъ портретовъ, которыми украшены стѣны стариннаго дома въ М., обращаетъ на себя особенное вниманіе большая превосходно исполненная гравюра, изображающая относительно молодого человѣка въ бѣломъ жилетѣ, со звѣздой на фракѣ, опушенномъ дорогимъ бобромъ, съ красивыми чертами благороднаго лица. Внизу надпись „Ser Robert ker Porter 1808“, по обѣимъ сторонамъ двухъ молодыхъ Misses Jane и Maria Porter, изъ которыхъ одна жизнерадостная съ цвѣтами на причудливой шляпѣ, другая—сосредоточенная, съ глазами Мадонны, устремленными къ ебу.

О ser Robert ker Porter я только знала, что онъ посланникъ британскаго правительства въ Венецуелѣ, въ 30-хъ годахъ минувшаго столѣтія, былъ отцомъ моей бабушки М. Р. К. (тетка моей матери по княжнѣ Маріи Ѳедоровнѣ Щербатовой, леди Портеръ), скончавшейся въ 1824 г. и погребенной въ склепѣ, въ Мещерѣ, подъ алтаремъ ея построенной церкви.

Мнѣ всегда жаль было, что въ живыхъ не осталось никого, кто бы могъ сообщить хотя какія-либо данныя о томъ именитомъ предкѣ, въ воспоминаніе котораго кромѣ портрета сохранилась только маленькая лакированная визитная карточка „Ser Pobert ker Porter“, а внизу „Ambassador of Venesuella Karacas“, да описаніе герба рода Портеръ.

Только недавно, совершенно случайно, нашла я, въ хранившейся подъ низкими сводами М. кладовой, въ одной изъ книгъ English Revsiew за 1842 г. интересную біографію, написанную не-

сомнѣнно однимъ изъ друзей сэра Роберта и посвященную памяти его, какъ одного изъ видныхъ политическихъ дѣятелей сего времени, извѣстнаго батальнаго живописца и талантливаго писателя историка.

Сэръ Робертъ Кэръ Портеръ родился въ Англіи въ 1762 году. Рано лишившись отца, погибшаго въ сраженіи въ 7-лѣтнюю войну (въ 1756—1763), онъ вмѣстѣ съ двумя сестрами остался на попеченіи матери. Потерявшая мужа на полѣ брани лэди Портеръ несочувственно относилась къ стремленіямъ сына на военную службу и его мечтамъ о воинскихъ доблестяхъ. Замѣтивъ еще въ дѣтствѣ способности къ рисованію, она въ раннемъ возрастѣ опредѣлила его въ королевскую академію въ Лондонѣ. Выдающимися способностями онъ сразу обратилъ на себя вниманіе президента лорда Верьямина Вестъ и былъ впоследствии другомъ его преемника Sir Mortin Shee. Картина его, „Штурмъ при Серингапартнамень“, выставленная въ академіи въ 1801 году, стяжала ему, тогда еще 19-ти-лѣтнему юношѣ, громкую извѣстность. Картины его, относящіяся къ этой эпохѣ, до сихъ поръ имѣются въ Лондонѣ, въ коллекціи многихъ антикваріевъ. Вслѣдъ за тѣмъ появились его картины „Битва при Agincoart“, „защита адмираломъ Сидней Самитъ St.-Jean d'Aere“, „смерть на полѣ брани сэра Ральфа Аберкромбія (Ralf Abercrombia)“ и многія другія. Избравши своею спеціальностью историческую, по-преимуществу, батальную живопись, воспроизведенія на холстѣ славной боевой эпохи конца XVIII и начала XIX столѣтія, сэръ Портеръ, будучи знакомъ съ выдающимися военными и политическими дѣятелями своей эпохи, изучалъ защиту крѣпостей и укрѣпленій различными родами оружія. Недовольствуясь этимъ ознакомленіемъ съ военнымъ бытомъ, онъ поступилъ во флотъ въ ряды войскъ дѣйствующей арміи и участвовалъ въ морскомъ сраженіи при Веймерѣ (Vilmerga) и Корунна (Corunna) и находился при адмиралѣ Джонѣ Мурѣ (John Moug) въ минуту его смерти. Картины, изображающія оба сраженія, составляютъ собственность потомковъ знаменитаго путешественника по Африкѣ, полковника Денгама (Dengam). По возвращеніи своемъ изъ Португаліи сэръ Портеръ издалъ интересныя записки „Британскаго офицера“ съ красивыми иллюстраціями.

Вслѣдъ за тѣмъ, оставивъ военную службу, онъ посвятилъ себя дипломатической дѣятельности, былъ назначенъ секретаремъ англійскаго посольства въ Россію и жилъ въ Петербургѣ. Какъ знаменитый батальный живописецъ, онъ сталъ лично извѣстенъ Императору Александру I и, по желанію его, написалъ двѣ картины, изображающія: одна — побѣду Императора Петра I надъ шведами

на морѣ, другая—позднѣйшая, на сушѣ—надъ турками, и вслѣдъ за тѣмъ портретъ во весь ростъ Императора Петра I, который находится по настоящее время въ конференцъ-залѣ, въ зданіи главнаго адмиралтейства, построеннаго великимъ преобразователемъ Россіи, создателемъ русскаго флота.

Получивъ изъ Петербурга важную дипломатическую миссію въ Персію, онъ посѣтилъ: Афганистанъ, Белуджистанъ, Мидію, Месопотамію, Вавилонъ и на этомъ важномъ дипломатическомъ посту находилъ возможность заниматься живописью. Такъ, однажды, когда ему пришлось быть въ Арменіи у подножія Арарата, онъ, въ благодарность братіи монастыря въ Эчміадзинѣ—давшей ему пріютъ и оказавшей широкое гостепрѣимство, оставилъ въ память своего посѣщенія—превосходный запрестольный образъ своей работы, изображающій благословеніе Спасителемъ собравшихся вокругъ Него дѣтей.

Къ лучшимъ художественнымъ произведеніямъ этой эпохи относится, кромѣ многочисленныхъ видовъ, большой портретъ Алишаха персидскаго.

По возвращеніи изъ Персіи, онъ издалъ свои иллюстрированные путевые очерки, имѣвшіе частный характеръ, такъ какъ все относящееся до его служебной командировки было собрано для доклада въ особый портфель.

Любя общество, вращаясь въ Петербургѣ въ высшемъ свѣтѣ, сэръ Портеръ былъ представленъ изящной, привлекательной фрейлинѣ вдовствующей Императрицы (княжнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Щербатовой), владѣвшей нѣсколькими родовыми вотчинами въ Московской и Рязанской ¹⁾ губерніяхъ, унаслѣдованными ею по женской линіи отъ ея предковъ, кн. Мещерскихъ. Молодая княжна приняла благосклонно его предложеніе и съ согласія Императора Александра I и вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны состоялось, въ 1810 году, въ Петербургѣ, вѣнчаніе по православному и реформатскому обрядамъ.

Императрица, продолжая благосклонно относиться къ своей бывшей фрейлинѣ, выразила готовность быть въ 1813 году воспріемницей ея единственной дочери Маріи, прислала ей цѣнный брилліантовый парюръ и зачислила дѣвочку кандидаткой въ С.-Петербургскій Екатерининскій институтъ.

По окончаніи института, дочь лэди Портеръ, наслѣдовавшая грацію и привлекательность матери, умъ и способности отца—вышла

¹⁾ Село Снѣжетокъ, Мещера тоже, дер. Анино, Озерки тожь, дер. Андреевка.

замужъ за поручика л.-гв. Семеновскаго полка, впоследствии адъютанта графа Клейнмихеля, П. Е. Кикина.

Въ 1812 году, когда лэди Портеръ, какъ истая патриотка, на свои личные средства снарядила въ помощь арміи отрядъ ополченцевъ (изъ людей своихъ вотчинъ), сэръ Робертъ Портеръ, сочувствуя ея благородному порыву, оказывалъ ей самую дѣятельную помощь въ этомъ благородномъ дѣлѣ. Переживая въ Россіи всѣ невзгоды, именно: нашествіе Наполеона, пожаръ Москвы, кровопролитный бой подъ Бородинымъ и наконецъ бѣгство французовъ, выступленіе арміи за границу, сэръ Портеръ во все это трудное время аккуратно велъ дневникъ, который съ портретомъ фельдмаршала Кутузова въ заголовкѣ издалъ въ Петербургѣ.

Въ 1835 г. онъ получилъ назначеніе министра-резидента британскаго правительства въ республикѣ Венецуэлѣ и провелъ 16 лѣтъ въ ея столицѣ Каракасѣ. Здѣсь ему представлялась трудная задача—оградить жизнь, собственность и интересы британскихъ подданныхъ въ странѣ непрерывныхъ кровопролитій, инсургентскихъ возстаній. Умомъ, тактомъ, твердостью и рѣшимостью ему удалось въ республикѣ, гдѣ фанатизмъ католиковъ доходилъ до изступленія, до инквизиціи,—добиться какъ для своихъ единомышленниковъ, такъ и для протестантовъ другихъ національностей, различныхъ правъ и привилегій, а именно, право приобрѣтенія въ собственность участковъ земли для храма, кладбища, жилища священнослужителей и проч., получить разрѣшеніе на пріѣздъ изъ Бриджтауна¹⁾ Д. Кольриджа—епископа Барбадосскаго для освященія имъ сооруженной церкви. Принятый съ большою торжественностью въ Каракасѣ Д. Кольриджъ былъ первымъ протестантскимъ епископомъ, вступившимъ на католическую территорію Венецуэльской республики.

Въ 1841 году сэръ Портеръ получилъ отъ своего правительства отпускъ, желая навѣстить сестру въ Англію, покинулъ Каракасъ, въ которомъ онъ за 16 лѣтъ своего служенія заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе, оставивъ на долго добрую память по себѣ во всѣхъ тѣхъ лицахъ, которымъ приходилось прибѣгать къ нему за помощью и защитой. Британское правительство по возвращеніи сэра Портера въ Англію—оцѣнивъ его заслуги и 16 лѣтнюю благотворную дѣятельность на дипломатическомъ поприщѣ въ Венецуэлѣ, оказало ему въ Лондонѣ радушный пріемъ. Проведя 3 мѣсяца въ обществѣ сестры Јапе, единственной изъ всѣхъ родныхъ, оставшейся въ жи-

¹⁾ Островъ Барбадосъ пзъ Малыхъ Антильскихъ острововъ, принадлежащій Англіи.

выхъ, и среди многочисленныхъ друзей своихъ, сэръ Портеръ порѣшилъ съ сестрой навѣстить въ Россіи свою единственную дочь, жившую въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы ранней весной, вернувшись въ Англію—принять назначеніе на новый дипломатическій постъ.

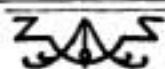
Гостепрѣимство и радушіе дочери и зятя, жившаго тогда въ Петербургѣ, милостивый пріемъ, оказанный ему Императоромъ Николаемъ I, посѣщеніе баловъ при Высочайшемъ дворѣ, знакомство съ друзьями и знакомыми своей молодой, привлекательной любившей выѣзды, пріемы, дочери, дѣлали ему при его общительности пребываніе въ Петербургѣ чрезвычайно пріятнымъ.

Не могъ онъ только, прожившій много лѣтъ въ южныхъ Американскихъ штатахъ, въ почти тропической атмосферѣ, свыкнуться съ холоднымъ, суровымъ климатомъ столицы Россіи. Онъ постоянно простуживался, часто болѣлъ; чувствуя недомоганіе, онъ рассчитывалъ въ самомъ началѣ весны возвратиться въ Англію. Но отъѣздъ затянулся. 3 мая только могъ онъ поѣхать откланяться въ Зимній дворецъ. Благоклонно принятый Императоромъ Николаемъ I и его августѣйшей семьей, онъ былъ удостоенъ приглашенія Государя Императора прибыть непременно въ Петербургъ, на освященіе вновь строившагося тогда Николаевскаго моста, этого величественнаго и колоссальнаго сооруженія, украшенія Петербурга. Возвратясь изъ дворца, онъ въ каретѣ почувствовалъ себя дурно; съ трудомъ доѣхавъ до дому и войдя въ комнату сестры, онъ, потерявъ сознаніе, упалъ на порогъ. Усилія немедленно вызванныхъ знаменитѣйшихъ врачей—не привели къ желательнымъ результатамъ. Въ продолженіе 14 часовъ онъ не открывалъ глазъ, дышалъ часто, прерывисто, тяжело, и въ 5^{1/2} часовъ утра 4 мая, не приходя въ сознаніе, скончался—къ великой скорби своей единственной дочери, любимой сестры, тотчасъ же послѣ погребенія навсегда покинувшей въ Россіи могилу самаго близкаго, дорогаго ей существа.

И эти скорбные глаза Miss Jane Porter, устремленные на меня съ ея портрета, краснорѣчиво говорятъ—о той невозвратимой утратѣ, которую понесла она въ лицѣ даровитаго, горячо любимаго брата,—портретъ котораго занимаетъ средину—между портретами сестеръ.

М. Бардакова.

English Review 1842 № 11.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Г Л А В А V.

Русскія дѣла въ Туркестанѣ.

долженъ прервать нить моего разсказа, чтобъ поговорить о случаѣ, не лишенномъ интереса и значенія.

Этотъ случай интересенъ для насъ потому, что въ первый разъ въ это время Ольга Алексѣевна и г-нъ Гладстонъ дѣятельно сотрудничали, чтобъ вліять на общественное мнѣніе Англіи въ пользу Россіи.

Письмо Гладстона отъ 1-го октября, содержаніе котораго было приведено въ послѣдней главѣ, за исключеніемъ послѣдняго параграфа, въ которомъ онъ коснулся вопроса, возбудившаго горячія пренія: Гладстонъ ихъ велъ съ своей стороны, а газета „Pall Mall Gazette“ была во главѣ съ другой стороны.

Г-жа Новикова въ своемъ письмѣ упомянула о трудностяхъ пролить лучъ правды на нѣкоторые факты; г. Гладстонъ отвѣчалъ:

„Я очень желаю отстранить отъ васъ одно ошибочное понятіе. Въ Англіи каждый имѣетъ право быть выслушаннымъ. Никакія жестокости, англійскія, русскія, или другія, не могутъ быть скрыты. Я съ своей стороны скажу: помоги Богъ всякому, кто изобличитъ ихъ, въ особенности, если онѣ касаются Англіи.

„Въ настоящую минуту я главнымъ образомъ занятъ чтеніемъ „Туркестанъ“, Скайлеръ. Исправить его не въ моихъ силахъ, но я

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1910 г.

желаю знать и долженъ сообщить въ слѣдующемъ „Современномъ обозрѣніи“ („Contemporary Review“), были ли ложными его показанія и насколько. Если вы имѣете возможность дать мнѣ немедленно средства исправить какую бы то ни было его ошибку, я буду вамъ очень признателенъ. Но съ этимъ надо торопиться, такъ какъ моя статья должна быть отправлена на дняхъ“.

Намекъ въ этомъ письмѣ касается попытки туркофильской прессы, преимущественно „Pall Mall Gazette“, противопоставить возбужденіе, вызванному жестокостями турокъ, возбужденію жестокостями, приписываемыми русскимъ въ Средней Азій. Г-нъ Шиллеръ только что издалъ свою книгу въ Туркестанѣ, въ которой онъ заявляетъ, что послѣ взятія Хивы, генераль Головачевъ далъ слѣдующій приказъ войскамъ, посылаемымъ покорить туркменовъ:

„Всѣхъ ихъ убивайте, безъ пощады пола или возраста“. Шиллеръ увѣряетъ, что казаки входили въ такой азартъ, что рѣзали безъ различія: ребенка и старика.

„Это дало сильные аргументы въ руки враговъ Россіи и „Pall Mall Gazette“, издаваемой въ то время г. Гринвудомъ,—продолжалъ г. Гладстонъ.

Ольга Алексѣевна немедленно отозвалась на это желаніе, обратясь съ просьбой къ русскому военному агенту въ Лондонѣ, генералу Горлову, доставить г-ну Гладстону желаемыя имъ свѣдѣнія. Генераль Горловъ прислалъ ей меморандумъ, который она отправила въ Гоуварденъ съ замѣчаніемъ, что она боялась затрудненій помѣстить его въ какую бы то ни было англійскую газету. 20-го октября Гладстонъ отвѣчалъ:

„Будьте увѣрены, что ваши опасенія лишены основанія. Всякое объясненіе любого русскаго офицера или частнаго лица по вопросу о Туркменскомъ походѣ будетъ услышано. Я наведу справки. Присланный меморандумъ я прочиталъ съ большимъ интересомъ. Много изъ него я уже записалъ себѣ на память. Въ виду предстоящей критики моя обязанность назвать вамъ тотъ пунктъ, который теперь нуждается въ подкрѣпленіи. Я говорю о (Шиллеръ 11,—356) упомянутомъ приказѣ № 1167, помѣченномъ Хива 6/18 о поголовномъ истребленіи туркменовъ и ихъ семействъ. Не знаю, вѣрно ли переведенъ оригиналь. Генераль Горловъ утверждаетъ, что этотъ приказъ не былъ исполняемъ. „Какъ же такъ? вѣдь Скайлеръ увѣряетъ, что приказъ убивать женщинъ и дѣтей“ былъ данъ (стр. 8).

Этотъ вопросъ можетъ разъясниться со временемъ. Вѣроятно, генераль Горловъ хочетъ сказать, что у него нѣтъ подъ рукой, въ данную минуту, документальныхъ доказательствъ, но онъ не вѣ-

рить въ существованіе приказа и думаетъ, что даетъ основательное опроверженіе.

„Надѣюсь быть у васъ во вторникъ въ три часа.

Вашъ искренно Гладстонъ“.

„Вы, не правда ли, того мнѣнія, что генераль Горловъ разрѣшить подѣ статьей—подписать его фамилію? Попытаюсь удержать Вашъ пакетъ до послѣ завтра“.

Черезъ два дня онъ пишетъ опять: у него было тяжелое воскресное дѣло: окончаніе статьи для „Contemporary Review“ о русскихъ дѣлахъ въ Туркестанѣ“, но это дѣло правды и милосердія.

„Возвращаю Вамъ рукопись генерала Горлова, которой я очень воспользовался для статьи, мною назначенной черезъ десять дней къ печати.

Англійскій языкъ меморандума генерала Горлова очень ясенъ и производитъ впечатлѣніе, онъ нуждается въ самыхъ ничтожныхъ поправкахъ формъ. Онъ долженъ бы, мнѣ кажется, быть опубликованъ подѣ его именемъ и съ его разрѣшенія. Я Вамъ говорилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ о его помѣщеніи. Я думаю, его бы приняли „Daily News“, а можетъ быть и „Times“. Я могъ бы спросить издателя „Daily News“, но думаю, было бы лучше, если бы генераль Горловъ лично отъ себя спросилъ издателя, котораго онъ считаетъ самъ болѣе подходящимъ.

„Надѣюсь привезти Вамъ оттискъ моей статьи. Полагаю, что Вы ее найдете справедливой. Я также полагаю, что Скайлеръ ошибается на счетъ приказа. Но „Pall Mall Gazette“ говоритъ, что онъ отлично знаетъ русскій языкъ. Свою статью я кончаю нападеніемъ на „Pall Mall“.

23-го октября Гладстонъ телеграфируетъ ей:

„Телеграмму получилъ, не могу противорѣчить. Очень счастливъ быть у Васъ, надѣюсь около трехъ“.

Онъ пріѣхалъ въ Euston въ четверть третьяго и отправился съ своимъ дорожнымъ мѣшкомъ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ.

Г-жа Новикова и онъ сразу окунулись въ medias res. Представилось затрудненіе въ напечатаніи письма. Генераль Горловъ былъ совершенно согласенъ подписать его; этому воспротивился графъ Шуваловъ. Безъ подписи трудно было его помѣстить, но необходимо было, чтобы оно появилось прежде, чѣмъ появится въ „Contemporary“ статья г-на Гладстона, оттиски которой онъ привезъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 23-го октября, въ которой онъ ссылается на сообщенія генерала Горлова.

Изобрѣтательность и находчивость Гладстона не обманули его. Онъ послалъ рукопись Горлова редактору „Daily News“ съ просьбой ее напечатать, сопровождая ее словами:

„Хотя это письмо анонимное, но мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, что оно происходитъ изъ весьма авторитетнаго источника“.

Г-жа Новикова также видѣлась съ редакторомъ въ своемъ отелѣ и сообщила ему, что Гладстонъ очень заинтересованъ письмомъ генерала Горлова.

Въ оттискахъ своей статьи въ „Contemporary Review“ Гладстонъ упомянулъ о письмѣ, написанномъ Горловымъ, но, узнавъ, что этому противится Шуваловъ, онъ измѣнилъ свое выраженіе. Онъ такъ сказалъ въ защиту Кауфмана:

„Я нахожу подтвержденіе моихъ словъ въ письмѣ недавно напечатанномъ въ „Daily News“ за подписью „Русскій“ (A Russian), которое по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ одного моего друга, разрѣшено генераломъ Горловымъ, русскимъ военнымъ агентомъ въ Лондонѣ“.

„Письмо это появилось въ „Daily News“ 27-го октября, это нужно замѣтить потому, что въ этотъ день джингоистская пресса бросила тѣнь на добросовѣстность Гладстона въ этомъ дѣлѣ ¹⁾).

Теперь это старая исторія, но она интересна уже потому, съ какой силой Гладстонъ обрушился на „Pall Mall Gazette“, газету, которая въ то время, какъ я замѣтилъ однажды г-ну Гладстону, была недобросовѣстной монополіей туркофильской партіи. Заключительныя строки статьи Гладстона пробуждаютъ эхо прошедшихъ битвъ.

¹⁾ Лондонскій корреспондентъ „Glasgow News“ сказалъ: генераль Горловъ, желая отличиться, по своему честолюбію, былъ намѣренъ подписать своей фамиліей письмо, но его болѣе осторожный начальникъ, графъ Шуваловъ, запретилъ ему это. Тогда былъ уговоръ между г-жей Новиковой, г-мъ Гладстономъ и генераломъ Горловымъ, чтобы два письма были посланы въ „Daily News“, первое съ подписью Русскій (A Russian), второе съ подписью „Другой Русскій“ (another Russian), это послѣднее написано г-жей Новиковой, и чтобы Гладстонъ сослался на эти письма въ своей статьѣ, въ „Contemporary Review“, какъ на доказательство, подтверждающее его отрицаніе русскихъ жестокостей въ Туркестанѣ. Такимъ образомъ очевидно, что письма, которыя г-нъ Гладстонъ будто бы нашелъ въ „Daily News“, были въ дѣйствительности помѣщены имъ самимъ, потому что онъ опубликовалъ письмо ранѣе, чѣмъ послать его въ эту газету, и слѣдуетъ замѣтить, что „другъ“, о которомъ онъ случайно упоминаетъ, какъ о сообщавшемъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія, не кто иной, какъ г-жа Новикова, которой принадлежитъ честь обращенія г-на Гладстона, судя по дипломатическимъ сплетнямъ.

„Разоблачать жестокость хорошо, но есть другія свойства, кромѣ жестокости, которыя должны быть разоблачаемы, и между ними отъявленное мошенничество совѣтника, которому довѣряютъ или который, по его собственнымъ словамъ, отвѣтствененъ. Ложь даже съ благонамѣренной цѣлью дурна и низка. Она не вызоветъ слезъ за туркменовъ, хотя бы они были въ иномъ случаѣ заслуженными: она имѣетъ цѣлью сѣять раздоръ съ рискомъ кровопролитія, и цѣль, какъ и средство, стоятъ одна другою“.

„Статья, писалъ Гладстонъ, можетъ надѣлать много шума, ибо рѣдко случается, чтобъ газету обвиняли, какъ я это дѣлаю, въ прямомъ мошенничествѣ и лжи“.

30-го октября Гладстонъ писалъ: „Прощайте, и да поможетъ Богъ въ каждомъ усилии освободить Боснію, Герцоговину и Болгарію отъ турецкаго правительства. Надѣяться на это составляетъ желаніе и молитву народа этой страны“.

3-го ноября Гладстонъ писалъ:

„Вы прочтете отвѣтъ мнѣ „Pall Mall Gazette“. По моему мнѣнію онъ только увеличиваетъ ея позоръ.“

„Меня обвиняютъ въ томъ, что я слишкомъ преданъ Россіи, но это невѣрно, я ей завидую, потому что вся честь освободительной работы предоставлена вамъ. Я чувствую себя униженнымъ, потому что наши лондонскія газеты, или большинство ихъ, довольствуются тѣмъ, что лаютъ и ворчатъ на васъ, какъ дворняжки на прохожаго по улицѣ, не смѣя даже его укусить за пятку.“

„Это мнѣ больно. Это для моего вкуса самый горькій плодъ дизраелизма“.

Черезъ три дня онъ пишетъ:

„Я былъ очень доволенъ ругательнымъ отвѣтомъ „Pall Mall Gazette“. Они меня обвиняютъ въ упущеніи не факта, а просто мнѣнія Скайлера, которое, собственно говоря, очень нелѣпо“.

Этотъ случай интересенъ тѣмъ, что онъ побудилъ Ольгу Алексѣвну написать первое письмо въ англійскую газету. Оно было адресовано въ „Daily News“ (Ежедневныя Новости) по поводу анонимнаго письма генерала Горлова. Прежде чѣмъ его отправить, Ольга Алексѣвна послала его Гладстону. Онъ возвратилъ ей письмо съ замѣчаніемъ:

„Не нахожу никакого возраженія противъ Вашего письма, которое возвращаю“.

Письмо было слѣдующаго содержанія.

Лондонъ, 26 октября 1876 г.

„Издателю „Daily News“.

Милостивый Государь. Мало найдется русскихъ, которые не выразили бы Вамъ благодарности за напечатаніе вчерашняго письма, касающагося нѣкоторыхъ заявленій г-на Скайлера, которыя многими приводились, какъ доказательство русской жестокости.

„Сказать, или допустить, одно слово въ пользу Россіи почти геройство, имѣющее для насъ прелесть новизны.

„Но нѣкоторые читатели въ Англии, повидимому, выводятъ странныя заключенія изъ вышеозначеннаго письма. Вы можете быть будете такъ добры, что разрѣшите мнѣ нѣсколько замѣчаній по этому поводу.

„Говорятъ и повторяютъ, что если мы отрицаемъ вѣрность заявленій Скайлера относительно нашей Средне-Азіатской политики, то мы не имѣемъ права принимать за истину его отчеты о болгарскихъ жестокостяхъ.

„Совершенно вѣрно, что мы безъ всякаго колебанія приняли его донесенія, но это потому, что они вполне согласовались съ тѣмъ, что намъ уже было извѣстно о турецкихъ безчинствахъ. Если бѣ англійская печать, вмѣсто того, чтобъ ограничиваться переводомъ нелѣпныхъ пасквилей (такъ сильно порицаемыхъ общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи), сооблаговолила слѣдить за тѣмъ, что писалось во всѣхъ русскихъ газетахъ съ самаго начала славянскаго возстанія, она была бы вполне приготовлена къ разоблаченіямъ „Daily News“ и Скайлера.

„Услуга, оказанная послѣднимъ въ столь дорогомъ дѣлѣ для каждаго русскаго, дѣлаетъ весьма неприятной и даже тяжелой необходимость обратить вниманіе на нѣкоторыя его ошибки по отношенію къ намъ. Попытки сравнивать Россію съ Турціей—недостойны англійской печати.

„Россія не желаетъ покорить христіанскія княжества. Все величіе теперешняго движенія русскихъ въ защиту ихъ угнетаемыхъ братьевъ исчезла бы, если бы ихъ цѣль была матеріальная и низкая. Русскіе, сражающіеся за своихъ единовѣрцевъ, знаютъ прекрасно, что ихъ ожидаютъ только лишенія и жертвы. Если мы не можемъ имъ подражать на дѣлѣ, будемъ по крайней мѣрѣ цѣнить ихъ.

Другой Русскій“.

23-го ноября въ заключеніи длиннаго письма (см. предыдущую главу) Гладстонъ говоритъ:

„Одно слово еще, касаясь стараго спора о Туркестанѣ.

„Нельзя ли добыть въ Военномъ Министерствѣ въ Петербургѣ приказъ генерала Кауфмана, и нельзя ли добиться чего-либо отъ Громова? Скорое и хорошее объясненіе произвело бы подавляющее дѣйствіе“.

Меня поражало нетерпѣніе Гладстона на равнодушіе русскихъ властей къ клеветѣ ихъ враговъ. „Говорятъ? пусть говорятъ“— часто бываетъ девизомъ русскаго правительства.

Какъ часто я приходилъ въ ярость отъ ихъ небрежности, отъ недостатка энергіи воспользоваться случаемъ, чтобы дать врагу сильный отпоръ.

Политика была жестокая. Г-нъ Фриманъ свелъ итогъ всѣхъ пререканій, когда онъ писалъ:

„Если каждая европейская нація будетъ осуждать всякое дурное дѣло другой націи, никто не выйдетъ съ чистыми руками. Но относительно Туркестантскихъ сплетенъ, что я могу сдѣлать? Я не имѣю средствъ подтвердить, или отвергнуть, показанія Скайлера. Я могу только привести логическіе доводы. Правдивы они или ложны, они чужды настоящему вопросу“.

Г Л А В А VI.

Константинопольская конференція.

Сентъ-Джемская конференція дала лорду Солизбери дружелюбное направленіе. Руководствомъ всего положенія стало содѣйствіе Англии и Россіи въ сдерживаніи турокъ. По пріѣздѣ своемъ въ Константинополь лордъ Солизбери нашелъ русскаго посланника готовымъ встрѣтить его съ распростертыми объятіями.

Лордъ Солизбери выѣхалъ въ Турцію съ разными предубѣжденіями и подозрѣніями относительно генерала Игнатьева. За нѣсколько мѣсяцевъ до его отъѣзда каждая почти газета въ Лондонѣ была наполнена жестокими извѣтами на русскаго посланника. Лордъ Солизбери получилъ понятіе о генералѣ Игнатьевѣ, какъ о настоящемъ Макиавели, который будетъ главнымъ его противникомъ на конференціи. Но какъ только онъ пріѣхалъ въ Константинополь и увидалъ Игнатьева, его подозрѣнія разсѣялись, и онъ вошелъ въ самыя искреннія отношенія съ человекомъ, противъ котораго онъ предполагалъ стать во враждебныя.

По словамъ генерала Игнатьева, перемѣна произошла очень просто и самымъ естественнымъ образомъ. Онъ встрѣтилъ лорда Солизбери, на обѣдѣ, вскорѣ послѣ его пріѣзда, и англійскій упол-

номоченный въ разговорѣ замѣтилъ своему русскому vis-à-vis: „я слышу, что вы ужасный человекъ, что у васъ множество шпионовъ и агентовъ вездѣ на Востокѣ“. Игнатьевъ отвѣтилъ: „совершенно вѣрно, у меня много помощниковъ. Но кто они? я бы желалъ, чтобы вы поѣхали въ провинціи и сами увидали моихъ агентовъ. Наемныхъ агентовъ у меня нѣтъ; ни рубля не трачу я за помощь, но вы убѣдитесь, что каждый сражающійся за свое отечество, за свою вѣру, каждый борющійся за свободу, на этихъ земляхъ, мнѣ другъ, мой агентъ, мой помощникъ. Такихъ я имѣю тысячи—да, двадцать тысячъ, и въ нихъ моя сила. А вы поддерживаете дикость и тираннію турокъ“.

Не по вкусу это замѣчаніе было лорду Солизбери, но правота его, повидимому, задѣла его за живое. При второй встрѣчѣ генералъ Игнатьевъ замѣтилъ въ немъ все еще подозрительность и антагонизмъ.³ „Но“, сказалъ онъ: „лордъ Солизбери трудолюбивый человекъ, и я также. Когда я увидѣлъ, что онъ старается узнать истину, я далъ въ его распоряженіе всѣ мои бумаги и помогаль ему во всемъ, какъ только могъ. Не вѣрьте тому, что я говорю, я ему сказалъ, пока вы не проверите и не убѣдитесь сами, тогда вы увидите, правду ли я говорю“. Лордъ Солизбери принялъ вызовъ и результатомъ его остался доволенъ. Генералъ Игнатьевъ далъ ему меморандумъ на турецкую конституцію. Лордъ Солизбери его прочиталъ, сказалъ ему, что удовлетворенъ его правильностью, и что турки дѣйствительно лгали. Съ той поры онъ ничего не имѣлъ противъ генерала Игнатьева, когда тотъ ему сказалъ своимъ простымъ прямымъ тономъ: „теперь вы должны рѣшить, хорошій ли вы христіанинъ, или вы хорошій турокъ. Если вы рѣшили быть хорошимъ христіаниномъ, я приму вашу программу, какъ собственную и во всемъ буду честно васъ поддерживать, но если вы за турецкую тираннію, я возьму русскую программу и буду настаивать на ней всѣми силами. Это конечно будетъ несравненно хуже для турокъ. „Лордъ и лэди Солизбери были добрые христіане, на этомъ именно мы и сошлись, сказалъ мнѣ генералъ Игнатьевъ. Я зналъ прекрасно всѣ его качества и недостатки. Онъ впечатлителенъ и пылокъ, я склонилъ эти качества въ мою сторону вмѣсто того, чтобы они были противъ меня, и я успѣлъ. Но успѣлъ я потому, что я дѣйствовалъ такъ, какъ говорилъ, честно и вѣрно, поддерживая его. Я его не смѣшивалъ“, сказалъ онъ, употребляя странное выраженіе. „Я говорилъ правду и дѣйствовалъ прямо. Если вы посмотрите на протоколы конференціи, вы убѣдитесь, что я его всегда поддерживалъ. Нельзя быть болѣе умѣреннымъ, болѣе миролюбивымъ, чѣмъ былъ я. Конференція не достигла цѣли благодаря сѣру

Генри Эллиоту, Биконсфильду и Бисмарку, но никакъ не лорду Солизбери, или мнѣ“.

Во время конференціи энергичная попытка была сдѣлана, чтобъ ограничить пространство, которое надѣлялось автономными учрежденіями, сѣверомъ Балканъ. Генеральъ Игнатъевъ немедленно обратился къ лорду Солизбери и сказалъ ему: „что скажутъ въ Англіи, гдѣ возникла мысль о конференціи, въ отвѣтъ на агитацію Гладстона противъ жестокостей, совершенныхъ на югѣ Балканъ, если конференція будетъ покровительствовать болгарамъ сѣверныхъ Балканъ, которые не пострадали, и не позаботится о тѣхъ, надъ которыми происходили жестокости“? Лордъ Солизбери сейчасъ же согласился съ справедливостью этого возраженія и настаивалъ въ конференціи на распространеніи автономіи на всю территорію, занимаемую болгарами. То, что называется Великой Болгаріей Санъ-Стефано, не что иное, какъ болѣе точное и ученое опредѣленіе той площади, которую лордъ Солизбери обозначалъ Болгаріей на конференціи.

Лордъ Солизбери вмѣстѣ съ генераломъ Игнатъевымъ были творцы той Великой Болгаріи, для разрушенія которой лордъ Солизбери, годъ позже, почти ввергнулъ было Англію въ войну съ Россіей.

Дружба между генераломъ Игнатъевымъ и лордомъ Солизбери длилась непрерывно до роспуска конференціи. Впрочемъ, это преждевременно говорить. Для насъ интересъ въ Лондонѣ, а не въ Константинополѣ.

Генеральъ Черняевъ, послѣ геройскихъ усилій держать въ страхѣ турецкую армію, сбродомъ сербской милиціи, подкрѣпленнымъ четырьмя тысячами русскихъ волонтеровъ, пріѣхалъ въ Лондонъ въ декабрѣ. Онъ жилъ въ той же гостиницѣ, Саймондсъ на Brook Street, гдѣ жила Ольга Алексѣевна сдѣлавшейся главной квартирой неофициальной Россіи, на которую смотрѣла не совсѣмъ дружелюбно официальная Россія.

Генеральъ Черняевъ видѣлъ многихъ убѣжденныхъ противниковъ Турціи, но упустилъ случай съ извѣстнымъ историкомъ и славянофиломъ Фриманъ къ обоюдному ихъ сожалѣнію.

Забавный инцидентъ произошелъ во время его пребыванія въ Лондонѣ. Каррикатуристъ журнала „Ярмарка Тщеславія“ (Vanity fair) просилъ Черняева позировать; Черняевъ отказалъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ. „Негодяй имѣлъ наглость сказать мнѣ, объявилъ онъ, что онъ имѣетъ особенное желаніе, чтобъ я позировалъ, потому что лицо мое превосходно поддается каррикатурѣ! Какъ вамъ это нравится? такъ что просьба особенно была забавна“. Черняевъ

не былъ красивъ. Среди разныхъ споровъ профессоръ Тиндаль оставался безстрастнымъ, углубленный въ науку. Въ его перепискѣ не видно увлеченія ни къ славянину, ни къ турку. Но онъ былъ доволенъ успѣхомъ конференціи въ Сентъ-Джемсъ-Голъ, такъ какъ онъ думалъ, что она послужила утѣшеніемъ его другу, г-жѣ Новиковой. Хотя онъ не былъ особеннымъ врагомъ турокъ, тѣмъ не менѣе онъ устроилъ въ декабрѣ свиданіе Ольги Алексѣевны съ Несторомъ нашихъ историковъ и руссофиловъ.

9-го декабря Тиндаль поѣхалъ съ нею въ Cheyne Row, чтобы познакомить ее съ Томасомъ Карлайль. 7-го декабря Тиндаль писалъ: „племянница г-на Карлайль Miss Aitkin, которая такъ заботится о немъ, въ настоящее время, была здѣсь сегодня и сообщила мнѣ, что ваше посѣщеніе въ любой день до трехъ часовъ по полудни доставитъ большое удовольствіе ея дядѣ. Старикъ весьма любезенъ, и самъ бы поѣхалъ къ вамъ вмѣсто того, чтобы васъ приглашать, будь его здоровье крѣпче“. Это посѣщеніе было началомъ дружбы, длившейся до смерти Карлайля ¹⁾).

Г-нъ Гладстонъ возвратился въ Гоуварденъ послѣ Сентъ-Джемской конференціи. 13-го декабря онъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Послѣднія извѣстія, слышанныя мной передъ отъѣздомъ изъ Лондона, были, что турокъ станетъ на дыбы и откажется отъ всего. Независимость его несомнѣнно еле держится, какъ бы ни была неприкосновенна его территорія. Если генераль Игнатьевъ это знаетъ, а если это правда, то онъ знаетъ навѣрное, онъ остережется входить въ споръ съ лордомъ Солизбери, т. е. порвать съ нимъ прежде, чѣмъ убѣдиться въ намѣреніяхъ Порты.

„Я радъ, что существуетъ соревнованіе между ними, но мнѣ не нравится слухъ, что Англія хочетъ предложить отсрочку для выполненія Портою реформъ съ тѣмъ, чтобъ могло быть вмѣша-

¹⁾ Наканунѣ конференціи въ Сентъ-Джемсъ-Голъ Карлайль писалъ: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ я имѣлъ ясное убѣжденіе, что русскіе были и есть добрый и даже благородный элементъ въ Европѣ. Съ минуты появленія у нихъ Петра они стали преуспѣвать въ развитіи. Въ наше время они послужили Богу и людямъ, научая порядку и миру всѣ анархическіе народы въ ихъ сосѣдствѣ. Нынѣ царствующаго императора Россіи я считаю необыкновенно честнымъ и справедливымъ человѣкомъ, словомъ, я имѣю увѣренность, что русскимъ предстоитъ совершить великія дѣла въ мірѣ и быть очевиднымъ благомъ для ближнихъ прямымъ или косвеннымъ путемъ. Въ 1876 г. онъ сказалъ съ характерной силой: газетные возгласы противъ Россіи не важнѣе для меня, чѣмъ крики въ Бедламѣ, такъ какъ они происходятъ отъ глубокаго невѣжества, эгоизма и жалкой національной зависти.

тельство, если это потребуется. Это предложеніе, по-моему, было бы нелѣпо.

„Епископъ Штросмейеръ пишетъ мнѣ опять. Онъ всецѣло за автономію, какъ единственное удовлетворяющее соглашеніе. Въ этомъ я съ нимъ согласенъ вполне и думаю, что хотя иностранная оккупация можетъ быть нужной мѣрой, это будетъ только шагъ и неудобный шагъ для пути.

„Россия имѣетъ полное основаніе дѣлать существенныя предложенія. Если она ихъ не будетъ дѣлать, можно подумать, что ея политика не въ освобожденіи дѣйствительно христіанъ, а въ томъ, чтобъ поддерживать раздраженіе между ними и Портой, а себѣ оставить открытую дверь для вмѣшательства, когда ей вздумается.

„Пошли, Господи, побѣду правому дѣлу!“

Гладстонъ никогда ничего не дѣлалъ на половину. Мы видимъ въ этомъ письмѣ, что онъ побуждаетъ Россію настаивать на энергичныхъ мѣрахъ. Въ томъ же письмѣ онъ касается и Туркестанскаго вопроса.

„Я это время читалъ „Поѣздка въ Хиву“ капитана Бурнаби. Правы, или виноваты ямудскіе татары, но все же я нахожу, что авторъ плохо излагаетъ свои взгляды. Будь я на мѣстѣ русскаго посланника, я бы зорко слѣдилъ за всѣми такими изданіями съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на нихъ, по мѣрѣ надобности. У насъ всегда можно отвѣтить, и эту гласность и равноправіе въ спорахъ я всегда считалъ нашимъ большимъ преимуществомъ передъ другими государствами“.

Ольга Алексѣевна немедленно отвѣтила, спрашивая, какіе рассказы въ прессѣ требовали бы отвѣта, если бъ онъ былъ русскимъ посланникомъ, Гладстонъ отвѣчалъ:

18-е декабря.

„Когда я говорилъ о строгомъ наблюденіи за англійской прессой, съ цѣлью исправленія ея ошибокъ, я не ожидалъ чести преподавать совѣты въ частности и не чувствую себя пригоднымъ для этого. Въ данномъ случаѣ, однако, я бы совѣтовалъ не обращать вниманія на лорда Джонъ Хей, если у васъ нѣтъ подлинныхъ сообщеній, или сильныхъ фактовъ въ рукахъ, которые вы бы могли предъявить со стороны черногорцевъ. Что меня касается, я думаю, что они должны быть ангелы такъ же, какъ и герои, которыми я ихъ считаю. Ясно теперь, что это злополучное турецкое владычество способно повредить всѣмъ племенамъ, съ которыми оно приходитъ въ столкновеніе. Если они останутся кроткими, какъ болгары, они потеряютъ свою бодрость и свое мужество, необходимыя условія для высокихъ достоинствъ народа.

„Жена ѣдетъ въ городъ около 26-го, собственныя мои передвиженія теперь, какъ были всю осень, не опредѣлены. Будьте увѣрены только въ томъ, что я сдѣлаю все, что отъ меня можетъ потребовать великій Восточный вопросъ. Надѣюсь застать васъ еще въ городъ.

„Я читаю Мольте—Кампанія 1829 г., Удивительно интересно“.

Такъ какъ самому Биконсфильду было ясно, что война за турка была отвергаема національнымъ чувствомъ, воинственная партія занялась любимой тактикой науськивать народное мнѣніе противъ Россіи. Набросились на Среднюю Азію, на Сибирь, на Польшу и на евреевъ. Въ декабрь 1887 г. была очередь поляковъ и уніонистовъ.

Туркофильская партія собралась демонстративно въ Страфордъ-Гаусъ въ половинѣ декабря; 22-го декабря Гладстонъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Я огорченъ и нѣсколько пристыженъ поступкомъ въ Stafford House'ѣ... Я всегда говорилъ вамъ, многіе изъ нашихъ важныхъ, богатыхъ людей не правы въ этомъ дѣлѣ, какъ всегда они бываютъ, но сама нація права.

„Дама, католичка, одна изъ моихъ друзей, огорчена тѣмъ, что я ничего не сказалъ о русскомъ образѣ дѣйствій, принуждающемъ поляковъ къ уніатству, и присылаетъ мнѣ маленькое анонимное сочиненіе: *Les Missionnaires Moscovites chez les Ruthenes-Unis* (Paris Турогр. Poloner et Joseph.), въ которомъ плачевныя повѣствованія. Знакомы ли вы съ нимъ? или можете ли мнѣ сказать, гдѣ и подъ какимъ заглавіемъ можно достать русское объясненіе Польскаго вопроса. Къ чести моей пріятельницы долженъ сказать, что на Восточный вопросъ она, повидимому, смотритъ такъ же, какъ вы и я.

„Наступаетъ время, когда слѣдуетъ смотрѣть со страхомъ на начало Рождественскихъ праздниковъ въ Турціи. Завтра, какъ видно, назначенъ день появленія великаго обмана для всѣхъ, конституція, которая, надѣюсь, провалится. Да пошлетъ Богъ въ своемъ милосердіи, правотѣ и справедливости избавленіе.

Пожелать ли вамъ счастливыхъ праздниковъ? Да, тревожны они, конечно, будутъ; но вы ищете справедливости, надѣетесь на нее, боретесь за нее, такъ что праздники, бывъ тревожными, могутъ быть и счастливыми“.

Вопросъ о преслѣдованіи уніатовъ задѣлъ за живое Ольгу Алексѣевну. Брошюра показала ей католическимъ пасквилемъ, и она это сказала съ присущей ей горячностью. Но Гладстонъ, зорко слѣдя за всякой попыткой чернить Россію, возвращается ко дню Рождества.

„Я вполне раздѣляю ваше впечатлѣніе о католическомъ партизанствѣ и нахожу, что тамъ, гдѣ оно есть, оно существуетъ къ величайшему вреду. Но, конечно, было бы большой ошибкой не замѣчать фактовъ, вмѣсто того, чтобы ихъ обнаруживать и опровергать.

„Въ то же время я далекъ отъ мысли, что вы какъ бы то ни было должны предпринять такую обязанность. Также мои взгляды на Восточный вопросъ не руководимы отношеніемъ къ какому-нибудь спорному дѣлу въ Туркестанѣ, Польшѣ или другомъ мѣстѣ. Когда я спрашивалъ, можете ли вы мнѣ доставить объясненіе съ русской стороны это было по старой привычкѣ мысли, особенно необходимой для политика, заставляющей его желать выслушать обѣ стороны, когда ихъ двѣ. Это желаніе положительно вызвано у меня со времени моего послѣдняго письма. Я получилъ отъ анонимной дамы эту черную книгу, о которой вы, мнѣ кажется, какъ-то упоминали. Вступительное изложеніе въ ней произвело на меня отталкивающее впечатлѣніе, потому что оно обращено къ британскому эгоизму и написано въ туркофильскомъ или анти-русскомъ духѣ, но оно содержитъ необыкновенно важные факты, могущіе внушить ужасъ тѣмъ, кто ихъ приметъ, и которые заслуживаютъ, по моему мнѣнію, и громко требуютъ опроверженія. Они совершенно личнаго характера касательно именъ и мѣстностей, хотя числа, я думаю, рѣдки и неясны. Вотъ на подобныя сочиненія въ англійской печати, я думаю, было бы хорошо, чтобъ обращали вниманіе агенты какой бы то ни было иностранной державы. Я могу понять, что обстоятельства Россіи въ Польшѣ допускаютъ и даже извиняютъ строгія мѣры, но я долженъ надѣяться, что девятнадцать изъ двадцати фактовъ, сказанныхъ въ Черной книгѣ, могутъ быть успѣшно отрицаемы. Я поражаюсь, какъ „Pall Mall Gazette“, которая думала произвести шумъ по поводу Юмудскаго дѣла, не ухватилась за эту книгу. Если она добивается быть замѣченной, я не удивлюсь, если она произведетъ порядочный эффектъ, прежде, чѣмъ на нее отвѣтятъ. Я увѣренъ, что вы истолкуете снисходительно все сказанное мной, а я постараюсь теперь описать мое настроеніе относительно главнаго вопроса.

„Повидимому, мы и вся Европа должны представлять рекомендаціи сообща съ вами и получить отказъ, одинаково на насъ дѣйствующій.

Поэтому мы всѣ должны удалиться, сложить руки и предоставить Россіи быть оружіемъ Европы.

„Это меня изумляетъ. Я не понимаю и не нахожу удовольствія въ этомъ удаленіи въ тѣнь. Я думаю, что Европа не имѣетъ права возлагать на Россію безраздѣльную отвѣтственность или воздавать

ей безраздѣльную честь. Мнѣ казалось поведеніе Пруссіи и Австріи, во время Крымской войны, довольно низкимъ, и мнѣ не понравится, если мы ему будемъ слѣдовать. Справедливость къ Россіи, къ туркамъ, къ раю, все требуетъ, по-моему; другого направленія.

„Жена моя будетъ очень рада видѣть васъ или получить извѣстіе. Она ѣдетъ завтра; приглашеніе дочери можетъ отнять у нея время. Повторяя самыя лучшія желанія вамъ по случаю торжественнаго наступленія Рождества, остаюсь искренно преданный

Е. Гладстонъ”.

Ольга Алексѣевна отвѣчала поздравленіемъ его съ днемъ рожденія и указывала на невозможность отвѣчать подробно на всѣ клеветы католическихъ враговъ Россіи. Гладстонъ отвѣчалъ:

Гоуарденъ, 29 декабря 1876 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я очень тронутъ вашимъ поздравленіемъ съ важнымъ событіемъ, приключающимся со мной сегодня. Годы мои промелькнули. Я надѣялся, что каждый изъ нихъ, уходя, оставитъ меня нѣсколькими ступенями далѣе отъ шума и народной борьбы. Сегодня все это не такъ: я иду назадъ, а не впередъ. Все же сожалѣть нечего, когда принимаю во вниманіе теперешнее значеніе минуты и какъ бы торжественный призывъ въ моихъ ушахъ, сдѣлать то небольшое, что въ моихъ силахъ, для моихъ собратьевъ-христіанъ на Востокъ. Я послалъ вамъ вчера „Les Missionaires Moscovites“. Не думайте, что я ихъ рекомендую, и еще разъ позвольте мнѣ сказать, что не вамъ я проповѣдую политику отвѣтовъ на важныя нападенія. Когда я увидѣлъ вашу фамилію на страницѣхъ черной книги, я оставилъ ее, просто, безъ вниманія, потому что тамъ не было никакихъ подробностей мѣста, числа или обстоятельства. Но по мѣрѣ того, какъ я продолжалъ, я не могу выразить, какъ меня поражаютъ въ этой брошюрѣ, напримѣръ, свѣдѣнія о двухъ лицахъ „Береша и Густъ“, которыя должны обратить вниманіе вашего посольства и правительства. Это рассказы, которымъ несомнѣнно повѣрятъ въ Россіи, если ихъ не опровергнуть.

„Я еще не благодарилъ васъ за предложеніе мнѣ „Россіи“ Уоллеса: позвольте подождать немного, пока я самъ приѣду въ городъ за ней, если вы находите ее стоящей чтенія. Къ сожалѣнію, у насъ много пишется дрянн на вопросы дня, вѣроятно, въ томъ расчетѣ, что, когда аппетиты разгораются отъ событій, публика не слишкомъ требовательна къ качеству пищи.“

Опять, дай намъ Богъ успѣхъ въ Константинополь и переходъ отъ придирокъ и обмана къ свѣту яснаго дня. Желаю вамъ счастливыхъ Рождества и Новаго года, когда они настанутъ.

Всегда вашъ искренно

Е. Гладстонъ.

Р. S. Говоря о хорошихъ и дурныхъ книгахъ, самая лучшая англійская книга, какую я знаю, по Восточному вопросу, это объемистый томъ Miss Juby и Miss Mackenzie подъ названіемъ: Турки, Греки, Славяне. Разказы о Сербіи въ ней очень интересны и это, что рѣдко встрѣчается, старательно написанная книга“.

Наканунѣ Рождества Ольгѣ Алексѣевнѣ писалъ Фриманъ, напоминая ей ея обѣщаніе провести Новый годъ въ Сомерлизъ и повторяя свое излюбленное слово, что Лондонъ не Англія, онъ пишетъ:

24-е декабря.

„Я именно ожидалъ бы получить письмо отъ вашего брата, но я надѣюсь, что вы ему вполне дали понять, что еврей Дизраели не есть Англія и что лондонскіе свѣтскіе круги тоже ее не представляютъ. Я, конечно, не могъ предвидѣть обмана со стороны лорда Карнарвонъ или отъ сэра Стаффордъ Норкотъ; но они унизились, сидя въ совѣтѣ нечестивыхъ, потому я полагаю, что они выполняютъ законъ, что человекъ не можетъ коснуться грязи и не запачкаться“.

Константинопольская конференція собралась въ первый разъ 23-го декабря. Въ тотъ же день была провозглашена, Митхатъ-пашей, новая Оттоманская конституція. Слѣдующія засѣданія были 28-го, 30-го декабря, 1-го января и послѣднее 15-го января. Державы представляли свои предложенія, на которыя турки возражали, потомъ предъявили собственныя контръ-предложенія. Въ концѣ концовъ въ засѣданіи 15-го января предложенія державъ свелись къ двумъ пунктамъ, какъ несокращаемый минимумъ реформъ. 1-й былъ, чтобы губернаторы, назначаемые султаномъ съ согласія покровительствующихъ державъ, были назначены въ болгарскія провинціи, въ Боснію и Герцоговину; 2-й, чтобы международная комиссія, назначенная Европой, безъ исполнительной власти, имѣла надзоръ надъ установленіемъ преобразованій въ управленіи Балканскими княжествами. Этотъ несокращаемый минимумъ единодушно требовался отъ турокъ всѣми державами Европейскаго концерта.

Рѣчь лорда Солизбери была какъ нелзя лучше желать; но турки не слушали Солизбери, они слушали Биконсфильда. Они помнили его рѣчь въ Гильдхолѣ. Ихъ постоянно увѣряли его органы

печати, что Англія никогда не приметъ участія въ принудительныхъ мѣрахъ, чтобы заставить Европу вліять на султана, и многіе самыя крикливыя биконсфильдовскіе органы объявляли, кстати и некстати, что если бы Россія попыталась заставить турокъ подчиниться волѣ Европы, она бы встрѣтила отпоръ въ британской арміи и флотѣ. Оставалось одно возможное положеніе, чтобы сильныя слова лорда Солизбери были поддержаны рѣшимостью употребить силу, чтобъ вызвать покорность. Не нужно было собирать международный крестовый походъ; нужно было, чтобы Англія совмѣстно съ Россіей заставила турокъ сказать „кирнетъ“, признавая, что воля Аллаха была безспорно очевидна въ его глазахъ. Къ несчастью совмѣстнаго понужденія Турціи Россіей съ Англіей меньше всего желалъ лордъ Биконсфильдъ! Онъ все еще жаждалъ англо-турецкаго союза, а друзья его прилежно возбуждали антирусскія чувства, на которыя онъ рассчитывалъ опереться со временемъ, чтобъ подвинуть Англію на войну съ Россіей. Турки, убѣжденные въ симпатіяхъ лорда Биконсфильда, не могли отрѣшиться отъ мысли, что въ крайности всегда могутъ рассчитывать на поддержку Англіи. Они отказались отъ несократимаго минимума конференціи, какъ несогласнаго съ неприкосновенностью, самостоятельностью и достоинствомъ имперіи. Къ этому рѣшенію пришли 18-го. 20-го конференція была распущена, и Европа стала лицомъ къ лицу съ неизбежной войной.

Легко себѣ представить, съ какимъ лихорадочнымъ интересомъ Гладстонъ и англійская нація слѣдили за событіями въ Константинополѣ. Гладстонъ опять сообщалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ свои сомнѣнія и надежды. На Новый годъ онъ писалъ:

„При чтеніи телеграммъ съ Востока я положительно прихожу въ недоумѣніе. Въ одной—угрожающій намекъ лорда Солизбери и положительный отказъ султана; въ другой—обсужденіе подробностей съ огромными планами и расположеніями и приведеніе разногласія къ минимуму. По-моему, необходимо ни на іоту не мѣняться, и я думаю, что таково мнѣніе и большинства англійскаго народа. Не сожалѣю объ уходѣ сэра Генри Елліота, если это правда“.

На слѣдующій день онъ возвращается къ тому же предмету:

Гоуарденъ, 2-е января 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Мои убѣжденія о положеніи дѣлъ не имѣютъ никакого значенія. Все же они уже извѣстны всему міру, и каждый день ихъ укрѣпляетъ.

„Всякій планъ, удерживающій власть Турціи въ предѣлахъ

географическихъ границъ, принятый какъ санкція администраціей, въ моихъ глазахъ никуда не годенъ.

„Это относится какъ до гражданскихъ властей, такъ и до силы военной или полицейской, на которую должна опираться гражданская власть для исполненія своихъ рѣшеній.

„Пока власть находится у Порты, въ гражданскихъ дѣлахъ невозможно устранить господствующее магометанское вліяніе изъ ея отношеній къ не-исламу. Довѣріе къ турецкимъ обѣщаніямъ не что иное, какъ презрѣнный фарсъ.

„Гарантія, зависящая отъ Турціи, вовсе не есть гарантія.

„Должна ли Порта имѣть какой-нибудь голосъ или вето относительно состава новыхъ властей, какъ было предположено въ Греціи первоначальнымъ протоколомъ 1826 г.—другой вопросъ, но, конечно, это не долженъ быть правящій голосъ.

„Если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, находящимся въ газетахъ (а другихъ свѣдѣній я не имѣю), полагаю, что всѣ труды цѣлаго года кончаются неудачей. Напримѣръ, постановленіе, чтобы создать пробную систему, и чтобы державы вновь собрались и рѣшили: выполнила ли Турція свои обѣщанія? Всякая исполнительная власть, оставленная въ ея рукахъ, мнѣ кажется, прямой насмѣшкой.

„Повторяю: настоящее положеніе переговоровъ мнѣ совершенно неизвѣстно, сужу по слухамъ! Вѣрьте моей искренней преданности

Гладстонъ.

Я не отрицаю, что то, что я называю насмѣшкой въ настоящее время, можетъ имѣть цѣну въ будущемъ, какъ открытая дверь, въ которую намъ придется войти.

Р. S. 2 ч пополудни. Радъ видѣть, что турецкій контръ-проектъ отстраненъ согласно сегодняшнимъ извѣстіямъ. Какое нахальство!“

Было бы полезно для общаго мира и для будущности Востока, если бы преобладали совѣты Гоуардена вмѣсто Константинопольскихъ.

Сообщено Е. С. М.

Оригинальная резолюція епископа Смоленскаго Іосифа І-го.

Въ 1821 году на Смоленскую древнѣйшую кафедру былъ назначенъ епископъ Іосифъ Величковскій. Онъ пробылъ на Смоленской кафедрѣ до 1834 года, и въ ранней молодости, полный энергіи и силъ, ушелъ на покой. Про него среди духовенства ходитъ масса рассказовъ, какъ объ архіереѣ очень умномъ и добромъ. Резолюціи свои онъ писалъ иногда стихами, оригинально и остроумно. Очень давно, пишущему эти строки, случайно въ одномъ селѣ при ревизіи архіереемъ удалось видѣть старика-помѣщика, который въ молодости своей видѣлъ этого архіерея и былъ знакомъ съ нимъ. При многочисленномъ собраніи духовенства и разныхъ гостей онъ рассказалъ, при какихъ обстоятельствахъ ушелъ на покой, молодой еще, архіерей Іосифъ І-й. На нашей кафедрѣ былъ еще и другой епископъ Іосифъ Дроздовъ съ 1874 по 1881 годъ, умершій у насъ въ Смоленскѣ.

Въ 1834 году черезъ Смоленскъ проѣзжалъ Государь Николай Павловичъ. Грознаго Государя ожидали всѣ со страхомъ. Къ приѣзду Государя долго готовился и Іосифъ. Онъ приготовилъ замѣчательную проповѣдь и хотѣлъ торжественно, съ крестнымъ ходомъ, встрѣтить Императора на площадкѣ соборсмъ со всѣмъ градскимъ духовенствомъ. Но когда Государь подъѣхалъ къ собору, вышелъ изъ коляски и, подойдя къ епископу, пристально посмотрѣлъ на него, взгляда суроваго и пронизывающаго архіерей не вынесъ. Онъ едва удержался на ногахъ, проповѣдь вылетѣла изъ головы. Не помня себя отъ страха, Іосифъ часто началъ Святою водою кропить Государя. Идя впередъ его въ соборъ, Іосифъ нѣсколько разъ оборачивался къ Государю и продолжалъ его кропить. Государь, видѣвъ себя отъ гнѣва, сказалъ Іосифу: „что Вы, Владыко, бѣсовъ изъ меня выгоняете, видно? Вы совсѣмъ облили мнѣ мундиръ!“ Въ тотъ же день Государь уволилъ его на покой и назначилъ ему жить въ Кіевѣ въ Лаврѣ. При прощаніи съ Смоль-

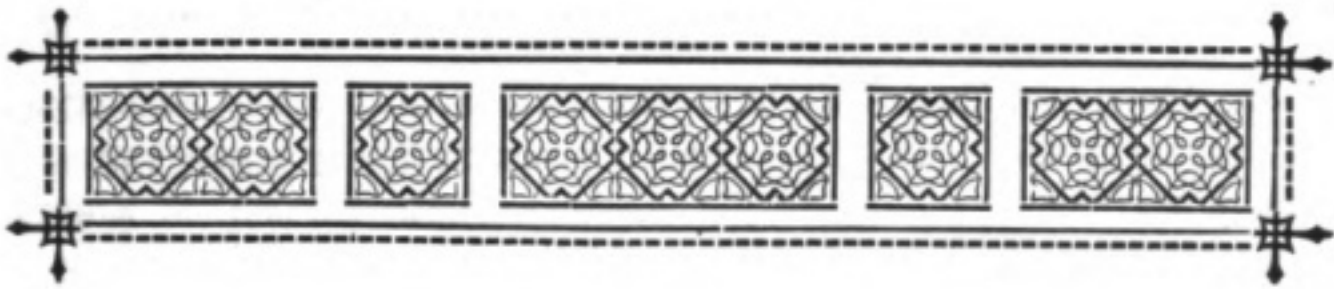
янами Іосифъ сказалъ прощальную рѣчь, которая была настолько задушевна и сказана съ такимъ сильнымъ чувствомъ, что всѣ бывшіе при прощаніи въ соборѣ плакали навзрыдъ.

Про резолюціи этого умнаго архіерея среди духовенства Смоленской епархіи ходитъ, какъ я сказалъ ранѣе, много разсказовъ, нѣкоторые изъ нихъ я слышалъ отъ моего тестя протоіерея, глубокаго старика, бывшаго священникомъ 48 лѣтъ. Тестъ его тоже, сельскій священникъ, былъ рукоположенъ самимъ Іосифомъ. Такъ что резолюціи Іосифа были въ средѣ духовенства того времени еще въ памяти.

Въ селѣ Покровѣ, Порѣчскаго уѣзда, Смоленской епархіи, былъ очень многочисленный причтъ, семь священниковъ, три діакона и 8 псаломщиковъ. Среди причта такого были частыя ссоры, жаловались священники одинъ на другого и на своихъ подчиненныхъ діаконѣ и псаломщиковъ. Приходилось и самому архіерею разбирать ихъ жалобы. Наконецъ надоѣли они больно своими бляузами архіерею, и онъ положилъ такую резолюцію: „Семь поповъ, одинъ Покровъ, берегите, чтобъ онъ отъ васъ всѣхъ не ушелъ“.

Сообщ. А. Ильенковъ.

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе ¹).

Предстояло представиться начальнику генеральнаго штаба генералу Мольтке.

Я и къ нему отправился съ графомъ В. П. Голенищевымъ-Кутузовымъ, рассказывалъ Мих. Ив. — Кромѣ того, что Вас. Павл., для соблюденія этикета, надо было самому, послѣ долгаго отсутствія, повидать главу военнаго міра, — онъ прямо подогналъ свое посѣщеніе ко дню моего визита; сдѣлалъ онъ это изъ любезности ко мнѣ, что явилось для меня какъ нельзя болѣе кстати во всѣхъ отношеніяхъ.

* * *

Помѣщеніе, которое занималъ во время служебныхъ занятій генераль Мольтке, находилось въ верхнемъ этажѣ большого казеннаго зданія и состояло изъ двухъ очень обширныхъ залъ одинаковой величины — пріемной и собственнаго его кабинета.

Въ пріемной, кромѣ трехъ дюжинъ простыхъ старинныхъ съ мягкимъ сидѣньемъ стульевъ не было ничего. Адъютантъ, — обычнаго типа очень подтянутый и кордонный молодой офицеръ, поздоровавшись съ Кутузовымъ, познакомился со мной и отправился доложить генералу о нашемъ приходѣ.

Минуты три мы посидѣли; адъютантъ не возвращался.

„Что онъ такъ долго, забурчалъ Кутузовъ; это совсѣмъ не похоже на старика; всегда онъ такъ скоро, безъ задержки, принимаетъ.

¹) См. „Русская Старина“ май 1910 г.

На замѣчаніе Мих. Ив—ча о томъ, что нельзя сразу оторваться отъ важнаго дѣла, графъ поторопился рассказать, что особо важныхъ дѣлъ у Мольтке не бываетъ; все, чѣмъ онъ когда-либо занятъ, въ одинаковой степени важно; оторваться же отъ какихъ бы то ни было занятій, во всякую минуту,—ему совершенно ни по чемъ; этою рѣдкою способностью онъ славится: на чемъ бы его ни перебили, онъ спокойно оторвется, а потомъ такъ же спокойно продолжаетъ прерванное; было это за нимъ замѣчено въ его молодости, съ приближеніемъ старости развивалось, а теперь замѣчается еще рѣзче.

Способность, по-истинѣ рѣдкая и завидная, говорилъ Мих. Ив.; Наполеонъ, со своей запальчивой нетерпѣливостью, этимъ даромъ не обладалъ;—отвлеченный на полудѣлъ, онъ терялъ нить и потомъ долженъ былъ опять искать ее съ самаго начала.

— На-дняхъ я вскользь упомянулъ вамъ, продолжалъ рассказывать Голенищевъ-Кутузовъ, что Бисмаркъ навѣрное никому ничего изъ задуманнаго имъ въ отношеніи Австріи не повѣдалъ; казалось, нельзя было не подѣлиться этимъ съ Мольтке;—возможно ли о такомъ дѣлѣ, о такихъ планахъ не сообщить тому, у кого въ рукахъ находятся всѣ пружины механизма вооруженія арміи, кому всецѣло переданы вооруженныя силы страны! Но врядъ ли Бисмаркъ въ этомъ дѣлѣ посмотрѣлъ на Мольтке, какъ на исключеніе: зная близко всѣ обстоятельства, онъ также твердо зналъ, что готовность силъ, находящихся въ рукахъ этого геніальнаго хозяина арміи, во всякое время обезпечена и, будетъ ли Мольтке знать о предстоящей войнѣ за три недѣли или за три мѣсяца,—для успѣшности вооруженія это не представляетъ никакой разницы. „Суровый кудесникъ всегда одинаково готовится и потому во всякое время вполне готовъ“...

При этой фразѣ дверь изъ кабинета отворилась и къ намъ спокойно вышелъ „кудесникъ“.

Оказалось, какъ послѣ мы узнали, въ самую минуту доклада адъютанта о насъ, у генерала обильно хлынула кровь изъ носа; лишь эта случайность явилась причиной того, что мы были приняты не сразу.

Поздоровавшись съ нами совершенно просто, Мольтке провелъ насъ въ кабинетъ; все убранство его составляли шесть такихъ же стульевъ и четыре громадной величины письменныхъ стола, заваленныхъ книгами, бумагами и раскрытыми картами; въ обѣихъ комнатахъ по угламъ была составлена масса свернутыхъ картъ.

Болѣе получаса бесѣдовалъ съ нами угрюмый старикъ, пронизывая насъ своимъ свѣтлымъ взоромъ.

Поражала необыкновенная свѣжесть вида старика и моложа-

вость: ему шелъ 67-й годъ, но нельзя было подумать, чтобы года его перевалили даже за пятый десятокъ ¹⁾).

Если на Мих. Ив. Драгомирова графъ Бисмаркъ, при первомъ знакомствѣ, произвелъ большое впечатлѣніе, то, по собственному его признанію, послѣ перваго своего визита къ Мольтке онъ остался рѣшительно подъ обаяніемъ этого „военнаго мудреца“.

* * *

За все время бесѣды, старикъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о необыкновенныхъ заботахъ и трудахъ, которыми несомнѣнно былъ обремененъ тогда по случаю предстоявшаго новаго испытанія его генія; войны какъ будто не ожидалось.

Поговоривъ коротко съ В. М. Кутузовымъ объ его побѣдѣ, „мудрецъ-кудесникъ“ перешелъ на разговоръ объ условіяхъ военной жизни, о войскахъ вообще и объ русской арміи въ особенности; онъ хвалилъ стойкость и закаленность нашихъ войскъ, хорошій, ровный составъ ихъ и добрыя отношенія между офицерами и солдатами; по поводу стойкости и выносливости онъ прямо говорилъ, что ни одна армія въ мірѣ не имѣетъ возможности похвалиться чѣмъ-либо похожимъ на то, что составляетъ въ этомъ отношеніи выработанную, безспорную и крайне завидную принадлежность арміи русскаго Царя.

Затѣмъ, коснувшись въ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразахъ постороннихъ предметовъ, онъ предложилъ гостямъ получить и тутъ же вручилъ имъ по два экземпляра детальныхъ крупнаго масштаба картъ Австрійской имперіи.—Пока они тутъ же завертывали этотъ благопріобрѣтенный, очень цѣнный багажъ, Мольтке, серьезно и убѣжденно, видимо съ полнымъ отсутствіемъ желанія угощать пустыми комплиментами, сказалъ: „у васъ въ Россіи съ особой тщательностью издаются военные карты и планы; заботы русскаго военнаго министра генерала Милютина объ этомъ предметѣ увѣнчали дѣло большимъ успѣхомъ; его можно поздравить; изготовленіе картъ, этого драгоцѣннаго предмета, помогающаго движеніямъ арміи— вещь далеко не простая и не легкая; это не то что нарисовать портретъ мусульманской женщины, слегка улыбнулся Мольтке,—единственный разъ за все время своего съ ними разговора. „Я вообще съ особымъ удовольствіемъ читаю карты, издаваемые вашимъ топографическимъ депо и картографическимъ заведеніемъ. На картографію должно быть всегда обращено самое серьезное вниманіе: это одно изъ самыхъ важныхъ подспорій для войскъ;

¹⁾ Гелльмутъ Мольтке родился въ самомъ началѣ 1800 г.

безъ нихъ передвиженіе немислимо; карта представляетъ собою во время военныхъ дѣйствій проводника войскъ и часто, по мѣстнымъ условіямъ, единственнаго; кто такимъ образомъ запасается лучшимъ и наиболѣе вѣрнымъ „колонновожатымъ“, тотъ, тѣмъ самымъ,—при умѣломъ съ нимъ обращеніи,—въ большой мѣрѣ обезпечиваетъ себѣ громадную долю успѣха въ борьбѣ съ врагомъ“, сказалъ Мольтке, прощаясь и выйдя изъ кабинета для того, чтобы проводить гостей черезъ всю ширь громадной пріемной.

Никогда я не представлялъ себѣ, чтобы этотъ старикъ могъ столько наговорить; ко всему тому, чѣмъ онъ славится, надо прибавить и поставить на первомъ планѣ его необычайную, какую-то сверхъестественную, молчаливость, торопливо рассказывалъ гр. Голенищевъ-Кутузовъ Мих. Ив—чу, въ то время когда они, вполне довольные своимъ визитомъ, спускались съ лѣстницы; вѣдь про него говорятъ, что онъ постоянно, неизмѣнно и прекрасно „молчитъ на семи языкахъ“; вѣроятно, при всемъ своемъ чудовищномъ спокойствіи, старикъ эти дни волнуется... Географическія же карты, продолжалъ гр. Кутузовъ, составляютъ самую большую слабость старика; съ большимъ рвеніемъ онъ, состоя еще въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, занимался съемками во время своего долговременнаго пребыванія въ Турціи при султанѣ Махмудѣ въ тридцатыхъ годахъ; тогда имъ лично была превосходно снята чуть ли не вся территорія владѣній падишаха. А какъ только ему въ Пруссіи пришлось твердой ногой стать близко къ высшему военному управленію, онъ тотчасъ же сталъ усиленно развивать и широко развить эту важную отрасль — военно-временнаго снабженія войсковыхъ частей и штабовъ необходимыми картами и планами предстоявшей и даже только вѣроятной для военныхъ дѣйствій мѣстности.

По поводу своего визита къ Мольтке Мих. Ив. рассказывалъ, что какъ военнаго ученаго, а также какъ стратега онъ его хорошо зналъ и изъ его сочиненій и изъ множества статей о немъ; но какъ съ человѣкомъ былъ очень мало съ нимъ знакомъ, и въ это первое свиданіе съ нимъ крайне имъ заинтересовался; мало случалось вообще встрѣчать такихъ даровитыхъ людей, говорилъ Мих. Ив. Бросалось въ глаза, что Бисмаркъ во всемъ беретъ волей, энергіей, Мольтке же рѣшительно на все налагаетъ печать своего ума,—яснаго, обширнаго и разносторонняго; этимъ, изъ ряду выходящимъ, умомъ онъ все порабощаетъ.

Черезъ нѣсколько дней гр. Голенищевъ-Кутузовъ привезъ Мих. Ив—чу мелкія записки, которыя Мольтке, будучи капитаномъ генеральнаго штаба, велъ въ видѣ писемъ во время своего пребы-

ванія въ Турціи; прежде они Мих. Ив—чу попадались на глаза, но до той поры ему не довелось прочесть ихъ ¹⁾).

* * *

Среди приготовленій къ выступленію въ походъ, тамъ же въ Берлинѣ, Мих. Ив. съ большимъ интересомъ, между дѣломъ, прочелъ „Письма Мольтке о событіяхъ въ Турціи за періодъ времени 1835—39 г.г.“, въ нихъ описанъ его египетскій походъ, а также его участіе въ турецкомъ походѣ въ Сербію. Кромѣ того онъ прочелъ и письма Мольтке изъ Россіи.

„На прочтеніе этихъ записокъ я не могъ тогда“, говорилъ Мих. Ив., „смотреть иначе, какъ на дѣло болѣе или менѣе серьезное; время, употребленное на знакомство съ ними, было далеко непо-
теряннымъ: записки тѣ являлись какъ бы автобіографіей человѣка очень крупныхъ дарованій, онѣ дали мнѣ случай близко познать его; такимъ образомъ довелось ближе изучить характеръ и нравъ не только большого человѣка вообще, но и главнѣйшаго дѣя-
теля, съ которымъ предстояло непосредственно сноситься въ такой важный для него и для Европы историческій моментъ. Я остался навсегда очень благодарнымъ графу Голенищеву-Кутузову

¹⁾ Известно, что Мольтке въ ранней молодости проявилъ большую страсть къ путешествіямъ; въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, разъѣжая по востоку и знакомясь въ подробностяхъ съ мусульманскими странами, онъ однажды въ Константинополѣ былъ поставленъ въ крайнюю необходимость представиться самымъ высшимъ турецкимъ властямъ. Султанъ очень заинтересовался имъ, полюбилъ его и оцѣнилъ его способности — большая честь Махмуду, говорилъ Мих. Ив. по поводу этого. Затѣмъ обстоятельства сложились такъ, что Мольтке взялъ очень продолжительный отпускъ именно въ Турцію и, съ разрѣшенія короля, занялся, кромѣ изученія страны, еще и переформированіемъ (вѣрнѣе сформированіемъ) оттоманскихъ войскъ. Всегда, а въ особенности въ тѣ времена, прусское правительство поощряло такія поѣздки своихъ офицеровъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, говаривалъ Мих. Ив., въ томъ, что всѣ богатые дарованія, коими былъ одаренъ Мольтке отъ природы, развились въ немъ наиболѣе счастливо подъ вліяніемъ этой его самостоятельной дѣятельности, происходившей при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и наиболѣе подходящихъ къ тому обстоятельствахъ. Въ 1834 году Мольтке уѣхалъ изъ Пруссіи; съ 1835 по 1839, до смерти султана Махмуда, онъ, при его поддержкѣ и подъ его покровительствомъ, проработалъ и, если своей работой принесъ какую-нибудь пользу османлисамъ, то, во всякомъ случаѣ, большую себѣ и громадную самой Пруссіи, такъ какъ всѣ свои способности, развитыя еще болѣе этой сложной и поучительной работой, а также нажитыя ею знанія, онъ всецѣло положилъ на алтарь своего отечества, — въ этомъ дѣлѣ оно получило отъ него сторицею.

за то, что онъ такъ кстати доставилъ мнѣ къ этому возможность,— именно въ то время“.

„Не разъ тогда приходило мнѣ въ голову“, говорилъ Мих. Ив., „что любезный графъ сдѣлалъ это именно потому, что замѣтилъ всю глубину впечатлѣнія, произведеннаго на меня великимъ умомъ. Кромѣ того, удивленный небывалою разговорчивостью старика, гр. Голенищевъ-Кутузовъ былъ совершенно пораженъ его шуткой—такая это была рѣдкость въ особенности въ тѣ его годы! Перечитывая записки Мольтке, Мих. Ив. нашелъ въ нихъ съ отмѣткой Кутузова то мѣсто, которымъ выясняется смыслъ шутки, вызвавшей во время ихъ бесѣды единственную улыбку на суровомъ лицѣ старика: дѣло крылось въ стародавнихъ воспоминаніяхъ его.

На страницахъ „Писемъ о событіяхъ въ Турціи“ Мольтке, тогда еще сравнительно молодой человѣкъ, описывая производившіяся имъ съемки въ Константинополѣ въ декабрѣ 1836 года во время свирѣпствовавшей тамъ чумы, видимо пришелъ въ веселое настроеніе и, между прочимъ, въ игривомъ тонѣ разсказалъ объ отношеніи турецкаго населенія къ этимъ съемкамъ.

„Ни въ какой другой столицѣ“, говорятъ онъ въ своихъ запискахъ, „я не могъ бы работать такъ безпрепятственно, какъ здѣсь. Турки спокойно проходили мимо и при этомъ какъ будто бы говорили: мы въ этомъ ничего не понимаемъ. Нерѣдко меня съ моимъ землемѣрнымъ столикомъ принимали за „маалибиджи“, т. е. за разносчика сладостей съ его бѣлымъ подносомъ, вслѣдствіе чего уличные ребятишки заискивали моего расположенія. Болѣе всего любопытными въ Турціи оказываются женщины. Имъ во что бы то ни стало хотѣлось знать, что именно я рисую на бумагѣ, зачѣмъ это нужно падишаху, говорю ли я по-турецки или по крайней мѣрѣ по-гречески и т. д. Такъ какъ мои тѣлохранители отрицали это, то онѣ смотрѣли на меня, какъ на полудикаго, съ которымъ можно объясняться только знаками. Необыкновенное удовольствіе имъ доставляетъ, когда ихъ срисовываютъ, вѣроятно потому, что это воспрещено. Ничего не можетъ быть легче, какъ рисовать ихъ: большое бѣлое покрывало, изъ котораго выглядываютъ два глаза, кончикъ носа и широкія, сходящіяся брови. Представленіе подобной литографіи любой изъ этихъ любопытныхъ дамъ, какъ ея портретъ, было ей очень пріятно, она конечно находила его схожимъ“ ¹⁾.

¹⁾ См. „Письма о событіяхъ и приключеніяхъ въ Турціи отъ 1835 до 1839 г.г.“ Гельмута Мольтке, капитана генеральнаго штаба, нынѣ генеральфельдмаршала. Сибургъ 1877 года (Типографія Тренке и Фюсно, Максимилиановскій переулокъ № 15).

Вотъ какой эпизодъ, очевидно, вспомнилъ изъ своей молодости Мольтке, подшутивъ въ разговорѣ о географическихъ картахъ. Трудно вообразить, что это когда-то продѣлывалъ солидный капитанъ генеральнаго штаба Мольтке, а еще труднѣе себѣ представить, что это вспоминалъ и этимъ шутилъ въ серьезнѣйшія минуты своей жизни суровый, стоявшій во главѣ прусской арміи, стратегъ, не имѣвшій, казалось, рѣшительно ничего общаго съ чѣмъ-нибудь похожимъ на желаніе и умѣнье шутить вообще...

„Мелкіе факты“, говаривалъ Мих. Ив. „нерѣдко глубже всего опредѣляютъ существо натуры и характеръ геніальнаго человѣка, котораго они касаются“.

* * *

Съ большими подробностями рассказывалъ М. И. впоследствии объ этихъ временахъ, а также о томъ, чего пришлось ему тогда,— въ 1866-мъ году,—наслушаться о Россіи, объ ея движеніи впередъ и предсказывавшейся тогда во всѣхъ отношеніяхъ ея будущности; съ тяжелымъ чувствомъ грусти онъ добавлялъ, что совершенно заслуженной безпристрастной похвалы, слышанной тогда изъ устъ великаго Мольтке, мы уже давно перестали быть достойными. Во всѣхъ мелочахъ мы умудряемся падать; такъ, между прочимъ, не говоря о томъ, что самое искусство производства географическихъ картъ у насъ упало,—не стараемся мы и вообще создавать раіоновъ картъ крайне для насъ необходимыхъ, не стремимся поддержать блеснувшую въ нашей репутаціи, хотя бы въ этомъ дѣлѣ, свѣтлую линію.

М. И. Драгомировъ хорошо помнилъ то время, когда генеральнаго штаба подполковникъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ завѣдывалъ съемками въ военной академіи и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; осматривая и провѣряя топографическія работы въ Петергофскомъ кадетскомъ лагерѣ, онъ занимался этимъ необыкновенно ретиво и очень умѣло пріохочивалъ юныхъ учениковъ своихъ къ дѣлу¹⁾. Въ совершенствѣ понимая и цѣня важное значеніе точныхъ географическихъ картъ для военнаго времени, Дм. Алекс. всегда неустанно прилагалъ свои старанія къ тому, чтобы постановку картографическаго дѣла у насъ поднять во всѣхъ отношеніяхъ на наибольшую высоту; слѣды его трудовъ по этой части были видны за

¹⁾ Это было въ 1845 и 46 г.г., когда Драгомировъ состоялъ въ числѣ питомцевъ Дворянскаго полка. Тогда въ Петергофъ собирались на лѣтнее время въ лагерь: 1-й, 2-й и Павловскій кадетскіе корпуса, Дворянскій полкъ, Пажескій корпусъ, школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Никол. кавал. училище), Николаевское инженерное училище и Михайловское артиллерійское училище.

время бытности его на разныхъ ступеняхъ службы; въ особенности же онъ преуспѣвалъ въ этомъ, будучи всеильнымъ начальникомъ штаба Кавказской арміи при главнокомандующемъ князѣ Александрѣ Ивановичѣ Барятинскомъ,—героѣ покоренія Кавказа и плѣненія Шамиля съ его легіонами фанатиковъ мюридовъ, а затѣмъ еще больше въ должности военного министра; вѣрная и безпристрастная оцѣнка этихъ трудовъ со стороны такого авторитета, какимъ навсегда останется Мольтке, являлась для него несомнѣнно весьма лестною.

Генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій, въ бытность военнымъ министромъ, по словамъ Мих. Ив-ча, также прилагалъ немало заботъ о томъ, чтобы это дѣло, по крайней мѣрѣ, не могло заглухнуть, и мы долго еще, послѣ ухода графа Милютина съ поста военного министра, могли считать себя въ этомъ отношеніи богатыми.

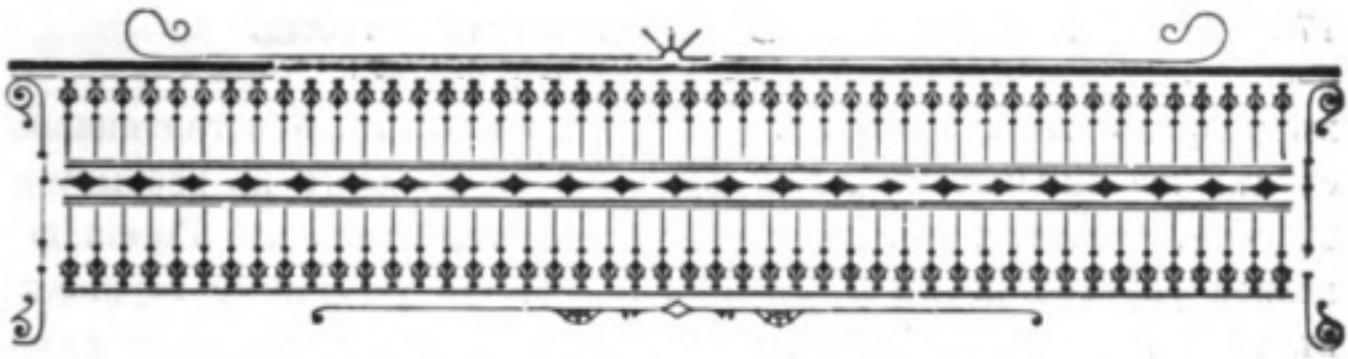
Трудно сказать, когда именно начали мы свое паденіе по части дѣла изданія картъ, но мы дошли до него, и можно себѣ представить, какъ къ этому отнеслись и какъ разсуждали съ теченіемъ времени о насъ, отдававшіе намъ справедливость, такіе цѣнители нашего искусства, каковы фельдмаршалъ графъ Мольтке и его сподвижники,—когда видѣли, что мы не сумѣли долго удержаться на должной высотѣ въ этомъ первостепенной важности дѣлѣ, а параллельно и въ другихъ. Въ печальнѣйшемъ своемъ положеніи опустились мы на столько, что отважились начать и вести одну изъ серьезнѣйшихъ войнъ, не имѣя картъ той невѣдомой страны, въ которой пришлось намъ проливать въ изобиліи дорогую кровь сыновъ Руси-Матушки. Съ какимъ-то непонятнымъ и, можно сказать, дерзкимъ равнодушіемъ мы рѣшились вступить въ предѣлы Манчжуріи, безъ наличности того самаго „колонновожатаго“, о крайней необходимости котораго дружески, но серьезно, предостерегалъ „чужой страны геніальный фельдмаршалъ“, въ свое время, быть можетъ, въ душѣ завидовавшій постановкѣ у насъ дѣла изготовленія этихъ нѣмыхъ, но много говорящихъ, безконечно необходимыхъ „проводниковъ“.

Такъ, со слезами на глазахъ, высказывался въ послѣдніе годы своей жизни М. И. Драгомировъ, уже почти на смертномъ одрѣ слѣдя за ходомъ злосчастнѣйшей для насъ войны,—Японской...

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ I и Восточная политика Россіи ¹⁾.

(Окончаніе).

Въ заключеніемъ Бухарестскаго мира политическое положеніе Россіи значительно упрочилось. Приобрѣтеніе Бессарабіи и обусловленное этимъ господство надъ устьями Дуная, упроченіе русскаго вліянія въ Молдавіи и Валахіи, богатая приобрѣтенія, сдѣланныя Россіей на Кавказѣ, и, наконецъ, признанное этимъ договоромъ за Россіей право покровительствовать христіанскимъ подданнымъ Турціи—все это возбуждало радужныя надежды на будущее, а въ данный моментъ, русское правительство получило возможность употребить для борьбы съ Наполеономъ войска, стоявшія у турецкой границы, но у него не было увѣренности въ томъ, будетъ ли Турція соблюдать строгій нейтралитетъ въ случаѣ, если побѣда склонится на сторону Наполеона. Дѣйствительно, былъ моментъ, когда султанъ, гордость котораго была уязвлена Бухарестскимъ миромъ, былъ готовъ ринуться въ новую войну съ Россіей: осенью 1812 г. французскій посланникъ въ Константинополь, графъ Андреосси, былъ увѣренъ, что война будетъ объявлена и что его цѣль будетъ достигнута, но извѣстіе объ отступленіи Наполеона изъ Москвы разрушило его планы.

Послѣдовавшія за этимъ событія первостепенной важности, окончившіяся паденіемъ Наполеона, преисполнили Порту радостью. Наконецъ палъ человекъ, передъ которымъ она такъ долго трепетала и дальнѣйшіе планы котораго угрожали ея существованію; но ея радость омрачалась возраставшимъ могуществомъ Россіи. Уже

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1909 г.

въ февралѣ мѣсяцѣ 1814 г. распространился въ Константинополь слухъ, что императоръ Александръ ищетъ предлога къ разрыву съ Турціей. Опасенія эти поддерживались извѣстіями, что Россія возводила укрѣпленія въ Бессарабіи и держала усиленные гарнизоны въ тѣхъ городахъ Азии, которые Турція все еще у нея оспаривала. Опасенія Порты оказались въ данномъ случаѣ неосновательны; Россія не желала въ то время войны съ Турціей, которая была бы для нея обременительна; она только хотѣла упрочить за собою пріобрѣтенія, доставшіяся ей по Бухарестскому миру.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Турціи въ этихъ обстоятельствахъ служило отношеніе въ ней Австріи. Меттернихъ поручилъ австрійскому посланнику передать султану, что онъ и въ умѣ не имѣлъ вмѣсто одной опасности создавать другую и сократить могущество Франціи для того только, чтобы замѣнить его вліяніемъ Россіи, и что онъ болѣе чѣмъ когда-либо смотритъ на Порту, какъ на одинъ изъ существенныхъ элементовъ, необходимыхъ для поддержанія равновѣсія Европы.

Въ тотъ критическій моментъ, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, для союзныхъ державъ было въ высшей степени важно, чтобы Турція не создала имъ затрудненій, поэтому препровождая ей декларацію, подписанную ими 13 марта 1815 г., державы выразили надежду, что Порта раздѣляетъ изложенные въ ней взгляды и присоединяется къ нимъ, т. е. что турецкое правительство не приметъ уполномоченныхъ Наполеона и не допуститъ въ свои воды судовъ, плавающихъ подъ его флагомъ.

Султанъ оправдалъ возложенныя на него надежды. Когда французскій посланникъ Руфинъ поднялъ на зданіи французскаго посольства трехцвѣтный флагъ и велѣлъ прибить вмѣсто королевскаго герба—гербу Наполеона, было приказано отобрать отъ него стражу, состоявшую изъ семи янычаръ, и удалить гербу Наполеона. Порта прекратила всякія дѣловыя сношенія съ Руфиномъ и передала всѣ дѣла секретарю посольства Девалю, который остался вѣренъ своимъ роялистскимъ взглядамъ; агентъ Наполеона, Жуберъ, вынужденъ былъ выѣхать изъ Константинополя. Желаніе союзныхъ монарховъ исполнилось, но до чего они боялись, что Порта будетъ дѣйствовать въ иномъ духѣ, видно изъ того, что императоръ Александръ поручилъ своему посланнику, графу Италинскому, передать турецкому министерству отъ его, государя, имени, что хотя его возвращеніе въ Петербургъ и замедлилось вслѣдствіе послѣднихъ чрезвычайныхъ событій, тѣмъ не менѣе Порта должна быть твердо увѣрена, что какъ только обстоятельства дозволятъ ему вернуться въ столицу, онъ тотчасъ озаботится урегулировать вопросъ о границахъ такъ,

что Порта будетъ вполнѣ удовлетворена и не будетъ имѣть ни малѣйшаго повода къ жалобамъ. Обѣщаніе императора, конечно, не было искреннимъ да оно и не достигло цѣли, такъ какъ вслѣдствіе происковъ англійскаго посланника Листона, Порта, два дня спустя послѣ полученія этого обѣщанія, обратилась (20 мая 1815 г.) къ державамъ съ деклараціей, въ которой просила о содѣйствіи „дружественныхъ“ ей державъ, чтобы принудить Россію выполнить принятыя ею на себя обязательства.

Шагъ, сдѣланный Портою, былъ для Россіи не только неприятенъ, но послѣ сдѣланнаго ею заявленія даже оскорбителенъ. Впрочемъ, начавшееся вскорѣ возстаніе въ Сербіи и пораженіе, нанесенное Наполеону при Ватерлоо, заставили Порту понизить тонъ. Боязнь передъ Россіей взяла верхъ надъ всѣми остальными соображеніями, когда, вскорѣ по возвращеніи Александра въ Петербургъ (13 октября), разнесся слухъ, что императоръ готовится къ войнѣ съ Турціей. Прежде всего Порта постаралась уладить дѣла въ Сербіи: Бѣлградскій паша, Сулейманъ, жестокость котораго довела народъ до возстанія, былъ смѣненъ и назначенный на его мѣсто Ибрагимъ-паша удовлетворилъ справедливыя требованія сербовъ на столько, что въ началѣ 1816 г. спокойствіе въ Сербіи было возстановлено и въ Константинополѣ радовались тому, что у Россіи не было болѣе повода вмѣшиваться въ турецкія дѣла, какъ вдругъ одно за другимъ были получены два извѣстія, крайне встревожившія султана: въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1815 г. была признана независимость Іонической республики, подъ протекторатомъ Англіи, и въ февралѣ 1816 г. возникъ Священный Союзъ.

Послѣднее какъ громомъ поразило Порту: улемы и всѣ образованные турки воспылали гнѣвомъ къ Россіи: ихъ озлобленіе сообщилось янычарамъ. Страшный пожаръ, уничтожившій въ августѣ 1816 г. въ богатѣйшемъ кварталѣ города 1.200 домовъ и болѣе 3.000 лавокъ, былъ дѣломъ ихъ рукъ, также какъ и пожаръ, вспыхнувшій въ ночь съ 1 на 2 октября въ гаремѣ, во время котораго султану едва удалось спасти своего единственнаго четырехлѣтняго сына, а его младшая дочь съ бонной и четырьмя невольницами погибла, задохнувшись отъ дыма.

Таково было положеніе дѣлъ въ Константинополѣ, когда туда прибылъ, въ половинѣ сентября, новый русскій посланникъ, баронъ Строгановъ. На него была возложена трудная миссія: заставить Турцію уступить во всемъ требованіямъ Россіи и обезпечить ей свободу торговли на Черномъ морѣ и беспрепятственное плаваніе ея военныхъ судовъ на Босфорѣ и Дарданеллахъ.

Прусскому посланнику Строгановъ сообщилъ словесно, что ему

желѣно шадить Порту, но не допускать, чтобы въ Константинополѣ утвердилось чье-либо построннее вліяніе.

При первыхъ же дѣловыхъ переговорахъ съ Рейсъ-эффенди, въ декабрѣ 1816 г., Строгановъ сдѣлалъ крупную ошибку, изложивъ ему сразу всѣ свои требованія и жалобы. Ихъ совѣщаніе продолжалось четыре часа и происходило въ присутствіи любимца султана, Галебъ-эффенди. Рейсъ-эффенди, не ожидавшій подобныхъ требованій со стороны Россіи, едва сдерживалъ свой гнѣвъ. Несмотря на то, что помѣщеніе, въ которомъ происходило совѣщаніе, было холодное, у него струился по лбу потъ. Но онъ овладѣлъ собою, просилъ посланника изложить всѣ его требованія письменно и обѣщалъ, что они будутъ разсмотрѣны.

„Россія, говорилъ съ горечью Рейсъ-эффенди, владычествуетъ надъ двумя третями Персіи; три четверти побережья Каспійскаго моря заняты русскими войсками, она скоро подниметъ воинственное населеніе Курдистана и Бухары и вызоветъ тамъ опасное броженіе“.

Порта была крайне встревожена, однако, рассчитывая на поддержку Англіи, она отвѣчала на всѣ требованія Строганова отказомъ. Ему было даже замѣчено, что онъ не имѣлъ права предъявлять относительно Сербіи какихъ-либо требованій, а могъ только дѣлать ей дружескія представленія. Было ясно, что Турція не пойдетъ добровольно на уступки. Также мало была склонна къ уступкамъ и Россія.

Всякій разъ, какъ въ Константинополѣ распространялся слухъ о переговорахъ, происходившихъ съ русскимъ посланникомъ, въ городѣ начиналось волненіе, и глубоко коренившаяся въ душѣ каждаго мусульманина ненависть къ гяурамъ проявлялась пожарами и возстаніями янычаръ. Суровыя мѣры, которыя принимались турецкимъ правительствомъ для подавленія этихъ волненій, еще болѣе разжигали всеобщее неудовольствіе. И въ данномъ случаѣ, переговоры, происходившіе со Строгановымъ, разумѣется, не могли остаться тайною и вызвали сильное волненіе янычаръ, завершившееся 14 августа страшнымъ пожаромъ: сгорѣло 4.500 домовъ, 3.600 лавокъ, двѣ греческія церкви и мечеть.

Чтобы выяснитъ создавшееся положеніе, императоръ Александръ прибѣгнулъ къ необычному шагу—онъ вмѣшался въ дѣло лично. 15 февраля 1819 г. прибылъ въ Константинополь русскій курьеръ съ новыми инструкціями Строганову и съ собственноручнымъ письмомъ отъ государя къ султану, въ которомъ Александръ высказывалъ свое удивленіе по поводу затрудненій, какія встрѣтились при переговорахъ со Строгановымъ, и заявлялъ, что онъ по-прежнему считаетъ постановленія Бухарестскаго договора обязательными для

обѣихъ сторонъ и что если они вызываютъ со стороны турецкаго министерства какія-либо недоумѣнія или превратныя толкованія, то онъ готовъ подвергнуть ихъ пересмотру, для чего барону Строганову даны соотвѣтственныя инструкціи.

Прошло три мѣсяца, пока послѣдовалъ отвѣтъ на это письмо; онъ весьма мало соотвѣтствовалъ ожиданіямъ императора и въ немъ было такъ много скрытой ироніи, что Строгановъ даже сомнѣвался нѣкоторое время, принять ли его.

Послѣ этого во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ державъ наступило охлажденіе, которое легко могло повести къ разрыву.

Между тѣмъ въ Россіи узнали о происходившей между австрійскими и турецкими сановниками тайной перепискѣ, благодаря которой Порты не только была всегда своевременно освѣдомлена о ходѣ дѣлъ европейской политики, въ духѣ, соотвѣтствовавшемъ интересамъ Австріи, но могла знать и о планахъ и намѣреніяхъ Россіи. Такъ она узнала о письмѣ Александра раньше, нежели оно было послано, и поэтому оно не произвело на турецкихъ сановниковъ ожидаемаго впечатлѣнія. Александру пришлось убѣдиться въ томъ, что въ Восточной политикѣ Австрія являлась противникомъ, съ которымъ ему приходилось считаться—обстоятельство, имѣвшее для него огромное значеніе и повелѣвавшее ему дѣйствовать осмотрительно.

Строганову повелѣно было сдѣлать все возможное, чтобы возобновить прерванные переговоры. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Порты ничего не отвѣчала на предложенія Россіи; какъ вдругъ Строгановъ получилъ официальное извѣщеніе, что султанъ назначилъ двухъ комиссаровъ для пересмотра, согласно желанію императора, всѣхъ пунктовъ Бухарестскаго договора.

Первое засѣданіе прошло благополучно, но уже на второмъ обнаружилось разногласіе въ вопросѣ о денежномъ вознагражденіи и о Сербіи. Сразу выяснилось, что турецкое правительство старалось только затянуть дѣло и выиграть время.

„Любопытно было бы выяснить,—говоритъ проф. Шиманъ,—дѣйствительно ли Александръ желалъ заключить прочный миръ съ Портою? Несмотря на всѣ его увѣренія, повѣрить этому трудно. Русскіе государственные люди слишкомъ хорошо знали политику Порты, чтобы ожидать толка отъ переговоровъ съ нею, если онѣ не были бы поддержаны силою оружія. Они хотѣли повести дѣло такъ, чтобы виновницею въ разрывѣ оказалась Порты и чтобы Александръ, не нарушая фикціи своего миролюбія, могъ, съ согласія державъ, выступить во главѣ войска противъ исконнаго врага христіанскаго міра и Россіи.

„Доказать это документально невозможно, но если не принять

этого толкованія, то вся восточная политика Александра I покажется совершенно непонятной. Безкорыстіе въ политикѣ — таковъ былъ принципъ, служившій ему средствомъ для достиженія своихъ цѣлей и выгодъ. Въ этомъ и слѣдуетъ искать ключъ къ его политикѣ въ Польшѣ и на Востокѣ.

Въ началѣ 1821 г. Александръ поставилъ Порту въ такое положеніе, что если бы дѣло дошло до разрыва, то всякій призналъ бы за нимъ право объявить Турціи войну; эта цѣль была почти достигнута, когда необдуманнѣйшій и несвоевременный шагъ Александра Ипсиланти лишилъ его плодовъ всѣхъ этихъ стараній. Создавшееся такимъ образомъ новое положеніе вещей и новыя затрудненія, съ какими пришлось бороться русской политикѣ, до того запутали императора Александра въ сѣтяхъ его истинныхъ и фиктивныхъ принциповъ, что онъ вращался цѣлыхъ пять лѣтъ, какъ въ заколдованномъ кругу, ни на іоту не приближаясь къ осуществленію своихъ желаній“.

„Извѣстіе о вторженіи Александра Ипсиланти въ Молдавію и о томъ, что въ его предпріятіи принялъ участіе Михайлъ Суццо, было получено въ Константинополѣ 14 марта 1821 г. Магометанскимъ населеніемъ Константинополя овладѣло неописуемое волненіе—предвѣстникъ грядущихъ ужасовъ; началось возстаніе янычаръ. Въ первый моментъ казалось вѣроятнымъ, что Порта объявитъ Россіи войну. Султанъ, со своей стороны, былъ крайне взволнованъ и повелѣлъ великому визирю потребовать у Строганова объясненій.

Совѣщаніе состоялось 16 марта и было весьма бурное. Великій визиръ потребовалъ отъ Строганова, чтобы онъ высказался опредѣленно о поступкѣ князя Суццо и его приверженцевъ и указалъ ему на то, что во главѣ мятежниковъ стояло болѣе русскихъ, нежели грековъ. Строгановъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ это и даже призналъ за Портою право употребить всѣ средства для подавленія мятежа. Между прочимъ онъ показалъ великому визирю письмо, адресованное имъ Ипсиланти, въ коемъ онъ рѣшительно осуждалъ его образъ дѣйствій. Возстаніе Ипсиланти было для него совершенной неожиданностью и хотя онъ не зналъ, какъ императоръ отнесется къ совершившемуся факту, но во всякомъ случаѣ онъ былъ увѣренъ, что Государь не сталъ бы осуществлять планы своей восточной политики этимъ путемъ.

Рейсъ-эффенди, казалось, былъ удовлетворенъ объясненіями Строганова, но истинныя свои чувства онъ высказалъ въ бесѣдѣ съ англійскимъ посланникомъ, которому сказалъ: „Они не разъ надували насъ, надуютъ и теперь“.

Турція ожидала возстанія въ Греціи, тревожилась на счетъ Сербіи и, вообще, опасалась возстанія всей райи при тайной, или явной поддержкѣ Россіи.

Все мусульманское населеніе Турціи стало вооружаться, въ то же время начались ежедневные аресты и казни. Персидскіе купцы, армянскіе и иностранные банкиры стали разъѣзжаться изъ Константинополя; торговля замерла.

Удивительно, что при этихъ обстоятельствахъ, Строгановъ рѣшился настаивать на возобновленіи конференціи для пересмотра Бухарестскаго договора, но объ этомъ, конечно, нечего было и думать.

13 апрѣля прибылъ, наконецъ, черезъ Одессу, изъ Лайбаха курьеръ, привезшій новыя инструкціи Строганову и письмо отъ Каподистрія къ Ипсиланти, написанное по порученію императора. Ипсиланти сдѣлалъ большую ошибку, когда, стараясь оправдать свои дѣйствія передъ императоромъ Александромъ, онъ сослался въ своемъ письмѣ къ нему на тайныя общества, въ которыхъ онъ нашелъ поддержку, и на право грековъ самимъ устроить свою судьбу. Это возстановило противъ него императора, который вначалѣ относился къ нему сочувственно. Александръ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что народы должны получать свободу и счастье отъ своихъ правителей, а не завоевывать ихъ революціоннымъ путемъ. Съ тѣмъ же курьеромъ, который привезъ эти письма, главнокомандующимъ 2 арміей, Витгенштейномъ, было получено повелѣніе соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

Султанъ былъ весьма недоволенъ отношеніемъ Россіи къ Ипсиланти, который былъ только исключенъ изъ русской службы, но не лишенъ чиновъ, равно какъ и содержаніемъ письма, посланнаго ему отъ имени императора, въ которомъ Александръ обѣщалъ грекамъ свое покровительство. Очевидно, Россія поддерживала втайнѣ повстанцевъ.

При этихъ, чрезвычайно затруднительныхъ обстоятельствахъ, иностранные послы рѣшили обратиться къ Портѣ съ коллективной нотой, редактированіе коей взялъ на себя Строгановъ, но когда приступили къ обсужденію ея текста, то вновь назначенный англійскій посланникъ лордъ Странгфордъ заявилъ, что имъ получено отъ Рейсъ-эффенди письмо такого успокоительнаго свойства, что ихъ коллективный шагъ болѣе не нуженъ. Очевидно, Англія хотѣла поддержать Порту.

Положеніе Строганова становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Раздраженіе Порты противъ него росло. Впрочемъ, Рейсъ-эффенди жаловался болѣе на русское пра-

вительство, нежели на самого посланника. „Порта, — говорил Рейсъ-эффенди, — не хочетъ войны, но она готова вести ее, и ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ посторонняго вмѣшательства въ ея дѣла“. „Если насталь часъ, когда мы должны будемъ покинуть Европу, да будетъ на то воля Господня, но мы исполнимъ прежде свой долгъ“. „Мы не потерпимъ, чтобы баронъ Строгановъ обращался съ нами пренебрежительно и дерзко. Этотъ человекъ ищетъ есоры... пока онъ тутъ, намъ предстоятъ однѣ непріятности. Мы не нуждаемся ни въ чьей помощи, мы съумѣемъ защитить себя сами“. Такъ передавалъ англійскій драгоманъ въ своемъ донесеніи слова турецкихъ сановниковъ.

2 іюня въ Константинополь пришло русское судно, которое, вопреки формальному запрещенію Порты, прошло мимо укрѣпленія Фанараки, при входѣ въ Босфоръ. Султанъ приказалъ сказать Строганову чрезъ русскаго драгомана, что если судно не покинетъ Босфоръ въ теченіе двухъ сутокъ, то его заставятъ удалиться силой. Это ничуть не смутило Строганова, который отвѣчалъ, что онъ переселится съ чинами посольства и со всѣмъ имуществомъ въ свой дворецъ въ Буюкдере, передъ которымъ судно бросило якорь. 5 числа онъ привелъ свою угрозу въ исполненіе. Его поступокъ вызвалъ непріятныя объясненія съ Портой, окончившіяся перерывомъ оффиціальныхъ сношеній. Однако Порта не рѣшилась привести въ исполненіе свои угрозы и ограничилась наблюденіемъ за пакетботомъ. Но прибывшее недѣли двѣ спустя изъ Одессы второе судно, на которомъ ѣхалъ курьеръ къ Строганову, не было пропущено въ Босфоръ, хотя курьеру и было дозволено съѣхать на берегъ. Содержаніе привезенныхъ имъ депешъ осталось тайною, такъ какъ Строгановъ все еще не имѣлъ оффиціальныхъ сношеній съ Портой. Однако прошелъ слухъ, будто онъ въ половинѣ іюля покинетъ Константинополь.

Дѣйствительно, 16 іюля вечеромъ прибыло еще одно русское судно, съ конфиденціальными депешами на имя Строганова, и съ проектомъ ноты, которую онъ долженъ былъ предъявить турецкому правительству и которая походила скорѣе на ультиматумъ; ежели требованія Россіи не были бы исполнены въ недѣльный срокъ, то Строганову разрѣшалось покинуть Константинополь со всѣми чинами посольства. Въ нотѣ, которую онъ долженъ былъ вручить Портѣ, развивалась мысль, что державы терпятъ существованіе Турціи въ Европѣ лишь подъ условіемъ, что подвластные ей народы будутъ пользоваться правомъ свободно исповѣдывать христіанскую вѣру.

Въ краткихъ словахъ, требованія Александра сводились къ тому, чтобы разоренныя и разграбленныя христіанскія церкви были воз-

становлены, чтобы христіанскому вѣроисповѣданію были возвращены прерогативы, коими оно пользовалось ранѣе, и чтобы было обезпечено спокойствіе Молдавіи и Валахіи.

Письма и инструкціи, полученныя Строгановымъ, не оставляли сомнѣнія въ томъ, что Россія рѣшила, въ случаѣ надобности, поддержать свои требованія силою оружія. На ультиматумъ, предъявленный Строгановымъ, отвѣта не послѣдовало, и 10 августа онъ покинулъ Константинополь.

Относительно образа дѣйствій Строганова существуютъ разныя мнѣнія. Несомнѣнно, что онъ дѣйствовалъ недостаточно сдержанно, какъ того требовали интересы Россіи, что онъ не сумѣлъ защитить христіанское духовенство, проживавшее въ Константинополѣ; что въ вопросѣ о занятіи турецкими войсками княжества онъ дѣйствовалъ также вначалѣ недостаточно энергично, а главное не сумѣлъ повести дѣло такъ, чтобы Порта сама начала войну и явилась такимъ образомъ отвѣтственной за нее. Директоръ департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, тн. сов. Дивовъ видѣлъ въ этомъ главную ошибку Строганова. По его мнѣнію, посланникъ долженъ былъ подкупить нѣкоторыхъ членовъ Дивана, чтобы они добились объявленія войны. Съ русской точки зрѣнія это было необходимо, несмотря на всѣ миролюбивыя увѣренія Александра, можно думать, что и для него этотъ исходъ былъ бы самымъ пріятнымъ. Положеніе было бы тогда ясно и опредѣленно, и вѣроятно удалось бы избѣгнуть вмѣшательства державъ. Теперь же, обстоятельства сложились такъ, что войну приходилось объявить самой Россіи и, хотя съ отъѣздомъ Строганова были прерваны всѣ дипломатическія сношенія, но, какъ оказалось, это было нелегко.

Вернувшись изъ Царскаго Села въ Лайбахъ, 5 іюня 1821 г., Александръ нашелъ тамъ такое политическое настроеніе, которое привело его въ большое смущеніе. Въ столицѣ всѣ симпатіи были на сторонѣ грековъ. Въ Лайбахѣ Каподистрія чувствовалъ себя одинокимъ; по возвращеніи же въ Россію онъ встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ поддержку; генераль Ермоловъ напр. говорилъ, что войну слѣдовало объявить немедленно. Это боевое настроеніе поддерживалось корреспонденціями, доходившими въ Петербургъ изъ второй арміи. Шаги, сдѣланные Александромъ, подѣйствовали на армію самымъ удручающимъ образомъ.

„Мы, живущіе тутъ, писалъ генераль Киселевъ 12 (24) апрѣля изъ Тульчина, ген.-ад. Закревскому, „знаемъ, что такъ называемое возстаніе грековъ вполнѣ законно. Армія ожидала съ часа на часъ объявленія войны; 29 іюня, Закревскій, который былъ очень близокъ къ придворнымъ сферамъ, былъ увѣренъ, что война будетъ объявлена“.

Императоръ колебался, а въ Петербургѣ всѣ были заняты греческими дѣлами и хотя многіе хотѣли избѣжать войны, но никто не представлялъ себѣ, какъ это можно было бы сдѣлать. „Я стою за войну, писалъ Ермоловъ. „Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Грузію и желаю вамъ побѣды и славы“.

22 августа Закревскій писалъ, что въ Петербургѣ еще не принято окончательнаго рѣшенія: „если война будетъ, то не ранѣе апрѣля, но возможно, что дѣло не дойдетъ до этого, такъ какъ многіе жаждутъ мира“; 19 ноября онъ писалъ, что „дерзость турокъ доходить до того, что если теперь не будетъ объявлено войны, то ее придется вести черезъ годъ, и тогда это будетъ гораздо труднѣе“. Наконецъ, 1 февраля 1822 г. онъ жалуется, что „никому не извѣстно, будетъ война или нѣтъ, Императоръ повидимому склоненъ къ ней болѣе, чѣмъ когда-либо, но она будетъ стоить дорого, а у казны нѣтъ ни гроша денегъ; къ тому же Россію постигъ неурожай“.

Это объясняетъ отчасти колебаніе Императора. Плохое состояніе русскихъ финансовъ, коими управлялъ неспособный Гурьевъ, доведшій Россію чуть не до банкротства, конечно играло въ этомъ вопросѣ видную, хотя все же не главную роль. „Въ отношеніи финансовъ“, какъ мѣтко замѣтилъ однажды прусскій посланникъ Шелеръ, „послѣ Наполеоновскихъ войнъ русское правительство сдѣлалось чрезвычайно легкомысленно“. Къ тому же ему удалось сдѣлать въ октябрѣ мѣсяцѣ заемъ въ 40 мил. рублей. На рѣшенія Императора вліяли и другія, весьма сложныя соображенія личнаго и политическаго характера. Сказалось также вліяніе г-жи Криднеръ, которая, проживъ много лѣтъ въ Курляндіи какъ бы въ ссылкѣ, получила въ 1821 г. позволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Еще въ 1818 г., она предсказывала, что Востокъ подыметъ и что Европѣ будетъ угрожать опасность. Позднѣе она говорила болѣе ясно о большой войнѣ съ Турціей, а теперь пророчествовала, что Александръ будетъ орудіемъ Божьимъ для освобожденія грековъ. Хотя, въ концѣ концовъ, Криднеръ было запрещено говорить о греческомъ вопросѣ, но ея рѣчи несомнѣнно имѣли вліяніе на Александра, который поддался уже въ то время мистицизму. Возможно, что на его рѣшеніе повліяло и полученное имъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 г., по возвращеніи изъ Лайбаха, извѣщеніе ген.-ад. Васильчикова о существованіи въ арміи обширнаго заговора, имѣвшаго цѣлью введеніе въ Россіи конституціи. Сознаніе, что подобный заговоръ существуетъ, могло, разумѣется, повліять на рѣшенія Императора: съ одной стороны война, которая могла занять безпокойные элементы, такъ сказать, распылить ихъ, была желательнымъ исходомъ; но съ другой стороны симпатія арміи къ грекамъ заставляли вѣрить въ

справедливость теоріи Меттерниха о единодушїи всѣхъ революціонныхъ элементовъ Европы.

Все это необходимо принять во вниманіе при сужденіи объ образѣ дѣйствій Александра въ разсматриваемомъ фазисѣ Восточнаго вопроса. Но важнѣе всего было, разумѣется, вліяніе общей политики и сознаніе, что онъ не найдетъ союзниковъ въ войнѣ съ Турціей.

Первый шагъ къ тому, чтобы выяснитъ себѣ отношеніе державъ въ этомъ вопросѣ, былъ сдѣланъ Александромъ лѣтомъ 1821 г. 22 іюня (4 іюля) европейскимъ кабинетамъ былъ разосланъ циркуляръ, въ коемъ выражалось желаніе Императора знать, какъ поступятъ державы въ случаѣ, если Порты не вступитъ на путь болѣе разумной политики.

Русское правительство, заявляя о томъ, что его войска не только готовы отразить нападеніе, но будутъ содѣйствовать всякому шагу, который союзныя державы примутъ совмѣстно для предотвращения опасности, угрожающей Европѣ со стороны Турціи, ставило на видъ, что Россія не стремится къ расширенію своихъ границъ или къ утверженію своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, а только желаетъ возстановленія мира, упроченія европейскаго равновѣсія и обезпеченія, совмѣстно съ другими державами, турецкимъ подданнымъ спокойнаго существованія.

„Анализируя это циркулярное посланіе“, говоритъ Шиманъ, „ясно видимъ двѣ ошибки, сдѣланныя Александромъ, благодаря которымъ его политика въ Восточномъ вопросѣ не увѣнчалась успѣхомъ. Царь ставилъ себя въ зависимость отъ учрежденнаго имъ самимъ европейскаго ареопага и пренебрегалъ интересами Россіи, прикрывая ихъ неискренней политикой безкорыстія. При этомъ онъ отнюдь не думалъ отказываться отъ своей конечной цѣли — изгнанія турокъ изъ Европы, но хотѣлъ, чтобы „Европа“ и созданный имъ „священный союзъ“ раздѣлили съ нимъ отвѣтственность за этотъ шагъ; въ то же время онъ рассчитывалъ на естественное влеченіе христіанскаго населенія Балканскаго полуострова къ Россіи.

Александръ высказалъ свои затаенныя мысли французскому посланнику Лаферонне, приглашенному въ Царское Село нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ былъ разосланъ выше упомянутый циркуляръ. Александръ сказалъ ему, между прочимъ, что онъ со времени Ахенскаго конгресса рассчитывалъ на признательность Франціи и намекнулъ на то, что истинные интересы этой державы повелѣвали ей заключить миръ съ Россіей. Намекнувъ на необходимость изгнать турокъ изъ Европы, Александръ замѣтилъ по смущенію французскаго посланника, что онъ зашелъ слишкомъ

далеко; тогда онъ заговорилъ объ образованіи на Балканскомъ полуостровѣ одного или нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, Лаферонне передалъ все это въ своемъ донесеніи въ Парижъ и когда тамъ былъ полученъ русскій ультиматумъ, то французское правительство уже было предупреждено объ истинныхъ намѣреніяхъ Царя. Тѣмъ временемъ Александръ убѣдился, что ему придется считаться съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ его планамъ со стороны Австріи и Англии, которыя старались сблизиться, и это заставило его еще упорнѣе добиваться союза съ Франціей.

Франція желала мира и предлагала произвести давленіе на Турцію, и побудить ее пойти на возможные уступки. Въ случаѣ войны между Россіей и Портой, Франція обѣщала соблюдать нейтралитетъ, подъ условіемъ, что въ военныхъ дѣйствіяхъ не приметъ участія никакая иная держава и что Австрія не введетъ своихъ войскъ въ Турцію.

Теперь стало ясно, что отозваніе Строганова изъ Константинополя было ошибкой, Россія осталась безъ представителя въ Турціи и въ то же время вела съ нею переговоры, при посредствѣ представителей Англии и Австріи, двухъ державъ, которыя были противниками Россіи въ восточномъ вопросѣ и, само собою разумѣется, отстаивали не русскіе, а англійскіе и австрійскіе интересы. Такъ какъ прусскій посланникъ, фонъ-Мильтицъ, находился то подъ англійскимъ, то подъ австрійскимъ вліяніемъ, а Франція утратила въ Константинополѣ всякое значеніе, то положеніе Порты въ данное время было самое благоприятное, а положеніе Россіи самое невыгодное. Александръ не понялъ этого, и такъ какъ Порта не только не вывела своихъ войскъ изъ княжествъ, но усилила ихъ, то онъ полагалъ, что союзныя державы будутъ, согласно заявленнымъ имъ принципамъ, дѣйствовать въ греческомъ вопросѣ съ нимъ заодно, ибо возстаніе грековъ было, по его мнѣнію, лишь „однимъ изъ проявленій общаго революціоннаго духа, охватившаго Европу“, съ которымъ державамъ слѣдовало бороться совмѣстно.

— Да, сказалъ онъ 30 ноября прусскому посланнику,—если союзные монархи выскажутся за войну, я начну ее немедленно, не задумываясь“.

Такъ закончился богатый событіями 1821 годъ. До войны дѣло не дошло. Благодаря воздѣйствію Англии и Австріи, которыя всячески старались устранить возможность вооруженнаго столкновенія, султанъ началъ стягивать свои войска изъ княжествъ, но онъ отказался отъ участія въ конференціи, собравшейся въ Вѣнѣ, ссылаясь на то, что имъ исполнены всѣ 4 пункта русскаго ультиматума и что Россія не можетъ предъявлять къ нему дальнѣйшихъ требованій. Такимъ

образомъ Вѣнская конференція не привела ни къ чему. Поступая такъ, султанъ дѣйствовалъ въ увѣренности на поддержку Австріи и Англии и въ томъ, что Россія одна не рѣшится начать войну.

Дѣйствительно, въ намѣреніяхъ Императора Александра совершился за это время большой переворотъ. Послѣ того какъ отъ Австріи было получено согласіе на новый конгрессъ въ Веронѣ, онъ выступилъ съ удивительнымъ предложеніемъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Испаніи для возстановленія такого тирана, какимъ былъ король Фердинандъ.

Никогда еще Александръ не былъ такъ твердо увѣренъ въ согласованности дѣйствій всѣхъ революціонеровъ и не былъ такъ склоненъ къ соглашенію съ Турціей. Само собою разумѣется, что при такомъ настроеніи императора Каподистрія не могъ сохранить долге свой постъ. Ему не удалось, во время двухчасовой прощальной аудіенціи, убѣдить Государя въ необходимости для Россіи самостоятельнаго выступленія въ Восточномъ вопросѣ. Александръ остался при своемъ мнѣніи, „пожертвовавъ“, по его собственному выраженію, „національными симпатіями народа священному союзу“.

Въ данный моментъ его интересовало не столько освобожденіе Греціи, сколько возстановленіе власти Фердинанда VII.

Интересно прослѣдить, какъ по мѣрѣ успѣха въ Испаніи, и по мѣрѣ того какъ дѣла приняла тамъ желательное для него теченіе, Александръ измѣнилъ свой образъ дѣйствій относительно Порты, сталъ предъявлять ей болѣе рѣшительныя требованія и поднялъ снова греческій вопросъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1824 г. Россіей былъ сдѣланъ въ восточномъ вопросѣ рѣшительный шагъ. 9 (21) января, Нессельроде разослалъ державамъ записку, въ которой говорилось, что „Греческій вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при коллективномъ участіи державъ, что Россія не настаивала до сихъ поръ на своихъ безспорныхъ правахъ единственно ради сохраненія мира, но что она не можетъ долге относиться равнодушно къ существующему порядку вещей и такъ какъ Турція никогда не признаетъ добровольно независимости Греціи, а греки со своей стороны никогда не захотятъ стать въ прежнія отношенія къ Турціи, то Россія предлагаетъ новую мѣру: она предлагаетъ образовать изъ греческихъ владѣній, по примѣру придунайскихъ княжествъ, три самостоятельныя государства. Если державы присоединятся къ этому плану, то Александръ готовъ настаивать на его исполненіи съ оружіемъ въ рукахъ“. Но англійское и австрійское правительства твердо рѣшили не допускать войны; чѣмъ болѣе они вѣрили въ побѣду Россіи, тѣмъ болѣе боялись разрыва съ Турціей.

Послѣ долгихъ переговоровъ, 5 (17) іюня 1824 г. въ Петербургѣ собралась, для обсужденія новаго предложенія Россіи, конференція изъ представителей четырехъ державъ, но она не привела ни къ чему, такъ какъ никто изъ посланниковъ не имѣлъ должныхъ полномочій для веденія переговоровъ. Было выражено желаніе, чтобы совѣщанія продолжались въ Константинополѣ, когда туда будетъ вновь назначенъ русскій посланникъ.

Вскорѣ послѣ этого, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, временное греческое правительство обратилось къ Англіи съ просьбой защитить Грецію въ ея борьбѣ за независимость и, хотя англійское правительство отклонило эту просьбу, ссылаясь на договоры, заключенные съ Турціей, но все же оно обѣщало соблюдать строгій нейтралитетъ и не принимать участія ни въ какихъ понудительныхъ мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты съ цѣлью навязать грекамъ непріемлемыя для нихъ условія. Что касается плановъ Россіи, то англійскій премьеръ заявилъ, что коль скоро турки и греки рѣшительно отвергли ихъ, то онъ не имѣетъ ни малѣйшей надежды на ихъ осуществленіе.

Было ясно, что Англія рѣшительно не сочувствовала идеямъ императора Александра.

„Туманные принципы, провозглашенные впервые Павломъ I и возведенные Александромъ I въ политическую систему, воплотившуюся въ идеѣ священнаго союза, которой великія державы обманывали послѣдніе годы самихъ себя и весь міръ, должны были разсѣяться предъ здравой, ясной и реальной политикой англійскаго кабинета“.

„Тотъ фактъ, что Греція рѣшительно отшатнулась въ ту пору отъ Россіи и возложила всѣ свои надежды на Англію, чрезвычайно знаменателенъ. Императору Александру стало ясно, что со стороны Англіи его планамъ оказывается систематическое противодѣйствіе. Стратфордъ Каннингъ, назначенный посланникомъ въ Россію, пріѣхавъ въ Петербургъ, засталъ Императора подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ страшнаго наводненія, постигшаго столицу; настроеніе Государя было удрученное, и онъ былъ не въ состояніи правильно оцѣнить сдержанную политику, которую Англія противопоставила его восточнымъ планамъ. Такъ какъ Стратфордъ Каннингъ не имѣлъ полномочія для участія въ совѣщаніяхъ конференціи, происходившей въ Петербургѣ, и къ тому же вскорѣ сталъ извѣстенъ отвѣтъ, данный англійскимъ премьеромъ временному греческому правительству, то императоръ рѣшилъ прекратить съ Англіей всякіе дальнѣйшіе переговоры по греческому вопросу.“

Въ этомъ смыслѣ были посланы въ декабрѣ мѣсяцѣ 1824 г.

инструкціи Ливену, нашему посланнику въ Лондонѣ; Нессельроде также повелѣно было уклониться отъ переговоровъ о греческихъ дѣлахъ съ Стратфордомъ Каннингомъ.

„Toutes les fois qu'il me parlera Turquie ou Grèce“, писалъ онъ Ливену „je lui repondrais Amérique¹⁾“. Императоръ понялъ, что Стратфордъ, который долженъ былъ защищать въ Константинополѣ русскіе интересы, обманулъ его; это было совершенно справедливо; въ Вѣнѣ понимали это, и можно только удивляться, что въ Петербургѣ въ этомъ не убѣдились ранѣе.

24 февраля 1825 г. возобновились Петербургскія конференціи. Стратфордъ Каннингъ былъ въ то время еще въ Петербургѣ, но не принималъ участія въ нихъ и повидимому не сдѣлалъ ни шага къ тому, чтобы узнать, хотя бы окольнымъ путемъ, о ходѣ переговоровъ. Всего состоялось десять засѣданій; въ преніяхъ принимали главнымъ образомъ участіе Нессельроде и Лебцельтернъ. Самый малонаблюдательный человѣкъ долженъ былъ признать, что настоящимъ врагомъ русской политики была не столько Англія, сколько Австрія, собственно говоря Меттернихъ, котораго поддерживала Франція, дѣйствовавшая со вступленія на престолъ Карла X болѣе самостоятельно. Роль Пруссіи, во всемъ этомъ фазисѣ восточнаго вопроса, была безцвѣтна.

Когда графъ Лебцельтернъ заявилъ, что онъ предпочелъ бы признать независимость Греціи, Нессельроде отвѣтилъ ему съ раздраженіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ могъ представитель Австріи сказать что-либо подобное и какъ могъ кабинетъ, державшійся всегда корректныхъ принциповъ, увлечься хоть на минуту этой мыслию. Такъ какъ Франція высказалась также за полную независимость Греціи, то Россія оказалась изолированной.

Петербургская конференція не привела къ желаемому результату. Посланникамъ четырехъ континентальныхъ державъ, аккредитованныхъ въ Константинополѣ, было повелѣно начать дружескіе переговоры съ Портой и добиться ея согласія на вмѣшательство державъ для прекращенія недоразумѣній на Востокѣ. Болѣе ничего не удалось достигнуть, понятно, что этотъ результатъ раздражалъ Александра I.

Онъ считалъ, что Австрія измѣнила ему и, чтобы выяснить дѣло, еще разъ изложилъ свои требованія въ циркулярной нотѣ, которая была разослана державамъ.

Онъ добивался со стороны державъ признанія необходимости

¹⁾ „Всякій разъ какъ онъ заговоритъ со мною о Турціи или Греціи, я буду отвѣчать ему объ Америкѣ“.

энергичнаго совмѣстнаго вмѣшательства въ турецкія дѣла и принятія противъ Турціи и Греціи принудительныхъ мѣръ.

Когда Меттернихъ рѣшительно, и даже съ оттѣнкомъ ироніи, отклонилъ самую мысль о какихъ-либо принудительныхъ мѣрахъ, то Александръ, полагая, что державы заключили тайное соглашеніе, чтобы парализовать его мѣропріятія, рѣшилъ круто повернуть дѣло.

6 (18) августа его посланникамъ въ Вѣнѣ, Парижѣ и Берлинѣ было послано повелѣніе не вступать болѣе ни въ какіе переговоры о русско-турецкихъ дѣлахъ и дать понять державамъ, что, такъ какъ императоръ не рассчитываетъ долѣе на ихъ поддержку, то и онъ со своей стороны не будетъ поддерживать ихъ въ другихъ вопросахъ.

Этотъ поворотъ русской политики произвелъ на всѣхъ одинакое впечатлѣніе: путь, на которой вступилъ императоръ, по всеобщему убѣжденію, легко могъ повести къ русско-турецкой войнѣ.

Въ это время на политическомъ горизонтѣ возникло новое осложненіе: въ августѣ мѣсяцѣ 1825 г. греческое правительство рѣшило поставить Грецію подъ исключительное покровительство Англіи.

Если бы Греція съ островами перешла подъ владычество Англіи, то этимъ было бы обезпечено преобладаніе этой державы на Средиземномъ морѣ, и въ случаѣ возможнаго раздѣла Турціи, Дарданеллы очутились бы въ ея рукахъ. Это могло быть достигнуто лишь цѣною войны, въ которой Англія была бы совершенно изолирована; ей пришлось бы вести войну не только съ Турціей, но и съ Австріей, Россіей и Франціей. Нельзя сказать, чтобы подобная перспектива испугала англійскаго премьера, но онъ ни на минуту не допустилъ возможности подобной комбинаціи. 13 октября онъ отвѣтилъ греческому народному собранію отказомъ.

Ливень зналъ объ этомъ рѣшеніи еще 5 октября, и онъ воспользовался случаемъ, чтобы сблизиться съ Каннингомъ, который, со своей стороны, не уклонился отъ этого сближенія и держалъ себя предупредительно.

Въ письмѣ къ лорду Ливерпулю Каннингъ изложилъ впечатлѣніе, произведенное на него бесѣдою съ Ливеномъ.

— Посылаю вамъ меморандумъ ¹⁾, писалъ онъ, о бесѣдѣ моей съ Ливеномъ, который пріѣхалъ сюда вчера изъ Брайтона (какъ было

¹⁾ „Изъ этого письма, говоритъ проф. Шиманъ, вытекаетъ ясно, что этотъ инцидентъ изложенъ Мартенсомъ въ его *Recueil des traités*, XI, стр. 335 и сл. невѣрно. Не Англія искала сближенія съ Россіей, а Россія заискивала у Англіи“.

условлено). Онъ былъ въ восторгѣ, получивъ позволеніе пріѣхать, и я думаю, что онъ былъ со мною вполне откровененъ.

— Во всякомъ случаѣ, ни одна континентальная держава не дѣлала намъ подобныхъ откровенныхъ признаній. Велика ненависть Россіи къ Австріи, или скорѣе къ Меттерниху, но надобно сознаться, что она имѣетъ къ этому основаніе.

— Мнѣ кажется, настало время что-либо предпринять... Для меня совершенно ясно, что Меттернихъ дѣйствуетъ не честно и что, имѣя дѣло съ нимъ, мы будемъ обмануты.

— Впрочемъ, не онъ одинъ поступаетъ такъ; если бы ему удалось обмануть насъ, это преисполнило бы его гордостью.

На почвѣ общихъ интригъ, между Каннингомъ и Ливеномъ снова произошло сближеніе. Ливень чувствовалъ себя хозяиномъ положенія.

„Положеніе, занятое Вашимъ Величествомъ, возымѣло уже желаемыя послѣдствія“, писалъ онъ въ своемъ донесеніи Государю, „все даетъ право предполагать, что Вашимъ Величествомъ какъ и слѣдовало ожидать, будете имѣть въ этомъ важномъ вопросѣ рѣшающій голосъ“.

Когда это донесеніе было получено въ Таганрогъ, императоръ Александръ былъ при смерти, и его содержаніе осталось на вѣки ему неизвѣстнымъ. Рѣшеніе восточнаго вопроса зависѣло уже не отъ него.

— Какую же цѣль преслѣдовалъ онъ въ своей восточной политикѣ?

— На этотъ вопросъ, по мнѣнію проф. Шимана, можно отвѣтить только гадательно.

— Полагая, что Россія готова къ войнѣ, Александръ былъ согласенъ отстаивать русскіе интересы съ оружіемъ въ рукахъ. Греческій вопросъ онъ надѣялся рѣшить при помощи Англій, но онъ не допускалъ мысли объ образованіи объединеннаго греческаго государства. Когда и какимъ образомъ могъ рѣшиться этотъ вопросъ, имъ не было предрѣшено; объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго. Возможно, что онъ сталъ бы добиваться согласія Австріи, Франціи и Пруссіи на вооруженное вмѣшательство Россіи въ Балканскія дѣла, это весьма вѣроятно, такъ какъ Александръ I шелъ обыкновенно къ разъ намѣченной цѣли весьма упорно. Но смерть положила всему предѣлъ.

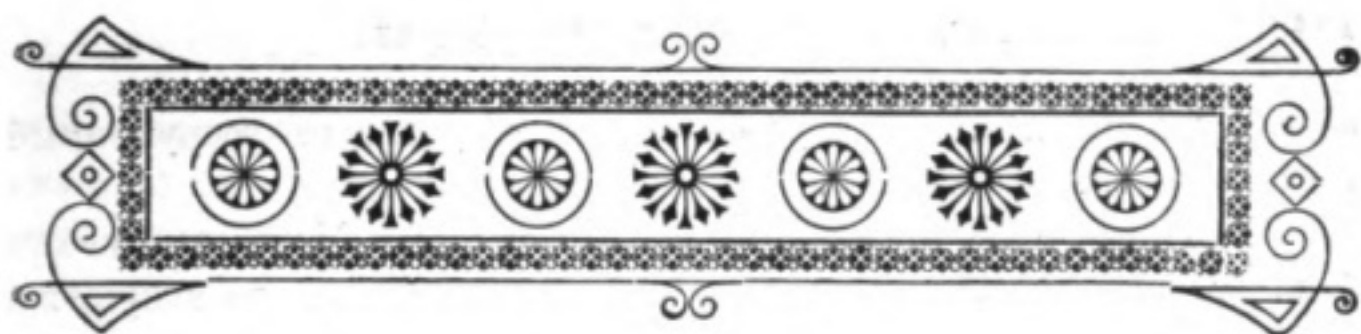
„Въ общемъ можно сказать, что восточная политика Александра была непрерывнымъ рядомъ роковыхъ ошибокъ, неудачъ, разочарованій и вольныхъ и невольныхъ противорѣчій, коими онъ вводилъ въ заблужденіе самого себя и весь свѣтъ. Онъ скончался въ тотъ моментъ, когда твердо принятое рѣшеніе и энергичный образъ

дѣйствій могли привести къ осуществленію его желаній. Если бы Россія, занявъ Придунайскія княжества, создала этимъ *un fait accompli*, съ которымъ державамъ пришлось бы считаться, тѣмъ самымъ была бы разрушена сѣть интригъ, въ которой она запуталась.

Въ такомъ случаѣ императору Александру пришлось бы вести войну съ Турціей, въ которой прочія державы явились бы только зрительницами, и событія показали бы, соответствовали ли нравственныя и матеріальныя силы Россіи великой задачѣ, выдвинутой восточнымъ вопросомъ“.

В. Тимошукъ.

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

Г Л А В А III¹⁾.

Крайне затруднительное положеніе, въ которое поставилъ себя Бонапартъ въ 1797 г. въ войнѣ противъ Австріи, вынудило его предложить эрцгерцогу Карлу войти въ соглашенія о мирѣ. Страхъ, что полководецъ, который постоянно одерживалъ побѣды надъ австрійцами въ Италіи, завоюетъ столицу имперіи, вынудилъ вѣнскій кабинетъ принять предложеніе. Заключая перемиріе ни та, ни другая изъ договаривавшихся сторонъ не возлагали надеждъ на успѣшный исходъ переговоровъ и рассчитывали только выиграть время для приготовленій къ дальнѣйшему продолженію военныхъ дѣйствій. Гордость такъ называвшейся Римской имперіи не могла помириться съ потерей голландскихъ областей и сѣверной Италіи. Ей снова хотѣлось, и съ лихвою, возвратить свои потери. Бонапартъ, перейдя Альпы, и не могъ остановить своихъ дѣйствій; а Директорія еще менѣе могла остановить его, опасаясь того значенія, которое онъ уже приобрѣлъ, увлекаясь мыслью водворить повсюду республиканское правитель-ство мечемъ и грабежемъ. Раштадтскій конгрессъ и переговоры въ Лиллѣ съ Англіею не привели къ мирнымъ соглашеніямъ; а внезапный, безъ всякаго повода, захватъ Мальты и экспедиція въ Египетъ вновь взволновали всю Европу. Образовалась новая коалиція противъ Франціи, гораздо болѣе грозная, нежели всѣ прежнія. Съ одной стороны ея дѣйствіямъ помогла Турція, вызванная на войну

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

за захватъ Египта, съ другой—Россія вступила въ вооруженный союзъ противъ республики.

Удаленный отъ начальства надъ войсками, Моро проживалъ безъ всякаго дѣла, посвящая досугъ изученію военнаго искусства. Испуганная угрожавшей опасностью, путаясь въ военныхъ соображеніяхъ для защиты, въ отсутствіе Бонапарта, послѣ смерти Гоша, Директорія рѣшилась призвать къ дѣятельности Моро.

Въ началѣ 1799 г., когда Суворовъ уже уѣхалъ начальствовать надъ русско-австрійскою арміею въ Италиі, Моро получилъ званіе генераль-инспектора и былъ призванъ въ военный комитетъ, состоявшій при Директоріи для начертанія плановъ военныхъ дѣйствій, какъ оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ, въ случаѣ успѣха обороны. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Моро, какъ боевой генераль, не желалъ оставаться въ Парижѣ во время военныхъ дѣйствій и просилъ Директорію отправить его простымъ волонтеромъ въ италіанскую армію. Директорія исполнила его желаніе, отправила его къ Шереру, который предводительствовалъ этою арміею, съ тѣмъ, чтобы онъ находился при немъ и, конечно, просвѣщалъ его своими совѣтами. „Мое назначеніе“, говорилъ впоследствии Моро, „не было блестящимъ, но силою обстоятельствъ потомъ сдѣлалось такимъ“. Конечно, только любовь къ военному дѣлу могла побудить Моро находиться въ качествѣ свидѣтеля дѣйствій военачальника, избраннаго Директоріею, неспособнаго, устарѣлаго и нерѣшительнаго. Не принимая въ соображеніе совѣтовъ Моро, Шереръ не успѣлъ воспользоваться обстоятельствами въ то время, когда передъ нимъ находились одни австрійскія войска, т. е. когда силы противника не превосходили тѣхъ, которыми онъ самъ могъ располагать, и находились еще безъ главнокомандующаго, такого же престарѣлаго генерала Меласа, который на долгихъ ѣхалъ изъ Вѣны на боевое цоприще. Онъ дождался того времени, когда, такой же, правда престарѣлый, но бодрый духомъ и тѣломъ, вождь прибылъ на мѣсто дѣйствій во главѣ русскихъ войскъ, посланныхъ Императоромъ Павломъ въ помощь Австріи. Этотъ вождь былъ—Суворовъ.

Рядомъ побѣдъ немедленно ознаменовалось его прибытіе. Положеніе французскихъ войскъ было крайне затруднительное. Вынужденныя оставить линію рѣки Минчіо, прогнанныя за Оліо, они отступили за Адду. Духъ войскъ упалъ, ропоть на главнокомандующаго усиливался со дня на день. Генераль Шереръ разбросалъ на пространствѣ 100 верстъ свои войска, которыя и такъ были въ гораздо меньшемъ количествѣ по сравненію съ силами союзниковъ и, конечно, потерпѣли бы новыя пораженія. Но Шереръ былъ отозванъ Директоріею, которая предписала Моро принять начальство

надъ италіанскою арміею. Узнавъ объ этомъ назначеніи, Суворовъ сказалъ: „и въ этомъ я вижу персть Провидѣнія: мало славы разбить шарлатана; лавры, которые похитимъ у Моро, будутъ лучше цвѣсть и зеленѣть“.

Но положеніе Моро было таково, что немногіе согласились бы добровольно занять его и принять на себя, въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица, полную отвѣтственность передъ страной въ виду правительства, которое не воздавало должнаго уваженія его заслугамъ и даже подозрѣвало его въ сочувствіи замысламъ роялистовъ. „Я позволяю себѣ думать“, говорилъ впоследствии передъ судомъ Моро, „что отечество не забыло, что я былъ достойнымъ его сыномъ. Оно не забыло, съ какою преданностью къ нему я рѣшился драться съ Италіею, занимая второстепенныя должности. Оно не забыло, конечно, при какихъ условіяхъ я получилъ потомъ званіе главнокомандующаго, послѣ столькихъ пораженій нашихъ войскъ и послѣ начальника, прославившагося въ нѣкоторомъ смыслѣ нашими несчастьями“. „Генераль Моро имѣлъ право отказаться въ этомъ случаѣ отъ званія главнокомандующаго“, говоритъ знаменитый историкъ французской революціи. „Его разжаловали до чина дивизионнаго генерала, и въ то время, когда кампанія оканчивалась полною неудачею, когда приходилось испытывать только новыя неудачи, его назначаютъ главнокомандующимъ. Однако же съ полною преданностью отечеству, которую не можетъ не восхвалять исторія, онъ принялъ пораженіе, принимая начальство надъ войсками въ тотъ вечеръ, когда линіи Адды угрожало уже нападеніе. Съ этого времени начинается наименѣе оцѣненная и наилучшая эпоха его жизни¹⁾“. Какъ военачальника, безъ сомнѣнія, исторія не могла бы осудить Моро, если бы онъ отказался принять начальство надъ войсками, которыя поставлены были въ такое положеніе, что не могли избѣгнуть пораженій. Въ военномъ дѣлѣ успѣхъ, побѣда покрываетъ все; „побѣдителей не судятъ!“ говорила великая императрица; побѣдителя съ большою осторожностью можетъ судить только исторія,—позволяемъ себѣ прибавить. Но тяжелая отвѣтственность достается на долю побѣжденнымъ, и нужно обладать горячею любовью къ отечеству и большою гражданскою доблестью, чтобы принять начальство надъ войсками съ полною увѣренностью, что невозможно одержать побѣды. Онъ долженъ былъ отступать, отражая нападенія противника до тѣхъ поръ, пока не соединится съ неаполитанскою арміею Макдональда, которому Директорія предписала идти въ сѣвер-

¹⁾ Thiers. Historie de la revolution, t. VIII p. 368.

ную Италию, на подкрѣпленіе Моро. Но прежде всего слѣдовало сосредоточить разбросанную на значительномъ пространствѣ армію и прикрыть Миланъ. Такой противникъ, какъ Суворовъ, конечно, не далъ ему для этого времени; онъ быстро прорвалъ французскія линіи, нанесъ имъ сильныя пораженія въ трехдневныхъ бояхъ при Аддѣ, открылъ дорогу въ Миланъ и занялъ немедленно эту столицу Ломбардіи, гдѣ повсемѣстно распространялось уже народное возстаніе противъ французовъ. Моро вынужденъ былъ, оставивъ крѣпкую линію на Аддѣ, отступить, чтобы прикрыть свои пути сообщенія какъ съ Франціею, такъ и съ Тосканой, откуда шель на подкрѣпленіе къ нему Макдональдъ. Съ этою цѣлью онъ занялъ выгодное положеніе недалеко отъ Александріи, гдѣ р. Танаро, выходя изъ Аппеннинъ впадаетъ въ По. Прикрытый обѣими рѣками, онъ могъ ожидать нападенія и въ то же время охранялъ путь, по которому долженъ былъ подойти Макдональдъ. Но Макдональдъ шель медленно. Его задерживали повсюду возникавшія народныя возстанія, для подавленія которыхъ онъ долженъ былъ ослаблять свои войска, оставляя гарнизоны въ городахъ. Съ одной стороны это обстоятельство разстраивало соображенія Моро, а съ другой то, что противъ него дѣйствовалъ такой полководецъ, который не допустилъ бы его соединиться съ Макдональдомъ. Дѣйствительно, предупредить это соединеніе и разбить cadaго изъ французскихъ главнокомандующихъ порознь, послѣ занятія Милана, составляло цѣль дальнѣйшихъ дѣйствій Суворова. Несмотря на жалобы австрійскихъ войскъ на непривычную для нихъ быстроту движеній и предписанія австрійскаго императора и его военнаго совѣта не подвигаться слишкомъ впередъ, а заботиться объ осадѣ крѣпостей, онъ придвинулъ войска къ Тортонѣ и тѣмъ закрылъ для Моро отступление на Геную, а Макдональду путь къ Александріи, вдоль подошвы Аппенниновъ. Позицію, занятую Суворовымъ, нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей считаютъ до такой степени выгодною, между двумя враждебными арміями, что онъ никакъ не долженъ былъ оставлять ея, если бы способенъ былъ руководиться здоровыми стратегическими соображеніями ¹⁾. Но русскій полководецъ иначе понималъ задачи стратегіи и думалъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, какъ бы ни была хороша избранная имъ позиція, она должна быть оставлена, если совершенно перемѣнились обстоятельства; что въ бесполезныхъ ожиданіяхъ на войнѣ не слѣдуетъ тратить времени, и что вѣрнѣе можно разбить двѣ непріятельскія арміи порознь, нежели дожидаться, чтобы онѣ напали на него съ двухъ сторонъ.

¹⁾ Тьеръ, тамъ же, стр. 374.

Въ Тортогѣ нашъ полководецъ получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что Макдональдъ принужденъ медленно подвигаться, задерживаемый народными возстаніями, долженъ ослаблять свои войска, оставляя гарнизоны, что онъ находится еще въ Римѣ и не скоро появится на главномъ поприщѣ военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ вѣнскій кабинетъ сообщалъ ему, что Директорія именно по случаю народныхъ возстаній противъ французовъ предписала даже Макдональду возвратиться въ Неаполь, а къ арміи Моро намѣрена послать подкрѣпленія изъ Франціи. Объ отправленіи этихъ подкрѣпленій писалъ ему съ полной увѣренностію въ вѣрности сообщаемого извѣстія самъ римскій императоръ. При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, Суворовъ не могъ оставаться въ бездѣйствіи, какъ бы ни была выгодна избранная имъ при совершенно иныхъ обстоятельствахъ позиція, и долженъ былъ начать военныя дѣйствія. Это понималъ и его противникъ, котораго смущала даже непродолжительная пріостановка дѣйствій нашего полководца, которому онъ отдавалъ должную справедливость, сравнивая его съ Наполеономъ ¹⁾.

Моро, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о движеніи Макдональда, могъ предполагать, что Суворовъ, оставивъ незначительный отрядъ передъ Александріей, съ главными войсками или пошелъ навстрѣчу Макдональду или двинулся къ Турину, въ тылъ его арміи. Народныя волненія, распространившіяся по всему Пиемонту, давали убѣдительный поводъ съ одной стороны дѣлать такія предположенія, а съ другой дѣйствительно опасаться за свой тылъ. Онъ рѣшился самъ начать дѣйствія и сдѣлать рекогносцировку. Если Суворовъ, дѣйствительно, увелъ главныя силы и передъ нимъ оставилъ незначительный отрядъ, то онъ предполагалъ разбить его и открыть себѣ путь отступленія въ Генуезскую ривьеру черезъ Нови и Бокетскій проходъ. Если же онъ встрѣтилъ бы главныя силы Суворова, то, не вступая въ неравный бой, немедленно отступилъ бы на Геную, какимъ бы ни пришлось путемъ. Несмотря на крѣпкую позицію при впаденіи рѣки Танаро въ По, Моро рѣшился ее оставить при измѣнившихся обстоятельствахъ. Его положеніе было крайне затруднительно. Съ незначительнымъ количествомъ войскъ противъ гораздо болѣе сильнаго противника, обремененный огромными обозами, какъ военными, такъ и съ художественными произведеніями, награбленными еще Бонапартомъ по всей Италіи,—въ странѣ, гдѣ повсюду распространилось народное возстаніе противъ французовъ, не ожидая ни откуда скорой помощи и давно рѣшившись отступить,

¹⁾ Г. Милютинъ, война 1799 г. т. II, стр. 582, прим. 103.

онъ остановился на крѣпкой позиціи только въ ожиданіи, что Суворовъ немедленно нападетъ на него. Но бездѣйствіе послѣдняго вынудило его самого начать дѣйствіе. Наведя мостъ черезъ Бормиду, онъ двинулъ впередъ дивизію Виктора, которую встрѣтилъ кн. Багратіонъ и разбилъ при Маренго. Моро успѣшилъ притянуть его къ себѣ и, оставивъ мысль о движеніи на Геную чрезъ Бокстскій проходъ, рѣшился отступить по трудному пути черезъ Аква и Каиро на Савонну. Преодоливъ многія затрудненія, онъ успѣлъ однако же, какъ спасти всѣ обозы, такъ и остатки своихъ войскъ, перейти Аппеннины и спуститься въ Генуезскую ривьеру. Суворовъ намѣревался его преслѣдовать мелкими отрядами у береговъ моря, а съ главными силами пошелъ на Туринъ и занялъ эту столицу Пиемонта. „Едва прошло полтора мѣсяца“, говоритъ историкъ этой блестящей кампаніи¹⁾, со времени прибытія Суворова на Манцію, какъ вся сѣверная Италія была очищена отъ непріятели. Во власти французовъ остались только крѣпости Мантуя, Кони и цитадели Тортоны, Александріи и Турина;“ но и тѣ вскорѣ сдались, одна вслѣдъ за другою; тѣмъ не менѣе Суворову помѣшали привести въ исполненіе его предположенія. Паденіемъ крѣпостей исполнялись всѣ желанія вѣнскаго кабинета; но занятіе Пиемонта возбудило въ немъ корыстное намѣреніе присоединить эту страну къ имперіи, что, конечно, не входило въ виды русскаго полководца и еще менѣе русскаго императора, и что подготовило печальный исходъ этой блестящей кампаніи.

Моро сосредоточилъ и привелъ въ порядокъ свои разстроенныя войска у Генуи и двинулъ частныя отряды въ Тоскану, чтобы открыть сообщеніе съ Макдональдомъ. Только соединившись съ нимъ, онъ считалъ возможнымъ открыть наступательныя дѣйствія, которыхъ постоянно требовала Директорія. „Побѣда въ Италіи“,—писалъ онъ ей,—„необходима для Франціи, и я постараюсь сдержать ее. Я увѣренъ въ моихъ войскахъ, а они вѣрятъ мнѣ“. Въ это время французскій флотъ появился у Генуи. Духъ войскъ поднялся, и Моро надѣялся даже одержать побѣду, но считалъ ее возможною лишь по соединеніи съ Макдональдомъ. Русскій полководецъ, однако, не далъ осуществиться этой возможности: онъ не допустилъ неаполитанскую армію соединиться съ италіанскою. Рядъ одержанныхъ имъ побѣдъ окончился совершеннымъ пораженіемъ Макдональда при Требін. Въ то время, когда разбитыя войска Макдональда спасались въ Генуезскую Ривьеру, Моро выступилъ изъ нея, чтобы

¹⁾ Г. Милютинъ, война 1799 г., т. II, стр. 118.

дѣйствовать во флангъ и тылъ Суворову. У Бормиды онъ встрѣтилъ и разбилъ австрійскій корпусъ Бельгарда, осаждавшій Александрію; но, узнавъ потомъ объ участи неаполитанской арміи, не рѣшился идти далѣе на вѣрное пораженіе и снова отступилъ за Аппенины, лишивъ возможности Суворова, который уже шелъ на него, „встрѣтить его такъ же, по его словамъ, какъ онъ встрѣтилъ Макдональда“¹⁾).

Предположенія французскихъ военачальниковъ не удались. Недовольная ихъ дѣйствіями Директорія смѣнила обоихъ. На мѣсто Моро назначенъ былъ молодой генераль Жуберъ, Макдональдъ замѣненъ Сень-Сиромъ. Суворовъ намѣревался двинуть войска въ Генуезскую Ривьеру, чтобы довершить ихъ окончательное пораженіе и очистить себѣ путь въ предѣлы Франціи. Южные департаменты волновались въ ожиданіи вторженія, осыпали упреками республиканское правительство и просьбами оказать имъ защиту. Это волненіе и собственная неспособность членовъ Директоріи вынудили измѣнить ея составъ. Но, съ этою перемѣною лицъ, не перемѣнился взглядъ на положеніе дѣлъ. Правительство Франціи по-прежнему считало себя способнымъ руководить дѣлами Европы и дерзкимъ насиліемъ и грабежомъ водворить повсюду государственное устройство, котораго выдержать она сама не была способна. Коварная и корыстная политика вѣнскаго двора, бездарность надменнаго своею мудростью военнаго совѣта, который думалъ руководить изъ Вѣны дѣйствіями нашего полководца, вынудили его усилить осаду крѣпостей и особенно Мантуи, чего настоятельно требовалъ самъ императоръ.

Между тѣмъ, въ продолженіе этого времени Моро привелъ въ порядокъ войска, они получили новыя подкрѣпленія и доведены были до 40 т., когда прибылъ новый главнокомандующій, порывавшійся помѣряться силою съ противникомъ и выполнить ожиданія Директоріи. Прежде его прибывшій къ войскамъ Сень-Сиръ, собравшій свѣдѣнія о количествѣ войскъ, которыми могъ располагать Суворовъ, совѣтовалъ не вызывать его на бой, а ожидать прибытія новыхъ подкрѣпленій²⁾. По пріѣздѣ Жубера, Моро немедленно хотѣлъ оставить армію; уступая его просьбамъ, онъ, однако, остался и, по свидѣтельству Сень-Сира, поддерживалъ наступательные замыслы Жубера, вѣроятно, не зная о сдачѣ Мантуи и усиленіи войскъ Суворова корпусомъ Края. Пока Жуберъ колебался, не

¹⁾ Письмо Суворова къ Краю 11/22 іюля 1799 г.

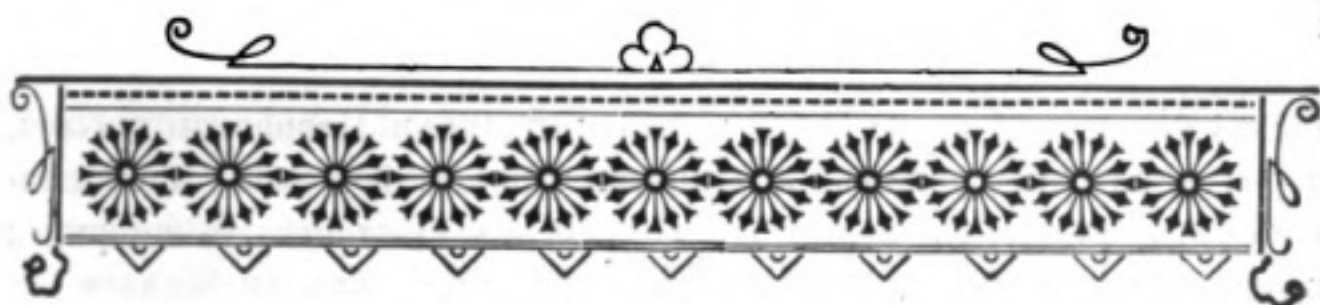
²⁾ *Memoire de marechale Gouvion Saint-Syr*, т. 1, стр. 218 и слѣд.

зная, на что рѣшиться, Суворовъ вызвалъ его на бой. Побѣда при Нови окончила рядъ военныхъ дѣйствій въ сѣверной Италіи. При самомъ началѣ сраженія Жуберъ былъ раненъ на смерть, и на Моро пала тяжелая обязанность распорядиться войсками, потерять сраженіе и спасти разбитые остатки войскъ бѣгствомъ за Аппенины.

Ал. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера¹⁾.

лѣдующее лѣто я провелъ съ семействомъ очень пріятно въ Ревелѣ на дачѣ около Катариненталя.

Во время моего пребыванія въ Ревелѣ, я получилъ телеграмму отъ Мицкевича, директора канцеляріи м-ра финансовъ, съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ по желанію Грейга. По прибытіи въ Петербургъ оказалось, что Грейгъ вызвалъ меня, чтобы предложить мнѣ вакантный постъ директора Департамента Государственнаго Казначейства, который я, разумѣется, съ благодарностью принялъ. Въ это время въ Петербургѣ гостилъ Леруа-Больѣ. Я встрѣтился съ нимъ на обѣдѣ у С. А. Грейга, на который кромѣ меня были приглашены Ламанскій и редакторъ „Journal de St.-Petersbourg“ Горнъ.

Въ концѣ октября состоялось наконецъ назначеніе А. А. Абаза—министромъ финансовъ. На послѣднемъ докладѣ у Грейга, С. А. самъ сообщилъ мнѣ о своемъ уходѣ, затѣмъ пригласилъ меня къ завтраку, за которымъ мы оживленно съ нимъ бесѣдовали, при чемъ онъ мнѣ высказалъ много любезнаго по поводу нашихъ отношеній и моей служебной дѣятельности, во время его министерства.

1881.

Въ январѣ 1881 г. скончался князь Д. А. Оболенскій, съ которымъ я такъ долго вмѣстѣ работалъ въ таможенномъ департаментѣ, и съ которымъ я съ того времени находился въ близкихъ отноше-

¹⁾ См. „Русская Старина“ сентябрь 1910 г.

ніяхъ. По просьбѣ его вдовы, княгини Дарьи Петровны, просьбѣ, переданной мнѣ братомъ покойнаго, княземъ Юріемъ Александровичемъ, я написалъ некрологъ кн. Дм. Ал. Оболенскаго, который и появился въ „Голосѣ“.

Немного времени спустя, мнѣ пришлось написать еще другой некрологъ, по случаю смерти м-мъ Пейкеръ. М-мъ Пейкеръ была одна изъ самыхъ ревностныхъ членовъ Пашковскаго кружка, я такъ часто съ нею видѣлся и очень сблизился. Это была очень умная и симпатичная женщина, проникнутая глубокимъ христіанскимъ чувствомъ. Узнавъ о ея смерти, я отправился къ ней на квартиру, чтобы проститься съ покойной, и случайно пришелъ ко времени служенія панихиды. Торжественная православная заупокойная служба, при участіи лицъ Пашковскаго кружка, произвела на меня глубокое впечатлѣніе, представляя какъ-бы желанное сближеніе глубоко вѣрующихъ пашковцевъ съ православною церковью. Нельзя было не сожалѣть, что это истинное христіанское движеніе, вызванное лордомъ Рэдстокомъ и сгруппировавшееся около Пашкова, уклонилось въ сторону сектантства, ибо оно могло дѣйствовать очень благотворно въ средѣ православнаго общества, какъ соль, на поднятіе внутренняго духовнаго чувства, въ противность формализму, который получилъ у насъ къ сожалѣнію распространеніе.

Насталъ роковой день 1-го марта. Это было воскресенье; я только что вернулся изъ церкви отъ обѣдни, какъ вдругъ въ мой кабинетъ вошла моя сестра въ крайне возбужденномъ состояніи и сообщила мнѣ, что только что произошло покушеніе на жизнь Государя. Нѣсколько времени спустя я вышелъ изъ дому, пошелъ на Екатерининскій каналъ и остановился противъ мѣста, гдѣ произошла катастрофа. Въ зданіи конюшеннаго вѣдомства, всѣ окна были раздроблены отъ взрыва—на мѣстѣ покушенія, по ту сторону канала, стояла полиція и разные другіе люди. Оттуда я отправился къ Зимнему Дворцу, вся площадь передъ Дворцомъ была наполнена народомъ, который стоялъ, обращая взоры на Дворецъ и ожидая извѣстій о положеніи Государя. Не долго я пробылъ на площади, какъ изъ Зимняго Дворца выѣхала коляска, сопровождаемая конвоемъ кавалеристовъ¹⁾; въ ней сидѣлъ Наслѣдникъ, въ этотъ моментъ уже Государь Александръ III. Было около 5 часовъ. Всѣ поняли, что великая катастрофа совершилась, Александръ II-й пересталъ существовать.

¹⁾ Вскорѣ послѣ того Императоръ Александръ III отмѣнилъ сопровожденіе его экипажа коннымъ взводомъ и въ теченіе всего своего царствованія уже не ѣздилъ съ конвоемъ.

Въ этотъ день Государь долженъ былъ завтракать у Вел. Кн. Екатерины Михайловны. Рассказываютъ, что утромъ у него былъ съ докладомъ гр. Лорисъ-Меликовъ, который сообщилъ Государю, что полиція нашла на слѣдъ очень серьезнаго заговора, что скоро все разъяснится, и просилъ Государя, по крайней мѣрѣ, одинъ день не выѣзжать, пока все не будетъ раскрыто, чтобы не подвергать себя опасности, въ случаѣ могущаго быть покушенія. Но Государь не согласился и поѣхалъ завтракать къ Великой Княгинѣ.

Заговорщики очевидно знали о его намѣреніи и приняли самыя широкія мѣры, для достиженія на этотъ разъ ихъ преступной цѣли. Государь отъ Великой Княгини могъ ѣхать или мимо Михайловскаго Дворца и театра по каналу или по Садовой улицѣ. И тутъ и тамъ заговорщиками была приготовлена засада. Нѣсколько метальщиковъ бомбъ расположились вдоль Екатерининскаго канала. Въ Садовой же былъ сдѣланъ подкопъ подъ средину улицы, начиненный громадною массою взрывчатаго вещества, который имѣлось въ виду взорвать электрическимъ проводомъ въ моментъ проѣзда Государя. Съ этою цѣлью заговорщики наняли сырную лавку и изъ нея производили подкопъ. Полиція почему-то возымѣла подозрѣніе и командировала инженернаго генерала Мравинскаго, отца известной оперной пѣвицы, для освидѣтельствованія этой подозрительной лавки. Но Мравинскій ничего не нашелъ подозрительнаго, а между тѣмъ всѣ бочки, въ коихъ хранилось яко-бы масло,—подъ тонкимъ слоемъ масла и муки были наполнены землей, извлеченной изъ почвы при производствѣ подкопа. Впослѣдствіи были найдены кромѣ того еще динамитныя мѣшки подъ нѣкоторыми мостами на Мойкѣ и по Екатерининскому каналу, погруженные въ воду.

Сигнальщикомъ заговора была Перовская. Она стояла по другой сторонѣ канала и въ тотъ моментъ, когда экипажъ Государя поравнялся съ Михайловскимъ театромъ и выѣхалъ къ каналу, подала сигналъ платкомъ. Когда экипажъ Государя выѣхалъ на набережную, одинъ изъ метальщиковъ бросилъ свою бомбу,—произошелъ первый взрывъ, но карета Государя пострадала незначительно, и самъ Государь не былъ раненъ, оказались только раненые и даже убитые въ средѣ конвоя. Кучеръ погналъ лошадей, чтобы скорѣе уѣхать съ опаснаго мѣста, но Государь приказалъ ему остановиться, вышелъ изъ кареты и подошелъ къ раненымъ. Въ этотъ моментъ была брошена вторая бомба, произошелъ второй взрывъ, самъ метальщикъ былъ опасно раненъ, а у Государя оторвало ногу—онъ упалъ. Поднялась ужасная суматоха, раненаго Государя, кажется, хотѣли снести въ близъ лежащій домъ, чтобы сдѣлать ему перевязку, но Государь выговорилъ слова: „домой во дворецъ умирать“.

Подали сани кого-то изъ свиты, въ нихъ посадили или скорѣе уложили Государя, съ нимъ сѣлъ кто-то изъ генераловъ свиты, имя котораго не помню. Первое время Государь оставался еще въ памяти, несмотря на ужасное израненіе; увидя на лицѣ ѣхавшаго съ нимъ генерала кровь, Государь улыбувшись сказалъ: „и у тебя кровь“. Но когда сани доѣхали до Зимняго Дворца, то Государь уже потерялъ сознание, вслѣдствіе громадной потери крови во время пути, такъ какъ артеріи ноги были разорваны. Его внесли безпамятнаго во Дворецъ, при чемъ вся лѣстница обагрилась его кровью позвали духовника Государя, который приобщилъ его св. тайнъ, но уже въ безсознательномъ состояніи, и затѣмъ скоро все кончилось, Государь Александръ II-й почилъ.

Смерть Государя вызвала ужасное смущеніе во всѣхъ сферахъ общества. Злодѣйское убіеніе Царя, который предпринялъ рядъ реформъ и еще въ послѣднее время при Л.-Меликовѣ намѣревался завершить эти реформы болѣе рѣшительными мѣрами—представлялось самымъ безумнымъ дѣйствіемъ крайней партіи анархистовъ. Въ умахъ господствовала удивительная путаница, никто въ сущности не давалъ себѣ яснаго отчета въ положеніи и не зналъ, чего ожидать въ будущемъ. Повсюду объ этомъ толковали и спорили, даже на университетскихъ кафедрахъ. Такъ обратила на себя вниманіе рѣчь Соловьева, въ которой, порицая злодѣйское преступленіе анархистовъ, онъ однако развивалъ мысль, что виновныхъ не слѣдуетъ предавать смертной казни, такъ какъ ни при какихъ обстоятельствахъ нельзя оправдывать смертной казни. Вслѣдствіе этой рѣчи Соловьевъ долженъ былъ оставить профессуру. Доводы его, разумѣется, не были услышаны, и виновные были казнены повѣшеніемъ; особенное впечатлѣніе произвела казнь Перовской. Послѣ катастрофы она скрывалась въ Петербургѣ, — разѣдучи на извозчикѣ, она была узнана по фотографической карточкѣ чиномъ тайной полиціи, который ее и задержалъ. Она просила его отпустить ее и даже предлагала ему деньги, но, разумѣется, безрезультатно, и ее постигла должная кара, такъ какъ она во всемъ этомъ дѣлѣ играла выдающуюся роль, и только благодаря ея сигналу удалось преступленіе.

2-го марта происходило собраніе высшихъ чиновъ въ Дворцѣ для принесенія присяги воцарившемуся Государю. 3-го марта торжественная панихида въ дворянскомъ собраніи, а вечеромъ того дня перенесеніе изъ Дворца въ соборъ тѣла покойнаго Государя. Когда гробъ проносили чрезъ залы Дворца, всѣ находившіеся въ залахъ опустились на колѣни, это былъ возвышенный моментъ, который не могъ не произвести на всѣхъ глубокаго впечатлѣнія.

Въ одинъ изъ этихъ дней я провелъ вечеръ у баронессы Рааденъ въ обществѣ принцессы Елены Георгіевны Мекленбургской и Ел. Ал. Нарышкиной. Баронесса пригласила близкихъ ей лицъ, желая обмѣняться мыслями по случаю того печальнаго происшествія, которое мы переживали. Принцесса Елена рассказывала, что она присутствовала во Дворцѣ при смерти Государя и описывала, какое ужасное впечатлѣніе производило его изуродованное и окровавленное тѣло и слѣды крови во всей комнатѣ....

Въ первое время послѣ смерти Государя былъ принятъ рядъ мѣръ, который носилъ на себѣ характеръ той неопредѣленности и того смятенія, которыя вызвала въ обществѣ случившаяся катастрофа.

Въ Петербургѣ былъ образованъ совѣтъ выборныхъ при губернаторѣ. Губернаторомъ былъ назначенъ Барановъ, отличившійся во время послѣдней турецкой войны и находившійся въ антагонизмѣ съ В. Кн. Константиномъ Николаевичемъ. Въ этомъ совѣтѣ производились самыя удивительныя, нелѣпыя рѣчи, и принимались не менѣе удивительныя мѣры; такъ временно былъ остановленъ вѣздъ въ Петербургъ, въ слѣдствіе чего прекратился подвозъ изъ деревни предметовъ потребленія, молока, живности... Совѣтъ этотъ просуществовалъ не долго и скоро былъ закрытъ, Барановъ тоже оказался не на высотѣ положенія и не долго оставался на своемъ посту. Затѣмъ была образована *охрана*, родъ специальной полиціи, которая должна была слѣдить за безопасностью особы Государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ средѣ нѣкоторыхъ молодыхъ людей высшаго круга возникла мысль изъ своей среды образовать родъ негласной политической полиціи, для содѣйствія правительству въ дѣлѣ преслѣдованія анархистскаго движенія; вмѣшательство этихъ политическихъ добровольцевъ, кромѣ безпорядка и замѣшательства, ничего путнаго не дало, и этотъ негласный кружокъ полицейскихъ добровольцевъ былъ упраздненъ при гр. Толстомъ.

Вскорѣ послѣ смерти Государя стали говорить о томъ, что гр. Лорисъ-Меликовымъ былъ представленъ Государю проектъ законодательнаго собранія, чуть ли не конституція, съ которымъ Государь соглашался, но не успѣлъ его только окончательно утвердить. Говорили, что когда гр. Валуевъ, которому поручена была окончательная редакція проекта, привезъ его утромъ 1-го марта Государю, Государь, благосклонно отнесясь къ проекту, предложилъ при этомъ графу Валуеву показать предварительно этотъ проектъ графу Лорисъ-Меликову. Затѣмъ злодѣйское покушеніе лишило его возможности подписать проектъ. Россія была такимъ образомъ на порогѣ консти-

туціоннаго режима, и только смерть Государя воспрепятствовала его осуществленію.

Проектъ графа Лорисъ-Меликова вращался однако въ гораздо болѣе скромныхъ границахъ; ни о какой конституціи, ни даже о постоянномъ законодательномъ собраніи выборныхъ въ немъ не было рѣчи, какъ видно изъ подлиннаго текста проекта, напечатаннаго въ матеріалахъ Булыгинской комиссіи.

Проектъ этотъ заключался главнымъ образомъ въ слѣдующемъ; привожу здѣсь извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго доклада графа Лорисъ-Меликова.

„Возлагая на меня столь трудныя обязанности, въ тяжкую для Россіи минуту, В. В. соизволили преподать мнѣ указанія на необходимость, для успѣшнаго выполненія порученной мнѣ задачи, принятія мѣръ, направленныхъ не только къ строгому преслѣдованію вредныхъ проявленій соціальнаго ученія и къ твердому упроченію правительственной власти, временно поколебленной прискорбными событіями минувшихъ лѣтъ, но, главнымъ образомъ, и къ возможному удовлетворенію законныхъ потребностей и нуждъ населенія... Могу засвидѣтельствовать нынѣ предъ В. В., что первые шаги по этому пути принесли уже замѣтную пользу: постепенное возвращеніе государственной жизни къ правильному ея теченію удовлетворяетъ въ значительной степени внутреннимъ стремленіямъ благомыслящей части общества и укрѣпляетъ временно поколебленное довѣріе населенія къ силѣ и прочности правительственной власти въ Россіи. Объединеніе дѣйствія правительственныхъ органовъ, охраняющихъ государственный и общественный порядокъ, облегченіе участи административно высланныхъ, особенно изъ среды учащейся молодежи, внесеніе болѣе сердечнаго участія въ руководство учебною частію въ Имперіи, усиленное вниманіе правительства къ мѣстнымъ земскимъ нуждамъ въ широкомъ объемѣ, выразившееся какъ въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ ходатайствъ, оставившихся прежде безъ движенія, такъ и въ назначеніи сенаторскихъ ревизій съ главнѣйшею цѣлью изученія этихъ нуждъ; отмена ненавистнаго для народа солянаго налога; предпринятый пересмотръ неудовлетворяющаго своей цѣли законодательства о печати, оказали и оказываютъ благотворное вліяніе на общество, въ смыслѣ успокоенія тревожнаго состоянія...

„Въ видахъ прочнѣйшаго установленія порядка, такимъ настроеніемъ необходимо воспользоваться. Великія реформы царствованія В. В., вслѣдствіе событій, обусловленныхъ совмѣстными съ ними, но не ими вызванными проявленіями ложныхъ соціальныхъ ученій, представляются до сихъ поръ отчасти не законченными, а отчасти

не исполнѣ согласованными между собою. Кромѣ того, многіе первостепенной важности вопросы, давно уже предуказанные Державною Волею, остаются безъ движенія въ канцеляріяхъ разныхъ вѣдомствъ. Для заключенія реформъ и для разрѣшенія стоящихъ на очереди вопросовъ имѣется уже много матеріаловъ.... но и эти данныя, при окончательной разработкѣ ихъ, несомнѣнно окажутся недостаточными, безъ практическихъ указаній людей, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями.

„Въ виду изложеннаго, нельзя, по моему убѣжденію, не остановиться на мысли, что призваніе общества къ участию въ разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропріятій есть именно то средство, какое полезно и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолюю.

Обращаясь къ изысканію способа осуществленія этой мысли, обязываюсь выразить, что, по глубокому моему убѣжденію, для Россіи немислима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствія коей трудно и предвидѣть. Равнымъ образомъ мнѣ представляется далеко несвоевременнымъ и высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ Россійскаго Государства предположеніе о пользѣ образованія у насъ земской думы или земскаго собора. Наше время на столько удалилось отъ періода указываемой старинной формы представительства, по измѣнившимся понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей государства и современному его географическому очертанію, что простое возсозданіе древняго представительства являлось бы трудно осуществимымъ и, во всякомъ случаѣ, опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему.

При такомъ воззрѣніи на высказываемыя въ средѣ нѣкоторой части общества мнѣнія о необходимости прибѣгнуть къ представительнымъ формамъ, для поддержанія порядка въ Россіи, и признавать, что мнѣнія эти составляютъ лишь выраженіе созрѣвшей потребности служить общественному дѣлу, мнѣ представляется наиболѣе практическимъ способомъ дать законный исходъ этой потребности въ порядкѣ, испытанномъ уже при разработкѣ крестьянской реформы....

Исходя изъ этого основнаго начала и принимая во вниманіе, что на мѣстахъ имѣются нынѣ уже постоянныя учрежденія, способныя представить свѣдѣнія и заключенія по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію высшаго правительства, мнѣ казалось бы, что слѣдуетъ остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ временныхъ подго-

товительныхъ комиссій на подобіе организованныхъ въ 1858 году редакціонныхъ комиссій, съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій были подвергаемы разсмотрѣнію съ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ. Составъ подготовительныхъ комиссій могъ бы быть опредѣляемъ каждый разъ Высочайшимъ указаніемъ изъ представителей центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ свѣдущихъ и благонадежныхъ служащихъ и неслужащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по той или другой отрасли государственнаго управленія или народной жизни. Предсѣдательство въ комиссіяхъ должно бы принадлежать особенно назначеннымъ лицамъ изъ числа высшихъ государственныхъ дѣятелей. Въ составъ комиссій войдутъ и ревизующіе сенаторы, по окончаніи ими ревизій.

Число комиссій должно бы быть ограничено, на первое время, двумя по главнымъ отраслямъ, къ которымъ могутъ быть отнесены предметы занятій: административно-хозяйственные и финансовыя. Кругъ занятій первой изъ нихъ могли бы составлять нижеслѣдующіе предметы вѣдомства М. В. Д. Преобразование мѣстнаго губернскаго управленія, дополненіе крестьянскихъ положеній 19-го февраля, изысканія способовъ къ скорѣйшему прекращенію обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и къ облегченію выкупныхъ платежей, пересмотръ земскаго и городского положенія и организація продовольственныхъ запасовъ и мѣры къ охраненію скотоводства.

Предметы занятій финансовой комиссіи (вопросы податной, паспортной и др.) подлежали бы опредѣленію по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, основанному на предварительномъ соглашеніи съ М. В. Д.

Составленные подготовительными комиссіями законопроекты подлежали бы предварительному внесенію въ общую комиссію, имѣющую образоваться подъ предсѣдательствомъ особо назначеннаго Высочайшею Волею лица изъ предсѣдателей и членовъ подготовительныхъ комиссій, съ призывомъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а также отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ, по два отъ каждой губерніи и города, при чемъ въ видахъ привлеченія дѣйствительно полезныхъ и свѣдущихъ лицъ, губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамамъ должно быть предоставлено право избирать таковыхъ не только изъ среды гласныхъ, но изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города. Изъ губерній, гдѣ земскія учрежденія еще не открыты, могли бы быть призваны лица, по указанію мѣстной власти.

Для занятій общей комиссіи могло бы быть назначено крайнимъ срокомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Разсмотрѣнные и одобренные или исправленные общей комиссіею законопроекты подлежали бы внесенію въ Государственный Совѣтъ, съ заключеніемъ по онымъ министра, къ вѣдомству коего относится предметъ новаго законопроекта, при чемъ для облегченія Государственному Совѣту въ предстоящихъ его работахъ быть можетъ В. В. благоугодно будетъ повелѣть призвать и въ составъ его, съ правомъ голоса, нѣсколько, отъ 10 до 15 представителей отъ общественныхъ учрежденій, обнаружившихъ особенныя познанія, опытность и выдающіяся способности.

Работы не только подготовительныхъ, но и общей комиссіи должны бы имѣть значеніе исключительно совѣщательное и ни въ чемъ не измѣняющее существующаго нынѣ порядка возбужденія законодательныхъ вопросовъ и разсмотрѣнія ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Установленіе изложеннаго выше и испытаннаго уже съ успѣхомъ порядка предварительной разработки важнѣйшихъ вопросовъ, сопрягающихся къ интересамъ народной жизни, не имѣетъ ничего общаго съ западными конституціонными формами. За Верховною Властью сохраняется всецѣло и исключительно право возбужденія законодательныхъ вопросовъ во время и въ тѣхъ предѣлахъ, какіе Верховная Власть признаетъ за благо указать...

Весь личный составъ подготовительныхъ комиссій войдетъ въ составъ общей комиссіи и будетъ разяснять и поддерживать выработанные проекты. Эта обязанность будетъ лежать на предсѣдателяхъ подготовительныхъ комиссій, въ качествѣ помощниковъ предсѣдателя общей комиссіи. Самый составъ общей комиссіи будетъ каждый разъ предуказываемъ Высочайшею волею, при чемъ комиссія будетъ получать право заниматься лишь предметами, предоставленными ея разсмотрѣнію...

Приготовительныя работы могутъ быть совершенно закончены къ осени текущаго года и переданы въ подготовительныя комиссіи. По открытіи тогда же въ нихъ занятій, дѣятельность ихъ должна быть ведена съ такимъ расчетомъ, чтобы созывъ общей комиссіи, съ участіемъ общественныхъ представителей, могъ послѣдовать въ началѣ будущаго года, по окончаніи сессій губернскихъ земскихъ собраній.

Между тѣмъ такое учрежденіе можетъ дать правильный исходъ замѣтному стремленію общественныхъ силъ къ служенію престолу и отечеству, неминуемо внесетъ въ народную жизнь оживляющее начало и предоставитъ правительству возможность пользоваться

опытностью мѣстныхъ дѣятелей, ближе стоящихъ къ народной жизни, нежели чиновники центральныхъ управленій.

Соображенія эти, въ связи съ возбужденными въ благомыслящей части общества радостными ожиданіями дальнѣйшаго развитія великодушно предначертанныхъ В. И. В. преобразованій, не могутъ не заслуживать самаго серьезнаго вниманія. Позволяю себѣ повернуть предъ Вами, Государь, глубокое мое убѣжденіе, что неудовлетвореніе приведеннымъ выше ожиданіямъ, въ настоящее время, неминуемо будетъ имѣть послѣдствіемъ, если не полное охлажденіе, то, по меньшей мѣрѣ, равнодушіе къ общественному дѣлу, представляющія, какъ указалъ прискорбный опытъ недавно истекшихъ лѣтъ, самую удобную почву для успѣха анархической пропаганды“...

Проектъ графа Лорисъ-Меликова состоялъ поэтому изъ трехъ частей: подготовительная комиссія, общая комиссія и призывъ въ Государственный Совѣтъ съ правомъ голоса небольшого числа представителей отъ общественныхъ учрежденій по выбору отъ правительства.

Подготовительная комиссія не представляла ничего новаго, такія комиссіи уже были у насъ—редакціонныя комиссіи, на которыя впрочемъ, какъ на образецъ, указываетъ и самъ авторъ проекта, Барановская комиссія и др.

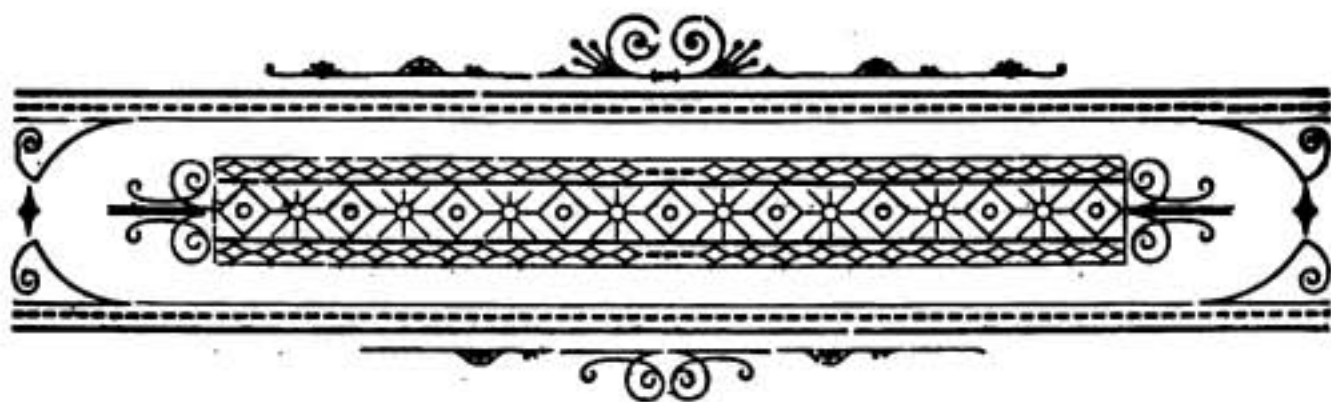
Общая комиссія, съ выборными изъ мѣстныхъ учрежденій, представляла нововведеніе. Это было совѣщательное учрежденіе для разсмотрѣнія законопроектовъ, но съ крайне ограниченной компетенціей. Разсмотрѣнію этой комиссіи предполагалось подвергать не всѣ, но только нѣкоторые законопроекты, по выбору двухъ министровъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ,—при чемъ засѣданія ея не должны были продолжаться болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Въ Государственный Совѣтъ уже прежде приглашались эксперты по назначенію отъ правительства; разница заключалась только въ томъ, что полагалось приглашать постороннихъ лицъ не какъ экспертовъ, а съ правомъ голоса, и не по спеціальнымъ дѣламъ, а повидимому, для постояннаго участія въ засѣданіяхъ Совѣта.

Трудно сказать, на сколько принятіе скромнаго проекта гр. Лорисъ-Меликова удовлетворяло бы въ свое время общественное мнѣніе,—но во всякомъ случаѣ этотъ проектъ составлялъ, несомнѣнно, шагъ впередъ по пути образованія представительныхъ учрежденій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) ¹⁾.

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Визирь рѣшился предложить Кутузову миръ и написалъ ему слѣдующее письмо: „Я на Васъ напалъ врасплохъ. 28 августа Вы сдѣлали со мной то же самое. Теперь, перейдя Дунай, мнѣ ничего не остается, какъ предложить миръ. Заключимъ же его. Будьте великодушны и не злоупотребляйте Вашими успѣхами“. Кутузовъ былъ великодушенъ. Заключить миръ было нетрудно, такъ какъ наши требованія были очень умѣренны. Послѣ того, что я написалъ Воейкову; послѣ того, что Кутузовъ сообщилъ Государю; послѣ того, что герцогъ Ришилье, въ своей секретной перепискѣ, не переставалъ представлять, Государь далъ секретныя приказанія, которыя прошли черезъ военнаго министра безъ вѣдома гр. Румянцева, но, по необъяснимымъ причинамъ, онъ упорствовалъ и хранилъ ихъ при себѣ, скрывая отъ канцеляріи и министра иностранныхъ дѣлъ, несмотря на явныя доказательства неправильности его взглядовъ, его полного ослѣпленія, упрямства и того зла, которое онъ приносилъ Россіи. Главныя четыре пункта, которыхъ требовало заключеніе мира, были слѣдующіе: 1) границы въ Европѣ, 2) границы въ Азіи, 3) сербы и 4) деньги на покрытие расходовъ войны.

При другихъ обстоятельствахъ, Бессарабія, Молдавія и Валахія

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1910 г.

не могли намъ заплатить за ту кровь и тѣ сокровища, которыхъ намъ стоила эта разорительная война, но положеніе, въ которомъ теперь находилась Россія, и то положеніе, въ которомъ она могла вскорѣ быть, требовало принесенія большихъ жертвъ для заключенія мира, сдѣлавшагося теперь необходимою. Не только его непременно нужно было заключить, но даже надо было добиться союза съ турками. Поэтому, мы должны были стараться не раздражать ихъ требовательными условіями, вслѣдствіе чего миръ, только что заключенный, могъ бы порваться.

Всѣ были слишкомъ долго ослѣплены поведеніемъ Франціи, но теперь можно было не сомнѣваться въ войнѣ съ Наполеономъ; она была неизбежна, и только война въ Испаніи нѣсколько задержала ее до того состоянія, въ которомъ мы тогда находились. У насъ было въ Польшѣ 200 тысячъ чел., что конечно было не слишкомъ много, тѣмъ болѣе, что у насъ было мало резервовъ, но зато молдавская армія, возвращающаяся въ свои границы, составляла прекрасную войска, только что перенесшія войну съ турками.

Если бы мы потеряли хоть два сраженія въ Польшѣ, то неприятель заставилъ бы наши войска перейти въ Бѣлоруссію, и тогда молдавская армія, абсолютно отрѣзанная, была бы принуждена поспѣшно отступить до Днѣстра, а можетъ быть и дальше.

Валахія была давно желаніемъ Вѣнскаго двора, который не съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ бы эту прекрасную страну въ нашихъ рукахъ, а намъ же давно хотѣлось похозяйничать тамъ, такъ какъ мы имѣли очень много противъ Вѣнскаго двора..

Получая Сереть какъ границу, турки расширили бы разстояніе между нами и Австріей на 30—40 верстъ, но за то теряли больше половины Молдавіи, самую лучшую ея часть, богатую и здоровую страну, горы, соляныя залежи, золотые пріиски и т. д.

Если считать, что мы избрали границей Сереть потому, что это была хорошая граница въ военномъ отношеніи, то такое соображеніе не имѣло никакихъ основаній, такъ какъ эта рѣка часто вездѣ проходима въ бродъ, о чемъ можно было въ точности узнать у мѣстныхъ жителей всей Молдавіи. Надо было бы подумать и о Валахіи, которую нельзя было оставлять въ угоду фанарскихъ грековъ, которые имѣютъ большое вліяніе на Порту, только для того, чтобы удовлетворить ихъ самолюбію и жадности.

Даже обладаніе Молдавіей было для насъ менѣе важно, чѣмъ границы въ Азіи. Главнымъ же образомъ здѣсь играло честолюбіе, но военный интересъ долженъ быть выше этого чувства. Прута

было бы достаточно для Европы, но въ Азіи нужно было имѣть Ахалцыхъ ¹⁾ и Абхазію.

У насъ есть Анапа, и намъ не нужно было ее ни отдавать, ни даже разрушать. Потн для насъ мало важенъ, такъ какъ черкесы слишкомъ неудобны какъ сосѣди; у нихъ нѣтъ ни пороха, ни оружія, которое они бы получили только отъ турокъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ русскими, они должны были бы намъ подчиниться или, по крайней мѣрѣ, прекратить свои разбои, которые заставляютъ имѣть на Кубани цѣлую армію.

Результаты окончанія этой безконечной войны были бы для русскихъ выгоднѣе, нежели прибавленіе земель въ Молдавіи, приобрѣтеніе которыхъ затрагивало интересы Турціи, бывшей подъ вліяніемъ грековъ, которые опасались потерять это княжество. Затѣмъ, турецкіе полномочные министры такъ же мало знали объ Азіатскихъ провинціяхъ, какъ и мы. Что касается денегъ, то мы были увѣрены, что ихъ никогда больше не получимъ. Турки никогда не согласились бы заплатить контрибуцію, требуемую отъ нихъ послѣ мира въ Кайнарджи и въ Яссахъ, и хотя мы крайне нуждались въ деньгахъ, но Государь имѣлъ настолько великодушія, что не требовалъ ихъ и настолько ловкости и умѣнья, что легко скрылъ свою нужду въ нихъ.

Нельзя было покинуть и сербовъ, не выказавъ этимъ къ нимъ нашу неблагодарность, хотя эта нація далеко не заслуживала той репутаціи и уваженія, которыя она тогда имѣла въ Европѣ. Они должны были быть свободны, имѣть свое особое управленіе и оставаться только данниками Порты. Бѣлградъ долженъ быть отданъ туркамъ вмѣстѣ съ военной дорогой, идущей къ расположенію войскъ, составлявшихъ его гарнизонъ.

Вотъ что я первый осмѣлился представить, но только не графу Румянцеву, который не понялъ бы моихъ благородныхъ стремленій для пользы отечества, а, черезъ Воейкова, военному министру Барклаю-де-Толли.

¹⁾ Кутузовъ говорилъ объ этомъ съ визиремъ, который отвѣчалъ ему, что если даже онъ отдастъ ихъ, то паши ни въ какомъ случаѣ не согласятся на это, и что намъ придется взять ихъ силой. Несомнѣнно, лучше было бы, если бы Гудовичъ и Тормасовъ, вмѣсто того, чтобы сражаться при Эривани, подумали о занятіи Ахалцыха. Истина заставляетъ меня сказать, что всѣ, начиная съ Кутузова, не имѣли никакого понятія о томъ, какъ важны намъ Азіатскія границы. У насъ даже не было географическихъ подробностей объ этихъ провинціяхъ. Въ этомъ можно было винить герцога Ришелье—генераль-губернатора Кубани, человѣка хорошо знающаго все касающееся его области; онъ могъ бы хоть слово сказать намъ, но это молчаніе было большой небрежностью съ его стороны.

Обладая здоровымъ и справедливымъ умомъ и чувствуя искреннюю признательность къ своему повелителю, онъ никогда не пропускалъ случая сдѣлать что-нибудь полезное для своего отечества.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего перехода черезъ Дунай, Кутузовъ приказалъ также переправиться Грекову въ Туртукаѣ и Гамперу въ Силистріи. Обѣ экспедиціи кончились удачно. Грековъ, со своимъ казачьимъ полкомъ и шестью ротами пѣхоты Витебскаго и Куринскаго полковъ, переправился черезъ рѣку и, не встрѣтивъ на томъ берегу никакого сопротивленія, занялъ Туртукаѣ и новыя укрѣпленія, построенныя турками. Паша успѣлъ спастись, но его сынъ былъ взятъ въ плѣнъ. Потери съ обѣихъ сторонъ были незначительны.

Гамперъ переправился черезъ Дунай съ отрядомъ въ 1.500 ч., состоявшихъ изъ Козловскаго пѣхотнаго полка, Смоленскихъ драгунъ и казаковъ Луковкина и Уральскаго полковъ, бывшихъ подъ начальствомъ самого Луковкина, дѣятельнаго, разумнаго и вполне способнаго человѣка, подготовленнаго къ командованію и регулярными войсками, что очень рѣдко среди казаковъ.

Емикъ-Оглы, привыкшій быть захваченнымъ врасплохъ, перенесъ это еще разъ. Онъ началъ перестраивать въ Силистріи дома и поправлять валы, которые были легко взяты нашими войсками, такъ какъ для защиты ихъ было у турокъ слишкомъ мало войскъ. Мы взяли у нихъ 8 совершенно новыхъ пушекъ, которыя они только что получили изъ Константинополя, а бывшіе защитники, числомъ 3—4 тысячи, были разбиты или взяты въ плѣнъ. Самъ Емикъ-Оглы спасся верхомъ на лошади. Онъ имѣлъ порученіе отъ визиря произвести наступленіе на Каларашъ, для чего ему заранѣе и послали 8 пушекъ, которыя онъ и потерялъ. Послѣ перехода Маркова черезъ Дунай, визирь писалъ ему: „эти невѣрующія собаки, по гнѣву Божію, занявшія нашъ лагерь, окружили армию правовѣрныхъ...“ и совѣтовалъ ему не предпринимать дальнѣйшаго наступленія. Мы нашли это письмо.

Совѣтъ былъ очень хорошъ, но визирь долженъ бы былъ еще прибавить, чтобы онъ былъ болѣе предусмотрителенъ и построилъ бы на берегу Дуная, среди развалинъ города, сильное укрѣпленіе вмѣсто того, чтобы чинить ретраншаменты на протяженіи 5 верстъ.

Послѣ этихъ двухъ удачныхъ экспедицій, которыя навели много страха въ странѣ, ничто уже не мѣшало Луковкину и Грекову идти на Шумлу и Разградъ, но въ это время, какъ разъ совершенно не кстати, заключили перемиріе, и это, къ большому сожалѣнію, должно было остановить ихъ.

Визирь сначала осмѣлился просить границей Днѣстръ, но ему

отвѣтили на это такъ, что онъ больше уже не рисковалъ повторять свое предложеніе. Тогда онъ предложилъ часть Бессарабіи и затѣмъ ставилъ границею Прутъ. Мы думали, что онъ такимъ образомъ дойдетъ до Серета, но вскорѣ увидѣли, что такую границу мы можемъ получить только послѣ новыхъ подвиговъ, ожидать которыхъ было уже поздно, такъ какъ намъ было некогда терять на это время.

П е р е м и р і е.

Наконецъ, послѣ десятидневныхъ переговоровъ, несмотря на всѣ мои старанія продолжать военныя дѣйствія и, въ то же время, вести переговоры о мирѣ, Кутузовъ согласился на перемиріе, сведя къ нулю всѣ результаты, которыхъ мы ожидали отъ нашей побѣды.

Визирь испугалъ Кутузова, пославъ ему сказать, что такъ какъ турки желаютъ мира только для того, чтобы спасти Русуку и свою голову, то, въ случаѣ продолженія войны, онъ уйдетъ за Балканы и укрѣпится тамъ, не оставивъ никого для веденія мирныхъ переговоровъ.

Дѣло было въ томъ, что онъ обманулъ султана, донеся ему, что онъ принужденъ былъ оставить Русуку и прекратить операциіи вслѣдствіе холоднаго времени года; что русскіе напали на его арріергардъ и причинили ему нѣкоторыя потери и что онъ собирается вести переговоры о мирѣ. Никто изъ его арміи не зналъ или не смѣлъ писать иначе.

Если бы мы прогнали его изъ Русука, а сами подошли бы къ Шумлѣ, тогда ему немислимо было бы скрывать всю правду, и онъ не спасъ бы своей головы.

Различіе моихъ взглядовъ съ Кутузовымъ и, быть можетъ, рѣзкая манера объясняться съ нимъ породили нѣкоторую холодность въ нашихъ отношеніяхъ. Эта холодность была скоро замѣчена, и добрые друзья не преминули вмѣшаться въ наши отношенія. Марковъ, адъютанты, чиновники и волонтеры прибавляли яду къ моимъ словамъ, которыя и безъ того были довольно горячи, но въ общемъ все кончилось благополучно. Я былъ нуженъ Кутузову, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, съ 28 августа, я былъ единственнымъ, который велъ дѣла. Онъ объяснилъ мнѣ причины, заставлявшія его дѣйствовать такъ, а не иначе; и я, хотя былъ далеко отъ того, чтобы согласиться съ нимъ, послѣ нѣкотораго размышленія, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости покориться роли подчиненнаго; тѣмъ болѣе, что

я былъ вторымъ въ арміи. Эта роль накладывала на меня обязанность молчанія и подчиненія своему начальнику, хотя бы я и не сочувствовалъ его рѣшеніямъ.

Порѣшили собрать въ Журжевѣ конгрессъ, въ составѣ шести членовъ, по три съ каждой стороны. Отъ насъ были назначены: Италинскій, ген. Сабанѣевъ и старшій Фонтонъ, послѣдній не поправился туркамъ; а между тѣмъ, онъ прекрасно зналъ турокъ, хорошо говорилъ на ихъ языкѣ и, будучи долго первымъ драгоманомъ во французской миссіи, онъ въ совершенствѣ изучилъ мусульманскіе нравы и зналъ, какъ надо вести съ ними дѣла. Замѣчательно, что его назначеніе также не нравилось и русскимъ, такъ какъ его все еще подозрѣвали въ преданности туркамъ.

Турки же избрали своимъ полномочнымъ Ардоникадіа (полевой судья), называвшаго себя Селимомъ-Ефенди, который былъ улемомъ, т. е. человѣкомъ закона и культуры. Русскіе называли его г-мъ священникомъ. Вторымъ полномочнымъ былъ Галибъ-Ефенди, тогда Кая-бей въ арміи. Третьимъ они назначили Гамида-Ефенди, бывшаго зимой въ Бухарестѣ. Дмитрій Мурузи, первый драгоманъ въ Портѣ, также участвовалъ въ этомъ конгрессѣ. Это былъ человѣкъ образованный, необычайно хитрый и пронырливый. Кутузовъ считалъ его искренне преданнымъ нашимъ интересамъ, но жестоко ошибся, такъ какъ онъ, какъ и всѣ фанарскіе греки, занимался исключительно своими личными интересами. Намъ все-таки удалось привязать его къ себѣ, предложивъ ему въ перспективѣ владѣніе Валахіей, о чемъ онъ давно мечталъ, при нашей помощи или при содѣйствіи Кая-бея. Его мечты, впрочемъ, не оправдались, и онъ не получилъ Валахіи.

Молодой Антонъ Фонтонъ былъ нашимъ переводчикомъ; у турокъ переводчикомъ былъ грекъ Апостолаки-Сталю. Здѣсь я вспоминаю анекдотъ про него. Галибъ-Ефенди былъ очень маленькаго роста, и когда онъ садился на лошадь, то ему невозможно было закинуть ногу на сѣдло, тогда Апостолаки становился на четвереньки и, такимъ образомъ, служилъ ему скамейкой. Это совсѣмъ въ нравахъ турокъ.

Конгрессъ въ Журжевѣ поражалъ своей смѣшной стороной: Италинскій поражалъ своимъ большимъ, прямо гигантскимъ ростомъ; Селимъ-Ефенди также былъ большого роста и очень толстый; во время засѣданій онъ никогда не произносилъ ни одного слова и большею частью дремалъ. Сабанѣевъ и Кая-бей были просто карликами. Засѣданія конгресса происходили въ зданіи бывшаго кабака, извѣстнаго всѣмъ молодымъ людямъ. И въ такомъ-то отвратительномъ мѣстѣ рѣшалась судьба двухъ государствъ.

Этому конгрессу, еще до начала его, чуть не помѣшали нѣко-

торыя препятствія. Полномочные министры признались, что визирь не получилъ отъ султана разрѣшенія заключить миръ. Неправдоподобному такому заявленію никто не вѣрилъ, предполагая, что разрѣшеніе имѣется. Фонтонъ совѣтовалъ отослать полномочныхъ министровъ обратно, но Кутузовъ и на этотъ разъ былъ не энергиченъ и повѣрилъ визирю, который обѣщалъ, что непременно получить уполномочіе на заключеніе мира. Конгрессъ открылся, но въ Бухарестѣ надъ нимъ смѣялись совершенно открыто; а французская и греческая партіи говорили, что миръ не будетъ заключенъ, такъ какъ прошло болѣе недѣли, а переговоры не начинались.

Можно было опасаться, какъ-бы французское вліяніе въ Константинополѣ дѣйствительно не помѣшало заключенію мира.

При взятіи турецкаго лагеря, была захвачена и печать визиря, который теперь обратился къ Кутузову съ просьбой возвратить ему ее, говоря, что безъ нея онъ не можетъ ни отправить ни одной бумаги, ни написать нужнаго для насъ договора, такъ какъ у турокъ печать прикладывается всегда рядомъ съ подписью.

Но насъ не могли провести этой ложью. Фонтонъ прекрасно зналъ государственную печать, которую визирь называлъ своей личкой, но Кутузовъ и тутъ не могъ не выказать своей слабыхарактерности и разрѣшилъ выдать визирьскую печать. Миѣ принесли эту печать въ лагерь съ большой церемоніей, и я передалъ ее посланному визирю. Для него это былъ трофей, который онъ страшно берегъ.

Для того, чтобы проредактировать всѣ подробности этого мира, нужно было не больше 5—6 засѣданій, но дипломаты не могутъ такъ быстро рѣшать вопросы, какъ военные; къ тому же турецкіе министры долше другихъ тянутъ дѣла, особенно, если имъ хорошо платятъ. Эти три господина получали въ день по 25 дукатовъ столовыхъ денегъ, поэтому вполне понятно, что они желали получать ихъ какъ можно долше. Турки, какъ и евреи, обладаютъ коварствомъ и терпѣніемъ. Они готовы спорить цѣлый день за какое-нибудь слово или поступокъ.

Я предложилъ Кутузову помѣстить этихъ дипломатовъ (начиная съ Италинскаго) въ палаткахъ, между обѣими арміями, гдѣ бы дождь и градъ принудили бы ихъ приняться за свои обязанности. Кутузовъ принялъ мое предложеніе за шутку и только разсмѣялся въ отвѣтъ. Если бы я былъ начальникомъ, я не преминулъ бы привести свои мысли въ исполненіе.

Конечно, самымъ выдающимся изъ всего конгресса былъ Галибъ-Ефенди, пользовавшійся довѣріемъ визиря, и если бы ихъ отношенія продолжались такими же, то дѣла пошли бы болѣе успѣшно; но Галибъ сдѣлался положительно ненавистнымъ Ахмету. Между ними про-

изошелъ разладъ. Мы уже видѣли, что визирь скрылъ отъ султана всѣ непріятныя подробности постигшей его катастрофы. Султанъ былъ еще молодъ и неопытенъ, проводимый друзьями Ахмета, онъ былъ увѣренъ, что турки потеряли только арріергардъ въ 1.500 чел.; но если онъ и находился въ такомъ невѣдѣніи, то не по винѣ Галиба-Ефенди, который, бѣжавъ изъ лагеря въ Разградъ, написалъ султану всю правду. Въ своемъ письмѣ онъ не пощадилъ визиря, не надѣясь, что тотъ могъ продержаться визиремъ. Письмо это было вручено каймакаму (замѣститель визиря въ Константинополѣ во время его отлучекъ), который былъ другомъ Ахмета, и полученное письмо Галиба, вмѣсто того, чтобы быть переданнымъ султану, было отослано Ахмету. Понятно, что послѣ этого визирь уже не считалъ Галиба своимъ интимнымъ другомъ и сомнѣвался въ немъ, а отъ этого, къ сожалѣнію, страдали переговоры.

Прошелъ мѣсяцъ, а дѣла конгресса были въ такомъ же положеніи, какъ и въ первый день. Когда заболѣлъ курьеръ визиря въ Шумлѣ, то онъ послалъ сказать Кутузову, что оставляетъ этихъ „животныхъ“ министровъ (выраженіе было еще грубѣе), а самъ, какъ только получитъ уполномочіе султана, покончитъ, всѣ дѣла въ одну минуту. Въ ожиданіи этого, онъ собиралъ въ Русукѣ войска и припасы, а время проходило. Затѣмъ, визирь сталъ распространять слухъ, что будто онъ получилъ приказаніе султана, въ случаѣ пораженія, вооружить матросовъ, „зимнее“ войско¹⁾ и оставшихся янычаръ, и что самъ онъ ежедневно ѣздитъ въ Варну.

Тогда Кутузовъ послалъ ему сказать, что если хоть 50 чел. придутъ въ Разградъ, то онъ немедленно прекращаетъ переговоры и начинаетъ наступленіе. Визирь отвѣтилъ, что ни одинъ человекъ не перейдетъ Шумлы. Я никогда не вѣрилъ въ движеніе этихъ войскъ.

Положеніе турокъ, запертыхъ въ своемъ лагерѣ, на лѣвомъ берегу Дуная, было такъ ужасно, что всякое человѣческое чувство возмущалось до крайности. По заключенному съ визиремъ договору мы ежедневно доставляли имъ 10 тысячъ полторафунтовыхъ бѣлыхъ хлѣбовъ, соль и 300 фунт. говядины, за что визирь платилъ очень дорого. Посылаемой нами провизіи было бы вполне достаточно этимъ несчастнымъ, чтобы не умерли съ голоду, но янычары и другіе состоящіе при начальникахъ были единственными, которые пользовались всѣми этими благами. Хотя алчность и жадность у

¹⁾ „Зимними“ войсками у турокъ называются тѣ, которыя, несмотря ни на какое время года, должны немедленно выступить въ походъ или держать гарнизоны.

турокъ доходятъ до ужасной степени, но этимъ порокомъ нація турокъ превосходитъ всѣ остальные на земномъ шарѣ. Паши, завладѣвъ присланной нами провизіей, продавали ее солдатамъ, не состоящимъ въ ихъ свитѣ и не имѣющимъ протекціи, но имѣющимъ деньги (а ихъ имѣли не многіе); продавали же они въ 4 раза дороже, чѣмъ платили намъ. Больше половины солдатъ не получали рѣшительно ничего. Болѣзни увеличились до того, что ежедневно умирало больше 300 чел. Сначала умершихъ бросали въ Дунай, а затѣмъ уже не обращали на нихъ никакого вниманія и оставляли сгнивать на мѣстѣ смерти. Тысячи этихъ несчастныхъ кидались на колѣни передъ нашими аванпостами, чтобы выпросить у казаковъ кусокъ хлѣба, предлагая имъ все, что имѣли, даже свое самое драгоценное оружіе. Болѣе 1.500 чел. бѣжали къ намъ; это были не люди, а какія-то тѣни, изнемогшія отъ нужды и бѣдствій. Своихъ лошадей кормили они желудями или корнями, выкапываемыми изъ земли, когда же лошадь издыхала, они тотчасъ же разрѣзали ее на части и ѣли сырое мясо.

Въ этомъ несчастномъ лагерѣ стоялъ такой ужасный смрадъ, что когда начиналъ дуть южный вѣтеръ, то и нашъ лагерь заражался смрадомъ. Нѣсколько разъ я предлагалъ имъ сдаться, но они никакъ не хотѣли согласиться безъ приказа визиря. Чапанъ-Оглы просилъ позволенія послать депутатовъ къ визирю, чтобы описать ему весь ужасъ положенія несчастныхъ, но Кутузовъ отказалъ въ этомъ, и предложилъ Чапану написать письмо, которое и будетъ передано визирю. Чапанъ же не хотѣлъ давать письма, говоря мнѣ, въ одно изъ нашихъ свиданій, что это письмо можетъ послужить визирю документомъ противъ него. Странная организація въ этой арміи, гдѣ каждая личность подозрѣваетъ одинъ другого, гдѣ господствуетъ деспотизмъ, распущенность, недовѣріе и жестокость. Чапанъ рубилъ головы за каждое рѣзкое слово или за таковой же жестъ, но тѣмъ не менѣе у него изъ палатки, нѣсколько разъ, воровали весь запасъ провизіи, которую мы ему посылали.

Наконецъ, 9 ноября, спустя 30 дней послѣ переправы Маркова, къ визирю прибылъ его курьеръ, но содержаніе привезенныхъ имъ бумагъ было для насъ тайной.

Кутузовъ уже начиналъ подозрѣвать, что онъ былъ обманутъ, но тутъ же сдѣлалъ снова ошибку. Онъ предложилъ туркамъ сдаться и пріѣхалъ ко мнѣ въ лагерь для приѣма ихъ депутатовъ. Депутаты не являлись и вообще, казалось, не торопились, такъ что Кутузовъ принужденъ былъ возвратиться въ Журжево.

Незадолго передъ симъ, Кутузовъ получилъ отъ Государя письмо, полное похвалъ и благодарностей, и въ которомъ Государь

давалъ ему почти полную свободу дѣйствій. Съ этимъ же курьеромъ присланъ былъ Кутузову Георгій 2-й ст., въ которомъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ¹⁾, ему нельзя было отказать, но ношеніе имъ этого креста не встрѣчено сочувственно въ арміи. Мы всѣ были крайне удивлены, что Кутузова не произвели въ фельдмаршалы или не дали Георгія 1-й ст. Онъ былъ сдѣланъ графомъ, что впрочемъ не особенно ему льстило.

Полномочіе султана было адресовано Галибъ-Ефенди, который былъ названъ имъ первымъ членомъ конгресса, что показалось намъ грозящей немилостью къ визирю.

Засѣданія и конференціи продолжались, но все съ одинаковой медленностью. Наконецъ, послѣ 94 дней бивачной жизни и 50 дней страданій, когда турки не могли уже болѣе перенести ихъ, и когда наши войска, расположенныя лагеремъ на болотѣ, были не въ силахъ терпѣть сырость, дожди, снѣгъ и грязь, визирь и Кая-бей заключили съ Кутузовымъ условіе, чтобы размѣстить турецкія войска по квартирамъ, подъ нашей стражей, но подъ честнымъ именемъ „Мусофиръ²⁾“, но на самомъ дѣлѣ плѣнниками. Они должны ими быть въ дѣйствительности и носить это названіе, если бы миръ не былъ заключенъ, въ противномъ случаѣ, они должны быть вмѣстѣ съ своими пушками возвращены на правый берегъ Дуная.

Мы условились, что пушки и всѣ боевые запасы будутъ отправлены въ Журжево и охраняемы отрядомъ турецкихъ канонировъ и нашими артиллеристами; все оружіе должно быть уложено и запечатано, для храненія въ лагерѣ, а затѣмъ будетъ перевезено въ Журжево и охраняемо, какъ и пушки (послѣднихъ было 51. Марковъ же имѣлъ 10 и 2 мортиры).

Турки дотога подозрительны и такъ медленны въ своихъ рѣшеніяхъ, что имъ понадобилось 8 дней для раздумыванія, прежде чѣмъ они рѣшились выйти изъ своихъ убѣжищъ. Анатолійцы и янычары все еще были увѣрены, что мы ихъ задушимъ.

Наконецъ, они вышли изъ своего лагеря и расположились около деревни Мальки; совершенно же ихъ лагерь былъ очищенъ только черезъ 4 дня. Кутузовъ приказалъ мнѣ отправить больныхъ въ

¹⁾ 1827 г. Теперь у насъ 20 кавалеровъ Георгія 2-й ст. По настоящему положенію дѣлъ, я бы могъ его получить 7 разъ. Я имѣлъ его за взятіе Торна. Остальные дѣйствительно его заслужили блестящими подвигами, исключая тѣхъ, которые получили его за турецкую войну: гр. Сергѣя Каменскаго, Уварова и Маркова.

²⁾ По-французски это слово нельзя перевести: не совсѣмъ точно это будетъ hôte.

Руцукъ, и я отослалъ туда 2.600 чел. совсѣмъ умирающихъ, а до 2.000 больныхъ послѣдовало за арміей. Знавшіе насъ раньше, узнавъ, что я хочу ихъ отправить въ Руцукъ, говорили, что если уже Богъ присудилъ ихъ умереть, то они спокойно умрутъ, если будутъ знать, что за ними ухаживаютъ русскіе, а не турки.

Когда мы вошли въ турецкій лагерь, то первое, что намъ бросилось въ глаза—это несчастные страдальцы, протягивающіе намъ руки за хлѣбомъ; когда же они его получили, то съ жадностью набрасывались на него и тутъ же умирали. Мы видѣли другихъ, которые кусали себѣ руку, чтобы съѣсть кусокъ своего собственного мяса. Никогда еще я не видалъ ничего подобнаго¹⁾, такъ ужасно было зрѣлище турецкаго лагеря. 8.000 труповъ лошадей, на половину сгнившихъ и истлѣвшихъ, валялись тутъ же на землѣ²⁾; 2.000 человѣческихъ труповъ, въ такомъ же положеніи, окружали палатки!

Все, что только война и голодъ могутъ имѣть бѣдственнаго, все это сосредоточилось въ этомъ несчастномъ лагерѣ. Удивительно, что у насъ не было чумы или по крайней мѣрѣ эпидеміи. Когда турки вышли уже изъ своего лагеря, я замѣтилъ, что они, вопреки нашего условія, увозятъ свое оружіе на повозкахъ. Я предупредилъ объ этомъ Кутузова и хотѣлъ на полѣ же пересѣчь имъ дорогу, но главнокомандующій запретилъ мнѣ это и оставилъ ихъ въ покоѣ. Но все же онъ выразилъ неудовольствіе Чапану-Оглы, который признался въ своей неправотѣ и обѣщалъ, что какъ только они придутъ на квартиры, сейчасъ же отниметъ и отошлетъ оружіе къ намъ, а если бы начать отбирать его теперь, то на переговоры пойдетъ дней 8; затѣмъ, онъ добавилъ, что турки, забирая съ собой оружіе, имѣли намѣреніе продать его, что они и сдѣлали по прибытіи своемъ въ Руссо-ди-Веде.

Въ с. Малькѣ они простояли 3 или 4 дня, во время которыхъ мы могли сосчитать ихъ, но результата никакого не получилось; мы знали, что приблизительно ихъ было 8.500 чел., изъ коихъ 500 „топчисъ“ или артиллеристовъ были посланы въ Журжево, а затѣмъ въ Родоваго на р. Аржишѣ. Остальные были отправлены: въ Руссо-ди-Веде, Мавродію, Могару и др. сосѣднія деревни, окруженныя нашими войсками. Начальствованіе надъ этой арміей поручено было мнѣ, а помощникомъ моимъ назначили ген. Булатова.

¹⁾ Мнѣ это казалось тогда, но послѣ отступленія Наполеона отъ Москвы и перехода черезъ Березину я видѣлъ и не такіе ужасы.

²⁾ Живыхъ лошадей въ лагерь осталось только 130.

Его дѣятельность, мягкость характера и услужливыя манеры дѣлали его достойнымъ довѣрія главнокомандующаго¹⁾.

Болѣе 1.500 несчастныхъ турокъ погибло уже на зимнихъ квартирахъ, вслѣдствіе перенесенныхъ ими страданій. Изъ 2.000 отправленныхъ мною въ госпиталь выжило только 500 чел.

Вообще потери турокъ при Слободзеѣ видны изъ слѣдующей таблицы:

Мы взяли въ плѣнь	8.500 чел.
Мы отослали обратно	2.600 "
Бѣжало къ намъ	1.600 "
Погибло отъ голода и нужды	2.000 "
Въ госпиталяхъ	3.000 "
Убито во время сраженія	5.000 "
Возвратились на правый берегъ	1.000 "

Итого 23.700 чел.

Кутузовъ уѣхалъ въ Бухарестъ, куда перенесъ и засѣданія конгресса. Я же долженъ былъ остаться въ Журжевѣ, чтобы условиться съ визиремъ относительно плѣнниковъ. Мы никакъ не могли уговорить Кутузова посѣтить наши редуты и осмотрѣть наши позиціи и турецкій лагерь. Ни чувство долга, ни любопытство не могли заставить его хотя на время отрѣшиться отъ его обычной апатіи и лѣни.

У насъ было условлено, что турки сами будутъ кормить свои войска, и Кая-бей заключилъ контрактъ съ г. Шостакомъ, комиссіонеромъ военныхъ госпиталей, по которому тотъ обязывался снабжать ихъ бѣлымъ хлѣбомъ, мясомъ, табакомъ и пр.; на всѣ эти припасы были назначены чудовищныя цѣны, но половина условленной суммы не была заплачена турками. Быть можетъ у нихъ не было денегъ или просто визирь не хотѣлъ платить такой большой суммы.

Однажды, какъ-то въ французской газетѣ мы прочитали замѣчательную для насъ фразу: „Теперь уже извѣстно, что великій визирь никогда не былъ блокированъ въ Рушукъ, а находился онъ тамъ только для осмотра войскъ. Успѣхъ же русскихъ заключается во взятіи только небольшого корпуса въ 4.000 чел.“.

Кутузовъ получилъ заслуженное. Всегда люди, не умѣющіе поль-

¹⁾ Мнѣ, родившемуся въ Парижѣ, было странно, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ командовать русской и турецкой арміями и видѣть себя окруженнымъ казаками, спагами (конница мусульманъ), гренадерами и янычарами—бывшими подъ моимъ начальствомъ.

зоваться результатами своей славы, впоследствии терпятъ много упрековъ.

Въ общемъ, Кутузовъ имѣлъ на своей сторонѣ счастье ¹⁾, что не покидало его и въ эту войну. Мы предполагали, что эта кампанія не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, и тѣмъ не менѣе она была самой грозной и самой блестящей изъ всѣхъ предыдущихъ. Она могла бы кончиться еще лучше, если бы не слабый и нерѣшительный характеръ нашего главнокомандующаго. Но все-таки нельзя не признаться, что несмотря на наши блестящія побѣды и большія потери въ турецкой арміи, географическое преимущество осталось на сторонѣ непріятеля, такъ какъ онъ приобрѣлъ Руссукъ, мы же не сохранили ничего на побережьѣ Дуная.

Военныя дѣйствія въ Малой Валахін.

Мы уже видѣли, какую цѣну я предлагалъ за взятіе или, вѣрнѣе, за покупку флотиліи въ Виддинѣ. Кутузовъ и военный министръ раздѣляли мое мнѣніе по этому вопросу. Безспорно, что безъ флотиліи, состоящей изъ 150 или 200 малыхъ судовъ, турки мало бы имѣли возможности переправиться черезъ Дунай; а мы знаемъ, что если бы визирь, при своемъ переходѣ у Слободзеи, въ одну ночь могъ бы посадить на суда всю свою армію, то этимъ доставилъ бы намъ много затрудненій, особенно когда Булатовъ былъ отброшенъ.

Кутузовъ приказалъ Зассу ничего не жалѣть для приобрѣтенія этой флотиліи, а Зассъ, всегда ловкій, хитрый и пронырливый, на этотъ разъ повелъ столь нужные переговоры очень неудачно. Не знаю, можетъ быть въ этомъ нужно обвинять его приближенныхъ, такъ какъ Зассъ, всегда очень слабый съ ними, легко подчиняется тому вліянію, которое сумѣетъ завладѣть его довѣріемъ. Онъ не очень разборчивъ въ средствахъ для добыванія денегъ; его грабительства достигли высшей степени, а такъ какъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ участвовали и его приближенные, то это обстоятельство сдѣлало его какъ бы зависящимъ отъ нихъ. Онъ уже не могъ обойтись безъ нихъ и больше всего боялся чѣмъ-нибудь разсердить ихъ.

Преступленіе дѣлаетъ равными всѣхъ его участниковъ. Главные представители этихъ злоупотребленій были: 1) племянникъ и адъютантъ Засса—Штрандманъ, самый наглый изъ всѣхъ грабителей, 2) его аудиторъ, 3) его адъютантъ. Наконецъ, начали подозрѣвать одного молодого человѣка, Мавроса, который былъ у Засса драгома-

¹⁾ Дстойно удивленія пристрастное отношеніе Ланжерона къ Кутузову, признававшему за Кутузовымъ только счастье. *Ред.*

номъ. Этотъ молодой человекъ былъ грекъ и приходился родственникомъ Сутце, почему мы и хотѣли удалить его отъ Засса, но онъ вѣрно стоялъ за него, такъ какъ онъ сдѣлался уже необходимымъ для его личныхъ интересовъ. Мавросъ былъ умный и очень тонкій человекъ; его обвиняли въ томъ, что покупка флотилии не совершилась.

Можетъ быть это была сплетня, а можетъ быть Мулла не могъ или не хотѣлъ ее отдать; легко можетъ быть, что онъ хотѣлъ вставить насъ лишь потерять побольше времени. Тѣмъ не мѣнѣе, хотя ему и удалось упрочить свой грабежъ и заставить себя признать виддинскимъ пашей, онъ отлично зналъ, что если онъ дастъ возможность войскамъ визиря проникнуть въ Виддинъ, то ему не снести своей головы. Поэтому было рѣшено не впускать ихъ туда. Въ интересахъ своей торговли, онъ хотѣлъ быть намъ полезнымъ и для этого помѣшать приходу турокъ, но опасался одного—какъ-бы слишкомъ откровенное покровительство врагамъ его отечества не вызвало недовольства и мести со стороны жителей Виддина и даже его собственныхъ войскъ, хотя онъ еще весной отослалъ тѣхъ, на которыхъ не могъ надѣяться. Онъ оставилъ при себѣ 5 или 6 тысячъ, которыхъ считалъ вѣрными себѣ.

Тѣмъ болѣе онъ не могъ принимать въ Виддинѣ русскихъ, изъ боязни за свою голову, которая могла быть отрублена за это какъ правовѣрными, или изгнанными изъ города, что для него было безразлично.

Ему предлагали 20 тысячъ дукатовъ за флотилію; ему бы дали больше, но алчный и жадный, какъ всѣ турки, онъ пытался уже вырвать эту сумму отъ насъ и согласился исполнить предложеніе Засса подняться на нѣсколькихъ лодкахъ вверхъ по рѣкѣ, чтобы Зассъ могъ бы его отвлечь отъ его позиціи, но не успѣлъ начать этого маневра, какъ около Виддина показался Измаиль-Бей съ 12 или 15 тысячами войскъ.

Измаиль-Бей былъ 3-хъ бунчужнымъ пашой или сераскиромъ—однимъ изъ первыхъ лицъ въ имперіи. Старость не измѣнила въ немъ предпріимчиваго и дѣятельнаго характера. Онъ командовалъ арміей въ 1810 году противъ сербовъ.

Мулла-паша не далъ ни ему, ни его войску взойти въ Виддинъ, а разрѣшилъ только нѣсколькимъ невооруженнымъ людямъ придти купить съѣстныхъ припасовъ, которые онъ продавалъ на вѣсъ золота. Онъ тоже не хотѣлъ позволить Измаилу основаться на большихъ островахъ, находящихся противъ города, но не осмѣлился ему отказать въ пользованіи своей небольшой флотиліей и уступилъ ее съ условіемъ получить обратно по окончаніи кампаніи.

Условіе, которое, быть можетъ, турки и не выполнили бы, если бы у нихъ было гдѣ размѣстить эту флотилію; но они видѣли, что не могли отойти отъ Виддина, не рискуя попасть въ наши руки.

Мудла далъ Иаманлу-Бею нѣсколько гарнизонныхъ войскъ для разныхъ экспедицій, которыя онъ предпринималъ, но, по окончаніи экспедицій, войска эти возвращались въ городъ. Только въ Турціи, въ этой странѣ, гдѣ анархія, возстанія и безнаказанность идутъ рука объ руку съ несправедливостью, деспотизмомъ и жестокостью, только при такомъ безпорядочномъ правленіи и распущенности, съ ихъ религіей и принципами, можно видѣть генерала, предлагающаго подобныя условія другому генералу, часто враждующихъ между собой, при чемъ тотъ, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой вражды, награждался чинами и богатствами. Виддивъ расположенъ на границѣ съ Сербіей, на правомъ берегу Дуная, около поворота, который дѣлаетъ эта рѣка, мѣняя свое направленіе съ сѣвера на югъ; около Орсовы она принимаетъ новое направленіе съ запада на востокъ. Виддивъ—это складочное мѣсто для своза товаровъ Болгаріи, Сербіи, Валахіи и Венгріи; это большой городъ, очень многолюдный, богатый и торговый, хорошо укрѣпленный даже со стороны Дуная и другихъ точекъ важныхъ для Болгаріи. Противъ города находятся два острова, изъ которыхъ одинъ, довольно большой, лежитъ какъ разъ противъ города, а другой немного ниже. На первомъ островѣ Мудла расположилъ войска, которыя защищаютъ входъ съ лѣваго берега рѣки, но рукавъ Дуная, отдѣляющій островъ отъ этого берега—былъ очень узокъ, и можно было даже предполагать, что въ концѣ лѣта онъ пересыхаетъ, что дѣйствительно случилось въ 1811 г.

На лѣвомъ берегу Дуная, немного выше Виддина, противъ западнаго предмѣстья, находилась чудная, громадная деревня Калафатъ, гдѣ графъ Клерффе, командовавшій австрійскимъ корпусомъ, разбилъ въ 1790 году турецкую армію. Деревни этой теперь не существуетъ¹⁾. Нѣсколько дальше отъ береговъ рѣки тянется довольно значительная возвышенность, которую перерѣзываютъ овраги, идущіе по направленію къ Дунаю. Отъ Калафата, ниже, верстахъ въ 5-ти или 6-ти находятся болота съ такими глубокими и вязкими днями, что они трудно проходимы даже тогда, когда пересыхаютъ, за исключеніемъ трехъ узкихъ дорожекъ, которыми и пользуются обыкновенно. Генералъ Зассъ полагалъ, что турки хотятъ атаковать сербовъ, и приготовился защищать ихъ, но онъ не ожидалъ перехода ихъ черезъ Дунай, который дѣйствительно былъ такъ же трудно предполагаемъ, какъ переходъ великаго визиря подъ Слободзеей.

¹⁾ Навѣрно существуетъ даже и въ настоящее время.

Зассъ всего имѣлъ 8 слабыхъ баталіоновъ, 15 эскадроновъ и 2 полка казаковъ, которыми и могъ располагать. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ отправилъ генерала-маіора графа д'Орурка въ Сербію. Этотъ генералъ пользовался его большимъ довѣріемъ и завоевалъ себѣ такое же между сербами. Я ему далъ свой полкъ Волинскихъ уланъ въ 10 эскадроновъ, 4 баталіона и полкъ казаковъ, съ которыми онъ занялъ позицію на рѣкѣ Тимокъ, около крѣпости Неготина, въ 30-ти верстахъ отъ Дуная и 120-ти отъ Краіова. Два баталіона Нейшлотскаго полка были въ Бѣлградѣ и въ Делиградѣ. Великій визирь, обдумавъ свой планъ набѣга на обѣ Валахіи, приказалъ Измаиль-Бейю проникнуть въ Малую Валахію, тогда какъ самъ онъ пошелъ бы въ Большую. Они должны были соединиться въ Бухарестѣ, и Измаиль-Бей не скрывалъ своей надежды быть скоро въ Краіовѣ. Генералъ Зассъ, не предполагая, что мулла отдастъ свой небольшой флотъ Измаилу-Бейю, обращалъ вниманіе только на два пункта: Сербію и крѣпость Ломъ-Паланка.

Эта маленькая крѣпость, взятая въ 1810 году Желтышевымъ, была, я не знаю почему, всѣми покинута. Передъ нею находился хорошо укрѣпленный островъ, благодаря чему, турки могли съ безопасностью совершать вылазки съ помощью 60-ти или 80-ти маленькихъ лодочекъ, которыя они уже приготовили на рѣкѣ Ломъ. Измаиль-Бей приблизился къ Виддину со своими войсками, состоящими изъ албанцевъ и анатоліанцевъ (последніе были подъ начальствомъ Кара-Османъ-Оглы) и, получивъ пушки, которыя ему прислалъ великій визирь, 19-го іюля перешелъ Дунай, а 20-го іюля на маленькій островъ, находившійся противъ Виддина, тотчасъ-же приказавъ построить редуты и ретраншаменты, а затѣмъ перешелъ въ бродъ маленькій рукавъ Дуная и укрѣпился на лѣвомъ берегу.

Если бы турки съумѣли разсчитать свои дѣйствія и отправили бы другой корпусъ войскъ въ Ломъ-Паланку, то генералъ Зассъ очутился бы въ критическомъ положеніи и принужденъ бы былъ ретироваться къ Краіову, но подобныя соображенія выше силъ турокъ, и можно быть увѣреннымъ, что они безъ диверсіи всегда направляютъ свои силы на тотъ пунктъ, который они атакуютъ.

Генералъ Збіевскій находился со своимъ превосходнымъ Мингрельскимъ полкомъ противъ Лома; и какъ только онъ узналъ, что Измаиль-Бей былъ около Виддина и уже перешелъ рѣку, онъ двинулся противъ него и засѣлъ около болотъ, которыя лежали на лѣвомъ берегу противъ Виддина. Одинъ батальонъ 27-го егерскаго полка оставленъ былъ въ Калафатѣ. Зассъ собралъ остатки своихъ войскъ, которыми можно было располагать, въ Чироѣ, въ 40 верстахъ отъ Виддина и въ 80 верстахъ отъ Краіова. Извѣстно,

что изъ Чироя можно было сообщаться со всѣми остальными пунктами.

22-го іюля, турки, перейдя Дунай, перешли болото по тремъ маленькимъ дорожкамъ и атаковали Збіевскаго, который только-что прибылъ. Этотъ генералъ и его полкъ, такой же доблестный, какъ и онъ самъ, увѣнчали себя славой въ данномъ случаѣ. Онъ осадилъ турокъ и очень долгое время сопротивлялся самъ, хотя былъ въ шесть разъ слабѣе ихъ, но въ концѣ концовъ былъ бы разбитъ, если бы къ нему на помощь не явились бы Зассъ и генералъ Рѣпинскій съ 43 и 27 егерскими полками и кавалеріей. Пріѣхавъ въ деревню Чупурчени, вправо отъ турокъ, Зассъ узналъ объ ихъ наступленіи и тотчасъ же атаковалъ тѣ части ихъ войскъ, которыя засѣли за болотами на небольшой возвышенности, служившей для нихъ хорошей защитой, и выбилъ ихъ оттуда. Русской кавалеріи тутъ не пришлось много дѣйствовать. Между тѣмъ, турки выходили изъ-за болотъ, тогда одинъ эскадронъ Переяславскихъ драгунъ, подъ командою подполковника Зейдлера, встрѣтилъ ихъ ружейнымъ огнемъ и заставилъ одну изъ турецкихъ колоннъ отступить.

Сраженіе было долгое и упорное. Наконецъ, турки принуждены были перейти обратно болота и скрыться въ ретраншаментъ, который они построили уже на берегу рѣки. Такимъ образомъ, планъ Измаиль-Бей съ перваго же момента былъ уничтоженъ храбростью Збіевскаго и дѣятельностью и умными распоряженіями генерала Засса.

Зассъ не имѣлъ и 3.500 челов. войска, но Измаиль-Бей считалъ его сильнѣе и терялъ дорогое время на окапываніе. Его бездѣйствіе дало время Зассу приказать графу д'Орурку прибыть изъ Сербіи форсированнымъ маршемъ, съ двумя баталіонами пѣхоты и 5-ью эскадронами Чугуевскихъ уланъ, подъ командою полковниковъ Беренса и Бенкендорфа, оба прекрасные офицеры. Сюда же форсированными маршами спѣшилъ и графъ Воронцовъ съ тремя баталіонами Выборгскаго полка, что было весьма полезно. Маленькая флотилія стояла на рѣкѣ Жіа, и часть ея, которая была противъ Турно, видѣла лѣвый флангъ Засса укрѣпленнымъ, что мѣшало туркамъ, спускавшимся внизъ по рѣкѣ, совершать высадки, которыя были бы для насъ весьма опасны.

Тогда турки были блокированы въ ихъ укрѣпленіяхъ. Но если имъ было трудно выйти оттуда съ надеждою на успѣхъ, то Зассу было еще труднѣе атаковать ихъ. Ихъ укрѣпленія были очень сильны и добраться до нихъ можно было не иначе, какъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ намъ извѣстно, что турки хорошо защищаются за закрытіями. Чтобы лучше удержать за собой позицію и

не утомлять войска, генераль Зассъ приказалъ построить генералу генеральнаго штаба Мишо (котораго ему прислали, и который былъ его единственнымъ превосходнымъ помощникомъ) два сильныхъ редута и исправить три другихъ, возведенныхъ раньше, вдоль по болотамъ. Редуты были выстроены очень быстро и прекрасно расположены; въ нихъ размѣстили пандуровъ (пѣхота венгерскихъ выходцевъ).

Я уже замѣтилъ, что пандуры очень стойки въ ретраншаментныхъ, такъ какъ они отлично знаютъ, что имъ нечего надѣяться на милости турокъ. Ихъ соединили съ нѣкоторыми регулярными войсками. Первая линія этихъ редутовъ была на половину вооружена пушками, взятыми изъ турецкихъ укрѣпленій; перестрѣлка была обоюдная и безконечная, но нашъ огонь былъ сильнѣе огня турокъ и причинялъ имъ больше вреда, чѣмъ ихъ намъ.

3-го августа Измаилъ-Бей сдѣлалъ дерзкую, хорошо направленную атаку на правый флангъ генерала Засса, котораго онъ хотѣлъ обойти. Но такъ какъ онъ не могъ занять большого острова, который находится противъ Виддина, потому что мулла-паша не уступалъ ему его, то онъ вытянулъ свои войска вдоль Дуная, противъ Калафата, котораго Зассъ не могъ занять, чтобы не очень растягивать свой фронтъ, и со всею силою напалъ на правый флангъ русскихъ. 43-й егерскій полкъ сражался цѣлый день и для усиленія огня стрѣлковъ были подведены Переяславскіе драгуны и казаки. Дѣло было горячее и стояло обѣимъ сторонамъ немало людей. Тогда графъ Воронцовъ еще не прибылъ, редуты наши еще не были совершенно окончены и, если бы туркамъ удалось зайти въ тылъ и отбросить войска Засса, то, не имѣя большого резерва, Зассъ принужденъ былъ бы отступить.

Красовскій, бывшій адъютантъ Засса, одинъ изъ главныхъ помощниковъ въ его неправильныхъ и несправедливыхъ поступкахъ, но прекрасный офицеръ, очень отважный ¹⁾, измѣнилъ ходъ дѣйствій смѣлымъ, блестящимъ маневромъ, который украсилъ его славою.

Замѣтивъ, что до непріятельскихъ ретраншаментовъ нельзя было иначе добраться, какъ по узенькой тропинкѣ, но что высохшія направо болота позволяли пробраться по нимъ и ударить туркамъ въ тылъ, не рискуя подвергнуть себя такой же опасности, онъ

¹⁾ Красовскій не былъ еще тогда адъютантомъ Засса, онъ былъ майоръ 13-го егерскаго полка, который былъ въ Яссахъ, но Зассъ добился, что онъ остался съ нимъ, такъ какъ былъ очень полезенъ ему для военныхъ и финансовыхъ операцій.

взялъ съ собой 70 смѣльчаковъ Мингрельскаго полка и ударилъ во флангъ и въ тылъ туркамъ, которые тотчасъ же остановили свою атаку и бросились на Красовскаго, но онъ скрылся въ болота, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока турки не вошли въ свои ретраншаменты. За это дѣло онъ былъ произведенъ въ подполковника, что онъ безусловно заслужилъ.

Между тѣмъ, пора было подумать и о Ломъ-Палаикѣ, такъ какъ не слѣдовало подражать въ нерадѣніи туркамъ, которые никогда не думали о тѣхъ большихъ операціяхъ, которыя имъ предстояло вести. Наша регулярная флотилія, перешедшая на лѣвый флангъ Засса, потому что иначе снаряды съ противоположной стороны беспокоили ее, остановилась около острова, который находится противъ Лома; но огонь съ крѣпости и съ обонхъ редутовъ, построенныхъ на островѣ, заставилъ нашихъ храбрыхъ моряковъ ночью спуститься еще ниже, на 3 версты. Генералъ Кутузовъ, раздраженный этимъ малодушнымъ отступленіемъ стараго Акимова, вызвалъ его въ Журжево, а на его мѣсто послалъ подполковника Энгельгарда, волонтера, потерявшаго ногу въ Прусской войнѣ ¹⁾).

Энгельгардъ былъ одаренъ умомъ и ловкостью, но былъ чрезвычайно высокомеренъ и дерзокъ.

Кутузовъ, не подозрѣвая, что островъ на Ломѣ былъ занятъ и укрѣпленъ турками, приказалъ Энгельгарду съ баталіономъ Олонецкаго полка занять его. Этимъ баталіономъ командовалъ полковникъ Второвъ, прекрасный офицеръ, но Кутузовъ не зналъ его и, не справившись у насъ о его способностяхъ, отнял у него командованіе и передалъ его одному изъ волонтеровъ, не безъ основанія ненавидимыхъ въ арміи полковыми офицерами.

Но и Энгельгардъ не могъ взять этого укрѣпленнаго острова тремя ротами (одна оставалась на рѣкѣ Жіа); тогда генералъ Зассъ отправилъ туда еще подполковника Красовскаго съ однимъ баталіономъ Мингрельскаго полка, 43-го и 27-го егерскихъ полковъ и 2-мя эскадронами Дерптскихъ драгунъ.

28 августа, въ полночь, Энгельгардъ открылъ сильный огонь изъ 8-ми пушекъ по лѣсистой части острова, гдѣ находились турки, а затѣмъ вогналъ ихъ въ ихъ ретраншаменты и заставилъ ихъ поспѣшить отплыть обратно. Турки никакъ не ожидали подобной атаки, а сначала полагали, что эта канонада была съ цѣлью облег-

¹⁾ Это былъ незаконный сынъ подполковника Василя Энгельгарда, племянника князя Потемкина, о которомъ я говорилъ во второй части журнала за 1790 годъ.

чить движеніе флотиліи. Они отступили, чтобы избѣжать встрѣчи съ ней. При чемъ и наша флотилія не мѣшала ихъ отступленію.

Войска шли къ редутамъ въ двухъ колоннахъ: два батальона подъ начальствомъ подполковника Красовскаго двинулись справа, а одинъ баталіонъ слѣва. При наступленіи Красовскій взялъ небольшую флешь, не потерявъ ни одного человѣка; у турокъ же было убито 4 человѣка, прочіе скрылись въ ретраншаментлахъ. Колонна, преслѣдовавшая бѣглецовъ, очутилась между двумя редурами. Красовскій тотчасъ же отправилъ капитана Ожаровскаго, волонтера, атаковать правый редутъ, а самъ занялъ берегъ, чтобы помѣшать неприятелю перейти Дунай и, въ то же время, чтобы поддержать первую колонну, когда въ томъ встрѣтится необходимость.

Ожаровскій овладѣлъ редутомъ, послѣ долгаго и довольно сильнаго сопротивленія. Турки, потерявъ 64 убитыми, бросились въ Дунай, гдѣ и потонули.

Колонна, двигавшаяся слѣва, направилась на редутъ, находившійся въ концѣ острова, съ цѣлью взять его приступомъ, но защитники его, послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ, просили о капитуляціи. Имъ разрѣшили уйти со всѣмъ ихъ оружіемъ въ крѣпость Ломъ-Паланку. Русскимъ достался островъ со всѣми укрѣпленіями и двумя батареями. Турецкія же суда, не успѣвшія укрыться подъ защитой крѣпости, были уничтожены Энгельгардомъ, который велѣлъ поставить противъ нихъ 8 пушекъ, и въ три дня они были разбиты и потоплены ¹⁾.

Въ этой экспедиціи мы потеряли одного убитымъ и пятерыхъ ранеными, кромѣ того, старшій сынъ генерала Обрѣзкова, адъютантъ Кутузова былъ убитъ, а Красовскій, Ожаровскій и три офицера были ранены. Генераль Засъ велѣлъ подполковнику главнаго штаба графу Людовику де Роше-Шонартъ построить на островѣ сильныя батареи, и, такимъ образомъ, подъ конецъ сраженія турецкія лодки оказались совершенно беззащитными.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Можно себя представить фанфаронство Энгельгарда послѣ этой экспедиціи. Онъ говорилъ, что онъ былъ 3-ій, уничтожившій морскія силы турокъ, графъ Орловъ въ Чесмѣ, князь Нассау въ лиманѣ Очакова и онъ—въ Ломѣ.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о пѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Житіеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственннхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно завести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъячская ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

НОЯБРЬ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля. А. О. Кони.	231—257	VIII. Отжившіе бюрократическіе порядки. (Къ вопросу о реформѣ Правительствующаго Сената). П. Покровскаго.	349—364
II. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.). Ивана Янжула.	258—272	IX. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера	365—401
III. Воспоминанія гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. (Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845). Сообщилъ Б. М. Коллюбакинъ.	273—288	X. Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. П. Бахтину. Сообщ. А. Чебышевъ.	405—409
IV. Темное Царство. (Черты изъ жизни Московскаго Китай-города XVII вѣка). Сообщ. В. Шереметевскій	289—297	XI. Воспоминанія идеалиста, принимавшаго участіе въ работахъ по реформамъ крестьянскимъ. А. Н. Т.	410—424
V. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. (Великій князь Николай Михайловичъ. „Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I.“ т. III. Сиб. 1909). В. В. Тимошукъ.	298—311	XII. Первые годы службы. А. Петрушевскаго.	425—431
VI. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г. Е. А. Рагозиной.	312—332	XIII. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М.	433—447
VII. Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Гэмбюри Уильямса, какъ историческій памятникъ. Д. Архангельскаго.	333—348	XIV. А. Н. Сергѣевъ. Николая Еремѣева.	448—452
		XV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 августа по 14 октября 1910 г.	455—468
		XVI. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
		а) Молитва для учащагося юношества. Сообщилъ В. П. Федоровъ.	402—404
		б) Выписка изъ двухъ приказовъ по 1-й арміи. Сообщилъ Мих. Соколовскій.	432
		в) Неизданное письмо К. Н. Батюшкова Н. Лернера.	453—454
		XVII. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	

Приложенія. Портреты: а) Гр. Константинъ Константиновичъ Бенкендорфъ, б) Николай Петровичъ Коллюбакинъ, в) Баронъ Шенпингъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1911 года.

Пріемъ во дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

Въ началѣ книги напечатано объявленіе
о подпискѣ на 1911 годъ съ обозначеніемъ
статей, которыя будутъ помѣщены.

Николай Петрович
Колюбакинъ

(Собственность Б. М. Колюбакина).

Баронъ Шеппингъ
Офицеръ Л.-Гв. Коннаго полка,
другъ графа Бенкендорфа
спасшій ему жизнь.

(Изъ собраній Б. М. Колюбакина).

Гр. Константинъ Константиновичъ
Бенкендорфъ

(Изъ собраній Б. М. Колюбакина).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1911 годъ.

Вступая въ 1911 году въ сорокъ второй годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1911 году: **А. Ѳ. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**—**В. С. Печеринъ** въ перепискѣ съ **И. С. Гагаринымъ**. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается: **Островскаго**, **Полонскаго**, **Писемскаго**, **Гайдебурова**, **Юрьева**, **Елисѣева**, **Щелгунова**, **Успенскаго**, **Кони**, **Соловьева**, **Крылова**, **Чичерина**, **Муромцева**, **Стороженко**, **Бунге**, **Делянова**, **Боголюбова**, **Побѣдоносцева**, **Витте** и др. **А. А. Мазонъ**—Къ освященію цензорской дѣятельности **И. А. Гончарова** (неизданные матеріалы). **А. Лебедевъ**—**Николай Гавриловичъ Чернышевскій**. **П. Л. Юдинъ**.—Изъ жизни **Н. П. Костомарова** въ Саратовѣ. **Е. А. Лехачевскій**.—Первообразъ русскаго народа. **Графа А. К. Толстого**. **А. И. Слезкинскій**.—Тайный другъ **Пушкина**. **М. Васильевой**.—Записки крѣпостной. **Л. Н. Любимова**.—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **А. Синицина**.—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андрияшевой**.—Воспоминанія стараго педагога. **В. В. Шереметевскаго**.—Басурманская неволя. **Де Ливрона**.—Изъ воспоминаній о плаваніи на клиперѣ „Стрѣлокъ“. **Г. А. Данилова**.—Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Ѳ. Г. Тернера**. Воспоминанія жизни (о **Вышнеградскомъ**, **Витте**, **Рейтернѣ**, **Юнинѣ**, **гр. А. А. Ливенѣ**, **гр. Валувѣ**, **Горемыкинѣ**, **И. Н. Дурново**, **Сипягинѣ**, **Ванновскомъ**, **гр. К. И. Паленѣ**, **К. К. Гротѣ**, **М. Н. Анненковѣ**, **гр. Л. Н. Толстомъ**, **А. Г. Рубинштейнѣ**, **Айвазовскомъ**, **Захарьинѣ**, **ст. секр. Безобразовѣ**, **гр. А. А. Толстой**, **Е. А. Нарышкиной**, **кн. Ек. Радзивиллѣ**, **Бисмаркѣ** и др.). **И. Лаврентьевой**.—Другъ дѣтей.—Изъ жизни **Е. М. Бемъ**.—Свѣтлый лучъ изъ дальнихъ лѣтъ. **Т. П. Пассекъ**. **Е. А. Альбовскаго**.—Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **Д. Перскій**.—Новый директоръ. **Міокотисанъ**. На бордажѣ. **М. В. Безобразовой**.—Дневникъ академика **В. П. Безобразова**. **Ф. Д. Филоненко**.—Изъ подольской старины. (Изъ быта духовенства). „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **О. А. Новиковой**. **Н. Раевскій**.—Къ постройкамъ стараго Петербурга. **А. И. Сергѣева**.—Изъ быта духовенства. **Е. А. Рагозиной**.—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается **гр. Игнатьева**, **Нелидова**, **Ону**, **Макѣева**, **кн. Церетели**, **Гобартъ-паши**, **сѣра Эллиотта**, **Зичи**, **гр. Корти**, **лорда Сольсбери**, **бар. Каличе**, **Кіамиль-паши**, **Митхадъ-п.**, **Османъ-п.**, **Керимъ**, **Намукъ**, **Сивфеть**, **Мухтаръ-пашей** и др. **А. Е. К.**—**М. И. Драгомировъ** во время Австро-Прусской войны. **И. И. Оноре**.—11 лѣтъ въ театрѣ (о **Вагнерѣ**, **Сѣровѣ**, **Ларошѣ** и др.). **А. А. Чебышева**.—Письма **П. А. Катенина**—**И. А. Бахтину** и много другихъ историческихъ изслѣдованій и воспоминаній.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

**„Стенографическій Отчетъ Портъ-
 Артурскаго процесса“.**

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Спб. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

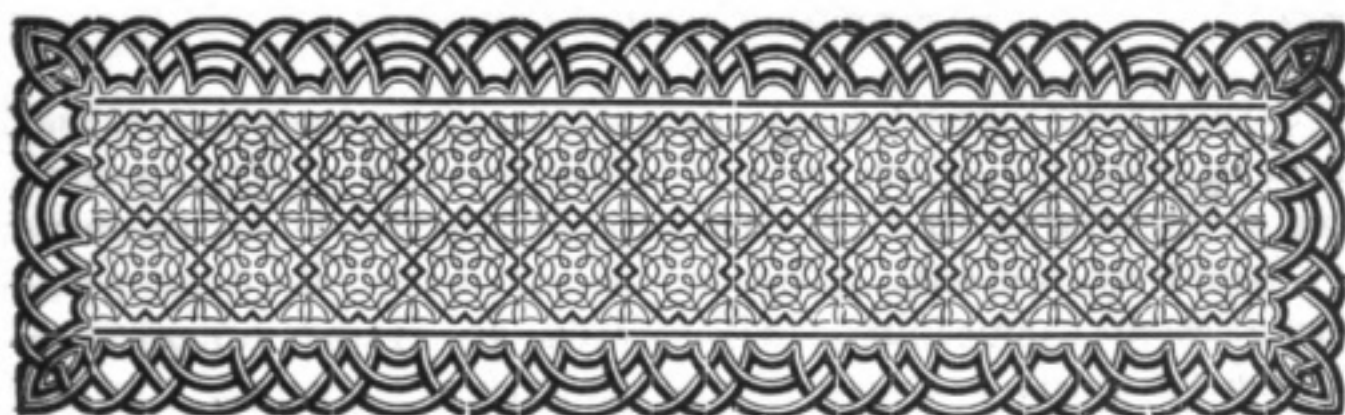
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамилии которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя.

XI ¹⁾.

Мысленное обращеніе къ моей почти сорокалѣтней судебной службѣ (съ 17 апрѣля 1866 г.) вызываетъ предомною длинный рядъ образовъ. Въ памяти проходятъ личности судебныхъ слѣдователей, товарищей прокурора, судей, защитниковъ, свидѣтелей, свѣдущихъ людей и различнаго ранга администраторовъ. „Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten“, могъ бы сказать и я... Я говорилъ уже о *мировыхъ судьяхъ* ²⁾. Обращусь теперь къ *судебнымъ слѣдователямъ*.

Предъ самымъ введеніемъ судебной реформы въ Казанской губерніи я былъ назначенъ прокуроромъ Самарскаго окружнаго суда и, не успѣвъ еще выѣхать изъ Петербурга, былъ переведенъ въ Казань на ту же должность съ возложеніемъ на меня обязанностей и губернскаго прокурора впредь до закрытія судебныхъ мѣстъ стараго устройства. Работы было очень много, но дѣлалась она съ любовью и большимъ увлеченіемъ. Нѣкоторые изъ лицъ Казанскаго общества говорили мнѣ впоследствии о томъ удивленіи, съ которымъ они замѣчали, проѣзжая далеко за полночь по пустынной Воскресенской улицѣ, свѣтъ въ окнахъ официальнаго прокурорскаго кабинета въ нижнемъ этажѣ окружнаго суда, гдѣ я работалъ почти безвыходно. Имъ было невѣдомо и непонятно то восторженное настроеніе, съ которымъ молодые судебные дѣатели приступали къ святому дѣлу

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1909 г.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1909 г. № 4.

реформы, когда интересовала каждая мелочь, когда волна солидарнаго одушевленія дѣлала всякую работу пріятной и когда, поэтому, говоря словами поэта, „каждый гвоздикъ вбивался съ любовью“.

Одной изъ важныхъ заботъ по введенію реформы было образованіе состава судебныхъ слѣдователей изъ тѣхъ, которыхъ мы нашли на мѣстахъ, дѣйствующими по Наказу 1860 года.

Этотъ Наказъ составилъ несомнѣнно огромный шагъ впередъ противъ архаическихъ порядковъ производства слѣдствія по II ч. XV тома Свода Законовъ, порядковъ, пропитанныхъ насквозь безцѣльной и отяготительной канцелярской формалистикой и отражавшихъ на себѣ, въ существенныхъ частяхъ, систему предустановленныхъ доказательствъ. Слѣдователи стараго времени, т. е. полицейскіе чины, производившіе предварительное изслѣдованіе, не могли не быть связаны—даже и при доброй волѣ и желаніи вести дѣло внѣ всякихъ постороннихъ соображеній—представленіемъ о томъ, что ихъ работа будетъ обсуждаться келейно и по докладу секретарей въ цѣломъ рядѣ судебныхъ инстанцій, восходя въ нихъ по апелляціи и на ревизію, при чемъ косвеннымъ уликамъ, играющимъ такую важную роль въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ, будетъ удѣлено самое малое вниманіе, одѣнка же свидѣтельскихъ показаній будетъ произведена на основаніи правилъ о *совершенныхъ и несовершенныхъ* доказательствахъ. А послѣднія требовали признанія негодными показаній „иностранцевъ, поведеніе коихъ неизвѣстно“, людей, „тайно портившихъ межевые знаки“, и людей, признанныхъ по суду „явными прелюбодѣями“. Эти слѣдователи знали, что ихъ подчасъ очень трудная работа въ концѣ-концовъ приведетъ, въ большинствѣ случаевъ, къ явному уклоненію отъ правосуднаго рѣшенія въ формѣ *оставленія въ подозрѣніи*, которое,—несмотря на вопіющую иногда обстановку преступленія и краснорѣчіе совокупности уликъ—можетъ быть обращено въ обвинительный приговоръ лишь при наличности собственнаго признанія обвиняемаго, считаемаго, по выраженію закона, „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта“. Это „лучшее доказательство“ служило не разъ большимъ соблазномъ для производившихъ слѣдствія и толкало ихъ на различныя злоупотребленія, о которыхъ я подробно говорилъ въ описаніи жизни и дѣятельности знаменитаго Московскаго губернскаго прокурора Д. А. Ровинскаго¹⁾.

Наказъ судебнымъ слѣдователямъ 1860 г. имѣлъ большія достоинства. Онъ создавалъ новую должность, не связанную органически съ полиціей (въ столицахъ слѣдователи назывались приставами слѣдственныхъ дѣлъ) и освобождалъ дѣятельность

¹⁾ Очерки и воспоминанія. С.-Петербургъ. 1906 г. стр. 521—624.

лицъ, занимавшихъ эту должность, отъ ряда стѣснительныхъ формальностей, отнимавшихъ массу времени не только безъ пользы, но и со вредомъ и для дѣла, и для лишаемаго свободы обвиняемаго. Но если Наказъ составлялъ шагъ впередъ, то судъ по-прежнему стоялъ на мѣстѣ, и въ этомъ ихъ противорѣчіи состоялъ главный недостатокъ отправленія уголовного правосудія, требовавшей не лалліативныхъ, а радикальныхъ мѣръ, нашедшихъ себѣ затѣмъ выраженіе на страницахъ Судебныхъ Уставовъ. Это особенно ясно сознавали молодые пристава слѣдственныхъ дѣлъ къ которымъ въ Петербургѣ принадлежали многіе изъ будущихъ видныхъ дѣятелей обновленнаго суда, какъ напр. С. Ф. Христіановичъ, П. Я. Александровъ, А. Н. Турчаниновъ и др. Они дѣятельно готовились къ воспріятію на практикѣ новыхъ судебныхъ порядковъ, и въ ихъ средѣ образовался кружокъ, послужившій зерномъ будущаго юридическаго общества. Здѣсь изучались приемы западно-европейскаго гласнаго и устнаго процесса, свободнаго отъ предустановленныхъ доказательствъ и направленнаго къ созданію рѣшенія, основаннаго на внутреннемъ убѣжденіи совѣсти. Здѣсь, между прочимъ, былъ подробно пересмотрѣнъ и освѣщенъ громкій процессъ жены инспектора студентовъ Кіевскаго университета Дудниковой, обвиняемой въ убійствѣ мужа, и рѣшенъ на основаніи косвенныхъ уликъ иначе, чѣмъ это было сдѣлано отживавшимъ свой вѣкъ уголовнымъ судомъ. Въ провинціи однако старая закваска была еще довольно сильна и поэтому введенію судебной реформы должна была предшествовать тщательная провѣрка силъ, способностей и приемовъ наличныхъ судебныхъ слѣдователей.

Для этого требовалась тщательная ревизія, о результатахъ которой прокуроръ судебной палаты долженъ былъ представить докладъ министру юстиціи. Производство ревизій по отдѣльнымъ уѣздамъ и участкамъ слѣдователей въ Казанской губерніи прокуроръ палаты возложилъ на меня и нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей. Мнѣ пришлось побывать въ теченіе октября 1870 года въ Козьмодемьянскомъ, Свіяжскомъ, Ланшевскомъ, Чистопольскомъ и Мамадышскомъ уѣздахъ.

Въ общемъ—слѣдователи переходной формации оказались людьми добросовѣстными, знающими и трудолюбивыми. Пришлось признать неподходящими лишь двухъ, опустившихся подъ вліяніемъ жизни въ глухомъ городкѣ и засосанныхъ провинціальной тиной. Ознакомленіе съ дѣлами ихъ производства напомнило мнѣ то мѣсто изъ „Тюрьмы и ссылки“ Герцена, въ которомъ онъ описываетъ заголовки дѣлъ, найденныхъ имъ въ губернаторской канцеляріи и въ губернскомъ правленіи въ Вяткѣ, между которыми оказались „дѣло о по-

терѣ неизвѣстно куда дома волостного правленія и объ изгрызеніи плана онаго мышами“, „дѣло о потерѣ двадцати двухъ казенныхъ оброчныхъ статей (около пятнадцати верстъ)“ и „дѣло о перечисленіи крестьянскаго мальчика Василія въ женскій полъ“. Такъу одного изъ обревизованныхъ мною судебныхъ слѣдователей я нашелъ дѣла „о чародѣйствахъ крестьянина Андреева“ и „о прелюбодѣяннн крестьянина Федорова съ трехмѣсячной телицей“, а у другого дѣла „о произнесеніи похвальныхъ словъ“, „объ отнятн кафтана“, „о происшествіи, заключающемся изъ преждевременныхъ родовъ“, „о намѣренн крестьянина Сарафутдинова зарѣзать жену“, „о сомнительномъ причиненн смерти“ и „о крестьяннн Василій Шалинн, обвиняемомъ въ нанесенн волостному старшнн кулаками буйства на лицѣ“.—У одного изъ ревизуемыхъ слѣдователей нашлось среди множества запущенныхъ производствъ дѣло о дракѣ крестьянина Н. съ мѣщаниномъ М. „Что же тутъ? спросилъ я его: смерть? увѣчье? раны?“ Онъ посмотрѣлъ на меня растеряннымъ взглядомъ и затѣмъ пытливо уставился на сидѣвшаго съ угрюмымъ видомъ за отдѣльнымъ столикомъ письмоводителя, который, очевидно, ближе былъ знакомъ съ дѣлами, чѣмъ самъ слѣдователь. — „Этого обстоятельства нѣтъ“, отвѣтилъ тотъ, обращаясь ко мнѣ.—„Такъ почему же это дѣло въ вашемъ производствѣ?“ Слѣдователь опять вопросительно посмотрѣлъ на письмоводителя. Взломъ!—произнесъ тотъ вразумительно.—Да, да,—заторопился слѣдователь:—драка была со взломомъ.—Удивившись такой квалификаціи преступнаго дѣянн, подсуднаго въ простомъ своемъ видѣ мировому судѣ, а не общимъ судамъ, я сталъ разсматривать производство. Оказалось, что обвиняемый хотѣлъ побить потерпѣвшаго и приступилъ къ исполненн своего намѣренн, но послѣднн вырвался и заперся въ отхожемъ мѣстѣ,—однако вошедшн во вкусъ кулачной расправы обвиняемый выломалъ дверь „мѣста уединенныхъ размышленн“ и тамъ паки побилъ укрывающагося. Слѣдователь, или, вѣрнѣе, его письмоводитель нашелъ здѣсь наличность взлома, и такъ какъ кража со взломомъ подсудна общимъ судамъ, то по аналогіи призналъ, что „драка со взломомъ“ должна подлежать преслѣдованн тѣмъ же путемъ.

Въ другомъ, гораздо болѣе серьезномъ случаѣ, въ одномъ приволжскомъ городѣ, у чрезвычайно развязнаго и франтоватаго слѣдователя, — „души“ мѣстнаго общества — я нашелъ огромныя залежи дѣлъ, при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ оставались безъ производства около четырехъ лѣтъ. Между ними оказалось озаглавленное весьма странно: „*О кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ*“. — Что это за преступленн? спросилъ я у слѣдователя. — А право не помню, — отвѣтилъ онъ мнѣ съ обезоружи-

вающею откровенностью — надо посмотреть. Я еще не всё дѣла пересмотрѣлъ, принятыя отъ предмѣстника. Вѣроятно, какой-нибудь вздоръ.—Однако, позвольте, вѣдь вздоръ-то этотъ въ очень толстомъ томѣ.—И я взялъ дѣло съ собою, рассмотрѣлъ его подробно и пришелъ въ ужасъ. Оказалось, что за четыре года передъ этимъ, на Волгѣ, противъ одного изъ прибрежныхъ селеній, была дѣйствительно усмотрѣна стоящая на якорѣ кладнушка, т. е. маленькое, полупалубное судно, одно изъ тѣхъ, въ которыхъ некрупные торговцы въ то время развозили свой товаръ, имѣя въ качествѣ экипажа обыкновенно одного работника. Такъ какъ на кладнушкѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней не было замѣчено никакихъ признаковъ жизни, то нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ поѣхали полюбопытствовать, что это значитъ,—и нашли кладнушку пустою, товаръ разграбленнымъ, мѣдныя деньги изъ сундучка, въ которомъ, очевидно, хранилась выручка, разсыпанными, а на палубѣ топоръ съ окровавленнымъ обухомъ и потоки застывшей крови. Было ясно, что совершено убійство одного или двухъ человѣкъ и ограбленіе хозяина кладнушки, и что убійца или убійцы скрылись, воспользовавшись привязаннымъ къ кладнушкѣ челнокомъ. Началось дознаніе и слѣдствіе, въ города Волги и Камы было дано знать, возникла обширная переписка, и черезъ два мѣсяца въ Перми была арестована женщина-укрывательница, выдавшая работника убійцу и его сообщника, при чемъ послѣдній сознался. Всѣ трое были заключены подъ стражу въ Перми, а протоколъ ихъ допроса препровожденъ „душѣ общества“, только что вступившему въ завѣдываніе слѣдственнымъ участкомъ. На дѣлѣ была сдѣлана идилическая надпись: „О кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ“, и оно пролежало безъ движенія четыре года.

Самымъ слабымъ изъ тѣхъ слѣдователей, которыхъ я признавалъ необходимымъ оставить и при новыхъ судахъ, былъ старикъ Маруто-Суколь-Краснопольскій, которому оставалось до пенсіи всего три года. Онъ съ педантической точностью исполнялъ всѣ предписанія старой слѣдственной практики, писалъ огромныя постановленія по формѣ, установленной для рѣшеній старыхъ судовъ, при чемъ обычныя слова „слушали“ и „приказали“ (а послѣ „приказали“ снова излагалось все то, что „слушали“) замѣнялъ лишь словами „разсматривалъ“ и „постановилъ“. Онъ велъ допросы по пунктамъ и составлялъ архаическую дневную записку. Мало даровитый, но честный труженикъ, онъ смотрѣлъ на судебную реформу, какъ на грозную тучу, способную потрясти и матеріально разрушить его личное, семейное и служебное положеніе почти наканунѣ заслуженнаго отдыха. Это невольно сказывалось въ его тревожныхъ

окольныхъ разспросахъ, въ которыхъ звучалъ затаенный страхъ не быть командированнымъ къ исполненію обязанностей слѣдователя при новомъ судѣ. Я старался его успокоить, какъ могъ, откровенно указалъ ему на „*les défauts de ses vertus*“ и просилъ его въ остающееся до открытія новаго суда время изучить новые приемы производства и приспособиться къ нимъ. Мы разстались оба успокоенные за его судьбу, и я въ своемъ представленіи прокурору палаты, не скрывши нѣкоторой медлительности работы Маруто, тѣмъ не менѣе горячо рекомендовалъ его оставить и при новыхъ назначеніяхъ, съ чѣмъ первый и согласился. Человѣкъ съ тонкимъ умомъ, остроумный и обворожительный въ обращеніи, покоритель не только женскихъ, но и мужскихъ сердець, искусный мастеръ умѣть заставлять другихъ работать, знатокъ условій и отношеній провинціальной жизни, бывшій по прежней административной службѣ въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Салтыковымъ-Щедринымъ, прокуроръ палаты не былъ однако склоненъ поступаться личными или служебными интересами во имя чужихъ нуждъ и осуществлялъ на практикѣ правило о томъ, что „*la charité bien comprise compense par soi-même*“, облекая проведеніе этого начала въ форму изысканной любезности. Такъ случилось и по отношенію къ бѣдному Маруто. Представленіе министру о назначеніи признанныхъ по ревизіи годными слѣдователей и объ оставленіи за штатомъ непригодныхъ было уже готово къ отсылкѣ, когда пришло письмо вліятельнаго и „нужнаго“ правителя канцеляріи Министерства Юстиціи Бурлакова, съ просьбою дать одну изъ вакансій слѣдователя по Казанской губерніи его протее, имѣвшему, впрочемъ, на такую должность формальныя права и оказавшемуся впоследствии человѣкомъ весьма дѣльнымъ. Властною рукою прокурора палаты бѣдный старикъ былъ перенесенъ въ списокъ оставляемыхъ за штатомъ, а на мое усиленное заступничество послѣдовалъ отвѣтъ: „Ну, что же дѣлать? Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ! Нужна вакансія“. Черезъ три мѣсяца послѣ открытія судовъ мнѣ пришлось участвовать въ особомъ присутствіи губернскаго правленія при освидѣтельствованіи умственныхъ способностей бывшаго слѣдователя Маруто-Суколь-Краснопольскаго, впаваго въ мрачную меланхолю. Я не могъ невольно не припомнить этой тягостной картины, когда лѣтъ черезъ десять мнѣ пришлось навѣстить дровосѣка, отъ рубки котораго пострадала эта щепка, уже сенатора, умираваго въ мрачномъ отчужденіи отъ людей съ душевной раной, причиненной смертью любимой дочери.

Производя эту ревизію, я осматривалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тюремныя помѣщенія и въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ былъ пораженъ

состояніемъ тюремнаго замка, представлявшаго собою сырую и мрачную, обветшалую каменную постройку, окруженную высокимъ тыномъ изъ заостренныхъ кольевъ. Внутри было темно, до крайности тѣсно и безъ всякихъ приспособленій для мало-мальски гигиенической обстановки. Традиціонная параша, вносямая въ камеры на ночь, составляла необходимую принадлежность послѣднихъ. Арестанты имѣли удрученный и болѣзненный видъ. Въ общей женской камерѣ воздухъ былъ таковъ, что, какъ говоритъ нашъ простой народъ, въ немъ можно было топоръ повѣсить. Всѣ жаловались на дурное качество пищи и въ особенности на ея отталкивающее однообразіе. На мои замѣчанія смотритель и исправникъ только переглядывались, а директоръ мѣстнаго тюремнаго комитета безнадежно пожималъ плечами и говорилъ вполголоса: „нѣту средствъ“. Затѣмъ пришлось посѣтить помѣщеніе для приговариваемыхъ мировыми судьями къ аресту. Старинный дворянскій домъ-особнякъ, съ тоже традиціонными львами по бокамъ воротъ, выкрашенными въ темно-зеленую краску, состоялъ изъ ряда большихъ свѣтлыхъ комнатъ, въ которыхъ просторно были размѣщены кровати со столиками, графинами для воды и прочими принадлежностями. На стѣнахъ были развѣшены раскрашенныя литографированныя картинки изъ русской исторіи. Въ ванной комнатѣ было устроено нѣчто въ родѣ душа; на каждой постели лежалъ зимній и лѣтній халатъ и стояли двѣ пары туфель легкихъ и теплыхъ. Но прекрасное помѣщеніе это было пусто. Мѣстное населеніе, состоявшее въ значительной части изъ луговыхъ черемисъ, жившихъ въ жалкихъ курныхъ избахъ и страдавшихъ отъ этого по большей части глазами,—выходившихъ на охоту въ то время еще съ лукомъ и стрѣлами, давало небольшое количество арестуемыхъ. Поэтому лѣтомъ прекрасное помѣщеніе нерѣдко подолгу пустовало и принимало срочныхъ жильцовъ только съ осени. Контрастъ между обоими помѣщеніями для лишенія свободы и между послѣднимъ изъ нихъ и обычной житейской обстановкой большинства приговариваемыхъ невольно бросался въ глаза. На вопросъ мой попечителю арестнаго дома, видимо чрезвычайно довольному собою и показанною мнѣ обстановкой, о томъ, не соблазняютъ ли къ побѣгу окна нижняго этажа, отстоящія фута на два отъ земли и свободно раскрываемыя настежь, онъ отвѣчалъ мнѣ, что первоначально хотѣли сдѣлать въ окнахъ рѣшетки, но потомъ оставили эту мысль, потому что видъ рѣшетки производилъ бы непріятное впечатлѣніе на заключенныхъ, напоминая имъ, что они лишены свободы. „Помилуйте, господинъ прокуроръ,—вмѣшался смотритель, добродушный старичокъ изъ отставныхъ военныхъ—какія тутъ рѣшетки: никто и такъ не убѣ-

жить! Имъ тутъ первое время точно что не по себѣ, никакъ ихъ къ этимъ нашимъ устройствамъ не приучишь, ну, а потомъ, какъ обживутся, такъ ничѣмъ ихъ отсюда не выкуришь. Отсидитъ свой срокъ, объявишь ему, а онъ уходитъ и не думаетъ. Нѣкоторыхъ даже силою выдворять приходилось, особливо если въ серединѣ зимы“. Нѣсколько лѣтъ спустя лицо, имѣвшее случай просмотрѣть журналы особой комиссіи, завѣдывавшей въ Петербургѣ постройкой дома предварительнаго заключенія, увѣряло меня, ручаясь за достовѣрность, что въ одномъ изъ этихъ журналовъ очень крупный расходъ на устройство большихъ и красивыхъ итальянскихъ оконъ, выходящихъ по фасаду на Захарьевскую улицу, оправдывался между прочими соображеніями и тѣмъ, что при отсутствіи такихъ оконъ зданіе будетъ напоминать тюрьму...

Во время той же поѣздки я имѣлъ оригинальную встрѣчу. При посѣщеніи одного изъ приволжскихъ уѣздныхъ городовъ мнѣ пришлось познакомиться съ мѣстнымъ исправникомъ, человѣкомъ уже пожилымъ, но сохранившимъ большую физическую и умственную свѣжесть. И онъ, и его домашняя обстановка произвели на меня хорошее впечатлѣніе... Уѣзжая вечеромъ на пароходъ, куда онъ пріѣхалъ меня проводить, я выразилъ ему удовольствіе, что имѣлъ случай лично съ нимъ познакомиться. „Да вы уже со мной знакомы,—сказалъ онъ, весело улыбаясь.—вы обо мнѣ, конечно, читали—и на мой вопросительный взглядъ продолжалъ:—вы у Щедрина, конечно, читали въ „Губернскихъ Очеркахъ“. Извольте помнить: исправникъ Фейеръ? Вотъ тотъ самый, который, когда для оффиціальнаго обѣда рыбу, подходящую по росту и наружности, подобрать не могутъ, говорятъ рыбаку: „да ты рыбакъ или нѣтъ?—Да рыбакъ, это точно.—Ну, а начальство знаешь?—Какъ не знать, знаю.—Ну, слѣдовательно... и нашлась именно такая рыба, какую нужно. Такъ вотъ этотъ Фейеръ—я и есть! Я прежде въ Вятской губерніи служилъ, ну Михаилъ Евграфовичъ меня и описалъ, только фамилію чуть-чуть измѣнилъ. Давно это было, лѣтъ двадцать прошло, другія времена были. Счастливаго пути“!..

Служа въ провинціи, я вынесъ о судебныхъ слѣдователяхъ Казанскаго и Харьковскаго окружныхъ судовъ самое лучшее воспоминаніе. Судебный слѣдователь по Судебнымъ Уставамъ 1864 года облеченъ очень большою властью, поставленъ во многихъ отношеніяхъ въ положеніе независимаго судьи и имѣетъ въ цѣломъ рядъ случаевъ право не подчиняться предложеніямъ обвинительной власти, когда онъ съ ними несогласенъ. Все это въ связи съ тѣмъ, что должность слѣдователя поставлена въ нашей судебной іерархіи такъ, что на нее назначаются и въ особенности назначались сравнительно

молодые люди, могло давать поводы не только къ упрямому проведенію непогрѣшимости своихъ взглядовъ на дѣло и на личность обвиняемаго, но и къ тому, чтобы вино власти бросалось имъ въ голову, какъ это случалось впоследствии съ земскими начальниками въ родѣ извѣстнаго Харьковскаго „кандидата правъ“ Протопова и подобныхъ ему „кандидатовъ безправія“.

Но ничего подобнаго однако наблюдать мнѣ въ моей практикѣ не приходилось. Способности у слѣдователей были, конечно, различныя, но, за исключеніемъ одного, — Гераклитова, о которомъ я уже говорилъ въ воспоминаніяхъ о дѣлѣ серій¹⁾, — всѣ они были безпристрастными изслѣдователями дѣла и преданными, трудолюбивыми, безъ высокомерія и самолюбованія, слугами Судебныхъ Уставовъ, доказывая своею дѣятельностью, какъ мало было основанийъ къ предпринятому Министерствомъ Юстиціи упраздненію ихъ судейской несмѣняемости. Насъ объединяла общая работа и одинаковое желаніе служить дѣлу правосудія — и только ему. Съ чувствомъ искренняго уваженія вспоминаю я Казанскихъ слѣдователей — Г. П. Завьялова и И. В. Мѣщанинова (нынѣ сенатора перваго департамента), Харьковскихъ — Э. П. Фальковскаго, Н. Н. Языкова (впоследствии предсѣдателя Курскаго окружнаго суда) и В. Е. Шопена — и благодарю судьбу, пославшую мнѣ совмѣстную съ ними работу. Не могу также не вспомнить своеобразнаго и добродушнаго судебнаго слѣдователя одного изъ маленькихъ городовъ Харьковской губерніи, челоуѣка уже немолодого, съ длинной бородой, тихимъ голосомъ и чрезвычайно медлительной рѣчью. Онъ былъ большой домосѣдъ, выѣзжалъ изъ дому исключительно по дѣламъ службы и производилъ слѣдствіе съ сердечной вдумчивостью и щепетильной добросовѣстностью. Провинціалъ до мозга костей, онъ, повидимому, не бывалъ въ жизни нигдѣ дальше двухъ ближайшихъ губернскихъ городовъ и былъ далекъ отъ всякой злобы дня. Когда лѣтомъ 1868 года въ Харьковъ прибылъ на ревизію министръ юстиціи графъ Паленъ, я, по его желанію, представилъ ему подробную характеристику судебныхъ слѣдователей моего участка и обратилъ его вниманіе на этого слѣдователя, какъ на наиболѣе заслуженнаго по годамъ службы и любви къ дѣлу. Познакомившись съ нимъ лично при проѣздѣ чрезъ уѣздный городъ, министръ раздѣлилъ мой взглядъ, и результатомъ этого было полученіе этимъ слѣдователемъ, совершенно имъ неожиданное, ордена св. Станислава, а вслѣдъ затѣмъ назначеніе членомъ вновь открытаго суда въ ближайшемъ округѣ. Черезъ пять лѣтъ, когда я былъ уже прокуроромъ Петербургскаго окружнаго суда, предо-

¹⁾ „Русская Старина“ 1908 г.

мною неожиданно предсталъ мой Харьковскій уѣздный домосѣдъ и объявилъ мнѣ, что, вопреки своимъ привычкамъ, рѣшился пуститься въ путь, чтобы посмотрѣть Петербургъ, посоветоваться съ Боткинымъ и кстати прокатиться въ первый разъ въ жизни по желѣзной дорогѣ, при чемъ вся первая и значительная часть его медлительнаго разсказа состояла въ подробномъ описаніи устройства и спеціальныхъ свойствъ этого необычнаго для него способа передвиженія, а остальная была посвящена восторгамъ передъ Петербургомъ, конно-желѣзною дорогой, циркомъ съ клоунами и учеными собаками и въ особенности Пассажемъ, который въ вечерніе часы производилъ на него чарующее впечатлѣніе. Я просто не узнавалъ въ моемъ жизнерадостномъ посѣтителѣ стараго, усидчиваго и неотзывчиваго на все чуждое его спеціальности работника.

— Вы, вѣроятно, представитесь министру? спросилъ я его.

— Нѣтъ, зачѣмъ? отвѣчалъ онъ мнѣ: я не затѣмъ пріѣхалъ сюда. Къ чему его беспокоить...

— И прекрасно дѣлаете. Ну, а у Боткина вы записались?

— Нѣтъ, зачѣмъ? такъ зайду какъ-нибудь, мимо идя...

— Ну, къ Боткину, мимо идя, заходить не приходится: у него надо записываться и иногда ждать недѣли по двѣ: до такой степени онъ занятъ.

— А у насъ въ NN это просто: зайдешь, застанешь, ну и посмотришь, а то, коли не пожалѣть трехъ рублей, то и къ себѣ пригласишь.

— Нѣтъ, знаете ли что—я дамъ вамъ письмо къ Сергѣю Петровичу, и онъ вамъ, если возможно, назначить пріемъ внѣ очереди.

— Нѣтъ, что же его беспокоить? Я лучше у насъ дома посоветуюсь. Путешествіе меня оживило, и я себя чувствую очень хорошо. Въ особенности эта желѣзная дорога, ну да и Пассажъ: какіе магазины, какія нарядныя дамы!..

При разставаніи я далъ ему дружескій совѣтъ не очень, хотя бы и платонически, увлекаться Пассажемъ и собирающимся тамъ наряднымъ обществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ разрѣшить мнѣ предоставить ему возможность пріятно провести вечеръ. Съ большимъ трудомъ и за довольно высокую цѣну удалось мнѣ достать для него билетъ на кресло второго ряда въ Большомъ театрѣ, гдѣ въ то время плѣняла петербуржцевъ своимъ голосомъ итальянская дива Патти. Черезъ нѣсколько дней онъ встрѣтился мнѣ на Невскомъ, по-прежнему совершенно загнипотизированный прелестями Петербурга.

— Ну, какъ вамъ понравилась Патти?

— Какая Патти?

— Да развѣ вы не получили билета въ Большой театр?

— Нѣтъ, какъ же!—получилъ, благодарю васъ. Какой удивительный театр! Я себѣ представить не могъ: пять ярусовъ и какъ отдѣланы! И какая люстра огромная! Интересно бы знать, какъ ее зажигаютъ?

— Да, интересно, но Патти-то, Патти?

— Это которая же? Такая чернявая? Хороша, надо сознаться. Но знаете, у насъ въ городѣ, гдѣ я учился, была цыганка Стеша, такъ у той голосокъ былъ еще звонче. Я, бывало, еще гимназистомъ ходилъ ее слушать: въ дворянскомъ собраніи цыганскій хоръ пѣлъ. Нѣтъ, но я вамъ скажу, въ циркѣ! выходитъ клоунъ въ разноцвѣтномъ парикѣ, рожа вся мѣломъ вымазана и выводитъ онъ двухъ собакъ...

— Вы, вѣроятно, уже скоро ѣдете?

— Да, да, на этихъ дняхъ. Хочу только представиться завтра министру юстиціи; знаете, думаю, узнаетъ онъ, что я былъ въ Петербургѣ, и скажетъ: вотъ NN я какое вниманіе оказалъ, а онъ былъ въ Петербургѣ и глазъ показать не захотѣлъ!

— Могу васъ увѣрить, что министръ этого не скажетъ: у него много болѣе важныхъ дѣлъ и время ему дорого. Да и откуда онъ можетъ узнать, что вы были въ Петербургѣ. А если бы и узналъ, то, повѣрьте, будетъ благодаренъ, что вы не пришли отнимать у него безплодно нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ, знаете, все-таки лучше пойти: а вдругъ узнаетъ!—сказалъ онъ, задумчиво разглаживая длинную до чреслъ бороду, придававшую ему библейскій видъ.

На другой день въ мой прокурорскій кабинетъ, часа въ два дня, неожиданно пришелъ онъ и поразилъ меня своимъ видомъ. Въ его походкѣ, жестахъ, голосѣ, перешедшемъ въ прерывистый шопоть, и въ полной безнадежности взора сказывалось глубокое душевное удрученіе. При этомъ лицо его съ выраженіемъ застывшаго испуга имѣло необычный и необъяснимый, съ перваго взгляда, видъ. Я усадилъ его въ кресло, далъ ему напитокъ воды, и онъ со вздохами и паузами повѣдалъ мнѣ слѣдующее: „я былъ сейчасъ у министра... онъ вышелъ и, обходя всѣхъ, остановился противъ меня и пристально на меня посмотрѣлъ... Я назвалъ себя... „Ахъ, вы членъ суда,—сказалъ онъ—я попрошу васъ остаться до конца приѣма и приму васъ отдѣльно“... Вотъ, подумалъ я—ужъ извините—Анатолій Федоровичъ говорилъ, что не нужно, а графъ мнѣ отдѣльную аудіенцію даетъ. Надо воспользоваться случаемъ, если спросить, не желаю ли чего? что ему сказать: товарища ли предсѣдателя или члена палаты? Конечно, члена судебной палаты лучше... Только ушли всѣ, представлявшіеся... Зовутъ меня въ кабинетъ министра. Вхожу, а онъ

идеть мнѣ навстрѣчу, такой сердитый, да и говорить: „Вы, какъ членъ суда, должны знать правила службы, Развѣ вы не знаете, что гражданскіе чиновники не имѣютъ права носить бороды? А вы такую бороду носите, что и данные вамъ знаки отличія не видны. И вы, и ваши товарищи должны подавать примѣръ уваженія законовъ, а не нарушать ихъ. Вы не хотите подчиняться дѣйствующимъ постановленіямъ, а я изъ-за васъ получаю неприятности. Прощайте, я больше ничего не имѣю вамъ сказать“... (Оказалось, что незадолго передъ тѣмъ, при проѣздѣ Императора Александра II черезъ Динабургъ, на станцію для встрѣчи явились мѣстные мировые судьи. Государь крайне не любилъ видѣть бороды у представляющихся ему лицъ, и борода получила право гражданства въ нашемъ служебномъ быту лишь послѣ его кончины. Увидѣвъ въ средѣ Динабургскихъ судей нѣсколько бородатыхъ лицъ, онъ прошелъ мимо, кратко и сильно выразивъ свое неудовольствіе, и, вѣроятно, при одномъ изъ ближайшихъ докладовъ графа Палена обратилъ его вниманіе на эту инсубординацію).—„Что же теперь дѣлать?—шепталъ умирающимъ голосомъ мой посѣтитель — теперь все погибло; на моей службѣ поставленъ крестъ“... и онъ съ огорченіемъ разводилъ руками. „Полноте, это все забудется очень скоро. Успокойтесь и поѣзжайте съ Богомъ домой. Я знаю, что вы, какъ судья, не поступите вашими убѣжденіями ни предъ какимъ гнѣвомъ, а тутъ такое мимолетное неудовольствіе министра вдругъ заставляетъ васъ падать духомъ! Вамъ вреденъ петербургскій климатъ. Вотъ и у Боткина вы не успѣли побывать! Уѣзжайте-ка по-добру, по-здорову, да и въ лицѣ вы измѣнились такъ, что просто стали неузнаваемы“. Тутъ я пристально взглянулъ на него, чтобы провѣрить свои слова, и что же я увидѣлъ?! Библейская борода исчезла и вмѣсто нея отъ блѣднаго и разстроеннаго лица, почти до пояса тянулись длинныя, висячія бакенбарды и между ними свѣтился подбородокъ съ широкой дорожкой, свѣже присыпанной пудрой. „Когда это вы успѣли“?—подавляя невольную улыбку, спросилъ я несчастливца.—По выходѣ отъ министра,—скорбно отвѣчалъ онъ.—„Ужъ лучше бы до входа къ министру“,—сказалъ я. Онъ безнадежно махнулъ рукой, и мы расстались. Конечно, его предположенія о гибели служебной карьеры не оправдались, и онъ скончался въ должности товарища предсѣдателя, оставивъ по себѣ добрую память.

Въ томъ же Харьковѣ, но почти уже черезъ тридцать лѣтъ, мнѣ пришлось познакомиться и работать еще съ однимъ мѣстнымъ слѣдователемъ. Это былъ судебный слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ Марки. Воспоминаніе о тяжелой и чрезвычайно отвѣтственной работѣ по изслѣдованію причинъ и обстоятельствъ крушенія

17 октября 1888 года Императорскаго поѣзда между станціями Борки и Тарановка связано для меня съ личностью этого почтеннаго дѣятеля. Я встрѣтилъ въ немъ не только неустаннаго работника и отличнаго знатока своего дѣла, но и неліцемернаго, искренняго и стойкаго слугу Судебныхъ Уставовъ, умѣвшаго, когда нужно, безъ задора, но съ твердостью постоять за достоинство своего званія и самостоятельность своихъ дѣйствій. А это подчасъ было не легко при той переоцѣнкѣ нравственной цѣнности судебныхъ званій, которая тогда начинала сильно развиваться и выражалась въ перемѣщеніи центра тяжести судебной дѣятельности изъ суда въ прокуратуру. Положеніе Марки, которому пришлось вести это слѣдствіе несомнѣнной и глубокой важности, особенно усложнялось еще разнообразіемъ взглядовъ вліятельныхъ сферъ и начальствующихъ лицъ на свойства и характеръ причинъ необычайнаго крушенія. Одни стремились найти въ немъ непременно и во что бы то ни стало признаки политическаго преступленія, не гнушаясь чужими иногда совершенно нелѣпыми доносами и собственными вымыслами *ad hoc*, не имѣвшими *никакой* фактической подкладки;—другіе винили во всемъ исключительно людей, которые сопровождали Государя и Его семейство, и властное слово которыхъ могло ускорить движеніе поѣзда до опасныхъ размѣровъ;—третьи во всемъ обвиняли правленіе и управленіе Поляковской дороги, хищнически эксплуатировавшія все предпріятіе въ виду наступавшаго вскорѣ срока выкупа желѣзной дороги казною;—четвертые придавали всему характеръ простой несчастной случайности и, наконецъ, пятые, и въ томъ числѣ прокуроръ судебной палаты Закревскій, съ поспѣшной впечатлительностью переходили отъ одного взгляда къ другому,—неумѣстно, суетливо и самовластно впутывались въ распоряженія слѣдователя или, наоборотъ, въ случаяхъ, когда ихъ содѣйствіе было необходимо, не торопились съ нимъ, кутаясь въ тогу оскорбленнаго самолюбія. А между тѣмъ матеріалъ накоплялся громадный, и разнообразная экспертиза открывала все новыя и новыя области, требовавшія подробнаго изслѣдованія. Въ свое время я подѣлюсь съ моими читателями подробными воспоминаніями объ изслѣдованіи причинъ крушенія 17 октября 1888 года, теперь же—такъ какъ пришлось къ слову—могу лишь сказать, что крушеніе это было послѣдствіемъ цѣлаго ряда причинъ, коренившихся въ общемъ неисполненіи своего долга должностными лицами и въ недобросовѣстности лицъ частныхъ. По выводу сложной экспертизы, произведенной цѣлой группой особо-свѣдущихъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ лицъ, крушеніе произошло отъ чрезмѣрной тяжести поѣзда при чрезмѣрной скорости на слабомъ пути, а основаніемъ къ такому заключенію послужило то, что, вопреки точнымъ и вполне определеннымъ спе-

ціальнымъ правиламъ о поѣздахъ чрезвычайной важности, потерпѣвшій крушеніе поѣздъ состоялъ вмѣсто одиннадцати изъ двадцати двухъ шестиколесныхъ вагоновъ и вѣсилъ поэтому вдвое больше,—имѣлъ неудовлетворительный и портившійся въ пути автоматическій тормозъ,—не имѣлъ никакихъ приспособленій для сигнализаціи,—даже простой веревки между локомотивомъ и вагонами,—двигался со скоростью шестидесяти пяти верстъ въ часъ вмѣсто установленныхъ тридцати семи и шелъ двойною тягой, т. е. съ двумя паровозами, тоже вопреки правиламъ разнаго типа (пассажирскимъ и товаропассажирскимъ).—Это, стоявшее многихъ жертвъ, крушеніе произошло на уклонѣ въ 0,013, тогда какъ для Европейской Россіи максимумъ уклона составляетъ 0,008, и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ гнилыя шпалы удерживали въ себѣ костыли отъ расшитыхъ поѣздомъ рельсовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ четырнадцать разъ слабѣе нормального.

Судебному слѣдователю Марки приходилось проявлять безпристрастіе истиннаго судебнаго дѣятеля и свою дѣловую выдержку среди разнообразныхъ общественныхъ и служебныхъ настроеній, вліяній, совѣтовъ, намековъ и инсинуацій. Но онъ шелъ своимъ путемъ и дѣлалъ свое дѣло. По внѣшнему виду этого скромнаго человѣка трудно было при первомъ знакомствѣ опредѣлить его внутреннее содержаніе. Наружность его была довольно своеобразна. На его длинное туловище съ короткими ногами природа посадила голову въ непослушныхъ вихрахъ надъ глазами, смотрѣвшими въ разныя стороны, и дала лицо добраго сатира съ длинной и рѣдкой бородкой, завершивъ свою работу тѣмъ, что выростила у запястья рукъ еще пару кистей съ полнымъ комплектомъ маленькихъ уродливыхъ пальцевъ. Эти „дополнительныя“ руки, какъ какая-то опухоль, возвышались подъ рукавами и при поспѣшныхъ и сильныхъ движеніяхъ выглядывали на свѣтъ Божій. Къ этому присоединялась особая изысканность манеръ, соответствовавшая его французской фамиліи, и глухой, замогильный голосъ. Но въ этихъ косыхъ глазахъ свѣтились живой умъ и тонкая воспримчивость, во впалой груди билось благородное, исполненное чувства долга сердце, и ни одна изъ его четырехъ рукъ, конечно, не подписала никогда ничего, за что этотъ достойный глубокаго уваженія судебный дѣятель могъ бы покраснѣть. Величайшею мечтою этого труженика, задавленнаго постоянною громадною работою, было полученіе мѣста члена судебной палаты, но его постоянно обходили, оставляя изнывать чуткой душою и слабымъ тѣломъ за тяжелой работою. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 1902 году въ Харьковѣ во время визита его въ семью, у которой я остановился. Онъ

постарѣлъ, сталъ еще менѣе красивъ, и вторая пара рукъ какъ-то еще больше торчала подъ рукавами его форменнаго сюртука. Отойдя со мною въ сторону отъ гостей, онъ рассказывалъ упавшимъ голосомъ, какъ тяжело ему производить—при наличности самыхъ безцеремонныхъ мѣстныхъ давленій—слѣдствіе надъ несчастными въ своей темнотѣ, легковѣрномъ невѣжествѣ и нравственной одичалости крестьянами Богодуховскаго и Валковскаго уѣздовъ, привлеченными за участіе въ бевпорядкахъ и уже жестоко наказанными розгами подъ личнымъ руководствомъ губернатора князя Оболенскаго, вскорѣ завершившаго свою служебную карьеру генераль-губернаторствомъ въ Финляндіи. Тяжелые вздохи прерывали рѣчь добраго и безпристрастнаго человѣка, и въ глазахъ его свѣтилась изстрадавшаяся душа, оставившая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ навсегда свой необычный земной футляръ.

Со слѣдователями петербургскаго окружнаго суда мнѣ пришлось находиться въ служебныхъ отношеніяхъ почти въ теченіе десяти лѣтъ въ качествѣ товарища прокурора и прокурора, а затѣмъ по званію предсѣдателя суда. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ, другіе давно оставили свою должность—„иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече...“—но теплое чувство уваженія къ огромному большинству этихъ почтенныхъ дѣятелей живетъ въ моей душѣ и возникаетъ съ особой силой каждый разъ, когда я вспоминаю годы нашего совмѣстнаго служенія правосудію. Слѣдователей въ Петербургѣ было много: въ одной столицѣ было въ мое время пятнадцать слѣдственныхъ участковъ, да въ уѣздахъ шестнадцать, причемъ камеры столичныхъ слѣдователей, сосредоточенныя въ зданіи окружнаго суда, давали возможность постоянныхъ личныхъ съ ними сношеній и освобождали отъ излишней переписки.

Петербургскіе слѣдователи были людьми различнаго темперамента, способностей и опыта, накопляемаго долголѣтней практикой. Совершенно избѣжать нѣкоторыхъ треній между ними и лицами прокурорскаго надзора было конечно невозможно, но я тщательно устранялъ изъ возникавшихъ разногласій элементъ личной обидчивости и рѣзкаго проявленія своихъ правъ, въ забвеніи своихъ обязанностей по отношенію къ общему дѣлу. Я храню у себя письмо, присланное мнѣ при оставленіи мною должности прокурора судебнымъ слѣдователемъ К. И. Ламанскимъ, старѣйшимъ по годамъ службы и наиболѣе авторитетнымъ представителемъ слѣдователей, назначенныхъ при самомъ открытіи Петербургскаго суда (ихъ было семь: Ламанскій, Веберъ, Штанге, Витали, Запольскій, Доморацкій,

Федоровъ и Лелонгъ), — письмо, въ которомъ онъ благодаритъ меня за то, что за все время моего прокурорства (почти пять лѣтъ) я „поддерживалъ съ ними добрыя и откровенныя отношенія“, и затѣмъ говорить, что „если и возникали иногда маленькія недоразумѣнія, то за послѣдовавшимъ съ вашей стороны ихъ устраненіемъ и разъясненіемъ мы получали только большее расположеніе и довѣріе къ вамъ“.—Большинство изъ нихъ неохотно мѣняло свою живую дѣятельность на званіе члена суда или на должность товарища прокурора, сроднясь со своими участками и съ тѣсно сплоченнымъ товарищескимъ кругомъ. Нѣкоторыхъ изъ *утвержденныхъ* слѣдователей перваго года судебной реформы не могли соблазнить никакія назначенія, и, достойно неся и осуществляя свою судейскую независимость, они и умерли, занимая должность именно такого слѣдователя, какого себѣ представляли и начертали составители Судебныхъ Уставовъ.

Вскорѣ послѣ введенія судебной реформы явилась необходимость въ учрежденіи сначала въ Петербургѣ, а потомъ и въ Москвѣ должности *судебнаго слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ*. Эти слѣдователи имѣли право производить слѣдствія, по предложенію министра юстиціи, — какъ главы прокурорскаго надзора — на пространствѣ всей Россіи, не стѣсняясь раіонами окружныхъ судовъ, при которыхъ впослѣдствіи—уже много лѣтъ спустя — явились и судебные слѣдователи *по важнѣйшимъ дѣламъ*, но только подсуднымъ тѣмъ судамъ, въ округѣ которыхъ совершено такое „важнѣйшее“ преступное дѣяніе. Учрежденіе должности слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ надо признать весьма удачнымъ. Отсутствіе участка, обыкновенно обремененнаго дѣлами, пустыми по существу, но отнимающими иногда довольно много времени, каковы, на примѣръ, дѣла о кражѣ со взломомъ и о третьихъ кражахъ,—возможность всецѣло отдаваться изслѣдованію одного или двухъ дѣлъ и сопряженная съ этимъ относительная свобода въ распоряженіи своимъ временемъ—даютъ слѣдователю возможность производить дѣла съ особой полнотою, тщательностью и вдумчивостью, вести ихъ быстро и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ преступнымъ дѣяніемъ въ средѣ причастныхъ къ слѣдствію лицъ. Въ рукахъ такого слѣдователя съ наибольшимъ успѣхомъ могутъ находиться дѣла, требующія значительной предварительной подготовки и серьезнаго изученія тѣхъ или другихъ явленій, условій или ненормальностей общественной жизни. Такія дѣла, тѣсно связанныя съ цѣлымъ строемъ вещей или сложившимися порядками, понавъ къ участковому слѣдователю, тормозили бы движеніе другихъ дѣлъ и велись бы сами безъ полнаго посвященія имъ его

силъ и времени; страдая поэтому трудно поправимою неполнотою и промахами, неизбежными при массѣ непрерывной и мелочной текущей дѣятельности. вмѣстѣ съ тѣмъ къ особо-важнымъ дѣламъ, помимо обширныхъ и сложныхъ дѣлъ, напримѣръ, о злоупотребленіяхъ въ акціонерныхъ обществахъ и о преступленіяхъ должности, относятся изслѣдованія выдающихся злодѣяній кроваваго или безчеловѣчнаго характера, которыя глубоко волнуютъ и смущаютъ общество. Быстрое и энергическое ихъ производство успокаиваетъ встревоженное общественное мнѣніе, а скорая передача ихъ въ судъ и публичное ихъ обсужденіе кладетъ предѣлы разнорѣчивымъ толкованіямъ, вреднымъ, по своему возможному вліянію на присяжныхъ, для постановки спокойнаго и безпристрастнаго рѣшенія.

Первымъ судебнымъ слѣдователемъ по особо-важнымъ дѣламъ при петербургскомъ окружномъ судѣ былъ назначенъ П. К. Гераковъ, опытный юристъ, соединявшій большія правовыя свѣдѣнія со спокойной твердостью своихъ всегда глубоко обдуманыхъ и строго безпристрастныхъ дѣйствій. Почти одновременно съ моимъ переходомъ изъ Казани въ Петербургъ на должность прокурора онъ былъ назначенъ членомъ петербургской судебной палаты, и мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось на первыхъ порахъ познакомиться съ двумя слѣдователями по особо-важнымъ дѣламъ совсѣмъ другого типа.

Въ одинъ февральскій день 1872 года ко мнѣ въ окружный судъ пожаловалъ судебный слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ московскаго окружнаго суда Реутскій, считавшійся большимъ спеціалистомъ по дѣламъ о сектантахъ и глубокимъ знатокомъ ученія, обрядовъ и своеобразной писанной литературы „особо вредныхъ“ сектъ, къ каковымъ принадлежать, главнымъ образомъ, скопцы и хлысты съ ихъ различными развѣтвленіями. Его знанія по этой части были несомнѣнно велики по объему, но едва ли были глубоки, существуя въ сыромъ видѣ, безъ яснаго ихъ анализа и вдумчиваго синтеза. Они пріобрѣтались урывками, по случайнымъ поводамъ и не были приведены въ систему. Изданная имъ книга „Люди Божьи и скопцы“ лучше всего это доказываетъ, представляя оригинальное соединеніе историческихъ данныхъ, официальныхъ свѣдѣній, матеріаловъ судебного производства и собственныхъ измышленій, изложенныхъ въ беллетристической формѣ, въ видѣ бытовыхъ сценъ, рассказовъ и подробныхъ бесѣдъ основателей и главарей сектъ между собою, слышать которыя авторъ въ дѣйствительности, по времени и мѣсту, не могъ. Все это изложено безъ всякой внутренней перспективы, съ изображеніемъ на первомъ планѣ и существеннаго, и мелочнаго, а потому не оставляетъ въ читателѣ никакого цѣлостнаго представленія. Маленькій и сухой,

съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и впалыми глазами, со складомъ рѣчи, въ которомъ слышалась большая нервность, вѣчно занятый своею спеціальностью и только о ней и говорящій, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, для котораго изслѣдованіе дѣлъ о хлыстахъ и скопцахъ обратилось въ своего рода охоту за этими сектантами. Въ сущности въ немъ судебный слѣдователь переродился въ горячаго и односторонняго обвинителя, ревниво охранявшаго непогрѣшимость своихъ выводовъ и ихъ практическаго приложенія.

Имѣвъ не разъ случай усомниться въ соотвѣтствіи его дѣйствій и распоряженій съ требованіями истиннаго правосудія, я неоднократно убѣждался въ его чрезвычайной любви къ дѣлу въ смыслѣ работы, въ которой онъ былъ неустаненъ, отдавая ей все свое время и не преслѣдуя—насколько я его понималъ—никакихъ личныхъ цѣлей. При нашихъ разговорахъ о дѣлахъ его спеціальности онъ со страстной настойчивостью высказывалъ такіе взгляды, что, мнѣ думается—рѣшись я назвать его въ глаза фанатикомъ, онъ съ напускною скромностью сказалъ бы, подобно Тургеневскому Михалевичу въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“: „увы! я еще не заслужилъ такого высокаго наименованія“.—Онъ прибылъ въ Петербургъ потому, что содержащійся въ московскомъ тюремномъ замкѣ арестантъ Холоповъ оговорилъ цѣлый рядъ лицъ въ Москвѣ и Нижнемъ Новгородѣ, а также въ Петербургѣ въ принадлежности къ скопческой ереси, рассказывая, что, завлеченный въ эту секту, онъ присутствовалъ при радѣніяхъ скопцовъ и даже при наложеніи „большой и малой печати“. Многое изъ этого, по словамъ Холопова, происходило и въ знаменитомъ въ первой половинѣ XIX вѣка скопческомъ „кораблѣ“, въ домѣ на углу Озерного переулка и Знаменской улицы въ Петербургѣ, гдѣ въ двадцатыхъ годахъ жилъ основатель секты „батюшка-искупитель“ Селивановъ, и гдѣ его посѣщали, подъ вліяніемъ увлеченія Александра I мистицизмомъ, самые высшіе петербургскіе сановники. Производя обширное слѣдствіе по заявленію Холопова и сосредоточивъ слѣдственныя дѣйствія въ Москвѣ, Реутскій находилъ необходимымъ лично произвести обыски въ Петербургѣ у цѣлаго ряда лицъ, содержащихъ, главнымъ образомъ, мѣняльныя конторы. Эти обыски должны были подтвердить указаніе Холопова на то, что обыскиваемые не только оскотлены, но и горячо распространяютъ свои вредныя заблужденія, приобрѣтая угрозами и лаской, деньгами и обѣщаніемъ выгодъ новыхъ адептовъ, надъ которыми совершаютъ свои изувѣрные обряды. Обыски эти представлялись дѣломъ сложнымъ, требовали содѣйствія полиціи и, по настойчивому желанію Реутскаго, присутствія лицъ мѣстнаго прокурорскаго надзора. Каждый разъ, когда онъ лично обращался

ко мнѣ о командированіи товарища прокурора, я спрашивалъ его о результатахъ произведеннаго обыкновенно наканунѣ обыска. „Самые блестящіе,—говорилъ онъ мнѣ съ особымъ удовольствіемъ— улики несомнѣнныя.—Что же найдено?—Да все, что нужно, всѣ доказательства принадлежности къ ереси: портреты Петра III, изображеніе Іоанна Крестителя съ агнцемъ, иконы съ „безбородыми“ угодниками, платочки съ крапинками, песокъ съ могилъ Селиванова и Шилова и т. п.—Ну, а что далъ вчерашній обыскъ? спросилъ я его однажды.—О! это несомнѣнный скопецъ,—уклончиво отвѣчалъ онъ—и изъ самыхъ вредныхъ.—Что же вы нашли у него?—Ничего не нашли.—Чѣмъ же онъ въ такомъ случаѣ, изобличается, если у него ничего не найдено?—Если ничего не найдено,—наставительно сказалъ мнѣ Реутскій,—это еще не имѣетъ рѣшающаго значенія: это только значитъ, что онъ хорошо спряталъ то, что его изобличаетъ“... Мнѣ невольно вспомнился при этомъ выступъ на Базельскомъ мосту черезъ Рейнъ, съ котораго, по рецепту знаменитаго „Malleus maleficarum“, бросали въ воду, со связанными руками, женщинъ, подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ Сатаною, при чемъ если таковыя выплывали, то это служило доказательствомъ ихъ связи съ дьяволомъ и влекло ихъ на костеръ, а если не выплывали, то... не выплывали.

За обысками послѣдовали привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ, очныя ставки съ привезеннымъ изъ Москвы Холоповымъ,—чахоточнымъ человѣкомъ, съ довольно подозрительною и чрезвычайно однообразной подробностью повторявшаго свои заявленія и никогда не смотрѣвшаго въ глаза,—и наконецъ, цѣлый рядъ освидѣтельствующихъ мужчинъ и женщинъ на предметъ опредѣленія, есть ли печать и какая—малая или большая. По поводу послѣднихъ дѣйствій я вынужденъ былъ причинить Реутскому большое огорченіе. Ободренный предполагаемой имъ *успѣшностью* обысковъ и исчерпавъ въ этомъ отношеніи все, что можно, онъ со страстностью и, если можно такъ выразиться, дѣловой ненасытностью перешелъ къ освидѣтельствующимъ. Въ одинъ прекрасный день онъ пришелъ ко мнѣ съ просьбой дать ему предложеніе о производствѣ освидѣтельствующія всѣхъ женщинъ, проживавшихъ въ большомъ трехъ-этажномъ домѣ, на одномъ изъ угловъ тогдашней Ямской улицы около Лиговки, такъ какъ онъ подозрѣвалъ, по нѣкоторымъ намекамъ и неопредѣленнымъ воспоминаніямъ Холопова, что въ этомъ домѣ помѣщается тоже скопческій корабль или нѣчто въ родѣ скопческаго женскаго монастыря. Напомнивъ ему, что онъ совершаетъ отдѣльныя дѣйствія по слѣдствію, возникшему и производящемуся въ Москвѣ, куда и можетъ обращаться за прокурорскими

предложеніями, я отказалъ ему въ моемъ починѣ для осуществленія его чудовищнаго слѣдственнаго замысла по отношенію къ женщинамъ, ни именъ, ни званій, ни числа которыхъ онъ мнѣ даже привести не могъ. Но онъ усиленно настаивалъ на предложеніи, ссылаясь на то, что безъ него не рѣшается приступить, хотя и имѣетъ на то право, къ такому важному и несомнѣнно богатому успѣшнымъ результатами дѣйствию. Мой повторный отказъ очень раздражилъ его, и онъ—привыкшій играть роль „излюбленнаго лица“ въ министерствѣ юстиціи—съ высококомѣрнымъ самообольщеніемъ сказалъ мнѣ, что вынужденъ будетъ доложить министру юстиціи о томъ, что онъ въ своей дѣятельности не встрѣчаетъ необходимаго сочувствія и поддержки со стороны петербургской прокуратуры. На это и мнѣ въ свою очередь пришлось ему указать, что и я не лишень возможности попросить министра освободить меня или отъ всякихъ бесѣдъ съ московскимъ слѣдователемъ по сектантскимъ дѣламъ или отъ должности прокурора петербургскаго окружнаго суда. На этомъ мы и разстались. Я не предполагалъ тогда, что черезъ двадцать лѣтъ мнѣ, въ качествѣ сенатора докладчика по аппелляціоннымъ дѣламъ, придется встрѣтиться съ осуществленіемъ слѣдственнаго приѣма, задуманнаго Реутскимъ, но только въ другой мѣстности и обстановкѣ. Гакенрихтеръ Вейсенштейнскаго уѣзда баронъ Штакельбергъ, заподозрѣвъ въ убійствѣ новорожденнаго ребенка, найденнаго въ лѣсу, кого-либо изъ крестьянокъ деревни Рама и находя, что дѣвушки этой деревни „не отличаются нравственностью“, подвергнулъ ихъ, въ числѣ четырнадцати, освидѣтельствованію черезъ врача, при чемъ всѣ онѣ оказались ни разу не рожавшими, а три изъ нихъ совершенно дѣвственными.

По отъѣздѣ Реутскаго въ Москву продолженіе начатыхъ имъ слѣдственныхъ дѣвій по Петербургу было возложено, по распоряженію министра юстиціи, на судебнаго слѣдователя по особоважнымъ дѣламъ при петербургскомъ окружномъ судѣ Жуковскаго. Этотъ слѣдователь представлялъ полную противоположность Реутскому. Послѣдній имѣлъ за собою довольно долгіе годы службы, массу труда, большую техническую опытность и всецѣло отдавался излюбленному, хотя и односторонне понимаемому дѣлу. Въ немъ не было ничего безстрастно-чиновничьяго и, наконецъ, онъ все-таки сдѣлалъ свой, хотя и далеко не совершенный, вкладъ въ нашу бѣдную въ то время литературу о сектанствѣ. Жуковскій — сынъ губернатора и затѣмъ сенатора — всплылъ на поверхность какъ-то совершенно неожиданно на мѣсто П. К. Гераркова. За нимъ не было ни опыта, ни упорнаго труда, ни горячаго отношенія къ своимъ обязанностямъ. Зная, что въ

судебномъ вѣдомствѣ во время пребыванія министромъ юстиціи графа Палена протекція была немыслима, я и до сихъ поръ, по прошествіи сорока лѣтъ, не могу себѣ объяснить назначеніе такого малосвѣдущаго человѣка на важную должность въ столицѣ, такъ высоко поднятую его достойнымъ предшественникомъ Гераковымъ. И по наружности и по манерамъ,—изящный, франтоватый, высокій и красивый Жуковскій былъ полной противоположностью Реутскаго. Первыя же слѣдственныя его дѣйствія по громкому и сложному дѣлу о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Козловской дороги, къ которому, въ качествѣ обвиняемыхъ были привлечены акушеръ Колосовъ, бібліотекаръ медико-хирургической академіи докторъ Никитинъ и дворянинъ Ярошевичъ, при чемъ двое послѣднихъ обвинялись еще и въ приготовленіи къ отравленію своего сообщника по поддѣлкѣ Колосова ¹⁾, обнаружили въ новомъ судебномъ слѣдователѣ по особо-важнымъ дѣламъ полное отсутствіе способности устанавливать точныя и опредѣленныя границы производимому слѣдствію съ яснымъ сознаніемъ его цѣлей и практическаго значенія каждаго изъ предпринимаемыхъ дѣйствій. Его никакъ нельзя было назвать хозяиномъ дѣла, обдумавшимъ свойство и житейскую обстановку изслѣдуемаго преступленія и безпристрастно, но полно и обстоятельно, разъясняющимъ какъ фактическую его сторону, такъ и нравственную его подкладку.

Дальнѣйшія произведенныя имъ слѣдствія лишь подтвердили первое впечатлѣніе, имъ произведенное. Полное отсутствіе общей мысли, связующей всѣ частности дѣла, и правильнаго, согласнаго съ закономъ, пониманія состава преступленія,—склонность къ механическому подбору фактовъ, благодаря чему слѣдствія расплывались до безграничности и длились многіе мѣсяцы,—длиннѣйшіе, чрезвычайно отяготительные для свидѣтелей, допросы о самыхъ мелочныхъ и немѣющихъ значенія для дѣла обстоятельствахъ,—рѣзкое и надменное обращеніе съ вызываемыми къ слѣдствію, и наконецъ чрезвычайная и упорная щедрость на лишеніе заподозрѣнныхъ свободы безъ достаточныхъ основаній—таковы были характерныя черты этихъ слѣдствій и свойства этого слѣдователя. Съ особенною силою все это проявилось въ дѣлѣ о скопцахъ, начатомъ Реутскимъ. Весною 1872 года, вслѣдствіе сильнаго нездоровья, я долженъ былъ взять четырехмѣсячный отпускъ за границу. Вернувшись и покончивъ съ накопившимися неотложными вопросами и работами, я получилъ наконецъ, уже въ октябрѣ, возможность ознакомиться со слѣдствіемъ, производимымъ Жуковскимъ, и пришелъ въ большое смущеніе,

¹⁾ „Судебныя рѣчи А. Ѳ. Кони“ изд. 4-е. 1906 г.

чтобы не сказать болѣе. Оказалось, что, не озаботясь приобрѣтеніемъ точныхъ и научно-проверенныхъ свѣдѣній о существенныхъ признакахъ скопчества, онъ приступилъ къ широко раскинутой Реутскимъ уголовной паутинѣ, дѣйствуя оцупью, безъ всякаго плана, и сталъ плодить непроизводительную и безцѣльную переписку, содержа подѣ стражею по году людей, о которыхъ потомъ судебной палатѣ пришлось прекращать слѣдствіе по *отсутствію признаковъ преступленія*. При этомъ онъ путался въ совершенно чуждыхъ ему судебно-медицинскихъ вопросахъ, предаваясь сомнѣніямъ въ случаяхъ, вполнѣ ясныхъ, и нагромождая, безъ системы и связи, протоколъ на протоколъ, очевидно потерявшись въ массѣ сырого матеріала. Достаточно сказать, что изъ сорока привлеченныхъ къ слѣдствію челоуѣкъ только одного судебная палата признала возможнымъ предать суду, да и тотъ не былъ самъ скопцомъ. Изъ этихъ сорока челоуѣкъ часть, особенно престарѣлыхъ, оказалась освобожденною отъ суда по Высочайше утвержденному еще въ 1849 году положенію комитета министровъ, какъ оскотленные до 1816 года,—противъ двухъ (женщинъ) не обнаружено никакихъ уликъ,—а остальные еще въ 1854 году были оправданы рѣшеніемъ Сената какъ въ самооскотленіи или допущеніи оскотить себя во время совершеннолѣтія, такъ и въ распространеніи своей ереси „къ соблазну другихъ“.

Какихъ-либо признаковъ послѣдняго обвиненія не нашла и судебная палата, разсмотрѣвшая по подробному докладу П. К. Гераркова все огромное производство Реутскаго и Жуковскаго и не нашедшая возможнымъ придать значеніе противорѣчивымъ и возбуждающимъ основательныя сомнѣнія доносамъ Холопова. Это производство, потребовавшее отъ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ властей большой, по дознаніямъ и собиранію справокъ, подготовительной работы и сопряженное съ значительными денежными расходами для казны—оказалось совершеннымъ пустоцвѣтомъ, возбудивъ однако многія справедливыя жалобы и обнаруживъ полную несостоятельность Жуковскаго для производства „особо-важныхъ дѣлъ“. Для характеристики произвольности и шаткости его взглядовъ не могу не припомнить, что онъ постоянно и безъ всякаго основанія относился критически къ заключеніямъ врачей—Мержеевскаго и Баталина, работавшихъ подѣ руководствомъ великаго знатока скопчества въ судебно-медицинскомъ отношеніи, автора цѣннаго и обширнаго по этому предмету сочиненія¹⁾, профессора и директора медицинскаго департамента Е. В. Пеликана, и подвергалъ поэтому привлечен-

¹⁾ Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества. Е. Пеликана. 1872 г.

ныхъ имъ къ слѣдствію, по большей части стариковъ и старухъ, повторнымъ, ненужнымъ и унижительнымъ освидѣтельствомъ. Въ то же время, на основаніи одного лишь полуграмотнаго свидѣтельства провинціальнаго уѣзднаго врача онъ содержалъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, подъ стражей въ качествѣ скопца—цвѣтущаго здоровьемъ торговца изъ Орловской губерніи, который тщетно слезно ссылался на то, что онъ женатъ и имѣетъ ребенка. При освидѣтельствovanіи его, по требованію прокурорскаго надзора, оказалось, что несчастный псевдо-скопца просто тестикондъ (по народному выраженію „Нутрецъ“) и что указанный врачъ или грубо ошибся или смастерилъ свое свидѣтельство, не ознакомившись вовсе съ физической природой этого человѣка.

Дѣло Григорія Горшкова, „духовнаго скопца“, несомнѣнно связаннаго многими узами съ „воинствующимъ“ скопчествомъ и обвиняемаго въ оскотленіи родного сына, неизвѣстно куда скрывшагося, слушалось въ іюлѣ 1873 года въ Петербургскомъ окружномъ судѣ. Обвиненіе, которое я энергически поддерживалъ, будучи глубоко убѣжденъ въ виновности подсудимаго, было, какъ оно и понятно, построено на совокупности косвенныхъ уликъ. Оно встрѣтило талантливое возраженіе со стороны защитника, князя Кейкуатова, который указалъ, между прочимъ, присяжнымъ засѣдателямъ на то, что дѣло Горшкова представляетъ лишь маленькій обломокъ отъ непрочнаго и развалившагося зданія, построеннаго руками двухъ слѣдователей „по особо-важнымъ дѣламъ“—одного слѣпо-усерднаго, а другого „невѣдавшаго, что творить“—и просилъ присоединить своего кліента къ остальнымъ тридцати девяти, привлеченнымъ неосновательно. Это не могло не повліять на присяжныхъ, и они оправдали Горшкова.

Въ 1874 году Жуковскаго замѣнилъ Иванъ Ѳедоровичъ Книримъ, и я узналъ въ немъ „настоящаго человѣка на настоящемъ мѣстѣ“, какъ говорятъ англичане. Очень высокаго роста, съ ясными голубыми глазами на умномъ и спокойномъ лицѣ германскаго типа, онъ представлялъ собою соединеніе всѣхъ свойствъ и качествъ, необходимыхъ для слѣдственнаго судьи, въ рукахъ котораго такъ часто находятся свобода, честь и въ значительной степени матеріальное положеніе не только обвиняемаго, но иногда и другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и отъ котораго, какъ отъ врача и священника, не могутъ быть скрыты подробности частной жизни, иногда въ самыхъ сокровенныхъ ихъ проявленіяхъ. Достаточно подумать, сколько зла, несчастія, позора и разоренія могутъ иногда причинить—легковѣрное и неprovѣренное отношеніе къ разнымъ заявленіямъ и доносамъ,—поспѣшный и непродуманный приступъ къ слѣдствіямъ объ

учрежденіяхъ и лицахъ, въ дѣятельности которыхъ играетъ существенную роль торговый или общественный кредитъ,—недостаточно обоснованное привлеченіе въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣламъ о преступленіяхъ противъ нравственности и противъ цѣломудрія женщинъ, въ которыхъ такъ часто пышно распускается ядовитый цвѣтокъ, называемый шантажемъ. Я уже говорилъ о Книримѣ въ моихъ воспоминаніяхъ о дѣлахъ игуменіи Митрофаніи и о поджогѣ мельницы Овсянникова¹⁾. Здѣсь могу лишь добавить одинъ эпизодъ, когда я видѣлъ обычно очень сдержаннаго и хладнокровнаго Книрима въ состояніи крайняго возбужденія и негодованія. Въ ноябрѣ 1874 года онъ производилъ очень серьезное слѣдствіе по дѣлу о подлогѣ завѣщанія, совершенномъ нѣсколькими лицами, принадлежавшими къ такъ называемой интеллигенціи и постепенно исчерпывавшими всѣ доступныя имъ средства для отклоненія отъ себя тяжелаго обвиненія. Slѣдствіе уже приходило къ концу, и Книримъ вызвалъ одного изъ главныхъ обвиняемыхъ для предьявленія ему слѣдственнаго производства и предложенія традиціоннаго вопроса—не желаетъ ли онъ чѣмъ-нибудь таковое дополнить въ свое оправданіе? Обвиняемый, уже имѣвшій въ рукахъ копіи со всего производства, не пожелалъ съ нимъ знакомиться, а на вопросъ Книрима указалъ, справясь въ принесенной имъ записочкѣ, на нѣсколькихъ свидѣтелей и нѣкоторые документы, а затѣмъ, оглянувшись по сторонамъ и видя, что писмоводитель и кандидаты на судебныя должности заняты своимъ дѣломъ въ обширной камерѣ слѣдователя, подалъ эту записочку Книриму и вмѣстѣ съ нею открытый пакетъ, прибавивъ вполголоса: „да вотъ еще и это“... „Der lange Friedrich“, какъ почему-то называли въ шутку Книрима сослуживцы, взявъ записку и пакетъ и увидѣвъ, что въ немъ лежатъ кредитные билеты, вскочилъ, какъ ужаленный и устремился черезъ длинные корридоръ и пріемныя слѣдователей и корридоръ товарищей прокурора ко мнѣ въ кабинетъ. „Этого такъ оставить нельзя,—говорилъ онъ, задыхаясь и совершенно „виѣ себя“, весь красный отъ волненія— „за что такое оскорбленіе! Я васъ прошу принять отъ меня объ этомъ оффиціальное заявленіе и нельзя ли возбудить преслѣдованіе противъ этого негодяя?“. Стараясь его успокоить, я обратилъ его вниманіе на трудность уголовного преслѣдованія лиходателей и на то, что всякое оглашеніе о предложенной и отвергнутой взяткѣ всегда вызываетъ въ обществѣ лукавое предположеніе, что отвергнувшій даръ желаетъ порисоваться своею неподкупностью. „Однако же нельзя такъ тяжко оскорблять безнаказанно,—волновался Кни-

¹⁾ „Русская Старина“ 1907—1908 г.

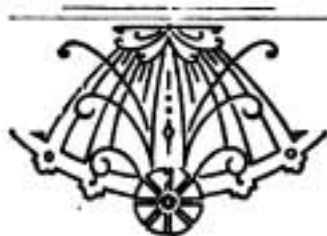
римъ—до сихъ поръ никто не выражалъ сомнѣнія въ моей честности, и онъ, человекъ образованный и самъ служившій, не могъ не видѣть, что я охотно предоставляю обвиняемымъ полную возможность приводить всевозможныя доказательства своей невинности. Онъ не могъ не понимать, какой обидный смыслъ имѣеть этотъ гнусный пакетъ! „Мы его за это и накажемъ безъ всякой огласки,—сказалъ я и приказалъ пригласить лиходателя изъ камеръ слѣдователя въ мой кабинетъ и тутъ въ присутствіи разстроеннаго Книрима сказалъ ему: „Г. судебный слѣдователь сообщилъ мнѣ, что вы передали ему вотъ этотъ пакетъ съ деньгами. Не желая допускать мысли, что вы могли это сдѣлать съ безплодной цѣлью повліять на ходъ слѣдствія, я высказалъ ему мнѣніе, что вы, вѣроятно, желали воспользоваться случаемъ просить его передать ваше пожертвованіе въ недавно учрежденное общество попеченія объ арестантскихъ дѣтяхъ, объ открытіи для которыхъ пріюта вы, конечно, читали въ газетахъ. Не такъ ли?“—Д-д-д-а, пролепеталъ тотъ... „Позвольте васъ искренно поблагодарить за это доброе дѣло: пріютъ очень нуждается въ средствахъ.... Потрудитесь пересчитать деньги, и получить временную росписку“... Книримъ облегченно вздохнулъ, улыбнулся и, уходя, крѣпко пожалъ мнѣ руку, а пріютъ арестантскихъ дѣтей неожиданно обогатился пятьюстами рублями.

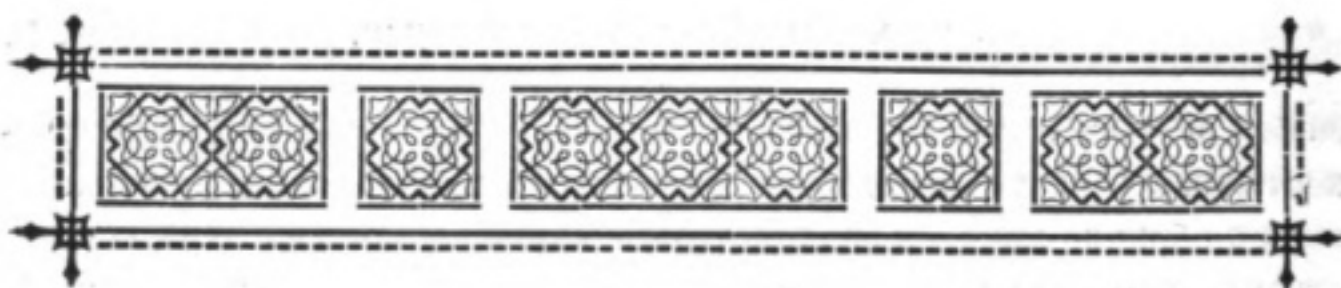
Со времени оставленія мною совмѣстной службы со слѣдователями въ Петербургѣ прошло почти тридцать лѣтъ. Многое въ судебной практикѣ съ тѣхъ поръ измѣнилось и едва-ли къ лучшему. По дѣламъ, проходившимъ черезъ мои руки по должности оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента, я видѣлъ, какъ постепенно и нерѣдко при явномъ вліяніи и внушеніи, идущемъ съ іерархическихъ высотъ, вторгалось въ слѣдственную практику одностороннее обвинительное творчество. Оно проявлялось въ расширеніи изслѣдованія далеко за предѣлы состава и свойства преступленія и движущихъ къ нему побужденій,—въ производствѣ ненужныхъ и напрасныхъ экспертизъ по вопросамъ, въ которыхъ фантазія играла гораздо большую роль, чѣмъ разумная потребность,—въ приѣмахъ, облегчающихъ обвинителю на судѣ обходъ прямыхъ запрещеній закона и, наконецъ, въ привлеченіи къ слѣдствію *заподозрѣннаго* въ качествѣ *обвиняемаго* лишь въ самомъ концѣ всего иногда многотомнаго производства, почти наканунѣ его отсылки къ прокурору, когда на привлеченнаго сразу обрушивалась масса направленныхъ противъ него данныхъ, своевременно и лично защищаться противъ которыхъ и, быть можетъ, разрушить предубѣжденіе слѣдователя онъ былъ уже лишенъ возможности. Такъ, среди многихъ подобныхъ дѣлъ мнѣ вспоминается московское слѣдствіе о покушеніи на растлѣніе экзаль-

тированной молодой дѣвушки „красавцемъ-мужиной“, во время ужина въ отдѣльномъ кабинетѣ, послѣ ея успѣшнаго дебюта въ клубномъ спектаклѣ,—по которому судебный слѣдователь,—человѣкъ въ высокой степени благородный, но увлекающійся,—озаглавилъ каждый томъ производства, какъ главы романа:—„событіе преступленія“, „личность потерпѣвшей“, „личность обвиняемаго“ и т. д.—при чемъ между прочимъ были произведены допросы разныхъ лицъ о поведеніи *отца* обвиняемаго и о томъ, вѣлъ ли онъ нечистую картежную игру, и спрошены, въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, три выдающихся артистки Императорскихъ театровъ о томъ, что онѣ чувствовали послѣ перваго дебюта, и были ли бы онѣ въ состояніи послѣ этого противостоятъ дерзкому и неожиданному нападенію на свое цѣломудріе.—Вспоминается также петербургское дѣло Ольги Палемъ, убившей студента Довнара, не желавшаго продолжать съ ней любовную связь, по которому, несмотря на признаніе обвиняемою своей виновности въ сознательномъ убійствѣ подъ вліяніемъ раздраженія, было произведено изслѣдованіе всѣхъ ея связей за десять лѣтъ до совершенія преступленія, при чемъ, въ явное нарушеніе торговой тайны, были разсмотрѣны и оглашены расходы на нее, записанные въ торговыхъ книгахъ ея „покровителя“ въ Одессѣ. — Наконецъ, я не могу забыть слѣдствіе о графинѣ Н..., обвинявшейся въ присвоеніи чужому ребенку титула, фамиліи и правъ состоянія своего мужа, жившаго и умершаго въ другомъ городѣ въ разслабленномъ физическомъ и душевномъ состояніи. На дѣло было обращено исключительное вниманіе, но несмотря на то, что виновность подсудимой во взводимомъ на нее преступленіи представлялась несомнѣнной, присяжные вынесли ей оправдательный приговоръ, причину чего главнымъ образомъ слѣдуетъ искать въ томъ особомъ приѣмѣ для успѣха обвиненія, который былъ употребленъ при слѣдствіи. По закону прокуроръ не имѣетъ права ссылаться на судѣ на полицейскія дознанія, не имѣющія формы и силы слѣдственныхъ актовъ, но ему не можетъ быть отказано въ прочтеніи протоколовъ осмотровъ, произведенныхъ слѣдователемъ. Невзирая на совершенно ясный составъ преступленія графини Н. и на моральную ея цѣль—полученіе въ свое управленіе слѣдующаго малолѣтнему сыну маіората—и несмотря на ея письменное сознаніе въ этомъ, судебный слѣдователь, широко разработывая дознанія и свѣдѣнія сыскной и секретной полиціи о поведеніи обвиняемой съ 16-лѣтняго возраста, занялся изслѣдованіемъ ея нравственности за свѣше чѣмъ двадцатилѣтній періодъ ея жизни. Поэтому для обвинителя явилась возможность вызвать на судѣ семнадцать допрошенныхъ при слѣдствіи свидѣтелей, подведенныхъ подъ двѣ рубрики: о *прошломъ подсу-*

ди.мой и о ея *характеристикъ*, при чемъ предъ присяжными раз-
вертывалась картина ряда романическихъ приключеній и любовныхъ
связей обвиняемой,—ея знакомства съ дамой, занимающейся „устрой-
ствомъ продажной любви“, — ея нездоровья, требовавшаго лѣченія
ртутью, и ея покушеній на самоубійство... Предъ присяжными была
женщина уже далеко не молодая (42 лѣтъ), и они присутствовали
въ теченіе семи дней при публичномъ обливаніи ея грязью изъ ея
прошлой, не безупречной жизни.—Они могли себѣ представить все,
что она должна была при этомъ переживать... и пожалѣли ее...

А. Ө. Кони.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А VII ¹⁾.

Изъ воспоминаній о В. К. Плеве. Первая моя встрѣча съ Плеве, въ дни молодости, въ поѣздѣ желѣзной дороги.—Дальнѣйшее знакомство въ Москвѣ и Петербургѣ. — В. К. Плеве, какъ Предсѣдатель Комиссіи по рабочему вопросу (Тов. Мин. В. Д.).—Встрѣча съ В. К. П., какъ Государственнымъ Секретаремъ.—Моя поѣздка въ Энгелънбургъ въ Швеціи къ д-ру Вестерлуунду.—Назначеніе В. К. П. Министромъ Внутр. Дѣлъ и мои размышленія на одрѣ болѣзни по этому поводу.—Возвращеніе въ Петербургъ и дѣловое свиданіе съ Плеве.—Бесѣда о нѣкоторыхъ тревожныхъ общественныхъ симптомахъ и ея ближайшіе результаты.—*Рабочій, университетскій и еврейскій вопросы* и предположенныя въ нихъ реформы.—Порученіе мнѣ—выработать планъ государственныхъ экзаменовъ для чиновъ Министерства В. Дѣлъ.—Проектъ широкой реформы организаціи рабочаго вопроса и рабочей статистики въ Россіи.—Печальный конецъ всѣхъ плановъ Плеве вмѣстѣ съ катастрофой, его постигшей.

Въ концѣ 70-хъ или началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка я возвращался съ женой въ Москву на поѣздѣ Московско-Брестской дороги изъ Англій, куда ѣздилъ почти ежегодно работать въ бібліотекѣ Британскаго Музея надъ своими книгами. Въ большомъ отдѣленіи второго класса, какъ помнится, оригинальнаго устройства (теперь такихъ вагоновъ не встрѣчается) мы сидѣли всю дорогу до Москвы лишь втроемъ, такъ какъ въ послѣднюю минуту отхода поѣзда изъ Варшавы вошелъ къ намъ въ купэ какой-то господинъ весьма молоджавый на видѣ, съ сакомъ въ рукахъ. Онъ усѣлся въ одномъ углу обширнаго купэ, и скоро между нами завязался оживленный разговоръ, къ видимому удовольствію обѣихъ сторонъ. Ока-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

залось, что нашъ спутникъ также русскій и даже, подобно мнѣ, бывшій питомецъ Московскаго университета—юристъ по образованію и въ то время служилъ въ Варшавѣ товарищемъ прокурора, кажется, судебной палаты. Когда, въ свою очередь, я назвалъ ему свой родъ занятій—профессорство въ Московскомъ университетѣ по финансовому праву, то онъ немедленно сообразилъ, кто я и даже назвалъ фамилію, которую встрѣчалъ въ газетахъ. Естественно, оставалось послѣ этого сдѣлать шагъ дальше—взаимно другъ другу представиться, что мы и исполнили. Нашъ случайный спутникъ оказался моимъ товарищемъ по университету, старше выпускомъ на два года: это былъ Вячеславъ Константиновичъ Плеве.

Такъ началось наше оригинальное знакомство съ Плеве, продолжавшееся, хотя съ большими перерывами, около тридцати лѣтъ; въ бытность мою студентомъ я его не встрѣчалъ и не зналъ. В. К. Плеве оказался весьма образованнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, и наша длинная дорога отъ Варшавы до Москвы прошла большею частью въ оживленныхъ разговорахъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Онъ много читалъ, наблюдалъ и думалъ и къ моему большому удовольствію оказался очень начитаннымъ въ произведеніяхъ писателя, которому я тогда очень поклонялся—Салтыкова-Щедрина. Мы частенько обмѣнивались воспоминаніями о сарказмахъ и насмѣшкахъ нашего сатирика и припоминали его острые „словечки“, никакъ, разумѣется, не предугадывая возможность, что одинъ изъ насъ сдѣлается въ будущемъ властителемъ судебъ той самой печати, объ одномъ изъ талантливыхъ представителей которой мы тогда вспоминали, прерывая разговоръ смѣхомъ...

Лишь изрѣдка Вячеславъ Константиновичъ какъ-то внезапно задумывался во время нашего разговора и даже на время переходилъ въ сосѣднее купѣ. Какъ выяснилось для меня впоследствии, тутъ были двѣ причины: во-первыхъ, мои скверныя грошевыя нѣмецкія сигары, дыма которыхъ онъ не терпѣлъ и изъ деликатности мнѣ ни слова о томъ не сообщилъ, а во-вторыхъ (и всего, конечно, важнѣе), забота и дума о больной женѣ, къ которой, какъ оказалось, онъ ѣхалъ во Владиміръ, гдѣ она гостила у своихъ родственниковъ и сильно заболѣла.

Къ концу нашего двухъ или трехдневнаго путешествія на очень скучномъ поѣздѣ, время на которомъ, впрочемъ, на этотъ разъ прошло незамѣтно, мы настолько подружились съ Плеве, что дали взаимное обѣщаніе отнюдь не прерывать начавшееся знакомство и при случаѣ навѣщать другъ друга. И дѣйствительно, спустя какую-нибудь недѣлю послѣ нашего пріѣзда въ Москву, онъ появился въ моей скромной квартирѣ на Малой Грузинской и извиняясь, что не

могъ привезти съ собою къ намъ жену, которая еще не достаточно оправилась, сообщилъ намъ подробныя свѣдѣнія о ея болѣзни и просилъ не забывать о немъ, когда будемъ опять проѣзжать за границу черезъ Варшаву.

Вмѣсто Варшавы, однако, мнѣ пришлось, черезъ нѣсколько лѣтъ видѣть и навѣстить его уже въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ быстро сдѣлался прокуроромъ судебной палаты. Тамъ я имѣлъ честь познакомиться съ его супругой и разными сослуживцами на довольно большомъ обѣдѣ, который онъ давалъ по какому-то семейному поводу. Затѣмъ, временно, наше знакомство какъ-то пріостановилось, и нѣсколько лѣтъ я его не видалъ. Онъ перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и сдѣлался Директоромъ Департамента Полиціи. Хотя я никогда и никакихъ политическихъ грѣховъ за собою не имѣлъ и былъ тѣмъ, что называется нынѣ строго-корректнымъ, но было какъ-то неловко въ то время, ради мнѣнія товарищей, продолжать съ нимъ частое общеніе, и я постепенно пересталъ заходить къ нему, посѣщая С.-Петербургъ. Обстоятельства скоро, однако, заставили явиться къ нему и при томъ полуоффиціальнымъ просителемъ: въ 1882 году, какъ я это сообщалъ въ другомъ мѣстѣ моихъ „Воспоминаній“, въ тогдашнее Министерство Финансовъ Бунге я получилъ приглашеніе занять вновь учрежденную должность фабричнаго инспектора. Одинаково какъ мнѣ, такъ и Министерству, послѣ предварительныхъ и удовлетворительныхъ обо мнѣ справокъ въ надлежащихъ вѣдомствахъ, было желательно возможно ускоренное утвержденіе меня въ должности, дабы я могъ начать немедля объѣздъ своего округа для изученія фабрикъ и участвовать въ разныхъ комиссіяхъ. На обѣдѣ у Н. Х. Бунге, который выражалъ мнѣ по этому поводу свои желанія, я мелькомъ обмолвился о своемъ старомъ знакомствѣ съ Плеве. Бунге немедленно сталъ настаивать, что въ такомъ случаѣ я долженъ навѣстить его и просить объ ускореніи, такъ какъ Департаментъ Полиціи—единственная инстанція, справки отъ которой обо мнѣ не достаетъ!

Разумѣется, я немедленно поспѣшилъ явиться къ Плеве, но два раза напрасно, не заставая его на квартирѣ и въ третій разъ отправился прямо въ Департаментъ,—къ Цѣнному мосту—гдѣ засталъ его, какъ сообщилъ мнѣ дежурный жандармъ, за дѣломъ. Я послалъ ему карточку и былъ принятъ весьма скоро, но видимо холодно и оффиціально, не такъ, какъ прежде, въ комнатѣ, гдѣ онъ производилъ, вѣроятно, какое-нибудь дознаніе или допросъ. На вопросительный его взглядъ я обстоятельно объяснилъ причину визита и даже сказалъ, что дѣлаю его по совѣту Бунге. „Я надѣюсь“, отвѣтилъ мнѣ Плеве, „что относительно Васъ никакихъ препятствій не встрѣ-

тится... Но скажите мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ Вы думаете совмѣстить Вашу новую должность съ профессурою и совмѣстимы ли онѣ?“ Я ему горячо и довольно длинно объяснилъ желаніе мое принести Россіи посильную пользу правильной постановкой фабричнаго и рабочаго законодательства у насъ и доказывалъ, что сверхъ того эта новая обязанность должна доставить мнѣ много полезныхъ экономическихъ свѣдѣній, которыхъ даже, какъ профессоръ и ученый, я инымъ способомъ и получить не въ состояніи, особенно въ Россіи и о Россіи.

Плеве, повидимому, со мной согласился и сказалъ только: „Въ такомъ случаѣ желаю Вамъ успѣха и обѣщаю категорически завтра же послать въ Министерство Финансовъ о Васъ удовлетворительный отзывъ... Прощайте!“

Слѣдующее мое свиданіе съ Вячеславомъ Константиновичемъ произошло черезъ два года въ комиссіи по пересмотру нашихъ фабричныхъ законовъ и уже было описано въ одной изъ предшествующихъ главъ. В. К. Плеве уже занималъ постъ Товарища Министра при графѣ Толстомъ, и ему поручено было Министромъ предсѣдательство междуведомственной комиссіи, созданной по поводу частыхъ въ то время волненій между рабочими. Все теченіе занятій этой комиссіи и важные результаты ея работы, положившей начало у насъ законодательству по этому предмету, описаны мною на своемъ мѣстѣ достаточно подробно, а потому я повторять ихъ не буду. Я принималъ участіе въ этой комиссіи весьма дѣятельное и видался съ Плеве очень часто въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ С.-Петербургѣ. Относился онъ ко мнѣ сначала довольно холодно и сдержанно подъ вліяніемъ, очевидно, воспоминаній (какъ и сознался впоследствии) о моемъ пренебреженіи его знакомствомъ въ бытность его въ Департаментѣ Полиціи. Позднѣе, однако, постепенно ледъ растаялъ: работая совмѣстно и видя во мнѣ, какъ онъ не разъ замѣчалъ, незамѣнимаго помощника въ выработкѣ правилъ новаго промышленнаго и рабочаго законодательства, онъ сдѣлался любезнѣе. Нѣсколько разъ Вячеславъ Константиновичъ являлся ко мнѣ для посѣщенія и бесѣды въ скромнѣйшую Марьинскую гостиницу въ Апраксиномъ дворѣ, въ которой я останавливался, подшучивая даже надъ моимъ домашнимъ костюмомъ (жакетка съ прорванными локтями) и простотой, съ которой я жилъ въ гостиницѣ, излюбленной лишь мелкими провинціальными купцами и торговцами!

Послѣ окончанія фабрично-заводской комиссіи, и затѣмъ опубликованія ея результатовъ въ видѣ новыхъ законовъ 1885—86 годовъ я видѣлъ въ ближайшее къ тому время Плеве всего раза три и

изъ нихъ одинъ разъ по его личной инициативѣ, а именно: онъ просилъ меня черезъ полгода сообщить ему письменно для будущихъ соображеній о разныхъ неудобствахъ и недосмотрахъ новыхъ фабричныхъ законовъ, обнаруженныхъ практикой, что я и сдѣлалъ въ особомъ довольно обширномъ докладѣ (напечатанномъ мною впоследствии въ приложеніи къ моей книгѣ „Воспоминанія фабричнаго инспектора перваго призыва“). Затѣмъ, какъ сообщалось объ этомъ мною раньше, въ 1886 году, когда низменные представители печати вроде г. Шарапова и Гилярова-Платонова съ самими гг. фабрикантами начали противъ меня настойчивую травлю въ печати и засыпали доносами начальство, чтобы выкурить меня изъ фабричныхъ инспекторовъ, мнѣ пришлось вновь побезпокоить и обратиться къ Плеве съ просьбой о помощи и защитѣ противъ этихъ недостойныхъ преслѣдованій. Собственно одна ничтожная капля переполнила этотъ грязный бассейнъ доносовъ и сплетень. Въ расцѣнкахъ фабричныхъ лавокъ (спеціально Богородско-Глуховской фабрики Морозовыхъ) были вычеркнуты моимъ помощникомъ недозволенные къ продажѣ разные сорта дорогой рыбы: осетрины, семги и пр., отпускаемой въ лавкѣ въ кредитъ. Это сдѣлано было въ силу данныхъ намъ словесно инструкцій изъ Петербурга и вовсе не по моему личному желанію. Г. Шараповъ донесъ въ своей статьѣ, что эта мѣра инспекціи указываетъ на ея желаніе препятствовать и ограничивать рабочихъ-де *отъ соблюденія постовъ, предписанныхъ нашею церковью...* и вотъ, какъ выражается одинъ изъ героев Тургенева, „Бирюлевскимъ барышнямъ все сдѣлалось извѣстно!“

Изъ вполне вѣрнаго источника, который назвать не могу, я получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что эта гнусная выходка г. литератора, своимъ участіемъ до сихъ поръ срамящаго нашу печать, была доложена и сообщена К. П. Побѣдоносцеву, и мнѣ посовѣтовали частнымъ образомъ объясниться и устранить дальнѣйшій ходъ этой безчестной выдумки. Я поѣхалъ въ Петербургъ просить участія и заступничества Плеве; онъ переговорилъ, какъ объяснилъ мнѣ, съ кѣмъ надлежитъ, т. е. съ К. П. Побѣдоносцевымъ, и устранилъ всякія возможные отсюда осложненія, предупреждая, однако, чтобы впредь я былъ „осторожниѣ“... но такъ какъ въ дѣйствительности, по моему искреннему убѣжденію, я никакой неосторожности себѣ не позволилъ, а дѣйствовалъ лишь согласно духу и буквѣ закона, то мысленно тогда же рѣшилъ уйти изъ инспекторовъ, хотя свое намѣреніе никому пока не сообщалъ.

Позднѣе, послѣ своего выхода изъ состава фабричной инспекціи въ сентябрѣ 1887 года, я утратилъ поводъ и возможность видѣть В. К. Плеве. Если не ошибаюсь, первый разъ послѣ этого инцидента—борь-

бы съ доносами, я встрѣтился съ Плеве, гуляя на улицѣ осенью или зимою 1898—99 года, уже переселившись въ Петербургъ, въ качествѣ академика. Обратнo съ послѣдующимъ временемъ въ обществѣ и печати о Плевѣ, какъ о женѣ Цезаря въ Римѣ, молчали или мало говорили: онъ былъ тогда Государственнымъ Секретаремъ; поэтому, естественно, разговоръ какъ-то сразу сосредоточился на мнѣ: онъ спрашивалъ обо всемъ происходившемъ со мной за эти *одиннадцать лѣтъ*, которыя мы не видались, при чемъ къ моему пріятному удивленію обнаружилось, что онъ не только до известной степени зналъ о разныхъ эпизодахъ моей жизни изъ газетъ и рассказовъ, но даже не прочь мнѣ былъ помочь, гдѣ дѣло соприкасалось съ его компетенціей. Такъ онъ зналъ и принималъ какое-то косвенное участіе, по своей должности, по поводу моей просьбы о сокращеніи срока моей профессорской пенсіи, ради скорѣйшаго переселенія въ Петербургъ. Я его проводилъ, при этой встрѣчѣ, помнится мнѣ, отъ Морской до его квартиры на Литейномъ. Въ заключеніе онъ любезно пригласилъ на минуту зайти къ нему отдохнуть, что я и сдѣлалъ. Черезъ нѣсколько дней онъ отплатилъ визитъ, но не засталъ меня на квартирѣ. Я, въ свою очередь, конечно вновь сдѣлалъ ему посѣщеніе, но также неудачно: не засталъ дома. Наше возобновленное знакомство какъ-то не клеилось, и я больше его не встрѣчалъ и только мелькомъ видѣлъ потомъ одинъ разъ въ ресторанѣ Кюба, 12 января, въ Татьянинъ день — праздникъ бывшихъ питомцевъ Московскаго университета. Здѣсь же былъ тогда (если не ошибаюсь, въ 1899 г.) Н. П. Боголѣповъ, который отвлекъ меня отъ Вячеслава Константиновича начавшимся съ нимъ какимъ-то любопытнымъ разговоромъ.

Прошло опять нѣсколько лѣтъ, пока я увидалъ вновь Плеве и при томъ при совершенно особыхъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Въ 1902 году мое здоровье опять пошатнулось настолько сильно, что пришлось подумать на этотъ разъ объ экстренномъ леченіи. Въ январѣ этого года, по совѣту нѣсколькихъ моихъ знакомыхъ и между прочимъ добраго Льва Львовича, графа Толстого, сына нашего писателя, я рѣшился обратиться за совѣтомъ къ знаменитому шведскому врачу, у насъ еще мало известному доктору, Теодору Вестерлунду, проживающему зимой обычно въ маленькомъ городкѣ Энчѣпингъ (Enköpings) въ Швеціи, верстахъ въ шестидесяти отъ Стокгольма. Его паціентами являются преимущественно мѣстные жители, а также норвежцы, датчане, финляндцы и отчасти встрѣчаются и россияне. Леченіе его отличается индивидуальнымъ характеромъ, смотря по болѣзни и личности больного, и не имѣетъ ничего шаблоннаго, какъ у многихъ другихъ знаменитыхъ врачей. Глав-

ная суть леченія заключается отнюдь не въ лекарствахъ и стряпнѣ аптекарской кухни (хотя онъ и ихъ не отвергаетъ, обратно съ извѣстнымъ, напримѣръ, нѣмцемъ Ламаномъ), но въ соответствующемъ режимѣ, занятіяхъ и питаніи больного. Съ особеннымъ успѣхомъ, какъ слышно, почтенный докторъ помогаетъ въ болѣзняхъ сердца и нервовъ. При этомъ онъ сразу завоевываетъ симпатію и полное довѣріе своихъ паціентовъ своимъ удивительнымъ безкорыстіемъ, о которомъ всѣ знаютъ. Боже сохрани, Вестерлундъ не запрашиваетъ и не требуетъ ничего напередъ уговорнаго отъ паціента, да еще по таксѣ, какъ это дѣлаютъ всѣ знаменитые врачи: онъ довольствуется тѣмъ, что дадутъ, а если паціентъ бѣденъ, то пользуется и со-всѣмъ даромъ. Чтобы лечить по его системѣ, и чтобы надзоръ за больными былъ удовлетворителенъ, онъ организовалъ въ Энчепингѣ нѣсколько пунктовъ для больныхъ—своего рода санаторію—sjukhuset. Лица, принимающія въ городкѣ этомъ больныхъ на свое иждивеніе за уговорную плату—обычно дамы, поступаютъ добровольно подъ непосредственный надзоръ доктора Вестерлунда и точно слѣдуютъ всѣмъ его указаніямъ и только подъ этимъ непремѣннымъ условіемъ онъ разрѣшаетъ больнымъ жить въ данныхъ санаторіяхъ. Точно, по золотникамъ, взвѣшивается пища больного, которая ему отпускается, опредѣляется строго весь обиходъ дня, что больной долженъ дѣлать—лежать или ходить и сколько времени до минуты, въ случаѣ предписанія, работать, напримѣръ, на ручномъ ткацкомъ станкѣ. Периодически больные взвѣшиваются, а жидкія отдѣленія ежедневно измѣряются; и все это дѣлается за весьма скромную плату!.. Фѣркенъ Гильемо, хозяйка такой санаторіи, у которой мнѣ пришлось жить, была истинной сестрой милосердія, которая вошла во всѣ интересы моего здоровья и благополучія и была строга лишь относительно размѣровъ пищи, мнѣ докторомъ предписанныхъ. Она даже для моего развлеченія добыла гдѣ-то кипу русскихъ книгъ, не говоря уже о газетахъ и журналахъ на шведскомъ языкѣ, которому я началъ усердно учиться.

Я пробылъ въ Энчепингѣ паціентомъ доктора Вестерлунда всего три мѣсяца слишкомъ, изъ коихъ около двухъ мѣсяцевъ леченіе заключалось въ лежаніи день и ночь на строгой, крайне умѣренной діетѣ (въ питъѣ ограниченія не было, обратно другимъ системамъ, но пить дозволялось единственно искусственное Виши). Къ этому присоединялся пріемъ каждый вечеръ различнаго слабительнаго лекарства. Тщательное выслушиваніе сердца и постукиванье происходило при каждомъ посѣщеніи доктора не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. „Вашему сердцу необходимо отдохнуть“, говорилъ этотъ провицательный и въ то же время благороднѣйшій врачъ и чело-

вѣкъ, и въ этомъ направленіи построена была вся его система. Ритмъ моего сердца значительно улучшился, его біеніе сдѣлалось правильнымъ и ровнымъ, хотя и было сначала очень слабымъ. Постепенно сердце отдыхало, но я въ то же время благодаря діэтѣ значительно похудѣлъ, потерялъ въ вѣсѣ что-то около пуда; и вотъ послѣ этого продолжительнаго лежанія, докторъ разрѣшилъ мнѣ, наконецъ, встать и попробовать свои силы—прогуляться съ помощью жены и опираясь сильно на палку около четверти часа; затѣмъ каждый день прогулка наша увеличивалась ровно на пять минутъ, пока не равнялась уже цѣлымъ двумъ часамъ. Тогда Вестерлундъ объявилъ мое леченіе оконченнымъ, разрѣшилъ вернуться домой, въ Россію, отдохнуть тамъ мѣсяць, другой и затѣмъ ѣхать въ какую-нибудь горную мѣстность Швейцаріи или Тироля съ цѣлью Теггайнкиг и пользованія живительнымъ горнымъ воздухомъ.

Само собой разумѣется, что при продолжительномъ двухмѣсячномъ лежаньи, по предписанію доктора, безъ всякаго иного развлеченія кромѣ чтенія газетъ и старыхъ, мнѣ большею частью извѣстныхъ, произведеній, въ приложеніяхъ къ „Нивѣ“—Тургенева, Достоевскаго и Боборыкина—и несмотря даже на всѣ старанія добрѣйшей души моей хозяйки Гильемо занимать меня разговоромъ, не говоря о женѣ, которая, впрочемъ, сама сначала хворала, я не могъ, разумѣется, не скучать и искалъ утѣшенія прежде всего въ думахъ о родинѣ и ея политическихъ и экономическихъ затрудненіяхъ и задачахъ: вѣдь значительная часть моего тридцатилѣтняго курса чтенія въ университетѣ была имъ посвящена. Всѣмъ этимъ думамъ и мечтаньямъ скоро доставило хорошій и обильный матеріалъ и поводъ важное событіе для Россіи—назначеніе Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ широкими при томъ, какъ видно было, полномочіями и надеждами, столь хорошо и давно мнѣ знакомаго В. К. Плеве. Зная его лично за много лѣтъ и при томъ на дѣлѣ, при выработкѣ фабричнаго законодательства, за очень умнаго и способнаго человѣка и вовсе не такого прямолинейнаго консерватора, какимъ былъ мой почтенный товарищъ Н. П. Боголѣповъ, а способнаго на уступки, гдѣ это требовалось временемъ или вызывалось необходимостью, я надѣялся, что Плеве можетъ сдѣлать для Россіи много добра и пользы, если пойметъ свое положеніе и истинные пути, которые поведутъ Россію къ дальнѣйшему процвѣтанію, а не къ упадку, какъ видимо къ тому шли представители реакціоннаго элемента въ нашемъ обществѣ. Конечно, я отнюдь не тѣшилъ себя надеждой видѣть въ лицѣ новаго министра либеральнаго дѣятеля, но я ожидалъ, что Вячеславъ Константиновичъ съ его умомъ и способностями легко пойметъ, что нельзя идти старыми проторенными пу-

тями бюрократическихъ препоновъ и препятствій, а надо попробовать новые способы достиженія благополучія Россіи. Я помнилъ хорошо, какъ внимательно выслушивалъ когда-то Плеве мои соображенія о разныхъ сторонахъ фабричнаго закона, извлеченныя изъ знакомства съ практикой жизни, и несогласныя съ его собственными взглядами, и въ концѣ концовъ охотно мѣнялъ иногда свое рѣшеніе и примыкалъ къ моему мнѣнію.

Въ своихъ долгихъ размышленіяхъ и мечтаніяхъ, прикованный къ одру болѣзни, я отнюдь, впрочемъ, не задавался какими-нибудь широкими планами переустройства всѣхъ сторонъ русской жизни на новыхъ конституціонныхъ устояхъ и началахъ. Вообще, я совсѣмъ не занимался политической стороной вопроса (былъ равнодушенъ къ ней) и исключительно имѣлъ въ виду лишь нѣкоторыя стороны государственной жизни, мнѣ ближе знакомыя, и на которыя, по моему, желательно было бы обратить вниманіе Плеве. Въ воздухѣ въ это время уже пахло революціей; чувствовалась близость большихъ смуть, которыя вскорѣ и осуществились вслѣдъ за японской войной; правительство, думалось мнѣ, чтобы остановить и обезвредить эту грядущую бѣду, признаки которой были для всѣхъ ясны, должно было идти навстрѣчу народному недовольству, ослабить, устранить поводы къ смутѣ и тѣмъ предупредить ее.

Изъ очень многихъ причинъ, пытавшихъ революціонное настроеніе и вкусы въ обществѣ, я остановилъ свое вниманіе прежде всего не на общихъ формахъ управленія, а на крайне несовершенной у насъ постановкѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сторонъ государственнаго быта. Такъ, работая когда-то вмѣстѣ съ Плеве надъ рабочимъ вопросомъ, я и остановилъ первое вниманіе на немъ. Цѣлыя недѣли невольнаго бездѣйствія моего въ Энчѣпингѣ я посвятилъ прежде всего на размышленіе и взвѣшиваніе деталей, при разностороннемъ освѣщеніи, русскаго рабочаго вопроса. Для меня выкристаллизовалась вполне ясно и опредѣленно необходимость поспѣшить съ возможно широкимъ развитіемъ правъ русскаго рабочаго и важность спѣшнаго созданія для него лучшихъ условій существованія: получивши незадолго передъ этимъ, въ началѣ моей инспекторской дѣятельности, права на голое существованіе, на свой заработокъ и время, рабочій естественно вошелъ во вкусъ новыхъ, лучшихъ условій; кстати этому были и другія стороннія благоприятствующія причины. Необходимо было дать ему то, чѣмъ всегда владѣли фактически его хозяева — права на соглашеніе, союзъ и распоряженіе своею собственностью, у рабочаго же главная собственность — его руки и трудъ. Короче, думалъ я, чтобы вырвать одинъ изъ зубовъ будущей революціи, завладѣть симпатіей рабо-

чихъ и выдвинуть изъ нихъ болѣе тихіе, консервативные элементы, правительство обязано не останавливаться на распутьи, идти навстрѣчу ихъ законнымъ желаніямъ и, не дожидаясь ихъ просьбъ, наперекоръ всѣмъ вождельніямъ фабрикантовъ, дать рабочимъ право стачекъ и право союзовъ, съ необходимыми, конечно, ограниченіями на первыхъ шагахъ и высшимъ надзоромъ государства.

Второй важный предметъ моихъ размышленій въ Эичёпингѣ, имѣющій крупное государственное значеніе въ моихъ глазахъ, это университетскій вопросъ или вопросъ объ организаціи высшаго образованія въ Россіи. Если фабрично-рабочій вопросъ можно сравнить послѣднее время съ естественнымъ питомникомъ у насъ частой смуты и недовольства въ нашемъ некультурномъ отечествѣ, то и университеты въ значительной степени, къ сожалѣнію, играютъ ту же роль. Необходима совершенная перемѣна постановки у насъ всего образовательнаго дѣла, чтобы оно приносило только пользу. Тридцатилѣтнее профессорство даетъ мнѣ право считать себя достаточно компетентнымъ судить о крайней непригодности нашего высшаго образованія, служащаго часто не для истиннаго просвѣщенія народа, а лишь для созданія опаснаго горючаго матеріала для всякаго рода беспорядковъ, существенно вредныхъ для страны.

Третій важный государственный вопросъ, на который существенно надо было обратить вниманіе въ виду грядущихъ смуть, по моему мнѣнію, былъ вопросъ еврейскій, или о ненормальномъ и несправедливомъ положеніи у насъ евреевъ, что невольно создаетъ изъ этого способнаго народа готовый контингентъ для революціи, отвлекаетъ множество талантливыхъ людей изъ ихъ среды отъ службы общей родинѣ Россіи, которой они могли бы приносить несомнѣнную пользу во многихъ сферахъ народной дѣятельности, а не вредить только въ качествѣ, зачастую, недобросовѣстныхъ закладчиковъ, маклаковъ, коммисіонеровъ, инициаторовъ многихъ преступныхъ организацій, а послѣднее время и революціонныхъ смуть. *Мы, русскіе, сами виноваты, въ значительной степени, во вредной роли, которую евреи играютъ въ нашей народной жизни.*

Вотъ, собственно, три пункта, или вопроса, которые меня занимали въ длинныя ночи и дни моего тягостнаго лежанія въ Эичёпингѣ. Шведскія газеты, которыя мы съ женой глотали въ огромномъ количествѣ, были весной того года (1902) переполнены статьями о Плеве и его возможной будущей политикѣ. Большой портретъ Плеве и обстоятельная статья о его прошломъ были помѣщены въ извѣстнѣйшей Aftonbladet съ самыми мрачными предсказаніями для будущаго Финляндіи—этого маленькаго, но злокачественнаго прироста къ обширному государственному тѣлу Россіи, которая яв-

ляется постояннымъ и злобнымъ источникомъ всякихъ клеветъ и вздорныхъ, часто незаслуженныхъ обвиненій противъ нашей несчастной родины ¹⁾).

Перечисленныя размышленія о судьбахъ Россіи въ указанныхъ трехъ пунктахъ буквально мнѣ не давали спать и лишали покоя. Къ счастью леченіе мое уже подходило къ концу, и я сталъ понемногу двигаться по пустыннымъ улицамъ шведскаго городишки, желая путемъ движенія пріобрѣсть недостающій сонъ. Впрочемъ мало-по-малу я успокоился на мысли, что я нравственно обязанъ, какъ лицо когда-то знакомое съ Плеве, сообщить ему свои соображенія. Сначала я собирался даже сдѣлать это письменно въ самомъ Энчѣпингѣ, но потомъ раздумалъ, придя къ заключенію, что трудно все выразить и мотивировать основательно на бумагѣ, тѣмъ болѣе попадетъ ли мое письмо еще прямо въ руки Министра?! Потому я окончательно рѣшилъ ждать своего возвращенія домой и постараться видѣть Вячеслава Константиновича и изложить ему свои мысли лично при свиданіи, путемъ живой рѣчи.

Во второй половинѣ апрѣля, благословляя Вестерлунда за несомнѣнную помощь и пользу, которую онъ оказалъ моему здоровью, и распростившись нѣжно съ моей хозяйкой и благодѣтельницей госпожею Гильемо, я вернулся домой въ Петербургъ. Отдохнувши недѣли двѣ, я немедленно сталъ искать способа добиться аудіенціи у Плеве и при томъ заставить выслушать терпѣливо плоды всѣхъ моихъ Энчѣпингскихъ размышленій. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я рѣшился обратиться за помощью къ моему товарищу по Московскому университету Н. А. Звѣреву, въ это время занимавшему должность, какъ извѣстно, Начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Я попросилъ его именно при одномъ изъ его докладовъ Министру, которые происходили по субботамъ, передать Вячеславу Константиновичу словесно мою просьбу дозволить мнѣ посѣтить его въ свободное для него время, примѣрно на полчаса, *для бесѣды по нѣкоторымъ государственнымъ вопросамъ*; я просилъ Н. А. Звѣрева въ разговорѣ съ Министромъ, какъ на нѣкоторое право съ моей

¹⁾ Удобнымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Въ городокъ Энчѣпингъ, въ бытность мою тамъ, пріѣзжалъ какой-то финляндецъ (имя его я забылъ) прочесть двѣ лекціи о Россіи и финляндскихъ дѣлахъ. Узнавши изъ бесѣды съ публикой, что на его первой лекціи была русская дама (моя жена), онъ специально обратился съ просьбой къ милѣйшей нашей хозяйкѣ Гильемо, чтобы *она уговорила русскую даму не приходить на его вторую лекцію*, ибо ея присутствіе его стѣсняетъ,—надо думать, хорошія и вѣрныя вещи онъ собирался сообщать о нашей родинѣ!?!

стороны, сослаться на наше долготное знакомство, но при этомъ непременно добавить, что я въ данной бесѣдѣ съ Министромъ отнюдь не преслѣдую никакихъ личныхъ цѣлей и ни о чемъ для себя не прошу. Понравится или не понравится Вячеславу Константиновичу предметъ моего сообщенія, я убѣдительно прошу его, во имя нашей старой пріязни, оставить мысль о какомъ-либо личномъ для меня удовольствіи. *Мнѣ рѣшительно ничего отъ него не нужно: я хочу съ нимъ поговорить исключительно лишь въ общественныхъ интересахъ, какъ я ихъ понимаю.*

Н. А. Звѣревъ обѣщалъ буквально и точно, какъ я его о томъ просилъ, передать мою просьбу Плеве и въ субботу вечеромъ уже сообщилъ мнѣ, что Плеве принялъ мое предложеніе очень любезно, вспомнилъ съ похвалой мнѣ о томъ, какъ мы съ нимъ работали вмѣстѣ по фабричному законодательству, и обѣщалъ немедленно выбрать время для свиданія и сообщить мнѣ о немъ. Въ воскресенье я уже получилъ съ курьеромъ собственноручное любезное письмо отъ Министра, сообщавшее, что Вячеславъ Константиновичъ будетъ ждать меня для бесѣды на другой день въ понедѣльникъ, вечеромъ (это было въ началѣ мая 1902 года).

Въ назначенное время, ровно въ 9 часовъ вечера, я явился въ квартиру Министра, близъ Цѣпного моста, и немедленно былъ принятъ въ его кабинетъ. Прежде всего я счелъ нужнымъ извиниться за беспокойство, которое причиняю ему своимъ визитомъ, мною настойчиво истребованнымъ, и въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ поводъ своего посѣщенія; рассказалъ о своей недавней болѣзни и пребыванія въ Швеціи во время его назначенія на высокій постъ Министра, и какъ я постепенно пришелъ къ убѣжденію, въ качествѣ стараго его знакомаго, что я долженъ непременно подѣлиться съ нимъ моими мыслями въ интересахъ Россіи: никакихъ личныхъ цѣлей я не преслѣдую и ничего отъ него не желаю, но питаю лишь надежду, что, можетъ быть, съ нѣкоторыми изъ моихъ идей Министръ согласится, онѣ найдутъ у него откликъ, или послужатъ по крайней мѣрѣ матеріаломъ какъ независимый голосъ изъ общества, что едва ли до него часто доходитъ...

Вячеславъ Константиновичъ на это вступленіе отвѣтилъ мнѣ, какъ мнѣ показалось сначала, довольно сухо и рѣзко, что онъ всегда готовъ выслушать мнѣніе каждаго лица по государственному вопросу и принять къ свѣдѣнію, если съ мыслью согласится, и что я, спеціально, имѣлъ возможность благодаря продолжительному моему съ нимъ знакомству сообщать и передавать ему откровенно всѣ свои мысли и желанія, тѣмъ болѣе не преслѣдующія личныхъ цѣлей, но что онъ хорошо помнитъ, что я по своему собственному желанію

замѣтно уклонялся и избѣгалъ прежняго знакомства и сближенія съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. „Вы представляли, мнѣ казалось, мнѣнія кружка „Русскихъ Вѣдомостей“, которыя съ моими иногда не укладывались, а потому, надо думать, и удалялись меня“.

Такъ какъ въ послѣднемъ упрекѣ Плеве было много справедливаго, то мнѣ было бы очень трудно его отпарировать, и я постарался уклониться отъ прямого отвѣта одной лишь ссылкой на желаніе мое побесѣдовать о нѣкоторыхъ государственныхъ вопросахъ, лишь теперь, когда онъ получилъ прямую власть и при томъ опять таки безъ всякаго отношенія къ моимъ личнымъ интересамъ и прежнему образу дѣйствія. Какъ человѣкъ независимый по общественному и экономическому положенію, я просто желаю побесѣдовать съ нимъ, какъ съ лицомъ власть имущимъ, по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ, надѣясь, что авось онъ обратитъ на мои мысли вниманіе, и изъ нихъ получится нѣкоторая польза для общественнаго дѣла... Затѣмъ, я прямо приступилъ къ дѣлу и оставилъ его вниманіе исключительно (при этомъ оговорился на первый разъ)—на трехъ лишь пунктахъ, которые здѣсь съ точностью, но вкратцѣ и въ сжатомъ видѣ изложу. (Къ счастью, наканунѣ моего посѣщенія къ Министру, опасаясь, что во время бесѣды съ нимъ, если онъ меня будетъ прерывать какими-нибудь посторонними разспросами, то я пропущу что-нибудь важное, я набросалъ краткій конспектъ моего, такъ-сказать, будущаго словеснаго доклада Министру. Совершенно неожиданно, во время писанія настоящихъ воспоминаній, я нашелъ этотъ набросокъ въ грудѣ своихъ бумагъ, а потому могу возстановить содержаніе самаго разговора вполне правильно и точно, хотя можетъ быть слишкомъ кратко). Вся бесѣда, вмѣсто просимаго мною у Министра „полчаса“ въ дѣйствительности продолжалась до 10¹/₂ часовъ вечера, т. е. цѣлые полтора часа, въ теченіе коихъ я все говорилъ и говорилъ, Плеве же внимательно слушалъ и лишь изрѣдка вставлялъ немногія фразы, вопросительнаго характера или одобрительнаго содержанія. Вотъ сущность бесѣды:

Я указалъ прежде всего на развитіе въ Россіи революціоннаго духа и признаки приближенія революціи, что министръ едва ли отрицать будетъ. Я считаю всякую революцію или переворотъ, если онъ происходитъ насильственно, большимъ зломъ для страны, а потому опасаюсь катастрофы, гибели многихъ существенныхъ интересовъ и возможной передѣлки и переустройства всего государственнаго быта, вовсе не по указанію дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей страны и, при томъ слишкомъ поспѣшно и мало обдуманно... Въ виду разнообразнаго и трудно поправимаго зла, которое

вообще революція можетъ принести Россіи, я считаю, какъ человѣкъ, любящій свою родину, необходимымъ всячески бороться и противо-дѣйствовать этому теченію, причинъ которому много и знать ихъ—равносильно имѣть и самую возможность бороться съ революціоннымъ духомъ.

Ограничиваясь указаніемъ лишь нѣкоторыхъ, ближе мнѣ знако-мыхъ причинъ развитія грядущей революціи, я остановился сначала на первомъ планѣ на поводѣ, который предполагалъ обоимъ намъ съ Министромъ близкимъ къ сердцу—на неустройствѣ фабрично-рабочаго вопроса въ Россіи. Какъ авторъ закона 3 іюня 1886 года и другихъ позднѣйшихъ узаконеній; давшихъ рабочимъ нѣкоторыя человѣческія права, Министръ долженъ за этимъ вопросомъ необходимо признавать крупное значеніе (Плеве кивалъ мнѣ утверди-тельно головой). Какъ всякой живой организмъ, человѣкъ съ теченіемъ времени измѣняется, и нашъ рабочій классъ, что бы ни говорили о его связи съ землей и съ крестьянскимъ бытомъ, растетъ и развивается; если онъ полусознательно доволенъ закономъ 1886 года, обезпечившимъ ему право на личный заработокъ и первая попытки регуляціи противъ злоупотребленій хозяевъ и пр., то въ настоящее время этого слишкомъ мало: русскій рабочій наслушался о классныхъ интересахъ и желаетъ попробовать собственныя силы въ защиту своихъ правъ противъ предпринимателей. Необходимы дальнѣйшіе шаги законодательства навстрѣчу этимъ потребностямъ и не дожидаясь ихъ бурнаго и насильственнаго проявленія.

Короче, надо идти дальше, завершить начатое дѣло переустрой-ства всего фабрично-рабочаго быта. Несмотря на надѣленіе по-мѣщичьихъ крестьянъ землей и пр., у насъ замѣтно создается и увеличивается свой собственный пролетаріатъ, такой же, какъ въ Западной Европѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ однѣ силы прави-тельства недостаточны для установленія мирнаго сколько-либо со-житія для интересовъ двухъ классовъ—рабочихъ и капиталистовъ: необходимо допустить ихъ *самодѣятельность*, что отчасти, но очень односторонне и теперь проявляется, по крайней мѣрѣ для одной стороны—предпринимателей. Въ этихъ видахъ я считаю, не касаясь вопросовъ общаго государственнаго устройства, безусловно необходи-мымъ:

„1. Созданіе и веденіе рабочими ихъ союзовъ для защиты интересовъ и для улучшенія ихъ экономическихъ условій труда и вообще быта“.

„2. Вслѣдъ за созданіемъ права союзовъ—свободное разрѣ-шеніе рабочимъ стачекъ или забастовокъ кромѣ тѣхъ слу-

чаевъ, гдѣ этому противорѣчатъ иные болѣе важные государственные или экономическіе интересы“.

„3. Завѣдываніе фабрично-рабочимъ вопросомъ Министерствомъ Финансовъ противорѣчатъ существу дѣла и равносильно сидѣнію между двумя стульями, такъ какъ Министръ Финансовъ долженъ заботиться о возможномъ удовлетвореніи интересовъ фабрично-промышленныхъ классовъ предпринимателей и въ то же время о наилучшемъ устройствѣ и удовлетвореніи интересовъ представителей труда, что къ сожалѣнію часто, хотя и не всегда, совершенно несовмѣстимо и противорѣчитъ одно другому. Единственнымъ выходомъ можетъ въ данномъ случаѣ служить раздѣленіе вѣдомствъ, и если Министръ Финансовъ заботится на-ряду съ фискальными интересами о наилучшемъ удовлетвореніи выгодъ торгово-промышленныхъ предпринимателей, то такая же забота о другой сторонѣ, гораздо болѣе многочисленной, о рабочихъ, должна быть перенесена и возложена на единственное вѣдомство, которому довѣрено созданіе и наблюденіе порядка и благополучіе цѣлаго народа—Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“¹⁾).

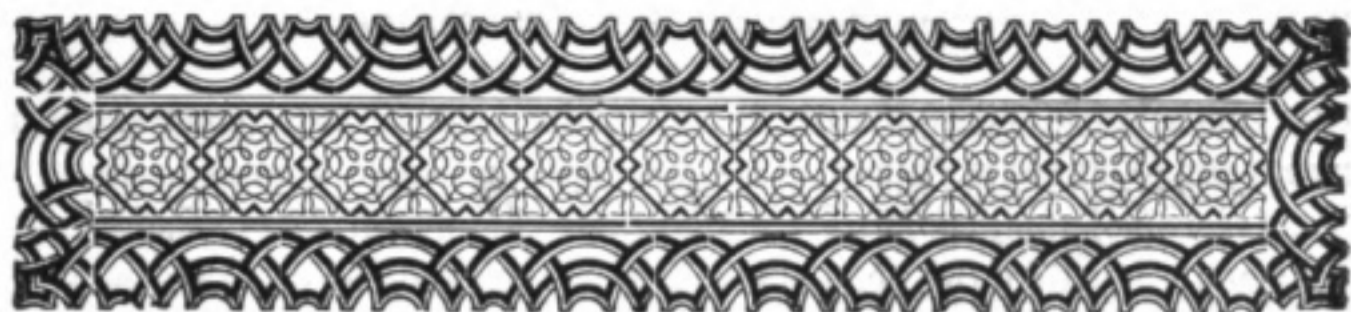
Все это я говорилъ, иллюстрируя вводными примѣрами и разсужденіями, здѣсь не сохранившимися, и излагалъ съ большимъ жаромъ и убѣжденіемъ. Вячеславъ Константиновичъ во время всего изложенія моего доклада, если его такъ назвать, или молчалъ или сочувственно кивалъ головой; когда же я покончилъ вышеуказанный абзацъ, министръ привсталъ и заявилъ мнѣ: „Съ существомъ всего, что Вы говорили, я вполне согласенъ и готовъ даже отчасти немедленно приступить къ работѣ въ томъ смыслѣ, какъ вы желаете и прошу Васъ только не отказаться мнѣ помочь, когда понадобится. Затѣмъ прошу продолжать Ваше интересное сообщеніе“.

Иванъ Янжуль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Считаю долгомъ напомнить читателямъ моихъ „Воспоминаній“, что въ 1902 г., когда происходилъ мой разговоръ съ покойнымъ Плеве, Министерство Торговли и Промышленности, къ которому нынѣ отнесены и заботы о рабочемъ классѣ, еще не существовало, и оно учреждено позднѣе, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ тѣхъ идей или возраженій, которыя мною выше указаны. Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, созданіе этого новаго министерства не уничтожаетъ силы моего сообщенія.

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года¹⁾.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Пассекъ получилъ приказаніе сначала обойти Мичикальское ущелье, затѣмъ захватить непріятельскія орудія и, наконецъ, занять такую позицію, съ которой онъ прикрывалъ бы движеніе главныхъ силъ отряда вплоть до того пункта, гдѣ уже могло бы состояться соединеніе его съ главными силами. Занятіемъ Анчимеера Мичикальская позиція была обойдена, что и заставило непріятели немедленно же ее покинуть, что же касается до орудій, то не таковы были мѣстные условія Кавказа, чтобы отыскивать ихъ на удачу, для успѣха — ихъ нужно видѣть во-очію, да и этого еще недостаточно.

Что касается до выбора мѣста для расположенія нашего отряда въ цѣляхъ обезпеченія слѣдованія главныхъ силъ, то это было исполнено Пассекомъ со свойственнымъ ему глазомѣромъ и съ тѣмъ знаніемъ и пониманіемъ условій дѣйствій въ горахъ, которыми Пассекъ владѣлъ въ совершенствѣ и въ чемъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго среди кавказскихъ офицеровъ.

Я нарочно опираюсь на всѣ цѣли, поставленныя Пассеку, и на средства и способы Пассека для ихъ достиженія, такъ какъ вызванныя ими дальнѣйшія операціи нашего отряда (которыя я стараюсь доложить съ возможной точностью) были подвергнуты въ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

свое время строгой критикѣ и составили одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ обвиненія, предъявленнаго памяти этого генерала ¹⁾.

Я говорю лишь во имя справедливости, потому что таково мое убѣжденіе, что онъ исполнилъ лишь то, что ему слѣдовало ²⁾; я свидѣтельствую въ память покойника, который не разъ полагался на мою защиту передъ великими міра сего въ минуты, когда онъ и не предполагалъ, что ему еще раньше придется предстать для отвѣта предъ лицомъ Господа Бога.

Я также осуждаю это продолжительное наше пребываніе на „холодной горѣ“, такъ прозванной солдатами за вынесенныя ими тамъ бѣдствія отъ холода, но мое осужденіе исходитъ изъ другихъ соображеній, чѣмъ общепринятая тогда осужденія Пассека ³⁾, и я осуждаю единственно лишь изъ того обстоятельства, что у подошвы этой „холодной горы“ было другое мѣсто, гдѣ бы мы бѣдствовали значительно менѣе, и откуда мы одинаково хорошо обезпечивали бы слѣдованіе главныхъ силъ отряда къ Мичикалу.

¹⁾ Обвиненіе Пассека въ дальнѣйшемъ, по занятіи Анчимаера, движеніи исходило изъ правильнаго соображенія, что, занявъ позицію у Анчимаера, мы брали во флангъ и въ тылъ Мичикальскую позицію, которую наши противники немедленно и бросили, слѣдовательно, Пассеку нечего было идти по хребту далѣе на Зунумееръ (холодную гору), оторвавшись отъ главныхъ силъ и подвергнувъ себя бѣдствіямъ, и это дальнѣйшее движеніе оцѣнивалось въ отрядѣ „необузданной отвагой честолюбиваго Пассека“. Конечно, вина ложится и на Пассека, но виноватъ и Воронцовъ, *оправданія котораго*, что „успѣхъ занятія Анчимаера былъ такъ быстръ, что Воронцовъ не успѣлъ дать Пассеку дальнѣйшихъ указаній“ — *недѣйствительны*, онъ былъ обязанъ ориентировать Пассека, дать точное наставленіе и уже во всякомъ случаѣ обезпечить его обозомъ и тѣмъ или другимъ способомъ облегчить отряду Пассека его лишенія и бѣдствія.

Б. К.

²⁾ Благородный Бенкендорфъ оправдываетъ Пассека, доказывая, что ему слѣдовало преслѣдовать, что и вызвало дальнѣйшее движеніе впередъ, но кто можетъ теперь доказать, слѣдовало или не слѣдовало преслѣдовать по горамъ?! Но къ заявленію Бенкендорфа, какъ человѣку правдивому и участнику, слѣдуетъ отнестись съ полнымъ вниманіемъ, и мы въ значительной степени склоняемся къ убѣжденію, что графъ Воронцовъ виноватъ значительно болѣе Пассека, но Пассекъ былъ скоро убитъ, а Воронцовъ остался живъ и въ силѣ, и въ могуществѣ, и кто могъ впослѣдствіи оправдать Пассека!

Б. К.

³⁾ Упомянутыя нами и заключавшіяся въ „необузданной отвагѣ честолюбиваго Пассека“.

Б. К.

Но зналъ ли тогда кто-нибудь о существованіи этого мѣста? ¹⁾

Мы были затеряны въ облакахъ, затеряны въ странѣ, гдѣ еще не ступала нога русскаго, и тѣмъ не менѣе Пассекъ сумѣлъ дѣйствовать и опредѣлить стратегическій пунктъ, занятіе котораго обезпечило успѣхъ экспедиціи. Пассекъ, въ эту эпоху, имѣлъ много недруговъ и особенно завистниковъ среди лицъ главной квартиры; на молодого сравнительно офицера, едва только начавшаго подвизаться на Кавказѣ, имѣли зубъ и полковники, которыхъ онъ обогналъ на службѣ, и двадцатилѣтніе генералы, съ которыми онъ было сравнялся.

Правды ради, слѣдуетъ признать, что Пассекъ всѣхъ ихъ оскорблялъ своимъ высокомеріемъ и тщеславіемъ, которыми онъ былъ всецѣло проникнутъ.

Я въ жизни не встрѣчалъ большаго спорщика и, когда онъ сознавалъ, что неправъ, и доводы его уже не были дѣйствительны, то онъ переходилъ къ рѣшительнымъ приемамъ, подобно атакѣ непріятельской позиціи и, что называется, бралъ штыковымъ ударомъ. Такъ, однажды, когда среди его оспаривавшихъ и уже утомившихся съ нимъ въ спорѣ лицъ, одинъ изъ его товарищей, долѣ другихъ его оспаривавшій, замѣтилъ ему, что для продолженія съ нимъ спора у него не хватаетъ не доводовъ, а силы легкихъ, то Пассекъ, все еще метавшій грома, отвѣтилъ ему: „Ну, не спорьте тогда, когда грудь слаба“. Какъ конечно не было естественно, что Пассекъ имѣлъ враговъ, но въ данномъ случаѣ были неправы обвинители Пассека. Какъ ни трудно мнѣ разъяснить это обстоятельство, не имѣя карты, но я все же попытаюсь.

Перейти отъ Киркинскаго перевала къ верховью долины *Мичикале* (важному пункту, который слѣдовало занять для прегражденія здѣсь доступа противнику), возможно было по двумъ направленіямъ: первое (горами), принятое Пассекомъ, въ 8 верстъ протяженія, второе, пролежавшее тропинкой вдоль двухъ долинъ—Коцу и Мичикале, пересѣкавшихся почти прямымъ угломъ, въ 20 верстъ протяженія.

Слѣдовательно, для достиженія позиціи, занятой нами въ качествѣ авангарда, было два направленія, одно — прямолинейное, другое — кружное. Утверждать, что главнымъ силамъ слѣдовало слѣпо идти въ хвостъ за нами, было бы конечно абсурдомъ (по тысячѣ причинъ, объяснить которыя заняло бы много времени и

¹⁾ Вотъ почему Воронцову и не слѣдовало торопиться, а развѣдать, что лежало уже не на Пассекѣ, а на штабѣ Воронцова, хотя конечно и Пассекъ могъ этимъ озаботиться.

было бы бесполезно), и главные силы конечно не могли рисковать подобнымъ движеніемъ, но было ошибочнымъ не развѣдать другой дороги, на которую *Пассекъ указывалъ совершенно опредѣленно* ¹⁾.

Главнымъ силамъ оставалось только слѣдовать этой дорогой, во-первыхъ, дабы возможно было насъ розыскать, а во-вторыхъ для возможности снабженія насъ, не давъ намъ умирать съ холоду и съ голоду. вмѣсто того, чтобы принять это простое и естественное рѣшеніе, продолжали (очевидно, Бенкендорфъ говоритъ о главной квартирѣ, свитѣ и вообще о лицахъ, составлявшихъ верхи отряда) теряться въ догадкахъ и соображеніяхъ о нашемъ смѣломъ движеніи и критиковать Пассека, который яко бы одинъ хотѣлъ все кончить, ничего не оставляя другимъ и предоставляя насъ такимъ образомъ всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, черезъ которыя намъ пришлось проходить ²⁾.

Чудесное утро 6-го іюня застало насъ на вершинѣ Анчимеера. Воздухъ на большихъ высотахъ отличается необычайной прозрачностью, съ глазъ какъ бы спадаетъ какая-то завѣса, и поле зрѣнія увеличивается почти вдвое.

¹⁾ Въ чемъ же тогда заключалась рекогносцировка графа Воронцова съ его многочисленной свитой и штабомъ? Это показаніе Бенкендорфа во всякомъ случаѣ очень важно и, конечно, останься въ живыхъ Пассекъ, онъ бы вѣроятно оправдался, но онъ былъ вскорѣ убитъ, а графъ Воронцовъ ни слова не сказалъ въ его оправданіе.

Б. К.

²⁾ Высота Анчимеера была взята Пассекомъ 5-го іюня, при чемъ отрядъ его былъ безъ обоза и вообще налегкѣ и такъ и заночевалъ на 6-ое іюня. Воронцовъ же хотѣлъ Дагестанскій отрядъ двинуть въ оставленное противникомъ ущелье Мичикале, а остальные силы двинуть къ подошвѣ Анчимеера, къ бывшему укрѣпл. „Удачному“, притянувъ сюда и всѣ свои обозы, и слѣдовать потомъ на Мичикале. 6-го іюня Пассекъ, увлекшись преслѣдованіемъ, прошелъ хребтомъ Ичкенъ еще 15 верстъ и расположился на *Зунумееръ*, — „холодной“ горѣ и тогда же Дагестанскій отрядъ перешелъ въ Мичикале; очевидно, что пора было спустить внизъ отрядъ Пассека. Между тѣмъ графъ Воронцовъ съ остальными силами только 7-го перешелъ къ подошвѣ Анчимеера и ничѣмъ не поддержалъ и не снабдилъ Пассека, бывшаго въ 15-ти верстахъ впереди. Первая поддержка, хотя и недостаточная, оказана Пассеку послѣ полудня 9-го, и онъ оставленъ на „холодной“ горѣ еще на двое сутокъ, когда нужды въ этомъ не было никакой, и только 11-го спущенъ въ долину. Вина въ бѣдствіяхъ отряда падаетъ на старшее начальство, на графа Воронцова, и незнаніе имъ условій дѣйствій въ горахъ не оправданіе: было у кого ознакомиться съ этими условіями, знатоковъ при отрядѣ было много.

Съ полнымъ удобствомъ мы какъ бы парили надъ этимъ нагроможденіемъ скалъ, надъ этими чудовищными трещинами и пропастями, которыя сходятся, сплетаются, но нигдѣ не прерываются, составляя въ общемъ страну горъ, именуемую Дагестаномъ. Мы не встрѣчаемъ здѣсь ничего подобнаго строенію извѣстныхъ намъ горныхъ странъ, гдѣ соединеніе горныхъ цѣпей, возвышеніе и опусканіе хребтовъ слѣдуетъ извѣстной системѣ. Здѣсь — цѣлый міръ обломковъ и развалинъ: все здѣсь перемѣшано, все разбито, все въ безпорядкѣ; точно чудовищныя волны океана какъ бы внезапно застыли и окаменѣли въ бурю; это полное изображеніе первобытнаго хаоса.

Восхищаешься потрясающей красотой величественнаго и внушительнаго зрѣлища, но вмѣстѣ съ тѣмъ испытываешь чувство ужаса, какъ бы очутившись передъ вратами ада.

Отсюда понятно отвращеніе, внушаемое нашимъ бѣднымъ солдатамъ грозной природой Дагестана, и та захватывающая тоска по родинѣ, отъ которой они гибнутъ, вспоминая широкое раздолье этой родины, ея зеленныя, слегка волнистыя равнины, богатыя и цвѣтуція, веселыя субботнія хоровыя пѣсни и хороводы и церковныя воскресныя службы.

Сколько разъ замѣчалъ я, какъ наши солдаты вздыхали о прелестяхъ Чечни, между тѣмъ какъ тамъ ихъ отовсюду подстрѣливаютъ, и каждый переходъ по лѣсу стоитъ чьей-нибудь жизни. Но тамъ, по крайней мѣрѣ, есть трава, есть лѣсъ, которые все-таки напоминаютъ родину, а въ Дагестанѣ однѣ скалы да камни, камни да скалы.

„Когда бы только избавиться отъ этихъ проклятыхъ горъ“.

Нельзя не повторить съ Ермоловымъ его энергичнаго чисторусскаго выраженія, вырвавшагося у него, когда онъ, съ вершины Караная, какъ и мы теперь, въ первый разъ увидалъ у своихъ ногъ этотъ огромный лабиринтъ пропастей, громаднхъ горъ, расколотыхъ и перевернутыхъ, образующихъ это море камней и скалъ Дагестана.

Багровое солнце подымалось изъ-за Койсубулинскихъ горъ.

Русскій человѣкъ легко поддается чужеземному вліянію, и наши войска быстро перенимаютъ нравы и обычаи сосѣднихъ народовъ. Видя, изо дня въ день, какъ муллы, простирая руки къ востоку, съ высоты минаретовъ призываютъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, мы, христіане, тоже обращаемся лицомъ къ востоку, вознося къ Богу и наши молитвы.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть величественнѣе и красивѣе восхода солнца въ горахъ Кавказа. Въ походѣ особенно набожно склоняешь голову передъ золотымъ свѣтиломъ, только что озарившимъ своимъ свѣтомъ поле новаго боя. „Зайдетъ ли оно до, или послѣ моей смерти за этими другими горами, по направленію которыхъ оно движется и отъ которыхъ находится всего въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія?“ Таковъ сокровенный передъ вѣчностью вопросъ у каждаго, заставляющій скрестить руки на молитву о Божьей помощи.

Барабаны ударили подъемъ, и мы выступили ¹⁾. Мы приостановились у подножія горы, чтобы утолить жажду, такъ какъ на вершинѣ Анчмеера не было воды. По пути намъ пришлось еще взбираться на горы. Весь остатокъ этого дня мы не сходили съ вершинъ, и это былъ лучшій способъ обозрѣнія мѣстности и быть насторожѣ всякихъ неожиданныхъ нападеній, такъ какъ мы надъ всѣмъ господствовали.

Направо шли все горы и горы, за которыми раскрывалось Мичикальское ущелье, налѣво, примѣрно верстахъ въ десяти, находилась воронка или трещина (затрудняюсь дать точное названіе), промытая водами р. Андійскаго Койсу, которая и представляетъ естественную преграду между двойнымъ кряжемъ горъ, образующихъ Гумбетъ, и высокимъ центральнымъ плато голыхъ скалъ, образующимъ Аварію. Позади этихъ скалъ на фонѣ голубого неба вырисовываются ледники Дидо и горы Лезгинской кордонной линіи.

Я былъ въ арріергардѣ. Пассекъ перестрѣливался съ небольшими партіями горцевъ. Въ концѣ дня я получилъ приказаніе занять вновь высоту, уже нами пройденную и оставленную позади, и на ней основаться. Эта была „холодная“ гора, или, по мѣстному — *Зунумееръ*. Вершина горы была покрыта остроконечными скалами съ небольшими углубленіями и пещеркой на подобіе собачьей будки, очевидно посѣщаемой мѣстными пастухами, судя по остаткамъ въ ней соломы. Я въ ней расположился; двѣ мои роты стали фронтомъ по гребню горы, которая сообщалась съ другими

¹⁾ Это и было то выступленіе съ Анчмеера ген. Пассека и слѣдованіе его хребтомъ Ичкенъ по направленію къ Мичикале, которое такъ осуждалось въ отрядѣ и признавалось безцѣльнымъ, ибо, занимая Анчмееръ, Пассекъ достаточно обезпечивалъ занятіе нами Мичикале. Чѣмъ было вызвано это движеніе, которымъ Пассекъ отрывался отъ главныхъ силъ и лишалъ себя всѣхъ средствъ довольствія, остается неизвѣстнымъ. Бенкендорфъ оправдываетъ это движеніе, указывая, со словъ Пассека, на данныя ему Воронцовымъ задачи.

Б. Колубакинъ.

горами; карабинеры 1-ой роты стали въ резервъ, а громовой голосъ Колюбакина (командира 3-ей роты) раздавался на самой вершинѣ, повисшей надъ бездной и имѣвшей своими защитниками 3-ю Егерскую роту. Я приказалъ немедленно соорудить изъ дерна небольшой парпетъ, который снаружи обложить широкими каменными плитами. Мы приняли эту мѣру не въ цѣляхъ усиленія обороны нашего расположенія (до сихъ поръ на Кавказѣ не было случая атаки горцами нашего расположенія), но лишь съ цѣлью предохраненія людей отъ пораженія ихъ ружейными пулями, посылаемыми намъ ночью. На огонь непріятели мы не отвѣчали, дабы не давать огоньками нашихъ выстрѣловъ точекъ прицѣливанія для винтовокъ горцевъ, стрѣлявшихъ обыкновенно на удачу; во всякомъ случаѣ надо быть насто-рожь и укрытымъ.

Тѣмъ не менѣе, горцы всю эту ночь поддерживали противъ насъ значительный и весьма оживленный огонь, и мы имѣли 12 человекъ раненыхъ.

Къ счастью, у меня въ баталіонѣ не было потерь. Мои незначительныя укрѣпленія были окончены, и люди, лежа за ними съ винтовками въ рукахъ, были достаточно прикрыты.

Въ этотъ день, какъ и въ предыдущій, сухари были нашей единственной пищей, и такъ какъ они были въ размѣрѣ всего суточной дачи ¹⁾, то я указывалъ людямъ экономизировать сухари, хотя наши вьюки и довольствіе и ожидалось на слѣдующій день. Но на слѣдующій день опять таки ничто не прибыло, и прибыли только собственные вьюки Пассека, денщикъ котораго, опасаясь Пассека болѣе чѣмъ непріятели, превозмогъ всѣ затрудненія и присоединился. Кромѣ того мы получили приказъ по войскамъ, отданный графомъ Воронцовымъ по случаю дѣла 5-го іюня, продиктованный имъ сейчасъ же послѣ дѣла, лично, и тутъ же на мѣстѣ, одному изъ стоявшихъ при немъ чиновниковъ, писавшему его на барабанѣ ²⁾.

Графъ Воронцовъ былъ большой мастеръ вести дѣла въ военномъ духѣ; приказъ былъ изъ самыхъ лестныхъ, его прочли во всѣхъ ротахъ, и онъ былъ принятъ восторженно. Въ этомъ же приказѣ намъ было предписано представить всѣхъ отличившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Составленіе наградныхъ листовъ—дѣло нелегкое, и оно отняло

¹⁾ Какъ могъ допустить Воронцовъ потерю всякой связи съ своимъ авангардомъ и необезпеченіе его предметами первой необходимости на столь продолжительное время? Б. К.

²⁾ Вѣроятно, барошъ Николай Павловичъ Николаи или Щербининъ. Б. К.

у меня все утро и заставило меня забыть, что мы вновь провели его безъ пищи.

Видя ту озабоченность, серьезность и таинственность, съ которыми наши походныя канцеляріи приступаютъ къ составленію наградныхъ списковъ, можно думать, что въ этомъ-то и заключается весь смыслъ войны, самое важное на Кавказѣ дѣло. „Представленія“ (къ наградамъ) служатъ какъ бы пробнымъ камнемъ характера личности; личности обнажаются тогда отъ всѣхъ прикрасъ, и на сцену выступаютъ пересуды и интриги, зачастую при этомъ выступаютъ на сцену лица, неизвѣстныя доселѣ въ отрядахъ и которыя въ эту минуту умѣютъ извлечь для себя выгоду изъ пролитой другими крови; подчасъ встрѣчаешь между ними и почтенныхъ усатыхъ ветерановъ, которые во исполненіе долга остаются непоколебимыми передъ любыми завалами, а тутъ—пасуютъ и поддаются тлетворному вліянію этого очага сплетень и интригъ.

Этому „наградному дѣлу“ придаютъ столь большое значеніе, что оно въ самомъ дѣлѣ приобрѣло особый характеръ оригинальности.

Какъ каждый вѣкъ имѣетъ (вырабатываетъ) своего человѣка, такъ на Кавказѣ каждое ремесло имѣетъ тоже своего человѣка.

Наградныя дѣла породили на Кавказѣ тотъ особый сортъ людей, которыхъ честные люди окрестили прозвищемъ „штабныхъ крысъ“ и которые имѣютъ вполне опредѣленный и рѣзко очерченный обликъ, вполне обособленный типъ, не говорящій ни уму, ни сердцу. Отъ чиновниковъ они заимствовали подобострастіе, отъ писарей и переводчиковъ—нахальство, ничего не взявъ отъ боевого офицера. Къ нашей чести слѣдуетъ замѣтить, что чисто русскіе люди и нѣмцы не принадлежатъ къ этой категоріи, и въ большинствѣ случаевъ ее заполняютъ хохлы, или армяне, или поляки. Эти послѣдніе особо выѣдрились на Кавказѣ и пустили здѣсь глубокіе корни во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ, покрывъ всю военную администрацію невидимой сѣтью, окутавъ всѣ ея части и отрасли, начиная съ ротнаго писаря и кончая начальникомъ канцеляріи нашихъ генераловъ-администраторовъ.

Конечно эта паутина не имѣетъ никакого политическаго значенія и на Кавказѣ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, но она создала цѣлую систему взаимнаго покровительства, распространяющагося на всѣхъ ея членовъ, и вліяніе этой системы на жизнь и характеръ людей несомнѣнно.

Боже меня упаси быть пристрастнымъ. Я очень далекъ отъ этого, чтобы приписывать людямъ этихъ трехъ національностей недостойную роль и умалять ихъ заслуги на службѣ правительству.

Малороссъ (хохоль) съ его полукочевыми привычками былъ од-

нимъ изъ первыхъ русскихъ піонеровъ въ нашихъ колоніяхъ и завоеваніяхъ на югѣ и былъ болѣе способенъ приспособиться ко всевозможнымъ условіямъ, сохраняя одновременно свою самобытность.

Армянинъ въ Закавказьѣ—вся надежда нашего будущаго, въ немъ соединяется интеллигенція и богатство края. Полякъ, въ свою очередь, даетъ превосходныхъ офицеровъ и солдатъ, достойныхъ сподвижниковъ русскихъ.

Хохлы, армяне и поляки обладаютъ качествами, которыя у насъ (русскихъ и нѣмцевъ) имѣются въ меньшей степени, въ обществѣ они пріятны, подчасъ даже гибки, а между тѣмъ эти качества всегда цѣнились людьми при выборѣ окружающихъ и сослуживцевъ.

Кромѣ наградъ солдатамъ, по моему личному усмотрѣнію, главнокомандующій въ своемъ приказѣ пожаловалъ на каждую роту по пяти серебряныхъ георгіевскихъ крестовъ, и роты сами должны были выбрать достойныхъ.

Этотъ старый обычай вознагражденій въ нашей арміи, представляющій солдатамъ право указать путемъ общаго избранія на болѣе отличавшихся, обычай прекрасный, но, какъ и многія другія теоріи о свободѣ, непримѣнимъ на практикѣ. Избраніе существуетъ по требованію обычая, но оно всегда подчиняется косвенному вліянію ротныхъ и баталіонныхъ командировъ.

Если бы солдатамъ предоставитъ въ этомъ отношеніи полную свободу, то мы бы увидѣли, что выборъ ихъ остававливался бы не столько на вполне достойныхъ и храбрыхъ, сколько на крикунахъ, состоящихъ въ оппозиціи фельдфебелю; лѣвый элементъ быстро одержалъ бы верхъ, такъ какъ режимъ воинской дисциплины не вырабатываетъ консерватизма и было бы совершенно невозможно справиться съ такимъ лѣвымъ элементомъ, который обладалъ бы всѣми привилегіями, сопряженными съ георгіевскимъ крестомъ.

Вѣрный кавказскимъ обычаямъ, я прежде всего пришелъ на помощь „несчастнымъ“. Съ особымъ удовольствіемъ я сыгралъ въ пользу одного стараго поляка, котораго я зналъ многіе годы и которому никто никогда не приходилъ на помощь. Онъ представлялъ изъ себя одну изъ безвѣстныхъ жертвъ польскаго безумія (1830—31 г.), которое разбило столько жизней, навлекло столько несчастій на многіхъ несчастныхъ бѣдняковъ, явившихся козлищами отпущенія настоящихъ виновниковъ.

Погода мѣнялась. Густой туманъ, сырой и холодный, разстилался по вершинамъ занимаемой нами горы, окружая насъ со всѣхъ сторонъ. На слѣдующій день къ нему присоединился дождь и снѣгъ.

Въ походѣ, когда приходится постоянно быть на свѣжемъ воздухѣ, хорошая погода сущая благодать; усталость и тяжелыя лишенія переношишь безъ особаго ропота; не бѣда, если бушуетъ гроза, если холодъ леденить члены и, какая бы ни была непогода, она не подкоситъ бодрости, но вотъ, когда исчезнуть небо и солнце, эти надежда и маякъ солдата, когда лишаешься его свѣта, тогда чувствуешь себя какъ бы заброшеннымъ, представляешь себя всѣми забытымъ, кажется, что и Господь Богъ отъ тебя отвернулся.

Мы во всемъ нуждались; на солдатахъ были только мундиры и полотняныя шаровары и шинели, не было ни палатокъ, ни другихъ какихъ-либо укрытій отъ холода, вѣчной сырости, снѣга, дождя, вѣтра и бури, которая бушевала на этихъ высотахъ, почти лишенныхъ растительности; не было и дровъ, чтобы развести огонь, а мы были на высотѣ 7000 ф. надъ уровнемъ Каспійскаго моря.

Сухари были уже съѣдены еще 5-го числа, и единственной пищей намъ служили крошки сухарей, смѣшанныя съ травой и мохомъ; питьемъ служилъ снѣгъ и вода, просачивающаяся между скаль, которую солдаты собирали ложками. Продолжительность дурной погоды угрожала прервать всѣ способы сообщенія, лазутчики не могли до насъ добраться и, казалось, еще день и мы уже не были бы въ состояніи ни спуститься съ горы, ни получить никакой помощи, кромѣ того, горцы, хотя и на почтительномъ разстояніи, но не переставали насъ беспокоить. Правда, пули ихъ не приносили намъ вреда, но заставляли насъ держаться постоянно насторожѣ.

Такимъ образомъ прошли дни 7-го и 8-го и часть 9-го. Холодъ увеличивался, снѣгъ покрылъ все кругомъ и, дабы окончательно не замерзнуть, солдаты рыли ямы, въ которыхъ тѣснились по 3 человека: одна шинель служила матрацомъ, двѣ другія—одѣяломъ.

Не было слышно ни пѣсенъ, ни криковъ, ни разговоровъ и надъ нами повисло мертвое молчаніе. Молчаніе—самое сильное выраженіе страданія. Человѣкъ, полный достоинства, мужества и рѣшительности, выражаетъ молчаніемъ самое глубокое свое страданіе.

Молчаніе—языкъ существа слабаго и нѣжнаго, разбитаго несчастіемъ, видѣвшаго опущеніе въ могилу его счастья и сохранившаго надежду только на Бога. Могучая натура нашего чуднаго солдата также молчаніемъ отвѣчала на ужасныя, выпавшія ей страданія, выпадавшія ему въ теченіе его продолжительной и трудной боевой и походной службы.

Господь, который видитъ его страданія, навѣрное къ нему будетъ милостивъ въ тотъ день, когда послѣдній разъ на вечерней переключкѣ онъ отвѣтитъ—„есть“,—въ тотъ день, когда противъ

его имени въ ротномъ спискѣ будетъ отмѣчено — „убить или умерь“.

При описаніи всѣхъ нашихъ бѣдствій мнѣ стыдно говорить о себѣ, но я не могу этого избѣжать, такъ какъ судьба офицера неизбѣжно есть часть общей картины походной службы. Мой другъ баронъ Шеппингъ снабдилъ моего казака кое-какой провизіею: чаемъ, сахаромъ и копченымъ языкомъ, и мы этимъ питались. Чтобы развести огонь, пришлось пустить въ дѣло древко ротнаго значка и переклады ротныхъ носилокъ.

Помнится мнѣ, какъ офицеры моего баталіона угостили меня нѣсколькими ложками овсяной похлебки, и какъ князь Казбекъ далъ мнѣ бутылку кахетинскаго, которая конечно была распита въ общей компаніи.

Также припоминаю, что во весь день 8-го я выпилъ только одинъ стаканъ чая безъ сахара. Укрывался я только буркой и припоминаю, какъ, при наступленіи ночи, мой вѣрный казакъ Игумновъ ложился на нѣсколько часовъ на мое мѣсто, чтобы хотя немного его обсушить и обогрѣть, послѣ чего я кое-какъ укладывался, и какъ другой молодчина солдатъ моего баталіона съ той же цѣлью ложился на мои ноги. Однако всѣ эти мѣры приносили мнѣ мало пользы, такъ такъ при каждомъ выстрѣлѣ, а они раздавались очень часто, мнѣ приходилось вставать, чтобы встряхнуть людей и вывести ихъ изъ спячки; по возвращеніи мое укромное и столь уютное логовище уже превращалось въ ложе грязи и снѣга.

Наконецъ, послѣ полудня 9-го появилась для нашего снабженія значительная колонна генераль-лейтенанта князя Бебутова. Велико же было наше счастье!

Колонна прибыла со стороны Мичикале (гдѣ уже были главныя силы), сдѣлавъ большой обходъ.

Благодаря какой-то путаницѣ, въ которой мнѣ такъ и не удалось разобраться, колонна эта, вмѣсто того, чтобы доставить намъ весь нашъ обозъ, доставила намъ обозъ только для трехъ баталіоновъ нашего отряда, принадлежавшихъ къ общей колоннѣ князя Бебутова, а остальные три баталіона (въ томъ числѣ и Куринскій), принадлежавшіе къ общей колоннѣ генерала Лидерса¹⁾, были такимъ образомъ совершенно забыты.

¹⁾ Произошло это вслѣдствіе того, что въ Мичикале еще 6-го двинуть былъ, какъ бы въ первомъ эшелонѣ, Дагестанскій отрядъ князя Бебутова, и что только изъ Мичикале возможно было войти въ связь съ Пассекомъ,

Я поднялъ такой шумъ, что мнѣ удалось получить для моихъ людей двухдневную дачу сухарей, полпорціи спирта, по палаткѣ на роту и кромѣ того еще нѣсколько палатокъ для офицеровъ и раненыхъ.

Солдаты умудрились помѣщаться въ одной палаткѣ по сорока человѣкъ.

При подобныхъ условіяхъ снабженія мы провели на „холодной горѣ“ еще двѣ ночи съ 9-го на 11-ое, и эти ночи были ужаснѣйшими изъ всѣхъ!! Всякое страданіе имѣетъ свой предѣлъ, но мы его перешли. Холодъ все увеличивался; *послѣднюю ночь у насъ замерзло два человѣка*, число больныхъ все возрастало, и въ моемъ баталіонѣ, пострадавшемъ менѣе другихъ, я въ концѣ концовъ имѣлъ 90 *человѣкъ больныхъ*, а между тѣмъ извѣстно, что хорошему солдату у насъ совѣстно и стыдно признаться въ своихъ страданіяхъ. На всѣ вопросы они обыкновенно отвѣчали: „ничего, крѣпимся“.

Частенько вспоминаю ихъ, когда приходится крѣпиться.

Ужасный запахъ разложенія нашихъ лошадей, почти всѣхъ навшихъ отъ голода, переполнилъ мѣру нашихъ бѣдствій.

Моя красивая сѣрая кобыла „Жидовка“—самая красивая лошадь во всемъ отрядѣ — погибла для меня: послѣ своего пребыванія на „холодной“ горѣ она уже никогда не могла поправиться.

Наконецъ пробилъ часъ избавленія. Это было 11-го послѣ полудня, въ одинъ изъ самыхъ холодныхъ, но чудесныхъ въ горахъ дней, какой только я помнилъ; туманъ исчезъ и послѣ шести дней, проведенныхъ во мракѣ ада, мы увидѣли надъ собой голубой сводъ неба, а подъ нами широкую долину, въ глубинѣ которой, словно муравьиныя гнѣзда, ютилось 5 или 6 селеній, о близости которыхъ мы и не подозрѣвали, но мы наблюдали ихъ съ такой высоты, что разглядѣть жителей было невозможно.

Въ командованіи нашимъ отрядомъ генераль Пассекъ былъ

перешедшимъ 6-го же къ Зунумееру, а потому Бебутовъ 9-го и выслалъ обозы баталіоновъ, бывшихъ въ составѣ его отряда, а другіе баталіоны Пассека, входившіе въ составъ Чеченскаго отряда (какъ и баталіонъ Венкендорфа) имѣли свои обозы на Киркинскомъ перевалѣ, вблизи Анчимеера, откуда, по мѣстнымъ условіямъ (не говоря уже о снѣгѣ и туманѣ), нельзя было выслать обозъ на Зунумееръ. Конечно, и эти обстоятельства не оправданіе штабу отряда, да и самому графу Воронцову.

Б. К.

замѣненъ генераломъ Лабынцевымъ, получившимъ приказаніе очистить „холодную гору“ и двинуться впередъ, чтобы снова составить авангардъ главныхъ силъ отряда, присоединившагося къ намъ въ полномъ составѣ и бывшего на пути къ Андійскимъ воротамъ.

Я принялъ командованіе арріергардомъ, въ составѣ 2-хъ баталіоновъ, почему и оставилъ эту проклятую гору послѣднимъ. Немедленно же послѣ насъ ее занялъ непріятель и провожалъ насъ огнемъ, пока мы не спустились въ глубокое дефіле, которое насъ отъ него и закрыло.

Было 9 часовъ вечера, и наступилъ полный мракъ, когда я достигъ съ своимъ арріергардомъ ночлега. Здѣсь, наконецъ, мы нашли весь нашъ обозъ и наши палатки, о которыхъ напрасно вздыхали мы восемь дней. Я немедленно пошелъ къ палаткѣ генерала Лабынцева, котораго я зналъ уже съ давнихъ поръ.

Лабынцевъ имѣлъ на Кавказѣ одну изъ самыхъ громкихъ боевыхъ репутацій. Это былъ типичный старый пѣхотный офицеръ и столь же типичный російскій ворчунъ. Въ немъ чувствовался человекъ, немало сгибавшійся подъ тяжестью ранца. Вѣчно не въ духѣ, вѣчно занятый критикой, фрондереъ, какіе водятся только у насъ, съ готовымъ всегда на устахъ ругательствомъ, Лабынцевъ являлся блистательнымъ офицеромъ въ день боя, особенно командуя арріергардомъ; это былъ по истинѣ Ней Кавказской арміи. Съ своими преданными кабардинцами, которыми онъ когда-то долго командовалъ, Лабынцевъ пройдетъ всюду и всегда, прорветъ и опрокинетъ всякое сопротивленіе, хотя бы для того, какъ это было съ нимъ въ 1840-мъ году, и пришлось ему, несмотря на свое генеральское званіе, лично стать во главѣ предпринимаемаго имъ удара въ штыки ¹⁾.

Сынъ бѣднаго сельскаго священника, солдатъ съ раннихъ годовъ своей жизни и все время на службѣ на Кавказѣ, Лабынцевъ, безъ малѣйшей протекціи, всѣ свои чины и награды добылъ себѣ исключительно только своими личными заслугами и подвигами храбрости.

¹⁾ Какъ рассказчикъ правдивый и честный, Бенкендорфъ не могъ не отдать должнаго славному *Лабынцеву*, личности очень скромной, но столь же замѣчательной по пониманію дѣла войны и искусному управленію войсками во всѣхъ видахъ боя. Не удивительно, что въ этомъ походѣ онъ критиковалъ и ругался, такъ какъ этотъ первый опытъ графа Воронцова на Кавказѣ, что называется, вышелъ комомъ, и опытные кавказцы естественно негодовали; особенно вызывала критику торопливость и неосмотрительность дѣйствій графа, совершенно чуждаго условіямъ веденія войны и боя на Кавказѣ.

Будучи еще неизвѣстнымъ подпоручикомъ и командуя слабого состава ротой 39-го егерскаго полка, Лабынцевъ при штурмѣ Карса въ 1828-мъ году добылъ себѣ офицерскаго Георгія 4-го класса, когда атаковалъ по приказанію своего непосредственнаго начальства, если не сказать—противно приказанію Паскевича ¹⁾.

Въ Россіи нѣтъ никого, кто могъ бы сравниться по отвагѣ съ армейскимъ подпоручикомъ, сознающимъ, что за нимъ только и есть, что его мундиръ, и воображающимъ, что весь міръ готовъ ему подчиниться; беззаботно и весело ставитъ онъ на одну и ту же карту и свое настоящее и будущее.

Россіи вообще свойственъ духъ завоеванія, и въ нашей арміи любятъ приключенія и смѣлыя предпріятія, такъ какъ держатся того мнѣнія, что для успѣха и для удовлетворенія самаго требовательнаго честолюбія достаточно только одной энергической воли, и мы никогда не будемъ имѣть недостатка въ людяхъ дѣла и вообще въ людяхъ рѣшительныхъ ²⁾.

Лабынцевъ въ этотъ день былъ не въ духѣ болѣе чѣмъ когда-либо, такъ какъ „нечѣмъ было закусить“, и я возможно быстро окончилъ свой докладъ.

Я поторопился обойти мои передовые посты, гдѣ все время шла непрерывная пальба. Окончивъ свою провѣрку, я испыталъ чувство, которое можно сравнить развѣ только съ чувствомъ вступленія на берегъ послѣ жестокой бури. Наши палатки были разбиты. Весело сверкали большіе бивачные огни. Котлы дымились, и нашимъ бѣднягамъ-солдатамъ, впервые въ теченіе цѣлыхъ восьми сутокъ, наконецъ, было предоставлено хотя немного отвѣдать горячей пищи.

Прежде всего, по французской пословицѣ — „charité bien ordonnée commence par soi même“ ³⁾, я расскажу о самомъ себѣ. Я неспособенъ припомнить, каковы были тогда, въ этотъ первый день мой ощущенія. Для моего собственнаго удовлетворенія я все же склоненъ думать, что эти первыя ощущенія не были эгоистичны. Такъ или иначе, по и моя палатка была разбита, и я нашелъ въ ней даже то, что съ нѣкоторымъ хвастовствомъ можно было бы назвать постелью, и я могъ наконецъ перемѣнить бѣлье, съ большими усиліями снявъ съ моихъ ногъ совершенно прилипшіе къ нимъ сапоги. Наконецъ, я увидѣлъ на столѣ давно невиданную

¹⁾ Какъ извѣстно, штурмъ этотъ состоялся противно волѣ Паскевича, грозившаго наказаніемъ, въ случаѣ неудачи, всѣмъ ослушникамъ. . Б. К.

²⁾ Глубоко-вѣрное наблюденіе Бенкендорфа, жившаго впечатлѣніями сороковыхъ годовъ на Кавказѣ. Б. К.

³⁾ „Хорошо исполненное милосердіе начинается съ самого себя“. Б. К.

мною роскошь—нѣкое подобіе ужина и вкусилъ нѣсколько часовъ настоящаго отдыха.

Въ походѣ бываютъ минуты драгоцѣнныхъ физическихъ ощущеній.

На войнѣ солдатъ обыкновенно становится материалистомъ и, если онъ только не занятъ своимъ самымъ страшнымъ обязательствомъ и дѣломъ, то всѣ его заботы сосредоточиваются или на надеждѣ отдыха, такъ какъ онъ находится постоянно въ состояніи усталости, или же на ѣдѣ, такъ какъ онъ постоянно голоденъ.

Главный отрядъ, съ которымъ мы теперь соединились, прошелъ также немалыя трудности и лишенія. Распустившіяся отъ дождя и снѣга горныя тропы представили для движенія препятствія, одолѣть которыя было по плечу развѣ только кавказскому солдату. Около дюжины плохо обутыхъ и плохо одѣтыхъ черводаровъ¹⁾ умерли отъ холода.

Сотни павшихъ лошадей усѣяли весь путь слѣдованія отряда.

Снабженіе отряда было совершенно разстроено быстротой марша и продолжительнымъ ненастьемъ, не оставлявшимъ насъ теперь уже до самаго конца кампаніи.

12-го іюня утромъ снова наступили дожди и туманы. Съ разсвѣтомъ назначено выступленіе. Въ распредѣленіи войскъ послѣдовали новыя распоряженія, и мой баталіонъ изъ авангарда переведенъ въ составъ главныхъ силъ съ назначеніемъ, впредь до особаго приказанія, прикрывать артиллерійскій паркъ.

Къ назначенному времени палатки сняты, лошади навьючены имуществомъ и больными, и баталіонъ сталъ „въ ружье“.

Никогда не забыть мнѣ этого дня, глубоко мнѣ памятнаго среди всѣхъ дорогихъ воспоминаній этого похода и памятнаго не по чувству личнаго удовлетворенія, но по чувству почитанія, уваженія и признательности по отношенію человѣка, которому я былъ преданъ во всей той мѣрѣ, на которую я только былъ способенъ.

Мы не видѣли графа Воронцова съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ направилъ насъ на штурмъ горы Анчимееръ.

Сегодня сквозь туманную мглу мы увидѣли группу всадниковъ въ буркахъ и въ башлыкахъ въ предшествіи значка въ сочетаніи бѣлаго съ краснымъ; то былъ самъ главнокомандующій со свитой,

¹⁾ Нанятый для экспедиціи вожатый, съ лошадейю и вьюкомъ; обыкновенно этимъ дѣлямъ служили туземцы, нанимаемые съ мѣсячной платой, при чемъ эти черводары уже сами должны заботиться своимъ продовольствіемъ и своей лошади. Въ этомъ бѣдственномъ походѣ черводары очутились въ очень трудномъ положеніи и гибли сотнями. Б. К.

направлявшійся къ намъ. Скомандовавъ людямъ „на плечо“, самъ я, въ грязи по щиколку, съ палахой въ одной рукѣ и съ большой палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ въ другой, пошелъ навстрѣчу графу Воронцову.

„Боже мой, въ какомъ видѣ!“ обратился графъ ко мнѣ и бросился мнѣ на шею. Дѣйствительно, мы походили на трупы: блѣдные, истощенные, небритые, въ одеждѣ, утратившей какой-либо цвѣтъ, мы произвели бы оригинальное впечатлѣніе на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ!

Графъ Воронцовъ продвинулъ свою лошадь вплотную къ первой шеренгѣ и обратился къ людямъ со словами благодарности; восторженное, могучее „ура!“ Куринцевъ заглушило голосъ графа. Онъ хотѣлъ продолжать, но слезы его прервали, и онъ только пожималъ мнѣ руки, которыя все это время онъ не выпускалъ изъ своихъ.

Не успѣхъ блестящаго штурма Анчимаера глубоко тронулъ въ эту минуту графа Воронцова, но тронуло его то, что въ эту кампанію мы первые живо напомнили ему его молодость и длинную серію эпизодовъ его боевой службы; мы напомнили ему его бои подъ начальствомъ князя *Циціанова*, *Гулякова*, дѣла подъ *Ганжсей* и *Эриванью*, у *Джарскихъ* лезгинъ и въ *Осетіи*, его четыре кампаніи на Дунаѣ и на Балканахъ и эпизоды войнъ 1812, 1813-го и 1814-го годовъ; въ его памяти внезапно воскресъ цѣлый рядъ славныхъ подвиговъ.

Впервые, послѣ длиннаго ряда годовъ отдыха, когда бои служили ему лишь темой для сдержанныхъ и скромныхъ разсказовъ въ его прелестномъ замкѣ въ Алулкѣ, разсказовъ, въ которыхъ онъ скрывалъ свои собственныя заслуги,—война вновь представилась ему въ своихъ потрясающихъ результатахъ и послѣдствіяхъ. Это было пробужденіе его молодости, осенняя пѣснь его жизни солдата.

Всѣмъ намъ сообщилось возбужденіе главнокомандующаго; онъ осыпалъ лестнымъ вниманіемъ и офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и я ему представилъ наиболѣе отличившихся; для каждаго изъ нихъ у него нашлось и доброе слово и похвала.

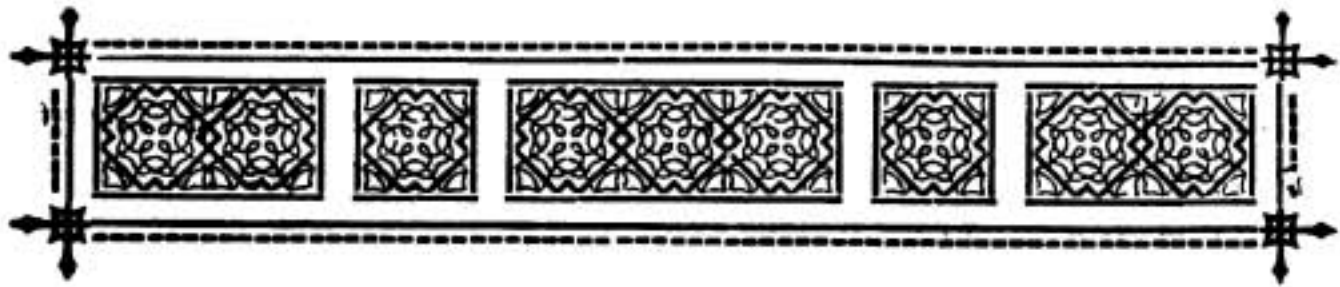
Эссенъ, котораго я представилъ въ числѣ отличившихся, замѣтилъ мнѣ позднѣе: „спасибо, Ваше Сіятельство, за новаго кунака, онъ мнѣ пригодится“.

Несмотря на дождь и туманъ, люди весело затанули: „Мы дѣти Сѣвера великаго, мы дѣти бѣлаго Царя“.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

VIII ¹⁾.

Торговые люди и покупатели.

Кипучая торговая жизнь Китая-города была полна разнообразныхъ казусовъ уголовнаго и гражданскаго характера, разрѣшавшихся на сѣвъжемъ дворѣ передъ судейскимъ столомъ объѣзжаго головы. Между многочисленными торговыми людьми царили постоянныя междоусобія: то и дѣло они другъ-друга „били, увѣчили и безчестили, драли за бороды“; одинъ приходилъ жаловаться, что на немъ „кафтаны сѣрый армячный новый, лѣвый клинъ выдрали“, другой заявлялъ, что на немъ „рубаху пестрядиную красной пестряди изодрали, цѣна той рубахѣ 20 алтынъ“; одного безчестили самой грубой „матерной“ бранью, другого обозвали „псомъ“, про третьяго злобное рядское остроуміе измыслило, что у него „въ брюхѣ семеро щепять“. Столкновения часто возникали на почвѣ конкуренціи. Случалось, что одинъ торговецъ „сбивалъ другого съ мѣста и насильствомъ на его мѣстѣ торговалъ“. Иногда же споры изъ-за торговыхъ мѣстъ сопровождались порчей товара или дракой между торговыми людьми. Стрѣлецъ Аванасій Семеновъ, торговавшій на Красной Площади яблочнымъ квасомъ, по возвращеніи со службы, на которой онъ пробылъ два года, „сталъ садиться“ на свое прежнее мѣсто, но „невѣдомо какого чину человекъ“, оказавшійся квасникомъ, Тимоѣемъ Степано-

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1910 г.

вымъ, его „на то мѣсто не щуналь и браниль его и посуду у него перебилъ“. Въ другой разъ поссорились два торговца солониной, при чемъ одинъ „отодвинуль“ кадъ сосѣда отъ своего лотка, но такъ, что кадъ покатила въ сторону и долгое время валялась „порожня“ на площади, другой же, „повала на землю“, конкуррента „убилъ и, бивъ на землѣ, браниль всякою бранью“. Конкурренція выражалась и въ томъ, что одинъ торговецъ хулилъ передъ покупателемъ товаръ другого, изъ чего опять-таки возникало судное дѣло. 20 сентября 1687 года въ Калачномъ ряду „невѣдомо какого чину человекъ“ сторговалъ у торговца Ив. Карпова двуденежныхъ калачей на 10 алтынъ и „тѣ калачи велѣлъ ему для себя положить въ веко“; потомъ покупатель купилъ еще на 3 алтына 2 деньги калачей у торговца Семена Трофимова; этотъ послѣдній калачи Карпова охаялъ, „тому человеку братъ не велѣлъ, а вмѣсто тѣхъ калачей взять у калачника Григорія Никитина“; Карповъ жаловался, что Трофимовъ „его, Ивашкины, калачи засушилъ и отъ продажи его отбилъ“; Трофимовъ ссылался на принадлежащую всякому покупателю свободу выбора и утверждалъ, что „тотъ человекъ смотрѣлъ калачи у многихъ калачниковъ, и тѣ Ивашкины калачи тому человеку не полюбились“. Конкурренція часто выражалась въ порчѣ товара конкуррента: то одинъ мясникъ у другого на площади „вареное мясо и продажныя деньги“ сбрасывалъ съ лотка на землю, то у сидѣвшаго съ восковыми свѣчами патриаршаго „отсталого“ конюха служка Донского монастыря „обсыпалъ пескомъ свѣчи“, то на Спасскомъ мосту щенетильникъ у гребенщика „бросалъ ящикъ на землю и товаръ весь переламывалъ“, а къ сидѣвшему на Жемчужномъ перекресткѣ за щенетильнымъ товаромъ торговцу Дм. Иванову 27 мая 1687 года привязался того же ряда торговецъ Полуехтъ Яковлевъ и „учалъ его бранить и безчестилъ всякою неподобною скаречною бранью, невѣдомо за что, и товаръ весь засыпалъ сѣномъ, а какъ то сѣно стали съ того товару снимать, и въ ту пору у него товару пропало многое число“, такъ какъ товаръ былъ мелкій и рассыпчатый. Иногда торговцы обвиняли другъ друга въ кражѣ товара. Въ іюль 1687 г. Аптекарскаго приказа ученикъ Степанъ Дмитріевъ, торговавшій въ Зелейномъ ряду, заявилъ, что у него „украли изъ лавки бентюхъ съ снастями, да съ нимъ же пропала снасть же лѣкарская съ бентюхомъ съ мазми и съ пластырьми, да 10 рублей денегъ“. Узнавъ, что „тотъ бентюхъ объявился“ въ томъ же ряду въ лавкѣ Тимоѳея Вавилова, Дмитріевъ взялъ „того жъ ряду лучшихъ людей“ и „вынялъ то личное при тѣхъ третьихъ“. На сѣзжемъ дворѣ, куда былъ принесенъ „бентюхъ“, по осмотру „тотъ бентюхъ оказался мѣдный ветхій, паянъ серебромъ“.

Вавиловъ утверждалъ, что Дмитріевъ „за тотъ бентюхъ клепался, что тотъ бентюхъ его“ ¹⁾).

Торговые счета также подавали поводъ къ ссорамъ и дракамъ. 7 августа 1693 года Свѣчнаго ряда торговый человѣкъ Аврамъ Ивановъ билъ челомъ на торговаго человѣка того же ряда Григорія Григорьева въ томъ, что Григорьевъ съ племянникомъ „учали его бить и увѣчить невѣдомо за что лубиною“. По показаніямъ свидѣтелей, дѣло обстояло нѣсколько иначе.

„Сидѣлъ онъ, Аврамка, показывали торговые люди, съ нимъ, Григорьемъ, на прилавкѣ, и учинился у нихъ счетъ о торговомъ дѣлѣ... и онъ, Аврамка, учалъ его, Григорья, бранить всякими неподобными словами, и онъ, Григорій, за ту брань, взявъ батога (осталось невыясненнымъ, батога или прута) и ударилъ его Аврамку по спинѣ, и онъ, Аврамка, противъ тѣхъ побой ухватилъ доску и погнался за нимъ, Григорьемъ, въ ряду, и племянникъ его Игнашка ухватилъ Аврамку съ доскою и повалилъ на землю и доску у него отнял“.

Два торговца Сырейнаго ряда крѣпко побранились изъ-за того, что при покупкѣ мертвой коровы одинъ изъ нихъ „вязку не вязалъ“, т. е. отказался участвовать въ стачкѣ (вязкѣ) съ цѣлью сбивать цѣну. Торговцы часто ссорились изъ-за всякихъ пустяковъ, просто потому, что имъ было тѣсно въ рядахъ, а подчасъ и скучно, когда случалось сидѣть безъ почина за неимѣніемъ покупателей. Пришелъ, напримѣръ, торговый человѣкъ Жемчужнаго перекрестка Яковъ Михайловъ къ погребщикамъ, и, только успѣлъ сказать „прежь сего на этомъ мѣстѣ была дорога, а нынѣ вы сундуки заставили“, какъ погребщики „почали его бранить и бить и увѣчить“. Или, напримѣръ, торговый человѣкъ Серебрянаго ряда Дм. Климовъ „легъ на своемъ прилавкѣ спать, а ногами легъ къ лавкѣ“ торговаго человѣка Мих. Карпова; Карповъ „завернулъ его, Митькины, ноги въ его, Митькину, лавку и молвилъ ему, что де, Митька спишь, надѣяся де ты на бабушкины деньги“; тотчасъ началась драка; „Митька его, Мишку, за тѣ слова пхнулъ ногою, и Мишка за то его, Митьку, зашибъ молоткомъ, пробилъ въ дву мѣстѣхъ до крови голову“.

Отъ бездѣлья торговые люди играли и шутили другъ съ другомъ; эти игры также не всегда кончались добромъ. 25 августа 1691 года у Свѣчнаго Воскового ряда подрался укусникъ Тимоѣей Леонтьевъ съ торговымъ человѣкомъ Иваномъ Кирилловымъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: сначала они „за любовь боролись, и въ игрѣ Тимошка бросилъ въ Ивашку орѣхомъ, и Ивашка про-

¹⁾ Пр. 1061, 53, 81, 124, 184, 205; Пр. 1512, 103, 200.

тивъ того въ Тимошку бросилъ орѣхомъ же, и Тимошка, на то осердясь, ударилъ Ивашку кулакомъ по глазу и глазъ вышибъ; и Ивашка напротивъ того бою билъ, и въ томъ бою Тимошка Ивашку пхнулъ къ себѣ въ погребъ, и Ивашка въ тотъ погребъ не упалъ, и передъ тѣмъ погребомъ Тимошка учалъ Ивашку бить кулаками и подъ животъ и въ рожу, и Ивашка, лежа, ударилъ Тимошку изъ-подъ себя кирпичемъ“. Результатъ игры оказался тотъ, что у одного шутника „на головѣ, на лѣвой сторонѣ было въ двѣ мѣстѣхъ зашибено до крови, и рука зашибена, и вспухло“, у другого „лѣвый глазъ подшибенъ и вспухъ“. Дикими шутками занимались и женщины: шапочница, на примѣръ, Прасковья Яковлева, подойдя незамѣтно къ шапочнику Науму Иванову „съ большимъ гвоздемъ, перерѣзала у него сзади межъ плечъ шубу“.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ замѣтна значительная доля ябеды: торговецъ, обидѣвшій другого, старался забѣжать впередъ со своимъ челоуитѣемъ, выставить потерпѣвшаго обидчикомъ; на сѣзжемъ дворѣ и истецъ и отвѣтчикъ безъ стыда заирались и отчаянно врали. Рѣдко встрѣчались отвѣтчики въ родѣ упомянутого выше Жемчужнаго перекрестка торговаго челоука Полуехта Яковлева, который съ грубою откровенностью заявилъ на сѣзжемъ дворѣ, что онъ „къ Мишкиной скамьѣ Иванова приходилъ, и бранилъ, и безчестилъ и ножемъ его похвалялся изрѣзать и товаръ его, Мишкинъ, сѣномъ засыпалъ, а, что того товару у него, Мишки, пропало, и за тотъ товаръ онъ плательщикъ будетъ“. Въ послѣднихъ словахъ виденъ прямой прародитель позднѣйшихъ Титовъ Титычей, державшихся правила „за безобразіе заплатимъ“.

Дикіе нравы Китая-города грозили всевозможными неприятностями людямъ, посѣщавшимъ всемосковское торжище. Никто, идя въ „городъ“, не могъ поручиться, что его тамъ не изругаютъ, а то и не избьютъ и ограбятъ. 30 мая 1693 года пѣвчій дьякъ Григорій Карсаковъ встрѣтился въ Скорняжномъ ряду со знакомыми и остановился поговорить съ ними; это не понравилось торговому челоуку Григорію Ѳедорову, который рѣшилъ разогнать дружескую компанію и „учалъ ихъ бранить и безчестить и сталъ мѣхами трестъ и пылью ихъ всѣхъ запылить“.

Одного покупателя, купившаго золота и серебра и отправившагося въ Кумашетый рядъ „прикупить кружева кумашетаго“, неизвѣстный ему сидѣлецъ „невѣдомо съ какого чину людьми“ не только „бранилъ и безчестилъ“, но и „золото и серебро, вытресши, отнялъ“; другого покупателя въ Крашенинномъ ряду торговый челоукъ Ив. Герасимовъ не только избранилъ, но и „учалъ аршиномъ желѣзнымъ бить“, а служкѣ Вознесенскаго монастыря Игнату Иванову въ

Книжномъ Овощномъ ряду торговые люди насыпали перца въ носъ и глаза ¹⁾).

При постоянныхъ дракахъ между торговцами легко можно было попасть въ такую драку и получить въ чужомъ пиру похмелье. Такъ, 4 сентября 1687 года братья—стрѣльцы Василій и Никита Терентьевы съ женами по семейному возвращались по Варваркѣ изъ гостей отъ брата своего и у церкви Варвары Христовой Мученицы наткнулись на „невѣдомо какого чину людей“, дравшихся между собою; внезапно ярость дравшихся обратилась на Терентьевыхъ, и „изъ тѣхъ людей выбѣжалъ одинъ человекъ—квасникъ съ работникомъ своимъ и учалъ Васильеву жену бить, невѣдомо за что, и кисею изодралъ, и Василю и брата его Никиту и жену братню били жъ и бранили всякою бранью и шапку съ Василю сбили и кафтаны на нихъ изодрали“. Для прохожихъ были опасны не только ссоры торговцевъ между собою, но и ихъ взаимныя любезности. Солдатъ Иванъ Шапочниковъ 27 сентября 1693 года проходилъ по Старому Гостинному Двору; увидавъ, что торговый человекъ Федоръ Федоровъ „замахнулся прутомъ жимолостнымъ на товарища своего“, Шапочниковъ основательно замѣтилъ: „не выколи мнѣ глаза“; это раздражило разыгравшихся торговыхъ людей, и они „учали“ Шапочникова „бранить и безчестить и называли его мошенникомъ и просили другъ у друга шелепа и хотѣли его бить шелепомъ“. Особенно было опасно для покупателя или прохожаго чѣмъ-нибудь затронуть интересы торговца. Воронцовской слободы тяглець Вавила Григорьевъ однажды шелъ съ товарищемъ по Никольской и внезапно былъ испуганъ тѣмъ, что какой-то ячникъ „схватилъ съ него шапку суконную, дикой цвѣтъ, цѣна той шапкѣ 4 деньга“ вмѣстѣ съ бывшими въ шапкѣ 13 алтынами 2 деньгами; оказалось, что Григорьевъ, самъ того не замѣтивъ, „у ячника на деньгу яицъ разбилъ“. Не всегда кончались добромъ и пріятельскія отношенія къ инымъ торговымъ людямъ. 21 іюля 1687 года по Овощному ряду шелъ Огородной слободы тяглець Иванъ Григорьевъ съ товарищемъ своимъ Авдѣемъ Ивановымъ; торговый человекъ Кондратій Степановъ, настолько мало знакомый имъ, что они не знали, „чей онъ сынъ и какой слободы“, „призвалъ ихъ къ своей лавкѣ играть въ шахматы за любовь и послѣ игры учалъ ихъ бить и бранить и съ Ивашки сбилъ шапку, а изъ той шапки пропалъ платъ, а въ томъ плату завязаны были запаны золотыя съ алмазы“;

¹⁾ Б. 1360, 190, 361—366; Пр. 1061, 7, 81, 161; Пр. 1250, 83—86; Пр. 1512, 125, 155—159, 261.

Степановъ, правда, первый билъ челомъ на Григорьева и Иванова въ томъ, что они „учали его бить и безчестить, у товарища его у Анкиндики Алфимова ставъ масла деревяннаго пролили“, но предпочелъ помириться съ побитыми имъ шахматными партнерами, можетъ быть, даже, по обычаю Титовъ Титычей, „заплативъ побитымъ за изьянъ“. Не былъ гарантированъ отъ скандала и такой человекъ, какъ подъячій приказа Большого Дворца Мартынъ Хлѣбниковъ, прїѣхавшій 2 августа 1687 года въ Москву „изъ походу“ царя Петра изъ села Преображенскаго по казенной надобности „на Государевой лошади“; онъ поставилъ лошадь „по знакомству“ у погребщика кадашевца Родіона Савельева, а самъ пошелъ за живой рыбой къ Москворѣцкому мосту; на обратномъ пути на Ильинкѣ онъ встрѣтилъ Савельева, который на „той Государевой лошади хотѣлъ ѣхать, невѣдомо куды“; Хлѣбниковъ съ помощью торговыхъ людей отнялъ у Савельева „Государеву лошадь“, но погребщикъ „учалъ его и жену его и дѣтей бранить всякою бранью скаредною и учалъ его съ лошади за кафтанъ тащить и кафтанъ на немъ изодралъ и учалъ въ него кирпичемъ бросать“.

Забывая, что „не товаромъ Богъ кормить, а купцомъ“, т. е. покупателемъ, торговые люди Китая-города не всегда баловали ласковымъ обращеніемъ своихъ покупателей. Торговецъ иногда оскорблялъ покупателя за то, что покупаетъ не у него, а у сосѣда. Стрѣлецъ Семень Захаровъ, запасаясь къ зимѣ теплой одеждой, 20 сентября 1693 года пришелъ съ женой на Ильинку къ пушникамъ, торговавшимъ „бобровыми пухами“, и сталъ торговать пухъ у вдовы Ѳедоры Филатьевой; этимъ осталась недовольна другая пушница Авдотья Иванова и „учала его и жену его безчестить неподобною бранью“; на допросѣ, правда, оказалось, что Иванова Захаровыхъ „не бранивала, а бранила пушницу Ѳедору Филатьеву“, и брань попала въ покупателей мимо цѣли. Но иногда покупатель выслушивалъ брань не отъ какой-нибудь бабы—пушницы, а отъ солиднаго первостатейнаго купца: 24 іюня 1693 года человекъ стольника В. Г. Нарышкина покупалъ бѣлорыбицу въ Рыбномъ ряду, и „въ томъ ряду въ другой лавкѣ“ гостинной сотни торговый человекъ Борисъ Цолосинъ „бранилъ его и безчестилъ и билъ и увѣчилъ и кричалъ товарищемъ своимъ и сидѣльцомъ, чтобы его бить“. Старая пословица утверждала, что „купилъ, не купилъ, а поторговать можно“, но торговцы Китая-города не любили, когда у нихъ только прицѣнялись къ товару, а не покупали. 3 октября 1693 года человекъ думнаго дьяка Гаврилы Деревнина П. Загребинъ съ женою торговалъ въ Крашенинномъ ряду крашенину у торговца Романа Игнатьева и, „поторговавъ, прочь пошелъ“; за это Игнатьевъ „учалъ его бра-

нить и безчестить и называлъ его воромъ и мошенникомъ“. Въ то же почти самое время Преображенскаго полка потѣшный Игнатій Косточкинъ на Красной Площади у торговца Ал. Ларионова „торговалъ солоницу и чесночникъ и подсвѣчникъ и, не сторговавъ, пошелъ прочь“; Ларионовъ, разсердившись, „учалъ потѣшнаго бранить и безчестить и называлъ его боярскимъ холопомъ и оленьимъ ухомъ“. Недоразумѣнія возникали и изъ-за цѣны. 11 мая 1687 года тяглець Большихъ Лужниковъ Алфѣрь Осиповъ на Красной Площади торговалъ мясо у мясника Конст. Игнатьева; мясникъ просилъ за мясо 2 алтына 4 деньги, а Осиповъ давалъ только 4 деньги, т. е. совсѣмъ ни съ чѣмъ не сообразную цѣну съ точки зрѣнія мясника; Игнатьевъ, разсердившись на несговорчиваго покупателя, „учалъ его бранить всякою неподобною бранью за то, для чего де ты за то мясо даешь мало денегъ, и, взявъ часть мяса, ударилъ Осипова въ лицо и подшибъ глазъ“. Если торговецъ запрашивалъ лишнее, не безопасно было упрекать его за это. 16 мая 1687 года человекъ кн. Гр. Ѳ. Долгорукова Аѳанасій Красовскій захотѣлъ выпить яблочнаго кваса и пошелъ въ Коробейный рядъ, какъ еще на нашей памяти ходили съ этою цѣлью въ Сундучный рядъ; квасникъ Яковъ Борисовъ, случивъ съ него 6 денегъ, потребовалъ еще „лишку дву денегъ“; Красовскій заплатилъ и эти двѣ деньги, но неосторожно замѣтилъ: „для чего ты лишекъ берешь, отъ Бога тебѣ лишній грѣхъ будетъ“; этотъ деликатный упрекъ взорвалъ погребщика и онъ съ товарищемъ своимъ „учалъ Красовскаго бить смертнымъ боемъ“; на сѣзжемъ дворѣ Борисовъ утверждалъ, что Красовскій не платилъ денегъ, но, несмотря на это, онъ его не „бивалъ“; если первое и было вѣрно, то послѣднее оказалось неправдою, такъ какъ по осмотру у Красовскаго была „спина бита, сине и забгровѣло, и носъ разбитъ до крови, и губы перебиты“. Иногда торговцы вопреки условію не брали назадъ недоброкачественнаго товара, иногда, взявъ деньги, не отдавали товара. 18 іюня 1687 года человекъ стольника Григорія Лукьяновича Голосова Тарасъ Васильевъ купилъ въ Покромномъ ряду у кадашевца Ив. Васильева покромъ красной на 2 алтына 2 деньги „на уговоръ, будетъ де полюбится боярынь его, и она де возьметъ, а, будетъ, не полюбится, и тотъ торговый человекъ велѣлъ ему тое покромъ принести назадъ“; покромъ „не полюбилась“ Голосовой, но кадашевецъ, взявъ забракованную покромъ, не возвратилъ денегъ, уплаченныхъ за нее. Въ томъ же году крестьянинъ Сибирскаго царевича Василія Алексѣевича Иванъ Яковлевъ купилъ въ Ножевомъ ряду ножъ и купилъ не у какого-нибудь „походячаго“

торгаша, а у торговаго человѣка гостиной сотни Луки Иванова; но купецъ, по показанію Яковлева, получивъ деньги, „ножа не далъ и учалъ его бранить и безчестить всякою неподобною и скаредною бранью, невѣдомо за что, и бить изъ лавки совался“; Яковлевъ говорилъ расходившемуся купчинѣ: „за что ты меня бранишь и хочешь бить, али на тебя нѣтъ управы, поди, не грозися, не боюсь“; управу Яковлевъ искалъ, конечно, на сѣзжемъ дворѣ, гдѣ Ивановъ утверждалъ, что ссора вышла изъ-за того лишь, что они не сошлись въ цѣнѣ.

При такихъ поведкахъ торговыхъ людей едва-ли можно удивляться, что нѣкоторые покупатели говорили про ряды: „нельзя нашей братьѣ отъ воровъ прійти для покупки“.

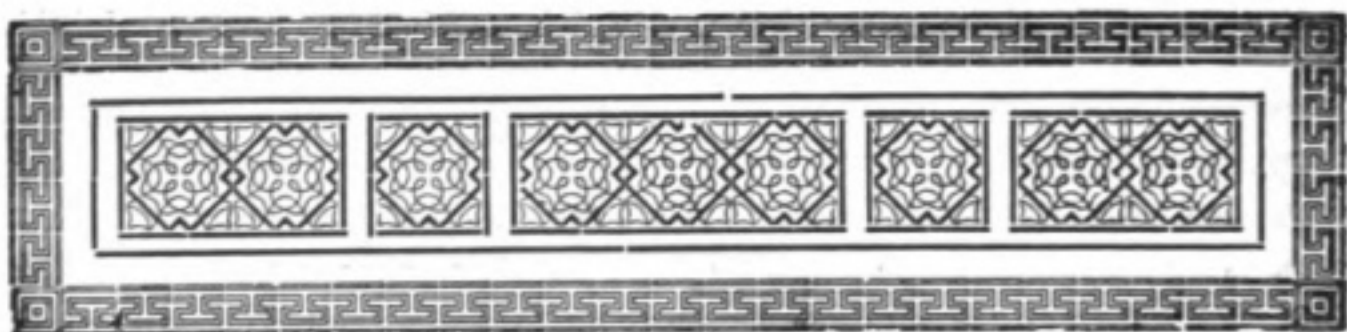
Впрочемъ, иногда сами покупатели не были вовсе невинными агнцами и не уступали торговцамъ въ самодурствѣ и мошенничествѣ. 28 сентября 1687 года человѣкъ думнаго дьяка Василя Григорьевича Семенова Андрей Савельевъ на сѣзжемъ дворѣ билъ челомъ на двухъ торговыхъ людей Оконичнаго ряда въ томъ, что они „бранили его скаредною бранью и хотѣли бить“. На сѣзжемъ дворѣ встревожились этимъ челобитьемъ, такъ какъ думный дьякъ Семеновъ былъ начальникомъ Разряда и, слѣдовательно, высшимъ начальствомъ для самого объѣзжаго головы, и тотчасъ послали стрѣльцовъ въ Оконичный рядъ за торговцами. На допросѣ выяснилось, что Савельевъ, бывший въ ряду „по приказу своего государя“, велъ себя, какъ было въ пору самому думному дьяку Семенову: пробуя окончины, онъ изо всѣхъ силъ „билъ въ нихъ рукою“, не понравившіяся ему окончины „бросалъ на прилавокъ, говоря, худы де, ты денегъ не возьмешь за тѣ окончины“; хозяева этого хрупкаго товара были недовольны поступками Савельева, одинъ изъ нихъ сказалъ ему: „для чего де ты больно бьешь въ окончины, авось проломишь“, а другой прибавилъ: „пыталъ бы де ты постукать въ хозяинову голову, чья окончина, и голова бы де у него заболѣла“; отъ этихъ замѣчаній Савельевъ совсѣмъ вышелъ изъ себя, „избранилъ матерны“ торговца „для того, что то слово невѣжливо молвилъ и пошелъ изъ ряду вонъ“. Иные покупатели били торговцевъ и портили у нихъ товаръ. 16 сентября 1687 года къ сидѣльцу Федору Васильеву въ лавку пришелъ Новомѣщанской слободы тяглець Иванъ Романовъ и „сталъ его бранить и безчестить и говорить, у тебя де ухо отсѣчено и ты за то ухо взялъ пять рублевъ, и повалилъ у него скамью съ товаромъ съ яблоки на землю и тамъ товаръ перебилъ и перемаралъ и ногами перетопталъ, цѣна на 6 рублевъ съ полтиною“. 24 іюля 1693 года въ рыбный шалашъ къ торговцу Никитѣ

Кононову пришла компанія учениковъ „школы Святѣйшаго Патріарха“ „семги ѣсть“; одинъ изъ учениковъ оказался такимъ любителемъ семги, что изъ шалаша ушелъ босикомъ, оставивъ у рыбника „за поѣду“ свои „сапоги козловскіе черные“; 4 августа юный гастрономъ снова явился къ рыбнику и „просилъ ѣсть“, но Кононовъ „ѣсть ему не далъ“; въ отместку ученикъ пошелъ на сѣзжій дворъ и заявилъ, что онъ „положилъ по знакомству“ къ Кононову сапоги, и теперь Кононовъ „тѣхъ сапоговъ ему, Оскѣ, не отдаетъ и бранить и безчестить всякою неподобною бранью“; желая получше нагрѣть неговорчиваго рыбника „студентъ“ придумалъ сказать, что сапоги были не простые, черные, а „сафьяные алые“¹⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Пр. 1061, 10, 22, 46, 113, 152, 163, 188, 203, 221; Пр. 1081, 214—221; Пр. 1512, 48, 86, 144, 157, 238, 244, 257, 286.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I¹⁾.

(Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. III. Спб. 1909).

(Окончаніе).

Несмотря на то, что силы Императрицы слабѣли съ каждымъ днемъ, въ ея душѣ, въ моментъ отъѣзда изъ Таганрога, еще теплился лучъ надежды; но этой надеждѣ не суждено было осуществиться.

Сопутствуемая небольшой свитой и врачами, Императрица покинула Таганрогъ 22 апрѣля. „Были приняты всѣ мѣры предосторожности, чтобы облегчить для больной долгое и утомительное путешествіе. Въ письмѣ къ матери изъ Харькова отъ 26 числа, она даже не жаловалась особенно на усталость и обѣщала написать еще изъ Калуги, гдѣ должна была произойти ея встрѣча съ Императрицей Маріей Феодоровной; но письмо изъ Харькова было послѣднее. По пріѣздѣ въ Бѣлевъ силы окончательно оставили Государыню“.

Все, что происходило по пути во время поѣздки изъ Таганрога до Бѣлева, подробно записано секретаремъ Елисаветы Алексѣевны Н. М. Лонгиновымъ въ его дневникѣ, нѣкоторыя дополнительные подробности находимъ въ его письмѣ къ брату, писанномъ ровно мѣсяцъ спустя послѣ кончины Императрицы.

Пользуясь тѣмъ и другимъ источникомъ, мы можемъ воспроизвести довольно подробно послѣднія минуты жизни Императрицы.

„Въ четвергъ, 22 апрѣля, мы собрались, передъ отъѣздомъ въ

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1910 года.

дворецъ Ея Величества, записалъ Лонгиновъ. Миѣ сказали, что по утру Государыня много плакала; ея глаза были опухши отъ слезъ, когда она появилась въ залѣ, гдѣ собрались три депутаціи: отъ дворянства города Таганрога, отъ русскихъ обывателей и отъ грековъ,—каждая съ хлѣбомъ-солью. Она сказала каждой изъ нихъ нѣсколько прочувствованныхъ и доброжелательныхъ словъ, затѣмъ прошла въ церковь, чтобы отслушать, по обыкновенію, молебенъ. Слезы текли ручьемъ изъ ея глазъ, мы всѣ также плакали, сознавая, что Ея Величество должна была чувствовать въ столь тягостную для нея минуту. Стофрегенъ, стоявшій у окна, предвидя, что это будетъ ея послѣднимъ путешествіемъ, горько плакалъ. Вернувшись въ свои покои, Ея Величество осталась съ четверть часа одна, чтобы поплакать на свободѣ; затѣмъ она сѣла въ карету, чтобы ѣхать.

Намъ было приказано не сопровождать ее въ греческій монастырь, куда, согласно ея желанію, долженъ былъ ѣхать съ нею только одинъ князь Волконскій. Погода была великолѣпная, все зеленѣло, цвѣли тюльпаны и нарцисы, весенній воздухъ былъ упоителенъ. Отъѣзжая двѣ станціи отъ Таганрога, для насъ былъ приготовленъ обѣдъ. Мы были удивлены, когда за обѣдомъ появилась Ея Величество. Она почти ничего не кушала, но хотѣла быть со всѣми. Пообѣдавъ, мы тотчасъ поѣхали дальше въ Исаевку, гдѣ Ея Величество ночевала въ домѣ помѣщика, полковника Исаева.

Она худо провела ночь и по утру видимо была слабѣе. Мы поѣхали далѣе въ имѣніе полковника Стерича, гдѣ былъ приготовленъ для насъ обѣдъ; къ столу были приглашены хозяинъ дома и его зять, генералъ Пушкинъ. Въ этотъ день переѣздъ былъ утомительный; мы прибыли въ Бахмутъ только къ 9 часамъ вечера. Ночь Ея Величество провела хуже предъидущей; и на слѣдующій день мы были встревожены ея слабостью. Когда карета Ея Величества, отъѣхавъ съ версту отъ первой станціи, остановилась, мы подумали, что она кончается; но оказалось, что ей нужно было принять капли, и она не пожелала этого сдѣлать на станціи.

Несмотря на крайній упадокъ силъ, Ея Величество выѣхала изъ Бояна далѣе въ Курскъ; погода была сырая и дождливая, дорога испортилась. Пріѣхавъ въ Курскъ, Ея Величество пожелала отдохнуть и обѣдала одна. Вечеромъ, чувствуя необходимость въ отдыхѣ, она рѣшила провести слѣдующій день въ Курскѣ и приняла княгиню Барятинскую и г-жу Кожухову, супругу губернатора. Погода стала лучше, и Ея Величество два раза выходила на балконъ, чтобы удовлетворить желаніе многочисленной толпы, заплывшей улицу передъ ея домомъ.

„Боже мой“, сказала она, „можетъ ли такое жалкое существо, какъ я, интересоваться этихъ добрыхъ людей?“

1 мая мы выѣхали изъ Курска. Ея Величество, повидимому, нѣсколько окрѣпла. Дорога стала лучше, погода была превосходная. Мы обѣдали на почтовой станціи. Послѣ обѣда Ея Величество удалилась, чтобы отдохнуть. Такъ какъ на станціи Орки она ничего не кушала, то она потребовала кофе. Узнавъ отъ бывшаго тутъ графа Чернышева, что его супруга желала видѣть Стоффрегена, чтобы посоветоваться съ нимъ, Государыня предложила ему самому отправиться съ графомъ и нагнать насъ въ имѣніи князя Кочубея, гдѣ Ея Величество должна была ночевать. Это было въ субботу, на слѣдующій день Императрица хотѣла отслушать обѣдню. Ночью погода испортилась, и это повліяло вѣроятно на здоровье Ея Величества. Она провела ночь очень плохо, была по утру чрезвычайно слаба и послала насъ къ обѣднѣ, а сама не могла присутствовать на ней. Тотчасъ послѣ обѣда мы поѣхали далѣе. На одной изъ станцій былъ сервированъ обѣдъ; до Орла оставалась только одна станція, и мы прибыли въ Орель довольно рано. Когда Ея Величеству предложили провести тутъ цѣлый день, какъ въ Курскѣ, то она сказала, что слѣдуетъ спѣшить въ Калугу, такъ какъ получено извѣстіе, что вдовствующая Императрица уже тамъ и ожидаетъ ее.

Такъ какъ это былъ послѣдній день жизни Императрицы, то ради лицъ, преданныхъ покойному Императору, для которыхъ предназначается все, мною здѣсь записанное, я обязанъ изложить всѣ обстоятельства этого дня возможно подробнѣе.

3-го мая почта была получена рано утромъ. Я самъ понесъ письма Ея Величеству. На мой вопросъ, какъ здоровье Государыни, ея горничныя, заливаясь слезами, сказали мнѣ, что она провела ночь очень худо, ни минуты не спала, задыхалась и была чрезвычайно слаба. Она говорила имъ со слезами:

„Господь ниспослалъ мнѣ эти страданія, и я должна переносить ихъ, но за что же вы, — васъ при мнѣ только двое, — должны мучиться, ухаживая за мною безо всякой пользы? Ради чего должны страдать изъ-за меня окружающіе и раздѣлять мои страданія?“

Я отдалъ горничнымъ письма для передачи Ея Величеству и просилъ сказать ей, что если ей нужно будетъ видѣть меня, то я зайду за полчаса до отъѣзда. Я пошелъ къ себѣ, чтобы приготовить къ отправкѣ кое-какія бумаги. Вернувшись во дворецъ, я узналъ, что Ея Величество принимала орловскаго епископа. Въ виду чрезвычайной слабости Ея Величества, мы были недовольны тѣмъ, что эта аудіенція продолжалась около получаса. Вслѣдъ за нимъ къ Ея Величеству былъ допущенъ не надолго командующій

войсками генераль Загряжскій. Затѣмъ она приняла губернатора Солицева и его супругу, въ чьемъ домѣ она остановилась, потомъ княгиню Волконскую и меня одновременно; княгиня должна была ѣхать въ каретѣ вмѣстѣ съ Ея Величествомъ. Государыня спросила меня, получилъ ли я что-нибудь съ почты. И когда я отвѣтилъ, что мною получено нѣсколько бумагъ съ короной, которыя я уже приготовилъ для отсылки въ Бѣлевъ, она сказала: „Сдѣлайте это, какъ обыкновенно, отъ моего имени“.

Затѣмъ, она освѣдомилась съ участіемъ о моемъ здоровьи, о томъ, имѣлъ ли я извѣстія отъ мой семьи, и передала мнѣ для Стофрегена письмо отъ своей августѣйшей матери, сказавъ:

„Я просила васъ зайти еще разъ, чтобы не заставлятъ этого бѣднаго подагрика подниматься лишній разъ по лѣстницѣ за письмомъ, которое было вложено въ переданномъ мнѣ вами пакетѣ. Такъ какъ онъ ѣдетъ въ вашей коляскѣ, то я прошу васъ отдать ему это письмо; оно отъ моей матери“.

Ея Величество, на мой взглядъ, выглядѣла очень плохо; на ней была шляпа съ большими полями, и она старалась скрыть подъ ними свое лицо. Хотя въ комнатѣ былъ полумракъ, но я все-таки замѣтилъ, что ея лицо горѣло, глаза ввалились и были тусклы; голосъ ея прерывался и былъ беззвученъ, словно она охрипла. Вскорѣ послѣ того, какъ я ушелъ, она собралась ѣхать. Баронесса Розенъ получила позволеніе стать въ залѣ на ея проходѣ и стояла подлѣ Валуевой. Государыня подошла къ ней и, когда баронесса нагнулась, чтобы взять руку Ея Величества и поцѣловать ее, Императрица отняла руку и нагнулась, чтобы поцѣловать ее. Это движеніе вѣроятно очень утомило Государыню, которая наклоняясь чувствовала всегда сильную боль въ желудкѣ. Къ тому же Императрица не любила, чтобы ей цѣловали руку даже тогда, когда она была здорова. Государыня была такъ слаба, что, отходя отъ баронессы, она шаталась. Я стоялъ у окна и не спускалъ съ нея глазъ, чтобы поддержать ее, въ случаѣ, если бы она упала.

Дойдя до половины зала, Ея Величество попросила подать ей мантилью. Лакей набросилъ ее на плечи Государыни такъ ловко, что поправлять ее не было надобности, но Государыня не двигалась съ мѣста, дѣлая видъ, что она оправляетъ вуаль и мантилью то съ одной, то съ другой стороны. Я прекрасно видѣлъ, что она дѣлала это только для того чтобы отдышаться. Сдѣлавъ три-четыре шага и не будучи въ состояніи идти дальше, она сѣла въ кресло, неподалеко отъ дверей и, просидѣвъ минуты двѣ, встала и пошла. Пройдя переднюю, она попросила князя Волконскаго дать ей руку, чтобы сойти съ лѣстницы. Это было необычайно, такъ какъ Ея

Величество спускалась всегда одна. На лѣстницѣ она снова была вынуждена остановиться, чтобы отдышаться, но не пожелала сѣсть въ предложенное ей кресло. Отдохнувъ съ минуту, она сошла съ лѣстницы и сѣла въ карету“.

„Изъ Орла въ Бѣлевъ поѣздка была не по ея силамъ дальняя и трудная, тѣмъ болѣе, что дорога была испорчена дождями; поэтому мы приѣхали въ Болховъ, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ, только къ тремъ часамъ.

Домъ, приготовленный для Императрицы, былъ чистый и довольно удобный; князь Волконскій предложилъ Ея Величеству переночевать тутъ, но она отказалась, заявивъ, что если бы она была въ состояніи ѣхать дальше, то она предпочла бы остановиться въ Бѣлевѣ, такъ какъ до Бѣлева вдовствующей Императрицѣ пришлось бы проѣхать не болѣе ста верстъ. Князь предложилъ Ея Величеству обѣдать въ ея комнатѣ, но она и отъ этого отказалась, сказавъ, что она не любитъ нарушать разъ заведеннаго порядка, что надо пожалѣть людей и не заставлять ихъ ходить изъ комнаты въ комнату, такъ какъ прислугъ немного, они утомлены дорогой, и имъ приходится безъ того прислуживать въ трехъ—четырехъ комнатахъ.

„Я буду обѣдать съ вами“, сказала она.

Отдохнувъ съ полчаса, Ея Величество велѣла позвать насъ. Она сидѣла въ столовой, въ креслѣ:

„На этотъ разъ, сказала она, пользуясь правомъ и привилегіей старой, больной женщины, я попросила поставить мнѣ это кресло“.

Надобно замѣтить, что Ея Величество не допускала, чтобы за столомъ ей дѣлалось какое-либо отличіе, и если оказывался какой-нибудь особенный стулъ или приборъ, то она приказывала обыкновенно убрать то и другое или предоставить ихъ другимъ. Я сидѣлъ за столомъ напротивъ Ея Величества и былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи, боясь взглянуть на нее, ибо это заставляло ее говорить, а говорить ей уже было очень трудно: она насилу дышала“.

Ея лицо до того измѣнилось, что нельзя было безъ сожалѣнія и грусти смотрѣть на нее; „глаза ввалились и были мутные, подъ глазами двѣ жилы надулись толщиной въ палецъ и были синія; оттого носъ казался такъ широкъ, какъ-будто не принадлежалъ къ ея фізіономіи; подбородокъ отвисъ и ротъ былъ раскрытъ“. Ея Величество чувствовала это, но „ей не хотѣлось рукой поднять подбородокъ, а потому она старалась плечомъ сіе сдѣлать“ и долго дѣлала усиліе, чтобы повернуть голову и правое плечо такъ, чтобы они соприкоснулись и подбородокъ такимъ образомъ приподнялся“. „Чтобы не

огорчить Государыни и не показать вида, что я это замѣчаю, я завелъ рѣчь съ моей сосѣдкой, княгиней Волконской, о красивомъ мѣстоположеніи города Болхова, съ его четырьмя церквами и монастыремъ, которые мы видѣли, подъѣзжая къ городу. Ея Величество приняла участіе въ разговорѣ: мы съ жалостью замѣтили, что слухъ ея ослабѣлъ, и если я говорилъ обыкновеннымъ голосомъ, къ которому она привыкла въ теченіе пятнадцати лѣтъ, то она меня не слышала и переспрашивала два и три раза объ одномъ и томъ же“. „Языкъ ея также не былъ свободенъ, она произносила слова не совсѣмъ ясно, такъ что мы отвѣчали ей нерѣдко наугадъ. За обѣдомъ она спросила меня, не знаю ли я, какая это княгиня Долгорукая была въ Орлѣ и желала видѣть ее.

„Хозяинъ дома, гдѣ я остановился, докторъ, случайно упомянулъ о княгинѣ Долгорукой, матери или теткѣ покойнаго генераль-адъютанта князя Петра Долгорукова, которая пріѣхала въ Орель изъ своего имѣнія, единственно для того, чтобы видѣть Ваше Величество“, отвѣчалъ я.

— Почему же вы мнѣ не сказали этого? возразила Государыня, мнѣ было бы пріятно видѣть эту даму ¹⁾).

Я отвѣчалъ, что мнѣ ничего не было извѣстно ни о ея желаніи представиться Ея Величеству, ни о томъ, что она объ этомъ ходатайствовала.

— Право, мнѣ это очень досадно, продолжала Императрица, я очень уважала ее сыновей ²⁾, которые въ настоящее время уже всѣ трое скончались.

За обѣдомъ Ея Величество кушала только супъ, но всякая ложка супа производила жесточайшій кашель, и это такъ утомляло ее, что отъ этого одного у нея могъ пропасть аппетитъ. Когда подали мясо со шпинатомъ, Ея Величество взяла полную ложку шпината и, пытаясь захватить его на кончикъ вилки, поднесла ко рту. Подали вареную рыбу. Ея Величество долго ловила ее вилкой, пока ей удалось захватить и положить въ ротъ кусочекъ, величиною съ горошинку. Она пила воду съ виномъ; я замѣтилъ при этомъ, что она меньше кашляла отъ холоднаго питья, нежели отъ горячаго. Затѣмъ Государыня встала, сказавъ: „Пришлите мнѣ желе, если есть“. Желе было почти единственное кушанье, которое она могла ѣсть послѣднее время. Ея Величеству послали желе и поданныя къ столу свѣжія вишни. Она скушала желе и три вишни. Затѣмъ она съ полчаса отдыхала.

¹⁾ Княгиня Анастасія Симоновна Долгорукая, рожд. Лантева († 1827 г.).

²⁾ Князя Владиміръ, Петръ и Михаилъ Петровичи Долгорукіе.

Вставъ изъ за-стола, мы сообщили Стофрегену сдѣланныя нами тревожныя замѣчанія.

Онъ сказалъ, что не смѣетъ пойти къ Ея Величеству, такъ какъ она привыкла видѣть его только утромъ и вечеромъ; когда онъ является днемъ, это стѣсняетъ и тревожитъ ее; онъ рѣшился однако остаться въ залѣ, чтобы видѣть Государыню, когда она пройдетъ, и наблюдать за ней.

Войдя въ залу, чтобы ѣхать далѣе, Ея Величество, видимо, была удивлена, замѣтивъ Стофрегена, который, страдая подагрой, садился обыкновенно въ коляску прежде всѣхъ, чтобы избѣжать толкотни и не быть ушибленнымъ.

Быть можетъ она боялась, что онъ посовѣтуетъ ей ночевать въ Болховѣ, или не хотѣла, чтобы онъ наблюдалъ за ней; поэтому она тотчасъ отвернулась влѣво, потребовала свою накидку и прошла, не останавливаясь, къ каретѣ.

По выѣздѣ изъ города насъ настигла сильная гроза и дождь. Дорога идетъ тутъ низиною, и хотя она была исправлена, но дожди снова испортили ее. Мы прибыли въ Бѣлевъ около девяти часовъ вечера; этотъ переѣздъ, при слабости Ея Величества, долженъ былъ сильно утомить ее. Она изнемогала отъ усталости, была вся въ поту, насилу взшла по лѣстницѣ, съ помощью князя Волконскаго, и на ней два раза отдыхала въ креслѣ. „Поднявшись, сказала горничнымъ, что она не понимаетъ, какъ такое изсохшее тѣло, какъ ея, можетъ такъ сильно потѣть.

„Ah! je suis morte de fatigue!“ сказала она Стофрегену, когда онъ вышелъ къ ней. Князя Волконскаго просила написать Ея Величеству Маріи Ѳеодоровнѣ въ Калугу, что далѣе не въ состояніи ѣхать и должна прожить въ Бѣлевѣ нѣсколько дней и просить ее пріѣхать въ Бѣлевъ. Въ 10 часовъ послали курьера. „Мы дѣлились своими опасеніями на счетъ того, какъ пройдетъ ночь и свиданіе съ Ея Величествомъ на слѣдующій день“.

„Стофрегень, между тѣмъ, сказалъ намъ, что послѣ чаю и отдохновенія пульсъ у Государыни сталъ крѣпче и правильнѣе. Потомъ онъ посовѣтывалъ ей поѣсть немного саго, такъ какъ пустота желудка усугубляла ея слабость. Послѣ такого ужина казалось, что ей было лучше и спокойнѣе“.

„Ея Величество легла спать. Стофрегень велѣлъ послать за нимъ, въ случаѣ какой-либо перемѣны къ худшему. Такъ какъ мы помѣщались въ одномъ домѣ, то я приказалъ лакею разбудить меня, если за нимъ пришлютъ. Въ половинѣ шестого я уже проснулся и поспѣшно одѣлся. Когда я пріѣхалъ въ шесть часовъ во дворецъ, мнѣ сказали, что Ея Величество скончалась.“

Лица, окружавшія Императрицу, такъ описали князю Волконскому послѣднія минуты ея жизни:

„Лежа въ постели, Ея Величество не спала, а находилась какъ бы въ забытьѣ. Вскорѣ она почувствовала какое-то безпокойство, стала задыхаться и ослабѣла еще болѣе. Камеръ-юнгферы просили Государыню позволить хотя одной изъ нихъ находиться въ ея спальнѣ неотлучно. Она не позволила этого, сказавъ, что она и безъ того утомлена, что ей самой хочется покоя, а на ихъ настойчивыя просьбы отвѣчала, что у нея хватить силъ позвонить, если понадобится; что она не привыкла, чтобы кто-нибудь былъ въ спальнѣ, и что хотя бы ей хотѣлось спать, она не уснетъ отъ одной мысли, что тутъ будетъ кто-либо изъ нихъ. На подобный аргументъ возразить было нечего. Ночью Ея Величество нѣсколько разъ звонила, то просила ей дать лѣкарство, то поправить подушку, такъ какъ она могла лежать только въ полусидячемъ положеніи. Послѣдній разъ она позвонила ровно въ четыре часа и, принявъ лѣкарство, спросила, нѣтъ ли по близости кого-либо изъ врачей. Камеръ-юнгфера отвѣчала, что всѣ по близости, стоятъ только позвать, и они придутъ.

„Не нужно, сказала Государыня и отпустила камеръ-юнгферу, которая послѣшила послать за Рейнгольдомъ, такъ какъ Стофрегень съ своей подагрой не могъ придти такъ скоро.

Рейнгольдъ явился черезъ четверть часа.

Въ спальнѣ было тихо; камеръ-юнгфера заглянула—Государыня, казалось, уснула. Вошла вторично. Ея Величество спала необычайно тихо, что изумило ее и доктора. Наконецъ, вошла въ третій разъ; за ней Рейнгольдъ на цыпочкахъ. Комната была слабо освѣщена. Подойдя ближе камеръ-юнгфера увидѣла, что лицо Государыни было мертвенно-блѣдно, а ротъ раскрытъ. Когда она сказала это доктору, онъ велѣлъ ей дотронуться до тѣла, чтобы узнать, тепло оно или холодно. Оно было холодно, какъ ледъ. Тогда дали знать Стофрегену, и насъ всѣхъ извѣстили о томъ, что наша несчастная Императрица скончалась. Слѣдовательно, она скончалась, или лучше сказать уснула вѣчнымъ сномъ, между четырьмя часами и тремя четвертями пятого. Можно думать даже, что она скончалась тотчасъ послѣ того какъ г-жа Тиссонъ дала ей послѣдній разъ лѣкарства, въ четыре часа...

„Послали вторичнаго курьера навстрѣчу Ея Величеству Маріи Ѳеодоровнѣ, которая уже съ утра была на пути въ Бѣлевъ. За три станціи получила она сію роковую вѣсть, плакала много, а часъ спустя продолжала путь и прибыла въ Бѣлевъ въ 8 часовъ вечера.

„Ея Величество Марія Теодоровна пробыла въ Бѣлевѣ весь слѣдующій день и часть утра 6-го числа. Со мной была милостива, потребовала, чтобы я присутствовалъ при вскрытіи тѣла, и сказала, чтобы я, если получится приказаніе отъ Государя доставить ей бумаги покойной, привезъ оныя самъ.

„15 мая въ тотъ день, когда тѣло Ея Величества было перенесено въ церковь, я уѣхалъ изъ Бѣлева, получивъ изъ Петербурга повелѣніе доставить Ея Величеству Маріи Теодоровнѣ, въ Москву, всѣ бумаги покойной Императрицы. Ихъ было немного“. Три дня я работалъ со вдовствующею Императрицей, разбирая бумаги, кои всѣ были уложены, запечатаны и мнѣ возвращены. Чего искали—завѣщанія,—не нашли.

Тихо и одиноко отошла Императрица Елисавета въ вѣчность, такъ же одиноко и малозамѣтно, какъ она проводила свой жизненный путь; между тѣмъ у нея были всѣ данныя къ тому, чтобы играть видную роль и взять отъ жизни свою долю счастья.

По свидѣтельству всѣхъ лично знавшихъ Императрицу, она была очень хороша собою, стройна, граціозна, до конца жизни сохранила величественную осанку и мелодичный голосъ, была любезна, умна, способна чувствовать нѣжно и глубоко.

Прекрасно образованная, она знала въ совершенствѣ французскій языкъ, на которомъ обыкновенно писала, знала основательно исторію, географію, нѣмецкую и всеобщую литературу, изучала даже немного философію, была начитана, постоянно слѣдила за всѣми появлявшимися произведеніями литературы и относилась къ прочитанному серьезно и критически.

Строгая къ себѣ и снисходительная къ другимъ, она умѣла удивительно владѣть собою, была чужда гордости и тщеславія и несмотря на всѣ эти выдающіяся физическія, умственные и душевныя качества, она не была счастлива, не играла никакой роли, не имѣла вліянія на своего царственнаго супруга, не приобрѣла его любви, не сошлась съ его родными, была нравственно совершенно одинока и, какъ это видно изъ ея отравенныхъ признаній матери, никогда не была счастлива. Было время, когда она чувствовала себя даже очень несчастной, униженной. Въ тѣ горькія минуты, какъ мы уже знаемъ, въ ея душѣ созрѣлъ даже планъ отказаться отъ всего и искать покоя и забвенія въ уединеніи.

Чѣмъ же можно объяснить то, что жизнь Елисаветы Алексѣвны, которой такъ много было дано природою и судьбою, сложилась такъ грустно и безотраднo и что, имѣя такъ много данныхъ, чтобы проявить свою личность, она прошла жизнь незамѣтно.

„Ее мало знали и при жизни ея. Какъ современная молва, такъ

и преданія о ней равно молчаливы,“—говорить князь П. А. Вяземскій.

Причины этого явленія, конечно, весьма сложны; ихъ нужно искать главнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ характера Елизаветы Алексѣвны и въ значительной степени въ той обстановкѣ, среди которой очутилась четырнадцатилѣтняя баденская принцесса при дворѣ Екатерины II. Оторванная отъ семьи, въ столь раннемъ возрастѣ, когда ея характеръ еще не вполне сложился, она не сумѣла овладѣть сердцемъ своего столь же юнаго супруга и чувствовала себя въ Петербургѣ одиноко. Екатерина II отнеслась къ супругу своего любимаго внука привѣтливо и ласково, но она была слишкомъ стара и поглощена своими личными и государственными дѣлами, чтобы удѣлять ей много времени, снискать ея довѣріе и откровенность и вліять на ея дальнѣйшее развитіе; къ тому же, два года спустя послѣ пріѣзда Елизаветы Алексѣвны въ Россію ея не стало. Родители Александра I жили въ Гатчинѣ и кромѣ чисто-официальныхъ, требуемыхъ этикетомъ, свиданій, между ними и супругою ихъ сына не установилось никакихъ отношеній. Жизнь при пышномъ дворѣ Екатерины, необходимость присутствовать на всѣхъ церемоніяхъ, приѣмахъ, торжествахъ, была утомительна для Елизаветы, привыкшей къ скромности и простотѣ жизни при Баденскомъ дворѣ; она утомляла ее въ первые годы не только физически, но и душевно: наплывъ новыхъ впечатлѣній, необходимость разобраться въ нихъ и намѣтить себѣ извѣстную линію поведенія, поставить себя въ средѣ ей еще чуждой, и гдѣ ей приходилось играть видную роль, гдѣ многіе заносили конечно ея благосклонности, и гдѣ она неизбежно была окружена интригами, все это было особенно трудно—въ виду ея крайней молодости и заставляло ее быть сдержанной, обдумывать каждый свой шагъ и дѣлиться своими впечатлѣніями только съ матерью, женщиной весьма умной, оставшейся на долго въ глазахъ Елизаветы Алексѣвны авторитетомъ. Съ ней она дѣлилась своими впечатлѣніями, въ перепискѣ съ нею находила отраду и изливала душу, въ ней находила откликъ своей душѣ, съ ней одною была откровенна: закончить день письмомъ къ матери стало для нее потребностью, и она, мало по малу, совершенно замкнулась отъ окружающихъ до того, что казалась ко всему безучастной и холодной.

„Сначала,—говоритъ графъ А. Х. Бенкендорфъ,—она играла роль женщины покинутой, ревностной патріотки, но ея холодность и совершенное отдаленіе отъ общества внушили всей почти націи полное къ ней равнодушіе“.

Съ годами это отчужденіе, эта холодность усугубились.

„Къ отцу своего супруга Елисавета Алексѣевна никогда не питала симпатій, но его поведеніе въ дни восшествія на престолъ окончательно подорвало чувство расположенія къ нему“.

Въ кратковременное царствованіе Павла Елисавета Алексѣевна, также какъ и ея супругъ, подвергалась всевозможнымъ стѣсненіямъ, и это время оставило на ней глубокой слѣдъ; она еще болѣе замкнулась въ самой себѣ. Изъ этого состоянія, ставшаго какъ бы системою, не вывело Елисавету Алексѣевну даже потрясающее событіе 11 марта 1801 года.

„Въ первыя минуты послѣ катастрофы, Государыня, отличавшаяся всегда большимъ самообладаніемъ, не потеряла присутствія духа и оказала Александру нравственную поддержку, въ которой онъ такъ нуждался.“

„Этотъ моментъ былъ самый подходящий для того, чтобы проявить въ чемъ-либо свое вліяніе, тѣмъ болѣе, что Императрица Марія Ѳеодоровна, предавшись горю, временно удалилась въ Павловскъ, но Елисавета Алексѣевна не захотѣла или не сѣумѣла воспользоваться обстоятельствами.“

Можно думать, что и въ этомъ случаѣ ей помѣшала занять подобавшее ей по праву мѣсто, подлѣ своего супруга, все та же присутствующая ей черта характера: желаніе быть какъ можно менѣе замѣтной. На это ей не разъ указывала мать, совѣтуя быть рѣшительнѣе и энергичнѣе. Скромность Императрицы и желаніе быть какъ можно менѣе на виду доходили до того, что, какъ она сказала однажды Карамзину, пользовавшемуся ея особымъ довѣріемъ, „нерѣдко стоя передъ зеркаломъ для убранства, когда она готовилась на царскій выходъ или на балъ, она сѣтовала и почти досадовала на дары природы, которые должны были обратить на нее общее вниманіе“.

Какъ только улеглось первое впечатлѣніе отъ событія 11 марта, сблизившаго молодыхъ супруговъ, Елисавета Алексѣевна снова ушла въ себя; „ей казалось, что не слѣдуетъ стѣснять ни дѣйствій, ни побужденій Александра, а предоставить ему полную свободу. Она хорошо изучила характеръ Маріи Ѳеодоровны и знала, что ея удаленіе будетъ недолговременно, что она не преминетъ вмѣшиваться въ дѣла и постарается вліять на сына. Чувствуя это, Елисавета не хотѣла ставить мужа въ неловкое положеніе, между двумя различными теченіями, и рѣшила остаться совсѣмъ въ сторонѣ.“

„Это рѣшеніе было ея непоправимой ошибкой, которую признавала ея мать, маркграфиня Баденская, неоднократно указывавшая ей на это во время своего пребыванія въ Петербургѣ лѣтомъ 1801 г.“

„Отстраненіе Елисаветы Алексѣвны было истолковано холодною и безучастіемъ ко всему тому, гдѣ она могла и должна была возвысить свой голосъ“.

Это было ея слабостью, ея виною передъ супругомъ; устранившись отъ всякой борьбы, молодая Императрица проводила время въ кругу немногихъ лицъ, которымъ она вполнѣ довѣряла. „Первое мѣсто между ними занимала ея фрейлина княжна Шаховская, впоследствии княгиня Голицына. Она всецѣло завладѣла расположеніемъ Императрицы, и имя „Principessa“ то и дѣло встрѣчается въ ея письмахъ, до кончины княгини, послѣдовавшей въ 1807 г.“.

„Александръ Павловичъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, началъ увлекаться красавицей-полькой М. А. Нарышкиной. Елисавета Алексѣвна и тутъ осталась пассивной и ничего не сдѣлала, чтобы удержать расположеніе супруга; она молча смотрѣла на его сближеніе съ Маріей Антоновной, которая держала себя по отношенію къ ней иногда вызывающе.“

Хотя Императрица и жаловалась матери на невѣрность супруга, но когда маркиграфиня совѣтовала энергично протестовать, Елисавета продолжала безмолвствовать..

Когда она потеряла двухъ обожаемыхъ малютокъ, на которыхъ были сосредоточены всѣ ея заботы, и лишилась своего друга, княгини Голицыной, ею овладѣло отчаяніе, разочарованіе и желаніе предать себя полнѣйшему забвенію. Современники единодушно жалѣли безутѣшную мать—и только. Затѣмъ о ней всѣ какъ бы забыли“.

Дѣлала ли Императрица въ эти годы что-нибудь, чтобы отвлечь Александра отъ чаръ Маріи Антоновны?

„Едва ли,—говоритъ ея августѣйшій біографъ.—Она какъ будто съ удовольствіемъ играла роль, всегда возбуждающую участіе, женщины покинутой, жертвы судьбы. Ее влекло къ мужу, но она не умѣла даже выразить ему наглядно своего влеченія. Въ это время она сблизилась съ графиней Софьей Владиміровной Строгановой и увлекалась чтеніемъ.“

„Графиня—женщина самыхъ возвышенныхъ и честныхъ правилъ, была очень образована, начитана и набожна, въ духѣ православной вѣры. Она, безспорно, имѣла на Государыню наилучшее вліяніе, но вліяніе это было одностороннее и направлялось, почти исключительно, въ религіозную сторону. Софья Владиміровна хотѣла, чтобы Елисавета сдѣлалась убѣжденной православной и укрѣпила бы въ себѣ чувство незыблемой вѣры. И она достигла цѣли. Императрица сдѣлалась глубоко вѣрующей, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Со временемъ, она совершенно свыклась съ русскими

обычаями и полюбила Россію, которая стала для нея, не на словахъ, а на дѣлѣ, второй родиной“.

Это видно изъ писемъ Императрицы къ матери во время Отечественной войны, когда, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, Елисавета Алексѣевна не столько увлекалась подъемомъ германскихъ національныхъ чувствъ, сколько ставила на первый планъ величіе и интересы Россіи, и при посѣщеніи Бадена въ 1814 и 1818 годахъ, несмотря на радость свиданія съ родными, тяготилась пребываніемъ на чужбинѣ и всѣми помыслами стремилась въ Россію. Отечественная война заставила и ее встрепенуться и раздѣлить чувства, волновавшія все русское общество, и она захотѣла чѣмъ-нибудь отозваться на нихъ и проявить свою инициативу въ общественномъ дѣлѣ и приняла непосредственное участіе въ судьбѣ раненыхъ и разоренныхъ войною. Такъ возникло, какъ мы уже знаемъ, подъ ея покровительствомъ общество патріотическихъ дамъ и домовъ трудолюбія.

Ея письма, относящіяся къ 1812—1815 гг., дышатъ неподдѣльной любовью къ Россіи и ненавистью къ Наполеону, причинившему ей столько бѣдъ.

„Съ этого времени Государыня стала стремиться къ сближенію съ супругомъ, чтобы облегчить ему нелегкую задачу защиты интересовъ Россіи, и старалась всячески дѣлать ему пріятное. Достигнуть этой цѣли было нелегко. Начиная съ 1818 года, Александръ Павловичъ находился въ постоянныхъ разъѣздахъ: то на конгрессахъ за границей, то на инспекціяхъ внутри Россіи. Приходилось ловить минуты, когда Государь находился въ столицѣ или ея окрестностяхъ, чтобы имѣть возможность быть съ нимъ наединѣ. Въ этомъ случаѣ никакое утомленіе не останавливало Государыню; несмотря на физическую трудность передвиженія изъ Царскаго Села въ Петергофъ или съ Каменнаго острова въ Павловскъ, она съ упорствомъ и мужествомъ превозмогала немощи и старалась не покидать Государя, даже во время безконечныхъ церемоній и парадовъ, которые она ненавидѣла. Такое отношеніе Государыни не могло не быть замѣченнымъ Александромъ; эти чувства глубоко трогали его, и онъ, со своей стороны, началъ выказывать Елисаветѣ Алексѣевнѣ особое вниманіе, которое съ годами все росло и проявлялось все чаще и чаще. Въ 1822—23 гг. ихъ взаимныя отношенія настолько окрѣпли, что Государь самъ старался удѣлять ей больше времени и, когда это удавалось, супруги были счастливы, переживая какъ бы вторично вмѣстѣ медовые мѣсяцы. Привязанность Елисаветы Алексѣевны къ своему супругу росла; какъ видно изъ ея писемъ, всѣ ея мысли были, въ это время,

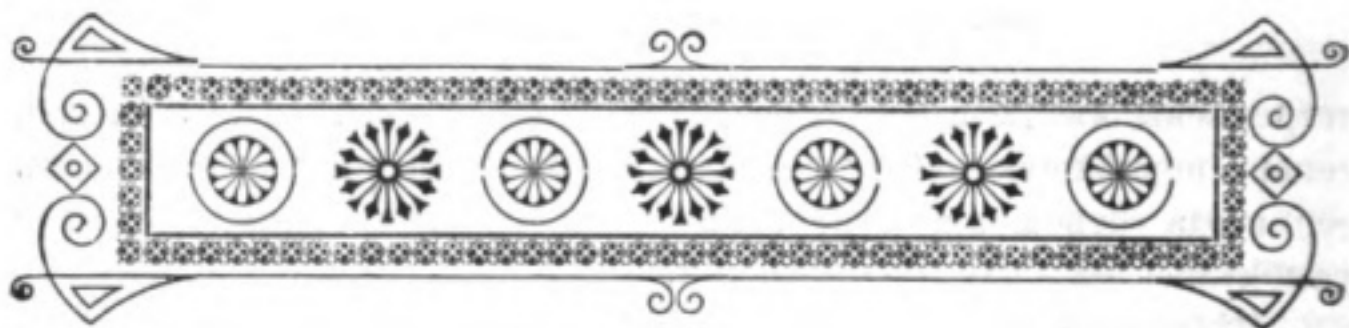
устремлены къ любимому мужу, и все, что его касалось, составляло теперь первѣйшую заботу Государыни. Но злой рокъ преслѣдовалъ ее; когда отношенія супруговъ стали дружественныя, и счастье улыбнулось ей—начались болѣзни.

„Нѣсколько недѣль счастья въ Таганрогѣ, въ желанной уединенной обстановкѣ, были лебединой пѣснью ея супружескаго счастья. Александръ скончался, и жизнь утратила для Елисаветы Алексѣвны всякій смыслъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ страданій, и она отошла въ вѣчность.

„Возможно, что причина ея неудавшейся жизни заключалась въ ней самой, въ ея характерѣ, въ излишней разсудочности, преобладавшей надъ чувствомъ. Ей недоставало равновѣсія ума и сердца; часто разсудокъ затемнялъ первые сердечные порывы,—это сказывалось всю жизнь. Когда она желала исправить ошибки разума, то запаздывала исполненіемъ намѣченнаго и впадала въ еще большее уныніе и разочарованіе, и пребываніе на землѣ было для нея безконечнымъ испытаніемъ, „ниспосланнымъ, какъ она говорила, свыше“.

В. Тимошукъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXXVII ¹⁾.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня „Соquette“ снялась съ якоря и покинула воды Хіоса. Она вполне оправдала свое прозвище: пококетничала съ турками, консулами и улетѣла по новому назначенію въ веселую Смирну. Тамъ, на мѣстѣ командиръ авизо представилъ, кому слѣдовало, рапортъ приблизительно въ такой версіи: на базарѣ поссорились два пьяныхъ болвана, изъ которыхъ одинъ ранилъ другого. Въ общемъ все обстоитъ благополучно и не предвидится даже и тѣни какихъ-либо осложнений — инцидентъ раздутъ русскимъ вице-консуломъ.

Какъ во времена Абдуль-Азиса, такъ и въ послѣдующіе годы царствованія Абдуль-Гамида, пресса, руководимая европейцами, пользовалась, въ сущности, только фиктивной свободой, ограниченной строгой цензурой.

Въ большой газетѣ „Imparcial“, издаваемой въ Смирнѣ на французскомъ языкѣ, появилась краткая замѣтка въ игривомъ тонѣ о происшествіи въ Хіосѣ и нѣсколько язвительныхъ инсинуацій по нашему адресу на счетъ способности русскихъ агентовъ дѣлать изъ мухи слова.

Въ Константинополѣ перепечатали сообщеніе „Imparcial“, а изъ нашего посольства не замедлили прислать моему дядѣ внушитель-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

ный выговоръ за излишнее усердіе и совѣтъ на будущее не беспокоить военныя суда въ тѣхъ случаяхъ, когда обывателямъ придетъ фантазія подраться между собой, такъ какъ сказанныя дѣйствія оффиціальнаго лица могли бы поставить нашу дипломатію въ смѣшное положеніе.

Ничего не оставалось послѣ того, какъ проглотить пилюлю и замолчать.

Въ сказанную эпоху Англія вела удивительно двуличную политику на берегахъ Босфора.

Обыкновенному смертному, не посвященному въ тончайшіе изгибы этой мудреной науки, называемой обыкновенно „дипломатіей“, невозможно было что-либо понять изъ того хода событій, которыя выступали тогда на міровую арену.

Ну, какъ объяснить, напримѣръ, загадочныя отношенія Британской державы къ Абдуль-Азису? Онъ былъ прямо ненавистенъ ей, иначе она не отправила бы его въ рай Магомета, когда злополучному султану и на землѣ жилось весьма недурно.

А между тѣмъ при жизни его Англія изо всѣхъ силъ старалась доказать всему свѣту, что подъ скипетромъ этого монарха христіанскіе народы чувствовали себя какъ нельзя лучше.

Ни для кого не было секретомъ, что вся пресса Оттоманской Имперіи находилась подъ непосредственнымъ давленіемъ Великобританскаго кабинета и освѣщала событія согласно указаніямъ изъ Лондона.

Если, положимъ, начиналась гдѣ-нибудь рѣзня, вызванная, какъ и всегда, религіозными недоразумѣніями, то вся печать или упорно замалчивала о происшествіяхъ, или же высмѣивала ихъ, сваливая все на интриги геперала Игнатьева. Всѣ эти выходки считались тогда въ порядкѣ вещей, такъ какъ наша вѣчная соперница—Англія ничѣмъ не брезгала, чтобы только поссорить Россію съ Турціей.

Согласно нашей логикѣ, слѣдовало бы поступать какъ разъ наоборотъ, т. е., предрѣшивъ сверженіе съ трона неудобнаго правителя государства, одновременно подчеркнуть и фактъ избіенія христіанъ попустительствомъ намѣченной жертвы, а не скрывать умышленно всего этого отъ суда общественнаго мнѣнія... Впрочемъ, о чемъ я толкую? Мнѣ ли рѣшать загадки коварнаго Альбіона?

Итакъ, ушла „Кокетка“, покинувъ насъ на произволъ судьбы и случая. Волненіе, видимо, улеглось, и мусульмане ровно ничѣмъ не обнаруживали своихъ враждебныхъ чувствъ. Но Христофоръ Сарико, организаторъ самообороны, утверждалъ, что то было лишь обманчивое успокоеніе, и что мы находились въ полосѣ передъ наступле-

ніемъ шквала, который, по его мнѣнію, не заставитъ ожидать себя слишкомъ долго.

Въ силу таковыхъ соображеній, онъ не разоружался, какъ настаивалъ на томъ Кіамиль-паша. Ночью, небольшіе отряды молодежи по его распоряженіямъ выходили секретно къ берегу, прятались за скалами и наблюдали до разсвѣта.

Однажды Али таинственными знаками вызвалъ меня въ корридоръ и грустно сказалъ:

— Маленькая кокона, если какъ-нибудь ночью ты услышишь шумъ, то не пугайся и не выходи изъ комнаты, пока я не приду къ тебѣ—смотри же, не забудь: Али знаетъ, что надо дѣлать.—и, не объяснивъ ничего, онъ повернулся и вышелъ.

— Что такое? что еще ожидаетъ насъ?—спрашивала я, рассказывая Магіе о странной выходкѣ каваса.

Та встревожилась, но, послѣ нагоняя отъ генерала Игнатьева, не рѣшилась беспокоить мужа догадками и промолчала.

Промелькнула еще недѣля — о зейбекахъ всѣмъ надоѣло говорить, и жизнь на островѣ вошла въ обычную колею.

Но поведеніе Али возбуждало къ себѣ вниманіе: онъ часто отлучался куда-то, а дома все твердилъ о прелестяхъ Смирны и никакъ не могъ понять, почему мы туда не ѣдемъ?

На югѣ закаты чрезвычайно быстры: едва только дискъ солнца успѣетъ спрятаться за черту горизонта, какъ уже небо шлетъ на землю глубокую тьму, не давая возможности уловить момента перехода отъ свѣта къ полному мраку.

Луна шла на ущербъ и всходила очень поздно.

То, что я сейчасъ расскажу, случилось именно въ одинъ изъ такихъ вечеровъ. Я рано ушла къ себѣ въ комнату, потушила лампу, распахнула жалюзи и остановилась у окна.

Чудная, необыкновенная картина развернулась передо мной въ эту темную, таинственную ночь. Море фосфорилось, перекатывая мелкую зыбь, навѣянную легкимъ вѣтеркомъ, и тихо пѣло гимнъ звѣздному міру, отраженному въ его бездонныхъ глубинахъ. А тамъ, въ недосыгаемыхъ высотахъ, казалось, наступилъ праздникъ.

Подобно солнцу, горѣла великолѣпная Вега; сверкалъ бриллиантами рой Плеады; Касторъ и Поллуксъ, нѣжные друзья, задумчиво смотрѣли на уснувшую землю. Млечный путь, точно живой, дышалъ и трепеталъ; Альдебаранъ, любимецъ мореплавателя, заботливо мигалъ запоздавшему кораблю; прелестная Венера, звѣзда любви, играя и шевеля лучами, не сводила глазъ съ краснаго Марса, сіяя передъ нимъ вѣчной красотой. И думалось, что боги Олимпа, покинувъ золотые чертоги, сошли погулять на синемъ

просторѣ небесъ; но, увидѣвъ пещеру, которая одиноко чернѣла у подножія горы, задержались надъ родиной того, кто воспѣлъ ихъ въ безсмертной Иліадѣ, и я, незамѣтно, погрузилась совсѣмъ въ міръ волшебныхъ видѣній и классическихъ образовъ.

Какъ вдругъ осторожный шорохъ подъ окномъ вернулъ меня съ вершины Олимпа въ мою комнату: только что я хотѣла перегнуться черезъ подоконникъ и посмотрѣть внизъ, какъ раздался страшный трескъ и что-то прошипѣло надъ головой. Безсознательно, ничего не понимая и не отдавая себѣ отчета въ томъ, что произошло, я отбросилась въ сторону и прижалась спиной къ стѣнѣ. Въ слѣдующую минуту повторилось еще нѣсколько выстрѣловъ, и пули съ жужжаніемъ летѣли мимо, не задѣвая меня.

Вѣроятно слабый свѣтъ лампадки выдалъ мою тѣнь на фонѣ жалюзи и, такимъ образомъ, это послужило кому-то мишенью.

Очлувшись отъ столбняка, я бросилась къ двери; но она оказалась запертой изъ корридора, и на мой стукъ никто не отозвался. А между тѣмъ, въ домѣ уже поднялась невыразимая суматоха: бѣготня, крикъ, шумъ, громкіе разговоры на греческомъ языкѣ, бряцаніе оружія и повелительный голосъ дяди: „сюда! скорѣй, скорѣй къ балкону“!

Тогда раздалась яростные вопли нападавшихъ, и загремѣли ружейные выстрѣлы съ южнаго фасада дома.

Судя по звукамъ, изъ комнатъ имъ отвѣтили тѣмъ же, а затѣмъ что-то съ ужасающимъ грохотомъ рухнуло на мостовую. На одинъ мигъ воцарилась зловѣщая тишина. Я сообразила, что разбойники пытались взять приступомъ балконъ, а на нихъ опрокинули стоящую тамъ громаднхъ размѣровъ каменную этрусскую вазу.

Наконецъ, дверь съ шумомъ распахнулась, и ко мнѣ влетѣлъ, какъ бомба, кавасъ Али. Не говоря ни слова, онъ схватилъ меня въ охапку, взвалилъ на свои могучія плечи и потащилъ куда-то.

Я стала отчаянно вырываться отъ него и громко звать Marie, но онъ сердито прикрикнулъ на меня: „Молчи, зейбекъ пришелъ, молчи!“—и съ этими словами быстро взбѣжалъ со мной по лѣсенкѣ на плоскую крышу дома.

Здѣсь онъ немедленно принялся сооружать изъ всякаго ненужнаго хлама, валявшагося по угламъ террасы, нѣчто похожее на траншею, замаскировавъ ее пустыми бочками, ящиками, набросавъ сверху старыхъ рогожъ, затѣмъ посадилъ меня туда и, строго приказавъ не шевелиться, а терпѣливо ждать его возвращенія, торопливыми шагами направился къ выходу и скрылся.

Усталая, разбитая, я тотчасъ же прилегла на кучу какого-то

тряпья, чувствуя только потребность въ физическомъ отдыхѣ. Сонливая апатія сковала мой организмъ: страхъ, сознание дѣйствительности исчезли, и я безучастно слушала плескъ волнъ, лѣниво перебирая въ умѣ обрывки мыслей и воспоминаній, ничего общаго не имѣвшихъ съ данной обстановкой.

Сколько протекло времени съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ Али—трудно было опредѣлить, такъ какъ минуты казались часами, но мнѣ, наконецъ, стало невыносимо душно и крайне неудобно подъ грязными брезентами и рогожами.

Я превозмогла себя, вышла изъ убѣжища, такъ заботливо устроеннаго для меня, и посмотрѣла внизъ черезъ рѣшетку, окружающую крышу; но ничего подозрительнаго не оказалось на томъ мѣстѣ, откуда раздались первые выстрѣлы въ мое окно, а южная часть нашего жилища отдѣлялась отъ сѣверной, гдѣ находилась я въ сказанный моментъ, высокимъ, покатымъ чердакомъ, такъ что все происходившее на той сторонѣ не могло быть доступно моему наблюденію.

Тѣмъ временемъ изъ-за волнъ выплывалъ красный шаръ мѣсяца и становилось свѣтлѣе. Блестящая Венера склонялась все ниже и убѣгала за горизонтъ.

Въ воздухѣ стояла та трагическая тишина, которая всегда предшествуетъ бурѣ; но, тѣмъ не менѣе, ничто не указывало на близкое присутствіе башибузуковъ, какъ я ни осматривалась кругомъ, и думалось невольно, что они просто оставили насъ въ покоѣ и разбѣжались.

Луна поднялась еще выше, и вотъ она, какъ подвѣшенная къ своду лампада, озарила міръ и разсѣяла угрюмый мракъ ночи.

На площадкѣ крыши у карниза чердака была укрѣплена на подставкахъ большая, подзорная труба для наблюденій за горизонтомъ во время приходовъ и отходовъ русскихъ грузовыхъ пароходовъ. Это навело меня на мысль воспользоваться ею для большей увѣренности въ отсутствіи разбойниковъ по сосѣдству съ нами.

Въ прозрачномъ воздухѣ, какъ извѣстно, предметы кажутся ближе и опредѣленнѣй. Передвигая трубку по разнымъ направленіемъ, я ровню ничего, внушающаго опасеніе, не замѣтила; но вдругъ въ объективъ попало что-то совсѣмъ другое: у выхода въ открытое море, на юго-восточной сторонѣ острова, по всему берегу пустынной и отдаленной отъ рейда бухточки ясно и отчетливо вырисовывались въ лунномъ освѣщеніи цѣлые ряды множества черныхъ, неподвижныхъ пятенъ. Продолжая всматриваться, мнѣ очень скоро пришлось убѣдиться, что то были не что иное, какъ вытащенные изъ воды на прибрежный песокъ малоазіатскіе кайки,

хорошо знакомые всѣмъ намъ по своей оригинальной конструкціи. Но куда же дѣлись гребцы этой быстроскрылой флотиліи? Отвѣтъ не заставилъ долго ожидать себя.

— Алла! Алла!—донеслось протяжное эхо изъ темныхъ улицъ города и ружейный огонь загремѣлъ оттуда--видимо, населеніе Хіуса, повѣривъ обманчивому успокоенію послѣднихъ дней, не приняло надлежащихъ мѣръ предосторожности, а теперь, застигнутое врасплохъ, отчаянно защищалось.

Али не возвращался, какъ обѣщаль. Невыразимая тоска одиночества запала въ душу, и я рѣшилась сойти внизъ къ живымъ людямъ.

— Алла! Алла!—раздалось совсѣмъ близко, какъ будто нападашіе уже были на крышѣ.

Гонимая инстинктомъ, а не сознательной волей, я кинулась къ водосточной трубѣ, обхватила ее руками и приготовилась скользнуть по ней прямо въ море, рискуя при этомъ разбиться вдребезги о выступы стѣны; но въ тотъ же моментъ распахнулось слуховое окно изъ чердака и кто-то стремительно прыгнулъ на террасу. Тогда энергія жизни покинула меня: я упала лицомъ внизъ на каменный полъ и съ тупымъ равнодушіемъ отдалась судьбѣ, не ожидая отъ нея ничего, кромѣ ножа башибузука...

— Ради Бога, успокойтесь—это я!—послышался, какъ сквозь сонъ, знакомый голосъ, а затѣмъ говорившій приподнялъ меня и поставилъ на ноги. То оказался грекъ Андріа Мавро-Беязи, одинъ изъ храбрѣйшихъ молодцовъ паликаріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мой неизмѣнный, горячій поклонникъ, котораго я тщательно до сихъ поръ избѣгала въ угоду ревнивому Тафти-бею.

Задыхаясь, Мавро-Беязи торопливо объяснилъ мнѣ, какъ все случилось. По его словамъ, онъ съ товарищами находился въ засадѣ недалеко отъ насъ. Замѣтивъ издали приближеніе банды, вся его дружина немедленно бросилась на помощь, и, прежде чѣмъ подошли разбойники, они уже были наверху, въ нашей квартирѣ. Когда ему съ товарищами удалось опрокинуть вазу, надѣлавшую не мало переполоху въ рядахъ осаждавшихъ, разбойники стали отступать и разбѣгаться; но не прошло и часу, какъ они вернулись снова и возобновили атаку по южному фасаду.

Считая дальнѣйшее мое пребываніе на террасѣ не безопаснымъ въ виду могущей возникнуть со стороны моря перестрѣлки, дядя распорядился послать за мной, а выходъ на крышу забаррикадировать.

Передавъ вышесказанное, Мавро-Беязи помогъ мнѣ сойти внизъ, и мы успѣшили присоединиться къ обороняющимся.

Г л а в а XXXVIII.

Въ комнатѣ, куда меня впустили, было еще темно; но въ синеватомъ отблескѣ предразсвѣтныхъ сумерокъ, проникавшихъ сквозь щели опущенныхъ жалюзи, становилось возможнымъ различать силуэты людей.

Шумъ открываемой двери привлекъ вниманіе присутствовавшихъ — насъ окликнули, и чей-то голосъ сказалъ: „не стойте тамъ, отойдите, а то попадете подъ выстрѣлы“. Магіе тотчасъ же приблизилась и увела меня къ одному изъ простѣнковъ между окнами. Рядомъ со мной помѣстился Андріа и сталъ поспѣшно заряжать револьверъ. Изъ отрывочныхъ словъ, раздававшихся въ темнотѣ, я узнала, что еслибъ не подоспѣвшіе въ-время паликары, то о самооборонѣ нечего было бы и думать — такъ внезапно и неожиданно все случилось.

Послѣ только что перенесеннаго мною душевнаго потрясенія ничто уже не казалось мнѣ страшнымъ, и я также прониклась бодрымъ настроеніемъ окружавшихъ меня.

По обѣимъ сторонамъ выходной двери на балконъ, у притолокъ стояли наши защитники съ дядей во главѣ. Они внимательно слѣдили за эволюціями башибузукъ и сквозь раздвижныя планки ставень наводили дула револьверовъ по видимой цѣли, сами же оставаясь внѣ прицѣла.

Внизу глухо шумѣла толпа, звякало оружіе и что-то тяжелое ударялось о стѣны.

— Смотрите! смотрите! — нарушая общее безмолвіе, весело проговорилъ Мавро-Беязи и такимъ тономъ, какъ будто сообщалъ чрезвычайно пріятную новость: — притащили лѣстницы! ну, и мошенники же — вѣрно украли гдѣ-нибудь! — расхохотался онъ совсѣмъ не кстатн.

Вдругъ раздался пронзительный свистъ, и на звукъ этотъ отозвались сотни озлобленныхъ голосовъ — домъ задрожалъ подъ натискомъ многочисленныхъ бандъ.

Курки шелкнули и наполнили комнату оглушительнымъ трескомъ.

Намъ отвѣтили немедленно ружейнымъ залпомъ и бриками ярости. Пули пролетали мимо, ударяясь о стѣны и мебель.

Отстрѣливаясь безъ устали, пылкая молодежь стала проявлять въ то же время опасный азартъ: слышались негодующіе возгласы, что моль борьба изъ-за прикрытія роняетъ достоинство мужчины и предлагались совѣты увести женщинъ на чердакъ, а самимъ выйти на поединокъ и начать дѣло въ рукопашную.

Только авторитетъ дяди и сильныя доводы благоразумія съ

указаніемъ на неравенство силъ, да убѣдительныя просьбы Магіе не оставляютъ насъ на волю случая, кое-какъ уговорили воинственный пылъ горячаго темперамента эллиновъ, и они остались на своихъ мѣстахъ.

Становилось достаточно видно; но зейбеки не уходили и упорно добивались взять приступомъ балконъ, чтобы ворваться въ верхній этажъ, гдѣ мерещилась имъ богатая добыча у московъ—консула. Только этимъ путемъ они могли бы проникнуть въ комнаты, такъ какъ всѣ окна и двери внизу были защищены очень прочными, желѣзными ставнями, о динамитъ же въ тѣ времена башибузуки не имѣли понятія.

Не извѣстно, по какимъ причинамъ, но въ рядахъ нападавшихъ наступило затишье: выстрѣлы перестали гремѣть, и все смолкло. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Андріа напряженно слѣдилъ за движеніями бандитовъ и тяжело дышалъ: оказалось, что шальная пуля оцарапала ему шею, и это раздражало его.

Я должна сказать о немъ нѣсколько словъ, такъ какъ онъ сыгралъ нѣкоторую роль въ моей богатой приключеніями жазни на Востокѣ.

Андріа Мавро-Беязи былъ эллиномъ только по матери и по воспитанію. Отецъ его, испанскій эмигрантъ, имѣлъ обширныя плантаціи въ Хіосѣ и на сосѣднихъ островахъ.

Онъ велъ свое происхожденіе отъ мавровъ, завоевателей Испаніи—отсюда данное ему греками и турками прозвище ¹⁾, сохранившееся за нимъ вмѣсто прежней фамиліи Мароччини ²⁾.

Въ сынѣ его, Андріа, отразились всѣ характерныя чертыномада Аравійской пустыни. Это былъ ловкій, гибкій, какъ барсъ, юноша съ огненными глазами газели, но слишкомъ смуглый цвѣтъ лица и толстыя, чувственыя губы ясно говорили о его африканской крови.

По темпераменту, безумной отвагѣ и страсти къ рискованнымъ приключеніямъ онъ представлялъ собою яркій типъ кочевника-бедуина. По его же собственному признанію, ему было душно и тѣсно въ предѣлахъ ограниченной территоріи острова, и если бъ не крѣпкая родительская узда, то онъ носился бы всю жизнь на скакунахъ Неджда ³⁾ по необъятнымъ степямъ Счастливой Аравіи.

Какъ въ любви, такъ и въ ненависти для него не существовало границъ. Мнѣ онъ не нравился, и это было ему извѣстно; но не

¹⁾ „Мавро“ по-гречески „черный“, а „беязъ“ по-турецки „бѣлый“.

²⁾ Вѣроятно всего предки Мавро-Беязи были изъ Марокко.

³⁾ Часть южнаго плоскогорья Аравійскаго полуострова; славится великолѣпной породой лошадей.

взвизывая ни на что онъ съ удивительнымъ упорствомъ добивался моего расположенія и, бывало, при упоминаніи только имени Селима Тафти его душила неукротимая злоба. Впрочемъ, одинъ другого стоилъ: дамы гаремовъ, всегда хорошо освѣдомленныя въ подобныхъ дѣлахъ, передавали мнѣ многое изъ того, что онѣ знали о взаимныхъ чувствахъ и отношеніяхъ обоихъ соперниковъ.

Таковъ обликъ этого полуевропейца, полуафриканца; но вернемся къ прерванному разсказу.

— Гдѣ же „рыцарь полумѣсяца?“—долетѣлъ до моего слуха ядовитый шепотъ:—спить? а другой охраняй его прелестную гурію...

Вдругъ онъ вздрогнулъ и насторожился, какъ боевой конь по звуку сигнальной трубы:

— Господа! умоляю васъ, — раздался его взволнованный голосъ:— не стрѣляйте вотъ въ тотъ прекрасный экземпляръ человѣческой породы—подарите его мнѣ...

— Хорошо!—отвѣтили ему, но курки тѣмъ не менѣе взвели.

Я взглянула на него сбоку и содрогнулась: мое воображеніе тотчасъ же нарисовало картину, изображавшую тигра, застывшего въ роковомъ прыжкѣ, и тутъ же пронеслась мысль, которая при иной обстановкѣ насмѣшила бы меня, а въ тѣ минуты больно отозвалась въ сердцѣ:—ну, и везетъ же мнѣ на такихъ... и отчего это такъ? не достаешь еще башибузука для пополненія коллекціи—видно, таковъ мой „козметъ“, какъ говорятъ турки,—вздохнула я горестно, и мнѣ стало очень жаль себя.

— Вотъ кто получить отъ меня конфетку на закуску,—говорилъ въ то же время Мавро-Бези съ выраженіемъ свирѣпой радости, какъ будто всадить пулю въ живого человѣка доставляло ему величайшее наслажденіе.

Я не смогла преодолѣть любопытства и приняла лицомъ къ жалюзи: дѣйствительно, громадный атлетъ въ живописныхъ лохмотьяхъ малоазіатскаго одѣянія, въ бѣломъ тюрбанѣ, торопливо приладивъ лѣстницу къ тому окну, у котораго мы стояли, какъ кошка взлѣзалъ кверху—еще немного, и голова въ чалмѣ была уже на уровнѣ подоконника, да такъ близко, что стоило только разбойнику толкнуть ставень, и рука его свободно могла бы схватить меня за плечо.

Но Андрия, какъ обѣщавъ, пустилъ ему прямо въ лобъ свою „конфетку“ и... не забыть мнѣ никогда того ужаснаго момента: великолѣпный анатолиецъ, красавецъ-богатырь безпомощно какъ-то вскинулъ руками и полетѣлъ навзничь. Ударившись о мостовую, тѣло его издало странный, тупой трескъ, и стало ясно, что упалъ уже трупъ...

(ъ улицы отвѣтили бѣшенымъ ревомъ, и отъ напора толпы стѣны дрогнули на своихъ основаніяхъ. Но мнѣ было не до того: рыдая отъ невыносимой жалости, я бросилась на оттоманку, судорожно пряча голову въ подушки дивана и воображая, что глухой стукъ тѣла все еще слышенъ.

— Что за сердца здѣсь на Востокѣ! изъ какого камня всѣ вы созданы?—кричала я въ припадкѣ истерики, отталкивая влюбленнаго африканца, старавшагося меня успокоить. Но въ самую скверную минуту, когда напряженіе бандъ достигло наивысшаго предѣла ярости вслѣдствіе гибели ихъ предводителя, совершенно неожиданно съ моря рывкнулъ чрезвычайно громкій по силѣ звука пушечный выстрѣлъ и грознымъ эхомъ раскатился надъ окрестностью: что такое? что еще?—крикнули всѣ одновременно и, забывъ о штурмующихъ, кинулись на сѣверную половину дома. Когда же распахнулись ставни, то намъ предстало зрѣлище, наполнившее наши сердца великою радостью: на рейдѣ плавно, точно лебедь, входилъ большой фрегатъ подъ итальянскимъ флагомъ.

Толпы народа бѣжали со всѣхъ сторонъ къ набережной, привѣтствуя дорогого гостя. Крики „vivat“ и греческое „zito“ сливались съ орудійными салютами, которыми обмѣнивались между собой по правиламъ международнаго этикета прибывшее военное судно съ турецкой эскадрой.

Очнулась внезапно и цитадель, объятая непробуднымъ сномъ все время, пока въ европейскихъ кварталахъ хозяйничали безчисленные шайки разбойниковъ: изъ крѣпостныхъ воротъ съ примкнутыми штыками выбѣжали солдаты и понеслись по улицамъ города, но было уже поздно—отъ башибузовъ и слѣдъ простылъ. А когда черезъ часъ послѣ вышеописаннаго мы направили подзорную трубу на юго-восточный берегъ, то на его отмеляхъ не видно было и признаковъ ночныхъ визитеровъ.

Назовите это внезапное появленіе корабля въ самый критическій моментъ событія чудомъ или стеченіемъ обстоятельствъ, все равно—фактъ остается фактомъ; но случилось именно то, чего никакъ не ожидали хитроумные шейхи и улемы.

Изъ Александріи шелъ въ Смирну мимо Хиоса и въ близкомъ разстояніи фрегатъ „Vittore Emanuele“. Опытные моряки тотчасъ же замѣтили необычайное скопленіе малоазіатскихъ канковъ и фелугъ въ одномъ изъ заливчиковъ, вдающихся въ островъ. Тогда они пожелали заглянуть въ главную бухту и узнать въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что у нихъ тамъ была своя большая колонія, хотя и уроженцевъ мусульманскаго Востока, но подданныхъ итальянской короны, свой консуль, епископъ и миссія съ монастырями.

При входѣ на рейдъ, до нихъ ясно стали доноситься звуки выстрѣловъ—это и заставило ихъ дать сигналъ о своемъ прибытіи.

Надо было видѣть, что произошло затѣмъ! Башибузуки, побросавъ лѣстницы, веревки, топоры и прочія осадныя принадлежности, пустились бѣжать вразсыпную и безслѣдно исчезли куда-то.

Флагманъ „Vittore Emanuele“ сошелъ на берегъ и немедленно снесся по кабелю съ кѣмъ слѣдовало, увѣдомивъ о неблагополучіи на островѣ.

На другой же день пришелъ по распоряженію изъ Константинополя панцырный фрегатъ австрійскаго флота „Radetzky“, а не далѣе, какъ часъ спустя, слѣдуя по его стопамъ, въ хіосскія воды влетѣла на всѣхъ парахъ и наша старая знакомая „Coquette“, такъ какъ по символу Британскаго Кабинета ничто не могло имѣть рѣшающаго значенія безъ санкціи англійской дипломатіи.

Всѣ три командира прибывшихъ судовъ отправились съ визитомъ къ Кіамиль-пашѣ. Послѣдній, какъ и прежде, беспомощно разводилъ руками, называя башибузуковъ негодяями, горько жаловался на нихъ и со слезами умолялъ почтенныхъ моряковъ обуздать своевольныхъ малоазіатцевъ.

Столь наивная просьба только удивила его собесѣдниковъ, такъ какъ наши безпокойные сосѣди уже были тогда недосыгаемы для всѣхъ эскадръ міра за неприступными высотами Тавра.

Въ тотъ же день обнаружилось и еще одно странное обстоятельство. Съ горъ пришли два миссіонерскихъ послушника и заявили итальянскому консулу, синьору Паскуа, что монастырскіе пастухи случайно открыли въ одной изъ глубокихъ пещеръ южнаго ущелья большой складъ воинскихъ припасовъ. По ихъ указанію отправили туда на розыски отрядъ матросовъ подъ командой старшихъ офицеровъ. И дѣйствительно, въ сказанномъ мѣстѣ оказался весьма внушительный запасъ оружія и пороха. Кто устроилъ тотъ арсеналь, для какой цѣли и когда—вопросъ такъ и остался открытымъ.

Полетѣли шифрованныя депеши, заскрипѣли перья въ канцеляріяхъ и... кончилось все мыльнымъ пузыремъ.

Зато, пока тянулась эта процедура, я успѣла совсѣмъ оправиться отъ пережитыхъ ужасовъ и очень весело проводила время въ обществѣ моряковъ, къ отчаянію моихъ экзотическихъ поклонниковъ и къ величайшему удовольствію гаремныхъ дамъ, собравшихъ, такимъ образомъ, благодаря мнѣ, весьма цѣнный матеріаль для назидательныхъ бесѣдъ въ предбанникахъ, куда его и не замедлили направить для окончательной литературной шлифовки.

Наконецъ, всѣ консулы Хіоса получили отъ пословъ такого содер-

жанія инструкцію: инцидентъ игнорировать и отнести его къ области фантазіи легко воспламеняющихся головъ и сердець сыновъ Эллады.

Такъ на томъ и рѣшили: найденныя улики сдали подъ росписку губернатору, интернаціональные корабли были отозваны, и все пошло по-старому.

Прежде всѣхъ упорхнула коварная „Кокетка“, и результатомъ ея ревизіи было то, что моему ни въ чемъ неповинному дядюшкѣ прислали за усердіе второй по счету выговоръ и довольно таки глупый запросъ: „почему,—писали премудрые наши чиновники съ береговъ Босфора,—дѣятельность разбойничьихъ бандъ проявилась только по отношенію къ греческимъ кварталамъ и къ вашему дому, тогда какъ другіе агенты державъ остались въ сторонѣ“?...

Г л а в а XXXIX.

Интересно пожить въ Турціи во время праздниковъ двухъ Байрамовъ: Большого или Курбанъ-Байрама и Малаго, которому предшествуетъ 30-дневный постъ Рамазанъ. Такимъ именемъ собственно называется 9-й мѣсяцъ луннаго мусульманскаго года и проводится правовѣрными въ строжайшемъ воздержаніи отъ восхода до заката солнца.

Начало магометанскаго года весьма подвижно и мѣняется смотря по фазамъ луны, а потому не имѣетъ точно опредѣленнаго времени, какъ у насъ. Въ зависимости отъ этого и Рамазанъ точно также перемѣщается и бываетъ то весной, то лѣтомъ и даже зимой. Вотъ почему мусульманское лѣтосчисленіе, какъ въ историческихъ источникахъ, такъ и въ примѣненіяхъ къ повседневной жизни, запутано и не легко поддается нашему уразумѣнію.

Тотъ Рамазанъ, о которомъ сейчасъ будетъ рассказано, соответствовалъ по нашему концу февраля и тянулся почти весь мартъ.

Это—самый прелестный сезонъ въ Хіосѣ: въ сказанное время цвѣтутъ апельсины, лимоны, мандарины и другія плодовые деревья; долины покрываются коврами розъ, и весь островъ превращается въ благоухающій букетъ. Вѣтеръ разноситъ аромат далеко за предѣлы береговъ, такъ что проходящія суда за нѣсколько миль вдыхаютъ душистыя волны воздуха.

Неуроженцами края тяжело переносится эта столь сильно насыщенная испареніями цвѣтовъ атмосфера, въ особенности ночью; и я, на-

примѣръ, не взирая на духоту, закрывала съ вечера окна въ спальнѣ, чтобы не проснуться утромъ съ головной болью.

Мусульманскій постъ представляетъ собою чрезвычайно трудный подвигъ для всякаго человѣка, и, вѣроятно, наши строгіе постники, до монаховъ включительно, не выдержали бы всей тяжести испытанія, налагаемаго Исламомъ на своихъ послѣдователей.

Судите сами: нашъ подвигъ воздержанія только и состоитъ въ томъ, что мы замѣняемъ мясные и молочные продукты не менѣе вкусными приготовленіями изъ рыбы, овощей, солеными закусками, пирогами, виномъ и другими прекрасными вещами. Миѣ кажется, что при сказанныхъ условіяхъ не такъ уже трудно повоздержаться на время отъ скоромнаго; но самое главное удобство христіанскихъ постовъ, это—полная свобода принимать пищу въ какіе угодно часы дня и ночи. Не такъ обстоитъ дѣло у мусульманъ, и вотъ въ какомъ порядкѣ начинается рамазанная церемонія.

Наблюдающій за горизонтомъ съ вышки минарета муэдзинъ кладетъ передъ собой черную и бѣлую нитку и когда становится возможнымъ различать ихъ по цвѣту другъ отъ друга, онъ немедленно возглашаетъ о томъ къ общему свѣдѣнію. Тогда раздается сигнальный ударъ пушки, и уже начиная съ этого момента и до заката солнца воспрещается: ѣсть, пить, курить и многое другое, о чемъ неудобно и говорить, а верхъ невозможнаго—глотать слюну, какъ бы она ни допекала правовѣрнаго.

Если случится, что роковой выстрѣлъ захватитъ пирующаго съ набитымъ ртомъ, то таковой обязанъ выплюнуть все на полъ и не проглотить даже слюны.

Надо полагать, что запрещеніе ѣсть легче всего переносится мусульманами, такъ какъ они за ночь съ превеликимъ усердіемъ наполняютъ себѣ желудки; но, съ другой стороны, это еще болѣе увеличиваетъ ихъ мученія вслѣдствіе того, что обильно принятая пища развиваетъ сильную жажду, а по закону нельзя выпить даже глотка воды до вечерней пушки.

Можете себѣ представить теперь, какимъ терпѣніемъ надо обладать, чтобы не нарушить слишкомъ ужъ суроваго постановленія Корана, да еще при наличіи жгучаго климата и самыхъ жаркихъ часовъ дня! Но вѣрный исламитъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ не исполнить хотя бы одного изъ многочисленныхъ обрядовъ и правилъ своей религіи.

„Турки—народъ молитвы,—говоритъ о нихъ какой-то бытописатель,—имя Аллаха у нихъ всегда на устахъ“.

И дѣйствительно, какъ въ домашнемъ обиходѣ, такъ и во всѣхъ житейскихъ сношеніяхъ магометанинъ шагу не ступитъ, чтобы не упо-

мянуть Машалла¹⁾, Иншалла²⁾ и другихъ воззваній къ Божьему Имени. Даже въ мелочахъ повседневной жизни, напримѣръ: окажетъ ли онъ вамъ какую-либо услугу или же самъ приметъ ее отъ васъ, каждый мусульманинъ—будь-то арабъ, черкесь, персъ—все равно—непремѣнно скажетъ „Бисмиллилахъ“³⁾. Такъ учить ихъ Магометъ, и они свято охраняютъ его завѣты.

Но самымъ тяжелымъ лишеніемъ для послѣдователей пророка является запрещеніе курить до заката солнца.

Не задолго до наступленія блаженной минуты, возвѣщаемой муэдзиномъ, можно наблюдать въ кофейняхъ и лавочкахъ базара такую забавную сценку: постыщіеся держать въ одной рукѣ трубку, а въ другой спички или горячій уголекъ и напряженно ожидаютъ сигнала. Еще не умолкнетъ эхо выстрѣла, какъ уже курильщики затянулись съ наслажденіемъ табачнымъ дымомъ. Затѣмъ всѣ садятся за столъ и ѣдятъ съ жадностью. Мужчины по преимуществу разговляются внѣ дома, а женщины остаются у себя въ гаремахъ и пируютъ съ гостями.

Состоятельные люди раздають бѣднымъ подарки, устраиваютъ развлечения, приглашаютъ музыку, рассказчиковъ; мечети иллюминуются до самого восхода солнца; пускають ракеты, бросаютъ вверхъ римскія свѣчи, и въ черныя ночи Рамазана, который непремѣнно долженъ совпадать съ новолуніемъ, весь эффектъ разноцвѣтныхъ огней кажется еще великолѣпнѣе. Но особенно чарующее впечатлѣніе производятъ яркія точки площадкѣ, свѣтящимися кольцами охватывающія балкончики минаретовъ, и такъ какъ во мракѣ не видны абрисы зданій, то получается удивительная иллюзія: какъ будто въ воздухѣ висятъ зажженные люстры, спущенныя съ темнаго купола небесъ—все прелестное зрѣлище это напоминаетъ феерію, взятую со сцены театра.

Такъ проводятся 30 ночей мусульманскаго поста—всѣ радуются и веселятся до самозабвенія. Но едва только пронесется досадная вѣсть, что муэдзину удалось отличить черную нитку отъ бѣлой, какъ мгновенно блестящая картина праздника исчезаетъ, шумъ пировъ и движеніе на улицахъ затихаютъ и тѣ, кто не обязанъ бодрствовать, спѣшатъ въ объятія Морфея, чтобы не чувствовать съ наступленіемъ жары всѣхъ неудобствъ Рамазана. Женщинамъ еще труднѣе дается подвигъ воздержанія: онѣ обязаны въ теченіе дня готовить ужинъ,

¹⁾ Да будетъ благословенно Имя Бога.

²⁾ Богъ подастъ или поможетъ.

³⁾ Во Имя Творца Всеблагого.

а видъ сѣстного и въ особенности питья причиняетъ имъ немало страданій.

Г л а в а XL.

Въ ночь передъ наступленіемъ Рамазана мнѣ пришлось быть въ гаремѣ Нурри-бея, коменданта хіосской крѣпости, гдѣ я и ознакомилась съ церемоніаломъ турецкаго пира.

Магіе уклонилась по какимъ-то причинамъ отъ приглашенія, и я отправилась туда съ женой французскаго вице-консула госпожей Спадаро, мѣстной уроженкой, прекрасно владѣвшей турецкимъ языкомъ.

У входа на лѣстницу стояли два евнуха-нубійца.

Одинъ изъ нихъ хлопнулъ въ ладоши, что служило, вѣроятно, сигналомъ для верхнихъ обитателей, такъ какъ двери немедленно распахнулись, и навстрѣчу намъ выбѣжали всѣ невольницы гарема, взвизгивая отъ восторга и цѣлуя на ходу края нашей одежды. Сопровождаемая шумомъ и гамомъ расшалившихся дѣвицъ, мы вошли въ пріемную. Тамъ ожидала гостей сама хозяйка дома, разряженная по-праздничному въ шелковое платье европейскаго покроя, которое, тѣмъ не менѣе, сидѣло на ней мѣшкомъ, такъ какъ турчанки корсетовъ не признаютъ, а на головѣ красовался атласный тепеликъ, т. е. уборъ въ родѣ шапочки, украшенный жемчугомъ и бирюзой. На щекахъ красавицы пышно цвѣли розы и піоны изъ запасовъ г. Маркополи, излюбленнаго поставщика косметикъ хіосскихъ франтихъ. Она приняла насъ чрезвычайно радушно по всѣмъ правиламъ турецкой вѣжливости и усадила на низкій диванъ безъ ножекъ, тянувшійся вокругъ всей комнаты.

Зера ханумъ, какъ уже сказано раньше, принесла своему мужу въ приданое почетное мѣсто и хорошія деньги.

Для наблюдателя нравовъ и обычаевъ жилище Нурри-бея представляло бы несравненно болѣе интереса, чѣмъ дворцы сановниковъ Константинопольской бюрократіи, гдѣ онъ не увидѣлъ бы того, что такъ плѣняетъ наше воображеніе, а именно: изящной роскоши и прелести восточнаго стиля—все это давно замѣнено надоевшими намъ до оскомины лубочными издѣліями Запада.

Здѣсь же, наоборотъ, вся обстановка повседневной жизни была согласована съ традиціями Ислама и даже въ убранствѣ дома сказывалось былое великолѣпіе минувшаго. Оригинальной красоты и художественнаго вкуса пестрыя арабески украшали своды потолка, откуда спускались на шелковыхъ шнурахъ разноцвѣтныя лампочки

и хрустальные шары; дорогія персидскія шали драпировали окна и двери живописными складками; по мягкому, пушистому ковру, знаменитаго производства Смирны, были разбросаны во множествѣ шелковыя подушки, вышитыя причудливыми узорами; старинная посуда, украшенная драгоценными камнями, наполняла шкафы изъ розоваго дерева, выложеннаго тонкой инкрустаціей и, наконецъ, цѣнное оружіе съ насѣчками изъ золота и серебра, а также настоящіе дамасскіе клинки, развѣшанные по стѣнамъ—все это могло привести знатока и любителя въ полное восхищеніе.

Когда закончился между нами обмѣнъ взаимныхъ привѣтствій, Зера-ханумъ предложила намъ покурить изъ нарлиге. Я отказалась по причинѣ его ужасной крѣпости. Тогда по знаку хозяйки рабыни принесли на граненой тарелкѣ цѣлую груду преоригинальныхъ папирось, свернутыхъ изъ розовыхъ бумажекъ и обвитыхъ полосками золоченой фольги.

Такъ какъ въ турецкихъ домахъ не принято, вообще, уклоняться отъ всякаго предложеннаго угощенія, то пришлось поневолѣ взять пахитоску и закурить.

Не сообразивъ, я затянулась дымомъ разъ, другой и вдругъ почувствовала приступы сильнѣйшей дурноты: все пошло ходуномъ вокругъ, и сознаніе оставило меня.

И, Боже мой! надо было видѣть, что произошло затѣмъ!

Турчанки, надо думать, вспомнили о моемъ недавнемъ обморокѣ въ банѣ и видя меня опять въ такомъ же состояніи, безапелляціонно рѣшили, что я была подвержена припадкамъ падучей болѣзни, которая, по ихъ мнѣнію, очень заразительна. Не помня себя отъ испуга, съ громкими воплями бросились онѣ въ другія комнаты, оставивъ меня одну съ г-жей Спадаро; къ счастью моему въ тотъ же моментъ показался въ дверяхъ пріемной самъ Нурри-бей. Узнавъ о причинѣ переполоха, онъ грозно прикрикнулъ на своихъ женщинъ и немедленно потребовалъ холодной воды.

Когда я оправилась, то прежде всего постаралась успокоить взволнованную ханумъ и ея дѣвицъ, объяснивъ имъ, что у меня просто закружилась голова отъ непривычки къ куренію.

Турчанки выслушали меня съ любезной улыбкой и даже сдѣлали видъ, что вѣрятъ мнѣ, но мои слова, это было видно, казались имъ малоубѣдительными.

Тогда комендантъ, желая вывести меня изъ неловкаго положенія, взялся за дѣло по-своему и устроилъ довольно таки забавную сценку: онъ выстроилъ въ шеренгу передо мной весь женскій персоналъ гарема съ женою во главѣ и, строго взглянувъ на нихъ,

проговорилъ: „наша гостя совершенно здорова — я приказываю вамъ повѣрить ей, какъ бы мнѣ самому“.

И такова сила авторитета главы мусульманской семьи: тотчасъ же всѣ женщины кинулись ко мнѣ съ нѣжными ласками, умоляя не сердиться на нихъ и забыть навсегда о прискорбномъ недоразумѣніи.

Вскорѣ послѣ того явились и другія приглашенныя дамы изъ христіанскихъ кварталовъ. Турчанокъ ожидали позже, такъ какъ у каждой изъ нихъ были свои домашнія заботы по случаю наступленія Рамазана.

По особенностямъ гаремнаго быта самъ хозяинъ не могъ принять участія въ нашемъ пированіи, а потому, пожелавъ намъ пріятнаго аппетита, онъ ушелъ въ кофейню.

Пришли также и музыканты - египтяне со своими бубнами, флейтами и цимбалами. Ихъ помѣстили въ сосѣдней комнатѣ и огородились отъ нихъ коврами занавѣсками, чтобы они не могли видѣть мусульманокъ съ открытыми лицами.

Наступалъ знаменательный часъ: въ домѣ шла неизбежная суматоха по части приготовленій къ торжеству. Всѣхъ насъ пригласили въ уборную для совершенія обряда мытья рукъ, лица и полосканія рта, безъ чего не полагается дотрогиваться до пищи. Вслѣдъ затѣмъ внесли широкую, толстую доску, положили ее прямо на коверъ и накрыли сверху бѣлой, шелковой матеріей съ золотой бахромой по краямъ и богато расшитой стихами изъ Корана зелеными бусами. Этимъ и закончилась такъ называемая по-нашему „сервировка стола“.

По знаку хозяйки мы усѣлись вокругъ пустой скатерти, поджавъ подъ себя ноги и молча нѣкоторое время созерцали узоры священныхъ изреченій, такъ какъ, по заведенному этикету, разговаривать громко за столомъ до возгласа муэдзина съ минарета не принято. Турчанки нервничали, перебѣгая отъ окна къ окну и тревожно къ чему-то прислушивались.

— О, Господи, какъ ѣсть хочется! Чего же мы ждемъ?— проворчала жена австрійскаго драгомана, г-жа Штейнъ, недавно прибывшая въ Хіосъ и еще не бывавшая въ гаремахъ.

— Выстрѣла,—отвѣтила я,—послѣ котораго будемъ ѣсть до восхода солнца.

— Обратите вниманіе,—заволновалась австріячка,—даже хлѣба не видно. Неужели такъ-таки и придется намъ глотать барановъ безъ него? Сожалѣю, что не догадалась захватить съ собой хотя бы нѣсколько галетъ и чего-нибудь перекусить.

— Да успокойтесь вы,—шепнула я,—и хлѣба дадутъ, и не только

голодной останетесь, но еще заболѣете отъ слишкомъ обильнаго угощенія.

Но вотъ, наконецъ, грянула пушка, а съ балконовъ мечетей заплѣли: „Ля Ильля иль Алла, въ Мохаметъ рессулъ Аллахъ!“—и эти унылые, протяжные звуки наполняли сердца правовѣрныхъ великою радостью и возвѣщали имъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ есть пророкъ Его“—оконченъ тяжкій подвигъ, можно и разговѣться.

Распахнулись двери, и два евнуха втащили огромное блюдо, отъ котораго шелъ аппетитный запахъ жаренаго.

— Ну, такъ и есть, безъ хлѣба!—вспыхнула моя сосѣдка; но, взглянувъ на кушанье, сконфузилась: намъ предложили тушеныхъ въ маслѣ куръ, разрѣзанныхъ на мелкія части и обложенныхъ мансовыми лепешками.

— Почему намъ не даютъ вилокъ и ножей?—не унималась австрійская дама.—Я не стану пачкаться!

— И голодайте на здоровье,—раздражаясь, отвѣтила я:—не полагается въ турецкомъ обиходѣ—вотъ и все.

По примѣру ханумъ и невольницъ, усѣвшихъ вмѣстѣ съ нами за столъ, мы также стали брать съ подноса прямо руками жирные куски и отправлять ихъ въ ротъ; но, отъ непривычки къ столь упрощенному способу ѣды, тотчасъ же вымазались и оказались въ плачевномъ состояніи; досаднѣе всего было отсутствіе салфетокъ, за неимѣніемъ которыхъ приходилось пользоваться собственными носовыми платками.

Турчанки, наоборотъ, удивляли насъ ловкостью и умѣньемъ такъ обращаться съ жирнымъ, что пальцы ихъ при этомъ оставались совершенно чистыми, а кости и объѣдки онѣ бросали обратно въ блюдо; въ силу необходимости и мы дѣлали то же самое, стараясь по возможности не обнаруживать чувства брезгливости, чтобы не нанести, съ мусульманской точки зрѣнія, величайшаго оскорбленія дому.

Когда унесли остатки кушанья, двѣ прислужницы обошли насъ съ чашками мыльной воды, проворно обмыли наши грязныя руки и вытерли ихъ насухо роскошно вышитыми полотенцами.

Затѣмъ стали угощать медовой халвой, нарѣзанной квадратиками по числу гостей.

Моя безпокойная сосѣдка такъ и ахнула:

— Какъ, уже и десертъ?! Нечего сказать, „обильное угощеніе“, какъ вы обѣщали! Напрасно, напрасно не принесла я въ карманѣ чего-нибудь съѣстнаго, такъ какъ, судя по вашимъ словамъ, придется сидѣть здѣсь до утра.

Я съ умысломъ промолчала и отвернулась, сдерживая смѣхъ.

Въ то же время поставили на столъ большой подносъ, на которомъ возвышалась пирамида воловьяго мяса съ различными приправами и осыпанная краснымъ перцемъ. Только что убрали жаркое, принесли пирожное съ орѣхами; не успѣли еще проглотить его, уже подали какой-то мудреный кѣбабъ ¹⁾ съ толченымъ сарацинскимъ пшеномъ, а затѣмъ варенье изъ поморанцевыхъ цвѣтовъ, за которымъ слѣдовали бараньи бризоли ²⁾ съ изюмомъ и т. д., такъ что смѣнѣ блюдъ мясныхъ и сладкихъ не предвидѣлось конца.

Все это мы ѣли, запивая душистыми шербетами и заливая наши свѣтлыя, нарядные туалеты разнообразными соусами, а невольницы, съ лукавой усмѣшкой и переговариваясь между собой по-арабски, мыли намъ руки.

Отъ такого безобразнаго угощенія многія изъ насъ стали чувствовать приступы морской болѣзни; но надо было крѣпиться и маскировать недомоганіе, чтобы не обидѣть слишкомъ ужъ радушную хозяйку.

Когда же мы окончательно выбились изъ силъ отъ безконечнаго жеванія, неожиданно къ нашему благополучію явились близкія пріятельницы Зеры-ханумъ и тѣмъ отвлекли на время ее исключительное вниманіе къ себѣ, что дало намъ возможность немного передохнуть.

Пришедшія были заgrimированы такъ, какъ будто имъ предстояло выступить на подмосткахъ балагана, и думалось невольно, глядя на нихъ: недурной оборотъ сдѣланъ лавочкой г. Маркополи по случаю наступленія магометанскаго поста.

Послѣ интимной бесѣды съ подругой, турчанки размѣстились недалеко отъ меня, и разговоръ сосредоточился всецѣло около моей особы, а главнымъ образомъ около моего пенснэ, которде всегда и неизмѣнно служило предметомъ ихъ любопытства. Обсудивъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, мы перешли на другія темы, и такъ какъ мои собесѣдницы довольно плохо объяснялись на французскомъ языкѣ, то недостатокъ краснорѣчія съ успѣхомъ пополнялся выразительной мимикой и пантомимами. Благодаря затворницамъ гаремовъ я узнала много такого, чему насъ совсѣмъ не учили въ институтѣ. Оказалось, прежде всего, что міръ сотворенъ спеціально для магометанъ, и что Адамъ и Ева были ревностными мусульманами. Такъ продолжалось до Авраама, но по интригамъ его старшаго сына Исаака, тайно принявшаго христіанскую вѣру. Измаилъ, сторонникъ Ислама, былъ отправленъ въ ссылку — отъ

¹⁾ По-турецки вообще жареное мясо.

²⁾ Котлеты.

него-то собственно и пошли настоящіе турки, а потомки безсовѣстнаго Исаака, который только и умѣлъ, что обманывать всѣхъ, исказили смыслъ истинной религіи и подмѣнили святой коранъ другими книгами. Тогда разгнѣванный Аллахъ приказалъ архангелу Гавріилу принести Магомета къ Нему на седьмое небо. Тамъ Онъ переговорилъ съ нимъ обо всемъ и вручилъ ему ключи отъ всѣхъ сокровищъ земли.

Но пророкъ, судя по рассказамъ его же поклонницъ, оказался не совсѣмъ исправнымъ министромъ финансовъ: озабоченный приготовленіями къ своему вознесенію, онъ по разсѣянности выронилъ ключи изъ кармана, чѣмъ и воспользовались гяуры и, такимъ образомъ, завладѣли деньгами всего міра.

Когда же Магометъ поднялся на небо и возсѣлъ на рога полумѣсяца, то хотя и спохватился, да было уже поздно и непріятно возвращаться обратно. Но Аллахъ успокоилъ его и сказалъ, что это ничего, такъ какъ скоро будетъ страшный судъ надъ невѣрными, а мусульмане получатъ тогда всѣ царства вселенной.

Зера-ханумъ, желая, вѣроятно, обрадовать насъ, сказала, глотая слюнки, что она намѣрена предложить намъ любимое кушанье его величества Падишаха, пилавъ изъ молодого козленка съ черносливомъ.

Объявивъ гостямъ столь пріятную новость, она встала и вышла.

Раздались дикіе звуки египетскаго оркестра съ невозможными для нашего уха переходами; но турчанки не знали, какъ выразить свое восхищеніе: онѣ вертѣлись по комнатамъ, хлопали въ ладоши и, наконецъ, такъ разошлись, что принялись выдѣлывать какое-то мудреное па, неизвѣстное нашимъ балеринамъ и сопровождаемое весьма нескромными тѣлодвиженіями. Этотъ танецъ, говорили онѣ, очень нравится мужьямъ и не мало способствуетъ къ укрѣпленію супружеской привязанности... Вообще, въ ту памятную для меня рамазанную ночь я приобрѣла довольно порядочный запасъ разнообразныхъ познаній, какъ изъ области исторіи Ислама, такъ и по части нѣкоторыхъ сторонъ гаремнаго обихода...

Въ заключеніе на столѣ появилась дымящаяся гора рису, и турецкія дамы съ жадностью накинулись на него, какъ будто передъ тѣмъ, бѣдняжки, совсѣмъ изголодались, а мы, чувствуя себя больными отъ переполненія желудковъ, беспомощно созерцали передъ собой священное блюдо Абдуль-Азиса.

Таковое обстоятельство никакъ не могло ускользнуть отъ вниманія гостепріимной хозяйки, и она заволновалась. Но послѣ неотразимо убѣдительныхъ доводовъ съ нашей стороны было единогласно рѣшено освободить насъ отъ непосильнаго испытанія.

Только младшія наложницы Нурри-бея не смогли сдержать себя въ границахъ благопристойности турецкаго этикета и залились смѣхомъ: какъ! отказаться отъ любимаго кушанья султана? фактъ прямо невѣроятный! и до чего глупы всѣ эти франки!..

Наступаль часъ разсвѣта, а слѣдовательно и начала Рамазана. Евнухи, невольницы, да и сама ханумъ, не переставая жевать и запихивать въ ротъ куски баранины и сладостей, чтобы хорошенько насытиться до слѣдующей ночи, торопливо прибирали комнату въ ожиданіи сигнала пушки. Церемоніаль прощанія занялъ много времени и показался намъ крайне утомительнымъ, такъ какъ мы еле стояли на ногахъ: съ каждой въ отдѣльности изъ присутствующихъ надо было обмѣняться селямомъ, безконечными пожеланіями съ призываніемъ имени Аллаха и множествомъ высокопарныхъ комплиментовъ въ мусульманскомъ стилѣ, безъ чего не полагается уходить изъ жилища правовѣрнаго.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Гэзбюри Уилльямса, какъ историческій памятникъ.

Въ середины истекшаго 1909 года явилась возможность всякому, интересующемуся личностью императрицы Екатерины II, познакомиться съ ея дѣятельностью въ бытность великой княгиней, благодаря выходу въ свѣтъ ея переписки съ англійскимъ посломъ Уилльямсомъ.

Переписка эта, изданная Императорскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, обнимаетъ почти цѣлый годъ, съ 31-го іюля 1756 г. по 2-е іюля 1757 г. включительно. Велась она на французскомъ языкѣ. Всѣхъ писемъ сохранилось 157, изъ которыхъ 70 принадлежатъ Екатеринѣ, а остальные—Уилльямсу. По словамъ Горяинова, автора предисловія къ этому изданію, изъ писемъ великой княгини только три написаны ея рукой; остальные же дошли до насъ въ копіи¹⁾. Всѣ же письма Уилльямса сохранились въ оригиналѣ, хотя часть изъ нихъ писана подъ диктовку.

Названная переписка только 10 мая 1864 г. была передана въ Государственный Архивъ въ видѣ двухъ переплетенныхъ тетрадей. Письма Екатерины и отвѣты Уилльямса расположены въ этихъ тетрадяхъ безъ соблюденія хронологическаго порядка и даже безъ строгаго разграниченія писемъ отъ отвѣтовъ. Это приводитъ насъ къ мысли, что вся переписка до поступленія ея въ Государственный Архивъ находилась въ однихъ рукахъ. Возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ это случилось?

¹⁾ С. И. Горяиновъ на основаніи этой же переписки составилъ статью „На пути къ трону“, которую напечатали въ „Русской Мысли“ 1909 г. №№ 2 и 3.

Ред.

Горяиновъ предполагаетъ, что письма Уилльямса были возвращены великой княгиней ихъ автору при его отъздѣ изъ С.-Петербурга въ 1757 г. ¹⁾ Но это предположеніе едва-ли соответствуетъ дѣйствительности и едва-ли уместно, такъ какъ въ самой перепискѣ мы находимъ далеко не сбивчивое разъясненіе этого вопроса. Такъ, письмо отъ 8 августа 1756 г. Екатерина заканчиваетъ словами: „Я съ большимъ сожалѣніемъ возвращаю вамъ ваше письмо“ ²⁾. Въ запискѣ же отъ 28 сентября она говоритъ: „Вотъ ваши письма, кромѣ большой депеши, которую я хочу еще перечитать“ ³⁾. Эти двѣ фразы ясно указываютъ на то, что отвѣты Уилльямса не залеживались у великой княгини, а возвращались ему при новыхъ ея письмахъ. Въ свою очередь и англійскій посоль, что видно изъ переписки, за малыми исключеніями, возвращалъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ ея записки съ тѣмъ же посланнымъ, который приносилъ его отвѣты. Такъ, письмо отъ 13 августа онъ начинаетъ словами: „Я возвращаю, милостивый государь, два изъ вашихъ писемъ“ ⁴⁾. Записка его отъ 21 сентября оканчивается словами: „Я отвѣчу на ваше (письмо) завтра и возвращу вамъ его тогда же“ ⁵⁾. Другая вариация въ запискѣ отъ 25 сентября: „Я сохраню; еще одно изъ вашихъ (писемъ), на которое надѣюсь скоро отвѣтить“ ⁶⁾. То же мы читаемъ въ запискѣ отъ 5 ноября.

Возвращая великой княгинѣ ея письма, Уилльямсъ предварительно снималъ съ нихъ копіи. Въ этомъ убѣждаетъ насъ то, что на оборотѣ листа, содержащаго копію записки Екатерины Алексѣевны отъ 31 декабря, написаны по-англійски рукою Уилльямса—какъ указано въ изданной перепискѣ—слѣдующія слова: „Милый другъ и родственникъ, предъявитель сего М..“ ⁷⁾. На это указываетъ также и то, что въ хранящейся въ Государственномъ Архивѣ тетради, какъ сообщается въ изданной перепискѣ, послѣ записки Екатерины отъ 23 сентября слѣдуетъ листъ съ двумя-тремя начальными строками этой записки; при чемъ строки эти перечеркнуты карандашомъ, а внизу листа написано по-англійски: „Это вторая начатая копія“ ⁸⁾.

¹⁾ Предисловіе къ изданію, стр. V.

²⁾ Переписка, стр. 23.

³⁾ Тамъ же, стр. 184.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 41. Надо замѣтить, что всѣ письма Екатерины, за исключеніемъ одного, безъ подписи и написаны какъ бы отъ мужчины. Уилльямсъ въ свою очередь адресуется къ ней, какъ къ знатному господину.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 165.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 173.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 313.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 170.

Такимъ образомъ, сохраненіемъ переписки въ такомъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, мы обязаны самому Уилльямсу, который увезъ ее въ 1757 г. въ Англію. Послѣ же его смерти она, вѣроятно, хранилась у кого-либо изъ довѣренныхъ ему лицъ, почему до шестидесятихъ годовъ 19-го столѣтія и оставалась совершенно неизвѣстной въ Россіи.

Изъ историковъ до настоящаго времени съ этой перепиской имѣлъ дѣло только Соловьевъ, который привелъ даже нѣсколько выдержекъ изъ нея въ своей „Исторіи Россіи“ (24-й томъ, стр. 934—936). Брикнеръ же хотя и упоминаетъ въ своей „Иллюстрированной исторіи Екатерины II“ объ этой перепискѣ, но онъ зналъ о ней только по „Исторіи Россіи“ Соловьева. Это явствуетъ изъ первой ссылки на страницѣ 81-й его труда. Сличеніе же 79—81 страницъ его исторіи съ указаннымъ раньше мѣстомъ исторіи Соловьева обнаруживаетъ, что Брикнеръ помѣстилъ въ своемъ трудѣ все безъ исключенія выдержки Соловьева изъ рассматриваемой нами переписки.

Имѣя въ виду по возможности освѣтить тотъ незначительный періодъ жизни Екатерины II въ бытность ея великой княгиней, который обхватываетъ ея переписка съ Уилльямсомъ, мы попытаемся сначала изложить вкратцѣ ея біографію до середины 1756 г., а также дадимъ краткія свѣдѣнія о сэрѣ Уилльямсѣ.

Екатерина II родилась 21-го апрѣля 1729 года въ Штетинѣ, гдѣ въ то время стоялъ прусскій пѣхотный № 8 полкъ, командиромъ котораго былъ ея отецъ, генераль-маіоръ прусской арміи, ангальтъ-цербстскій князь Христіанъ-Августъ. При крещеніи принцесса была наречена Софіей-Августой-Фредерикой. Она „росла и воспитывалась подъ наблюденіемъ своей матери—умной, энергической, веселой и, какъ все умные люди, честолюбивой княгини Юганны-Елисаветы. Мать держала ея очень просто: дѣвочка играла съ дѣтьми горожанъ; ее никто не называлъ принцессой, ни даже Софіей, а уменьшительнымъ Фике; на гуляньяхъ въ городскомъ саду она терялась въ толпѣ дѣтей, рѣзвилась, бѣгала со свертниками“¹⁾. Во время этихъ игръ она, какъ припоминали позже, всегда брала на себя роль руководительницы. Съ годами мать все меньше и меньше стала заниматься ею, чѣмъ и объясняется то, что дочь осталась чужда зависти, страсти къ интригамъ, любви къ сизлетѣ и злословію, непривлекательнымъ качествамъ своей матери. Воспитатели и учителя ея въ большинствѣ были французы. Изъ нихъ съ особеннымъ удовольствіемъ Екатерина вспоминала гувер-

¹⁾ Бильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 6.

нантку, французенку Кардель, которая старалась пріохотить принцессу къ чтенію. Довольно важнымъ воспитательнымъ средствомъ являлись поѣздки съ родителями въ Цербстъ, Гамбургъ, Брауншвейгъ, Берлинъ и Эйтинъ. Въ январѣ же 1744 г. принцессѣ Софіи пришлось предпринять со своею матерью болѣе далекое путешествіе.

Императрица Елисавета Петровна выбрала ангальтъ-цербстскую принцессу въ жены своему племяннику, наслѣднику престола Петру. И княжна Юганна-Елисавета, по приглашенію императрицы, поѣхала съ дочерью въ Россію.

Еще дома, конечно, принцесса Софія слышала о богатствѣ и пышности русскаго двора; но картины, которыя она рисовала въ своемъ воображеніи, и которыя не могли совсѣмъ отдѣлиться отъ привычной ей съ дѣтства обстановки, не походили на то, что ей пришлось увидѣть. Крайнія неудобства переѣзда отъ Берлина до русской границы на почтовыхъ и обывательскихъ лошадяхъ смѣнились для принцессы и ея матери, со вѣзда въ Ригу, неизвѣданными ими до той поры почестями, пышностью и комфортомъ. Небольшая остановка въ Петербургѣ и переѣздъ со всѣми удобствами до Москвы, гдѣ въ то время находился дворъ, очаровали 14-лѣтнюю Фике. Уже знавшая, конечно, о лестномъ для нея выборѣ русской императрицы, она все болѣе и болѣе проникалась рѣшимостью преодолѣть тѣ еще неизвѣстныя ей препятствія къ ея браку съ великимъ княземъ, на которыя намекалось въ письмахъ изъ Россіи и Берлина къ княгинѣ Юганнѣ-Елисаветѣ.

Благодаря привлекательной наружности, принцесса Софія сразу произвела выгодное впечатлѣніе на императрицу и великаго князя. Недюжинный же умъ, на которой еще раньше указывалъ ея матери графъ Гюлленборгъ, и привычка къ самостоятельности, проявлявшаяся еще на родинѣ, помогли ей привлечь къ себѣ симпатіи окружающихъ. Понявъ, что ей прежде всего нужно стать православною и усвоить русскій языкъ, она съ такимъ увлеченіемъ начала изучать православный Законъ Божій и русскую грамоту, что даже по ночамъ вставала для этого. Во время болѣзни, перенесенной вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, принцесса еще болѣе привязала къ себѣ окружающихъ. Этому способствовало какъ то, что причиной болѣзни было усиленное изученіе русскаго языка—она простудилась при ночныхъ занятіяхъ полуодѣтой,—такъ и то, что во время кризиса болѣзни, она отклонила предложеніе—пригласить къ ней лютеранскаго пастора и пожелала видѣть своего новаго законоучителя, о. Симона Тодорскаго.

29 іюня 1744 г., на другой день послѣ принятія православнаго

исповѣданія, принцесса Софія, получившая при этомъ наименованіе Екатерины Алексѣвны, была обручена съ великимъ княземъ.

Съ этого времени ея положеніе, несмотря на недовольство при дворѣ ея матерью, все болѣе и болѣе упрочивается. Елисавета Петровна, хотя временами и бывала недовольна великой княжной за ея расточительность, вообще относилась къ ней очень внимательно, нерѣдко осыпала ее любезностями, восхваляла ея русское произношеніе, восторгалась ея красотой.

21 августа 1745 г. состоялось бракосочетаніе ангальтъ-цербстской принцессы съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ, несмотря на то, что послѣдній нѣсколько разъ предъ тѣмъ серьезно болѣлъ, и придворные врачи совѣтовали повременить съ бракомъ. Елисавета Петровна сѣвшила обезпеченіемъ престолонаслѣдія укрѣпить за собою императорскую корону.

Петръ Ѳедоровичъ былъ значительно слабѣе великой княгини не только физически, но и умственно, хотя и былъ на годъ старше ея. Уже будучи женатымъ, онъ часто проводилъ время за игрой въ деревянные солдатики, наряжалъ лакеевъ въ военные мундиры, раздавалъ имъ ружья, училъ ихъ маршировкѣ, обращая такимъ образомъ свою часть дворца чуть ли не въ казармы. Кромѣ того, въ его поступкахъ нерѣдко проявлялась необузданная грубость, безсердечное самодурство. За столомъ, напр., онъ издѣвался надъ служителями, обливалъ ихъ виномъ и позволялъ себѣ другія непристойныя шутки.

Послѣ одной изъ ребяческихъ продѣлокъ великаго князя, затронувшей личность самой императрицы, были приняты мѣры къ его обузданію. Съ этой цѣлью была дана особая инструкція приставленному къ нему лицу. Заодно и къ Екатеринѣ Алексѣвинѣ была назначена „знатная дама“, получившая также инструкцію, одинъ изъ пунктовъ которой требовалъ отъ великой княгини воздержанія отъ вмѣшательства какъ „въ здѣшнія государственныя или голштинскаго правленія дѣла“, такъ и „отъ излишней и тайной переписки“, такъ какъ великая княгиня „всегда свои потребныя письма въ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ сочинять и къ подписанію себѣ приносить приказать можетъ¹⁾“. Составитель инструкціи, гр. Бестужевъ-Рюминъ, боясь, чтобы Екатерина Алексѣвна не была вовлечена своею матерью въ политическую интригу, постарался этимъ затруднить ея сношенія съ княгиней Іоганной-Елисаветой, которую ему удалось выжить изъ Россіи. Основнымъ же пунктомъ инструкціи, касающейся великой княгини, было предни-

¹⁾ Вильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 203.

саніе „брачную повѣренность между обоими императорскими высочествами возможнѣйше и неотмѣнно соблюдать“, который былъ продиктованъ нетерпѣніемъ императрицы имѣть наслѣдника у наслѣдника престола, чтобы тѣмъ ослабить тайныхъ сторонниковъ Ивана Антоновича.

Съ этого времени началась частая смѣна лицъ, окружавшихъ великокняжескую чету; въ большинствѣ удаляли людей, пользовавшихся довѣріемъ князя и княгини. Это обстоятельство отучило Екатерину Алексѣвну отъ привязанности къ кому-либо и заставило ее быть осторожной относительно каждаго новаго лица. Благодаря этому, говоритъ Бильбасовъ, „Екатерина все болѣе и болѣе знакомялась съ новыми лицами, съ разнообразными характерами; она пріучилась ладить съ одними, противодѣйствовать другимъ, уживаться со всѣми. Въ результатѣ получилась та гибкость въ житейскихъ сношеніяхъ съ людьми, то умѣніе пользоваться силами другихъ, та способность эксплуатировать, не оскорбляя, которая позже заставляла многихъ удивляться¹⁾“.

„Екатерину видѣли во всѣхъ придворныхъ спектакляхъ и маскарадахъ, на всѣхъ дворцовыхъ балахъ и выходахъ, всегда привѣтливою, веселою“, но въ своихъ покояхъ она первое время очень скучала, такъ какъ великій князь больше удѣлялъ времени собакамъ, чѣмъ ей. Только въ лѣтнее время она развлекалась охотой въ окрестностяхъ Ораниенбаума и верховой ѣздой.

Въ этотъ періодъ своей жизни великая княгиня пристрастилась къ чтенію, которымъ разгоняла скуку. Начавши съ французскихъ романовъ, она перешла къ *Lettres de M-me Sevigné*, затѣмъ къ Вольтеру, „Исторіи Генриха Великаго“ Перефикса, „Исторіи Германіи“ Барра, къ „*Dictionnaire historique et critique*“ Беля.

Въ тѣ времена придворные нравы не отличались большой строгостью, и преступныя связи были въ порядкѣ вещей. Великій князь напр. волочился поочередно почти за всѣми придворными дамами. Къ періоду переписки онъ не измѣнился въ этомъ отношеніи, что видно изъ первыхъ строкъ письма великой княгини отъ 31 августа: „Новая страсть великаго князя къ гречанкѣ, которая при мнѣ, дѣлаетъ то, что его частое присутствіе въ моихъ комнатахъ мѣшаетъ мнѣ быть столь свободнымъ, какъ обыкновенно²⁾“.

Были тайные обожатели и у Екатерины Алексѣвны. Бильбасовъ какъ на таковыхъ указываетъ на малороссійскаго гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго, камеръ-юнкера гр. Захара Григорьевича

¹⁾ Бильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 223.

²⁾ Переписка, стр. 110.

Чернышева и др. Но только камергеръ великокняжескаго двора, Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ былъ удостоенъ благосклонности княгини. Онъ былъ довольно уменъ, обладалъ красивой наружностью, мягкими манерами, изысканностью въ обращеніи и, кромѣ того, умѣлъ скрывать свои недостатки.

Къ этому же времени, а именно, къ 1753 году, относится и сближеніе великой княгини съ канцлеромъ Бестужевымъ. Окруженная людьми, мало внушающими довѣрія, Екатерина Алексѣевна естественно обратила вниманіе на энергичнаго, пользовавшагося большимъ авторитетомъ при дворѣ, канцлера. Послѣдній же, окруженный врагами, нуждался въ поддержкѣ великой княгини. И они подали другъ другу руки.

Благодаря выполненію Екатериной главнѣйшаго пункта касающейся ея инструкціи, цѣль, преслѣдуемая этой инструкціей, была достигнута. 20 сентября 1754 г. она родила сына Павла. Елисавета Петровна восторженно привѣтствовала это событіе; она могла теперь спокойно спать: образъ дитяти-императора, Ивана VI, заслонялся колыбелью новорожденного великаго князя. Екатерина Алексѣевна отошла теперь на задній планъ; все вниманіе, всѣ взоры сосредоточились на колыбели малютки, котораго унесли отъ матери, какъ только спеленали. Екатерину же оставили безъ всякой помощи въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на родильной постели. „Всѣ обстоятельства, сопровождавшія рожденіе Павла Петровича, говоритъ Бильбасовъ, произвели глубокое впечатлѣніе на великую княгиню. Ея самолюбіе подверглось за это время самымъ тяжкимъ испытаніямъ. Рожденіе перваго ребенка — важный переломъ въ жизни женщины; лично же для Екатерины, этотъ чисто фізіологическій процессъ усложнился такими психологическими особенностями, что произвелъ цѣлый переворотъ въ ея развитіи, придавъ совершенно иное направленіе не только ея чувствованіямъ, но и мыслямъ“. Она стала серьезнѣе смотрѣть на жизнь, начала критически относиться къ явленіямъ, мнѣніямъ и людямъ. Только теперь, по рожденіи сына, встрѣчается въ „Запискахъ“ Екатерины слѣдующее характерное признаніе: „Я начала видѣть вещи въ черномъ свѣтѣ и отыскивать въ предметахъ, представляющихся моему взору, причины болѣе глубокія и болѣе сложныя“¹⁾. У великой княгини отняли ребенка, и она, не находя исхода въ семейныхъ заботахъ, искала иного примѣненія своихъ силъ, тѣмъ болѣе, что теперь ей была предоставлена большая свобода. Такъ, къ концу 1754 г. она начала руководить управленіемъ Голштиніи, герцогомъ которой былъ

¹⁾ Бильбасовъ. „Исторія Екатерины II“ т. I, стр. 276—277.

великій князь. Тяготясь какимъ бы то ни было серьезнымъ занятіемъ, онъ поручилъ веденіе голштинскихъ дѣлъ великой княгинѣ. „Это была хорошая школа для Екатерины“, заявляетъ Бильбасовъ. „Вопросы религіи, права, образованія и экономіи, дѣла финансовыя, торговыя и промышленныя, весь сложный механизмъ управленія страной, со всею борьбою честолюбія, корысти, интриги—все проходило черезъ ея руки, со всею она знакомилась по масштабу довольно малому, но весьма полному. Ея политическіе взгляды формировались на докладахъ о голштинскихъ дѣлахъ, которыя предоставляли ей возможность практически знакомиться съ политико-государственными вопросами“¹⁾).

Свободное же время Екатерина по прежнему посвящала чтенію. Тацитъ, Монтескье, Вольтеръ имѣли глубокое вліяніе на ея взгляды, сужденія и на самый образъ мыслей.

Въ срединѣ 1755 г. прибылъ въ Петербургъ англійскій посоль Чарльзъ Гэнбюри Уилльямсъ. Живой, остроумный, изящный въ манерахъ, онъ произвелъ на Екатерину благопріятное впечатлѣніе во время перваго же своего появленія при великокняжескомъ дворѣ. Къ этому времени ему было свыше 45 лѣтъ. Онъ происходилъ, какъ мы видимъ изъ предисловія къ перепискѣ, изъ древней и зажиточной семьи и принадлежалъ къ партіи виговъ. Свое дипломатическое поприще онъ началъ съ Дрездена, куда былъ назначенъ посланникомъ, и скоро проявилъ свое умѣнье сближаться съ людьми, разгадывать самые различные характеры и пользоваться при переговорахъ слабыми сторонами противниковъ. Въ 1750 г. онъ былъ переведенъ отъ саксонскаго двора въ Берлинъ, но не понравился Фридриху II, и вскорѣ, по требованію прусскаго министерства, былъ отозванъ и назначенъ опять въ Дрезденъ. Находясь при дворѣ саксонскаго курфюрста Августа III, который одновременно былъ и польскимъ королемъ, Уилльямсъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Варшаву, гдѣ сблизился съ князьями Чарторыйскими и графами Понятовскими. Уѣзжая въ Россію, онъ предложилъ молодому графу Станиславу-Августу Понятовскому поѣхать въ Петербургъ въ качествѣ секретаря великобританскаго посольства, и тотъ явился въ русскую столицу вскорѣ по пріѣздѣ туда Уилльямса. Графъ увлекъ великую княгиню своею непринужденною веселостью, своимъ игривымъ остроуміемъ, красотою, умомъ и ловкостью. Это тѣмъ болѣе было возможно, что Екатерина, по условіямъ придворной жизни того времени, была лишена всякой живой дѣятельности. Слушаніе докладовъ по дѣламъ Голштиніи не удовлетворяло ее. Уже восьмой мѣ-

¹⁾ Бильбасовъ. „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 289.

сяцъ она была матерью перваго ребенка, но малютку удалили отъ нея заботъ, и она по цѣлымъ мѣсяцамъ не видѣла его; въ отцѣ же ребенка она къ тому времени успѣла разочароваться, признавъ его недостойнымъ той любви, которою онъ пользовался. Понятовскій очень скоро добился благосклонности великой княгини, и даже ея злая болонка ласкалась къ нему. Но не долго прожилъ Понятовскій въ этотъ разъ въ Петербургѣ. Спустя годъ, къ срединѣ 1757 г., онъ долженъ былъ, по требованію польско-литовскаго правительства, покинуть Россію.

Съ этого момента и начинается рассматриваемая нами переписка. Большая часть ея относится ко времени отсутствія Понятовскаго, такъ какъ съ его вторичнымъ пріѣздомъ въ Петербургъ, во второй половинѣ декабря 1756 г., обмѣнъ письмами, бывший раньше почти непрерывнымъ, сталъ болѣе рѣдкимъ, а съ 20-хъ чиселъ января до отъѣзда Уилльямса едва поддерживался.

Задавшись цѣлью, какъ было уже раньше указано, при помощи данной переписки освѣтить обнимаемый ею періодъ изъ жизни Екатерины II, мы предварительно остановимся на факторахъ, обуславливающихъ самый характеръ ея дѣятельности, падающей на названный періодъ.

Уже въ первомъ письмѣ великой княгини мы находимъ мимо-летное замѣчаніе: „Чье-то здоровье никогда не было столь распатаннымъ“, и далѣе: „Достовѣрно то, что вода поднялась въ нижнюю часть живота“¹⁾. На это Уилльямсъ отвѣчаетъ: „У кого вода поднялась въ нижнюю часть живота, тотъ уже обреченный человѣкъ“²⁾. Эти замѣчанія какъ бы вскользь были сдѣланы въ началѣ августа. Записку же отъ 30 августа великая княгиня заканчиваетъ словами: „Чье-то здоровье все хромаетъ“³⁾. Имя больного, повидимому, не указывалось изъ тѣхъ же соображеній, по которымъ великая княгиня не подписывалась подъ своими записками. Это, вѣроятно, дѣлалось на случай, если какое-либо изъ писемъ попадетъ въ постороннія руки. Поэтому же и упоминаемые въ перепискѣ лица назывались какими-либо условными именами. Впрочемъ, относительно именъ осторожность соблюдалась только въ началѣ переписки. Поэтому, изъ письма Екатерины Алексѣвны отъ 4 октября мы видимъ, о какомъ больномъ рѣчь шла раньше. „Такъ какъ вы хотите новостей, пишетъ она Уилльямсу, (то) знайте, что комета была видна третьяго дня и вчера среди бѣлаго дня, что внезапная смерть барона

¹⁾ Переписка, стр. 7.

²⁾ Тамъ же, стр. 13.

³⁾ Тамъ же, стр. 109.

Строганова.... и эта комета наводятъ такой страхъ на императрицу, что усилилось задыханіе, что боли въ нижней части тѣла въ связи съ постоянными недомоганіями, которыя вы знаете, даютъ поводъ опасаться рака, что ноги, тѣмъ не менѣе, опухли, и водянка несомнѣнна“ ¹⁾). Такъ какъ и въ указанныхъ раньше письмахъ говорилось о больномъ водянкѣ, то ясно, что и тогда рѣчь шла объ императрицѣ, тѣмъ болѣе, что, нѣсколько дней спустя, великая княгиня, говоря о больномъ, опять не упоминаетъ его имени. „Вчера, среди дня“, сообщаетъ она англійскому послу: „случились три головокруженія или обморока. Она боится и сама очень пугается, плачетъ, огорчается и, когда спрашиваютъ у нея, отчего, она отвѣчаетъ, что боится потерять зрѣніе. Бываютъ моменты, когда она забывается и не узнаетъ тѣхъ, которые окружаютъ ее. Говорятъ однако, что она хорошо провела ночь, и что сегодня она перейдетъ въ Зимній дворецъ“ ²⁾). Здѣсь уже вполне ясно, что рѣчь идетъ объ императрицѣ, хотя ея имя и опущено, тѣмъ болѣе, что Уилльямсъ на это сообщеніе отвѣтилъ: „Я смотрю на болѣзнь императрицы, какъ на роковую“ ³⁾).

Мы видимъ, что къ началу переписки Елисавета Петровна была уже больна. Оправилась же она къ срединѣ декабря, что видно изъ слѣдующаго: къ запискѣ отъ 10 декабря великая княгиня прибавляетъ: „Императрица все въ томъ же состояніи: вся вздутая, кашляющая и безъ дыханія, съ болями въ нижней части тѣла“ ⁴⁾). Въ письмѣ же отъ 13 декабря она заявляетъ: „Императрица ѣдетъ въ деревню“, а немного ниже: Кондоиди (лейбъ-медикъ императрицы) настоятельно проситъ, чтобы она снова продолжала (принимать) лекарства, которыя ей такъ помогли въ эту осень, такъ какъ, сказалъ онъ, весна можетъ быть пагубной“ ⁵⁾). Кромѣ того съ этого числа въ перепискѣ уже не упоминается о болѣзни императрицы. Такимъ образомъ самая оживленная переписка между Екатериной Алексѣвной и Уилльямсомъ падаетъ на самый тяжелый періодъ болѣзни Елисаветы Петровны.

Что императрица была опасно больна, видно изъ приведенныхъ нами выдержекъ. Поэтому всѣ, знавшіе о ходѣ ея болѣзни, предусматривали скорую перемѣну на престолѣ. Хотя императрица еще съ 1743 г. объявила наслѣдникомъ престола Петра Ѳеодоровича, но

¹⁾ Переписка, стр. 194.

²⁾ Тамъ же, стр. 211.

³⁾ Тамъ же, стр. 212.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 298.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 300.

условія могли сложиться такъ, что онъ окажется обойденнымъ. Это тѣмъ болѣе было возможно, что сама императрица не любила своего племянника, не питала очень нѣжныхъ, родственныхъ чувствъ и къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и оба они не имѣли постояннаго доступа къ ней. Даже во время ея болѣзни великой княгинѣ не удавалось бывать у нея, что косвенно можно заключить изъ цитированнаго уже письма Екатерины отъ 17 октября, гдѣ, послѣ сообщенія о припадкахъ, она заявляетъ, что ея хирургъ предсказываетъ скорый конецъ императрицы, и затѣмъ добавляетъ: „У меня имѣются три лица, которыя не выходятъ изъ ея комнаты и которыя не знаютъ, каждое въ отдѣльности, что они меня предупреждаютъ и не преминуть въ рѣшительный моментъ сдѣлать это“¹⁾. Дѣйствительно, если бы Екатерина Алексѣевна сама имѣла доступъ къ императрицѣ, то не было бы для нея необходимости имѣть при больной людей, какъ бы стерегущихъ ея смерть. Впрочемъ, въ перепискѣ мы имѣемъ и прямое указаніе на то, что великой княгинѣ далеко не часто приходилось бесѣдовать съ Елисаветой Петровной. Въ послѣднемъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ къ Уилльямсу она писала: „Господа Шуваловы боятся меня у императрицы, и, взвѣсивъ все, я не знаю, если бы нечаянное счастье дозволяло мнѣ имѣть болѣе частый доступъ къ ней, и она стала привыкать ко мнѣ, не приобрѣлъ бы я, дѣйствительно, большее вліяніе на ея умъ“²⁾?

Кромѣ того, Петра Федоровича могли обойти, потому что императрицу окружали люди, враждебные великокняжескому двору. Зная его, какъ человѣка неспособнаго къ управленію, они могли убѣдить императрицу устранить его, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и великую княгиню, а престолъ передать ихъ сыну, Павлу Петровичу. Они могли также, составивъ заговоръ, возвести на престолъ и сверженнаго императора, Ивана Антоновича.

Что подобныя опасенія роились и въ головѣ великой княгини, видно изъ ея письма къ Уилльямсу отъ 8 августа, въ которомъ, знакомя послѣдняго со своимъ образомъ дѣйствій по отношенію къ Шуваловымъ, она добавила: „Я поступлю такъ въ настоящую минуту только въ виду возможности наступленія предсмертнаго часа; я имѣю цѣлью, въ этомъ случаѣ, оттянуть, въ ожиданіи улучшенія, осуществленіе замысловъ, которые Шуваловы изъ отчаянія привели бы, можетъ быть, скорѣе въ исполненіе“³⁾. На это же указываетъ и планъ, который она проектировала на случай смерти им-

¹⁾ Переписка, стр. 211.

²⁾ Тамъ же, стр. 342.

³⁾ Тамъ же, 22 стр.

ператрицы: „Когда я получу, пишетъ она 18 августа, предупрежденіе настолько вѣрное, что нельзя будетъ допустить ошибки. о началѣ предсмертныхъ припадковъ, я прямо пойду въ комнату моего сына. Если я встрѣчу или смогу очень скоро призвать оберъ-егермейстера ¹⁾, я оставляю его при сынѣ съ людьми, находящимися подъ его начальствомъ. Если нѣтъ,—я возьму его къ себѣ въ комнату. Равнымъ образомъ пошлю челоуѣка предупредить пять гвардейскихъ офицеровъ, на которыхъ я могу положиться; каждый изъ нихъ приведетъ мнѣ пятьдесятъ солдатъ.... которыхъ, можетъ быть, я пущу въ дѣло, но которые будутъ сопровождать меня въ видѣ запаса, во избѣжаніе всякихъ помѣхъ. Замѣтите, что они получаютъ приказаніе только отъ великаго князя и отъ меня. Я пошлю предупредить канцлера, Апраксина, Ливена ²⁾, чтобы они пришли ко мнѣ, а въ ожиданіи ихъ, я войду въ покои умирающей, куда я велю позвать капитана, командующаго карауломъ, и я лично приму его присягу и удержу его при себѣ. Мнѣ кажется, что будетъ лучше и безопаснѣе оставить обоихъ великихъ князей вмѣстѣ, чѣмъ если бы одинъ изъ нихъ меня сопровождалъ; равнымъ образомъ я думаю, что мѣстомъ сбора моихъ людей будетъ моя передняя. При какомъ-либо движеніи и даже самомъ малѣйшемъ, которое я бы замѣтила, я велю какъ своимъ людямъ, такъ и солдатамъ караула взять подъ стражу Шуваловыхъ и дежурнаго генераль-адъютанта. Прибавьте къ этому, что младшіе офицеры лейбъ-компанцы—люди надежные, и хотя я не имѣю сообщеній со всѣми, но я могу въ достаточной мѣрѣ разсчитывать на двухъ или трехъ изъ нихъ и настолько пользуюсь уваженіемъ, что заставляю повиноваться мнѣ всякаго, кто не подкупленъ“ ³⁾. Но немного позже, въ письмѣ отъ 27 августа, она высказываетъ чуть-ли не фатальное убѣжденіе въ успѣхѣ своего дѣла: „Невидимая рука, которая меня вела тринадцать лѣтъ по очень кочковатому пути, не допуститъ, чтобы я погибла, въ этомъ я очень сильно и, можетъ быть, очень глупо убѣждена“ ⁴⁾. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы такое убѣжденіе сложилось въ ней безъ предварительнаго взвѣшиванія всего причастнаго къ этому дѣлу. На это углубленіе въ обстоятельства указываетъ ея письмо отъ 9 августа, гдѣ она говоритъ: „Предположимъ... самые дурные замыслы противъ меня. Въ какое время, по-вашему, они осуществятся? Случится ли это при жизни императрицы? Вы знаете невозмож-

¹⁾ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.

²⁾ Подполковникъ конной гвардіи.

³⁾ Переписка, стр. 47—48.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 91.

ность дѣйствительныхъ рѣшеній, всеобщее неудовольствіе, въ особенности между военными, къ тому же—страхъ передъ тремя или четырьмя живыми претендентами (а эта статья производитъ на нее очень сильное впечатлѣніе), которымъ она предпочитаетъ своихъ близкихъ. Наконецъ, вслѣдствіе своего робкаго характера, она, какъ я надѣюсь, при своей жизни остановится предъ препятствіями, которыя могутъ возникнуть, если бы она основала всѣ свои надежды на судьбѣ двухлѣтняго ребенка. Затѣмъ, всякій насильственный переворотъ долженъ совершиться въ два или три часа времени; къ тому же, захотятъ ли они насъ устранить или намъ связать руки, они не могутъ это произвести одни. Нѣтъ вовсе офицеровъ, которые не были бы освѣдомлены, и лишь бы съ моей стороны были приняты предосторожности, чтобъ быть оповѣщеннымъ въ-время, и кто-либо изъ восьмерыхъ меня предупредилъ, вина будетъ на моей сторонѣ, если возьмутъ верхъ надъ нами. Но будьте увѣрены, что я не сыграю спокойной и слабой роли шведскаго короля, и что я буду царствовать или погибну. Я поэтому не отношусь съ презрѣніемъ къ пріѣзду французскаго посла. Я смотрю на него, какъ на врага, вооруженнаго съ ногъ до головы, особенно при участіи Австріи, которая мнѣ кажется еще опаснѣе вслѣдствіе довѣрія, которое къ ней питаютъ, и поддержка которой производитъ впечатлѣніе на императрицу¹⁾. Опасенія относительно престолонаслѣдія побуждали великую княгиню выяснить себѣ, какую роль будутъ играть при этомъ представители иностранныхъ державъ. И, какъ мы могли вывести изъ послѣдней выдержки, въ лицѣ еще не пріѣхавшаго французскаго посла она видѣла своего врага. Не особенно доброжелательно она отзывается и объ Австріи.

Такому отношенію великой княгини къ указаннымъ державамъ не мало способствовалъ Уилльямсъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, ему пришлось прежде всего позаботиться о томъ, чтобы возобновить съ Россіей субсидійный договоръ, заключенный въ 1742 г. Онъ быстро успѣлъ освоиться съ придворной жизнью въ Петербургѣ, и уже въ сентябрѣ 1755 г. былъ подписанъ договоръ, по которому Россія обязалась держать подъ ружьемъ для защиты интересовъ Англіи 55.000 человекъ за ежегодную плату въ полмилліона фунтовъ стерлинговъ. Но съ обмѣномъ ратификацій по этому договору медлили, такъ какъ при русскомъ дворѣ требовали болѣе точнаго указанія въ договорѣ—противъ кого могутъ быть направлены эти 55 тысячъ человекъ, боясь, что, въ противномъ случаѣ, Англія потребуесть, чтобы эти

¹⁾ Переписка, стр. 26—27.

силы были отряжены на защиту Ганновера, владѣтелемъ котораго былъ англійскій король, отъ нападеній со стороны Франціи. Когда же въ Петербургъ получили извѣстіе о вестминстерскомъ договорѣ, заключенномъ въ январѣ 1756 г. между Англіей и Пруссіей, то Елисавета Петровна категорически заявила въ „секретнѣйшей деклараціи“, что субсидійный договоръ, ратификація котораго была произведена за нѣсколько дней передъ тѣмъ, заключенъ ею именно противъ Пруссіи. Послѣ этого англійское министерство хотѣло отозвать Уилльямса, противъ чего возсталъ Фридрихъ II. И Уилльямсу, которому было поручено, при назначеніи въ Петербургъ, возбудить Россію противъ Пруссіи, предписывалось теперь ратовать при русскомъ дворѣ уже въ пользу прусскаго короля, какъ союзника Англии. Въ его-то лицѣ Фридрихъ II и нашелъ горячаго сторонника.

Не пользуясь, съ перемѣной своей политики, серьезной поддержкой кого-либо изъ имѣвшихъ въ то время значеніе при дворѣ, Уилльямсъ рѣшилъ обезпечить себѣ успѣхъ, на случай перемѣны на русскомъ тронѣ. А такая перемѣна, казалось, могла случиться въ недалекомъ будущемъ, въ виду серьезнаго недомоганія императрицы. Наслѣдника же престола ояъ, какъ и другіе, считалъ ничтожествомъ, и потому его взоры направились на великую княгиню. Это случилось, быть можетъ, еще по тому, что, вѣроятно, изъ того факта, что Петръ Федоровичъ передалъ веденіе голштинскихъ дѣлъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, англійскій посоль заключилъ, что такимъ же образомъ великій князь будетъ добровольно отстраняться отъ дѣлъ въ пользу своей жены и тогда, когда станетъ императоромъ. Въ подтвержденіе послѣдняго предположенія, можно сослаться на то, что когда великая княгиня въ апрѣлѣ 1757 г. просила Уилльямса похвалить „ея высочество великую княгиню его высочеству великому князю, совѣтуя ему, какъ истинный и вѣрный другъ, слушаться полезныхъ совѣтовъ этой умной головы“¹⁾, англійскій посоль отвѣтилъ: „Я воспою похвалы извѣстной особѣ, какъ генераль дѣлаетъ относительно офицера, котораго онъ хочетъ сразу провести черезъ головы пятидесяти другихъ“ и затѣмъ, что для насъ и важно, добавилъ: „И ко всему тому, что вы говорите, я прибавлю, если вамъ угодно, что военнаго департамента будетъ совершенно достаточно ему, безъ того, чтобъ онъ вмѣшивался во внутреннія дѣла и въ политику“²⁾.

Какъ видно изъ самаго факта переписки, стараніе Уилльямса

¹⁾ Переписка, стр. 336.

²⁾ Тамъ же, стр. 337.

привлечь симпатіи великой княгини увѣнчались успѣхомъ. Уже въ первомъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ къ нему великая княгиня говоритъ: „Дружба, которую вы мнѣ оказали, заставляетъ меня не сомнѣваться въ томъ, что вы продолжите ваши совѣты, кои были до сей поры мнѣ столь полезны“¹⁾. Она часто просила у англійскаго посла совѣта по тому или другому вопросу. Такъ, въ письмѣ отъ 8 сентября великая княгиня говоритъ: „Ради Бога, дайте мнѣ ваши совѣты... помогите мнѣ извлечь пользу изъ этого человѣка“²⁾ (рѣчь идетъ о великомъ канцлерѣ Бестужевѣ). Далѣе, когда на предложеніе Апраксина привлечь Измайлова въ посредники между нею и Петромъ Шуваловымъ, она отвѣтила, что подумаетъ, то такъ поступила, какъ затѣмъ признавалась, „только для того, чтобы узнать... мнѣніе“³⁾ по этому дѣлу англійскаго посла“. Не разъ посылала она къ Уилльямсу и наброски предполагаемыхъ къ кому-либо писемъ. На это намъ указываетъ приложеніе къ ея письму отъ 15 ноября, начинающееся словами⁴⁾: „Вотъ какъ я думаю написать Ивану Ивановичу“. Далѣе въ письмѣ отъ 8 января 1757 г. она пишетъ: „А вотъ отвѣтъ (канцлеру на письмо Бернсторфа⁵⁾), который я думаю сдѣлать“⁶⁾, и прилагаетъ проектъ отвѣта.

Но этимъ не могло удовлетвориться честолюбивое сердце англійскаго посла. Ему было заманчиво былое положеніе при русскомъ дворѣ Шетарди и Лестока, и онъ старается при помощи переписки приобрѣсть нѣкѣмъ нераздѣлимое вліяніе на Екатерину, чтобы затѣмъ руководить русской политикой согласно съ интересами Англии и прусскаго короля. Поэтому, онъ прежде всего старается втянуть великую княгиню въ политику и привить ей желательныя для него политическія симпатіи, завѣряя почти въ каждомъ своемъ письмѣ въ „вѣчной и ненарушимой привязанности“. Уже въ первомъ изъ сохранившихся до насъ писемъ, гдѣ Уилльямсъ сообщаетъ великой княгинѣ о томъ, что ему поручено прусскимъ королемъ заявить предъ русскимъ дворомъ, „что вооруженія, которыя онъ производилъ въ своихъ владѣніяхъ, не имѣли иной цѣли, кромѣ его собственной защиты и защиты его владѣній“⁷⁾ и что онъ не думаетъ предпринять наступательнаго движенія противъ Россіи, онъ до-

¹⁾ Переписка, стр. 4—5.

²⁾ Тамъ же, стр. 133.

³⁾ Тамъ же, стр. 164.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 269.

⁵⁾ Датскій первый министръ.

⁶⁾ Переписка, стр. 318—320.

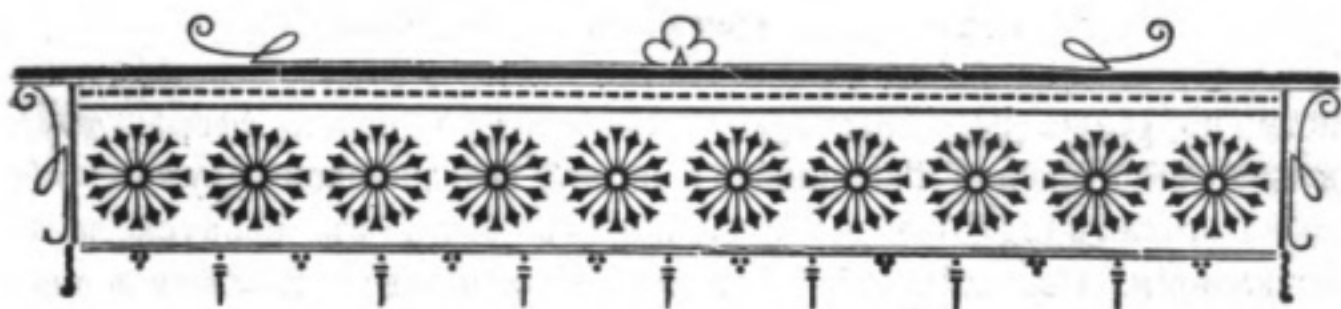
⁷⁾ Тамъ же, стр. 1—2.

бавляетъ: „одно изъ средствъ, которымъ наши враги пользуются для того, чтобы поддержать холодныя отношенія между королемъ, моимъ государемъ, и ея величествомъ императрицей, заключается въ ежедневной передачѣ императрицѣ всякой лжи на счетъ... короля прусскаго“.

Подъ своими и великой княгини „врагами“ Уильямсъ разумѣлъ Шуваловыхъ и другихъ сторонниковъ союза съ Франціей.

Д. Архангельскій.

Отжившіе бюрократическіе порядки.

(Къ вопросу о реформѣ Правительствующаго Сената).

Отецъ мой, Николай Гавриловичъ Покровскій, былъ младшимъ сыномъ тайнаго совѣтника Гавріила Семеновича Покровскаго ¹⁾; въ ихъ семействѣ только старшій сынъ Иванъ Гавриловичъ и мой отецъ прошли курсъ воспитанія и отличались способностями; Иванъ Гавриловичъ даже занимался литературой, переводилъ стихами изъ Шиллера и др. нѣмецкихъ авторовъ; но слабости характера онъ скоро оставилъ занятія, вышелъ въ отставку. Прочіе три брата моего отца умерли молодыми людьми, а одинъ изъ нихъ даже въ больницѣ душевно-больныхъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ братьевъ одинъ мой отецъ былъ во всю свою жизнь полезнымъ членомъ общества.

Воспитывался онъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ отлично учился, получалъ награды и былъ выпущенъ на службу въ артиллерию, куда выпускали способнѣйшихъ учениковъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Во время польскаго мятежа 1831 года Николаю Гавриловичу пришлось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ и быть при штурмѣ Варшавы 26 августа 1831 г.

Когда войска вернулись въ свои квартиры, мой отецъ былъ уже женатъ; не имѣя особеннаго влеченія къ военной службѣ и для обезпеченія своей семейной жизни, онъ перешелъ въ гражданскую службу по Государственному контролю, гдѣ занялъ отвѣтственную должность правителя канцеляріи. Уже изъ такого назначенія отстав-

¹⁾ Словарь русскаго историческаго общества, литера П.

ного поручика на серьезную должность по новой сферѣ труда видно, что Николай Гавриловичъ и въ гражданской службѣ оказался такимъ же способнымъ, какимъ былъ въ корпусѣ и въ артиллеріи. Сверхъ способностей онъ отличался необыкновенной добросовѣстностью, а въ этомъ понятіи на первомъ планѣ стоитъ честность. Генераль-контролеръ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ такъ цѣнилъ своего правителя канцеляріи, что просилъ его надзирать за дѣлами по управленію своими имѣніями, поручалъ ему не одну свою петербургскую контору, но ѣздилъ съ нимъ обзрѣвать имѣнія и т. д. Когда Нарышкинъ умеръ, Николай Гавриловичъ, перешелъ на службу въ департаментъ Горныхъ и соляныхъ дѣлъ (нынѣ Горный департаментъ) начальникомъ счетнаго отдѣленія. Должность правителя канцеляріи въ контролѣ была чисто административная, а въ Горномъ департаментѣ Николаю Гавриловичу пришлось взяться за совсѣмъ новое и весьма сложное дѣло, потому что кромѣ денежной отчетности, горная часть имѣетъ обширную матеріальную отчетность.

Въ Горномъ департаментѣ Николай Гавриловичъ былъ любимъ своими подчиненными и товарищами и цѣнимъ начальствомъ. Изъ директоровъ департамента больше всѣхъ нуждался въ немъ горный инженеръ генераль-маіоръ В. К. Рашетъ, тѣмъ болѣе, что время его директорства совпало съ преобразованиемъ системы государственнаго контроля и введеніемъ единства кассы. Въ комиссію по контрольной реформѣ подѣ председательствомъ стастъ-секретаря В. А. Татарина, Н. Г. Покровскій былъ назначенъ членомъ отъ горнаго вѣдомства, а послѣ составленія новаго порядка отчетности, на него легъ и весь трудъ по введенію реформы на горныхъ заводахъ. В. К. Рашетъ не только не могъ заниматься этимъ дѣломъ по его спеціальному характеру, но былъ поглощенъ разными дѣлами по преобразованію казенныхъ горныхъ заводовъ, введенію на югѣ Россіи выплавки чугуна на каменномъ углѣ, введеніемъ доменныхъ печей его системы въ Россію и за границей, проектомъ Уральской желѣзной дороги и т. д. По счетной части В. К. Рашетъ вполне довѣрялъ Н. Г. Покровскому. Обѣзжая горные заводы, В. К. Рашетъ бралъ его съ собою. В. К. Рашетъ дѣлалъ на заводахъ совѣщанія съ инженерами по техническимъ вопросамъ, а Н. Г. Покровскій собиралъ особо совѣщанія изъ старшихъ горныхъ чиновъ по дѣлу объ отчетности, поучая ихъ, какъ имъ слѣдуетъ поступать по новымъ правиламъ. Въ 1865 году здоровье Николая Гавриловича сильно разстроилось, но тѣмъ не менѣе въ 1866 г., совершенно больной, онъ поѣхалъ, вслѣдъ за В. К. Рашетомъ на Уралъ и вернулся въ началѣ августа того же года, едва живымъ. Контрольное

дѣло было окончено на заводахъ, а 28 августа 1866 г. Н. Г. Покровскій скончался на 58-мъ году жизни. Итакъ, выйдя живымъ въ 1831 г. изъ подъ Варшавы, онъ сложилъ голову на работѣ по счетоводству; поле чести можетъ быть вездѣ, если человекъ всего себя отдаетъ дѣлу. В. К. Рашеть вернулся съ заводовъ позже; тогда моя мать обратилась къ нему съ просьбою о назначеніи ей усиленной пенсіи за службу мужа вообще и за особыя его заслуги. В. К. Рашеть отнесся къ ея просьбѣ съ большимъ вниманіемъ, и 4 ноября 1866 г. по особому Высочайшему повелѣнію Императора Александра II, мать моя получила пенсію по 600 р. въ годъ, нераздѣльно съ своею дочерью Ольгою, который тогда было уже 26 лѣтъ. В. К. Рашеть и начальникъ инспекторскаго отдѣленія Горнаго департамента В. С. Татариновъ сказали моей матери, что они старались, чтобъ за заслуги Николая Гавриловича была дана его вдовѣ болѣе возвышенная пенсія, но, не успѣвъ въ возвышеніи суммы, достигли того, что пенсія назначена ей нераздѣльно съ дочерью, такъ что, говорилъ Рашеть,—ваша дочь, послѣ смерти вашей, будетъ получать ту же самую пенсію въ 600 р. ¹⁾.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Отъ времени до времени доходили до меня слухи, что моя сестра не будетъ получать того, что получаетъ мать. На эти слухи я не обратилъ вниманія по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, моя мать получала пенсію по особому Высочайшему повелѣнію нераздѣльно съ дочерью, во-вторыхъ, эти слухи могли бы тревожить мою мать и въ третьихъ,—дочь могла умереть раньше матери.

Осенью 1890 г. моя мать внезапно заболѣла воспаленіемъ легкихъ и скончалась 27 октября, проболѣвъ всего пять дней, на 78 году жизни. Пришлось встрѣтиться съ вопросомъ о пенсіи ея дочери, и тутъ въ Главномъ казначействѣ мы въ первый разъ узнали, что по позднѣйшимъ правиламъ 27 декабря 1874 г. моя сестра можетъ получить въ пенсію только 100 р. въ годъ, т. е. $\frac{1}{6}$ часть нераздѣльной пенсіи матери. Въ департаментѣ Государственнаго казначейства сдѣлано было такое же распоряженіе объ уменьшеніи пен-

¹⁾ Отецъ мой говорилъ передъ смертью женѣ: будь спокойна, тебѣ дадутъ хорошую пенсію. Надо полагать, что по времени его службы и заслугамъ, онъ надѣялся, что вдовѣ его дадутъ усиленную пенсію, что-нибудь близкое къ 1.000 р. Однако моя мать была рада и 600 р., потому что и эта пенсія была выше, чѣмъ бы слѣдовало дать по пенсіонному уставу, и слѣд. заслуги ея мужа были цѣнимы начальствомъ его, а это весьма утѣшительно знать для близкихъ.

сін моеї сестрѣ до 100 р. въ годъ. На это распоряженіе сестра подала жалобу министру финансовъ И. А. Вышнеградскому.

Съ своей стороны, для разъясненія дѣла я отправился къ товарищу министра финансовъ Т., котораго лично зналъ по моеї службѣ съ 1878 по 1887 гг. въ Варшавской пробирной палаткѣ; пробирная часть была тогда подчинена департаменту Государственнаго казначейства, а Т. былъ его директоромъ. Я былъ увѣренъ, что онъ взглянетъ на дѣло моеї сестры вполнѣ раціональнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что правила 27 декабря 1874 г. не только не были изданы при немъ, но въ ту минуту, какъ товарищъ министра финансовъ, онъ долженъ былъ блюсти за законнымъ направленіемъ дѣлъ.

Я пришелъ въ пріемную въ домѣ Главнаго штаба, на р. Мойкѣ; было много просителей, ожидавшихъ выхода г. Т.; мы выстроились въ общій рядъ. Я думалъ, что г. Т., увидя меня, припомнитъ, что я служилъ подъ его начальствомъ, и разспроситъ меня о причинѣ моего появленія въ пріемной; но, дойдя до меня, г. Т. не далъ себѣ труда даже задержаться около меня хоть на минуту, а направился къ слѣдующему просителю. Мнѣ же, сквозь зубы, сказалъ: „это нельзя, это незаконно“. Я понялъ, что онъ зналъ о моемъ дѣлѣ изъ доклада дежурнаго чиновника, и что у товарища министра нѣтъ иного взгляда на дѣло, какъ и у чиновъ департамента Государственнаго казначейства; очевидно было, что г. Т. не вникаетъ въ значеніе правилъ 27 декабря 1874 г.

По приказанію министра финансовъ, департаментъ Государственнаго казначейства отъ 20 февраля 1891 г. за № 2992 объявилъ моеї сестрѣ: 1) что пенсія вдовѣ статскаго совѣтника Покровской хотя и назначена нераздѣльно съ дочерью въ 1866 г., но при жизни ея она производилась вполнѣ лично одной Покровской, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія о пожалованіи оной; право же ея дочери на полученіе пенсіи открылось лишь со времени смерти матери, послѣдовавшей въ 1890 г., т. е. уже при дѣйствіи новыхъ правилъ 1874 года о порядкѣ производства нераздѣльныхъ пенсій, и 2) сін правила, какъ видно изъ Высочайше утвержденного 27 декабря 1874 г. Положенія комитета министровъ, изданы взамѣнъ прежнихъ, именно вслѣдствіе признанной невозможности примѣненія послѣднихъ на практикѣ, и потому, не составляя какого-либо новаго закона и имѣя всѣ признаки разъясненія прежнихъ правилъ, правила 27 декабря 1874 г. преподаны въ руководство на будущее время и съ тѣхъ поръ примѣняются на практикѣ во всѣхъ случаяхъ, при производствѣ нераздѣльныхъ пенсій дѣтямъ по смерти матерей, хотя бы самыя пенсіи были назначены ранѣ изданія этихъ правилъ. Не распространяются оныя лишь на тѣ

пенсіи, которыя уже производились дѣтямъ по смерти матерей по прежнему порядку, до изданія новыхъ правилъ. Въ заключеніе министр финансовъ объявлялъ, что Ольга Покровская имѣетъ право на полученіе только $\frac{1}{6}$ части пенсіи ея матери, т. е. 100 р. въ годъ.

Объявленіе это могло бы имѣть значеніе только тогда, если бы въ Положеніи комитета министровъ было оговорено, что дѣйствіе его распространяется на пенсіи, пожалованныя ранѣе его утвержденія Высочайшей властью. По справкѣ въ полномъ собраніи законовъ (за 1874 г. № 54.217) ничего подобнаго въ этомъ положеніи не оказалось, а, напротивъ, въ немъ сказано, что новыя правила устанавливаются „на будущее время“. Министерство финансовъ ссылается еще на свой циркуляръ отъ 21 января 1875 г. за № 9, изданный въ разъясненіе, какъ слѣдуетъ примѣнять правила 1874 г. („Вѣстникъ финансовъ“ 1875. № 5), въ которомъ находится примѣчаніе о томъ, что новыя правила не примѣняются только въ томъ случаѣ, если дѣти, до изданія циркуляра, уже получаютъ нераздѣльные пенсіи въ полной суммѣ. Циркуляръ этотъ былъ впоследствии включенъ въ 31 ст. приложения II къ Инструкціи казеннымъ палатамъ и казначействамъ, при чемъ осталось и примѣчаніе: Инструкція утверждена властью министра финансовъ по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ; поэтому, какъ циркуляръ, такъ и Инструкція обязательны для частныхъ лицъ только въ тѣхъ частяхъ, которыя согласны съ закономъ, а примѣчаніе къ циркуляру противорѣчило тексту закона 27 декабря 1874 г., изданнаго „на будущее время“.

Всѣ наши родные и знакомые скорбѣли о судьбѣ моей сестры, и всѣ были того мнѣнія, что тутъ невозможно ничего сдѣлать. Даже юристы и тѣ не обѣщали успѣха въ жалобѣ Сенату на распоряженіе министерства финансовъ; указывали также на дѣлопроизводство въ Сенатѣ, которое будетъ тянуться долго, и все же въ концѣ концовъ мы получимъ отказъ. Какъ бы мы правы ни были и хотя выиграли бы дѣло въ Сенатѣ, но министр юстиціи перенесетъ дѣло въ Государственный Совѣтъ и тамъ непременно дастъ мнѣніе въ пользу министерства финансовъ.

Въ департаментѣ Государственнаго казначейства предлагали мнѣ такую программу: просить министерство Государственныхъ имуществъ, въ которое тогда перешелъ Горный департаментъ, о назначеніи моей сестрѣ новой усиленной пенсіи за службу ея отца и во вниманіе къ ея разстроенному здоровью; по бывшимъ примѣрамъ дѣлъ этого рода ей могла быть назначена половина прежней пенсіи, т. е. она могла бы получать 300 р. въ годъ; впоследствии въ департаментѣ Государственнаго казначейства обна-

нистръ финансовъ М. Х. Рейтернъ обманули императора Александра II, испрашивая моею матери съ дочерью за службу ихъ мужа и отца 600 р. въ годъ, спросилъ я?

— Нѣтъ, я этого не говорю, отвѣчалъ г. Денпишъ, они дѣйствовали правильно, но послѣ нихъ министерство финансовъ обязано беречь казенныя деньги при всякомъ удобномъ случаѣ.

— Я не вижу здѣсь никакого удобнаго случая, возразилъ я; во всякомъ случаѣ, Высочайшее повелѣніе, это—законъ.

— Нѣтъ, не законъ, настаивалъ Денпишъ; если бы это былъ законъ, онъ былъ бы въ Сводѣ законовъ, а извините, хотя я и очень уважалъ вашу матушку и очень уважаю вашу сестрицу, но о нихъ не будутъ говорить въ Сводѣ законовъ.

Само собою разумѣется, что визитъ г. Денпишъ къ г. Галиндо не принесъ намъ ничего утѣшительнаго.

Знакомые мнѣ присяжные повѣренныя Г. Г. Принтцъ и Е. К. Фоссъ, люди очень опытные въ юридическихъ вопросахъ и въ дѣлахъ, оба выражали сомнѣніе, чтобы такое дѣло могло быть выиграно противъ министерства финансовъ.

Какъ все это ни было вѣроятно, но я имѣлъ убѣжденіе, что часто дѣла бываютъ сходны, но въ каждомъ дѣлѣ есть свои особенности, которыя даютъ право надѣяться на лучшей исходъ. Въ дѣлѣ моей сестры вся документальная часть была въ ея пользу; даже самый поводъ, по которому состоялось Положеніе комитета министровъ 27 декабря 1874 г., вопросъ, поднятый военнымъ министромъ, не имѣлъ никакого прямого отношенія къ нераздѣльнымъ пенсіямъ, дарованнымъ ранѣе этого Положенія.

Въ дѣлѣ моей сестры все было ясно какъ день въ ея пользу, мнѣ казалось невозможнымъ пропустить такой случай; до насъ подобныя дѣла не доходили до Сената; всѣ шли на компромисъ, обращались къ испрашиванію новыхъ Высочайшихъ повелѣній, уступая часть того, что слѣдовало получить. Главнымъ стимуломъ, почему департаментъ Государственнаго казначейства настаивалъ на своей практикѣ въ примѣненіи правилъ 27 декабря 1874 г., было опасеніе, что всѣ тѣ, кому было отказано, могли бы требовать возврата недоданныхъ имъ суммъ. Одно это опасеніе, высказывавшееся дѣлопроизводителями департамента, показываетъ уже, что обратное дѣйствіе правилъ 1874 г. незаконно.

Несмотря на мои доводы, что до взысканій бояться нечего, потому что не только тѣ, кто обратился къ новой Монаршей милости, не имѣютъ права отъ нея отказываться, но за 27 лѣтъ, протекшихъ съ 1874 г., масса пансіонеровъ конечно умерла, начальники отдѣленій департамента Государственнаго казначейства г.г. Страховъ и

Поль и столоначальникъ Мурашко не убѣждались моими доводами.

Въ маѣ 1891 г. сестра моя подала жалобу на министерство финансовъ въ Правительствующій Сенатъ. Сверхъ всего, что уже объяснено выше, моя сестра указывала въ жалобѣ, что при назначеніи пенсіи нераздѣльно съ матерью, она была совершеннолѣтнею; такимъ образомъ нераздѣльная пенсія не есть для нея наследство, открывшееся послѣ смерти матери, а самостоятельное право, дарованное какъ матери, такъ и дочери, упомянутой въ Высочайшемъ повелѣніи 4 ноября 1866 г. Сверхъ того въ жалобѣ было объяснено, что если начальство дѣлаетъ представленіе тому Государю, которому чиновникъ служилъ, оцѣнивая его заслуги, и Государь жалуетъ награду за заслуги въ видѣ пенсіи сверхъ правилъ вдовѣ и дочери, въ опредѣленномъ размѣрѣ и порядкѣ производства этой пенсіи, то можно ли допустить переоцѣнку заслугъ и измѣненіе Царской милости?

На жалобу моей сестры министерство финансовъ, поддерживая свою ссылку на правила 1874 г., доносило Сенату, что до сихъ поръ не происходило никакихъ недоразумѣній въ примѣненіи этихъ правилъ; въ 1886—1887 годахъ восходили на Высочайшее разсмотрѣніе ходатайства дочерей сенатора князя Оболенскаго и д. с. с. Юханцева, при чемъ было признано, что имъ слѣдуетъ только $\frac{1}{6}$ часть пенсій, но по особой Монаршей милости имъ пожаловано было княжнѣ Оболенской половина пенсіи, а г-жѣ Юханцевой—полная пенсія. Министерство финансовъ указывало еще на то, что когда Комитетъ Министровъ разсматривалъ дѣло о нераздѣльныхъ пенсіяхъ, то имѣлъ въ виду заключеніе министерства финансовъ о томъ, что новыя правила не должны распространяться только на тѣ пенсіи, которыя уже производятся дѣтямъ послѣ смерти матерей.

Противъ этого я, по довѣренности сестры, подалъ въ Сенатъ дополнительное прошеніе, въ которомъ относительно примѣровъ по дѣламъ Оболенской и Юханцевой, просилъ Сенатъ вытребовать эти дѣла въ подлинникъ, чтобы судить, вполнѣ ли они однородны съ дѣломъ моей сестры. Независимо отъ сего, если министерство финансовъ уважило ходатайство этихъ лицъ, Оболенской—въ половинѣ, Юханцевой—вполнѣ, значитъ, оно видѣло незаконность своихъ дѣйствій и покрывало ее фирмою новаго Высочайшаго повелѣнія.

Когда дѣло наше поступило въ Сенатъ, оберъ-прокуроромъ 1 департамента его былъ тайный совѣтникъ Петръ Михайловичъ Бутовскій. Въ Сенатѣ я зналъ хорошо, еще съ дѣтства, сенатора, оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента тайнаго совѣтника

А. Θ. К., нынѣ члена Государственнаго Совѣта; я просилъ его переговорить съ оберъ-прокуроромъ 1 департамента. А. Θ. К. сообщилъ мнѣ не особенно утѣшительныя извѣстія. Оберъ-прокуроръ сказалъ ему, что сестра моя лучше бы сдѣлала, если бѣ обратилась къ ходатайству о новой пенсіи. Изъ этого я, въ простотѣ своей, подумалъ, что оберъ-прокуроръ намѣренъ дать заключеніе въ пользу министерства финансовъ, и уже считалъ дѣло проиграннымъ.

О дѣлѣ нашемъ обѣщаль переговорить съ сенаторомъ В. А. Арцимовичемъ, извѣстнымъ знатокомъ административныхъ дѣлъ, пріятель нашего двоюроднаго брата В. И. Лихачевъ, тогда бывшій въ Петербургѣ городскимъ головой.

Въ ноябрѣ 1891 г., 1-й департаментъ Сената слушалъ дѣло моей сестры; всѣ сенаторы высказались за выдачу ей пенсіи въ полной суммѣ; впоследствии я узналъ, что и оберъ-прокуроръ 1-го департамента далъ заключеніе противъ доводовъ министерства финансовъ. Тутъ я понялъ, что его слова, сказанныя А. Θ. К., относились не къ существу дѣла, а къ общему положенію нашей русской жизни. И дѣйствительно, хотя 1 департаментъ высказался за Высочайшее повелѣніе 4 ноября 1866 г., даровавшее пенсію, но дѣло еще далеко не было обеспечено въ правильности своего хода.

Послѣ перваго слушанья дѣла въ Сенатѣ, рѣшеніе его посылается, подъ именемъ проекта опредѣленія, къ министру, на котораго подана жалоба, для подписанія. Я не могъ узнать въ министерствѣ финансовъ, кто изъ товарищей министра будетъ разсматривать наше дѣло, и никого тамъ не могъ убѣдить согласиться съ Сенатомъ. Проектъ сенатскаго опредѣленія вернулся въ Сенатъ не подписаннымъ министромъ финансовъ, при рапортѣ отъ 13 мая 1892 г., за № 2003, съ возраженіями министерства финансовъ, которое прибавляло къ прежнимъ соображеніямъ своимъ еще такое, что ни прежнія, ни новыя правила выдачи нераздѣльныхъ пенсій не составляютъ закона, а имѣютъ значеніе инструкцій; поэтому къ нимъ, по мнѣнію министерства, нельзя примѣнять основного закона, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія.

При новомъ разсмотрѣніи дѣла въ Сенатѣ, въ связи съ протестомъ министра финансовъ, почти всѣ сенаторы 1 департамента—П. В. Оржевскій, И. Н. Орловъ, Е. А. Кудрявцевъ и В. А. Арцимовичъ остались при прежнемъ мнѣніи; къ мнѣнію министра присоединился сенаторъ Д. Б. Беръ; онъ прежде служилъ въ министерствѣ финансовъ, былъ директоромъ департамента торговли и мануфактуръ. Отъ министерства финансовъ присутствовалъ товарищъ министра А. С. Ермоловъ.

Послѣ этого моя сестра видѣлась съ В. И. Лихачевымъ, который сообщилъ ей, что во время разбора дѣла въ Сенатѣ В. А. Арцимовичъ горячо оспаривалъ доводы министра финансовъ и сказалъ, что министерству финансовъ совершенно неприлично привязываться къ случаю изданія новыхъ правилъ о пенсіяхъ и обирать сиротъ, которыя должны получать пенсіи за заслуги отцовъ, по Высочайшимъ повелѣніямъ, изданнымъ ранѣе.

Это было 22 ноября 1892 г.; дѣло потомъ перешло въ первое общее собраніе Сената и слушалось въ немъ 19 марта 1893 г. Въ этотъ промежутокъ времени скончался сенаторъ В. А. Арцимовичъ: къ счастью голосъ умершаго сенатора остается въ своей силѣ ¹⁾. Я вѣрилъ, что голосъ и духъ В. А. Арцимовича будетъ присутствовать въ общемъ собраніи Сената. Я пошелъ на выносъ тѣла В. А. Арцимовича и благоговѣнно снялъ шляпу, когда показался его гробъ, и затѣмъ долго провожалъ печальную колесницу.

Передъ слушаніемъ дѣла въ общемъ собраніи я составилъ докладную записку о дѣлѣ моей сестры, при содѣйствіи ученаго и опытнаго въ дѣлахъ, бывшаго члена Варшавской судебной палаты В. М. Бѣлозерскаго; ранѣе онъ былъ членомъ учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ, профессоромъ Кіевскаго университета и редакторомъ журнала „Основа“; онъ считалъ мою сестру безусловно въ своемъ правѣ. Эту докладную записку я послалъ сенаторамъ общаго собранія и товарищу министра финансовъ А. С. Ермолову. Въ этой запискѣ была, между прочимъ, выражена слѣдующая мысль: Ольга Покровская въ 1866 г., уже во время своего совершеннолѣтія, исключительно и помимо другихъ дѣтей Покровскаго, получила за заслуги отца Высочайшую милость въ назначеніи ей нераздѣльно съ матерью пенсіи и съ минуты этого назначенія, а не со дня смерти матери, Высочайше одарена неотъемлемымъ правомъ на полную пенсію послѣ матери, въ 600 р.; эту пенсію, какъ нераздѣльную, нѣтъ никакого основанія ни дѣлить, ни уменьшать.

Въ первомъ общемъ собраніи огромное большинство сенаторовъ, 19 особъ, подали голоса въ пользу моей сестры, а 7—противъ; съ голосами отсутствующихъ сенаторовъ П. В. Оржевскаго и В. А. Арцимовича, число голосовъ за право моей сестры было 21, т. е. ровно три четверти общаго собранія. Имена этихъ сенаторовъ из-

¹⁾ Прекрасное правило, такого нѣтъ ни въ одномъ учрежденіи; можетъ быть потому Сенатъ нашъ такъ высоко держитъ знамя справедливости, что сенаторы дорожатъ мнѣніемъ и потомства?

вѣстны, какъ имена опытныхъ и заслуженныхъ людей, а именно: В. А. Арцимовичъ, А. Ѳ. Гротъ, В. А. Цез, Я. Г. Есиповичъ, П. П. Семеновъ, С. А. Мордвиновъ, Е. А. Кудрявцевъ, И. Н. Орловъ, Л. А. Харитоновъ, А. Д. Шумахеръ, бар. И. О. Веліо, Н. П. Семеновъ, П. А. Шульцъ, К. О. Малковскій, Н. С. Горковенко, Н. П. Смирновъ, И. С. Алопеусъ, Ѳ. М. Дмитріевъ, А. А. Мельниковъ, П. В. Оржевскій и Д. Б. Беръ, перешедшій въ этомъ составѣ на сторону закона, противъ министерства финансовъ. Сенаторы, противники большинства общаго собранія были: А. С. Ермоловъ, товарищъ государственнаго контролера В. П. Череванскій, бывшій губернаторъ В. Ф. Лиліенфельдъ-Тоаль, Е. Е. Рейтернъ, бар. М. Н. Медемъ изъ нихъ только одинъ В. Г. Коробьинъ могъ считаться опытнымъ юристомъ. Эти семь лицъ подписали особое мнѣніе, въ которомъ приведены взгляды министерства финансовъ и прибавлено еще такое соображеніе: нельзя давать дѣтямъ то, что получала вдова съ дѣтьми. Это можетъ быть очень остроумно, но несправедливо и юридически неправильно. Время измѣняетъ обстоятельства, жизнь дорожаетъ, и пенсія, бывшая сначала достаточною вдовѣ съ дѣтьми, можетъ впоследствии быть скудною и для однихъ дѣтей.

Когда приближалось время слушанья дѣла моей сестры въ общемъ собраніи Сената, носились слухи, что товарищъ министра финансовъ А. С. Ермоловъ назначается министромъ государственныхъ имуществъ; къ 19 марта слухи эти оправдались, такъ что въ этотъ день онъ уже былъ министромъ по другой части, еще не вступившимъ въ новую должность. Если бъ онъ вникалъ въ дѣло, онъ могъ бы размыслить, что не могутъ же 21 заслуженныхъ лицъ, большею частью опытныхъ въ законахъ людей, не понимать того, что они дѣлаютъ! Положеніе его позволяло ему быть независимымъ отъ министра финансовъ. А. С. Ермоловъ и обнаружилъ независимость; онъ по многимъ дѣламъ въ этотъ день согласился съ Сенатомъ, но когда дошла очередь до дѣла моей сестры, онъ, какъ мнѣ передавали, сказалъ: но ужъ по этому дѣлу я не могу согласиться съ Сенатомъ. Какъ же несправедливо спорило министерство финансовъ по прочимъ дѣламъ, если А. С. Ермоловъ пошелъ по нимъ противъ него! Въ нашемъ дѣлѣ только еще не давали намъ должнаго, въ тѣхъ дѣлахъ вѣроятно отнимали у людей то, чѣмъ они законно владѣли и безъ чего обойтись не могли.

Вообще, товарищи министра ходятъ въ Сенатъ не для того, чтобы разсматривать дѣла совокупно съ Сенатомъ и усиленно трудиться о приближеніи къ правдѣ, а только для того, чтобы не соглашаться съ Сенатомъ и тормозить дѣло. Счастливы тѣ, кто

встрѣчаетъ въ Сенатѣ товарища министра не формалиста: такимъ былъ товарищъ министра государственныхъ имуществъ В. И. Вешняковъ ¹⁾. Въ нашемъ дѣлѣ А. С. Ермоловъ обратилъ вниманіе только на то, что министерство финансовъ хочетъ заработать 500 р. въ годъ, по случаю смерти нашей матери; но онъ не хотѣлъ понять, что тутъ департаментъ Государственного казначейства попираетъ законы, игнорируетъ Царскую волю и топчетъ все, что дѣлалъ Горный департаментъ, оцѣнивая труды своего чиновника! И что дороже для народа въ государствѣ, эти 500 р. или незыблемость всего порядка управленія въ дѣлопроизводствѣ и значеніе Царской власти?

Дѣло наше однако и послѣ рѣшенія общаго собранія Сената еще не достигло успѣха. Законъ хотя и поставилъ Сенатъ регуляторомъ административнаго произвола, но въ сущности далъ ему только одно право—разсуждать.

Новое движеніе дѣлъ по жалобамъ въ Сенатъ происходитъ въ министерствѣ юстиціи и тамъ дѣло опять обставлено разными гарантіями въ пользу администраціи.

Если въ пользу жалобы высказалось въ I департаментѣ Сената менѣе одной трети голосовъ, дѣло считается рѣшеннымъ въ пользу министерства, вполнѣ оконченнымъ; оно не переходитъ въ общее собраніе Сената и жалобщикъ не имѣетъ права апелляціи. Для частнаго лица иной порядокъ. Когда въ пользу жалобы соберется двѣ трети и болѣе голосовъ сенаторовъ, тогда дѣло идетъ въ общее собраніе Сената. Если въ этомъ собраніи состоится тоже большинство двухъ третей или болѣе голосовъ, то дѣло передается въ министерство юстиціи, „на пропускъ“ его министромъ. Пропускъ этотъ состоитъ въ томъ, что если министръ юстиціи согласенъ съ общимъ собраніемъ Сената, то онъ пишетъ на опредѣленіи общаго собранія: читалъ я дѣло этимъ кончается. Но если министръ не соглашается съ общимъ собраніемъ Сената, то можетъ внести дѣло въ консультацію или въ совѣтъ министра юстиціи, гдѣ оно вновь разсматривается. При всякомъ рѣшеніи консультаціи, министръ юстиціи можетъ по своему усмотрѣнію передать дѣло опять въ общее собраніе Сената, съ согласительнымъ предложеніемъ. Если общее собраніе не приметъ согласительнаго предложенія, тогда министръ юстиціи можетъ внести дѣло еще въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно окончательно рѣшается, а рѣшеніе подносится на Высочайшее утвержденіе.

¹⁾ Который, на строго-юридическихъ соображеніяхъ Сената, отдыхалъ отъ административно-бюрократическихъ пзворотовъ дѣла.

Изъ изложеннаго видно, что передача дѣла „на пропускъ“ министра юстиціи представляетъ изъ себя процедуру, которою вся судьба дѣла, до перехода его въ Государственный Совѣтъ, отдается въ руки министра юстиціи. Порядокъ этотъ заимствованъ изъ Положенія о Сенатѣ Петра Великаго, который хотѣлъ, чтобы въ Сенатѣ было око цареву, въ лицѣ генераль-прокурора Сената: Генераль-прокуроръ долженъ былъ наблюдать, чтобы сенаторы, какъ-нибудь, не нарушили законъ; генераль-прокуроръ присутствовалъ въ средѣ Сената, разъяснялъ сенаторамъ законы. Если сенаторы съ нимъ не были согласны, генераль-прокуроръ могъ представить дѣло на усмотрѣніе Государя.

Теперь этотъ порядокъ замѣненъ передачей дѣла „на пропускъ“ министра юстиціи, очевидно съ тою цѣлью, чтобы министр юстиціи могъ, сколь возможно, охранить интересы администраціи. Для этого и введено разсмотрѣніе дѣла въ консультаціи и новое разсмотрѣніе его въ общемъ собраніи Сената по согласительному предложенію министра юстиціи. Министръ юстиціи хотя и носитъ званіе генераль-прокурора, но значеніе его теперь совсѣмъ иное; генераль-прокуроръ при Петрѣ Великомъ былъ дѣйствительно окомъ царевымъ въ Сенатѣ, а нынѣшняя передача дѣлъ „на пропускъ“ подвергаетъ дѣло оку министра, если ему удастся склонить Сенатъ на свою сторону.

Пока наше дѣло съ марта 1893 г. приготовлялось къ переходу въ министерство юстиціи для пропуска, тамъ произошли важныя перемѣны. Министръ Н. А. Манасенинъ оставилъ министерство, на его мѣсто вступилъ Н. В. Муравьевъ; перемѣнился и товарищъ министра юстиціи; новымъ товарищемъ было то самое лицо, которое при нашемъ дѣлѣ занимало постъ оберъ-прокурора I департамента; ему снова пришлось разсматривать дѣло моей сестры въ консультаціи, потому что предсѣдателемъ ея состоитъ товарищъ министра юстиціи. Вышло такъ, что одно и то же лицо было въ Сенатѣ представителемъ суда, а въ консультаціи явилось представителемъ администраціи; судьба послала его, чтобы мечомъ суда разрубить гордіевъ узелъ, завязанный департаментомъ Государственнаго казначейства въ нашемъ дѣлѣ. Это совпаденіе въ одномъ лицѣ двухъ властей не указываетъ ли, что самъ Богъ беретъ участіе за правое дѣло и послалъ въ министерство юстиціи своего вѣстника высшей правды. Не было никакого сомнѣнія, что наше дѣло и въ новой обстановкѣ удержитъ свою правоту; въ консультаціи въ февралѣ 1894 года всѣ члены единогласно присоединились къ мнѣнію Сената.

Но предстояло пройти еще самого министра, а онъ, какъ на-

рочно, при вступленіи своемъ въ должность, произнесъ рѣчь, которая на первомъ планѣ ставила необходимость поддержки суда для администраціи. Конечно, это сказано было въ томъ смыслѣ, если дѣйствія администраціи не противорѣчатъ закону, но изъ нашего дѣла уже рельефно видно, какъ безцеремонно можно толковать законы и какъ мало можно обратить вниманіе даже на прямыя Высочайшія повелѣнія! Хотя и въ юстиціи, но министръ—все же администраторъ и можетъ тяготѣть къ административному толкованію закона.

Я ждалъ, что дѣло поступитъ въ Государственный Совѣтъ, но послѣ консультаціи оно не двигалось. Одинъ изъ видныхъ чиновъ министерства юстиціи мнѣ сказалъ, что лучше всего было бы, если бы я склонилъ министерство финансовъ дать моей сестрѣ всю пенсію по Высочайшему повелѣнію 4 ноября 1866 года.

— Теперь, послѣ рѣшенія Сената, они можетъ быть это и сдѣлаютъ, прибавилъ онъ; вы скажите имъ прямо, что въ министерствѣ юстиціи это дѣло не можетъ перерѣшиться; отъ насъ уже ѣздили къ нимъ чиновникъ съ сообщеніемъ въ этомъ смыслѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что теперь вы встрѣтите въ департаментѣ Государственнаго казначейства сочувствіе.

Я понялъ, что весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы не вмѣшиваться въ это дѣло министерство юстиціи и понудить министерство финансовъ уважать законы.

Въ департаментѣ Государственнаго казначейства я опять говорилъ съ начальникомъ отдѣленія г. Страховымъ, убѣждалъ его стать на сторону моей сестры, въ виду громаднаго большинства голосовъ сенаторовъ и единогласія въ консультаціи. Г. Страховъ сомнѣвался, чтобы это удалось, однако и самъ уже не имѣлъ прежняго образа чиновника, гордаго своимъ кривотолкомъ, а похожъ былъ на человека сконфуженнаго; онъ обѣщалъ мнѣ доложить мое ходатайство директору своего департамента. Директоръ г. Галиндо принялъ мое прошеніе, но тоже выразилъ сомнѣніе въ успѣхѣ. Послѣ я узналъ, что министръ финансовъ С. Ю. Витте не согласился удовлетворить мою просьбу. Пусть дѣло идетъ въ Государственный Совѣтъ, сказалъ онъ, и я буду радъ, чѣмъ бы его тамъ ни рѣшили. Меня поразило это безпристрастіе къ закону С. Ю. Витте; ему слѣдовало защищать законъ, а онъ щеголялъ безпристрастьемъ. Впослѣдствіи я узналъ, что къ г. Галиндо изъ министерства юстиціи ѣздили и разъясняли дѣло; на сей разъ ѣздилъ директоръ департамента министерства юстиціи г. Шеманъ.

Съ этого момента дѣло наше пошло быстро къ развязкѣ. Дѣло передоложили С. Ю. Витте, онъ подчинился министерству юстиціи:

министерство финансовъ отъ себя, безъ сношенія съ министерствомъ Государственныхъ имуществъ, сдѣлало представленіе въ комитетъ министровъ и въ декабрѣ 1894 г. императоръ Николай II пожаловалъ моей сестрѣ то, что уже было ей пожаловано его дѣдомъ, императоромъ Александромъ II. Моя сестра конечно подала въ Сенатъ прошеніе о прекращеніи тамъ выиграннаго ею дѣла. Вноси дѣло въ комитетъ министровъ, министерство финансовъ ни однимъ словомъ не упомянуло, что моя сестра жаловалась Сенату.

По принятымъ издавна въ министерствѣ юстиціи порядкамъ, дѣла, поступающія изъ общаго собранія Сената, вѣдаются, за министра, товарищемъ министра; интересно, почему товарищъ министра не воспользовался тутъ своимъ положеніемъ и самъ не написалъ на резолюціи Сената — читаль; тогда дѣло было бы сразу кончено, и министерство финансовъ не могло бы протестовать?

Тутъ могли быть двѣ серьезныя причины. Первая, что установившіеся порядки „по пропуску“ сенатскихъ опредѣлений могли быть измѣнены новымъ министромъ юстиціи, и вторая, что, по духу судебныхъ уставовъ, судья, принимавшій участіе въ рѣшеніи дѣла, обязанъ себя отвести при новомъ разсмотрѣніи того же дѣла. Въ то время въ министерствѣ юстиціи былъ одинъ товарищъ министра.

Несмотря на то, что Сенатъ очень стѣсненъ процедурою разбора жалобъ на министерства, тѣмъ не менѣе въ народѣ сложилось убѣжденіе, что только черезъ Сенатъ можно добиться своихъ правъ¹⁾. Интеллигенція не имѣетъ этой вѣры, что доказывается хотя бы тѣмъ, что новое дѣло, по жалобѣ на невыдачу пенсіи, было единственнымъ за время дѣйствія правилъ 1874 г. о нераздѣльных пенсіяхъ.

Въ книгѣ г. Семенова: „Самодержавіе, какъ государственный строй“ (Спб. 1905 г., 99 стр. на правахъ рукописи) изложено, какимъ образомъ Сенатъ, задуманный Петромъ Великимъ, какъ учрежденіе, которому слѣдуетъ быть ближайшею помощью Верховной власти въ управленіи государствомъ, обратился въ нынѣшнее, почти безвластное учрежденіе? Даже послѣ Петра, при учрежденіи министерствъ, Сенату принадлежало право ревизовать отчеты министровъ и требовать у нихъ личныхъ объясненій, а въ важныхъ случаяхъ докладывать Государю; Сенатъ имѣлъ и законодательныя функціи, могъ возбуждать новые законы. Министры постепенно отвоевали у Сената свою независимость и достигли того, что свои отчеты пред-

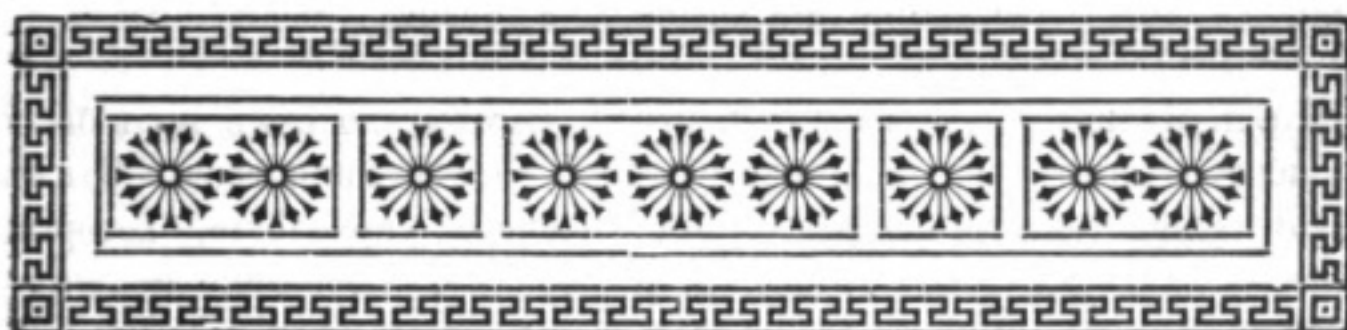
¹⁾ Вѣра народа въ Сенатъ сложилась не сегодня: указаніе на нее находимъ у С. Аксакова въ его „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука“ (Изданіе Москва. 1909 г., стр. 437).

ставляютъ прямо Государю, имѣютъ у Государя единоличныя доклады!

И теперь, при Государственной Думѣ и при новомъ Государственномъ Совѣтѣ, мы видимъ, что настоящій надзоръ за администраціей можетъ быть осуществленъ только черезъ Сенатъ. Сколько горячихъ запросовъ предъявлено было къ министрамъ всѣми тремя Думами и они не принесли той пользы, какую даютъ спокойныя сенаторскія ревизіи? Депутаты Государственной Думы слишкомъ горячо и партійно относятся къ надзору за администраціей, и горячность эта портитъ все дѣло. Искусный дѣлецъ никогда не испугается горячихъ и потому большею частью ошибочныхъ нападокъ, всегда отъ нихъ отвернется, но спокойная и опытная ревизія Сената не позволитъ администраціи укрываться. Теперь заговорили о реформѣ Сената; она нужна, чтобы дать Сенату больше власти. Слѣдовало бы и право запроса передать изъ Государственной Думы Сенату, освободить Думу отъ этой обременительной и непосильной для нея работы. Тогда и Дума выиграетъ, занявшись всецѣло законодательствомъ.

Н. Покровскій.

Воспоминанія жизни О. Г. Фернера¹⁾.

Въ неопредѣленномъ положеніи дѣло оставалось слишкомъ мѣсяць, когда, неожиданно почти для всѣхъ, появился манифестъ, излагавшій, что Государь намѣревается царствовать по завѣтамъ предковъ, манифестъ, инспирированный и кажется редактированный К. П. Побѣдоносцевымъ.

Появленіе манифеста имѣло двойное значеніе. Во-первыхъ, онъ долженъ былъ положить конецъ всякимъ мечтаніямъ о введеніи у насъ представительнаго образа правленія²⁾.

Другое важное значеніе этого манифеста заключалось въ тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ былъ изданъ. Онъ явился совершеннымъ сюрпризомъ для гр. Лорисъ-Меликова, А. А. Абазы и гр. Милютина, которымъ онъ даже не былъ сообщенъ предварительно. Можно предполагать, что объ немъ имѣли понятіе, кромѣ Побѣдоносцева, только гр. Н. П. Игнатьевъ и М. И. Островскій, образовавшіе какъ бы враждебный тріумвиратъ противъ тріумви-

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1910 г.

²⁾ Это впрочемъ не воспренятствовало графу Н. П. Игнатьеву по назначеніи его м-ромъ вн. дѣлъ вновь возбудить вопросъ о Земскомъ Соборѣ, — каковой могъ считаться не противнымъ завѣтамъ предковъ, такъ какъ и при прежнихъ царяхъ собирались Земскіе Соборы. Графомъ Игнатьевымъ даже былъ составленъ проектъ созванія подобнаго Собора, но проектъ столь непрактическій, что, при его разсмотрѣніи, оказалось положительно невозможнымъ его осуществить на практикѣ. Только послѣ этого всякія дальнѣйшія попытки на учрежденіе подобнаго совѣщательнаго собранія были покинуты на долгое время.

рата Л.-Меликова, Абазы и Милютина, которые до сихъ поръ были наиболѣе вліятельными министрами въ совѣтъ министровъ. Этимъ нарушался принципъ объединенія главнаго управленія, который преобладалъ въ эпоху реформъ и получилъ выраженіе въ учрежденіи совѣта министровъ (который затѣмъ во все царствованіе Александра III уже ни разу не собирался)—но кромѣ того, несообщеніе проекта предполагавшагося манифеста означеннымъ тремъ министрамъ, очевидно, получало характеръ, какъ бы нѣкотораго къ нимъ недовѣрія. Послѣ этого и гр. Лорисъ-Меликову и А. А. Абазѣ оставалось только подать въ отставку, что они и сдѣлали. Что же касается Д. А. Милютина, то хотя это дѣло его касалось менѣе близко, какъ военнаго министра, но онъ давно уже тяготился своимъ положеніемъ и уже при покойномъ Государѣ желалъ уйти на покой, и только близкія отношенія его къ покойному не позволяли ему это сдѣлать. Теперь же, когда высказывалась даже мысль о преобразованіи введенной имъ въ войска окружной системы, онъ, очевидно, при новомъ составѣ министерства, уже не могъ желать сохраненія своего положенія, и потому, хотя и не одновременно съ гр. Лорисъ-Меликовымъ и А. А. Абазой, но нѣсколько времени спустя, оставилъ свой постъ военнаго министра, и былъ замѣненъ П. С. Ванювскимъ. Несмотря на всю скромность проекта гр. Л.-Меликова, нельзя не остановиться на соображеніи, что рядъ преступныхъ дѣйствій анархистовъ послужилъ преградой дальнѣйшему развитію реформъ, которыми такъ отрадно началось царствованіе Императора Александра II-го и которыя неустанно продолжались въ теченіе перваго періода этого царствованія, вплоть до выстрѣла Каракозова. За тѣмъ послѣдовало изданіе положенія усиленной охраны, административныя высылки, только подливавшія масло въ огонь и, наконецъ, послѣ преступленія 1-го марта, совершенная остановка дальнѣйшаго развитія реформеннаго движенія и даже въ нѣкоторой степени обращеніе въ сторону реакціи. Анархисты утверждаютъ, что только терроромъ можно довести правительство до концессіи, а между тѣмъ вся наша исторія послѣдняго времени служить неопровержимымъ доказательствомъ тому, что политическія страсти, дѣйствуя подъ импульсомъ крайняго возбужденія, совершенно теряютъ подъ собою логическую почву; что анархизмъ, насильственно заявляя крайнія требованія, только останавливаетъ и нарушаетъ спокойный и нормальный ходъ дѣла реформы.

Въ началѣ апрѣля я получилъ командировку въ Парижъ на собраніе монетной конференціи, которая должна была завершить дѣло, начатое три года тому назадъ.

По возвращеніи въ Петербургъ я немедленно сдѣлалъ визитъ А. А. Абазѣ, по случаю выхода его изъ министерства. Наша встрѣча была очень сердечна; онъ мнѣ сказалъ на прощанье, что онъ надѣется, что я лично, кромѣ пріятнаго, не сохраняю никакихъ другихъ впечатлѣній отъ нашихъ взаимныхъ отношеній за последнее время, и что я сохраняю о немъ добрую память—что я чистосердечно подтвердилъ.

Какъ и послѣ возвращенія изъ первой монетной конференціи, меня и теперь стали спрашивать—назначаюсь ли я товарищемъ министра, до того это всемъ казалось вѣроятнымъ. Я былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Н. Х. Бунге и кромѣ того, какъ старшій директоръ департамента, я уже неоднократно временно исправлялъ эту должность. Но и на этотъ разъ слухи о моемъ назначеніи оказались преждевременными. Выборъ Николая Христіановича остановился на Павлѣ Никитичѣ Николаевѣ. Какъ до меня доходило, Бунге, при крайне развитомъ тогда руссофильскомъ настроеніи, не считалъ возможнымъ взять себѣ въ товарищи лицо съ нерусскою фамиліею, потому что тогда во главѣ министерства были бы обѣ личности—Бунге и Тернеръ съ нѣмецкими фамиліями. Выборъ его впрочемъ оказался вполне удовлетворительнымъ. Павелъ Никитичъ, какъ человекъ очень умный и вполне порядочный—былъ несомнѣнно ему хорошимъ товарищемъ. Нѣкоторое время спустя Е. И. Ламанскій по несогласію съ Бунге оставилъ Государственный банкъ. Казалось, что Ламанскій былъ обиженъ тѣмъ, что его товарищъ былъ назначенъ товарищемъ министра и такимъ образомъ сталъ какъ бы его начальникомъ. Прежде Ламанскій былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Николаемъ Христіановичемъ, и онъ даже назначилъ его управляющимъ конторой Государственнаго Банка въ Кіевѣ, такъ что теперь Ламанскій оказывался въ подчиненіи у двухъ лицъ, которыя прежде были его же подчиненными. Хотя такимъ образомъ между Ламанскимъ и Бунге установились натянутыя отношенія, но катастрофа произошла на почвѣ дѣла о займѣ и по инициативѣ не Бунге, а графа Игнатьева, который, въ качествѣ министра вн. дѣлъ, игралъ тогда въ нѣкоторомъ родѣ роль перваго министра.

Въ Государственномъ банкѣ была назначена подписка на заемъ, которая пошла очень туго. Ламанскій въ этотъ день пріѣхалъ въ банкъ довольно поздно, и его стали упрекать въ томъ, что его запозданіе воспрепятствовало отчасти успѣху займа. Не знаю, насколько все это было справедливо, но это обстоятельство послужило поводомъ съ его увольненію. Говорили, будто бы графъ Игнатьевъ, по поводу этого слуха, доложилъ Государю, что Ламанскій на-

мѣренно противодѣйствуетъ Бунге, и Государь приказалъ его причислить къ министерству. Ламанскій вслѣдъ за тѣмъ подалъ просьбу о полной отставкѣ отъ службы, отказавшись даже отъ полученія причитающейся ему пенсіи. Онъ былъ очень возмущенъ тѣмъ, что съ нимъ такъ поступили, и между прочимъ жаловался на Игнатьева, который въ прежнее время, когда Ламанскій занималъ вліятельное положеніе при Рейтернѣ, искалъ съ нимъ сближенія и посѣщалъ его вечера, а теперь вызвалъ его паденіе.

На мѣсто Ламанскаго былъ назначенъ директоръ кредитной канцеляріи А. В. Цимсенъ, а его мѣсто Бунге предложилъ мнѣ, но я отъ этого отказался. Бывъ кандидатомъ на постъ товарища министра, меня не интересовало переходить изъ одного департамента въ другой, а между тѣмъ на мѣстѣ директора деп. госуд. казначейства я пользовался большою свободой, могъ брать лѣтомъ отпуска и проводить время съ семействомъ, что, при преклонныхъ лѣтахъ моей покойной матушки, имѣло для меня большую цѣну, между тѣмъ какъ въ кредитной канцеляріи я былъ бы очень связанъ службой. По этому поводу мы дружественно объяснились съ Николаемъ Христіановичемъ, онъ понялъ мои причины отказа, не настаивалъ на своемъ предложеніи, и это не помѣшало нашимъ хорошимъ отношеніямъ, которыя сохранились до конца его жизни.

Лѣто 1881 г. мы провели опять въ Ревелѣ, куда я ѣздилъ еженедѣльно изъ Петербурга дня на три, посвящая начало недѣли департаментскимъ занятіямъ.

Осенью, послѣ одного доклада, Н. Х. Бунге сообщилъ мнѣ, совершенно неожиданно для меня, что мнѣ предстоитъ командировка въ Константинополь.

По С.-Стефанскому договору, Порты приняла на себя обязательство уплатить намъ 800 милліоновъ франковъ въ качествѣ военнаго вознагражденія, *indemnité de guerre*. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, и ни одного франка не было уплачено.

Въ то время Порты уже должна была по своимъ займамъ значительныя суммы европейскимъ капиталистамъ. Такъ какъ платежи процентовъ по этимъ займамъ совершались очень неаккуратно, то владельцы турецкихъ облигацій въ Англіи, Франціи, Германіи и Австріи, такъ называемые бондгольдеры (*bondholders*), образовали синдикатъ и прислали своихъ уполномоченныхъ¹⁾ въ Константинополь для переговоровъ о регулированіи долговыхъ обязательствъ Порты, при чемъ предполагалась унификація всѣхъ государственныхъ

¹⁾ Представителемъ Германіи былъ Гешеръ, Франціи—Ланфрей, Австріи—Маеръ и Англіи—Броксъ.

ныхъ долговъ Турціи, при нѣкоторомъ пониженіи размѣра процентовъ по нимъ, взамѣнъ предоставленія владѣльцамъ облигацій положительныхъ гарантій, въ формѣ обезпеченія исправности платежей таможенными доходами и поступленіемъ нѣкоторыхъ другихъ налоговъ.

Такъ какъ при этомъ наши права могли бы быть приведены фактически къ нулю, то нашъ посолъ въ Константинополь, Е. П. Новиковъ, сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ о необходимости возбудить въ Константинополь, одновременно съ негоціаціей делегатовъ бондгольдеровъ,—вопросъ объ исполненіи платежныхъ обязательствъ Порты по отношенію къ Россіи и просилъ прислать для содѣйствія ему делегата отъ министерства финансовъ. Предложеніе Новикова было одобрено Государемъ, и выборъ быть представителемъ министерства финансовъ палъ на меня.

Сообщеніе Николая Христіановича меня крайне смутило. Я только что отказался отъ директорства кредитной канцеляріи, чтобы сохранить нѣкоторое свободное время, а теперь предстоялъ отъѣздъ на неопредѣленный срокъ, что не могло не беспокоить меня, такъ какъ моей матушкѣ было тогда уже за 80 лѣтъ, и при такомъ преклонномъ ея возрастѣ мнѣ, разумѣется, очень не хотѣлось разставаться съ нею на продолжительное время. На сдѣлавныя мною возраженія, Николай Христіановичъ сказалъ мнѣ, что объ этомъ уже доложено Государю, и Государь изъявилъ согласіе на мою командировку. До сихъ поръ и Рейтернъ и Грейгъ, давая мнѣ особенныя порученія, меня о томъ предупреждали и обыкновенно даже спрашивали моего согласія на принятіе предполагавшагося порученія, но Бунге поступилъ въ этомъ случаѣ не такъ деликатно. Правда, что въ то время трудно было выбрать изъ состава министерства финансовъ для этой цѣли другое лицо; я считался какъ бы дипломатомъ министерства, такъ какъ велъ уже переговоры о торговой конвенціи съ Австріей и Пруссіей, какъ выше указано, и о расчетахъ по желѣзнымъ дорогамъ съ Румыніей.

Мнѣ казалось, что въ сущности едва-ли стоитъ командировать кого-либо въ Константинополь, потому что едва-ли можно было надеяться получить что-либо отъ Порты. Послѣ войны, финансы Турціи были въ самомъ печальномъ положеніи, главные источники ея доходовъ были уже обѣщаны бондгольдерамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, при окончательномъ пересмотрѣ С.-Стефанскаго договора въ Берлинѣ, мы приняли на себя обязательство респектировать права европейскихъ кредиторовъ Порты—при такихъ условіяхъ, очевидно, весьма мало оставалось надежды выговорить у Турціи какіе-либо дѣйствительные платежи въ нашу пользу. Указывая на эти сомнѣнія Ни-

колаю Христіановичу, я замѣтилъ ему, что моя командировка все же будетъ стоить денегъ, а въ замѣнъ ничего не получится, а по этому было бы практичнѣе не производить совершенно лишняго расхода на мое отправленіе въ Константинополь. Разумѣется, все ограничилось однимъ разговоромъ, ибо разъ моя командировка уже рѣшена была Государемъ, мои возраженія не могли поколебать совершившагося факта, пришлось готовиться къ отъѣзду.

Я льстилъ себя надеждой, что все кончится мѣсяца черезъ два, а между тѣмъ пришлось пробыть въ Константинополѣ девять мѣсяцевъ; я возвратился только въ маѣ 1882 года и былъ радъ, что засталъ еще матушку въ живыхъ. Мои предположенія о безцѣльности командировки также не оправдались. Благодаря искусному образу дѣйствія Новикова, который велъ все дѣло, удалось заключить съ Портой конвенцію, по которой она обязывалась уплачивать Россіи, въ счетъ контрибуціи, около трехъ милліоновъ руб. въ годъ, и эта плата, дѣйствительно, поступала, хотя и болѣе или менѣе исправно, такъ какъ до сихъ поръ мы получили отъ Турціи около 60 милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ моя командировка обошлась всего приблизительно въ шесть тысячъ рублей.

Матушка и сестры находились еще въ Ревелѣ, я немедленно сообщилъ имъ о предстоящей мнѣ командировкѣ, и онѣ вслѣдъ за полученіемъ моего письма вернулись въ Петербургъ. Хотя разлука со мною и казалась имъ тяжелою, но все же онѣ были довольны тѣмъ, что мнѣ предстояло столь интересное порученіе.

Нѣсколько дней были проведены въ приготовленіяхъ къ предстоящей задачѣ, пришлось проштудировать дипломатическую переписку по этому предмету, дѣлать изъ нея выписки и т. д.

Передъ отъѣздомъ я представился Государю и за тѣмъ 20 сентября отправился въ путь на Одессу.

Я прямо проѣхалъ до Кіева, гдѣ, по росписанію, приходилось остановиться до вечера, чтобы пересѣсть на другой поѣздъ. Подъѣзжая къ Кіеву, поѣздъ огибаетъ весь городъ, объѣзжая всѣ монастыри, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ приходится наслаждаться чудной панорамой: гористая и отчасти холмистая мѣстность, богато окаймленная растительностью, возвышающіеся изъ-за деревъ куполы монастырей и другія монастырскія постройки—представляютъ самую живописную картину. Остановкой въ Кіевѣ я воспользовался для осмотра города, прошелся по Крещатику, съ оконечности котораго чудный видъ на рѣку и вдаль на степь. На другой день я прибылъ въ Одессу, гдѣ опять пришлось остановиться на сутки, потому что пароходъ отправлялся на слѣдующее утро.

Одесса чрезвычайно красивый городъ, съ вполнѣ южнымъ типомъ: изящныя строенія, сады, великолѣпный портъ, изъ котораго виднѣлись мачты безчисленныхъ судовъ и трубъ пароходовъ, все это представляло интересную картину, согрѣваемую южнымъ солнцемъ. Я гулялъ по городу, осматривалъ портъ и бульвары, и сдѣлалъ визитъ князю Дондукову-Корсакову, который былъ тогда градоначальникомъ въ Одессѣ.

На слѣдующій день въ субботу, 26-го сентября, я сѣлъ на пароходъ „Чихачовъ“, который долженъ былъ везти меня въ Константинополь. Пароходъ уже отчалилъ, когда мнѣ подвезли съ берега на лодкѣ телеграмму отъ матушки, извѣщавшую меня, что все здорово: полученіе этой телеграммы въ самый моментъ отъѣзда доставило мнѣ большое удовольствіе—представляя какъ бы хорошее предзнаменованіе для предстоящей поѣздки. Пассажировъ на пароходѣ на этотъ разъ было не много, капитанъ очень любезный господинъ, море довольно спокойно, такъ что переѣздъ черезъ Черное море я совершилъ при очень благоприятныхъ условіяхъ.

Въ понедѣльникъ утромъ или въ сущности уже въ воскресенье вечеромъ нашъ пароходъ пришелъ къ Босфору; при входѣ въ Босфоръ пришлось бросить якорь, потому что входъ въ проливъ разрѣшался только послѣ извѣстнаго часа утра, когда подается къ тому сигналъ выстрѣломъ изъ пушки съ берега. Мы простояли такимъ образомъ почти цѣлую ночь на якорѣ, при чемъ насъ порядочно качало. Я всталъ очень рано утромъ, чтобы не лишиться впечатлѣнія входа въ этотъ волшебный край.

Наконецъ, сигналъ былъ данъ, и мы вошли въ Босфоръ. Босфоръ это широкій проливъ, какъ гигантская рѣка, соединяющій Черное море съ Мраморнымъ. Описать чудныя картины, представляющіяся вдоль всего Босфора глазамъ зрителя, довольно трудно, до того онѣ красивы, разнообразны и оригинальны. Но и первое впечатлѣніе при самомъ входѣ въ Босфоръ очаровательно. Берегъ, окаймленный невысокими горами, покрытыми мѣстами богатою растительностію; при самомъ началѣ Босфора на азіатской сторонѣ крѣпость Кавакъ и живописныя развалины Генуэзскаго форта, а на европейскомъ берегу роскошные парки Буюкдере, Терапія—съ красивыми постройками. У самаго входа въ Босфоръ находится лѣтняя резиденція русскаго посольства Буюкдере. Такъ какъ посольство наше въ это время жило еще въ Буюкдере, то капитанъ парохода, съ которымъ я говорилъ о цѣли моей командировки, посоветовалъ мнѣ не продолжать поѣздки до Константинополя, откуда мнѣ пришлось бы потомъ ѣхать опять обратно, а

выйти на берегъ въ Буюкдере. Я послѣдовалъ его совѣту, пароходъ остановился, и я съѣхалъ на берегъ.

Оказавшись въ совершенно неизвѣстномъ мнѣ краѣ, я отправился прежде всего отыскивать гостиницу. Мнѣ рекомендовали Hôtel de l'Union, лежащую вблизи, почти на самомъ берегу Босфора. Я нашелъ тамъ большую, свѣтлую, очень хорошую комнату, убранную по-восточному, съ циновками на полахъ, съ красивымъ видомъ на Босфоръ и помѣстился въ ней.

Оправившись отъ дороги и переодѣвшись, я отправился въ посольство, чтобы представиться послу. Е. П. Новиковъ принялъ меня очень любезно, мы съ нимъ тутъ же переговорили о дѣлахъ, затѣмъ онъ пригласилъ меня къ обѣду въ семь часовъ.

Я воспользовался свободнымъ временемъ до обѣда, чтобы погулять въ окрестностяхъ Буюкдере, напоминавшихъ мнѣ по типу нѣсколько Montreux на берегу Женевского озера.

Въ семь часовъ я отправился въ посольство. Евгенийъ Петровичъ представилъ меня женѣ и дочери, кромѣ того я встрѣтилъ тамъ А. И. Кирѣеву, родственницу Новикова, которая временно жила у нихъ въ семействѣ. Анна Ивановна, вдова Н. А. Кирѣева, героически павшаго на полѣ битвы въ рядахъ сербскихъ добровольцевъ въ началѣ Турецкой войны. Братъ Евгения Петровича былъ женатъ на сестрѣ покойнаго мужа Анны Ивановны, О. А. Кирѣевой, почти постоянно проживавшей въ Лондонѣ, гдѣ ея салонъ былъ временно центромъ политическихъ людей и въ которомъ постоянными посѣтителями были и Глэдстонъ, съ которымъ Ольга А. была въ хорошихъ отношеніяхъ. О. А. приобрѣла широкую извѣстность своими политическими статьями въ англійскихъ журналахъ, въ которыхъ она постоянно отстаивала интересы Россіи. Такъ какъ она подписывала свои статьи буквами О. К.—то ее въ Петербургскихъ кругахъ обыкновенно такъ и называли О. К.

Съ А. И. Кирѣевой я уже познакомился въ Египтѣ во время моей поѣздки на открытіе Суэзскаго канала, и мы потому встрѣтились съ нею, какъ старые знакомые. Встрѣча въ новой средѣ, съ знакомою личностію значительно облегчила сближеніе съ прочими членами семейства Новикова, съ которыми я почти немедленно сталъ въ пріятельскія отношенія, такъ какъ всѣ отнеслись ко мнѣ очень любезно. Кромѣ того у посла обѣдали еще нѣкоторые члены посольства, между прочимъ секретари Карцовъ и Комаровъ.

Разговоръ во время обѣда былъ очень оживленный. Евгенийъ Петровичъ былъ большимъ любителемъ игры въ шахматы: узнавъ, что и я играю въ шахматы, онъ послѣ обѣда устроилъ партію à quatre: онъ, Карцовъ, Комаровъ и я. Такимъ образомъ у насъ съ

самаго начала установились очень хорошія и непринужденныя отношенія. Впослѣдствіи, когда въ Константинополѣ я, по приглашенію Новикова, совершенно переѣхалъ къ нимъ жить въ посольствѣ, я сдѣлался какъ бы членомъ семейства, обѣдалъ у нихъ ежедневно, вмѣстѣ съ ними выѣзжалъ въ общество, на вечера и дѣлилъ всѣ ихъ интересы.

Съ Евгеніемъ Петровичемъ я уже былъ знакомъ со времени моихъ переговоровъ въ Вѣнѣ, но тамъ наши отношенія оставались самыми поверхностными; я съ нимъ видѣлся нѣсколько разъ, иногда обѣдалъ въ его семействѣ, но никакого сближенія между нами не произошло: онъ не особенно интересовался порученными мнѣ переговорами, желая повидимому остаться въ сторонѣ отъ этого дѣла, считая его вѣроятно чисто спеціальнымъ и техническимъ вопросомъ, мало касающимся его дипломатической дѣятельности.

Здѣсь же въ Константинополѣ по общему дѣлу, его близко интересующему и въ сущности вызванному имъ самимъ, между нами установились съ самаго начала совершенно другія отношенія, которыя постепенно дѣлались даже дружески-интимными.

Евгеній Петровичъ принадлежалъ къ выдающимся личностямъ нашего дипломатическаго корпуса. Узнавъ его близко, во время продолжительной совмѣстной дѣятельности, я не могъ не считать его самымъ умнымъ и основательнымъ изъ всѣхъ нашихъ дипломатическихъ свѣтилъ того времени.

Одаренный очень тонкимъ умомъ и основательно образованный, Евгеній Петровичъ, можно сказать, соединялъ въ себѣ всѣ лучшія качества и свойства русскаго человѣка съ достоинствами глубокаго европейскаго образованія.

Воспитанникъ Московскаго университета, онъ уже на выпускномъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе своей диссертацией „о Лютерѣ“,—съ которой я впослѣдствіи познакомился. Это была не брошюра, какъ всѣ диссертации, а обстоятельное историческое сочиненіе, богатое содержаніемъ, основанное на изслѣдованіи подлинныхъ актовъ, частью уже опубликованныхъ, частью еще сокрытыхъ въ архивахъ, гдѣ ему приходилось ихъ разыскивать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ хорошо знакомъ съ нѣмецкою философіей.—Помню, что, разъ какъ-то бесѣдуя со мною о религіозныхъ вопросахъ, онъ упомянулъ о философіи Шеллинга и затѣмъ пошелъ въ свою бібліотеку, досталъ оттуда книгу Шеллинга и показалъ мнѣ въ ней мѣсто, относившееся къ нашему разговору, которое посоветовалъ мнѣ прочесть. Обладая превосходною памятью, онъ иногда цитировалъ въ разговорѣ цѣлыя стихи Шиллера, котораго онъ, кажется, особенно любилъ.

Его необыкновенныя способности скоро его выдвинули впередъ, онъ сдѣлалъ блестящую карьеру—во время восточной войны онъ былъ уже нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, гдѣ его особенно цѣнилъ Императоръ Францъ-Іосифъ, а послѣ заключенія мира былъ назначенъ посломъ въ Константинополь; затѣмъ однако враждебная ему руссофильская партія въ Петербургѣ достигла того, что дальнѣйшей его дипломатической дѣятельности положенъ былъ предѣлъ.

Истинно русскій по убѣжденію и по чувству, до глубины сердца, Евгеній Петровичъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ противникъ господствовавшаго тогда въ Петербургѣ крайняго руссофильскаго настроенія. Какъ и большинство нашихъ дипломатовъ, онъ смотрѣлъ на это направленіе какъ на вредное для интересовъ Россіи, и считалъ, что истинный патриотизмъ заключается въ соблюденіи русскихъ интересовъ, а не въ погонѣ за популярностью въ извѣстной господствовавшей тогда средѣ. Крайне нервный и въ мелочахъ, вслѣдствіе своей нервности, осторожный до щепетильности, какъ скоро дѣло касалось важнаго вопроса или его убѣжденія, онъ ничѣмъ не стѣснялся, выказывая рѣдкую самостоятельность и рѣшительность. Такъ и по поводу господствовавшаго тогда крайняго псевдопатриотическаго настроенія онъ высказывалъ всегда, не стѣняясь никакими посторонними соображеніями и съ горячностью, свое несочувствіе этому настроенію. Его образъ мыслей потому не могъ не быть извѣстнымъ въ Петербургѣ и создавалъ ему въ средѣ крайней русской партіи немало ожесточенныхъ враговъ; — правительство упрекали въ томъ, что на востокѣ, гдѣ у насъ столько интересовъ, оно держитъ представителя съ такимъ вреднымъ направленіемъ. Между тѣмъ рѣдкій дипломатъ достигалъ гдѣ-либо такихъ постоянныхъ успѣховъ, какъ Новиковъ, успѣховъ, служившихъ лучшимъ доказательствомъ того, на сколько онъ умѣлъ отстаивать истинно русскіе интересы.

Въ Вѣнѣ его упрекали, что онъ находится подъ вліяніемъ Андраши, а между тѣмъ, только благодаря его близкимъ отношеніямъ къ графу Андраши, который, оцѣнивъ его тактъ и правдивость, питалъ къ нему полнѣйшее довѣріе—ему удалось удержать Австрію въ относительно хорошихъ отношеніяхъ съ нами на все время Восточной войны. Затѣмъ въ Константинополь, во время пребыванія его тамъ посломъ, возникалъ рядъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ, которые всѣ ему удалось разрѣшить благоприятно, потому что онъ не ставилъ ихъ ребромъ, какъ желали у насъ представители мнѣнія „шапками закидаемъ“, а благодаря своему дипломатическому такту и умѣнію, доводилъ до удовлетворительнаго конца. Такъ, между прочимъ, въ началѣ его пребыванія

въ Константинополѣ, Греція легкомысленно начала войну съ Турціей, подъ давленіемъ общественнаго у нея мнѣнія, греческія войска были разбиты и отчасти уничтожены, и Греція оказалась совершенно à la merci Турціи. Благодаря ловкому и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне энергическому вмѣшательству Новикова, Портѣ не удалось использовать до конца своей побѣды и не удалось унизить Грецію, которая отдѣлалась довольно легкими пожертвованіями при заключеніи мира. Затѣмъ при немъ сталъ періодически возникать вопросъ о проходѣ нашихъ черноморскихъ судовъ Россійскаго Общества, съ новобранцами, хотя и не вооруженными, черезъ Дарданеллы. Порта постоянно возбуждала по этому поводу затрудненія и несмотря на то, каждый разъ по настоянію Новикова окончательно соглашалась на пропускъ. Затѣмъ при немъ разрѣшился вопросъ о постройкѣ храма на Шипкѣ, тоже встрѣтившій разнообразныя затрудненія, наконецъ дѣло о военномъ вознагражденіи и цѣлый рядъ другихъ, хотя и второстепенныхъ успѣховъ—служили доказательствомъ его необыкновеннаго умѣнія вести дѣла.

Несмотря на это, враждебная ему руссофильская партія разными интригами достигла въ 1882 году смѣщенія его съ поста посла въ Константинополѣ; онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Съ этою новою дѣятельностію онъ никакъ не могъ примириться; привыкши руководить важными международными дѣлами, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь, онъ никакъ не могъ сжиться съ интересами административной дѣятельности и при томъ нерѣдко чисто формальной, въ качествѣ члена Общаго Собранія. Послѣ сезона, проведеннаго въ Петербургѣ, онъ испросилъ себѣ безсрочный отпускъ, окончательно поселился въ Москвѣ и въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта уже не принималъ никакого участія. Такимъ образомъ изъ-за личныхъ интригъ, Россія была лишена услугъ первостепеннаго дипломата, который могъ бы еще не мало принести пользы нашему отечеству; тѣмъ болѣе, что мы въ то время не обладали въ числѣ нашихъ дипломатовъ особенно выдающимися личностями.

Нѣсколько дней послѣ моего приѣзда, ознакомившись нѣсколько съ положеніемъ дѣла, я написалъ обстоятельное донесеніе въ формѣ письма, Министру Финансовъ. Въ этомъ письмѣ я между прочимъ указывалъ на шаги, уже сдѣланные Новиковымъ въ нашемъ дѣлѣ и на его твердый и энергическій образъ дѣйствія. Я считалъ необходимымъ выставить послѣднее, зная, что Новикова упрекаютъ въ Петербургѣ въ недостаточной энергіи, при моемъ отъѣздѣ мнѣ говорилъ одинъ совѣтникъ М.И.Д. въ видѣ напутствія: *surtout beaucoup d'énergie, c'est ce que l'on désire en haut lieu.* Передъ отсылкою

моего письма, я далъ его прочитатъ Евгенію Петровичу. Привычный бороться съ интригами, которыми такъ изобилуетъ дипломатическая карьера, Новиковъ не могъ не оцѣнить моего прямого и откровеннаго образа дѣйствія, и это съ самаго начала послужило основаніемъ къ нашему сближенію съ нимъ. Содержаніе моего письма было доложено Государю, и вскорѣ послѣ того была получена депеша, въ которой Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Гирсъ извѣщалъ Новикова, что Государь вполне одобряетъ его образъ дѣйствія и направленіе, данное имъ дѣлу о военной контрибуціи. Разумѣется, эта депеша не могла не произвести на него самое пріятное впечатлѣніе. Наши отношенія становились все болѣе интимными и сохранились такими до самаго конца его жизни. Память о нашей совмѣстной дѣятельности и о близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ такою замѣчательною личностію, какою былъ Евгеній Петровичъ Новиковъ, принадлежитъ къ лучшимъ воспоминаніямъ моей жизни.

Семейство Евгенія Петровича состояло изъ жены, дочери и двухъ сыновей. Его жена Марія Николаевна была женщина умная и добрая.

Его дочь Вѣра Евгеніевна, очень милая и умная особа, вышла впоследствии замужъ за Шеншина. Изъ двухъ его сыновей младшій умеръ еще молодымъ человѣкомъ, а старшій, начавшій службу въ флотѣ и перешедшій затѣмъ въ дипломатическую карьеру, женился на дочери графа Лорисъ-Меликова, съ которою я впоследствии познакомился въ Петербургѣ.

Составъ нашего посольства, съ которымъ я тоже очень скоро сблизился, такъ какъ былъ принятъ очень радушно въ его средѣ, состоялъ въ то время изъ слѣдующихъ лицъ:

Совѣтникомъ посольства былъ Базили—человѣкъ очень богатый, греческаго происхожденія (его отецъ находился въ качествѣ драгомана также на русской службѣ), державшійся почему-то нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ членовъ посольства. Впоследствии онъ занималъ постъ директора Азіатскаго Департамента.

Начальникомъ драгомановъ былъ главный драгоманъ Ону. Онъ былъ румынскаго происхожденія и женатый на французской подданиой. Во время Крымской войны онъ, какъ кажется, сиротою былъ подобранъ русскими, чуть ли не на полѣ сраженія, въ какой-то раззоренной деревнѣ и впоследствии усыновленъ барономъ Жомини, сыномъ извѣстнаго военнаго писателя временъ Александра I-го, который былъ совѣтникомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Баронъ Жомини воспиталъ его и помѣстилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Какъ человѣкъ очень способный и хорошо знакомый съ восточными языками, онъ сдѣлалъ, благодаря вліятельному положенію барона Жомини, быструю карьеру.

За нѣсколько дней до моего прїѣзда въ Константинополь съ Ону случился слѣдующій трагическій эпизодъ, о которомъ тогда очень много говорили. Ону очень любилъ лошадей и хорошо ѣздилъ верхомъ. Однажды ему Султанъ подарилъ лошадь изъ своей конюшни. На этой лошади Ону вмѣстѣ съ подполковникомъ генеральнаго штаба Экъ, находившимся въ командировкѣ въ Константинополь, поѣхалъ гулять въ окрестности города. Сѣдоки разговорились о качествахъ своихъ лошадей; Ону предложилъ своему спутнику испробовать его лошадь, полученную отъ Султана, и они пересѣли одинъ на лошадь другого. Они проѣхали только нѣсколько шаговъ, какъ изъ канавы, находившейся вдоль дороги, раздакъ выстрѣлъ, и нашъ военный агентъ, смертельно раненый, упалъ съ лошади. Убійца былъ схваченъ и оказался конюхомъ, ходившимъ за лошадью, которая была подарена Ону. Эти люди замѣчательно привязываются къ животнымъ, за которыми они ходятъ; убійца, полюбившій свою лошадь, былъ такъ возмущенъ тѣмъ, что Султанъ подарилъ ее гяуру, что рѣшился убить его. Убійцу судили и приговорили, кажется, къ каторжнымъ работамъ. Такимъ образомъ Ону, благодаря счастливой для него случайности, спасся отъ вѣрной смерти, такъ какъ пуля, сразившая нашего военного агента, очевидно была предназначена ему.

Ону окончилъ свою дипломатическую карьеру постомъ посланника въ Аѣинахъ, на которомъ онъ и оставался до своей смерти.

Генеральнымъ консуломъ въ Константинополь былъ Лишинъ, у котораго жила прехорошенькая его родственница, M-lle Farnetti, замѣчательная піанистка. Она впоследствии вышла замужъ за состоящаго при посольствѣ Яковлева, который затѣмъ былъ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимѣ.

Первымъ секретаремъ въ посольствѣ былъ Щербачевъ, человекъ чрезвычайно сдержанный, деликатный и обладавшій большимъ тактомъ,—онъ въ настоящее время занимаетъ мѣсто посланника въ Аѣинахъ, куда онъ былъ назначенъ послѣ смерти Ону.

Затѣмъ при посольствѣ находились Карцовъ, Вурцель, Максимовъ, Кухти, Демерикъ и Комаровъ.

Ю. С. Карцовъ, сынъ покойнаго генерала Карцова, игравшаго нѣкоторую роль въ Польшѣ во время подавленія возстанія и наѣленнаго тамъ маіоратомъ, и племянникъ нашего генеральнаго консула въ Парижѣ, былъ секретаремъ посольства. Карцовъ рѣдко умный человекъ, но часто крайній въ своихъ сужденіяхъ и всегда склонный доводить мысли до послѣдняго парадоксально логическаго предѣла. Нѣсколько времени послѣ моего отѣзда изъ Константинополя, онъ былъ назначенъ консуломъ въ г. Могуль, въ центрѣ Малой Азии, гдѣ онъ имѣлъ несчастіе прострѣлить себѣ колѣно. Ѣдучи верхомъ,

онъ увидѣлъ на дорогѣ зайца, выхватилъ изъ сѣдла пистолеть, чтобы выстрѣлить въ него, но какъ человѣкъ близорукій, по неосторожности выстрѣлилъ слишкомъ рано и попалъ себѣ въ ногу, раздробивъ колѣно. Могуль находился, какъ я уже замѣтилъ, въ центрѣ Азіи, удаленный на нѣсколько сотъ верстъ отъ такого города, въ которомъ можно было оказать правильную помощь раненому. Въ такомъ состояніи несли его всю дорогу на носилкахъ и, наконецъ, доставили въ Константинополь. Можно себѣ представить, какія страданія онъ перенесъ во время этого продолжительнаго пути, лежа на носилкахъ съ раздробленной ногой. Въ Константинополѣ онъ былъ помѣщенъ въ госпиталь, гдѣ ему оказали первую настоящую хирургическую помощь, но такъ какъ столь трудный случай требовалъ особенно умѣлаго лѣченія, то его перевезли затѣмъ въ Вѣну, гдѣ онъ долгое время лежалъ въ клиникѣ знаменитаго мѣстнаго хирурга. Благодаря заботливому уходу послѣдняго, онъ совершенно оправился, но остался хромымъ на больную ногу, которая послѣ операціи и лѣченія оказалась короче другой. Послѣ этого происшествія онъ оставилъ службу и жилъ нѣкоторое время у себя въ маіоратномъ имѣніи въ Польшѣ, завѣдуя его хозяйствомъ. Затѣмъ, познакомившись съ Ковалевскимъ, онъ чрезъ него былъ представленъ С. Ю. Витте и получилъ мѣсто агента министерства финансовъ въ одномъ изъ южныхъ портовъ Англіи. Какъ человѣкъ очень самостоятельный, относившійся крайне основательно ко всѣмъ вопросамъ, входившимъ въ сферу его дѣятельности и не согласившійся подчиняться бюрократическому руководству изъ Петербурга — онъ не ужился съ министерствомъ финансовъ и вторично оставилъ службу. Въ настоящее время онъ состоитъ причисленнымъ къ портовому вѣдомству при Вел. Кн. Александрѣ Михайловичѣ. Живо интересующійся всѣми современными вопросами, онъ въ теченіе всего этого времени занимался политической литературой, и его статьи хотя и безъ подписи—обращали на себя вниманіе въ политическихъ кругахъ, такъ что онъ составилъ себѣ репутацію очень выдающагося писателя. Онъ сошелся между прочимъ съ M-me Juliette Adam и помѣстилъ въ издаваемомъ ею журналѣ, *Nouvelle Revue*, рядъ статей о Россіи на французскомъ языкѣ, но тоже безъ подписи. Онъ написалъ даже французскій романъ. Кажется, ему же принадлежали письма о русскомъ обществѣ, появившіяся въ *Nouvelle Revue*, о которыхъ всѣ говорили, но тогда никто не зналъ, кто ихъ авторъ, такъ хорошо ознакомленный со всѣми подробностями Петербургскихъ общественныхъ сферъ. Съ Ю. С. Карцовымъ я до того близко сошелся, что когда впоследствии онъ женился въ Петербургѣ на племянницѣ гр. Путятина, дѣвицѣ Христофовичъ,

очень симпатичной особѣ, я былъ на его свадьбѣ посаженнымъ отцомъ.

Вурцель, сынъ профессора въ технологическомъ институтѣ, былъ при мнѣ не долго въ Константинополѣ и впоследствии получилъ мѣсто секретаря въ Цетиньѣ при нашемъ Черногорскомъ министеръ-резидентѣ.

Максимовъ, Кухта и Демерикъ состояли при посольствѣ въ качествѣ драгомановъ.

Максимовъ былъ изъ богатаго московскаго купческаго семейства. Онъ обратилъ на себя вниманіе во время избіенія армянъ въ Константинополѣ, спасши своимъ энергическимъ вмѣшательствомъ Константинопольскій банкъ отъ разграбленія черни. Въ благодарность за его помощь банкъ поднесъ ему значительную сумму, которую ему и разрѣшено было принять. Въ настоящее время онъ находится генеральнымъ консуломъ въ Каирѣ.

Демерикъ въ настоящее время генеральнымъ консуломъ въ Бейрутѣ.

Кухта, по дѣламъ о военномъ вознагражденіи, перешелъ впоследствии въ Министерство Финансовъ и въ настоящее время состоитъ представителемъ министерства въ Херсонскомъ банкѣ въ Одессѣ.

Комаровъ, братъ фрейлины Комаровой, которая состояла при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ и затѣмъ вышла замужъ за графа Шувалова, бывшаго нашимъ посломъ въ Берлинѣ и затѣмъ намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ. Во время нашихъ переговоровъ Комаровъ былъ назначенъ состоять при мнѣ секретаремъ, и мы все время съ нимъ вмѣстѣ работали; обладая замѣчательнымъ талантомъ французской редакціи, онъ оказывалъ мнѣ большую пользу. Въ настоящее время онъ состоитъ совѣтникомъ въ М. И. Д. и участвуетъ въ редакціи „Journal de St. Pétersbourg“.

Кромѣ лицъ постоянного состава посольства, въ Константинополѣ находился въ то время еще Данзасъ съ женою. Данзасъ былъ родственникомъ, кажется племянникомъ, извѣстнаго секунданта Пушкина, человекъ необыкновенный умный и тонкій, исполненный разныхъ талантовъ, превосходный знатокъ музыки, занимавшійся живописью, вообще личность замѣчательно одаренная. Онъ былъ въ то время секретаремъ посольства въ Афинахъ и вследствие, кажется, несогласія съ посланникомъ, оставилъ этотъ постъ и былъ временно прикомандированъ къ посольству въ Константинополѣ. Мы съ нимъ очень сблизились, и затѣмъ наши близкія отношенія съ его семействомъ продолжались и въ Петербургѣ, когда онъ былъ назначенъ совѣтникомъ министерства. Къ несчастію, въ болѣзненномъ припадкѣ онъ покончилъ свою жизнь самоубійствомъ.

Въ Константинополѣ же я познакомился съ Ст. Ос. Макаровымъ, такъ ужасно погибшимъ передъ Портъ-Артуромъ въ такой моментъ, когда на него возлагались всѣ надежды. При посольствѣ всегда находился русскій станціонеръ, и во время моего пребыванія туда пришелъ въ качествѣ станціонера пароходъ „Тамань“ подъ начальствомъ Макарова. Онъ и жена его, находившаяся съ нимъ, были, разумѣется, приняты въ посольствѣ, гдѣ я съ ними и познакомился. Съ тѣхъ поръ я находился съ нимъ и его женой въ постоянныхъ сношеніяхъ, они посѣщали меня въ Петербургъ и нерѣдко у насъ обѣдали. На одномъ такомъ обѣдѣ Степанъ Осиповичъ какъ-то рассказалъ, что для его парохода построены два новыхъ паровыхъ катера, но что онъ еще не знаетъ, какъ ихъ назвать. Я предложилъ ему назвать ихъ „Мечъ“ и „Щитъ“, и онъ немедленно принялъ мое предложеніе, такъ что я могу считаться крестнымъ отцомъ двухъ, хотя и скромныхъ членовъ нашего флота. Степанъ Осиповичъ былъ человѣкъ чрезвычайно умный и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно простой и симпатичный, безъ всякой позировки, такъ что отношенія съ нимъ были самыя пріятныя. Уже тогда о немъ говорили, какъ о выдающемся морскомъ офицерѣ. Онъ отличился на турецкой войнѣ потопленіемъ турецкаго судна. Его ловкость командованія судномъ проявлялась даже въ мелочахъ. Такъ напр. въ Босфорѣ, гдѣ очень сильное теченіе, приходится двигаться очень осторожно, тѣмъ болѣе, что передъ пароходомъ постоянно снуютъ масса разныхъ мелкихъ судовъ. Несмотря на то, Макаровъ на своемъ пароходѣ всегда шелъ обыкновеннымъ ходомъ, иногда при этомъ передъ самымъ носомъ парохода оказывалась турецкая фелюга, и такъ и казалось, что она будетъ затоплена, но въ послѣдній моментъ Макаровъ ловко отворачивалъ нѣсколько въ сторону, и спокойно проходилъ мимо нея, у него никогда не происходило столкновенія съ постороннимъ судномъ. Точно также подходя къ мѣсту стоянки, другіе пароходы задолго умѣряли ходъ, боясь въ виду сильнаго теченія быть отнесенными въ сторону. Но Макаровъ, не умѣряя хода почти до послѣдней минуты, прямо подходилъ къ бочкѣ, которая означала мѣсто стоянки, по данному сигналу матросъ спускался съ парохода съ канатомъ и прикрѣплялъ пароходъ къ бочкѣ; все это было дѣло минуты и происходило какъ на парадѣ, несмотря на трудныя условія, вызываемыя сильнымъ теченіемъ.

Со всѣми личностями, входившими въ составъ Константинопольскаго посольства, я еще долгое время оставался въ сношеніяхъ; когда кто-либо изъ нихъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, они обыкновенно посѣщали меня и у меня обѣдали, а съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ уже выше указано, у меня установились постоянныя пріятельскія отношенія.

Нѣсколько дней послѣ моего приѣзда, Е. П. Новиковъ представилъ меня турецкимъ министрамъ. Первымъ министромъ былъ тогда Саидъ-Паша, который пользовался большимъ вліяніемъ у Султана. Мы поѣхали къ нему въ Порту съ Евгеніемъ Петровичемъ, и насъ немедленно ввели въ комнату, убранную по-европейски, но по виду похожую на пріемную комнату второклассной гостиницы. Голая стѣна безъ всякаго убранства, нѣсколько креселъ и стульевъ, обитыхъ краснымъ бархатомъ, да нѣсколько столовъ, вотъ и все, вообще безъ всякой другой обстановки. Очевидно, что въ этой комнатѣ не жили, и что она служила только для пріема. Саидъ-Паша, который насъ ожидалъ въ этой комнатѣ, былъ маленькій человѣчекъ, поражающій посѣтителя своими умными и пронзательными глазами, типъ восточнаго государственнаго чело-вѣка; это была личность съ твердымъ характеромъ, очень осторожная и хитрая. Новиковъ представилъ меня ему; нашъ разговоръ ограничился, разумѣется, только общими мѣстами, такъ какъ наши дѣловые переговоры еще не начинались.

Затѣмъ посоль представилъ меня министру иностранныхъ дѣлъ Ассимъ-Пашѣ и министру финансовъ Серверъ-Пашѣ, которые были назначены Султаномъ для переговоровъ съ нами. Ассимъ-Паша высокій, худошавый турка, чрезвычайно деликатный и боязливый и по виду добродушный; оѣдный Ассимъ-Паша нѣсколько лѣтъ спустя былъ уволенъ отъ мѣста министра иностранныхъ дѣлъ и сосланъ въ Малую Азію, какъ это часто происходило въ Турціи съ сановниками, попадавшими почему-либо въ немилость. Тамъ онъ и померъ; говорили, что будто его отравили, вѣроятно по повелѣнію Султана.

Серверъ-Паша былъ, напротивъ того, чело-вѣкъ красивой наружности, чрезвычайно спокойный и уравновѣшенный и съ большимъ достоинствомъ. По своему образу обращенія съ людьми онъ напоминалъ мнѣ нѣсколько А. А. Абазу.

Но самая выдающаяся и интересная личность изъ мѣстныхъ вліятельныхъ особъ, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться, былъ тогдашній вселенскій патріархъ Іоакимъ III, которому меня Новиковъ также представилъ, и у котораго я бывалъ съ Евгеніемъ Петровичемъ нѣсколько разъ. Вселенскій патріархъ произвелъ на меня въ высшей степени пріятное впечатлѣніе. Красивый мужчина, тогда среднихъ лѣтъ, онъ принималъ насъ съ большимъ достоинствомъ, но обращался совершенно просто и естественно, такъ что въ разговорѣ съ нимъ не ощущалось никакого стѣсненія. Разговоръ его былъ разговоромъ совершенно образованнаго чело-вѣка, и дѣйствительно мнѣ говорили, что онъ даже слушалъ лекціи

въ германскомъ университетѣ. Вскорѣ послѣ нашего отъѣзда, онъ по интригамъ одной греческой партіи, вліявшей на патріархію, принужденъ былъ сложить съ себя званіе вселенскаго патріарха. Но затѣмъ въ послѣднее время онъ вторично былъ избранъ патріархомъ и въ настоящее время носитъ этотъ санъ. Вселенскій патріархъ живетъ въ отдѣльной части города, называемой Фанаромъ, окруженной со всѣхъ сторонъ стѣнами, въ которую вѣзжаютъ черезъ особенныя врата. Эти врата получили историческую извѣстность съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ прошлаго столѣтія, во время греческаго возстанія, на нихъ былъ повѣшенъ тогдашній вселенскій патріархъ, по приказанію султана Соломона.

Въ Фанарѣ помѣщается также патріаршая церковь, большое строеніе, не отличающееся изяществомъ архитектуры. Мнѣ пришлось однажды быть въ ней на службѣ, и я былъ непріятно пораженъ греческимъ пѣніемъ, чрезвычайно монотоннымъ, при почти совершенномъ отсутствіи опредѣленной мелодіи. Замѣчательно, что внутри собора, по стѣнамъ устроены рядъ маленькихъ отдѣленій, какъ бы стойла, — при чемъ каждый молящійся становится въ такое отдѣленіе.

Одновременно съ ознакомленіемъ съ турецкимъ личнымъ составомъ, пришлось знакомиться и съ мѣстными дипломатами. Евгений Петровичъ самъ представлялъ меня главнымъ изъ нихъ. Представителемъ Англіи былъ тогда лордъ Дэферинъ, бывшій нѣкоторое время посломъ въ Петербургѣ; германскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ Гиршфельдъ, женатый на дочери богатаго заводчика Крамста, владѣвшаго громадными копами каменнаго угля въ Силезіи; австрійскій посоль—баронъ Каличе, женатый, кажется, на англичанкѣ; греческій посоль Кондуріоти и итальянскій посоль графъ Расконгли. У послѣдняго были двѣ хорошенькія дочери, которыя очень мило пѣли испанскіе романсы, аккомпанируя сами себѣ на гитарѣ. Изъ всего этого общества я особенно сблизился съ австрійцами и германцами, это все были очень любезные и обходительные люди. Въ числѣ германскихъ дипломатовъ былъ между прочимъ интересный молодой человекъ князь Аренбергъ, съ которымъ я часто видѣлся.

Въ Англійскомъ посольствѣ я встрѣтилъ стараго знакомаго, Валласа (Wallace), извѣстнаго корреспондента Таймса, который нѣкоторое время жилъ въ Россіи и написалъ о Россіи книгу, обратившую общее на себя вниманіе вѣрнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ людей и жизни. Валласъ предложилъ мнѣ пользоваться его перомъ, если бы мнѣ пришлось желательнымъ помѣстить что-либо

въ иностранномъ журналѣ, и я дѣйствительно во время переговоровъ пользовался его услугами.

Наконецъ пришлось познакомиться и съ представителями бондгольдеровъ и сдѣлать имъ визиты. Съ представителемъ австрійцевъ Майеромъ я уже былъ знакомъ изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ секретаремъ или совѣтникомъ посольства, французъ Вальфрей и нѣмецъ Гешеръ оказались очень любезными людьми, но не могу сказать того же объ англичанинѣ Бруксѣ. Бесѣдуя со мною на первомъ же визитѣ, онъ такъ нестѣсненно отрицалъ права Россіи, отстаивая права бондгольдеровъ, что пришлось отвѣтить ему просто, что я совершенно противоположнаго съ нимъ мнѣнія, и что потому продолжать разговоръ на эту тему совершенно излишне; мы разстались съ нимъ очень сухо и затѣмъ оставались на натянутой ногѣ, между тѣмъ какъ съ остальными представителями бондгольдеровъ я все время поддерживалъ хорошія отношенія.

Послѣ указанія на личности, съ которыми мнѣ пришлось встрѣчаться въ Константинополѣ, остается еще сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня самимъ городомъ.

Константинополь состоитъ собственно изъ трехъ частей. Возвышенная часть города, Пера, въ которой помѣщается большинство посольствъ, гостиницы и дома богатыхъ греческихъ негодіантовъ, которыхъ потому называютъ перротами, и жилища другихъ европейцевъ: эта часть города имѣетъ потому совершенно европейскій характеръ. Нижняя часть города Галата, соединенная съ Перой подземной желѣзной дорогой, по которой въ какія-нибудь пять минутъ происходитъ переѣздъ изъ одной части города въ другую. Здѣсь ютится мелкій торговый людъ, преимущественно армяне, греки и итальянцы, наконецъ турецкая часть города, старый настоящій Стамбуль. Здѣсь прежде жили Султаны въ такъ называемой *pointe du Serail* у Золотого Рога (заливъ Босфора)—здѣсь же возвышаются громады мечети съ высокими минаретами и самая главная изъ нихъ Айя-Софія, Са-Софія.

Къ этому древне-христіанскому собору, святилищу Византіи, подходишь и вступаешь въ него съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ благоговѣнія. Это чудо христіанскаго зодчества, обращенное послѣ взятія Константинополя турками въ мечеть, уже много столѣтій ожидаетъ возврата его христіанскому культу, но, вѣроятно, еще много и много времени турки будутъ оставаться хранителями главныхъ христіанскихъ святынь въ Константинополѣ и Іерусалимѣ. Какую печальную иронию надъ культомъ христіанской любви и единства христіанъ, къ которымъ взываетъ божественная религія, представляютъ тѣ печальныя отношенія вражды, въ которыхъ на-

ходятся между собою различныя христіанскія исповѣданія. Несомнѣнно, что если бы завтра турецкая стража удалилась отъ гроба Господня, то на этомъ святомъ мѣстѣ немедленно возгорѣлась бы междуусобная борьба между христіанами: православными, католиками, протестантами и даже среди православныхъ между греками, сербами, русскими и другими національностями.

Внѣшній видъ Св. Софіи совершенно разочаровываетъ приближающагося къ этой исторической святыни. Ожидаешь усмотрѣть величественный храмъ, а вмѣсто того взорамъ подходящаго представляется массовая агломерація разныхъ незначительныхъ строеній, такъ, сказать облѣпившихъ храмъ со всѣхъ сторонъ, такъ что изъ-за нихъ собственно совершенно не видно никакого собора и только изъ этой груды построекъ возвышается величественный куполь Св. Софіи; но тѣмъ болѣе поражаетъ посѣтителя внутренность собора, при вступленіи въ него. Трудно описать впечатлѣніе, производимое громадными размѣрами внутренности собора, съ возвышающимся надъ нимъ куполомъ, прорѣзаннымъ рядомъ продолговатыхъ окошекъ, и покоющимся непосредственно на стѣнахъ собора, безъ какой-либо опоры пилястрами. Въ этомъ заключается чудо водчества Св. Софіи. Благодаря такой конструкціи, внутренность собора дѣлаетъ впечатлѣніе какого-то воздушнаго пространства, какъ бы возносящаго въ высь самого посѣтителя.

Внутренность собора, обращеннаго въ мечеть, украшена только вдоль стѣнъ рядомъ изящныхъ колоннъ, но затѣмъ безъ всякихъ другихъ украшеній, какъ во всѣхъ мечетяхъ, такъ какъ исламизмъ не допускаетъ никакихъ священныхъ изображеній: только на стѣнахъ мѣстами повѣшены арабскія надписи изъ корана, на полу мечети разсланы ковры, а вблизи того мѣста, гдѣ находился иконостасъ, возвышается родъ каѳедры для муллы, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ. Въ мечети, впрочемъ, всегда можно застать молящихся, сидящихъ какъ-то особенно на корточкахъ. Стѣны собора были первоначально покрыты священными фресками, но такъ какъ, какъ уже выше замѣчено, магометанская религія не допускаетъ въ мечетяхъ изображенія личностей, то всѣ эти фрески, съ превращеніемъ христіанскаго собора въ мечеть, были закрашены известью. Со временемъ, однако, известковая краска обсыпалась, такъ что изъ-за нея мѣстами полувывыглядываютъ головы и крылья ангеловъ и херувимовъ, которыя производятъ какое-то особенное впечатлѣніе. На одной изъ стѣнъ собора показываютъ коричневое пятно въ формѣ пальцевъ человѣческой руки. Рассказываютъ, что во время взятія Константинополя турками масса мѣстныхъ жителей, бросилась въ соборъ, ища тамъ спасенія отъ враговъ. Но

турки, ворвавшись за ними въ соборъ, произвели въ самомъ соборѣ ужасную рѣзню, убивая и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей. Послѣ нѣкотораго времени въ соборѣ вѣхалъ по трупамъ, на концѣ султанъ Сулейманъ и, приложивъ свою окрававленную руку къ стѣнѣ (это мѣсто пятна), объявилъ конецъ рѣзни и убійствамъ. Разстояніе, на которомъ находится отъ пола кровавое пятно, позволяетъ судить о томъ, до какой высоты храмъ былъ наполненъ трупами.

Сохранилось еще другое сказаніе о времени вторженія турокъ въ Св. Софію — нѣсколько напоминающее легенду о германскомъ императорѣ Фридрихѣ Барбаросѣ, погибшемъ на пути въ Іерусалимъ во время крестоваго похода. Легенда о послѣднемъ гласила, что онъ не погибъ, а сидитъ въ пещерахъ Кифгейзера, его борода продолжаетъ расти и проросла уже каменную плиту, на которую онъ опирается, — онъ возстанетъ и появится въ міръ, когда возникнетъ вновь Германская Имперія.

Подобная же легенда существуетъ и о Софійскомъ соборѣ. Рассказываютъ, что во время вторженія въ него враговъ, священникъ совершалъ литургію передъ алтаремъ; желая охранить св. дары отъ оскверненія мусульманами, онъ взялъ чашу и дары въ руки, и пошелъ по галереѣ, идущей вдоль стѣны храма, надѣясь найти тайный выходъ, вдругъ передъ нимъ разверзлась стѣна и онъ вошелъ съ дарами въ открывшееся пустое пространство въ стѣнѣ, которая немедленно закрылась за нимъ. Тамъ онъ пребываетъ до сихъ поръ и въ тотъ моментъ, когда Аія Софія возвратится христіанамъ, стѣна вновь раскроется, и изъ нея выйдетъ священникъ съ дарами.

Не вдалекѣ отъ Аии Софіи находится историческая площадь Подмайданъ. На этой площади, во времена Византіи, происходили народныя собранія, конныя ристалища, скачки и битвы между партіями зеленыхъ и синихъ; вообще здѣсь кипѣла мѣстная жизнь. Посреди площади сохранилась еще змѣеобразная извилистая колонна изъ бронзы, сооруженная еще до взятія Константинополя турками.

На концѣ Стамбула, на мысѣ, образуемомъ Золотымъ Рогомъ, заливомъ Босфора, на такъ называемой *pointe du Serail*, находится старый дворецъ, въ которомъ нынѣ помѣщаются сокровища Султана, — одѣянія, оружія, сѣдла, богато убранныя драгоценными камнями. Я нигдѣ не видалъ изумрудовъ такой величины, какъ тамъ. Въ прежнее время Султаны жили въ этомъ дворцѣ, но Абдуль-Меджидъ, послѣ революціи, которою онъ былъ возведенъ на престоль, переселился въ Ильдизъ-Кіоскъ, на берегу Босфора и живетъ тамъ подъ охраной гвардіи, состоящей изъ отборныхъ

албанскихъ войскъ. Безъ особаго разрѣшенія никто не можетъ проникнуть въ Ильдизъ-Кіоскъ, со всѣхъ сторонъ окруженный войсками. Крайне подозрительный Абдуль-Меджидъ находится въ постоянномъ опасеніи, могущаго случиться, направленнаго противъ него движенія.

Къ осмотру дворцовыхъ строеній и хранящихся въ нихъ драгоценностей допускаются только почетныя лица. На это испрашивается каждый разъ разрѣшеніе Султана и затѣмъ, за лицомъ, которому дано такое разрѣшеніе, приѣзжаетъ придворный экипажъ, съ лакеями, въ которомъ его везутъ въ серальскій дворецъ. Кучеру и сопровождавшей прислугѣ принято давать довольно значительное вознагражденіе, франковъ около шестидесяти.

Стамбуль соединяется съ Галатой широкимъ плывучимъ мостомъ. По этому мосту происходитъ постоянно самое оживленное движеніе, поражающее зрителя разнообразіемъ народностей, костюмовъ возницъ и т. п. По немъ движутся постоянно европейцы, турки, арабы, черкесы—а между ними экипажи, запряженные то лошадьми, то мулами. Небольшіе фэтоны, элегантныя викторіи, арбы, телѣги, — наконецъ всадники на лошадяхъ и ослахъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Среди этой публики, на ослахъ верхомъ, или въ носилкахъ, попадаются представительницы прекраснаго пола, закутанныя въ широкія простыни, окутывающія ихъ съ головы до ногъ, такъ что онѣ похожи на какихъ-то пузырей, съ закрытыми также лицами. У бѣдныхъ женщинъ эти покрывала изъ бумажной матеріи сѣраго цвѣта, а у богатыхъ шелковыя и атласныя, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, голубыя, розовыя, бѣлыя.

Интересное мѣсто въ Стамбулѣ также турецкій базаръ. Это раскинутое на обширномъ пространствѣ низкое зданіе или скорѣе рядъ зданій, подъ круглыми сводами, среди которыхъ пролегають цѣлый лабиринтъ проходовъ и корридоровъ, по сторонамъ которыхъ ютятся мелкія лавченки, чрезвычайно невзрачныя на видъ, но въ которыхъ продаются драгоценныя турецкія и другія восточныя ткани, золотыя вышивки, ковры, старое оружіе, серебряныя издѣлія и т. п. Въ Константинополѣ особенно цѣнятся старинныя ковры.

Въ сторону отъ Босфора, за Буюкдере лежатъ красивыя долины Токани и Бейкой, украшенныя богатою растительностью, столѣтними дубовыми рощами, между которыми вьются красивыя дорожки. За однимъ изъ самыхъ старыхъ дубовъ сохранилось историческое воспоминаніе; рассказываютъ, что во время крестовыхъ походовъ подъ этимъ дубомъ сидѣлъ Годфридъ Бульонскій.

По ту сторону Босфора находится поселеніе Скутари, древній

Хризополисъ или Золотой городъ, называвшійся такъ потому, что вечернее солнце до того ярко отражается постоянно въ окнахъ его строеній, что онъ, когда смотрѣть на него изъ Константинополя, кажется какъ бы горящимъ въ яркомъ пламени.

При устьѣ небольшой рѣчки, впадающей въ Золотой Рогъ, на азіатской сторонѣ находятся такъ называемыя „Сладкія воды“. Это мѣсто гулянья, на которое по пятницамъ собирается все мѣстное турецкое общество, какъ у насъ ѣздятъ на Стрѣлку, представляетъ интересную картину мѣстной восточной жизни. Туда направляются—обѣдныи классъ жителей въ большихъ лодкахъ, богатые въ элегантныхъ каюкахъ и въ экипажахъ. Все это разнообразное общество располагается живописно, въ тѣни деревъ, на привезенныхъ съ собою коврахъ и подушкахъ, наслаждаясь красивыми видами окрестностей, освѣщенныхъ восточнымъ солнцемъ. Между группами посѣтителей располагаются разные продавцы и разнозчики, предлагающіе готовый кофе, рахатъ-лукумъ и другія мѣстныя сладости. Между ними ходятъ продавцы разныхъ издѣлій, золотыхъ, металлическихъ и др., фокусники, укротители звѣрей, акробаты, играющіе странствующие оркестры. Въ большихъ четверомѣстныхъ экипажахъ, съ стеклянными стѣнами, сидятъ женщины гаремовъ, съ прислугой и дѣтьми, покрытыя вуалями, которыя иногда какъ бы невзначай спускаются съ лица, показывая нерѣдко красивые глаза, но обыкновенно лишенные всякаго выраженія. Все это представляетъ пеструю и живописную картину восточной жизни.

Подготовленіемъ ко всему интересному, которое приходится созерцать въ Константинополѣ, можетъ служить самая поѣздка въ городъ, по Босфору. Еще живо помню то поразительное впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ этой поѣздки, когда въ первый разъ, нѣсколько дней послѣ пріѣзда, я отправился изъ Буюкдере въ Константинополь.

Я уже говорилъ о первомъ впечатлѣніи при въѣздѣ въ Босфоръ, съ его генуэзскими развалинами на азіатскомъ берегу. Но чѣмъ дальше, тѣмъ картина становится все живописнѣе. Босфоръ окаймленъ скалистыми возвышенностями, то круто спускающимися къ водѣ, то пологими, перерѣзанными красивыми долинами. Кустарная растительность, покрывающая вначалѣ эти возвышенности, мало по малу переходитъ въ роскошную растительность, богатую листвою, среди которой мелькаютъ деревни, роскошныя строенія европейскихъ посольствъ, красивые дома турецкихъ вельможъ, дворецъ Султана Ильдизъ-Кіоскъ и, наконецъ, оригинальный дворецъ Дольма-Бахче. Посреди Босфора, на обоихъ его берегахъ другъ противъ друга, возвышаются живописныя старинныя укрѣпленія Анатоли-

Кавакъ и Румели-Кавакъ. Румелию турки называютъ Европу, такъ какъ ближайшая къ нимъ страна Европы Румелия, а Анатолию они называютъ Азію. Румели-Кавакъ и Анатоли-Кавакъ означаетъ, поэтому, европейская крѣпость и азіатская крѣпость, т. е. лежащая на европейскомъ и на азіатскомъ берегу. И вдругъ передъ взорами удивленнаго пріѣзжаго открывается Мраморное море, окаймляющее Константинополь съ его оригинальными постройками, высокими минаретами, Золотой Рогъ, Серальскій мысъ (La pointe du Serail) и Скутари на азіатскомъ берегу. Все это представляетъ восхитительную картину, съ которой едва-ли можетъ сравниться какая-либо другая мѣстность.

Въ половинѣ октября посольство переѣхало изъ лѣтняго помѣщенія въ Буюкдере въ городъ, въ роскошный дворецъ русскаго посольства въ Перѣ. Я нанялъ помѣщеніе въ Hôtel d'Orient, но едва туда переѣхалъ и не успѣлъ еще размѣститься, какъ получилъ записку отъ Е. П. Новикова, который очень любезно увѣдомлялъ меня, что онъ можетъ предоставить въ посольствѣ помѣщеніе для меня и приглашаетъ меня туда переѣхать. Я, разумѣется, принялъ съ благодарностью его приглашеніе и немедленно переѣхалъ въ посольство, гдѣ въ мое распоряженіе были предоставлены двѣ элегантныя комнаты съ передней, выходящая на стеклянную галлерей, съ чуднымъ видомъ на Босфоръ и на окрестности Константинополя, которыми я каждый день могъ наслаждаться.

Вскорѣ послѣ переѣзда въ городъ начались наши переговоры съ турецкими делегатами Ассимъ-Пашей и Серверомъ. Совѣщанія происходили въ зданіи Порты. Порта — это зданіе, въ которомъ помѣщаются всѣ министерства, съ ихъ восточно-чиновнымъ людомъ, но тамъ ведутся въ сущности только обыкновенныя текущія дѣла, а суть cadaго важнаго дѣла получаетъ направленіе изъ Ильдизъ-Кіоска, гдѣ Султанъ самъ руководитъ всѣмъ лично, подъ вліяніемъ окружающихъ его приближенныхъ, родъ камарильи, среди которыхъ выдающуюся роль играетъ главный евнухъ, съ которымъ приходится считаться и министрамъ.

Во время нашихъ переговоровъ я могъ убѣдиться, что нѣтъ людей въ мірѣ, которые, подобно туркамъ, умѣли бы подъ разными предлогами такъ оттягивать дѣло. Засѣданіе происходило за засѣданіемъ, но наше дѣло почти не двигалось; иногда казалось, что мы приходили къ разрѣшенію, но вдругъ въ слѣдующее засѣданіе все начиналось сызнова; очевидно, по указанію Султана, который держался постоянно въ курсѣ за ходомъ нашихъ засѣданій. Иногда даже засѣданія внезапно прекращались недѣли на двѣ или на три, турецкіе министры заявляли намъ, что они не могли еще получить

необходимыхъ разрѣшеній отъ Султана. Иногда мы были на порогѣ полнаго разрыва, но потомъ дѣло опять начиналось. Благодаря такой тактики турокъ, наши переговоры протянулись отъ октября до апрѣля, т. е. цѣлую зиму. Очевидно, Султанъ хотѣлъ прежде покончить дѣло съ бондгольдерами, чтобы ясно сообразить, въ какія обязательства онъ войдетъ съ ними, чтобы уже тогда серьезно приступить къ установленію условій съ нами. Переговоры съ бондгольдерами окончились дѣйствительно во вторую половину зимы, послѣ того и наши переговоры пошли успѣшно, но все же протянулись еще около двухъ мѣсяцевъ. Затѣмъ, когда Султанъ окончательно рѣшилъ, какіе источники доходовъ могутъ быть предоставлены намъ, то все дѣло окончилось въ какую-нибудь недѣлю. Въ счетъ 800 милліоновъ военной контрибуціи турецкое правительство обязалось платить намъ ежегодно около 3-хъ милліоновъ рублей, или 12 милліоновъ франковъ, которые должны были отчисляться въ нашу пользу изъ поступленія прямыхъ податей четырехъ малоазіатскихъ вилайетовъ, такъ какъ доходъ отъ таможенъ былъ уже переданъ бондгольдерамъ. Договоръ былъ подписанъ Новиковымъ и мною съ нашей стороны и турецкими министрами Ассимомъ, Серверомъ со стороны Порты. Мнѣ было предоставлено подписаться титуломъ *Plenipotentiaire de Sa Majesté l'Empereur de Russie*. Сознаюсь, что этотъ титулъ доставилъ мнѣ нѣкоторое удовольствіе. Въ юности, бывъ на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, мнѣ приходилось постоянно переписывать ноты съ адресами *Envoyé extraordinaire* и *Ministre Plenipotentiaire*; эти титулы потому были окружены тогда какимъ-то особеннымъ ореоломъ въ моихъ глазахъ — теперь же мнѣ самому пришлось облечься въ этотъ титулъ.

Такимъ образомъ я пробылъ въ Константинополѣ девять мѣсяцевъ; все это время я провелъ въ крайне интересныхъ и пріятныхъ условіяхъ.

Жизнь въ семействѣ Е. П. Новикова, съ которымъ я находился въ совершенно интимныхъ отношеніяхъ, и въ обществѣ другихъ членовъ нашего посольства, которые всѣ относились ко мнѣ очень любезно, жизнь для меня совершенно новая, представляла для меня особенный интересъ. Въ этой же средѣ я встрѣчался со всѣми выдающимися личностями, какъ русскими, такъ и иностранными, которыя пріѣзжали въ Константинополь и которыя постоянно приглашались Новиковымъ къ обѣду. У него же я встрѣтился съ Н. К. Айвазовскимъ, который пробылъ нѣсколько дней въ Констан-

тиннополѣ. Я эти дни провелъ вмѣстѣ съ нимъ, и мы даже вмѣстѣ снялись на одной карточкѣ у извѣстнаго Константинопольскаго фотографа Абдула.

По временамъ нѣкоторые секретари посольства устраивали завтраки для всего посольства. Такъ какъ они и меня приглашали на эти завтраки, то пришлось отплатить имъ тѣмъ же, — я тоже устроилъ завтракъ для всего посольства, и мой приѣмъ вполне удался: всѣ были въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; послѣ завтрака отправились танцевать въ зало посольства, всѣ остались очень довольны и еще нѣкоторое время послѣ того говорили о томъ, какъ у меня было весело. Мы обѣдали также на станціонерѣ у Макарова, все это вносило пріятное развлеченіе въ нашу жизнь. Какъ замѣчательный фактъ, приведу, что когда мы обѣдали на пароходѣ у Макарова, былъ жаркій свѣтлый день, солнце грѣло какъ въ іюлѣ, а три дня спустя выпалъ снѣгъ, который покрылъ на нѣсколько вершковъ всѣ улицы Константинополя.

Въ Константинополѣ, гдѣ почти нѣтъ мѣстнаго общества, кругъ такъ называемаго общества, *la Société*, составляютъ только семейства дипломатовъ, которыя потому живутъ, какъ вообще на востоцѣ, въ очень близкихъ между собою сношеніяхъ. Турецке населеніе, съ гаремной жизнію, разумѣется, въ обществѣ никакого участія не принимаетъ, только мужчины, министры и высшіе сановники появляются на официальныхъ обѣдахъ и большихъ раутахъ у дипломатовъ, сами же у себя никакихъ приѣмовъ не дѣлаютъ. Мѣстныя греческія и армянскія семейства, пероты, негоціанты, банкиры, промышленники, въ средѣ которыхъ есть очень богатые люди, небольшое только число ихъ имѣютъ доступъ въ такъ называемое общество; между ними не мало красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, съ восточно греческимъ типомъ.

Въ дипломатическомъ кругу въ то время жили очень весело. Утренніе приѣмы, обѣды, балы, рауты, происходили довольно часто. Помню одну курьезную нашу экспедицію на балъ въ австрійское посольство. Зданіе австрійскаго посольства граничило спиною съ русскимъ посольствомъ, такъ что изъ нашего двора непосредственно можно было пройти во дворъ австрійскаго посольства. Но въ экипажѣ приходилось дѣлать довольно большой объѣздъ по улицѣ, круто спускавшейся къ низу. Въ день бала выпалъ сильный снѣгъ и вслѣдствіе того по круто спускавшейся улицѣ опасно было ѣхать. Тогда все наше общество рѣшилось пройти въ австрійское посольство пѣшкомъ черезъ дворы. И вотъ всѣ наши кавалеры и дамы, накинувъ сверхъ бальнаго костюма плащи и въ калошахъ, отправились на балъ пѣшкомъ, предшествуемые прислугой, кото-

рая несла въ канделябрахъ, взятыхъ изъ замка, свѣчи, для освѣщенія пути. Это представляло довольно курьезный кортежъ.

Кромѣ того нерѣдко предпринимались въ пріятномъ обществѣ поѣздки и экскурсіи въ восхитительныя окрестности Константинополя. Въ распоряженіи посольства кромѣ станціонера имѣлся еще маленькій пароходикъ *mouche*, которымъ можно было пользоваться для этихъ экскурсій. Иногда мы ѣздили въ посольскомъ каюкѣ, элегантномъ длинномъ яликѣ, съ двѣнадцатью гребцами, одѣтыми въ богатые турецкіе бѣлые костюмы, въ красныхъ фескахъ съ золотомъ.

Наши экскурсіи направлялись къ генуэскимъ развалинамъ, на противоположной сторонѣ Босфора, на островъ Принчипо, къ развалинамъ городскихъ стѣнъ и въ разныя другія сосѣднія мѣстности.

Одна изъ самыхъ красивыхъ экскурсій была на островъ Принчипо, *l'isle des Princes*. Это небольшой гористый островокъ, лежащій посреди Мраморнаго моря невдалекѣ отъ города. На немъ находились виллы богатыхъ негоціантовъ, преимущественно грековъ, которые тамъ обыкновенно проводили лѣтній сезонъ.

На Принчипо все общество отправлялось на парходѣ, который ходитъ ежедневно между городомъ и островомъ, а съ пристани верхами, нѣкоторые на ослахъ, другіе на лошадяхъ, на возвышенный пунктъ острова, съ котораго открывался чудный видъ на Мраморное море и на Константинополь. Тутъ, среди высокихъ деревъ, кавалеры посольства разстлали по травѣ ковры, на которыхъ располагались экскурсіонисты, а кругомъ на деревьяхъ также развѣшивались ковры, для защиты отъ вѣтра, такъ что образовалась какъ бы импровизированная палатка. Расположившись на коврахъ, общество принималось за завтракъ, привезенный съ собою. Однажды кавасы приготовили намъ рѣдкое блюдо. Они въ нашемъ присутствіи сжарили цѣлаго ягненка, проткнувъ черезъ него коль, на громадномъ горящемъ кострѣ; это было крайне живописное и оригинальное зрѣлище; такой вкусной и сочной баранины, какъ эта жаренная столь элементарнымъ способомъ, миѣ никогда не приходилось ѣсть ни до того, ни послѣ того.

Не менѣе интересна была прогулка около древнихъ стѣнъ Византіи; эта прогулка такъ и называлась *autour des murs*. Къ стѣнамъ приходилось ѣхать одну станцію по желѣзной дорогѣ, къ мѣсту, откуда начиналась прогулка. Эта прогулка вокругъ стѣнъ представляла необыкновенный интересъ какъ по разнообразію красивыхъ видовъ, открывавшихся съ cadaго пункта, такъ и по массѣ историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ этою мѣстностью. Гуляющіе проходятъ мимо сохранившихся еще воротъ въ стѣнѣ, че-

резь которыя турки ворвались въ городъ, и у которыхъ палъ, сражаясь, послѣдній Византійскій императоръ, затѣмъ хорошо сохранившіяся еще развалины дворца Велизарія, въ концѣ стѣнъ башня, въ которой содержался нѣкоторое время въ заключеніи русскій посолъ во время перваго греческаго возстанія.

Между прочимъ я воспользовался свободнымъ временемъ для поѣздки въ С.-Стефано, къ мѣсту стоянки нашихъ войскъ въ послѣднюю войну и мѣсто заключенія мирнаго договора. Въ этой совершенно пустынной мѣстности ничего не напоминало тогда о происходившихъ на ней историческихъ событіяхъ. Тамъ оказалась только небольшая лавченка, въ которой я съ трудомъ могъ достать кусокъ хлѣба и коробку сардинь, чтобы утолить свой голодъ.

Наконецъ, чтобы представить полную картину восточныхъ проявленій мѣстной жизни, остается еще указать на три достопримѣчательности—это селамликъ султана, ночную религіозную процессію персовъ, живущихъ въ Константинополѣ, мохаремъ и представленіе вертящихся дервишей.

Селамликъ это процессія торжественнаго выѣзда Султана на поклоненіе въ мечеть Ханидіе, находящуюся въ Константинополѣ. Такъ какъ кромѣ селамлика, Султанъ никогда не выѣзжаетъ изъ Ильдизъ-Кіоска, то это представляетъ единственный случай, когда можно видѣть Султана, и потому на селамликъ стекается всегда масса зрителей. Вся мѣстность между дворцомъ и мечетью наполнена народомъ, посреди котораго шпалерами стоятъ войска, и вотъ появляется Султанъ на бѣломъ конѣ, съ многочисленной свитой, привѣтствуемый восторженными криками зрителей.

Мохаремъ, происходящій въ мартѣ мѣсяцѣ—печальная процессія живущихъ въ Константинополѣ персовъ-шіитовъ, въ воспоминаніе дня смерти Гусейна и страданія семейства Алиева. Персы, какъ извѣстно, раздѣляются на двѣ секты: шіиты и сунниты. Шіиты считаютъ своими родоначальниками и учредителями пророковъ Гусейна и Алиа, которые были умерщвлены противниками; вотъ въ день смерти этихъ пророковъ и совершается означенное памятное торжественное шествіе.

Дѣло происходитъ вечеромъ, въ одномъ изъ предмѣстій Константинополя. Мѣстность тускло освѣщается немногими фонарями и факелами, бросающими красный свѣтъ на окружающіе предметы. Вдругъ раздается издали заунывное пѣніе, которое приближается все ближе и ближе, и наконецъ появляется покаянная процессія. Это рядъ людей въ бѣлыхъ рубахахъ, которые при пѣніи покаяннаго гимна, при чемъ постоянно слышится имя Али, медленно шествуя, бьютъ себя по спинѣ веревками и цѣпями до того что съ

нихъ струится кровь, окрапливающая въ багровый цвѣтъ ихъ бѣлыя одѣянія; наиболѣе фанатичные поклонники ударяютъ себя по головѣ даже мечами и доказательствомъ того, что это не просто формальный жестъ, служитъ струящаяся у нихъ изъ головы кровь, падающая также красными пятнами на ихъ бѣлыя рубахи. За каждымъ такимъ меченосцемъ слѣдуетъ его товарищъ и держать надъ его головою небольшую палочку, чтобы ею ослабить ударъ меча,—потому что въ фанатическомъ изступленіи такой фанатикъ могъ бы разсѣчь себѣ не только мускульные покровы головы, но и расколоть себѣ черепъ.

Замѣчательно, что утверждаютъ, что всѣ эти раны очень серьезныя, судя по массѣ крови, которыми покрыты паломники, заживаютъ очень быстро.

Громадное впечатлѣніе, производимое на европейца этимъ дикимъ зрѣлищемъ, трудно поддается описанію—красный тусклый свѣтъ факеловъ, эти окровавленные люди, бичующіе сами себя, стоящій въ воздухѣ запахъ крови, заунывное и однообразное пѣніе—все это поражаетъ зрителя какимъ-то ужасающимъ впечатлѣніемъ.

Въ Константинополѣ можно было видѣть вертящихся дервишей (*dervisches tougneurs*), и мы разъ отправились въ большомъ обществѣ посмотрѣть на ихъ богослуженія; впечатлѣніе совершенно необыкновенное, но нельзя сказать пріятное, оставляетъ за собою это посѣщеніе. Въ полутемной комнатѣ, стѣны которой завѣшаны тканями, находилась группа дервишей въ темныхъ халатахъ, съ остроконечными клобуками на головахъ. Служба началась съ того, что на какомъ-то звуковомъ инструментѣ, кажется родъ флейты, стали играть заунывную однообразную мелодію. Мало-по-малу дервиши, стоявшіе въ кружкѣ, подъ звуки этой мелодіи, стали поворачиваться, кружиться, первоначально медленно, а потомъ все быстрее и быстрее, разбрасывая руки, и наконецъ стали приходить въ какое-то изступленіе. Мы тогда вышли изъ комнаты.

По заключеніи переговоровъ, состоялось мое представленіе Султану. Во всѣхъ европейскихъ странахъ делегаты иностранныхъ правительствъ, являющіеся для переговоровъ, обыкновенно представляются главѣ государства вслѣдъ за ихъ прибытіемъ. Но въ Турціи все происходитъ иначе. При моемъ прибытіи въ Константинополь и въ теченіе всего хода переговоровъ, я вѣроятно не былъ для Султана *persona grata*, такъ какъ являлся съ неприятнымъ для него требованіемъ, и потому Султанъ не изъявлялъ желанія меня видѣть. Но когда переговоры благополучно окончились, то мнѣ былъ переданъ однимъ турецкимъ сановникомъ благопріятный обо мнѣ

отзывъ Султана, и вслѣдъ за тѣмъ состоялось мое представленіе. Я поѣхалъ на ауденцію въ Ильдизъ-Кіоскъ вмѣстѣ съ Е. П. Новиковымъ, который и представилъ меня Султану. Султанъ держалъ себя очень сдержано, разговоръ происходилъ при посредствѣ драгомана (переводчика) и продолжался недолго.

На слѣдующій день Евгенийъ Петровичъ передалъ мнѣ отъ Султана орденъ Меджедіе первой степени.

Почти одновременно съ закончаніемъ нашихъ переговоровъ Евгенийъ Петровичъ получилъ отъ Гирса письмо, въ которомъ Гирсъ извѣщалъ его, что онъ отзывается изъ Константинополя съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта. Это неожиданное извѣстіе, разумѣется, поразило насъ всѣхъ до крайности, особенно послѣ столь благополучнаго исхода нашихъ переговоровъ, котораго даже никакъ нельзя было ожидать. Нелегко было Евгению Петровичу разставаться съ дипломатическою дѣятельностью, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь и которую онъ такъ любилъ, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ ожидали его бюрократически-законодательно-административныя занятія, совершенно для него чуждыя. Онъ перенесъ этотъ ударъ съ большимъ спокойствіемъ духа и достоинствомъ. Такъ какъ онъ собирался вскорѣ за симъ отправиться въ Россію, то и я отложилъ свой отъѣздъ на нѣсколько дней, чтобы отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Въ эти дни мы посѣтили еще съ нимъ на прощаніе вселенскаго патріарха, заѣхали въ Св. Софію и были на интимномъ прощальномъ обѣдѣ у австрійскаго посла, барона Каличе, который былъ всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Новиковымъ, и затѣмъ стали собираться въ путь.

Насталъ день отъѣзда. Передъ отъѣздомъ въ посольской церкви служили молебенъ, на которомъ называли имена всѣхъ отъѣзжающихъ; затѣмъ сняли со всѣхъ присутствующихъ фотографію, и мы отправились на пароходъ „Корниловъ“, который долженъ былъ доставить насъ въ Одессу.

До Москвы мы ѣхали вмѣстѣ съ Новиковымъ и его семействомъ. Грустно было разставаться съ ними въ Москвѣ послѣ столь продолжительнаго пребыванія въ ихъ семействѣ. По возвращеніи въ Петербургъ я представлялся Государю.

Мнѣ доставило удовольствіе, что въ рескриптѣ, который сопровождалъ пожалованный мнѣ орденъ Бѣлаго Орла, было упомянуто, что даруется мнѣ послѣдній за успѣшное исполненіе переговоровъ съ Портой. Обыкновенно ордена даются просто послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы, а потому орденъ, дарованный за спеціальныя заслуги, получалъ особую цѣну.

1883.

Въ концѣ марта я испыталъ тяжелую утрату со смертію матушки. Хотя ей было уже за восемьдесятъ лѣтъ, но она еще принимала до того живое участіе во всей нашей жизни, что ея кончина глубоко отозвалась въ средѣ нашей семьи.

Въ началѣ лѣта я отправился въ путешествіе по Россіи, для ознакомленія съ устройствомъ и порядками нашихъ казначействъ. Черезъ Москву и Воронежъ, гдѣ я засталъ моего бывшаго товарища Раева управляющимъ казенной палатой, я проѣхалъ на Кавказъ, посѣтилъ Ставрополь, Владикавказъ, по Военно-Грузинской дорогѣ проѣхалъ въ Тифлисъ, посѣтилъ Потійскій портъ, Кутансъ, Батумъ, и оттуда моремъ проѣхалъ въ Ялту.

Переѣздъ по Грузинской дорогѣ производитъ громадное впечатлѣніе. Былъ жаркій лѣтній день и, несмотря на то, вершины горъ были покрыты сплошь бѣлою снѣговой пеленой, такъ что, поднявшись къ перевалу, пришлось ѣхать въ траншеѣ, вырытой въ снѣгу, снѣжныя стѣны которой по обѣимъ сторонамъ дороги доходили до сажени. Особенно эффектное зрѣлище представляетъ спускъ послѣ перевала, когда передъ глазами окруженнаго снѣжными полями путешественника открывается картина мѣстности, покрытой богатой растительностью, освѣщенной южнымъ солнцемъ и омываемой водами Аргуни. Въ Тифлисѣ тогда былъ главноуправляющимъ гражданскою частью кн. Дондуковъ-Корсаковъ, но я его не засталъ, такъ какъ онъ былъ въ разѣздѣ; я посѣтилъ княгиню и обѣдалъ у нея нѣсколько разъ. Дворецъ намѣстника съ его роскошною залой въ персидскомъ стилѣ поражаетъ изяществомъ и красотою убранства въ восточномъ вкусѣ; при дворцѣ красивый паркъ, наполненный экзотическими растеніями. Цоти и Батумъ были въ то время извѣстны какъ наиболѣе лихорадочныя мѣстности на Кавказѣ. Потійскій портъ, который я осматривалъ, постоянно строился и все оказывался неудобнымъ. О томъ, какъ его перестроить, чтобы сдѣлать доступнымъ судоходству, я тогда слышалъ на мѣстѣ самыя разнообразныя мнѣнія, каждый предлагалъ другой способъ его исправленія. Дѣло въ томъ, что онъ былъ такъ поставленъ къ морю, что во время бури не только въ портѣ не было спокойной воды, но въ немъ происходила такая толчея, что суда внутри порта подвергались большой опасности, чѣмъ въ открытомъ морѣ, и потому предпочитали въ бурное время совершенно не входить въ портъ. Батумъ съ его наполовину восточнымъ, на половину европейскимъ видомъ, тогда только что начиналъ развиваться. Окруженный болотистою мѣстностію, онъ до

того былъ зараженъ лихорадками, что почти нельзя было встрѣтить въ Батумѣ совершенно здороваго человѣка изъ мѣстныхъ жителей.

Кавказъ и Крымъ представляютъ какъ бы естественный контрастъ. Обѣ мѣстности чрезвычайно живописны и богаты чарующими видами, но между тѣмъ какъ Кавказъ поражаетъ грандіозностью впечатлѣній, въ Крыму все нѣжно, миловидно и уютно. Крымъ—это русская Италія. Несмотря на то, что, пріѣхавъ первый разъ въ Ялту, я уже былъ знакомъ съ Италіей, крымскіе виды произвели на меня чарующее впечатлѣніе. Я тогда не подозрѣвалъ, что этотъ чудный уголокъ Россіи сдѣлается впослѣдствіи постояннымъ мѣстомъ моего осенняго пребыванія.

1884—1886.

Слѣдующіе три года протекли въ обычныхъ занятіяхъ по управленію департаментомъ Государственнаго Казначейства.

Съ Н. Хр. Бунге я всегда былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, а въ это время насъ еще болѣе сблизилъ пріѣздъ въ Петербургъ его племянницы, княгини Витгенштейнъ, бывшей м-ль Эйлеръ, моею давнишней знакомой, со временъ Михайловскаго дворца. Оставивъ дворъ В. Кн. Елены Павловны, она была нѣсколько лѣтъ гофмейстериной при дворѣ В. Кн. Ольги Ѳеодоровны на Кавказѣ и затѣмъ вышла за князя Витгенштейнъ. Съ княземъ я тоже былъ знакомъ еще изъ Египта, гдѣ мы съ нимъ встрѣчались во время открытія Суэцкаго канала. Я часто обѣдалъ съ нею у Николая Христіановича, а также у нея съ Николаемъ Христіановичемъ. Эти обѣды были тѣмъ пріятны, что нѣсколько часовъ проводились всегда въ нестѣсненномъ и пріятномъ разговорѣ. У княгини Витгенштейнъ бывали иногда кромѣ того интересныя музыкальныя вечера, на которыхъ нерѣдко присутствовалъ Вел. Князь Михаилъ Николаевичъ. Для него обыкновенно устраивалась маленькая партія въ карты.

Управленіе Бунге министерствомъ финансовъ ознаменовалось главнымъ образомъ отмѣною подушной подати, при чемъ только часть ея была переложена на землю, а остальная, кажется до 40 милліоновъ, была совершенно сложена. Такимъ образомъ крестьяне получили существенное облегченіе; но къ сожалѣнію при этомъ была сохранена круговая порука, которая лежала на нихъ главнымъ ярмомъ.

Во внутренней политической жизни въ эту эпоху высказывалось замѣчательное вліяніе двухъ лицъ, стоящихъ совершенно въ сторонѣ

отъ администраціи—Каткова и кн. Мещерскаго. Послѣ польскаго возстанія, когда статьи Каткова вызвали совершенный переворотъ въ общественномъ мнѣніи и оказали существенную поддержку правительству, онъ сталъ въ совершенно исключительное положеніе. Дѣло дошло до того, что когда графъ Толстой, тогдашній М. В. Д., объявилъ однажды „Московскимъ Вѣдомостямъ“ предостереженіе за какую-то статью, Катковъ отказался напечатать это предостереженіе, и дѣло такъ и осталось. Катковъ былъ въ постоянной войнѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Гирсомъ, изъ-за его виѣшной политики, которую онъ постоянно критиковалъ.

Между тѣмъ какъ вліяніе Каткова высказывалось болѣе въ сферѣ нашей внутренней и виѣшной политики, вліяніе Мещерскаго проявлялось преимущественно въ личныхъ вопросахъ. Разныя высокія назначенія приписывались въ общественномъ мнѣніи прямо вліянію кн. Мещерскаго. Это вліяніе считалось столь сильнымъ, что даже министры являлись къ нему на поклоненіе. На его воскресныхъ завтракахъ происходилъ постоянно съѣздъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ бы заискивавшихъ его протекціи или поддержки.

Говоря о личностяхъ, игравшихъ въ то время нѣкоторую роль, остается упомянуть еще о Татищевѣ, который тоже въ то время обращалъ на себя вниманіе. У него собирался по вечерамъ кружокъ ультра-консерваторовъ и сторонниковъ кн. Мещерскаго. На этихъ вечерахъ обсуждались всѣ государственныя дѣла. О Татищевскихъ вечерахъ говорили въ обществѣ, что они играютъ роль какъ бы подготовительнаго совѣщанія по дѣламъ, подлежащимъ обсужденію въ Государственномъ Совѣтѣ. Кончилось тѣмъ, что Татищевъ самъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; но здѣсь онъ игралъ очень пассивную роль, я ни разу не слышалъ его говорящимъ. Года два или три послѣ своего назначенія онъ скончался, ни въ чемъ не оставивъ слѣда своей государственной дѣятельности въ средѣ этого учрежденія. Ни на завтракахъ Мещерскаго, ни на вечерахъ Татищева я не бывалъ.

Кромѣ текущихъ занятій по департаменту, мнѣ приходилось въ это время участвовать въ разныхъ комиссіяхъ. Одна изъ нихъ, о сокращеніи дополнительныхъ окладовъ въ привилегированныхъ мѣстностяхъ, у меня осталась въ памяти, потому что возлѣ меня сидѣлъ молодой, красивый офицеръ Генеральнаго Штаба—это былъ А. Н. Куропаткинъ—впослѣдствіи главнокомандующій въ первый періодъ японской войны,—съ которымъ я по этому случаю познакомился. Онъ на меня тогда произвелъ очень пріятное впечатлѣніе—человѣка дѣльнаго и просто относившагося къ дѣловымъ вопросамъ.

Другая комиссія была замѣчательна по совершенно необыкновенному предмету, подлежавшему ея обсужденію—а именно своеобразной претензіи Новосельскаго.

Какъ извѣстно, Новосельскій игралъ выдающуюся роль въ разныхъ предпріятіяхъ промышленнаго свойства. Необыкновенно способный по части постановки новыхъ дѣлъ,—онъ былъ между прочимъ учредителемъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли,—но былъ рѣшительно неспособенъ вести самыя дѣла. Вслѣдствіе своей необыкновенной живости и впечатлительности, онъ бросался постоянно съ одного дѣла на другое, не имѣя ни достаточной выдержки, ни достаточной аккуратности, чтобы вести созданныя имъ дѣла, и вотъ почему онъ постоянно путался въ дѣлахъ, и всѣ дѣла, поставляемыя имъ на ноги, даже самыя лучшія и серьезныя, подъ его управленіемъ начинали чахнуть и приходили въ упадокъ; только по переходѣ управленія въ другія руки, эти дѣла получили серьезное движеніе. Замѣчательно безкорыстный, Новосельскій, орудуя милліонами, всегда нуждался въ средствахъ и не только не нажилъ себѣ состоянія, но находился даже постоянно въ долгахъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человекъ крайне добрый и симпатичный, сдѣлавшій дѣйствительно много для развитія нашей промышленности, то у него было много доброжелателей и друзей (въ томъ числѣ и К. П. Побѣдоносцевъ)—которые желали ему помочь. Въ этомъ же смыслѣ дѣйствовали и его кредиторы, въ надеждѣ воспользоваться улучшеніемъ его положенія.

Во время послѣдней восточной войны, какое-то принадлежавшее ему судно, нагруженное желѣзомъ, было конфисковано на Дунаѣ турками. По этому поводу и былъ возбужденъ его протекторами вопросъ о томъ, что ему слѣдуетъ выдать изъ государственнаго казначейства вознагражденіе въ возмѣщеніе понесеннаго имъ ущерба. Для разсмотрѣнія этого вопроса была образована особая комиссія подъ предсѣдательствомъ графа П. Л. Шувалова, бывшаго начальника III-го отдѣленія.

Какъ ни странно это можетъ казаться, но большинство членовъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ склонялось въ пользу удовлетворенія ходатайства Новосельскаго. Какъ представитель министерства финансовъ, я, однако, съ такимъ рѣшеніемъ никакъ не могъ согласиться. Несомнѣнно, въ С.-Стефанскомъ договорѣ было установлено обязательство турецкаго правительства—вознаградить русскихъ подданныхъ, пострадавшихъ отъ войны. Но при этомъ имѣлось въ виду вознагражденіе отъ турецкаго правительства. Требованіе же, чтобы русское правительство изъ своихъ средствъ выдало вознагражденіе пострадавшему, да еще по претензіи, заявленной много лѣтъ послѣ

заключенія мира и при томъ претензіи довольно сомнительнаго свойства, очевидно, нельзя было признать правильнымъ. Выдача такого вознагражденія создала бы прецедентъ, на основаніи котораго могла бы быть возбуждена масса подобныхъ требованій, обращенныхъ къ государственному казначейству. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я высказалъ, что нельзя не признать заслугъ Новосельскаго, оказанныхъ развитію нашей промышленности, что если вслѣдствіе того Государю угодно будетъ вообще назначить ему какое-либо пособіе, то такое назначеніе не повлечетъ за собою никакихъ неудобствъ—выдавать же ему вознагражденіе на основаніи вышеприведенной его претензіи совершенно невозможно. Окончательно по моему настоянію ходатайство было отклонено.

Наконецъ укажу еще на третью комиссію, которая состоялась подъ моимъ предсѣдательствомъ по довольно сложному вопросу. Дѣло касалось претензій правительства и подданныхъ Румыніи къ нашему правительству и о долгахъ послѣднему Восточной Румыніи и княжествъ Балканскаго Полуострова. Дѣломъ этимъ занимались нѣсколько лѣтъ на мѣстахъ, но оно все не приходило къ окончанію, потому что, несмотря на то, что общія цифры были уже довольно точно выяснены контролемъ, требовалось представленіе квитанцій по каждой отдѣльной поставкѣ—чего очевидно нельзя было исполнить. Членомъ въ эту комиссію былъ назначенъ и отъ контроля Н. С. Петровъ, впоследствии бывший начальникомъ контроля въ министерствѣ двора и состоящій нынѣ членомъ Государственнаго Совѣта. Изучивъ въ подробности дѣло, я пришелъ къ заключенію, что требовать подробной отчетности и представленія росписокъ по всѣмъ заборамъ нашихъ войскъ во время войны практически въ настоящее время неисполнимо, такъ что на этой почвѣ было бы совершенно невозможно придти къ какому-либо соглашенію; поэтому оставалось одно—ограничиться тѣми общими цифрами, которыя уже были достаточно выяснены, и на этомъ основаніи произвести всѣ расчеты. Представитель контроля, отказавшись отъ формальной точки зрѣнія государственнаго контроля, вполне со мною согласился—произведенный на этомъ основаніи расчетъ былъ утвержденъ правительствомъ, и мы такимъ образомъ въ нѣсколько засѣданій окончили дѣло, длившееся около десяти лѣтъ.

Въ свободное отъ служебныхъ занятій время я продолжалъ заниматься религіозными вопросами. Въ 1885 году я напечаталъ за границей нѣмецкую брошюру подъ заглавіемъ „Sechs Briefe über die kirchlich-religiösen Zustände im Abendlande und die Kirche vom Standpunkte eines morgenländischen Christen“. Въ томъ

же году вышла моя книга „О церкви“, а въ 1886 году я напечаталъ „Опытъ краткаго изъясненія на евангеліе отъ Іоанна“.

Въ то время, по поводу старокатолическихъ собраній, много занимались вопросомъ о соединеніи церквей. Между тѣмъ всѣ сферы старокатолической Германіи знали нашу церковь почти только съ формальной ея стороны. Вотъ почему у меня явилась мысль изложить основанія православнаго ученія въ сравненіи съ протестантской и католической доктриной—для нѣмецкихъ читателей.

Католицизмъ является представителемъ начала безусловнаго авторитета. Онъ во всемъ и совершенно подавляетъ свободу мнѣній и убѣжденій каждой отдѣльной личности; онъ требуетъ безусловнаго послушанія и подчиненія своей мысли подъ авторитетъ церкви не только по отношенію къ догматамъ, но и по всѣмъ духовнымъ вопросамъ. Въ этомъ отношеніи протестантизмъ представляетъ прямую противоположность, предоставляя почти полную свободу каждой отдѣльной личности въ пониманіи евангелія. При отсутствіи видимой церкви и непризнаніи преданія, въ протестантизмѣ трудно сохраняются неизблѣмость догмата, такъ какъ тексты евангелія со стороны разныхъ лицъ получаютъ самыя разнообразныя толкованія. Православная церковь занимаетъ средину между ними, соединяя въ разумныхъ предѣлахъ авторитетъ католической церкви и свободу протестантизма.

Вотъ эту мысль мнѣ хотѣлось выяснитъ для нѣмецкихъ читателей, при чемъ я нашелъ очень хорошій матеріалъ въ книгѣ извѣстнаго германскаго богослова Тирша „Protestantismus und Catholicismus“, изданной въ 1846 году. Тиршъ доказывалъ въ своей книгѣ неустойчивость протестантскаго вѣроученія, вслѣдствіе безусловной свободы толкованія, предоставленной каждому отдѣльному протестанту. Въ поискахъ за устойчивостью церкви, проф. Тиршъ, не соглашаясь съ католицизмомъ и оставаясь протестантомъ, присоединился впослѣдствіи къ ирвингіанизму, думая найти въ немъ нѣкоторое подобіе видимой церкви.

Печатанію моей брошюры за границей, въ Бременѣ, оказалъ содѣйствіе пасторъ Дальтонъ, человекъ чрезвычайно живой и интересующійся церковными вопросами. Онъ даже написалъ вступленіе къ моимъ письмамъ, въ которомъ онъ рекомендовалъ ихъ нѣмецкимъ богословамъ, совершенно незнакомымъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ православной церкви.

По его совѣту и указанію я разослалъ мою брошюру многимъ богословамъ въ Германіи и получилъ отъ нихъ болѣе или менѣе краткіе отвѣты, заключавшіе въ себѣ большею частью общія учтивыя фразы. Существеннаго обсужденія мой трудъ въ Германіи не

вызвалъ, потому что въ то время внѣ сферы старокатолической тамъ вообще мало интересовались вопросами о церкви. У насъ же моя брошюра была почти полностью переведена въ журналъ „Вѣра и Разумъ“.

Моя русская книга о церкви была вызвана рядомъ разговоровъ, происходившихъ у меня съ посѣтителеми Пашковскаго кружка, съ которыми я очень сблизился, какъ уже выше приведено. Видя въ нашей церкви одно проявленіе формализма, они никакъ не могли усвоить себѣ ея значенія. Миѣ приходилось неоднократно и обстоятельно бесѣдовать съ ними на эту тему; это дало миѣ мысль развить мои сужденія въ особой книгѣ. Мое сочиненіе появилось первоначально въ „Православномъ Обозрѣніи“ и вышло впоследствии отдѣльной книгой. Оно обратило на себя вниманіе нашихъ духовныхъ журналовъ, которые отнеслись весьма одобрительно къ моему труду. Даже восемнадцать лѣтъ спустя этотъ мой трудъ далъ журналу „Вѣра и Разумъ“ поводъ сопоставить мое имя съ именами Хомякова и Соловьева, въ статьѣ „Православная Церковь, по ученію нашихъ свѣтскихъ писателей“.

Въ моей книгѣ я развивалъ между прочимъ нѣсколько своеобразное положеніе о значеніи „догмата“, положеніе, котораго я въ другихъ богословскихъ трактатахъ не встрѣчалъ; несмотря на общее сочувствіе, которое было высказано въ нашей духовной литературѣ къ моему труду, ни одинъ изъ отзывовъ не коснулся этой стороны вопроса; противъ моего мнѣнія не возражали, но и не высказывали съ нимъ согласія, какъ будто вообще боялись коснуться этого деликатнаго вопроса.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Молитва для учащагося юношества.

М. о. А. Г. Ш. — Опись дѣламъ II отдѣленія Дежурства Главнаго Штаба Его Императ. Величества по военному поселенію за 1826 годъ. Книга 2-я № 1050/41, дѣло № 3316 (объ отставномъ Титулярномъ Совѣтникѣ Реутовѣ).

Ваше Высокопревосходительство!

Отъ всепреданности Вашей къ Государю Императору зависить представить Его Величеству изданныя мною молитвы (для учащагося юношества), которыя, по докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, утверждены почившимъ въ Богѣ Императоромъ Александромъ I и по предписанію Министерства введены онѣ въ употребленіе во всѣ подвѣдомственныя высшія училища, Гимназіи, Уѣздныя, Приходскія и частныя пансіоны. Но во всѣхъ Государственныхъ-военныхъ училищахъ нѣтъ сихъ Молитвъ, которыя заключаютъ въ себѣ главное основаніе учащагося юношества и всѣ его обязанности: къ Богу, Государю, Государству, Начальникамъ, Родителямъ и Учителямъ. Изъ приложенной къ сему записки подъ буквою Д¹) Ваше В—во усмотрѣть изволите: причину сихъ молитвъ, слѣдствія отъ нихъ происходящія и законное ихъ опредѣленіе.

¹) Выписка изъ записки подъ буквою Д. Реутовъ былъ старшимъ учителемъ въ Гофъ-Интендантскомъ вѣдомствѣ и въ это время издалъ молитвы въ 1820 году; представилъ ихъ при запискѣ въ М-во Нар. Просвѣщ. въ 1824 г.—Записка была доложена 1 апрѣля 1824 г. Государю Императору. Молитвы были Высочайше утверждены и введены циркуляромъ Министерства отъ 5 апрѣля во всѣ подвѣдомств. учебн. заведенія, а Реутову дана единовременная награда въ 500 р. Высочайшимъ указомъ 1 іюля 1824 г.

Предая себя и всё представляемая мною истины благотворному покровительству Вашего Высокопревосходительства! прошу о доведении ихъ до свѣдѣнія Всемилоствѣйшаго Монарха!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ вѣчно пребуду прославителемъ имени Вашего Высокопревосходительства

всепреданнѣйшій слуга

Иванъ Реутовъ

Отставной титулярный совѣтникъ.

Молитвы эти существуютъ до настоящаго времени, хотя уже и подверглись съ теченіемъ времени нѣкоторому измѣненію. Для сравненія приводится текстъ первоначальный и существующій.

Молитва передъ ученіемъ.

Первоначальный текстъ.

Прекраснѣйшій Господи! Низпосли къ намъ благодать Духа Твоего Святаго, дарствующую смыслъ и укрѣпляющую душевныя наши силы, дабы, внимая преподаваемому намъ ученію, возрали мы Тебѣ нашему Создателю во славу, *Государю-же нашему, Родителямъ и Государству всему* на пользу.

Существующій текстъ.

(по учебнику молитвъ придвор. протоіерея Дм. Соколова, изд. 76).

Прекраснѣйшій Господи, низпосли намъ благодать Духа Твоего Святаго, дарствующаго и укрѣпляющаго душевныя наши силы, дабы, внимая преподаваемому намъ ученію, возрали мы Тебѣ, нашему Создателю, во славу, *родителямъ-же нашимъ на утѣшеніе, Церкви и Отечеству* на пользу.

Молитва послѣ ученія.

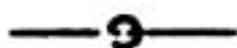
Первоначальный текстъ.

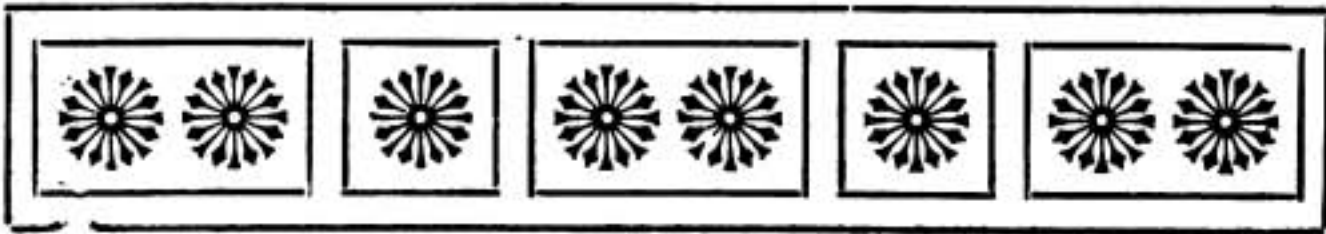
Благодаримъ Тебе Создателю! Яко сподобилъ еси насъ благодати Твоея, во еже внимати ученію. Благослови *Государя нашего, Начальниковъ, Родителей и Учителей*, ведущихъ насъ къ познанію блага, и подаждь намъ силы и крѣпость къ продолженію ученія сего.

Существующій текстъ.

Благодаримъ Тебѣ Создателю, яко сподобилъ еси насъ благодати Твоея, во еже внимати ученію. Благослови нашихъ начальниковъ, родителей и учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага, и подаждь намъ силу и крѣпость къ продолженію ученія сего.

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

Материалы для исторій русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. ¹⁾

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

13.

20-го февраля ст. ст. 1824 г. Шаево.

ретьяго дни имѣлъ я удовольствіе, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, получить Ваше письмо изъ Парижа отъ 4-го Генваря новаго стиля; конвертъ, сдѣланный Вами, съ трехъ боковъ разрѣзанъ, крестъ на крестъ обвить двумя полосами бумаги и на перекресткѣ опять запечатанъ при надписи что письмо было просмотрѣно въ Мемелѣ: странное любопытство читать чужія письма! Я воображаю притомъ сколько труда стоило нѣмцамъ разбирать Русскую грамоту, и мнѣ смѣшно становится. Вы жалѣете что меня и Андрея Андреевича нѣтъ съ Вами въ Парижѣ чтобы вмѣстѣ осматривать, любоваться и толковать: и я жалѣю, и онъ вѣроятно также; но судьба всегда помыкаетъ людьми и разбрасываетъ по лицу земли тѣхъ которымъ бы должно жить рядомъ; кто въ Парижѣ, кто въ Петербургѣ, а кто въ Кологривѣ. Лестно для моего самолюбія что сперва Колосова, а потомъ и Вы, посѣтивъ французскій театръ десять лѣтъ послѣ меня нашли актеровъ точно такими какъ я вамъ говорилъ, тоестъ что Тальма и Марсъ ²⁾ стоятъ на первомъ мѣстѣ, одинъ съ высокимъ дарованіемъ и большими пороками, другая въ низшемъ родѣ, но со всевозможнымъ совершенствомъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1910 г

²⁾ Anne-Françoise — Boutet—Monvel, dite m-lle Mars, знаменитая актриса, р. въ 1779 г., ум. въ 1847 г.

Привезите ко съ собой всѣ Лавиновые творенія старья и новья Покуда надобно и вамъ на оборотъ сообщить что нибудь о Русскомъ театрѣ, и хотя меня нѣтъ въ Петербургѣ, однако получая еженедѣльно извѣстія, могу служить чѣмъ богъ послалъ. Шаховской плодовище чѣмъ когда нибудь: онъ сочинилъ въ пяти дѣйствіяхъ и прозѣ смѣшанной со стихами 1-е Судьба Ниджеля изъ Вальтера Скота ¹⁾, 2-е Соколъ князя Ярослава ²⁾, бѣлыми стихами, въ трехъ дѣйствіяхъ: Фингалъ и Росклана ³⁾; вольными стихами въ одномъ дѣйствіи Урокъ женатымъ ⁴⁾; Аристофанъ ⁵⁾ разучивается; число мѣлкихъ произведеній, водевилей, комедій-водевилей, фоли-водевилей, комедій-балетовъ, интермедій-дивертисементовъ и тому подобныхъ несчетно; Жандръ сочинилъ романтическое представленіе: Морской Разбойникъ ⁶⁾ изъ романа Вальтера Скота, которое принесло Каратыгину за всѣми расходами болѣе 5.000 рублей; но успѣха не имѣло: декорациі безпрестанно мѣнялись, столы носились по сценѣ, машинисты подавали сигналы свистками, и все это вмѣстѣ утомило; Варвара Семеновна ⁷⁾ перевела для бенефиса Колосовой комедію *Le Legs* и говорятъ будто очень хорошо, извѣстій о представленіи еще нѣтъ. Жуковский для бенефиса же Колосовой матери перевелъ привезенную Ею изъ Парижа новую драму Валерію

¹⁾ „Судьба Ниджеля или Все бѣда для несчастнаго“ романт. комедія въ 5 д. кн. А. А. Шаховскаго была поставлена въ 1-ый разъ 3-го янв. 1824 г. въ бенефисъ Брянскаго. По свидѣтельству Арапова, пьеса успѣха не имѣла.

²⁾ „Соколъ князя Ярослава Тверскаго или Суженый на бѣломъ конѣ“, русская историческая быль въ 4 д., предст. 18-го окт. 1823 г., въ бенефисъ Ежовой.

³⁾ 23-го янв. 1824 г. въ пользу М. Н. Валберховой была представлена драмат. поэма въ 3-хъ д. кн. Шаховскаго: „Фингалъ и Розкрава“ (сюжетъ заимствованъ изъ Оссіана), главныя роли были исполнены В. А. Каратыгинымъ и Дюровой.

⁴⁾ „Урокъ женатымъ“ ком. въ 1 д., представл. 29-го янв 1823 г. (въ бенефисъ Брянскаго).

⁵⁾ „Аристофанъ или Представленіе комедіи Всадники“, истор. комедія въ древнемъ родѣ и въ разныхъ стихахъ греческаго стихосложенія, въ 3-хъ д. съ прологомъ, интермедіями, пѣніемъ и хорами. М. 1828 г. представл. въ 1-ый разъ въ бенефисъ Ежовой 19 ноября 1825 г.

⁶⁾ „Морской Разбойникъ или Волшебство не Волшебство“, романт. комедія въ 5 д. А. А. Жандра, взятая изъ романа Вальтеръ Скотта, представл. 3-го дек. 1823 г., въ бенефисъ В. А. Каратыгина.

⁷⁾ Варвара Семеновна Миклашевичева, урожд. Смагина, род. 1768, ум. 1846, перевела комедію „*Le Legs*“ подъ названіемъ „Завѣщаніе или Кто кого перехитритъ“, представл. въ 1-ый разъ 29 янв. 1824 г. въ бенефисъ А. М. Колосовой.

или Слѣпую ¹⁾; зрителей было мало и впечатлѣнія никакого пѣса не сдѣлала. Наконецъ Лобановъ перевелъ Фэдру, а Семенова ее сыграла очень дурно, что называется осрамилась; даже вызывали ее и выходила она не одна, а съ Иполитомъ! переводъ напечатанъ ²⁾ и есть у меня, онъ совершенно выполнилъ мое ожиданіе, но предисловіе еще превзошло его; выпишу здѣсь для васъ нѣсколько изъ него: „Лестные отзывы просвѣщенной публики о первомъ моемъ переводѣ... поощрили меня. Переводами Фэдры занимались великіе Геніи. Не позволяю себѣ думать, чтобъ я лучше всѣхъ сдѣлалъ: я только желалъ лучше сдѣлать.—Просвѣщенные литераторы знаютъ какого труда, какихъ неутомимыхъ усилій стоитъ... Я любилъ услаждать досуги свои бесѣдою съ безсмертнымъ Расиномъ, любилъ, переводя Его, бороться съ самыми трудностями; а онъ представляются почти при каждомъ стихѣ Его, и не смѣю думать, чтобы всѣ были побѣждены“. Послѣ такого скромнаго предисловія, вотъ образчикъ стиховъ:

Уже дѣля твой страхъ, я былъ на отдаленныхъ
Заливахъ и моряхъ, Коринфомъ раздѣленныхъ.—
Въ какихъ же ты странахъ надѣешься найти
Тезея жаркій слѣдъ, иль темные пути?

Выходъ Фэдры:

Постой, Энона, здѣсь. О скорбь! О дни унылы!

Noble et brillant:

О ты, краса небесъ, божественный блистатель,
Чьей титломъ дочери моя гордилась мать.

Кажется этого довольно; и вѣрите ли вы? все въ одномъ родѣ; со всѣмъ тѣмъ въ Сынѣ Отечества помѣщенъ былъ разборъ Ореста Сомова, и Орестъ пишетъ что Лобановъ вездѣ шелъ на ряду съ Расиномъ, а мѣстами побѣдилъ непобѣдимаго: *Tu dors, Brutus* ³⁾!— Богатство рюемъ неимовѣрное: съ перваго стиха *почтенный* и *Трезены*. Забудьте, что должно говорить Трезена. *Крита* и *лабиринта*; *чувствъ* и *посягнувъ*. Мѣстами совершенно противусмыслие, напримѣръ: *qu'aucuns monstres par moi domptés jusqu'aujourd'hui* ⁴⁾— и пр. по-русски:

—Что сонмы поразивъ чудовищъ и звѣрей
Я права не стяжалъ преткнуться какъ Тезей.

¹⁾ „Валерія или Слѣпая“, ком. Малесвиля, перевод. В. А. Жуковскимъ, представл. 17-го дек. 1823 г.

²⁾ Спб. 1823.

³⁾ „Ты спишь, Брутъ!“

⁴⁾ Что ни одво изъ чудовищъ, мною до сихъ поръ укрощенныхъ (Phédre A. I. sc. 1).

И эта нелицеприятность восхваляется! и благоразумный человек, который стыдится явно лгать, въ угожденіе литературной шайки; ненавидимъ, гонимъ и выведенъ in agena на Бестужевыхъ и Розинговъ! Надо переименовать рѣчь, а не то я право разсержусь. Писалъ ли я къ Вамъ, что я купилъ другую усадьбу и сто душъ? это бы очень хорошо, но я нѣсколько ошибся въ расчетахъ: казна въ нынѣшнемъ году мало подрядила вина и то по цѣнѣ убыточной для бѣдныхъ поставщиковъ; я въ долгу какъ въ шелку, и потому на сей разъ принужденъ отказаться отъ Брекетовыхъ часовъ; о Репертуарѣ же Петитота продолжаю просить Васъ; но куда послать деньги? отпишите.—На той недѣлѣ начатое письмо прервано было масленицей и гостями; дописываю его великимъ постомъ, а между тѣмъ получилъ новыя извѣстія о Петербургскомъ театрѣ. Бенефисы Вальберховой и Колосовой м. прошли одинъ за другимъ; въ первый была *Драматическая поэма* Фингалъ и Розкрана, мерзость поддержанная нѣсколько однимъ Каратыгинымъ, Дюрова осрамилась, Шаховской незванный выбѣгалъ въ ложу откланиваться. За симъ слѣдовала комедія *Ты и Вы* ¹⁾, гдѣ главное лице Вольтеръ, а времени проходитъ между двухъ дѣйствій 60 лѣтъ; піеса того же Шаховскаго, понравилась, и Сосницкій прекрасно игралъ Вольтера особенно во 2-мъ дѣйствіи гдѣ ему 80 лѣтъ. Бенефисъ Колосовой за всѣми расходами принесъ ей 9.000 рублей; давали Гамлета, Каратыгинъ игралъ отлично, она средственно, Семенова безъ смысла; потомъ комедія *le Legs*, переведенная В. С. Миклашевичевой: успѣхъ страшный, Колосова играла во всемъ совершенствѣ, и отецъ Каратыгинъ, который былъ весьма холоденъ къ ней, чуть не влюбился и не зоветъ иначе какъ Марсъ русскаго театра. Сегодня же буду писать поздравленіе къ переводчицѣ, а если вы изъ Франціи слово объ этомъ пришлете, тогда ей еще пріятнѣе будетъ. Долго ли Вы пробудете въ Парижѣ? Когда возвратитесь въ Россію? Когда меня свиданіемъ обрадуете? ибо, признаюсь Вамъ, въ Петербургѣ быть не надѣюсь, а надобно чтобы пріятели мои меня въ пустынь навѣстили; нѣчего грѣшнить: нѣкоторые уже и сдѣлали это, а другихъ жду. Между тѣмъ жилище мое нѣсколько украшается: въ городѣ уѣздномъ, который отъ меня въ 43 верстахъ и куда я часто принужденъ ѣздить, все приготовлено къ постройкѣ хорошенькаго дома, гдѣ и покойнымъ диванамъ моимъ будетъ мѣсто; въ усадьбѣ же моей завелъ я цвѣты и плоды, а этого въ здѣшнихъ мѣстахъ и не слыхано бывало. Одного не достаетъ: людей. Представьте,

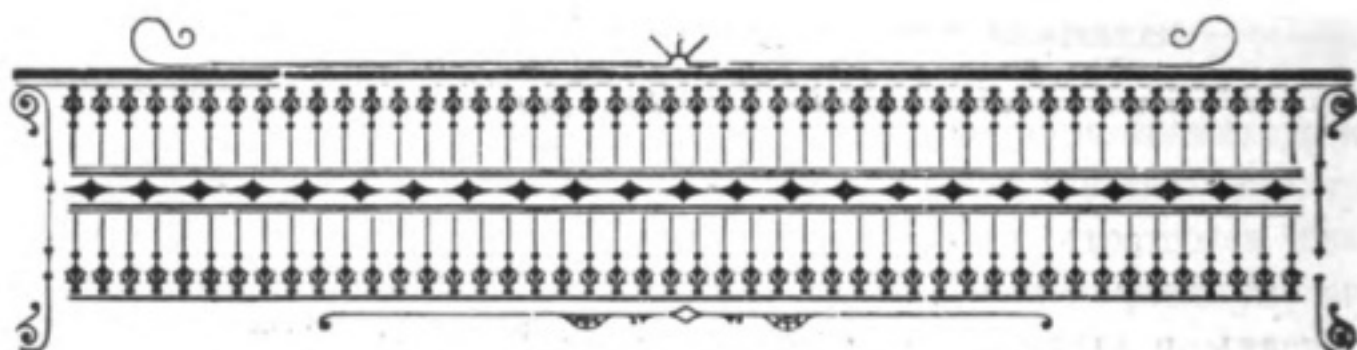
¹⁾ „Ты и Вы, Вольтерово посланіе или шестьдесятъ лѣтъ антракта“, представл. 23 янв. 1824 г.

когда вы въ многолюдной столицѣ, гдѣ все дышитъ веселостью, съ сожалѣніемъ вспоминаете двухъ пріятелей и чувствуете что ихъ недостаетъ, каково горько мнѣ иногда бываетъ, то въ одиночествѣ совершенномъ, то въ обществѣ сосѣдей, къ которымъ я уже обязанъ поддѣлываться ибо они ко мнѣ поддѣлаться не могутъ. Нѣтъ мнѣ болѣе удовольствія какъ получать письма и на нихъ отвѣчать, тогда мысленно переносишься въ любимое общество и пользуешься хоть отъ части прежними бесѣдами. Не забывайте этого, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и дарите чаще меня вашими письмами, не смотря на нескромное любопытство Мемельской почтовой Экспедиціи. Познакомьтесь съ Лавинемъ, онъ долженъ быть весьма хорошимъ человѣкомъ. Прощайте. Весь вашъ
Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія идеалиста, принимавшаго участіе въ работахъ по реформамъ крестьянскимъ.

Вскорѣ наступитъ пятидесятилѣтняя годовщина крестьянской реформы во всей Россійской Имперіи, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго, гдѣ эта реформа начала вводиться тремя годами позже.

Столь важная реформа, стяжавшая на вѣчныя времена покойному Государю Императору Александру II-му званіе „Царя-Освободителя“ и послужившая рычагомъ новаго оборота жизни нашего отечества, должна имѣть свою исторію, основанную не только на архивныхъ матеріалахъ, каковыхъ, надо думать, имѣется громадный запасъ въ подлежащемъ вѣдомствѣ, гдѣ стоило бы заняться съ особеннымъ вниманіемъ—для сгруппировки всего этого историческаго матеріала въ стройный систематическій порядокъ, хотя-бы для того, чтобы возстановить въ памяти всю исторію этого знаменательнаго событія.

Но не лишнимъ было бы, кромѣ того, всѣмъ тѣмъ, которые принимали дѣятельное участіе въ работахъ на мѣстахъ по данной реформѣ, хотя-бы и въ позднѣйшее время, попытаться—порыться въ своей памяти, чтобы возстановить все то, что ими пережито, прочувствовано, и въ формѣ воспоминаній своихъ—подѣлиться съ читающей публикой всѣмъ тѣмъ, что прямо или косвенно имѣетъ отношеніе къ этому событію.

Несомнѣнно, что близкое, личное участіе въ работахъ на мѣстахъ запечатлѣлось въ памяти тѣхъ, къ сожалѣнію уже не многихъ живыхъ, которые пожелали бы не поскупиться своими воспоминаніями.

ми обо всемъ томъ, что имѣло, впоследствии, вліяніе на всю ихъ послѣдующую жизнь; такъ какъ по личному опыту я знаю, что новая жизнь нашего отечества, вызванная всѣми реформами шестидесятихъ годовъ, оставила глубокія впечатлѣнія и повліяла даже на измѣненіе личнаго взгляда моего на людей, задачу самой жизни, каковая систематически складывалась въ юной головѣ „барчука“, подъ вліяніемъ современнаго воспитанія съ помощію наѣмныхъ гувернеровъ и дворовыхъ (изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей), у которыхъ слово „мужикъ“ считалось браннымъ словомъ, и невольно внушало, какъ помнится мнѣ, какое-то брезгливое чувство къ „лаптямъ“ и „сермягамъ“, и это, несмотря на то, что покойный отецъ мой, владѣвшій не одною тысячею душъ крѣпостныхъ крестьянъ, являлся по тогдашнимъ временамъ и понятіямъ—филантропомъ по отношенію своихъ крѣпостныхъ, большая часть коихъ находилась въ Рязанской губерніи. Для нихъ онъ заводилъ школы, лечебницы, нанималъ врачебный персоналъ на собственные средства и всячески приходилъ имъ на помощь; но къ сожалѣнію моему—принималъ мало личнаго участія въ моемъ воспитаніи, которое и было поручено сначала гувернанткамъ, потомъ гувернерамъ и наконецъ учебному заведенію, гдѣ ко времени введенія реформы крестьянской я, состоя пансіонеромъ, уже оканчивалъ курсъ, намѣреваясь поступить въ Московскій университетъ.

Какъ теперь, помню мой пріѣздъ въ одно изъ нашихъ имѣній, находящееся во Владимірской губерніи, гдѣ вся семья проводила лѣто, и куда я всегда съ особымъ наслажденіемъ ѣхалъ весной, послѣ занятій, подготовившись предварительно, чуть-ли не съ зимы, къ предстоящимъ экскурсіямъ по лѣсамъ и болотамъ съ ружьемъ и собакою, что называлось мною охотою, хотя въ сущности всѣ эти экскурсіи имѣли главною цѣлью—природу и возможность удаленія отъ заведеннаго порядка въ семьѣ, гдѣ каждый часъ дня имѣлъ свое назначеніе, то завтракъ, то обѣдъ, то визиты или прогулки и т. д.

Это было въ 1862 году, когда я уже началъ посѣщать лекціи въ Московскомъ университетѣ, а слѣдовательно чувствовалъ себя полноправнымъ гражданиномъ, курящимъ папиросы и освобожденнымъ отъ всякой опеки гувернеровъ или какихъ-либо менторовъ.

Ко времени нашего прибытія въ имѣніе прибылъ мировой посредникъ г. Есиповъ для повѣрки и введенія уставной грамоты.

Сойдись съ мировымъ посредникомъ, котораго помѣстили въ одномъ со мною флигелѣ, я добровольно поступилъ къ нему работникомъ вмѣсто внезапно заболѣвшаго его письмоводителя, и съ утра

до поздней ночи, въ теченіе нѣсколькихъ дней его пребыванія въ имѣніи нашемъ проводилъ съ нимъ на сельскомъ сходѣ, гдѣ участвовало поголовно все крестьянское общество съ женами и дѣтьми. Тутъ только я замѣтилъ, что то брезгливое чувство, о которомъ выше упомянулъ, уступило мѣсто какому-то чувству участія къ „лаптямъ“ и „сермягѣ“, и я, неожиданно для себя самого, сдѣлался самымъ рьянымъ адвокатомъ въ пользу освобожденныхъ крестьянъ, отвоевалъ въ пользу ихъ озерко, которое съ трехъ сторонъ было окружено деревянными постройками, а съ четвертой—примыкало къ господскому саду, отъ котораго даже не было огорожено заборомъ. Какъ теперь помню лица тѣхъ крестьянъ, которые слышали мою горячую защиту ихъ правъ на озеро, и недовольныя возраженія матери моей, на чье имя имѣніе было когда-то куплено отцомъ,—которая, въ концѣ концовъ, любя меня—уступила свои права въ ихъ пользу.

Возвратясь къ осени въ Москву, гдѣ начались уже лекціи, я замѣтилъ, что всѣ товарищи моего дѣтства, поступившіе одновременно въ университетъ, находятся въ какомъ-то приподнятомъ состояніи духа. Всѣ они, проведя лѣтнее время въ имѣніяхъ у своихъ родныхъ, крайне заинтересовались жизнью деревни, на что равнѣ, какъ бы, не обращали никакого вниманія.

Общеніе же съ людьми (въ родѣ Каткова, Леонтьева, Аксакова, Кошелева, Тургенева, Майкова, Самарина и многихъ другихъ), съ которыми каждый изъ насъ, то есть молодыхъ людей моего кружка, имѣли родственныя отношенія—довершило остальное въ смыслѣ приданія всѣмъ намъ какого-то новаго взгляда на жизнь, ея цѣль и всѣ проводимыя въ то время правительственныя реформы, которыя составляли главную тему всѣхъ разговоровъ—будили въ насъ сознаніе, что дворянское сословіе должно идти на помощь тому Правительству, которое рѣшилось пробудить новую жизнь въ нашемъ отечествѣ. Съ увлеченіемъ зачитывались только не романами, или повѣстями, какъ прежде, а всѣми силами стремились стать въ уровень тѣхъ немногихъ современныхъ людей, которые, какъ намъ казалось, являлись свѣточами новыхъ порядковъ. Горячо обсуждали всякую реформу, и отнюдь не трактовали тѣхъ вопросовъ, которые въ ХХ столѣтіи стали излюбленными идеями—увлекающими современныхъ студентовъ, до научныхъ забастовокъ включительно.

Помню какъ теперь студенческія вечеринки у Каткова и Леонтьева, и у покойной графини Е. В. Салліасъ, на которыхъ относились къ намъ, какъ къ равноправнымъ членамъ общества. Все это въ

совокупности, разумѣется, поднимало насъ въ собственныхъ нашихъ глазахъ и оставило неизгладимыя слѣды и въ послѣдующей нашей жизни.

Появившіяся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статьи Каткова о польскомъ возстаніи, о необходимости всѣми силами отстоять Царство Польское, гдѣ вспыхнулъ мятежъ подъ вліяніемъ, какъ тогда утверждалось, Наполеона III, не могли конечно не повліять на меня и на многихъ моихъ сотоварищей; и вотъ, не окончивши университета, многіе изъ насъ, никогда не выѣзжавшіе изъ бѣлокаменной Москвы, устремились въ Западный край и Царство Польское.

Пріѣхавши въ Варшаву въ концѣ 1863 года, гдѣ я рассчитывалъ поступить въ Кіевскій гренадерскій полкъ, которымъ командовалъ, покойный нынѣ, дядя мой—Сергій Ивановичъ Дохтуровъ, я совершенно неожиданно для себя самого, въ началѣ 1864 года, то есть почти что къ „шапочному разбору“, очутился юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи уланскомъ Его Величества полку, иными словами, облекся въ военную реформу тогда, когда польскій мятежъ былъ уже на послѣднемъ своемъ издыханіи.

Военная служба пришлась мнѣ по вкусу, и я, внѣ всякаго сомнѣнія, не оставилъ бы ея до самой смерти моей, если бы въ семейныхъ имущественныхъ дѣлахъ не произошла перемѣна къ худшему, вслѣдствіе чего, покинувъ службу въ гвардіи, я перешелъ на гражданскую службу. Оканчивать университетъ было поздно вато, да и смерть отца и выѣздъ остальныхъ членовъ семьи моей изъ Москвы—не располагали вовсе къ возвращенію на родину мою.—Къ несчастью моему, до 1880 года мнѣ не удавалось поступить въ то вѣдомство, которое меня болѣе всего манило, то есть учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, но въ 1880 году удалось мнѣ, наконецъ, сдѣлаться, сначала мировымъ посредникомъ, а затѣмъ и комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Царствѣ Польскомъ.

Сравнительно непродолжительная моя служба мировымъ посредникомъ и болѣе продолжительная—комиссаромъ, не могла имѣть того интереса, какой былъ для тѣхъ дѣятелей, которые принимали личное участіе въ первоначальныхъ работахъ по введенію реформы, какъ напр. Н. К. Полевого, Ѳ. Ѳ. Воропонова и многихъ другихъ, которые нынѣ могутъ подѣлиться путемъ печати своими воспоминаніями; но тѣмъ не менѣе и мои воспоминанія составятъ, быть можетъ, посильный вкладъ, хотя бы ради того, что служба моя въ

учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ отразилась на послѣдующую 20-ти-лѣтнюю мою службу, сначала предсѣдателемъ, а затѣмъ управляющимъ отдѣленіями крестьянскаго Поземельнаго Банка, то есть того учрежденія, которое по желанію Государя Императора Александра III-го могло бы служить „коррективомъ“ крестьянской реформы съ ея экономической стороны, такъ какъ для достиженія именно этой цѣли созданъ крестьянскій Поземельный Банкъ.

И мы всѣ, вошедшіе въ составъ этого новаго учрежденія, такъ именно и смотрѣли на наши обязанности, а отнюдь не рѣшились бы поступать на службу въ коммерческіе банки.

Да иначе и смотрѣть-то на это новое правительственное учрежденіе нельзя было, въ виду того, что въ началѣ еще 70-хъ годовъ всѣми органами и самимъ правительствомъ признавались неустроеніе, малоземелье и незаконченность крестьянской реформы, о чемъ также много говорилось въ печати.

Вотъ почему я позволяю себѣ надѣяться, что всѣ мои воспоминанія дѣятельности моей какъ мирового посредника, комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, а затѣмъ, въ послѣднія 20 лѣтъ моей службы въ крестьянскомъ Поземельномъ Банкѣ въ качествѣ управляющаго отдѣленіями въ разныхъ полосахъ Россіи и Царства Польскаго,—не лишены будутъ интереса и несомнѣнно будутъ имѣть связь съ тою реформою, пятидесятилѣтній юбилей которой наступаетъ въ будущемъ году.

Перейдя съ должности мирового посредника, которые вскорѣ переименованы были въ непремѣнные члены уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, на должность комиссара по крестьянскимъ дѣламъ—въ одинъ изъ уѣздовъ Варшавской губерніи, я убѣдился, что крестьяне въ Царствѣ Польскомъ несравненно были лучше устроены, чѣмъ тѣ, которые надѣлены были по силѣ указа 19 февраля 1861 года.

Весь край Привислянскаго раіона по сравненію съ коренными губерніями Россіи на первыхъ же порахъ являлся болѣе благоустроеннымъ, пути сообщенія (желѣзнодорожныя и шоссейныя дороги), а равно и густая населенность, со множествомъ городовъ всякихъ наименованій, мѣстечекъ и посадовъ, давали возможность сельскому люду выгоднаго сбыта всякихъ деревенскихъ продуктовъ, не исключая одного фунта масла и десятка яицъ; нахожденіе въ каждой гминѣ (всесословной волости) ссудосберегательныхъ кассъ до нѣкоторой степени ставило крестьянъ въ сравнительно малую зависимость отъ еврейскаго населенія: а путемъ замѣны сервитутныхъ правъ по добровольному соглашенію съ владѣльцемъ имѣнія,

давалась возможность увеличенія крестьянской земельной собственности, нерѣдко удвоивая количество надѣльной земли; кромѣ всего этого, почти всѣ помѣщики и болѣе крупные землевладѣльцы сидѣли въ своихъ помѣстьяхъ и на своей землѣ, ведя интенсивное хозяйство, что давало большіе заработки малоземельнымъ. Нечего и говорить, что колонисты и хуторяне (господаржи), владѣющіе 10—15 десятинами, представляли классъ вполне зажиточный и обеспеченный.

Объѣзжая, какъ мнѣ помнится, въ 1885 и 1886 годахъ гминныя правленія (волости) для ревизіи гминныхъ сберегательныхъ кассъ, для каковой цѣли вызывались обыкновенно всѣ вкладчики, заемщики и уполномоченные отъ гмины, и разговаривая со всѣми присутствовавшими о ихъ благосостояніи, я, какъ бы мимоходомъ, напомнилъ, что въ скоромъ времени наступаетъ 25-ти-лѣтняя годовщина указа 19 февраля 1864 года, благодаря которому ихъ положеніе устроилось, и, по моему мнѣнію—надлежало бы почтить память Царя-Освободителя какимъ-либо способомъ, при чемъ намекнулъ, что „складка¹⁾“ въ одну—двѣ копейки съ надѣльнаго морга земли могла бы составить достаточный фондъ для сооруженія гдѣ-либо монумента въ память Царя-освободителя отъ „благодарныхъ крестьянъ Царства Польскаго“.

По возвращеніи моемъ изъ поѣздки въ г. Влоцлавскъ, гдѣ я проживалъ, ко мнѣ стали поступать донесенія гминныхъ правленій о томъ, что на гминномъ сходѣ собранные крестьяне постановили почтить память покойнаго Императора сооруженіемъ памятника, и что собранныя уже на этотъ предметъ деньги находятся въ гминномъ правленіи, и меня спрашиваютъ, куда ихъ надлежитъ направить?

Получивъ со всѣхъ 23 гминъ уѣзда подобныя же донесенія, я конфиденціально донесъ о томъ варшавскому губернатору (Н. Н. Медемъ), прося его указаній.

Болѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, не получая никакого отвѣта на мой запросъ, я въ бытность мою въ Варшавѣ, у родственника моего полковника Николая Дмитриевича Солнцева (б. адъютанта у генерала Гурко), въ присутствіи полковника Малыхина (состоявшаго въ распоряженіи генерала Оржевскаго, а нынѣ генерала) высказался о крайней медленности въ отвѣтъ губернатора—барона Медема на мое представленіе, при чемъ не могъ не высказать того, что въ виду приближенія срока 25-ти лѣтъ, и благонамѣренія крестьянъ моего уѣзда—увѣковѣчить память покойнаго Царя-Осво-

¹⁾ Складчина.

бодителя,—слѣдовало бы распространить черезъ начальника края объ этомъ благомъ намѣреніи и въ прочихъ губерніяхъ Царства Польскаго.

Эти именно лица и доложили генераль-губернатору Іосифу Владиміровичу Гурко, по распоряженію котораго были извѣщены всѣ губернаторы.

Въ скоромъ времени со всего Царства набралась, исключительно отъ крестьянъ, значительная сумма, собранная вполне добровольно отъ „благодарныхъ крестьянъ“.

Тогда покойный І. В. Гурко вошелъ въ обсужденіе о мѣстѣ сооруженія самаго памятника и снесся съ художникомъ г. Опекушинымъ, который, какъ мнѣ говорили, свою работу предложилъ даромъ, и лишь пожелалъ получить стоимость одного матеріала. На сколько это вѣрно — не ручаюсь, но вполне положительно могу сказать, что памятникъ вышелъ грандіознымъ и вполне достойнымъ того, чья память имъ увѣковѣчивалась. И выборъ мѣста сооруженія его — городъ Ченстоховъ — былъ весьма удаченъ, такъ какъ къ мѣстной Святынѣ — Ченстоховской Богоматери (чтимой и православными) ежегодно собираются сотни тысячъ паломниковъ, и рѣдкій изъ мѣстныхъ и болѣе отдаленныхъ мѣстностей крестьянъ пропуститъ и одинъ годъ, чтобы не посѣтить города Ченстохова и его Святыни „Ясногурскаго монастыря“, гдѣ и хранится чудотворная икона Богоматери. Несомнѣнно, что всякій изъ жертвователей можетъ воочию убѣдиться въ томъ, что его добровольное приношеніе на увѣковѣченіе памяти Царя-Освободителя пошло именно на опредѣленную имъ цѣль.

Въ 1889 году, лѣтомъ, въ годъ 25-ти-лѣтія крестьянской реформы памятникъ былъ вполне готовъ, и лично мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ торжества открытія и освященія его, что осталось у меня въ памяти до мельчайшихъ подробностей.

Къ тому времени я уже состоялъ въ г. Петроковѣ на должности предсѣдателя крестьянскаго Поземельнаго Банка (въ районѣ моемъ были: Калишская, Кѣлецкая и Петроковская губерніи).

Живя въ двухчасовомъ разстояніи ѣзды по желѣзной дорогѣ, я имѣлъ возможность побывать неоднократно на мѣстѣ сооруженія самого памятника, а слѣдовательно присмотрѣться къ нему, но тѣмъ не менѣе то впечатлѣніе, которое я ощутилъ при его открытіи, въ законченномъ вполне видѣ, я глубоко сохранилъ и по настоящее время.

Судить по этому, полагаю, возможно о томъ, что испытывали

тѣ, которымъ пришлось въ день освященія и открытія памятника видѣть его впервые?

На возвышенности, по прямому направленію аллеи, которая начинается на городскомъ базарѣ и оканчивается у подножія „Ясной горы“, на которой и возвышается величественное зданіе монастыря ордена Паулиновъ, окруженное каменною, бѣлою стѣною, — устроена эспланада изъ тѣсаннаго, бѣлаго плитняка, на которую ведетъ широкая терраса въ нѣсколько десятковъ каменныхъ ступеней — бѣлаго же цвѣта съ поперечною, — въ длину всего спуска, бронзовою рѣшеткою, которая, ко времени всѣхъ священнодѣйствій по открытію и освященію памятника, была открыта, давая свободный доступъ на площадку, окруженную со всѣхъ сторонъ бронзовою же, изящною рѣшеткою съ канделябрами, два газовыхъ фонаря по всѣмъ четыремъ угламъ; на мраморномъ цоколѣ и высокой, изъ болѣе темнаго мрамора колоннѣ, возвышается величественная фигура „Царя-Освободителя“ въ порфирѣ, ниспадающей съзади ниже краевъ самой колонны. По правую сторону самой бронзовой фигуры Вѣнценосца, на подушкѣ лежатъ корона, скипетръ и держава, изъ подъ которыхъ развѣвается бронзовый свитокъ Указа 19-го февраля 1864 года, на который и указываетъ правая рука фигуры. Вокругъ всей колонны и цоколя размѣщены гербы всѣхъ уѣздовъ губерній Царства Польскаго, вылитые изъ одинаковой съ фигурою бронзы, и на самой колоннѣ красуется надпись: „Царю-Освободителю отъ благодарныхъ крестьянъ Царства Польскаго“.

Вся фигура, весьма большого размѣра, рѣзко вырисовывается на бѣломъ фонѣ монастырской ограды, и съ начала послѣдней аллеи, начинающейся въ уровень съ вокзаломъ желѣзной дороги, ясно представляется взорамъ приближающихся къ монастырю лицъ.

Болѣе удачнаго мѣста, какъ уже сказалъ это выше, для сооруженія этого монумента нельзя было избрать и придумать.

Чинъ освященія совершался католическимъ духовенствомъ съ епископомъ Бериневичемъ во главѣ, по окончаніи чего, православное духовенство съ епископомъ Флавіаномъ (нынѣ кievскимъ митрополитомъ) вышло крестнымъ ходомъ изъ мѣстнаго православнаго собора—для служенія у подножія монумента литіи и провозглашенія „Вѣчной памяти“ Царю-Освободителю.

По совѣсти могу сказать, что въ жизни своей я не могу припомнить болѣе торжественныхъ моментовъ, наполнявшихъ всѣхъ присутствовавшихъ чувствомъ торжества и умиленія—неизгладимо врѣзавшихся въ память всѣхъ многочисленныхъ, пріѣхавшихъ на эти торжества лицъ. А ихъ было много: по распоряженію гене-

рала-губернатора І. В. Гурко съѣхались всѣ губернаторы, комиссары по крестьянскимъ дѣламъ съ депутаціями отъ крестьянъ со всѣхъ уѣздовъ Царства Польскаго, кромѣ свиты генераль-губернатора и варшавскаго православнаго духовенства была цѣлая масса постороннихъ, прїѣзжихъ лицъ.

Самъ по себѣ городъ Ченстоховъ, довольно многолюдный, но не всегда, какъ мнѣ казалось, опрятный, принялъ праздничный видъ и украсился къ этому торжественному дню флагами и лампіонами для предстоящей вечеромъ иллюминаціи. Тогдашній варшавскій оберъ-полицеймейстеръ, флигель-адъютантъ Клейгельсъ не мало приложилъ труда къ устройству того порядка, который водворенъ былъ къ этому времени.

По окончаніи всѣхъ священнодѣйствій, въ монастырской рефекторіи (трапезѣ) заботами покойнаго І. В. Гурко былъ устроенъ завтракъ, на которомъ радушный хозяинъ сумѣлъ совмѣстить бывшее несовмѣстимымъ, т. е. католическое и православное духовенство, которое въ самой радушной бесѣдѣ провело незабвенный день, сидя за трапезою въ перемѣшку, до момента разъѣзда всѣхъ прибывшихъ экстренными и обыкновенными поѣздами, отходившими отъ станціи, какъ помнится, каждые полчаса.

Такимъ именно образомъ памятное двадцатипятилѣтіе реформы крестьянской въ Царствѣ Польскомъ было ознаменовано, и всякому прїѣзжающему въ городъ Ченстоховъ предоставляется во-очію убѣдиться „въ благодарности крестьянъ губерній Царства Польскаго“.

Пробывши около семи лѣтъ на должности комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, я получилъ предложеніе — занять одну изъ должностей — председателя отдѣленія Крест. Поз. Банка, дѣйствія котораго предполагалось распространить и на Царство Польское.

Вскорѣ, затѣмъ, и состоялось мое назначеніе въ Петроковское отдѣленіе (на три губерніи), а до водворенія меня на мѣстѣ приглашенъ былъ прибыть въ Петербургъ, гдѣ пришлось свести знакомство съ лицами, стоящими во главѣ этого учрежденія: Е. Э. Картавцевымъ — управляющимъ, и чинами Совѣта Ѳ. Ѳ. Воропоновымъ, П. П. Храповицкимъ (вскорѣ умершимъ) и только что назначеннымъ членомъ А. Б. Врасскимъ.

Общеніе съ этими людьми убѣдило меня въ полномъ отсутствіи чиновничьяго отношенія къ дѣлу, вслѣдствіе чего совмѣстная съ ними служба казалась легкою, интересною и пріятною. Чувствовалась несомнѣнная польза одного лишь дѣла, составляющаго главную цѣль возникновенія и самаго учрежденія. Главную пружину

дѣятельности Крест. Поз. Банка безспорно составлялъ Ѳ. Ѳ. Вору-поновъ, безъ совѣта съ которымъ управляющій Е. Э. Картавецъ ничего не рѣшалъ.

Самъ управляющій, еще молодой вполне человекъ, укоренилъ въ насъ то убѣжденіе, что председатели отдѣленій должны быть его— „глазами, ушами и правыми руками на мѣстахъ ихъ службы,“ и что все, что только окажется нужнымъ, они непосредственно должны будутъ доводить до его свѣдѣнія, онъ же не замедлитъ отвѣтомъ, а гдѣ это окажется нужнымъ, своимъ содѣйствіемъ. Просилъ всѣхъ насъ, вновь назначенныхъ въ Банкъ, избѣгать излишней регламентаціи—и о большемъ вниманіи къ самому дѣлу.

При подобныхъ условіяхъ каждому изъ насъ было пріятно начинать службу въ новомъ вѣдомствѣ, которое въ сущности должно быть продолженіемъ нашей предшествующей дѣятельности—устройства крестьянъ и сельскихъ жителей.

Потрудившись на разработкѣ правилъ дѣйствій Крест. Поз. Банка въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ первоначальный уставъ Крест. Поз. Банка не укладывался въ существующія законныя формы края, мы всѣ вновь назначенные разѣхались по мѣстамъ нашей новой служебной дѣятельности, торопясь устройствомъ отдѣленій и готовясь къ открытію дѣйствій, что нѣсколько замедлилось вслѣдствіе неутвержденія въ законодательномъ порядкѣ „Правилъ дѣйствій въ губ. Царства Польскаго“.

Служба моя въ Царствѣ Польскомъ на должности комиссара по крестьянскимъ дѣламъ дала мнѣ обширное знакомство съ мѣстными людьми, обычаями, нравами и языкомъ; а благодаря тому, что со всѣми почти комиссарами по крест. дѣламъ я былъ знакомъ, а со многими даже друженъ, я, не ожидая утвержденія въ законодательномъ порядкѣ правилъ дѣйствій Банка въ Царствѣ Польскомъ, вполне уяснилъ себѣ то, что на первыхъ же порахъ потребуетъ особаго вниманія и помощи Крест. Поз. Банка.

Несмотря на сравнительно лучшее устройство крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ по указу 1864 года, по сравненіи съ устройствомъ крестьянъ коренныхъ русскихъ губерній, о чемъ я уже сказалъ выше, тѣмъ не менѣе нужда въ землѣ ощущалась и здѣсь, вслѣдствіе естественнаго прироста народонаселенія.

Въ виду земельной нужды и спроса на нее народилась спекуляція (speculacia), которою главнымъ образомъ занялись мѣстные жители, по преимуществу нѣмцы и евреи.

Купивъ сравнительно дешево имѣніе, эти господа распродавали

земельные участки нуждающимся крестьянамъ, которые и селились колоніями, возводя постройки. Этого рода сдѣлки, представляя всѣ выгоды продавцамъ, являлись рискованными для покупателейъ.

Я не желаю утверждать, что подъ подобными сдѣлками скрывались недобросовѣстные соглашенія, но бывали случаи, когда покупщики, внесшіе значительныя части разсроченныхъ по продажѣ платежей, рисковали лишиться всего своего имущества, если продавецъ умиралъ, а наследники его не принимали на себя сдѣлокъ, совершенныхъ ихъ предшественникомъ.

Въ Царствѣ Польскомъ, какъ извѣстно, существуетъ ипотечное право. Самая сдѣлка облекалась въ форму „объщанія продажи“ (przyżeczenie sprzedaży). Покупщикъ вносилъ часть разсроченной, нерѣдко на 12 лѣтъ, продажно-покупной цѣны, допускался къ пользованію приторгованнымъ участкомъ, на которомъ онъ и возводилъ всякія постройки. Право собственности оставалось за продавцомъ, а на рукахъ покупателя имѣлась лишь копія „объщанія продажи“. За смертью одной изъ договорившихся сторонъ сдѣлка, если не принималась правопреемниками, считалась несостоявшейся. Такихъ случаевъ было весьма не мало, и я съ помощью г.г. комиссаровъ, съ которыми не прерывалъ сношеній, уяснилъ этотъ вопросъ. Въ этомъ отношеніи большую помощь оказалъ мнѣ б. комиссаръ Гаральдъ Ивановичъ Гаффербергъ (нынѣ плочкій губернаторъ).

По прежнему уставу Крест. Поз. Банка ссуды были крайне ограничены (500 руб. на домохозяина и 125 р. на душу м. п.). Понятно, что столь ограниченный размѣръ ссудъ, при дороговизнѣ на земли въ губерніяхъ Царства Польскаго, не сулилъ въ ближайшемъ будущемъ особаго развитія операцій Банка; но сдѣлки, по которымъ уже значительная часть продажно-покупной цѣны была уплачена, являлись вполне подходящими и желательными при подобныхъ условіяхъ. И вотъ, ихъ-то, такъ сказать, въ первую голову — мнѣ и удалось при помощи моихъ бывшихъ товарищей-комиссаровъ осуществить, и быть можетъ, спасти отъ разоренія, тѣмъ болѣе, что къ этому именно времени введены были во всей Германіи боевыя пошлины на ввозимый туда хлѣбъ, что значительно неблагоприятно отозвалось на хозяйствахъ, не обремененныхъ даже такими долговыми обязательствами — какъ эти несчастные колонисты.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ моей дѣятельности въ Петроковскомъ отдѣленіи Крест. Поз. Банка весь личный составъ отдѣленія состоялъ изъ предсѣдателя, члена-оцѣнщика и бухгалтера. Членъ-оцѣнщикъ (кандидатъ Спб. университета Михаилъ Ивановичъ

Виноградовъ) былъ совершенно больной, не могъ ѣздить на оцѣнки и ровно ничего не понималъ по-польски; а потому по взаимному моему съ нимъ соглашенію, онъ оставался въ отдѣленіи за канцелярскою работою, я же все время ѣздилъ на осмотры и оцѣнки.

Объѣзжая всѣ три губерніи моего района, я невольно изучалъ системы хозяйства, выгодность или невыгодность той или другой системы, и вообще, могу сказать вполне откровенно, что научился до мельчайшей подробности всему тому, что нелишнимъ было бы позаимствовать намъ у массы культурныхъ сельскихъ хозяевъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ какой-либо владѣлецъ 10—15 уволокъ, то есть 200—250 десятинъ земли, живетъ куда лучше нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, пользуется комфортомъ, воспитываетъ своихъ дѣтей и проявляетъ широкое гостепримство всякому заѣхавшему въ его фольваркъ (хуторъ) лицу.

Со многими я познакомился весьма коротко и благодаря имъ проникся сознаниемъ, что первая обязанность всякаго земельного собственника, „гражданина своего отечества“, состоитъ въ томъ, чтобы сидѣть на своей землѣ, работать и подавать примѣръ меньшей братіи, словомъ, проявлять культурное воздѣйствіе на сельскихъ жителей—своихъ сосѣдей, а не околачиваться по канцеляріямъ разныхъ наименованій.

Въ 1892 году умеръ мой единокровный братъ — старый полковникъ кавалергардскаго полка временъ Николая I-го, и мнѣ досталось по наслѣдству родовое имѣніе въ Московской губерніи, въ Клинскомъ уѣздѣ, всего свыше 2.000 десятинъ.

Проникшись обязанностью личнаго хозяйства въ имѣніи моемъ, я подалъ въ отставку и уѣхалъ изъ Царства Польскаго.

Прибывъ въ доставшееся мнѣ по наслѣдству имѣніе, котораго я никогда и въ глаза не видалъ, я началъ съ того, что изучилъ его подробно во всѣхъ отношеніяхъ, прежде чѣмъ приступать къ какимъ-либо новшествамъ.

Убѣдившись въ доброкачественности земли, на которой велось трехпольное хозяйство, я пришелъ къ заключенію, что хозяйничать можно при условіи нѣкоторыхъ затратъ на улучшение скота, самую обработку земли, отысканія средствъ къ обезпеченію себя рабочими руками на время уборокъ и т. п.

Покойный братъ мой, какъ это оказалось впоследствии, былъ совершенно правъ, увѣряя меня, что съ нашими рабочими, въ той

полосѣ Россіи, въ которой находилось имѣніе, нынѣ мнѣ отъ него доставшееся, нельзя вводить всего того, что съ успѣхомъ и выгодами вводится въ малороссійскихъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ.

Я сначала этому не повѣрилъ, предполагая, что все то, что онъ говорилъ мнѣ, основывается на нѣкоторой скупости его и нежеланіи ломать дворянской своей головы надъ тѣми вопросами, которые надлежало бы разрѣшить прежде, чѣмъ вводить что-либо новое.

Но вскорѣ убѣдился самъ, что онъ былъ правъ: районъ нахожденія имѣнія (подмосковнаго) есть районъ фабричный. Почти все мѣстные и окрестныхъ сель жители находятся въ городахъ и на фабрикахъ, а если и возвращаются въ страдную, рабочую пору домой, — то единственно, чтобы помочь своимъ старикамъ въ хозяйствѣ, а о заработкахъ въ экономіяхъ и говорить не стануть; держать же годовыхъ, или хотя-бы сроковыхъ рабочихъ положительно являлось невозможнымъ, въ виду краткости времени рабочей полевой работы и высокихъ платъ, со всеми претензіями и недовольствами господскими харчами, каковыхъ не оберешься.

Въ 1893 и 94 годахъ, въ годъ неурожая въ большинствѣ русскихъ губерній, я попробовалъ выписать одиннадцать человекъ туляковъ въ качествѣ годовыхъ рабочихъ, по цѣнѣ, которая мнѣ сначала показалась умѣренной (по 60 руб. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ).

Работники были хорошіе, и я, проживая зиму и лѣто въ имѣніи, всячески старался имъ угодить. Но въ концѣ концовъ убѣдился, что результатъ былъ неудовлетворителенъ.

Изыскивая другіе способы, я подмѣтилъ, что мѣстные крестьяне крайне нуждаются въ кормовыхъ средствахъ; у меня же, среди лѣсного участка имѣлось свыше 300 десятинъ сѣнокосныхъ полей, въ которыхъ и я самъ ощущалъ потребность для рогатаго скота въ 70 штукъ, — а слѣдовательно оставалось придумать способъ освобожденія этихъ полей отъ личной моей въ нихъ необходимости и взамѣнъ этого кормового источника изыскать другой.

Убѣдившись въ почвенной пригодности пахотныхъ полей для заведенія травосѣянія, я замѣнилъ трехполье—четырепольемъ, съ посѣвомъ клевера въ озимомъ полѣ. Все, кто смотрѣлъ на мою молчаливую работу, удивлялись барскимъ прихотямъ и мало хорошаго пророчили въ будущемъ. Но каково было удивленіе на третій

годъ, когда съ 36 десятинь клевернаго посѣва я убралъ свыше 20 тысячъ пудовъ хорошаго клевернаго сѣна и тѣмъ обезпечилъ себя кормами на всю зиму, а съ весны слѣдующаго года объявилъ крестьянамъ о сдачѣ мною за отработокъ въ экономію всѣхъ сѣнокосныхъ пустошей.

Мѣстные крестьяне возымѣли ко мнѣ довѣріе, охотно разобрали всѣ пустоши, обезпечили себя кормомъ на зиму; я же всю уборку свою съ ихъ помощью своевременно и успѣшно закончилъ. Этотъ годъ моего хозяйства нравственно меня удовлетворилъ. Но устройство лѣса, теплаго скотнаго сарая, заведеніе образцовой фермы съ молочнымъ хозяйствомъ — все это поглотило всѣ мои денежныя средства, и я очутился при благоустроенномъ имѣніи, но безъ запаснаго капитала для оборота.

Въ довершеніе всего, мужичекъ нашъ, который прекрасно соображаетъ свои выгоды и охотно перенимаетъ въ экономіяхъ все то, что считаетъ полезнымъ для себя—обратился ко мнѣ съ просьбою помочъ имъ въ заведеніи на ихъ надѣльной землѣ сѣвооборота съ травосѣяніемъ.

Самъ я съ землемѣромъ разбилъ ихъ поля на четыре поля, досталъ имъ клеверныхъ сѣмянъ, одолжилъ свою сѣянку и... свилъ, такъ сказать, плеть на свои собственные плечи. Черезъ два съ немногимъ года, ни одна пустошь моя не снималась, и я очутился безъ рабочихъ рукъ ко времени всякихъ уборокъ.

„Придетъ бѣда — отворяй ворота“, говоритъ мѣстная поговорка. На этомъ еще не кончились всѣ тяжкія испытанія.

Въ бытность мою въ гор. Бреславлѣ, гдѣ въ клиникѣ находилась моя больная дочь, въ селѣ случился пожаръ. Мой пожарный обозъ, выѣхавшій на помощь, обгорѣлъ такъ, что когда пламя перекинуло на мои постройки, то некому и нечѣмъ было спасать. Погорѣло болѣе шести моихъ построекъ, въ томъ числѣ двѣ теплицы, гдѣ находилось свыше 1.800 планокъ ананасныхъ, и если не погибли всѣ хозяйственныя постройки, то только благодаря тому, что часть ихъ была каменная, да и раскинуты были на большихъ другъ отъ друга дистанціяхъ.

Результатомъ моихъ стараній — осѣсть на собственной землѣ и насаждать культуру—было мое раззореніе, такъ какъ имѣніе, заложенное въ Банкѣ, не могло дать и тѣхъ доходовъ, которые могли бы покрывать платежи по ссудѣ.

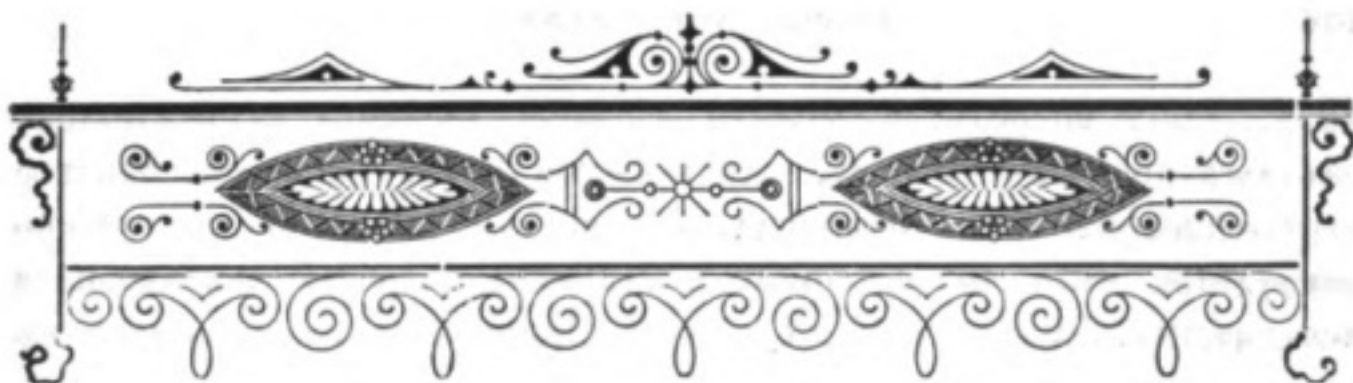
Вотъ какъ оправдались пророческія слова покойнаго моего брата, котораго я считалъ отсталымъ и скупымъ человѣкомъ, не

желающимъ поломать своей дворянской головы, чтобы помочь меньшей братіи, не умаляя собственныхъ своихъ выгодъ.

Онъ имѣніе свое сохранялъ въ теченіе 50 лѣтъ, а же, послѣ девяти-лѣтняго владѣнія, долженъ былъ его продать, чтобы спасти хоть что-нибудь.

А. Н. Т.

Первые годы службы.

Въ Богуславѣ.

Въ Аракчеевскомъ корпусѣ пробылъ я 6 лѣтъ да въ Дворянскомъ полку 2 года, въ такъ называемыхъ специальныхъ классахъ, и 1844 году произведенъ въ прапорщики полевой артиллеріи. Я былъ очень доволенъ, что попалъ въ артиллерію и на радостяхъ порядочно выпилъ со многими товарищами рому или коньяку, такъ что нѣсколько одурѣлъ и долженъ былъ лечь спать. Зачѣмъ требовалось выпить—Господь знаетъ, вѣроятно по традиціи, такъ какъ нужно же было ознаменовать приобрѣтеніе свободы послѣ 8-лѣтняго подневольнаго положенія. Положимъ, и впереди ожидало не ахти какое количество прапорщичьихъ прерогативъ, но разница въ смыслѣ прежней и новой жизни была все-таки огромная.

Пошла возня съ обмундировкою и закупками всего необходимаго. Роскошничать было не изъ чего, даже нельзя было удовлетворить самыя первыя потребности, тѣмъ не менѣе угораздило меня закупить много вздора, хотя и недорогого, а пропустить вещи, существенно необходимыя. Собрались мы ѣхать вдвоемъ, для удешевленія переѣзда, но сохранить половину прогонныхъ денегъ показалось намъ мало, и мы рѣшили ѣхать на долгихъ. Въ результатѣ получилась медленная ѣзда, значительное опазданіе, 60 р. передержки, такъ какъ вмѣсто бѣлорусскаго тракта мы избрали московскій, и извозчикъ нашъ дѣлалъ съ нами, что хотѣлъ. Ёхалъ онъ тихо, кормилъ чаще, чѣмъ было нужно и дольше, чѣмъ нужно, выпрашивалъ впередъ денегъ, канючилъ постоянно на чай. Когда выдачею лиш-

нихъ денегъ впередъ, мы попали къ нему въ лапы окончательно, онъ насъ передалъ другому, а другой—третьему. Въ одно прекрасное утро одинъ изъ нихъ объявилъ, что дальше везти не можетъ по распутицѣ, если мы не согласимся припречь третью лошадь и за нее платить. Что тутъ было дѣлать? Пришлось согласиться, и въ результатѣ вмѣсто сбереженій получилась передержка.

Въ концѣ сентября добрались мы наконецъ до мѣстечка Богуслава, Кіевской губерніи, гдѣ были расположены штабъ и одна батарея 1-й артиллерійской бригады. Бригадный командиръ, полковникъ Котовичъ, принялъ насъ нѣсколько величественно, но вѣжливо, а батарейный командиръ, полковникъ Пассекъ, даже любезно и радушно и предложилъ обращаться къ нему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы, молодые и неопытные, будемъ нуждаться въ совѣтѣ или матеріальной помощи. Это послѣднее обстоятельство нисколько насъ не удивило, но впоследствии мы имѣли случай не разъ убѣдиться, что такого рода предложенія дѣлаются далеко не каждымъ начальникомъ, а если кѣмъ и дѣлаются, то для красоты слога, а вовсе не съ цѣлью исполненія. Пассекъ былъ не изъ такихъ.

Мѣстечко Богуславъ раскинулось широко и вмѣщало въ себѣ около 5.000 жителей, изъ коихъ до $\frac{2}{3}$ насчитывалось евреевъ. Мѣстоположеніе Богуслава порядочно гористо; въ сухую погоду пыль тутъ неслосная, а въ сырую—грязь невылазная. Въ мое время существовали тамъ торговые ряды; офицеры называли ихъ гостинымъ дворомъ и говорили, что слышали легенду, будто противъ одной изъ лавокъ этого гостинаго двора утонула въ грязи карета какого-то помѣщика вмѣстѣ съ людьми и лошадьми. Хорошихъ, т. е. сносныхъ домовъ въ Богуславѣ были единицы, а простыхъ хатъ-мазанокъ—сотни, если не тысячи. Въ такихъ палаццо обиталъ и нашъ братъ-офицеръ.

А офицеровъ тутъ было не мало, такъ какъ совмѣстно квартировали бригадный штабъ и одна батарея (прочія три батареи размѣщались въ Таращѣ, Кошеватомъ и Ракитнѣ). Кромѣ начальства, двухъ полковниковъ, наше общество состояло изъ штабсъ-капитана, 11 прапорщиковъ, двухъ врачей и ветеринара. Начальство съ нами не якшалось, не изъ пренебреженія, а по своимъ личнымъ характеристамъ и вкусамъ. Пассекъ придерживался кромѣ того чарки и вѣроятно не желалъ выказывать передъ подчиненными свою слабость. Крайней молодежи между нами было немного, всего человѣка 3—4, остальные причисляли себя къ людямъ солиднымъ и дѣйствительно такими были, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Если почти всѣ они состояли въ чинѣ прапорщика, то это ничего не опровергало, такъ какъ въ армейской артиллеріи офицерскіе чины шли очень туго:

прапорщиками служили по 7 и 8 лѣтъ, и не рѣдкость было встрѣтить сѣдыхъ или лысыхъ капитановъ, находившихся на службѣ въ офицерскихъ чинахъ лѣтъ по 25. Стариковъ между нами однако же не было, даже штабсъ-капитана нельзя было назвать пожилымъ, ибо произошелъ онъ въ свой высокій чинъ по какимъ-то обстоятельствамъ необычно быстро, а потому служилъ для насъ въ этомъ отношеніи предметомъ тайной зависти.

Общество офицеровъ м. Богуслава было замѣчательно хорошее. Почти всѣ они были люди порядочные, во внутреннемъ смыслѣ, и эта порядочность сквозила такъ часто въ разныхъ житейскихъ мелочахъ, изъ которыхъ состояла наша жизнь, что давала нашему кружку характерную окраску. Можно было эту характерную окраску не сознавать, не замѣчать, но нельзя было ее не чувствовать и такъ сказать къ ней не прилаживаться. Изысканной вѣжливости не было, не было даже той наружной порядочности, которая служить принадлежностью каждаго *jeune homme bien élevé*. Въмѣсто этого была простота обращенія и ежедневныхъ, ежечасныхъ взаимныхъ отношеній, участіе другъ къ другу, внимательность, доброжелательство. Фамильярности не существовало; всѣ говорили другъ другу: „вы“. Осмотрѣвшись, я замѣтилъ, что два офицера, Богаевскій и Афанасьевъ, были въ особенно близкихъ, настоящихъ дружественныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ говорили другъ другу „вы“. Я рѣшился спросить объ этомъ одного изъ нихъ и получилъ такой отвѣтъ:— „Потому, А. Ф., что въ дурной часъ гораздо легче съ языка сойдетъ дуракъ и свинья, при мѣстоименіи „ты“, чѣмъ при мѣстоименіи „вы“.

Когда я первый разъ появился въ этомъ офицерскомъ кружкѣ, то чувствовалъ себя неловко. Мнѣ казалось, что всѣ должны смотреть на меня, какъ на мальчика, относиться ко мнѣ съ покровительственной снисходительностью, съ любезностью какъ бы начальственной и проч. Я очевь ошибся, ничего подобнаго не произошло. Меня встрѣтили такъ просто и естественно-любезно, что самолюбіе мое успокоилось сразу. Предложили играть въ карты, но когда я отказался за неумѣніемъ, то не настаивали, не совѣтовали поучиться, да и впредь не надоѣдали. Ни о службѣ, ни объ образѣ жизни никакихъ разсказовъ и косвенныхъ наставленій я не слышалъ; охотно и обстоятельно отвѣчали на всѣ мои вопросы и разъясняли мои наивныя недоразумѣнія, вотъ и все. Ни въ чемъ не было навязчивости, но всегда была готовность услужить словомъ или дѣломъ. Этотъ замѣчательный тактъ въ людяхъ которые не принадлежали къ категоріи такъ называемыхъ *bien élevés*, доказывалъ, что они обладали умомъ здоровымъ. Дѣйствительно, по крайней

мѣръ половина всѣхъ членовъ нашего замкнутого общества были по своимъ умственнымъ качествамъ выше обыкновеннаго уровня офицерскаго общества тогдашней полевой артиллеріи, хотя они не обладали особеннымъ образованіемъ и не отличались отъ своей среды болѣе возвышенными взглядами или широкимъ умственнымъ кругозоромъ.

Наша бригада принадлежала къ такъ называемой дѣйствующей арміи, состоявшей изъ 4 пѣхотныхъ корпусовъ, которые каждые три года мѣняли свои квартиры и переходили на новыя. Такимъ образомъ удѣломъ дѣйствующей арміи было вѣчное кочеваніе; обзаводиться осѣдлостью было невозможно для простыхъ офицеровъ и исполнимо лишь для командировъ, да и то въ весьма слабой степени. Кромѣ лицъ высокостоящихъ, каковы корпусный командиръ или начальникъ дивизіи, у остальныхъ командировъ понятію объ осѣдлости соответствовало лишь небольшое количество кое-какой складной мебели, которую они и перевозили съ однѣхъ зимнихъ квартиръ на другія. Изъ субалтернъ-офицеровъ большинство ограничивало свой домашній скарбъ лишь погребцами да складными кроватями, а у многихъ, особенно молодыхъ, и этого не было, какъ напримѣръ у меня. Квартиры мы получали по отводу отъ обывателей, подлежавшихъ этой натуральной повинности; мебель набиралась отъ нихъ же. Но все это было въ такой мѣрѣ мизерно и бѣдно, въ такой степени не соответствовало громкимъ словамъ *квартира* и *мебель*, что въ людяхъ, свыкшихся съ кое-какими требованіями удобства и комфорта, возбуждало улыбку.

Такимъ условіямъ домашняго существованія отвѣчали условія и службы и общественной жизни; въ общемъ выводѣ получалось совершенное однообразіе армейскаго зауряднаго быта въ глухихъ углахъ, т. е. въ $\frac{9}{10}$ квартирныхъ стоянокъ войскъ дѣйствующей арміи. Хорошо, если въ окрестностяхъ можно было найти подходящія знакомства (преимущественно въ средѣ помѣщиковъ); тогда все почти свободное время уходило на разъѣзды по знакомымъ, но такія льготныя условія находились далеко не всюду, а безъ нихъ существованіе офицера получало окраску унылую и тоскливую до одурѣнія.

Именно въ такой ультра-захолустной обстановкѣ находились мы, временные обитатели мѣстечка Богуслава. Богуславъ былъ окруженъ обширными владѣніями Браницкаго. Браницкій, разумѣется, отсутствовалъ, а имѣніями его правили два комиссара (главные управляющіе) и подчиненные имъ нѣсколько десятковъ экономовъ, т. е. низшихъ управителей. Кромѣ владѣній Браницкаго въ недалекомъ сосѣдствѣ Богуслава находились крупныя имѣнія

3 или 4 помѣщиковъ-поляковъ, которые постоянно или временно находились на-лицо. Съ этими панами офицеры не вели знакомства потому, что богачи были имъ не подъ-стать, на равной ногѣ быть съ ними они не надѣялись, а другихъ отношеній допустить не желали. Съ комиссарами, а тѣмъ паче съ экономами не завязывалось знакомство потому, что эти господа принадлежали совсѣмъ другому міру по своему образованію и общественному положенію. Такимъ образомъ нашъ офицерскій кружокъ волей-неволей замкнулся въ самомъ себѣ, и временное разнообразіе нашей жизни заключалось развѣ только въ томъ, что къ намъ иногда навѣдывались офицеры изъ другихъ батарей и мы сами изрѣдка туда заѣзжали по двое и по трое, на день, на два.

Службой насъ не затрудняли; фронтовое ученье производилось два раза въ недѣлю, да и то первоначальное, т. е. маршировка, тесачные приемы и приемы при орудіяхъ. Артиллерійскаго ученья съ запряженными лошадьми во всю зиму не было ни разу. Не было и обученія верховой ѣздѣ, хотя одновременно со мною прибыло двое или трое молодыхъ офицеровъ, можетъ быть отъ роду не сидѣвшихъ на лошади. По этой части предоставлялось каждому заботиться о себѣ самомъ. Взглядъ на дѣло очевидно былъ фальшивый; если предоставлялось уемотрѣнію моему обучаться или нѣтъ верховой ѣздѣ, то почему же не предоставлялось моей доброй волѣ—ходить или нѣтъ на остальные служебныя занятія, напри-мѣръ, на дежурство? Въ обыкновенное время дежурство это не существовало, по неимѣнію обязанностей для дежурнаго офицера, но когда я явился на службу въ 1-ю бригаду, тогда народились обстоятельства исключительныя.

За нѣсколько недѣль до моего приѣзда, въ одно прекрасное утро казенный денежный ящикъ оказался взломаннымъ и обокраденнымъ, а часовой неизвѣстно куда исчезъ. Схватились по горячимъ слѣдамъ искать преступниковъ, но нѣсколько дней прошло безъ всякаго успѣха. Наконецъ бѣжавшій часовой былъ пойманъ, и тогда дѣло быстро двинулось впередъ. Часовой оказался лишь сообщникомъ, а настоящими преступниками-иниціаторами были три или четыре писаря бригадной канцеляріи. Всѣ конечно были арестованы, и началось слѣдствіе. Сначала писаря отнѣкивались: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, но очевидностью уликъ были приведены къ сознанию. Однако это сознание къ результату не приблизило, ибо народъ былъ все прожженный. Украдено было нѣсколько тысячъ рублей, и писаря, надѣясь убѣжать, не открывали украденнаго. Что именно они говорили и какъ отвѣчивали и затягивали дѣло,—теперь я уже не помню. Осталось въ памяти лишь одно обстоятель-

ство: писаря, конечно, разлученные и рассаженные по отдѣльнымъ помѣщеніямъ, вдругъ стали поддаваться на уговоры, и то одинъ, то другой изъявляли согласіе указать мѣсто, гдѣ деньги спрятаны. При этомъ каждый изъ нихъ говорилъ не о всей украденной суммѣ, а только о той ея части, которая досталась на его долю, отзываясь незнаніемъ объ остальныхъ частяхъ. Начались экспедиціи кладоискателей. По указанію Петрова отправлялись за нѣсколько верстъ, рыли землю и ничего не находили. „Запамятовалъ, ваше благородіе, сбился и не туда привелъ, дозволейте припомнить и сообразить еще“. Нѣсколько дней уходило на припоминаніе и соображеніе; указывалось другое мѣсто, совсѣмъ не тамъ, гдѣ первое; вся комиссія туда ѣхала вмѣстѣ съ Петровымъ, и съ Николаевымъ, и съ Никитинымъ. Такъ тянулось все время, пока я служилъ въ Богуславѣ, т. е. безъ малаго полгода, и когда я уѣзжалъ, дѣло находилось почти въ томъ же положеніи, какъ и вначалѣ, т. е. не открыто было ни копейки изъ украденныхъ денегъ.

Эти артисты воровского дѣла содержались отдѣльно одинъ отъ другого, въ разныхъ зданіяхъ, въ разныхъ концахъ мѣстечка и за мѣстечкомъ. Одинъ или двое сидѣли въ клѣткахъ, какъ Пугачевъ у Суворова. Почему понадобились клѣтки—ужь я призабылъ: вѣроятно, для удобства надзора. Вотъ для этого надзора и учреждено было ежедневное дежурство офицеровъ. Помню, что до одного изъ арестованныхъ было отъ моей квартиры 3 версты, до остальныхъ меньше, но все-таки общій объѣздъ простирался верстъ до 8—10. Дежурные офицеры или лѣнились, не ѣздили, а въ дневной рапортчкѣ отмѣчали, что все исправно, или же объѣзжали верхомъ. У меня верховой лошади не было и хотя нѣкоторые изъ сослуживцевъ предлагали свою, но я отказывался, потому что ѣздить не умѣлъ и могъ лошадь испортить. Я попробовалъ обойти всѣхъ арестованныхъ пѣшкомъ, но такъ озябъ, усталъ и испачкался грязью, что въ слѣдующія мои дежурства рѣшился посѣщать только одинъ постъ, поочередно, и лишь однажды объѣхалъ всѣ разомъ на лошадяхъ старшаго офицера штабсъ-капитана Викгорста. Можно было конечно и нанять, при томъ недорого, но на такую роскошь ни у кого изъ насъ денегъ не было, а у меня, новоиспеченнаго прапорщика, тѣмъ паче.

У насъ служила все голытьба абсолютная. Исключеніе составляли двое и то какое исключеніе! Викгорстъ имѣлъ года два назадъ командировку—обмундировать въ Кіевѣ 1.000—1.500 безсрочно отпускныхъ и съ этой командировки, такъ сказать, оперился, т. е. обставилъ нѣсколько свой домашній обиходъ и имѣлъ бричку съ парю лошадей (прокормить лошадей стоило дешево, сѣно обходи-

лось въ 4—5 коп. пудъ). Другой офицеръ, изъ молодыхъ, прапорщикъ Бергъ, получалъ отъ отца ежегодное пособіе, въ размѣрѣ 15 руб. серебромъ въ мѣсяцъ. При годовомъ жалованьѣ въ 225 руб., прибавка 180 руб. имѣла значеніе очень существенное, а потому всѣ смотрѣли на Берга, какъ на человѣка обеспеченнаго, слегка завидовали ему и называли его въ глаза и за глаза богачемъ. Всѣ остальные жили однимъ жалованьемъ.

А. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Выписка изъ двухъ приказовъ по 1-й арміи.

I.

6 октября 1824 г., № 124.

По Высочайшему повелѣнію предписываю:

1. Чтобы кавалерійскіе офицеры, находясь въ строю, ѣздили на лошадяхъ одинакой шерсти съ лошадьми того эскадрона, въ которомъ служатъ.

2. Чтобы офицеры въ пѣхотѣ непремѣнно маршировали солдатскимъ шагомъ, т. е. какъ хорошо выученный солдатъ маршируетъ.

3. Чтобы при постройкѣ новыхъ мундировъ наблюдать, дабы солдатъ не былъ перетянутъ въ поясѣ и чтобы передняя длина мундира была въ такой мѣрѣ, чтобы нижній бортъ у фалдъ доходилъ до самыхъ костей—лядвей, такъ что когда солдата заставятъ поднять руки какъ можно выше, мундиръ бы не подымался кверху и не открывалъ рубашки между мундиромъ и панталонами, но при томъ наблюдать, чтобы нижній бортъ мундира отъ фалдъ къ животу не имѣлъ кругловатаго спуска, но совершенно прямой, горизонтальный обрѣзъ.

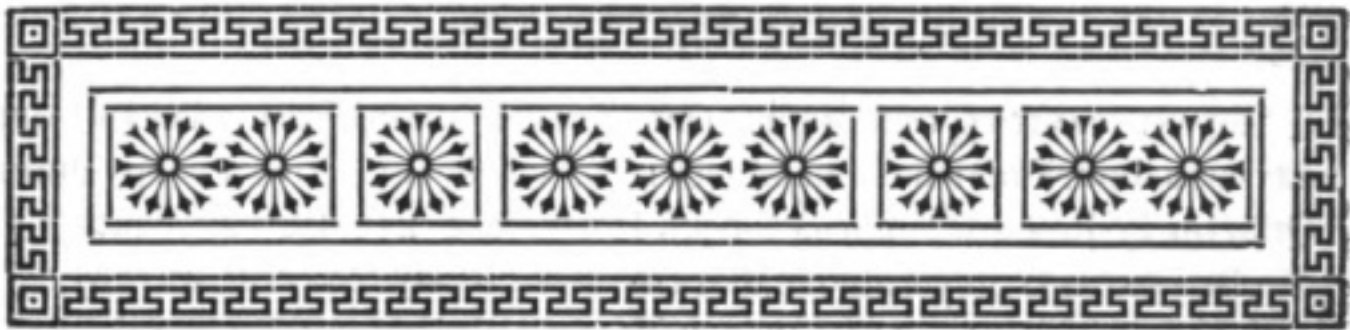
II.

10 октября 1824 г., № 127.

Случалось, что солдаты не знаютъ, какъ называются ихъ начальники, и даже не умѣютъ назвать самого ротнаго командира, или знаютъ только имя, или одну фамилію его. Во второмъ случаѣ незнаніе сіе есть доказательство, что солдаты мало видятъ своего ротнаго командира и только по слуху знаютъ, что таковой есть у нихъ; въ послѣднихъ же случаяхъ очевидно, что они рѣдко являются къ нему по службѣ.

Генераль-отъ-инфантеріи графъ Сакенъ.

Сообщилъ Мих. Соколовскій.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Г Л А В А VII ¹⁾.

Наканунъ войны.

Ольга Алексѣевна возвратилась въ Россію въ январѣ 1877 г. Положеніе на Востокъ было критическое. Лордъ Сализбери возвратился изъ Константинополя послѣ неудавшейся конференціи. Лордъ Дерби рѣшительно отказался отъ всякаго участія отъ воздѣйствія на турокъ, единственнымъ исходомъ чего была бы Русско-Турецкая война. Дассентъ въ своей „Жизни І. Г. Деленъ“ приписываетъ лорду Дерби слѣдующія слова: „Если они желаютъ притѣснять турокъ, они должны найти другое лицо: я этого дѣлать не стану“.

Общимъ притѣсненіемъ считалось отозваніе изъ Константинополя всѣхъ пословъ, но и это вскорѣ было оставлено. Стало очевидно, что несмотря на всѣ увѣренія министровъ въ желаніи освободить Болгарію, англійское правительство ничего не сдѣлаетъ для обезпеченія свободы на Востокъ.

Война между Россіей и Турціей, или предоставленіе на произволь судьбы Балканскихъ христіанъ, съ каждымъ днемъ становилась болѣе и болѣе неизбежной. Надежды и опасенія англичанъ сосредоточились на вопросѣ: что сдѣлаетъ Россія? Единомышленники Гладстона надѣялись, что она не измѣнитъ славянамъ. Друзья Биконсфильда боялись, что она завладѣетъ Константинополемъ. Среди этихъ противорѣчивыхъ теченій разгорались страсти.

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1910 года.

Передъ самымъ отъѣздомъ Ольги Алексѣевны изъ Англїи, она получила оригинальное письмо отъ Е. С. Фуксъ. Этотъ сотрудникъ „Quarterly Review“ писалъ г-жѣ Новиковой изъ Виггінтона:

„Вы должны неусыпно работать въ пользу Россїи, въ эту минуту больше, чѣмъ когда-либо и больше молиться. Молитесь, чтобы она возвысилась до своего назначенія и выполнила бы его съ честью, презирая все, кромѣ высокихъ побужденій и возвышенныхъ цѣлей. Она конечно будетъ побѣдительницей, если не будетъ въ тайнѣ эгоистичной, потому что людей она при желаніи легко можетъ обмануть, но Бога никогда, какъ бы ни старалась. Но я долженъ признаться въ моихъ сомнѣніяхъ, наступила ли уже настоящая минута?“

Въ то время какъ набожные священники въ деревенскихъ приходяхъ молились о томъ, чтобы Богъ Духовъ возсталъ и поразилъ невѣрныхъ, хотя бы въ рукахъ его было орудіе слабое, люди иного мнѣнія другими способами выражали свои убѣжденія.

Трудно по истеченіи четверти вѣка представить себѣ всю глубину страстей, возбужденныхъ агитаціей противъ союза съ Турціей. Глубина ихъ не была достигнута до раннихъ мѣсяцевъ 1878 г., но уже въ 1877 г. мы предвкушали то, что должно было случиться. Подъ вліяніемъ туркофильской прессы, съ утра до вечера восхваляющей похвалы лорду Биконсфильду, на Гладстона стали сыпаться письма возмутительнаго содержанія, въ сравненіи съ которыми намекъ г-на Фримана „на пьяную дерзость жида“ совершенно безобиденъ. Патріоты эти не довольствовались нечестивыми и нечистыми выраженіями своихъ злыхъ пожеланій, они прибѣгали къ различнымъ способамъ, чтобы досаждать государственному человѣку, котораго они инстинктивно ненавидѣли. Одинъ изъ способовъ была фабрикація угрожающихъ писемъ; самое смѣшное изъ нихъ онъ передалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ. Оно анонимно, какъ и полагается, и озаглавлено: Сюррей 16 декабря 1876.

„Г-ну Гладстону. М. Р.

Милостивый Государь

Я уполномоченъ однимъ изъ тайныхъ славянскихъ обществъ лишить васъ жизни—по поводу вашихъ дѣйствій, несомнѣнно клонящихся къ тому, чтобы сдѣлать насъ подвластными Россїи, народу, который принесетъ съ собой убійства, страданія и ужасъ. Предупреждаю васъ, чтобы вы измѣнили свое направленіе прежде, чѣмъ будетъ поздно. Миѣ дано пять дней на исполненіе моего порученія и, если вы не перемѣните своихъ плановъ, готовьтесь“.

Неудивительно было, что низкопробные патриоты съ жадностью ухватились за представившійся имъ случай, въ открытой и искренней дружбѣ между Гладстономъ и г-жей Новиковой, чтобъ напасть на либеральнаго лидера, виновника ненавистной переписки съ русской дамой въ то время, какъ премьеръ-министръ грозилъ войной Россіи. Была тщательно придумана исторія, что Гладстонъ писалъ нѣкоторыя письма компрометирующаго свойства Ольгѣ Алексѣевнѣ, которую вѣжливо называли извѣстнымъ агентомъ русскаго посольства въ Лондонѣ. Одинъ Шефилдскій корреспондентъ Гладстона, прочитавъ это сообщеніе, написалъ ему, чтобъ обратить его вниманіе на эту выдумку. Гладстонъ немедленно отвѣтилъ.

18 января 1877 г.

Милостивый Государь

„Слѣшу отвѣтить на ваше обязательное письмо. Выписка, которую вы любезно прислали мнѣ, носить въ моихъ глазахъ отпечатокъ тѣхъ вульгарныхъ вторженій въ частную жизнь, которыя обыкновенно сопровождаются беззастѣнчивою смѣлостью. Утвержденіе, что кто-то изъ моихъ корреспондентовъ имѣетъ компрометирующія меня письма,—чистая ложь

Я не могу явиться въ печати по такому предмету, но только что данное мною увѣреніе можетъ быть свободно повторяемо.

Преданный вамъ В. Е. Гладстонъ.“

Что ни одного письма Гладстона къ Ольгѣ Алексѣевнѣ не было компрометирующаго характера,—ясно изъ прочтенія самихъ писемъ, но во мнѣніи тогдашнихъ туркофиловъ самый фактъ переписки съ г-жей Новиковой уже компрометировалъ всякаго британскаго сановника, потому что она была русская и русская патриотка, невѣстка русскаго посла, слѣдовательно, по джингоистской логикѣ, она—заговорщица, строящая козни, чтобъ погубить Британскую имперію.

„Vanity Fair“ распространялась о дѣйствіяхъ Британскаго нумы съ московской эгеріей и въ статьѣ подъ заглавіемъ „Разоблаченіе великаго агитатора“, появившейся какъ „потрясающія открытія, рассчитанныя на то, чтобы вкрасться въ національное довѣріе растроганныхъ и гуманитарныхъ политиковъ“, помѣстили исторію, какъ Гладстонъ съ г-жей Новиковой сотрудничали въ составленіи отвѣта на „Русскія нужды въ Туркестанѣ“.

Чтобъ не дать себя превзойти своимъ соперникамъ изъ свѣтскихъ журналовъ, „Whitehall Review“ напечаталъ подъ названіемъ „Шувалово-Гладстоно-Новиковскій заговоръ“, какъ донесеніе къ-то

изъ его штаба Митхату-пашѣ. Въ видѣ курьеза, можно привести первую часть этой нелѣпой выдумки:

„Первый предметъ, котораго я коснулся, былъ Шувалово-Гладстоно-Новиковскій заговоръ. Я объяснилъ Его Величеству, что г-нъ Гладстонъ хотя хорошій человѣкъ, но чрезвычайно любящій власть, а также, что онъ питаетъ самыя враждебныя чувства мести къ своему великому и счастливому сопернику лорду Биконсфильду. Когда онъ (г-нъ Гладстонъ) былъ смѣненъ съ своего поста въ 1874 г., его партія раскололась, и не было надежды на возвратъ его къ власти за всю его жизнь. Два года спустя возникъ Восточный вопросъ, а съ нимъ представился случай для г-на Гладстона. Англійскій народъ мало знакомъ съ иностранною политикою, но онъ очень чутокъ къ человѣческому страданію. Поэтому онъ не могъ повѣрить, чтобъ даже Россія была способна возбудить возстаніе въ Турціи, а съ другой стороны онъ былъ сильно тронутъ вымышленными отчетами о жестокостяхъ въ Болгаріи. Князь Горчаковъ зналъ это, и г-жѣ Новиковой было поручено завербовать экс-премьера поборникомъ Болгарскихъ христіанъ. Гладстонъ охотно согласился съ этимъ планомъ“.

Между бумагами, которыя Гладстонъ далъ мнѣ для исторіи антитурецкой агитаціи, я нашелъ письмо отъ одного заморскаго корреспондента, къ которому приложена вырѣзка изъ одной ливерпульской газеты, содержащая слѣдующее:

„Г-нъ Гладстонъ и русскіе агенты. Русскіе агенты здѣсь подговариваютъ либеральную партію черезъ Гладстона; выработали выборную программу для него и избрали“.

Вотъ какимъ обвиненіямъ и инсинуаціямъ подвергаются бѣдные смертные, старающіеся служить своей странѣ въ священномъ дѣлѣ международнаго братства! Не знаю, отвѣчалъ ли Гладстонъ на это письмо.

Гладстонъ былъ слишкомъ искрененъ, чтобъ быть осторожнымъ. Но ему надоѣли эти пошлыя вмѣшательства въ частную жизнь, и казалось, въ ту минуту рѣшился быть сдержаннѣе въ своихъ сообщеніяхъ. Въ концѣ января Ольга Алексѣевна намекала въ своемъ письмѣ, что благоразумнѣе посылать письма заказныя,—намекъ, который не удивитъ никого, кто знаетъ почтовое вѣдомство. Гладстонъ однако встревожился, хотя и это никого не удивитъ, если принять въ соображеніе необыкновенную подозрительность и недоувѣріе, парившія въ воздухъ. 6-го февраля онъ пишетъ ей изъ Hagley Street:

„Я вамъ писалъ 22-го настоящаго мѣсяца и очень жалѣю, что мои быстрыя и нѣсколько измѣнчивыя передвиженія лишили меня

возможности съ должной поспѣшностью отвѣтить на Ваше послѣднее письмо, на которое я отвѣчаю теперь. Не удивитесь, если я вамъ скажу, что не желалъ бы посылать Вамъ письма заказными, потому что это могло бы подтвердить нелѣпое мнѣніе, уже существующее, что я Вамъ сообщаю нѣчто таинственное. Такое нелѣпое сужденіе о моихъ частныхъ письмахъ указывало бы на какую-то таинственность. Въ этомъ дѣлѣ у меня секретовъ нѣтъ; но я вынужденъ быть осторожнымъ къ нашимъ отношеніямъ, ложно понимаемымъ со стороны. Кратко коснусь нѣсколькихъ пунктовъ:

„1. Что произойдетъ въ четвергъ, когда соберется парламентъ, совершенно не извѣстно. Мы имѣемъ привычку ждать достовѣрнаго ознакомленія съ фактомъ прежде, чѣмъ начать пренія, а синюю книгу можно представить только послѣ четверга. Вскорѣ могутъ быть серьезные дебаты.

„2. Я не ручаюсь за тонъ или за подачу голосовъ въ парламентѣ. Въ палатѣ лордовъ турецкое или анти-русское направленіе будетъ имѣть ослѣпительное превосходство. Въ палатѣ общинъ министерское большинство очень сплочено. Ирландскіе католики тоже до сихъ поръ дѣйствовали плохо изъ уваженія къ трубному гласу изъ Рима. Пройдетъ быть можетъ три года прежде, чѣмъ парламентъ вернется къ своимъ избирателямъ.

„3. Я считаю, что мы (агитаторы) выиграли два пункта: возобновеніе европейскаго концерта, отступленіе отъ постыднаго положенія предполагаемаго соучастія съ Турціей. Это сдѣлано, по моему мнѣнію, но много еще требующее внимательнаго обсужденія остается сдѣлать.

„4. Провинціальныя выборы, которыхъ было удивительно мало, въ дѣйствительности служатъ лучшимъ указателемъ, хотя недостаточны для выраженія всего національнаго чувства.

„5. Но я могу твердо сказать теперь, что, по моему мнѣнію, нація здраво мыслить. Въ западныхъ земледѣльческихъ провинціяхъ я встрѣтилъ даже больше энтузіазма, чѣмъ съ сѣверныхъ. Въ частныхъ посѣщеніяхъ, меня всюду въ городахъ и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ преслѣдовалъ народный энтузіазмъ, и его я всецѣло приписываю народному чувству въ Восточномъ вопросѣ.

„6. Еще одно слово, смѣлое, такъ какъ я намѣренъ совѣтовать. Прежде всего мнѣ бы слѣдовало Вамъ сказать, что Хива меня нисколько не интересуеетъ. Далѣе я считаю совершенно возможнымъ, что существуетъ давленіе для ея присоединенія къ Россіи. Тѣмъ не менѣе я бы очень сожалѣлъ, если бы это присоединеніе послѣдовало теперь, потому что это дало бы нашей турецкой партіи то орудіе, которое оно желаетъ. Принявъ во вниманіе объясненіе

вашего императора черезъ графа Шувалова, я чувствую, что это принесетъ большой и серьезный вредъ.

„Настоящій результатъ, насколько я могу видѣть, произойдетъ, когда вопросъ станетъ таковъ: должна ли Россія одна исполнить дѣло Европы? Я съ удовольствіемъ узналъ о паденіи Мидхадъ-паши“.

Г-жа Новикова въ Россіи и ея друзья въ Англіи слѣдили съ негодованіемъ и боязнью за кажущимся имъ намѣреніемъ правительства не выполнить своихъ обязательствъ относительно восточныхъ христіанъ. Письма Фримана того времени даютъ вѣрную картину безпокойства, съ которымъ люди либеральнаго Гладстоновскаго направленія смотрѣли на положеніе. При посѣщеніи Гладстономъ западныхъ провинцій онъ гостилъ у маркиза Батъ въ Лонглетъ и у епископа. Г-нъ Фриманъ, проведя въ Лонглетъ нѣсколько дней съ Гладстономъ, пишетъ 7-го фѣвраля, что лордъ Батъ полонъ рвенія, какъ и другіе.

„Я былъ съ нимъ на одномъ завтракѣ, на который собралось нѣсколько человѣкъ, было произнесено нѣсколько рѣчей. Принимали его всюду, какъ подобаетъ. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ Гондвина Смита и д-ра Сандвита; туркамъ досталось не мало проклятій“.

Парламентъ открылся 8 фѣвраля. „Желалъ бы я быть членомъ парламента“, писалъ Фриманъ. Желаніе это никогда не исполнилось.

Мѣсяцъ спустя, 2-го марта, Гладстонъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ о предстоящемъ изданіи своей брошюры подъ заглавіемъ „Уроки въ кровопролитіи“. Онъ такъ объясняетъ причину ея появленія.

„Что бы ни случилось, Вы можете быть увѣрены, что я постоянно занятъ великимъ вопросомъ, который теперь и для меня поглощаетъ всѣ другіе. Я готовлю брошюру, которую надѣюсь издать на будущей недѣлѣ и въ которой надѣюсь доказать, на основаніи официальныхъ данныхъ, что турецкое правительство со времени болгарской рѣзни дѣйствовало такъ, чтобъ научить свой народъ повторить ту же рѣзню, какъ только представится случай.“

„Я это дѣлаю помимо другихъ причинъ потому, что въ рѣчи, произнесенной въ нижней палатѣ, нельзя представить доказательства въ надлежащей подробности, 2-е потому, что наши парламентскія требованія заставляютъ насъ почти прекратить пренія, пока наше правительство вмѣстѣ съ другими державами измышляетъ отвѣтъ на вопросъ Россіи.“

„Я нисколько не ожидаю, чтобы они изобрѣли что-нибудь хорошее. До прошлаго августа они принесли только большій вредъ, а съ прошлаго августа повторяется то же самое! Вы помните, какъ

много разъ я выражалъ Вамъ мое убѣжденіе, что сердце и умъ націи правы въ этомъ вопросѣ, чего нельзя найти ни въ высшихъ классахъ, ни въ столичной печати. И какъ лучшій образецъ правильности этого мнѣнія служатъ мѣстные выборы, которые происходятъ по временамъ для пополненія вакантныхъ мѣстъ въ парламентъ. До сихъ поръ очевидность поддерживаетъ мои взгляды. Правда, на однихъ выборахъ въ Вильтоль молодой Сидней Гербертъ былъ поддержанъ какъ тори, но три четверти выборщиковъ, арендаторы его брата и другого пара консерватора и населеніе слишкомъ малочисленное (нѣсколько тысячъ), чтобъ имѣть значеніе. Другіе почти такіе же выборы произойдутъ на-дняхъ въ маленькомъ городкѣ Лонсестонъ. Но у насъ было два дѣйствительныя собранія: Галифаксъ съ 12.000 избирателей далъ большинство либеральной партіи въ 2.000 ч. Олдсамъ съ 29.000 избирателей, гдѣ мы были побиты на 200 голосовъ на прошлыхъ выборахъ, вчера далъ большинство въ 700 голосовъ. Также въ Чельтенгамъ (4.300 избирателей) мы имѣли либеральнаго кандидата, ждущаго вакансіи, но онъ былъ туркофилъ, и поэтому онъ не прошелъ, а замѣненъ приверженцемъ христіанъ. Пока все хорошо, но подвигается медленно. Будь у насъ распущенъ парламентъ, я думаю, это измѣнило бы вѣсы Европы. Какъ теперь обстоятъ дѣло, мы по существу въ рукахъ Россіи. То-есть, если она будетъ дѣйствовать энергично, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, это откроетъ дѣятельность здѣсь. Но мы находимся въ потемкахъ и бросаемся изъ стороны въ сторону на основаніи противорѣчивыхъ слуховъ. Пойдетъ ли Россія на демобилизацію, или остановится, пойдетъ ли въ Румынію или объявить рѣшительную войну, или станетъ проводить особую политику въ Константинополѣ? Между европейскими правительствами вообще царитъ безсердечіе и эгоизмъ, но я твердо стою за свою вѣру въ англійскій народъ.

Опасенія Гладстона раздѣлялъ Фриманъ. 26-го февраля онъ писалъ: „Повѣрьте мнѣ, политика еврея сводится къ тому, чтобы ничего не дѣлать, допустить Россію до войны и потомъ найти предлогъ, чтобъ ее атаковать; я сомнѣваюсь во враждебности другихъ и въ смѣтливости Дерби, чтобъ это понять, но еврей всѣхъ ихъ поддѣнетъ, какъ его предокъ поддѣлъ своего отца и братьевъ. Фриманъ часто писалъ въ это время и письма его были полны сильныхъ, а иногда грубыхъ выраженій. Въ нихъ лордъ Биконсфильдъ всегда назывался евреемъ и лордъ Дерби не болѣе лестно.

Въ письмѣ отъ 4-го марта, когда генераль Игнатъевъ объѣзжалъ государства по поводу протокола, и двѣ недѣли послѣ того какъ германскій императоръ, открывая рейхстагъ, выразилъ убѣжденіе,

что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ, Фриманъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Я получилъ два Ваши письма и нѣсколько вырѣзокъ, на все это отвѣчаю заразъ. Мы удивляемся, надѣемся и боимся. Здѣсь надѣяться не на что. Еврейское правительство, повидимому, рѣшило ничего не дѣлать, но дать турку годъ льготы, чтобы онъ продолжалъ дѣйствовать по-прежнему только для того, чтобы избавить лорда Дерби отъ всякаго дѣла. Когда онъ услышитъ о новой Батакѣ, онъ изобразитъ недоумѣніе и скажетъ, что не ожидалъ, чтобы это было такъ серьезно. Но Вы, которые не управляемы евреемъ, но императоромъ, на котораго мы всѣ привыкли смотрѣть какъ на честиѣйшаго человѣка, неужели Вы отступитесь на послѣдокъ? Такъ увѣряютъ газеты, хотя мы не можемъ этому вѣрить. Д-ръ Сандвигъ говоритъ, что война начнется въ текущемъ мѣсяцѣ ¹⁾ Теперь Вы понимаете наше положеніе. Мы смотримъ на Россію какъ на всякое европейское государство, ни хуже, ни лучше, увѣренные въ томъ, что русскіе, какъ и англичане не ангелы и не дьяволы, но люди способные на доброе и злое, поэтому мы не имѣемъ недостойныхъ подозрѣній на Вашъ счетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ намъ не хотѣлось бы все предоставить Вамъ. Поэтому мы думаемъ, что дѣло было бы сдѣлано лучше Англіей совмѣстно съ Россіей, нежели Россіей одной. Такимъ путемъ каждое государство служило бы помощію другому и не допустило бы другъ друга до злоупотребленій. Но разъ это невозможно, разъ мы такъ связаны евреемъ что не въ силахъ ничего сдѣлать, а Вы свободны отъ евреевъ и можете дѣйствовать, идите впередъ, дѣйствуйте, Бога ради сами за себя, лучше чѣмъ оставить дѣло вовсе не сдѣланнымъ. Не обращайтесь вниманіе на то, что турки—люди или съ еврейскими понятіями люди, гдѣ бы то ни было говорятъ о Васъ. Чѣмъ больше нареканій, тѣмъ больше чести, по крайней мѣрѣ, я дошелъ до такого убѣжденія. (Пропускается длинное письмо Фримана къ Стеду и еще письма къ Ольгѣ Алексѣевнѣ на ту же тему).

На письмо Гладстона отъ 2-го марта г-жа Новикова отвѣчала изъ Москвы, десять дней спустя, слѣдующее:

„Горячо благодарю за Ваше интересное и полное значенія письмо. Если Вы находитесь въ невѣдѣніи о нашей политикѣ, мы остаемся въ такомъ же невѣдѣніи о Вашей. Ходитъ слухъ, что если бы Россія объявила войну, чего мы горячо желаемъ, Англія просто заняла бы Константинополь и завладѣла бы имъ. Турція, быстро

¹⁾ Д-ръ Сандвигъ былъ не правъ, война была объявлена 24-го апрѣля.

идущая на самоубійство, не представляется опаснымъ сосѣдомъ для Россіи, тогда какъ Англія во многихъ отношеніяхъ насъ превосходитъ (за исключеніемъ того, что нами никогда не могъ бы управлять еврей). Это обстоятельство колеблетъ намѣреніе начать такую серьезную войну. Конечно, будь теперь у власти либералы, христіанскимъ провинціямъ было бы свободнѣе дышать. Но теперешнее англійское правительство не увлекается возвышенными чувствами и имѣетъ другія цѣли въ виду. Все же, что бы ни случилось, я думаю и не я одна, а тысячи русскихъ думаютъ такъ же, нашъ долгъ защитить христіанъ, если никто другой не сжалится надъ ними.

„Когда найдете свободную минуту и захотите доставить мнѣ большое удовольствіе, напишите. Мой сердечный привѣтъ г-жѣ Гладстонъ. Искренно преданная

Ольга Н.“

Русское правительство, находясь лицомъ къ лицу съ предстоящей великой войной, къ которой оно не было приготовлено, сдѣлало послѣднюю отчаянную попытку избѣжать ея, пославъ генерала Игнатъева ¹⁾ во всѣ государства Европы съ предложеніемъ дать согласіе на составленіе протокола, цѣль котораго была отвратить неизбежную войну, представивъ проектъ общаго содѣйствія въ будущемъ, если турокъ не исполнить обѣщанныхъ реформъ въ Болгаріи.

На этотъ шагъ смотрѣли въ Москвѣ съ негодованіемъ, которое г-жа Новикова такъ описываетъ, когда миновалъ кризисъ.

„Послѣднее усиліе избѣжать войны былъ протоколъ. Этимъ знаменитымъ документомъ оффиціальная Россія соглашалась, ради Европейскаго концерта и мира на континентѣ, отложить на неопредѣленный срокъ всякія дѣйствія касательно южныхъ славянъ, получивъ взаменъ за пожертвованіе своимъ призваніемъ обѣщаніе, что великія державы будутъ „слѣдить за Турціей“. Послѣ извѣстнаго времени, не особенно опредѣленнаго, будетъ доказано въ тысячный разъ даже уму дипломатовъ, что турецкое правленіе совершенно не способно къ реформамъ, къ улучшенію или къ другому измѣненію. Тогда примутся обсуждать, какъ бы спасти нашихъ измученныхъ братьевъ отъ Оттоманскаго ига?“

¹⁾ Генераль Игнатъевъ прибылъ въ Лондонъ 14-го марта и 22 марта уѣхалъ въ Парижъ. Воскресенье, 18-го, онъ провелъ у лорда Сользбери въ Хатфильдѣ и былъ принятъ королевой во вторникъ. Переговоры о протоколѣ показались подозрительными обѣимъ партіямъ. Delaine въ Times сказалъ, что не желалъ бы встрѣтить генерала Игнатъева, такъ какъ онъ увѣренъ, что это была мистификація.

„Тѣ, кто жили въ самомъ центрѣ національнаго движенія, никогда не забудутъ страшныхъ предчувствій въ эти печальные дни. Мы всё жили подъ давленіемъ болѣзненнаго страха. Такъ ли все должно кончиться? Неужели всё наши жертвы принесутся въ жертву? Неужели кровь нашихъ мучениковъ проливалась напрасно? Неужели святая Русь перестала быть святою, а превратилась только въ космополитическій Петербургъ? Когда пришли извѣстія, что англійскій кабинетъ настаиваетъ на измѣненіяхъ, мы вздохнули свободнѣе. „Демобилизація“, воскликнули мы, „это не демобилизація, а деморализація!“ Государь слишкомъ благороденъ, слишкомъ русскій въ душѣ, чтобъ на это согласиться. Вдругъ пришло извѣстіе, что и это принято, и все стало мракомъ вокругъ насъ.

Наконецъ, къ великому нашему успокоенію, тучи разстѣались, мракъ исчезъ, такъ какъ турки отклонили протоколъ и объявленіе войны стало неминуемо“.

Генераль Игнатьевъ все сдѣлалъ, чтобъ избѣжать войны, для которой онъ зналъ, что Россія не готова. Онъ видѣлъ лорда Биконсфильда, намекавшаго ему на возможность занятія Митилены англійскими войсками, противъ чего генераль Игнатьевъ протестовалъ ¹⁾, онъ посѣтилъ лорда Сользбери въ Гетфильдѣ и видѣлъ Гладстона наканунѣ своего отъѣзда изъ Лондона.

Я нашелъ въ бумагахъ Гладстона интересную записку, приготовленную имъ для генерала Игнатьева. Она была написана частью по-французски, частью по-англійски, но не была прочитана, вѣроятно потому, что Гладстонъ нашелъ удобнѣе переговоры безъ бумаги. Онъ намѣревался сказать генералу Игнатьеву, что хотя у него были свои мнѣнія и идеи, эти мнѣнія не имѣли цѣны, такъ какъ онъ былъ безсиленъ привести ихъ въ исполненіе. Большая часть торіевъ поддержала бы правительство, будь оно черное или бѣлое или всякаго другого цвѣта, будущіе выборы, доказывающіе иногда, откуда дуетъ вѣтеръ, лучшее средство для вліянія на парламентъ въ этомъ вопросѣ.

¹⁾ О лордѣ Биконсфильдѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, генераль Игнатьевъ относится безъ энтузіазма. Одно, что произвело на него впечатлѣніе въ тогдашнемъ премьерѣ, была его страсть къ турецкимъ островамъ, онъ говорилъ больше чѣмъ за годъ до подписанія Англійей турецкаго соглашенія объ оккупациі Кипра и въ разговорѣ съ г. Игнатьевымъ намекалъ на возможность соглашенія съ Россіей о Босфорѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Англія заняла Митилену. Ген. Игнатьевъ не сочувствовалъ этой идеѣ. Онъ находилъ, что Митилена слишкомъ близка,—всего два часа отъ устья въ Дарданелль. Лордъ Биконсфильдъ не продолжалъ спора, переговоры о протоколѣ не удались. Турція сдѣлала нападеніе на Черногорію, и началась война.

Вотъ копія записки.

„Игнатъевъ.—Англійскій народъ рѣшилъ Восточный вопросъ въ христіанскомъ духѣ. Я не говорю о правительствѣ, или парламентѣ, или объ имущихъ классахъ, или объ арміи, или о большей части столичной печати. Но что касается народа, онъ до глубины души возмущенъ преступленіями и варварствомъ Порты. Таймсъ будетъ стоять за правительство, какое бы оно ни было, ему я не довѣряю. Либеральная партія въ огромномъ большинствѣ желаетъ политики искренней и твердой въ пользу христіанъ, я бы охотно сказалъ *des gaces sujettes*. Правительство дало право лорду Сользбери на свободное слово, но себѣ предоставило свободу дѣйствій, и въ настоящую минуту я мало вѣрю въ согласіе дѣйствій. Протоколъ не признанъ. Дипломатія дискредитирована неудачей Константинопольской конференціи. Возгордившаяся Порта, растоптанныя княжества и проч. *Voilà un compte rendu assez triste*.

21 марта 1878.

25-го марта г-нъ Фриманъ въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой передаетъ сплетню о посѣщеніи ген. Игнатъевымъ Хатфильда.

„Я вижу, что Вы знаете не больше нашего. Джорджъ Витамаъ, бывшій въ Хатфильдѣ въ одно время съ Игнатъевымъ, не знаетъ ничего, но говоритъ, что лордъ Сользбери совершенно на нашей сторонѣ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ онъ присталъ къ еврею? Конечно, возвращеніе Элліота есть оскорбленіе челоуѣчеству. Ничего подобнаго не видѣлъ, какъ его спокойная, безчелоуѣчная ариѳметика. Ему безразлично, 10.000 будетъ убитыхъ или 20.000.

Могу ли я вывести заключеніе, что у Васъ, какъ и у насъ, такъ называемое общество заблуждается? Я мало знаю общество и не имѣю желанія больше знакомиться съ нимъ, такъ какъ оно, кажется, очень грубо, лѣниво и невѣжественно. Я вамъ послалъ нѣсколько вырѣзокъ. Сѣверное Эхо въ Дарлингтонѣ—лучшая газета въ Англии никогда не колеблется и не боится. Я бы хотѣлъ, чтобы она была главной лондонской газетой, вмѣсто этого угодливаго „Times'a“.

Если я подвергаю себя упреку въ эгоизмъ, приводя это одобреніе, я это дѣлаю потому, что эти замѣчанія доставили мнѣ дружбу съ г-жей Новиковой, а во-вторыхъ потому, что все то время я дѣйствовалъ подъ руководствомъ и вдохновеніемъ Гладстона. Слѣдующее письмо, отъ 12-го октября 1876 года, представляетъ читателю образецъ этого поощренія и направленія молодому журналисту (мнѣ было 27 лѣтъ), я издавалъ крошечную провинціальную газету.

Милостивый Государь.

Я совершенно не въ силахъ отвѣтить на Ваше письмо такъ, какъ бы я искренно желалъ, относительно истинной горячности и большого таланта, съ которымъ Сѣверное Эхо вело войну въ Восточномъ вопросѣ. Я даже не въ силахъ раскрыть того громаднаго количества газетъ, которыя мнѣ присылаютъ, и поэтому я не могу просить Васъ продолжать высылку Вашей газеты, исключая того, когда она содержитъ что-нибудь особенное.

„Трудно отвѣчать на Вашъ вопросъ, такъ какъ событія мѣняются изо дня въ день. Забудьте, что въ послѣднемъ выраженіи общественнаго мнѣнія былъ пробѣлъ, не было провинціальныхъ митинговъ, это не маловажно.

„Будь я на мѣстѣ издателя Вашей газеты, я бы избралъ слѣдующее общее направленіе. Правительство, имѣя намѣреніе страшать Россію своимъ дурнымъ способомъ дѣйствій и привести ей вредъ, отдало все въ ея руки. Она вмѣстѣ съ Австріей, а можетъ быть и безъ Австріи, поставлена въ положеніе, въ которомъ она можетъ дѣлать, что захочетъ, а мы безсильны. Англія унижена, мы обманули турокъ фальшивыми ожиданіями, не достигли ни одной нашей цѣли, не удовлетворили никого, враждебно отнеслись къ христіанамъ, оставили ихъ на съѣденіе Австріи и Россіи, которая конечно гораздо лучше Турціи, но все же мы имъ не дали возможности управлять своими дѣлами. Преданный Вамъ

Гладстонъ.

Около этого времени г-нъ Фриманъ сталъ очень безпокоиться о томъ, что необходимо было разсѣять любимую туркофильскую иллюзію, что страна измѣнила свое мнѣніе. Вотъ одно изъ посланій, сыпавшихся на меня въ это время.

29 марта 1877.

„Я увѣренъ въ томъ, что нація должна бы высказать свое мнѣніе, если оно у нея есть. Турецкія газеты говорятъ, что она измѣнила свой взглядъ съ осени. Я этому не вѣрю, и если я правъ, то фактъ этотъ долженъ сдѣлаться извѣстнымъ, чтобы врагъ не могъ далѣе богохульствовать. Лично мнѣ мысль, что миръ сохраняется, потому что ведутся переговоры, кажется высшимъ дипломатическимъ криводушіемъ, хотя я увѣренъ, что здѣсь официальные лица всѣхъ партій были бы противъ меня. Когда долгъ и честь націи служатъ игрушкой еврея, болѣе чѣмъ когда-нибудь нація должна заговорить и высказать, чего она желаетъ“.

Протоколъ былъ подписанъ 31-го марта. Это былъ длинный и многословный документъ, суть котораго заключалась въ концѣ. Принявъ во вниманіе обѣщанія турокъ, державы сохраняютъ за собою право обсудить сообща способы благоденствія христіанскаго населенія и интересы общаго мира. Чтобъ кто-нибудь не вообразилъ, что протоколъ обязывалъ къ чему-нибудь подписавшихъ его, лордъ Дерби внесъ декларацію „что протоколъ считается недействительнымъ и уничтоженнымъ въ случаѣ недостиженія предлагаемыхъ цѣлей!“

Онъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ: „а теперь о протоколѣ. Мы знаемъ теперь его текстъ. Но что все это значитъ? Съ нашей стороны, т. е. со стороны еврея это понятно. Они ему радуются какъ средству ничего не дѣлать. Но какъ Вашему народу? Это все „если, если, если“. Если турокъ это сдѣлаетъ. Да онъ это постоянно дѣлаетъ. Ваши войска могли бы выступить сейчасъ при всемъ, что сказано въ протоколѣ. Роль Дерби въ этомъ является такой прозрачно глупой, что кажется, что за этимъ кроется какой-то фокусъ.“

Г-жа Новикова испытывала нетерпѣніе по поводу молчанія Гладстона. Она писала 18-го апрѣля:

„Цѣлую вѣчность не имѣю извѣстій отъ Васъ и очень объ этомъ сожалѣю. Конечно, я не имѣю права на Вашу добрую память. Вы уже знаете, что Россіи не послужило препятствіемъ рѣшеніе лорда Биконсфильда защищать своихъ возлюбленныхъ турокъ и ее не устрашаютъ новыя страшныя жертвы. Черезъ шесть дней 24 (12) апрѣля война будетъ объявлена. Государь ѣдетъ завтра въ Кишиневъ, и объявленіе войны будетъ послано оттуда. Вы не можете вообразить мученія, которыя мы переживали все время этой бесполезной дипломатической болтовни, отъ которой только потеря времени и терпѣнія. Но нашъ Государь вошелъ въ свою обычную, благородную роль, и всѣ наши сердца—съ его великодушнымъ рѣшеніемъ. Англія мѣшаетъ Греціи присоединиться къ возстанію, но мы, конечно, этого ожидали.“

Что сдѣлаетъ теперь оппозиція, когда о мирѣ не можетъ быть рѣчи? Можно ли объяснить, почему либеральная партія такъ мало оказала сопротивленія въ обѣихъ палатахъ? Я увѣрена, что должна быть для этого причина, которой мы, русскіе, не можемъ понять.

Пожалуйста, напишите мнѣ нѣсколько строчекъ. Если въ свободной Англіи люди не могутъ вести переписки безъ того, чтобы быть оклеветанными самымъ возмутительнымъ образомъ, Англія очевидно вырождается. Простите эту грубость. Искренній привѣтъ г-жѣ Гладстонъ. Преданная Вамъ.

Ольга Н.“

23-го апрѣля Гладстонъ сообщалъ г-жѣ Новиковой о своемъ разочарованіи въ успѣхъ своей брошюры „Уроки въ кровопролитіи“. Онъ отвѣчалъ на ея письмо съ жалобой на ея молчаніе.

„По правдѣ сказать, я ждалъ извѣстій отъ Васъ. Около шести недѣль тому назадъ я написалъ статью, которую считалъ грознымъ обвинительнымъ актомъ турецкому правительству. Копію я тотчасъ послалъ Вамъ. Черезъ двѣ недѣли я послалъ вторую, такъ какъ былъ увѣренъ, что Вы обратите на нее вниманіе,—доводы въ ней дѣйствительной важности. Изъ Вашего письма я вижу, что ни одна не дошла до Васъ, почему? Я не могу понять. Теперь прилагаю копію маленькаго популярнаго изданія. Обвиненіе содержится въ первыхъ строчкахъ и доказательство, мнѣ кажется, такъ же полно, какъ и ужасно.

Я долженъ прибавить, что оно не произвело большого впечатлѣнія въ публикѣ; продажа отъ—6.000 до 7.000 экз., но я не слыхалъ еще, чтобъ ее переводили.

„Я говорилъ Вамъ, что мы должны наблюдать за мѣстными выборами, представляющими иногда лучшее указаніе англійскаго чувства. Около пяти изъ нихъ послѣдовательно вполне подтвердили мое мнѣніе, что народъ англійскій все же антитурецкаго направленія. На прошлой недѣлѣ явилось разочарованіе въ противоположномъ рѣшеніи въ большомъ городѣ Сальфордѣ. Споръ былъ почти на разное число голосовъ и ни въ какомъ случаѣ не опровергаетъ моего мнѣнія, но служитъ однимъ голосомъ меньше въ пользу его. Лордъ Сольсбери, повидимому, раздавленъ, и кабинетъ дѣлаетъ все, что можетъ для турокъ. Настроеніе высшихъ классовъ очень плохое. Все же мы выиграли отъ осеннихъ событій то, что правительство не смѣетъ болѣе увѣрять открыто въ своемъ равнодушіи къ положенію христіанскихъ подданныхъ Турціи и что воевать за турокъ невозможно, хотя многіе, я думаю, этого бы желали.

Вы, вѣроятно, помните, какъ я предупреждалъ Васъ, что нельзя пренебрегать обвиненіями Россіи въ Польшѣ, и выражалъ мнѣніе, что если Россія дорожить народнымъ чувствомъ Англии, она должна будетъ принять мѣры, чтобы выяснитъ свой взглядъ и обстоятельства дѣла въ печати. Англійское правительство напечатало теперь свой протестъ о дѣйствіяхъ въ Польшѣ (на мой взглядъ, поступокъ подлый), тѣмъ не менѣе дѣйствительный: Поступокъ подлый по тому, что мы не всегда разоблачаемъ собственныя ошибки. Турки прекрасно понимаютъ значеніе вліянія прессы.

Что касается парламента, сочетаніе важныхъ причинъ заставило либеральную партію молчать объ окончательномъ исходѣ. Намѣренія Россіи, напримѣръ, были неизвѣстны, и я боялся очень впечатлѣ-

тлѣнія за границей, которое могло, при неблагопріятномъ раздѣленіи, произойти въ пользу турокъ. Теперь положеніе измѣняется и выясняется. Многіе не вѣрятъ, чтобы Россія рѣшилась на войну. Этого ожидаю и я. Но если Европа оставитъ дѣло на рѣшеніе между ней и Турціей, то будетъ великій позоръ. Турецкіе греки поступили скверно“.

Прежде чѣмъ письмо это дошло до Ольги Алексѣевны, 24-го апрѣля война уже была объявлена Россіей, и при наступленіи ночи 50.000 русскихъ войскъ перешли границу Румыніи по дорогѣ въ Болгарію.

Слѣдующія письма г-жи Новиковой Гладстону были послѣдними, писанными ею до объявленія войны.

22-го апрѣля 1877.

„Всѣ наши сегодняшнія газеты приписываютъ Англій три слѣдующіе плана: 1) Занять Аѣины и Критъ, чтобы не допустить возстанія въ Греціи на помощь намъ; 2) отказъ пропустить русскіе корабли черезъ Гибралтаръ; и 3) занять Константинополь, если Турція будетъ побита. Признаюсь, я въ недоумѣніи. Все это равняется объявленію войны противъ Россіи. Я даже увѣряла своихъ друзей, что большинство англійскаго народа все же расположено къ христіанамъ. Умоляю Васъ дать намъ ключъ для раскрытія этихъ тайнъ. Кто же лучше васъ можетъ это объяснить? Искренній привѣтъ г-жѣ Гладстонъ“.

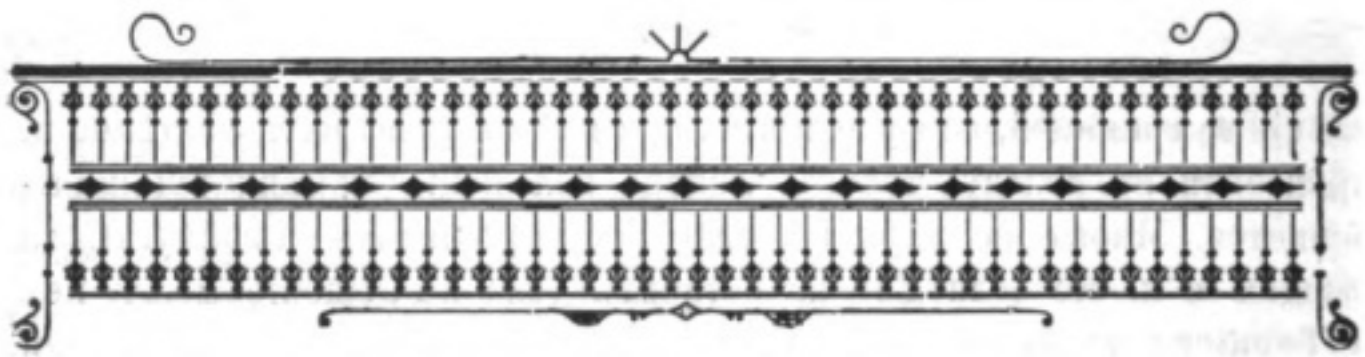
24—12-го апрѣля 1877.

„Объявленіе войны получено здѣсь въ 2 ч. по полудни. Въ пять Московская дума собралась въ думскомъ залѣ. Большой энтузіазмъ. Дума предложила немедленно милліонъ рублей и 1000 кроватей для раненыхъ. Слышны со всѣхъ сторонъ восклицанія: „этого мало“, „слишкомъ мало“. Рѣшено смотрѣть на эту сумму какъ на начало. Собрались купцы и тоже было повторено; добровольное пожертвованіе—милліонъ рублей. 160 дамъ предложили себя въ сестры милосердія. Сто изъ нихъ уже выдержали экзамень. Россія точно воскресла. Что сдѣлаетъ Англія? Я знаю, что бы она сдѣлала, будь во главѣ правительства Вы. А теперь? Мы, Богъ дастъ, будемъ исполнять свой долгъ и будь что будетъ!

Искренно преданная Ольга Новикова“.

Сообщено Е. С. М.

А. Н. Сергѣевъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-е іюля с. г. въ г. Ригѣ, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни скончался на 72 году жизни сотрудникъ „Русской Старины“ Алексѣй Николаевичъ Сергѣевъ. Въ лицѣ покойнаго педагогическій міръ потерялъ одного изъ лучшихъ преподавателей географіи и отечествовѣдѣнія, многочисленныя его ученики—добраго и гуманнѣйшаго человѣка.

Сообщаемъ краткія біографическія данныя объ А. Н. Сергѣевѣ. Родился А. Н. въ 1838 году. По окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ по юридическому факультету, со званіемъ дѣйствительнаго студента, А. Н. въ 1859 г. поступилъ на службу въ Симбирское губернское правленіе. Однако скучная и монотонная канцелярская работа не могла удовлетворить всегда пылкаго и жизнерадостнаго юношу, стремившагося поработать на педагогическомъ поприщѣ. Къ „входящимъ и исходящимъ“ А. Н. питалъ органическое отвращеніе. Стать учителемъ было постоянной мечтой юноши. Идею эту вскорѣ же пришлось и осуществить. Спустя девять мѣсяцевъ послѣ своего опредѣленія въ канцелярію Симбирскаго губернскаго правленія, А. Н. переходитъ на службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, зачисляясь на должность младшаго учителя географіи въ Оренбургскую мужскую гимназію, а затѣмъ и въ женское училище перваго разряда.

Въ 1863 году перемѣщается въ Казань, гдѣ преподаетъ географію

въ 1-ой Императорской Казанской гимназiи и женскомъ Родіоновскомъ институтѣ. Въ 1863 году переведенъ былъ въ Нижегородскую графа Аракчеева военную гимназію. Дальнѣйшая педагогическая дѣятельность А. Н. протекала въ Бердянскѣ, Феодосіи, Одессѣ (въ теченіе 10 лѣтъ), Вильнѣ и наконецъ Петербургѣ. Больше всего покойный прослужилъ въ Вильнѣ, а именно двадцать одинъ годъ, состоя здѣсь преподавателемъ: географіи—во 2-ой мужской гимназiи и законовѣдѣнія въ юнкерскомъ (нынѣ военномъ) училищѣ. Выйдя въ іюль 1906 г. въ отставку, А. Н. переѣхалъ на жительство въ С.-Петербургъ. Однако бездѣятельность сильно угнетала покойнаго. Сроднившись съ любимымъ предметомъ—географіей, А. Н. никакъ не могъ примириться съ мыслью, что онъ уже „на покой“, такъ сказать „сданъ въ архивъ“. Разстаться съ педагогической дѣятельностью равносильно было отреченію отъ внѣшняго міра. Постоянно живой, веселый, полный энергіи старикъ ужасно тосковалъ по любимомъ предметѣ—географіи. Наконецъ, въ 1907 г. А. Н. удалось таки получить мѣсто преподавателя географіи въ одной изъ Петербургскихъ гимназiй. Съ этого момента онъ считалъ себя вполне счастливымъ и удовлетвореннымъ. Помню, съ какой чисто-юношеской радостью А. Н. подѣлился тогда со мною радостной вѣстью: „а я снова учительствую!“

Сколько неподдѣльнаго восторга слышалось въ этомъ восклицаніи стараго педагога!

Кромѣ географіи А. Н. еще преподавалъ: исторію, отечествовѣдѣніе, законовѣдѣніе, коммерческую географію и культуру Востока. Предметы эти покойный зналъ въ совершенствѣ и, какъ учитель, съ любовью къ нимъ относился. А между тѣмъ вѣдь по образованію былъ юристъ. Съ увѣренностью могу сказать, что въ настоящее время врядъ ли найдется среди провинціальныхъ педагоговъ-филологовъ столь блестящій знатокъ географіи и отечествовѣдѣнія, каковымъ былъ покойный А. Н. Сергѣевъ. Система преподаванія у А. Н. была всегда лекціонная. Нѣсколько уроковъ подъ-рядъ онъ намъ рассказывалъ, а мы должны были записывать слышанное, рисовать карты, чертить; затѣмъ началось „спрашиваніе“ уроковъ. Благодаря подобному методу, ученики Сергѣева всегда преуспѣвали въ географіи. Выше я замѣтилъ, что покойный по своему образованію былъ юристъ. Однако это обстоятельство нисколько не помѣшало сдѣлаться идеальнымъ педагогомъ. Не чеховскимъ „человѣкомъ въ футлярѣ“, каковыхъ, къ сожалѣнію, у насъ много, а педагогомъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Послѣдніе годы своей жизни А. Н. усиленно работалъ надъ составленіемъ „Курса отечествовѣдѣнія“

для военныхъ училищъ и старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній.

Трудъ этотъ былъ представленъ на разсмотрѣніе ученаго комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, однако по нѣкоторымъ „высшимъ соображеніямъ“ признанъ былъ тенденціознымъ, а потому подлежащимъ коренному исправленію.

Покойный не захотѣлъ подчиниться требованію М-ва Народ. Просвѣщенія, и „Курсъ отечествовѣдѣнія“ такъ и не вышелъ изъ печати. А между тѣмъ капитальный трудъ Сергѣева заслуживаетъ лучшей участи. При скудости у насъ подобнаго рода учебниковъ „Отечествовѣдѣніе“ Сергѣева слѣдовало бы непременно издать, какъ весьма цѣнное и полезное учебное пособіе для юнкеровъ и гимназистовъ.

Изданный же Т-вомъ „Общественная Польза“ (кажется, въ 80 годахъ) „Полный Курсъ Географіи“ для средне-учебныхъ заведеній выдержалъ четыре изданія и разошелся безъ остатка.

А два небольшихъ печатныхъ томика Сергѣева „Историческіе очерки Россіи“ составляютъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость. На сколько припоминаю, за этотъ трудъ А. Н-чу Московскимъ отдѣленіемъ Императорскаго Археологическаго Общества было преподнесено званіе „дѣйствительнаго члена“ названнаго Общества. Родная старина всегда интересовала покойнаго. Этимъ объясняется то обстоятельство, что весь свой досугъ въ лѣтнее время А. Н. посвящалъ путешествію по древнимъ русскимъ городамъ, гдѣ онъ старался разыскивать разныя древности, старинные документы, рукописи, картины; здѣсь покойный записывалъ интересные рассказы, легенды и преданія о происхожденіи того или иного города, мѣстности, древняго зданія и т. п. При чемъ А. Н. никогда не брезгалъ даже самымъ незначительнымъ рассказомъ или анекдотомъ, разъ таковые имѣли какое-либо отношеніе къ родной старинѣ. Съ особенною любовью просиживалъ покойный въ архивѣ Святѣйшаго Синода, гдѣ съ необычайнымъ рвеніемъ копался въ старыхъ дѣлахъ, выуживая оттуда любопытный матеріалъ для своихъ статей изъ жизни нашего духовенства. На страницахъ „Русской Старины“ въ разное время печатались интересныя изысканія, касающіяся іерарховъ русской церкви, какъ напримѣръ, „Смерть Моисея Гумилевскаго, епископа ѳеодосійскаго и маріупольскаго“, „Запечатанная церковь“, „Присяга Наполеону и моленіе за него въ Могилевской епархіи“, „Амвросій Орнатскій, епископъ пензенскій и саратовскій“, „Воспоминанія о Дмитріѣ (Муретовѣ), архіепископѣ одесскомъ“ и мн. др. Заслуживаютъ также быть отмѣченными мелкія

„сообщенія“ А. Н. Сергьева въ „Русской Старинѣ“ относительно различныхъ курьезныхъ резолюцій архіереевъ. Матеріаль этотъ всегда добывался изъ подлиныхъ „дѣлъ“, хранящихся въ Синодальномъ архивѣ. Не проиходя самъ изъ духовнаго званія, покойный тѣмъ не менѣе былъ прекраснымъ знатокомъ исторіи русской церкви. Здѣсь слѣдуетъ указать, что А. Н. обладалъ громадной коллекціей портретовъ (свыше 400) русскихъ архіереевъ, большею частію съ ихъ автографами. Среди этихъ портретовъ много было очень рѣдкихъ экземпляровъ, имѣющихъ значительную цѣнность. Въ библіотекѣ А. Н. насчитывалось свыше 500 біографій епископовъ и архіепископовъ съ древнихъ временъ до теперешняго. Все это добывалось изъ рѣдкихъ источниковъ и мемуаровъ.

Кромѣ того покойный извѣстенъ былъ какъ страстный филателистъ, обладавшій большою коллекціей рѣдкихъ экземпляровъ иностранныхъ почтовыхъ и русскихъ земскихъ марокъ. Послѣднія составляютъ особенную цѣнность, такъ какъ покойный занимался филателией около 50 лѣтъ. Какъ археологъ, А. Н. естественно долженъ былъ быть также и нумизматомъ. Дѣйствительно, его коллекція древнихъ монетъ представляетъ не малый интересъ, если не въ количественномъ, то во всякомъ случаѣ въ качественномъ отношеніи. Нѣкоторые же экземпляры монетъ изъ этой коллекціи смѣло можно признать униками. Вообще, покойный обладалъ страстью собирать всякаго рода коллекціи, какъ напримѣръ: этикетокъ съ табаку и папирозъ, бандеролей (русскихъ и иностранныхъ), трамвайныхъ билетовъ (буквально всѣхъ городовъ свѣта), почтовыхъ карточекъ и т. п. Всѣ эти оригинальныя въ своемъ родѣ коллекціи находились въ поразительномъ порядкѣ и строгой классификаціи.

Кромѣ чисто научныхъ трудовъ въ области исторіи, археологіи, географіи и отечествовѣдѣнія А. Н. не чуждъ былъ и беллетристики. Его повѣсти, рассказы и очерки печатались въ журналахъ: „Сѣверѣ“, „Историческомъ журналѣ для всѣхъ І. І. Ясинскаго“, „Родникѣ“, „Нови“, „Иллюстрированномъ мірѣ“, „Всходахъ“, „Зорькѣ“ и въ газетѣ „Виленскій Вѣстникъ“.

Покойный по Виленской 2-й гимназіи былъ моимъ учителемъ. Невзирая на громадную разницу въ лѣтахъ, мы всегда находились другъ съ другомъ въ чисто товарищескихъ отношеніяхъ. Особенно эта дружба окрѣпла, когда, послѣ 15-лѣтней разлуки, мы снова встрѣтились въ Петербургѣ. Гимназисты отъ мала до велика обожали своего добраго, дорогого наставника. Для насъ А. Н. всегда былъ не только учителемъ, но вторымъ отцомъ, умѣвшимъ всякаго

обласкать, утѣшить, дать добрый, полезный совѣтъ, а въ критическую минуту и оказать посильную моральную поддержку.

Это былъ образецъ идеальнѣйшаго педагога, какихъ мнѣ очень рѣдко приходилось встрѣчать.

Николай Ерѣмѣевъ.

Неизданное письмо К. Н. Батюшкова.

Римъ. 13 Января 1821.

Вы безъ сомнѣнія, почтенная Тетушка, извините мое молчаніе, зная, что у меня не много свободнаго времени. Однако же, я не всегда молчалъ: можетъ быть, письма мои, отправленныя по почтѣ, терялись. Это поручено вѣрному человѣку.

Я переведенъ изъ Неаполя въ Римъ, и былъ бы очень доволенъ моимъ положеніемъ, какъ доволенъ моимъ новымъ начальникомъ, если бы здоровье мое исправилось. Но дурное его состояніе мнѣ докучаетъ необыкновеннымъ образомъ. Надѣюсь, что ваше здоровье соотвѣтствуетъ моимъ искреннимъ желаніямъ. Пекитесь о немъ для дѣтей вашихъ, въ число коихъ себя смѣло включаю. Не думайте, чтобы время хотя мало измѣнило мою къ вамъ преданность, основанную на всѣхъ чувствахъ души. Увѣрьте брата, что я никогда не измѣнюсь. Скажите ему, что я желаю его видѣть благополучнымъ и достойнымъ его почтеннаго родителя, въ совершенномъ смыслѣ. Сашу обнимаю также. Началъ ли онъ служить; и скоро ли братъ начнетъ, послѣ отставки. Милаго малютку въ Москвѣ Бога ради не забудьте. Здоровъ ли онъ? Каковъ его пенсіонъ? Имѣетъ ли онъ все нужное. Увѣдомьте меня при случаѣ. Еще просьба усерднѣйшая. Не замедлите доставить мнѣ черезъ посредство Г. Фуссадье (которому я очень обязанъ) 3000 р., изъ моихъ деревень вамъ снова присланныя. Мнѣ деньги становятся очень нужны, и перемѣщеніе изъ города въ городъ при настоящей дороговизнѣ требовало издержекъ.—Но прошу васъ, отпишите Павлу Алексѣеву, что я съ горестію увидѣлъ изъ письма его, что онъ хочетъ наложить еще оброкъ. Зачѣмъ? Развѣ нельзя принять другихъ мѣръ для заплаты небольшого долга въ Ломбардъ? Скажите ему, что я желаю, чтобы на крестьянъ моихъ въ отсутствіи моемъ ничего не налагали, и самъ къ нему и къ нимъ объ етомъ писать буду. Просите лучше моего

племянника, чтобы онъ велъ себя лучше у Г. Кавелина и прилежи́е занимался своей латынью и Греческимъ языкомъ. Кончу мое письмо пожелавъ вамъ душевно всѣхъ благъ и поруча себя снова вашей дружбѣ, вѣрной, постоянной и снисходительной, достойной вашего сердца.

К. Б.

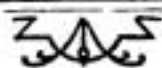
Р. S. О нашихъ новостяхъ вы знаете изъ Газетъ. Миѣ эта глупая революція очень надоѣла. Пора быть умнымъ, то есть покойнымъ. Здѣсь множество русскихъ, и между прочими К. Зенеида, вамъ знакомая. Здѣсь также Г. Толстой Остерманъ.

Это письмо, подлинникъ котораго находится въ Имп. Публичной Библиотекѣ, въ числѣ бумагъ покойнаго Н. К. Шильдера (см. ея Отчетъ за 1903 г., прилож., стр. 155), появляется въ печати впервые. Оно написано на бѣлой бумагѣ большого почтового формата, съ водяными знаками 1817 года; на четвертой страницѣ сургучный оттискъ гербовой печати, которою оно было запечатано, и адресъ:

„Ея Превосходительству Катеринѣ Ѳеодоровнѣ Муравьевой, у Аничкина моста, въ собственномъ ея домѣ, въ С.-Петербургѣ“. Надъ первой строкою письма помѣтка: „Отвечала“.

Извѣстно, чѣмъ была для Батюшкова Е. Ѳ. Муравьева, его названная мать, любившая его какъ родного сына. Упоминаемые въ письмѣ „братъ“ и „его почтенный родитель“—Никита Михайловичъ Муравьевъ и его покойный отецъ Михаилъ Никитичъ, приходившійся Батюшкову двоюроднымъ дядей. Племянникъ—сынъ сестры Батюшкова, бывшей замужемъ за барономъ Гревеницемъ. Кавелинъ—директоръ главнаго педагогическаго института и петербургскаго университета. К. Зенеида—княгиня З. А. Волконская, извѣстная красавица, пѣвица, композиторъ, поэтесса, — „царица музъ и красоты“, какъ назвалъ ее Пушкинъ. Вскорѣ, въ началѣ марта, Батюшковъ писалъ Карамзину, что ему надоѣли итальянскія революціонныя движенія.

Н. Лернеръ.

**Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 3 августа по 14-е октября 1910 г.**

Адамовичъ, Б. Сборникъ военно - историческихъ матеріаловъ Лейбъ-Гвардіи Кексгольмскаго Императора Австрійскаго полка. Томъ I. Часть I и II. Спб. 1910. Тип. Военная. 8° (19×26). XII+406 стр. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 510 экз.

Альтшулеръ, И. М. Значеніе вѣнчанія для брака въ его историческомъ развитіи на Руси. (Докладъ, читанный въ историко-этнографическомъ кружкѣ при Университетѣ Св. Владиміра). Кіевъ. 1910. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×23). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Брусинянъ, В. Поэты-крестьяне—Суриковъ и Дрожжинъ. Библиотека для семьи и школы. М. 1910. Изд. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 24), 2-е. Тип. П. Н. Рябушинскаго (Страстной бульв., соб. д.). 16° (13×19). 77 стр. Съ портр. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 3.600 экз.

Бузескулъ, В. О лекціяхъ В. Ф. Цыха, профессора Харьковскаго Университета въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. Харьковъ. 1910. Тип. „Печатное Дѣло“ (Конторская, Клещевскій 3). 8° (17×26). 7 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Высоцкій, И. И. Очерки по исторіи объединенія Прибалтики съ Россіей (1710—1910 г.). Вып. третій. Православіе. Часть вторая. Рига. 1910. Тип. Нитавскій (Гертрудинская, 14). 8° (15×24). 43 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 1.1000 экз.

Георгіевскій, Г. И. Русское общество въ произведеніяхъ Антона Чехова. Публичная лекція. Пятигорскъ. 1910. Тип. К. К. Кибардина. 8° (14×23). 24 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико - библиографическихъ статей. Часть 5-я. Критика о Пушкинѣ В. Г. Бѣлинскаго. М. 1910. Изд. 3-е. Тип. В. Рихтеръ. 8° (15×28). II+308 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 1.200 экз.

Зоринъ, Н. Минувшее и настоящее Полоцка. (Къ торжеству перенесенія мощей пр. Евфросиніи изъ Кіева въ Полоцкъ). Краткій историческій очеркъ. Полоцкъ. 1910. Тип. Х. В. Клячко. 8° (16×22). 36 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Ильинъ, А. и Толстой, И., гр. Русскія монеты, чеканенныя съ 1725 по 1801 г. Практическое руководство для собирателей. Спб. 1910. Изд.

Картографич. завед. Тип. Бенке (Новый пер., 2). 4° (18×23). XII+128 стр.+ 4 таб. Ц. 4 р. Въсь 31 л. 1.250 экз.

Короленко, Владиміръ. Отошедшіе. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховъ. Спб. 1910. Изд. ред. журн. „Рус. Богатство“. 2-е. Тип. 1-й спб. трудовой артели. 8° (15×23). 122 стр. Ц. 40 к. Въсь 16 л. 5.000 экз.

Лицейскій журналъ. Годъ седьмой. II. Спб. 1910. Тип. Сиріусъ. 8° (16×23). 67—128 стр. Въсь 8 л. 150 экз.

Мейстеръ, Іоганъ. Краткій Очеркъ Русско-Японской войны 1904—1905 г.г. Перевелъ съ нѣмецкаго полк. В. А. Желтышевъ. Варшава 1910. Изд. Кн. скл. при журн. Офицерская Жизнь (Новый Свѣтъ, 69). Тип. Эстетическая (Ново-Велькая, 25). 8° (17×24). 29+1 нен. стр.+1 карта. Ц. 75 к. Въсь 8 л. 2.000 экз.

Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о составленіи свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній. Издали по порученію Юридическаго Факультета Имп. Спб. Унив-тета профессоръ М. Я. Пергаментъ и приватъ-доцентъ баронъ А. Э. Нольде. Спб. 1910. Тип. Р. Т-ва Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (18×27). 64 стр. Въсь 13 л. 600 экз.

Описаніе военныхъ дѣйствій на морѣ въ 37—38 гг. Мейдзи (въ 1904—1905). Составлено морскимъ генеральнымъ штабомъ въ Токио. Томъ второй. Совмѣстныя дѣйствія флота и арміи подъ Портъ-Артуромъ. Перев. съ японскаго А. Воскресенскаго. Спб. 1910. Тип. Морск. Министер. (Гл. Адмиралт.). 8° (18×27). 182 стр. Ц. 1 р. 20 к. Въсь 1 ф. 3.000 экз.

Павловскій, И. Ф. Шведская могила. Историческій очеркъ. Полтава. 1910. Тип. „И. А. Дохманъ“. 8° (16×26). 39 стр. Съ 20 рис. Ц. 25 к. Въсь 6 л. 1.000 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій въ двухъ частяхъ. Спб. 1910. Изд. 3-е (безъ перемѣнъ со 2-го изданія). Тип. М. А. Александрова. (Спб. Надеждинск., 43). 8° (17×22). 492 стр. Складъ: Спб. Итальянская, 31, у Я. Башмакова и К°. Ц. 1 р. 80 к. въ перепл. Въсь 1 ф. 11 л. 30.000 экз.

Русско-японская война 1904—1905 г. Т. IV. Шахэ—Сандену. Доп. къ части второй. Набѣгъ на Инкоу. Спб. 1910. Тип. Тренке и Фюсно (Максим. пер., 13). 8° (19×28). IV+122 стр. Въсь 26 л. 4.050 экз.

Святскій, Д. Крестьянскіе костюмы въ области соприкосновенія Орловской, Курской и Черниговской губерній (Сѣвскій у., Орлов. губ.). Спб. 1910. Изд. Журн. Живая Старина. Тип. М-ва Путей Сообщенія (Фонтанка, 117). 8° (16×27). 15 стр. Въсь 3 л. 100 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая Хрестоматія по исторіи Русской Словесности. Т. I. Вып. 3. Спб. 1910. Изд. Башмакова Я. и К° 3-е (Спб. Итальянская, 31). Тип. Трудъ. (Фонтанка, 86). 8° (17×23). 224 стр. Ц. 80 к. Въсь 26 л. 5.000 экз.

Сумцовъ, Н. Ф., проф. М. М. Автокоольскій. (Изъ XIX т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ память проф. Е. К. Рѣдина). Харьковъ. 1910. Тип. „Печатное Дѣло“ (Конторская, Клещевскій, 3). 8° (18×26). 29 стр. Съ рис. Въсь 5 л. 200 экз.

Толстой, Л. Н. Біографія характеристики, воспоминанія (Жизнь. Личность, творчество). Сборникъ статей: П. И. Бирюкова, В. В. Каллаша, проф. В. Ѳ. Лазурскаго, П. А. Сергѣенка и Н. И. Тимковскаго. („Русская Быль“, серія III). М. 1910. Изд. Т-ва Образованіе (Долгоруков-

ская, 82). Тип. Русск. Тов. (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (17×25) 165 стр. Съ рис. Въсь 1 ф. 4 л. 5.000 экз.

Эсадзе, Семенъ, подполк. Штурмъ Гуниба и плѣненіе Шамиля. Историческій очеркъ Кавказско-горской войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Тифлисъ. 1909. Изд. Военно-Истор. Отд. Тип. Штаба Кавк. Воен. Окр. 8° (18×27). II+208+4 стр.+1 карта. Въсь 30 л. 1.200 экз.

Яковлевъ, П. А. Воспоминанія нижняго чина о Русско-Японской войнѣ. Часть первая и вторая. Спб. 1910. Изд. Яковлева (Гор. стан. каз. ж. дор., Троицкая, 1). Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (16×24). 99 стр. Ц. 50 к. Въсь 11 л. 1.000 экз.

Голубевъ, С. Дополненіе къ одному изъ „Объяснительныхъ параграфовъ по исторіи западно-русской церкви“. (Отъ изъ журн. „Труды Кіев. Дух. Акад.“ 1910 г.). Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 5 стр. Въсь 1 л. 50 экз.

Грабарь, Игорьъ. Исторія русскаго искусства. Вып. 4 Спб. 1910. Изд. I. Кнебель. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×32). 110 стр. Съ 103 рис. Въсь 1 ф. 21 л. 15.000 экз.

Иллюстрированный путеводитель по этнографическому музею Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея. I. Отдѣленіе иностранной этнографіи. П. Дашковскій этнографическій музей. М. 1910. Изд. 2-е. Тип. А. Н. Снегиревой. 8° (15×21). 109 стр. съ рис. Ц. 20 к. Въсь 7 л. 3.000 экз.

Коллекція старыхъ портретовъ и другихъ вещей, переданная въ 1909 году въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Дух. Академіи изъ Кіевского Митрополитскаго Дома. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 13 стр. Въсь 1 л. 100 экз.

Курдиновскій, Захарій Г. Н. В. Гоголь и его творчество. Популярный очеркъ къ 100-лѣтнему юбилею для школъ и самообразования. Въ 2-хъ частяхъ. Кишиневъ—Полтава. 1910. Тип. Епархіальная и И. Я. Фришберга. 8° (16×22). 125+106 стр. Съ портр. Складъ: кн. маг. Г. И. Маркевича, Полтава, Бульваръ Котляревскаго. Ц. 1 р. Въсь 21 л. 1.000 экз.

Ливчакъ, Николай Николаевичъ, прот. Къ исторіи воссоединенія униатовъ Холмской епархіи. Записки и воспоминанія. Вильна. 1910. Изд. И. Н. Ливчака. Тип. Русскій Починъ (Сиротская, 20). 8° (15×23). 160+2 нен. стр. Съ портр. Въсь 16 л. 500 экз.

Орловскій, Е. Гродненская Старина. Часть I. Гор. Гродна. Гродна. 1910. Тип. Губернская. 8° (14×22). 341+2 нен. стр. Съ гравюрами. Ц. 1 р. Въсь 27 л. 1.500 экз.

Сергѣевичъ, В. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Спб. 1910. Изд. 4-е, доп. и испр. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 л., д. 28). 8° (16×24). VIII+666 стр. Ц. 3 р. Въсь 2 ф. 2 л. 2.500 экз.

Соловьевъ, А. Упраздненные монастыри и пустыни Симбирской епархіи. Симбирскъ. 1910. Тип. Токарева. 8° (17×24). 194 стр. Ц. 75 к. Въсь 20 л. 200 экз.

Труды Саратовской Ученой Архивной комиссіи. Выпускъ 26. Саратовъ. 1910. Тип. О-ва Книгопечатниковъ. 8° (18×27). 259+II+94 стр.+4 таб. рис. и плановъ. Въсь 1 ф. 12 л. 750 экз.

Штановъ, Х. Императоръ Александръ II и освобожденіе крестьянъ. Историческій очеркъ. М. 1910. Тип. Т-ва В. Чичеринъ. (Марьинск. уч., соб. д.). 16° (12×19). 95 стр. Ц. 20 к. Въсь 7 л. 3.000 экз.

Баіовъ, А., проф. Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства. Вып. VI. Эпоха Императора Павла I. Спб. 1910. Тип. Скачкова (Итальянская, 16). 8° (17×25). 176 стр. Въсь 20 л. 600 экз.

Барановъ, В. С. Лѣтопись Верхотурскаго Николаевскаго мужскаго общежительнаго монастыря въ связи съ историческимъ сказаніемъ о житіи, чудотвореніяхъ и св. мощахъ св. праведнаго Сумеона, Верхотурскаго Чудотворца. Н.-Новгородъ. 1910. Тип. Н. М. Машистова. 8° (16×23). V+1 неч.+292 стр. Въсь 1 ф. 5.000 экз.

Витмеръ, Александръ. Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ. I. Скобелевъ и его юность. II. Задачи русскаго флота. Спб. 1910. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 16° (12×16). 139 стр. Ц. 45 к. Въсь 3 л. 1.500 экз.

Высоцкія, И. И. Очеркъ по исторіи объединенія Прибалтики съ Россіей (1710—1910 г.г.). Вып. четвертый. Православіе. Часть третья. Рига. 1910. Тип. А. Нитавскаго (Гертрудинская, 14). 8° (16×23). 47 стр. Ц. 30 к. Въсь 6 л. 1.100 экз.

Долговъ, Н. Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ. Очеркъ жизни и опытъ сценической характеристики. Спб. 1910. Изд. Имп. Рус. Театрального Общества. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (17×25). 66 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Въсь 12 л. 1.240 экз.

Зелінскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-біографическихъ статей. Ч. 6. Критика о Пушкинѣ В. Г. Бѣлинскаго. М. 1910. Изд. 3-е. Тип. Вильде (М. Кисловка, с. д.). 8° (16×23). 264 стр. Складъ: Патріаршіе пр., д. Михайлова. Ц. 1 р. Въсь 23 л. 1.200 экз.

Историческая записка о возникновеніи, развитіи и дѣятельности литературно-просвѣтительнаго общества имени Н. В. Гоголя въ Екатеринославѣ 1901—1910 г. Екатеринославъ. 1910. Тип. бывш. братства св. Владимира. 8° (18×22). 28 стр. Съ портр. Въсь 4 л. 500 экз.

Каталогъ антикварнаго книжнаго магазина Ѳ. А. Семенова № 91. Спб. 1910. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (15×22). 16 стр. Въсь 2 л. 1.500 экз.

Каталогъ аукціона монетъ и медалей царствованія Императора Александра I, принадлежащихъ фирмѣ Б. Ф. Конылова. Спб. 1910. Тип. Трейлоба (Лиговская, 117). 8° (16×24). 42 стр. Въсь 6 л. 500 экз.

Каталогъ Н. Соловьева. № 99. Спб. 1910. Тип. Сиріусъ 8° (17×23). 18 стр. Въсь 3 л. 1.000 экз.

Кунцевичъ, Г. Сказаніе о послѣднихъ дняхъ жизни митрополита Макарія (15 Сентября—31 Декабря 1563 года). Спб. 1910. Тип. М. А. Александрова. 8° (18×27). 27 стр. Въсь 6 л. 75 экз.

Лазарева-Бодаева, А. В. Очеркъ 35-лѣтія бакинской Маринской женской гимназій. Баку. 1909. Тип. Т-ва Кавк. Печат. дѣла „Каспій“. 16° (12×18). 35 стр. Въсь 3 л. 500 экз.

Лебедевъ, Александръ. Рукописи Братства Святого Креста въ Саратовѣ. Саратовъ. 1910. Изд. Саратов. Архив. комис. при город. библ. Тип. Союза Печ. Дѣла (Армянская). 8° (17×26). 96 стр. Въсь 11 л. 100 экз.

Лебедевъ, В., свящ. Бортианскій, Турчаниновъ и Львовъ. Публичное чтеніе. Изъ журн. „Гусельки Яровчаты“. 1910. № 1—6. Новгородъ. 1910. Тип. Губернская. 8° (17×25). 26 стр. Ц. 30 к. Въсь 4 л. 250 экз.

Натіевъ, Д. Памяти генерала князя Циціанова, шефа 156 пѣхотнаго елисаветпольскаго полка. Спб. 1910. Изд. В. Березовскаго. Тип. Рус. скоро-

печатня (Екатер. кан., 94). 8° (15×23). 32 стр. Съ 6 рис. Ц. 25 к. Вѣсь 4 л. 2.000 экз.

Орденъ мартинистовъ. Его происхожденіе, цѣли, значеніе и краткій очеркъ его исторіи. Съ предисловіемъ д-ра Папюса. Библіотека мартинистовъ. Вып. 1. Спб. 1910. Тип. „Коммерческая“ (Лиговская, 97). 16° (15×21). 31 стр. Съ 1 рис. Вѣсь 4 л. 2.000 экз.

Побилевскій, Н. Дневникъ Артурца. 27 Янв.—22 Дек. 1904. Спб. 1910. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×25). 108 стр. Вѣсь 11 л. 200 экз.

Титовъ, Ѳ. И., прот. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви. Вып. IX. Кіевъ. 1910. Тип. „Петръ Барскій“ (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 25 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 3 л. 100 экз.

Товянскій. Хроника боевыхъ дѣйствій 8 пѣхотнаго Сибирскаго Томскаго полка въ войнѣ съ Японіей 1904—1905 гг. Для нижнихъ чиновъ. Томскъ. 1910. Тип. Спб. Т-ва Печатнаго дѣла. 16° (12×17). 60 стр. Вѣсь 4 л. 1.000 экз.

Чтенія въ Историческомъ О-вѣ Нестора-лѣтописца. Издавъ подъ ред. Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы. Книга 21. Вып. III. Кіевъ. 1910. Тип. Т. Г. Мейландера (Пушкинская, 20). 8° (18×27). 85—110+7+16+2+111 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 17 л. 400 экз.

Чтенія въ церковно-историческомъ и археологическомъ обществѣ при Кіевской духовной Академіи. Вып. X. Кіевъ 1910. Тип. Акц. О-ва „Петръ Барскій“ (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 152 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 14 л. 300 экз.

Содержаніе: Къ матеріаламъ для исторической топографіи Кіева. † Прот. Петра Лебединцева. — О духовныхъ драмахъ св. Дмитрія Ростовскаго (къ 200-лѣтію его кончины). Н. И. Петрова. — Вѣтхій завѣтъ и его непреходящее значеніе въ христіанской Церкви (по поводу древнихъ и современныхъ литературныхъ и общественныхъ теченій противъ общепринятаго значенія и употребленія христіанами ветхозавѣтныхъ священныхъ писаній, св. А. А. Глаголевъ. — „Церковно-археологическій музей С.-Петербургской Духовной Академіи“, проф. Н. В. Покровскаго (С.-Петербургъ, 1909 г.). Н. И. Петрова. А. И. Успенскій. Очерки по исторіи русскаго искусства. Изъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ въ 1908—9 акад. году. Т. 1-й. Русская живопись до XV вѣка вкл. Москва. 1910 г. стр. 1—VI+1—471+1—LXXI. В. Прилуцкаго. Коллекція старыхъ портретовъ и другихъ вещей, переданная въ 1909 г. въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Дух. Академіи изъ Кіевского Митрополитанскаго Дома. Н. И. Петрова.

Ахмаровъ, Гайнетдинъ. Отчетъ о поѣздкѣ съ археологическою цѣлью лѣтомъ 1909 г. въ Свіяжскій и Тетюшскій уѣзды, Казанской губерніи. Казань. 1910. Изд. Совѣта общества археологін. Тип. Университета. 8° (17×25). 12 стр. Вѣсь 2 л. 50 экз.

Бѣлецкій, А. Е. К. Рѣдинъ, какъ историкъ Визавтійскаго искусства. (Изъ XIX т. сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго общества въ память проф. Е. К. Рѣдина). Харьковъ. 1910. Тип. Печати Дѣло (Конторская, Клещевск., 3). 8° (17×26). 27 стр. Вѣсь 4 л. 200 экз.

Гревсъ, Н. М. Къ теоріи и практикѣ „Экскурсій“, какъ орудія научнаго изученія исторіи въ университетахъ. Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8° (16×24). 48 стр. Вѣсь 8 л. 100 экз.

Дьяковъ, Н. К. Народнымъ героямъ. Севастопольская эпопея.

1854—1855 г.г. Къ статьямъ г. Леонидова (Л. П. Пезелли): „Корпусъ арміи и флота, какъ живой памятникъ обороны Севастополя“, напечатаннымъ въ „Крымскомъ Листкѣ“. Севастополь. 1910. Изд. А. Н. Данилова. Тип. Н. Ковалева. 8° (12×27). 50 стр. Съ рис. Вѣсъ 6 л. 500 экз.

Козьминъ, Н. Н. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб. 1911. Тип. Печатный трудъ (Надеждин., 38). 8° (16×24). VI+266 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 30 л. 1.500 экз.

Краткій очеркъ пятидесятилѣтія Полтавской Маріинской Женской гимназіи. Полтава. 1910. Тип. Н. А. Дохманъ. 8° (18×25). 13 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Мансуровъ, Сергѣй. Царь Іоаннъ Грозный, какъ государственный дѣятель западнаго типа. Харьковъ. 1910. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15×24). 40 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Матеріалы для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленіямъ 1-го департамента Правительствующаго Сената, хранящимся въ Сенатскомъ архивѣ. 1797—1825 г.г. 1. А. Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8° (18×26). 202 стр. Вѣсъ 29 л. 300 экз.

Отчетъ Годовой Высочайше утвержденнаго Особаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года. За второй 1909—10 г. М. 1910. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (17×24). 106+1 нев. стр. Вѣсъ 13 л. 600 экз.

Памятники древне-русскаго искусства. Вып. III. Текстъ составилъ В. В. Сусловъ. Спб. 1910. Изд. Академіи Художествъ. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (30×40). 38 стр.+7 табл. рис. Ц. 10 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 600 экз.

Панкратьевъ, Г. А. Историческіе памятники г. Самарканда. Самаркандъ. 1910. Тип. Т-ва Б. Газаровъ и К. Сліяновъ. 8° (18×26). 21 стр. и 1 планъ. Ц. 45 к. Вѣсъ 5 л.

Плотниковъ, К. Исторія и обличеніе русскаго сектантства. Выпускъ I. Введеніе. Исторія и разборъ ученія русскыхъ мистическихъ сектъ. Спб. 1910. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ переул., 4). 8° (16×32). 132+III стр. Ц. 70 к. Вѣсъ 13 л. 1.000 экз.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. Ч. I. М. 1910. Изд. 7-е. Тип. т-ва Печать С. П. Яковлева (Салтыковск. пер., 9). 8° (15×22). 406+II стр. Складъ: кн. маг. Н. П. Карбасникова. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 6.000 экз.

Синягинъ, Н. К. Императоръ Александръ Благословенный и его эпоха. Вып. I. Портреты. Историческія картины и виды памятниковъ. Сатирическія изображенія. Спб. 1910. Изд. Синягина. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (28×37). XVI+135 стр.+1 портр.+1 планъ. Вѣсъ 4 ф. 125 экз.

Соболевскій, А. Холмская Русь въ этнографическомъ отношеніи. Харьковъ. 1910. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (16×23). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 800 экз.

Хомяковъ, М. М. Къ вопросу о подземныхъ ходахъ гор. Казани. Казань. 1910. Изд. Совѣта общества археологін. Тип. Университета. 8° (16×24). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Шаровольскій, И. Гоголь среди великихъ юмористовъ новаго времени. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Императорскаго университета св. Владиміра 10 апрѣля 1909 г. Кіевъ 1910. Тип. акад.

о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов., 6). 8° (17×25). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз. .

Александровскій, Г. В. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. 1-й. Введеніе въ исторію новѣйшей русской литературы. 2) Вѣлинскій, 3) Тургеневъ, 4) Гончаровъ, 5) Островскій, 6) Некрасовъ. Кіевъ. 1910. Изд. 7-е. Тип. 1-й арт. Печат. Дѣла (Трехсвятител., 5) 8° (18×27). VIII+212 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 29 л. 5.000 экз.

Байб, К. Исторія искусствъ. Перев. подъ ред. и съ прибавл. главы о русскомъ искусствѣ профессора университета св. Владиміра Г. Г. Павлуцкаго. Кіевъ. 1910. Изд. С. В. Кульженко, 2-е, испр. и доп. (Пушкинская, 4). 4° (19×28). IV+437 стр. Съ рис. и 36 таб. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 6 л. 2.000 экз.

Библиотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. Т. IV. Спб. 1910. Изд. и тип. Брокгаузъ-Эфронъ (Прачешный, 6). 8° (20×28). 560+LXXIX стр. Съ рис. и таб. Вѣсъ 5 ф. 10.000 экз.

Игнатьевъ, А., свящ. Церковно-правительственныя комиссіи по исправленію богослужебнаго пѣнія русской церкви во второй половинѣ ХУП вѣка. Казань. 1910. Изд. духовной академіи. Тип. Центральная. 8° (16×24). 47 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Князьковъ, С. А. и Сербовъ, Н. И. Очерки исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ Александра I. Подъ ред. С. В. Рождественскаго. М. 1910. Изд. „Полюза“, Антикъ и К° (Тверская, Козницкій п., 2). Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ п., св. д.). 8° (16×23). IV+240 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 7.000 экз.

Легатовъ, Илія, прот. Богъ Новый вариантъ оды Державина. Съ предисл. Архангельскъ. 1910. Тип. С. М. Павлова. 8° (14×19). 20 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Макарій, митрополитъ. Исторія русской церкви. Томъ XII. Патриаршество въ Россіи. Книга III. Спб. 1910. Изд. 2-е, А. Булгакова. Тип. Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигор., 11). 8° XXVI+792 стр. Съ портр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 600 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. V. М. 1910. Изд. Товарищ. „Образованіе“ (3-я Тверская-Ямская, д. Ларіонова). Тип. „Русскаго Товарищества“ (Чистые пруды, св. д.). 4° (25×35). 129—249 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 21 л. 5.000 экз.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ 1-й. Гоголь. Спб. Изд. 3-е т-ва Общ. польза и книгоизд. Прометей (Поварской, 10) Тип. Обществ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (16×24). 196 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 4.000 экз.

Отчетъ Этнографическаго отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III за 1909 г. Спб. 1910. Тип. Розена (Театральная пл., 2). 4° (23×39). 39 стр. Вѣсъ 15 л. 100 экз.

Поселянинъ, Е. Русскіе подвижники 19 вѣка. Спб. 1910. Изд. 3-е доп. И. Л. Тузова (Гостинный дв., 45). Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8° (17×25). 568+6 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 9 л. 4.000 экз.

Руссобтовскій, М. Историческое освѣщеніе Финляндскаго вопроса. Спб. 1910. Тип. Родникъ (Невскій, 88). 8° (17×25). 198 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 20 л. 1.200 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. II, вып. 2-й. Русская литература начала XIX вѣка. Спб.

1910. Изд. Я. Башмакова и К^о, 2-е. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (17×23). VIII+189 стр. Ц. 75 к. Въсь 22 л. 3.000 экз.

Спицынъ, А. Археологическія раскопки. Спб. 1910. Изд. Археологической Комиссiи. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (18×24). 125 стр. Съ 154 рис. Въсь 27 л. 800 экз.

Стефановичъ, Дм., свящ. О значеніи стоглава въ исторіи древне-русскаго церковнаго права. Огд. огт. журн. „Христіан. чтеніе“ 1910 г. Спб. 1910. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (16×24). 8 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Бенеманскій, Михаилъ. Душевная грамота вдовы Федосьи. Казань. 1910. Изд. Совѣта общ. археол. при унив. Тип. Университетская. 8° (17×25). 12 стр. Въсь 2 л. 100 экз.

Благовѣщенскій, С. И. Къ библиографіи Олонецкой губерніи. (Критическій очеркъ). Петрозаводскъ. 1910. Тип. Олонецкая губернская. 16° (10×16). 29 стр. Въсь 2 л. 70 экз.

Веселовскій, Юрій. Литературные очерки. Томъ I. М. 1910. Изд. 2-е, автора (В. Камен. мостъ, д. Куракиныхъ). Тип. Ф. А. Бурче (Тверск. б., 60). 8° (17×25). 545 стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 1 ф. 27 л. 1.500 экз.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVIII вв. Отдѣльный оттискъ изъ изданія „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“. М. 1910. Тип. Русск. Т-ва (Мыльниковъ пер., соб. д.). 4° (25×33) 95 стр. Въсь 1 ф. 2 л. 200 экз.

Исаевъ, А. А. Графъ Л. Н. Толстой какъ мыслитель. Спб. 1910. Изд. Кн. маг. А. Ф. Цинзерлинга. Тип. Шредера (Спб., Гороховая, 42). 8° (17×20). VI+249 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 26 л. 1.210 экз.

Орловскій, Петръ, прот. Церковно-археологическая замѣтка. (Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ 1910 г.). Кіевъ. 1910. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 7 стр. Въсь 1 л. 50 экз.

Покровскій, В. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1910. Изд. 3-е. Тип. Г. Лясснера и Д. Собко (Воздвиж., Крестовоздвиж., 9). 8° (16×25). VII+411 стр. Адр. склада: Кн. маг. Спиридонова (Столешниковъ, д. Лиозова). Ц. 75 к. Въсь 1 ф. 7 л. 6.000 экз.

Покровскій, Н. В., проф. Очерки памятниковъ христіанскаго искусства п иконографіи. Спб. 1910. Изд. Археологич. Института, III-е. Тип. Синодальная. 4° (21×28). XIII+450 стр. Съ 236 рис. Въсь 3 ф. 1.200 экз.

Покровскій, Н. В., проф. Памятники Христіанской архитектуры, особенно русскіе. Спб. 1910. Изд. Археологич. Института. Тип. Синодальная. 4° (21×28). 81 стр. Съ рис. Въсь 21 л. 1.200 экз.

Пучковъ, С. В. Къ характеристикѣ доктора Э. П. Гааза. М. 1910. Изд. Московск. Городск. Склада Учебн. пособій, 2-е. Тип. Городская. 16° (11×17). 48 стр. Съ рис. Въсь 3 л. 2.450 экз.

Пятницкій, М. Историческая записка о новгородскомъ духовномъ училищѣ (по поводу столѣтняго существованія). Новгородъ. 1910. Тип. Губернская. 8° (16×24). 31 стр. Въсь 5 л. 500 экз.

Русско-Японская война 1904—1905. Т. III. Ляоянскій періодъ. Ч. I. Обстановка въ первыхъ числахъ іюля. Іюльскіе бои. Перерывъ военныхъ дѣйствій въ періодъ дождей. Ч. II. Отъ возобновленія военныхъ дѣйствій

10 августа до сосредоточенія русской арміи къ Ляоянскимъ позиціямъ 16 августа 1904 г. Спб. 1910. Изд. Воен. Истор. комиссіи. Тип. Т-во худож. печати (Ивановская, 14). 8° (19×28). XV+449+320 стр. Въсь 4 ф. 26 л. 3.000 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 г. Т. III. Ляоянскій періодъ. Ч. III. Ляоянское сраженіе и отступленіе русской арміи къ г. Мукдену. Спб. 1910. Изд. Воен.-истор. комиссіи. Тип. Т-во худож. печати (Ивановская, 14). 8° (19×28). IX+455 стр. Въсь 2 ф. 27 л. 3.000 экз.

Свѣчинъ, Александръ. Русско-Японская война 1904—05 г.г. По документальнымъ даннымъ труда военно-исторической комиссіи и другимъ источникамъ. Спб. 1910. Изд. Уфич. стрѣлков. школы. Тип. Розена (Театральная пл., 2). 8° (17×25). VIII+387 стр. Съ 48 черт. Въсь 1 ф. 30 л. 3.100 экз.

Симони, Павелъ (собралъ, приготовилъ къ изданію и снабдилъ вводною статьею). Мьстиславово Евангеліе начала XII вѣка въ археологическомъ и палеографическомъ отношеніяхъ. I. Вводная статья. Спб. 1910. Изд. общ. любит. древн. письмен. Тип. Александра (Надеждинская, 43). 8° (37×57). 46 стр. Съ рис. Въсь 2 ф. 12 л. 600 экз.

Симони, Павелъ (собралъ и приготовилъ къ изданію). Собраніе изображеній окладовъ на русскихъ богослужебныхъ книгахъ XII—XVII столѣтій. Вып. I. Древнѣйшіе церковные оклады XII—XIV столѣтій. Спб. 1910. Изд. общ. любит. древн. письмен. Тип. Александра (Надеждинская, 43). Листъ (46×63). 7 стр.+3 рис. Въсь 1 ф. 9 л. 600 экз.

Симоновъ, И. С. Кавелинъ-учитель. (Къ 25-лѣтію со дня смерти: 3 мая 1885 г.—3 мая 1910 г.). Спб. 1910. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (16×25). 33 стр. Въсь 5 л. 230 экз.

Синайскій, Павелъ, прот. Историческій очеркъ Рижскаго Кафедральнаго собора. Рига. 1910. Тип. Г. Гемпель и К° (Крѣпостная, 7). 8° (14×21). 149 стр. съ рис. Ц. 50 к. Въсь 13 л. 1.000 экз.

Шереметевъ, Павелъ, гр. Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. 1752—1831. Спб. 1910. Тип. Голике и Вильборгъ. 8° (17×25). 257 стр. Съ 7 рис. Въсь 2 ф. 5 л. 400 экз.

Алавердянцъ, М. Я. Тестъ А. С. Грибоѣдова—Князь Александръ Чавчавадзе—въ характеристикѣ армянскаго историка. Отд. отт. изъ „Русской Старины“, 1910 г., № IX. Спб. 1910. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×24). 8 стр. Въсь 2 л. 200 экз.

Барацъ, Г. М. Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей. Возстановленіе текста, переводъ, комментарій и сравненіе съ другими правовыми памятниками, въ частности съ Русскою Правдою. Кіевъ. 1910. Тип. 1-й Кіев. артели печ. дѣла (Трехсвятительск., 5). 8° (17×25). XII+265 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 3 л. 1.000 экз.

Бѣлогорскій Свято-Николаевскій православно-миссіонерскій мужской общежительный монастырь (въ Осинскомъ уѣздѣ, Пермской епархіи). М. 1910. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., соб. д.). 8° (15×23). 101 стр. Съ рис. Въсь 9 л. 5.000 экз.

Деммени, М. Г. Указъ 1698 года о чеканкѣ бородовыхъ знаковъ. Спб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (19×27). 5 стр. Въсь 4 л. 150 экз.

Записки Нумизматическаго отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества, издаваемая подъ ред. М. Г. Деммени. Т. II, вып. I и II.

Спб. 1910. Изд. Рус. Археолог. Общества. Тип. В. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (20×29). 271 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 30 л. 580 экз.

Кіевъ въ восьмидесятихъ годахъ. Воспоминанія старожила. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 211 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 20 л. 2.000 экз.

Кобловъ, Я. Миеология казанскихъ татаръ. Казань. 1910. Тип. Казанскаго университета. 8° (17×25). 49 стр. Вѣсь 5 л. 50 экз.

Кулишъ, П. А. Сочиненія и письма. Подъ ред. И. Каманина. Томъ 5-й. Кіевъ. 1910. Изд. А. М. Кулиша. Тип. Т. Г. Мейндера (Пушкинская, 20). 8° (16×24). 396+37 стр. Съ портр. Складъ: Кн. маг. „Украина“, Кіевъ, Безаковская, 8. Вѣсь 1 ф. 12 л. 300 экз.

Лебедевъ, Александръ. Матеріалы для исторіи Раскола въ Поволжьи. Краткій очеркъ исторіи Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей. Саратовъ. 1910. Изд. Ред. „Духовнаго Вѣстника“. Тип. союза печатнаго Дѣла (Армянская ул.). 8° (15×22). 37 стр. Вѣсь 3 л. 120 экз.

Лобода, А. М., проф. Лекціи по народной словесности. Кіевъ. 1910. Изд. Студ. ист. филолог. фак. Ун. св. Влад. Тип. К. В. Андрусича (Крещатикъ, 36). 8° (17×23). 119 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 13 л. 250 экз.

Ломоносовъ, И. А. С. Хомяковъ. Гжатскъ. 1910. Тип. Г. Н. Подосѣкова. 8° (14×20). 7 стр. Вѣсь 1 л. 200 экз.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Т. II. И. С. Тургеневъ. Спб. 1910. Изд. 3-е и тип. „Обществ. Польза“ (Б. Подъячская, 39). 8° (16×23). 271 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 29 л. 4.000 экз.

Перотцъ, В. Н. Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы и палеографіи. Критико-библиографическій обзоръ. Вторая серія. XV—XXV. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов., 6). 8° (18×25). 42 стр. Вѣсь 5 л. 200 экз.

Разумовскій, В. И. Къ исторіи Университетовъ и медицинскихъ факультетовъ. Саратовъ. 1910. Изд. Ред. Извѣстій Николаев. Унив. Тип. Союза печатнаго дѣла. 8° (17×25). 2+46 стр. Вѣсь 7 л. 100 экз.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Томъ XVI. Юрьевъ. 1910. Тип. К. Маттисева. 8° (17×24). 265 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 28 л. 425 экз.

Сергѣевичъ, А. М. Ю. Лермонтовъ. Литературная характеристика. (Безпл. прил. къ „Современному Журналу“ № 6. Іюнь 1910 г.). Критико-библиографическая бібліотека. Спб. 1910. Изд. 2-е. Тип. К. А. Четверикова (Караван., 7). 16° (13×19). 16 стр. Вѣсь 2 л.

Сергѣевичъ, А. Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и литературная дѣятельность. Критико-библиографическая бібліотека. (Безпл. прилож. къ „Современ. Журн.“ № 5 за 1910 г.). Спб. 1910. Изд. 9-е. Тип. К. А. Четверикова (Караван., 7). 8° (14×20). 23 стр. Вѣсь 3 л.

Татищевъ, С. С. Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Томъ первый. Спб. 1911. Изд. и тип. А. С. Суворина, 2-е. 8° (21×31). XVШ+496 стр. Съ 28 рис. Ц. за 2 т. 12 р. Вѣсь 5 ф. 15 л. 3.100 экз.

Труды Вятской ученой Архивной Коммисіи. Вып. 1. Вятка. 1910. Тип. Губернская. 8° (16×24). 15+128+96+31+VIII стр. Вѣсь 23 л. 350 экз.

Ассоновъ В. Нѣкоторые черты изъ жизни и дѣятельности православнаго духовенства Калужской епархіи въ началѣ 19 вѣка. Изъ памятной книжки Калужской губерніи. Калуга. 1910. Тип. Губернская. 8° (18×25). 25 стр. Вѣсь 3 л. 200 экз.

Вестужевъ-Рюминъ, К. О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святѣмъ, о сыновьяхъ его и монастырѣ Печерскомъ. Спб. 1910. Изд. 11-е, и тип. „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (16×24). 44 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 5.000 экз.

Богословскій, И. Описаніе иконъ, хранящихся въ Ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей. Ростовъ-Ярославскій. 1909. Тип. С. П. Сорокина. 8° (16×24). 118 стр. Вѣсь 9 л. 1.000 экз.

Веригинъ, Е. А. Новоторжскій воскресенскій женскій монастырь. Историческій очеркъ. Тверь. 1910. Изд. Тверск. Учен. Архивн. Комис. Тип. Н. М. Родионова (Трехсвятск., д. Шиканова). 8° (16×25). 82+2 стр. съ рис. Вѣсь 9 л. 1.000 экз.

Грабарь, Игорьъ. Исторія Русскаго Искусства. Томъ II. Донетровская эпоха (Москва и Украина). Вып. V. Спб. 1910. Изд. I. Кнебель.—Москва. Тип. Р. Голке (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 112 стр. Съ 77 рис. Вѣсь 1 ф. 17 л. 15.000 экз.

Духовской, Владиміръ, свящ. Прошлое и настоящее Успенской Колмовской церкви Новгородской Епархіи по поводу 600-лѣтія со времени устройства и ея освященія. Новгородъ. 1910. Тип. Губернская 8° (16×27). 16 стр. Съ 4 рис. Вѣсь 4 л. 1.000 экз.

Жуковичъ, П., проф. Сеймовая борьба православнаго западнаго русскаго дворянства съ церковной уніей. Вып. V (1625—1629 гг.). Спб. 1910. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (16×24). VII+199 стр. Вѣсь 31 л. 150 экз.

Завалишинъ, Д. И. Записки декабриста. Спб. 1910. Изд. 2-е, русское изданіе. Тип. Т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 лин., собств. домъ). 8° (18×25). 464 стр. и 2 портр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 26 л.

Истоминъ, Д. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Краткая біографія съ портретомъ. Спб. 1910. Изд. Н. С. Аскарханова. Тип. Т-во Обществ. Польза (Б. Подъяческая, 839). 8° (14×19). 15 стр. Ц. 5 к. Вѣсь 1 л. 3.000 экз.

Кирионъ, еп. Культурная роль Иверіи въ исторіи Руси. Тифлисъ. 1910. Изд. автора. Тип. К. П. Козловскаго (Голов. пр., 12). 8° (15×22). 448 стр. Складъ: О-во распр. грамотн. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 11 л. 2.020 экз.

Косиенко, Н. И. Первая русско-турецкая семилѣтняя война. Чигиринскіе походы 1677—1678 г.г. Спб. 1910. Изд. В. Березовскаго. Тип. Рус. скоропечатня. (Екатер. кан., 94). 8°. (14×19). 94 стр. Съ 4 рис. Ц. 75 к. Вѣсь 12 л. 1.050 экз.

Ласковскій, В. П. Путеводитель по Новгороду. Посobie при обзорѣнн города и его ближайшихъ окрестностей, его святынь и древностей. Новгородъ. 1910. Изд. Общества любителей древностей. Тип. Губернская. 16° (12×19). 2+273 стр.+11 рис. и 1 карт. Вѣсь 22 л. 1.500 экз.

Линева, Е. Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Вып. II. Пѣсни Новгородскія. Текстъ подъ ред. Ѳ. Е. Корша. Спб. 1909. Изд. Типогр. Импер. Ак. Наукъ. 8° (21×29). LXXVIII+65 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50. Вѣсь 29 л. 2 232 экз.

Лицейскій журналъ (на правахъ рукописи). Годъ седьмой 1909—1910. Вып. IV Спб. 1910. Тип. Сириусъ (Соляной, 7). 8° (16×23). 183—240 стр. Вѣсь 8 л. 150 экз.

Лѣтопись Вознесенской церкви слободы Казацкой, Старооскольскаго

уѣзда, Курской губерніи. Спб. 1910. Тип. Алекс.-Невскаго общества трезвости (Обводн. к., 116). 8° (15×21). 38 стр. Вѣсь 4 л. 200 экз.

Любавскій, М. К., проф. Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства до Люблинской униі включительно. Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ М. 1910. Изд. Общ. ист. и древн. россійск. Тип. Синодальная 8° (19×29). 2 нец.+376+2+2 нец. стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 25 л. 1.400 экз.

Михайловъ, Дм. Дм. Курсъ устной народной словесности и хрестоматія. Спб. 1910. Тип. Т-ва А. Ф. Марксъ (Измайл. пр., 29). 8° (17×25). VII+94+159+VI стр. Скл.: Книжн. маг. „Учебное Дѣло“. Пет. ст., Больш. пр., 6. Ц. 90 к. Вѣсь 26 л. 5.000 экз.

Новосадскій, Н. И. Экскурсія слушателей Московскаго Археологическаго Института на мѣста древне-греческихъ колоній сѣвернаго побережья Чернаго моря въ іюль—августъ 1910 года. М. 1910. Тип. А. И. Снегиревой (Остоженка, Савельевскій пер., с. д.). 8° (17×25). 16 стр. Вѣсь 5 л. 300 стр.

Обновленскій Н. Трехсотлѣтіе осады Троице-Сергіевой Лавры поляками (12 января 1610 года—12 января 1910 года). Галичъ. 1910. Тип. Г. В. Драмцельманъ. 8° (16×22). 44 стр. Вѣсь 5 л. 200 экз.

Покровскій В. И. Антиохъ Дмитриевичъ Кантемиръ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1910. Изд. 2-е. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. пер., 9). 8° (16×25). 2 нец.+164 стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова (Тверская, Столешниковъ пер., д. Ланозова). Ц. 50 к. Вѣсь 16 л. 2.400 экз.

Полторацкая, Э. С. Русскій Историческій Календарь на 1911 годъ. Спб. 1910. Изд. и тип. Отто Кирхнера. (Б. Пушкарская, 14, 16, 18). 8° (15×23). 365 стр. Съ рис. Вѣсь 1 ф. 24 л. 10.000 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 79. Дневники частей XIV арм. корпуса. Спб. 1910. Изд. Военно-Истор. Ком. Гл. Упр. Генер. Шт. Тип. Альтшулера (Фонтанка, 96). 8° (20×19). 225 стр. Вѣсь 1 ф. 20 л. 1.210 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканск. полуостровѣ. Вып. 83. Документы дѣятельности тыловыхъ учрежденій арміи съ 1 по 31 Авг. 1877 г. Спб. 1909. Изд. Воен.-истор. комиссіи Гл. Упр. Ген. Штаба. Тип. Ныркина (Изм. полкъ, 7 рота, 13). 8° (19×28). XXXIV+397 стр. Вѣсь 2 ф. 19 л. 1.210 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 96. Отчетъ по интендантской части. Спб. 1910. Изд. Воен.-Истор. комис. Глав. Упр. Генер. Штаба. Тип. Ныркина (Измайл. полкъ, 7 рота, 13). 8° (20×28). XIII+563 стр. Вѣсь 3 ф. 22 л. 1.200 экз.

Стеблевъ, А. П. Очерки культурной исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія). М. 1910. Изд. Кнебея. Тип. А. А. Левенсонъ (Мамоновск п., с. д.). 8° (17×24). 410 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсь 1 ф. 14 л. 2.000 экз.

Александровскій, Н. Актеръ А. Е. Мартыновъ. Жизнь и сценическая дѣятельность. Одесса. 1910. Тип. Одесск. Листка (Ланжероновск.). 16° (12×17). 28 стр. Съ портр. Ц. 15 к. Вѣсь 2 л. 400 экз.

Великая реформа 19 февраля. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Томъ I (Истори-

ческая коммиссія учебнаго отдѣла о. р. т. з. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета). М. 1910. Изд. и тип. т-ва Н. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (22×29). XVI+260+2 нен. стр. Съ рис. Вѣсь 3 ф. 17 л. 3.000 экз.

Грушевскій, Мих., проф. Кіевская Русь. Т. I. Введеніе. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства (Извлеченіе изъ 2-го украинскаго изданія). Спб. 1911. Тип. Алениной (Мойка, 54). 8° (18×26). VI+490 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 30 л. 1.500 экз.

Записки Московскаго Археологическаго Института, издаваемые подъ ред. А. И. Успенскаго. Томъ II. М. 1910. Изд. Иером. Іоакима. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 4° (28×37). 402+18 стр.+58 отд. лист. рис. Ц. 40 р. Вѣсь 7 ф. 24 л. 600 экз.

Ивановскій, Н. П. Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ рационалистическихъ и мистическихъ. Часть I. Исторія раскола. Казань. 1910. Изд. Казанской Духовной Академіи, 8-е. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16×25). 272+IV стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсь 24 л. 1.200 экз.

Макшеевъ, Ѡ. А. Къ 50-лѣтію "Военнаго сборника". (Оттискъ статей, напечатанныхъ въ №№ 4—6—11 Воен. сборника за 1908 годъ). Спб. 1910. Изд. Редакц. журн. Воен. сборникъ. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×24). 109 стр. Вѣсь 10 л. 150 экз.

Масловскій, С. Д. Библіотека Императорской Николаевской академіи. Систематическій указатель книгъ (1832—1910). Вып. III. Военное искусство. Спб. 1910. Тип. Бережливость (Невскій, 139) и Скачкова (Итальянская, 16). 8° (18×28). VI+570 стр. Вѣсь 4 л. 500 экз.

Миллеръ, Орестъ. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи. Томъ III. С. Т. Аксаковъ, П. И. Мельниковъ, А. Н. Островскій. Спб. 1910. Изд. 5-е и тип. т-ва М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 лин., с. д.). 8° (15×23). 388 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 21 л. 3.000 экз.

Набиркинъ, Н. А. Свѣдѣнія объ историческомъ развитіи г. Екатеринослава. Къ открытію Областной Южно-Русской Выставки въ Екатеринославѣ. Екатеринославъ. 1910. Тип. Бывш. Бр-ва Св. Владимира. 8° (17×25). 18 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 2.000 экз.

Овсяный, Военныя дѣйствія въ Китаѣ. 1900—1901 г.г. Часть II и III. Спб. 1910. Тип. Военная (въ зданіи Главн. Штаба). 8° (19×28). VIII+259 съ картой+VII+300 стр. Вѣсь 4 ф. 3 л. 500 экз.

Отчетъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей съ 14-го ноября 1907 г. по 14-е ноября 1909 г. Одесса. 1910. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (16×24). 42 стр. Вѣсь 5 л. 200 экз.

П. И. В. А. Бѣлинскій и религиозные вопросы. Спб. 1910. Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К° (Английскій пр., 28). 16° (11×18). 38 стр. Вѣсь 3 л. 100 экз.

Павловскій, И. Ф. Каталогъ музея Полтавской битвы на Шведской могилѣ. Полтава. 1910. Тип. И. А. Дохманъ. 8° (17×25). 34 стр. Ц. 15 к. Вѣсь 4 л. 600 экз.

Платоновъ, С. Ф., проф. Лекціи по Русской Исторіи. Издавъ П. Бляновъ. Спб. 1910. Изд. VII. И. А. Блинова (Сергіевская, 75, кв. 3). Тип. Сенатская. 8° (17×24). 664 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 13 л. 4.500 экз.

Повѣсть временныхъ лѣтъ—по Лаврентьевскому списку. Спб. 1910.

Изд. Археографич. комиссіи. Тип. Александра (Надеждинская, 43). 8° (18×25). XV+274+24 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 2.000 экз.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. XIII. Спб. 1910. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ. 8° (16×25). 202 стр.+1 таб. Вѣсъ 26 л. 790 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Т. I. Событія на Дальнемъ Востока, предшествовавшія войнѣ, и подготовка къ этой войнѣ. Спб. 1910. Изд. Воен.-истор. комиссіи по описанію войны 1904—1905 г.г. Тип. А. Суворина (Эртел. пер., 13). 8° (20×29). XIII+857 стр. и 3 карты. Вѣсъ 5 ф. 20 л. 4.055 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Томъ IV. Шахэ—Сандепу. Части 1 и 2. Сраженіе на р. Шахэ и зимній періодъ кампаніи и сраженіе у Сандепу. Спб. 1910. Изд. Воен.-истор. комиссіи по описанію войны 1904—1905 г.г. Тип. А. Суворина (Эртел. пер., 13). 8° (20×29). 507+536 стр. Вѣсъ 6 ф. 16 л. По 4.055 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Томъ VI. Сыпингайскій періодъ. Спб. 1910. Изд. Воен.-истор. комиссіи по описанію войны 1904—1905 г.г. Тип. А. Суворина (Эртел. пер., 13). 8° (20×29). X+664 стр. Вѣсъ 4 ф. 5 л. 4.055 экз.

Рыстевко, А. В. Рукописи, принадлежащія библиотекъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I. Рукописи церковно-славянскія и русскія, документы и письма. Одесса. 1910. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×28). 88 стр. Вѣсъ 15 л. 150 экз.

Семеновъ, В. л. Расплата. Трилогія. 1. Портъ-Артуръ и походъ 2-й эскадры. Спб. 1910. Изд. 2-е и тип. Т-во М. О. Вольфъ (В. О., 16 линія, св. д.). 8° (16×23). 420+IV стр. Съ портр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 3.000 экз.

Словарь литературныхъ типовъ. Вып. VI. Грибоѣдовъ. Спб. 1910. Тип. Энергія (Загородный, 17). 8° (17×26). 114 стр. Складъ: Тверская, 14. Ц. 1 р. Вѣсъ 15 л. 5.000 экз.

Фарфоровскій, С. Кобзари на Кубани. (Изъ XIX т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ память проф. Е. К. Рѣдина). Харьковъ. 1910. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевск., 3). 8° (18×26). 7 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Чувскій, И. А. Къ Исторіи Императорскаго Николаевскаго Университета. Саратовъ. 1910. Тип. Союза Печ. Дѣла (Армянская). 8° (17×26). 22 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

смѣлахъ построеній, уточненныхъ замѣчаній и оглушительныхъ парадоксовъ. Эти страницы характерны для современной литературной критики, въ которой, какъ извѣстно, восторженность преобладаетъ; и похвала, и брань съ нею неразрывны. Но г. Айхенвальдъ имѣетъ право писать о литературѣ, онъ ее знаетъ, талантливо понимаетъ и умно цѣнить; ему нельзя не отдать должное въ проницательномъ и своеобразномъ опредѣленіи свойствъ дарованій нѣкоторыхъ писателей. Къ сожалѣнію, на книгѣ лежитъ слишкомъ густая тѣнь современности и, слѣдовательно, преходящности, на нее нельзя смотрѣть, какъ на произведеніе историко-литературное, хотя большинство „силуэтовъ“ отдано писателямъ старымъ: критикъ глядитъ на нихъ съ исключительной точки зрѣнія и его субъективизмъ производилъ бы необходимое впечатлѣніе, если бы авторъ не претендовалъ на большее—научную объективность. Смѣшеніе этихъ двухъ намѣреній приводитъ къ такимъ страннымъ статьямъ, какъ „силуэтъ“ Тургенева, для котораго г. А. находитъ лишь нѣсколько теплыхъ словъ, въ остальномъ эта статья силовитый обвинительный актъ—осужденъ и тургеневскій юморъ, и тяготѣніе къ общественности и многое другое. Не является ли это мнѣніе слишкомъ, до неприятности современнымъ—вѣдь хорошо извѣстенъ фактъ охлажденія къ Тургеневу нынѣшней молодежи. Или отношеніе Ю. А. къ Островскому? Умѣтивъ характеристику его на двухъ-трехъ страницахъ, онъ стремится совершенно уничтожить бытописателя купеческой Москвы, довидимому, лишь потому, что у него не встрѣтишь вершинъ эстетики и глубинъ философіи, исторіи же, общественности и быта авторъ избѣгаетъ. Но подобный критерій не всеобъемлющъ, исторія литературы, какъ наука, признаетъ и другіе. Въ виду легкости и талантливости изложенія, книга можетъ появиться у мало подготовленнаго читателя, что представляется даже опаснымъ, какъ въ старину писаревскія оцѣнки. Кетати будетъ замѣтить, что г. А. часто обращается къ второстепеннымъ писателямъ и въ этомъ случаѣ для широкой публики хотѣлось бы не силуэтовъ, а болѣе тщательно исполненныхъ портретовъ. Какъ, напримѣръ, жаль, что замѣтка о Веневитиновѣ коротка и холодна, а вѣдь онъ философиячень, да и красивъ. Къ числу недостатковъ книги слѣдуетъ отнести изображенія писателей, какія-то карамельныя обертки, что въ первомъ выпускѣ страннымъ образомъ гармонировало иногда съ „карамельностью“ текста. Лучшими страницами намъ кажутся (1-го вып. не касаемся) написанныя о Фетѣ, Достоевскомъ, Полубескомъ и одномъ изъ современныхъ писателей, а, выдѣливъ въ другихъ сорныя травы, найдемъ вдохновенныя строки, полныя ума и любви къ русской литературѣ.

Современное искусство. Серія иллюстрированныхъ монографій. Изд. Н. П. Бутцовой. Спб. Выпускъ I. Борисовъ-Мусатовъ. Біографическій очеркъ барона Н. Н. Врангеля.

Въ той полосѣ русскаго искусства, когда тоска настоящаго и грезы о прошломъ заволакивали умъ и сердце, когда въ полной силѣ было обаяніе Чехова, Левитана и Чайковскаго, а Якунчкова и Рахманиновъ были новыми строками такихъ же грустныхъ страницъ, въ эти недавніе годы имя художника Борисова-Мусатова стало однимъ изъ самыхъ дорогихъ, а любовь къ нему—самой искренней. Онъ жилъ недолго. Нѣжное мусатовское дарованіе запечатлѣлось однако въ душѣ русскаго человѣка, и не поблекнутъ созданныя имъ трогательныя поэмы увяданія. Баронъ Н. Врангель со свойственною ему тонкостью очертилъ творчество художника и въ короткомъ описаніи далъ цѣльный образъ.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. 1910. Выпускъ II.

Новая редакція этого журнала очень повысила интересъ къ нему своимъ вдумчивымъ, любовнымъ отношеніемъ къ дѣлу и совершенно неожиданно, за одинъ только годъ, изданіе, имѣвшее полуофициальный, отчетный характеръ, выросло въ прекрасное литературное явленіе. Быть можетъ заглавіе стало теперь не совсѣмъ точнымъ, а прѣжвій любитель юбилейныхъ замѣтокъ, фотографическихъ снимковъ актеровъ, сценъ изъ пьесъ, афишъ и т. п. мало удовлетворенъ, но для интересующагося исторіей нашего театра и серьезной литературой, близкой къ нему, находится большой запасъ живого и свѣжаго матеріала. Въ упоминаемомъ выпускѣ, менѣе объемистомъ, чѣмъ другіе, напечатаны три письма Чехова къ Григоровичу, въ которыхъ общица для этого писателя нѣжность и красивая юмористика составляютъ очаровательное цѣлое. Какъ всегда чеховски-тонкое чувство жизни и природы даютъ главный тонъ его письму. Приведемъ нѣсколько теплыхъ строкъ: „Я глубоко убѣжденъ, что пока на Руси существуютъ лѣса, овраги, лѣтнія ночи, пока еще кричатъ кулики и плачутъ чибицы, не забудутъ ни Вася (Григоровича), ни Тургенева, ни Толстого, какъ не забудутъ Гоголя. Вымрутъ и забудутся люди, которыхъ Вы изображали, но Вы останетесь цѣлы и невредимы. Такова Ваша сила и такова, значитъ, и счастье“.

Заслуживаетъ вниманія тема статьи „Рембрандъ и сцена“ очень полно иллюстрированной. Удачны, какъ и во всѣхъ выпускахъ новаго ежегодника, обзоры театральной жизни—впечатлѣнія сезона К. И. Арабажина (Петербургъ) и Н. Е. Эфроса (Москва). Все остальное, статьи памяти В. Ф. Комиссаржевской, французская драма и „Свободный театр“ Л. М. Василевскаго и пр. дополняютъ хорошее впечатлѣніе. О безукоризненности у насъ, кажется, уже говорилось. Мало мы привыкли къ такимъ изданіямъ, и энергія редактора барона Н. В. Дризенъ заслуживаетъ большого сочувствія. *В. Я.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ф. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. «Новое Время», Невскій, д. 40. Вольфъ, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. В. Ф. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ выдающихся русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—VII. Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Народная словесность.—IX. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъячская ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

ДЕКАБРЬ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. (Род. 28 августа 1828 г. † 7 ноября 1910 г.).	I—XIV	манию въ 1824 году. В. Тимошукъ.	567—582
II. Страхъ смерти. Разговоръ съ гр. Л. Н. Толстымъ. Ивана Янжула.	XV—XVI	XI. Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Гэнбюри Уильямса, какъ историческій памятникъ. Д. А. Архангельскаго.	583—613
III. Житейскія встрѣчи. А. Θ. Коши.	469—483	XII. М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. (Изъ воспоминаній). А. В. К.	617—624
IV. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.). Иванъ Янжула.	485—500	XIII. Первые годы службы. А. Ф. Петрушевскаго.	625—634
V. Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Статья Ф. В. Духовникова, съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Лебедева. Сообщилъ Александръ Лебедевъ.	501—517	XIV. Делутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М.	635—644
VI. Воспоминанія гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. (Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845). Сообщилъ Б. М. Колубакъ.	518—532	XV. Тѣни прошлаго. (По документамъ). З. А. Слезкинской.	645—654
VII. Тяжелые дни Мунденскихъ боевъ. (Воспоминанія запаснаго). Н—чъ.	533—548	XVI. Воспоминанія жизни Θ. Г. Тернера.	655—673
VIII. Темное царство (Черты изъ жизни Московскаго Китай-города XVII вѣка). Сообщ. В. Шереметевскій.	549—555	XVII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14 октября по 18 ноября 1910 г.	674—680
IX. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г. Е. А. Рагозиной.	556—566	XVIII. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
X. Впечатлѣнія великаго князя Константина Павловича, вынесенныя имъ изъ поѣздки въ Гер-		а) Мелочи. Сообщилъ М. Соколовскій	484
		б) Н. И. Пироговъ по документамъ Московско-Троицкой, въ Сыромятинахъ, церкви. (Историческая справка). Сообщ. П. П. Кудрявцевъ.	614—616
		XIX. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
		XX. Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ 141, 142, 143 и 144 томахъ.	1—84

Приложенія: 1) Портретъ гр. Льва Николаевича Толстого. 2) Публичное учебное засѣданіе въ физиологической аудиторіи Московскаго университета. 3) Письмо гр. Л. Н. Толстого А. Θ. Коши.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1911 года.

Приемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

Библиографическій листокъ.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. IX. СПБ. 1910.

Редактируемое неутомимымъ С. А. Венгеровымъ классическое изданіе сочиненій Бѣлинскаго, первое и единственное по своей полнотѣ, уже близится къ благополучному окончанію. Въ IX томъ вошла 91 статья изъ „Отечеств. Записокъ“ 1844 и 1845 г.г., при чемъ 33 внесены въ собраніе произведеній Бѣлинскаго впервые, а 31 напечатаны въ дополненномъ видѣ, съ восполненіемъ пробѣловъ, которыхъ безжалостно много надѣлалъ редакторъ прежняго изданія Н. Х. Кетчеръ (пропускавшій, на примѣръ, такіа мѣста, какъ имѣющее біографическое значеніе предисловіе къ статьѣ о Кантемирѣ). Особенно замѣчательными и интересными новинками венгеровскаго изданія нужно считать двѣ статьи: „Петербургская литература“ и „Александринскій театръ“; онѣ не указаны въ галаховскихъ спискахъ, которыми пользовался С. А. Венгеровъ, и впервые узнаны имъ. Впрочемъ, не нужно быть такимъ превосходнымъ знатокомъ Бѣлинскаго, чтобы узнать сразу руку „неистоваго Виссаріона“ въ этихъ пламенныхъ строкахъ: „Театръ! театр! какимъ магическимъ словомъ былъ ты для меня во время оно! Какимъ невыразимымъ очарованіемъ потрясалъ ты тогда всѣ струны души моей, и какіе дивные аккорды срывалъ ты съ нихъ!.. Въ тебѣ я видѣлъ весь міръ, всю вселенную, со всѣмъ ихъ разнообразіемъ и великолѣпіемъ, со всею ихъ заманчивою таинственностію! Что передъ тобою былъ для меня и вѣчно-голубой куполъ неба, съ его свѣтлозарнымъ солнцемъ, блѣдноликою луною и мириадами томно-блестящихъ звѣздъ,—и угрюмо-безмолвные лѣса, и зеленыя рощи, и веселыя поля, и даже само море, съ его тяжело-дышащею грудью, съ его немолчнымъ говоромъ валовъ и грустнымъ ропотомъ волнъ, разбивающихся о неприступный берегъ? Твой, о театр! трепещущая облака, масляное солнце, луна и звѣзды, твой холстинный деревья, твой деревянный моря и рѣки, больше пророчили жадному чувству моему, больше говорили томлящейся ожиданіемъ чудесъ душѣ моей!..“ Въ обѣихъ этихъ статьяхъ Бѣлинскій проводитъ не разъ занимавшую его параллель между Москвою и Петербургомъ.

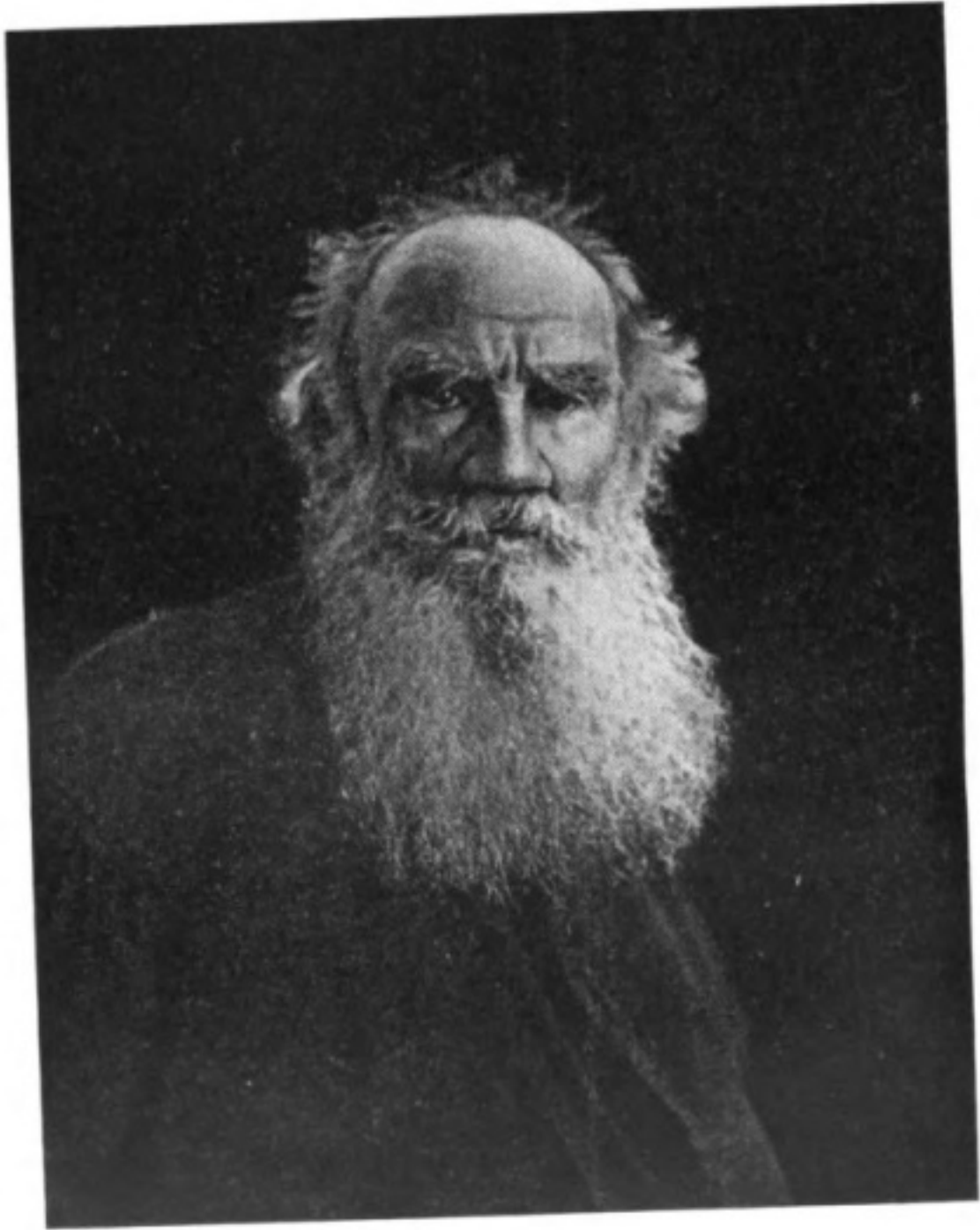
Записки Московскаго Археологическаго Института, издаваемыя подъ редакціею А. И. Успенскаго. Т. VI. М. 1910.

Содержаніе настоящаго тома—статья А. И. Успенскаго „Фрески церкви Спаса Нередицы“, начало изслѣдованія В. И. Чернышова „Дворянское сословіе Тульской губерніи“ и составленный Т. С. Рождественскимъ сборникъ „Памятники старообрядческой поэзіи“. А. И. Успенскій даетъ детальное, съ множествомъ снимковъ, описаніе знаменитыхъ фресокъ XII вѣка, украшающихъ церковь Спаса Преображенія Нередицы близъ Новгорода. В. И. Чернышовъ, продолжая труды М. Т. Яблочкова по исторіи тульскаго дворянства, составилъ „Матеріалы къ родословнымъ тульскаго дворянскаго сословія“, списки лицъ, служившихъ въ Тульской губерніи по выборамъ съ 1778 года. Что касается до сборника Т. С. Рождественскаго, то появленіе его тѣмъ болѣе слѣдуетъ приветствовать, что, какъ справедливо говоритъ составитель, „лира старообрядчества постепенно смолкаетъ. Падаютъ подъ ударами дровосѣка вѣковые лѣса, непроницаемой стѣной защищавшіе отъ вѣшнихъ вліяній скиты и поселки старообрядцевъ; высыхаютъ и распахиваются болота, по которымъ „Божьими стезями“ пробирались когда-то чернецы и черницы, ища спасенія отъ суетнаго міра. Исчезли съ лица земли или присоединены къ православію многіе старообрядческіе монастыри, измѣнился въ значительной степени и весь укладъ жизни старообрядческаго міра. Многоразличныя историческія и бытовыя условія сглаживаютъ постепенно ту рознь, которая служила причиною отдѣленія старообрядчества отъ православной массы русскаго народа; слабѣетъ фанатизмъ взаимныхъ отношеній, и цѣлый рядъ мыслей и настроеній, съ особой остротой переживавшихся въ минувшемъ, становится теперь предметомъ болѣе спокойнаго размышленія и не даетъ уже того подъема поэтической мысли, плодомъ котораго являлся старообрядческій стихъ“. Собравъ съ большимъ трудомъ разбросанные въ разныхъ изданіяхъ старообрядческіе стихи и присоединивъ къ нимъ заимствованные изъ принадлежащихъ московскому археологическому институту рукописей, составитель раздѣлилъ ихъ по содержанію на эсхатологическіе, историческіе, сатирические и моральные. Едва ли можно отнести къ старообрядческой поэзіи „Стихъ узника-невольника“; если его и можно слышать въ старообрядческой средѣ, то во всякомъ случаѣ онъ для нея не характеренъ, не отличается ни религиознымъ, ни поучительнымъ тономъ. Общій духъ старообрядческой поэзіи составитель вѣрно опредѣляетъ: „глубокая искренность старообрядческаго міра, вылившаяся съ такою яркостью въ его поэтическихъ произведеніяхъ— томъ зеркалъ души народной, готовность идти на муки и смерть за тѣ принципы, какіе онъ смѣло выставилъ на своемъ знамени, и стойкость до послѣдняго времени въ сохраненіи, какъ святыни, своихъ идеаловъ, не можетъ не внушать къ нему уваженія. Пройдутъ года; падутъ, надѣмся, подъ вліяніемъ науки, здороваго развитія мысли, перегородки, отдѣляющія старообрядчество отъ остальной массы русскаго народа, но можно искренно высказать пожеланіе, чтобы не ослабѣли въ немъ тѣ силы русскаго духа, какія нашли себѣ выраженіе въ его поэзіи и жизни“.

Н. Л.

Любовная лирика XVIII вѣка. К-во Пантеонъ. СПБ. 1910. Съ біо-библиографическими примѣчаніями Анны Веселовской, статьей барона Н. Врангеля „Женщина въ русскомъ искусствѣ XVIII вѣка“ и приложеніемъ текста и нотъ пѣсенъ XVIII в.

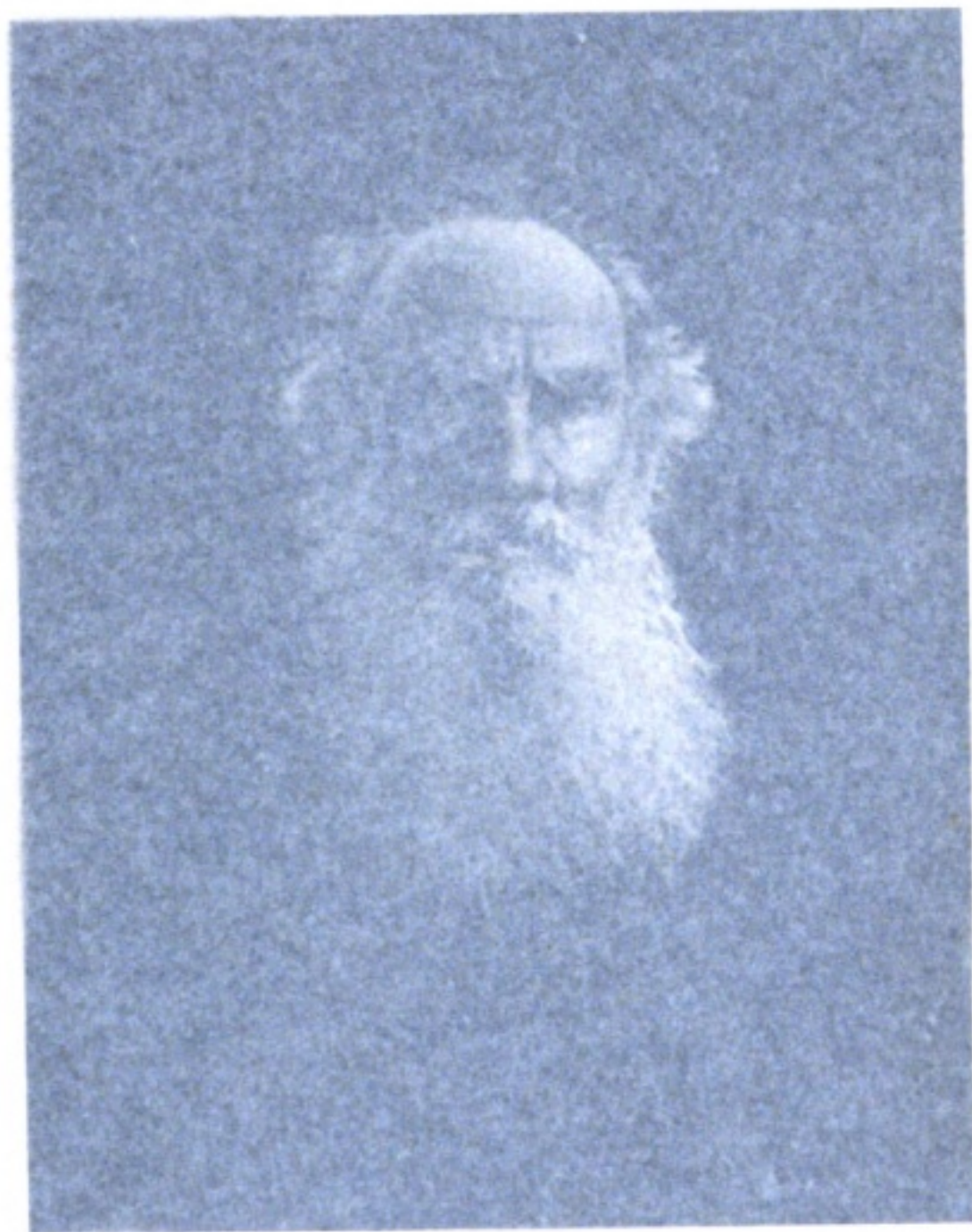
Думая о младенческихъ лѣтахъ изящной русскаго искусства, мы всего чаще вспоминаемъ „торжественныя годы“ крѣпке тѣ интимныя поэтическаго міра, которая выражались въ любовныхъ пѣсенкахъ, разныхъ „вздохахъ“, „вздохахъ“, „разсужде-

Uchi Theodorus.

1000

1000
1000
1000

Lehrer Theodor G. J. J.

Письмо гр. Л. Н. Толстого А. Ф. Кони.

Дорогой старший товарищ,

Вамно уми пора да отидежъ на
ваше мило, ради, что зам
шито, и вконецъ смуща, и,
Урадуеи и мшиу еи что по
Амелъ К. и мшиу и еда м
екура кону, а еси и кону
то отдамъ в Напредникъ,
Очень мнѣ раисъ и еи и,
очень, то есиуу аораци
дурманъ, еси еи в жарамъ
межкамъ пано рени.

Очень, очень мнѣ раисъ
Вамно м виданъ вай и что
ли м замкамъ и мшиу
пронеданъ мавъ кавазъ,
Умнѣшо еси мшиуу что
Сартора веда врумъ и что
ваше мшорави не маж

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

(Род. 28 августа 1828 г. † 7 ноября 1910 г.).

Великое горе постигло Россію въ истекшемъ мѣсяцѣ. 7 ноября, въ 6 час. 5 мин. утра, на станціи Астапово, Рязанско-Уральской жел. дороги, скончался и 9 ноября погребенъ въ Ясной Полянѣ нашъ величайшій писатель, графъ Л. Н. Толстой. Обстоятельства, которыми ознаменовались послѣдніе, столь тревожные, еще свѣжіе въ памяти всего русскаго общества, дни его жизни, будутъ, когда для того наступитъ время, безпристрастно освѣщены исторіей. Приведемъ краткій, строго-фактическій рассказъ оказавшихъ Толстому медицинскую помощь врачей объ этихъ печальныхъ дняхъ и о кончинѣ великаго человека.

„28 октября, какъ извѣстно, Л. Н. оставилъ Ясную Поляну. Рѣшеніе уѣхать было имъ принято послѣ продолжительной и тяжелой душевной борьбы. Состояніе его здоровья было удовлетворительное, хотя онъ чувствовалъ себя физически нѣсколько слабымъ. Изъ Ясной Поляны Л. Н. направился черезъ Чекино въ Горбачево, откуда до Козельска ѣхалъ въ тѣсномъ, переполненномъ, душномъ вагонѣ 3-го класса, прицѣпленномъ къ товарному поѣзду. Чтобы освѣжиться, онъ часто выходилъ на площадку. Изъ Козельска Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марьѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ станціи. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ ночевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую слабость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги — В. М. Феоктистовой, пріѣхавшей къ нему наканунѣ, и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно

хорошо, а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станціи. Этой станціей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ станціи И. И. Озолинъ любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала. Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія, и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ. Послѣ этого его уложили въ постель. Къ ночи температура поднялась до 39,8; появился кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебой пульса.

Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября Л. Н. спалъ очень плохо. Къ утру температура спала до 36,2. Л. Н. чувствовалъ большую слабость. Весь день лежалъ въ постели, диктовалъ свои мысли, писалъ дневникъ, слушалъ чтеніе. Къ вечеру снова появился ознобъ, температура поднялась до 39,1. Л. Н. жаловался на боль въ лѣвомъ боку при дыханіи, кашлялъ и ночью откашливалъ ржавую мокроту (съ примѣсью крови). Пульсъ былъ выше 100 съ перебойми. Было предположено воспаленіе легкихъ, положенъ согрѣвающій компрессъ, назначено вино.

Въ ночь на 2 ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ температура была 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Изслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100, 110, съ перебойми. Вечеромъ температура 39,1; ничего не ѣлъ, впадалъ въ забытѣе. Изъ лекарствъ давали строфантъ и вино.

Ночь на 3 ноября Л. Н. спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, снова отхаркнулъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ температура—36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ былъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита не было. Печень была нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля; животъ—нѣсколько вздутъ. Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней долѣ лѣваго легкаго подъ лопаткой. Въ правомъ легкомъ—явленіе бронхита и застоя. Сердце расширено. При выстукиваніи слышались притупленные звуки вправо до середины грудины, влѣво—до сосковой линіи. Тоны груди выслушивались не отчетливо. Пульсъ 100, 120 съ частыми перебойми. Пульсовые волны неравномѣрны, многія пропадали. Въ мочѣ значительное количество бѣлка. Сознаніе ясное. Днемъ Л. Н. лежалъ,

читалъ въ послѣдній разъ свой дневникъ, диктовалъ свои мысли, просилъ читать ему вслухъ. Почти ничего не ѣлъ. Лечение: согревающей компрессъ, строфантъ, вино, камфора подь кожу. Пилъ глотками „Виши“. Температура вечеромъ 37,8. Дѣятельность сердца къ вечеру нѣсколько улучшилась.

Ночь на 4 ноября провелъ очень тревожно. Всю первую половину ночи бредилъ, стоналъ. Утромъ температура 38,1; слабость увеличилась. Л. Н. уже не писалъ дневника. Изрѣдка пытался диктовать свои мысли. Бредилъ днемъ. Воспалительный процессъ въ легкомъ безъ перемены. Изрѣдка кашлялъ и отхаркивалъ желтоватую густую мокроту въ очень небольшомъ количествѣ. Частота дыханія увеличилась до 36. Дѣятельность сердца слабая. Пульсъ чаще (120, 130), перебоевъ больше. Отказался отъ пищи и лекарства. Сильная изжога и жажда. Пилъ немного молока и „Виши“. Были позывы къ мочеиспусканію. Моча мутная, содержала довольно много бѣлка. Днемъ—большая слабость. Во время пробужденія отъ сна сознание вполне ясное. Говорилъ очень мало. Мало интересовался окружающимъ. Лечение: камфора (4 раза), кодеинъ (2 раза) подь кожу, вино, клизма. Температура вечеромъ 38,4. Появилась рѣдкая икота.

Въ ночь на 5-е почти не спалъ. Былъ очень возбужденъ. Все бредилъ, метался въ постели, то садился, то снова ложился. Говорилъ невнятно. Сильная одышка (40,44), плохой, слабый пульсъ. Ночью—два впрыскиванія 2-хъ-процентнаго раствора камфоры. Утромъ температура 37,1. При выслушиваніи сердца разстройство ритма (эмбриокордія), угнетенное и подавленное состояніе. Тѣмъ не менѣе сознание ясное. Восприимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ не понижена. Почти на всѣ предложенія пищи отвѣчалъ отказомъ и просилъ возможно меньше тревожить его. Не позволялъ себя перекладывать на другую постель. Весь день икота. За день впрыснуто 2 шприца дигалена, три—камфоры, 1—кодеина. Температура вечеромъ 37,4.

Первую половину ночи на 6-е ноября спалъ довольно спокойно, вторую—тревожно, громко стоналъ отъ икоты, отъ изжоги. Пульсъ былъ слабый, частый, съ большими перебоями... За ночь впрыснуто два шприца камфоры. Температура утромъ 37,2; большая слабость, одышка, икота. Утромъ подь кожу впрыснуть дигаленъ и камфора. Около полудня состоялся консиліумъ съ докторами Щуровскимъ и Усовымъ. При изслѣдованіи найдено:—воспалительный процессъ въ легкомъ въ прежнемъ положеніи. Дѣятельность сердца слабая. Значительное число пульсовыхъ волнъ не доходитъ.

Размѣры сердца прежніе. Ритмъ сердца неправиленъ (эмбіокордія), икота, животъ мягкій. Въ мочѣ бѣлокъ, слабость, сознание ясное. Около двухъ часовъ дня неожиданное возбужденіе. Сѣлъ на постель и громкимъ голосомъ внятно сказалъ окружающимъ: „Вотъ и конецъ, и ничего“, а затѣмъ: „Только одно и прошу вспомнить: на свѣтъ пропасть народу, кромѣ Льва Толстого, а вы помните одного Льва“.

Вслѣдъ за этимъ наступилъ рѣзкій упадокъ сердечной дѣятельности, пульсъ едва-едва ощущивался. Появилась синева (ціанозъ) ушей, губъ, носа, ногтей. Конечности похолодѣли. Впрыснуты два шприца камфоры, одинъ кодеина. Примѣнено дыханіе кислородомъ и согрѣваніе конечностей. Понемногу пульсъ сталъ улучшаться. Цианозъ исчезъ, и больной заснулъ. Къ вечеру самочувствіе было нѣсколько лучше. Сдѣлано впрыскиваніе дигалена, затѣмъ камфоры и поставлена теплая клизма въ 200 гр. соляного раствора. Л. Н. попросилъ ѣсть. Выпилъ въ теченіе вечера три маленькихъ стаканчика молока и сѣлъ немного овсянки. Сознание было вполне ясное. Но къ концу усилилась икота и одышка..

Послѣ полуночи одышка дошла до 60 дыханій въ минуту. Икота участилась еще больше. Л. Н. сталъ стонать, метаться на постели, вскакивать. Состояніе тоски, недостатка воздуха и икоты было настолько мучительно, что было рѣшено впрыснуть 0,01 камфоры (въ 12 час. 15 мин. ночи). Л. Н. заснулъ. Икота прекратилась. Одышка уменьшилась до 36. Въ 2 часа ночи пульсъ, несмотря на впрыскиваніе камфоры, сталъ падать, сдѣлался нитевиднымъ. Предпринято впрыскиваніе сильнаго раствора, но замѣтнаго вліянія на пульсъ это не оказало. Тѣмъ не менѣе, сознание еще сохранилось. Л. Н. реагировалъ на оклики. Сдѣлалъ одинъ, два глотка предложенной воды. Въ виду опасности положенія, была приглашена вся семья. Въ 5 часовъ утра пульсъ сталъ пропадать, дыханіе сдѣлалось поверхностнымъ, и въ 6 час. 5 мин. утра по московскому времени Л. Н. тихо, безъ страданій, скончался, окруженный женой, дѣтьми и друзьями.

Смерть Л. Н. послѣдовала отъ быстро наступившаго упадка сердечной дѣятельности. Во время прежнихъ тяжелыхъ заболѣваній дѣятельность сердца также бывала очень ослабленной, но, благодаря своему крѣпкому организму и, главнымъ образомъ, необычнымъ душевнымъ силамъ, Л. Н. выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы. Это давало надежду, что и на этотъ разъ сильный организмъ Л. Н., хотя и постарѣвшій, но достаточно крѣпкій, побѣдитъ инфекцію. Однако, по нашему мнѣнію, сильныя душевныя потрясенія послѣд-

него времени и утомленіе отъ необыкновеннаго путешествія настолько ослабили нервную систему и сердце Л. Н., что болѣзнь приняла сразу тяжкій характеръ и привела къ роковому концу. Всѣхъ ухаживавшихъ за нимъ Л. Н. трогалъ своею ласковостью и нѣжнымъ отношеніемъ, которое никогда не изгладится у тѣхъ, кому на долю выпало счастье послужить Льву Николаевичу въ послѣдніе дни его жизни. Д. П. Маковицкій, Д. В. Никитинъ, Г. М. Беркенгеймъ. Ясная Поляна, 9 ноября 1910 г.“

Тяжелою скорбью отозвалась вѣсть о кончинѣ Л. Н. Толстого въ сердцахъ всего человѣчества, а особенно родного народа. Горе Россіи нашло выраженіе въ словахъ Государя Императора. На всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о кончинѣ графа Л. Н. Толстого Его Императорское Величество соизволилъ начертать нижеслѣдующія слова:

„Душевно сожалѣю о кончинѣ великаго писателя, воплотившаго, во времена расцвѣта своего дарованія, въ твореніяхъ своихъ родные образы одной изъ главнѣйшихъ годинъ русской жизни. Господь Богъ да будетъ ему Милостивымъ Судьею“.

Вслѣдъ за Монархомъ память усопшаго почтили высшія законодательныя учрежденія. Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 10 ноября предсѣдатель д. т. с. М. Г. Акимовъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„7-го текущаго ноября при совершенно исключительныхъ, доходящихъ до трагизма обстоятельствахъ, скончался на 83-году своей жизни графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Оставляя въ сторонѣ сочиненія его по вопросамъ религіознымъ и политическимъ, вызвавшимъ какъ со стороны православной церкви, такъ и со стороны консервативныхъ круговъ нашего общества суровое осужденіе, никто, однако, не можетъ отрицать того, что другія произведенія пера усопшаго обезсмертили его имя, стяжавъ ему всемірную славу великаго, геніальнаго писателя. Этими послѣдними произведеніями восторгались и будутъ восторгаться многія поколѣнія. Россія, какъ родина графа Толстого, должна сильнѣе другихъ странъ чувствовать тяжесть утраты родного ей генія. Изъ словъ, начертанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ о кончинѣ Льва Николаевича, видно, что чувство глубокаго сожалѣнія о смерти великаго писателя проявлено съ высоты Престола нашего отечества. Господа, передъ свѣжей могилой не время являться судьями надъ вольными и невольными заблужденіями графа Толстого въ его сочиненіяхъ. Непреложнымъ остается одно: Россія въ лицѣ Льва Николаевича

утратила гениальнѣйшаго писателя и величайшаго художника русскаго слова. Вотъ, милостивые государи, основанія, обязывающія меня предложить Государственному Совѣту почтить вставаніемъ память великаго писателя земли русской Льва Николаевича Толстого“.

Такъ же почтила его память вставаніемъ и перерывомъ занятій на одинъ день Государственная Дума.

Палата депутатовъ дружественной намъ Франціи оказала такое же вниманіе памяти великаго писателя, а французскій министръ народнаго просвѣщенія прислалъ нашему министру, г. Кассо, телеграмму съ выраженіемъ глубокаго соболѣзнованія горю, постигшему мыслящую Россію.

Смерть графа Л. Н. Толстого произвела глубокое впечатлѣніе во всей Европѣ. Больше того: она вызвала единодушный идеалистическій подъемъ духа во всемъ цивилизованномъ мірѣ, и въ самой скорби своей Россія можетъ утѣшаться гордымъ сознаніемъ, что усопшій великій геній принадлежитъ прежде всего ей и лишь потомъ — остальному человѣчеству.

Трогательно выразилъ и чувство горя, и опредѣлилъ вообще значеніе Толстого А. Э. Кони, пользовавшійся его дружескимъ расположеніемъ: „Можно было не видѣть его, не знать его, не читать его, можно было не соглашаться съ нимъ, — но надо было знать, что онъ живетъ, и тогда легче было жить намъ“.

„Въ мірѣ — покойникъ“, писалъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. „Когда въ домѣ покойникъ, — благоговѣйная, молитвенная тишина воцаряется въ домѣ. Сейчасъ у насъ, въ Россіи, покойникъ. И не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, — у насъ на землѣ, — повсюду, гдѣ знали имя Толстого, куда проникало его вѣщее, міровое слово. И надъ всей Россіей, надъ всѣмъ міромъ пронесется историческій мигъ благоговѣйной, молитвенной тишины. Милліоны человѣческихъ душъ сольются въ одномъ чувствѣ, глубокомъ и высокоомъ, скорбномъ и лучезарномъ: умеръ другъ человѣчества, но онъ бессмертенъ; осиротѣло человѣчество, но въ этотъ мигъ оно чувствуетъ свое единство, какъ давно не чувствовало, и яснѣе, чѣмъ когда-либо, сознаетъ идеальную цѣль, къ которой оно должно стремиться. Гробъ Толстого, какъ и его жизнь, — символъ братства народовъ, всечеловѣческаго единенія, — идеальный центръ тяготѣнія человѣка къ человѣку. Милліоны могли оставаться глухи къ ученію Толстого, могли не раздѣлять его идей, но его голосъ, звучавшій во всѣхъ частяхъ свѣта, внушалъ людямъ неотразимую мысль, что они братья, и что ихъ жизнь должна быть основана на началахъ евангельской любви. Не умолкъ и не умолкнетъ этотъ голосъ. Въ

настоящую торжественную минуту, среди благоговѣйной тишины, когда въ мірѣ—покойникъ, человѣческой идеаль, проповѣди котораго посвятилъ Толстой свою жизнь, витаешь надъ всѣми нами, сынами земли, и наша всемірная скорбь озаряется отблескомъ великихъ упованій, лучезарнымъ свѣтомъ безсмертнаго имени великаго друга человечества“.

Въ своей рѣчи, произнесенной въ посвященномъ памяти Л. Н. Толстого торжественномъ собраніи въ петербургской консерваторіи, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій опредѣлилъ Толстого какъ *русскаго* генія. „Ни одинъ изъ русскихъ писателей въ такой степени не сотканъ изъ національныхъ элементовъ русской стихіи, какъ Л. Н. Толстой, и никто съ такой исчерпывающей полнотой не выразилъ ее, какъ онъ. Складъ мысли, натура, характеръ, процессъ творчества, способности реагирования на жизнь—все то, что составляетъ психологическую форму національнаго типа,—процессы мысли и воли—у Толстого необыкновенно русское. И не только въ художественной своей дѣятельности, отмѣченной тѣмъ специфическимъ русскимъ реализмомъ, который въ русскихъ писателяхъ непобѣдимъ даже тогда, когда они романтики, но и какъ мыслитель, Толстой глубоко націоналенъ. Его религіозность, его мечты и утопіи—все проникнуто чувствомъ русской дѣйствительности, объемлющей, какъ стихія, русскаго писателя. Но если психологическая форма Толстого есть достояніе Россіи, содержаніе идей его—достояніе всего человечества. Такова привилегія геніевъ, что результаты и плоды ихъ насквозь національнаго творчества—Дарвинъ, Кантъ,—служатъ на пользу всему человечеству. Иногда бываетъ и такъ, что плодами національнаго генія пользуются только другіе народы, въ то время, когда родинѣ они остаются чуждыми. Все человечество,—заклучилъ ораторъ,—весь міръ чутко присматривается къ Толстому. Прислушаемся же и мы къ этому голосу, голосу любви и правды. Когда-нибудь, быть можетъ, мы узримъ его плоды“.

Профессоръ С. А. Адриановъ въ этомъ собраніи началъ свою рѣчь съ вѣщаго предсказанія Ф. М. Достоевскаго на пушкинскомъ торжествѣ въ Москвѣ въ 1880 г.,—что Россія скажетъ міру свое новое слово. „Это новое слово, которое прозвучало отъ края до края“,—продолжалъ ораторъ—„принадлежитъ Льву Толстому. Когда появилась „Анна Каренина“, за этимъ романомъ сразу признано было огромное значеніе. Но Достоевскій зналъ, что здѣсь еще не весь Толстой, и что нѣчто огромное, что сдѣлаетъ его имя всемірнымъ, еще впереди. Это вся жизнь Толстого, необъятная, какъ природа. И Тургеневъ почувствовалъ въ Толстомъ неизмѣримаго колосса и на смертномъ одрѣ умолялъ его не покидать своего великаго поприща. Онъ

первый назвалъ его „великимъ писателемъ земли русской“. И, дѣйствительно, Толстому, больше чѣмъ кому-либо изъ русскихъ геніевъ, принадлежитъ право именоваться великимъ. Толстой, во всей своей цѣлости, безбреженъ, какъ океанъ, и необозримъ, какъ русскія поля. Не даромъ онъ сливался съ природой, чувствовалъ ея дыханіе и претворялъ ее въ своихъ несравненныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Толстой не любилъ города потому, что городская жизнь заслоняла природу, порывала непосредственную связь съ нею. Здѣсь, на лонѣ природы Толстой чувствовалъ общеніе съ Богомъ, со всѣмъ міромъ; здѣсь зарождались его великія идеи, его тоска по Богѣ, которая, пройдя черезъ горнило его души, сообщалась всему міру, будила совѣсть и двигала къ совершенству. Онъ звалъ всѣхъ къ человѣческому усовершенствованію, къ подвигу во имя преображенія жизни, во имя живущаго въ насъ Бога совѣсти. Изъ сердца народа Толстой извлекъ свою великую вѣру и понесъ ее въ міръ. Трудно постигнуть Толстого въ цѣломъ, какъ необычайно сложное явленіе, какъ трудно постигнуть сущность міра. Пройдетъ еще много времени, пока міровоззрѣніе Толстого воплотится въ жизнь. Но сѣмена брошены, всечеловѣческая совѣсть взбудоражена Толстымъ во всемъ человѣческомъ мірѣ, и всходы будутъ. Поэтому, какъ бы ни было мрачно вокругъ насъ, какая бы тяжелая атмосфера насъ ни окружала, намъ нечего отчаяваться. Разъ Россія дала міру такого сына, какъ Толстой—его Богъ восторжествуетъ, преображеніе людей совершится“.

Эту свѣтлую надежду питалъ до послѣдняго вздоха самъ Толстой, и она облегчила его послѣднія минуты. Наканунѣ кончины, въ минуты просвѣтлѣнія, онъ, передаютъ газеты, диктовалъ свои мысли, носившія отрывочный характеръ, о ложномъ мнѣніи и неправильномъ сужденіи людей, отчего происходитъ неправильная жизнь. *„Я самъ, — диктовалъ Левъ Николаевичъ, — уйду изъ жизни, но останутся люди, которые сознаютъ истинный смыслъ жизни, и имъ суждено будетъ осуществить то, къ чему стремился я въ теченіе своей жизни, и что мнѣ не удалось“*. Нелишнее будетъ привести въ нашемъ отчетѣ краткій обзоръ литературной дѣятельности Л. Н. Толстого, составленный А. Г. Фоминымъ („Рѣчь“, № 307).

„За свою долгую жизнь Толстой написалъ громадное количество самыхъ разнообразныхъ произведеній. Нѣтъ почти явленія жизни, на которое не откликнулась бы эта чуткая натура. По послѣднему подсчету 1908 г. всего написано Толстымъ болѣе 250 произведеній. Принято думать, что первые серьезные интересы Толстого къ жизни и наукѣ начались лишь послѣ годовъ студенчества. Но есть авто-

ритетное свидѣтельство самого Толстого о томъ, что уже въ университетѣ у него пробудились серьезные интересы. Толстой говорить, что въ университетѣ—„я въ первый разъ сталъ серьезно заниматься и нашелъ въ этомъ даже нѣкоторое удовольствіе. Сверхъ факультетскихъ предметовъ, изъ которыхъ энциклопедія права и уголовное право заинтересовали меня; Мейеръ, профессоръ гражданского права, задалъ мнѣ работу: сравнить „Esprit des lois“ Montesquieux съ „Наказомъ“ Екатерины, и эта работа очень заняла меня“. Это свидѣтельство Толстого весьма важно, показывая, что интересы его опредѣлились уже въ годы студенчества.

Видную роль въ жизни Толстого отъ 14 до 21 года играли литературные интересы. Сохранился списокъ, въ которомъ Толстой отмѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на него различными книгами. „Огромное вліяніе имѣли Евангеліе Матѳея, „Confession“ и „Emile“ Руссо, „Давидъ Копперфильдъ“ Диккенса, „очень большое“ вліяніе оказали „Сантиментальное путешествіе“ Стерна, Nouvelle Héloïse“ Руссо, „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина, „Разбойники“ Шиллера, „Мертвыя души“ Гоголя, „Записки охотника“ Тургенева, „Полинька Саксъ“ Дружинина, „Антонъ Горемыка“ Григоровича и „Герой нашего времени“ Лермонтова. Это говорить не только о томъ, подъ какими вліяніями слагалось міросозерцаніе Толстого, но и свидѣтельствуешь, какъ широки были его литературные интересы уже въ юности.

Кавказъ, куда уѣхалъ Толстой весной 1851 г., далъ богатые впечатлѣнія, которыя воплотились въ „Набѣгъ“, „Казакахъ“, „Рубкѣ лѣса“ и „Встрѣчѣ въ отрядѣ“. На Кавказѣ Толстой весь отдается созданію „Дѣтства“; оно было результатомъ долгой работы, которая переплеталась съ мучительнымъ внутреннимъ процессомъ, составляло съ нимъ нѣчто единое, цѣлостное. Окончено было „Дѣтство“ въ началѣ іюля 1852 г. и первоначально носило характерное заглавіе: „Исторія моего дѣтства“. Анализъ внутренняго міра, стремленіе разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и переживаніяхъ, мучительная жажда осмыслить жизнь, что составило характерную сторону творчества Толстого, уже сказалось въ первомъ произведеніи, гдѣ психологическій анализъ занимаетъ главное мѣсто. Въ іюль 1852 г. Толстой отправилъ „Дѣтство“ въ „Современникъ“, подписавъ тремя буквами: Л. Н. Т. Получивъ рукопись отъ неизвѣстнаго лица, Некрасовъ сразу почувствовалъ, что предъ нимъ будущій крупный художникъ, и тепло привѣтствовалъ Толстого въ своихъ письмахъ къ нему. Поэтъ явился первымъ цѣнителемъ великаго художника, былъ воспріемникомъ его въ литературѣ. Некрасовъ

сейчасъ же далъ ходъ рукописи, и уже въ сентябрѣ она появилась въ „Современникѣ“. „Дѣтство“ произвело громадное впечатлѣніе. Всѣ сразу же обратили вниманіе на это произведеніе, критика поставила Толстого на-ряду съ самыми крупными писателями того времени, Тургеневымъ, Гончаровымъ, Островскимъ, Григоровичемъ. Сразу же признанный критикой, Толстой встаетъ на литературную дорогу и вслѣдъ за „Дѣтствомъ“ пишетъ „Утро помѣщика“ и „Набѣгъ“. Послѣ этого чуткій художникъ съ удивительной художественной проникательностью даетъ въ „Севастопольскихъ разсказахъ“ яркую картину ужаса и трагизма сева­стопольской обороны, которой онъ былъ очевидцемъ. Тонкій и глубо­кій анализъ, ярко проявившійся въ „Дѣтствѣ“, въ полной мѣрѣ обнаружился и въ этихъ разсказахъ. Они произвели еще большее, потрясающее впечатлѣніе, вызвали восторженные отзы­вы критики. О „Севастополѣ въ маѣ“ Некрасовъ писалъ Толстому, что это произведеніе „всегда будетъ свидѣтельствовать о силѣ, сохранившей способность къ такой глубокой и трезвой правдѣ среди обстоятельствъ, въ которыхъ не всякій бы сохранилъ ее. Не хочу говорить, какъ высоко я ставлю эту статью и вообще направленіе вашего таланта и то, чѣмъ онъ вообще силенъ и новъ. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда—правда, которой со смертью Гоголя такъ мало осталось въ русской литературѣ... Эта правда въ томъ видѣ, въ какомъ вносите вы ее въ нашу литературу, есть нѣчто у насъ совершенно новое. Я не знаю писателя теперь, который бы такъ заставлялъ любить себя и такъ горячо сочувствовать, какъ тотъ, къ которому пишу“... Тургеневъ называлъ въ письмѣ къ Панаеву „Севастопольскіе разсказы“—„чудомъ“. Если Некрасовъ первый почувствовалъ въ Толстомъ большой художественный талантъ, то Чернышевскій первый, когда художникъ еще не проявилъ себя во всей мощи, уловилъ ту черту, которая является основною для творчества Толстого, проникательно предсказалъ, отмѣтивъ, что характерная его черта — „чистота нравственнаго чувства“, что дебютантъ будетъ великимъ писателемъ. „Мы предсказываемъ,—писалъ въ 1856 г. Чернышевскій,—что все, данное гр. Толстымъ нашей литературѣ, только залогомъ того, что совершитъ онъ впоследствии, но какъ богаты и прекрасны эти залогомъ!“.

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ ноябрѣ 1855 г., Толстой вошелъ въ литературные круги, сошелся съ Некрасовымъ, Тургеневымъ. Но литературная среда не удовлетворила Толстого, показалась чуждой, далекой, и въ началѣ 1857 г. онъ уѣхалъ за границу. За время 1854—1856 гг. Толстой, кромѣ „Севастополя“, написалъ „Отрочество“ (1854), „Рубку лѣса“ (1854), „Юность“ (1855—1857),

„Встрѣчу въ отрядѣ“ (1856), „Метель“ (1856), „Записки маркера“ (1856) и „Двухъ гусаровъ“ (1856). Путешествіе дало Толстому много новыхъ впечатлѣній, онъ создаетъ свой знаменитый „Люцернъ“, который былъ напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ „Современника“ за 1857 г. Возвратившись въ Россію, Толстой пишетъ „Альбертъ“ (1857), „Три смерти“ (1859), „Семейное счастье“ (1859), „Поликушку“ (1860), „Холстомѣръ“ (1861); въ 1862 г. оканчиваетъ „Казакъ“, начатыхъ еще въ 1852 г. Несмотря на то, что послѣ 1856 г. появились замѣчательныя произведенія Толстого, критика къ нему охладѣла; не были опѣнены даже „Люцернъ“ и „Казакъ“—этотъ художественный перлъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Толстой увлекается педагогическою дѣятельностью: издаетъ журналъ „Ясная Поляна“, пишетъ цѣлый рядъ педагогическихъ статей: „О народномъ образованіи“, „О методахъ обученія грамотѣ“, „Проектъ общаго плана народныхъ училищъ“, „Воспитаніе и образованіе“, „Прогрессъ и опредѣленіе образованія“, „Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ“. Педагогическія статьи вызвали нападки, идеи Толстого казались лишенными почвы. Въ серединѣ 60-хъ годовъ Толстой горячо отдается созданію произведенія, которое является вѣнцомъ его художественнаго творчества,—„Войны и Мира“. Первый отрывокъ—„1805 годъ“ появился въ печати въ 1865 г.; въ концѣ 60-хъ годовъ вышли всѣ части романа. Эта знаменитая эпопея, гениальная художественность которой впоследствии была признана всѣмъ міромъ, снова поднимаетъ въ русской критикѣ интересъ къ Толстому, но вызываетъ противоположные отзывы—восторженные смѣшаны съ рѣзко отрицательными. Великая художественная мощь „Войны и Мира“ не была сразу признана всѣми. Въ началѣ 70-хъ годовъ Толстой снова обращается къ педагогическимъ работамъ, много работаетъ надъ составленіемъ „Азбуки“. Она появляется въ 1872 году, и въ переработанномъ видѣ въ 1875 г. Этотъ новый трудъ Толстого въ области педагогическія вызываетъ опять нападки. Въ 1874 г. Толстой печатаетъ въ „Отеч. Зап.“ статью „О народномъ образованіи“, являющуюся откликомъ на эти нападки. Поѣхавъ на помощь голодающимъ въ Самарскую губернію, Толстой помѣщаетъ въ 1873 г. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ „Письмо къ издателямъ“.

Въ 1873—1876 г. г. Толстой создаетъ новое крупное художественное произведеніе—„Анну Каренину“, въ которой такъ глубоко и проникновенно вникъ въ психологію женщины и въ лицѣ Левина ярко изобразилъ назрѣвавшій разладъ въ своей душѣ. Съ появленіемъ „Анны Карениной“ литературная слава Толстого достигаетъ

апогея. „Анна Каренина“, — писалъ Достоевскій, — „есть совершенство, какъ художественное произведеніе, подвернувшееся какъ разъ кстаті, и такое, съ которымъ ничто подобное изъ европейскихъ литературъ въ настоящую эпоху не можетъ сравниться, а во-вторыхъ, и по идеѣ своей это уже нѣчто наше, свое, родное, и именно то самое, что составляетъ нашу особенность передъ европейскимъ міромъ, что составляетъ уже наше національное „новое слово“ или, по крайней мѣрѣ, начало его,—такое слово, котораго именно не слыхать въ Европѣ и которое, однако, столь необходимо ей, несмотря на всю ея гордость“. Духовный процессъ, начавшійся очень рано, завершился въ концѣ семидесятыхъ годовъ мучительнымъ кризисомъ. Съ тѣхъ поръ литературная дѣятельность Толстого еще въ большей степени слилась съ его личностью, съ ходомъ духовнаго развитія. Толстой уходитъ отъ художественнаго творчества въ религію, мораль, философію, публицистику. Съ конца 70-хъ годовъ онъ пишетъ длинный рядъ произведеній, посвященный этимъ вопросамъ и начавшійся „Исповѣдью“ (1879—1882).

Изъ художественныхъ произведеній Толстого второго періода его литературной дѣятельности нужно указать „Смерть Ивана Ильича“ (1886), „Власть тьмы“ (1886), „Крейцерову сонату“ (1889), „Плоды просвѣщенія“ (1889), „Хозяинъ и работникъ“ (1895) и, наконецъ, „Воскресеніе“ (1899).

Глубина психологическаго анализа, тонкое художественное чутье отвели Толстому уже давно одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди міровыхъ художниковъ, онъ признанъ всѣмъ міромъ, какъ замѣчательное явленіе въ исторіи человѣчества. Толстымъ русская литература имѣетъ полное право гордиться предъ Западомъ.

Но не только какъ художникъ, но и какъ моралистъ, Толстой получилъ всеобщее признаніе; нельзя указать среди современниковъ ни одного имени, которое поставило бы такъ остро вопросы жизни, религіи и морали, какъ Толстой. Онъ создалъ себѣ послѣдователей по всему міру. Излишне говорить о той популярности, которой пользуется Толстой; наглядное представленіе о ней даютъ статистическія данныя о распространеніи его произведеній. По приблизительному подсчету, сдѣланному С. А. Венгеровымъ около 10 лѣтъ назадъ, „Собранія сочиненій“ Толстого разошлись въ 80.000 экземплярахъ, „Хозяинъ и работникъ“ — въ 200.000, „Власть тьмы“ — въ 140.000, „Воскресеніе“ — 100.000. Съ тѣхъ поръ эти цифры безмѣрно разрослись. „Война и Миръ“ вышли 15 изданіями, послѣднія печатались въ 15.000 экземплярахъ. Въ одномъ 1908 г. по официальнымъ даннымъ только „Собраніе сочиненій“, „Плоды Просвѣщенія“, „Власть тьмы“, были напечатаны въ количествѣ

20.000 экземпляровъ. Литература о Толстомъ достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ. Представленіе о количествѣ написаннаго о Толстомъ можно получить по тому одному, что только сухой перечень написаннаго о немъ до 1902 г., сдѣланный Ю. Битовтомъ, составляетъ громадную книгу. 80-лѣтіе Толстого вызвало цѣлый потокъ литературы о немъ. Но не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ Толстой пользуется необычайной популярностью, является, несомнѣнно, самымъ популярнымъ именемъ. Сочиненія его переведены на всѣ литературные языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, шведскій, датскій, норвежскій, голландскій, польскій, чешскій, хорватскій, латышскій, эстонскій, финскій, татарскій, венгерскій, еврейскій и т. д. Нѣкоторыя произведенія вышли во многихъ изданіяхъ. Безконечно велико и количество статей о Толстомъ, появившихся на иностранныхъ языкахъ. Понятіе объ этомъ даетъ большой списокъ, помѣщенный въ „Каталогѣ толстовской выставки“, хотя въ этомъ списокѣ зарегистрирована далеко не вся литература.

Лучшая часть поэтическаго наслѣдія Толстого, его „Севастополь“, „Казаки“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Набѣгъ“, „Два гусара“ (не опубликованъ еще „Хаджи-Муратъ“) и, наконецъ, главные вершины его творчества, „Война и Миръ“ и „Анна Каренина“, неразрывно связаны съ исторіей родной земли. „Толстой—офицеръ и на войнѣ“, говоритъ объ этой сторонѣ его творчества П. Красновъ („Русскій Инвалидъ“, № 244). „Онъ въ Севастополѣ—онъ видитъ раны и кровь, онъ видитъ войну такъ, какъ она есть. Онъ отличается храбростью, отлично служить. Сначала появляются „Севастопольскіе рассказы“, но война — такое міровое явленіе, которое оставляетъ надолго, если не на всегда, слѣдъ въ жизни всякаго человека, а чуткую, воспріимчивую душу Толстого она должна была настроить совершенно особенно. Въ 1856 году, обиженный тѣмъ, что не получилъ вполне заслуженной награды, Толстой подаетъ въ отставку и въ 1864 году садится за свой величайшій трудъ: за романъ „Война и Миръ“. Пять лѣтъ, по 1869 годъ, онъ писалъ этотъ романъ, охватившій на полотнѣ своемъ событія съ 1805 по 1812 годъ. Онъ подробно изучилъ эпоху и людей; онъ прочелъ все что могъ тогда найти объ этой войнѣ. Изъ изученныхъ имъ произведеній образовалась цѣлая библіотека, относящаяся къ этой, эпохѣ. Онъ далъ намъ въ этомъ романѣ широкія картины жизни русской начала XIX вѣка, онъ изобразилъ войну и военныхъ такъ, что они живыми смотрятъ на насъ, что мы ихъ видимъ, ихъ любимъ или ненавидимъ, что мы понимаемъ войну, увлекаемся ею. Богданъ — полковой командиръ павлоградскихъ гусаръ, Андрей

Болконскій, Друбецкой, Телянинъ, Денисовъ, Ростовъ, Жерковъ, Тимохинъ, Тушинъ, Платонъ Каратаевъ, Лаврушка—да, вѣдь, это не только живые люди, это типы русскихъ военныхъ, это богатѣйшая картинная галлерей портретовъ. Описываетъ ли Толстой мирныя сцены похода, смотры, рисуешь ли намъ кавалерійскую атаку, поединокъ батарей, громадное поле сраженія, — онъ всегда вѣренъ правдѣ, исторіи. Въ этомъ романѣ гр. Л. Толстой выше своихъ великихъ современниковъ—Достоевскаго, Гончарова и Тургенева. Его психологія изложена болѣе понятнымъ и красивымъ языкомъ, нежели то дѣлаетъ Достоевскій; онъ глубже Гончарова и Тургенева. Такъ создать типы людей, какъ создалъ ихъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ гр. Толстой, могли только міровые гени—Гомеръ, Шекспиръ, Гете. Какъ имена Шейлока, Отелло, Гамлета всегда будутъ вызывать въ мозгу нашемъ опредѣленное представленіе, такъ точно и Тушинъ, Друбецкой, Бергъ, Богданъчъ—всегда дадутъ намъ тотъ же типъ, то же лицо. „Войну и Миръ“ Толстого можно читать сотни разъ. Всякій разъ она рисуется новою и равно прекрасною. И, если мы не забыли славную эпоху Наполеоновскихъ войнъ, какъ позабыли и не помнимъ многого славнаго въ исторіи великой нашей родины, то этимъ мы обязаны почившему величайшему писателю земли русской. Это онъ одинъ сдѣлалъ больше, нежели тысячи музеевъ, сотни присяжныхъ историковъ. Его книги дали живой памятникъ войны, дали яркую картину, которая никогда не истлѣетъ, краски которой никогда не потемнѣютъ. Но,—если бы онъ далъ одинъ романъ „Войну и Миръ“! Черезъ пять лѣтъ, въ 1874 году, онъ подарилъ русскому обществу другой громадный романъ—„Анну Каренину“. И опять сказался великій художникъ. Онъ сумѣлъ изобразить жизнь петербургской бюрократіи, потомъ деревню уже послѣ освобожденія крестьянъ, новыхъ помѣщиковъ, жизнь офицера не на войнѣ, а въ свѣтѣ, скачки, ружейную охоту такъ, что видишь и точно узнаешь людей.

И онъ оставилъ насъ. Нѣтъ больше величайшаго изъ русскихъ людей и величайшаго человѣка на землѣ. Но вѣчно будетъ живъ онъ въ памяти міра и родного народа, и вмѣстѣ съ бессмертной памятью о немъ да не покинетъ Россію тотъ божественный Духъ, носителемъ котораго былъ почившій геніальный поэтъ и мудрецъ...

Страхъ смерти.

Разговоръ съ гр. Л. Н. Толстымъ.

Врилагаемая фотографія изображаетъ собой рѣдкій случай присутствія гр. Л. Н. Толстого съ нѣкоторыми членами его семьи, на многолюдномъ собраніи одного ученаго общества, въ стѣнахъ Московскаго университета, въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Какъ извѣстно, Л. Н. всегда избѣгалъ подобныхъ многолюдныхъ собраній и, при его обширной популярности, ему трудно было бы и непріятно въ нихъ появляться благодаря постояннымъ оваціямъ и шуму, сопровождавшему его появленіе. Тѣмъ не менѣе одинъ разъ мнѣ пришлось видѣть его въ такомъ собраніи и даже вести очень любопытный разговоръ. Какъ видно на данной фотографіи, Л. Н. съ своей супругою Софьей Андреевной и дочерью Татьяной Львовной, посаженъ былъ распорядителемъ проф. Мороховцемъ впереди всей аудиторіи передъ самой кафедрой докладчика, читавшаго о цвѣтной фотографіи, тогда новинкѣ. Лекторомъ былъ извѣстный специалистъ П. В. Преображенскій и какой-то военный педагогъ. Присутствовала вся ученая Москва—tout Moscou. Множество профессоровъ, кажется, со всѣхъ факультетовъ: проф. Эрисманъ, проф. Миллеръ, проф. Чериновъ, гр. Комаровскій, проф. Булдинъ, Некрасовъ, литераторъ Баранцевичъ, Баснинъ и мн. др., затѣмъ нѣсколько дамъ—курсистокъ и изъ профессорскихъ семействъ. На первомъ планѣ—инспекторъ студентовъ Давыдовъ и нѣсколько дальше—извѣстная въ Москвѣ своимъ знакомствомъ въ профессорскихъ кругахъ кн. Мышецкая. Студентовъ относительно было мало, отчасти по недостатку мѣсть, такъ какъ обширная фізіологическая аудиторія уже была переполнена, а отчасти, можетъ быть, дѣятельный распорядитель Л. З. Мороховецъ избѣгалъ раздавать билеты молодежи ради спокойствія Льва Николаевича, въ присутствіи котораго она не обошлась бы безъ повторныхъ овацій и шума, какъ тому уже были прецеденты; впрочемъ, изъ женской молодежи—курсистокъ было довольно много.

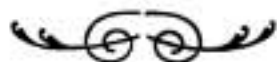
Высокопочитаемый Левъ Николаевичъ послѣдніе годы имѣлъ слабость охотно бесѣдовать о смерти; я припоминаю: въ теченіе моего двадцатипятилѣтняго знакомства съ нимъ, онъ говорилъ со мною на эту тему три раза. Это тѣмъ болѣе удивительно, что описываемое засѣданіе происходило около 20 лѣтъ тому назадъ и, слѣдовательно, Толстой былъ тогда еще не такъ старъ. Я сидѣлъ, какъ видно изъ фотографіи, непосредственно сзади Льва Николаевича съ женой и пріютилъ около себя двухъ мальчиковъ изъ дружественныхъ семей— Ѳедю Миллера и Ѳедю Эрисмана, оба около 10 лѣтъ возрастомъ, которымъ достались сначала мѣста очень далеко позади, и они плавали въ блаженствѣ около меня, сидя близъ Толстого, видя и слыша его!

Передъ началомъ доклада или въ серединѣ его во время антракта, Л. Н. вдругъ обернулся ко мнѣ и, къ моему удивленію, произнесъ вопросъ, который ставилъ мнѣ, какъ я говорилъ, два раза раньше: „Скажите, Иванъ Ивановичъ, боитесь ли вы смерти?“ Я ему отвѣтилъ нѣсколько уклончиво: „Я не особенно озабоченъ этимъ вопросомъ и мало думаю о немъ; если боюсь, то исключительно предсмертныхъ страданій болѣзни“.— „Это потому“, отвѣтилъ Толстой: „что вы сравнительно молоды. Будете старѣе и слабѣе, станете чаще вспоминать о ней, какъ я. А вотъ дѣти совсѣмъ не думаютъ о смерти и нисколько ея не боятся“. Затѣмъ, спросивши меня, кто были мальчики, около меня сидящіе, и какъ ихъ звать, онъ быстро обратился къ нимъ. „Ты, Ѳедя, боишься смерти?“ спросилъ онъ ласковымъ, нѣжнымъ тономъ.— „Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, не боюсь“.— „А ты, другой Ѳедя, боишься?“— „Я тоже не боюсь“.— „Ну, вотъ видите“: сказалъ Толстой, „несомнѣнно я былъ правъ. Вопросъ о смерти тревожитъ преимущественно лишь стариковъ и больныхъ. Значитъ, это прежде всего вопросъ возраста“.

Къ счастью, для Россіи и всего міра тревога Льва Николаевича была не основательна, и онъ прожилъ съ тѣхъ поръ около двадцати лѣтъ на всеобщее благополучіе и далъ міру еще много цѣнныхъ произведеній своего пера. Я вспоминаю также, что я замѣтилъ ему какъ бы для утѣшенія, съ какой стати онъ такъ занятъ этимъ вопросомъ о смерти, когда онъ за свои великіе труды уже *безсмертенъ* при жизни и будетъ таковымъ же послѣ смерти! На что онъ мнѣ отвѣтилъ: „Да я-то не буду ничего чувствовать и сознавать“.

Прилагаемая фотографія снята была при свѣтѣ магнія художникомъ, помѣщавшимся на возвышеніи, въ углу аудиторіи, и снималась два раза, почему произошло нѣкоторое перемѣщеніе среди публики.

Иванъ Янжуль.

Высокопочитаемый Левъ Николаевичъ послѣдніе годы имѣлъ сла-
 бость охотно бесѣдовать о смерти; я припоминаю: въ теченіе моего

два

эту

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

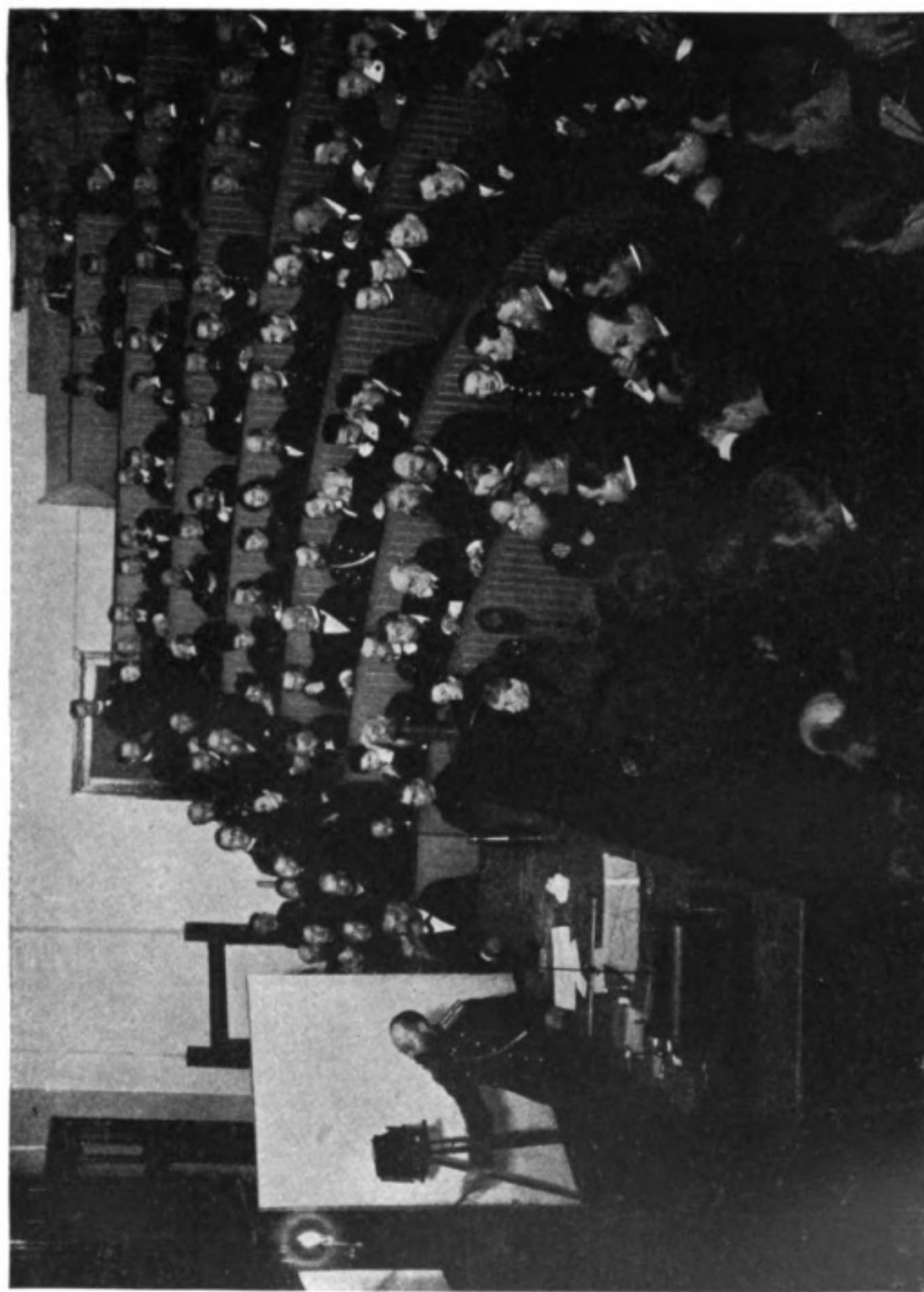
и

и

и

и

и

Публичное, ученое, засѣданіе въ физиологической аудиторіи Московскаго Университета.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1911 годъ.

Вступая въ 1911 году въ сорокъ второй годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1911 году: **А. Ө. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. Ө. Пирлинга** — **В. С. Печеринъ** въ перепискѣ съ **И. С. Гагаринымъ**. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается: **Островскаго**, **Полонскаго**, **Писемскаго**, **Гайдебурова**, **Юрьева**, **Елисѣева**, **Щелгунова**, **Успенскаго**, **Кони**, **Соловьева**, **Крылова**, **Чичерина**, **Муромцева**, **Стороженко**, **Бунге**, **Деянова**, **Боголюбова**, **Побѣдоносцева**, **Витте** и др. **А. А. Мазонъ** — Къ освященію цензорской дѣятельности **И. А. Гончарова** (неизданные матеріалы). **А. Лебедевъ** — **Николай Гавриловичъ Чернышевскій**. **П. Л. Юдинъ**. — Изъ жизни **Н. И. Костомарова** въ Саратовѣ. **Е. А. Лехачевскій**. — Первообразъ русскаго народа. **Графа А. К. Толстого**. **А. И. Слезкинскій**. — Тайный другъ Пушкина. **М. Е. Васильевой**. — Записки крѣпостной. **Л. Н. Любимова**. — Изъ жизни инженера путей сообщенія. **А. Синицина**. — Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріяшевой**. — Воспоминанія стараго педагога. **В. В. Шереметевскаго**. — Басурманская неволя. **Де Ливрона**. — Изъ воспоминаній о плаваніи на клиперѣ „Стрѣлокъ“. **Г. А. Данилова**. — Сибирская казачья дивизія въ походъ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Ө. Г. Тернера**. Воспоминанія жизни (о Вышнеградскомъ, Витте, Рейтернѣ, Юнинѣ, гр. А. А. Ливенѣ, гр. Валувѣ, Горемыкинѣ, **Н. Н. Дурново**, **Сипягинѣ**, **Ванновскомъ**, гр. **К. И. Паленѣ**, **К. К. Гротѣ**, **М. Н. Анненковѣ**, гр. **Л. Н. Толстомъ**, **А. Г. Рубинштейнѣ**, **Айвазовскомъ**, **Захарьинѣ**, ст. секр. **Безобразовѣ**, гр. **А. А. Толстой**, **Е. А. Нарышкиной**, кн. **Ек. Радзивиллѣ**, **Бисмаркѣ** и др.). **И. Лаврентьевой**. — Другъ дѣтей. — Изъ жизни **Е. М. Бемъ**. — Свѣтлый лучъ изъ дальнихъ лѣтъ. **Т. П. Пассекъ**. **Е. А. Альбовскаго**. — Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **Д. Перскій**. — Новый директоръ. **Міокотисанъ**. На бордажѣ. **М. В. Безобразовой**. — Дневникъ академика **В. П. Безобразова**. **Ф. Д. Филоненко**. — Изъ подольской старины. (Изъ быта духовенства). „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **О. А. Новиковой**. **Н. Раевскій**. — Къ постройкамъ стараго Петербурга. **А. И. Сергѣева**. — Изъ быта духовенства. **Е. А. Рагозиной**. — Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. **Игнатьева**, **Нелидова**, **Ону**, **Макѣева**, кн. **Церетели**, **Гобартъ-паши**, сэра **Элліотта**, **Зичи**, гр. **Корти**, **лорда Сольсбери**, **бар. Каличе**, **Кіамиль-паши**, **Митхадъ-п.**, **Османъ-п.**, **Керимъ**, **Намукъ**, **Сивфеть**, **Мухтаръ-пашей** и др. **А. Е. К.** — **М. И. Драгомировъ** во время Австро-Прусской войны. **И. И. Онопере**. — 11 лѣтъ въ театрѣ (о **Вагнерѣ**, **Сѣровѣ**, **Ларошѣ** и др.). **А. А. Чебышева**. — Письма **П. А. Катенина** — **И. А. Бахтину** и много другихъ историческихъ изслѣдованій и воспоминаній.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

**„Стенографическій Отчетъ Портъ-
 Артурскаго процесса“.**

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПб. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

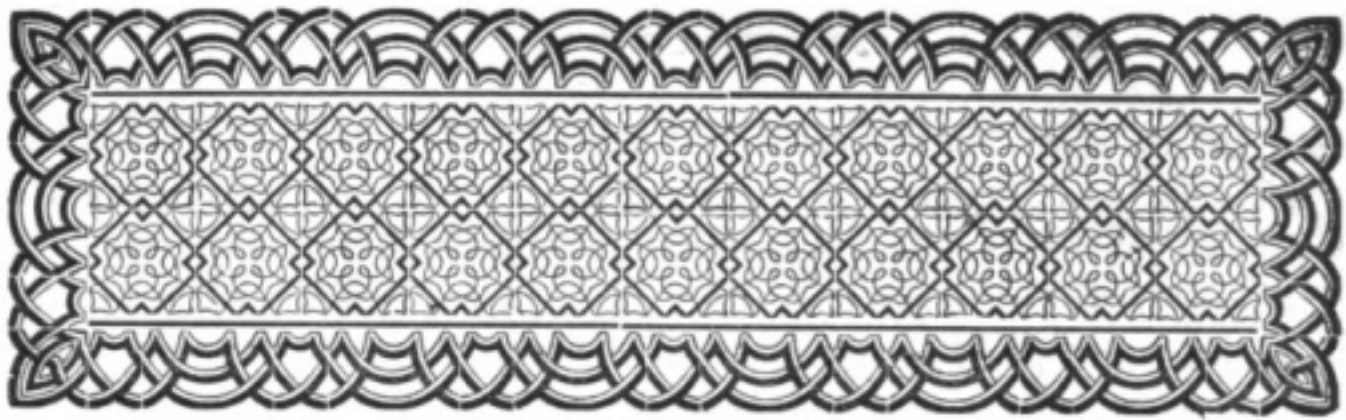
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Житейскія встрѣчи.

IV¹⁾.

Нѣсколько живыхъ воспоминаній оставило во мнѣ пребываніе на морскихъ купаніяхъ въ Остенде въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ. Тогда это мѣсто еще не поражало тою роскошью, которою, судя по описаніямъ и изображеніямъ, оно блистаетъ теперь. На великолѣнномъ пляжѣ возвышались всего двѣ постройки: обширный Cercle des bains съ концертнымъ заломъ и библіотекой и ресторанъ подъ названіемъ Cercle de Phare. Въ первое мое пребываніе, во второй половинѣ іюля 1869 года, русскихъ въ Остенде почти не было,—по крайней мѣрѣ, мой слухъ и взоръ не уловили, до самаго отъѣзда, въ пестрой и оживленной толпѣ ни родного звука, ни родного лица.

Находясь, поэтому, въ полномъ одиночествѣ, я удѣлялъ довольно много времени чтенію въ читальномъ залѣ Cercle des bains, слѣдя по французскимъ газетамъ за послѣдними попытками Наполеона III-го укрѣпить свою власть среди все болѣе и болѣе развивавшейся оппозиціи, питаемой между прочимъ и остроумно-ядовитыми выходками Рошфора въ его маленькихъ красненькихъ Lanternes.

Винювникъ этихъ ѣдкихъ литературно-политическихъ укусовъ бѣжалъ изъ Франціи, но и изъ-за границы продолжалъ, дразня и

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1910 г.

язвы своего врага, подтачивать и колебать его престолъ. Однажды, когда я читалъ Figaro, ко мнѣ подошелъ высокій французъ съ блѣднымъ лицомъ, черными усами и бородкой и мелко-курчавыми, густыми волосами, сбитыми, какъ шапка, въ одну сторону. Argez vous s'il vous plaît — сказалъ онъ мнѣ, вѣжливо приподнимая шляпу, и съ тѣхъ поръ это повторялось не разъ, такъ что иногда, если я оканчивалъ Figaro раньше его прихода, — я клалъ газету въ какое-либо укромное мѣсто и, выйдя на морскую набережную, говорилъ моему французу при встрѣчѣ, гдѣ можно найти интересующій его номеръ. Однажды мы вышли вмѣстѣ изъ читальной комнаты на берегъ моря. Vous êtes bien complaisant, M-r, — сказалъ онъ — vous n'êtes pas français, — n'est-ce pas? Etes-vous américain, hollandais? — Je suis russe, M-r. — Ah vous êtes russe! Votre patrie a un bel avenir! и онъ сталъ говорить обычныя, банальныя и фальшивыя любезности, бывшія одно время сильно въ ходу у французовъ относительно русскихъ. Voilà Rochefort qui fait la Lanterne! — кричали между тѣмъ уличные мальчишки, неистово стуча своими деревянными sabots по каменной набережной. Voilà Rochefort qui fait la Lanterne! — Où est-il donc ce fameux Rochefort? — спросилъ я своего спутника. — C'est moi, monsieur, отвѣтилъ мнѣ онъ, весело улыбаясь.

Только наканунѣ отъѣзда въ Парижъ я, сидя за столикомъ въ антрактѣ музыкальнаго отдѣленія, неожиданно увидѣлъ за другимъ столикомъ, прямо предъ собою господина, котораго мѣшковатый костюмъ, круглое лицо съ добродушной складкой губъ, голубые глаза, небрежная прическа бѣлокурыхъ волосъ и бороды и — главное — бѣлый картузь форменнаго образца съ лакированнымъ козырькомъ — съ несомнѣнностью доказали мнѣ, что это соотечественникъ. По его скучающему взору, которымъ онъ лѣниво обводилъ присутствующихъ, и по зѣвкамъ, прикрываемымъ стыдливо ладонью руки, было видно, что онъ такъ же, какъ и я, одинокъ въ шумномъ фламандскомъ уголкѣ и по горестному — въ своемъ внутреннемъ смыслѣ и значеніи — русскому выраженію „не знаетъ, какъ убить время“. Мнѣ, однако, хотѣлось проверить мои догадки. Я прошелъ въ сосѣднюю salle de lecture и, принеся оттуда надѣтый на палку номеръ „Московскихъ Вѣдомостей“, сталъ читать его, повернувъ названіе къ незнакомцу. Не прошло и пяти минутъ, какъ пухлая, покрытая рыжеватыми волосами рука безцеремонно отогнула заслонявшій меня листъ газеты, и мой незнакомецъ, широко улыбаясь, сказалъ мнѣ: „батюшка, да вы русскій! вотъ радость-то! Извините меня, что я такъ... Я просто ошалѣлъ отъ скуки: не съ кѣмъ слова перемолвить. Я по-французски швахъ,

да и люди здѣсь все какіе-то накрахмаленные: на рыжей свиньѣ къ нимъ не подѣдешь. Позвольте къ вамъ подѣсть. Я вотъ, видите ли,—продолжалъ онъ, усаживаясь за мой столикъ,—служилъ въ военной службѣ, и есть у меня пріятель, сосѣдъ по имѣнію въ N уѣздѣ. Вышли мы оба въ отставку послѣ Крымской войны, да и попали въ мировые посредники. Участки у насъ сосѣдніе. И жить бы намъ да поживать, да пріятель мой, представьте себѣ, вдругъ ни съ того, ни съ сего вздумалъ жениться. А мы жили душа въ душу: то онъ у меня, то я у него. Жена у него, знаете, добрая, но только щеголиха большая, такъ его забрала въ руки, что и на-поди! Онъ вышелъ въ отставку, да и говорить мнѣ: „ну, гдѣ тебѣ одному своимъ хозяйствомъ жить! Переѣзжай къ намъ, мы тебя устроимъ, ты будешь у насъ, какъ родной, а жена тебѣ опуститься не дастъ: видишь, какъ меня подтянула“. Вотъ я къ нимъ и переѣхалъ, и живемъ себѣ ничего, ладно. Только вздумали они за границу поѣхать, да и говорятъ мнѣ: „Что жъ тебѣ одному оставаться: вѣдь это никакъ невозможно. Поѣдемъ вмѣстѣ“. Ну, я и радъ, потому что самъ-то никогда бы не собрался, а все-таки интересно, да еще знай я языки, такъ многому и поучиться можно. Пожили мы въ Берлинѣ, да въ Брюсселѣ и направились сюда, но только у спутницы нашей глаза на разныя покупки разбѣжались: она и застряла съ мужемъ въ Брюсселѣ; шьетъ себѣ платья да кружева покупаетъ. Чай, совсѣмъ мошну растрясла. А меня они просили поѣхать впередъ — квартиру присмотрѣть: не хочется жить въ гостиницѣ, а такъ, чтобы быть у себя. Однако, квартиры я не нашелъ: которыя есть—отъ моря далеко, да и рыбой въ нихъ во всѣхъ почему-то пахнетъ. Я вотъ и написалъ имъ обо всемъ, да и жду отвѣта, а самъ живу въ Ship-hôtel, тутъ неподалеку. А съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?“ Я назвалъ себя. „А зачѣмъ вы за границей: лѣчиться или провѣтриться?—Лѣчиться и учиться. „Такъ. А не выпить ли намъ шипучаго? Я, право, такъ радъ, что встрѣтилъ русскаго: хоть душу отведешь“. Я отказался и спросилъ моего словоохотливаго собесѣдника о томъ, нравится ли ему Остенде. „Ну еще бы,—отвѣтилъ онъ, — одно купанье чего стоитъ. Я, знаете, не тутъ, со всѣми купаюсь; скучно эти портки-то ихніе на себя натягивать,—а тамъ, подальше мѣсто есть, парадизомъ называется. Такъ просто выходить изъ воды не хочется. Сначала и холодновато, а потомъ какая благодать! Выйдешь, точно двадцать лѣтъ съ костей долой, а ѣсть такъ хочется, что хоть три табль-д’ота впору съѣсть. Особенно хорошо купаться по вечерамъ. Вчера пароходъ шелъ въ Англію, а на морѣ было тихо, такъ волны отъ него, мнѣ показалось, будто даже свѣтятся. Я все ихъ поджи-

далъ. Впрочемъ, я утромъ хорошо“.—Но вѣдь вы разъ купаетесь, конечно?—Нѣтъ, два.—Да вѣдь это вредно. Морскія купанья нужно принимать умѣренно и въ водѣ оставаться не болѣе трехъ-четыре-хъ минутъ. А вы, пожалуй, остаетесь дольше?—„Еще бы! Я, знаете, не выхожу, покуда весь даже не посинѣю. А что относительно одного раза, такъ это, повѣрьте, нѣмцы выдумали, потому что они цирлихъ-манирлихъ, и все у нихъ по часамъ, да по минутамъ рассчитано. Русскому человѣку это вовсе не подходитъ. Да я у себя въ деревнѣ въ жаркій день войду, бывало, въ рѣчку, возьму зонтикъ, да газету, „Московскія Вѣдомости“, на плоту разложу, зонтикомъ отъ солнца прикроюсь, да и стою въ водѣ, пока весь номеръ не прочту. Вотъ это настоящее купанье, а не пустая возня, ради которой раздѣваться и одѣваться тоска возьметъ“. — Я попробовалъ его убѣдить въ крайней опасности его отношенія къ морскимъ купаніямъ, но онъ упорно стоялъ на томъ, что все это нѣмцы выдумали, и что такъ какъ ему, вѣроятно, не придется второй разъ пріѣхать въ Остенде, то было бы странно, если бы онъ не накупался всласть. Мы прошли по эстакадѣ, поговорили о родинѣ, связь съ которой такъ сильно чувствуется именно за границей, и разстались въ надвигавшемся ночью мракѣ.

Прошло недѣль шесть. Въ ясный и бодрящій сентябрьскій праздничный день я сидѣлъ на скамеечкѣ въ Елисейскихъ поляхъ въ Парижѣ, а мимо рѣкою текла нарядная и оживленная толпа. Увлекаемые ею, прошли мимо меня, сопровождая даму, двое мужчинъ, при чемъ одинъ волочилъ ногу и шель, повидимому, съ нѣкоторымъ трудомъ. Миновавъ меня, онъ обернулся, пристально на меня посмотрѣлъ и что-то сказалъ своимъ спутникамъ, которые тоже посмотрѣли на меня и остановились. А онъ, постоявъ нѣсколько мгновений въ нерѣшимости, направился ко мнѣ, хромя и ковыляя, и не безъ труда двигая перекосившимися губами, плохо повинующимся языкомъ, сказалъ мнѣ: „А.... а.... в....в....ы м....меня не....е узнаете“?.. и, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ, прибавилъ: „а въ Ост...тенде помните“?.. Только тутъ изъ поблѣднѣвшаго и страдальческаго лица съ потухшими глазами на меня глянули добродушные черты моего мимолетнаго знакома. „Боже мой!—неволью воскликнулъ я—что же это съ вами?“ Легкая судорога пробѣжала по его лицу, глаза покраснѣли.... „До...о...ку...п...п...ал...ся!“ многозначительно отвѣтилъ онъ мнѣ.

Онъ познакомилъ меня со своими спутниками, а послѣдніе уговорили поѣхать съ ними въ St.-Cloud, гдѣ происходили, по случаю празднованія въ честь довольно сомнительнаго святого, изобрѣтеннаго ad hoc въ честь Наполеона III, народныя гулянья и различныя празднества.

Въ St.-Cloud, куда мы прїѣхали по желѣзной дорогѣ, насъ встрѣтили невообразимые для русскаго человѣка шумъ, гамъ и веселье. Блузники и степенные буржуа, солдаты, кормилицы, дѣти всѣхъ возрастовъ, иностранцы и самый разнообразный людъ толпились среди шатровъ, легкихъ построекъ и эстрадъ, устроенныхъ для всевозможныхъ развлеченій, — среди вертящихся каруселей и всякаго рода кухонь, расположенныхъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ подъ громкими названіями готовились неприхотливыя кушанья изъ провизіи, въ прохожденіе которой не слѣдовало слишкомъ пристально вникать. Вся эта толпа, съ точки зрѣнія жителя страны, которая, по выраженію Шевченко „благоденствуетъ—бо молчитъ“, просто безчинствовала: пѣла и свистала, перекидывалась громкими возгласами, хохотала и отъ стара до млада неустанно и почти непрерывно дудѣла въ особыя картонныя трубки, свернутыя на подобіе рупора, оклеенныя пестрой бумагой и нерѣдко украшенныя бумажными цвѣтами. Эти „mirlitons“ были, повидимому, необходимой принадлежностью всякаго парижанина, посѣщавшаго la foire de St.-Cloud. Насмотрѣвшись на эти бьющія ключемъ жизнь и веселье, мы пообѣдали тутъ же въ маленькомъ ресторанчикѣ и отправились въ большой шатеръ, на которомъ было написано „Val Markovsky“. Здѣсь новая толпа зрителей насъ вскорѣ раздѣлила, и мы потеряли другъ друга. Общество иностранцевъ, съ плотоядной жадностью пожиравшихъ глазами рискованныя позы канканирующихъ дамъ и безстыдныя тѣлодвиженія мужчинъ (очевидно, приглашенныхъ специально, чтобы содѣйствовать great attraction), не надолго удержало меня въ спертomъ воздухѣ яко-бы популярнаго бала, и я рѣшилъ уѣхать домой. Но осуществить это намѣреніе оказалось очень трудно.

Входъ на станцію желѣзной дороги былъ совершенно запруженъ толпою, а мѣста въ вагонахъ единственной тогда въ Парижѣ конно-желѣзной дороги брались съ бою. Приходилось или ждать до поздняго вечера, или участвовать въ этой свалкѣ, или, наконецъ, отправиться въ Парижъ пѣшкомъ. Я избралъ послѣднее и направился по безконечной каштановой аллеѣ. Въ ней, однако, оказался цѣлый рядъ своеобразныхъ экипажей съ двумя длинными параллельными скамьями подъ полотнянымъ навѣсомъ на желѣзныхъ стержняхъ, съ входною дверцею и тусклымъ фонарикомъ въ глубинѣ. Проѣздъ до Парижа стоялъ 80 сантимовъ. Эти „всигулы“ тоже быстро наполнялись ѣдущими домой, но въ одномъ изъ нихъ нашлось мѣсто и для меня. Составъ публики былъ самый разнообразный: два солдата, почтеннаго вида старикъ въ очкахъ, оказавшійся докторомъ, — нѣсколько буржуазныхъ паръ, — толстая дама въ чепцѣ съ развѣвающимися лентами, — „blanchisseuse en linge fin“, какъ значилось на

ея визитной карточкѣ, данной мнѣ при прощаніи,—нѣсколько молодыхъ людей (повидимому, студентовъ) съ молодыми дѣвцами, изъ которыхъ одна положила голову на плечо своего сосѣда и тотчасъ же заснула. Только что мы двинулись въ путь, какъ большинство сидѣвшихъ вооружилось „мирлитонами“ и начало въ нихъ усердно дудѣть, не исключая и почтеннаго доктора и моей сосѣдки въ чепцѣ. Это дудѣніе сливалось въ оглушительный хоръ, когда насъ обгонялъ чей-нибудь собственный экипажъ, въ особенности если въ немъ, горделиво развалиясь, полулежала, выставивъ напоказъ красивыя ботинки, какая-либо дама полусвѣта. Когда всѣ устали отъ этой какофоніи, докторъ, сидѣвшій противъ меня, обратился къ моей сосѣдкѣ съ вопросомъ: а что, если бы намъ спѣть?—Та многозначительно подняла брови и лаконически спросила: что?—Докторъ промурлыкалъ какой-то мотивъ, она кивнула головой, и оба они разбитыми голосами затянули какую-то пѣсенку. Всѣ пассажиры встрепнулись; спавшая гризетка раскрыла глаза. Припѣвъ къ пѣсенкѣ подхватили уже всѣ пассажиры нашего экипажа. Затѣмъ, пѣсни слѣдовали одна за другой безъ перерыва, съ необыкновеннымъ оживленіемъ и веселостью. Докторъ дирижировалъ рукою и въ особенно сильныхъ мѣстахъ топалъ ногою. Звуки подобнаго же пѣнія неслись и изъ другихъ, похожихъ на нашъ, экипажей. Наконецъ, наступила краткая пауза, и докторъ, сурово наморщивъ брови, обратился ко мнѣ: „Et vous, mon vieux (мнѣ было 23 года), pourquoi ne chantez vous pas?“ — Je ne connais pas vos chansons, monsieur. — Vous êtes allemand?—Non, je suis russe.—Ah, messieurs!—вскричалъ онъ—nous avons parmi nous un russe! Salut à la Russie! Ah, monsieur, votre pays a un grand avenir. Je ne vous dis que ça... seulement la Pologne, monsieur, la pauvre Pologne! (тогда были живы отголоски агитаціи, поднятой въ Западной Европѣ польскимъ возстаніемъ 1863 года). Enfin, basta così. Chantons!“—и онъ запѣлъ снова. Но, вотъ мы внезапно остановились. Кондукторъ открылъ дверцу, и въ ней показалась типичная фигура французскаго жандарма въ традиціонной треуголкѣ и съ эспаньолкой, которую тогда, по примѣру императора, многіе носили во Франціи. Оказалось, что мы были у въѣзда въ Парижъ и приходилось платить „октруа“ за предметы, подлежавшіе таможенному платѣ. Почему это былъ жандармъ, а не агентъ таможни,—я не знаю. Вѣроятно, это объяснялось наплывомъ проѣзжихъ черезъ эту заставу.

„Avez vous quelque chose à déclarer?“—строго спросилъ блюститель порядка и на отрицательный отвѣтъ, воскликнулъ: partez! Но, едва мы двинулись, какъ та гризетка, которая вновь успѣла сладко заснуть на плечѣ у своего спутника, встрепнулась и закричала: агге-

tez, arrêtez! Nous avons à déclarer! Произошло замѣшательство. Нашъ экипажъ былъ остановленъ, и въ раскрытыхъ дверцахъ снова появилась голова жандарма съ суровымъ на этотъ разъ выраженіемъ.—„Et bien, qu'est ce que vous avez à déclarer?“ — грозно спросилъ онъ. Гризетка вскочила съ своего мѣста и, дѣлая почтительный реверансъ, сказала: nous avons nos mirlitons et notre gaité.—Ah Sacre nom..!—закричалъ жандармъ, захлопывая дверцу, но губы его невольно распустились въ улыбку подъ густыми усами, а всѣ ѣхавшіе громко засмѣялись и зааплодировали. Подъ эти аплодисменты мы и въѣхали въ Парижъ. Но, здѣсь всѣ притихли, начали обмѣниваться сообщеніями о предстоящей на завтра работѣ, и когда мы всѣ разошлись около Palais Royal, серьезная атмосфера трудового Парижа уже охватила большинство обладателей веселыхъ мирлитоновъ. И теперь, почти черезъ сорокъ два года, эта заразительная веселость и умѣнье разумно пользоваться благами жизни съ особенною живостью вспоминаются мнѣ, на-ряду съ нашимъ роднымъ печально-добродушнымъ „до-о-ку-шал-ся“.

Черезъ два года мнѣ опять пришлось быть въ томъ же Остенде. На этотъ разъ я встрѣтилъ многихъ соотечественниковъ. Двѣ изъ этихъ встрѣчъ мнѣ вспоминаются съ особою живостью. Одновременно со мною окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ добродушный обрусѣвшій толстякъ, слышій между товарищами за чело-вѣка весьма образованнаго и трудолюбиваго. Лично мы не были знакомы. Но въ Остенде, черезъ восемь лѣтъ по окончаніи курса, я снова увидѣлъ его оригинальное лицо, которое привлекало къ себѣ вниманіе тѣмъ, что одинъ его усъ былъ темнорыжаго цвѣта, а другой ярко серебрился преждевременной сѣдиной. Мы познакомились и сошлись на почвѣ незабвенныхъ воспоминаній нашего студенчества. Узнавъ, что я не женатъ, онъ серьезно попенялъ мнѣ, что я лишаю себя высшаго счастья на землѣ, ссылаясь на свой собственный опытъ, а затѣмъ, тутъ же на пляжѣ, представилъ меня своей супругѣ—толстенькой блондинкѣ съ небесно-голубыми глазами и губами „сердечкомъ“. Въ любви къ нему и заботѣ о немъ супруги не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Она постоянно слѣдила за нимъ съ любящимъ и тревожнымъ выраженіемъ глазъ и часто прерывала нашу бесѣду просьбами, чтобъ онъ застегнулся или поднялъ воротникъ, или не говорилъ противъ вѣтра, при чемъ ея заботливыя руки немедленно спѣшили избавить его отъ труда, исполнивъ сами ея просьбу относительно пуговицъ и воротника, или съ нѣжной лаской заслоняли ему ротъ отъ холоднаго дыханія Ламанша. Когда

мы остались вдвоемъ, онъ умиленно спросилъ меня: „видѣли?“ И прибавилъ: „это ангелъ!“

Однажды я собрался поѣхать въ старинный фламандскій городъ Брюгге, чтобы посмотрѣть на его удивительныя средневѣковыя зданія и знаменитое „житіе святой Урсулы“, написанное Гансомъ Мемлингомъ на столѣ госпиталя, гдѣ онъ лечился отъ ранъ, полученныхъ во время тридцатилѣтней войны,—представляющее собою одно изъ геніальнѣйшихъ произведеній фламандской живописи. Мужъ „ангела“, узнавъ о моемъ планѣ, выразилъ горячее желаніе быть моимъ спутникомъ и взять при этомъ съ собою жену. Зная, что придется много ходить и лазить по лѣстницамъ, и желая использовать свою поѣздку безъ всякой помѣхи, я предложилъ ему ограничиться путешествіемъ вдвоемъ, что ему, повидимому, очень улыбнулось.— „Но, какъ же я оставлю жену?“

— „Мы выѣдемъ въ семь часовъ утра—замѣтилъ я—и къ часу можемъ быть дома, а если посѣтимъ и Гентъ, чтобы посмотрѣть Рубенса и побывать въ извѣстномъ по своему богатству зоологическомъ саду, то можемъ вернуться къ семи часамъ. Такимъ образомъ, ваша разлука будетъ очень непродолжительна, а практика путешествій учить, что странствованіе втроемъ всегда представляетъ неудобства“.—„Да, да, поѣдьте и въ Гентъ!—воскликнулъ онъ—и конечно, лучше вдвоемъ. Но только какъ сказать объ этомъ женѣ?“

— „Позвольте это мнѣ принять на себя!“

И въ тотъ же вечеръ, я сказалъ „ангелу“, пребывавшему на пляжѣ, что я уговариваю ея супруга поѣхать со мною завтра въ Брюгге и Гентъ и хочу ее просить отпустить его со мною, ручаясь возвратить его къ семи часамъ въ полной цѣлости и неприкосновенности.—„Ты хочешь ѣхать?“—протянула она удивленнымъ тономъ.— „Да, видишь, какъ старые товарищи... это такъ интересно... а тебѣ утомительно... вѣдь къ вечеру я буду назадъ... вѣдь мы, какъ товарищи... и много надо ходить... а здѣсь будетъ хорошая погода...“ Она строго посмотрѣла на него, перевела затѣмъ на меня удивленный и обиженный взоръ, сказала: „если онъ хочетъ ѣхать и меня оставить одну, то вы можете его взять съ собой!“ и, пожавъ плечами, оставила насъ.

На другой день рано утромъ я увидѣлъ уже издали радостную улыбку подъ разноцвѣтными усами и, провожаемые укоризненнымъ взглядомъ небесно-голубыхъ глазъ, мы двинулись въ путь. Мой спутникъ былъ чрезвычайно оживленъ, въ приподнятомъ и праздничномъ настроеніи, сыпалъ анекдотами и остротами и былъ просто неузнаваемъ. Къ искусству онъ, впрочемъ, относился довольно равнодушно, но города его весьма интересовали, а въ особенности

всецѣло овладѣлъ его вниманіемъ чудесный зоологическій садъ въ Гентѣ. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ напоминать ему, что пора отправляться на станцію желѣзной дороги. — „Es ist die höchste Zeit zum einsteigen!“—говорилъ я ему, подражая нѣмецкимъ „шафнерамъ“. Но онъ успокаивалъ меня тѣмъ, что мы возьмемъ извозчика. Однако, при выходѣ, такового не оказалось, и намъ пришлось устремиться почти бѣгомъ на станцію, на путяхъ которой стояло нѣсколько поѣздовъ въ разныхъ направленіяхъ. Около нихъ, какъ муравьи, копошились пассажиры и проводатые. —Сюда, сюда!—сказалъ мнѣ, задыхаясь отъ усталости мой спутникъ, увлекаая меня въ одинъ изъ этихъ поѣздовъ—Да нашъ ли это поѣздъ?—Нашъ, нашъ! Намъ въ эту сторону ѣхать, я ужъ знаю! И едва мы, запыхавшись, вошли въ вагонъ, поѣздъ тронулся.—Ну, слава Богу! сказалъ мой спутникъ, отирая потъ—а я, признаться, очень струсилъ, увидѣвши, что мы можемъ опоздать. Слава Богу, все въ порядкѣ!—Въ порядкѣ ли?—спросилъ я недовѣрчиво, глядя въ окно—мы мимо такихъ зданій и вотъ этой огромной мельницы не проѣзжали, ѣхавши сюда. Я это хорошо помню! А, вѣдь, сидѣли мы съ этой самой стороны!—Нѣтъ, мы ѣдемъ въ Остенде,—сказалъ онъ немного дрогнувшимъ голосомъ. — Pardons, madame,—обратился я къ сидѣвшей противъ меня дамѣ—avez la complaisance de dire où allons-nous?—Она удивленно на меня посмотрѣла и сказала: nous allons à Bruxelles, monsieur!—Поздравляю васъ! иронически обратился я къ моему товарищу, но дальнѣйшее замерло у меня на устахъ при видѣ его внезапно поблѣднѣвшаго лица, растеряннаго вида и выраженія испуга въ глазахъ.—То есть, позвольте—залепеталъ онъ.—Какъ же это?! Нельзя ли остановить поѣздъ? Вѣдь это ужасная ошибка! Я хочу выйти, на первой же станціи! Нѣтъ, да вѣдь, это совершенно невозможно!—Посмотрѣвъ въ расписание, я удостоверилъ его, что мы ѣдемъ въ экспрессъ, который до Брюсселя останавливается только на одной станціи, всего на три минуты, причемъ черезъ эту станцію встрѣчный поѣздъ проходитъ раньше насъ и что, поэтому, неминуемо надо ѣхать до Брюсселя. Боже мой!—восклицалъ онъ—что подумаетъ жена?! Вѣдь она придетъ насъ встрѣтить! Вѣдь, какое ей безпокойство! Она и безъ того такъ неохотно меня отпустила.. Она такой ангелъ! Это только для васъ она меня отпустила!...—При предстоящей остановкѣ вы можете ей послать успокоительную телеграмму „j'ai manqué le train, revenons demain matin, bien portant“.—Да? Вы думаете?—нерѣшительно сказалъ онъ.—Да что же другое можно сдѣлать?! Набросайте-ка скорѣй телеграмму, чтобъ затѣмъ не терять времени.—Она не повѣритъ!—печально сказалъ онъ—ужъ лучше пошлите телеграмму вы отъ себя!—Такъ и было сдѣлано съ

прибавленіемъ просьбы о прощеніи нашей оплошности. До Брюсселя онъ хранилъ угрюмое молчаніе и лишь нервно поигрывалъ пальцами у себя на колѣнкѣ. Поэтому, когда поздно вечеромъ мы очутились въ уже засыпавшей бельгійской столицѣ, гдѣ намъ рѣшительно нечего было дѣлать, онъ безъ всякихъ возраженій, съ видомъ человѣка, покорившагося судьбѣ, принялъ мое предложеніе поѣхать еще дальше, въ Антверпенъ и, осмотрѣвъ его утромъ, къ семи часамъ вечера вернуться въ Остенде. Въ Антверпенъ мы прибыли поздною ночью, съ трудомъ отыскали себѣ въ старомодной гостиницѣ мрачную и холодную комнату съ двумя кроватями у противоположныхъ стѣнъ, очевидно предназначенную для случайныхъ путешественниковъ, довольствующихся,—какъ это тогда еще было въ обычаѣ и въ Германіи,—половиной комнаты исключительно для ночлега. Утомленный путешествіемъ, я сталъ быстро засыпать подъ вздохи и кряхтенье моего спутника. Но, заснуть мнѣ удалось нескоро.—Вы спите? спросилъ онъ меня.—Нѣтъ, а что?—Нѣтъ, я такъ!..—Черезъ двѣ минуты тотъ же вопросъ повторился.—Нѣтъ, еще не сплю. Да что съ вами? вы здоровы?—Здоровъ, а такъ, что-то грустно.—Будемте грустить завтра, а теперь пора спать.—Вслѣдъ за этимъ я услышалъ звукъ босыхъ шаговъ, приближающихся къ моей постели; край моего тюфяка погнулся подъ тяжестью сѣвшаго человѣка и въ слабомъ лунномъ полусвѣтѣ (мы забыли опустить шторы) обрисовалась фигура самоувѣреннаго знатока поѣздовъ.—Ужъ не лунатикъ ли онъ!—подумалъ я.—Да что съ вами? Зачѣмъ вы не даете мнѣ заснуть?—Простите меня, *другъ мой*, отвѣтилъ онъ мнѣ упавшимъ голосомъ. Но мнѣ что-то такъ грустно, такъ грустно!. Извините меня! Спите спокойно!—и босые шаги удалились. Я уже началъ сладко погружаться въ какую-то бездонную, но пріятную пропасть, какъ былъ снова вызванъ къ реальной жизни громкимъ вопросомъ съ другого конца комнаты:—испытали ли вы когда-нибудь истерику?—Въ то время истерика еще считалась болѣзненнымъ припадкомъ, свойственнымъ только женщинамъ. Поэтому, отвѣтивъ въ этомъ смыслѣ вопрошавшему, я, въ свою очередь, спросилъ, развѣ его у него была когда-нибудь истерика.—Нѣтъ, никогда, отвѣтилъ онъ рѣшительно—развѣ это возможно?—Такъ какъ же вы ее могли испытать?—Наступило долгое молчаніе, затѣмъ тяжелый вздохъ...—У жены—сказалъ онъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ.—У ангела?—У него!.. знаете, это ужасно!.. Наступило молчаніе, и я заснулъ. Утромъ онъ всталъ, какъ встрепанный, шутилъ и смѣялся, хотя избѣгалъ встрѣчаться со мной глазами. Я снова послалъ его женѣ телеграмму, объясняющую наше опозданіе. Мы осмотрѣли музей, церкви и пообедали на открытой верандѣ маленькаго ресторана на городской площади. Мой спутникъ былъ чрезвычайно оживленъ, смѣшилъ меня своими рассказа-

ми изъ области студенческихъ романтическихъ похожденій и, несмотря на мои протесты, потребовалъ полбутылки шампанскаго, чтобы выпить за нашу встрѣчу и интересное путешествіе. Вчерашній упавшій духомъ супругъ былъ бы неузнаваемъ, если бы мнѣ не вспоминалась, глядя на него, русская поговорка—„семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“ и если бы его блуждающій по сторонамъ взоръ и слишкомъ громкій, безпричинный смѣхъ не имѣли въ себѣ оттѣнка того, что простой русскій человѣкъ характеризуетъ словомъ „отчаянность“. Онъ даже предложилъ мнѣ остаться до слѣдующаго дня, чтобы пойти вмѣстѣ въ театръ, гдѣ давали „Фауста на изнанку“, и только напоминаніе о необходимости послать *третью* телеграмму нѣсколько охладило его эстетическія стремленія. Въ теченіе обратнаго пути онъ былъ молчаливъ и большую часть времени дремалъ. Когда мы прибыли обратно въ Остенде и надо было выходить изъ вагона, онъ сталъ усиленно искать чего-то на сѣткѣ, хотя никакихъ вещей съ нами не было, и предоставилъ мнѣ, такимъ образомъ, выйти первому, слѣдуя за мной и какъ бы прячась за меня. Первое, что я увидѣлъ на перронѣ, были небесно-голубые глаза, горѣвшіе гнѣвнымъ огнемъ. Я почтительно снялъ шляпу, но „ангелъ“ растянулъ свои сложенные въ сердечко алыя губы въ презрительную улыбку и, не отвѣчая на поклонъ, медленно смѣрлялъ меня взоромъ съ головы до ногъ, затѣмъ сдѣлалъ два быстрыхъ шага по направленію къ мужу, энергически взялъ его за руку выше кисти и молча увелъ за собой.

Прошло шесть лѣтъ. Будучи проѣздомъ въ Москвѣ, я встрѣтилъ на Арбатской площади моего остендскаго пріятеля, ѣдущаго на извозчикѣ. Увидѣвъ меня, онъ приказалъ остановиться и съ неподдѣльной радостью привѣтствовалъ меня, чему, повидимому, не помѣшало и то, что въ качествѣ дѣятельнаго сотрудника одного изъ Московскихъ изданій онъ не упускалъ случая, по заказу редакціи, порицать вредное направленіе тогдашняго предсѣдателя петербурскаго окружнаго суда, каковымъ былъ я.—Какъ я радъ! Какъ я радъ!—восклицалъ онъ, пожимая мнѣ руки! Пожалуйста, посѣтите меня! Пообѣдаемъ вмѣстѣ, вспомнимъ старину! Я васъ познакомлю съ моей женой. Она—премилая женщина.—Едва-ли я успѣю побывать у васъ, хотя вспомнить старину, въ виду кое-чего современнаго, конечно было бы пріятнѣй. Супругѣ же вашей—вы очевидно забыли—я уже былъ представленъ въ Остенде. Она, конечно, такой же, въ вашихъ глазахъ ангелъ, какъ и была?

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ почти радостно.—*Та* уже давно умерла! Я уже женатъ на другой!

На этомъ мы и разстались навсегда съ неисправимымъ рецидивистомъ семейнаго счастья.

Въ томъ же году, въ Остенде, мнѣ пришлось нѣсколько разъ обѣдать съ большимъ знатокомъ и любителемъ драматической литературы обладавшимъ драгоцѣнными воспоминаніями о лучшихъ страницахъ въ исторіи русской сцены. Слушать его тонкіе критическіе отзывы составляло истинное наслажденіе. Однажды, къ нашему обѣденному столу подошелъ сухощавый господинъ съ острыми чертами лица, длинными усами, которые онъ нервно покручивалъ, и непривѣтливымъ взоромъ безпокойныхъ глазъ. Манера держать себя и носить штатское платье обличала въ немъ человѣка, привыкшаго къ военному мундиру. Это былъ отставной губернаторъ одной изъ великороссійскихъ губерній, прославившійся тѣмъ, что при объѣздѣ губерніи благосклонно принималъ единодушно выражаемыя волостными обществами чрезъ свое начальство чувства преданности и трогательнаго уваженія. Вещественнымъ знакомъ этихъ чувствъ служила хлѣбъ-соль на дорогахъ блюдахъ, при чемъ, какъ говорили злые языки, „благодарные поселяне“ въ избраніи этихъ знаковъ были въ значительной степени облегчены распоряженіями уѣзднаго начальства, въ свою очередь не оставленнаго указаніями изъ губернаторской канцеляріи.

Генераль будировалъ правительство, не умѣвшее оцѣнить этой теплоты чувствъ, выраженныхъ въ іерархическомъ порядкѣ сверху внизъ и снова возвращающихся къ своему первоначальному источнику. Лишенный,—къ сожалѣнію лишь на нѣкоторое время—широкой дѣятельности, отставной администраторъ искалъ исцѣленія отъ служебныхъ утомленій въ морскихъ волнахъ и заявлялъ, что всецѣло отдался высшему управленію своихъ обширныхъ помѣстій, показывая, съ напускною небрежностью, длинныя и регулярныя донесенія своего главноуправляющаго, написанныя по всѣмъ правиламъ канцелярскаго искусства на большихъ бланкахъ, въ углу которыхъ стояло: „Управленіе вотчинами его Превосходительства NN“.—

Въ разговорѣ со мною—простымъ смертнымъ—онъ выказалъ изысканную любезность, а на другой день я нашелъ у себя его карточку. Пришлось отдавать визитъ. Подходя по корридору къ указанному мнѣ номеру въ гостиницѣ, я услышалъ за неплотно притворенными (вѣроятно по забывчивости) дверями звуки площадной русской брани, произносимой захлебывающимся отъ озлобленія голосомъ. Очевидно, что за дверями съ кѣмъ-то происходила словесная расправа. Я остановился въ недоумѣніи. Возвращаться назадъ и оставить карточку у швейцара было неудобно, такъ какъ онъ мнѣ категорически объявилъ, что *monsieur le général* дома. Пришлось, поэтому, постучать въ дверь, и предо мною предсталъ мой новый случайный знакомый, въ довольно безпорядочномъ домашнемъ туалетѣ, съ искаженнымъ раздраженіемъ лицомъ.—

„Не помѣшалъ ли я вамъ? Вы, кажется, съ кѣмъ-то бесѣдовали.—Нѣтъ-съ, я одинъ! У меня никого нѣтъ, а только вы слышали вѣроятно, какъ я ругался. Покорнѣйше прошу садиться. Извините, что вы застаете у меня такой беспорядокъ, да и меня въ такомъ видѣ. Я, видите ли, укладываюсь. Это такая тоска и такъ утомительно, да и не привыкъ я къ этому совсѣмъ. Просто всю поясницу разломил! Того и смотри, что-нибудь забудешь или засунешь такъ, что потомъ, когда нужно, не найдешь. А мнѣ сердиться вредно: у меня печень большая. И вѣдь что меня раздражаетъ, такъ это то, что я самъ себя создалъ такое положеніе по довѣрчивости къ людямъ! Надо вамъ сказать,—продолжалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ и гнѣвно раздавливая въ пепельницѣ недокуренную папиросу,—надо вамъ сказать, что у меня въ корпусѣ былъ товарищъ; на одной скамьѣ съ нимъ сидѣли, пріятелями были. Учился онъ плохо и выпущенъ былъ соотвѣтственно. Но комикъ былъ большой, умѣлъ все такъ рассказывать, что мы бывало со смѣху катаемся. Ну, конечно, дороги наши разошлись. Я, какъ вы знаете, генераль-лейтенантъ и оставилъ губернаторскій постъ, потому что не желаю подчиняться разнымъ фантазіямъ нашего нелѣпаго правительства. А онъ служилъ себя въ глухой провинціи въ армейскомъ полку,—женился на какой-то захолустной барышнѣ и былъ подъ конецъ службы полковымъ казначеемъ. Заболѣла у него жена чахоткой, повезъ онъ ее за границу,—лечилъ, гдѣ возможно, дѣлалъ займы для этого. Она тянула довольно долго, но все-таки умерла. Онъ, какъ говорить, очень ее любилъ, былъ въ отчаяніи послѣ ея смерти, службу запустилъ, да и недочетъ кой-какой оказался во ввѣренныхъ суммахъ. Это онъ все на жену потратилъ, все надѣялся ее спасти. Товарищи помогли, недоимку пополнили, но службу все-таки пришлось оставить. Прослонялся онъ безъ дѣла, проѣлъ все, что могъ, и просто—извините за выраженіе—безъ штановъ остался. Пишетъ мнѣ, просить помощи или занятій. Ну я, доложу вамъ, знаете, на личную помощь не податливъ и дѣлать эти бесполезныя подачки не въ моихъ принципахъ. Но новый человекъ по письменной части въ моемъ хозяйственномъ дѣлѣ былъ мнѣ не лишній, тѣмъ ѵ больше, что какъ-никакъ, а свой человекъ—товарищъ по воспитанію. Я его вызвалъ и говорю ему: коли хочешь, живи у меня на всемъ готовомъ, будешь исполнять мои порученія, да и компанію мнѣ составишь, развлечешь своей бесѣдой. А онъ—надо вамъ сказать—несмотря на все остался такимъ же комикомъ. Иногда начнетъ что-нибудь рассказывать, да въ лицахъ изображать—мертвого разсмѣшить способенъ! Такая живучая натура! Ну и ничего,—я былъ имъ доволенъ. Только въ нынѣшнемъ году собрался я за границу, да и говорю ему: поѣдемъ-ка со мною; безъ

меня тебѣ дѣлать нечего, а въ дорогѣ ты мнѣ будешь нуженъ—на желѣзной дорогѣ распорядиться, багажъ сдать, уложить и разложить вещи, за покупками сходить. Да и развлечешь меня, когда очень печенъ себя дастъ знать... У меня, знаете, такія бываютъ мрачныя настроенія... Все отъ печени!.. Поѣхали мы. Очень мнѣ съ нимъ было удобно и даже полезно для здоровья. Только пріѣхали мы изъ Карлсбада во Франкфуртъ. Рано-ли я кончилъ воды пить или это естественное ихъ дѣйствіе, только стало у меня расположеніе духа очень тяжелое, а онъ, словно нарочно, ходитъ какъ въ воду опущенный, молчитъ, часто отлучается неизвѣстно куда, на вопросы отвѣчаетъ неохотно, буркнетъ что-нибудь, да и замолчитъ. Только потерпѣлъ я, потерпѣлъ, да и надоѣло мнѣ переносить эту его меланхолю. Какъ-то разъ—нездоровилось мнѣ—я и говорю ему: столько ты новаго видишь и встрѣчаешь, расскажи-ка позабавиѣе объ этомъ. Видишь, у меня снова желчь разыгрывается!—Я, говорить, теперь ничего рассказывать не могу и забавлять тебя не стану.—Ну, братецъ,—отвѣчаю—дружба—дружбой, а служба—службой! Путешествуешь ты на мой счетъ, ѣшь, пьешь и никакихъ расходовъ не имѣешь, такъ ты долженъ понимать, что я тебя взялъ не для того, чтобы смотрѣть, какъ ты кислую рожу строишь!—И сказалъ ему я это мягко такъ, по-товарищески, только чтобы дать понять ему его обязанности. А онъ, вдругъ, точно бѣлены объѣлся! По-краснѣлъ весь, задрожалъ даже, голосъ возвысилъ, да и кричитъ запальчиво:—здѣсь, говорить, въ двухъ шагахъ, въ Соденѣ, моя страдалица скончалась, тутъ я ей глаза закрылъ, а ты отъ меня веселыхъ анекдотовъ требуешь! Не стану ихъ рассказывать! Довольно съ меня!—Я ему замѣтилъ, чтобы онъ не забывался и не возвышалъ голоса, когда съ нимъ говорятъ спокойно, а помнилъ для чего взятъ вообще, а за границу въ особенности. Но онъ такъ расхорхорился, что самъ плачетъ, а рукой по столу стучитъ и говоритъ: не хочу больше на побѣгушкахъ у тебя быть!..—Я этихъ штукъ не люблю, но постарался овладѣть собою—вѣдь это, хоть кого взбѣситъ—да и говорю ему: ты, любезный, не забывай, что вѣдь въ такомъ случаѣ ты и не нужнымъ можешь оказаться! А онъ еще пуще кричитъ: и окажусь! и окажусь! я самъ не хочу съ тобою ѣхать дальше и возвращаюсь въ Россію.—Я улыбнулся на эту похвальбу, да и говорю, шутя, чтобы его образумить: а на какія это средства вы изволите отправиться въ Россію?—Пѣшкомъ уйду!—кричитъ—Христовымъ именемъ питаться стану, а отъ тебя гроша не возьму. Не желаю быть больше въ тягость! Прощай!—и ушелъ въ свой номерокъ, хлопнувъ дверью. Ну, думаю, выснитъ—обойдется, пойметъ свое положеніе. Да и изъ

Франкфурта пора намъ уѣзжать: всѣ эти сантиментальности и прекратятся. Что же вы думаете?! На другой день оказывается, что онъ уѣхалъ, не простившись и даже ничего не написавши! Вотъ мнѣ и приходится самому сундукъ укладывать! Сколько себя помню на службѣ—этого не дѣлалъ. Всегда денщикъ или лакей этимъ занимались... Всю поясницу разломило! Иной разъ и крѣпкое слово вырвется поневолѣ... Нѣтъ-съ! въ какое положеніе онъ меня поставилъ!? Мнѣ, вѣдь, еще въ Парижъ надо ѣхать! Вотъ вамъ и дѣлайте добро людямъ! Этакая скотина! Не правда ли?..“

А. Ө. Кони.

М Е Л О Ч И.

I.

Запрещеніе азартныхъ игръ въ арміи княземъ Г. А. Потемкинымъ.

(Приказъ кн. Потемкина отъ 22 марта 1790 г., за № 1096).

Предписанное законами запрещеніе на всѣ азартныя игры подтверждается во всей точности. Господа корпусные и полковые командиры строго оное наблюдать имѣютъ, а здѣсь возлагается сіе наблюденіе на правящаго должность комендантскую. Если бъ явились нарушители сего запрещенія, таковыхъ брать подъ карауль и отсылать въ гошпиталь для хожденія за больными; на гошпиталь же брать и деньги, которыя въ таковыхъ играхъ найдены будутъ.

II.

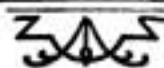
Отголоски Павловскаго режима.

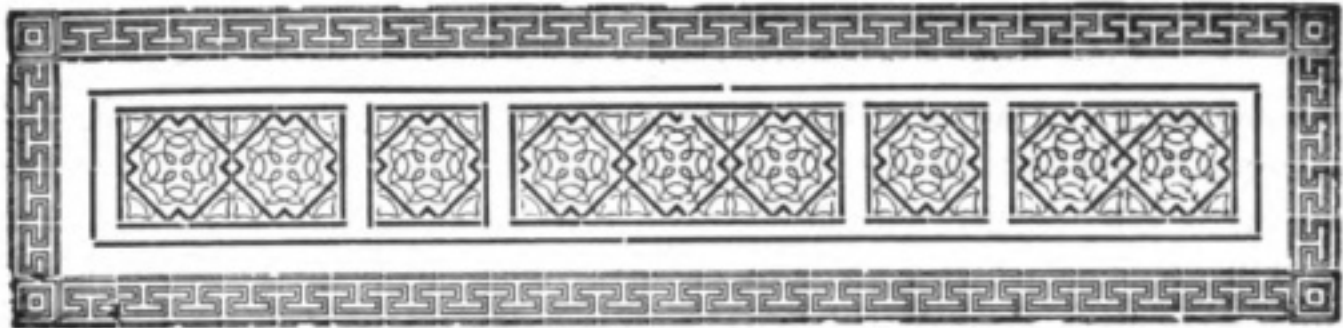
Отставки и даже выкидыванія изъ службы были явленіемъ обычнымъ въ царствованіе Императора Павла I. Естественно, что такой порядокъ вносилъ большую тревогу въ офицерскую среду за завтрашній день. Этимъ именно обстоятельствомъ должно быть объяснено появленіе нижеслѣдующаго приказа по полку.

Приказъ по гусарскому г.-м. Сухарева (нынѣ 3-му гусарскому Елисаветградскому) полку, 8 іюля 1800 г.

Въ гусарскомъ имени моего полку сыскался кто-то негодяй, сквернавецъ, который распустилъ лживыя извѣстія, что будто 6 штабъ и 23 оберъ-офицера будутъ исключены, выписаны въ гарнизоны и отставлены отъ службы. Какъ таковой поступокъ клонится къ заведенію безпокойствъ между офицеровъ, разрушенію дисциплины, спокойствія и порядка всеобщаго, то долгомъ поставляю объ оной несправедливой лжи и мерзости объявить, прибавляя при томъ, что когда оный будетъ отысканъ, для примѣрнаго наказанія мною донесено будетъ Государю Императору.

Сообщилъ М. Соколовскій.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.
(1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А VII ¹⁾.

Изъ воспоминаній о В. К. Певе.

Другая важная причина, питающая революціонный духъ въ Россіи и подготовляющая въ будущемъ переворотъ, это — неустройство университетскаго вопроса. Въмѣсто основательнаго изученія наукъ и дѣйствительнаго распространенія въ странѣ свѣта науки и высшаго образованія, обученіе у насъ ведется крайне поверхностно и узко утилитарно: все направляется, главнымъ образомъ, къ полученію университетскаго диплома или доступа къ казенному и общественному пирогу, къ служебнымъ выгодамъ и преимуществамъ. Въмѣсто свѣдущихъ профессиональныхъ классовъ, всѣхъ видовъ, и подъема всеобщаго знанія и пытливости, у насъ вырабатывается образованный пролетаріатъ, который стремится по преимуществу лишь къ наилучшему устройству своихъ денежныхъ дѣлъ и стяжанію изъ всѣхъ общественныхъ источниковъ, а вовсе не къ полезной службѣ народу и обществу. Существующая система стипендій въ Россіи имѣетъ также одинъ неизбѣжный результатъ: притягиваетъ ко всѣмъ видамъ управленія и занятій въ странѣ преимущественно бѣдные классы съ хорошими аппетитами, но безъ соотвѣтствующихъ, нерѣдко умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Надо не забывать, что не всѣ бѣдняки родятся Ломоносовыми и являются

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1910 г.

выдающимися людьми!.. Масса нежелательнаго полужнаѣства и низкій этическій уровень распространяется въ русскомъ обществѣ, и университетскія стѣны вмѣщаютъ въ себѣ вовсе не наилучшія силы Россіи, а часто наименѣе способныя дать хорошіе умственные и нравственные результаты!.. Вообще нравственный уровень въ нашихъ образованныхъ классахъ замѣтно понижается...

Занятіе политикой или вмѣшательство ребятъ, учащихся въ университетахъ, въ посторонніе для нихъ государственные вопросы, обратно, на примѣръ, съ Германіей и Англіей, является, несмотря на утилитарныя цѣли поступленія въ университетъ, господствующимъ занятіемъ большинства русской молодежи; и къ стыду нашему, это привлеченіе учащихся въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ къ политикѣ, не подлежащей ихъ вѣдѣнію, вмѣсто научныхъ занятій, всегда у насъ совершалось и ведется съ полного одобренія всего русскаго общества, взрослыхъ членовъ его, которые въ другихъ странахъ достаточно благоразумны, чтобы обуздывать и препятствовать вмѣшательству юношей въ неподлежащую ихъ вѣдѣнію область.

Разумѣется, государство должно всѣми мѣрами стараться дать доступъ къ высшему образованію бѣднымъ классамъ, какъ и богатымъ, но это можетъ и должно совершаться лишь путемъ болѣе строгаго и тщательнаго выбора кандидатовъ на высшее образованіе и службу, нежели это дѣлается у насъ нынѣ, и какъ установлено въ большинствѣ за границей. Эгоизмъ русскаго общества и малая отвѣтственность молодежи за свои политическіе грѣхи, сравнительно съ взрослыми членами общества, которыхъ наоборотъ караютъ часто слишкомъ жестоко, толкаютъ и санкціонируютъ постоянные безпорядки въ университетахъ, которыми общество только и занимается, какъ невиннымъ развлеченіемъ съ одной стороны, а съ другой — средствомъ показать правительству кулакъ сравнительно легко и безнаказанно!!!

Что же дѣлать, какъ исправить длительное неустройство нашего университетскаго вопроса?.. Это средство проистекаетъ непосредственно изъ самаго источника указаннаго зла. Права и преимущества кончающихъ высшія учебныя заведенія должны относиться лишь къ ученію, а отнюдь не быть правами служебными или личными. *Никакихъ правъ высшія заведенія, кромѣ учебныхъ, не должны давать,* а для службы должны быть въ каждомъ вѣдомствѣ особые служебные или государственные экзамены, совершенно отличные отъ настоящихъ, несправедливо носящихъ это названіе. Прямой непосредственной связи съ университетскимъ образованіемъ, кромѣ усиленія такъ называемыхъ практическихъ занятій, государ-

ственные экзамены не должны имѣть и должны быть такъ же разнообразны, какъ занятія разныхъ служебныхъ профессій и званій.

Картина русскаго высшаго образованія значительно измѣнилась бы съ прекращеніемъ служебныхъ правъ и преимуществъ учащихся:

1) Сильно уменьшилась бы, можетъ быть, въ результатѣ численность учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (собственно въ началѣ), но и сравнительно зато усовершенствовалось бы обученіе и подготовка аспирантовъ въ чиновники, и слѣдовательно качество столь порицаемой русской бюрократіи улучшилось бы.

2) Матеріальные интересы учащихся, прикрываемые нынѣ пышными фразами о любви къ извѣстной отрасли наукъ, отошли бы на задній планъ, представители ихъ отпали бы отъ университетовъ, и получилась бы большая возможность регулировать весь строй занятій.

3) Измѣнилось бы мнѣніе и взгляды общества на безнаказанность и невинность всякой политической пропаганды въ стѣнахъ университета, что способствуетъ нынѣ нескончаемымъ беспорядкамъ, отвлекающимъ отъ занятій.

Черезъ рѣшительную отмѣну всякихъ правъ и преимуществъ, наконецъ, уменьшилось бы число поводовъ къ недовольству молодежи и общественное возбужденіе, постоянно реагирующее на всѣ эти беспорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а послѣднее время даже и въ среднихъ. Укажу, напримѣръ, на экзаменъ, нынѣ имѣющій важныя служебныя послѣдствія, какъ на таковой поводъ недовольства учащихся.

Послѣ всего указаннаго и развитаго въ моей рѣчи гораздо подробнѣе, В. К. Плеве, выслушавши меня со вниманіемъ, заявилъ, что въ сущности или въ принципѣ, онъ вполне со мной согласенъ и даже собирается просить меня объ одной работѣ въ связи съ этой темой, когда я покончу все мое сообщеніе. Онъ также, конечно, какъ я, твердо увѣренъ, что нестройство университетской жизни даетъ пищу развитію у насъ революціоннаго духа и подготавливаетъ двигателей всѣхъ будущихъ смуть, поддерживая и распространяя въ то же время въ народѣ недовольство чуть ли не каждой мѣрой правительства. Но, разумѣется, это не можетъ измѣниться скоро или сразу, а лишь постепеннымъ путемъ—поднятіемъ образовательнаго ценза чиновниковъ и, какъ я правильно замѣтилъ, устройствомъ настоящихъ государственныхъ экзаменовъ для доступа на разнообразные виды государственной службы. На первый разъ, сказалъ Плеве, онъ хочетъ поднять образованіе чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ устройствомъ для нихъ специальныхъ госу-

дарственныхъ экзаменовъ разныхъ видовъ и вотъ по этому-то вопросу, разъ я интересуюсь имъ, онъ и думаетъ въ скоромъ будущемъ попросить моей помощи...

Послѣ этой части моего доклада или сообщенія послѣдовалъ маленькій антрактъ, во время котораго мы пили чай, принесенный въ кабинетъ, и на нѣсколько минутъ отвлеклись отъ занятій воспоминаніями о разныхъ моментахъ нашихъ встрѣчъ и жизни. При этомъ неизбежно былъ помянутъ А. И. Чупровъ, и Министръ задалъ мнѣ самымъ дружелюбнымъ образомъ нѣсколько вопросовъ относительно того, что мнѣ извѣстно о его тогдашней жизни и занятіяхъ. Затѣмъ я перешелъ прямо, по приглашенію Министра, къ изложенію послѣдней части моего предположеннаго доклада—о евреяхъ.

Третью важную причину общаго неуройства въ Россіи и подготовки къ революціи, утверждалъ я, составляетъ неестественное, ненормальное, по моему крайнему убѣжденію, положеніе евреевъ въ Россійской Имперіи. Извѣстныя обязанности должны сопровождаться и соотвѣтствующими правами, и это банальное по своей общепризнанности правило у насъ совершенно не соблюдается въ примѣненіи евреямъ; они несутъ по отношенію государства почти тѣ же самыя обязанности и тягости, какъ и всѣ остальные русскіе подданные: платятъ, напримѣръ, налоги, въ томъ числѣ наиболѣе тяжелый видъ изъ нихъ—налогъ крови, отправляютъ воинскую повинность, отвѣчаютъ такъ же по закону за всѣ свои дѣйствія и нарушенія, какъ и всѣ русскіе, а между тѣмъ ихъ гражданскія и личныя права во многихъ случаяхъ не только ограничены, но даже прямо урѣзаны, по сравненію даже съ низшими по культурѣ и религіи племенами, какъ язычники—шаманисты и т. п. Самое важное право—свобода передвиженія и свобода жизни на значительной части страны для нихъ ограничено мѣстностями „осѣлости“ и избѣгнуть этого ограниченія можно лишь обходомъ закона!.. Что же удивляться послѣ этого многочисленнымъ со стороны евреевъ нарушеніямъ законовъ, гдѣ это только возможно, и распространенному чувству обиды, зависти и даже злобы противъ своихъ согражданъ, несправедливо поощряемыхъ и награждаемыхъ государствомъ, которое для евреевъ большею частью является лишь сплошь злой мачихой!..

Всѣмъ, конечно, хорошо извѣстно, что вышеуказанныя, какъ и многія другія ограниченія и факты безправія у насъ евреевъ вызываются и оправдываются тѣмъ чрезвычайнымъ вредомъ и непосильной конкуренціей, которую евреи во всѣхъ отношеніяхъ и преимущественно экономическомъ, дѣлаютъ коренному населенію—русскимъ и всѣмъ другимъ согражданамъ. По своимъ высшимъ-де практическимъ спо-

собностямъ, хитрости, изворотливости, коммерческому духу, а часто даже безчестности и духу солидарности, кагальности ихъ связующей, евреи вездѣ выигрываютъ и берутъ верхъ, утѣсня простаковъ-русскихъ и выжимая изъ нихъ соки. Расширеніе правъ евреевъ, утверждаютъ, неминуемо уничтожило бы послѣднія препоны къ ихъ стяжанію и закабалило бы все русское населеніе въ пользу еврейскихъ эксплуататоровъ. Даже теперь, несмотря на всѣ ограниченія, значительная часть источниковъ богатства въ Россіи, не говоря о денежномъ капиталѣ, находится въ рукахъ сыновъ Израиля. Уравненіе въ правахъ на жительство и приобрѣтеніе земель немедленно перевело бы все, утверждаютъ, въ руки евреевъ и сдѣлало бы русскихъ ихъ покорными рабами...

Находя даже всѣ указанная возраженія противъ еврейскаго равноправія до сихъ поръ въ значительной степени нелишенными справедливости, я тѣмъ не менѣе считаю, сказалъ я Министру, что такое положеніе вещей никакъ не можетъ продолжаться вѣчно и ему долженъ быть положенъ конецъ прежде всего путемъ постепеннаго по возможности *поднятія шансовъ экономической конкуренціи со стороны русскаго населенія, развитіемъ широкаго образованія и воспитанія народа!* Мы же поступаемъ, какъ разъ наоборотъ: ограничиваемъ всячески школьныя права евреевъ, а сами двигаемся по-черепашьи!!.. Самое святое право человѣка—это его право на просвѣщеніе, на расширеніе его умственнаго кругозора. Если еврейскій народъ такъ рвется и стремится къ образованію (хотя и побуждаемый отчасти практическими соображеніями), я это почтенное качество вызываетъ съ нашей стороны ограниченія доступа для евреевъ въ школы лишь извѣстнымъ процентомъ, то такого рода государственная мѣра является въ сущности не только явной несправедливостью, но даже вопіющей бессмыслицей!!? *Стремленіе къ образованію всегда и вездѣ поощряется, а тутъ наоборотъ, въ нашемъ отечествѣ, оно самыми рѣшительными мѣрами сдерживается!?*.. Не было ли бы гораздо справедливѣе и дѣйствительнѣе, если бы государство всѣми возможными способами, своею властью и деньгами, содѣйствовало скорѣйшему расширенію и распространенію самаго большого спроса на образованіе со стороны русскаго народа, а не уничтожало подобное же стремленіе у другого народца, относительно немногочисленнаго? Подобная политика прежде всего самоубійственна, ибо, задерживая ограниченіями такого рода образованіе у евреевъ, она уменьшаетъ его косвенно и у русскихъ, *ослабляя конкуренцію* и лишая Россію многихъ способныхъ ученыхъ и профессоровъ и представителей другихъ занятій, которые могли бы у насъ получиться изъ

лицъ Моисеева закона. Многія лица изъ моихъ учениковъ этой вѣры, которые были бы лучшимъ украшеніемъ ученыхъ силъ любого университета, нынѣ въ скудной умственными силами Россіи украшаютъ лишь банковыя конторы и всякіе гешефты!!!.. Евреи особенно опасны до настоящаго времени были въ такихъ профессіяхъ, какъ ростовщики, закладчики, торговые посредники и т. п., и между тѣмъ всѣ эти профессіи остались въ рукахъ евреевъ, а цѣлый рядъ совершенно безвредныхъ занятій является для нихъ въ Россіи запрещенными или стѣсненными!.. Спрашивается, кто въ этомъ виноватъ?!..

Всѣ подобнаго рода соображенія и аргументы мною приводились въ сообщеніи передъ Плеве въ пользу моей главной идеи—о необходимости *постепеннаго расширенія правъ евреевъ*. Государство не можетъ остановиться на вѣчныя времена на теперешнемъ крайне несправедливомъ и невыгодномъ для евреевъ порядкѣ: оно обязано въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ одновременно съ одной стороны стараться поднять образованіе и развитіе и способности русскаго народа (включая, конечно, сюда и другія народности, населяющія Россію), а съ другой одновременно снимать съ евреевъ тяжелыя ограниченія старыхъ законовъ, заставляющихъ насъ по справедливости бранить и ненавидѣть во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Лишь тогда можно рассчитывать на благоустройство и порядокъ въ странѣ, когда признается въ ней хоть элементарная справедливость, взаимоотношеніе правъ и обязанностей, и когда всѣ этнографически и религіозно различныя народности въ странѣ пользуются примѣрно одинаковыми гражданскими правами, а не являются, безъ всякаго положительнаго основанія, случайными пасынками своей родины!!!..

Слушая мою довольно горячую реплику въ пользу установленія равноправія евреевъ, я замѣтилъ, Плеве нѣсколько разъ улыбнулся, и я предположилъ въ своей головѣ, что это произошло вслѣдствіе нѣкоторой, можетъ быть, наивности или слабости моей аргументаціи въ пользу защищаемаго вопроса. Но къ моему великому удовольствію, едва я кончилъ, Вячеславъ Константиновичъ немедленно замѣтилъ, что „я вполнѣ согласенъ со многимъ, что вы сказали о евреяхъ, и вы, вѣроятно, удивитесь, когда я вамъ скажу: всѣ меня почему-то считаютъ юдофобомъ, тогда какъ скорѣе меня слѣдуетъ назвать юдофиломъ; я съ дѣтства знаю евреевъ и уважаю ихъ за многія почтенныя качества. Когда я учился въ дѣтствѣ въ Варшавской гимназіи, то лучшими моими друзьями были евреи, и я о нихъ сохранилъ наилучшія воспоминанія... Если мнѣ, въ качествѣ Товарища Министра, въ нѣкоторыхъ комиссіяхъ пришлось дѣйствовать противъ евреевъ, то не надо забывать, что я былъ тогда исполни-

телемъ чужихъ распоряженій, а затѣмъ законъ вообще не долженъ ломать жизни и опережать ее“...

„Въ заключеніе“, сказалъ Министръ, „я очень, очень благодаренъ вамъ, Иванъ Ивановичъ, за Вашу мысль побесѣдовать со мной по государственнымъ вопросамъ и сообщить мнѣ плоды Вашихъ интересныхъ думъ на чужбинѣ. Изъ трехъ тезисовъ, вами выставленныхъ въ Вашемъ сообщеніи, на первый планъ, по справедливости, Вы поставили рабочій вопросъ. Съ него я и приступаю къ дѣлу, сказалъ Министръ, „въ нашемъ союзѣ и стговорѣ“—выразился онъ со смѣхомъ. Нельзя ничего сдѣлать изъ предположеннаго вами, пока всѣ рабочіе не будутъ въ моемъ вѣдомствѣ, а потому я приступаю немедленно къ хлопотамъ о переводѣ фабричной инспекціи изъ вѣдомства Министерства Финансовъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ“.

„Кромѣ того вы, конечно, не должны остановиться въ началѣ столь интереснаго и существеннаго для Россіи дѣла и не откажетесь отъ помощи мнѣ въ будущемъ; надѣюсь, мы будемъ съ Вами по-прежнему друзьями. Начнемъ желательное преобразование чиновничества съ устройства настоящихъ государственныхъ экзаменовъ для главнѣйшихъ отраслей службы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Для этой цѣли я Вамъ сообщу кое-какой матеріалъ и въ другое наше свиданіе мои мысли. Постепенно Вы ихъ разработаете, совѣщаясь со мной: надѣюсь, Вы не откажетесь отъ этой первой работы. Очень, очень благодарю Васъ за посѣщеніе и бесѣду... Я хорошо знаю, какъ вы съ этого начали, что Вамъ никакого вознагражденія за Вашъ трудъ не надо, но мы будемъ трудиться изъ любви къ дѣлу... Еще разъ благодарю Васъ и до скорого свиданія!“

Такъ закончилась моя первая бесѣда съ Министромъ по государственнымъ вопросамъ, относительно которыхъ мнѣ вздумалось съ нимъ подѣлиться мыслями...

Со времени описаннаго посѣщенія и моего доклада, возобновились довольно дѣятельныя отношенія мои къ В. К. Плеве и довольно частыя свиданія. Нѣсколько мѣсяцевъ (всю зиму и весну 1902—3 г.) я видался съ нимъ нерѣдко ради совѣщанія и бесѣды по поводу приготавлимаго мною проекта государственныхъ экзаменовъ, вслѣдствіе его порученія. Вячеславъ Константиновичъ всегда принималъ меня немедленно, какъ только я появлялся, если былъ дома и свободенъ: иначе же поручалъ сказать, когда можетъ принять меня для бесѣды или заранѣе назначалъ для того время. Позднѣе, когда мы, такъ сказать, привыкли болѣе другъ къ другу, и онъ къ моимъ посѣщеніямъ, я обращался къ нему нерѣдко съ просьбами исключительно, такъ сказать, филантропическаго характера, т. е. просилъ или пред-

стательствоваль о какомъ-нибудь лицѣ, потерпѣвшемъ отъ тогдашняго стараго полицейскаго режима, напимѣрь, заключеннаго подъ стражу или высланнаго и т. п. Надо отдать полную справедливость, Министръ всегда очень снисходительно и любезно выслушиваль мою просьбу и часто удовлетворяль ее: были случаи, когда я самъ по болѣзни не могъ явиться для этой доброй цѣли, тогда за меня являлась моя жена, и онъ одинаково любезно принималь и выслушиваль ее, удовлетворяя нѣсколько разъ наши ходатайства за пострадавшихъ.

Примѣрно въ мѣсяць или два времени я познакомилъ бѣгло по книгамъ и документамъ съ вопросомъ о государственныхъ экзаменахъ и составилъ краткій первоначальный планъ проекта экзаменовъ, при чемъ нѣсколько разъ видѣлся съ Плеве и измѣняль планъ въ ту или другую сторону. Наконецъ къ веснѣ 1903 года я приготовилъ этотъ проектъ, при чемъ въ отдѣльныхъ частяхъ, въ примѣненіи къ Россіи, по требованію Министра, онъ нѣсколько разъ перѣдѣлывался и измѣнялся. Наконецъ, помнится мнѣ, въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ, при свиданіи со мной, Вячеславъ Константиновичъ объявилъ, что въ общихъ чертахъ проектъ, мною составленный, достаточенъ для его цѣлей, и я могу покончить свою работу въ виду своего скорого отъѣзда за границу.—При удобномъ случаѣ онъ воспользуется моей работой, чтобы пустить дѣло въ ходъ, и тогда, конечно, будетъ беспокоить меня опять.

При одномъ изъ послѣднихъ въ этомъ году свиданій, Министръ просилъ указать или рекомендовать ему лицо, пригодное для статистическихъ работъ, которому онъ хотѣль бы поручить собраніе и обработку матеріала по фабрично-заводскому вопросу, необходимаго для будущихъ реформъ по этому вопросу. Почти не колеблясь, я ему указаль какъ на такое лицо, на извѣстнаго автора многихъ книгъ по рабочему вопросу, доктора Александра Васильевича *Погожева*, который кстати былъ въ то время безъ работы. Министръ просилъ его прислать къ себѣ, что въ скорѣйшемъ времени, переговоривши съ Погожевымъ, я и сдѣлаль. Какъ извѣстно, онъ былъ принятъ на службу въ Центральный Статистическій Комитетъ, гдѣ исполниль свою обширную работу о подсчетѣ рабочихъ въ Россіи, впоследствии напечатанную, по моей же рекомендаціи, Академіей Наукъ.

Перейду теперь къ краткому изложенію моей важнѣйшей работы для Плеве—краткаго проекта государственныхъ экзаменовъ для чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ, если фактическая часть проекта, напимѣрь, всѣ справки по иностраннымъ законодательствамъ принадлежать мнѣ, то части его, относящіяся къ

предполагаемому устройству экзаменовъ въ Россіи, въ значительной степени, принадлежать также и Министру. Перечитывая вмѣстѣ со мной этотъ проектъ, Плеве вставлялъ то ту, то другую мысль или просилъ объ измѣненіи, такъ что я по совѣсти въ настоящее время не знаю, какая мысль въ данномъ отдѣлѣ принадлежитъ мнѣ, какая ему, т. е. сообщена въ сущности имъ, а мною только изложена.

Вотъ вкратцѣ, въ немногихъ словахъ, содержаніе этого любопытнаго проекта.

Стараніе привлечь на службу въ вѣдомство Внутреннихъ Дѣлъ подготовленныхъ и пригодныхъ лицъ составляло всегда усиленную заботу Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но къ сожалѣнію эта цѣль достигалась въ весьма малой степени, во-первыхъ, потому что въ Россіи вообще число лицъ, получившихъ высшее образованіе, незначительно, и во-вторыхъ, далеко не всѣ лица, имѣющія даже дипломъ высшаго учебнаго заведенія, въ сущности подготовлены достаточно для той разнообразной дѣятельности, которая входитъ въ кругъ заботъ Министерства и его компетенціи; наконецъ, юридическіе факультеты, поставляющіе главнымъ образомъ чиновниковъ для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, вызываютъ послѣднее время неоднократныя нареканія, вмѣстѣ съ указаніемъ на необходимость желательныхъ измѣненій въ постановкѣ всего юридическаго образованія. Достаточно припомнить отвѣтъ Министра Юстиціи въ 1902 г. на запросъ бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія, генерала Ванновскаго.

Наконецъ, сами требованія отъ чиновъ вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ, вмѣстѣ съ ходомъ жизни и разсмотрѣніемъ разнообразныхъ обязанностей и заботъ о народномъ благоустройствѣ и благосостояніи, не могутъ удовлетвориться существующими программами высшихъ учебныхъ заведеній, не говоря о чисто техническихъ и специальныхъ частяхъ управленія вѣдомства (какъ почтово-телеграфная служба, медицинскій департаментъ, жандармскій корпусъ, и т. д.). Какъ на общей службѣ въ центральномъ управленіи министерства, такъ и въ губернскихъ учрежденіяхъ, требуется отъ служащихъ столько разнообразныхъ свѣдѣній и познаній, которыя не укладываются въ однѣ и тѣ же рамки программы любого учебнаго заведенія. На юридическомъ факультетѣ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ Министерства, отсутствуютъ многія научныя дисциплины, съ нужными для чиновника вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣніями и, наоборотъ, имѣется много излишнихъ. Напримѣръ, полицейское и административное право представлено въ университетахъ большей частью не съ должной полнотой и обстоятельностью, которыя желательны для чиновниковъ этого вѣдомства.

Въ виду подобныхъ же соображеній когда-то были заведены особыя, такъ называемыя камеральныя факультеты въ университетахъ, но по многимъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь излишне, эти факультеты, за исключеніемъ немногихъ нѣмецкихъ университетовъ, повсюду закрылись, въ виду, главнымъ образомъ, разнородности требованій для слушателей и отдѣленій. Въмѣсто того, въ настоящее время, главный способъ рѣшенія вопроса улучшения состава чиновниковъ вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ, всюду во всѣхъ странахъ, заключается въ установленіи специальныхъ государственныхъ экзаменовъ, которымъ вездѣ въ Европѣ должны подвергаться всѣ лица, за тѣми или иными исключеніями, желающія поступить на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Эти специальные служебныя экзамены даютъ Министерству строго опредѣлить тотъ уровень и родъ познаній, который оно желаетъ требовать отъ кандидатовъ на свои должности и общее образованіе которыхъ для данной цѣли оно считаетъ необходимымъ.

Государственные экзамены въ разныхъ странахъ Европы достигли разной степени развитія, но вездѣ, гдѣ они имѣютъ мѣсто, существованіе такихъ экзаменовъ обыкновенно связано съ отсутствіемъ служебныхъ правъ путемъ одного лишь окончанія курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Каждый желающій служить обязанъ, по окончаніи курса, помимо университетскаго экзамена, сдать этотъ государственный. Лишь одна Франція вмѣстѣ съ Россіей, за нѣкоторыми исключеніями (судебныхъ, дипломатическихъ, консульскихъ должностей), держатся иной политики, довольствуясь однимъ университетскимъ экзаменомъ, и въ обѣихъ странахъ этотъ порядокъ вызываетъ большее осужденіе. Правда, у насъ въ Россіи, какъ извѣстно, существуетъ подъ именемъ государственнаго экзамена остатокъ испытаній для нѣкоторыхъ предметовъ, введенный университетскимъ уставомъ 1884 года, но онъ вовсе по существу не является экзаменомъ служебнымъ, а лишь представляетъ незначительное видоизмѣненіе формы прежнихъ испытаній. Особыя испытанія имѣются у насъ лишь въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и для кандидатовъ на судебныя должности въ Министерствѣ Юстиціи и нѣкоторыхъ иныхъ специальныхъ должностей. Въ истинномъ смыслѣ служебнаго государственнаго экзамена, какъ общее правило, у насъ нѣтъ, хотя потребность и давно соврѣла.

Второй отдѣлъ моей записки о государственныхъ экзаменахъ, составленный для Плеве, содержитъ справку объ иностранныхъ законодательствахъ по данному предмету, т. е. о государственныхъ экзаменахъ, составленную мной, отчасти руководствуясь для того самими законами по этому поводу разныхъ странъ Германіи и въ

Англии, отчасти пользуясь специальнымъ изслѣдованіемъ профессора Н. О. Куплеваскаго ¹⁾).

Опираясь на примѣръ или опытъ перечисленныхъ странъ и главнѣйшія особенности законодательствъ объ ихъ служебныхъ экзаменахъ, я выводилъ заключеніе о безусловной важности и необходимости организаціи такихъ же служебныхъ испытаній для чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ Россіи, приравниваясь къ особенностямъ требованія русской жизни, такъ какъ новизна дѣла и отсутствіе у насъ, за немногими указанными исключеніями, служебныхъ экзаменовъ, прежде всего вынуждаютъ отнестись въ своихъ требованіяхъ къ экзаменуемымъ съ большей снисходительностью, чѣмъ это дѣлается въ другихъ странахъ Европы, особенно въ Германіи и Англии. У насъ приходится ограничиваться, конечно, лишь немногими важнѣйшими науками, знаніе коихъ наиболѣе существенно для ближайшихъ задачъ и цѣлей вѣдомства, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; мало того, у насъ, по недостатку распространенности образованія, нельзя ограничивать доступъ служебнаго экзамена Министерства Внутреннихъ Дѣлъ лишь одними лицами высшаго образованія и желательно расширить этотъ кругъ, предоставивъ доступъ также лицамъ съ среднимъ образованіемъ. Помимо вообще недостатка у насъ подготовленныхъ чиновниковъ для нуждъ Министерства, въ особенности въ провинціи, пониженіе требованій доступа на службу со среднимъ образованіемъ оправдывается у насъ и иными государственными соображеніями, а именно благодаря этой мѣрѣ, позволительно думать, уменьшится также и бесполезный наплывъ и переполненіе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, особенно университетовъ, разъ доступъ на службу окончившихъ ихъ будетъ уравниенъ съ средними учебными заведеніями. Всѣмъ извѣстно, что причиной у насъ переполненія въ значительной степени является не столько жажда знаній, сколько простое желаніе получить необходимый для службы дипломъ и связанная съ нимъ права. Точно также, въ силу отчасти указанныхъ условій нашей государственной жизни, едва-ли у насъ является желательнымъ и необходимымъ двойной служебный экзаменъ, принятый во всѣхъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи. У насъ, во-первыхъ, безъ того всѣ кончающіе въ университетахъ подвергаются экзамену, и повтореніе его въ формѣ второго, служебнаго экзамена, было бы очень затруднительно. Итакъ, экзаменъ для чиновъ Мини

¹⁾ „Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствительномъ правѣ Англии, Франціи, Германіи и Цислейтанской Австріи“. Н. О. Куплеваскій, Харьковъ, 1888.

стерства Внутренних Дѣлъ, согласно проекту, долженъ быть въ Россіи *лишь одинъ* и по возможности въ срокъ не слишкомъ отдаленный отъ окончанія курса (напримѣръ, два года).

Служебный или государственный экзаменъ Министерства Внутренних Дѣлъ достаточно ограничить, кромѣ новыхъ иностранныхъ языковъ, обязательныхъ только для центрального управленія, лишь слѣдующими четырьмя предметами:

1. Полицейское и административное право, какъ теорія, такъ и практика.
2. Политическая экономія. Экономическая политика съ финансовымъ правомъ.
3. Русское государственное право.
4. Статистика.

Знакомство съ иностранными языками для многихъ чиновниковъ очень желательно, но благодаря неудовлетворительности у насъ постановки ихъ преподаванія и трудности подготовки, проектъ ограниченъ требованіемъ ихъ исключительно лишь для Петербурга и центрального управленія и къ главнымъ иностраннымъ языкамъ я добавилъ еще два, шведскій и финскій, въ виду важности знакомства съ этими языками, какъ мѣстными для Финляндіи.

Далѣе проектъ довольно подробно разрабатываетъ и устанавливаетъ внѣшнюю организацію экзаменовъ, придерживаясь различныхъ требованій и пріемовъ для Петербурга и губернскихъ учрежденій (провинціи). Для перваго, при одинаковыхъ по существу требованіяхъ, предположена была конкурсная система экзаменовъ, т. е. проходить должны были исключительно болѣе выдающіеся экзаменующіеся, и, наконецъ, для губернскихъ учрежденій и провинціи—обыкновенный экзаменъ безъ состязанія и безъ обязательнаго знакомства съ какими-нибудь иностранными языками.

Въ заключеніе проектъ содержитъ подробности, или детали организаціи экзаменаціонныхъ комиссій, устройство ихъ періодическихъ сессій, оцѣнки отвѣтовъ на экзаменахъ, и балльную систему для выраженія этой оцѣнки. Конкурсный экзаменъ опредѣляется суммой балловъ, простой же экзаменъ извѣстнымъ размѣромъ балла. Въ заключеніе, государственный экзаменъ существуетъ исключительно для среднихъ должностей, и именно для лицъ, занимающихъ должности съ IX по V классъ, при чемъ канцелярскіе чиновники данному испытанію не подвергаются, а равно и высшіе чины отъ нихъ избавлены. Назначенія выше V класса слѣдуютъ по достоинствамъ лица, опредѣляемымъ высшимъ начальствомъ, но не внѣшнимъ оказательствомъ извѣстныхъ познаній, или не по экзамену. Для техническихъ отдѣловъ Министерства, какъ почты, телеграфа и пр.,

устанавливается особый экзаменъ съ особыми требованіями, или временно ограничиваются для принятія на службу лишь дипломами соответствующихъ *спеціальныхъ учебныхъ заведеній*.

Такова сущность составленнаго мной, совместно съ указаніями Вячеслава Константиновича, проекта. Послѣ нѣсколькихъ разъ его прочтенія по частямъ и въ цѣломъ, я его передалъ Министру, и уже болѣе мнѣ не пришлось о немъ слышать, хотя я видѣлся съ Плеве еще нѣсколько разъ по разнымъ поводамъ. По поводу его, на мои дальнѣйшіе вопросы онъ отвѣчалъ, что при ближайшей возможности дастъ ему ходъ, но теперь-де другія болѣе настойчивыя нужды мѣшаютъ имъ заниматься.

Осенью 1903 года, вернувшись изъ продолжительной, почти полугодовой командировки за границу, я нашелъ записку отъ А. В. Погожева, что, по порученію Вячеслава Константиновича Плеве, онъ мнѣ спѣшитъ сообщить, что Министръ желаетъ со мной поговорить объ одномъ дѣлѣ, могу ли я его принять въ ближайшую среду, между 3—4-мя, у себя?.. Я, разумѣется, немедленно отвѣтилъ, что съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ его видѣть, и самъ собирався къ нему явиться, чтобы побесѣдовать о разныхъ вопросахъ, и что буду ждать его въ квартирѣ въ назначенное время. Когда въ указанное время пріѣхалъ Вячеславъ Константиновичъ, то его приняла моя жена и пригласила къ себѣ въ кабинетъ выпить чашку чая или кофе, на что онъ охотно согласился, такъ какъ это обычное наше время four o'clock tea. Онъ поблагодарилъ и пожелалъ именно кофе, питьемъ котораго и занялся, бесѣдуя съ нами о разныхъ матеріяхъ. Наконецъ, онъ послѣ кофе перешелъ къ причинѣ своего визита и сообщилъ намъ съ женой, потому что моя жена все время оставалась тутъ же по его желанію, слѣдующее:

„Я задумалъ широкое преобразование моего вѣдомства, въ которомъ отчасти въ прошломъ году Вы приняли участіе выработкой экзаменаціонной программы. Между прочимъ я думаю измѣнить значительнаго положеніе вопроса о рабочемъ законодательствѣ. Во-первыхъ, всѣ свѣдѣнія и законодательства о рабочихъ всякаго рода сосредоточить исключительно въ одномъ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Отъ Министерства Финансовъ и изъ другихъ вѣдомствъ все относящееся до рабочихъ должно перейти въ особый отдѣлъ, или Департаментъ Труда, который будетъ состоять при моемъ вѣдомствѣ внутренняго управленія. По причинамъ, которыя излишне объяснять, вѣдомство наше не пользуется отнюдь популярностью, а потому этотъ будущій Департаментъ непременно будетъ самостоятельнымъ; глава его будетъ хотя числиться по службѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но получить право самостоятельнаго доклада Госу-

дарю. Все, конечно, у насъ надо дѣлать постепенно, чтобы никого не пугать, а потому я предполагаю начать преобразование съ Центрального Статистическаго Комитета, который надо именно сдѣлать постепенно *центральнымъ ведомствомъ для труда*, но пока, безъ этого названія, а со старымъ его именемъ. Мало по малу, я думаю, *возможно расширить права рабочихъ и удовлетворить многія ихъ требованія*. Многое будетъ зависѣть отъ дѣятельности главы этого учрежденія, Центрального Комитета, который въ дѣйствительности будетъ—Центральнымъ Бюро Труда. Я пріѣхалъ къ Вамъ, чтобы сдѣлать именно предложеніе, не хотите ли стать во главѣ этого учрежденія, предсѣдателемъ или директоромъ Бюро Труда, именуемаго до поры до времени Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ?! Вы, по моему мнѣнію, наиболѣе подходящее лицо для этой обязанности по своимъ знаніямъ и по прежней памяти о Вашей дѣятельности“.

Я поблагодарилъ Министра за доброе мнѣніе и заявилъ, что необходимо подумать, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ. Въ то же время, полусуто, полусерьезно я спросилъ его, извѣстна ли ему, какъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, та по истинѣ удивительная бумага московскаго генераль-губернатора о моей будто бы конспиративной дѣятельности, въ качествѣ члена Московскаго Юридическаго Общества и Московскаго Профессора, которая взводитъ на меня цѣлую кучу небылицъ и обвиненій самаго крайняго свойства..?!

В. К. Плеве объявилъ, что онъ ничего не знаетъ объ этой бумагѣ (отношеніе московскаго генераль-губернатора отъ 14 января 1903 г. за № 128), и поинтересовался на нее взглянуть. Тогда я подалъ ему номеръ извѣстнаго за границей изданія „Освобожденіе“ 1903 г., № 6, гдѣ онъ со смѣхомъ и восклицаніями ироніи прочелъ статью по данному поводу и передалъ мнѣ ее обратно безъ всякихъ комментарій, но, какъ мнѣ показалось, нѣсколько смущенный. Затѣмъ мы простились, при чемъ онъ просилъ меня въ ближайшіе дни обдумать сдѣланное предложеніе и отвѣтить ему письменно, „да“ или „нѣтъ“ и ждать терпѣливо результата, въ виду многихъ чиновничьихъ волокитъ, не отъ него зависящихъ...

Черезъ два дня я отвѣтилъ ему утвердительно, что я согласенъ принять его предложеніе въ интересахъ дѣла, а что размѣръ вознагражденія, о которомъ онъ упоминалъ во время свиданія, не играетъ для меня серьезной роли.

Послѣ этого прошло продолжительное время, и я не видѣлъ и не слышалъ ничего о Вячеславѣ Константиновичѣ, при чемъ онъ нѣсколько разъ выѣзжалъ на продолжительные сроки изъ Петербурга. Наконецъ, уже въ концѣ декабря мѣсяца, я узналъ случайно

о предполагаемомъ вскорѣ назначеніи совѣтъмъ другого лица на должность, о которой со мной говорилъ Плеве, и что никакихъ слуховъ о движеніи дѣла въ смыслѣ основанія у насъ Департамента Труда не имѣется, тогда я обратился уже письменно съ просьбой сообщить, въ какомъ смыслѣ рѣшился его планъ по рабочему вопросу? Я получилъ въ отвѣтъ короткое письмо, что къ сожалѣнію, *въ его воли*, дѣло приняло совѣтъмъ другой оборотъ, и предложеніе его, сдѣланное мнѣ, приходится взять назадъ противъ его-де желанія...

Такимъ образомъ, къ моему, можетъ быть, личному благополучію, не состоялся планъ, составленный Вячеславомъ Константиновичемъ, который въ принципѣ, мнѣ кажется, несомнѣнно оказался бы небезполезнымъ, при его осуществленіи, для предупрежденія многихъ эксцессовъ и крайностей въ эпоху освободительнаго движенія 1905 г. и ближайшаго къ тому времени. Мнѣ представляется, что если бы рабочіе въ то время, какъ думалъ и говорилъ объ этомъ Министръ, получили дѣйствительно нѣкоторыя права имъ желательныя, союзъ, створовъ и т. п., то это *явилось бы въ значительной степени предохранительнымъ клананомъ противъ крайнихъ требованій изъ послѣдующаго революціоннаго настроенія и способствовало бы болѣе мирному ходу и рѣшенію нашего рабочаго вопроса...*

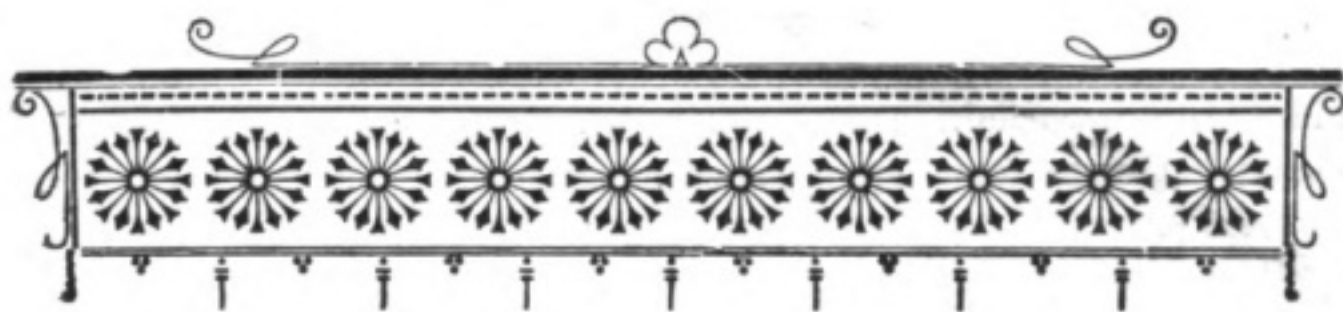
Какъ бы ни толковать планъ, изложенный мнѣ покойнымъ Министромъ, считать ли его вполне искреннимъ выраженіемъ мнѣній Вячеслава Константиновича, которое онъ не могъ осуществить по чисто независящимъ отъ него обстоятельствамъ, или же допустить предположеніе, какъ нѣкоторые мои пріятель дѣлаютъ, что, узнавши отъ меня же о неблагопріятныхъ обо мнѣ, хотя и очевидно ложныхъ сужденіяхъ въ извѣстныхъ кругахъ, Плеве не захотѣлъ рисковать и устранилъ самый планъ моей кандидатуры и вмѣстѣ основанія Департамента Труда, въ самомъ же началѣ, и до его исполненія; все это можетъ быть, но нѣтъ сомнѣній также, что жестокая рука убійцы, положившая конецъ жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго Министра, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, привела къ послѣдствіямъ, *совершенно противоположнымъ съ его ожиданіями*: Россія, я убѣжденъ, лишилась черезъ это мирнаго и благополучнаго разрѣшенія многихъ трудныхъ вопросовъ, удручающихъ ее до сихъ поръ, какъ тѣ три вопроса, разбираемые мной въ присутствіи Министра и описанные при аудіенціи у него весной 1902 года. Вопросы—рабочій, университетскій и еврейскій, какъ извѣстная тройка изъ басни Крылова—„Лебедь, Ракъ и Щука“, не подвинулись съ тѣхъ поръ вѣдь ни на іоту впередъ, благодаря ужасной катастрофѣ съ В. К. П., вызванной революціей!...

Мои дальнѣйшія сношенія съ Плеве исключительно вращались

на помощи разнымъ лицамъ, пострадавшимъ отъ крутыхъ дѣйствій полиціи, и я долженъ отдать справедливость, что во многихъ случаяхъ Плеве относился очень гуманно и добро къ моимъ въ этихъ случаяхъ ходатайствамъ, хотя я нахожу неудобнымъ, разумѣется, называть по именамъ лицъ, о которыхъ мнѣ приходилось просить и предстательствовать. Затѣмъ, не смущаясь нѣсколькими косыми взглядами многочисленныхъ недоброжелателей несчастнаго Министра, я, не получавшій отъ него лично никакихъ выгодъ, или пріобрѣтеній, вполне откровенно признаюсь, что съ глубокимъ прискорбіемъ вспоминаю о преждевременной кончинѣ этого способнаго и талантливаго государственнаго человѣка!.. Къ глубокой потерѣ для Россіи, онъ не успѣлъ принести ей той обширной пользы, которую былъ намѣренъ и могъ бы навѣрное оказать, при другихъ болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

Иванъ Янжулъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

Статья Ф. В. Духовникова, съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Лебедева.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Насколько намъ извѣстно, писать первую подробную біографію Н. Г. Чернышевскаго задумалъ покойный Флегонтъ Васильевичъ Духовниковъ.

Духовникову принадлежитъ почтенное мѣсто въ ряду изслѣдователей саратовской старины; его дѣятельность выразилась въ работахъ по археологіи и исторіи края, имѣющихъ большое значеніе для изученія Саратовской губерніи. Но особенно велики заслуги Ф. В. по части изученія того матеріала, который относится къ жизни и дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго. Ф. В. усердно собираетъ относящіеся сюда матеріалы, тщательно записываетъ воспоминанія и рассказы о Николаѣ Гавриловичѣ, и въ результатѣ, — спустя годъ послѣ смерти Чернышевскаго, — появляется начало монографіи о великомъ покойникѣ. Судя по сохранившимся матеріаламъ видно, что Духовниковъ предполагалъ дать, дѣйствительно, цѣлую монографію, съ подробными характеристиками родныхъ и знакомыхъ Николая Гавриловича, той среды, гдѣ онъ вращался и т. п. Въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1890 г. появляется начало этой первой въ литературѣ большой работы о Чернышевскомъ. Съ громаднымъ интересомъ читающая публика узнала массу интереснѣйшихъ подробностей о первыхъ годахъ жизни Н. Г. Рассказываютъ, что „Русская Старина“ получила, будто бы, даже много лишнихъ подписчиковъ на 1891 г., заинтересовавшихся работой Ф. В. Духовникова.

Между тѣмъ, авторъ продолжалъ свои разысканія: были написаны еще двѣ большихъ тетради, и, вотъ, въ 1891 г. для „Русской Старины“ была уже набрана часть этого матеріала. Но „случилась случайность“: цензура усмотрѣла крамольный оттѣнокъ статьи, выразив-

шійся въ пользованіи недозволеннымъ въ то время романомъ „Что дѣлать?“ Статья была прекращена печатаніемъ, и подписчики „Русской Старины“ остались безъ интереснаго матеріала.

Но не погибъ этотъ матеріалъ.

Духовниковъ тщательно продолжалъ собирать свѣдѣнія о Чернышевскомъ. По всѣмъ расчетамъ, у автора должна бы была составить неоднотомная монографія, если бы неожиданная смерть Ф. В. (1 февраля 1897 г.) не прервала его плодотворной дѣятельности. Въ настоящее время мы получили доступъ къ этому матеріалу. Съ любезнаго дозволенія собственницы литературнаго наслѣдія покойнаго изслѣдователя, М. В. Шмелевой, мы издаемъ теперь то, что было вполнѣ уже обработано Духовниковымъ. Эта работа обнимаетъ собой около трехъ лѣтъ жизни Н. Г. (1850—52). Въ статьѣ Ф. В. столько интересныхъ подробностей, совсѣмъ еще неизвѣстныхъ въ нашей литературѣ, столько воспоминаній о Чернышевскомъ его современниковъ и современницъ, что эта часть работы Духовникова, представляющая собой вполнѣ самостоятельное и законченное повѣствованіе о жизни Чернышевскаго въ Саратовѣ за указанный періодъ времени, — читается съ громаднымъ интересомъ. Въ статьѣ Ф. В. находимъ и блестящія характеристики учителей тогдашней семинаріи и гимназій.

Мы печатаемъ статью безъ всякихъ измѣненій, воспроизводя и тѣ мѣста, которые были зачеркнуты покойнымъ редакторомъ „Русской Старины“, М. И. Семевскимъ (конечно, если въ нихъ есть дополненія къ основному тексту рукописи). Въ нихъ оказалось много интереснаго; къ тому же, М. И. Семевскій не допускалъ ихъ къ печати по цензурнымъ соображеніямъ. Но мѣстамъ, гдѣ это оказалось нужнымъ, мы даемъ свои примѣчанія, всегда обозначая, что именно принадлежитъ намъ, для того, чтобы не смѣшать работы Ф. В. Духовникова съ нашими замѣтками ¹⁾).

Въ рукописи Ф. В. статьи составляютъ VI—XV главы его труда. Для удобства читающей публики мы измѣнили нумерацію, и, поэтому, въ нашемъ воспроизведеніи работа Духовникова начинается съ первой главы. Въ заключеніе не можемъ не принести глубокой благодарности М. В. Шмелевой, разрѣшившей намъ издать работу ея покойнаго мужа, и Г. Г. Дыбову, оказавшему содѣйствіе въ доставленіи матеріаловъ пишущему эти строки.

P. S. Въ рукописи Ф. В. должно было быть нѣсколько приложений. Изъ нихъ въ настоящее время сохранились лишь IV, V и VI, которые и приводимъ въ концѣ.

Александръ Лебедевъ.

¹⁾ Свѣдѣнія объ археологической дѣятельности Ф. В. Духовникова см. некрологъ его, составленный А. Спицынымъ, „Археологическія Извѣстія и Замѣтки“, 1897, 3, и отд. оттискъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій (1850—52 гг.).**Г л а в а I (VI) ¹⁾.**

Въ 1850 г. Чернышевскій кончилъ курсъ въ Сиб. университетѣ 11 кандидатомъ по философскому факультету, преобразованному впоследствии въ историко-филологическій факультетъ, и оставленъ при немъ для занятій. Въ университетѣ онъ приобрѣлъ почти энциклопедическія познанія, между прочимъ, онъ настолько хорошо ознакомился съ медициной, что давалъ совѣты больнымъ и указывалъ имъ на лѣкарства, а когда жилъ въ Вилюйскѣ, то съ нимъ совѣтовался въ трудныхъ случаяхъ даже мѣстный врачъ.

Въ университетѣ же онъ изучилъ польскій и англійскій языки. Но главнымъ предметомъ его занятій въ университетѣ была словесность и въ частности русская литература и языкъ, а также славянскія нарѣчія, которыми онъ интересовался и въ Саратовѣ, когда онъ былъ тамъ учителемъ.

Къ университетской жизни относится его ученая работа: „Опытъ словаря къ Ипатьевской лѣтописи“, имѣющая до сихъ поръ значительную цѣнность.

Но не научными только занятіями, по мнѣнію Чернышевскаго, долженъ привлекать университетъ къ себѣ молодежь. „Университетъ“, говорилъ онъ своему бывшему ученику Саратовской гимназій, кончившему курсъ въ Сиб. университетѣ, Виссаріону Ивановичу Дурасову: „важенъ не одною наукою, которая тамъ не всегда и преподается удовлетворительно, и которой многіе студенты по разнымъ причинамъ такъ и не вкусятъ, если они ограничатся только лекціями профессоровъ; но необходимо каждому молодому человѣку пробывать въ немъ, чтобы усвоить себѣ надлежащія взгляды, а то по окончаніи курса гимназисты поступаютъ въ разныя канцеляріи и совершенно не имѣютъ никакихъ понятій“. Точно также смотрѣли на университетъ и другіе образованные люди того времени. Такъ, профессоръ Никитенко въ своемъ „Дневникѣ“ высказываетъ почти тѣ же мысли о значеніи университета для молодежи („Русская Старина“, 1890 г., сентябрь, стр. 604).

Какихъ идей „понабрался“ самъ Чернышевскій, учась въ университетѣ и живя въ Петербургѣ, можно судить по рассказамъ нѣ-

¹⁾ См. „Русская Старина“ сентябрь, 1890 г.

сколькихъ лицъ, „Чернышевскій“ говорится въ „Некрологъ Н. Г. Ч.“, помѣщенномъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (1889 г., № 288, 18 окт.), „былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Изм. Ив. Срезневскаго, который не разъ оказывалъ ему покровительство. Срезневскому Н. Г. Чернышевскій былъ обязанъ за сближеніе съ Введенскимъ, извѣстнымъ переводчикомъ Диккенса и Теккерея. Введенскій захотѣлъ изучить славянскія нарѣчія, и Срезневскій къ которому онъ обратился, рекомендовалъ ему въ учителя Чернышевскаго, тогда еще студента 3-го курса. Благодаря этимъ урокамъ, Чернышевскій сблизился съ Введенскимъ, которому потомъ обязанъ своимъ переводомъ въ Петербургъ“.

Такъ какъ знакомство Н. Г. съ И. И. Введенскимъ сильно отразилось на немъ, то мы коснемся міровоззрѣнія Введенскаго, для чего имѣемъ нѣсколько данныхъ.

„Какихъ взглядовъ держался Введенскій?“ спрашиваетъ А. П. Милюковъ ¹⁾: „Нѣкоторые изъ его знакомыхъ считали его крайнимъ либераломъ, а М. П. Погодинъ, у котораго онъ во время своихъ и московскихъ скитаній жилъ въ домѣ и работалъ для „Москвитянина“, называлъ его, говорятъ, родоначальникомъ нигилистовъ. Это, по моему мнѣнію, несправедливо. Что у Введенскаго были убѣжденія, которыя по тому времени многимъ должны были казаться слишкомъ несогласными съ авторитетно-консервативными взглядами, а протестъ противъ рутинныхъ мнѣній въ наукѣ и литературѣ высказывался имъ смѣло и рѣзко, этого отвергать нельзя. Правда и то, что изъ-подъ тяжелаго гнета тогдашней духовной школы, съ ея подавляющимъ режимомъ и схоластикой, онъ вынесъ взглядъ, далеко не согласный съ принятыми вѣрованіями, но онъ никогда не былъ пропагандистомъ своихъ личныхъ воззрѣній. Нигилистомъ же его никакъ нельзя назвать.“

„Можетъ ли это понятіе быть примѣнимо къ человѣку, который любилъ искусство, восхищался Байрономъ и Шекспиромъ и посвятилъ самые сердечные свои труды переводу на русскій языкъ такихъ писателей, какъ Диккенсъ и Куперъ, у которыхъ нѣтъ и тѣни того грубаго реализма, какимъ отличались всѣ вождельніа нашихъ нигилистовъ? Кто былъ свидѣтелемъ его литературныхъ сужденій и слышалъ, какъ мало придавалъ онъ значенія тенденціи въ искусствѣ, и какъ живо чувствовалъ эстетическую сторону художественнаго произведенія, тотъ, конечно, никогда не причислилъ бы его къ школѣ нашихъ поклонниковъ утилитаризма. Если онъ интересо-

¹⁾ Литературныя встрѣчи и знакомства, А. Милюкова, 1890 г., стр. 72.

вался радикальными мнѣніями, въ литературѣ и политикѣ, то далеко не раздѣлялъ ихъ“.

Почти то же самое говоритъ о воззрѣніяхъ И. И. Введенскаго и А. Чумиковъ, авторъ статьи: „Петербургскій университетъ“ ¹⁾. При обсужденіи направленія и взглядовъ Введенскаго на предметы слѣдуетъ имѣть въ виду также статью: „И. И. Введенскій. Эпизодъ изъ его жизни“ ²⁾.

Какъ хорошій знакомый и при томъ замлякъ, Н. Г. бывалъ на вечерахъ у Введенскаго, которые, по словамъ Смирнова ³⁾, бывали по средамъ, а по словамъ А. Милюкова ⁴⁾, по пятницамъ. Благодаря Милюкову, мы знаемъ, кто бывалъ на этихъ вечерахъ, и о чемъ шли на нихъ бесѣды.

„На вечерахъ у Введенскаго“, говоритъ Милюковъ, „чаще другихъ бывали В. Д. Яковлевъ, авторъ книги: „Италія“, Г. Е. Благосвѣтловъ, впоследствии редакторъ журнала „Дѣло“, и Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, издатель „Обще-занимательнаго Вѣстника“, иногда заѣзжалъ и Дериверъ, преподаватель Дворянскаго полка и затѣмъ извѣстный врачъ гомеопатъ.“

„Предметомъ разговоровъ были преимущественно литературныя новости“, продолжаетъ А. Милюковъ: „но часто затрагивались и вопросы современной политики. Въ 1847—1848 годахъ событія въ Европѣ сдѣлались даже главною, почти исключительною темою бесѣды, какъ и въ другихъ кружкахъ тогдашней петербургской молодежи ⁵⁾, иностранныя газеты, хотя сильно кастрируемыя цензурою, читались съ усерднымъ любопытствомъ. Реформы Ця ІХ и народное движеніе въ Италіи, а затѣмъ февральская революція въ Парижѣ и отголоски ея почти во всей Западной Европѣ отодвинули литературныя интересы на второй планъ и обратили общее вниманія на современныя политическія событія.“

Съ этимъ связывались, конечно, и вопросы соціальные, и сочиненія Прудона, Луи Блана, Пьера Леру нерѣдко вызывали обсужденіе и споры. Впрочемъ, горячихъ почитателей социализма въ этомъ кружкѣ не было ⁶⁾. Н. Г., тогда еще студентъ, занялъ на вечерахъ

¹⁾ „Русскій Архивъ“. 1888 г., кн. 9, стр. 133—135.

²⁾ „Русская Старина“. 1879 г., томъ XXV, стр. 72—74.

³⁾ „Русская Старина“, 1890 г., май, стр. 450.

⁴⁾ Литературныя встрѣчи и знакомства А. Милюкова, стр. 77.

⁵⁾ О другихъ литературныхъ кружкахъ того времени, см. тамъ же, стр. 164—184.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 71 и 72.

у Введенскаго видное мѣсто. Вотъ, что рассказываетъ объ этомъ А. В. Смирновъ ¹⁾.

„Здѣсь (на вечерахъ Введенскаго), въ дружескомъ кругу Н. Г. открылся новый міръ понятій, и, чтобы не отстать отъ другихъ, онъ началъ дома старательно изучать литературу, близкую къ предметамъ споровъ (соціальныя, историческія, экономическія, а также естественныя науки), и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явился съ такими свѣдѣніями, что занялъ первое мѣсто среди друзей“ ²⁾.

Къ разсказу А. В. Смирнова, передающему интересный эпизодъ

¹⁾ „Русская Старина“ 1890 г., май, стр. 450.

²⁾ При этомъ разсказѣ невольно вспоминается то, что сказано самимъ Чернышевскимъ въ романѣ: „Что дѣлать?“ о перерожденіи Рахметова. Вотъ это мѣсто.

„Въ первые мѣсяцы своего перерожденія, онъ почти все время проводить въ чтеніи; но это продолжалось лишь немного болѣе полгода: когда онъ увидѣлъ, что приобрѣлъ систематическій образъ мыслей въ томъ духѣ, принципы котораго нашелъ справедливыми, онъ тотчасъ же сказалъ себѣ: „теперь чтеніе стало дѣломъ второстепеннымъ; я съ этой стороны готовъ для жизни; и сталъ отдавать книгамъ только время, свободное отъ другихъ дѣлъ, а такого времени оставалось у него мало. Но, несмотря на это, онъ расширялъ кругъ своего знанія съ изумительною быстротою: теперь, когда ему было 22 года, онъ былъ уже человѣкомъ очень замѣчательно основательной учености. Это было потому, что онъ и тутъ поставилъ себѣ правиломъ: роскоши и прихоти—никакой; исключительно то, что нужно. А что нужно? Онъ говорилъ: по каждому предмету капитальныхъ сочиненій очень цемного; во всѣхъ остальныхъ только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнѣе и яснѣе заключено въ этихъ немногихъ сочиненіяхъ. Надобно читать только ихъ; всякое другое чтеніе — только напрасная трата времени. Я говорю: прочитаю всего прежде Гоголя. Въ тысячахъ другихъ повѣстей я уже вижу по пяти строкамъ съ пяти разныхъ страницъ, что не найду ничего, кромѣ испорченнаго Гоголя; — зачѣмъ я стану ихъ читать? Такъ и въ наукахъ, — къ наукамъ даже еще рѣзче эта граница. Если я прочелъ Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, я знаю альфу и омегу этого направленія, и мнѣ не нужно читать ни одного изъ сотенъ политико-экономовъ, какъ бы ни были они знамениты: я по пяти строкамъ съ пяти страницъ вижу, что не найду у нихъ ни одной свѣжей мысли, имъ принадлежащей, все заимствованія и искаженія. Я читаю только самобытное, и лишь настолько, чтобы знать эту самобытность“. Поэтому никакими силами нельзя было заставить его читать Маколея; посмотрѣвъ четверть часа на разныя страницы, онъ рѣшилъ: „я знаю всѣ матеріи, изъ которыхъ набраны эти лоскутья“. Онъ прочиталъ „Ярмарку Суеты“ Теккерея съ наслажденіемъ, а начавъ читать „Пенденниса“, закрылъ на 20-ой страницѣ: „весь высказался въ „Ярмаркѣ Суеты“; видно, что больше ничего не будетъ, и читать не нужно“. — „Каждая прочитанная мною книга такова, что избавляетъ меня отъ надобности читать сотни книгъ“, говоритъ онъ („Современникъ“ 1863 г. № 4, стр. 492 и 493).

изъ жизни Н. Г., добавимъ еще изъ той же книги А. Милюкова одну черту, характеризующую Н. Г.

Вечера Введенскаго „сталь посѣщать Н. Г. Чернышевскій, тогда еще молодой человекъ, скромный и даже нѣсколько застѣнчивый. Въ немъ особенно выдавалось противорѣчіе между мягкимъ женственнымъ его голосомъ и рѣзкостью мнѣній, нерѣдко очень оригинальныхъ по своей парадоксальности“¹⁾.

Эти рѣзкія сужденія, составлявшія особенность характера Чернышевскаго, высказывались имъ безъ всякаго стѣсненія и были причиною того, что многія лица относились къ нему враждебно и даже сдѣлались его врагами²⁾.

Если разсказъ А. В. Смирнова, передавшаго со словъ старожилы интересную подробность о первенствующей роли Н. Г. въ кружкѣ И. И. Введенскаго на его вечерахъ, вѣрнѣе, то мы въ правѣ заключить, что Н. Г., подобно Рахметову, будучи еще студентомъ, „уже принялъ оригинальные принципы и въ матеріальной, и въ нравственной, и въ умственной жизни, и они уже развились въ законченную систему, которой онъ держался неуклонно“ („Что дѣлать?“, „Современникъ“, 1863 г. № 4, стр. 49Г).

Такимъ онъ явился и въ Саратовъ.

II (VII).

Чернышевскій не остался въ Петербургѣ при университетѣ для занятій: 4 февраля 1851 г. онъ опредѣленъ былъ старшимъ учителемъ словесности въ Саратовскую гимназію на жалованье 385 р. 35 к., при чемъ получилъ не въ зачетъ третное жалованье, а на подъемъ прогонныя деньги, и пріѣхалъ туда на Страстной недѣлѣ. Поступая на службу въ Саратовъ, Н. Г. хотѣлъ этимъ выразить свою любовь къ родителямъ, которые желали видѣть его при себѣ, а главное — отплатить хотя сколько-нибудь матери за ту самоотверженную любовь ея, которую она проявила къ нему при поступленіи его въ университетъ, тѣмъ болѣе потому, что было рѣшено, что служба въ Саратовской гимназіи—временная,

¹⁾ Милюковъ. Литературныя встрѣчи, стр. 71.

²⁾ Увѣряютъ, что г. А. Ф. Писемскій въ своемъ романѣ „Вабаломученное море“ придалъ Проскриптскому, одному изъ выведенныхъ въ этомъ романѣ лицъ, черты, присущія и Н. Г., котораго онъ изображаетъ и какъ студента, и какъ руководителя кружка оригинальнаго направленія. (Сочиненія Писемскаго, изданіе Вольфа 1884 г. „Вабаломученное море“ томъ VIII, стр. 140—146—168 и 169; 230—232 и томъ IX, стр. 117—120 и 139).

и онъ опять оттула возвратится въ Спб. Хотя выше было сказано, что мать Н. Г. сама отвезла сына въ университетъ, но мы считаемъ умѣстнымъ привести подробный рассказъ г-жи Кошкиной свидѣтельницы этого обстоятельства жизни Н. Г., какъ характеризующаго его мать.

„У Н. Г. были способности громадныя. То, что онъ зналъ, ему казалось мало: ему хотѣлось знать больше. По совѣту Александра Федоровича Раева ¹⁾, родственника Чернышевскихъ, тогда еще студента Спб. университета, Н. Г. хотѣлъ учиться въ университетъ, и именно въ Петербургскомъ, который въ то время считался лучшимъ.

Отпустить Н. Г. одного въ Спб. было страшно: онъ никогда не выѣзжалъ изъ Саратова на большое разстояніе. Теперь, когда вездѣ хорошіе пути сообщенія, поѣздки въ Спб. представляются очень легкими; но въ сороковыхъ годахъ не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароводныхъ сообщеній, и потому подобныя путешествія представлялись довольно трудными, тяжелыми и даже опасными. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, Евгенія Егоровна приняла неизмѣнное рѣшеніе непременно сама устроить своего сына, тогда еще мальчика, въ Спб. Приготовленія къ большому и продолжительному путешествію начались еще зимою. Необходимо было разузнать обо всемъ: о маршрутѣ, о лошадяхъ и т. п. Въ обсужденіи (вопроса А. Л.) о путешествіи приняли участіе и Родные и знакомые, и всѣ пришли къ тому заключенію, что пускаться въ такое далекое путешествіе матери, болѣзненной женщины, опасно; вдобавокъ, она никогда не выѣзжала далеко изъ Саратова и потому была незнакома съ трудностями далекаго и долгаго путешествія, но мать не склонялась ни на какіе доводы. Мы у Чернышевскихъ лѣтъ двадцать квартировали, и потому знали, что дѣлалось въ ихъ домѣ. Я была въ то время бойкая и рѣзвая дѣвушка. Слыша и видя, какъ всѣ сокрушаются объ Евгенія Егоровнѣ, я сначала шуточками вызвалась сопутствовать ей, чтобы въ случаѣ ея болѣзни помочь ей; мнѣ же самой хотѣлось посмотрѣть на Москву и Петербургъ. Евгенія Егоровна упросила мать отпустить меня съ нею, на что моя мать согласилась. Всѣ были рады этому, у всѣхъ отлегло отъ сердца.

„8 мая, послѣ напутственнаго молебна, поѣхали втроемъ на долгихъ, на парѣ, въ повозкѣ изъ цыновокъ. Съ нами былъ весь багажъ, однѣхъ книгъ, взятыхъ Николаемъ Гавриловичемъ, было

¹⁾ Нынѣ состоитъ членомъ училищнаго совѣта при св. Синодѣ. (Позднѣйшая поправка: членъ совѣта министра финансовъ).

болѣе двухъ пудовъ. Апрѣль мѣсяць былъ ясный, хорошій; такое же было и начало мая. Но съ первой же станціи пошли сильные дожди; грязь была ужасная, тяжело было ѣхать. Какъ долго тянулась дорога! Еле-еле дотащились до Балашова, гдѣ была въ то время ярмарка. Здѣсь ящикъ купилъ третью лошадь и повезъ насъ на тройкѣ. Хотя дожди прекратились, но мы натерѣлись дорогою много неприятностей и страху; кромѣ того извозчикъ, сельскій мужикъ, оказался большимъ негодяемъ. Ночью, когда мы спимъ, онъ, бывало, посадить къ намъ пѣшехода, чтобы получить съ него за это на шкаликъ водки; а самъ идетъ пѣшкомъ; одинъ разъ пьяный чуть было не свалилъ насъ съ моста. Въ Москвѣ двое сутокъ отдохнули у священника церкви Воскресенія Словутія, Григорія Степановича, котораго саратовскіе родственники Чернышевскаго просили насъ принять и успокоить послѣ большой дороги. Москву не пришлось осмотрѣть: опять шли дожди, но все-таки посмотрѣли на Кремль, были въ кремлевскихъ церквахъ, ходили и по городу.

„Хотя извозчика наняли до Петербурга, но въ Москвѣ рассчитали его, и поѣхали въ Петербургъ въ дилижансѣ, по шоссе и доѣхали сравнительно хорошо. Александръ Ѳедоровичъ Раевъ отыскалъ не далеко отъ Спаса, что на Сѣнной, именно на Гороховой улицѣ, близъ Екатерининскаго канала, квартиру, одну большую комнату. Александра (вѣроятно, Евгенія? А. Л.) Егоровна не увѣрена была, что Николай Гавриловичъ выдержитъ экзаменъ: одни учителя семинаріи увѣряли, что Н. Г. можетъ хорошо сдать вступительный экзаменъ въ университетъ, другіе выражали сомнѣніе. Е. Е. и я ходили и въ церкви и по Петербургу, но Николай Гавриловичъ цѣлые дни проводилъ за книгами, лежа на диванѣ. Тѣмъ онъ очень мало, но зато чаю пилъ много, ему даже оставляли въ чайникѣ чай, который онъ пилъ холоднымъ.

Въ сентябрѣ, когда Н. Г. былъ принятъ въ университетъ, мы уѣхали въ Саратовъ“.

Помнилъ все это Николай Гавриловичъ и потому отправился служить въ Саратовъ, дабы быть близъ матери.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось въ Саратовской гимназіи на урокахъ словесности, до поступленія туда Н. Г. Чернышевскаго преподавателемъ.

III (VIII).

Долгое время въ Саратовской гимназіи словесность преподавалъ Ѳедоръ Павловичъ Волковъ, воспитанникъ Казанскаго университета. Онъ приобрѣлъ симпатіи своихъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ.

А. Г. Тихменевъ, составитель біографіи поэта Э. И. Губера, воспитанника Саратовской гимназіи 1830-хъ, „съ чувствомъ глубочайшаго уваженія вспоминаетъ почтеннаго наставника, имѣвшаго вліяніе на своихъ учениковъ“. Тогда, во времена Губера, Волковъ былъ, по словамъ А. Г. Тихменева, „молодой, полный жизни и души человекъ, сочувствующій современной поэзіи, любящій свою науку¹⁾“.

Нѣсколько иначе характеризуетъ Волкова другой его ученикъ конца 1840-хъ годовъ, В. И. Дурасовъ, въ статьѣ „Гимназическія воспоминанія“²⁾, изъ которой приведемъ болѣе характерныя выдержки.

„Федоръ Павловичъ Волковъ предметъ свой зналъ хорошо, но принадлежалъ, что очень естественно, къ отжившей псевдо-классической школѣ, да и самые учебники, по которымъ мы изучали такъ называемую словесность—риторика и поэтика Кошанскаго и курсъ исторіи литературы Георгіевскаго—отзывались стариною и шибали въ носъ какою-то затхлостью. Мы упражнялись въ писаніи разныхъ риторическихъ примѣровъ, заучивали формы стихосложенія—хореи, ямбы, дактили, анапесты и прочую дребедень, которая будто бы должна создавать поэтовъ, при чемъ забывалось латинское изреченіе: „orationes fiunt, poëtae nascuntur“. О литературномъ увлеченіи 1840-хъ годовъ, создавшемъ „натуральную школу“, Федоръ Павловичъ Волковъ ничего не говорилъ своимъ ученикамъ, а если когда и упоминалъ имя какого-либо изъ дѣятелей тѣхъ годовъ, то съ насмѣшкою: мальчишки, дескать, нѣтъ въ ихъ произведеніяхъ ничего возвышеннаго и величественнаго, какъ напримѣръ, въ стихотвореніяхъ Державина въ родѣ слѣдующаго:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ, четырема скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми!“

и т. д. въ этомъ родѣ. Образцомъ прозы рекомендовался намъ Карамзинъ съ его округленными періодами. О Пушкинѣ Федоръ Павловичъ отзывался, какъ о писателѣ, тратившемъ свой талантъ на „пустяки“. Лермонтова называлъ просто мальчишкою-забіякою.

¹⁾ Сочиненія Э. И. Губера, изданныя подъ редакціею А. Г. Тихменева. Т. III. Сиб. Изд. Смирдина и К^о. 1860. стр. 239 и 240.

²⁾ Статья эта будетъ помѣщена въ „Саратовскомъ краѣ“, который готовится къ печати Саратовское общество вспомоществованія литераторамъ. Мы приводимъ эти выдержки съ согласія ихъ автора, нынѣ умершаго. (Статья эта не пропущена цензурою, а потому и не помѣщена въ „Саратовскомъ краѣ“) — позднѣйшая прибавка. А. Л.

а Гоголя—писателемъ грязнымъ и циничнымъ. О Тургеневѣ, Некрасовѣ, Гончаровѣ и другихъ литературныхъ дѣятеляхъ, дававшихъ извѣстный тонъ и окраску журналистикѣ, мы ничего не слышали съ учительской кафедрой, а въ учебникахъ, конечно, этихъ именъ не значилось. Критическія статьи Бѣлинскаго, печатавшіяся безъ подписи автора сначала въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а потомъ въ „Современникѣ“, были до поры до времени совершенно намъ не извѣстны, потому что некому было указать намъ на эти статьи и объяснить ихъ содержаніе. Мы бродили въ потемкахъ и утѣждались чтеніемъ по переводной литературѣ романовъ Дюма, Февали, Сю и другихъ подобныхъ романистовъ-французовъ.

Диккенсъ и Теккерей намъ казались скучными. Изъ русскихъ писателей мы читали Булгарина, Калашникова, Рафаила Зотова, Лажечникова, Загоскина; нравилось намъ шутовское остроуміе барона Брамбеуса ¹⁾).

Въ театрѣ мы восторгались Кукольниковъ, Полевымъ, Геденовымъ и другими авторами патристическихъ перипетій и эффектныхъ мелодрамъ съ кинжаломъ и ядомъ въ послѣднихъ дѣйствіяхъ. Однимъ словомъ, никто не руководилъ нами въ выборѣ чтенія. Мы читали все, что попадалось подъ руку, читали безъ всякаго разбора, впрочемъ, хорошо и то, что намъ не мѣшали читать, и намъ, въ этомъ случаѣ, предоставлялась полная свобода, не стѣснявшая насъ полицейско-цензурно-педагогическими наблюденіями.

Но при всемъ томъ, по отзывамъ старожиловъ, Волковъ былъ свѣтлая личность, отличавшаяся благородствомъ и честностью. Жалованье онъ, какъ и всѣ учителя, получалъ маленькое; другихъ источниковъ дохода, кромѣ частныхъ уроковъ, за которые получалъ по золотому въ мѣсяць, онъ не хотѣлъ имѣть; между тѣмъ на его попеченіи была сестра—дѣвушка, которая была выдана замужъ отчасти при посредствѣ добрыхъ людей. Вслѣдствіе чего бѣдность одолѣла Волкова, а тутъ какъ нарочно случилось обстоятельство, которое сильно отразилось на его и безъ того ничтожномъ бюджетѣ. До введенія единства кассы всѣ суммы, принадлежавшія учебнымъ заведеніямъ, хранились въ казначействѣ, въ сундучкѣ, который по мѣрѣ надобности вскрывали, брали изъ него деньги въ присутствіи педагогическаго совѣта и опять возвращали въ казначейство. Такимъ образомъ, отвѣтственность за цѣлость суммы, находившейся въ сундучкѣ, лежала на педагогическомъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ учителей, вполнѣ зависѣвшихъ отъ директора. Но директора обыкновенно

¹⁾ Въ отдѣлѣ „Литературной лѣтописи“ „Библиотеки для чтенія“ прежнихъ годовъ.

брали изъ сундучка, особенно въ первое время существованія гимназій, сколько хотѣли, и свидѣтельствованіе суммы было только номинальное. Директоръ Василій Ивановичъ Гине, преданный всей душой не гимназій, о которой онъ мало заботился, а картамъ, растратилъ казенныя деньги и, не желая подвергаться заслуженному наказанію, исчезъ. Зимой въ январѣ 1844 г., около проруби, противъ Саратова, нашли его одежду. Утонулъ ли онъ въ проруби; или же скрылся изъ Саратова, оставивъ для отвлеченія вниманія слѣдователя свою одежду около проруби,—неизвѣстно. Говорили, будто родныя его сестры видѣли его въ Петербургѣ; но онъ даже не отвѣтилъ имъ на поклонъ; точно также рассказывали, будто онъ проживалъ въ имѣніи своей жены въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губ., какъ бы то ни было, а учителямъ приходилось полатиться за растрату, и съ нихъ ежемѣсячно вычитались деньги на пополненіе суммы, растроченной Гине (Вычетъ этотъ впоследствии возвращенъ былъ всѣмъ учителямъ). Всѣ учителя проклинали за это Гине при полученіи жалованья, только одинъ Волковъ, самъ постоянно нуждавшійся, ни разу не высказалъ ни одного упрека Гине. Тяжелая матеріальная обстановка и грубая среда, въ которой онъ вращался, довели его до пьянства, которому онъ въ послѣдніе годы учительства предавался съ наслажденіемъ. Какъ истый пьяница, онъ наливалъ въ стаканъ вина, въ который обмакивалъ кусокъ хлѣба, и затѣмъ изъ него высасывалъ вино. Будучи выпивши, онъ обличалъ симпатичнаго и добраго законоучителя Павла Никитича Смирнова, у котораго гимназисты, пользуясь его добротою, дѣлали для экзамена билеты, трехъ родовъ: или съ клеймомъ фабрики, или безъ него, или измятые, или совершенно не измятые. На экзаменѣ ученики брали только тѣ билеты, содержаніе которыхъ они знали. „Отецъ, отецъ! зачѣмъ ты потакаешь мошенникамъ?“—говорилъ Волковъ. Но добрѣйшій П. Н. Смирновъ никакъ не могъ искоренить подобной плутни учениковъ.

Въ преподаваніи Волковъ держался исключительно учебниковъ. Если же онъ читалъ стихотворенія и статьи, то не для объясненія ихъ, а какъ образецъ, какъ слѣдуетъ читать.

По смерти Волкова, умершаго, по словамъ старожиловъ, въ 1849 г., словесностью до назначенія новаго учителя временно занимался И. Ѳ. Синайскій, старшій учитель греческаго языка, вышедшій уже изъ семинаріи при преосвященномъ Аѳанасіи¹⁾. Хотя

¹⁾ Къ этому мѣсту Ф. В. Духовниковъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку по поводу появившихся въ то время статей архіеп. Никанора:

„Преосвященный Никаноръ въ статьѣ: „О значеніи семинарскаго образованія“, появившейся сначала въ „Странникъ“, 1890 г., затѣмъ перепе-

онъ былъ, какъ сказано выше, большимъ знатокомъ греческаго языка, но поселилъ въ гимназистахъ убѣжденіе, что онъ не считаетъ полезнымъ для нихъ изученіе греческаго языка. Въ этомъ убѣждало ихъ въ особенности то, что греческій языкъ проходилъ при немъ для проформы.

Ученики, стоя за столомъ, отвѣчали греческій языкъ по книгѣ, что онъ хорошо видѣлъ. Иногда Синайскій обращался къ ученикамъ съ укоризною. „Зачѣмъ вы передаете для отвѣта книгу? Эхъ, вы плохіе! Не можете отвѣчать по книгѣ чрезъ два стола, а непременно подкладываетъ вамъ подъ носъ! Мы, бывало, ухитрялись отвѣчать по книгѣ, которая отъ насъ лежала чрезъ три, четыре стола, и учитель даже не замѣтитъ этого“,—говорилъ онъ. Но если ученикъ, передавая для отвѣта другому книгу, ронялъ ее, то получалъ за это дурную отмѣтку. Гимназисты не только не выучивались переводить по-гречески, но даже разучивались читать. Когда же наставало время экзаменовъ, то ученики прямо заявляли ему, что они совершенно не могутъ отвѣчать по-гречески, но онъ совѣтовалъ имъ быть на экзаменѣ смѣлѣе и переводить такъ, какъ они умѣютъ, потому что ни директоръ, ни инспекторъ, ни другіе учителя не знаютъ греческаго языка, да и вообще греческій языкъ знаютъ, по его мнѣнію,

Только Тихонъ Зарайскій

Да я, Иванъ Синайскій.

Экзамены и ревизіи у Синайскаго сходили всегда хорошо. Разъ посѣтилъ урокъ греческаго языка въ послѣднемъ классѣ гимназій инспекторъ Казанскаго учебнаго округа Антроповъ, который, вызвавъ одного ученика къ доскѣ, велѣлъ ему написать „Отче нашъ“

чатанный съ добавленіемъ, несомнѣнно придуманнымъ, вымышленнымъ, въ „Православномъ Обзорѣніи“ за тотъ же годъ, и, наконецъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ, относитъ время епископства Іоанникія (Горскаго) въ Саратовѣ ко времени учительства Чернышевскаго въ Саратовской гимназій и рассказываетъ о немъ, что онъ, Іоанникій, былъ причиною выхода Н. Г. въ отставку, но это не вѣрно. Въ 1851—1853 г.г., когда Ч. былъ учителемъ въ Саратовѣ, преосвященнымъ былъ Аванасій, прослышій за либерала. Послѣ Аванасія, переведеннаго въ Астрахань, назначенъ былъ епископомъ въ Саратовѣ Іоанникій I. Вотъ почему я счелъ нужнымъ указать на лицо, которое передало мнѣ о знакомствѣ епископа Аванасія съ Н. Г.

Вообще статья архіепископа Никанора, какъ наполненная анахронизмами и невѣрно переданными и даже искаженными фактами, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить матеріаломъ для будущаго біографа Ч. Несомнѣнно, архіепископъ Никаноръ включилъ въ свою статью факты, слышанные имъ отъ другихъ лицъ, не знавшихъ Чернышевскаго, безъ всякой провѣрки“.

и затѣмъ перевести на греческій языкъ. Когда Синайскій узналъ отъ ученика, что онъ не можетъ этого сдѣлать, то Синайскій, несмотря на всѣ отговорки ученика, заставилъ его написать то же самое, но только греческими буквами, потому что ревизоръ совершенно не зналъ греческаго языка. Антроповъ велѣлъ Синайскому поправить и провѣрить написанное ученикомъ. Синайскій, подойдя къ доскѣ, сталъ пожимать плечами. „Что, вѣроятно, много навралъ?“ — спросилъ ревизоръ. „Какое много, ваше высокопревосходительство! Зная, что вы такой строгій ревизоръ, я и то сдѣлалъ бы больше ошибокъ; между тѣмъ онъ хотя и долго обдумывалъ, но сдѣлалъ всего двѣ ошибки: дыханіе твердое да дыханіе слабое не поставилъ на словѣ“. Антроповъ, подойдя къ доскѣ, сдѣлалъ видъ, какъ будто читаетъ написанное, и затѣмъ, ударяя ученика по плечу, сказалъ: „продолжайте, молодой человекъ, такъ же учиться, какъ вы учились до сего времени, и пріѣзжайте къ намъ въ университетъ: мы будемъ жить съ вами дружно“. Вслѣдъ за этимъ Антроповъ вышелъ. Видъ себя отъ волненія, ученикъ совершенно не помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ гимназіи, оставивъ тамъ книги и картузь, и только боялся, какъ бы его не воротили въ гимназію. Но бывали такіе случаи, что И. Θ. требовалъ отъ учениковъ знанія уроковъ. Тогда онъ вызывалъ учениковъ для отвѣта къ каедрѣ, а это значило, что ученику поставится плохой баллъ, и что ученикъ чѣмъ-нибудь прогнѣвалъ И. Θ. Онъ издалъ, какъ сказано выше, греческіе словари, кромѣ того, онъ перевелъ нѣсколько книгъ съ греческаго языка на русскій ¹⁾).

Эти-то свои изданія, а равно маленькія книжечки на греческомъ и латинскомъ языкѣ Синайскій раздавалъ своимъ ученикамъ, при чемъ говорилъ: „эта книжка очень полезная для васъ, она стоитъ дешево, а кто заплатитъ больше, за это я останусь благодарнымъ“ или предоставлялъ ученикамъ платить за книжку по своему усердію. Подобную продажу книгъ онъ не находилъ нисколько предосудительною въ то время, когда было развито взяточничество. Но находились такіе ученики, которые не считали полезнымъ имѣть у себя произведенія Синайскаго. Когда ученикъ отказывался пріобрѣсть его книжку, то Синайскій отвѣчалъ: „Не возьмете, какъ хотите; васъ не неволятъ“. Въ слѣдующій же урокъ онъ вызывалъ ученика отвѣчать урокъ уже къ каедрѣ, и, разумѣется, въ результатѣ

¹⁾ Изъ такихъ книгъ намъ извѣстна одна: „Сократово ученіе по Ксенофону. Въ видѣ разговоровъ въ четырехъ книгахъ. Переведено съ греческаго Иваномъ Синайскимъ. Москва 1857 г. 1 р. 50 к.“. Очевидно, не эту книгу Синайскій раздавалъ своимъ ученикамъ, такъ какъ она въ то время, къ которому относится рассказъ, еще не была издава.

плохой балль. Догадливый ученикъ пойметъ скоро, какъ уничтожить плохія отмѣтки, но бывали и такіе ученики, которыхъ Синайскій по нѣскольку разъ вызывалъ къ каѳедрѣ. Несмотря на это, И. Ѳ. внушалъ уваженіе къ себѣ въ своихъ ученикахъ и своимъ умомъ, и своею образною рѣчью, которая постоянно испещрялась остротами. Часто онъ обращался къ ученикамъ съ рѣчами, въ которыхъ ясно и толково доказывалъ своимъ маленькимъ слушателямъ пользу изученія греческаго языка, поясняя это примѣрами. Иногда онъ пускался въ объясненіе словъ русскаго языка. Помнятъ его филологію слова „салфетка“. Не соглашаясь съ общепринятымъ мнѣніемъ о заимствованіи этого слова у нѣмцевъ, И. Ѳ. далъ иное объясненіе этого слова, по которому оно— русскаго происхожденія. Въ старину салфетка, по его объясненію, была принадлежностью только бояръ, любившихъ, какъ извѣстно, употреблять жирную пищу и пользовавшихся постоянно услугами своей прислуги. Когда на усахъ и бородѣ бывало много сала при ѣдѣ, то бояринъ говорилъ своему крѣпостному, стоявшему позади его: „Сало, Ѳедька!“ Это значило: утри сало, Ѳедька, и онъ исполнялъ приказаніе своего господина. Отъ этихъ двухъ словъ, т. е. „сало“ и „Ѳедька“ и образовалось слово „салфетка“, при чемъ ѣ выпущено, а буква д и по выговору переходитъ въ т ¹⁾).

Весело бывало въ классѣ и тогда, когда Иванъ Ѳедоровичъ, подобно прочимъ учителямъ, приходилъ въ классъ подъ вліяніемъ Бахуса, о чемъ ученики узнавали по сильному аромату, или по пурпурному цвѣту лица, который давалъ возможность судить и о его душевномъ настроеніи. Если лицо не пурпурнаго цвѣта, то Синайскій былъ въ обыкновенномъ расположеніи духа; въ противномъ случаѣ онъ бывалъ въ очень веселомъ настроеніи, и была надежда, что урокъ пройдетъ очень весело, и что не о прстивномъ греческомъ языкѣ будетъ рѣчь. Дѣйствительно, тогда онъ велъ простую дружескую бесѣду съ учениками не только о своей домашней жизни, но даже о частной жизни родителей и родственниковъ своихъ питомцевъ, которую онъ зналъ хорошо, и въ подобныхъ разговорахъ проходилъ весь урокъ. Почтенный старецъ, имѣя уже преклонный возрастъ (за 60 лѣтъ) и довольно поработавъ на своемъ вѣку, по-

¹⁾ Мы не могли провѣрить, на сколько вѣрны сообщенныя намъ свѣдѣнія о филологическихъ познаніяхъ И. Ѳ. Синайскаго: въ Саратовѣ мы нигдѣ не нашли его книжку филологическаго содержанія: „Три статьи по предмету славяно-русскаго языка: I. Нѣчто о происхожденіи и образованіи славяно-русской азбуки. II. О глаголѣ (безъ видовъ). III. Опытъ критики корнеслова къ академическому словарю церковно-славяно-русскаго языка. Москва 1857 г. Ц. 1 р.

кончилъ педагогическую дѣятельность, тѣмъ болѣе потому, что память измѣняла ему во многомъ. Этимъ недостаткомъ И. Ѡ. и злоупотребляли ученики изрѣдка. Извѣстно, что послѣ 1812 г. русскіе пропитаны были ненавистью къ Наполеону I, за разореніе нѣсколькихъ губерній и Москвы. Въ этой ненависти воспитанъ былъ и И. Ѡ. Синайскій. Хотя онъ учился въ Вологодской семинаріи, но среди гимназистовъ носился слухъ, что Синайскій вмѣстѣ съ другими семинаристами былъ высѣченъ, по приказанію Наполеона, при взятіи Смоленска. Это-то, говорятъ, и оставило въ Синайскомъ на всю жизнь непримиримую ненависть къ Наполеону. Достаточно бывало сказать или написать слово *Наполеонъ*, и Синайскій, будучи незлобивымъ, выходилъ изъ себя. Надо было видѣть фигуру Синайскаго и слышать дышавшую злобою рѣчь его, чтобы понять, какъ была сильна эта ненависть: ярость и злобу изображала вся его фигура. Когда ученики бывало не желаютъ заниматься греческимъ языкомъ, то кто-нибудь изъ нихъ или читалъ стихотвореніе Пушкина „Наполеонъ“ при входѣ Синайскаго въ классъ, или обзывалъ товарища этимъ словомъ, или другимъ какимъ образомъ произносилъ это ненавистное имя, и Синайскій, прекративъ занятіе греческимъ языкомъ, принимался объяснять коварство Наполеона, отыскивая въ немъ каждый разъ все новые и новые недостатки и пороки, или же разсматривая его пагубныя дѣйствія для Европы съ новыхъ сторонъ. Эпитеты: воръ, грабитель, душегубецъ, разбойникъ, осквернитель святыни, корсиканецъ, подлецъ, замѣнившіе слово „Наполеонъ“, постоянно испещряли воодушевленную рѣчь Синайскаго. Въ подобномъ занятіи проходилъ весь урокъ. Чтобы онъ не заподозрилъ въ истинной цѣли произнесенія слова „Наполеонъ“, ученики произносили это имя изрѣдка, раза два, три въ мѣсяцъ. Нечего и говорить, что Синайскій недолюбливалъ тѣхъ, которые симпатизировали французскому императору. Лермонтовъ, особенно Пушкинъ, были, какъ извѣстно, противоположныхъ воззрѣній на этого императора, почему пользовались антипатією со стороны Синайскаго. „Пушкинъ называлъ корсиканца великимъ человѣкомъ“, говорилъ Синайскій: „а за что? За его злодѣйства, что ли? Да, они дѣйствительно велики! Онъ разорилъ нѣсколько нашихъ губерній, нѣсколько царствъ; тысячи людей и теперь еще не могутъ опомниться отъ его злодѣйствъ. Пушкинъ самъ не понималъ, что говорилъ. И какъ же ему понимать! Онъ—мальчишка и щенокъ! Даже умеръ онъ не своею смертью!“ Если Синайскій видѣлъ у учениковъ сочиненія Пушкина, то или рвалъ ихъ, или отбиралъ ихъ отъ нихъ. Но за то онъ очень уважалъ пѣвца Екатерины, о которомъ говорилъ: „Вотъ Гавріилъ Романо-

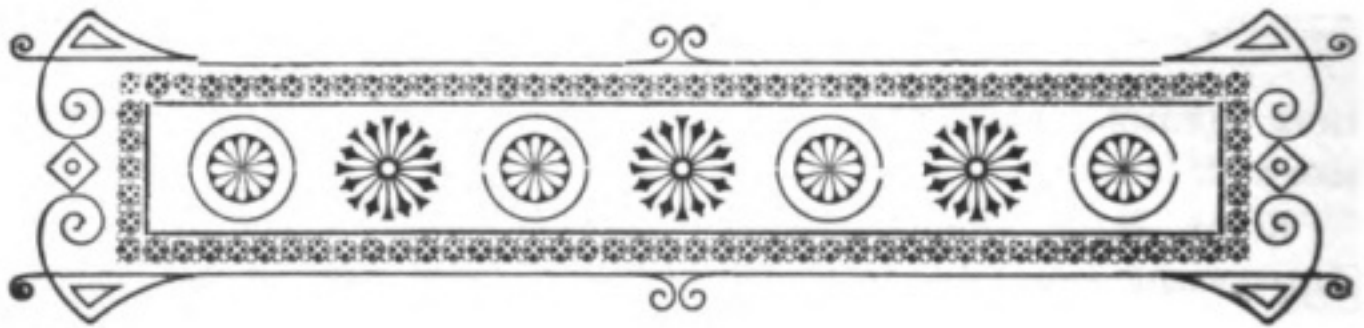
вичъ тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ—настоящій поэтъ“.

Когда Н. Г. Чернышевскій назначенъ былъ преподавателемъ Саратовской гимназіи, то Синайскій расхвалилъ его гимназистамъ, „какъ бывшаго своего ученика. Посмотримъ же, насколько былъ вѣренъ отзывъ Синайскаго о Н. Г. Чернышевскомъ.

Сообщилъ Александръ Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

**Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа
о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года ¹⁾.**

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

ѣ, кто, какъ я, знали близко русскаго солдата, навсегда сохранили къ солдату чувство глубокаго поклоненія, присоединивъ къ этому еще и чувство сильной и нѣжной привязанности.

Сколько разъ вспоминалъ я предсмертныя сожалѣнія одного расстававшагося съ жизнью русскаго офицера, умиравшаго отъ ранъ въ Парижѣ, который, по свидѣтельству присутствовавшаго при этомъ князя Григорія Волконскаго, обратился къ нему въ послѣднюю минуту со словами: „Не видать мнѣ болѣе русскаго солдата! Не слышать мнѣ болѣе солдатскихъ пѣсенъ!!“

Въ этихъ пѣсняхъ дѣйствительно есть что-то возвышающее и возбуждающее и есть какая-то своеобразная поэзія.

Изучите поближе эти кажущіяся столь инертными войска, и вы найдете въ нихъ великую душу, мощь Геркулеса и, одновременно, простое и нѣжное сердце и улыбку юноши.

Послѣ взятія Ахалцыха, гдѣ особое мужество проявилъ Ширванскій полкъ, понесшій здѣсь громадныя потери, князь Паскевичъ обратился къ нему съ вопросомъ: „много ли осталось еще въ рядахъ полка?“ „Еще хватить, Ваше Сіятельство, на два штурма“, отвѣтилъ ширванецъ-гренадеръ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1910 г.

Да! Подобные отвѣты находятся всегда на устахъ каждаго кавказскаго солдата. И этотъ отвѣтъ, кажущійся намъ блестящимъ, для кавказскаго солдата является простымъ и естественнымъ.

И вотъ, эти самые люди, эти богатыри, пламенные и отважные въ дѣлѣ, являются доступными каждому великодушному начинанію: по одному слову довѣрія или побужденію къ славѣ, или во имя двухъ нераздѣльныхъ въ нашихъ старыхъ полкахъ именъ—Бога и Царя, они способны проявить высшую степень великодушнаго самоотверженія; а сейчасъ же послѣ дѣла вы видите этихъ самыхъ солдатъ, принимающихъ свое естественное и невозмутимое спокойствіе, подчиняющихся малѣйшему вашему желанію, высматривающими и предугадывающими ваши желанія и исполняющими ихъ, съ толкомъ и быстротой, не имѣющими себѣ равныхъ въ Европѣ.

Одушевляйте или успокаивайте русскаго солдата, и вы всегда встрѣтите у него полную тому отзывчивость. Дитя и герой сочетаются въ русскомъ солдатѣ.

Онъ хладнокровенъ и непоколебимъ въ страшной игрѣ на жизнь и смерть, а послѣ боя онъ уже добродушно мастеритъ себѣ изъ трехъ дощечекъ водяную мельницу и по цѣлымъ часамъ слѣдитъ за ея работой, или, напримѣръ, на службѣ заставы сторожевой цѣпи, онъ или забавляется смѣшками, или дрожитъ отъ ужаса, слушая сказки ротнаго рассказчика.

Храбрыя и славныя войска, которыми никогда достаточно не нахвалишься!!

Мы слѣдовали довольно хорошей дорогой, только что было исправленной Шамилемъ для провоза своей артиллеріи. Оставивъ вправо горы съ крутыми скатами, мы спустились въ долину примѣрно 2-хъ верстъ длины, гдѣ находился родникъ, вода котораго была испорчена непріателемъ, завалившимъ ее трупами палыхъ лошадей.

При выходѣ изъ этой долины, гдѣ мы могли слѣдовать сосредоточенно, намъ выпало немало спусковъ и подъемовъ, пока мы достигли наконецъ возвышеннаго плато, которое, такъ сказать, нависло надъ главной долиной Гумбета, долиной глубокой, широкой, единственной обитаемой и возможной для жизни. Прямо противъ себя мы имѣли скалистый и острый гребень горъ, отдѣляющихъ Гумбетъ отъ долины Анди. Онъ отходитъ отъ главнаго хребта и подъ прямымъ угломъ направляется въ долину Андійскаго Койсу. Эту преграду можно перешагнуть только въ одномъ пунктѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Андійскихъ воротъ“, представляющихъ

узкую тѣснину, глубиной шаговъ въ 800. У нашихъ ногъ лежало большое селеніе Тилитль, куда намъ предстояло спуститься.

Все то, что я теперь описываю, я видѣлъ только впоследствии, такъ какъ наступилъ большой туманъ, закутавшій насъ со всѣхъ сторонъ и оставившій полю нашего зрѣнія лишь только то, что высота, по которой мы слѣдовали, сразу обрывалась внизъ на страшную глубину. Справа высилась отвѣсная стѣна, слѣва — бездонная пропасть; одинъ невѣрный шагъ лошади стоилъ ей смерти; и здѣсь-то спустился весь отрядъ, на что понадобилось 24 часа времени!...

Немыслимо было рассчитывать въ эту кампанію на порядокъ слѣдованія вьючнаго обоза. Я уже имѣлъ на этотъ счетъ печальный опытъ, и такъ какъ у меня на рукахъ было много больныхъ, и всѣ мои люди нуждались въ отдыхѣ, то я, какъ только пришла моя очередь спуститься, самовольно задержалъ всѣхъ вьючныхъ лошадей моего баталіона; безъ этой посредствующей предосторожности и очевидно противно общему плану, я получилъ бы вьючный обозъ не ранѣе завтрашняго дня и, вѣроятно, вовсе лишился бы части его.

На войнѣ, зачастую, приходится, противно всему, заботиться о себѣ самому. Каждая вьючная лошадь имѣла при себѣ шесть человекъ конвойныхъ солдатъ: двое придерживали ее спереди и четверо сзади; все сошло прекрасно, и мы ночью имѣли пристанище.

Въ штабѣ отряда не озаботились порядкомъ расположенія войскъ, и я вечеромъ съ трудомъ добился указанія мѣста расположенія моего баталіона, послѣ чего пошелъ къ графу Воронцову. Блуждая этой темной ночью, я, случайно, имѣлъ счастье столкнуться съ его свѣтлостью принцемъ Гессенскимъ, который только-что собирался сѣсть за ужинъ. Я получилъ приглашеніе, и ничто не могло быть болѣе кстати; давно уже не вкушалъ хорошаго стола, и теперь я воздалъ ему должное.

На слѣдующій день войскамъ былъ данъ отдыхъ и, къ счастью, была хорошая погода; было даже жарко. Войска пользовались отдыхомъ и погодой; снявъ одежду, просушивали ее и, наконецъ, получили въ этотъ день горячую мясную пищу.

Первый разъ въ теченіе десяти сутокъ я могъ спокойно провести этотъ день на отдыхѣ и въ пріятномъ мнѣ обществѣ лицъ главной квартиры и даже развеселиться подъ покровительствомъ *Минквица* и *Щербинина* ¹⁾. Но однако не надолго пришлось мнѣ насладиться этими удовольствіями.

¹⁾ Щербининъ состоялъ долго при графѣ Воронцовѣ и составилъ его біографію, представляющую впрочемъ чистый панегирикъ. Дочь Щербинина,

Въ виду принятаго рѣшенія для обезпеченія сообщеній между главными силами и укрѣпленнымъ этапомъ *Кирки* имѣть (на этапахъ) два отдѣльныхъ отряда (какъ гарнизоны этаповъ), для этой послѣдней службы были предназначены части, наиболѣе пострадавшія въ походѣ, а слѣдовательно и прибывшія съ „холодной“ горы. Командуемый мною баталіонъ Куринцевъ вошелъ въ составъ наиболѣе важнаго въ стратегическомъ отношеніи Мичикальскаго отряда, ввѣреннаго полковнику *Ковалевскому*.

Съ большимъ сожалѣніемъ позналъ я необходимость обратнаго возвращенія баталіона, но что можно было возразить противъ этого распоряженія, тѣмъ болѣе, что изъ состава моего баталіона 30 человѣкъ имѣли отмороженные ноги, изъ коихъ у 15-ти уже начинала обнаруживаться гангрена, и, наконецъ, болѣе сотни пострадавшихъ чиновъ баталіона представляли изъ себя не болѣе какъ инвалидовъ.

Всѣ умы къ этому времени были заняты Андією, и 14-го іюня было рѣшено форсировать единственный переваль въ эту долину, такъ называемыя Андійскія ворота. Полковникъ князь Барятинскій съ командуемымъ имъ 3-мъ баталіономъ кабардинцевъ добился назначенія слѣдовать въ головѣ колонны, назначенной для штурма Андійскихъ воротъ.

Надѣялись, что со взятіемъ этихъ воротъ Андійцы придутъ съ покорностью, и что ихъ примѣру послѣдуютъ сосѣднія племена.

Главнокомандующій предполагалъ завоеваніе это довершить еще и всѣми средствами того обольщенія, которымъ онъ владѣлъ въ такой высокой степени—тѣмъ неотразимымъ очарованіемъ, помощью котораго онъ обыкновенно завоевывалъ себѣ довѣріе и уваженіе мусульманскихъ народовъ. Но всѣ эти расчеты ни въ чемъ не оправдались, начиная съ того, что Шамиль не взялъ на себя труда обороны возведенныхъ имъ здѣсь укрѣпленій и уступилъ намъ безъ боя Андію, но уже обращенную въ пустыню и разоренную, а подобное печальное завоеваніе не имѣло уже для насъ значенія. Что касается до Шамиля, то это проявленіе рѣшительности и власти имѣло для него значеніе огромнаго успѣха. Все притихло. Сопротивлявшіеся Шамилю были поражены ужасомъ, и народности Дагестана только еще ниже склонили свои головы передъ каравшимъ

извѣстная красавица, Марья Михайловна, была замужемъ за М. Е. Чиляевымъ, грузиномъ, человѣкомъ весьма образованнымъ и хорошимъ администраторомъ, лицомъ очень извѣстнымъ на Кавказѣ. Б. К.

ихъ мечомъ новаго владыки горъ и передъ огнемъ, уничтожавшимъ ихъ жилища.

Андія отъ насъ ускользала: эта истина, столь очевидная теперь, когда мы обнимаемъ вопросъ въ общемъ, и вытекавшая изъ совокупности всѣхъ обстоятельствъ, тогда еще не была столь осязательной и не поразила тогда всѣ умы ¹⁾).

Туземцы, служившіе въ отрядѣ ²⁾, и двое русскихъ ³⁾, продолжительнымъ опытомъ изучившіе войну на Кавказѣ и горцевъ, только одни понимали все значеніе этого событія, да, одновременно, еще небольшая часть чиновъ главной квартиры усматривали въ этомъ событіи печальное предзнаменованіе ⁴⁾. Большинство же ничего въ этомъ не видѣло или не желало видѣть.

Что касается до нижнихъ чиновъ, то беззаботные солдатики желали только подраться, да позабавиться, и такъ какъ до сихъ поръ не было ни кровавыхъ, ни трудныхъ дѣлъ, то всѣ они жаждали только боя. Докучали насъ только лишенія, тѣмъ болѣе, что стало извѣстнымъ, что Андія лишена всѣхъ средствъ довольствія.

Нѣкоторые даже завидовали моему выступленію: „тамъ“, говорили они, „вы ни въ чемъ не будете нуждаться, тамъ найдете вы все, что нужно для жизни и для благополучія“. А извѣстно ли вамъ (читатель), что подразумѣвается на Кавказѣ подъ выраженіемъ: „рѣшительно все, нужное для жизни?“ Хорошая вода, пастбище и дрова—вотъ и все, что нужно для жизни.

Таковы были тѣ прелести, которыя меня ожидали, и предстоящее пользованіе которыми мною вызывало столько зависти. Для насъ, лишенныхъ всего этого столь продолжительное время, въ сущности, это было дѣйствительно хорошо.

¹⁾ Что только еще разъ доказываетъ, какъ невѣрны и эфемерны были расчеты и соображенія Петербурга, которые долго раздѣляли Воронцовъ, противно мнѣнію кавказскихъ генераловъ, о чемъ самъ Воронцовъ писалъ военному министру графу Чернышеву отъ 25-го мая изъ Ташъ-кичу: „Если бы даже приказаніе наступать было противно моему мнѣнію, какъ несогласны съ нимъ всѣ адѣшніе генералы, то я все же исполнилъ бы его съ тѣмъ же рвеніемъ, но признаюсь откровенно, что я тоже стою за наступленіе“.

Б. К.

²⁾ Во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить князей: Василія Осиповича *Бebutova*, Григорія *Эристова* и Левана *Меликова*, Илью Орбеліани и Александра *Эристова*.

Б. К.

³⁾ Вѣроятно, Лабынцевъ и Ковалевскій.

Б. К.

⁴⁾ Преимущественно, конечно, кавказскихъ офицеровъ, т. е. уже послужившихъ на Кавказѣ.

14-го утромъ главный отрядъ занялъ Андійскія ворота, перешагнулъ ихъ и занялъ противоположащую долину. Авангардъ безъ выстрѣла занялъ главное селеніе, въ данное время разрушенное и поспѣшно очищенное противникомъ.

Шамиль присутствовалъ лично при занятіи нами селенія, и его полчища занимали высоты, противоположныя только-что пройденнымъ нашими войсками. Вслѣдъ за этимъ прошло одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ этого похода ¹⁾.

Полковникъ князь Барятинскій ²⁾ съ двумя первыми ротами командуемаго имъ баталіона, шедшими въ головѣ авангарда, безостановочно преслѣдуя противника, съ невѣроятной отвагой атаковалъ эти самыя высоты, хорошо охраняемыя и стойко обороняемыя. Постепенно атакуя террасу за террасой, онъ взобрался съ своими кабардинцами-егерями, наконецъ, на высоту подъ непрерывнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Противникъ нѣсколько разъ пытался остановить это наступленіе, но не выдержалъ этого смѣлаго удара; Барятинскій, опрокидывая всѣ препятствія, продолжалъ свое движеніе, отовсюду выбивая лезгинъ и вынуждая ихъ къ отступленію.

Усиленный Грузинской милиціею ³⁾, князь Барятинскій штурмовалъ вершину высоты, съ которой горцы едва только успѣли свезти свои орудія.

Вся главная квартира приняла участіе въ концѣ этого славнаго боя.

Принцъ Александръ Гессенскій, рыцарскому мужеству котораго пришлось впоследствии подвергнуться еще болѣе сильному испытанію, принялъ здѣсь впервые участіе въ бою при живомъ одобреніи цѣлаго отряда, раздѣлить участіе въ работѣ котораго онъ пріѣхалъ изъ столь далека, и который за его манеру держать себя среди насъ платилъ ему почетомъ, уваженіемъ и благодарностью.

Графъ Воронцовъ прискакалъ въ карьеръ къ этой горсти удалцевъ, которыхъ привела къ этимъ отличіямъ блестящая храбрость ихъ командира ⁴⁾.

¹⁾ Блестящихъ съ вѣшной стороны, гдѣ преднамѣренно былъ данъ случай отличиться флигель-адъютанту князю Барятинскому, но потери не оправдывали результатовъ.

²⁾ Будущій фельдмаршалъ.

³⁾ Барятинскій, щеголяя своей личной храбростью и въ своей жадѣ отличій, что называется, зарвался, не дожидаясь присоединенія остальныхъ частей авангарда, и бесполезно подвергъ свои двѣ роты героевъ чувствительнымъ потерямъ; грузины понесли здѣсь также достаточныя потери.

⁴⁾ Не отрицая всего значенія личной храбрости князя Барятинскаго, тѣмъ не менѣе, это наступленіе 2-хъ ротъ кабардинцевъ, не выжидая остальныхъ войскъ, было неблагоразумно и повело къ напраснымъ и тяжелымъ потерямъ въ рядахъ этихъ безцѣнныхъ ротъ славнаго полка.

Проѣзжая черезъ селеніе, графъ навѣстилъ раненыхъ.

Кабардинцы, все еще находясь въ боевомъ возбужденіи, не переставали кричать: „А вѣдь мы стоимъ Куринцевъ!“¹⁾

Одинъ бѣдняга, съ разбитой ногой, на вопросъ графа Воронцова— какъ онъ себя чувствуетъ, отвѣчалъ: „Я-то что,—пустяки, а меня беспокоитъ рана полковника князя Барятинскаго“.

Таково у нашихъ солдатъ упоеніе побѣдой; таковъ избытокъ любви его къ начальнику, который его понимаетъ и умѣетъ его вести; весело забываетъ онъ и свои страданія, и свои лишенія.

Разъ я заговорилъ о солдатѣ, я считаю долгомъ выразить ему всю мою благодарность и привести здѣсь глубоко и навсегда запечатлѣвшуюся въ моемъ сердцѣ черту его великодушія.

Это было 19-го іюля²⁾. Насъ было четверо раненыхъ штабъ-офицеровъ и насъ несли на носилкахъ во главѣ подобнаго же многочисленнаго и скорбнаго транспорта³⁾. Двигаясь въ густомъ лѣсу и прибывъ къ повороту дороги, мы были встрѣчены залпомъ справа, съ высотъ, не занятыхъ нашей правой цѣпью; мгновенно все шествіе остановилось. Первый изъ насъ полковникъ *Бибиковъ* (командиръ Навагинскаго полка) получилъ пулю въ грудь, отъ которой вскорѣ скончался. Меня несли егеря моего баталіона; представленный ко мнѣ унтеръ-офицеръ, ни слова мнѣ не сказавъ, лишь слегка кивнулъ людямъ головой въ сторону меня и непріятеля, что отъ меня не ускользнуло. Сейчасъ же одинъ карабинеръ съ Георгіемъ на груди (какъ сейчасъ вижу его воинственную фигуру) гордо выпрямился, расправилъ свою грудь и мужественно сталъ между мной и угрожавшей мнѣ опасностью и съ видомъ человѣка, бросающаго вызовъ.

Я находился въ состояніи полной слабости и полной неспособности что-либо видѣть и чувствовать, но я думаю, что я былъ тронутъ до слезъ.

Въ эту минуту я уже не былъ внушавшимъ страхъ и уваженіе начальникомъ, и мой голосъ, какъ это принято на Кавказѣ, уже не служилъ для солдатъ сигналомъ; я представлялъ изъ себя ни болѣе,

¹⁾ Здѣсь кабардинцы соревновали съ своими кунаками куринцами, отличавшимися, какъ это уже было здѣсь рассказано, при штурмѣ горы Анчмееръ подъ общимъ начальствомъ генерала Пассека. Полки эти считались лучшими во всей Кавказской арміи и не имѣли себѣ равныхъ.

²⁾ Значительно позднѣе описываемаго и уже по отступленіи отряда черезъ Чечню къ Герзель-аулу.

³⁾ Кромѣ Бенкендорфа, еще полковникъ *Бибиковъ* (здѣсь убитый), полковникъ *Завальевскій* и графъ *Стенбокъ-Ферморъ*.

ни менѣ, какъ жалкаго калѣку. Глубоко тронули меня эти лично ко мнѣ относившіяся заботы этихъ молодцовъ.

Что можетъ быть краснорѣчивѣе и болѣе говорить сердцу, какъ это простое, искренное и нѣмое самоотверженіе солдата, выставляющаго за васъ свою жизнь, не высказывая и сомнѣній, что это жертва, которую онъ вамъ приноситъ...

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Въ то время, когда всѣ эти событія происходили въ Андїи, откуда до насъ доходила дальняя канонада, наша колонна больныхъ и раненыхъ приняла противоположное направленіе и съ усиліемъ подымалась по той самой дорогѣ, по которой мы нѣсколько дней тому назадъ спускались.

Поднявшись на вершину плато, мы снова очутились въ облакахъ. Нашъ печальный транспортъ подвигался съ трудомъ. Несчастные больные безпрестанно соскальзывали съ вьюковъ, чѣмъ и задерживали движеніе.

Я открывалъ все шествіе, и мнѣ стоило много труда не сбиться съ дороги, до того былъ густъ туманъ, и чтобы ориентироваться, я поминутно высылалъ людей, вправо и влѣво. Лучшими указателями пути были трупы павшихъ лошадей, попадавшихъ на каждомъ шагу и свидѣтельствовавшихъ о нашемъ здѣсь первомъ прохожденіи. Иногда попадались и тѣла нашихъ убитыхъ и умершихъ, вытащенныхъ непріателемъ изъ могилъ и подло имъ поруганныхъ; я приказывалъ тогда предать ихъ вновь землѣ.

Ничто не можетъ быть ужаснѣе смерти, передъ лицомъ которой всѣ утѣшенія мало говорятъ сердцу и разуму. Особенно сильно поддаются тяжелому впечатлѣнію молодые солдаты: и вотъ вчерашняго товарища по палаткѣ, вчера еще друга, онъ находитъ здѣсь, звѣрски поруганнымъ и брошеннымъ на съѣденіе коршунамъ и шакаламъ, что онъ невольно пріурочиваетъ и къ себѣ.

Вообще, ничего нѣтъ ужаснѣе происходящаго въ тылу арміи, чего и не подозреваешь, пока идешь впередъ.

День кончился. Полковникъ Ковалевскій приказалъ мнѣ выбрать на ночь позицію. Ничего не было видно; тутъ, къ счастью, пригодилась моя способность запоминать мѣстность. Я скорѣе угадалъ, чѣмъ увидѣлъ отдѣльное плато, на которомъ мы ночевали 11-го; здѣсь мы разбили палатки.

На другой день погода улучшилась; было чудесно, даже жарко. Мы перешли цѣпь горъ, раздѣляющую насъ отъ Мичи-Кале, и спустились въ долину Акташа, длиной около 8-ми верстъ, до того мѣста, гдѣ дорога послѣдній разъ пересѣкаетъ эту рѣчку; тамъ-то и было указано намъ расположиться. Берега рѣки были очень круты

и переходить ее съ нашими больными было и очень трудно, и очень опасно. Непрiятель показался справа, но не очень насъ беспокоилъ, насѣвъ лишь на нашъ арріергардъ.

Совершивъ переходъ, нашъ полковникъ расположилъ нашъ лагерь на двухъ высотахъ, соединенныхъ между собой сѣдловиной и достаточно внѣ сферы непріятельскаго огня съ сосѣднихъ горъ.

Мы расположились со всѣми удобствами, какъ люди, устраивающіеся на новой квартирѣ, что было первый разъ со времени веденiя нами цыганскаго образа жизни. Мы нашли хорошую питьевую воду и въ изобиліи дрова, но для лошадей и для 40 штукъ рогатаго скота, назначеннаго въ пищу солдатамъ, у насъ были очень плохія пастбища, да еще удаленныя отъ лагерьа.

Все пространство кругомъ насъ было черно, такъ какъ войска, подобно саранчѣ, все пожирають на своемъ пути, оставляя за собой пустыню.

Чтобы передать въ центральный Киркинскій госпиталь всѣхъ тѣхъ многихъ, порученныхъ намъ, больныхъ, Ковалевскій долженъ былъ войти въ сношенiя съ генераль-маіоромъ *Кудашевымъ*, командовавшимъ этапомъ-лагеремъ въ Киркѣ.

Я принялъ участіе въ этой операціи, совершенной нами 16 iюня.

Ковалевскій—достоинный офицеръ:—очень храбрый, очень энергичный, большая умница и обладаетъ опытомъ кавказской войны. Онъ много изучалъ Кавказъ, служилъ на Кавказѣ около 15-ти лѣтъ, съ отличіемъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, но испыталъ судьбу многихъ своихъ товарищей, въ особенности—служившихъ колоновожатыми и руководителями нашихъ отрядовъ въ Дагестанѣ; одиночество слишкомъ возвеличивало ихъ въ ихъ собственномъ мнѣнiи, и они кончали вѣрой въ непогрѣшимость своихъ мнѣнiй, никогда и никѣмъ не оспариваемыхъ и не контролируемыхъ, ибо въ большинствѣ случаевъ они окружены людьми съ меньшими познаніями.

Ковалевскій былъ именно такимъ человѣкомъ, типичнымъ представителемъ такого рода характеровъ; онъ сомнѣвался во всѣхъ, въ себѣ—никогда.

Онъ былъ одержимъ той чисто кавказской болѣзнию, которая выражается въ порицаніи и осужденіи всякаго начальника, какимъ бы онъ ни былъ, единственно только потому, что онъ—начальникъ¹⁾. Про

¹⁾ Умница, знающій вообще, и Кавказъ въ частности, Ковалевскій вѣроятно не стѣснялся осуждать передъ Бенкендорфомъ всю эту нелѣпую экспедицію 1845 года вообще и отдѣльные ея эпизоды, и доставалось вѣро-

Ковалевскаго часто говорили, что съ нимъ нельзя столковаться. Я нахожу это несправедливымъ, и я самъ—лучшее тому доказательство: подъ его начальствомъ можно прекрасно служить и, послѣ долгихъ съ нимъ 12-ти дней, мы разстались друзьями. Но долженъ сознаться, что, какъ начальникъ, онъ таки довольно крутъ; я лично не боялся его обидѣть моими осужденіями, ибо такое обращеніе ему по душѣ, и если эти строки попадутся когда-либо ему на глаза, то онъ, смѣясь, согласится съ этимъ и, помахивая по обыкновенію трубкой, скажетъ: „а вѣдь Бенкендорфъ правъ!“ Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которыхъ Кавказъ оторвалъ отъ семейной жизни, и которые будутъ доживать свой вѣкъ, пока лихорадка или вражеская пуля не положитъ конецъ ихъ карьерѣ, такъ какъ на Кавказѣ никто не умираетъ своею смертию. Если, несмотря на его недостатки, пользоваться имъ умѣло, то онъ могъ бы оказать намъ большія услуги, и потому я надѣюсь долго еще видѣть его орудующимъ въ Дагестанѣ съ неизмѣнными—компасомъ въ одномъ карманѣ и пѣснями Беранже, въ качествѣ молитвенника, въ другомъ¹⁾.

Страна, подобная Кавказу, гдѣ мѣсто, занимаемое человекомъ—ничто, а самъ человекъ—все, страна, въ которой, если для успѣха движенія не хватаетъ общаго импульса, то на помощь является добровольное и просвѣщенное содѣйствіе цѣлой плеяды личностей, управленіе которыхъ (веденіе которыми дѣла) не поддается никакой заранѣе данной имъ инструкціи; такая страна, повторяю я, облагораживаетъ человека, отдавагося ей душой и тѣломъ, принимая конечно во вниманіе занимаемое имъ положеніе и соотвѣтственно оказываемое ему довѣріе²⁾. Разъ онъ на этомъ пути, то онъ можетъ

ятно и графу Воронцову, и Лидерсу, и Гурко, и всему многочисленному штабу и свитѣ Воронцова, и всѣ эти осужденія, вдобавокъ, сыпались въ рѣзкой формѣ, что не могло особенно нравиться сдержанному и воспитанному Бенкендорфу. Б. К.

¹⁾ Превосходная, полная правды и жизни, мѣткая характеристика этого также выдающагося дѣятеля кавказской войны, павшаго въ 1854 году смертью храбрыхъ при штурмѣ Карса. Б. К.

²⁾ Превосходная, вѣрная и весьма интересная характеристика условій военно-административной службы лучшихъ русскихъ людей на Кавказѣ, условій естественныхъ, вытекающихъ, такъ сказать, изъ природы вещей. Въ самомъ дѣлѣ, обстановка военно-административной и чисто-военной службы на Кавказѣ въ тѣ времена была такова, что только самостоятельное и независимое отношеніе къ дѣлу, полное находчивости и рѣшительности, обеспечивало успѣхъ этого живого дѣла войны и умиротворенія кавказскихъ народностей. Здѣсь-то и вырабатывалась та безцѣнная нрав-

иногда зарываться, и самолюбіе его можетъ быть безгранично. Но стоитъ ли ради этого останавливать его въ его благородной и полезной дѣятельности?!

Зачѣмъ лишать себя этого неоцѣненнаго сокровища—„Кавказа“, который суть никто другой, какъ тотъ же русскій, передѣланный Кавказомъ! ¹⁾ Во имя общаго блага и принимая во вниманіе его достоинства, будемъ сносить его гордость и независимость его характера; вѣдь безъ него на Кавказѣ ничего не будетъ сдѣлано такого, что бы стоило Кавказа!!

Правда, кавказцевъ много упрекаютъ въ томъ, что они составляютъ какъ бы особую партію или союзъ; да, это союзъ, но союзъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, союзъ уважаемый и благотворный, такъ какъ основаніемъ его является глубокое знаніе края и любовь къ нему всего того же края ²⁾.

Изъ 6-ти ротъ, сопровождавшихъ нашъ транспортъ, одна рота Куринскаго и одна Апшеронскаго полковъ были оставлены въ Мичикале для обезпеченія лагеря. По возвращеніи нашемъ 17-го, мы застали здѣсь все въ возбужденіи, хотя непріятель и не показывался, а все смятеніе было вызвано коровой, Богъ знаетъ откуда явившейся. Началось съ того, что солдаты обоеихъ полковъ открыли по ней охоту, потомъ стали спорить о дѣлежѣ.

Тотъ, кто никогда не ѣдалъ „баранты“ ³⁾, не пойметъ всего того счастья, которое испытываешь, когда закладываешь за обѣ щеки чужое добро, и не пойметъ также, до чего это мясо вкусно и насколько оно питательно и вообще—лучше продаваемаго мясникомъ и только потому, что за него ничего не заплачено. На Кавказѣ разбойничество—что называется—носится въ воздухѣ, имъ упиваются, и существуетъ особая любовь жить воровствомъ. Можетъ ли быть иначе и для солдата, когда только единственно одна баранта и вносить разнообразіе въ монотонную выдачу однихъ только гнилыхъ сухарей отъ интендантскаго чиновника! Тамъ, гдѣ война есть

ственная самостоятельность отдѣльныхъ лицъ и массы, въ которой и заключается ключъ къ успѣху во всякаго рода практическихъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе въ такомъ практическомъ и живомъ дѣлѣ, какъ война, да еще и народная.

Б. Колубакинъ.

¹⁾ А сколько было на Кавказѣ такихъ дѣятелей, выросшихъ въ атмосферѣ нравственной самостоятельности въ живомъ дѣлѣ вѣчной войны, требующемъ независимость, сметку и рѣшительность?!. *Б. К.*

²⁾ Союзъ этотъ былъ обширный и составилъ кадры той арміи, которая покорила Кавказъ и которая такъ рѣзко отличалась отъ войскъ Имперіи.

Б. К.

³⁾ Скотъ, отбитый у непріятеля,—рогатый и овцы.

обыденное и непрерывное занятіе, въ войскахъ очень легко возникаютъ драки, и то же самое происходитъ и между кавказскими полками, настолько же чуждыми одинъ другому, настолько же склонными къ зависти и даже къ ненависти другъ къ другу, насколько подобное отношеніе естественно между жителями сосѣднихъ долинъ. Съ одной стороны пускаются въ ходъ штыки, съ другой—приклады, и въ обѣихъ частяхъ, какъ это обыкновенно водится, офицеры стоятъ за своихъ людей.

Служба на Кавказѣ обособляетъ жизнь частей, она ограничивается узкой сферой интересовъ, и всѣ тѣ общія связи, которыя связываютъ полкъ съ общимъ отечествомъ, порываются до такой степени, что люди почти забываютъ, что они служатъ одному общему дѣлу.

Такъ и здѣсь, въ Мичи-Кале, не появился во-время Ковалевскій, быть бы междоусобной дракѣ. Очевидно былъ виноватъ мой *Эссенъ*, командиръ Куринской роты, который, какъ младшій въ чинѣ, долженъ былъ слушаться *Евдокимова* ¹⁾, командира Апшеронской роты. Но могъ ли Куринецъ подчиниться Апшеронцу, не краснѣя, не унижаясь, не признавая себя виновнымъ?! Могъ ли *Эссенъ* подчиниться онъ, который всецѣло принадлежитъ полку—своей единственной родинѣ, онъ, который считаетъ за честь раздѣлять всѣ полковыя симпатіи и антипатіи?! Между тѣмъ, между Куринцами и Апшеронцами издавна существовала вражда.

Одни изъ нихъ получаютъ большее, другіе меньшее содержаніе, одни—дерутся все время съ лезгинами, другіе—съ чеченцами, одни—все время ведутъ войну въ горахъ, другіе—въ лѣсахъ, одни, наконецъ, носятъ красный околышъ и бѣлую портупею, другіе—темнозеленый околышъ и черную портупею; какъ же имъ при такихъ условіяхъ не ненавидѣть другъ друга?!

Однажды, въ одномъ селеніи, въ базарный день, возникла ссора между Чеченцами и Апшеронцами; Куринцы непреминули принять въ ней серьезное участіе. Но кому пришли они на помощь? Конечно,—не Апшеронцамъ!

„Какъ намъ не защищать Чеченцевъ“, говорили Куринскіе солдаты, „они наши братья, вотъ ужъ 20 лѣтъ, какъ мы съ ними деремся“!...

На Кавказѣ полкъ никогда не мѣняетъ мѣста своей стоянки; основаніемъ своей постоянной штабъ-квартиры онъ упрочиваетъ покореніе и безопасность края и бросаетъ эти постоянныя штабъ-

¹⁾ Родной братъ извѣстнаго впоследствии Николая Ивановича.

квартиры только для новыхъ завоеваній, которыя опять-таки только такимъ способомъ онъ и можетъ упрочить.

Каждый изъ нашихъ полковъ представляетъ такимъ образомъ какъ бы воинственное племя, пустившее корни въ занимаемой имъ мѣстности; каждый полкъ въ извѣстной степени ассимилируется съ мѣстностью, моральное вліяніе которой даетъ характеру солдатъ извѣстную окраску, измѣняя даже его языкъ.

Полкъ служить не исключительно только цѣлямъ чисто военнымъ, т. е. оборонѣ и покоренію края, нѣтъ, онъ вноситъ въ страну возрожденіе, свѣтъ, прогрессъ и обрусѣніе.

Если мѣсто штабъ-квартиры выбрано удачно, то городокъ этой русской колоніи составляетъ центръ всего края, который до сихъ поръ не имѣлъ такового.

Каждый полкъ составляетъ конгломератъ (учрежденій), строятъ церкви, содержитъ госпиталю, магазины, школы, притягиваетъ къ себѣ купцовъ, поставщиковъ, открываетъ цѣлую сѣть разнаго рода производствъ, открываетъ новые пути сообщеній, разрабатываетъ лѣса и пустыни и для достиженія всѣхъ этихъ прекрасныхъ результатовъ онъ ищетъ въ самомъ себѣ средства и способы существованія, ибо онъ очень скоро погибъ бы, если бы не былъ обязанъ самому себѣ, что впрочемъ не такъ уже и трудно, благодаря смелости и способности нашихъ солдатъ.

Каждый разъ, когда устраивается новый полкъ, то это событіе, для жившихъ доселѣ уединенно и безъ связи съ внѣшнимъ міромъ, является по истинѣ пріятной неожиданностью, — интересной новостью.

Изъ всего сказаннаго видны все то значеніе и вся та польза для туземнаго и русскаго элементовъ, которыя проистекаютъ изъ единства управленія, т. е. — единства гражданскаго и военнаго управленій, установленныхъ на Кавказѣ.

Наши полки въ Закавказьѣ много утратили этого цивилизаторскаго элемента введеніемъ тамъ новаго порядка вещей, но на Кавказской линіи и въ Дагестанѣ ничто не измѣнилось въ этомъ отношеніи, и оно таково, каковымъ его требовалъ Ермоловъ, первый изъ нашихъ генераловъ, оцѣнившій это вліяніе въ должной степени. Отсюда видна та роль, которую обстоятельства налагаютъ на того, кто назначенъ командовать полкомъ, и та осторожность, какую надо проявлять при назначеніяхъ, въ чемъ нужно тѣмъ болѣе мудрости, что на Кавказѣ командиръ полка въ сферѣ своей дѣятельности не подлежитъ контролю.

Случается, что безупречный на инспекторскомъ смотрѣ командиръ совершенно не годенъ ни для края, ни для полка, другой же

командиръ, у котораго на смотре нашлись непорядки, — превосходенъ.

Послѣ многихъ заблужденій, наши военныя власти рѣшились наконецъ не провѣрять управленія полковыхъ командировъ, сознавая, что нужно только умѣть выбирать людей, но въ этомъ-то и заключается вся трудность: большинство баталіонныхъ командировъ (боевыхъ), составившихъ себѣ имя на Кавказѣ, рѣдко бываютъ на высотѣ такого отвѣтственнаго командованія; туземцы, столь многочисленныя въ нашихъ войскахъ, еще менѣе тому пригодны; но самое худшее назначеніе—это офицеровъ безъ всякаго прошлаго и прямо изъ образцоваго полка. *Командиры изъ образцоваго полка понимаютъ службу только въ одномъ видѣ, съ формальной стороны, да и то толкуютъ ее вкривь и вкось; для войскъ эти господа—сущее бѣдствіе, язва* ¹⁾.

Для хорошаго командира полка на Кавказѣ требуется человекъ просвѣщенный, съ взглядами широкими, благородный и доброжелательный, преданный краю и дѣлу, которому онъ призванъ.

Лучшіе полковые командиры, которыхъ мы имѣемъ, почти все офицеры Генеральнаго Штаба.

Возвращаюсь къ Эссену: онъ былъ немедленно посаженъ подъ арестъ. *Ковалевскій* хотѣлъ было выслать его изъ отряда и предать его полевому суду, чего онъ конечно заслуживалъ, но я заступился за него. *Въ нашихъ кавказскихъ войскахъ почти никогда не проявляютъ строгости.*

По существу Эссенъ былъ хорошій офицеръ, а ротнаго командира нелегко замѣнить въ кампаніи, а затѣмъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что эта страна дикарей не можетъ не вліять на общую дикость нравовъ.

Я вернулъ Эссену шашку только наканунѣ выступленія изъ Мичикале. Стараясь не подчиняться авторитету его сѣдины, я ему долго говорилъ о неприличіи его поступка; онъ поклялся мнѣ, что

¹⁾ Какъ хорошо подчеркнул честный и боевой Бенкендорфъ это бѣдствіе отъ „образцовыхъ командировъ“, что еще болѣе справедливо для Имперіи, гдѣ въ это т. наз. „Николаевское время“ только „образцовые“ и шли впередъ. На этихъ-то изъ „образцовыхъ“—бригадныхъ, дивизионныхъ и корпусныхъ и возлагали мы надежды въ восточную войну 1853—1856 гг., и кампанія и вышла „образцовой“. Только Кавказская армія двигала людей другого сорта, и одна только она и порадовала Россію въ эту войну. Прошло 70 лѣтъ, а образцовые остались, принявъ только какъ бы болѣе полевой видъ, но и полевой-то видъ болѣе съ формальной стороны. *Б. К.*

сѣмѣетъ себя побороть, что ничего подобнаго не повторится въ будущемъ, и что онъ сдѣлаетъ все, чтобы мнѣ угодить. Никогда я не былъ такъ доволенъ собою,—такъ я былъ краснорѣчивъ и убѣдительно. Въ самомъ дѣлѣ я могъ себя поздравить, такъ какъ, уходя, Эссенъ объявилъ мнѣ самымъ скромнымъ образомъ: „во всемъ буду повиноваться, но объ одномъ только прошу, если попадетъ Апшеронецъ ночью, наединѣ, такъ, чтобы никто не видалъ, то позвольте его задушить“¹⁾).

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

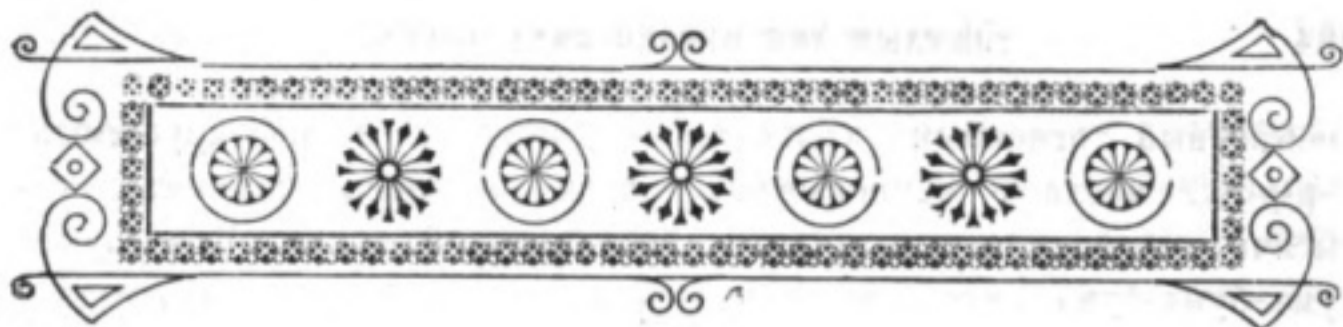

¹⁾ О томъ же Эссенъ князь Дондуковъ-Корсаковъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Въ 1847 году, въ чинѣ капитана, по старости лѣтъ Эссенъ былъ назначенъ воинскимъ начальникомъ въ укрѣпленіе *Умаханъ-юртъ* на правомъ берегу Суяжи; на лѣвомъ берегу находился большой мирный чеченскій аулъ *Брагуны*. По распоряженію начальника лѣваго крыла Кавказской арміи, въ то время извѣстнаго генерала Фрейтага, предписано было Эссену распорядиться о скорѣйшей перевозкѣ казеннаго провіанта въ склады Умаханъ-юрта.

Перевозку эту взяли на себя мирные брагунцы и на паромѣ переправляли въ укрѣпленіе черезъ Суяжу провіантъ Эссена, куря трубку, сидѣлъ на батареѣ, командующей переправой, и все ругался за медленность доставки и, наконецъ, раздосадованный на паромщиковъ и чеченцевъ, приказалъ зарядить орудіе картечью и выстрѣлить на паромъ въ толпу брагунцевъ. Нѣсколько человѣкъ было ранено, трое убито, но зато провіантъ былъ переправленъ съ неизвѣстной скоростью. Эссенъ доносилъ Фрейтагу о происшествіи въ слѣдующихъ словахъ: „переправа и доставка провіанта производилась крайне медленно, но благодаря благоразумнымъ мѣрамъ кротости, я побудилъ брагунцевъ скорѣе исполнить распоряженіе Вашего Превосходительства, и весь провіантъ доставленъ въ укрѣпленіе въ цѣлости“.

Никто бы не думалъ жаловаться, если бы Эссенъ не приказалъ взять въ укрѣпленіе тѣла убитыхъ и запретилъ ихъ выдавать родственникамъ. Робертъ Карловичъ Фрейтагъ похвалилъ Эссена за распорядительность, ничего не подозревая, какъ вдругъ явилась депутація старшинъ брагунцевъ въ Грозную съ просьбой разрѣшить выдачу тѣлъ родственникамъ. Тутъ все открылось. Эссенъ былъ смѣненъ и потомъ подалъ въ отставку. Разсказъ слышалъ я отъ самого Фрейтага, прибывъ въ Грозную, вскорѣ послѣ означеннаго происшествія“.

Б. Колъ.

Тяжелые дни Мукденских боевъ ¹⁾.

(Воспоминанія запаснаго).

Васовъ до четырехъ ночи все было спокойно. Все замерло. Тотъ, кто могъ спать — спалъ, а кто долженъ былъ бодрствовать — тотъ не смыкалъ глазъ. И вдругъ въ этой морозной тишинѣ послышался одиночный выстрѣлъ, потомъ другой, третій. Так-ку, так-ку— и загрохотала сразу сильная перестрѣлка.

Такъ на пожарѣ, пока пламя не находитъ удобосгораемаго матеріала, оно дѣйствуетъ какъ-то вяло и нерѣшительно и, кажется, что вотъ-вотъ оно задохнется въ облакахъ чернаго дыма и погаснетъ. Кое-гдѣ мелькнетъ красный языкъ, лизнетъ онъ по клубамъ чернаго и смраднаго дыма и потомъ исчезнетъ, а черезъ секунду снова въ другомъ мѣстѣ мелькнетъ такой же языкъ, и онъ также исчезнетъ, какъ бы не будучи въ силахъ побѣдить окружающія его тяжелыя и смрачныя дымныя облака. Но вотъ пламя находитъ себѣ настоящую пищу; вдругъ начинается сильный трескъ; уже не отдѣльные и робкіе языки лижутъ тогда черные клубы дыма, а изъ его мрачной среды сразу взлетаетъ вверхъ огромный горячій снопъ пламени; дымъ какъ бы пугается и улечивается, и вмѣсто него летитъ къверху, страшно шумя и разсыпаясь искрами огненный ураганъ, противъ котораго, кажется, нѣтъ такой силы, которая могла бы справиться съ его бѣшенымъ порывомъ. Такъ было и здѣсь. Пламя нашло себѣ пищу и вмѣсто одиночныхъ робкихъ огненныхъ языковъ зашумѣлъ и заревѣлъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1910.

необъятный огненный ураганъ, — могучій и несокрушимый. Р-р-р-р... неслись непрерывные звуки, и снова казалось, что тысячи людей начали раздирать куски прочной ткани. Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ-бумъ, вторили имъ пушки и, казалось, что кто-то необъятно громадный и сильный бьетъ въ огромный, хватающій до самаго неба барабанъ. Ж-ж-ж... сердито ворчали въ морозномъ воздухѣ шимозы и шрапнели, какъ бы негодуя на то, что ихъ въ темень и въ холодъ посылаютъ неизвѣстно куда. Пѣли на разные голоса пули свои заунывныя пѣсни, звонко чмокаясь съ глиняными стѣнками. А-а-а... слышались впереди вопли тысячи людей, идущихъ на вѣрную смерть.

И въ этомъ крикѣ, который собою все покрывалъ и который собственно и былъ центромъ всѣхъ этихъ разнородныхъ звуковъ, было такъ много скорби и тоски. Въ немъ не слышалось тѣхъ задорныхъ нотокъ, которыя мы привыкли слышать на маневрахъ, когда идутъ въ атаку также тысячи людей, но идутъ не для того, чтобы или побѣдить или умереть, а для того, чтобы произвести только извѣстный эффектъ и порадовать этимъ наблюдающее начальство. Это не была перекатывающаяся съ одного конца огромнаго поля на другой его конецъ мощная волна звука, вылетающаго изъ тысячъ человѣческихъ глотокъ, которыя воинственнымъ крикомъ и воплемъ привѣтствуютъ на парадномъ полѣ любимаго вождя, или обожаемаго монарха,—нѣтъ, но это тоже была волна,—страшная и стремительная волна, которая не ревѣла, а скорѣе стонала, — болѣзненно, жутко стонала, посылая къ небу свою послѣднюю мольбу, а къ міру—свой послѣдній прощальный привѣтъ.

Кто слышалъ этотъ стихійный вопль на военномъ полѣ, вопль полный отчаянія и скорби, и кто сумѣлъ уловить его потрясающую гармонию, у того сердце должно было сжаться въ груди, а душа просилась вонъ — на свободу, желая улетѣть куда-нибудь далеко, далеко въ это синее высокое небо, которое только одно можетъ быть прибѣжищемъ отъ всѣхъ человѣческихъ мукъ, слезъ и страданій.

— Атака идетъ,—снова говорили солдаты, и снова лица ихъ были блѣдны, слышались глубокіе вздохи, руки творили крестныя знаменія, а губы тихо шептали: „Господи, помоги, Царь небесный, милостивый“.

Шла дѣйствительно ужасная бѣшеная атака на редутъ, атака, въ которой японцы еще разъ доказали свою безпредѣльную доблесть, свой пылъ и энергію и свою святую и высокую любовь къ родинѣ, ради которой они шли теперь впередъ на вѣрную смерть. Но и русскіе во время этой атаки, а равно и всѣхъ быв-

шихъ раньше, тоже доказали свою непоколебимую стойкость, свою рѣшимость — умереть, а не уступить. Здѣсь оба народа одинаково состязались въ доблести, и грѣхъ приметъ на душу тотъ, кто осмѣлится бросить комкомъ грязи въ наши войска, которыя всегда стойко держались и выдерживали напоръ бѣшеной волны непріятельскихъ легионовъ, — держались съ молитвой на устахъ о помощи свыше и отступали съ болью въ сердцѣ только тогда, когда имъ это приказывали.

Нужно было быть самому во всѣхъ этихъ: Сандепу, Чжань-Тань, Хенаняхъ, Чжантаняхъ, Янсытуняхъ и Мукденахъ, — нужно было быть тамъ не въ качествѣ руководителя, наблюдающаго издали за боемъ и не видѣвшаго, что въ это время творится въ самомъ горнилѣ этого боя—въ цѣпи и ея ближайшихъ резервахъ— для того, чтобы понять все и для того, чтобы послѣ этого оцѣнить съ психологической точки зрѣнія все то, что творится на боевомъ полѣ. И языкъ не повертывается тогда, чтобы порицать этихъ бѣдныхъ, замученныхъ людей въ сѣрыхъ солдатскихъ и офицерскихъ шинеляхъ.

И невольно, послѣ этихъ ужасныхъ часовъ, пережитыхъ здѣсь среди пира смерти, чувствуется порывъ души къ Богу: „Господи“, — стонетъ душа въ смертельной тоскѣ, „Ты далъ этимъ людямъ горькія чаши и воззри—развѣ не пьютъ они изъ чашъ Твоихъ по велѣнію Твоему;—воззри и разсуди ихъ Твоимъ праведнымъ судомъ, ибо судъ человѣческій не разсудитъ ихъ по правдѣ“.

Въ ротахъ, которыя были у пруда, конечно сразу, по усиленной канонадѣ, почувствовали, что будетъ атака.

Тѣ, которые спали, быстро пробудились, и теперь это уже не были сонные и неповоротливые люди, а всѣ съ полнымъ напряженіемъ смотрѣли впередъ, стараясь разглядѣть въ ночномъ сумракѣ надвигающагося врага. Доблестные офицеры: поручикъ М. и подпоручикъ Я., бывшіе при этихъ ротахъ, старались успокоить людей и, ходя по фронту, говорили: смотри, ребята, не торопись стрѣлять: безтолковая стрѣльба только ободритъ непріятеля.

Но вотъ въ ночной темнотѣ начали показываться отдѣльные силуэты людей, которые, нагнувшись, перебѣгали впередъ и впередъ, скрываясь быстро за складками мѣстности и за тѣмъ также быстро снова поднимаясь и перебѣгая.

Люди начали волноваться; задвигались суетливо затворы и люди готовы были начать беспорядочную пачечную стрѣльбу.

— Слушай моей команды, раздался тихій, покойный, но внушительный голосъ поручика М., и люди моментально насторожились.

— Вынь патроны, продолжалъ командовать поручикъ. Затворы снова зацелкали.

— Съ колѣна, безъ патроновъ, командовалъ офицеръ, и люди примѣрно прикладывались и спускали ударники, какъ при стрѣльбѣ залпами. Порядокъ былъ восстановленъ, и рота была въ рукахъ молодца опытнаго ротнаго командира, который здѣсь, въ столь тяжелую минуту ожиданія, сумѣлъ взять ввѣренную ему часть въ руки черезъ посредство простого и не хитростнаго приема.

Между тѣмъ за одиночно перебѣгающими людьми показалась огромная черная масса, которая съ шумомъ, какъ тяжелая свинцовая туча, двигалась съ неудержимымъ порывомъ впередъ. А-а-а-а, застонала эта масса и покатила въпередъ съ еще большимъ порывомъ и стремительностью.

— Съ патрономъ, теперь уже громко и энергично скомандовалъ поручикъ М., и одинъ за другимъ загрохотали стройные и дружные залпы.

— А-а-а-а, стонала несущаяся впередъ лавина. Тр-ра, тр-ра, тр-ра, гремѣли въ отвѣтъ залпы за залпомъ.

Изъ редута также открыли огонь, и оттуда неслись тѣ же потрясающіе воздухъ: тр-ра, тр-ра, тр-ра, въ перемѣшку съ непрерывнымъ бѣглымъ огнемъ.

Но лавина катилась и катилась впередъ. Вотъ уже одиночные люди забрались въ наружный ровъ редута, но ихъ было не болѣе тридцати человекъ, и они повидимому растерялись и не знали, что имъ дѣлать дальше: идти впередъ—значило погибнуть, отступленіе тоже несло за собою неминуемую смерть.

Японцы атаковали колоннами, стараясь нанести ударъ въ правый фась редута, потому что съ этой стороны шагахъ въ 300 отъ него было много могильныхъ холмовъ, за которыми и можно было укрыться и устроиться.

Въ то время, когда шла эта бѣшенная атака, къ нашему командиру полка прибѣжалъ изъ редута солдатъ и доложилъ, что ихъ командиръ раненъ, почти всѣ офицеры перебиты и переранены и что люди остались безъ начальства. Имя этого солдата такъ до сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ, а равно и то,—прибѣжалъ ли онъ съ докладомъ по собственной волѣ, или же былъ посланъ начальствомъ.

Командиръ полка сейчасъ же послалъ ординарца къ начальнику дивизіи съ докладомъ о всемъ этомъ, а также и о томъ, что онъ отправился въ редутъ—принять начальство надъ его гарнизономъ.

Мы шли подъ убійственнымъ огнемъ, но слава Богу благополучно достигли до ближайшихъ окрестностей редута. Начало уже свѣтать, когда мы были здѣсь. Навстрѣчу намъ несли носилки съ

ранеными; пронесли и раненаго въ редутъ командира полка; многіе раненые шлелись сами, не обращая уже вниманія на огонь.

Атака японцевъ была отбита, и только нѣсколько десятковъ смѣльчаковъ, забравшихся въ наружный ровъ, сидѣли въ немъ, не зная что дѣлать; видны были торчащіе оттуда ихъ острые штыки-ножи. Остальные частью полегли, усыявъ своими трупами всю мѣстность передъ правымъ фасомъ редута, частью же засѣли за могилками и оттуда били на выборъ мѣткимъ огнемъ защитниковъ редута.

Намъ нужно было перебѣжать подъ этимъ огнемъ совершенно открытую площадку между послѣдними постройками и стѣнками деревни и редутомъ; здѣсь былъ устроенъ крытый ходъ въ видѣ глубокой извилистой канавы, но теперь ходъ этотъ былъ биткомъ набитъ солдатами, которые перестрѣливались съ японцами, залегшими за могилками. Тутъ же валялись убитые и раненые. Пройти по этому ходу было немислимо, и мы побѣжали напрямикъ. Пули свистѣли мимо ушей непрерывно, и японцы видимо старались не допустить никого изъ насъ до редута, но какимъ-то чудомъ ни одна изъ пуль никого изъ насъ не задѣла. Мы достигли до входа въ редутъ, и здѣсь поперекъ дороги, помню, валялся трупъ убитаго солдата, черезъ который мы перешагнули и очутились во внутреннихъ рвахъ редута. Картина здѣсь была ужасная: блиндажъ для раненыхъ былъ переполненъ; большинство изъ нихъ лежало молча, но нѣкоторые тяжело и глухо стонали; одинъ же, раненый въ голову и видимо потерявшій сознаніе, кричалъ во все горло, издавая какіе-то нечеловѣческіе звуки,—что-то въ родѣ ла-ла-ла; онъ вопилъ такъ громко, что его было слышно во всѣхъ концахъ редута, и никуда нельзя было скрыться отъ этого страшнаго вопля. До наступленія темноты раненый этотъ былъ живъ, и его нельзя было вынести потому, что японцы цѣлый день держали насъ подъ страшнымъ огнемъ, и всѣ попытки вынести раненыхъ кончались смертью или раненіемъ санитаровъ. Множество убитыхъ валялось во рвахъ редута, и черезъ эти трупы живые люди ходили, какъ черезъ какія-то полѣнья; не обращая вниманія на мертвецовъ, живые люди сидѣли тутъ же рядомъ съ ними и либо угрюмо молчали, либо изрѣдка перебрасывались между собою отрывочными словами. На банкетахъ стояли стрѣлки и перестрѣливались съ непріателемъ, падая безпрестанно оттуда внизъ съ пробитыми черепами, шеями или грудью. Число раненыхъ и убитыхъ все увеличивалось и увеличивалось, и казалось, что скоро не будетъ уже мѣста,—гдѣ бы можно было ходить, не перешагивая черезъ трупы.

Тяжелыя шестидюймовыя бомбы падали въ редутъ, и отъ ихъ

могучихъ ударовъ сотрясались тяжелые бруствера и вздрагивала земля; шрапнели одна за другой рвались надъ редутомъ, и въ общемъ положеніе было скверное и тяжелое. Нужно было во что бы то ни стало удалить какъ-нибудь непріятеля, засѣвшаго за могилками, въ противномъ случаѣ за день они могли бы перебить у насъ много людей; ночью же столь близкое сосѣдство предприимчиваго противника, который могъ подвезти сюда и пулеметы, было и еще того непріятнѣе. Солдаты и сами были заинтересованы этимъ вопросомъ, но ничего не могли придумать за невозможностью подойти скрытно къ непріятелю; всюду было ровное и открытое мѣсто, и площадку шаговъ триста шириною, отдѣляющую редутъ отъ могилкозъ, приходилось перебѣгать подъ мѣткимъ огнемъ, который клалъ на мѣстѣ каждаго, кто рисковалъ на ней показаться.

И вдругъ мы увидѣли надъ могилками множество небольшихъ бѣлыхъ флачковъ, которыми японцы, не показываясь изъ-за могилъ, начали махать въ воздухѣ.

— Сдаешься что ли, ходя, кричали солдаты, переставъ стрѣлять и высовывая голову надъ брустверомъ.

— Эй, сдавайся пріятель, кричали они: все одно — тутъ, „братъ“, ничего не подѣлаешь.

Флачки продолжали по-прежнему рѣять въ воздухѣ, но японцы не показывались.

— Не вылазь всѣ на брустверь-то, предупреждали людей офицеры: японецъ хитеръ.

И дѣйствительно, изъ-за могилкозъ затрещали выстрѣлы, и нѣсколько окровавленныхъ людей упали въ ровъ, а флачки все по-прежнему мотались въ воздухѣ. Люди озлились за такое предательство. Не любить русскій человѣкъ хитрости и коварства, а японецъ, кажется, склоненъ къ этимъ „добродѣтелямъ“ съ дѣтства.

— погоди, уже наша возьметъ, говорили со злобой люди; — выпремъ тебя, голубчика, штыкомъ, коли добрыхъ словъ не понимаешь.

Начальнику дивизіи была послана записка, въ которой просили его назначить какую-либо роту изъ деревни для того, чтобы выбить непріятеля изъ-за могилкозъ. Вскорѣ въ редутъ пришелъ поручикъ С.—командиръ той роты, которая должна была произвести атаку на японцевъ. Лицо его было удивительно спокойное и, глядя на него, со-всѣмъ нельзя было подумать, что вотъ пройдетъ нѣсколько минутъ и онъ уже простится съ жизнью. Говорятъ, что у тѣхъ, кому суждено быть убитымъ въ бою, всегда бываетъ тяжелое предчувствіе; быть можетъ, оно было и у С., но только онъ ничѣмъ не выдавалъ этого и былъ удивительно спокоенъ и хладнокровенъ. Онъ осмотрѣлъ мѣстность, не обращая никакого вниманія на выстрѣлы изъ-за мо-

гиллокъ, и рѣшилъ, что пойдетъ въ атаку со стороны деревни, такъ какъ отсюда удобнѣе подойти къ непріятелю. Изъ редута обѣщана была полная поддержка атакующимъ.

С. ушелъ. Прошло полчаса, и ничего не было видно и слышно со стороны деревни. Японцы по-прежнему продолжали стрѣлять, махая въ воздухѣ своими флачками, съ помощью которыхъ они вѣроятно подавали какіе-либо сигналы своей артиллеріи, которая не оставляла въ покоѣ нашего редута.

Вдругъ со стороны деревни раздалось громкое „ура!“, и видно было, какъ оттуда къ могилкамъ бѣжали наши солдаты, съ ружьями на перевѣсь. Изъ редута добрая половина людей также бросилась впередъ и ничѣмъ невозможно было удержать ихъ порыва. Часть японцевъ, человекъ около ста, не выдержала и бросилась бѣжать, но ихъ сейчасъ же догнали мѣткія пули изъ редута, и они какъ снопы падали на землю и устилали собою это и безъ того заваленное мертвецами поле. Но бѣльшая часть непріятельскихъ солдатъ осталась за могилками, рѣшивъ сцѣпиться съ нашими въ штыки. И дѣйствительно они сцѣпились. Замелькали въ воздухѣ приклады, и видно было, какъ они тяжело опускались и били по головамъ людей, послѣ чего эти люди, взмахнувъ руками, тяжело валились на землю; штыки вонзались въ человѣческое тѣло, и послѣ этого тѣло это также падало и корчилось на землѣ въ предсмертной агоніи. Многіе японскіе солдаты и здѣсь пускались на хитрость; какъ оказалось впослѣдствіи, у многихъ изъ нихъ были ручныя гранатки, зажигающіяся съ помощью фитиля; японскій солдатъ, подпустивъ нашего шаговъ на 10—15, быстро чиркалъ фитилемъ этой гранаты подъ полой своей шинели и затѣмъ бросалъ гранатку въ лицо бѣгущаго на него солдата; гранатка рвалась со страшнымъ трескомъ и обжигала на смерть наступающаго, рая его и своими многочисленными жестяными осколками; обороняющемуся также нерѣдко попадало отъ этого близкаго взрыва. Впослѣдствіи на мѣстѣ боища было найдено нѣсколько нашихъ и японскихъ труповъ, совершенно изуродованныхъ, покрытыхъ какимъ-то желтоватымъ налетомъ и съ полопавшимися глазами; это все были жертвы ужаснаго дѣйствія ручныхъ гранатокъ.

Минуты двѣ продолжалась эта схватка, и ни одинъ японецъ не вернулся къ своимъ: всѣ легли на мѣстѣ и лишь только человекъ 20 было взято въ плѣнъ. Судьба тѣхъ храбрецовъ, которые сидѣли въ наружномъ рвѣ редута, была также очень печальна: они при первыхъ же крикахъ „ура!“ бросились бѣжать и конечно всѣ легли въ 20—30 шагахъ отъ редута.

Помню ужасную сцену: одинъ изъ этихъ солдатъ былъ подстрѣ-

лень почти въ тотъ моментъ, когда онъ выскочилъ изъ рва; пробѣжавъ нѣсколько десятковъ шаговъ и почувствовавъ, что онъ не въ силахъ больше бѣжать, началъ растерянно метаться въ разныя стороны.

— Не стрѣляй этого, не стрѣляй; вишь раненый, кричали люди, но чья-то пуля ударила въ бѣднягу, и онъ, взмахнувъ вверхъ руками, какъ взмахиваетъ подстрѣленная птица крыльями, упалъ, уткнувшись лицомъ въ землю, и остался недвижимъ.

Бойня кончилась, и изъ-за могилокъ возвращались теперь наши солдаты. Многіе изъ нихъ шли, размахивая руками, въ которыхъ они держали свои и японскія винтовки, и оживленно передавали другъ другу свои впечатлѣнія отъ штыковой свалки.

— Я его прикладомъ какъ вдарилъ, такъ онъ и упалъ, какъ снопъ, говоритъ одинъ.

— А Семеновъ-то троихъ штыкомъ заporоль;—здоровъ парень: на третьемъ, говоритъ, штыкъ погнулся. Я къ нему это подбѣгъ, а онъ руки кверху,—прощенія сталъ просить,—повѣствуетъ, проходя мимо, солдатъ.

Многіе солдаты вели подъ руки нашихъ и японскихъ раненыхъ. Вотъ ведетъ одинъ изъ такихъ японца, обхвативъ правой рукой его за талию. Японецъ раненъ въ ноги, а потому и не могъ идти и волочится за нашимъ, повиснувъ безпомощно у него на рукѣ.

— Стой, ходя¹⁾, говоритъ солдатъ: не способно намъ такимъ-то манеромъ съ тобой на прогулкѣ ходить, годи маленько—приспособимся,—и солдатъ бережно кладетъ своего путника на землю, потомъ беретъ свою и его винтовку и приспособливаетъ ихъ у себя за плечомъ; сдѣлавъ это, онъ нагибается къ раненому, поднимаетъ его и, взявъ на руки, несетъ какъ мать носитъ своего ребенка. Раненый обхватываетъ шею солдата руками, и такъ они торжественно приходятъ въ редутъ, не обращая уже никакого вниманія на непрерывно рвущіяся шрапнели.

Много трогательныхъ, за душу хватающихъ сценъ пришлось увидѣть послѣ этой кровавой схватки и убѣдиться въ томъ, что солдатъ нашъ отличается добродушіемъ и незлобіемъ, что эти люди, которые за пять минутъ передъ этимъ раскраивали своими прикладами головы враговъ и вонзали въ ихъ груди свои острые штыки, совсѣмъ не были кровожадны и, какъ только кончилась бойня, они сейчасъ же снова стали людьми, способными на чело-вѣколюбивые подвиги и чувства. Нужно было видѣть—съ какою любовью эти люди ухаживали за японскими ранеными, которыхъ у

¹⁾ Ходя—другъ.

насъ въ редутъ за этотъ день перебивало человѣкъ до 50, при чемъ большинство изъ нихъ были принесены сюда нашими же солдатами, а были и такіе, которые сами и ползли къ намъ въ надеждѣ на помощь въ ихъ тяжеломъ положеніи. Съ какою любовью и осторожностью грубыя солдатскія руки, грязныя и большею частью обгагреныя кровью, распарывали и разстегивали амуницію и одежду у раненыхъ, какъ осторожно они накладывали на обнаженные раны бинты и повязки, пуская въ дѣло свои перевязочные пакеты, какъ потомъ бережно укладывали раненыхъ враговъ на дно рва, подкладывая имъ подъ головы свои мѣшки и дѣлясь съ ними своимъ послѣднимъ сухаремъ и кусочкомъ сахара. И все это дѣлалось безъ всякой рисовки, да и передъ кѣмъ же было рисоваться; просто: въ душѣ зазвучали ея лучшія струны и полились чудные и гармоничные аккорды гимна любви и жалости ко всему страждущему и несчастному.

Многіе японцы были тронуты этой лаской; они видимо совершенно этого и не ожидали; улыбаясь и кланяясь, они благодарили, прося только, чтобы имъ дали ихнія пилюли, запасъ которыхъ имѣлся у cadaго въ ранцѣ. Пилюли эти—величиной съ горошину и издають запахъ креозота; вѣроятно, въ ихъ составъ входитъ какое-либо вещество, которое дѣлаетъ человѣка мало чувствительнымъ къ боли. Японцы съ жадностью глотали эти пилюли, предпочитая ихъ нашему сахару и сухарямъ. Только нѣкоторые японскіе солдаты были суровы и не обращали вниманія на ласковый уходъ за ними.

Помню двухъ такихъ унтеръ-офицеровъ: одинъ былъ худощавый, со строгимъ желтымъ и измученнымъ лицомъ; другой былъ коренастый и мускулистый парень, съ небольшими черными усами на круглой и типичной японской физиономіи; коренастый былъ тяжело раненъ въ руку—въ локтевой суставъ; пуля при выходѣ изъ руки вырвала у него большой кусокъ мяса и обнажила кость; худощавый имѣлъ нѣсколько ранъ въ рукахъ и ногахъ. Они угрюмо смотрѣли на нашихъ солдатъ, хлопотавшихъ надъ перевязками, отказывались отъ всего, что имъ предлагали, и глотали только пилюли. Все время они сурово молчали и на всѣ вопросы трясли только отрицательно головами. Когда имъ сдѣлали перевязку и уложили ихъ въ ровъ, то они покрылись съ головой своими плащами, какъ бы не желая видѣть тѣхъ людей, которые о нихъ заботились, и которыхъ они такъ безпредѣльно презирали и ненавидѣли.

Помню, былъ еще одинъ раненый, о которомъ не могу не упомянуть, потому что исторія раненія этого солдата была довольно оригинальна.

Когда атака на могилки была окончена и когда наши люди возвращались въ редутъ, неся свои трофеи, то я, помню, вдругъ увидѣлъ японскаго солдата, который медленно и хромя на одну ногу шелъ между нашими, но не въ сторону редута, а отъ него. Люди, переносившіе раненыхъ, не обращали почему-то на него вниманія и проходили мимо; но вотъ этотъ японецъ поравнялся съ нашимъ солдатомъ, который возвращался въ редутъ одинъ. Когда они поравнялись другъ съ другомъ, то нашъ, флегматично посмотрѣвъ на японца, схватилъ его за рукавъ шинели, намѣреваясь забрать его въ плѣнъ, но японецъ быстро выскользнулъ изъ своей шинели и, какъ кошка, во всю прыть понесся въ сторону отъ нашихъ, прыгая съ необычайной ловкостью и скоростью по галяновымъ грядкамъ. Очевидно, онъ не былъ раненъ и прикидывался таковымъ только для того, чтобы дойти какъ-нибудь до могилки, а оттуда какъ-нибудь скрытно добраться до своихъ.

— Держи, держи,—заоралъ нашъ, пускаясь въ погоню за бѣглецомъ, но сразу же стало замѣтно, что не въ нашей неуклюжей амуниціи и не въ нашихъ тумбообразныхъ валенкахъ можно было пускаться въ это предпріятіе; разстояніе между нашимъ и японцемъ все увеличивалось и увеличивалось. Въ редутъ поднялся гвалтъ. „А-ту его!“—кричали солдаты: „пали-пали; пульей его с...“, слышались голоса, и выстрѣлы затрещали. Пули падали около бѣглеца, но онъ все бѣжалъ и бѣжалъ. Наконецъ, пробѣжавъ шаговъ 400 и, вѣроятно, утомившись, онъ пошелъ шагомъ. Нашъ отсталъ отъ него шаговъ на 100 и также шелъ, не оставляя надежды взять плѣнника. Двое другихъ нашихъ солдатъ побѣжали на помощь товарищу, а японецъ шелъ, оглядываясь временами назадъ.

— Эхъ, если и теперь промахнусь,—сказалъ кто-то возлѣ меня,—то больше и стрѣлять не буду!—Сказавшій долго цѣлился, наконецъ выпалилъ, и японецъ тяжело повалился какъ разъ возлѣ самаго холмика, за который онъ рассчитывалъ укрыться. Трое нашихъ подбѣжали къ нему и хотѣли его взять, но раненый упирался, не желая подниматься съ земли. Я видѣлъ, какъ одинъ изъ нашихъ приставилъ ему штыкъ къ груди, и это, видимо, подѣйствовало. Его повели и вскорѣ онъ, вися на рукахъ у нашихъ солдатъ, прибылъ въ редутъ. Это былъ молодой парень, съ несимпатичнымъ, звѣрскимъ лицомъ и съ блуждающими страшными глазами; онъ все время какъ-то глупо мычалъ, и что-то безумное было въ его взорѣ. Пуля перебила ему ногу. Его перевязали и уложили, но онъ, какъ бы въ бреду, не переставалъ бормотать самъ съ собою, и только когда одна изъ непріятельскихъ шрапнелей очень удачно разорвалась надъ редутомъ, то онъ съ ехидной, злобной улыбкой, тихо произ-

несъ по-китайски: „шанго“ (хорошо), зная, вѣроятно, что это слово понятно каждому изъ насъ.

Все та же обстановка, тѣ же стоны и вопли, тѣ же окровавленные трупы, тотъ же огонь и визгъ шрапнели да громыханія тяжелыхъ бомбъ,—все это было передъ глазами людей до наступленія темноты. Подъ вечеръ пальба умолкла, и начали выносить раненыхъ, но носилокъ не хватало, и несчастнымъ долго приходилось ожидать своей очереди. Уже при полной темнотѣ вынесли наконецъ и того раненаго, который цѣлый день кричалъ не своимъ голосомъ. Онъ, когда его несли, продолжалъ издавать тѣ же неприятные звуки, и долго въ темнотѣ слышалось удаляющееся лала-ла, похожее на собачій лай,—ужасное и безумное. Начали выносить и убитыхъ и складывать ихъ на площадкѣ за редутомъ. Прибрали и того солдата, который цѣлый день пролежалъ передъ входомъ въ редутъ, какъ бы закрывая его своимъ трупомъ. Убитыхъ тащили за шинели, и всѣ они казались необычайно тяжелыми, такъ что иной разъ четыре человекъ не въ силахъ были справиться съ этой тяжелой ношей. По всему редуту какъ-то вдругъ пошелъ трупный запахъ, хотя день былъ не изъ особенно теплыхъ, но все же свѣтлые лучи здѣшняго февральскаго солнца очевидно успѣли сдѣлать свое дѣло. Вскорѣ вся площадка за редутомъ была покрыта трупами нашихъ солдатъ; отсюда ихъ брали другіе люди и переносили въ общую могилу—куда-то въ деревню.

Ночь настала темная и морозная. Часовъ въ 10—11 пришло приказаніе о томъ, что гарнизонъ редута сейчасъ будетъ смѣненъ другимъ полкомъ, а намъ приказано было отойти въ деревню, гдѣ и отдохнуть до 4 часовъ утра, а послѣ этого полку уже въ полномъ его составѣ—занять снова тотъ же редутъ и смежныя съ нимъ стѣнки деревни.

Вскорѣ дѣйствительно пришла къ намъ смѣна, но пока она пришла, да пока мы смѣнялись—прошло добрыхъ два часа. Наши секреты, съ наступленіемъ темноты, были высланы впередъ, и командиръ полка предупредилъ по окончаніи смѣны командира заступившей въ редутъ части, прося его смѣнить и секреты и отнюдь не открывать огня до тѣхъ поръ, пока эти секреты не отойдутъ въ редутъ. Все было сдѣлано, и намъ оставалось только идти въ деревню и воспользоваться 2—3 часами отдыха; и вотъ въ первомъ часу ночи мы пошли въ хвостъ послѣдней, вышедшей изъ редута роты. Не успѣли мы отойти и 200 шаговъ, какъ въ редутѣ послышались сначала одиночные выстрѣлы, а затѣмъ загремѣла настоящая ружейная перестрѣлка, вмѣстѣ съ которой послышались ихъ громкіе вопли передъ редутомъ: свои! свои!—

вопили люди во все горло; куда палите, черти! По своимъ, діаволы!—неслось изъ темноты. Крики были настолько громки и настолько внушительны, что перестрѣлка какъ бы сразу затихла, но и послѣ этого крики и ругательства еще продолжались нѣкоторое время.

Оказалось, что люди смѣнившаго насъ полка, будучи нервно настроены, приняли отходящіе наши секреты за непріятеля и открыли огонь. Къ счастью, онъ продолжался недолго, но и этого было достаточно для того, чтобы изъ людей секретовъ оказалось 9 человѣкъ раненыхъ.

Придя въ деревню и закусивъ, чѣмъ Богъ послалъ, мы заснули, хотя и короткимъ, но свинцовымъ сномъ, а въ 4 часа утра полкъ въ полномъ составѣ потянулся по мрачнымъ улицамъ Янсытуня, направляясь все къ тому же редуту, гдѣ уже пришлось пережить столько мучительныхъ и тяжелыхъ часовъ.

Это было 23 февраля утромъ.

Къ разсвѣту мы снова были на своихъ мѣстахъ, и такъ какъ непріятель насъ почему-то не беспокоилъ, то и занялись чисткой и уборкой редута, а равно и починкой всѣхъ тѣхъ изъяновъ, которые были сдѣланы въ его брустверахъ непріятельскими снарядами. Изъ рововъ редута были вытащены цѣлые вороха разнаго окровавленнаго тряпья, мусора, жестянокъ отъ консервовъ—и все это было вывалено на бруствера. Кровавые пятна, которыя во многихъ мѣстахъ остались какъ слѣды отъ вчерашнихъ труповъ, были засыпаны землею; блиндажи выметены и вычищены; изъ пустыхъ цинковыхъ коробокъ отъ патроновъ мы устроили на брустверахъ бойницы, наполнивъ предварительно эти коробки землею и присыпавъ землю къ ихъ наружной поверхности, чтобы она не блестѣла на солнцѣ. Вообще черезъ часъ отъ подобной работы мы и сами не узнали своего редута. Люди, расхаживая по чистымъ рвамъ, какъ-то повеселѣли, ободрились. „Ишь чистота какая,—говорили они,—словно бы въ хатѣ подъ образами“. Разнесся слухъ, что съ правой стороны двигается нашъ огромный отрядъ, подъ командой храбраго и популярнаго въ арміи генерала Герягроса. Говорили, что этотъ отрядъ, наступая четырьмя колоннами чуть ли не по дивизіи каждая, имѣлъ задачей потѣснить обходящія нашъ правый флангъ силы непріятеля, и что когда генералу это удастся, то мы ударимъ на японцевъ съ фронта и окончательно сомнемъ ихъ. Этотъ планъ былъ всѣмъ понятенъ, и люди, быстро усвоивъ себѣ эту не хитрую комбинацію, безусловно вѣрили въ успѣшность ея осуществленія.

— Какъ же, говорили они: силы-то сколько идетъ, ажъ 4 дивизіи; гдѣ жъ ему устоять супротивъ такой силищи, а тутъ какъ значить еще мы поднатиснемъ, такъ и совсѣмъ ему капуть придется.

Всѣ жили этой надеждой и внимательно прислушивались въ правую сторону—не загромыхаютъ ли, молъ, тамъ пушки, которыя могли оповѣстить своимъ грохотомъ подходъ войскъ генерала Гернгросса.

Потомъ прошелъ слухъ, что генераль раньше, какъ къ вечеру, никоимъ образомъ подойти не можетъ, потому что больно великъ маршъ, да и „онъ“ на каждомъ шагу будетъ задерживать. Къ вечеру безпремѣнно подойдутъ, успокаивали себя люди. Дай-то, Господи: довольно ужъ насъ-то обходить; теперь, стало быть, насталь „его“ чередъ.

Но судьба рѣшила все это иначе, и всѣ наши надежды и упованья разлетѣлись въ прахъ.

Отъ нечего дѣлать люди сидѣли на ступенькахъ рвовъ, а нѣкоторые лежали въ блиндажахъ и спали мирнымъ сномъ. Нѣкоторые, вооружившись биноклями, разсматривали впереди лежащую мѣстность. Я тоже взялъ бинокль и началъ смотрѣть. Вотъ шагахъ въ 800 отъ редута тянется какой-то окопъ, вѣроятно сооруженный японцами; онъ, повидимому, никѣмъ не занятъ. Вотъ дальше за нимъ видны небольшіе кусты ивняка и на опушкѣ въ разныхъ положеніяхъ лежать 4 убитыхъ японца. Къ нимъ осторожно подбираются два огромныхъ мохнатыхъ пса, которые, должно быть, еще не вполне увѣрены, что передъ ними мертвецы, мясо которыхъ можно кушать съ великимъ наслажденіемъ. Они потихоньку крадутся къ мертвецамъ, дѣлаютъ петли, какъ бы разсматривая ихъ со всѣхъ сторонъ, садятся, потомъ опять начинаютъ подкрадываться; а мертвецы лежатъ грузно и неподвижно, и ихъ освѣщаетъ ясное февральское солнце, которое теперь также привѣтливо и ласково свѣтитъ гдѣ-нибудь въ далекомъ уголку ихъ прекрасной родины и согрѣваетъ своимъ теплымъ лучемъ какую-нибудь убогую деревушку, изъ которой пришли сюда эти люди затѣмъ, чтобы въ видѣ падали валяться на опушкѣ этихъ кустовъ. Этихъ псовъ видитъ стоящій рядомъ со мной молодой парень, и у него является желаніе поугаить ихъ, но самъ онъ почему-то не рѣшается этого сдѣлать и обращается къ содѣйствію другого.

— Дядька Федоръ, а дядька Федоръ, говоритъ онъ флегматично сидящему на ступенькѣ бородачу запасному, который готовъ погрузиться въ сладкую дремоту,—пугни ихъ изъ винтовки.

— Кого пугнуть? апатично спрашиваетъ Федоровъ, не мѣняя своей позы.

— Собаки, вонь что къ мертвякамъ крадутся; а и здоровуція же, чтобы имъ пусто было,—ровно волки, добавляетъ онъ.

— А на што ихъ пужать; не все одно, что песъ сожретъ, что такъ сопрѣетъ. Пусть ихъ, отвѣчаетъ Федоровъ, зѣвая. О Господи, Господи, добавляетъ онъ: сегодня ихъ жрутъ, а завтра можа и до насъ чередъ дойдетъ. Пусть ихъ; брось,—говорить онъ парню; не ровень часъ, ротный узнаетъ, что по собакамъ палимъ,—серчать зачнетъ. Молодой не унимается. Онъ беретъ винтовку и выпаливаетъ по псу, который, сѣвъ недалеко отъ мертвеца, жадно смотритъ на эту лакомую закуску. Пуля рикошетируетъ шагахъ въ 3 отъ него, и онъ испуганно вскакиваетъ и скрывается въ кустахъ, изъ которыхъ ночью онъ выйдетъ къ своей ужасной добычѣ.

Японцы утромъ насъ не тревожили, и впереди вообще не было замѣтно никакого движенія. Обстоятельство это навело даже на мысль о томъ—не ушли ли они и вовсе отсюда. Съ цѣлью разслѣдовать это была послана команда охотниковъ, которые по одиночкѣ собрались у могилъ, гдѣ вчера была штыковая схватка, и отсюда, отъ этой груды мертвыхъ тѣлъ охотники повели наступленіе, идя рѣдкою цѣпью. Отойдя шаговъ 500—600 впередъ, они принуждены были остановиться, такъ какъ изъ деревни Нингуантунъ ихъ встрѣтили довольно сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Убѣдившись такимъ образомъ, что деревня Нингуантунъ по-прежнему занята непріателемъ, охотники вернулись, и вскорѣ послѣ этого непріатель, какъ бы въ отместку за наше предпринятое ничтожными силами наступленіе, открылъ артиллерійскую канонаду по Янсытуню и по нашему редуту. Нѣсколько тяжелыхъ шестидюймовыхъ бомбъ грохнулось въ самый редутъ, и снова его валы вздрагивали отъ ихъ могучихъ ударовъ и разрывовъ. вмѣстѣ съ бомбами падали и шимозы, но сила ихъ разрыва казалась уже какой-то шуткой въ сравненіи съ мощностью бомбъ. Тѣ снаряды, которые были направлены въ деревню, пролетали надъ нашими головами съ необычайной скоростью; эта скорость, казалось, даже опережала собою звукъ, такъ какъ сначала надъ головой слышался какъ бы шелестъ летящаго снаряда, и вслѣдъ уже за этимъ каждый разъ слышался не громкій и почему-то всегда двойной звукъ орудійнаго выстрѣла. Вообще японскія пушки и ружья всегда почему-то издають двойной звукъ при выстрѣлѣ: бумъ-бумъ, слышите вы голосъ непріательской пушки. Та-к-ку, та-к-ку, выговариваютъ ихъ ружья, но почему эти непременно двойные звуки,—насколько помню, объяснить никто не могъ. Повидимому, въ данномъ случаѣ, ужасная начальная скорость снаряда и пули и есть причина этого страннаго явленія. Пуля, вылетая изъ канала ствола, сверлитъ въ воздухѣ тоже въ своемъ родѣ каналъ и сверлитъ его въ первый

моментъ по вылетѣ изъ дула настолькоъ быстро, что воздухъ не успѣваетъ заполнить его моментально же вслѣдъ за полетомъ пули. Словомъ, послѣ выстрѣла образуется длинная пустота, какъ въ каналѣ ружья, такъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдняго. Воздухъ, врываясь въ каналъ ствола, даетъ первый звукъ, а потомъ, заполняя собою болѣе длинную пустоту, даетъ какъ бы нѣсколько протяжный второй звукъ. Быть можетъ, это объясненіе отдаютъ профанаціей, но я только и могъ на немъ остановиться и ничѣмъ не объясняю себѣ этого страннаго явленія. Часа два по полудни стрѣльба затихла.

Удивительно, какое слабое дѣйствіе производитъ въ общемъ артиллерійскій огонь по хорошо укрытымъ цѣлямъ, а въ особенности зимою, когда земля хорошо промерзла и представляетъ собою очень сильное сопротивленіе фугасному дѣйствію снарядовъ. Про шимозы и говорить нечего: снарядъ этотъ, несмотря на то, что обладалъ непомѣрною силой разрывного дѣйствія, благодаря своему разрывному заряду изъ какого-то особаго пороха, все же, попадая въ земляной валъ, дѣлаетъ въ немъ ничтожную воронку. Шестидюймовая бомба, ударяя въ валъ, сотрясаетъ собою не только послѣдній, но даже и весь редуть, и все же воронка, пробиваемая этимъ могучимъ снарядомъ, невелика. Помню, что за время этой послѣдней бомбардировки у насъ было очень мало раненыхъ.

Другое дѣло лѣтомъ: тутъ бомба въ состояніи показать всю свою мощь; она разворотитъ сразу всю толщу бруствера, разнеся землю въ разныя стороны.

Во время бомбардировки люди прятались въ блиндажи, или прижимались къ отлогости вала и были въ безопасности. Интересно было слѣдить за полетомъ шестидюймовыхъ бомбъ; полетъ ихъ, въ сравненіи съ полетомъ шимозъ и шрапнелей, очень медленный. Во время движенія бомба издаетъ звукъ, очень похожій на тотъ, который вы услышите, если пойдете лѣтомъ на сѣнокосъ и начнете смотрѣть, какъ возятъ копны сѣна, не погружая ихъ на возы: копны эти ставятся на такъ называемыхъ „ометьяхъ“ (длинный хворостъ); и вотъ прицѣпляютъ лошадь къ комлямъ ометинъ и тянутъ копну; она при движеніи издаетъ почти такой же звукъ, какъ и шестидюймовая бомба во время своего полета. „Копну повезли“, говорили обыкновенно солдаты, заслыша полетъ бомбы. Вы слышите, какъ эта „копна“ шуршитъ гдѣ-то высоко и далеко, все приближаясь и приближаясь; звукъ становился яснѣе и яснѣе; вотъ-вотъ сейчасъ рухнетъ что-то мощное и тяжелое, невольно плотнѣе прижимаешься къ валу; и въ это время вздрагиваетъ земля, слышится громкій трескъ разрыва; воздухъ застонетъ отъ разлетающихся осколковъ; поднимается огром-

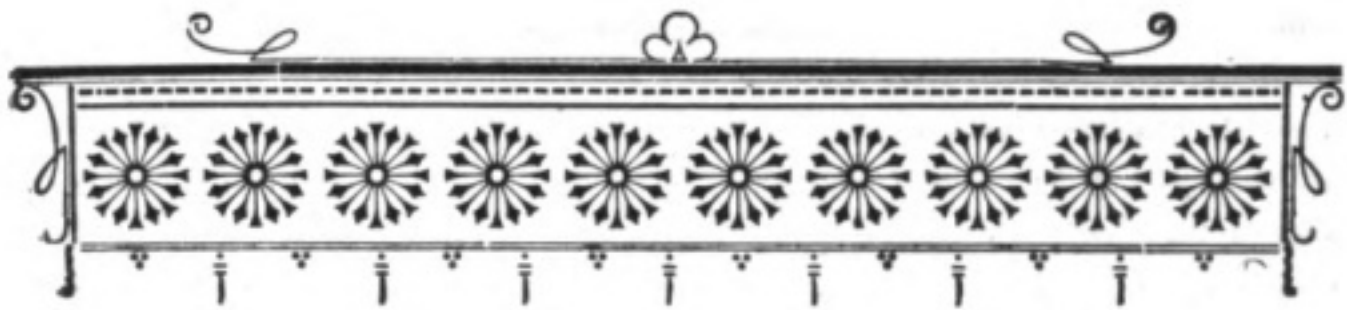
ный фонтанъ земляныхъ комьевъ, подброшенныхъ на значительную высоту, и затѣмъ все успокоится, а черезъ нѣсколько секундъ ползеть уже и другая „копна“, и та проявляетъ себя подобнымъ же образомъ.

Помню, въ этотъ же день къ редуту изъ деревни Нингуантунъ подошелъ глубокой старикъ-китаецъ,—оборванецъ и крайне грязный и неопрятный. Онъ какъ бы въ изнеможеніи сѣлъ у наружнаго рва. Его сочли за шпиона и привели въ редутъ. Старикъ смотрѣлъ на всѣхъ мутными, гноящимися глазами, которые были безъ всякаго выраженія. Ему связали руки и посадили вмѣстѣ съ плѣнными японцами. Временами они о чемъ-то между собою перебрасывались словами, и солдаты, глядя на эту компанію, добродушно посмѣивались и говорили, что старикъ рассказываетъ японцамъ смѣшныя прибаутки, занимая ихъ отъ скуки. Вечеромъ, какъ плѣнныхъ, такъ и старика увели.

Н—чѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

(Окончаніе).

IX ¹⁾.

Займодавцы и должники. Заказчики и мастерские люди. Хозяева и жильцы.

На всемосковскомъ торжищѣ шла бойкая торговля въ долгъ, и часто возникали недоразумѣнія между займодавцами и должниками. Иногда эти недоразумѣнія разрѣшались мирно законнымъ порядкомъ на съѣзжѣмъ дворѣ. Такъ, Кожевницкой полусотни тяглець Егоръ Яковлевъ въ 1693 году искалъ долга на вдовѣ торговаго человека Аннѣ Ивановой; послѣ повальнаго обыска истецъ „взялъ себѣ на душу, что отвѣтчику ему отдать долгъ“, т. е. пошелъ на присягу; послѣ этого Иванова заявила, что „заплатитъ ему въ Китаѣ-городѣ на съѣзжѣмъ дворѣ передъ судьями“.

Иногда займодавцы ловили должниковъ на улицѣ и приводили на съѣзжій дворъ: въ іюнѣ 1687 года верховой истопникъ Евтифѣй Ананьевъ поймалъ на Красной Площади портного, занявшаго у него за годъ передъ тѣмъ деньги „для товару на куплю портного мастерства“; Ананьевъ былъ довѣрчивъ и зналъ только, что портного „зовутъ Игнашкою“, а „чей сынъ того онъ не зналъ“, но портной не оправдалъ довѣрія и на съѣзжѣмъ дворѣ во всемъ заперся.

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1910 г.

Но нерѣдко займодавцы и должники предпочитали судебной процедурѣ кулачную расправу. Одинъ, напримѣръ, торговецъ морковью на Живомъ мосту встрѣтился въ Китаѣ-городѣ съ другимъ торговцемъ морковью, взявшимъ у него деньги взаймы, и сталъ ему „говорить про долговья деньги про четыре рубля“; въ отвѣтъ на это должникъ „ему тѣхъ денегъ не отдалъ, а его бранилъ и безчестилъ всякими неподобными словами“, а потомъ на Живомъ мосту уже „билъ и увѣчилъ и въ водѣ было утопилъ“; другой займодавецъ, Садовой Слободы тяглець Максимъ Аванасьевъ пришелъ за долгомъ къ торговому человѣку Семену Степанову, который „учалъ его бранить и безчестить и бить и увѣчить и бороду выдралъ“, что подтвердилось и осмотромъ Аванасьева, у котораго „на правой сторонѣ борода была выдрана и на правой рукѣ ошибено до крови и петли у кафтана ободраны“. Иногда займодавецъ не оставался въ долгу передъ драчуномъ-должникомъ. 3 мая 1687 года подрались займодавецъ квасникъ Семеновъ и должникъ лавочникъ Ивановъ; Семеновъ утверждалъ, что Ивановъ „учалъ его бранить и бить смертнымъ боемъ и прошибъ ему голову стругомъ (рубанкомъ)“, но Ивановъ показывалъ, что Семеновъ первый „началъ его за горло давить, и онъ, отъ себя боронясь, зашибъ его стругомъ, что окончины дѣлаютъ“. Иногда столкновения происходили изъ-за самыхъ пустячныхъ долговъ: такъ, галичанинъ посадскій человѣкъ Семень Савельевъ 26 мая 1687 года, т. е. уже въ четвергъ на первой недѣлѣ Петровокъ, пришелъ за долгомъ къ Шапочнаго ряда торговому человѣку Василю Степанову, который былъ ему долженъ одну деньгу за рыжики, купленные еще Великимъ Постомъ; но соблюдавшій строго посты Степановъ, несмотря на постъ, „учалъ бранить грибовщика всякою неподобною бранью и ударилъ его въ груди рукою“ и въ концѣ концовъ заперся во всемъ, говоря, что и грибовщикъ къ нему „не прихаживалъ“, и онъ его „не бивывалъ“ и даже самыхъ рыжиковъ „не покупывалъ“ ¹⁾).

Иногда столкновения займодавцевъ съ должниками происходили внѣ Китая-города: 18 іюня 1687 года торговый человѣкъ Жемчужнаго перекрестка Никита Трофимовъ шелъ мимо Мучнаго ряда и у церкви Настасьи Премудрыя ²⁾ встрѣтилъ своего должника Барашской слободы тяглеца Ивана Иванова; должникъ „билъ яица, и за тѣ яица у него яичники сняли кафтанъ и рубашку“; увидавъ

¹⁾ Пр. 1061, 48, 64; Пр. 1512, 204, 294.

²⁾ На площади Охотнаго Ряда, застроенной тогда лавками, противъ Дмитровки и до конца XVIII вѣка стояла церковь Анастасіи Узорѣшительницы.

у него, Ивашки, осарапилъ до крови, и жена его, Ивашкина, учала кричать, а билъ его, Андрюшку, онъ, Ивашка, отъ себя боронясь, а, на которыхъ онъ, Андрюшка, сапожниковъ слался, и тѣ сапожники его, Ивашку, били съ нимъ, Андрюшкою“. Вообще понедѣльники, повидимому, доставляли не мало матеріала для уголовной хроники сѣзжаго двора. Въ понедѣльникъ 22 августа 1687 года жена челоуѣка кн. Голицына Федосья Хвостова пришла въ Китай-городъ къ своей матери и встрѣтилась у нея со своимъ братомъ портнымъ мастеромъ Никономъ, который, будучи, вѣроятно, въ понедѣльничномъ настроеніи, „билъ ее и увѣчилъ“: сестра, правда, не осталась въ долгу и „у него, Никонки, выдрала бороду“; дѣло не кончилось втихомолку по семейному, но было перенесено на сѣзжій дворъ. То же самое вліяніе на мастеровыхъ людей имѣли знаменитыя „засидки“, искони начинающіяся съ Рождества Богородицы; по крайней мѣрѣ, въ самый этотъ праздникъ въ 1693 году костромитинъ посадскій челоуѣкъ Антонъ Карповъ, жившій „въ Подгорѣ у Ивана Суздальца въ подклѣтѣ изъ найму понедѣльно“, билъ челомъ на жильца того же дома сапожника Гаврилу Теокистова, который „бранилъ его и безчестилъ всякими неподобными словами, невѣдомо за что“. Вообще въ густо населенномъ Китаѣ-городѣ часто происходили ссоры и драки между жильцами, нанимавшими въ домахъ горницы и подклѣты: крестьянинъ, напримѣръ, Петръ Федоровъ, жившій въ подклѣтѣ понедѣльно: у церкви Николы въ Углу ¹⁾ попа Фомы, сталъ приставать къ свояченицѣ другого жильца „дѣвицѣ“ Афімѣ, „бранилъ ее и безчестилъ всякою неподобною бранью и говорилъ непристойныя слова“, Афімья оказалась не робкаго десятка и „за то она, дѣвка, его, Петрушку, по щекамъ била и голову проломилла“; на Смоленскомъ подворьѣ (на углу Варварки и Кривого переулка) подъячій Сибирскаго приказа Степанъ Протопоповъ поставилъ лошадь, стоявшій же на этомъ подворьѣ смоленскій рейтаръ Никита Корчагинъ, „взявъ дубину, ударилъ лошадь дубиною по задней правой ногѣ, невѣдомо для какого вымыслу, и ногу у той лошади переломилъ“, а Протопопова „бранилъ и безчестилъ“.

Вообще нельзя сказать, что квартирный вопросъ не существовалъ въ острой формѣ и въ XVII столѣтіи. Это видно изъ отношеній между разряднымъ подъячимъ Климомъ Суровцовымъ къ его домохозяину, Мытнаго двора подъячему Василию Алексѣеву. Въ маѣ 1693 года Суровцовъ нанялъ у Алексѣева „подклѣтъ съ сѣнями“

¹⁾ Упраздненная въ концѣ XVIII вѣка церковь у самой стѣны рядомъ съ церковью Зачатія.

Хаврошку, не бивала и не увѣчивала, и бить ее, Хаврошку, и увѣчить не за что и не кому, и высылаетъ она, Матрена, ее, Хаврошку, изъ горницы вонъ для того, что она поручной записи по себѣ не даетъ, а по указу Великихъ Государей безъ поручныхъ записей никого держать не велѣно*. Показаніе просвирни, твердо стоявшей на почвѣ паспортнаго устава, тѣмъ не менѣе сомнительно, такъ какъ, во-первыхъ у Хаврошки все-таки „верхняя губа и носъ были расшибены до руды и вслухло“, во-вторыхъ, просвирня вообще не отличалась благонадежностью.

Просвирня имѣла какія-то темныя дѣла съ пріѣзжими въ Москву греками сомнительной репутаціи; грекъ Федоръ Аванасьевъ, торговавшій драгоценными камнями, утверждалъ, что просвирня „покупала у него товару, всякое камень“, и что онъ былъ у нея одинъ; жильцы же просвирни показывали, что „видали его въ томъ домѣ по многое время, ночуетъ у тое просвирни съ нею въ подклѣтѣ, и иные греки пріѣзжаютъ многіе, ночуютъ“; „а для какого дѣла, того не вѣдаемъ“, говорили осторожные жильцы. Но сосѣдъ просвирни иворныхъ шалашей торговый человѣкъ Федоръ Елисеевъ безъ стѣспенія показывалъ, что грекъ ѣздилъ къ просвирнѣ „для блуднаго дѣла“, и что „пріѣзжаютъ къ той просвирнѣ ночью порою греки и пьютъ и бражничаютъ, и бываетъ у нихъ крикъ и драка“, и, что „онъ, Федка, отъ тѣхъ грековъ опасенъ зажегу и смертнаго убивства“. Жильцы просвирни одинъ разъ побили грека, а, по его словамъ, и ограбили его. Грекъ искалъ на Елисеевъ безчестья, но дѣло было передано въ Посольскій прилазъ, гдѣ были „вѣдомы окладъ ему и безчестье“¹⁾.

Хорошей иллюстраціей нравовъ торговаго населенія Китаягорода могутъ служить злоключенія разряднаго подьячаго Максима Гнѣвышева, чиновника Разряда, учрежденія, которое имѣло высшій надзоръ за дѣятельностью самого съѣзжаго двора. 3 іюня 1698 года Печатнаго двора отставной батырщикъ Лука Евтифѣевъ взялъ у Гнѣвышева Слѣдованную Псалтырь, цѣною 2 рубля, а, когда Гнѣвышевъ 11 іюня пришелъ къ батырщику „за тое Псалтырь денегъ просить“, Евтифѣевъ „учалъ его бранить и безчестить“.

Большая часть лѣта прошла благополучно, но 7 августа Гнѣвышевъ за часъ до вечера шелъ на Пятницкую черезъ Москворѣдскій

¹⁾ Пр. 1061, 31, 180, 222; Пр. 1512, 152, 162, 225, 270, 238; Пр. 1549, 100—117; Пр. 1716, 79, 119. По официальному свидѣтельству, въ концѣ XVII вѣка „гречане учали пріѣзжать самые молодчіе люди и не для прямого торгу“, продавали, напримѣръ, „вмѣсто алмазовъ и иныхъ узорочныхъ камней поддѣланыя стекла“ (не ихъ ли покупала оборотливая просвирня?) и „торговали виномъ и табакомъ“ (Акты Арх. Эксп., IV, № 214).

мость; на мосту на него „наѣхалъ“ ѣхавшій на извозчикѣ Свѣчного Воскового ряда торговый человекъ Степанъ Дмитриевъ; кунцу не понравилось, что Гнѣвышевъ подвернулся подъ лошадь, и онъ „учалъ его бранить и безчестить, невѣдомо за что“. Но настоящія несчастія были впереди. 11 сентября Гнѣвышевъ былъ за Покровскими воротами у Лѣснаго ряда (близъ церкви Троицы на Грязяхъ); здѣсь на него напалъ торговый человекъ Шапочнаго Мужского ряда Иванъ Семеновъ и „незнаемо съ какими со многими людьми учали его бить и увѣчить и опояску съ ножомъ съ него оборвали и унесли, цѣною въ 3 рубли съ полтиною“.

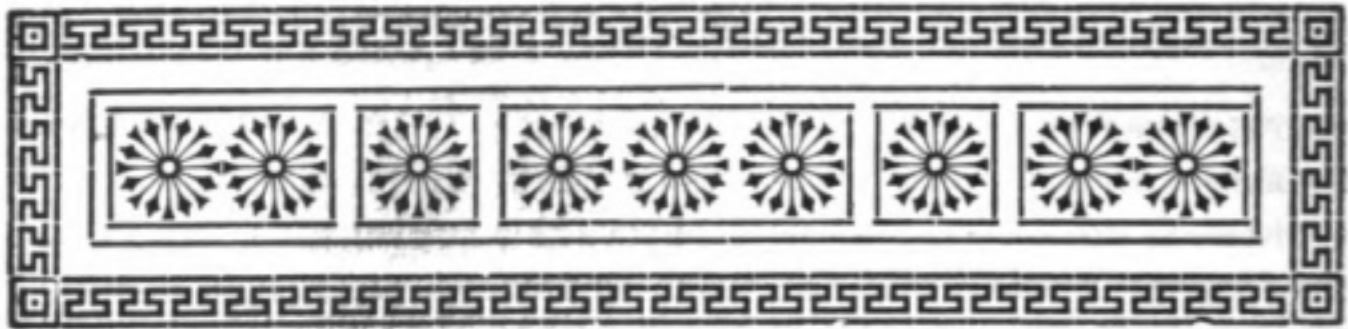
Черезъ 9 дней 20 сентября Гнѣвышевъ шелъ изъ приказа черезъ Китай-городъ, и у Гостиного Двора „напалъ на него Нижняго Москательнаго ряду торговый человекъ Анисимъ Андреевъ невѣдомо съ какими людьми и учали его бить и увѣчить и бранить и безчестить и деньги изъ рукъ съ кошелькомъ выхватили, а въ томъ кошелькѣ были полтора рубли, и кафтанъ на немъ изодрали“¹⁾.

Четыре скандала въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, при чемъ два раза подъячій былъ битъ, а три раза понесъ убытки, это черезчуръ много даже для старой Москвы! Грубое презрѣніе къ общей пользѣ и интересамъ ближняго, беззастѣнчивый обманъ въ торговлѣ, безсовѣстная ябеда на судѣ, кулачная расправа, любезная всѣмъ отъ объѣзжаго головы до послѣдняго квасника съ Красной Площади—вотъ итоги „жестокихъ“ нравовъ Московскаго Китая-города XVII вѣка!

В. Шереметевскій.

¹⁾ Надо имѣть въ виду, что въ предшествовавшемъ 1692 году Гнѣвышева также били тяглецы Конюшенной Сыромятной слободы Иванъ Андреевъ съ товарищи (Пр. 1250, 19—21). О Гнѣвышевѣ см. Пр. 1512, 104, 160, 228 и Пр. 1716, 534.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XLI¹⁾.

Настоящую главу я посвящаю памяти Мидхадъ-паши, этого кумира не столько турецкихъ, сколько нашихъ прогрессистовъ, и намѣрена изобразить его такимъ именно, какимъ онъ остался въ моихъ воспоминаніяхъ. Личность эта очень крупная и заслуживаетъ вниманія русскаго читателя, такъ какъ съ его именемъ тѣсно связана исторія нашей войны за освобожденіе славянъ.

Когда я размышляю о немъ, то передо мной воскресаетъ и оживаетъ совершенно иной образъ, чѣмъ тотъ, который созданъ воображеніемъ людей съ предвзятыми мнѣніями, основанными на одностороннихъ сужденіяхъ европейской прессы.

Бывая часто въ нашей семьѣ, онъ отводилъ душу и не стѣснялся въ выраженіяхъ пламенной ненависти къ европейцамъ, проклиная ихъ коварную дружбу. Россію также не любилъ, обвиняя ее въ подстрекательствѣ славянъ къ возстаніямъ.

Въ официальномъ мірѣ, напротивъ, онъ былъ извѣстенъ, какъ восторженный поклонникъ западной цивилизаціи и въ особенности англійскаго парламента, точную копію съ котораго ему вздумалось перенести въ свое отечество.

Установилось понятіе, что инициаторомъ и душою либеральнаго движенія въ Турціи является творецъ конституціи Мидхатъ-паша. Но это не такъ и очень далеко отъ истины.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1910 г.

Выступление его на мировую арену началось въ слѣдующемъ порядкѣ.

Еще до Крымской кампаніи въ царствованіе умнаго и гуманнаго султана Абдуль-Меджида, въ средѣ окружавшихъ его сановниковъ, въ большинствѣ получившихъ образованіе за границей, возникло сознаніе въ необходимости переустройства оттоманскаго государства въ духѣ просвѣтительныхъ реформъ. Выразителями такого направленія являлись прежде всего ближайшіе сотрудники самого Абдуль-Меджида, а именно: Фуадъ, Али, Риза, Сафеть и нѣкоторые другіе замѣчательные дѣятели, имена которыхъ украшаютъ собой страницы турецкой исторіи. Это были убѣжденные сторонники цивилизаціи и полезныхъ преобразованій для своего народа по западнымъ образцамъ; но, восхищаясь европейскими порядками, они въ то же время тяготились вмѣшательствомъ иностранцевъ въ чисто домашнія дѣла Турціи и всѣми помыслами стремились добиться самостоятельности. Когда же Европа принялась со свойственной ей безцеремонностью распорядиться судьбами Имперіи полумѣсяца, то прогрессисты стали постепенно переходить въ лагерь людей противоположнаго направленія.

Тогда наступила реакція и выдвинула на политическую сцену другихъ дѣятелей, написавшихъ на своемъ знамени девизъ: освободить государство отъ чужеземнаго вліянія и оставить его на основы чистаго Ислама. Но послѣ Севастопольской кампаніи партія ультра-мусульманъ нѣсколько видоизмѣнила свой обликъ, и въ ней произошелъ расколъ: появились вѣянія парламентаризма и сильное влеченіе къ реформамъ. Это было естественнымъ послѣдствіемъ тѣснаго общенія турецкой арміи съ союзниками на театрѣ войны.

Къ новому движенію не замедлилъ примкнуть Мидхадъ-паша со своими единомышленниками, и вотъ, такимъ-то образомъ возникла „Молодая Турція“.

Достойно вниманія, что партія либераловъ, желавшихъ конституціи, по вопросу о равноправіи христіанъ съ магометанами, осталась въ своихъ воззрѣніяхъ вполне солидарной съ фанатичными сторонниками прежняго режима.

Исторически извѣстно, что на Константинопольской конференціи въ 1876 году Мидхадъ-паша энергично отклонилъ предложеніе западныхъ державъ уровнять передъ закономъ права всѣхъ безъ исключенія подданныхъ коронѣ падишаха и заявилъ, что ни одинъ правовѣрный не согласится провести въ жизнь Ислама такое опасное новшество, которое окончательно убьетъ Турцію.

Со вступленіемъ на престолъ султана Абдуль-Азиса преобладающее вліяніе на берегахъ Босфора перешло къ русскимъ. Этого

никакъ ужъ не могла допустить наша традиціонная соперница Англія.

Ничѣмъ не брезгая, лишь бы вытѣснить насъ съ Ближняго Востока, она сѣяла раздоръ и смуту, разжигая фанатизмъ мусульманъ, и трубила на весь міръ, что якобы сама Россія устраняетъ волненія въ балканскихъ провинціяхъ, чтобы вѣрнѣе прибрать ихъ къ своимъ рукамъ и понасажать туда исправниковъ и казаковъ съ нагайками.

Константинопольская пресса, редактируемая въ канцеляріяхъ сэра Эллиота и графа Зичи, заполнялась слухами прямо чудовищнаго свойства о русской политикѣ на Балканахъ и грязными инсинуаціями по адресу нашего представительства при Высокой Портѣ—однимъ словомъ. Англіи вполнѣ удалось заставить турецкій народъ повѣрить себѣ, что единственнымъ тормозомъ для возрожденія и процвѣтанія его родины являлась только одна Россія.

Стамбульская бюрократія также отвернулась отъ насъ со временемъ и кинулась въ ея коварныя объятія.

Мидхатъ-паша болѣе, чѣмъ кто-либо, испыталъ на себѣ чарующее вліяніе этой державы. Кому же не извѣстно, что дворцовый переворотъ въ ночь на 31-е мая 1876 года былъ устроенъ при благосклонномъ участіи руководителей дальновидной политики Дизраэли и при любезномъ содѣйствіи австрійскихъ лицемѣровъ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что здѣсь принимались въ расчетъ вовсе не интересы народа, страдавшаго отъ дурнаго управленія Абдуль-Азиса, а единственно только непреодолимое стремленіе выбить русскую дипломатію изъ крѣпкой позиціи въ Долма-Бахче.

Стараніями британскаго кабинета Мидхатъ былъ выдвинутъ на высокой постъ рейсъ-эфенди ¹⁾ вопреки личному нерасположенію къ нему султана и великаго визиря Махмудъ-Недима.

Тогда новый сановникъ въ угоду своимъ покровителямъ объявилъ себя врагомъ славянства и очень недвусмысленно сочувствовалъ жестокимъ репрессіямъ по отношенію балканскихъ вассаловъ, что нисколько не мѣшало ему въ то же время писать подъ диктовку Генри Эллиота самую гуманную въ мірѣ конституцію.

Людамъ, близко стоявшимъ къ нему, онъ казался сотканнымъ изъ крайностей и противорѣчій: „Какое право имѣетъ Европа касаться нашихъ домашнихъ дѣлъ, — кричалъ онъ въ припадкѣ негодованія и глубоко уязвленнаго самолюбія, когда началась бойня въ Болгаріи и дипломатія подняла суматоху, — она требуетъ такихъ реформъ, которыя неизбѣжно приведутъ Турцію къ полному ворабоще-

¹⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ.

нію!.. Какъ только что случится у насъ, такъ сейчасъ же всѣ начинаютъ распоряжаться и командовать—развѣ исторія запада чище нашей? Пусть лучше г.г. цивилизаторы почаще вспоминаютъ о жертвахъ инквизиціи, террора со всѣми ихъ тамъ Робеспьерами, Маратами, отрубившими милліонъ французскихъ головъ, и о прочихъ кровавыхъ эпохахъ—все это забыто, а мы одни должны переживать горькое униженіе передъ свѣтомъ....“

Но проходилъ моментъ вспышки, и онъ снова принимался сочинять либеральные законы. Таковъ приблизительно нравственный обликъ турецкаго новатора, за которымъ утвердилась прочная репутація „западника“, покинувшаго идеалы Востока и ставшаго подъ знамя всеобщаго равенства и братства. А между тѣмъ это неправда, о чемъ я не разъ говорила выше и что утверждаю сейчасъ. Прежде всего онъ былъ горячій патриотъ и глубоко вѣрующій мусульманинъ, всей душой преданный ученію пророка. Въ Коранѣ же сказано, что Исламъ долженъ остаться неподвиженъ, а всякая перемѣна, не согласованная съ духомъ его постановленій — преступна и считается измѣной религіи Магомета. Отсюда ясно, что Мидхадъ-паша не могъ искренно желать переустройства своего отечества по западнымъ моделямъ, и его реформаторскія затѣи находятъ себѣ другое объясненіе: какъ человѣкъ выдающагося ума, онъ прекрасно понималъ, что еще не настало время для политической самостоятельности Турціи, и такъ какъ по соображеніямъ государственной важности надо было угождать Европѣ и нравиться ей во что бы то ни стало, то вотъ, пожалуй, и весь секретъ его увлеченія парламентаризмомъ. Безъ этой необходимости онъ сумѣлъ бы поставить дѣло преобразованій устарѣвшихъ порядковъ на болѣе правильный путь и примирилъ бы враждующіе между собой элементы, не навязывая въ то же время своему родному народу чуждые формы жизни.

Но судьба, какъ извѣстно, распорядилась имъ иначе и заставила пережить горечь разочарованій и крушеніе всѣхъ идеаловъ.

Весьма возможно, что характеристика душевныхъ свойствъ Мидхада-паши сдѣлана мной не совсѣмъ правильно; но во всякомъ случаѣ я ближе къ истинѣ, чѣмъ тѣ, которые составили себѣ о немъ понятіе по газетнымъ статьямъ.

Въ продолженіе всего 1876 года событія одно за другимъ стали развертываться съ быстротой калейдоскопа, обѣщая въ будущемъ много тревожнаго и загадочнаго. Провозившись нѣкоторое время съ Босніей и Герцеговиной, Европа, наобѣщавъ много хорошихъ вещей, ровно ничего не сдѣлала для облегченія участи вассальныхъ племенъ.

Да едва-ли это могло совпадать съ ея хитроумными планами: вся забота „концерта державъ“ была направлена къ излюбленной цѣли: парализовать преобладающее значеніе Россіи на берегахъ Босфора.

Въ политикѣ не пренебрегаютъ никакими средствами лишь бы добиться своего, а потому все было пущено въ ходъ до возмутительныхъ подкуповъ сановниковъ Порты и до побужденія софть къ демонстраціямъ на улицахъ включительно.

О послѣднихъ необходимо сказать нѣсколько словъ отдѣльно.

Эта шумная, безпокойная, какъ и вездѣ, молодежь, но по духу діаметрально противоположная своимъ западнымъ собратамъ. Ихъ справедливо называютъ „воинами Ислама“, такъ какъ они пополняютъ собой армію духовныхъ руководителей народа. Образование, получаемое софтами въ школахъ при мечетяхъ, состоитъ изъ знанія наизусть корана и обстоятельнаго пониманія шаріата ¹⁾. Ихъ воспитываютъ въ суровомъ повиновеніи религіознымъ уставамъ и вѣрности стародавнимъ обычаямъ.

И дѣйствительно, они представляютъ изъ себя чрезвычайно тѣсно сплоченную группу фанатиковъ, ненавидящихъ всякое новшество и считающихъ европейскія идеи очень вредными для мусульманскаго государства.

Правда, въ ихъ сердцахъ бурлятъ также оппозиціонныя страсти; но, выражаясь обыденнымъ языкомъ, совершенно на другой подкладкѣ, чѣмъ у насъ.

Мы шумимъ и кричимъ, требуя только новаго, лишь бы новаго и непременно заграничной фабрикаціи, а тамъ наоборотъ: малѣйшее уклоненіе отъ точной буквы ученія пророка вызываетъ бурный протестъ и возмущеніе.

Выступленіе софтовъ противъ Абдуль-Азиса было обусловлено совсѣмъ не тѣми побужденіями, которыми руководилась партія „Молодой Турціи“: имъ внушили, что султанъ измѣнилъ шаріату и отдался въ руки генерала Игнатьева — этого было достаточно, чтобы поднять ихъ и объединить съ недовольными правительствомъ.

Послѣдніе годы царствованія Абдуль-Азиса дѣйствительно были печальной эпохой упадка прежняго могущества Оттоманской державы и полного разоренія страны. Въ 1875 г. государство объявило себя банкротомъ и прекратило всѣ платежи, а также и выдачу жалованья войскамъ и чиновникамъ, оставивъ ихъ, такимъ образомъ, на произволъ судьбы и случая. Финансовому краху не мало посодѣйствовалъ и самъ намѣстникъ пророка, повелитель право-

¹⁾ Сводъ законовъ гражданскихъ и духовныхъ.

вѣрныхъ. Къ старости онъ окончательно разнузданъ и съ безумнымъ увлеченіемъ сорилъ деньгами.

Къ довершенію всѣхъ несчастій имъ овладѣла еще болѣзненная манія къ сооруженіямъ грандіозныхъ зданій. Этой фантазіи давали слѣдующее объясненіе, но, конечно, съ точки зрѣнія суевѣрнаго мусульманина.

Въ династіи Османовъ сохранилось отъ давнихъ временъ преданіе, которое гласитъ, что каждый царствующій султанъ во избѣжаніе нечаянной смерти, могущей настичь его ранѣе положеннаго срока на небесахъ, долженъ непрерывно всю жизнь что-нибудь строить.

Абдуль-Азисъ не спѣшилъ въ рай Магомета—ему и подъ луной прекрасно жилось въ объятіяхъ земныхъ гурій, а потому, чтобы оградить себя отъ роковыхъ случайностей, онъ возводилъ одинъ дворецъ за другимъ и украшалъ ихъ со сказочнымъ великолѣпіемъ. На все это требовались чрезвычайные расходы, которыхъ опустѣвшая казна не могла вынести, и тогда наступилъ опасный кризисъ. Вновь призванный къ власти Мидхадъ-паша очень скоро приобрѣлъ рѣшающее вліяніе на дѣла управленія государствомъ и принялъ руководство партіей, желавшей реформъ; но тайно, по внушенію сэра Эллиота, занялся организаціей сверженія Абдуль-Азиса.

Когда же совершилось злодѣяніе, и ножницы „англійскаго издѣлія“ перерѣзали нить жизни злополучнаго султана, то міру открылась истина, чего собственно добивались „друзья“ Турціи: мечта сбылась! Ненавистная Московія посрамлена — цѣль достигнута! Остальное — все пустяки, лишь бы генерала Игнатьева по боку.... Такъ ликовала европейская печать, отражая какъ въ зеркалѣ мысли и чувства устроителей счастья Оттоманскаго народа.

Прекрасныя обѣщанія, гуманныя реформы, заботы объ угнетаемыхъ, интересы націи — все это было отброшено въ сторону и занялись только курьезами изъ русской якобы „дѣйствительности“. *Le cosaque, la Sibérie, la kibitka, la vodka, le samovar* украшали собой по преимуществу столбцы газетъ и журналовъ. Но особенное вниманіе удѣлялось нашему кнуту—*le knout*. Слово это, по мнѣнію иностранцевъ, не переводимо. О немъ писались цѣлые трактаты, а въ иллюстраціяхъ помѣщались его изображенія, напоминавшія болѣе сказочнаго Змѣя-Горыныча, чѣмъ обыкновенную палку съ привязанной къ концу бичевкой или ремешкомъ—вѣроятно невзначай перепутали оба понятія.

Странно, что наши извозчики и кучера съ высоты своихъ козелъ даже не замѣчаютъ, какое въ сущности опасное орудіе находится въ ихъ рукахъ для понуканій заморенныхъ клячъ; зато послѣднія,

надо думать, вполнѣ солидарны съ тѣми, которые утверждаютъ, что „le knout“—прескверная вещь.

Съ легкой руки Александра Дюма, о Россіи пишутъ или глупыя басни по его примѣру, или же злостную, гадкую клевету. Этой литературой наводнены всѣ книжные рынки за границей, такъ какъ Европа съ удовольствіемъ читаетъ все дурное о насъ, а хорошему она просто не желаетъ вѣрить.

Въ тѣ времена широкой популярностью и завиднымъ успѣхомъ пользовалось одно изъ произведеній дикой фантазіи, перешедшей всякія границы здраваго смысла.

Это было что-то невѣроятное! На обложкѣ книги стояло: „Le cosaque et son knout“, — переведено съ русскаго; авторъ — Jean Ivanoff, такъ какъ въ понятіяхъ французовъ и англичанъ всѣ мы Иваны или Ивановы—не иначе.

Въ предисловіи издатель прямо отъ себя разъясняетъ читателю, что каждый народъ, даже стоящій на низкомъ уровнѣ цивилизаціи, имѣетъ своихъ гениевъ, какъ, на примѣръ, у русскихъ Петръ Великій и „monsieur Ivanoff“. Послѣдній, какъ оказалось, далъ своему народу понятія о возвышенныхъ идеалахъ, о правахъ человека и, наконецъ, подарилъ ему правильный, литературный языкъ. А я-то по наивности думала, что все это сдѣлалъ для насъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ?!

Далѣе говорилось, что всѣ очень любили знаменитаго Jean'a, и даже Самъ le Czаръ совѣтовался съ нимъ о реформахъ; но свирѣпый „l'ispravnik“ оказался сильнѣе и выселилъ гениальнаго писателя за предѣлы отечества. Оплакивая горячо любимую родину, несчастный изгнанникъ написалъ „всю правду“ о Россіи и предлагалъ свой почтенный трудъ благосклонному вниманію публики.

Фабула повѣствованія такова. По обширнымъ „департаментамъ“ Московскаго царства отъ зори до зори развѣзжаютъ на огромныхъ коняхъ „злые“ козаки и безъ передышки хлещутъ кнутами по обывательскимъ спинамъ.

Детали, отдѣльные эпизоды, нравы, обычаи... но я не рѣшаюсь и упоминать о нихъ—читатель можетъ подумать, что все это было позаимствовано мною изъ мемуаровъ паціентовъ Шарантона и Бадлама...

Вотъ откуда пошла слава пресловутому кнуту и прочимъ аксессуарамъ нашего варварства, и вотъ по какимъ источникамъ составляются о насъ мнѣнія иностранцевъ!

Лучше оставимъ ихъ и вернемся къ Мидхадъ-панѣ.

Глава XLII.

Нѣсколько дней спустя послѣ дворцоваго переворота намъ пришлось быть въ Константинополѣ.

Узнавъ о нашемъ приѣздѣ, Мидхадъ-паша немедленно прислалъ за нами свои паланкины, и мы отправились въ министерство, гдѣ онъ временно проживалъ одинъ, безъ семьи, отбывшей на лѣтніе мѣсяцы въ Скутари.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, отвѣчая на вопросъ о здоровьѣ, Мидхадъ-паша съ оттѣнкомъ глубокой грусти въ голосѣ сказалъ, что чувствуетъ себя очень скверно. Видъ у него былъ, дѣйствительно, чрезвычайно подавленный, усталый и, вообще, онъ не казался счастливымъ триумфаторомъ, несмотря на то, что европейская печать прославляла его, какъ спасителя государства отъ фатальнаго вліянія Россіи.

Вошли Кайсерли-паша и Гуссейнъ-Авни. Насъ познакомили. Рѣчь коснулась злобы дня.

— Чему они радуются?! — раздражаясь, проговорилъ Мидхадъ, отбрасывая въ сторону только что принесенную ему курьеромъ газету, — *le général Ignatieff, les cosaques, la vodka...* а дальше ни съ мѣста...

Сераскиръ расхохотался, досталъ изъ портфеля какой-то листокъ и, развернувъ его, положилъ на столъ. Мы взглянули и съ отвращеніемъ отвернулись: рисунокъ изображалъ нашего посла съ котомкой за плечами, верхомъ на палочкѣ, переплывающимъ Босфоръ по направленію къ сѣверу, а внизу короткое: „*Bon voyage!*“

Кайсерли взялъ карандашъ и написалъ рядомъ: „примѣръ, достойный подражанія и для „другихъ“—надѣмся и скажемъ сердечное „прости“ (*adieu!*)“

Мидхадъ-паша наклонился ко мнѣ и прошепталъ:

„Не судите меня слишкомъ строго, дитя мое — Абдуль-Азисъ получилъ то, что заслужилъ, клянусь вамъ; но знаете, это бѣснованіе „нашихъ друзей“ прямо отвратительно—все-таки онъ былъ нашимъ калифомъ...“

Недолго процарствовалъ несчастный Мурадъ: кровавый призракъ звѣрски убитаго дяди преслѣдовалъ его день и ночь. Онъ окончательно заболѣлъ и сошелъ съ трона. Вакантное мѣсто предложили Абдуль-Гамиду, убѣжденному „западнику“ и фанатичному стороннику парламентаризма, какъ увѣряли лондонскія газеты. Съ чего померещилось имъ все это—неизвѣстно; но со временемъ, когда разсѣялись иллюзіи, то оказалось, что дипломатія попала

тогда вприсакъ на основаніи слуховъ о якобы тайныхъ симпатіяхъ принца Гаида къ „молодой Турціи“.

Въ день восшествія его на престолъ по улицамъ разносили манифестъ и разныя добавленія къ нему, въ которыхъ говорилось о высокихъ качествахъ души и сердца новаго повелителя.

Въ мірѣ дипломатовъ праздновали окончательное пораженіе Игнатьева, а въ царствѣ типографскихъ красокъ и чернилъ шло ликованіе, не поддающееся описанію: спѣшили оповѣстить всѣхъ обитателей земного шара о томъ, что Мидхадъ-паша пишетъ конституцію. Уличная толпа, не знавшая еще наканунѣ о существованіи какого-то Абдуль-Гаида, восхваляла его заслуги и добродѣтели.

Все шло какъ нельзя лучше, только неугомонные софты портили общее настроеніе: обѣщанное равноправіе гяурамъ съ мусульманами очень не понравилось молодымъ фанатикамъ — они снова выбѣжали на улицу и отчаянно шумѣли.

Благодарная Англія щедро вознаградила Мидхадъ-пашу: она поставила его у кормила власти, и, такимъ образомъ, еще недавно опальный чиновникъ, губернаторъ отдаленнаго Багдада, куда онъ былъ удаленъ Абдуль-Азисомъ по требованію всесильнаго духовенства, сдѣлался волею „кысмета“ фактическимъ распорядителемъ оттоманской короны. Общественное мнѣніе Европы вознесло его на вершину славы, а корреспонденты пѣли ему хвалебныя гимны и увѣряли весь свѣтъ, что только подъ руководствомъ Мидхада-паши можетъ наладиться испорченный механизмъ государственной машины — однимъ словомъ, въ немъ видѣли панацею для странъ полумѣсяца.

Но случилось какъ разъ все наоборотъ, и не исполнилось ничего изъ предсказаній оптимистовъ. За короткое время его диктатуры одно событіе прискорбило другое ускореннымъ темпомъ слѣдовали другъ за другомъ: Боснія и Герцоговина не только не успокоились, но увлекли своимъ примѣромъ и прочія Балканскія народности.

Румынія выдѣлилась изъ состава Оттоманской Имперіи, затѣмъ Сербія объявила войну, а къ ней присоединилась и Черногорія.

Почти одновременно въ Болгаріи началась бойня, отъ которой содрогнулся весь міръ. Атмосфера сгущалась и сдѣлалось трудно дышать. Никто ничего не понималъ, а менѣе всего самъ Мидхадъ-паша; но онъ былъ рабъ и слѣпая пѣшка въ рукахъ такихъ корифеевъ „всемирной политики“, какъ Дизраэли, Дерби, да и самъ гуманный Гладстонъ, которые распоряжались всѣми помыслами турецкаго либерала и направляли его дѣйствія по своему усмотрѣнію.

Когда положеніе обострилось до невозможности, то концертъ дер-

жавъ предложилъ турецкому правительству свой планъ реформъ. Абдуль-Гамидъ отвѣтилъ, что дастъ конституцію. И онъ охотно подписалъ ее тогда, надѣясь этимъ спасти себя отъ слишкомъ тяжелаго гнета европейской опеки.

Но любвеобильному сердцу Дизраэли совсѣмъ не того надо было: онъ велъ милую ему Турцію къ берегамъ Дуная таскать для него каштаны изъ огня, что собственно и требовалось.

Кончилась война: на полѣ брани побѣдили мы, и намъ за это не позволили даже прогуляться по улицамъ Царьграда. Англія получила островъ Кипръ, который ей давно нравился; Австрія мимоходомъ прихватила Боснію и Герцоговину, а на Турцію напялили „Тришкинъ кафтанъ“, въ которомъ она и по сіе время щеголяетъ.

Въ далекомъ же изгнаніи, подъ горячимъ небомъ Аравіи, томился узникъ и подчитывалъ: во что обошлась ему нѣжная дружба коварнаго Альбіона?

Въ 1882 году я была въ Египтѣ, и мнѣ пришлось совершенно случайно узнать, что съ Мидхадъ-пашей можно завести довольно удобную переписку черезъ одного арабскаго коммерсанта, бывавшаго иногда съ караванами въ городкѣ Таафѣ, гдѣ проживалъ тогда тотъ, кто еще такъ недавно распоряжался судьбами Оттоманской Имперіи.

Ибрагимъ Даули, такъ звали купца, охотно взялся доставить узнику мое письмо, въ которомъ я, увѣдомляя о смерти моего дорогого дядюшки, убѣдительно просила его во имя нашихъ прежнихъ сердечныхъ отношеній открыть мнѣ свою душу и свои надежды на будущее.

Черезъ мѣсяць вернулся караванъ и привезъ отвѣтъ на 8 листахъ, въ которыхъ я прочла исповѣдь разбитаго сердца и безграничную, свойственную только убѣжденному мусульманину, покорность судьбѣ. — „Фатализмъ, — пишетъ онъ, — спасаетъ человѣка отъ сомнѣній и отчаянія. То, что случилось, было предопредѣлено священной волею раньше всѣхъ вѣковъ, а слѣдовательно такъ оно и должно быть“.

Вся душа вѣрующаго исламита сказала въ этихъ немногихъ строкахъ.

Далѣе онъ доказываетъ, что русская политика на Балканахъ окончательно погубитъ славянъ и приведетъ ихъ еще къ худшему порабощенію Австріей, а затѣмъ кончаетъ характернымъ афоризмомъ: „мы говоримъ: не вѣрь клятвѣ женщины—она непременно обманетъ. А я еще скажу: не вѣрь также дружбѣ рыжаго—намекъ на англичанъ—и чести „маклера“.

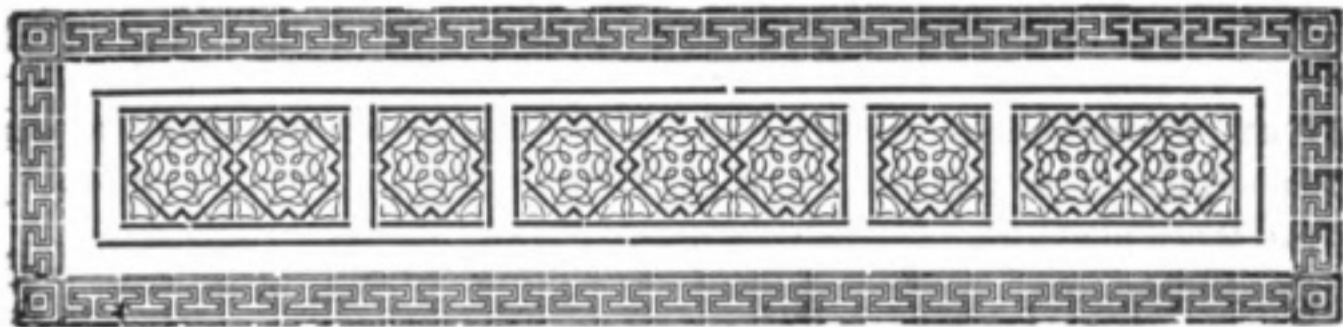
Вскорѣ онъ умеръ, но письма его хранятся у меня, какъ исто-

рическая рѣдкость. Въ свое время они увидятъ свѣтъ на страницахъ этого журнала.

Настоящая глава, посвященная мною краткому и сжатою перечню событій, непосредственно связанныхъ съ именемъ Мидхадъ-паши, будетъ сейчасъ закончена, а потому я намѣрена въ слѣдующемъ году познакомить читателя съ болѣе полнымъ описаніемъ тѣхъ моментовъ, о которыхъ здѣсь упомянуто лишь вскользь, какъ, на примѣръ: сверженіе султановъ, наша дипломатія, конституція, конференція державъ и, наконецъ, объявленіе войны за освобожденіе славянъ.

Е. Рагозина.

Впечатлѣнія великаго князя Константина Павловича, вынесенныя имъ изъ поѣздки въ Германію въ 1824 году ¹⁾.

Въ бумагахъ канцлера Нессельроде, среди разнообразныхъ документовъ, представляющихъ выдающійся интересъ съ точки зрѣнія дипломатіи, сохранилось донесеніе великаго князя Константина Павловича, представленное имъ Императору Александру I въ исходѣ 1824 г., по возвращеніи изъ-за границы, куда онъ сопровождалъ свою супругу, княгиню Ловичъ, на воды въ Эмсъ.

Записка эта, въ которой великій князь излагаетъ своему августѣйшему брату вполне откровенно наблюденія, сдѣланныя имъ въ Германіи относительно тогдашняго положенія страны и господствовавшаго въ ней духа, имѣетъ, помимо общаго интереса, большое значеніе для характеристики Константина Павловича.

Несдержанный, вспыльчивый, крайне самолюбивый и щепетильный въ вопросахъ виѣшняго этикета, человекъ твердыхъ монархическихъ принциповъ, врагъ либеральныхъ идей и всякихъ „зловредныхъ доктринъ“, очутившись за границей въ то время, когда либеральное движеніе въ странѣ росло и сказывалось въ массѣ самыхъ разнообразныхъ проявленій, находя отзвукъ даже во взглядахъ нѣкоторыхъ коронованныхъ особъ, Константинъ Павловичъ, весьма естественно, нашелъ многое не соответствующимъ своимъ взглядамъ, тѣмъ требованіямъ, какія онъ предъявлялъ къ службѣ, и тѣмъ поня-

¹⁾ Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1850. Paris. (Note du grand duc Constantin à l'empereur Alexandre. Varsovie, 23 novembre 1824).

тіямъ, въ которыхъ онъ выросъ, и яркимъ представителемъ коихъ онъ оставался неизмѣнно, до конца жизни. Его собственная личность ярко выступаетъ въ тѣхъ замѣчаніяхъ, которыми онъ сопровождаетъ свои наблюденія, или передаетъ тотъ или иной разговоръ,—онъ въ нихъ весь, какъ живой.

Въ трехъ миляхъ отъ Эмса, гдѣ великій князь прожилъ довольно долго, находится Кобленць, крѣпость, которая въ то время заново перестраивалась и укрѣплялась пруссаками. Грандіозныя фортификаціонныя работы, изъ которыхъ пруссаки не дѣлали тайны, привлекали въ Кобленць массу посѣтителей, преимущественно изъ числа лицъ, съѣхавшихся на воды въ Эмсъ, для которыхъ крѣпость стала излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ.

Отсутствіе всякихъ стѣсненій при посѣщеніи крѣпости и осмотрѣ ея сооруженій поразило великаго князя, и онъ, какъ бы въ видѣ безмолвнаго протеста противъ того, что онъ считалъ кичливымъ тщеславіемъ со стороны прусскаго правительства, долго демонстративно воздерживался отъ посѣщенія Кобленца.

„Крѣпость доступна всѣмъ и каждому“, пишетъ великій князь. „Осмотръ разрѣшается иностранцамъ, всѣмъ безъ исключенія, безъ всякихъ ограниченій; отсутствіе стѣсненій въ этомъ отношеніи можетъ быть объяснено лишь тщеславіемъ прусскаго правительства, которое какъ бы хочетъ этимъ сказать всему міру: *наша крѣпость такъ неприступна, что мы не боимся постороннихъ наблюдателей; она такъ сильна, что мы не боимся угрозъ: чѣмъ больше ее будутъ знать, тѣмъ болѣе убѣдятся въ томъ, что благодаря возведеннымъ нами укрѣпленіямъ, крѣпость стала неприступна*“.

„Не умѣя иначе объяснить себѣ этотъ фактъ, ибо доступъ въ крѣпость такъ легокъ, что это кажется утрированнымъ и дѣлается какъ бы умышленно, я счелъ нужнымъ сдѣлать видъ, что она меня совершенно не интересуетъ, и на неоднократно предложенные мнѣ вопросы, почему я не ѣду посмотрѣть на эти любопытныя работы, которыя должны бы особенно интересовать всякаго военнаго, я отвѣчала одно: *еще успею* .

Я зналъ, что всякій пріѣзжій, всякій, кому это интересно, могъ, давъ на чай первому встрѣчному солдату или рабочему, побывать всюду, осмотрѣть самымъ подробнымъ образомъ не только внѣшнія укрѣпленія Эренбрейтштейна и прочихъ фортовъ, соединенныхъ съ нимъ новыми сооруженіями, но могъ видѣть бастіоны, подземелья, казематы, магазины и т. д., словомъ, все заслуживающее вниманія. Я убѣдился въ этомъ, отправившись однажды въ Кобленць инкогнито, со своимъ адъютантомъ, полковникомъ Турно; мнѣ удалось, не

обращаясь ни къ кому, безъ труда удовлетворить свое любопытство, и я былъ крайне удивленъ тѣмъ, какъ безопасно несется служба въ крѣпости; самые важные посты не были заняты, даже артиллерійскіе снаряды, наваленные въ величайшемъ безпорядкѣ, никѣмъ не охранялись; всюду можно было свободно пройти, у магазиновъ и складовъ не было часовыхъ, и крѣпость также легко можно было бы поджечь, какъ нетрудно человѣку произвести пожаръ въ своей собственной квартирѣ, когда онъ находится въ ней одинъ, если бы ему пришла подобная фантазія.

Генераль Тильманъ, жившій по обязанности въ Кобленцѣ, удивленный, иля, быть можетъ, даже задѣтый моимъ видимымъ равнодушіемъ, явился однажды ко мнѣ въ Эмсъ съ президентомъ провинціи, г. Ингерслебеномъ, чтобы засвидѣтельствовать мнѣ, какъ онъ выразился, свое почтеніе, и, между прочимъ, предложилъ мнѣ осмотрѣть фортификаціонныя работы, любезно присовокупивъ, что онъ все ожидалъ на этотъ счетъ моихъ приказаній. Я отвѣчалъ, что какъ иностранный офицеръ, я не позволилъ бы себѣ осматривать крѣпость, что я считалъ даже неудобнымъ высказать подобное желаніе, но коль скоро онъ дѣлаетъ мнѣ честь и самъ предлагаетъ это, я охотно пріѣду. Онъ просилъ меня назначить день и часъ; послѣ нѣкотораго колебанія, я назначилъ довольно дальній срокъ, желая этимъ еще болѣе подчеркнуть, что я не особенно спѣшу. Дѣйствительно, я рѣшилъ быть въ Кобленцѣ, въ то время, когда туда ожидали, какъ мнѣ было извѣстно, принца Оранскаго съ супругою, великой княгиней. Я провелъ въ Кобленцѣ три дня, въ теченіе которыхъ комендантъ крѣпости, генераль Гофманъ, начальникъ инженеровъ и генераль Астеръ, самымъ подробнымъ образомъ показали мнѣ работы и все заслуживающее вниманіе.

Не мое дѣло входить здѣсь въ оцѣнку Кобленца, какъ военной крѣпости, или говорить о томъ, соотвѣтствуютъ ли производящіяся въ немъ работы строгимъ требованіямъ обороны, я не считаю себя для этого достаточно компетентнымъ судьей, но что эти работы исполняются великолѣпно, это видно съ перваго взгляда. Всѣ облицовки, сдѣланныя изъ тесанаго камня, такъ великолѣпны и повидимому такъ прочны, что онѣ навѣрно устоятъ противъ усилій людей и времени. Это монументальныя сооруженія, которыя можно сравнить лишь съ самыми величественными постройками древности. Отдѣлка всѣхъ частей не менѣе роскошна и изыскана, какъ и все остальное; во всякомъ случаѣ это будетъ прекрасный, величественный памятникъ, завѣщанный отдаленному потомству.

Вотъ что мнѣ передавали о кратковременномъ пребываніи князя Меттерниха въ Кобленцѣ, гдѣ онъ былъ проездомъ. Тотчасъ по его

пріѣздѣ, ему представлялись начальники отдѣльных частей; онъ принялъ ихъ съ самой изысканной вѣжливостью, но все замѣтили, что онъ не сказалъ ни слова генералу Пфулю и не пригласилъ его даже къ обѣду. Генералъ былъ такъ огорченъ столь холоднымъ пріемомъ, что немедленно уѣхалъ въ Нассау и, посѣтивъ проживающаго тамъ бывшаго министра Штейна, горько жаловался ему.

Король Виртембергскій условился съ наслѣднымъ принцемъ Нидерландскимъ встрѣтиться въ Кобленцѣ, на обратномъ пути изъ Франціи. И дѣйствительно, его величество пріѣхалъ туда почти одновременно съ принцемъ Оранскимъ, за нѣсколько часовъ до пріѣзда великой княгини. Несмотря на холодность и сдержанность нашихъ политическихъ отношеній, я счелъ долгомъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Онъ принялъ меня любезно и радушно, со свойственной ему, вамъ извѣстной, манерой обхожденія. Я подмѣтилъ, однако, что онъ питаетъ въ душѣ глубокое озлобленіе и какія-то заднія мысли, которыя онъ въ пылу разговора невольно выдалъ. Онъ пошутилъ на счетъ того, что я счелъ долгомъ явиться къ нему въ полной парадной формѣ; я сказалъ на это: „Я знаю, Ваше Величество, что Вы оказали бы мнѣ милостивый пріемъ, въ какомъ бы видѣ я ни явился къ Вамъ, но народъ, который видѣлъ, что я ѣхалъ къ Вашему Величеству, долженъ знать, что я оказываю монарху подобающія ему почести“.

Король спросилъ, имѣю ли я извѣстія отъ великаго князя Михаила Павловича и его супруги, и дружно ли они живутъ. Я отвѣтилъ, что давно не имѣлъ отъ нихъ писемъ, что они живутъ, я думаю, дружно, и что иначе я себя и представить не могу.—Вамъ говорили, быть можетъ, продолжалъ король, что я старался склонить великаго князя Михаила къ этому браку. Ничего подобнаго; я въ это дѣло не мѣшался; но я доволенъ, что моя племянница пристроилась и можетъ жить вдали отъ отца.

Король оживился и наговорилъ мнѣ по адресу своего брата самыя невѣроятныя вещи; нѣтъ того эпитета, которымъ онъ его не заклеилъ, обвиняя его въ томъ, что онъ поддерживаетъ сношенія съ людьми самой подозрительной репутаціи. На это я возразилъ, что если онъ желаетъ, чтобы я говорилъ съ нимъ, какъ съ монархомъ, то я буду говорить такъ, какъ повелѣваетъ мнѣ долгъ почтительности; если же онъ разрѣшаетъ мнѣ говорить съ нимъ, какъ двоюродный братъ и бывший зять, то я скажу правду, какъ я ее понимаю. Онъ дружески пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что просить меня говорить безъ обиняковъ.

— Въ такомъ случаѣ, я скажу, государь, что если бы я имѣлъ несчастье имѣть такого брата, какимъ вы описываете принца

Павла, давая себѣ отчетъ въ его проказахъ и недостаткахъ, и не говорилъ бы объ этомъ при постороннихъ.

— Полноте, сказалъ король, онъ не заслуживаетъ того, чтобы его щадили. Представьте себѣ, этотъ негодяй хочетъ развестись съ женою и вступить въ бракъ съ женою одного англійскаго генерала, матерью шестерыхъ дѣтей, которую онъ хочетъ развести съ мужемъ.

— Я не стану судить принца Павла, сказалъ я, въ отношеніи того, что не можетъ быть мнѣ извѣстно; но можете ли вы отказать ему въ разводѣ, коль скоро вы сами развелись, чтобы устроить свою жизнь счастливѣе?

— Братъ всецѣло виноватъ въ возникшемъ семейномъ разладѣ, возразилъ король; я былъ связанъ съ женою только тѣмъ, что она носила мое имя, но я не жилъ съ нею.

— Вы обвинялись съ нею и признали ее своей законной женою передъ Богомъ и закономъ; съ этой минуты она была вашей женою, остальное—тайна, которую никто не можетъ знать. Во время вашего перваго брака вы сами не слыли образцомъ супружеской вѣрности. Вы не можете ни въ чемъ упрекнуть своей супруги, и однако вы развелись съ нею, а теперь вы готовы помѣшать своему брату развестись съ женщиной, которая со своей стороны, быть можетъ, во многомъ виновата передъ нимъ. По-моему, это несправедливо.

— Мой братъ, возразилъ король, самъ подалъ поводъ къ тому, въ чемъ онъ обвиняетъ ее. При томъ, онъ хочетъ жениться на особѣ не царскаго происхожденія. Это не подобаетъ принцу. Я буду противъ этого.

— Прошу васъ быть осторожнѣе, государь, отвѣчалъ я, и не забывать, что и я женатъ не на коронованной особѣ. Но, хотя она не носитъ титула великой княгини, однако Императоръ и матушка относятся къ ней, какъ къ невѣсткѣ и дочери; я горжусь своимъ выборомъ и радуюсь ему.

— Но вѣдь это—большая разница, сказалъ король, взявъ меня за руку, въ знакъ извиненія.

— Не будемъ говорить о разницѣ, государь, и разъ навсегда прекратимъ этотъ разговоръ; у насъ не смотрятъ на подобнаго рода браки съ той точки зрѣнія, какой держатся на этотъ счетъ въ Германіи.

— Да, возразилъ король, я—нѣмецъ и горжусь этимъ.

— И отлично дѣлаете, возразилъ я; каждый долженъ дорожить страной, въ которой онъ родился волею судьбы.

Затѣмъ разговоръ коснулся членовъ королевской семьи, и я позволилъ себѣ спросить короля, куда онъ думаетъ опредѣлить братьевъ великой княгини.

— Они въ Тюбингенскомъ университетѣ, сказалъ онъ.

— Развѣ ваше величество не боитесь пагубнаго вліянія университетскихъ взглядовъ?

— Полноте, возразилъ король, это пустыя рассказы; и хочу, чтобы мои племянники были людьми, и чтобы они смолоду знали людей.

Мы обѣдали у принца Оранскаго. Когда великая княгиня и моя жена удалились въ свои покои, разговоръ коснулся современнаго состоянія Европы. Король высказалъ вновь тѣ принципы, за которые его совершенно справедливо осуждали союзные монархи, и въ отношеніи которыхъ онъ, казалось, съ тѣхъ поръ измѣнился. Чтобы прекратить этотъ тягостный разговоръ, который могъ, какъ мнѣ казалось, дать поводъ къ неприятнымъ объясненіямъ, я спросилъ короля, что побудило его избрать для купанья въ морѣ окрестности Марселя, почему онъ не поѣхалъ въ Діеппъ или Доберанъ? Какое дѣйствіе оказываетъ купанье въ морѣ, и какъ оно повліяло на его здоровье?

Король распространился о томъ, что морскія купанья укрѣпляютъ здоровье, что многіе отдають предпочтеніе Средиземному морю, что ему хотѣлось избѣжать представительства и стѣснительнаго этикета и т. д.

— По правдѣ сказать, продолжалъ онъ, я предполагалъ вначалѣ отправиться въ Италію, но такъ какъ послѣднее время отъ меня все скрываютъ, то я повѣрилъ слуху, что въ Италіи соберется конгрессъ монарховъ, а такъ какъ мнѣ было сказано, что я—неподходящая компанія для конгресса (*que j'étais de trop mauvaise compagnie pour un congrès*) (король произнесъ эти слова съ иронической улыбкой), и я боялся неприятностей, которымъ я могъ бы подвернуться, находясь вблизи отъ конгресса, то мнѣ поневолѣ пришлось избрать другое мѣсто.

Я ничего не отвѣтилъ на этотъ довольно прямой намекъ, и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Вскорѣ король заговорилъ о князѣ Меттернихѣ и сталъ смѣяться надъ его пребываніемъ въ Іоганисбергѣ и надъ тѣмъ, какъ онъ себя тамъ держалъ.

— Этотъ человекъ, котораго я видѣлъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, сказалъ онъ, котораго подозрѣвали, поносили, надъ которымъ издѣвались, сталъ въ настоящее время самымъ выдающимся человекомъ, руководителемъ судебъ Европы и т. д.

— По моему мнѣнію, отвѣчалъ я, несомнѣнно, что Меттернихъ оказалъ правому дѣлу существенную услугу въ томъ отношеніи,

что онъ первый указалъ монархамъ на необходимость подавить революціонный духъ, который открыто охватилъ Германію.

— Какъ, возразилъ король, развѣ и вы принадлежите къ числу лицъ, принимающихъ мечтанія и увлеченія молодежи за заговоры? Нѣмецкій народъ не бунтуетъ; это несовмѣстимо съ его правами, съ его мирными и трудолюбивыми наклонностями; съ этой стороны никогда не будетъ никакой опасности.

Я замѣтилъ на это, что послѣднее время мы видѣли примѣры, свидѣтельствующіе о томъ, что въ самомъ сердцѣ Германіи не только проповѣдывались, но проводились на дѣлѣ самыя преступныя ученія, которыя находили тамъ приверженцевъ, и что отъ народа, который поддается самой отчаянной деморализаціи, можно всего ожидать; комиссія, заседающая въ Майнцѣ, собрала на этотъ счетъ массу неопровержимыхъ доказательствъ, не говоря уже о пропекахъ, обнаруженныхъ благодаря бдительности нѣкоторыхъ правительствъ.

— Мнѣ нечего бояться всего этого въ моей странѣ, сказалъ король, такъ какъ я выполнилъ свои обязательства. Я обѣщаль дать конституцію, я ее и далъ и намѣренъ соблюдать впродъ; слово мое свято. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто поступаетъ иначе.

Принцъ Оранскій и я замѣтили на это, что коль скоро король далъ слово, то онъ конечно прекрасно дѣлаетъ, что держитъ его, но на все есть предѣлъ, и нѣтъ той вещи, которой нельзя было бы злоупотребить. Душою невольно овладѣваетъ страхъ при мысли, что будетъ съ міромъ лѣтъ черезъ десять, если нагубная доктрина будутъ проповѣдываться и впродъ, и молодые люди, которые почерпнутъ подобные взгляды въ университетѣ, займутъ въ Европѣ бѣольшую часть военныхъ и гражданскихъ мѣстъ; быть можетъ, продолжалъ я, нѣкоторые люди на это именно и рассчитываютъ.

Такъ какъ послѣднія слова были произнесены мною съ особымъ удареніемъ, то король отвѣтилъ на это только многозначительной улыбкой.

— Впрочемъ, сказалъ онъ, продолжая начатый разговоръ, я управляю страной согласно съ закономъ и обычаемъ и, опираясь на нихъ, считаю себя могущественнѣе тѣхъ деспотовъ, которые мѣняють при всякомъ удобномъ случаѣ свои убѣжденія и взгляды, опровергаютъ сегодня то, что они говорили вчера, самовольно нарушаютъ свои обѣщанія и предпочитаютъ закону произволъ.

Я не мѣшалъ королю высказаться, но далъ себѣ слово отвѣтить на его рѣзкую выходку впоследствии.

— Я не боюсь князя Меттерниха, продолжалъ король, какъ мой сосѣдъ, великій герцогъ Баденскій, къ которому австрійскій

посланникъ г. де-Груби входилъ безъ спроса во время засѣданій совѣта, чтобы продиктовать ему приказанія, данныя Меттернихомъ.

— Трудно повѣрить, сказалъ я, чтобы г. де-Груби до такой степени не соблюдалъ приличій, но можетъ быть онъ васъ стѣсняетъ потому, что онъ слишкомъ пристально слѣдитъ за вами, и что его постоянное наблюденіе довольно неудобно.

Я имѣлъ случай видѣть г. де-Груби въ Эмсѣ, гдѣ онъ лечился. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе порядочнаго человѣка съ хорошими принципами.

Сдѣлавъ видъ, что я что-то припоминаю, я обратился къ королю и сказалъ:

— Ваше величество уволили со службы моего стараго знакомаго, г. Вагенгейма, котораго я знавалъ въ бытность его кураторомъ въ Тюбингенѣ.

— Это негодяй! отвѣчалъ король; онъ провинился лично передо мною; я назначилъ на его мѣсто г. Тротта.

— Этотъ Троттъ пользуется довольно сомнительной репутаціей, замѣтилъ принцъ Оранскій.

— Я знаю, возразилъ король, что ему ставятъ въ вину его преданность Жерому, но это—человѣкъ порядочный, и я его поддерживаю. Въ 1815 и 1816 г.г. многимъ ставилась въ заслугу ихъ преданность Наполеону; теперь это самое ставится имъ въ вину.

— А куда дѣвался Винцингероде, Ваше Величество?

— Это негодяй, сказалъ король; онъ вздумалъ дѣлать заявленія моимъ министрамъ, безъ моего на то разрѣшенія; онъ провинился передо мною; я его уволилъ въ отставку.

— Какъ, ваше величество, вы покарали того и другого такъ строго безъ суда? Можетъ быть они могли бы оправдаться.

— Да, отвѣтилъ король, если бы я ихъ отдалъ подъ судъ, они нашли бы, разумѣется, защитниковъ и сторонниковъ готовыхъ оправдать ихъ.

— Такъ вотъ какъ вы уважаете законъ и общественное мнѣніе страны, ваше величество, вотъ какъ вы боитесь произвола и управляете согласно данной вами конституціи. Послѣ этого позвольте мнѣ думать, что ваша власть не такъ велика, какъ вы даете понять. Какъ вы полагаете, развѣ изъ вашихъ поступковъ нельзя заключить, что Вагенгеймъ и Винцингероде могли бы оправдаться, доказавъ, по чьему повелѣнію они дѣйствовали, что они только случайныя жертвы вашей политики, и что вы втайнѣ утѣшаете ихъ за временную опалу подарками и обѣщаніями?

Король помолчалъ и, казалось, былъ смущенъ; наконецъ онъ промолвилъ:

— Вы, какъ я вижу, все также вспыльчивы.

— Не знаю, ваше величество, такъ ли я вспыльчивъ, но вы позволили мнѣ высказаться, и я воспользовался этимъ, не нарушая, какъ мнѣ кажется, правилъ приличія; если бы вы пожелали говорить со мною только какъ монархъ, то я слушалъ бы васъ стоя и не возражая.

Принцъ Оранскій, принимавшій участіе въ разговоръ, говорилъ все время здраво, сдержанно и въ одномъ духѣ со мною; но мнѣ кажется, что умъ короля Виртембергскаго и его взгляды до известной степени подкупили его. Этимъ, приблизительно, ограничивались наши разговоры на политическія темы, и мы вскорѣ разстались.

Обдумавъ хорошенько все сказанное, я невольно пришелъ къ убѣжденію, что король Виртембергскій едва-ли чуждъ проискамъ нѣмецкихъ либераловъ, которые превозносятъ его при всякомъ удобномъ случаѣ. Швабія, по своему положенію, является, совершенно естественно, промежуточнымъ пунктомъ, между Германіей, Швейцаріей и Италіей.

Либералы съумѣли извлечь изъ этого пользу, и король, благодаря своей популярности среди нихъ, льститъ себя, быть можетъ, надеждою, что если бы началось движеніе, то онъ очутился бы во главѣ передовыхъ борцовъ и могъ бы, слѣдовательно, руководить ихъ дѣйствіями сообразно своимъ интересамъ.

Говоря объ Эмсѣ, я долженъ сказать вашему величеству въ заключеніе, что герцогство Нассаусское управляется повидимому недурно. Населеніе довольно, хотя герцогъ наложилъ на него, послѣднее время, совершенно произвольно, натуральную повинность для сооруженія шоссе, которое идетъ, по большей части, по скаламъ; шоссе это великолѣпно.

Строевое ученіе, на которомъ я присутствовалъ близъ Висбадена, производилось совмѣстно пѣхотой и артиллеріей повзводно, очень отчетливо; войско хорошо обучено и несетъ службу добросовѣстно. Такъ какъ жена моя, пробывъ въ Эмсѣ пять недѣль, окончила курсъ леченія, то мы должны были отправиться въ Дрезденъ, чтобы посоветоваться съ врачомъ и рѣшить, что дѣлать далѣе“.

По пути въ Дрезденъ Великій Князь остановился на два дня въ Майнцѣ, гдѣ присутствовалъ на ученіи войскъ гарнизона, гдѣ несли службу, совмѣстно два австрійскихъ и четыре прусскихъ баталіона.

Особенно благопріятное впечатлѣніе произвели на Великаго Князя австрійцы, съ которыми, по его отзыву, прусскіе солдаты, походившіе скорѣе на рекрутъ, нежели на образцовыхъ солдатъ, не могли выдержать никакого сравненія; хотя пруссаки были прекрасно вы-

муштрованы и обучены, но, по отзыву великаго князя, „у австрійцевъ все было изящнѣе, изысканнѣе“.

Особенное вниманіе Великаго Князя обратила состоявшая при полку школа кадетъ или подпрапорщиковъ; „въ ней было приблизительно 52 воспитанника, принадлежавшихъ по большей части къ самымъ знатнымъ фамиліямъ сѣверной Германіи, каковы Бентгеймы, Куденгавы. Изъ нихъ многіе, владѣя помѣстьями въ Пруссіи, стараются несмотря на это опредѣлять своихъ дѣтей на австрійскую службу. Школа содержится образцово, молодые люди прекрасно воспитаны и получаютъ тщательное теоретическое образованіе. Побееѣдовавъ съ ними, говоритъ Великій Князь, я замѣтилъ съ удовольствіемъ, что, привыкнувъ смотрѣть на императора австрійскаго, какъ на главу германскихъ принцевъ, они считаютъ, что служа ему, они служатъ своей странѣ“.

Осматривая крѣпость, Великій Князь былъ, между прочимъ, пораженъ огромнымъ количествомъ хранившихся тамъ боевыхъ припасовъ; его увѣряли, что французы оставили тамъ такое огромное количество боевыхъ снарядовъ, которое могло быть оцѣнено въ 40 милліоновъ.

Не считая орудій, стоявшихъ на крѣпостныхъ валахъ, въ складахъ хранилось 782 орудія. Тутъ были орудія всѣхъ странъ, даже испанскія.

„Но я могу сказать вашему императорскому величеству съ особеннымъ удовольствіемъ, добавляетъ Константинъ Павловичъ, что я не видѣлъ тутъ ни одного русскаго орудія“.

„Въ Майнцѣ мѣстные власти оказали мнѣ самое утонченное вниманіе и были предупредительны безъ низкопоклонства. Комендантъ крѣпости генераль-маіоръ Мюффлингъ, бывшій въ послѣднюю кампанію подъ моимъ начальствомъ, командуя въ то время вторымъ гвардейскимъ полкомъ, съ которымъ я имѣлъ случай бесѣдовать, между прочимъ, объ организаціи прусскаго войска, говорилъ мнѣ, со слезами на глазахъ, что ежели Пруссія будетъ упорствовать на своей системѣ трехгодичной службы, то у нея скоро не будетъ арміи; лучшіе офицеры, измученные каторжной работой, которую они несутъ безъ отдыха и безъ всякой видимой пользы, выходятъ въ отставку; въ арміи не успѣваютъ образовывать унтеръ-офицеровъ; ни одинъ солдатъ, отслуживъ въ пѣхотѣ положенные три года, не остается на вторичный срокъ. Дѣло дошло до того, что въ двухъ полкахъ, несущихъ гарнизонную службу, въ Майнцѣ, не хватаетъ по 86 унтеръ-офицеровъ въ полку и ихъ не откуда взять“.

Изъ Майнца Великій Князь продолжалъ путь черезъ Франкфуртъ на Майнъ, Фульду и Гессенскія владѣнія; тутъ его поразила нена-

висть, съ какою населеніе относилось къ курфюрсту, который обременялъ своихъ несчастныхъ подданныхъ всевозможными налогами и поборами.

„Объ этомъ говорятъ рѣшительно всѣ“, отмѣчаетъ Великій Князь, даже когда объ этомъ не спрашиваешь. Впрочемъ, прибавляетъ онъ, „курфюрсть, кажется, не заблуждается на счетъ тѣхъ чувствъ, которыя онъ внушаетъ, ибо онъ никогда не выѣзжаетъ иначе, какъ въ сопровожденіи отряда жандармовъ. Двое жандармовъ сидятъ на козлахъ его кареты, двое стоятъ на запяткахъ и по одному у дверей экипажа. Всѣ они вооружены и держатъ наготовѣ ружья.

Герцогство Гота пользуется благосостояніемъ; жители благословляютъ свое правительство и живутъ въ довольствѣ. Царствующій герцогъ страдаетъ надучей болѣзнью, и такъ какъ онъ временами теряетъ способность говорить, то онъ не принимаетъ никакого участія въ управленіи. Фактически управляетъ регентство, въ составъ котораго входятъ представители главныхъ семей; такимъ образомъ это почти республика. „Недовольные“ дѣлаютъ изъ этого выводъ въ пользу проповѣдуемыхъ ими принциповъ.

„Видите, говорятъ они, мы можемъ обойтись безъ вашихъ деспотовъ; самыя счастливыя страны тѣ, гдѣ ихъ нѣтъ“.

Еще до пріѣзда въ Эрфуртъ, мнѣ было извѣстно объ арестѣ маіора Ферентейля, пруссака, начальника инженеровъ этой крѣпости. Меня посѣтилъ генераль Лебель, исполняющій должность коменданта въ отсутствіи генерала Янова, вызваннаго въ Берлинъ; говоря со мною объ этомъ происшествіи, онъ выразилъ опасеніе что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны многіе офицеры, присовокупивъ, что зловредныя доктрины распространяются быстро, и что съ ними слѣдуетъ бороться, пока не поздно.

Злонамѣренныя люди довольно удачно избрали Эрфуртъ центромъ для своей агитаціи. Этотъ городъ, находясь въ центрѣ германскаго союза, близъ Тюрингенскаго лѣса, подлѣ владѣній наиболѣе слабыхъ принцевъ, дѣйствительно болѣе всего подходитъ для этой роли.

Герцогство Веймарское показалось мнѣ чрезвычайно унылымъ, хотя я не могу сказать опредѣленно, что именно вызываетъ это впечатлѣніе. Я замѣтилъ съ прискорбіемъ, что при дворѣ только и говорили о событіи, случившемся въ Кобургѣ, которое давало поводъ къ крайне дурного тона шуткамъ относительно царствующаго тамъ дома. Объ этомъ прискорбномъ событіи говорили съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, какъ о какомъ-то торжествѣ, по поводу котораго надобно радоваться, не думая о томъ, что въ наше время нѣмецкимъ принцамъ болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдовало бы внушать подданнымъ уваженіе къ себѣ и преданность, которыя осно-

вывались бы на ихъ личныхъ качествахъ, а не на вынужденномъ проявленіи внѣшняго повиновенія и подчиненія. Предаваясь исключительно самымъ легкомысленнымъ забавамъ, каковы охота и музыка, или постыднымъ слабостямъ, имъ не удастся долго сохранить власть, которую, при современныхъ взглядахъ и всеобщей нелюбви къ нимъ, они могутъ постепенно утратить“.

Наблюденія, сдѣланныя Великимъ Княземъ въ Лейпцигѣ, еще болѣе убѣдили его въ томъ, что ненависть народа къ германскимъ принцамъ была очень сильна.

„Особенной ненавистью пользуются гессенскіе принцы, нишеть онъ, изъ коихъ одного, курфюрста, ненавидятъ за строгость и произволь, а другого, великаго герцога Дармштадтскаго, за неиростительную безпечность; онъ бросаетъ, напр., государственныя дѣла, чтобы присутствовать на спектаклѣ, или чтобы дирижировать своимъ опернымъ оркестромъ, или ради какихъ-либо иныхъ, столь же легкомысленныхъ занятій, несомѣстимыхъ съ достоинствомъ и заботами правителя. Все, что говорилось по этому поводу во всеуслышаніе и за табльдотомъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Нѣкоторыя лица, выдавшія меня поутру, узнавъ меня, говорили: этотъ князь доступенъ, онъ говоритъ со всѣми, вездѣ бываетъ, появляется на улицахъ, и никому не придетъ въ голову отнестись къ нему съ неуваженіемъ, но если бы одинъ изъ гессенскихъ принцевъ вздумалъ появиться такъ, то ему плюнули бы въ лицо.

Что касается настроенія общества по отношенію къ Пруссіи, которое я подмѣтилъ въ Кобленцѣ и другихъ мѣстахъ, то надобно сказать, что среди жителей Прирейнскихъ и Приэльбскихъ провинцій замѣтно сильное нерасположеніе къ прусскому правительству: одни сожальютъ о французскомъ управленіи, потому что, будучи причислены къ обширному и могущественному государству, они составляли одну компактную массу, пользовались всѣми его преимуществами и его превосходствомъ, тогда какъ въ настоящее время они представляютъ изъ себя лишь разрозненныя частыцы государства, менѣе могущественнаго и, слѣдовательно, болѣе бѣднаго; другіе не могутъ утѣшиться по поводу того, что они отторгнуты отъ Саксоніи и отъ отеческаго, мудраго и кроткаго управленія короля и подпали подъ иго тяжелой фискальной администраціи“.

Въ Лейпцигѣ великій князь осмотрѣлъ историческое поле битвы, гдѣ и въ то время исчезли уже всѣ слѣды бывшаго тутъ сраженія народовъ; изъ-за пашней и домовъ, которые появились на бывшемъ полѣ битвы, трудно было ориентироваться; нѣсколько ядеръ, оставленныхъ нарочно въ возстановленныхъ стѣнахъ, были единственными свидѣте-

лями историческаго событія, и говорили о бѣдствіяхъ, причиненномъ кровопролитнѣйшимъ изъ сраженій.

Въ Дрезденѣ, при дворѣ престарѣлаго Фридриха Августа, великому князю былъ оказанъ самый радушный любезный пріемъ.

„Король—истинный патріархъ своей семьи, пишетъ Константинъ Павловичъ; это олицетвореніе всѣхъ личныхъ и общественныхъ добродѣтелей, которыя могутъ сдѣлать честь человѣку и монарху. Во время моего пребыванія въ Дрезденѣ, самое изысканное вниманіе ко мнѣ и любезность со стороны короля и всего его семейства не прерывались ни на минуту. Я не рассчитывалъ видѣть Кенигштейнъ и даже не хотѣлъ просить на то позволенія, зная, что доступъ въ крѣпость строго воспрещенъ и что когда, въ прошломъ году, принцъ Вильгельмъ прусскій, сынъ короля, выразилъ желаніе осмотрѣть ее, то ему было въ этомъ отказано. Но король былъ такъ добръ, что самъ предложилъ мнѣ поѣхать туда, на что я согласился съ признательностью. Онъ прислалъ мнѣ придворныхъ лошадей, и военный министръ, генералъ Цехау, самымъ подробнымъ образомъ показалъ мнѣ все, что я выразилъ желаніе осмотрѣть. Я видѣлъ прекрасныя укрѣпленія и все, что природа и искусство, вмѣстѣ взятыя, могутъ представить въ этомъ отношеніи самаго замѣчательнаго.

Вскорѣ пріѣхалъ ко мнѣ въ Дрезденъ великій князь Николай Павловичъ. При дворѣ ему было оказано такое же вниманіе, какъ и мнѣ. Узнавъ, что онъ начальникъ корпуса инженеровъ, король предложилъ и ему осмотрѣть Кенигштейнъ и при этомъ сказалъ мнѣ:

„Такъ какъ вы уже видѣли крѣпость, и такъ какъ мои лѣта не позволяютъ мнѣ ѣхать туда, то я прошу васъ показать ее Его Императорскому Высочеству“.

Пріѣхавъ въ Кенигштейнъ, мы уже застали тамъ принцевъ Фридриха и Іоанна, которые насъ ожидали, чтобы принять насъ. Съ ними былъ и принцъ Леопольдъ Кобургскій.

Мнѣ остается еще изложить свои наблюденія относительно нѣмецкихъ студентовъ.

Во-первыхъ, надобно замѣтить, что за исключеніемъ Бреславля, я встрѣтилъ, во время моей поѣздки, не болѣе тридцати человѣкъ въ нѣмецкомъ платьѣ, какъ это бывало вездѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Всѣ студенты, коихъ я встрѣтилъ, были очень вѣжливы и почтительны; они сторонились, чтобы дать мнѣ дорогу, и поспѣшно снимали свои шапочки или шляпы. При выѣздѣ моемъ изъ Кобленца, когда я ѣхалъ въ коляскѣ со своимъ адъютантомъ въ полной парадной формѣ, при эполетахъ, трое студентовъ, одѣтыхъ въ нѣмецкое платье, выстроились даже въ рядъ по шоссе и поклонились

мнѣ самымъ вѣжливымъ образомъ; само собою разумѣется, я отдалъ имъ поклонъ. Я слышалъ, что студенты Галле, Іены, Геттингена и Лейпцига условились повиноваться какому-то лозунгу, который повелѣваетъ имъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ держаться однообразнаго поведенія и языка. Я никакъ не могъ узнать, откуда именно исходятъ эти дневные приказы, и гдѣ помѣщается тотъ главный штабъ, откуда они исходятъ; несомнѣнно однако, что онъ существуетъ. Я слышалъ, что изъ этого источника имъ было предписано оказывать мнѣ, во всѣхъ случаяхъ, полное уваженіе.

Въ Бреславлѣ на улицѣ можно видѣть самые экстраординарные костюмы. Я имѣлъ случай наблюдать это въ особенности въ мой предъидущій проѣздъ черезъ этотъ городъ, который совпалъ съ празднованіемъ тезоименитства короля прусскаго, 3 августа н. ст. По случаю этого торжества, улицы были болѣе оживлены, чѣмъ обыкновенно. Помимо нѣмецкаго платья, студенты придумали другое одѣяніе, еще болѣе смѣшное, на подобіе греческаго; они называютъ тѣхъ, кто носитъ этотъ костюмъ, „Колокотрони“. Манеры ихъ отличаются величайшей непочтительностью или, я сказалъ бы, дерзостью.

Въ Бреславлѣ я былъ пораженъ и опечаленъ при видѣ военныхъ. Офицеры одѣты съ величайшей небрежностью, ходятъ по улицѣ въ разстегнутомъ мундирѣ или сюртукѣ, безъ эполетъ и зачастую даже безъ шпаги; солдаты, по примѣру начальства, также не соблюдаютъ приказа. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что рядовые и офицеры почтительны и вѣжливы въ отношеніи постороннихъ. Что касается ученья, то прискорбно видѣть, что оно совершается самымъ небрежнымъ образомъ“.

Во время пребыванія Великаго Князя Константина Павловича въ Дрезденѣ тамъ былъ арестованъ извѣстный французскій философъ и ученый, Кузенъ, совершавшій путешествіе по Германіи, которое окончилось для него столь печально. Онъ былъ заподозрѣнъ въ принадлежности къ партіи карбонаріевъ, былъ арестованъ прусскимъ правительствомъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ полгода и былъ освобожденъ только по ходатайству Гегеля.

Въ запискѣ Великаго Князя находимъ нѣкоторыя подробности, касающіяся ареста этого ученаго.

„За нѣсколько дней до моего отъѣзда въ Варшаву, куда я отправился на свиданіе съ Великимъ Княземъ Михаиломъ, прусскій посланникъ при дрезденскомъ дворѣ, Іорданъ, явился ко мнѣ и сообщилъ, что, въ виду отсутствія русскаго посланника Ханькова, (который отправился въ Лейпцигъ, чтобы присутствовать при проѣздѣ Великой Княгини Маріи Павловны), онъ счелъ долгомъ довести до моего свѣдѣнія о приказѣ, имъ полученномъ отъ своего

правительства, коимъ ему повелѣвалось просить у саксонскаго правительства разрѣшеніе арестовать и выслать нѣкоего Кузена, по происхожденію француза, писателя, проживающаго въ Дрезденѣ и скомпрометтированнаго показаніями нѣкоего Витта, содержащагося подъ арестомъ по приказанію графа Бернсдорфа. Мнѣ были сообщены, въ свое время, первоначальныя показанія этого Витта, но я не могъ припомнить, находилось ли имя Кузена въ числѣ тѣхъ лицъ, на которыхъ онъ доносилъ. Г. Гюрданъ сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ привести въ исполненіе приказаніе своего правительства и счелъ долгомъ довести о томъ до моего свѣдѣнія; я поблагодарилъ его за этотъ знакъ довѣрія, вполне соответствующій, впрочемъ, характеру отношеній, установившихся между обоими правительствами.

Желая разузнать, что за человекъ этотъ Кузенъ, я поручилъ прослѣдить за нимъ одному лицу, который нашелъ случай вступить съ нимъ въ разговоръ.

Мнѣ было извѣстно, что г. Кузенъ пріѣхалъ въ Дрезденъ съ молодыми Монтебелло¹⁾, изъ коихъ старшій считается женихомъ дѣвницы Жеребцовой, внучки князя Лопухина, которая также пріѣхала недавно въ Дрезденъ со своей матерью. Поэтому, г. Кузенъ былъ у всѣхъ на виду, и его часто можно было встрѣтить въ обществѣ и въ публичныхъ мѣстахъ, и моему довѣренному лицу нетрудно было познакомиться съ нимъ. Между ними завязался разговоръ, и они условились однажды отправиться на прогулку въ долину, находящуюся въ разстояніи одной версты отъ Дрездена, чтобы побесѣдовать тамъ на свободѣ.

Поговоривъ о томъ, о семъ, они завели рѣчь о политикѣ и о современномъ положеніи Германіи.

— Я не занимаюсь болѣе политикой, сказалъ Кузенъ: я усталъ, но я долженъ сознаться, что Германія находится въ самомъ жалкомъ состояніи; это—испорченная машина, которая не можетъ долѣе дѣйствовать; посмотрите—какіе монархи управляютъ ею.

— Но, замѣтилъ его собесѣдникъ, Саксонія управляется превосходно.

— Да, отвѣчалъ Кузенъ, Саксонія пользуется нѣкоторымъ благосостояніемъ: король управляетъ ею мудро, какъ отецъ, но онъ стоитъ уже одной ногой въ могилѣ и не можетъ долго царствовать; въ общемъ, Германія напоминаетъ поношенное платье, требующее починки.

¹⁾ Послѣ 1820 г., когда катедра философіи въ Сорбоннѣ, которую занималъ Кузенъ, была упразднена, онъ вынужденъ былъ принять должность наставника у герцога Монтебелло.

— Вы готовы сравнить ее съ ветошью, сказалъ его собесѣдникъ.

— Что дѣлать, возразилъ Кузенъ: приходится довольствоваться ветошью, когда не имѣешь новаго; только одинъ монархъ можетъ выполнить дѣло крупной реформы,—это король Виртембергскій, на него можно было бы положиться.

Вотъ, приблизительно, все, что было сказано интереснаго во время этой бесѣды; вскорѣ послѣ этого г. Кузенъ былъ арестованъ.

По возвращеніи моемъ изъ Варшавы, я узналъ, къ величайшему моему изумленію, что арестъ г. Кузена вызвалъ въ средѣ самого прусскаго правительства нѣкоторое разногласіе.

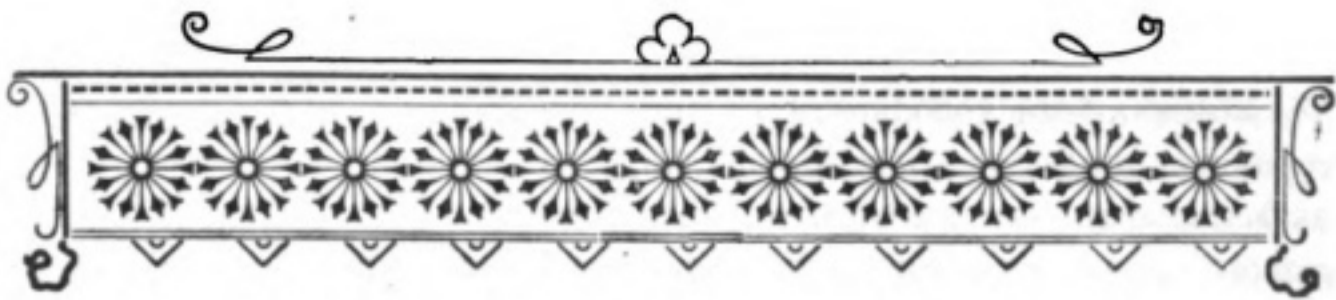
Оказывается, приказъ объ арестѣ г. Кузена былъ данъ Іордану Шукманомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, безъ вѣдома Ансильона, временно управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, который былъ этимъ обиженъ и сдѣлалъ Іордану запросъ, по чьему приказанію это было сдѣлано. Послѣдній сослался на министра внутреннихъ дѣлъ, который въ свою очередь долго не давалъ отвѣта министерству иностранныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, прусскій посланникъ получилъ также запросы и указанія отъ г. Камца, начальника полиціи, и отъ князя Витгенштейна, управляющаго королевской главной квартирой; слѣдовательно, въ это дѣло вмѣшивались и имъ руководили, безъ сомнѣнія сообразно со своими собственными взглядами, четыре лица, находившіеся въ Берлинѣ.

„Ваше Императорское Величество усмотрите въ этомъ обстоятельствѣ новое доказательство царствующаго въ прусскомъ министерствѣ отсутствія единства, благодаря чему ни одно, сколько-нибудь важное дѣло не рѣшается тамъ быстро и однообразно.

„Таковы, Государь, въ точности наблюденія, сдѣланныя мною во время моего пребыванія въ Германіи, и которыя я повергаю къ стопамъ Вашего Величества; быть можетъ, они привлекутъ на минуту вниманіе Ваше и будутъ приняты съ тою снисходительностью, къ которой Ваше Величество меня пріучили“.

В. Тимошукъ.

Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Гэнбюри Уилльямса, какъ историческій памятникъ.

О времени вестминстерскаго договора, Франція, видя, что ея вѣковой врагъ, Англія, усилилась благодаря союзу съ Пруссіей, поспѣшила заключить союзъ съ врагомъ послѣдней державы, съ Австріей. Правительство же этого государства, желая заручиться содѣйствіемъ Россіи въ борьбѣ съ Фридрихомъ II, поручило своему послу въ Петербургъ добиться отъ русскаго двора возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Франціей, которыя были прерваны въ 1744 г. высылкой изъ Россіи маркиза Шетарди. Сама императрица и приближенные къ ней сановники, исключая канцлера Бестужева-Рюмина, были склонны обмѣняться съ Франціей послами. Во главѣ этой придворной группы стояли фаворитъ императрицы, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, и его братъ Петръ. Для Уилльямса было желательно помѣшатель этому обмѣну послами, и орудіемъ къ выполнению этой цѣли онъ избралъ великую княгиню. Выборъ оказался довольно удачнымъ. Для Екатерины Алексѣевны пріѣздъ французскаго посла былъ непріятенъ уже потому, что этого желали Шуваловы. Послѣдніе, являясь ближайшими къ императрицѣ лицами, игнорировали малый, велико-княжескій дворъ. Но ко времени разсматриваемой нами переписки, когда, какъ мы указывали, Елисавета Петровна серьезно занемогла, они начали искать сближенія съ великой княгиней. Это и не удивительно. Со смертью Елисаветы имъ грозила немилость молодого двора, который естественно считалъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1910 г.

ихъ виновниками холодности къ нему императрицы, и они заранѣе старались предотвратить эту опасность.

О попыткѣ къ примиренію мы узнаемъ изъ перваго письма великой княгини. Орудіемъ Шуваловыхъ въ достиженіи этой цѣли были кн. Трубецкой и И. И. Бецкій.

Характернымъ для Екатерины является та осторожность, съ которой она реагировала на эти шаги къ сближенію. „Я дамъ знать П. (Петру Шувалову), заявила она Трубецкому, о томъ, что вы говорили со мною... Онъ знаетъ мое всегдашнее уваженіе къ вамъ; онъ не преминетъ подумать, что вы подѣйствовали на меня; я этимъ достигну двухъ цѣлей: я окажу услугу вамъ и себѣ“ ¹⁾. Когда же эта попытка была повторена другимъ лицомъ, племянникомъ Трубецкого, Ив. Бецкимъ, то Екатерина Алексѣевна, понявъ, что, съ привлеченіемъ на свою сторону Шуваловыхъ, она будетъ имѣть болѣе данныхъ на успѣхъ при замѣщеніи престола, заявила ему слѣдующее: „я бы желалъ, чтобы... (И. И. Шуваловъ), спрашивая меня и слѣдуя моимъ совѣтамъ, мнѣ помогаль во всемъ, и что... услуги (Шуваловыхъ) обезпечили бы имъ будущее“ ²⁾.

Такой оборотъ дѣла не могъ доставить удовольствія английскому послу. Со сближеніемъ великой княгини съ Шуваловыми, ему пришлось бы отказаться отъ мысли заручиться ея симпатіями въ пользу Пруссіи, и онъ въ своемъ отвѣтѣ не стѣсняется въ выраженіяхъ, чтобы очернить въ глазахъ великой княгини, какъ Шуваловыхъ, такъ и Бецкаго. А затѣмъ добавляетъ: „По дѣлу Бецкаго мой совѣтъ вамъ оставаться спокойнымъ, допускать ихъ къ себѣ, но не давать имъ положительнаго отвѣта“ ³⁾. Въ концѣ же письма онъ старается какъ бы отклонить великую княгиню отъ подозрѣнія, что онъ такъ ратуетъ за нее преимущественно изъ своихъ интересовъ. „Послѣ резолюціи конференціи ⁴⁾, пишетъ онъ, состоявшейся въ пятницу, пріѣздъ французскаго посла къ этому двору не нанесетъ мнѣ никакого вреда, но я всегда боюсь за васъ, и его пріѣздъ—самое пагубное дѣло для васъ. Подумайте надъ этимъ и пришлите мнѣ ваши размышленія, а я вамъ перешлю свои на счетъ способа защищаться отъ удара“ ⁵⁾. Далѣе въ письмѣ отъ 9 августа онъ объясняетъ, почему этотъ пріѣздъ опасенъ для

¹⁾ Переписка, стр. 5.

²⁾ Тамъ же, стр. 6.

³⁾ Тамъ же, стр. 11.

⁴⁾ На этой конференціи, какъ раньше сообщала Уилльямсу Екатерина Алексѣевна, было постановлено обезпечить Ганноверъ.

⁵⁾ Переписка, стр. 13.

великой княгини. „Дѣло о французскомъ посольствѣ, извѣщаетъ онъ, совершенно рѣшено. Во время разговора сегодня утромъ съ моимъ лучшимъ другомъ, котораго я имѣю здѣсь, онъ внезапно воскликнулъ: „ахъ, какъ я жалѣю ихъ императорскія высочества! прїѣздъ посла будетъ ихъ гибелью“... Я очень просилъ его объясниться по этому поводу, но онъ мнѣ сказалъ, что одни слѣпые не видятъ причинъ, а когда Франція и Австрія соединятся, то онѣ распорядятся наслѣдствомъ по своему усмотрѣнію. Въ концѣ концовъ онъ мнѣ сказалъ: „Я знаю, что вы имѣете привязанность къ ихъ высочествамъ, предупредите ихъ въ-время, скажите, чтобъ они уговорили всѣхъ своихъ друзей для отвращенія удара; я знаю эту страну, я видѣлъ всѣ интриги Рабутина и Шетарди... Одни недоброжелатели могутъ предложить или одобрить такой проектъ, пусть она постарается привлечь къ себѣ Ивана Ивановича и наконецъ перевернетъ все вверхъ дномъ, къ тому, чтобы отвратить этотъ ударъ“. Но затѣмъ черезъ три-четыре строки, перейдя къ вопросу, въ которомъ онъ заинтересованъ, какъ англійскій посолъ, къ вопросу о защитѣ Ганновера, онъ обнаруживаетъ и свои личныя опасенія. „Какъ это могли вамъ сказать, спрашиваетъ онъ, что хотѣли обезпечить Ганноверъ. Я знаю ихъ планъ (и это планъ великаго канцлера); онъ заключается въ томъ, чтобъ предложить новые переговоры съ цѣлью ихъ затянуть и выиграть время до прїѣзда французскаго посла къ этому двору, не обѣщая англійскому королю никакой помощи, ни даже добраго расположенія со стороны Россіи. Съ моей стороны, милостивый государь, я такъ убѣжденъ въ вѣрности только что сказаннаго мною, что безусловно необходимо перемѣнить мои батареи. Я прошу у васъ вашихъ знаній, вашихъ совѣтовъ и вашего содѣйствія. Я ихъ прошу у васъ на колѣняхъ. Мнѣ нужны новые друзья. Укажите мнѣ ихъ; и я очень опасаюсь, чтобы и вамъ они не были также нужны, такъ какъ канцлеръ уже въ рукахъ Австріи и Франціи, я очень боюсь, чтобы онъ не пошелъ еще далѣе“¹⁾.

Построивъ въ своемъ воображеніи, подъ впечатлѣніемъ бесѣды съ Вольфомъ²⁾, картину опасности, будто бы грозящей ему съ прїѣздомъ французскаго посла, Уильямсъ вполне поддается своей фантазіи, какъ будто чему-то дѣйствительному и просто мечется, ища спасенія. Но вотъ онъ вспомнилъ, что Бецкій заявилъ великой княгинѣ отъ имени Шуваловыхъ, какъ она писала, что они будутъ слушаться ея „совѣтовъ во всемъ, что представится“³⁾, и онъ

¹⁾ Переписка, стр. 24.

²⁾ Великобританскій консулъ.

³⁾ Переписка, стр. 14.

пишетъ къ ней: „Скажите мнѣ откровенно, думаете ли вы, что послѣднее посланіе, принесенное вамъ Бецкимъ, достовѣрно, и что Иванъ Ивановичъ дѣйствительно готовъ вамъ доказать, что онъ желаетъ заслужить вашихъ милостей. Если вы полагаете дѣло возможнымъ, велите ему сказать, что въ доказательство своей привязанности онъ помѣшалъ бы прїѣзду французскаго посла, прибавьте, что въ этомъ заключается самое большое сокровенное желаніе великаго князя, и что онъ будетъ очень признателенъ тому, кто ему поможетъ отпарировать этотъ ударъ. Но я предоставляю все вашему сужденію. Умоляю васъ отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе. Отъ васъ одного я ожидаю помощи и утѣшенія“ ¹⁾. И Екатерина, несмотря на то, что была вдвое моложе этого уже потершагося въ общественной жизни и политическихъ сношеніяхъ дипломата, не поддавалась надеждамъ Уилльямса на Шуваловыхъ. Еще ранѣе, сообщая отвѣтъ Шуваловыхъ, она прибавила: „Вотъ слова, сказанныя на вѣтеръ!“ ²⁾ Теперь же она заявила Уилльямсу, что И. И. Шуваловъ слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ дѣйствіяхъ, „чтобъ отступить, и дать отвѣтъ, что такова воля императрицы, что онъ самъ ничего не можетъ сдѣлать“ ³⁾.

Только въ угоду Уилльямсу она отправила къ И. Шувалову Нарышкина съ предложеннымъ англійскимъ посломъ порученіемъ. И, дѣйствительно, отвѣтъ Шувалова былъ въ предполагаемомъ Екатериной духѣ, что видно изъ ея словъ: „Иванъ Ивановичъ... сказалъ, что уже было слишкомъ поздно, и что если бы онъ зналъ, насколько это не нравилось мнѣ, нога Дугласа ⁴⁾ никогда бы не переступила порога его дома“ ⁵⁾.

Сама Екатерина допускала, что Шуваловы „поступали самымъ искреннимъ образомъ подъ страхомъ болѣзненнаго состоянія императрицы“ ⁶⁾. Дѣйствительно, они, какъ и многіе другіе, предполагали скорый конецъ Елисаветы Петровны. Поэтому, давая обѣщанія женѣ наслѣдника престола, они, можетъ быть, были даже увѣрены, что исполнять ихъ, такъ какъ съ восшествіемъ на престолъ Петра Федоровича, его воля и воля его супруги были бы для нихъ закономъ, если бы они не хотѣли попасть въ опалу.

¹⁾ Переписка, стр. 24—25.

²⁾ Тамъ же, стр. 14.

³⁾ Тамъ же, стр. 27.

⁴⁾ Агентъ французскаго короля въ Петербургѣ.

⁵⁾ Переписка, стр. 37—38.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 27.

Теперь же, когда Елисавета Петровна была еще жива, они не могли дѣйствовать въ разрѣзъ съ обычной своей политикой.

Добившись довѣрія великой княгини, которое явствовало уже изъ того, что она обращалась къ нему за совѣтами, Уилльямсъ все-таки не былъ доволенъ. Ему хотѣлось письменныхъ доказательствъ его значенія въ глазахъ Екатерины. И вотъ онъ, высказывая безпокойство, что великій канцлеръ можетъ подумать, что вниманіе къ нему Екатерины Алексѣвны основывалось на ея склонности къ Понятовскому, пишетъ, послѣ цѣлаго ряда увѣреній въ привязанности, великой княгини: „Прошу васъ дать почувствовать великому канцлеру, что любезности, которыя вы мнѣ оказываете, и покровительство, которое вы проявляете ко мнѣ, будутъ продолжены въ угоду мнѣ, а не въ виду какого-либо иного соображенія“¹⁾. И великая княгиня, снисходя къ его слабости, заявляетъ въ ближайшемъ письмѣ: „Совершенно достоверно, что съ того момента, какъ имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться, я испытывалъ къ вамъ уваженіе самое отличное и независимое отъ всякаго другого, такъ какъ послѣднее чувство (къ Понятовскому) возникло лишь 7 мѣсяцевъ спустя“²⁾.

Послѣ этого Уилльямсъ какъ бы оправдывается въ своей мелочности: „Я думаю, пишетъ онъ, что великій канцлеръ могъ почувствовать нѣкоторую ревность ко мнѣ. Я думаю, что онъ чувствуетъ ее еще, такъ какъ вчера онъ прислалъ Вольфа просить меня написать ему записку, въ которой я долженъ былъ сказать, что все совершенное мною въ вашемъ дѣлѣ (здѣсь имѣется въ виду заемъ у англійскаго правительства) исполнено исключительно по его просьбѣ. И, вѣроятно, онъ хочетъ вамъ переслать эту записку“³⁾.

Послѣ вышеприведенныхъ заявленій Екатерины, Уилльямсъ довольно смѣло начинаетъ мечтать о той роли, которую онъ будетъ играть по ея воцареніи: „Когда вы будете на вашемъ мѣстѣ, на этомъ тронѣ, если меня не будетъ здѣсь, я тотчасъ приѣду. Я бы желалъ, чтобы вы просили у моего государя меня въ качествѣ англійскаго министра при васъ..... Я бы желалъ имѣть доступъ къ вамъ и пользоваться вашими часами досуга, такъ какъ я бы всегда предпочелъ Екатерину императрицѣ. Я бы просилъ васъ пожаловать мнѣ голубую ленту, чтобы украситься кускомъ вашей ливреи, и вашъ портретъ, который я бы носилъ всю мою жизнь“...⁴⁾.

Изъ этого мы видимъ, каковы были честолюбивые замыслы

¹⁾ Переписка, стр. 69.

²⁾ Тамъ же, стр. 70.

³⁾ Тамъ же, стр. 86.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 81.

англійскаго посла. Но онъ заботился не только о своихъ интересахъ, но, какъ мы уже упомянули, и объ интересахъ своего отечества и короля прусскаго. Съ этой цѣлью онъ постарался заинтересовать великую княгиню политикой. Для этого онъ знакомилъ ее съ ходомъ событій въ Западной Европѣ предъ семилѣтней войной, выставляя Фридриха II доброжелателемъ Россіи. Но этимъ не ограничивалось дѣло.

Прививъ Екатеринѣ симпатіи къ Англіи и отчасти къ Пруссіи, онъ пользовался ею для того, чтобы вывѣдать тайную дипломатическую переписку русскаго двора съ враждебными Англіи и Пруссіи государствами. Такъ, въ его письмѣ отъ 22 сентября мы читаемъ: „Канцлеръ обѣщаль вамъ бумаги касательно г. де-Лопиталья. Если бы вы могли видѣть тѣ инструкціи, которыя даются здѣсь графу Бестужеву, вы бы сдѣлали мнѣ удовольствіе“ ¹⁾. Далѣе, 28 августа Уилльямсъ писалъ: „Онъ (канцлеръ) сказалъ, что послалъ вамъ всѣ переговоры съ Франціей; я надѣюсь и льщу себя, что получу нѣкоторые экстракты изъ нихъ“ ²⁾. И на слѣдующій день Екатерина пересылаетъ ему копіи съ этихъ дѣлъ, что видно изъ слѣдующей фразы: „Вотъ не экстрактъ, но копія еще неоконченная дѣлъ Дугласа, я думалъ, что эти удивительныя бумаги потеряли бы свою прелесть и достоинства, если бы я изъ нихъ дѣлалъ извлеченія“ ³⁾... Кромѣ того, изъ письма Екатерины отъ 21 августа мы видимъ, что она переслала Уилльямсу переводъ донесенія Обрескова, русскаго резидента въ Константинополь, о томъ впечатлѣніи, какое произвело на Порту сообщеніе о договорѣ, заключенномъ между Австріей и Франціей ⁴⁾. Для него же она обѣщаетъ перевести документъ по датскому дѣлу ⁵⁾.

Къ числу факторовъ, на которыхъ основывалась дѣятельность Екатерины Алексѣвны въ рассматриваемый періодъ, надо отнести и ея „благосклонность“ къ графу Понятовскому. Его вынужденный отъѣздъ былъ очень не по сердцу великой княгинѣ, и она примѣняла различные способы къ тому, чтобы добиться его возвращенія. На этомъ стремленіи преимущественно и построены ея отношенія къ канцлеру Бестужеву.

Теперь, переходя къ систематическому комбинированію почерпываемаго нами изъ этой переписки, мы считаемъ не лишнимъ предварительно обратить вниманіе на записку Уилльямса отъ 19 августа. Она начинается такими словами: „Только что я получилъ почту изъ Лондона; все, что вы предложили, разрѣшено съ большимъ удо-

¹⁾ Переписка, ст. 169.

²⁾ Тамъ же, стр. 96.

³⁾ Тамъ же, стр. 99.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 63.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 72.

вольствіемъ, и 40.000 руб. находятся въ вашихъ рукахъ и въ вашемъ распоряженіи“¹⁾). Ясно, что великая княгиня получила эту сумму отъ англійскаго правительства. Естественно возникаетъ вопросъ, на какихъ условіяхъ добыла она эти деньги. На это не даетъ намъ отвѣта остальная часть той же записки. Не разъясняетъ это окончательно и слѣдующее за запиской письмо Уилльямса. Въ немъ мы читаемъ: „Я препровождаю къ вамъ два извлеченія писемъ, которыя я получилъ вчера. Сперва его величество разрѣшилъ все, о чемъ вы просили въ вашемъ послѣднемъ секретномъ письмѣ отъ іюля“. Далѣе слѣдуютъ извлеченія изъ лондонскихъ депешъ, но для насъ интересно только первое изъ нихъ. „Вы вручите деньги ея императорскому высочеству, писали Уилльямсу изъ Англии, и взамѣнъ получите отъ нея обязательство сообразно съ тѣмъ, что она вамъ предложила. И вмѣстѣ съ тѣмъ король вамъ приказываетъ сказать великой княгинѣ, насколько онъ чувствителенъ ко всѣмъ свидѣтельствамъ дружбы, которыя онъ получаетъ отъ ея императорскаго высочества, и вы должны ее увѣрить отъ имени короля въ томъ, что онъ готовъ и всегда будетъ склоненъ ей давать доказательства своего довѣрія и своей привязанности“²⁾). Мы узнаемъ отсюда только то, что какая-то просьба великой княгини къ англійскому королю, съ которой связана присылка денегъ, была отправлена чрезъ Уилльямса незадолго до начала переписки.

Могущія возникнуть по этому случаю подозрѣнія относительно Екатерины Алексѣвны разсѣиваются, если мы обратимъ вниманіе на конецъ письма Уилльямса отъ 23 августа, гдѣ онъ говоритъ: „Вотъ образецъ росписки. Требуется прибавить число: „я получила изъ рукъ британскаго посла сумму въ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которую я обѣщаюсь возратить его величеству великобританскому королю, когда онъ ея отъ меня потребуетъ. Е.“³⁾).

Словомъ, Екатерина Алексѣвна получила указанную сумму займа. Въ подтвержденіе этого вывода можно сослаться на Бильбасова, который говоритъ, что Екатерина Алексѣвна, обрусѣвшая даже въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, часто нуждалась въ деньгахъ, несмотря на то, что ежегодно получала 30.000 рублей карманныхъ денегъ и прибѣгала къ займамъ, которые покрывала случайными денежными подарками⁴⁾). Онъ также указываетъ, что великая княгиня брала деньги займа и у англійскаго правительства, ссылаясь

¹⁾ Переписка, стр. 53.

²⁾ Тамъ же, стр. 56—57.

³⁾ Тамъ же, стр. 81.

⁴⁾ При рожденіи Павла Петровича она получила 100 тыс. руб.

на росписки, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ. Изъ переписки мы также видимъ, что великая княгиня собиралась чрезъ гетмана Разумовскаго взять денегъ взаймы у его брата, „но ложный стыдъ, какъ она сама заявила, взялъ верхъ, и о немъ (о займѣ) не было рѣчи“ ¹⁾.

Эта нужда въ деньгахъ, вѣроятно, также была одной изъ причинъ сближенія великой княгини съ англійскимъ посломъ.

Мы уже говорили о попыткѣ Шуваловыхъ къ примиренію съ великой княгиней и о томъ, какъ она отнеслась къ ней. Въ томъ же письмѣ, въ которомъ говорилось объ этомъ, великая княгиня сообщаетъ, что нѣкій Г., любимецъ П., т. е., какъ мы узнали изъ дальнѣйшей переписки, Глѣбовъ, любимецъ П. Шувалова, приславши ей обратно два письма ея къ его женѣ, присоединилъ къ этому записку, въ которой распространялся о своей привязанности къ великой княгинѣ, заявивъ, что всякій злой замыселъ Петра Шувалова не только не найдетъ въ немъ пособника, но послужитъ доказательствомъ его преданности ²⁾. Если мы прибавимъ къ этому выдержку изъ ея письма отъ 21 августа, то предъ нами откроется та картина интриги, которая окружала великую княгиню во время болѣзни императрицы. „Пріятель Глѣбова, сообщаетъ Екатерина Уилльямсу, прислалъ того же самаго человѣчка, который служитъ у перваго, но который весь преданъ мнѣ, настоятельно проситъ меня не видѣться съ Глѣбовымъ; этотъ человѣчекъ, по словамъ пріятеля послѣдняго, открылъ весь заговоръ, придуманный Шуваловымъ, къ которымъ онъ присоединилъ Апраксина, для того, чтобы Глѣбовъ вступилъ ко мнѣ въ милость. Онъ говоритъ, что они не пощадятъ ни денегъ, ни труда для успѣха этого дѣла и что если Глѣбовъ не подцѣпитъ меня (ne m'assoghe pas), они выберутъ другого, такъ какъ, будучи увѣрены въ великомъ князѣ и никогда не успѣвъ привлечь на свою сторону Салтыкова, ни въ настоящее время Нарышкина (гетманъ говорилъ, какое заблужденіе), они хотѣли ввести ко мнѣ кого-нибудь имъ преданнаго, не для того, чтобы властвовать черезъ меня, но меня этимъ погубить“ ³⁾.

Не имѣя возможности провѣрить, насколько соответствовали истинѣ сообщенія „человѣчка“, о которыхъ упоминаетъ Екатерина Алексѣевна, мы не можемъ не замѣтить, что придворные, какъ видно изъ выдержки, были далеко не высокаго мнѣнія о нравственности великой княгини, если Шуваловы думали, что она будетъ

¹⁾ Переписка, стр. 50.

²⁾ Тамъ же, стр. 7.

³⁾ Тамъ же, стр. 64.

благосклонна ко всякому вхожему въ ея покои красивому мужчинѣ. Впрочемъ, и сама великая княгиня была далеко не щепетильна, если не обошла въ своемъ письмѣ молчаніемъ, что Глѣбова прочать на ту же роль при ней, которую игралъ Салтыковъ и, какъ полагали, Нарышкинъ, что, впрочемъ, Екатерина опровергаетъ словами: „какая ошибка“!

Но и послѣ выясненія причины домогательствъ Глѣбова, мы не разъ встрѣчаемъ въ перепискѣ замѣчаніе, что Петръ Шуваловъ ищетъ случая переговорить съ великой княгиней, и въ письмѣ отъ 31 августа Екатерина Алексѣевна описываетъ самое свиданіе, на которомъ онъ высказывалъ увѣренія въ преданности, на что великая княгиня отвѣтила: „Мое благоволеніе не питается словами, но что я желаю дѣйствій несомнительныхъ для того, чтобы дать мою дружбу, но взаимнъ и я, когда хочу, служу вѣрно сообразно заслугамъ, и если вы намѣрены, какъ вы это утверждаете мнѣ, быть моимъ другомъ, то вы не раскаетесь въ томъ, насколько, по крайней мѣрѣ, это зависитъ отъ меня. Первымъ доказательствомъ этого служить то, что я не хочу, чтобъ отняли вашего брата у насъ“¹⁾. Въ послѣдней фразѣ имѣется въ виду Александръ Шуваловъ, гофмаршалъ велико-княжескаго двора, котораго, какъ сообщалъ по слухамъ Уилльямсъ, императрица думала замѣнить Чернышовымъ. Англійскій посолъ совѣтовалъ великой княгинѣ противодѣйствовать этому, такъ какъ „новые шпіоны спѣшатъ всегда чѣмъ-нибудь заслужить (поощренія) въ своемъ безстыдномъ промыслѣ, и предпочтительнѣе продолжать быть немного стѣсненнымъ, чѣмъ подвергнуться перемѣнѣ, не будучи увѣренъ въ улучшеніи своего положенія“²⁾..

Разбрасываясь въ своемъ стремленіи обезвредить на будущее время великую княгиню, Шуваловы были постоянны въ своей внѣшней политикѣ. Ближайшей ихъ цѣлью было возобновленіе дружескихъ сношеній Россіи съ Франціей. Хотя этотъ союзъ не соотвѣтствовалъ симпатіямъ великаго князя, явнаго поклонника Фридриха II, они не отказывались отъ осуществленія его. Какъ видно изъ переписки, Петръ Федоровичъ долго не соглашался подписать докладъ о необходимости обмѣна послами, и Шуваловы обратились къ великой княгинѣ съ просьбой убѣдить его не упрямиться. Но Екатерина, получивши передъ тѣмъ отъ Уилльямса предупрежденіе съ брошеннымъ какъ бы вскользь: „Вы не всегда бы должны угождать людямъ, которые ничего не дѣлаютъ для

¹⁾ Переписка, стр. 111.

²⁾ Тамъ же, стр. 52.

вась“¹⁾, совѣтовала великому князю стоять на своемъ. Хотя Петръ Ѳедоровичъ въ концѣ-концовъ сдался, но то, что Шуваловы и ихъ сторонники обращались за содѣйствіемъ къ Екатеринѣ, подбивало ее не только изъ своихъ покоевъ интересоваться политической жизнью, но даже играть въ ней роль, къ чему пытался привлечь ее Уилльямсъ, имѣя въ виду, конечно, что ея дѣятельность будетъ благопріятна для него. Послѣдній, замѣтивши въ своемъ письмѣ къ великой княгинѣ, что въ отвѣтѣ на посольство Нарышкина онъ видитъ, что Иванъ Шуваловъ уже поколебался въ своихъ французскихъ симпатіяхъ, и совѣтуя Екатеринѣ Алексѣевнѣ идти той же дорогой и поставить Шувалову на видъ, что ея расположеніе онъ можетъ пріобрѣсть только въ томъ случаѣ, если уменьшитъ свое усердіе къ Франціи, онъ добавляетъ: „Повѣрьте мнѣ, милостивый государь, вы не знаете своихъ собственныхъ силъ, такъ какъ изъ послѣднихъ придворныхъ интригъ, по случаю отказа великаго князя въ своей подписи, явствуется, что вы имѣете большое значеніе“²⁾.

Послѣ нѣкотораго перерыва попытки къ сближенію опять возобновились, но уже первый шагъ къ этому сдѣлала великая княгиня, побуждаемая Уилльямсомъ. Она завела разговоръ съ Александромъ Шуваловымъ и, воспользовавшись тѣмъ, что тотъ обвинялъ въ козняхъ противъ нея какъ бы канцлера, написала Ивану Ивановичу записку, въ которой заявляла, что порываетъ связь съ Бестужевымъ и готова принять услуги Шуваловыхъ“³⁾. Затѣмъ, какъ бы въ видѣ испытанія вѣрности Шуваловыхъ, она поручаетъ имъ помѣшать отъѣзду гетмана⁴⁾. Когда же она намѣревалась просить ихъ отказаться отъ возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Франціей и послала проектируемую записку къ Ивану Шувалову на разсмотрѣніе Уилльямса, то тотъ, забывая, что самъ же натолкнулъ великую княгиню на примиреніе съ Шуваловыми, заявилъ: „я вполне убѣжденъ, что эти люди никогда не окажутъ вамъ никакой существенной услуги“⁵⁾.

Дѣятельность Екатерины, какъ мы видѣли изъ равьше сдѣланныхъ нами выдержекъ, сосредоточивалась въ разсматриваемый нами періодъ на стремленіи удержать за собой или, вѣрнѣе, за Петромъ Ѳедоровичемъ императорскій престолъ послѣ смерти Елисаветы Петровны. Хотя великая княгиня, когда дѣло касалось

¹⁾ Переписка, стр. 16.

²⁾ Тамъ же, стр. 43.

³⁾ Тамъ же, стр. 269.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 273.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 285.

престолонаслѣдія, не упоминала о Петрѣ Ѳедоровичѣ, но изъ этого ни въ коемъ случаѣ нельзя заключить, что она уже тогда имѣла въ виду отстранить его отъ управленія государствомъ. Заботясь самолично о предотвращеніи обстоятельствъ, которыя бы препятствовали Петру Ѳедоровичу занять престолъ, она имѣла въ виду интересы великокняжескаго двора. Она не могла разсчитывать, чтобы Петръ Ѳедоровичъ могъ самъ защищать свое право на престолъ, и потому была насторожѣ, чтобы онъ не былъ обойденъ. Не упоминала же она о немъ потому, что была увѣрена, что онъ, тяготясь какимъ бы то ни было дѣломъ, будетъ императоромъ только по имени; фактической же правительницей будетъ она. Эту увѣренность поддерживалъ въ ней и Уилльямсъ, заявивъ, какъ мы уже упоминали, что для Петра Ѳедоровича достаточно завѣдыванія военными дѣлами страны. Кромѣ того, великій князь въ то время еще не проявлялъ недоброжелательства къ своей супругѣ, что начало обнаруживаться только съ 1758 г., со времени слѣдствія надъ Апраксинымъ и Бестужевымъ, и поэтому у нея не было повода считать его опаснымъ для себя. Она надѣялась, надо полагать, что съ его воцареніемъ власть перейдетъ къ ней по праву опекуна надъ неспособнымъ мужемъ и даже безъ всякаго противодѣйствія съ его стороны. Поэтому, вѣрнѣе сказать, что она охраняла не семейные интересы, а свои личные.

Какъ мы уже раньше видѣли изъ переписки, великой княгиней былъ составленъ планъ дѣйствій на случай смерти Елисаветы Петровны. Для выполненія его она привлекла на свою сторону нѣсколькихъ офицеровъ гвардіи и была даже увѣрена, что каждый изъ нихъ приведетъ въ случаѣ нужды полсотни солдатъ. Но этимъ не ограничились ея приготовленія къ пресѣченію могущаго обнаружиться заговора противъ наслѣдника престола.

Когда до нея дошли слухи, что малороссійскаго гетмана, гр. Кирилла Разумовскаго, предполагаютъ послать въ Украину, она заявила, что устроить такъ, „чтобъ говорили противъ этого предположенія“¹⁾. Ей было желательно удержать гетмана, какъ своего сторонника, въ Петербургѣ на случай смерти императрицы, такъ какъ онъ былъ командиромъ одного изъ гвардейскихъ полковъ. За это предположеніе говоритъ то, что Екатерина Алексѣевна справлялась у него, „ручается ли онъ за свой полкъ въ случаѣ необходимости“²⁾. Ему же она поручаетъ привлечь на ея сторону новыхъ лицъ. Такъ, изъ ея письма отъ 18 августа мы видимъ,

¹⁾ Переписка, стр. 22.

²⁾ Тамъ же, стр. 49.

что на свиданіи съ гетманомъ она просила его сказать князю Трубецкому, что такъ какъ онъ изъявилъ желаніе заслужить ея довѣріе, то пусть въ доказательство своего намѣренія не только предупреждаетъ ее о всемъ, что происходитъ въ конференціяхъ, но также и воспротивится всѣми возможными способами всякой связи съ Франціей. Гетманъ долженъ былъ и Бутурлину предложить противиться мѣропріятіямъ французской партіи¹⁾. Оба эти порученія были сдѣланы подъ вліяніемъ Уилльямса. Еще въ письмѣ отъ 10 августа онъ говорилъ: Князь Трубецкой, какъ мнѣ сказали, къ вамъ искренно привязанъ. Онъ членъ конференціи, и ваше приказаніе, данное гетману, сообщать въ точности все, что тамъ дѣлается, будетъ исполнено непосредственно Трубецкимъ. Это дастъ вамъ возможность слѣдить за всѣмъ, что происходитъ тамъ, и это, по-моему, вамъ было бы очень полезно“²⁾. Во время этого свиданія великая княгиня не забыла и своихъ ближайшихъ интересовъ. Тогда же она и справилась у гетмана относительно симпатій его полка и спросила, защитятъ ли ее гвардейцы на случай заговора Шуваловыхъ. Во время того же свиданія она просила, чтобы братъ гетмана, Алексѣй Разумовскій, „въ случаѣ предсмертной агоніи“ взялъ на себя охрану Павла Петровича и чтобы самъ гетманъ сошелся съ канцлеромъ, какъ съ искреннѣйшимъ ея приверженцемъ. Словомъ, Екатерина считала полезнымъ для себя присутствіе гетмана въ Петербургѣ, и поэтому, когда въ письмѣ отъ 30 августа Уилльямсъ сообщилъ ей, что императрица сказала Алексѣю Разумовскому³⁾, что обстоятельства требовали отъѣзда его брата въ Украйну, и самъ гетманъ подтвердилъ это, то она настоятельно приступила къ великому канцлеру съ требованіемъ, чтобы онъ препятствовалъ этому отъѣзду, что тотъ и обѣщаль, и даже убѣдила великаго князя не подписывать докладъ объ отъѣздѣ Разумовскаго, если будутъ этого требовать⁴⁾.

Что касается отношеній великой княгини къ канцлеру, то взаимное расположеніе, начавшееся еще съ 1752 г., продолжало сохраняться между ними и въ рассматриваемый періодъ. Это уже видно изъ того, что канцлеръ доводилъ до свѣдѣнія Екатерины рѣшенія конференціи по интересующимъ ее дѣламъ, присылалъ ей даже тайныя дипломатическія бумаги. Словомъ, онъ пользовался

¹⁾ Переписка, стр. 49.

²⁾ Тамъ же, стр. 32—33.

³⁾ Тамъ же, стр. 105.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 120.

разными случаями, чтобы заручиться ея довѣріемъ и имѣть въ ней поддержку противъ враждебной ему французской партіи, а также, чтобы обезпечить себѣ на случай вступленія на престолъ Петра Ѳедоровича, свою важную роль въ государственномъ механизмѣ. Въ лицѣ канцлера Екатерина видѣла дѣятельнаго пособника въ противодѣйствіи неблагопріятнымъ для нея планамъ французской партіи. На это указываетъ ея отвѣтъ на предложеніе Уилльямса замѣнить канцлера Шуваловыми. „Малое расположеніе, писала она, которое питаетъ канцлеръ къ Эстергази, вредъ, который послѣдній старается нанести ему, его гордый нравъ, его талантъ, его желаніе должностей, денегъ, почестей, служатъ препятствіями къ тому, чтобы я могъ полагать его связаннымъ, или въ рукахъ Франціи или Австріи за Францію. Я предоставляю вамъ рѣшить, можно ли его заподозрить въ этомъ, и обвиненіе его въ томъ, что великій князь не подписался по его винѣ, не служитъ къ этому доказательствомъ, почему я не нуждаюсь въ новыхъ друзьяхъ“¹⁾.

Въ разсматриваемый же періодъ великая княгиня старается добиться чрезъ канцлера возвращенія Понятовскаго и уже въ письмѣ отъ 4 сентября сообщаетъ Уилльямсу, что отправила канцлеру записку съ просьбой побудить польское правительство, чтобы оно назначило гр. Понятовскаго посломъ при русскомъ дворѣ²⁾. Но еще до этого, какъ видно изъ письма Уилльямса отъ 6 сентября, Екатерина Алексѣвна посвятила канцлера въ тайну переписки съ Понятовскимъ и даже поручала ему пересылать свои письма въ Польшу. Но Бестужевъ завидовалъ, какъ подозрѣвалъ англійскій посоль, бывшему положенію Понятовскаго при маломъ дворѣ и былъ очень радъ его отъѣзду, надѣясь, что со временемъ страсть великой княгини уляжется, и ему удастся пріобрѣсть безраздѣльное вліяніе на нее. Поэтому, переславъ Понятовскому одно письмо Екатерины, онъ отказывался подъ разными предлогами отъ посылки другихъ и даже совѣтовалъ Уилльямсу дать Понятовскому знать, что онъ не можетъ рассчитывать на возвращеніе въ Россію³⁾. Но англійскій посоль въ слѣдующемъ же письмѣ совѣтуетъ великой княгинѣ „понукавъ“ канцлера, заявляя, что возвращеніе Понятовскаго только тогда будетъ безопасно для него, когда оно будетъ устроено самимъ канцлеромъ⁴⁾. И Екатерина готова была испробовать всѣ способы вплоть до личнаго пріѣзда съ требованіемъ въ домъ канцлера,

1) Переписка, стр. 27.

2) Тамъ же, стр. 120.

3) Тамъ же, стр. 125.

4) Тамъ же, стр. 130.

лишь бы добиться своего. „Если у меня останется только этот способ, писала она Уилльямсу, я отъ него ожидаю многого, такъ какъ, хотя я хорошо знаю, что онъ любить только одного себя, но я все-таки считаю себя, послѣ денегъ однако, одной изъ вещей, которыя производятъ болѣе всего впечатлѣній на него и у него ¹⁾“.

Въ письмѣ отъ 14 сентября она предполагала даже предложить Бестужеву деньги, если онъ устроить такъ, чтобы Понятовскій возвратился къ Рождеству. Въ приложенной же къ этому письму запискѣ къ канцлеру отъ 11 сентября она категорически заявляетъ: „Хотите ли вы обязаться въ томъ, что графъ Понятовскій вернется сюда на Рождество, такъ какъ его возвращеніе вашими заботами есть цѣна, которую я ставлю за мою дружбу въ настоящемъ и за мое покровительство въ будущемъ?“ ²⁾ Точнѣе, она приписываетъ къ своей запискѣ фразу, дѣйствіе которой Уилльямсъ совѣтовалъ ей испробовать на канцлерѣ ³⁾.

И несмотря на то, что канцлеръ былъ далеко не податливъ, несмотря на неблагопріятные о немъ отзывы Уилльямса, великая княгиня все-таки была увѣрена въ его преданности. „Пусть говорятъ, что хотятъ, отзывается она о канцлерѣ, но онъ любить меня, насколько этотъ человѣкъ можетъ любить“ ⁴⁾. И, дѣйствительно, тонъ записки произвелъ свое дѣйствіе на канцлера. Онъ увидѣлъ, что его надежды на то, что отсутствіе Понятовскаго ослабитъ чувства великой княгини къ нему, не оправдываются, и чтобы не вооружить ее противъ себя, онъ рѣшается рекомендовать гр. Понятовскаго польскому министру Брюлю въ качествѣ желательнаго представителя польскаго короля въ Петербургѣ. Объ этомъ шагѣ Бестужева мы узнаемъ изъ переведенной Екатериной копіи письма канцлера къ Брюлю ⁵⁾.

Денеша канцлера возымѣла свое дѣйствіе. Уже въ запискѣ отъ 7 ноября великая княгиня говоритъ, что Бестужевъ прислалъ ей письмо Брюля, гдѣ объявлялось, что Понятовскій выѣдетъ изъ Варшавы черезъ десять-одиннадцать дней. Въ Петербургѣ же онъ пріѣхалъ между 21 и 23 декабря, такъ какъ въ утренней запискѣ отъ 21 декабря великая княгиня писала ⁶⁾: „Я возвратилась вчера

¹⁾ Переписка, стр. 146.

²⁾ Тамъ же, стр. 161.

³⁾ Смотр. стр. 144.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 163.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 173.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 304.

вечеромъ, но гр. Понятовскій еще не вернулся“. А утромъ 24 декабря она уже сообщала Уилльямсу о приѣздѣ графа ¹⁾).

Такимъ образомъ, Екатерина Алексѣевна добила желаннаго. Желѣзный человекъ, какъ она называла великаго канцлера, не отважился отказаться отъ удовлетворенія ея рѣшительнаго требованія. Ему нужно было сохранить расположеніе великой княгини, и потому другого исхода не было. Но онъ все-таки пользовался разными предлогами, чтобы отдалить приѣздъ Понятовскаго. Пребываніе послѣдняго въ Петербургѣ было нежелательно для него не только потому, что онъ боялся усиленія чрезъ это вліянія на великую княгиню Уилльямса, но и потому, что оно могло быть опасно для самой Екатерины. Его беспокоило то, что великая княгиня, въ случаѣ неосторожности въ сношеніяхъ съ Понятовскимъ, можетъ повредить себѣ во мнѣніи императрицы, не особенно благоволившей въ то время къ женѣ своего племянника.

Уилльямсъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы повредить канцлеру въ глазахъ великой княгини. Сваливая на Бестужева вину въ томъ, что ему не удавалось добиться гарантіи Ганновера, онъ припоминаетъ чуть ли не всю дѣятельность канцлера за рассматриваемый періодъ и заявляетъ Екатеринѣ: „Все пойдетъ по фантазіи канцлера. Сперва уѣдетъ гетманъ, я вынужденъ просить о своемъ собственномъ отозваніи изъ опасенія, чтобъ оно не было испрошено императрицей, а Понятовскому не будетъ дозволено остаться здѣсь, развѣ только на время, необходимое для того, чтобы сдѣлать ему комплиментъ, и даже онъ будетъ подвергнутъ присмотру до такой степени за время своего пребыванія здѣсь, что я совѣтую вамъ, какъ вашъ лучший другъ, не думать видѣть его, но ждать съ терпѣніемъ болѣе счастливыхъ временъ. Вотъ, милостивый государь, предательства этого человека, которому вы такъ довѣрились, но его предательству нѣтъ конца. Ваша честь, безопасность ваша собственная и вашихъ друзей совокупно вопіютъ о томъ, чтобы вы порвали съ нимъ. Примите сейчасъ мѣры къ тому, посоветуйтесь съ Александромъ Шуваловымъ. Скажите ему, что вы передаетесь всецѣло въ руки его и Ивана Ивановича съ тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ ничего общаго съ великимъ канцлеромъ, объявляя, что онъ слишкомъ васъ обидѣлъ и вамъ измѣнилъ, чтобы вы могли когда-нибудь еще довѣриться ему“ ²⁾).

Это внушеніе Уилльямса какъ бы подѣйствовало на великую

¹⁾ Переписка, стр. 307.

²⁾ Тамъ же, стр. 259.

княгиню, и она пишетъ записку Ивану Ивановичу Шувалову: „Александръ Ивановичъ сказалъ мнѣ: „вы приписываете намъ все зло, которое дѣлается; это однако не мы, но тотъ, котораго вы считаете вашимъ лучшимъ другомъ, который вамъ его причинялъ и который продолжаетъ причинять“. Онъ прибавилъ: „вы увидите со временемъ, что это мы вамъ вѣрны, а не они“. Я основываюсь на этихъ словахъ, и вы увидите, что я искрененъ, въ виду слѣдующаго довѣрительнаго сообщенія. Онъ безошибочно говоритъ о канцлерѣ... Я смотрѣлъ на него въ теченіе четырехъ лѣтъ, вовсе не помня его прежнихъ обидъ, но съ довѣріемъ и всею дружбой, на которую я способенъ. Онъ мнѣ отплатилъ только надувательствами и даже предательствами. Я могъ бы вамъ насчитать ихъ двадцать. Вслѣдствіе одного (предательства) я оставляю его и бросаю въ ваши объятія. Не имѣйте пичего общаго съ нимъ, если вы хотите имѣть меня вполне вашимъ. Я требую отъ васъ всего для настоящаго и обѣщаю вамъ все для будущаго“¹⁾.

Но внушаемое англійскимъ посломъ недоброжелательство къ канцлеру не могло вкорениться въ умъ великой княгини. Ведя переговоры съ Шуваловыми, она въ то же время продолжала сношенія съ канцлеромъ, настаивая, чтобы онъ поспѣшилъ съ дѣломъ о возвращеніи Понятовскаго, и въ концѣ концовъ пишетъ Уилльямсу: „Дѣйствительно по моему приказанію Бернарди²⁾ говорилъ съ вами отъ моего имени въ пользу канцлера. Какой бы онъ ни былъ, это—человѣкъ, мнѣ привязанный, единственный съ головою, котораго я имѣю, единственный, который могъ бы быть мнѣ полезенъ. Думаете ли вы быть въ выигрышѣ, потерявъ его? Шуваловы, менѣе ловкіе, точно также злые, равно плутоватые, съ гораздо большимъ нерасположеніемъ ко мнѣ, расплатились бы съ вами только новыми предательствами. Замѣнить ли его (канцлера) негодный вице-канцлеръ? Познайте это. Онъ очень недостойнъ вашего уваженія и нравится вамъ только по своему лицемѣрію, которымъ онъ умѣетъ прикрывать свой настоящій характеръ. Наконецъ, если вы погубите канцлера, моя гибель неизбежна. Онъ врагъ Пруссіи, но онъ не врагъ Англіи. Я знаю изъ разныхъ сторонъ и между прочимъ отъ графа Понятовскаго, что онъ поддерживаетъ при всѣхъ случаяхъ и говоритъ совершенно ясно во всѣхъ дворахъ, что необходимо, чтобы Россія оставалась другомъ Англіи. Ваши таланты могутъ вызвать въ немъ зависть, онъ можетъ васъ не

¹⁾ Переписка, стр. 269.

²⁾ Венеціанскій ювелиръ, служившій посредникомъ между Бестужевымъ, Уилльямсомъ и великой княгиней.

любить, но будьте увѣрены, что онъ менѣе всего врагъ вашего отечества“¹⁾).

Горяиновъ, говоря о канцлерѣ, называетъ его „плутоватымъ и корыстнымъ“²⁾. Первый эпитетъ можетъ быть допущенъ, если его понимать въ томъ смыслѣ, что Бестужевъ былъ изворотливъ, не всегда держался прямого пути въ достиженіи своихъ цѣлей, пускалъ въ дѣйствіе нѣкоторую хитрость, хотя бы, напр., въ дѣлѣ о Понятовскомъ. Слово же „корыстный“, примененное къ кому-либо, можетъ возбудить у насъ мысль, что данное лицо за деньги, посланныя ему, можетъ обдѣлать что угодно, совершенно не считаясь съ нравственными нормами. Бестужевъ, конечно, не былъ безребренникомъ, на что указываетъ сообщеніе Уилльямса, что онъ просилъ его исходатайствовать ему у англійскаго короля пенсію и даже пользовался этой пенсіей. Конечно, пенсія, получаемая сановникомъ отъ чужого правительства, есть не что иное, какъ подкупъ. Но Бестужевъ вообще не былъ податливъ на подкупы. Самъ Уилльямсъ, взглядомъ котораго на канцлера, вѣроятно, воспользовался Горяиновъ, заявляетъ въ письмѣ отъ 10 августа, что онъ убѣждалъ Бестужева допустить прусскаго посла въ Петербургъ, но послѣдній отказался, несмотря на тѣ убѣдительныя средства, которыми англійскій посолъ старался склонить его. Сообщая объ этомъ великой княгинѣ, Уилльямсъ пишетъ: „Лапы были бы хорошо смазаны. Но какая-то высшая сила его задерживаетъ. Вотъ тайна, такъ какъ мои предложенія были значительны“³⁾. На первый взглядъ, дѣйствительно, покажется страннымъ, что въ одномъ случаѣ канцлеръ даже самъ попросилъ пенсію отъ англійскаго короля, въ другомъ же — отказался отъ денегъ, исходящихъ отъ прусскаго правительства. Надо полагать, что тутъ большую роль играло то, откуда исходили деньги. Канцлеръ имѣлъ свои твердо установившіеся взгляды на то, что полезно или вредно для Россіи въ области внѣшней политики. Добрыя отношенія съ Англіей, по его мнѣнію, можно было поддерживать безъ всякаго вреда для русскаго государства. Въ этой области онъ считалъ возможнымъ что-либо сдѣлать, не поступаясь своими убѣжденіями. Поэтому англійскую пенсію онъ считалъ какъ бы жалованіемъ за службу на обоюдную пользу Англій и Россіи. Денегъ же отъ прусскаго короля онъ не принималъ, такъ какъ онѣ обязывали бы его дѣйствовать въ ущербъ интересамъ Россіи. На это могутъ возразить, что

¹⁾ Переписка, стр. 318.

²⁾ Тамъ же, предисловіе, стр. XIX.

³⁾ Тамъ же, стр. 33.

можетъ быть онъ былъ недоволенъ размѣромъ предлагаемой суммы. Если бы это такъ, то, вѣроятно, онъ какъ-нибудь намекнулъ бы объ этомъ Уилльямсу, и тотъ, безъ сомнѣнія, успѣшилъ бы увеличить ее. Но такого намека не было. Иначе Уилльямсъ не упустилъ бы лишняго случая распространиться о жадности канцлера къ деньгамъ въ письмѣ къ великой княгинѣ, чтобы очернить соперника. Могутъ также указать на то, что канцлеръ не сдѣлалъ за этотъ періодъ ничего конкретнаго и для Англiи, отъ которой онъ получалъ пенсію. Но это случилось не потому, что онъ не желалъ добра Англiи, но потому, что встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны французской партіи, которая получила надъ нимъ перевѣсъ, благодаря оплошности его по дѣлу о русско-англійскомъ союзѣ. Какъ извѣстно, въ то время, когда Бестужевъ настаивалъ на ратификаціи англо-русскаго субсидійнаго договора, получено было извѣстіе о заключеніи англо-прусскаго союза, и благодаря этому обаяніе его необычайнаго искусства въ дипломатіи и предусмотрительности исчезло, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упалъ во мнѣніи императрицы ¹⁾. Но знаменитый канцлеръ, какъ мы видимъ изъ переписки, продолжалъ еще ратовать за добрыя отношенія къ Англiи и не разъ сообщалъ великой княгинѣ и Уилльямсу, что на конференціи чуть ли не рѣшили гарантировать Ганноверъ, что, какъ мы знаемъ, мѣшало окончательному закрѣпленію субсидійнаго договора ²⁾.

Въ своемъ сужденіи о Бестужевѣ мы пользовались данными переписки. Но къ выводу, еще болѣе благопріятному для Бестужева, пришелъ и Бильбасовъ, который, какъ мы уже упоминали, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи переписки Екатерины съ Уилльямсомъ. Для сличенія приведу главнѣйшія мѣста изъ его характеристики великаго канцлера. „Онъ одинъ изъ всей..... толпы“ подобострастныхъ и низкопоклонныхъ сановниковъ, говоритъ Бильбасовъ, „достигъ своего высокаго положенія личнымъ усиленнымъ трудомъ, полученнымъ имъ образованіемъ и честною службою родинѣ.....; одинъ онъ, не кривя душою, смѣло высказывалъ свои мнѣнія и Петру I и его дочери Елисаветѣ Петровнѣ; одинъ онъ имѣлъ право, предъ смертью, начертать свой девизъ: *semper idem*. У него были недостатки, были и пороки—онъ былъ сыномъ вѣка..... Онъ не любилъ обманывать—предпочиталъ сказываться больнымъ, отмалчиваться; но и его трудно было обойти или обмануть..... По словамъ его личнаго врага, прусскаго короля Фридриха II, Бестужевъ-Рюминъ „былъ до такой степени продаженъ, что продалъ бы самую

¹⁾ Соловьевъ „Исторія Россiи“, т. 24, стр. 901.

²⁾ Переписка, стр. 7 и 12.

Императрицу, если бы нашлось у кого довольно денег, чтобы заплатить ему за нее". Фридриху II, безъ сомнѣнія, было бы очень на-руку, если бы это была правда — онъ первый подкупилъ бы Бестужева-Рюмина. Онъ этого и домогался всѣми мѣрами, но безуспѣшно: онъ опредѣлялъ на подкупъ русскаго канцлера большія суммы, готовъ былъ даже выплатить ту сумму, „какая потребуется“ — ничто не удалось. Екатерина II..... утверждаетъ положительно, что онъ былъ неподкупенъ: *jamaïs on ne le gagna par argent*. Въ 1747 г., очень нуждаясь въ деньгахъ, онъ занялъ у англійскаго консула 50.000 р. подъ залогъ своего дома, хотя, конечно, англійское правительство, нуждающееся въ 30.000 русскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Лифляндіи, готово было бы употребить даже большую сумму на „подкупъ“ канцлера“¹⁾).

Безъ сомнѣнія, г. Бильбасовъ почти идеализируетъ великаго канцлера вопреки чуть-ли не общему убѣжденію въ продажности этого лица. Данные же переписки позволяютъ намъ видѣть въ Бестужевѣ хотя и не безупречнаго человѣка, но и не настолько корыстолюбиваго, чтобы ради своихъ личныхъ выгодъ сознательно жертвовать интересами отечества.

Возвращаясь опять къ великой княгинѣ, мы постараемся выяснитъ тѣ чувства, которыя она питала къ различнымъ государствамъ.

Прежде всего остановимся на Англии. Тутъ не надо забывать, что съ этими чувствами мы знакомимся по ея письмамъ къ англичанину, который исходатайствовалъ ей у своего короля значительную сумму займа. Узнавъ о томъ, что уже прислана Уилльямсу просимая ею сумма, она пишетъ ему: „Я болѣе тронута знаками довѣрія короля, вашего государя, чѣмъ всякими другими любезностями. Его довѣріе мнѣ льститъ, я надѣсь его заслужить и съ достовѣрностью поддержку мнѣніе его величества. Вы знаете, что все, что я дѣлаю, основано на убѣжденіи, въ которомъ я нахожусь, что въ этомъ заключается благо Россіи“²⁾. Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 23 августа Уилльямсъ спѣшитъ подтвердить правильность ея сужденія. „Я заявляю вамъ....., пишетъ онъ, что по моему убѣжденію, все, что вы ни дѣлаете, клонится къ дѣйствительной выгодѣ Россіи. Ея союзъ съ Англіей существуетъ безъ перерыва со времени Ивана Васильевича. Я думаю, какъ вы, что нашъ союзъ — самый естественный для нашихъ обоихъ отечествъ и если мы въ этомъ ошибаемся, то заблуждаемся, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ

1) Бильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 67—71.

2) Переписка, стр. 63.

Петромъ Великимъ“¹⁾. Далѣе, въ письмѣ за № 60 Екатерина заявляетъ: „Я смотрю на англійскую націю, какъ на ту, союзъ съ которой самый естественный и самый полезный для Россіи, и эта идея укрѣпилась во мнѣ воспоминаніемъ о личныхъ обязательствахъ, по которымъ я должна и по которымъ я всегда хотѣла бы быть должной англійскому королю, такъ какъ я истинно привязана къ нему“²⁾. Надо замѣтить, что это—предпоследнее по времени изъ писемъ Екатерины къ Уилльямсу, напечатанныхъ въ перепискѣ. Предъ этимъ же, въ маѣ, она просила англійскаго посла, чтобы онъ опять досталъ ей денегъ. „Сдѣлайте, пишетъ она, чтобы мнѣ дали впередъ (если бы вы это могли) такую сумму, какую я получила; если это возможно, чтобъ это было еще болѣе въ тайнѣ, чѣмъ въ первый разъ, и не могло ли бы это придти безъ того, чтобы знали здѣсь, что это для меня, но для вашего употребленія или подъ другимъ какимъ-либо предлогомъ?“ И тутъ же подкрѣпляетъ свою просьбу словами: „Вы будете звеномъ, которое скрѣпитъ естественную дружбу, которая должна существовать между нашими обѣими родинами; а какое звено болѣе крѣпко, какъ то, которое основано на уваженіи и на довѣрїи, самомъ заслуженномъ? Мы преодолѣемъ вмѣстѣ нашихъ враговъ“³⁾. Были ли это дѣйствительныя чувства Екатерины или заявленіе о нихъ вынуждалось обстоятельствами, именно нуждой въ деньгахъ, рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ у великой княгини не было причины къ недовольству Англїей. Конечно, нельзя отрицать, что ея чувства къ этому государству были подогрѣты дружбой съ Уилльямсомъ и тѣми одолженіями, которыя дѣлалъ ей англійскій король, а можетъ быть, и расчетами на дальнѣйшія одолженія.

О чувствахъ великой княгини къ Пруссїи за время переписки мы вполне опредѣленныхъ данныхъ не имѣемъ. Изъ первыхъ ея писемъ мы видимъ, что она считала желательнымъ присутствіе въ Петербургѣ прусскаго посла. Въ немъ она видѣла пособника Уилльямсу, что было бы противовѣсомъ совмѣстной дѣятельности вице-канцлера Воронцова, который въ перепискѣ называется Лепидомъ, съ Дугласомъ“⁴⁾. Затѣмъ, по прочтеніи брошюры, въ которой Фридрихъ II оправдывалъ свой образъ дѣйствій по отношенію къ Саксонїи и Австрїи, она объявила себя, въ письмѣ отъ 20 ноября, глубокой почитательницей прусскаго короля. Въ дру-

¹⁾ Переписка, стр. 80.

²⁾ Тамъ же, стр. 339.

³⁾ Тамъ же, стр. 338.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 27.

гихъ же мѣстахъ она высказывалась иначе. Такъ, въ ея запискѣ, отъ 30 августа мы читаемъ: „Если бы я былъ на мѣстѣ, на которомъ вы желаете меня видѣть (здѣсь имѣется въ виду императорскій тронъ), я бы постарался воспользоваться оплошностями его прусскаго величества, и нельзя было бы упустить выслушать эти предложенія, развѣ при потерѣ разсудка. Не глупость ли съ его стороны обращаться къ нашему посредничеству? развѣ буржуазное правило, требующее безпристрастія въ посредникѣ, не въ силѣ между великими вельможами?“¹⁾ Впрочемъ, въ подобной формѣ можно высказаться и о лицѣ, къ которому доброжелательны. Поэтому-то на это мѣсто нельзя ссылаться какъ на доказательство недоброжелательства великой княгини къ прусскому королю. Отношеніе ея къ самому участию русскихъ въ войнѣ противъ Пруссіи также не выясняется вполнѣ опредѣленно. Такъ, когда Апраксинъ, назначенный главнокомандующимъ арміи, выставляемой противъ пруссаковъ, затѣялъ разговоръ съ ней о своемъ отъѣздѣ въ армію, она сказала ему: „Я не люблю войны. Нѣтъ ничего лучше мира“. Извѣщая объ этомъ Уилльямса, она какъ бы съ удовольствіемъ сообщаетъ послѣдовавшей на это отвѣтъ Апраксина: „Если пруссіи король нападетъ на меня, я буду сражаться. Если не нападетъ, я останусь въ покоѣ“²⁾. Затѣмъ же, сообщая англійскому послу, что Апраксинъ спрашивалъ у нея: ѣхать ли ему къ арміи или остаться, она умалчиваетъ, какой дала на это отвѣтъ³⁾. Уилльямсъ же снѣшить подать ей на этотъ счетъ совѣтъ, хотя она и не просила его объ этомъ. „Я хотѣлъ бы всегда, пишетъ онъ, чтобъ мои совѣты были пріятны вамъ; когда мы оба одного мнѣнія, я былъ бы всегда доволенъ, и я бы воображалъ себѣ, что совѣтъ хорошъ. Если Апраксинъ—вашъ другъ, онъ не уѣдетъ“⁴⁾. Изъ всего этого трудно сдѣлать увѣренный выводъ. Впрочемъ, отчасти насъ выводитъ изъ затрудненія записка великой княгини отъ 18 ноября. Предъ этимъ Уилльямсъ спрашивалъ у нея, какъ будетъ относиться великокняжескій дворъ къ прусскому королю послѣ смерти Елисаветы Петровны. Относительно себя Екатерина отвѣтила въ слѣдующей формѣ: „Что касается ея высочества великой княгини, то такъ какъ не рѣшено, будетъ ли она имѣть тогда много авторитета, то почти напрасно говорить о томъ, но мы удовлетворимъ ваше любопытство: знайте, что она никогда не посовѣтуетъ иного, какъ

¹⁾ Переписка, стр. 108.

²⁾ Тамъ же, стр. 121.

³⁾ Тамъ же, стр. 210.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 212.

то, что она сочтетъ причастнымъ къ славіи и къ выгодѣ Россіи, къ которой она имѣетъ страсть столь же сильную, какъ спартаецъ имѣлъ къ Лакедемону, но она также знаетъ всю нужду, которую имѣетъ эта страна, быть хорошо управляемой внутри“¹⁾. Такой отвѣтъ можно было дать всякому послу, помимо тѣхъ чувствъ, которыя питались къ тому государству, котораго онъ былъ представителемъ.

Но учитывая то, что Екатерина Алексѣевна была довольно щедра въ изліяніяхъ по адресу Англіи, придется допустить, что она неособенно благоволила къ Пруссіи и, не желая огорчить этимъ Уилльямса, дала ему уклончивый отвѣтъ. Эту догадку подтверждаетъ и то, что уже въ слѣдующемъ году великая княгиня побуждаетъ Апраксина въ своихъ письмахъ къ нему къ энергичному дѣйствию противъ Пруссіи.

Къ Франціи, какъ мы могли заключить изъ ряда раньше приведенныхъ мѣстъ, Екатерина относилась враждебно. Этому много способствовало, съ одной стороны, то, что при русскомъ дворѣ сторону Франціи держали лица, недоброжелательно относившіяся къ велико-княжескому двору, съ другой стороны—вліяніе Уилльямса, видамъ котораго совершенно не соотвѣтствовало стремленіе Шуваловыхъ добиться обмѣна послами между Россіей и Франціей. „Версальскіе министры, говоритъ англійскій посолъ въ письмѣ къ великому князю, врученномъ Екатеринѣ незапечатаннымъ для передачи, интриганы и предприимчивы при всѣхъ дворахъ, и они довольно блестящимъ образомъ доказали это въ С.-Петербургѣ. Такъ какъ чувства вашего императорскаго высочества по отношенію къ нимъ извѣстны теперь обществу, то вашему высочеству нельзя не быть очень предубѣжденнымъ противъ тѣхъ, которые думали бы его увѣрить въ дружбѣ этой страны или ея министровъ къ Россіи. И если сегодня Франція дѣлаетъ видъ, что ищетъ дружбы императрицы, то она это дѣлаетъ скорѣе съ намѣреніемъ повредить Великобританіи, чѣмъ съ цѣлью предоставить какую-либо выгоду этой имперіи“²⁾. Затѣмъ, въ письмѣ отъ 20 августа онъ рисуетъ предъ великой княгиней тѣ перемѣны, которыя, по его мнѣнію, произойдутъ при дворѣ съ пріѣздомъ французскаго посла. „Коль скоро пріѣдетъ французскій посолъ, пишетъ онъ, Шуваловы, которые его выписали, будутъ его всѣми силами поддерживать. Тѣ, которые хвалятся тѣмъ, что поддерживаютъ французовъ, всегда превращаются въ ихъ рабовъ или вводятся ими въ обманъ. Только

¹⁾ Переписка, стр. 276.

²⁾ Тамъ же, стр. 44.

немного дней посольство будетъ въ ихъ рукахъ, они же попадутъ въ его собственныя, и онъ заставитъ ихъ удалить всѣхъ тѣхъ, которые не послѣдуютъ слѣпо его предначертаніямъ и не подчинятся его желаніямъ“. Побуждаемая Уилльямсомъ, Екатерина Алексѣевна нѣсколько разъ требовала отъ Шуваловыхъ не только порвать связи съ Франціей, но даже препятствовать пріѣзду ея посла въ Петербургъ. Въ одномъ же изъ писемъ, уже нами цитированномъ, она прямо высказалась, что во французскомъ послѣ видить своего врага.

Минуя чувства великой княгини къ Австріи, установить которыя мы не беремся за отсутствіемъ данныхъ, хотя можно допустить, что отношеніе ея къ этому государству было отчасти недоброжелательно уже потому, что Австрія домогалась сближенія Россіи съ Франціей, мы коснемся чувствъ Екатерины къ Швеціи.

Великая княгиня любовно относилась къ шведскому королю, какъ къ своему родственнику; при чемъ въ перепискѣ она не разъ выражала безпокойство по поводу получаемыхъ изъ Швеціи извѣстій о происходившихъ тамъ смутахъ. Такъ въ письмѣ отъ 8 августа она писала Уилльямсу: „Я сокрушаюсь сердцемъ, когда я думаю о Швеціи. Мое воображеніе поражено до такой степени, что всѣ ночи мнѣ снятся событія въ Швеціи. Моя искренняя привязанность къ Россіи, стыдъ, падающій на Россію, дружба къ шведскому королю, которую я всосалъ въ себя съ молокомъ, все это вмѣстѣ взятое причиняетъ мнѣ горе, которое увеличивается при мысли, что я ничѣмъ не могу помочь. При мысли о мученикахъ я испытываю такую боль, которая возобновляется всякій разъ, какъ они представляются моему воображенію“¹⁾. Въ письмѣ къ канцлеру, пересланномъ, по возвращеніи, къ Уилльямсу при запискѣ отъ 29 августа, мы читаемъ: „То безпокойное состояніе, въ которомъ не стыдятся оставлять моего дядю, шведскаго короля, отнюдь не озабоченные тѣмъ презрѣніемъ, которое падаетъ на родину отъ того, что разрѣшаютъ французскому послу и 16 негодьямъ, проданнымъ ему, оскорблять короля, котораго посадила на престолъ русская императрица, и образъ управленія котораго ей былъ обезпеченъ, тогда какъ ему могли придти на помощь четырема строками,—все это съ той цѣлью, какъ я думаю, чтобъ прославиться тѣмъ, что добились отъ французскаго двора милостивой присылки посла сюда для предписанія законовъ великимъ людямъ и модъ—маленькимъ,—все это, говорю я, должно было меня разочаровать въ заблужденіи заступаться за моихъ родныхъ“²⁾.

¹⁾ Переписка, стр. 22.

²⁾ Тамъ же, стр. 100.

Отношенія же Екатерины Алексѣевны къ Даніи зиждятся на вопросѣ о Голштинскомъ герцогствѣ. Данія, завладѣвъ Шлезвигомъ, думала посредствомъ обмѣна приобрѣсть и Голштинію; но великій князь Петръ Ѳедоровичъ, какъ голштинскій герцогъ, и слышать не хотѣлъ объ обмѣнѣ, а лелѣялъ мечту когда-либо возвратить къ своимъ владѣніямъ в Шлезвигъ. Вся надежда датчанъ была на то, что великая княгиня убѣдитъ Петра Ѳедоровича согласиться на обмѣнъ. Но, какъ мы видимъ изъ ея записки отъ 25 августа, она отказывалась отъ какого-либо посредничества до тѣхъ поръ, пока датскій король не откажется отъ намѣренія выставить своего младшаго сына въ качествѣ замѣстителя Любекскаго епископа, такъ какъ эта должность уже въ теченіе 200 лѣтъ была удѣломъ младшихъ сыновей голштинскаго дома, которые бы, съ отнятіемъ ея, стали нищими и беспокоили бы русскій дворъ, какъ родственники, просьбами о вспомошествованіи¹⁾. Въ запискѣ къ канцлеру, она поручаетъ ему противодѣйствовать этому намѣренію датскаго короля совмѣстно съ англійскимъ посломъ. „Такъ какъ я думаю, добавляетъ она, что выгоды англійскаго короля связаны въ этомъ отношеніи съ интересами моихъ дядей, я прошу ваше превосходительство послать за англійскимъ посломъ и сказать ему, чтобъ онъ совмѣстно съ вашимъ превосходительствомъ употребилъ всѣ средства, которыя онъ признаетъ приличными, къ отводу этого гибельнаго удара и устраненію этого срама отъ дома, изъ котораго происходитъ великій князь и я, и который уже безъ того слишкомъ въ упадкѣ“²⁾.

Датское правительство все-таки думало достигъ успѣха посредствомъ подкупа великой княгини. Съ этой цѣлью Бернсторфъ извѣстилъ Бестужева, что приняты мѣры, чтобы датскій банкиръ въ Гамбургѣ „держалъ наготовѣ, къ услугамъ ея императорскаго высочества, сто тысячъ рублей“. Кроме того была предложена пожизненная пенсія ея матери, принцессѣ цербсткой, въ 6.000 червонцевъ въ годъ, уплату которой обѣщали начать со дня заключенія договора объ обмѣнѣ. Какое впечатлѣніе произвела на Екатерину депеша Бернсторфа къ канцлеру, можно судить по проекту ея письма къ послѣднему: „Я получила письмо господина Бернсторфа, читаемъ мы въ проектѣ, которое вы прислали мнѣ. Послѣ знаковъ уваженія, которые оказываетъ мнѣ это письмо со стороны датскаго короля, я не думала въ немъ найти свидѣтельство презрѣнія столь замѣтное, какъ предложеніе ста тысячъ рублей. Я прошу васъ,

¹⁾ Переписка, стр. 83.

²⁾ Тамъ же, стр. 101.

милостивый государь, дать знать и показать господину Остену¹⁾ эту записку для того, чтобы онъ извѣстилъ короля, своего государя, о томъ, что мой образъ мысли не столь недостоинъ, какъ его дворъ себѣ изображаетъ его, что то, что я сдѣлала, было сдѣлано по дружбѣ къ Россіи, что на будущее время я не совершу ни одного шага, о которомъ великій князь не былъ бы освѣдомленъ, и что помимо почтенія, которое я испытываю къ вамъ, милостивый государь, я предупрежу его немедленно о предложеніяхъ, которыя смѣютъ дѣлать мнѣ.... Если его датское величество желаетъ нашей дружбы, великаго князя и моей, и если онъ желаетъ извѣстнаго договора, вотъ условія, которыя ни въ чемъ не могутъ быть измѣнены, и это мое послѣднее слово“. Затѣмъ идетъ перечисленіе условій. Въ заключеніе Екатерина говоритъ: „Я дѣлаю это, потому что я люблю Россію, но также пусть знаетъ датскій король, что это единственная причина моихъ дѣйствій“²⁾).

Образъ дѣйствій Екатерины Алексѣвны въ рассматриваемый нами періодъ, какъ мы видѣли, не отличался особенной послѣдовательностью. Она то отвергаетъ попытки Шуваловыхъ къ сближенію, то сама ищетъ этого сближенія; то бранитъ въ своихъ письмахъ канцлера, то ратуетъ за него. Но эта противорѣчивость или, лучше, нервность ея дѣятельности отчасти объясняется исключительностью обстоятельствъ, которыя выпали на это время. Изъ нихъ, какъ мы уже указывали, особенную роль играли—болѣзнь императрицы и усиленіе французской партіи при дворѣ. Не малую роль въ этой нервности сыгралъ и совѣтникъ великой княгини, Уилльямсъ. Въ каждомъ его письмѣ чувствуется отсутствіе у автора уравновѣженности и той осмотрительности въ сужденіяхъ, которая особенно нужна дипломату. Напрямъ, по вопросу о приѣздѣ французскаго посла онъ то высказывается, что этотъ приѣздъ ему ничуть не страшенъ, повѣривъ на слово, что гарантія Ганновера обезпечена, то чрезмѣрно беспокоится за успѣшность своей миссіи, съ приѣздомъ французскаго посла, узнавъ, что молва о гарантіи оказалась ложной. Бывало, что въ одинъ и тотъ же день онъ различно высказывался объ одномъ и томъ же предметѣ. Такъ, отвѣчая на письмо великой княгини, въ которомъ она сообщала, что Апраксинъ предоставилъ ей выбирать, долженъ ли онъ ѣхать къ арміи или нѣтъ, Уилльямсъ, какъ мы уже говорили, спѣшитъ внушить ей, что главнокомандующій долженъ остаться въ Петербургѣ, а вечеромъ того же дня пишетъ: „Предложеніе Апраксина уѣхать или

1) Датскій посланникъ въ Петербургѣ.

2) Переписка, стр. 320—321.

остаться сообразно съ вашими приказаніями—одинъ только простой комплиментъ; вы уже знали, что русскія войска не должны были перейти свои границы въ нынѣшнемъ году, такимъ образомъ совершенно безразлично, останется ли фельдмаршалъ въ Петербургѣ или поѣдетъ онъ въ Ригу¹⁾. Возбужденный какимъ-либо ничтожнымъ случаемъ, онъ рисовалъ фантастическія картины успѣха или опасности и самъ же первый вѣрилъ всему этому. Нагляднымъ образомъ на эту черту въ немъ указываетъ его письмо отъ 9 августа, къ которомъ, какъ у насъ уже упоминалось, подъ вліяніемъ бесѣды съ Вольфомъ, онъ вообразилъ, что на него надвигается страшная опасность, и спѣшить предотвратить ее, не разбираясь въ годности средствъ.

Яркую характеристику этой личности мы находимъ у Бильбасова, въ приложеніи къ первому тому его „Исторія Екатерины II“. „Это былъ фантазеръ, говоритъ онъ, человекъ нервный и настолько предубѣжденный, что онъ видѣлъ только то, что предполагалъ видѣть; слушая рѣчь, онъ понималъ ее въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ она ему казалась желательной. Нельзя, конечно, сказать, что въ своихъ донесеніяхъ онъ завѣдомо обманывалъ свое правительство; онъ искренно вѣрилъ въ то, о чемъ доносилъ; но онъ самъ составлялъ себѣ невѣрные представленія о томъ, что видѣлъ и слышалъ“²⁾. Въ доказательство сказаннаго Бильбасовъ сопоставляетъ двѣ депеши Уилльямса къ своему правительству, отъ 2 ноября и 18 декабря 1756 г. Въ первой изъ нихъ англійскій посолъ доноситъ, что „Апраксинъ, откланиваясь великой княгинѣ, сказалъ ей высочеству, что отправляется въ Ригу принять начальство надъ арміей, лишенной офицеровъ и кавалеріи“.

Во второй онъ пишетъ: „Посылаю вамъ самыя вѣрныя извѣстія, которыя только удалось мнѣ получить относительно плановъ, касающихся русской арміи. Они были сообщены мнѣ здѣшнимъ лучшимъ моимъ другомъ—великой княгиней. Она имѣла весьма продолжительный разговоръ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ, въ ночь наканунѣ его отъѣзда въ Ригу, и то, что я пишу вамъ теперь, есть только точный списокъ того письма, которымъ ея величество почтила меня на другой же день.“

Фельдмаршалъ Апраксинъ сильно жаловался императрицѣ, что его отправляютъ начальствовать надъ арміей, лишенной кавалеріи и офицеровъ. На это великая княгиня спросила его, зачѣмъ же онъ принялъ на себя такое командованіе; Апраксинъ отвѣчалъ,

¹⁾ Переписка, стр. 215.

²⁾ Бильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 454.

что онъ долженъ былъ подчиниться повелѣнію императрицы. Затѣмъ великая княгиня спросила его, что онъ предпочитаетъ дѣлать и думаетъ ли онъ идти прямо на Мемель. Онъ отвѣчалъ:— Что толку въ такой крѣпостишкѣ, какъ Мемель? что вовсе не имѣется въ виду атаковать его прусское величество, но рѣшено идти прямо черезъ Польшу въ Силезію. Она возразила, что, быть можетъ, король прусскій атакуетъ васъ во время вашего марша. Онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ я сдѣлаю все, что будетъ возможно для своей защиты; но у меня нѣтъ намѣренія атаковать Пруссію. Весь этотъ разговоръ я считаю достовѣрнымъ, потому что Апраксинъ всегда угождаетъ моему другу, великой княгинѣ, и считается чрезвычайно преданнымъ ея интересамъ“.

Отмѣтивъ то, что въ обѣихъ депешахъ одинъ и тотъ же отзывъ Апраксина о составѣ порученной ему арміи отнесенъ сначала къ великой княгинѣ, а затѣмъ къ императрицѣ, Бильбасовъ замѣчаетъ, что, судя по заявленію Уилльямса, упомянутое имъ во второй депешѣ письмо отъ великой княгини онъ получилъ въ день отъѣзда Апраксина, т. е. 30 октября. Такъ какъ съ этого дня до 18 декабря Уилльямсъ отправилъ въ Англію четыре депеши и ни въ одной изъ нихъ не сообщилъ о планахъ Апраксина, то Бильбасовъ предполагаетъ, что все, изложенное имъ въ депешѣ отъ 18 декабря, онъ почерпнулъ изъ ходившихъ въ Петербургѣ слуховъ „о тѣхъ планахъ военныхъ дѣйствій, которые разсматривались конференціей въ началѣ декабря“, и облекъ эти извѣстія въ форму разговора русскаго главнокомандующаго съ великой княгиней съ цѣлью придать имъ большій вѣсъ. Желая же усилить въ глазахъ англійскаго правительства свое значеніе при великокняжескомъ дворѣ, Уилльямсъ отмѣтилъ, что безъ измѣненія выписалъ эти новости изъ письма къ нему великой княгини. Самое же письмо Екатерины Бильбасовъ разсматриваетъ, какъ „чистый вымысел“¹⁾.

Данныя переписки позволяютъ намъ отчасти смягчить то обвиненіе, которое г. Бильбасовъ возводитъ на Уилльямса. Прежде всего въ письмѣ отъ 5 ноября 1756 г., приходившагося тогда на вторникъ, великая княгиня сообщаетъ, что въ воскресенье, т. е. 3 ноября, она говорила при дворѣ съ Апраксинымъ, и что онъ сказалъ, что уѣзжаетъ черезъ два дня. Далѣе она говоритъ, что въ понедѣльникъ, т. е. 4 ноября, фельдмаршалъ приходилъ съ женой къ ней прощаться. Это наводитъ насъ на мысль, что Апраксинъ уѣхалъ изъ Петербурга не 30 октября, какъ думаетъ Бильбасовъ, а 5 ноября, черезъ два дня послѣ разговора съ великой княгиней при дворѣ.

¹⁾ Бильбасовъ. „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 457—462.

Поэтому, естественно, ко второму ноября Уилльямсу еще не было известно содержаніе прощальной бесѣды великой княгини съ Апраксинымъ. Кромѣ того въ этомъ и послѣдующихъ письмахъ Екатерины мы не находимъ ничего сходнаго съ тѣмъ, что сообщилъ Уилльямсъ въ своей депешѣ отъ 18 декабря, за исключеніемъ отзыва Апраксина о русской арміи. Такъ, въ указанномъ письмѣ мы читаемъ: „Она (жена Апраксина) рассказала мнѣ, что... (ея мужъ) ѣхалъ командовать арміей безъ офицеровъ и кавалеріи, что когда онъ сказалъ это императрицѣ, та разсердилась, а потомъ сказала Петру Шувалову: „вы увеличиваете мои силы предо мною, вы совсѣмъ не боитесь Бога, обманывая меня, Апраксинъ увѣряетъ меня, что у него недостаетъ кавалеріи“, что вслѣдствіе этого Петръ Шуваловъ не допускалъ въ теченіе восьми дней фельдмаршала говорить съ императрицей, и что Иванъ Ивановичъ сдѣлалъ ему упрекъ въ томъ, что онъ пугалъ ея величество, несмотря на ея нездоровье“¹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что отзывъ Апраксина о войскѣ долженъ быть отнесенъ недѣли за двѣ до отъѣзда его къ арміи, а можетъ быть и къ болѣе раннему времени, и при томъ онъ былъ высказанъ не великой княгинѣ, какъ сказано въ депешѣ Уилльямса отъ 2 ноября, а императрицѣ, какъ гласитъ вторая депеша. Далѣе, объ этомъ разговорѣ великая княгиня узнала не отъ самого фельдмаршала, а, какъ сообщаетъ въ своемъ письмѣ, отъ его жены. Поэтому слѣдующій послѣ этого, по депешѣ, діалогъ между главнокомандующимъ и великой княгиней, можетъ быть, и не имѣлъ мѣста при прощальномъ визитѣ. Да къ тому же Екатерина Алексѣевна и не познакомила англійскаго посла съ тѣмъ, о чемъ у нея шла рѣчь съ Апраксинымъ наканунѣ его отъѣзда. Въ общемъ же сообщеніе Уилльямса во второй депешѣ о томъ, что великая княгиня бесѣдовала съ фельдмаршаломъ о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Пруссіи, не является вымысломъ. Подобный разговоръ происходилъ между означенными лицами болѣе чѣмъ за мѣсяць до отъѣзда Апраксина, а именно — 29 сентября. Онъ изложенъ Екатериной въ ея запискѣ отъ 30 сентября, и мы цѣликомъ приведемъ его для сопоставленія съ депешей.

„Я щупалъ и перещупалъ вчера Апраксина разными способами; онъ мнѣ сказалъ, что его инструкціи уже восемь дней какъ были у императрицы и не были подписаны, что онъ ждалъ ихъ и денегъ на путешествіе, чтобъ уѣхать. Я спросилъ его: „нападете ли вы на Мемель?“ „Нѣтъ, сказалъ онъ, что намъ дѣлать съ этой лачугой. Она будетъ нашей, когда мы захотимъ этого и одержимъ

¹⁾ Переписка, стр. 248.

болѣе полезныя побѣды; болото, которое защищаетъ онъ, не стоитъ того, чтобы въ немъ засѣсть“. — Вы возьмете тогда (путь) черезъ Польшу? сказалъ я. — Да, былъ его отвѣтъ, если случай того потребуетъ.—Но, продолжалъ я, думаете ли вы, что прусскій король будетъ васъ ждать? Все будетъ сдѣлано и, конечно, до вашего прихода, и вы вернетесь, какъ пришли, не увидавъ непріятеля. — Такъ вы думаете, отвѣтилъ онъ мнѣ, что онъ помирится съ другими, чтобы сразиться съ одними нами?

— Нѣтъ, сказалъ я, я очень увѣренъ и твердо думаю, что онъ намѣренъ безусловно не приступать къ войнѣ съ нами.

Мнѣ показалось, что я увидѣлъ въ немъ радость въ виду этихъ словъ. Онъ возразилъ мнѣ: „мои полки уже подвинулись въ Курляндію далѣе того, гдѣ они были, но они не имѣютъ еще всѣхъ своихъ запасовъ“. — Да, сказалъ я, и запасы Курляндіи скоро истощатся, такъ какъ 80.000 человекъ много значать.

Онъ прибавилъ: „Литва намъ привезетъ ихъ за деньги“. — Вы пойдете за ними, сказалъ я, вы заблуждаетесь. Онъ разсмѣялся, а я заключилъ, что онъ не зналъ своего назначенія, что всѣ приготовления, которыя дѣлаютъ, — одинъ только вѣтеръ, что ничего нѣтъ опредѣленнаго и что имъ недостаетъ многихъ вещей, прежде, чѣмъ быть въ состояніи что-либо предпринять¹⁾“.

Сличеніе разговора, переданнаго Екатериной, съ изложеніемъ его въ депешѣ англійскаго посла, показываетъ, что обѣ передачи сходны между собой только по своему началу. Но это все-таки не мѣшаетъ намъ отнести къ Уилльямсу менѣе строго, чѣмъ какъ это сдѣлалъ г. Бильбасовъ. Сообщение Уилльямса не есть „чистый вымысел“, а только довольно вольная комбинація сообщеннаго ему великой княгиней. Кромѣ того, кое-что изъ сообщенія Екатерины оставлено безъ вниманія и замѣнено личными измышленіями англійскаго посла. Все это какъ нельзя лучше оправдываетъ приведенную нами характеристику Уилльямса, данную г. Бильбасовымъ. Вѣроятно, въ моментъ написанія депеши въ умѣ англійскаго посла по какой-либо ассоціаціи всплыли упомянутыя сообщенія великой княгини. Но онъ не потрудился порыться въ хранившихся у него копіяхъ съ писемъ Екатерины Алексѣевны, чтобы точнѣе установить время сообщенія ему этихъ извѣстій и самую форму ихъ. Надѣясь на свою память, онъ, вѣроятно, былъ увѣренъ, что не погрѣшитъ противъ истины.

Хотя Уилльямсъ, какъ мы видѣли, во-время не воспользовался

¹⁾ Переписка, стр. 186—187.

сообщенными ему великой княгиней свѣдѣніями, но уже тотъ фактъ, что Екатерина Алексѣевна знакомила посла дружественной Пруссіи державы съ тѣми военными планами, которые проектировались при русскомъ дворѣ противъ Фридриха II, является государственнѣмъ преступленіемъ. Подъ эту же рубрику должно отнести и пересылку Уилльямсу копій съ дипломатическихъ бумагъ, о чемъ мы упоминали раньше. Такой образъ дѣйствій Екатерины никакъ не вяжется съ тѣми ея заявленіями о своей любви къ Россіи, которыя не разъ попадались въ нашихъ выдержкахъ изъ ея писемъ, и я, не надѣясь на свои силы, предоставляю людямъ болѣе опытнымъ разобраться въ немъ. Что же касается внѣшней стороны этого факта, то можно замѣтить, что Екатерина вовсе не боялась, что ея предосудительная дѣятельность будетъ обнаружена. Она вполнѣ вѣрила въ преданность своего камеръ-юнкера Льва Александровича Нарышкина и нѣкоего Свалло, которые были посредниками между нею и Уилльямсомъ по доставкѣ писемъ, что видно изъ того, что она, какъ и Уилльямсъ, скоро перестали прибѣгать къ условнымъ именамъ при упоминаніи въ письмахъ о комъ-либо изъ придворныхъ. Получая же свои записки обратно, Екатерина, вѣроятно, уничтожала ихъ, не подозрѣвая, что англійскій посолъ снималъ съ нихъ копіи.

На этомъ мы и оканчиваемъ свою работу.

Въ заключеніе же является не лишнимъ замѣтить, что изданіе разсмотрѣнной нами переписки не можетъ не быть цѣннымъ для русской исторіи, такъ какъ эта переписка освѣщаетъ самый активный періодъ изъ жизни Екатерины II въ Россіи во время царствованія Елисаветы Петровны. Этотъ періодъ, впрочемъ, можетъ быть, слѣдуетъ немного расширить за предѣлы годового срока, обнимаемаго перепиской, но, конечно, не назадъ отъ середины 1756 г., такъ какъ только съ этого времени, съ момента, когда Елисавета Петровна опасно заболѣла, Екатерина начала проявлять себя, какъ защитница интересовъ великокняжескаго двора, на которые въ то время, какъ предполагалось, посягала партія Шуваловыхъ. Съ конечнаго же момента переписки названный періодъ должно удлиннить болѣе чѣмъ на полгода, до февраля 1758 г., до начала процесса надъ Бестужевымъ и Апраксинымъ, когда на великую княгиню смотрѣли, какъ на причастную къ отступленію Апраксина изъ Пруссіи къ русской границѣ. Хотя допросъ подсудимыхъ и слѣдствіе по ихъ дѣлу не обнаружилъ виновности Екатерины, и ей удалось примириться съ императрицей, но уже съ паденіемъ Бестужева она не могла хотя бы косвенно оказывать вліяніе на ходъ русской политики. Великой княгинѣ пришлось уйти въ самоѣ

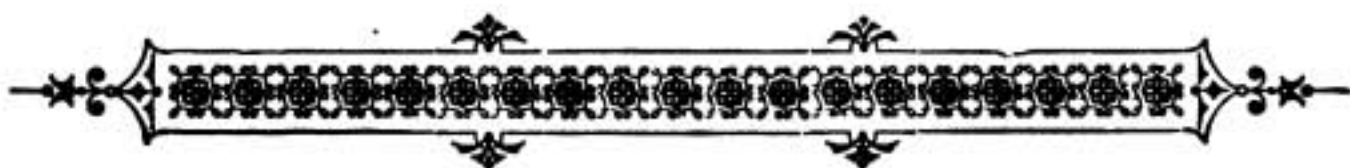
себя еще потому, что Петръ Ѳедоровичъ съ 1758 г. началъ замѣтно сторониться ея.

До сихъ поръ о жизни Екатерины II, въ бытность ея великой княгиней, мы могли почерпать свѣдѣнія почти только изъ ея записокъ, составленныхъ значительно позже и описывающихъ былыя событія по памяти и изъ нѣсколькихъ писемъ къ разнымъ лицамъ. Переписка же раскрываетъ предъ нами событія, закрѣпленные непосредственно за ихъ совершеиіемъ, и ярко обрисовываетъ тѣ чувствованія, которыя они вызывали. Такимъ образомъ въ перепискѣ Екатерины Алексѣвны съ Уилльямсомъ мы имѣемъ цѣнный матеріаль для ея исторіи.

Д. А. Архангельскій.

(Окончаніе).

Н. И. Пироговъ по документамъ Московской-Троицкой,
въ Сыромятникахъ, церкви.

(Историческая справка).

Семейство Пироговыхъ, въ составѣ главы дома (секретаря Ивана Ивановича Пирогова), его жены (Елисаветы Ивановны) и четверыхъ дѣтей (Петра, Александры, Пелагii и Анны), поселилось въ приходѣ Троицкой церкви, по всей вѣроятности, въ 1805 г., однако не ранѣе предыдущаго 1804 г. ¹⁾ Оно поселилось тутъ сразу на правахъ домовладѣльцевъ, приобрѣтши, какъ можно думать, домъ статскаго совѣтника Семена Ефимовича Попова ²⁾, нынѣшній домъ Грязнова (№ 14), находящiйся во 2-мъ участкѣ Басманной части по Кривоарославскому переулку ³⁾. По крайней мѣрѣ, „исповѣдныя росписи“ Троицкой церкви до 1805-го г. не знаютъ потомъ (до 1826-го г.) изъ году въ годъ говѣвшихъ прихожанъ Пироговыхъ ни какъ домовладѣльцевъ, ни какъ квартирантовъ. Допустить же отсутствiе этой фамилии въ книгахъ по причинѣ небытiя у исповѣди въ приходской церкви скорѣе возможно

¹⁾ До 1823 г. „росписи“ писались о прихожанахъ, бывшихъ „у исповѣди и Святыхъ Таинъ причастiя“ не только „во святую четырехдесятницу“ (какъ это, начиная съ 1823 г., въ „исповѣдныхъ вѣдомостяхъ“), но „и послѣдующiе посты“. Отсюда есть основанiе думать, что онѣ писались по прошествiи даннаго года. Если же въ „росписи“ 1804 г. отсутствуютъ Пироговы, то это можетъ означать, въ лучшемъ случаѣ, переселенiе Пироговыхъ въ Сыромятники во второй половинѣ 1804 г., вѣроятнѣе же всего должно указывать на 1805 г., какъ на дату этого событiя (ср. ниже).

²⁾ Судя по „росписямъ“ 1804 г. о домѣ Попова и 1805 г.—Пирогова, населенiе въ нихъ, въ нѣкоторой части, одинаковое, къ тому же въ 1805 г. въ домѣ Пирогова значится живущей „статская совѣтница Екатерина Михайловна Попова“, которая въ „росписи“ предыдущаго года показана женой С. Е. Попова.

³⁾ Объ этомъ см. нашу статью въ № 227 „Русск. Вѣдом.“ за текущiй годъ.

при способѣ веденія теперешнихъ „исповѣдныхъ вѣдомостей“, особенно въ городахъ, нежели тогдашнихъ, „исповѣдныхъ росписей“¹⁾.

Здѣсь-то, 13 ноября 1810-го года, какъ записано въ метрическихъ книгахъ или, на языкѣ того времени, въ „вѣдомости“ Троицкой церкви подъ № 58-мъ, „у коллежскаго секретаря Ивана Иванова Пирогова родился сынъ Николай; молился священникъ Алексѣй Стефановъ²⁾ съ пономаремъ³⁾, крещенъ 20 дня. Восприемникомъ былъ московской имянитой гражданинъ Семень Андрѣевъ Лукутинъ⁴⁾, восприемницей была московскаго купца Петра Николаева Андропова жена Екатерина Васильева. Крещеніе совершали означенный священникъ съ причтомъ⁵⁾“.

Въ 1812-мъ г. домъ И. И. Пирогова, вмѣстѣ съ подавляющимъ большинствомъ приходскихъ домовъ⁶⁾, сгорѣлъ, какъ мы о томъ узнаемъ изъ современнаго рукописнаго „Извѣстія о церкви Живоначальныя Троицы, что въ Сыромятникахъ“. Но, должно думать, онъ скоро былъ возстановленъ, потому что семейство Пироговыхъ, начиная съ 1805-го г. и т. д., неопустительно значится въ „исповѣдныхъ росписяхъ“ говѣвшимъ.

На листы этихъ послѣднихъ впервые въ 1814-мъ г. среди дѣтей Пирогова заносится послѣднимъ сынъ „Николай“, сначала (до 1817-го г.) не бывшимъ на исповѣди „за малолѣтствомъ“, а потомъ ежегодно исполняющимъ христіанскій долгъ.

Любопытно, что, по цитуемой „росписи“ 1814-го г., ему всего 1 годъ отъ рожденія, хотя, на основаніи тѣхъ же книгъ, въ слѣдующемъ (1815-мъ) году—3 года.

Съ 1824-го г. онъ „исповѣдными вѣдомостями“ переименовывается въ „Николая Иванова“, а въ 1826 г. имя Н. И. Пирогова,

¹⁾ Въ нынѣшнихъ „исповѣдныхъ вѣдомостяхъ“ городскихъ церквей помѣчаются *фактически* бывшіе на исповѣди, въ крайнемъ случаѣ, еще домовладѣльцы, хотя бы и не говѣвшіе. Въ „росписяхъ“ же писались, въ собственномъ смыслѣ слова, *все* прихожане.

²⁾ По фамиліи Баженовъ.

³⁾ Матвѣемъ Петровымъ Соболевымъ.

⁴⁾ Земля С. А. Лукутина, въ послѣдствіи московскаго купца, принадлежитъ нынѣ г. Живаго, находится въ томъ же 2-мъ участкѣ Басманной части, гдѣ и теперешній домъ Грязнова, и въ сравнительно близкомъ разстояніи отъ этого послѣдняго. Такимъ образомъ, Пироговъ отецъ съ своимъ кумомъ Лукутинымъ были въ извѣстномъ смыслѣ сосѣдями.

⁵⁾ Кромѣ упомянутыхъ лицъ причтъ въ названной церкви тогда еще составляли діаконъ Александръ Алексѣевъ Величкинъ и дьячекъ Алексѣй Александровъ Стрекаловъ.

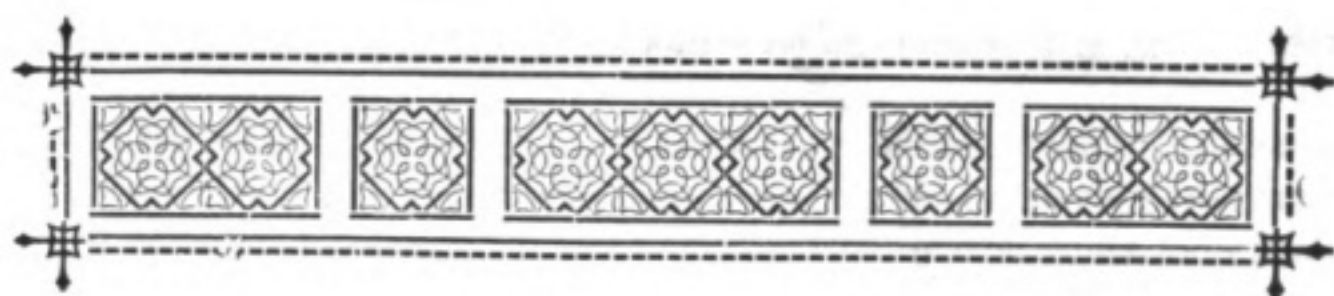
⁶⁾ 44-мя изъ 50-ти.

одновременно съ именами послѣднихъ Пироговыхъ, прихожанъ Троицкой церкви, совершенно исчезаетъ отсюда.

Отмѣченное обстоятельство находится, съ одной стороны, въ связи со смертью Пирогова-отца (въ 1825-мъ г.), на другой годъ послѣ чего семейство Пироговыхъ выѣхало изъ прихода Троицкой церкви. Затѣмъ оно обусловлено сравнительно скорой (въ 1826—7 г.г.) перепродажей ими своего сыромятническаго дома иному владельцу...

Н. П. Кудрявцевъ.

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

а время кампаніи, какъ извѣстно, очень непродолжительной, Мих. Ив. старался вникнуть въ подробности того, что именно представлялъ собою Мольтке, какъ человекъ и какъ глубокий военный мыслитель; узнать его всесторонне, познакомиться съ его характеромъ, нравомъ, образомъ мыслей ему казалось очень поучительнымъ и до конца осталось для него крайне интереснымъ.

Изучая его лично при близкихъ свиданіяхъ, которыя были возможны урывками и нечасто—Мих. Ив. не пренебрегалъ на досугъ заговаривать объ угрюмомъ старикѣ при встрѣчахъ съ людьми, хорошо и основательно знавшими его; гр. Голенищевъ-Кутузовъ кое-что преподавалъ о немъ, но это былъ человекъ, знакомый съ Мольтке почти поверхностно въ сравненіи съ тѣмъ, что нужно для того, чтобы дать болѣе глубокия свѣдѣнія объ этомъ, во всякомъ случаѣ, сложномъ человекѣ.

Болѣе, чѣмъ отъ кого бы то ни было, довелось изучить характеръ его въ бесѣдахъ съ такимъ виднымъ, бросавшимся въ глаза, стоявшимъ на верхахъ прусской администраціи дѣятелемъ, какимъ былъ генераль Фойхстъ-Ретцъ—давнишній другъ Вильгельма въ бытность его принцемъ, а впослѣдствіи королемъ и императоромъ; это былъ крайне способный человекъ, во многомъ сотрудникъ Мольтке и большая въ то время надежда Пруссіи. Онъ находился при главной императорской квартирѣ, въ качествѣ одного изъ высшихъ офицеровъ генеральнаго штаба; съ нимъ М. И. познакомился собственно въ походѣ, очень живо заинтересовался имъ самимъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1910 г.

и немало впоследствии рассказывалъ о немъ. При первомъ же знакомствѣ, Фойхтсъ-Ретцъ заговорилъ горячо объ Россіи и говорилъ о ней такъ много, что Мих. Ивановичъ испыталъ то непріятное чувство, которое приходится испытывать, когда чувствуется, что новый знакомый силится наговорить то, чего вовсе не думаетъ и въ чемъ хочетъ притвориться изъ-за совершенно непонятныхъ побужденій и расчетовъ.

„Но тутъ же скоро я узналъ, говаривалъ Мих. Ив., что еще во время нашей Крымской войны этотъ симпатичный генералъ, пользуясь дружбой къ принцу Вильгельму, составилъ возлѣ него кружокъ сильныхъ людей, которые крайне рѣшительно и весьма успѣшно ратовали за поддержаніе, во что бы то ни стало, добрососѣдскихъ отношеній къ оставленной, забытой и пренебреженной всѣми Россіи.—Нисколько не скрывая, скажу, что былъ сильно сразу подкупленъ Фойхтсъ-Ретцомъ“.

Объ этомъ замѣчательномъ генералѣ рѣчь впереди.

Вспоминая подробности изученія качествъ и свойствъ Мольтке, Мих. Ив. всегда говорилъ, что мало прочесть его крупныя сочиненія — стратегическія вообще и военно-историческія въ родѣ русско-турецкой войны 1828/9 гг., „итальянскаго похода 1859 г.“ (австро-французская война), „датской войны 1864 г.“ и т. п., — не надо пренебрегать мелкими его записками, тѣмъ болѣе, что онѣ читаются легко и очень интересны, какъ продуктъ наблюденій и размышлений человѣка разносторонне развитого и солидно образованнаго.

„При всей нашей непріязни и даже ненависти къ націи, представителемъ которой является Мольтке, нельзя не отдать справедливости его высокимъ дарованіямъ“, говаривалъ Мих. Ив.

„Эту аксіому или пропись, добавлялъ онъ, я говорю по адресу тѣхъ, которые считаютъ, что если человѣкъ несимпатиченъ, а въ особенности если ненавистенъ, то и достоинствъ за нимъ признавать нельзя: такихъ мудрецовъ немало; въ нихъ больше всего развито стадное чувство: какъ можно, — тотъ и другой, и третій изъ моихъ пріятелей его бранятъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а я вдругъ похваляю; нельзя“. Какой-то лукавый почитатель великаго стратега у насъ на Руси, вѣроятно въ защиту себя противъ обнаруженія выработавшагося у насъ и засѣвшаго въ насъ непріязненнаго къ нѣмцамъ чувства, придумалъ или, вѣрнѣе, перехвативъ откуда либо, обрадовался возможности выдавать Мольтке за датчанина, тогда какъ по рожденію онъ съ головы до ногъ нѣмецъ и вообще въ основѣ до мозга костей нѣмецъ чистѣйшей пробы; онъ, правда, во многомъ представляетъ собою исключеніе передъ другими нѣмцами, что несомнѣнно даетъ поводъ выдѣлять его; но безпристрастіе, даже при сужденіи о злѣйшемъ врагѣ должно быть на первомъ планѣ; у лукаваго поклонника

какъ будто-бы не хватило силъ признать гениемъ нѣмца; слабое утѣшеніе изобрѣлъ онъ,—самообманъ: признаю-де я его гениемъ, но онъ датчанинъ, а не нѣмецъ“.

Былъ ли по рожденію нѣмецъ, датчанинъ, китаецъ или ашантій тотъ или иной государственный дѣятель,—важнымъ Мих. Ив. это не признавалъ; все же говорилъ онъ, хоть я и считаю это мелочью вообще, но выясненію настоящаго происхожденія такого всезахватывающаго человѣка, каковъ Мольтке, не могу не дать значенія; какъ, на примѣръ, могли бы мы пренебречь свѣдѣніемъ о томъ, что Наполеонъ былъ собственно корсиканецъ, а не чистый французъ;—а это играло пожалуй самую большую роль во всемъ ходѣ его карьеры и отношеній его къ Франціи: онъ былъ относительно французской массы „иностранецъ“, и это ему во многомъ развязывало руки; будь онъ прирожденный французъ, онъ никогда не былъ бы въ состояніи доходить до такой безцеремонности, какую онъ такъ часто проявлялъ въ теченіе всей своей жизни и службы (если она у него была); онъ былъ и остался до конца корсиканцемъ и человѣкомъ родового типа,—былъ безгранично слабъ къ родичамъ и совершенно не церемонился со всѣми остальными людьми¹⁾.

Съ такой стороны происхожденіе Мольтке, конечно, не могло имѣть значенія,—совсѣмъ другой складъ жизни Пруссіи,—это не Франція, а въ особенности не тогдашняя Наполеоновская Франція, близкая къ только-что пережитой революціи.

* * *

Нерѣдко слышанные, во время нахождения при прусской арміи, слегка насмѣшливые намеки нѣмцевъ на датское происхожденіе Мольтке дали Драгомирову случай спросить объ этомъ гр. Голенищева-Кутузова; съ его ли словъ, а можетъ быть изъ другихъ источниковъ, Мих. Ив. указывалъ не разъ, каковы были, болѣе или менѣе серьезные, поводы считать Мольтке датчаниномъ.

Прежде всего множество писемъ изъ Россіи въ 1856 году Мольтке адресовалъ на имя своей жены въ Данію, гдѣ она въ то время за отсутствіемъ его безвыѣздно проживала; изъ этого можно было, пожалуй, заключить, что онъ былъ женатъ на датчанкѣ;—но не было даже и этого. Мольтке родился въ Мекленбургъ-Шверинѣ, а отецъ его, человѣкъ не богатый, женатый на нѣмкѣ, находясь въ послѣдствіи на службѣ въ одномъ изъ прусскихъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, стоявшихъ на границѣ Шлезвигъ-Голштинской провинціи, принадлежавшей въ

¹⁾ См. статью М. Драгомирова „Замѣтки о Наполеонѣ I“, стран. 175 изд. книгопрод. Н. Я. Оглоблина. Кіевъ 1898.—Мих. Ив. нерѣдко въ разговорахъ какъ бы цитировалъ себя, ссылаясь на собственныя свои сочиненія.

концѣ XVIII и болѣе половины XIX столѣтія Даніи (до 1864 г., когда Пруссія, при главномъ участіи въ этомъ того же Гелльмута Мольтке, отобрала ее),—увлекся общимъ теченіемъ и, въ числѣ многихъ нѣмцевъ, на скопленные зильбельгроши, соблюдая въ полной мѣрѣ и чистотѣ всѣ законы и не обходя ихъ, купилъ въ той провинціи недорого стоявшее, небольшое, благоустроенное имѣнье.—Затѣмъ, всецѣло оставаясь прусскимъ подданнымъ и, конечно, не мѣняя ни на іоту своихъ нѣмецкихъ тенденцій, онъ, какъ владѣлецъ земли въ Даніи, отдалъ своего сына Гелльмута въ датскій—копенгагенскій кадетскій корпусъ.

Тамъ юноша блестяще окончилъ курсъ ученія, а для окончанія высшаго образованія отправился въ Берлинъ, гдѣ и поступилъ въ высшую военную школу, по окончаніи въ ней курса, онъ опредѣлился на службу въ 8-й пѣхотный прусскій или бранденбургскій полкъ, стоявшій въ провинціи этого названія,—въ городѣ Франкфуртъ (на Одерѣ), гдѣ онъ въ молодыхъ же годахъ женился на тамошней уроженкѣ.

Достаточно было окончить курсъ въ датскомъ кадетскомъ корпусѣ и явиться въ берлинскую высшую школу изъ копенгагенскихъ кадетъ, для того, чтобы получить отмѣтку,—это нечистый нѣмецъ, это пришлый, это датчанинъ, разсудили не только посторонніе, но и товарищи и воспитатели.

Во время пребыванія Мольтке въ Россіи, жена его проживала въ Шлезвигъ-Голштинскомъ имѣніи, еще въ ту пору находившемся въ предѣлахъ Даніи.

* * *

Опредѣляя происхожденіе Мольтке, М. И. Драгомировъ какъ бы пришелъ къ этому фактъ происхожденія Наполеона; по поводу этого нельзя не вспомнить, что онъ нерѣдко выказывалъ,—волью или неволью,—стремленіе если не сравнить Мольтке съ Наполеономъ, то сопоставить или вѣрнѣе положить ихъ на разныя чашки однихъ вѣсовъ.

Отдавая себѣ въ этомъ отчетъ, онъ высказывалъ, что вообще параллели между ними нѣтъ: Наполеонъ весь геній, насквозь, Мольтке же лишь богатъ высокими дарованіями, человекъ въ высшей степени талантливый. Однако въ военномъ отношеніи, во всемъ, что касается военнаго искусства ¹⁾—это былъ геній. Подойдя такимъ образомъ, еще въ бытность свою при главной прусской квартирѣ, къ занимавшему его предмету сужденій, Мих. Ив. находилъ иногда для себя интереснымъ именно сопоставлять Наполеона съ Мольтке въ различныхъ частностяхъ.

Наполеонъ, говорилъ онъ, соображалъ гораздо „быстрѣ“, чѣмъ

¹⁾ Известно, что военной науки М. И. Драгомировъ не признавалъ. См. стр. 48. „Очерки М. Драгомирова“. Разборъ „Войны и Мира“. Кіевское изданіе Н. Я. Оглоблина, 1898 г.

Мольтке; Наполеонъ схватывалъ, а Мольтке понималъ; но кто изъ нихъ „лучше“ соображалъ, кто лучше примѣнялъ соображаемое—это вопросъ. По всѣмъ даннымъ Мольтке непосредственно извлекалъ больше пользы изъ глубоко понятаго, чѣмъ Наполеонъ изъ схваченнаго на-лету. Скоро Наполеонъ соображалъ и скоро терялъ нить быстро соображеннаго; зато, бросая схваченное, быстро тутъ же творилъ новое, ничего общаго съ брошеннымъ неимѣвшее, часто однако еще вѣрнѣе, лучше приводившее къ желанной, намѣченной имъ заранѣе цѣли ¹⁾; Мольтке глубоко втягивался въ понятое и вовсе не отцѣплялся отъ него до тѣхъ поръ, пока не извлекалъ изъ этого всю поставленную его цѣлями пользу; онъ билъ навѣрняка, но все это выходило грузно, медлительно. Вотъ въ чемъ кроется разница между всестороннимъ Наполеоновскимъ гениемъ и односторонними талантами Мольтке.

Такъ иногда Мих. Ив. отрывочно судилъ и рядилъ о томъ, что глубоко изучилъ и описалъ, въ чрезвычайно живыхъ очеркахъ, сопоставляя это съ тѣмъ, о чемъ удалось почти вскользь наблюсти за короткое время пребыванія среди арміи, направлявшейся къ побѣдамъ гениемъ тихаго, скромнаго, въ высшей мѣрѣ даровитаго человѣка, таланты коего проявились тогда въ всей полнотѣ.

Еще одно изъ многихъ сопоставленій Мих. Ивановича: Наполеонъ нерѣдко бывалъ мелочнымъ и всегда мстительнымъ ²⁾ Мольтке ни мелочности, ни мстительности не зналъ вовсе.

* * *

Много разъ случалось слышать, что М. И. Драгомировъ не чисто русскій человѣкъ; зная, что онъ происхожденія малороссійскаго, приписывали ему—если не полное сочувствіе сепаратному бреду, то нѣкоторое одобреніе тенденцій относительно обособленности Малороссіи; мало находилось людей, которые серьезно поддерживали этотъ вздоръ, но среди людей, находившихъ его „хитрымъ хохломъ“, находились такіе, которые твердили и повторяли это на разные лады съ добавленіемъ массы междустрочій. Иногда кое-что изъ этого доходило до него, и онъ лишь говорилъ: на всякій чихъ не наздравствуешься, родился я въ сердцѣ Малороссіи—Черниговскомъ Конотопѣ,—не можетъ же изъ меня вдругъ выйти какой-нибудь тамбовецъ, могилевецъ или калужанинъ, а тѣмъ менѣе бердичевецъ,—каждому свое.

Въ Мольтке этотъ „хохолъ“ въ сильной степени цѣнилъ то, что угрюмый, молчаливый старецъ всегда показывалъ по отношенію къ Россіи, какъ государству и какъ къ націи, непритворное расположе-

¹⁾ Смотри тѣ же очерки М. Драгомирова: „Наполеонъ I-й“, стр. 168—170.

²⁾ См. тѣ же очерки, стр. 177.

ніе, а главное въ своихъ отзывахъ о ней былъ всегда одинаково безпристрастенъ и глубоко справедливъ. Мольтке, высказывая на разные лады похвалы Россіи, видимо, смаковалъ свои отзывы, самъ радовался случаю ихъ высказать громко и отчетливо.

Россіей Мольтке всегда интересовался, а хорошо ознакомился съ ней за десять лѣтъ до Австро-Прусской войны—въ 1856 году, когда, состоя въ должности адъютанта у принца Фридриха-Вильгельма ¹⁾, прожилъ нѣкоторое время въ Россіи; въ письмахъ, которыя онъ посылалъ отсюда женѣ своей, онъ показалъ большую наблюдательность; видимо тогда—въ первые годы царствованія Императора Александра Николаевича,—онъ набрался понятій и свѣдѣній, какъ о Россіи, такъ и о лицахъ, стоявшихъ высоко на лѣстницѣ жизни обновлявшагося государства, развитію котораго онъ крайне доброжелательно симпатизировалъ и симпатично доброжелательствовалъ.

* * *

Тотчасъ послѣ представленія королю въ Берлинѣ, Мих. Ив. не могъ представиться ни наслѣдному принцу, ни принцу Фридриху-Карлу; они были въ отъѣздѣ, и возвращеніе ихъ въ Берлинъ ожидалось со дня на день; однако, какъ говорилось громко—официально, очередные смотры войскъ задерживали ихъ; шопотомъ, по секрету передавалось однако изъ устъ въ уста,—что оба принца были заняты поѣздкой въ Пиемонтъ; на нихъ было возложено королемъ сложное порученіе,—вести переговоры съ королемъ Викторомъ Эммануиломъ для склоненія его къ заключенію прусско-итальянскаго союза противъ Австріи. Пока благородные принцы преуспѣвали около не менѣе благороднаго короля ²⁾, Мих. Ив. успѣлъ съ гр. Голенищевымъ-Кутузовымъ побывать у Мольтке.

Принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ былъ старшій сынъ Вильгельма,—принца Прусскаго, вступившаго въ 1861 году на Прусскій королевскій престолъ и принявшаго въ 1871 году титулъ императора Германскаго.

Фридриху-Вильгельму минуло двадцать пять лѣтъ, когда онъ, въ 1856 году, былъ отправленъ въ Россію, гдѣ довольно долго прогостилъ, пользуясь гостепріимствомъ Императора Александра II; мать Царя,—Императрица Александра Федоровна приходилась родной теткой принцу,—она была родная сестра его отца Вильгельма.

¹⁾ Въ войнѣ 1866 года тридцатипятилѣтній Фридрихъ-Вильгельмъ,—наслѣдный принцъ Прусскій Фридрихъ, командовалъ 2-й арміей.

²⁾ Известно, что за Викторомъ Эммануиломъ, тогдашнимъ королемъ Италіи, въ теченіе всей его жизни сохранилось, данное ему народомъ, названіе, сдѣлавшееся похожимъ на добавленіе къ официальному титулу *il Re galant' uomo* (король-джентльмэнъ).

Высокообразованный ¹⁾, прекрасно воспитанный, обладавшій чуднымъ характеромъ, принцъ болѣе и болѣе развивался въ путешествіяхъ съ такими людьми, какъ адъютантъ его Мольтке, какъ другъ Вильгельма генераль Фойхтъ-Рецъ и другіе. Многого ждала отъ него Германія, много пользы ей принесъ онъ въ военномъ отношеніи, какъ рѣдкій военачальникъ, но судьба не судила ему положить въ жертву отечеству свои дарованія въ качествѣ государственнаго дѣятеля на престолѣ: сдѣлавшись въ 1861 году,—на тридцатомъ году жизни, наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ, а черезъ десять лѣтъ Германскимъ, и вступивъ на императорскій престолъ 10 марта 1888 года, онъ пробылъ на немъ лишь 127 дней—15 іюля того же года онъ умеръ отъ жестокой болѣзни:—развившійся въ горлѣ ракъ безвременно свелъ этого колосса въ могилу на 57 году его жизни.

Возвращеніе Наслѣднаго принца и принца Фридриха-Карла изъ Піемонта наполнило Берлинъ большимъ торжествомъ: распространившіяся повсюду свѣдѣнія о крайне успѣшномъ окончаніи ими возложенной на нихъ миссіи вызвали по ихъ адресу большія овація: Берлинъ, сбросивъ грустное, подавленное настроеніе, перешелъ къ искреннему ликованію и стремился на каждомъ шагу показать свою благодарность принцамъ, въ особенности Наслѣдному—„Фрицу“, какъ его вездѣ всегда ласково называли; онъ, со времени своего дѣтства, былъ отмѣннымъ народнымъ любимцемъ.

Много ходило разказовъ тогда о ходѣ командировки, исполненной братомъ и сыномъ короля; говорили, будто-бы Викторъ Эммануилъ съ самаго начала переговоровъ былъ готовъ довести дѣло до желательнаго для Пруссіи конца, такъ какъ онъ ясно понималъ въ такомъ шагѣ и свою выгоду, но будто бы министры упирались и оказывали сильное сопротивленіе. Чернь, державшаяся республиканско-разбойничьяго разгула, въ своемъ озлобленіи противъ Австріи,—не различая иныхъ нѣмцевъ и причисляя ихъ всѣхъ къ одному лагерю,—шумѣла противъ Пруссіи; министры трепетали передъ ея разнузданностью, а потому не было никакой надежды на то, чтобы желанія Виктора Эммануила одержали верхъ.

Австрійскіе эмиссары и шпіоны съ большимъ искусствомъ разжигали народныя страсти и удерживали итальянскихъ министровъ отъ всякаго поползновенія сдѣлать шагъ въ сторону благоразумія въ ми-

¹⁾ Когда ему минуло 18 лѣтъ—въ 1849 году, для руководства его образованіемъ былъ назначенъ извѣстный нѣмецкій ученый Эрнестъ Курціусъ, авторъ многихъ сочиненій, между прочимъ популярнѣйшей „Греческой исторіи“—до сихъ поръ не утратившей своей цѣнности въ ряду подобныхъ изданій. Это былъ глубоконачитанный, разносторонне образованный много на своемъ вѣку путешествовавшій, историкъ, филологъ, нумизматъ и археологъ.

нуты наступившаго историческаго испытанія, требовавшаго быстро въ свою пользу рѣшенія и твердаго шага въ сторону нанесенія крупнаго удара загребательной политикѣ исконнаго врага своего — Австріи.

Масса свѣдѣній, ходившихъ въ то время въ Берлинѣ, увѣряла, что только лично наслѣдный принцъ своею величавой простотой и обворожительною манерой обращенія мало-по-малу спокойно успѣлъ очаровать и привлечь на свою сторону вліятельнѣйшаго изъ тогдашнихъ государственныхъ людей молодого Итальянскаго королевства — министра Менабреа. Послѣдній не только тогда услужилъ Пруссіи изъ желанія быть угоднымъ наслѣдному принцу, но навсегда сдѣлался усерднымъ поклонникомъ этого принца, а это дало первый толчекъ тому, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ, до конца своей жизни, онъ не измѣнялъ Пруссіи; — про него говорили, что онъ былъ какъ бы заколдованъ чарами наслѣднаго принца.

Впослѣдствіи, частовспомыная объ этомъ, Мих. Ив. говорилъ, что если рассказъ о такомъ привлеченіи министра-президента Менабреа на сторону наслѣднаго принца и зародился въ пруссакахъ на почвѣ желанія польстить своему чувству любви къ „Фрицу“, то во всякомъ случаѣ эта любовь къ нему являлась совершенно понятною и вполне объяснимою.

Но въ этомъ крылось не только простое проявленіе чувства къ своему любимцу; проявленіе это ясно выдвигало затаенное убѣжденіе нѣмцевъ въ громадныхъ дипломатическихъ способностяхъ принца; въ томъ, что онъ былъ ими одаренъ, пруссаки очевидно получили увѣренность, всесторонне оцѣнивая результаты поѣздки „Фрица“ въ Пиемонтъ.

Лично М. Ив., изъ своего перваго знакомства съ этимъ чуднымъ принцемъ, кромѣ присущихъ ему чисто-военныхъ, — полководческихъ способностей, отмѣтилъ въ немъ „вполнѣ рыцарское отношеніе ко всѣмъ во всемъ“ и необыкновенное, изъ ряду выходящее, чувство отеческой любви къ солдату.

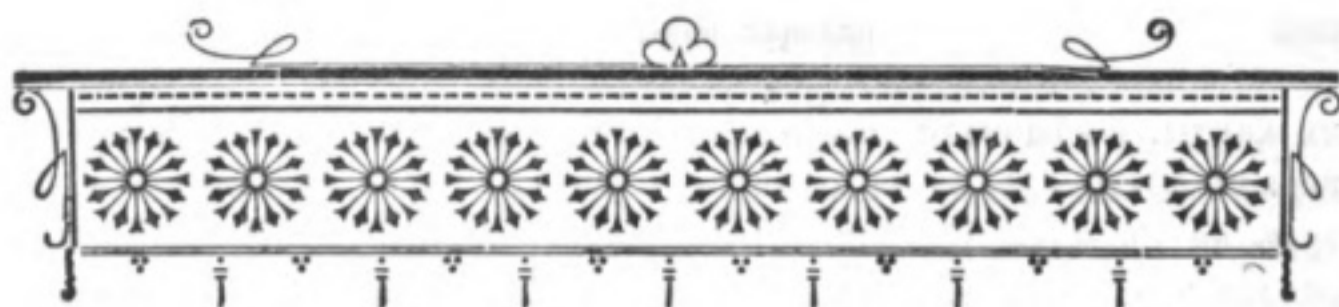
— „Въ этихъ дѣтяхъ, говаривалъ молодой принцъ: замѣчательно и беззавѣтно выработана въ видѣ долга привычка — терпѣть и переносить безропотно все самое тяжелое; они достойны наиболѣе высокихъ чувствъ любви и участливаго къ себѣ покровительства въ мелочахъ“. — Впослѣдствіи, въ теченіе всего похода, Михаилу Ивановичу на каждомъ шагу кидалась въ глаза неусыпная, доходившая до болѣзненности, заботливость „Фрица“ о солдатѣ и объ его нуждахъ.

Находились здѣсь нѣмецкіе языки, которые обращали это въ шутку и ехидно говорили, что начальникъ 2-ой арміи — наслѣдный принцъ Фридрихъ, всецѣло обратился въ интенданта при своемъ Начальникѣ штаба генералѣ Блюменталѣ; но объ этомъ впереди...

(Продолженіе слѣдуетъ).

.А. Е. К.

Первые годы службы ¹⁾.

Не разнообразна была наша жизнь. Собирались мы у тѣхъ изъ насъ, кто имѣлъ хату побольше, чаще всего у Викгорста, тамъ же мы и обѣдали. Вопросъ о продовольствіи имѣлъ первостепенную важность въ такомъ глухомъ и не важномъ мѣстѣ, какъ Богуславъ. Превжній обычай, имѣвшій въ артиллеріи почти всеобщее распространеніе—обѣдать у батарейнаго командира, уже вышелъ изъ употребленія, или лучше сказать сѣузился: батарейные командиры стали звать офицеровъ къ обѣду только въ лагеряхъ. Каждый офицеръ, предоставленный на зимнихъ квартирахъ своему собственному усмотрѣнію, продовольствовался разео: или входилъ въ артель изъ нѣсколькихъ товарищей, или стоваривался съ квартирной хозяйкой, или превращалъ своего денщика въ повара, вѣриѣе сказать, въ кашевара. Сначала и я продовольствовался отъ своей хозяйки, т. е. мнѣ давали борщъ и (большею частію) кашу, но потомъ получилъ приглашеніе въ артель, которое конечно и принялъ съ восхищеніемъ. Тутъ меню было разнообразіѣе, и качество стола повыше, при количествѣ достаточномъ, платили же мы по 4 р. 50 к. сер. въ мѣсяць, такъ какъ мѣстная дешевизна была замѣчательная.

И такъ, собравшись вмѣстѣ около часа, мы обѣдали, при томъ довольно шумно и, по моему тогдашнему мнѣнію, очень весело. Если иной разъ что-нибудь принахивало дымкомъ, или не дожарилось, или переварилось, то это непременно замѣчалось старшими товарищами, но тѣмъ не менѣе съѣдалось безъ остатка. Послѣ обѣда иногда расходились по домамъ, иногда оставались, играли

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1910 г.

въ карты, бесѣдовали. Картежная игра была въ большомъ ходу и играли почти всѣ, но въ однѣ коммерческія игры, азартныя же были тутъ не въ модѣ. Сидѣли большею частью въ фуражкахъ, и объяснялся этотъ обычай тѣмъ, что въ хатахъ съ тонкими, промерзающими стѣнами послѣ топки печей всегда угарно, а потому необходимо сидѣть съ покрытой головой. Хотя я и не совсѣмъ понималъ, почему шапка можетъ служить предохранительнымъ средствомъ отъ угара, однако принялъ этотъ аргументъ безъ критики, и самъ съ нѣкоторой тайной гордостью сидѣлъ въ фуражкѣ. Одно меня при этомъ смущало: у всѣхъ были фуражки затасканныя, замызганныя, а у Викгорста даже безъ половины козырька, у меня же совершенно новая, сейчасъ видно, что офицеръ новопеченный. Мнѣ очень хотѣлось привести свою фуражку въ старослужащій видъ, но остановило меня то соображеніе, что замѣтять и будутъ смѣяться. Да и какой толкъ портить одну фуражку, когда всѣ прочія статьи костюма у меня тоже съ иголочки, а у другихъ потертыя, выцвѣтшія, даже совсѣмъ какія-то необычныя. И въ самомъ дѣлѣ, каждый ходилъ, въ чемъ хотѣлъ и что нравилось, особенно тѣмъ, что были помоложе. Видѣлъ я тутъ полосатые, тиковые сюртучки или казакнички съ полудюжиной кармановъ и карманчиковъ; видѣлъ широчайшія шаровары, конечно, тоже изъ дешевой матеріи, а зимой тулупы, тулупчики и проч., все нимало не подходящее къ установленной формѣ. Сапоги употреблялись въ Богуславѣ высокіе, въ родѣ ботфортовъ, ибо грязь была невообразимая; они шились изъ лошадиной кожи, доходили до колѣнъ, каблукъ были подкованы, а зимою ставились подковки даже на шипахъ, такъ какъ мѣстность въ Богуславѣ очень гористая, въ гололедицу трудно проходима. По той же причинѣ вмѣстѣ съ подкованными сапогами офицеры употребляли палки съ острымъ гвоздемъ на концѣ и называли ихъ костылями. Всѣми этими снаряженіями обзавелся и я.

Бесѣды послѣобѣденныя и вечернія велись на темы не очень разнообразныя, чаще всего мы, говоря техническимъ терминомъ, „ругали начальство“. До высшаго начальства не добирались, а критиковали больше низшее, въ родѣ батарейнаго и бригаднаго командировъ. Батарейныхъ командировъ обзывали *арендаторами*, ибо тогдашній способъ веденія батарейнаго хозяйства походилъ дѣйствительно какъ будто на арендованіе. Требовалось, чтобы батарея имѣла видъ, такъ сказать, праздничный всегда, когда есть начальство, и вездѣ, гдѣ есть начальство. Особенно праздничнымъ качествамъ должны были отвѣчать лошади и конская амуниція; но эта особенность не препятствовала быть лошадямъ и ихъ сбруѣ

самою доходною статьею батарейнаго хозяйства. Доходы батарейныхъ командировъ, впрочемъ, были весьма различны по цифрѣ итога: вдвое, впятеро, даже вдесятеро больше или меньше у одного противъ другого. И вся эта разница порождалась обстоятельствами времени и мѣста, условіями квартированія: главная статья дохода опредѣлялась разницей между справочной и дѣйствительною цѣною на фуражъ. Чтобы справочная цѣна была какъ можно выше дѣйствительной, командирами употреблялись всевозможныя мѣры, всѣ онѣ сводились, конечно, къ подкупу, и цѣль достигалась почти всегда. Въ Богуславѣ мнѣ привелось однажды, въ самомъ началѣ моего тамъ пребыванія, завѣдывать около недѣли батарейными лошадьми, расположенными въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка. Тутъ я имѣлъ случай узнать, что справочная цѣна на сѣно была 10 к. сер., а сѣно покупалось отъ 3¹/₂ до 5 коп. Конечно, разница между цѣнами справочною и дѣйствительною не вся шла въ командирскій карманъ; казенная дача сѣна была недостаточна и можетъ быть нѣсколько мѣсяцевъ въ году приходилось лошадей кормить больше положеннаго, но въ этомъ и иныхъ однородныхъ обстоятельствахъ и заключалась основная черта тогдашняго войскового хозяйства, которое давало поводъ нашему брату называть батарейныхъ командировъ арендаторами. И кличка эта къ нимъ прилагалась вовсе не въ одной 1 бригадѣ.

Когда офицеры бесѣдовали, „ругая начальство“, то на счетъ своего собственнаго начальства прохаживались довольно рѣдко, а больше на счетъ командировъ въ другихъ бригадахъ. Дѣлалось это безъ негодованія, безъ задора, даже безъ горечи, въ бесѣдѣ субъективность собесѣдниковъ какъ будто отсутствовала; каждый излагалъ тотъ или другой фактъ какъ бы не для слѣдствія или суда, а для внесенія въ протоколъ историческаго изслѣдователя и собирателя. Кричали много, но страсть въ этомъ крикѣ не звучала, рассказываемые курьезы до того отвѣчали общему тону времени, что удивленія не возбуждали. А своего собственнаго начальства даннаго времени касались рѣдко потому, что эта тема была почти исчерпана и успѣла очень пріѣсться. Другое дѣло, когда пріѣзжалъ новый командиръ.

Въ Богуславѣ, при штабѣ бригады, находилась бригадная библіотека, довольно хорошая сравнительно съ другими, которая мнѣ привелось впоследствии видѣть, но она была или спеціально-артиллерійская, или литературная случайнаго характера, а требованіямъ научнаго образованія отвѣчала лишь въ слабой степени. Научная подготовка офицеровъ была корпусно-кадетская, общеизвѣстнаго типа, изъ котораго выдѣлялись только отдѣльныя лица,

слѣдовательно, на каталогъ бригадныхъ библиотекъ она вліять не могла. Да и вся обстановка полевого артиллерійскаго офицера, складъ его жизни, смыслъ его службы вовсе не наталкивали на пользу самообразования. Даже специальное образование стояло въ нашей артиллеріи на низкомъ уровнѣ и со стороны офицеровъ не употреблялось никакихъ усилій, чтобы уровень этотъ поднять. Огромное большинство артиллерійскихъ офицеровъ вышли изъ кадетскихъ корпусовъ; исключеніе составляла только гвардейская артиллерія, комплектовавшаяся преимущественно изъ артиллерійскаго училища. А въ кадетскихъ корпусахъ особыхъ курсовъ для специальныхъ родовъ оружія не было; учился отлично—въ гвардію; хорошо—въ артиллерію или саперы; средственно—въ армію, плохо—въ линейные батальоны, совсѣмъ худо—въ гарнизонъ. Мудрено ли, что новоиспеченный артиллеристъ, не имѣвшій сколько-нибудь серьезной специальной подготовки, нисколько не заботился о своемъ дальнѣйшемъ артиллерійскомъ образовании? Ѣздить верхомъ у такого-то орудія, командовать такимъ-то взводомъ 2—3 мѣсяца въ году, познакомиться съ механизмомъ заряжанія и пальбы изъ нехитраго гладкостѣннаго орудія, присмотрѣть, какъ обучаютъ фейерверкеры солдатъ маршировкѣ и орудійнымъ приѣмамъ,—вотъ весь циклъ служебной мудрости для молодого офицера на многіе годы. Да еще и такъ бывало, что коннаго батарейнаго строя офицеры не знали и въ строю путали, между прочимъ потому, что, жалѣя свою доходную статью—лошадей, батарейные командиры экзерцировали свои батареи въ конномъ строю очень рѣдко. Впрочемъ, и тутъ у офицеровъ былъ ресурсъ: тогда солдаты служили долго, и старѣйшіе изъ нихъ, фейерверкеры, строевую службу знали хорошо; уносный фейерверкеръ всегда могъ подсказать офицеру, что слѣдуетъ дѣлать при каждомъ построеніи. И подсказывали.

Существовалъ въ то время законъ, въ силу котораго офицеры младшихъ чиновъ обязаны были держать ежегодные экзамены изъ нѣсколькихъ предметовъ своей специальности. Вскорѣ послѣ моего поступленія на службу, этотъ законъ былъ видоизмѣненъ: экзамены производились лишь передъ производствомъ офицеровъ въ слѣдующій чинъ, а вслѣдъ затѣмъ были отмѣнены совершенно. Однимъ оффиціальнымъ обманомъ стало меньше. Я, будучи скверно подготовленъ къ артиллерійской службѣ, хотя учился порядочно, побаивался-таки этихъ экзаменовъ, предполагая, что испытаніе офицеровъ должно быть нѣчто весьма серьезное, и по характеру, и по объему. Поэтому, нѣсколько освоившись съ собраніями товарищей и привыкнувъ подавать на нихъ иногда свой голосъ, я рѣшился какъ-то спросить объ офицерскихъ экзаменахъ. Отвѣтомъ былъ

легкій, но всеобщій смѣхъ. Затѣмъ мнѣ объяснили, что каждый экзаменующійся задаетъ себѣ задачи самъ, по своему выбору и усмотрѣнію, рѣшаетъ ихъ письменно и представляетъ начальству, а оно отсылаетъ куда слѣдуетъ. Къ этому прибавили, что вообще наши экзамены есть чистая комедія, что офицерскіе испытательные листки или вовсе не разсматриваются, или провѣряются на выдержку можетъ быть изъ сотни одинъ и что прискорбныхъ для экзаменующихся результатовъ не бываетъ, а если и бываютъ изрѣдка, то въ такихъ лишь случаяхъ, когда офицеръ дозволяетъ себѣ вопіющую беспечность и небрежность.

Научныхъ бесѣдъ у насъ въ Богуславѣ не было, литературныя бывали изрѣдка, или урывками, о строевой, т. е. фронтовой, службѣ упоминалось рѣдко, но служба вообще разбиралась часто. Говорилось о разныхъ стоянкахъ, со вздохомъ упоминалось про стоянку въ Польшѣ, какъ о самой выгодной въ денежномъ отношеніи, ибо тамъ давалось усиленное жалованье. Вообще оказывалось хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, почти никто не былъ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ и мечталъ о лучшемъ. Главною тому причиною была, во-первыхъ, бѣдность, т. е. недостатокъ средствъ для жизни самой простой и скромной; во-вторыхъ, чрезвычайно тугое чинпроизводство въ полевой артиллеріи, допускающее видѣть улучшение настоящаго положенія лишь въ далекомъ будущемъ, т. е. когда наступитъ время командованія батареей.

Недостатокъ средствъ — вотъ основное положеніе, изъ котораго всѣ бесѣды исходили или къ которому всѣ онѣ приводили. Судили и рядили на всѣ лады — какъ быть, чтобы ухитриться сводить концы съ концами. Выяснялось, что, во-первыхъ, пить чай прапорщику нельзя, тѣмъ паче съ такими приправами, какъ ромъ и лимонъ; носить платье слѣдуетъ изъ двухрублеваго сукна; сапоги заказывать выростковые; и такъ далѣе. Болѣе всего встрѣтилось трудностей при опредѣленіи расходовъ экстраординарныхъ, особенно по амурской части. При всей неизбежности этой расходной статьи, она признана для прапорщика запретной и даже опасной, по невозможности регулированія и по сравнительной мягкости прапорщичьихъ сердецъ, вредно отражающейся на карманѣ. И судили-то прапорщики же.

Иногда, наскучивъ толковать все объ одномъ и томъ же, прибѣгали къ хорошему пѣнію, но оно тянулось недолго, такъ какъ умѣлыхъ пѣвцовъ не было ни одного, а неумѣлое рвеніе заводило, Богъ знаетъ, куда. Пѣли пѣсни солдатскія, романсы, а то на какой-нибудь мотивъ пѣли, что взбредетъ на умъ, большею частью содержанія скромнаго. Чаше всего пѣли романсъ „бригадный“, кѣмъ-

то и на кого-то составленный; все это я позабылъ, но слова романа и напѣвъ (очень недурной и оригинальный) помню до сихъ поръ. Начинаясь романъ такъ:

Идетъ Миша и пла-а-ачетъ...

Увидѣла Настя,

Настасья Петровна,

У Миши спросила:

„Чего Миша плачетъ—плачетъ?“

„Чего Миша хочетъ—хочетъ?“

— Пла-а-чу я пла-а-чу

— Подойти къ тебѣ хочу. —

Настя Мишу утѣшала

Подойти къ себѣ пускала

„Подь, Мишенька, подь, душенька,

„Подь, подойди.“

А Миша идетъ и все пла-а-а-четъ.

Далѣе развивается содержаніе пѣсни, несовсѣмъ въ печати удобное.

Если къ описанному времяпрепровожденію прибавить шахматы да бильярдъ въ скверномъ, грязномъ еврейскомъ трактирѣ, то вся программа нашихъ занятій, удовольствій и развлеченій будетъ исчерпана. Ни спектаклей, ни концертовъ, ни даже заѣзжихъ фокусниковъ или акробатовъ—не было во время 5 мѣсячнаго пребыванія моего въ Богуславѣ. Оставалось сидѣть дома и читать, затѣмъ бездѣльно шататься по грязному, вонючему мѣстечку, заходить другъ къ другу, чтобы посмотрѣть въ сотый разъ на стѣны и маленькія окна хаты, вытянуть кверху руки, глубоко зѣвнуть и проговорить: „Господи, что за скука!“ При этихъ условіяхъ какъ много могли бы поработать тѣ же самые офицеры на пользу службы, если бы служба была умѣло организована!

Мое положеніе, сравнительно съ прочими, было лучше и легче. Я только что выскочилъ въ взрослые, впервые испытывалъ свободу и очень интересовался своею новой обстановкой и всѣмъ окружающимъ. Миѣ не могло наскучить съ перваго раза все то, что другимъ надоѣло давнымъ давно. Меня занимало даже скитанье по Богуславу въ подкованныхъ сапогахъ, съ костью въ рукѣ. Кромѣ того я сталъ учиться верховой ѣздѣ, благодаря любезности товарищей. А страсть къ чтенію можно было удовлетворять вполнѣ, если откинуть капризничанье въ выборѣ книгъ и не требовать отъ чтенія систематичности. Да и самая наша жизнь съ ея условіями и обстановкой отрицала серьезныя и систематическія занятія, если бы у кого-нибудь появилась къ нимъ охота. Помимо состава бригадной бібліотеки, довольно хорошей и полной только

сравнительно, не было никакихъ элементарныхъ удобствъ для занятій. Мудрено было бы молодому человѣку, волею судьбы попавшему въ эту грязную дыру, отшатнуться отъ небольшого общества и повести жизнь анахорета. Онъ умеръ бы съ тоски, а почти-что и съ голода. Все направляло людей на битый путь ничегонедѣланія и научало думать только о завтрашнемъ днѣ, не дальше. Графъ Толстой гдѣ-то въ „Войнѣ и Мирѣ“ говоритъ, что военные имѣютъ привилегію на безупречную праздность, тогда какъ для всѣхъ другихъ праздность предосудительна. Это прямо приложимо къ тому времени, ибо условность эпитета „безупречный“ сложилась лишь въ послѣдующее время.

Чтобы показать, какими удобствами мы пользовались въ нашемъ домашнемъ быту, опишу тѣ квартиры, которыя я занималъ. Сначала мнѣ и товарищу, съ которымъ я вмѣстѣ жилъ, была отведена квартира на концѣ мѣстечка, въ просторной хатѣ, раздѣленной сѣнями пополамъ. Въ одной половинѣ оставались проживать хозяева, другую заняли мы. Наше помѣщеніе состояло изъ двухъ маленькихъ комнатокъ, гостиной и спальни, какъ мы ихъ называли; въ спальню выходила хозяйская русская печь и ее нагрѣвала, гостиная отапливалась своей собственной печкой. Надъ русской печкой была квадратная дыра, въ четверть арш., черезъ эту дыру къ намъ безпрестанно кто-нибудь засматривалъ и черезъ нее же мы разговаривали съ хозяйкой, когда волей, а когда и неволей. Стѣны этого домика-мазанки были тонкія, не больше четверти; крыша соломенная, окна маленькія, какъ въ крестьянскихъ хатахъ, потолокъ низкій, такъ что можно было достать его вытянутой рукой. Полъ былъ глиняный, ровный и гладкій, но отъ ходьбы по немъ давалъ тонкую пыль. Въ спальнѣ стояла кровать, конечно безо всего; въ гостиной диванъ съ деревянною доскою вмѣсто общепринятаго мягкаго сидѣнія; если къ этому прибавить два простыхъ не окрашенныхъ стола и четыре стула, то меблировка будетъ полная. Мы справили себѣ сѣнники для сна и имущество свое держали въ чемоданахъ.

Стѣны нашего зимняго дворца промерзали насквозь или по крайней мѣрѣ настолько, что при топкѣ печи, по комнатамъ стоялъ паръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространялся такой угаръ, что оставаться дома не было возможности. При сырой, но теплой погодѣ было немного лучше. Каждую субботу являлась къ намъ бабуся съ горшкомъ какой-то красной глины, просила насъ удалиться и безъ всякихъ приспособленій, съ помощью одной правой руки, смазывала тонкимъ слоемъ глины полъ, гладко и ровно. Часа черезъ два полъ просыхалъ и дѣлался чистымъ, опрятнымъ, даже красивымъ. Это меня натолкнуло на совершенно новую мысль.

До бани было далеко и очень грязно; отчего не устроить себѣ

баню дома, въ гостиной?—Для этого я выбралъ пятницу, т. е. канунъ полотерныхъ экзерцицій бабуси; затопилъ печку по обыкновенію соломой, поставилъ въ нее горшокъ или два воды и, когда она нѣсколько нагрѣлась, раздѣлся и препорядочно вымылся, а потомъ лужу грязной воды собралъ въ горшокъ. Такое мое свободомысліе возбудило на слѣдующій день цѣлую бурю со стороны хозяйки, однако послѣ полотерныхъ упражненій бабуси, испорченный полъ получилъ свой обычный видъ. Только я больше не устраивалъ у себя дома баню, иначе хозяйка пожаловалась бы непременно. Офицеры очень смѣялись и хвалили мою изобрѣтательность, такъ что я очень выросъ въ моемъ собственномъ мнѣніи.

На другую квартиру я перешелъ, вмѣстѣ съ товарищемъ въ срединѣ зимы, а почему именно понадобилось это перемѣщеніе,— не помню. Отведена была одна большая комната въ грязномъ трактирѣ; потомъ оказалось, что подъ нею находился трактирный погребъ. Мебель была получше, чѣмъ въ первой, но зато шумъ и гамъ по временамъ стояли въ сосѣдствѣ такіе, что даже насъ, неизбалованныхъ, тревожили и заставляли иногда уходить изъ дома. А пуще всего доѣзжалъ насъ страшный холодъ, который не поддавался никакимъ тонкамъ; однажды ночью на столѣ замерзла вода въ стаканѣ. Зато мы безпрестанно ходили согрѣваться билліардной игрой, конечно даромъ, и скоро въ этомъ искусствѣ стали почти артистами.

Такимъ образомъ протекло около пяти мѣсяцевъ. Я сѣлся со своей средой и не успѣлъ еще соскучиться моею монотонной и однообразной захолустной жизнью. Товарищей моихъ я полюбилъ искренно или по крайней мѣрѣ настолько къ нимъ привязался, что разставаніе съ ними очень бы меня огорчило. А между тѣмъ именно и пришлось разстаться. Насъ было тутъ двое сверхкомплектныхъ; это конечно было предвидѣно въ Петербургѣ при моемъ сюда назначеніи и слѣдовало мнѣ тогда же указать на выборъ другого мѣста службы. Однако почему-то предпочли поступить иначе; въ 1-ю бригаду меня зачислили согласно моему желанію, но зато, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, перевели въ 6-ю, уже не справляясь съ моимъ желаніемъ.

Я сталъ готовиться къ отъѣзду; въ матеріальной сторонѣ моего житья-бытья оказались кое-какія прорѣхи, которыя надлежало задѣлать. Жилъ я очень прижимисто и считалъ каждую копейку, но это отъ прорѣхъ не спасло, а только сдѣлало ихъ не очень большими и къ заштопанью довольно легкими. Припоминаю одинъ случай изъ тѣхъ, кои производили прорѣхи. Въ Богуславѣ, какъ и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ скучено еврейское населеніе, процвѣтало ремесло факторовъ. Факторъ—это комиссіонеръ, котораго не ищутъ, а который самъ васъ ищетъ. Если вы фактора не желаете, онъ все равно

будетъ къ вашимъ услугамъ; онъ постоянно торчитъ гдѣ-нибудь невдалекѣ, слѣдитъ за вами, узнаетъ про ваши потребности и является съ нужными для васъ вещами прежде, чѣмъ вы соберетесь ихъ приобрѣсти. Онъ никогда не утомляется и какъ будто не ѣсть и не спитъ. И все это за 15 коп. въ день, т. е. въ рабочій, комисіонный день. А если кто побогаче или потароватѣе и даетъ копеекъ 25—30, то факторъ уже такъ и дежуритъ безсмѣнно въ его передней, кухнѣ или сараѣ. Ни у меня, ни у моихъ товарищей не было факторовъ, во-первыхъ, потому, что 15 коп. были для насъ большимъ расходомъ, а во-вторыхъ, каждый изъ насъ имѣлъ казенную прислугу. Тѣмъ не менѣе мы отъ факторовъ отдѣлаться не могли и хотя они нашихъ глазъ не мозолили, но непремѣнно являлись тогда, когда по ихъ нюху представлялась надобность въ нихъ и была надежда на гешефтъ. Если чутье фактора оказывалось вѣрнымъ, то добродѣтель награждалась, т. е. гешефтъ попадалъ въ его карманъ, если же нюхъ обманывалъ, то порокъ наказывался, т. е. факторъ выпроваживался, смотря по темпераменту патрона, или простымъ напутственнымъ словомъ или подзатыльникомъ. Это послѣднее обстоятельство впрочемъ не обезкураживало фактора, и онъ по-прежнему продолжалъ невидимо состоять при исправленіи своихъ обязанностей, но только придавалъ имъ значеніе второстепенное, вспомогательное.

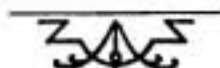
Былъ и у меня подобный фактотумъ іудейскаго исповѣданія, можно бы сказать *le juif elegant* въ предѣлахъ Богуслава. Ужъ чего я былъ голъ и неимущъ, а все-таки нашлись охотники зарабатывать барыши на моей особѣ. Въ самомъ началѣ факторъ мнѣ дѣйствительно былъ полезенъ и даже нуженъ, пока я не освоился и не получилъ казенную прислугу, но потомъ надобность въ немъ встрѣчалась рѣдко и случайно. Когда я пріѣхалъ въ Богуславъ, меня облѣпила цѣлая туча этихъ хищныхъ птицъ, и ужъ не помню, какимъ образомъ выборъ палъ на одного, Лейбу или Мошку. Вѣрнѣе, что не я его выбралъ, а они сами разыграли меня между собою въ лотерею, такъ что не онъ состоялъ видимо и невидимо при мнѣ, а я при немъ. Первое время, несмотря на мою голъ, онъ получалъ съ меня барыши постоянные, хотя и копеечные, но если для меня эти копейки имѣли значеніе, то для него и подавно: эти факторствующие жидки были поистинѣ народъ очень бѣдный и жалкій. Бывали однако случаи, хотя и рѣдкіе, когда факторъ зарабатывалъ съ меня барыши крупнѣе копеечныхъ, такъ сказать, гривенные. Однажды принесъ онъ ко мнѣ нѣсколько разныхъ вещей, передавая мнѣ съ таинственнымъ видомъ, что представляется необыкновенный случай купить ихъ за четверть цѣны. Я велѣлъ ему убираться вонъ, онъ и убрался, но всѣ вещи оставилъ у меня—

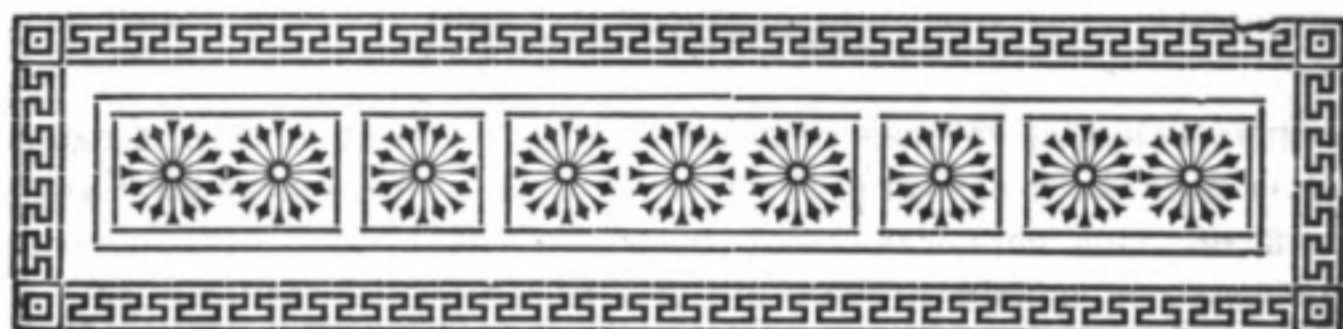
обыкновенный факторскій приемъ съ молодыми и неопытными. Невольно сталъ я разсматривать разложенныя вещи, какъ разъ въ это время факторъ опять явился, и въ результатъ получилось, что я купилъ коробку съ помадой и заплатилъ за нее два рубля серебромъ, когда всѣ мои наличные денежные ресурсы ограничивались въ то время 5—6 рублями. Коробка съ помадой была такая красивая, помадные банки, числомъ три, такія изящныя; жидокъ-факторъ такъ убѣдительно высчитывалъ по пальцамъ выгодность покупки, что я не устоялъ. Лишь когда онъ исчезъ съ моими двумя рублями, я сообразилъ, что сдѣлалъ глупость, ибо никогда никакой помады не употреблялъ ни прежде, ни послѣ.

Передъ отъѣздомъ я пересмотрѣлъ все мое небогатое имущество и, что нашелъ въ немъ лишняго, распродалъ своимъ товарищамъ, или обмѣнялъ на болѣе нужное. У одного изъ нихъ купилъ я на дорогу ношенный, но хорошій тулупъ изъ калмыцкихъ барановъ, крытый нанкой. Цѣна, 15 р., была мнѣ не по карману, и я думалъ было отказаться отъ покупки, хотя въ одной шинели, подбитой вѣтромъ, ѣхать было очевидно нельзя. Однако вмѣшались въ дѣло товарищи, составили изъ себя нѣчто въ родѣ жюри экспертовъ и уговорили продавца уступить мнѣ тулупъ за 10 рублей серебромъ. Несмотря на всѣ эти операціи, денегъ у меня было меньше, чѣмъ нужно по самому скромному счету, а товарищи помочь не могли: всѣ они сами сидѣли безъ копейки. Посоветовали обратиться къ батарейному командиру, высчитали нужную мнѣ сумму (руб. 30), опредѣлили срокъ, къ которому я могу возвратить долгъ. Я отправился къ Пассеку; онъ выслушалъ мою просьбу, подкрѣпленную исчисленіями, сразу согласился, сейчасъ же вручилъ мнѣ просимую сумму и отказался взять расписку. Я пришелъ въ нашу компанію къ обѣду, восхищенный и славословившій; офицеры похвалили Пассека, сказавъ, что такъ и слѣдуетъ, что иначе онъ былъ бы скотина, а что впрочемъ есть скоты. При этомъ мнѣ было слегка внушено, что любезность Пассека обязываетъ меня быть въ свою очередь точнымъ при отдачѣ долга; я увѣрилъ ихъ, что такъ и будетъ, и дѣйствительно возвратилъ потомъ деньги въ срокъ.

Очень пришлились мнѣ по душѣ мои товарищи, а нѣкоторыхъ изъ нихъ я искренно любилъ. Много ли, кажется, 5 мѣсяцевъ, а они сдѣлали то, что потомъ не дѣлалъ и цѣлый рядъ лѣтъ. Лежала ли причина тому въ хорошихъ качествахъ офицеровъ, или же въ свѣжести моихъ первыхъ впечатлѣній? Я думаю, и въ томъ и въ другомъ.

А. Ф. Петрушевскій.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Часть 3-я ¹⁾).

1877—1878.

Г Л А В А I.

Что сдѣлаетъ Англія?

Вопросъ, поставленный г-жей Новиковой въ заключеніи письма, въ которомъ она сообщала, что война объявлена, задѣлъ и Гладстона, и многихъ англичанъ. Мы, говорятъ они, настаивали на необходимости имѣть одинаковую отвѣтственность съ Россіей въ опредѣленіи Восточнаго вопроса. Мы вошли въ соглашеніе съ ней при составленіи программъ реформъ, на Константинопольской конференціи, которую турки отвергли. Мы подписали протоколъ вмѣстѣ съ Россіей, предлагающій Турціи золотой мостъ, посредствомъ котораго она могла бы избѣжать опасности войны и необходимости исполненія реформъ. Турція и это безъ церемоніи отвергла. Вы спрашиваете, какъ поступить теперь Англія?

Отвѣтъ былъ, что Англія ничего не сдѣлаетъ. Мы приказали султану приступить къ реформамъ, но такъ какъ онъ отказался исполнить наше повелѣніе, то мы честно умыли руки отъ всего дѣла, благодаря Бога, что избавились отъ такого мошенника. Къ этому рѣшенію правительство и большая часть націи пришли безъ всякихъ колебаній. Это была эгоистичная, близорукая политика, подлая политика, но та часть англичанъ, которая не была эгои-

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1910 г.

стична и подла, которая сознавала свою отвѣтственность и готова была идти на необходимыя жертвы, была въ безпомощномъ меньшинствѣ. Она не могла даже требовать поддержки отъ лидеровъ либеральной партіи.

Никакое національное униженіе не чувствовалось такъ остро безсильнымъ меньшинствомъ и не было принято съ такой снисходительностью всемогущимъ большинствомъ, какъ это. Иди мы рука объ руку съ Россіей, не было бы турецкаго сопротивленія, а если было бы, то въ одинъ мѣсяць съ нимъ бы справились. Въ интересахъ самой Турціи соединенное понужденіе было желательно, какъ желательно, чтобы у зубного врача была сильная кисть руки, чтобы сразу выдернуть больной зубъ, а болгаръ это избавило бы отъ обращенія ихъ страны въ театръ войны. Для принципа Европейскаго концерта, ради человѣколюбія и цивилизаціи, наша обязанность была ясна. Но мы отъ нея уклонились. Лордъ Биконсфильдъ надѣялся, что турки побѣдятъ. Большая часть націи не любила Россіи и не желала мѣшать ей сломать себѣ зубы о Турцію. Но преобладающее вліяніе имѣлъ чистый, прямой, неподдѣльный эгоизмъ Англіи. Зачѣмъ намъ тратить выстрѣлы, или копѣйку на болгаръ? Если русскіе желаютъ сражаться за нихъ съ туркомъ, пускай сражаются, сколько угодно. Но мы будемъ нейтральны. Таково было осторожное мнѣніе даже либераловъ, какъ Форстеръ, Брайтъ. Послѣдній былъ противникомъ всякой войны, а первый не могъ себѣ представить, чтобы мы были обязаны воевать противъ Турціи. Душа Гладстона разразилась гнѣвомъ: ему припомнилась Крымская война и роль, которую въ ней играла Англія, но, несмотря на поддержку радикаловъ и сильной партіи, онъ былъ теперь безсиленъ даже собрать послѣднюю. Итакъ, вся нація была солидарна въ рѣшеніи предоставить славянъ ихъ судьбѣ. Народъ еще не былъ достаточно воспитанъ, чтобы понять свою отвѣтственность.

Кабинетъ, безнадежно дѣлившійся на голоса, какъ только вопросъ шелъ о дѣйствіи въ ту или другую сторону, согласился, наконецъ, не дѣйствовать вовсе. Политика дешевая, популярная и безопасная.

Что же касается до духовенства, то священникъ В. Дентонъ ярко описываетъ ихъ положеніе въ своемъ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ отъ 31-го марта. Вотъ оно:

„Консервативные члены нижней палаты такъ хорошо приучены повиноваться (Ваши бывшіе крѣпостные едва-ли были покорнѣе), что за исключеніемъ г-на Форсайтъ, никто пальцемъ не пошевелинулъ, хотя даже среди нихъ не всѣ согласны съ политикой мини-

стерства. Мы достигли одного: война изъ-за Турціи съ Россіей абсолютно невозможна“.

Либералы были воинственнѣе настроены, но наврядъ ли набралось бы ихъ 60 или 70 въ палатѣ изъ 638 членовъ.

При этихъ условіяхъ положеніе Гладстона было необыкновенно затруднительно. Возбудить народъ къ тому, чтобы отказать въ помощи туркамъ, было легко. Устроить публичныя собранія въ пользу присоединенія къ Россіи и сдерживанія турокъ, хотя бы дипломатическаго, было труднѣе. Такъ, напримѣръ, Фриманъ всегда указывалъ въ своихъ публичныхъ воззваніяхъ на то, что мы не должны быть вовлечены въ эту войну съ Россіей.

За два дня до объявленія войны, г. Фриманъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Грецію, пишетъ мнѣ:

„Я увѣренъ, что наступило время для большихъ митинговъ, или для сильной дѣятельности вообще. Какъ много сдѣлали митинги прошлаго года, до Сентъ Джемсъ Холь включительно, ясно изъ того, что они до сихъ поръ воспаляютъ умы торіевъ. Ихъ хвастовство, что нація измѣнила свое мнѣніе, должно бы получить отвѣтъ. Главное слѣдуетъ выяснить, что ни въ какомъ случаѣ мы не позволимъ еврею втянуть насъ въ войну съ Россіей. Мысль его все время несомнѣнно была заставить Россію воевать съ турками, чтобъ придраться къ ней потомъ. Не думаю, чтобы онъ сообщилъ объ этомъ лорду Дерби: тотъ слишкомъ глупъ, или лорду Салзберри, который слишкомъ честенъ, но это его игра, это ясно, и намъ слѣдуетъ говорить противъ этого въ-время. Вы, сѣверяне, должны бы начать агитацію“.

Изъ Вероны г. Фриманъ пишетъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 30-го апрѣля:

„Я здѣсь съ двумя дочерьми Маргаритой и Еленой по пути въ Грецію. Мы услышали передъ самымъ отъѣздомъ изъ Англїи, что пачалась война. Вамъ не нужно спрашивать, на чьей сторонѣ мои симпатїи, но я боюсь, что многіе въ Англїи отступаютъ. Удивительно, какъ это русское пугало дѣйствуетъ. Я боюсь, что даже „Daily News“ слабѣтъ. Легенды про обращеніе съ уніатами сильно вредятъ Россіи въ Англїи. Его сравниваютъ съ обращеніемъ турокъ въ Болгарїи. Я ничего не знаю объ этихъ легендахъ, но если вѣрить самому худшему разсказу, все же нѣтъ никакого сравненія между двумя примѣрами. Хорошо объ этомъ было написано въ „Guardian“ прошлую среду. Я, кажется, послалъ Вамъ экземпляръ моего добраго друга „Сѣверное Эхо“, съ очень хорошей аналогіей. Чувства англичанъ къ протестантамъ въ Нидерландїи во время Елизаветы не были менѣе искренни, потому что

католики и протестанты конформисты тогда преслѣдовались въ Англіи.

„Люди имѣютъ весьма неопредѣленное понятіе объ уніатахъ, какъ и о старыхъ границахъ Россіи, Польши и Литвы. Не дурно было бы, съ Вашей стороны, просвѣтить ихъ на этотъ счетъ. Греція, повидимому, тоже очень боится, что Вы ею пожертвуете въ пользу Болгаріи. Я говорю грекамъ, что меня, надѣюсь, не заставятъ чертить границы въ Македоніи и Фракіи. Если-бъ это случилось, я бы сдѣлалъ себѣ враговъ изъ двухъ народовъ, которыхъ дружбой я дорожу. Но если возстанутъ Эпиръ, Фессалія и Критъ, Греція должна зашевелиться“.

Позднѣе г-нъ Фриманъ опять коснулся этого вопроса.

„Я не могъ понять причины этой русской „Синей Книги“, развѣ еврейское желаніе какъ-нибудь да повредить Россіи. Надѣюсь, что рассказы — ложь. Но допустимъ, что все это правда, что тогда? Россія и Англія независимыя государства. Каждое изъ нихъ стоитъ на своихъ ногахъ. Каждое должно видѣть свои грѣхи. Ни одно не можетъ быть судьей другого. Ни одно не поддерживается третьей державой для собственныхъ выгодъ. Но турокъ не самостоятеленъ, онъ не стоитъ на своихъ ногахъ, его поддерживаетъ Англія и другія государства изъ-за собственныхъ интересовъ. Эти государства поэтому имѣютъ право его судить, иначе его грѣхи будутъ ихъ грѣхами. Издать русскую „Синюю Книгу“ ни въ какомъ смыслѣ не соотвѣтствуетъ турецкой „Синей Книгѣ“. Это не что иное, какъ дерзкая выходка еврея, подобная прочему. Мы не должны бы останавливаться на вопросѣ греческихъ уніатовъ, хотя въ 1877 году торійскія газеты много писали о немъ. Правительство, чтобы сдѣлать недружелюбную выходку относительно Россіи, издало „Синюю Книгу“, наполненную донесеніями Мансфельда (англійскаго консула въ Польшѣ), описывавшаго жестокости, которымъ подвергались греки-уніаты отъ русскихъ властей, чтобы принудить ихъ возвратиться въ православіе“. Это было большое мѣсто для г-жи Новиковой; 2-го мая она писала Гладстону:

„Мансфельдъ и его жена положительно въ рукахъ поляковъ по вопросу о греческихъ уніатахъ. Повѣрьте мнѣ, прозелитизмъ совсѣмъ не въ нашей природѣ. Удивительно, какъ часто англійскіе дипломаты бывають введены въ заблужденіе. Я дамъ Вамъ выдержку изъ только-что полученнаго мною письма: *L'ambassadeur d'Angleterre est furieux de la marche des affaires, prétendant qu'il a été trompé par les Russes et qu'il a assuré tout le temps son gouvernement qu'il n'y avait qu'un très petit parti qui croyent l'honneur national en jeu. Le bon vieux Leflô (ambas-*

sadeur de France) lui a nettement parlé l'autre jour. „Plaignez vous encore quand c'est uniquement grâce à vos récits mensongers que nous devons la guerre. Oui, je maintiens mon dire: vous avez donné sur eux de fausses informations. Le 9 avril Leflô recoit un telegramme de Paris du Duc Decazes, vous êtes trop alarmiste, vous et vos rapports. La guerre est impossible. Personne ne veut la guerre. Je pars pour Nice. Eh bien, repond Leflô, j'aurai le plaisir de vous en faire revenir dans trois jours. La guerre fut declarée le 12/24 avril.

Энтузіазмъ великъ, пожертвованія такъ велики и такъ добровольны, что даже русскіе съ трудомъ вѣрятъ своимъ глазамъ. Никакое описаніе не можетъ дать Вамъ понятіе о томъ, что происходитъ здѣсь, со времени объявленія войны. Какъ слѣпы были нѣкоторые за это послѣднее время! Я, кажется, Вамъ говорила, что каждый день мира былъ днемъ страданій, пока не было предпринято что-нибудь серьезное въ пользу славянъ.

Пишите, дорогой г-нъ Гладстонъ, если можете это сдѣлать, не подвергая себя опасности. Въ свободной Англій есть извѣстное рабство, очень странное для русскихъ, которое называется „свобода прессы“, иногда страшно низкой и вульгарной. Простите, что говорю такъ откровенно. Ваша всегда, несмотря на печать,

Ольга Н“.

Это письмо вызвало немедленный отвѣтъ. Гладстонъ въ то время былъ въ борьбѣ съ лидерами своей собственной партіи относительно его знаменитыхъ резолюцій въ пользу совмѣстнаго съ Россіей давленія на турокъ, высказанныхъ имъ 7-го мая.

73 Гарлей Ст. 8-го мая 1877.

Дорогая госпожа Новикова, позвольте Вамъ объяснить то рабство, о которомъ Вы упоминаете въ своемъ интересномъ письмѣ отъ 2-го.

По восточному вопросу я дѣйствую противъ правительства, противъ клубовъ, противъ лондонской печати (въ большинствѣ), противъ большинства обѣихъ палатъ и противъ пяти шести или девяти десятыхъ плутократіи страны. Это составляетъ большую силу; противъ нихъ, по моему мнѣнію, настоящая нація. За нее и вмѣстѣ съ ней я стараюсь дѣйствовать. У меня, видитъ Богъ, нѣтъ избытка силъ. Я обязанъ тщательно избѣгать всего, что можетъ уменьшить мои силы. Писать Вамъ тайно, систематически, посылать Вамъ документы, или что-нибудь подобное, усилило бы предубѣжденіе противъ меня, и этимъ повредило бы дорогому для

меня дѣлу. Не удивляйтесь поэтому, если я просилъ Васъ отказаться отъ посылки писемъ заказными, или чего-нибудь производящаго впечатлѣнія секрета, а теперь прошу не посылать Вамъ документовъ, которые до меня лично не касаются, иначе я имѣлъ бы видъ агента. Мы въ пылу большого спора. Дѣйствія касаются одного моего замѣчанія въ парламентѣ, только что сдѣланнаго, 30-го апрѣля, и потому они поспѣшны; но было множество митинговъ съ большимъ энтузіазмомъ. Невозможно, по краткости времени, правильно сравнить ихъ съ осенними, но я думаю, что они оправдываютъ мое мнѣніе, что нація думаетъ теперь такъ же, какъ она думала тогда. Я заваленъ работой. Частный человекъ, въ частномъ домѣ, я получилъ 140 писемъ въ субботу, а вчера, кажется, 250. Мою переписку съ русскими ставятъ мнѣ въ вину въ дебатахъ. Я долженъ упомянуть объ этомъ въ отвѣтъ. Не имѣю времени распространяться объ общемъ вопросѣ. Да помилуетъ Богъ тѣхъ, кто правъ. Вашъ искренно

В. Гладстонъ.

Прежде чѣмъ это письмо достигло Москвы, Ольга Алексѣевна послала слѣдующее выраженіе восторга и страха. Содержаніе его рѣчи и его резолюцій дошло до нея по телеграфу въ Москву. „Вы снова ведете благородную и великую борьбу въ исторіи міра. Да укрѣпитъ Васъ Богъ и увѣнчаетъ успѣхомъ Ваши геройскія усилія. Пожалуйста откликнитесь. Ваша благодарная

Ольга Н“.

Храбрецы, желавшіе видѣть британскій флотъ въ соединеніи съ русской арміей, были сильны на сѣверѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центра, но идея соединеннаго дѣйствія была слишкомъ нова и не по вкусу большинству англичанъ. Къ тому же, война уже началась. Я съ своей стороны напечаталъ воззваніе, которое вызвало интересное письмо ко мнѣ г-на Чемберлена, съ которымъ я въ то время часто переписывался. Чемберленъ въ началѣ своей карьеры былъ крайній радикалъ. Онъ мнѣ писалъ 12-го апрѣля слѣдующее:

„Въ общемъ я совершенно согласенъ съ Вами въ этомъ вопросѣ; международное посредничество предполагаетъ международную политику. Однако, я не имѣю ни малѣйшей надежды убѣдить въ этомъ партію мира, во что бы то ни стало. Нужно помнить, что число ихъ невелико и безъ дѣйствительнаго вліянія. Большинство націй, я надѣюсь,—друзья мира, но друзей мира, какой бы ни было цѣной, можно по пальцамъ перечесть. Вѣроятное послѣдствіе невмѣшательства будетъ, что Россія произведетъ одна судъ надъ Турціей,

и сдѣлавъ это, не будетъ въ состояніи отказать своей арміи и своей націи въ ожидаемой наградѣ, т. е. въ увеличеніи территоріи. Тогда мы начнемъ кричать о вмѣшательствѣ Англій и, хотя не думаю, чтобы правительству было разрѣшено объявить войну Россіи, и я увѣренъ, что мы были бы не сильны въ этой борьбѣ, тѣмъ не менѣе есть большой рискъ осложненій, въ которыхъ серьезно запутаны наши интересы. Съ другой стороны, желаніе вмѣшаться вѣ-время и въ соединеніи съ другими, чтобъ заставить Турцію исполнить рѣшеніе конференціи, имѣло бы, я увѣренъ, результатомъ ея немедленное подчиненіе.

Надѣюсь, Вы будете продолжать, когда представится случай, защищать взгляды, которые Вы такъ хорошо выразили въ своихъ статьяхъ“.

Когда возгорѣлась война, храбрецы требовали съ негодованіемъ энергичныхъ дѣйствій парламента, но, за исключеніемъ маленькой радикальной группы, Гладстонъ не могъ найти парламентской поддержки. Слѣдующее письмо отъ Питеръ-Райландсъ, члена парламента, написанное 27-го апрѣля, наканунѣ появленія резолюцій Гладстона, выражаетъ чувства отчаянія и отвращенія, преобладающія въ воинственномъ лагерѣ въ то время.

Г-нъ Райландсъ писалъ изъ нижней палаты:

„Я сильно желалъ склонить переднюю скамью оппозиціи на то, чтобы предложить резолюцію, выражающую сожалѣніе, что вслѣдствіе колеблющейся политики правительства и нежеланія его искренно соединиться съ другими европейскими государствами, они упустили случай обезпечить улучшеніе участи христіанъ въ Турціи и предотвратить войну.

Я составилъ резолюцію и далъ ее лорду Гартингтону, но, къ несчастію, различіе мнѣній между лидерами оппозиціи и необычайная робость нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ политической вялостью состава либеральной партіи, помѣшали узнать мнѣніе палаты при голосованіи.

Я согласенъ съ Вами; либеральная партія въ значительной мѣрѣ не исполнила своей обязанности къ Восточному вопросу въ эту сессию, и я очень боюсь, что ошибочный взглядъ партіи невмѣшательства повліялъ на несогласіе мнѣній, что лишило возможности предпринять какой бы то ни было шагъ“.

Гладстонъ, истощивъ всѣ средства убѣдить лидеровъ своей партіи, рѣшился дѣйствовать самостоятельно. 30-го апрѣля онъ заявилъ о пяти резолюціяхъ, нѣсколько длинныхъ и неясныхъ, суть которыхъ было требованіе, чтобъ Великобританія приняла участіе въ воздѣйствіи на Турцію. Въ ту же минуту друзья вмѣшательства

стали собирать митинги во всѣхъ передовыхъ центрахъ, поддерживая Гладстона и призывая либеральныхъ лидеров его поддерживать. 1-го мая я получилъ письмо отъ Чемберлена:

„Либеральная передняя скамья рѣшила покинуть Гладстона, а весьма важно, чтобъ онъ имѣлъ общую, искреннюю народную поддержку. Если виги будутъ держаться теперешняго рѣшенія, въ партіи долженъ произойти расколъ. Я не увѣренъ въ томъ, будетъ ли это дурно, такъ какъ мы можемъ надѣяться, что она составитъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

„Я радъ извѣстіямъ о митингахъ въ Вашемъ сосѣдствѣ и надѣюсь на увеличеніе ихъ на этихъ дняхъ“.

Начались переговоры, чтобы убѣдить Гладстона согласиться на парламентскій маневръ которымъ, вся партія могла бы явиться въ палату, чтобы поддержать его первую резолюцію, въ которой объявлялось, что палата имѣетъ законную причину недовольства отвѣтомъ Порты лорду Дерби 21-го сентября. Гладстонъ согласился. Когда должны были начаться пренія, его спросили, имѣетъ ли онъ намѣреніе раздѣлить свои резолюціи. Гладстонъ отвѣчалъ: „нѣтъ“, но обыкновенно ставится на голосованіе первая. Послѣдовалъ двухчасовой неясный споръ, послѣ котораго Гладстонъ произнесъ, по увѣренію Бальфура, самую блестящую рѣчь, когда-либо слышанную въ палатѣ, но страна не поняла ея сути, и истолковали ее, какъ отступленіе, даже какъ бѣгство Гладстона. Нѣкоторые либералы пришли въ отчаяніе.

Гладстонъ всегда отрицалъ отказъ отъ какой-нибудь изъ своихъ резолюцій. Вотъ объясненіе того, что случилось, написанное г-мъ Чемберленомъ 8-го мая на слѣдующее утро, послѣ дебатовъ:

„Я боюсь, что Гладстону измѣнили его недавніе коллеги. Сколько я понимаю, у него спросили: намѣренъ ли онъ всѣ свои резолюціи снять съ очереди. На его отвѣтъ, что онъ никогда не имѣлъ этого намѣренія, его просили заявить объ этомъ палатѣ, говоря, что этимъ онъ соединитъ свою партію. Отъ этого произошло волненіе между приверженцами Гладстона, которымъ казалось, что если Гладстонъ перемѣнилъ тактику, то страна, возставшая на его зовъ, обманута.

Я не вѣрю, чтобы произошла такая перемѣна, хотя друзья Гартингтона, стараясь придать этому такой видъ, нанесли новый, серьезный ударъ партіи, достоинство которой несомнѣнно пострадало отъ такой сцены, какая произошла вчера“.

Слѣдующее письмо Манчестерскаго епископа Фрозера отъ 11-го мая выражаетъ чувства лучшихъ гладстонцевъ сѣвера.

„Я глубоко чувствую важность кризиса и сильно сожалею объ

угрожающемъ расколѣ въ либеральной партіи. Не могу себѣ представить, чтобы страна, въ здоровомъ разумѣ, шла на войну за Турцію. Духъ ослѣпленія нашелъ на большую и вліятельную часть общества: не знаю съ какими цѣлями и по какимъ причинамъ все дѣлается возможнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ сознаться, я не вижу ясно прямой цѣли политики г-на Гладстона. Отвлеченныя резолюціи всегда сомнительны. Самое грустное въ этомъ случаѣ, по моимъ понятіямъ, это то, что лучшія человѣческія чувства служатъ предметомъ презрительныхъ насмѣшекъ. Это проявляется, напримѣръ, въ спорахъ о вивисекціи, такъ же, какъ въ Восточномъ вопросѣ. И въ исторіи извѣстно, какъ часто, такъ называемая эпоха высшей цивилизаціи была грубо равнодушна къ страданію“.

Чтобъ устранить недовольство и дать опять вліяніе храбрымъ, Чемберленъ пригласилъ Гладстона въ Бинглей-Холь въ Бирмингамѣ на открытіе національно-либеральнаго союза. Чемберленъ не скрывалъ своей цѣли. Онъ мнѣ писалъ 24-го мая:

„Если Вы желаете имѣть ключъ къ предстоящей демонстраціи, которая по своей важности превзойдетъ все, что до сихъ поръ было, то вотъ онъ: эта демонстрація наиболѣе активныхъ либераловъ, для поддержки человѣка, который болѣе чѣмъ кто-либо представляетъ въ настоящее время дѣйствующую политику за границей и дома (Гладстонъ).

„Будущая программа либерализма должна идти изъ нижнихъ слоевъ. Мы не можемъ ожидать вдохновенія отъ нашихъ оффиціальныхъ лидеровъ, и я надѣюсь, что теперешнее движеніе послужитъ къ единенію въ дѣйствіяхъ и дастъ силу и ясность мнѣнію либераловъ“.

Г-жа Новикова въ Москвѣ слѣдила съ тревогой за судьбой Гладстоновскихъ резолюцій. Дебаты кончились 14-го мая. Г-нъ Фриманъ за это время прибылъ въ Грецію, откуда писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 27-го мая:

„Греки не знаютъ на что рѣшиться, и это меня не удивляетъ. Не трогаясь съ мѣста, они ничего не получаютъ, двинуться же не смѣютъ, боясь, что Гобартъ-паша сожжетъ ихъ прибрежные города. Опасность для нихъ, какъ Вы видите, больше, чѣмъ для неприморскихъ странъ. Они страшно боятся Россіи, думая, что Вы сдѣлаете все для Болгаріи и ничего для нихъ.

„Я, право, думаю, что дружеское увѣреніе со стороны Россіи относительно Греціи было бы очень полезно. Народное настроеніе дѣлается воинственнымъ, банды направляются въ Фессалію. Государственнымъ людямъ необходима увѣренность, что въ борьбѣ съ

турецкимъ флотомъ они не останутся безъ помощи. Вашему флоту довольно дѣла. Не могла ли бы Австрія (которая, кажется, склонна дѣйствовать въ Босніи), или Италія сдѣлать что-нибудь?"

29-го мая каноникъ Лидонъ писалъ г-жѣ Новиковой изъ Оксфорда свое мнѣніе на положеніе дѣлъ. Оно характерно спокойной защитой Россіи, которая, въ его глазахъ, геройски несетъ на своихъ плечахъ бремя новаго крестоваго похода.

„Со времени преній въ парламентъ, по поводу резолюцій Гладстона, требованіе войны съ Россіей сравнительно затихло. Конечно, туркофильскія газеты: „Pall Mall“, „Daily Telegraph“ и „Morning Post“ продолжаютъ свою агитацію по-прежнему. Но люди безпристрастные, по моему наблюденію, гораздо менѣе склонны ихъ слушать, а тѣ, кто думаетъ, что при данныхъ обстоятельствахъ война съ Россіей была бы страшнымъ преступленіемъ со стороны Англии, имѣютъ смѣлость болѣе рѣшительно это высказать въ печати и въ обществѣ.

Прошлое воскресенье я коснулся этого предмета въ проповѣди передъ Оксфордскимъ университетомъ. И, какъ я послѣ узналъ, мои слова были хорошо приняты.

Конечно, пока премьеромъ лордъ Биконсфильдъ, мы не въ безопасности, у него положительная страсть поддерживать азіатовъ противъ европейцевъ, нехристіанъ противъ христіанъ, но кабинетъ его далеко не единодушенъ, и я надѣюсь и вѣрю, что есть министры, которые обуздають своего главу, какъ они это дѣлали до сихъ поръ.

Пожалуйста убѣдите Вашихъ московскихъ друзей, что въ Англии есть множество людей, которые благодарятъ Бога за успѣхи русской арміи, которые радуются надеждѣ избавленія армянскихъ и болгарскихъ христіанъ, и которые отрицаютъ распространяемую газетами глупость объ опасности для нашей Индійской имперіи.

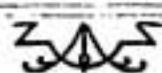
Въ четвергъ Гладстонъ произнесетъ рѣчь по Восточному вопросу передъ 30.000 публикой въ Бирмингамъ. Будутъ особые поѣзда, и я надѣюсь, будетъ большая народная демонстрація въ пользу справедливости, что означаетъ въ пользу Россіи“.

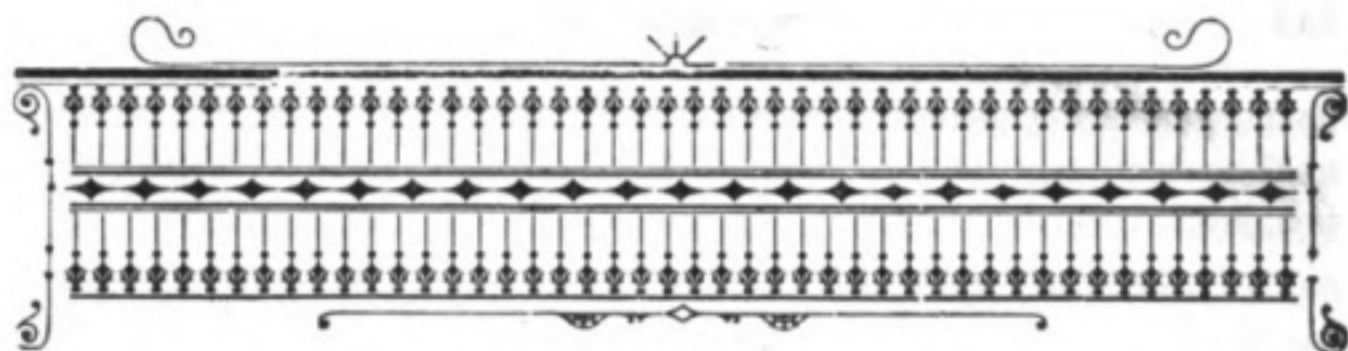
Митингъ состоялся, успѣхъ былъ поразительный. 2-го іюня Ольга Алексѣевна писала Гладстону:

„Примите мои сердечныя поздравленія съ Бирмингамскимъ торжествомъ и мою благодарность за брошюру, дошедшую, наконецъ, до меня, послѣ большого опозданія. Мой сердечный привѣтъ г-жѣ Гладстонъ. Ваша искренно

Ольга Новикова, рожденная Кирѣева“.

Сообщено Е. С. М.

Тѣни прошлаго.

(По документамъ).

Когда слышишь о настоящихъ ужасахъ аграрныхъ беспорядковъ, когда безумная толпа крестьянъ уничтожаетъ все, не разбирая праваго и виноватаго, невольно вспоминаешь о томъ прошломъ, когда эта же толпа, въ лицѣ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, была подъ ярмомъ крѣпостного права. Чего только не приходилось переносить отъ жестокости, самодурства, развращенныхъ инстинктовъ помѣщиковъ. Немногіе оставили по себѣ добрую память. Стоитъ только заглянуть въ какой-либо изъ архивовъ, и возстанутъ жалкія тѣни позорнаго прошлаго.

Истязанія невинныхъ людей, попраніе человѣческаго достоинства, униженія, всего было вдоволь. Не только изъ устъ болтливой старушки слышишь объ этихъ ужасахъ, о нихъ читаешь въ официальныхъ бумагахъ. Въ Новгородской губерніи особенно много дѣлъ о помѣщикахъ и дворовыхъ было въ 30-хъ годахъ, при губернаторѣ Денферѣ, который, чуть только доходило до него извѣстіе о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, возбуждалъ слѣдствіе и всегда старался добиться справедливаго, гуманнаго обращенія съ дворовыми. Несмотря на его старанія, онъ рѣдко добивался цѣли.

Такъ въ 1834 г. также было возбуждено имъ подобное дѣло.

Въ Новгородскомъ уѣздѣ жилъ въ своей усадьбѣ Карпинъ помѣщикъ Александръ Васильевичъ Литвиновъ. Онъ уже 15 лѣтъ нигдѣ не служилъ и, вѣроятно, отъ бездѣлья придумывалъ самые

разнообразные способы истязаній для своихъ крестьянъ и доводилъ ихъ до того, что они рѣшались бѣжать отъ владѣльца и дѣлали это неоднократно.

Въ сентябрѣ 1839 года пять человекъ дворовыхъ были пойманы въ Москвѣ и, какъ бѣглецы, арестованы при Пречистенской части. При допросѣ они рассказали всю свою ужасную жизнь у помѣщика. Чего только здѣсь не было?

Литвиновъ былъ вспыльчивъ до крайности. Въ припадкахъ гнѣва онъ билъ дворовыхъ нагайкою и палками и, не довольствуясь этимъ, заставлялъ просиживать по 2—3 часа на снѣгу въ самую холодную погоду, спустивъ нижнее платье, и тереть при этомъ лицо снѣгомъ до крови. За малѣйшую провинность ставилъ на нѣсколько часовъ голыми колѣнами на крупный песокъ, приказывалъ ползать по толченому кирпичу на голыхъ же колѣнахъ, или растирать ими камень.

Однажды одинъ изъ бѣжавшихъ осмѣлился сказать на глазахъ барина нѣсколько словъ своей женѣ и за это былъ поставленъ класть земные поклоны нѣсколько часовъ сряду, до полного изнеможенія. Обыкновеннымъ наказаніемъ считалось обливаніе холодною водою.

На барскую работу крестьяне должны были являться ежедневно. Приказчикъ, по приказанію барина, или по собственной ретивости, вырывалъ у нихъ на головахъ волосы. Дворовый Филиппъ Владиміровъ былъ закованъ въ кандалы въ теченіе семи мѣсяцевъ, ноги несчастнаго были стерты и зіяли ранами; его выгоняли на работу, не снимая кандаловъ.

Издѣвательства надъ женщинами и дѣвушками были отвратительны. Это были положительно твари безсловесныя, покорныя волѣ владѣльца. Когда онѣ впадали въ немилость, ихъ заставляли „ѣсть навозъ, пить мочу, тереть снѣгомъ дѣтородныя части“¹⁾.

При всемъ этомъ дворовые были лишены порядочной пищи: мясную они видѣли только иногда, обыкновенно, имъ давался хлѣбъ, и то въ маломъ количествѣ, и овсяная каша.

Въ домашней жизни Литвиновъ доводилъ людей до нищеты. Хлѣбъ по обмолотѣ складывался въ особый амбаръ, покосы отбирались.

Такъ описывали дворовые свою жизнь у Литвинова. Казалось, дѣло должно бы кончиться не въ пользу помѣщика, но вышло совершенно обратное. Бѣглыхъ перевели въ острогъ, а въ перспективѣ

¹⁾ Горничную Авдотью Феклястову.

была Сибирь и каторга. Продержавъ пойманныхъ нѣкоторое время подь арестомъ, сняли второй допросъ. На этомъ допросѣ арестованные, участь которыхъ была еще въ рукахъ хозяина, всячески старались смягчить первое показаніе; но работу въ кандалахъ, при всемъ стараніи, нельзя было скрыть, равно нельзя было отрицать и общеизвѣстнаго обычая Литвинова бить по щекамъ, „когда разсердится, вспылить“, а это случалось очень часто.

Потомъ допрошенныхъ привели къ барину. Было два исхода: или Сибирь, или помилованіе помѣщика. Крестьяне, ползая на колѣняхъ у ногъ Литвинова, просили прощенія, и въ результатѣ ему дано было право наказывать, при содѣйствіи земской полиціи, виновныхъ въ побѣгѣ, „чтобъ другимъ не повадно было“. Такъ гласить конецъ дѣла. По отношенію къ Литвинову начальство ограничилось тѣмъ, что имѣло яко-бы негласный надъ нимъ надзоръ.

Небезынтересно дѣло о бѣглыхъ крестьянахъ крестецкаго помѣщика Мусина-Пушкина, который также обращался со своими крепостными безчеловѣчно. Когда онъ бывалъ пьянъ, т. е. почти всегда, онъ дрался немилосердно, поролъ розгами, стригъ волосы. Провизія давалась гнилая, хлѣбъ выпекался изъ непросѣянной овсяной муки съ небольшою примѣсью ржаной. Недостаточное питаніе расшатывало организмы.

Одной изъ любимыхъ забавъ М.-Пушкина было растлѣніе 12—13 лѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ онъ выдавалъ замужъ за своихъ же дворовыхъ, не разбирая возраста. Часто жениху 14 лѣтней невѣсты бывало столько же, или, рядомъ съ невѣстой-ребенкомъ, ставился чуть не старецъ. Такое поведеніе помѣщика не было тайною ни для кого.

Крестецкій уѣздный предводитель дворянства, кн. Ухтомскій, официально отзывался о Мусинѣ-Пушкинѣ такъ: „По семейственному разстройству, какъ съ женою своею, такъ равно и съ близкими родственниками своими, потерялъ совершенно твердость духа, опустилъ правленіе вотчины своей, хозяйственное распоряженіе дома съ дворовыми людьми, отчего произошли отъ стѣсненія управляющихъ неудовольствіе и даже жалобы правительству крестьянъ“.

Въ 1826 году изъ вотчины его бѣжало 8 человекъ, изъ нихъ 5 мужчинъ и три женщины. Дойдя до Валдая, они нашли еще одного изъ своихъ дворовыхъ и всѣ вмѣстѣ, на пути къ Зимогорью, зашли въ питейный домъ около кузницъ. Тамъ они встрѣтили неизвѣстнаго человека, одѣтаго въ русское платье, разговорились съ нимъ, и тотъ предложилъ написать прошеніе Государю Николаю Павловичу, проѣздъ котораго изъ Петербурга въ Москву

ожидался на-дняхъ. Крестьяне согласились, поставили полштофъ водки, уплатили 50 коп. серебромъ, и прошеніе было готово. Подать его рѣшено было въ Вышнемъ Волочкѣ. Вотъ подлинный текстъ этого прошенія ¹⁾:

„Все Августѣйшій Монархъ Ваше Императорское Величество...

„Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Николай Павловичъ Самодержецъ всероссійскій Государь Всемило- стивый просятъ Новгородской губерніи Крестѣцкаго уѣзда усадьбы Перетна помещика коллежскаго Ассесора Алексѣя Федоровича Му- сина Пушкина крестьянѣ Петръ Макаровъ и михѣй Ильинъ Кузма Васильевъ Иванъ Ивановъ Прокофѣй Ивановъ и женскаго полу Маланья Иванова и Устинья Иванова Прасковья Ильина. А о чемъ наше прошеніе тому слѣдуютъ пункты:

1-е Такъ какъ мы отлучившись отъ двора господина своего Пушкина За разные Его кнамъ несносныя обиды 1-е что намъ отъ его Господина Своего тяжчайшіе работы, такъ какъ онъ имѣетъ насъ немалое количество какъ мужскаго такъ и женскаго полу. Такъ какъ не имѣемъ мы отъ него никакого пропитанія ни одѣжды а работы несносныя, а иногда придется сработы то чинить намъ несносныя побои ежедневно такъ что едва изъ насъ которой можетъ и жизнь свою продлить далеѣ. Еще же уже отлучившись по его несноснымъ побоямъ и по содержанію насъ какъ дворовыхъ такъ и протчихъ мужска и женскаго полу не менѣе сорока чело- вѣкъ то и просимъ Вашего Императорскаго Величества Всемило- стивѣйшаго Государя Отца и Покровителя всея вселенныя насъ на законномъ основаніи защитить отъ сего Господина Пушкина. Еще же какъ перваго изъ насъ просителя Петра Макарова жена моя Маланья Иванова отъ него Господина Пушкина избита что и по днесъ имѣетъ она на лице своемъ подглазомъ черныя багроватыя пятна. Итакъ что тѣперь я не гораздно глазами вижу и имѣю я вголовѣ великую глухость но и теперя мы находимся вразныхъ обстоятельствахъ и теперя не имѣемъ кремѣ Васъ Ваше Величе- ство никого Покровителя но не такъ что мы одне оны проситѣли но изволитѣ кому слѣдуетъ зделать на законномъ основаніе псле- дованія и спросить всехъ крестьянѣ нашего помещика естлиже окажется что мы одне проситѣли но и все купно будутъ утру- ждать главное начальство но теперя у насъ во дворѣ Господина Нашего много даже врозаткахъ и вразныхъ на ногахъ, а такъ какъ мы не лишны что нонича сего 1826-го года неупомнимъ какого.

¹⁾ Ореографія подлинника.

числа изданы указы чтобы никоего челоѣка ни содержать ни под-какимъ арестомъ но онъ содержитъ насъ потстрогимъ арестомъ какъ насъ дворовыхъ такъ и крестьянъ мучаетъ бесчадно, но даже и работать посылаетъ врозаткахъ, Но теперя такъ сказать, что онъ помѣщикъ Пушкинъ нездѣлалъ ни одному крестьянину во всю свою жизнь никакой легости кромѣ несноснаго зла и дабы Высочайшимъ указомъ Вашего Императорскаго Величества видѣвъ насъ вбедныхъ обстоятельствахъ защититѣ отъ сей нашей несносной жизни а буде мы окажемся виновны противу сего нашего прошения то подвержены мы Вашего Императорскаго Величества строгому сужденію естли-же означенной помещикъ нашъ окажется предъ вами либо чемъ то поступить снимъ по законамъ. А мы къ господину Своему Пушкину служить не намѣрены, а согласны итѣтѣ въ военную службу а по негодности изъ насъ кого-либо— то желаемъ куда угодно вамъ насъ определить. Просимъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго государя отца и покровителя Ваше Императорское Величество примитѣ отъ насъ бедное наше прошеніе изделайте намъ законное съ помѣщикомъ Пушкинымъ удовольствореніе. г. 1826-го“.

Взявъ прошеніе, крестьяне отправились въ Ямъ Едрово, но дальше имъ не суждено было идти; ихъ задержали жандармы и представили въ Земскій Судъ. Прошеніе было отнято и отослано для объясненія Мусину-Пушкину. На первомъ допросѣ бѣглецы подтверждали истину того, что написано было въ прошеніи. Стороной наводились официальные справки о жизни и поведеніи М.-Пушкина; предводитель дворянства сдѣлалъ ему внушеніе, что слѣдуетъ лучше обращаться съ людьми. Послѣ этого рядъ начальствующихъ лицъ, какъ-то: земскіе судьи, исправникъ, стряпчіе, ближайшіе сосѣди показывали, что яко-бы М.-Пушкинъ исправился, обращеніе его съ дворовыми стало лучше и сами, будто-бы, дворовые довольны своимъ господиномъ. Интересно то, что показанія земскаго судьи, исправника, уѣзднаго предводителя и сосѣдей составлены какъ-бы по одному шаблону и подъ одинаковыми почти словами стоятъ только разныя подписи. Показанія дворовыхъ представляютъ около 30-ти записокъ, написанныхъ одною рукою, съ однимъ содержаніемъ и разнятся также лишь только подписями, т. е. въ большинствѣ, крестами, по безграмотству ихъ замѣняющими. Если вѣрить запискамъ, то владѣлецъ былъ примѣрнымъ челоѣкомъ, а бѣглецы, наоборотъ, оказались людьми „характера вздорнаго и буйнаго“. Въ концѣ концовъ Мусинъ-Пушкинъ былъ оставленъ полновластнымъ хозяиномъ своего имѣнія и людей, и, предполагавшееся вначалѣ, учрежденіе надъ нимъ опеки не состоялось. Доку-

ментально онъ былъ правъ, но о звѣрствахъ его, упоминаемыхъ въ дѣлахъ, еще до сихъ поръ передаются изъ устъ въ уста рассказы мѣстныхъ жителей.

Слѣдствіемъ жестокаго обращенія помѣщиковъ было то, что дворовые всегда старались бѣжать, и архивныя описи эпохи крѣпостнаго права изобилуютъ дѣлами о бѣглыхъ, оффиціальныя Губернскія Вѣдомости наполнены списками пойманныхъ бѣглыхъ, съ подробными описаніями ихъ личности и вида и „особыхъ примѣтъ“ благороднаго обращенія своихъ господъ, въ видѣ вывиховъ, шрамовъ на лицѣ, спинѣ, изборожденныхъ рубцами плетей и розогъ, и т. п.

Въ жестокомъ обращеніи часто совнавались сами помѣщики, какъ напр. устюжскій помѣщикъ, поручикъ Ахматовъ, во время слѣдствія надъ нимъ Палаты Уголовнаго Суда, не опровергалъ показаній своихъ бѣглыхъ, что онъ бьетъ ихъ зачастую безъ вины, бьетъ привязанными и т. д.

Бѣгство преслѣдовалось закономъ очень строго. Наказывались не только сами бѣглецы, но и тѣ, которые почему бы то ни было давали имъ пріютъ, хотя кратковременный, и пищу. Такъ, когда въ 1825 году отъ Ахматова бѣжало трое дворовыхъ, изъ нихъ двое съ женами, одна изъ женщинъ, Марія Богданова, живя работницей у дьячка Черенскаго погоста Степана Степанова, родила дочь, подкинула ее своему хозяину и тайно ушла отъ него. Дьячекъ, продержавъ малютку нѣкоторое время у себя, отправилъ ее въ Сиропитальный домъ. Черезъ два года всѣ бѣглецы были пойманы, водворены на прежнее мѣстожителство, наказаніе ихъ было предоставлено владѣльцу, а тѣ, которые, по слѣдствію, держали у себя бѣглыхъ, были наказаны батогами и плетью. Иные получили отъ 25 до 30 ударовъ „при собраніи народа“, иные были посажены въ тюрьму на срокъ отъ 3-хъ до 10-ти дней, на хлѣбъ и на воду, а наказаніе причта Черенскаго погоста было предоставлено усмотрѣнію консисторіи. Что сдѣлала послѣдняя, по дѣлу не видно, но обыкновенно за такіе проступки виновные или предавались церковному покаянію или высылались въ болѣе глухія мѣста.

Все это не помѣшало, однако, Устюжскому Предводителю собрать объ Ахматовѣ отъ окрестныхъ крестьянъ и помѣщиковъ такія свѣдѣнія, по которымъ оказалось, что онъ ведетъ себя прилично благородному званію.

Какъ и во всѣхъ дѣлахъ подобнаго рода, черное сначала оказывалось подъ конецъ бѣлымъ. Странно, между прочимъ, то, что тѣ крѣпостныя дѣвушки, которыя хотя бы на короткое время попадали

въ милость къ барину, точно старались вымѣщать свой позоръ на своихъ же близкихъ. Онѣ сами придумывали ужаснѣйшія истязанія и, ослѣпленный минутными вспышками страсти, баринъ дѣлался только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ подобныхъ „управительницъ“. Настасья Минкина, извѣстная управительница графа Аракчеева, терзавшая дворовыхъ, не была единственной личностью въ этомъ отношеніи. Подобныя ей встрѣчались часто. Тотъ же поручикъ Ахматовъ мучилъ своихъ дворовыхъ „по наговору управительницы крестьянской дѣвки Анны Алексѣевой“.

Быть можетъ, онѣ подражали своимъ барынямъ-помѣщицамъ, которыя въ жестокости не уступали мужчинамъ.

Въ 30-хъ годахъ въ Новгородскомъ уѣздѣ владѣла многими деревнями маіорша Пелагея Ксенофонтьевна Абрютинна. Она находилась въ постоянной враждѣ со своими крѣпостными и безпрестанно жаловалась на неповиновеніе крестьянъ, которые спасались отъ нея бѣгствомъ.

Въ іюнь 1830 года Абрютинна подала жалобу въ земскій судъ и, какъ всегда, обвиняла крестьянъ въ неповиновеніи, говоря, что они бѣжали изъ вотчины самовольно. Земскимъ судомъ были приняты мѣры къ поимкѣ бѣглецовъ, и задержанные 10 человекъ объяснили, что они не думали бѣжать, но шли только въ городъ къ высшему начальству, чтобы пожаловаться на маіоршу, которая изнуряетъ ихъ своей работой, такъ какъ управляющій имѣніемъ ежедневно выгоняетъ ихъ на работу, „отчего они, не имѣя времени обрабатывать своей пашни, не могутъ достать на пропитаніе хлѣба и испрашиваютъ у сосѣдей Христовымъ именемъ и, сверхъ того, съ самаго начала Петрова поста приказано имъ отдавать вечерній удои молока“. Когда дѣло это дошло до свѣдѣнія уѣзднаго предводителя дворянства Тыркова, онъ предложилъ земскому суду „имѣть неослабный надзоръ, какъ за поступками крестьянъ въ отношеніи обязанности ихъ къ помѣщику, такъ и обращенія самихъ помѣщиковъ со своими крестьянами...“, а г-жу Абрютинну убѣждалъ письмомъ, что сдѣлавъ внушеніе крестьянамъ, онъ проситъ и ее обращаться гуманно, не давая повода къ безпорядкамъ, ставить на барщину только три дня въ недѣлю, а праздники давать для отдыха. Одновременно онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи губернскому предводителю и губернатору Денферу. Все повидимому, успокоилось. Но вдругъ получился запросъ отъ генер.-ад. Бенкендорфа, по поводу жалобы крестьянъ Абрютинной Государю Императору.

Тогда уѣздный судья Поповцевъ лично отправился въ имѣніе Абрютинной. Маіоръ Абрютинъ былъ боленъ, а маіорша волновалась, жаловалась на крестьянъ, обуреваемыхъ „мятежнымъ духомъ“,

жаловалась и на мѣстнаго священника Смѣлкова и даже на чиновниковъ земскаго суда, обвиняя ихъ въ подстрекательствѣ. На убѣжденія уѣзднаго судьи обращаться кротко и человѣколюбиво, она, повидимому, соглашалась, обѣщаясь даже не наказывать бѣглецовъ за исключеніемъ одного, котораго просила сослать въ Сибирь.

Обо всемъ этомъ Поповцевъ донесъ Александру Христофоровичу Бенкендорфу, увѣряя его въ своемъ неослабномъ наблюденіи и бдительности за враждующими сторонами, не забывъ, однако, оговориться, что чиновники земскаго суда не причастны къ возмущенію, а виноваты другіе „неблагодѣтели, возмущающіе бывшихъ до сего кроткими и покорливыми крестьянъ“. Заканчиваетъ онъ свое почтительное донесеніе такъ:

„Есмь съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію Вашего Высокопревосходительства Милостивѣйшаго Государа всепокорнѣйшій слуга Яковъ Поповцевъ, исправляющій должность Дворянскаго Предводителя Уѣзднаго Судьи, капитанъ и кавалеръ“.

Не успѣлъ вступить въ должность, послѣ болѣзни, Уѣзднаго Предводитель, какъ уже получилъ новую жалобу Абрютиной и послалъ на разслѣдованіе исправника.

Между тѣмъ, дворовые до такой степени ожесточились, что не стали подписывать взятыхъ съ нихъ допросовъ и отказались повиниться исправнику. Тогда отправился удостовѣриться на мѣстѣ „самъ предводитель и вотъ какъ онъ описываетъ свою поѣздку въ донесеніи Губернскому Предводителю: „при посредничествѣ его же г. исправника и виновныхъ взять подъ стражу, и хотя справедливыми доказательствами убѣдилъ спрошенныхъ крестьянъ къ подписанію взятыхъ отъ нихъ допросовъ, но при тѣхъ же справедливыхъ убѣжденіяхъ никакъ не могъ взять виновныхъ подъ карауль, ибо толпа крестьянъ въ числѣ 41 чел. съ буйнымъ крикомъ бросилась на понятыхъ и взяла обратно виновниковъ возмущенія, объявивъ съ неистовствомъ, что четырехъ человѣкъ отправлять къ суду не дадутъ, а идутъ всѣ въ Новгородъ“.

Видя столь сильное сопротивленіе, я въ то же время снова убѣждалъ бунтующихъ не упорствовать, вразумляя, что дѣлаютъ они противузаконно, однакожъ они, не внимая словамъ моимъ, пошли въ домъ одного изъ своихъ сообщниковъ и на приказаніе мое разойтись по крайней мѣрѣ по домамъ своимъ отозвались, что разойдутся тогда, когда захотятъ, а не теперь“.

Тогда предводитель рѣшилъ водворить спокойствіе при помощи воинской силы, а виновныхъ предать уже военному суду. Но такъ какъ взять ихъ подъ стражу открыто было опасно, то онъ наду-

малъ взять непокорныхъ хитростью: „На сей конецъ поручилъ я командированному отъ Новгородскаго Земскаго Суда Дворянскому Засѣдателю Надарову всѣхъ крестьянъ г. Абрютиной, живущихъ въ селѣ Любыняхъ, деревняхъ: Кругахъ, Якшинѣ, Подоклиньѣ и Правдухѣ, выслать въ деревню Княжій Дворъ подь видомъ, что они должны ѣхать въ деревню Сутоки, для исправленія подводной повинности, а между тѣмъ сообщилъ командиру поселеннаго карабинернаго фельдмаршала кн. Барклая-де-Толли, полковнику Старченкову, объ откомандированіи одной роты съ приличнымъ числомъ оберъ-офицеровъ. И вслѣдствіе сего 4-го ноября командирована ко мнѣ воинская команда подь вѣдѣніемъ капитана Перфильева. Когда явился ко мнѣ г. Перфильевъ, я приказалъ ему поставить караулъ у перевоза чрезъ рѣку Шелонь въ деревнѣ Княжемъ Дворѣ, чрезъ который должны переправляться крестьяне, высылаемые въ подводы подь предлогомъ, будто-бы о всѣхъ проѣзжающихъ необходимо знать по карантину, предохраняющему людей отъ существующей болѣзни—холеры, но, напротивъ того, руководила къ сему одна мысль, чтобъ бунтующихъ крестьянъ г. Абрютиной взять подь арестъ, безъ всякаго сопротивленія ихъ“.

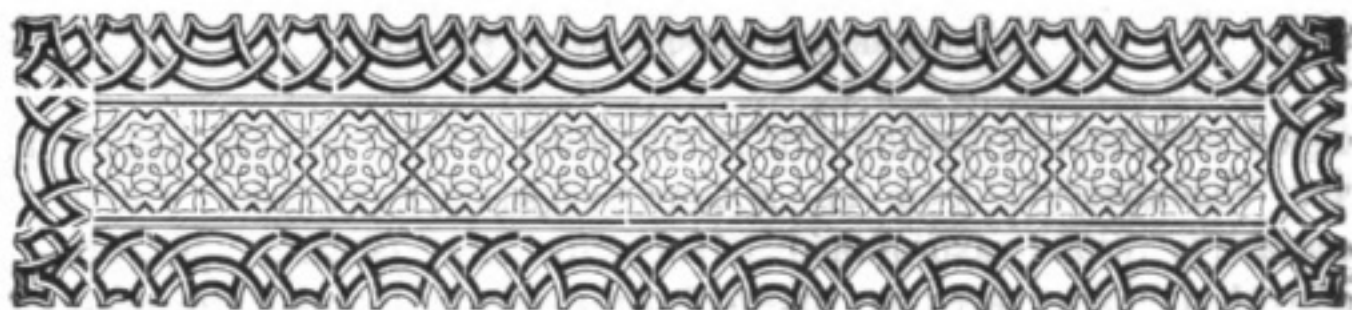
Дѣйствительно, 5 ноября стали подьѣзжать къ р. Шелони означенные крестьяне. Каждую подводу у перевоза останавливали и отводили людей въ ранѣе намѣченныя полковникомъ Старченковымъ избы, гдѣ ждалъ уже караулъ. Такимъ образомъ было арестовано 45 человекъ, безъ малѣйшаго упорства съ ихъ стороны. Потомъ они были отправлены въ д. Любынь и размѣщены въ крестьянскихъ избахъ подь карауломъ, а въ вотчинахъ Абрютиной была учреждена экзекуція, заключающаяся въ слѣдующемъ: по всѣмъ избамъ поставили воинскій караулъ, по два человека на каждую. Солдаты должны были слѣдить, чтобы аккуратно исполнялись три дня барщины въ недѣлю. Арестованные также частью были распущены по домамъ для работы подь надзоромъ караула. Продовольствіе караульные получали отъ хозяевъ-крестьянъ за ихъ счетъ. Между тѣмъ работала и Комиссія Военнаго Суда. Наводились справки о поведеніи Абрютиныхъ. Сосѣдніе помѣщики отозвались, что Абрютины—характера безпокойнаго, сварливаго и съ крестьянами обращаются сурово. Уже черезъ два года губернской предводитель Игнатьевъ былъ увѣдомленъ о томъ, что виновные крестьяне, по приговору Военнаго Суда, наказаны плетями и батогами, а мѣстнымъ помѣщикамъ предлагалось „имѣть особое наблюденіе за Абрютиными, дабы не подвергали крестьянъ стѣсненіямъ и изурненіямъ“.

Съ этого времени свѣдѣнія объ Абрютиныхъ теряются. На

неоднократные запросы о нихъ предводителей Земскій Судъ стоически молчалъ и былъ даже оштрафованъ за это на 10 рублей. Только въ 1845 году стало извѣстно, что маіоръ Абрютинъ уже умеръ, а маіорша продала вотчины помѣщикамъ Богдановской и Колонтаровой, у которыхъ крестьяне были спокойны и находились въ должномъ повиновеніи.

З. А. Слезкинская.

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера¹⁾.

значенное мое положеніе заключалось въ слѣдующемъ: „Человѣкъ созданъ такимъ образомъ, что онъ не довольствуется сознаниемъ проявленій внутренней жизни и концепцію фактовъ, а стремится къ разъясненію причинъ явленій, — отсюда необходимое приложеніе философіи къ религіи. Стремясь создать себѣ представленіе объ извѣстномъ предметѣ, аргументативный умъ человѣка невольно побуждается къ объясненію существа предмета и причинъ его. Онъ старается потому даже тайну, т. е. безусловное облечь въ условное, чтобы такимъ образомъ хотя нѣсколько приблизить ее къ своему пониманію.

„Уважая это естественное стремленіе человѣческаго ума, церковь съ самаго начала допускала въ своей средѣ частную работу человѣческой мысли надъ истинами и тайнами религіи, хотя она не могла не сознавать, что понятія, выработанныя такимъ путемъ, не могли не быть условными и даже односторонними, ибо при высокой многосторонности обсуждаемаго предмета немыслимо, чтобы всѣ стороны онаго были схватываемы и разъясняемы отдѣльными лицами во всей ихъ полнотѣ. Такимъ образомъ въ лонѣ общей соединяющей всѣхъ христіанъ спасительной вѣрѣ появились разные отбѣнки личныхъ разъяснительныхъ мнѣній, такъ называемыя— частныя благочестивыя мнѣнія—на которыя церковь—сознавая съ

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1910 года.

одной стороны, что сущность тайны намъ недоступна, а съ другой, что человѣческій умъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не составить себѣ какого-либо объясненія для даннаго предмета,—смотрѣла снисходительно, предоставляя частныя воззрѣнія какъ бы личной совѣсти cadaго. Она, такъ сказать, не препятствовала отдѣльнымъ своимъ членамъ стремиться, по мѣрѣ доступности, къ освѣщенію отдѣльныхъ сторонъ христіанской истины. Только когда это стремленіе стало переходить разумныя границы, приписывая отдѣльной сторонѣ истины всю истину и выходя изъ сферы частнаго мнѣнія, проявлять притязаніе на учительство, стремясь возвести для всей церкви одну сторону догмата въ полноту его, церковь приступила для огражденія христіанской истины, къ формальному изложенію тайны, т. е. къ формулированію о ней догматическаго опредѣленія. Но такъ какъ тайна остается для насъ непостижимой, то догматическое опредѣленіе ея и не имѣло со стороны церкви поползновенія быть объясненіемъ существа предмета непостижимаго и необъятнаго для нашего ума, а имѣло только цѣлью установленіе умственныхъ граней, долженствующихъ отклонить ложное толкованіе.

„Такой естественный ходъ церковной мысли можно прослѣдить въ исторіи cadaго догмата. Догматизировать, т. е. опредѣлять и объяснять систематически, начинаетъ всегда отдѣльный человѣческій умъ. Какимъ образомъ Іисусъ Христосъ могъ быть одновременно Сыномъ Божиимъ и Сыномъ человѣческимъ? Работа человѣческой мысли надъ этой необъятной для насъ тайной приводитъ церковь къ необходимости формулировать догматъ о двухъ естествахъ Спасителя; не для того, чтобы объяснить необъяснимое, а для того, чтобы отклонить ложное толкованіе. Догматъ этотъ вырабатывается церковью, какъ послѣдствіе двухъ прямо противоположныхъ еретическихъ ученій. Въ средѣ христіанскаго общества появились люди, которые стали учить, что Христосъ „былъ болѣе человѣкъ, чѣмъ Богъ, и прежде сталъ человѣкомъ, чѣмъ сдѣлался Богомъ“ (несторіане). Одновременно съ этимъ появились другіе люди (монофизиты), которые, исходя изъ идеи несоизмѣримости человѣчества съ божествомъ, стали учить, что человѣчество по необходимости должно исчезнуть въ божествѣ, какъ исчезаетъ капля въ безмѣрномъ океанѣ, такъ что послѣ соединенія двухъ естествъ во Христѣ, осталось только одно естество—божеское. Для возстановленія истины церковь формулировала догматически—что Христосъ одного существа съ Богомъ, и что въ Немъ божеское естество соединено съ человѣческимъ неслиянно и нераздѣльно. Это опредѣленіе не даетъ яснаго понятія о томъ, чего мы постичь не можемъ,

тайна остается тайной. Слова догматической формулы означают только, что церковь признает Христа тѣмъ, кѣмъ Онъ самъ себя объявилъ: Сыномъ Божиимъ и Сыномъ человѣческимъ въ одномъ лицѣ; ибо естества въ немъ не слиты, такъ что одно перешло въ другое. Онъ не только Богъ и не только человѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они нераздѣльны, т. е. не слѣдуетъ допускать, чтобы въ теченіе своей земной жизни Онъ могъ дѣйствовать и ощущать или не ощущать что-либо, то какъ Богъ, то какъ человѣкъ...

„Итакъ догматъ слѣдуетъ понимать не какъ адекватное опредѣленіе о сущности предмета, но какъ установленіе границъ, отклоняющихъ вторженіе ложнаго толкованія христіанской истины. Значеніе догмата, такимъ образомъ, преимущественно отрицательное, а не положительно-объяснительное. Однимъ словомъ, догматъ въ области ученія и мысли есть то же самое, что правило въ области жизни. Точно также какъ необходимость правила есть послѣдствіе человѣческаго несовершенства въ области жизни, необходимость догмата есть послѣдствіе человѣческаго несовершенства въ области мысли“.

Мнѣ казалось не безынтереснымъ воспроизвести здѣсь вышеизложенное положеніе, потому что, какъ уже выше замѣчено, я еще не встрѣчалъ подобнаго опредѣленія значенія догмата ни въ одномъ богословскомъ трактатѣ, которые мнѣ приходилось читать.

„Опытъ изъясненія на Евангеліе отъ Іоанна“ былъ предпринятъ мною по слѣдующему случаю. Я состоялъ членомъ „общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи“. По поводу дѣятельности этого общества у насъ неоднократно указывалось на настоятельную необходимость изданія и распространенія, вмѣстѣ съ книгами Св. Писанія и толкованій на оныя, для предупрежденія ложныхъ выводовъ изъ Писанія, хотя наша духовная литература и обладала уже весьма замѣчательнымъ, по своему ученому достоинству и по своему православно-христіанскому направленію, сочиненіемъ преосв. Михаила „Толковое Евангеліе“. Это подало мнѣ мысль, пользуясь прекраснымъ трудомъ преосв. Михаила, составить краткое и болѣе общедоступное изъясненіе на нѣкоторыя священныя книги.

Первый опытъ я рѣшился сдѣлать съ Евангеліемъ отъ Іоанна, нѣсколько лѣтъ спустя я издалъ краткое изъясненіе на посланіе Апостола Павла къ Филиппійцамъ; затѣмъ я принялся за изъясненіе посланій Апостола Петра, но по недостатку матеріала, этотъ послѣдній трудъ остается до настоящаго времени неоконченнымъ.

Работая надъ изъясненіемъ Ев. отъ Іоанна, я постоянно пользовался совѣтами протоіерея А. А. Лебедева, и читалъ ему мою работу,

по мѣрѣ ея составленія. Благодаря его содѣйствію, я не только получилъ на этотъ разъ безъ труда разрѣшеніе цензуры на печатаніе моего труда,—но этотъ трудъ былъ даже одобренъ Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ „для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій и въ бібліотеки при церквахъ“.

Около этого же времени я принялъ на себя, по приглашенію Вел. Кн. Екатерины Михайловны, предсѣдательство въ попечительномъ Комитетѣ Клиническаго Института Вел. Княгини Елены Павловны. Этотъ замѣчательный учебно-медицинскій Институтъ былъ устроенъ по мысли и на средства Вел. Княгини Елены Павловны (и потому носилъ ея имя), при ближайшемъ участіи извѣстнаго доктора Эйхвальда, который сдѣлался первымъ директоромъ Института и много потрудился, чтобы поставить его на высоту современныхъ научныхъ требованій. Институтъ былъ превосходно оборудованъ, и въ клиникѣ его занимались и читали лекціи лучшіе профессора-медики. Онъ достигъ такой извѣстности, что въ Клини. Институтъ пріѣзжали провинціальныя доктора, окончившіе университетское образованіе, чтобы заниматься въ клиникѣ и слушать лекціи. Вел. Кн. Елена Павловна, которая очень благоволила къ Эйхвальду, оставила ему по своему завѣщанію значительную сумму,—Эйхвальдъ пожертвовалъ этотъ капиталъ на развитіе Клиническаго Института. Онъ оставался директоромъ до самой смерти, послѣдовавшей, кажется, въ 1890 году. При Институтѣ состоялъ молодой докторъ Монастырскій, пользовавшійся, какъ операторъ, большою извѣстностью; на него смотрѣли, какъ на будущаго преемника Эйхвальда, такъ какъ онъ былъ гораздо моложе его. Къ сожалѣнію, Монастырскій умеръ еще за годъ до смерти Эйхвальда.

Въ моментъ смерти доктора Эйхвальда назначеніе директора встрѣтило нѣкоторое затрудненіе. Старшимъ изъ профессоровъ при институтѣ былъ докторъ Афанасьевъ, но онъ былъ, въ сущности, не клиницистъ, а бактериологъ и какъ таковой пользовался нѣкоторою извѣстностью. Я ему предлагалъ, сохраняя кафедру бактериологій, стать во главѣ Института, потому что это дало бы возможность пополнить личный составъ Института кѣмъ-либо изъ извѣстныхъ клиницистовъ, который могъ бы замѣнить покойнаго Эйхвальда. Но Афанасьевъ настаивалъ на занятіи клинической кафедры и не хотѣлъ согласиться на мою комбинацію. Назначенію Афанасьева директоромъ не сочувствовалъ, впрочемъ, директоръ медицинскаго департамента Рагозинъ, и сама Великая Княгиня не соглашалась на его назначеніе. Кандидатомъ Великой Княгини и Рагозина былъ докторъ фонъ-Анрепъ. Большинство членовъ Совѣта учрежденій Великой Княгини Елены

Павловны, поддерживали однако кандидатуру Афанасьева. Тогда Великая Княгиня, по совѣту Рагозина, обратилась прямо въ Совѣтъ съ выраженіемъ своего желанія о назначеніи Анрепа и просила Совѣтъ сдѣлать для того необходимыя распоряженія. Для этого требовалось временное отклоненіе отъ устава Института, такъ какъ по уставу директоромъ долженъ былъ быть клиницистъ, а Анрепъ не былъ таковымъ. Пришлось поэтому предварительно вносить это дѣло въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно получило удовлетворительное разрѣшеніе. Каково же было мое удивленіе, когда нѣсколько дней спустя Великая Княгиня сообщила мнѣ за обѣдомъ, что Государь не утвердилъ рѣшеніе Государственнаго Совѣта. Государь нерѣдко соглашался съ меньшинствомъ, но вдругъ, въ такомъ чисто специальномъ и неважномъ вопросѣ Государь отказалъ въ утвержденіи! Случай этотъ объясняется существовавшимъ въ то время въ Петербургѣ антагонизмомъ между русскими и нѣмецкими докторами. Вѣроятно, кто-либо изъ приближенныхъ Государя докторовъ внушилъ ему, что въ этомъ дѣлѣ проявилась интрига нѣмцевъ противъ русскихъ, и этого было достаточно, чтобы вызвать отказъ Государя. Мнѣ было это особенно непріятно, потому что хотя первая мысль октроировать Совѣту назначеніе фонъ-Анрепа была дана Рагозинымъ, но такъ какъ я съ этимъ предложеніемъ согласился, то оказывалось, что я былъ отчасти причиною тому, что Великая Княгиня была поставлена отказомъ Государя въ ея желаніи въ неловкое положеніе.

Вопросъ о назначеніи директора оставался затѣмъ открытымъ; а такъ какъ въ 1892 г. мнѣ пришлось управлять министерствомъ финансовъ, то я временно сложилъ съ себя предсѣдательство въ комитетѣ, гдѣ меня замѣнилъ Шванебахъ. Послѣ того какъ я осенью оставилъ министерство финансовъ, Великая Княгиня обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, могу ли я опять принять на себя предсѣдательство? Но, ввиду все еще продолжавшейся трудности присканія подходящаго кандидата въ директора Института, я просилъ ее совершенно уволить меня, о чемъ, впрочемъ, я просилъ ее уже и прежде. Дѣло кончилось тѣмъ, что, по предложенію предсѣдателя Совѣта Шумахера, директоромъ былъ назначенъ докторъ Склифасовскій изъ Одессы, а предсѣдателемъ попечительнаго комитета былъ назначенъ фонъ-Анрепъ.

Хотя я такимъ образомъ оставилъ Клиническій институтъ въ неопредѣленномъ положеніи, однако Великая Княгиня Екатерина Михайловна сохранила ко мнѣ прежнее благосклонное отношеніе, которое продолжалось до самой ея смерти, и я былъ глубоко тро-

нутъ, когда послѣ кончины Великой Княгини; ея дочь, принцесса Елена Георгіевна, сообщила мнѣ, что В. К. Екатерина Михайловна оставила мнѣ по духовному завѣщанію на память картину (Бакгуйзена—Корзина цвѣтовъ), которая висѣла на стѣнѣ въ ея красной гостиной, гдѣ мы обыкновенно послѣ обѣда пили кофе и бесѣдовали. Она вообще оставила по духовному завѣщанію разные предметы на память почти всѣмъ лицамъ, находившимся въ близкихъ съ нею отношеніяхъ, и въ томъ числѣ не забыла и меня.

Осенью 1886 года я взялъ отпускъ и отправился съ сестрами въ Крымъ.

Въ Алушкѣ мы поселились въ домѣ одного татарина, помещеніи очень незатѣйливомъ — комната какой-то чуланъ, съ выбѣленными известкой стѣнами, въ которой помѣщалась кровать и самая необходимая примитивная мебель, — но зато помещеніе замѣчательно чистое. Мы посѣтили дворецъ, паркъ и всѣ окрестности Алушки, между прочимъ Симензъ, съ его замѣчательнымъ дворцомъ Мальцева, построеннымъ исключительно изъ желѣза и стекла, и похожимъ на громадную оранжерею. Въ Симензѣ мы встрѣтили Д. А. Милютина съ его дочерью, которые тоже туда пріѣхали погулять изъ близлежащаго своего имѣнія. Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ осмотру живописныхъ окрестностей Алушки, мы отправились въ Ялту, гдѣ и окончательно поселились на всю осень. Въ Ялтѣ мы застали В. В. Верховскаго, который, уѣзжая черезъ нѣсколько дней, передалъ намъ свою квартиру въ домѣ Мясоѣдовой, на набережной. Такъ какъ всѣ гостиницы были переполнены, то мы были очень рады этому удобному случаю. Квартира оказалась скромною, но очень удобною; хозяйка услужливая, такъ что мы очень пріятно прожили тамъ все время.

Въ Ялтѣ мы застали много знакомыхъ, кромѣ Верховскаго, графа Татищева, нашего лужскаго сосѣда съ семействомъ, Трепова съ семействомъ и нѣкоторыхъ другихъ. Кромѣ того въ Ай-Тодорѣ жила Вел. Кн. Екатерина Михайловна съ семействомъ, а въ Ореандѣ Вел. Князь Константинъ Николаевичъ. Отъ Вел. Кн. Екатерины Михайловны я получалъ нерѣдко приглашенія на обѣды и завтраки, въ Ай-Тодорѣ. Кромѣ того, у нея устраивались разныя экскурсіи въ окрестности, въ большомъ обществѣ, въ которыхъ я тоже обыкновенно участвовалъ. Вел. Княгиня ѣхала обыкновенно въ экипажѣ, а все ея общество, дочь Елена Георгіевна, сыновья, жившій у нея Саблеръ и другіе приглашенные сопровождали ее верхами. Экскурсіи эти, въ пріятномъ обществѣ, доставляли всѣмъ большое удовольствіе. Такимъ образомъ мы ѣздили на Учавъ-Су, Лимены, Эрикликъ, Ай-Петри. Особенно удалась экскурсія на Ай-

Петри. Поднявшись на вершину горнаго хребта, мы наслаждались оттуда видомъ *à vol d'oiseau* на Алупку и простирающееся за нею море; ходившія надъ вершиною горы облака то закрывали передъ нами лежащую у подножья горы мѣстность, то, раздвигаясь, раскрывали передъ нами какъ бы медальоны картинъ, окаймленные облаками. Затѣмъ мы спустились на Эрикликъ, гдѣ для всего общества былъ приготовленъ обѣдъ, а послѣ обѣда мы проводили Вел. Княгиню до Ай-Тодора, такъ что, по возвращеніи въ Ялту, я имѣлъ пріятное сознаніе, что въ этотъ день я проѣхалъ верхомъ около 40 верстъ.

Во время пребыванія въ Крыму меня крайне заинтересовало посѣщеніе Великаго Князя Константина Николаевича. Послѣ восшествія на престолъ царствовавшаго Императора, Вел. Князь оставилъ предсѣдательство въ Государственномъ Совѣтѣ, управление Морскимъ Министерствомъ и, такъ сказать, удалился на покой въ свое имѣніе Ореанда, гдѣ онъ жилъ безвыѣздно, до послѣдней его предсмертной болѣзни.

Великолѣпный дворецъ Ореанды, принадлежавшій покойной Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, какъ извѣстно, сгорѣлъ, кажется, еще въ царствованіе Императора Николая. Отъ него остались въ поэтическомъ Ореандскомъ паркѣ только однѣ живописныя развалины, позволявшія, однако, судить объ изяществѣ и красотѣ бывшаго дворца. Послѣ смерти Императрицы Ореанда перешла по ея завѣщанію во владѣніе ея сына Вел. Кн. Константина Николаевича. И при немъ дворецъ оставался въ развалинахъ, потому что на поврежденныхъ огнемъ основаніяхъ и оставшихся стѣнахъ стараго дворца нельзя было соорудить надстройки; пришлось бы строить совершенно новый дворецъ—на что, кажется, не имѣлось средствъ; при томъ же, уцѣлѣвшіе остатки стараго дворца представляли крайне живописную руину. Великій Князь помѣстился въ маленькомъ флигелѣ, находящемся въ недалекомъ разстояніи отъ стараго дворца, въ которомъ было, кажется, всего три комнаты—его спальня, столовая и небольшой кабинетъ. Прислуга помѣщалась въ большомъ домѣ, находящемся по ту сторону стараго дворца.

Когда я пріѣхалъ представиться Великому Князю, онъ принялъ меня въ своемъ маленькомъ кабинетѣ очень любезно. Я былъ просто пораженъ скромностью помѣщенія. Мы разговорились съ нимъ о крымской природѣ, и затѣмъ онъ сталъ рассказывать мнѣ о постройкѣ храма въ Ореандѣ,—постройкѣ, которая поглощала весь его интересъ, и на которую онъ посвящалъ все свое время. Онъ объяснилъ мнѣ, что эта небольшая, но дѣйствительно крайне изящная церковь, строится въ древне-греческомъ стилѣ; объяснялъ мнѣ, какія

въ ней будутъ помѣщены духовныя изображенія изъ мозаики, или, какъ онъ объяснилъ мнѣ, муссіи, точное названіе старинной мозаики,—у кого онъ заказаны въ Венеціи и т. д.—однимъ словомъ, съ живостью распространялся объ этомъ предметѣ, явно поглощавшемъ въ то время весь его интересъ...

Въ этой церкви въ день именинъ Вел. Князя происходило обыкновенно богослуженіе, на которомъ присутствовали и постороннія лица. Во время богослуженія нѣкоторые изъ присутствующихъ получили приглашеніе на завтракъ у Вел. Князя, происходившій послѣ обѣдни; такого приглашенія удостоился и я. Такъ какъ въ его скромномъ жилищѣ было невозможно помѣстить столько гостей, то на этотъ день устраивался столъ въ одной изъ галлерей стараго дворца, почти вполнѣ сохранившейся; надъ этой галлереей натягивался парусинный тентъ, для защиты отъ солнца, родъ крыши; вдоль галлерей былъ поставленъ столъ, за которымъ размѣщались Вел. Князь и его гости. Эти завтраки по своей живописной и своеобразной обстановкѣ имѣли совершенно характеръ пикника. За завтракомъ я сидѣлъ возлѣ Д. А. Милютина.

По возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1886 г., стали поговаривать о близкомъ уходѣ Н. Х. Бунге, который уже нѣсколько разъ просилъ Государя о своемъ увольненіи. Кандидатомъ на постъ министра финансовъ называли И. А. Вышнеградскаго, кандидатуру котораго выставилъ Катковъ. Нѣсколько времени передъ тѣмъ Иванъ Алексѣевичъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, и это назначеніе уже могло служить предуказаніемъ готовившагося назначенія его на высшій постъ. Иванъ Алексѣевичъ пользовался репутаціей очень ловкаго и умнаго дѣльца; онъ составилъ себѣ состояніе на поставкахъ артиллерійскому департаменту изобрѣтеннаго имъ порохового состава. Долгое время онъ былъ директоромъ технологическаго училища. Въ катковскихъ сферахъ распространялось мнѣніе, что во главѣ министерства финансовъ слѣдуетъ поставить не бюрократа и не профессора-теоретика, а практическаго дѣльца; какъ на такового и указывали на Вышнеградскаго.

Въ послѣднихъ числахъ года ко мнѣ заѣхалъ Пав. Ник. Николаевъ, чтобы сообщить мнѣ, что Николай Христіановичъ оставляетъ министерство, назначается предсѣдателемъ комитета министровъ (этотъ постъ тогда освободился съ уходомъ М. Х. Рейтерна), что министромъ финансовъ назначается Вышнеградскій, что онъ, Николаевъ, останется товарищемъ министра не соглашается, и что Вышнеградскій намѣренъ предложить мнѣ постъ

товарища, вѣроятно вслѣдствіе благопріятнаго обо мнѣ отзыва Государя, о которомъ я выше упоминалъ.

1887.

Въ самый новый годъ Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій заѣхалъ ко мнѣ рано утромъ, и такъ какъ я еще не былъ одѣтъ, оставилъ мнѣ карточку, съ титуломъ: министръ финансовъ. Этотъ визитъ очевидно имѣлъ цѣлью предложеніе мнѣ мѣста его товарища. По дорогѣ въ дворецъ, гдѣ въ этотъ день былъ выходъ, какъ обыкновенно, я заѣхалъ къ Ивану Алексѣевичу, но, разумѣется, тоже его не засталъ. Во дворецъ только что Вышнеградскій увидѣлъ меня, какъ онъ подошелъ ко мнѣ и сдѣлалъ мнѣ вышеуказанное предложеніе. Я ему отвѣтилъ, что, соглашаясь на сдѣланное мнѣ почетное предложеніе, я только долженъ оговорить, что такъ какъ по нѣкоторымъ вопросамъ, напр., по вопросу о таможенномъ покровительствѣ, мои мнѣнія будутъ, можетъ быть, расходиться съ его взглядами, то я предоставляю себѣ, не стѣняясь, высказывать ему мои возраженія,—съ чѣмъ онъ, разумѣется, согласился. Мое назначеніе состоялось въ тотъ же день, т. е. 1-го января 1887 года. Въ званіи товарища министра я состоялъ почти шесть лѣтъ, т. е. до сентября 1892 г.

Въ то время въ министерствѣ финансовъ былъ только одинъ товарищъ министра; съ тѣхъ поръ это перемѣнилось: въ послѣднее время ихъ было до четырехъ. При такомъ положеніи дѣла, полезное вліяніе товарища министра значительно умаляется; въ сущности, онъ долженъ быть *alter ego* министра и быть постоянно въ курсѣ всего дѣла, чтобы, въ случаѣ отсутствія министра, замѣнять его по всѣмъ частямъ управленія. Нынѣ же каждый товарищъ, завѣдуя только одною частью вѣдомства, мало знакомъ съ остальными частями; въ сущности, нынѣшніе товарищи—только старшіе директора. Несомнѣнно, дѣятельность министерства финансовъ съ тѣхъ поръ крайне расширилась, но нынѣ едва-ли есть министерство, въ которомъ бы было менѣе двухъ товарищей; даже министерство Госуд. имуществъ и земледѣлія, при его ограниченномъ кругѣ дѣлъ, имѣетъ двухъ товарищей. Въ концѣ девятыдесятаго года, когда въ министерство финансовъ перешла тарифная часть желѣзнодорожнаго дѣла, и былъ учрежденъ жел.-дор. департаментъ, Иванъ Алексѣевичъ пожелалъ взять втораго товарища; но когда онъ доложилъ о томъ Государю, то послѣдовалъ отказъ. Государь замѣтилъ, что довольно ему и одного товарища.

Послѣ моего назначенія служащіе въ департаментѣ Государственнаго казначества поднесли мнѣ на память изящный альбомъ съ ихъ фотографическими портретами. Этотъ знакъ вниманія меня тѣмъ болѣе тронулъ, что никто изъ директоровъ этого департамента до того времени не былъ удостоенъ такого знака вниманія со стороны его подчиненныхъ. Я могъ изъ этого заключить, что, во время управленія департаментомъ, я успѣлъ заслужить расположеніе и уваженіе всѣхъ моихъ подчиненныхъ.

Почти шесть лѣтъ я работалъ съ Иваномъ Алексѣвичемъ на поприщѣ финансовъ и потому могъ вполне оцѣнить образъ его дѣятельности. Человѣкъ чрезвычайно энергическій и горячій, Иванъ Алексѣвичъ всю душу положилъ въ это дѣло. Работая съ утра до поздней ночи, онъ не зналъ усталости и не щадилъ своего здоровья. Онъ имѣлъ привычку вставать очень рано и, несмотря на то, нерѣдко на вечернихъ засѣданіяхъ засиживался до двухъ, трехъ часовъ ночи, и такъ какъ всѣ дѣла онъ по своему живому характеру принималъ близко къ сердцу, то онъ и находился почти въ постоянномъ волненіи. Такой усиленной дѣятельности и такого постоянного напряженія нервовъ даже его крѣпкій и здоровый организмъ не могъ вынести. Въ апрѣлѣ 1892 года съ нимъ сдѣлался ударъ, и хотя онъ отъ него нѣсколько и оправился, но прежнимъ энергическимъ дѣятелемъ онъ уже пересталъ быть. Замѣчательно, что подъ вліяніемъ болѣзни его характеръ совершенно перемѣнился, вмѣсто прежняго довольно сухого и рѣзкаго образа обращенія, настроеніе его сдѣлалось мягкимъ и теплымъ. Несомнѣнно, въ званіи министра финансовъ онъ свою жизнь принесъ въ жертву на пользу отечества.

Въ скоромъ времени послѣ его назначенія министромъ, скончался Катковъ. Удаленіе со сцены личности, которая вывела Ивана Алексѣвича въ министры, признавалось въ то время счастливымъ для него предзнаменованіемъ,—потому что, со смертію Каткова, онъ освобождался отъ опеки и того давленія, которое Катковъ, вѣроятно, постарался бы производить на него.

Въ первые годы управленія Вышнеградскаго министерствомъ, въ составѣ министерства произошли двѣ перемѣны, на которыя было обращено вниманіе потому, что онѣ послѣдовали по указанію Государя и характеризовали направленіе, которое тогда преобладало въ высшихъ сферахъ.

Директоромъ департамента окладныхъ сборовъ былъ А. А. Рихтеръ, человѣкъ необыкновенно умный и дѣльный, но его упрекали въ дворянскихъ кругахъ въ пристрастіи къ интересамъ крестьянъ. Послѣ одного доклада у Государя, Иванъ Алексѣвичъ рассказалъ мнѣ, что Государь, указывая на неудовлетворительный будто бы

личный составъ министерства, пожелалъ удаленія между прочимъ Рихтера. По этому поводу я ему замѣтилъ, что уже и при Бунге дѣлались такія замѣчанія, но Николай Христіановичъ отстаивалъ своихъ дѣятелей, считая ихъ крайне полезными, я прибавилъ къ этому, что можетъ быть и ему удастся отстоять Рихтера, но онъ возразилъ мнѣ, что желаніе Государя было высказано на сей разъ въ столь опредѣленной формѣ, что трудно его не исполнить. Онъ, впрочемъ, все же не уволилъ Рихтера, а только перемѣстилъ его на постъ члена Совѣта Министерства Финансовъ. Александръ Александровичъ вслѣдъ затѣмъ заѣхалъ ко мнѣ, такъ какъ мы были съ нимъ всегда въ лучшихъ отношеніяхъ, чтобы лично сообщить мнѣ о своемъ перемѣщеніи, при этомъ онъ выказывалъ большое спокойствіе духа. Впослѣдствіи Вышнеградскій поручалъ впрочемъ Рихтеру разработку разныхъ, очень существенныхъ вопросовъ по земельному обложенію и по земскому хозяйству, такъ что до самой смерти онъ продолжалъ принимать серьезное участіе въ работахъ Министерства Финансовъ.

Нѣсколько времени спустя та же участь постигла Картавцева, который управлялъ Дворянскимъ и Крестьянскимъ банками. Картавцевъ былъ еще относительно молодымъ человѣкомъ. Во время профессуры Бунге въ Кіевѣ, онъ слушалъ у него лекціи, и потому Бунге его хорошо зналъ и цѣнилъ; онъ самъ опредѣлилъ его въ министерство, и нѣкоторое время спустя сдѣлалъ его управляющимъ вышеозначенныхъ банковъ. Въ этомъ положеніи онъ навлекъ на себя жестокою ненавистью дворянскихъ землевладѣльцевъ. Съ учрежденіемъ дворянскаго банка, кредитные аппетиты землевладѣльцевъ разрослись до неимовѣрныхъ предѣловъ, и потому естественно, что Картавцеву постоянно приходилось отклонять крайнія требованія кредита и разныхъ льготъ, заявляемыя ему дворянами землевладѣльцами.

Это составило ему репутацію явнаго противника дворянства, о немъ говорили, что, стремясь къ переходу дворянскихъ имѣній въ руки крестьянъ, онъ намѣренно отказываетъ дворянамъ въ кредитѣ, все это доходило до Государя, и Государь потребовалъ его смѣщенія. Возбужденіе противъ него было настолько сильно, что оказывалось невозможнымъ сохранить его даже въ составѣ министерства.

Иванъ Алексѣевичъ, сообщая мнѣ о необходимости уволить Картавцева, прибавилъ еще, „что это былъ для него самый тяжелый день“. Я послѣ того заѣхалъ къ Картавцеву, но не засталъ его дома, и вслѣдъ затѣмъ получилъ отъ него письмо въ очень теплыхъ выраженіяхъ.

Иванъ Алексѣевичъ впрочемъ позаботился о томъ, чтобы его вполнѣ обезпечить. Онъ назначилъ ему очень значительную пенсію и устроилъ его членомъ правленія въ обществѣ Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Вышнеградскій хорошо понималъ, что кого бы ни назначить на мѣсто Картавцева, при данномъ настроеніи, которое еще было усилено тѣмъ, что Картавцевъ былъ принесенъ ему въ жертву, бороться противъ неумѣренныхъ требованій дворянъ землевладѣльцевъ будетъ очень трудно, и потому онъ пришелъ къ убѣжденію, что единственнымъ выходомъ изъ затрудненія представляется назначеніе на этотъ постъ личности изъ аристократическаго круга, которая при отказахъ въ неосновательныхъ требованіяхъ кредита не будетъ подлежать обвиненію во враждѣ дворянству. Выборъ Ивана Алексѣевича остановился на нашемъ извѣстномъ поэтѣ графѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ, который и по своему громкому имени, и по своему личному характеру вполнѣ соответствовалъ требованіямъ даннаго времени. Кромѣ того Ивану Алексѣевичу пріятно было этимъ назначеніемъ выразить свою благодарность семейству графа Кутузова, у котораго, молодымъ человѣкомъ, онъ былъ домашнимъ учителемъ, и съ которымъ съ тѣхъ поръ онъ сохранилъ хорошія отношенія. Система Ивана Алексѣевича оказалась удачною, и съ тѣхъ поръ долгое время на этотъ постъ назначались лица изъ аристократическаго круга,—князь Оболенскій, князь Ливень, графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Принявъ министерство съ большимъ хроническимъ дефицитомъ въ государственномъ бюджетѣ, Иванъ Алексѣевичъ поставилъ себѣ главною задачею освободить Россію отъ этого недуга. Для достиженія этой цѣли онъ до крайности сокращалъ расходы и заботился объ увеличеніи доходовъ, воевалъ постоянно противъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій—и дѣйствительно благодаря своей удивительно энергической настойчивости достигъ того, что сверхсмѣтные расходы совершенно прекратились, дефицитъ исчезъ—въ смѣтѣ на 1891 годъ исчислялся даже значительный избытокъ дохода. Это такая громад-ная заслуга, которая къ сожалѣнію не была достаточно оцѣнена его современниками, но которая составитъ ему имя въ исторіи. Его обвиняли въ томъ, что онъ скупился до крайности на всякіе расходы, и потому многіе дѣйствительныя современныя потребности Государства оставались неудовлетворительными. Отчасти это такъ и было; но подобно тому, какъ больного человѣка надо прежде всего вылѣчить отъ главной болѣзни и потомъ уже думать объ удовлетвореніи другихъ его потребностей, такъ и въ данномъ случаѣ Иванъ Алексѣевичъ считалъ прежде всего необходимымъ, во что бы

то ни стало, излечить прежде всего Россію отъ главнаго ея недуга— постоянныхъ дефицитовъ.

Для уничтоженія дефицита, какъ уже выше замѣчено, необходимо было прежде всего сдерживать стремленія отдѣльныхъ вѣдомствъ получать сверхсмѣтные кредиты на расходы, не предусмотрѣнные въ смѣтѣ—и это было не легко, при установившейся привычкѣ не стѣсняться въ расходахъ предѣлами смѣты. Приходилось на этой почвѣ бороться со всеми вѣдомствами и не разъ Вышнеградскому приходилось прибѣгать къ испрошенію Высочайшихъ повелѣній о безусловномъ устраненіи всякихъ сверхсмѣтныхъ требованій. Только основываясь на рѣшительной волѣ Государя, Ивану Алексѣевичу удалось удалить изъ нашей финансовой практики пагубную привычку прибѣгать къ сверхсмѣтнымъ ассигнованіямъ. Только уже послѣ него, ввиду появившихся избытковъ дохода и увеличенія наличности Государственнаго Казначейства, опять стали появляться сверхсмѣтныя ассигнованія на армію, флотъ, желѣзныя дороги—не вызывая впрочемъ пока еще дефицита.

Для достиженія имѣвшейся ввиду цѣли, недостаточно было заботиться объ уменьшеніи расходовъ, необходимо было думать и объ увеличеніи доходовъ, хотя на первое время это и представляло весьма трудную задачу.

Вышнеградскій помышлялъ вначалѣ о введеніи казенной монополіи на табакъ и спиртъ, но, послѣ основательнаго изученія этого вопроса, онъ отказался отъ своей мысли. Только впоследствии С. Ю. Витте рѣшился ввести винную монополію; о пользѣ этого введенія были различнаго мнѣнія. Во всякомъ случаѣ на первое время эта реформа вызвала значительный расходъ на устройство монополіи, т. е. на приобрѣтеніе вина, на индемнизицію, на постройки и т. д.—а увеличеніе дохода являлось только въ будущемъ. Затѣмъ были проекты разныхъ другихъ новыхъ налоговъ, которые тоже не были приведены въ исполненіе. Иванъ Алексѣевичъ ввелъ только одинъ новый налогъ на спички. Надъ этимъ налогомъ вначалѣ очень издѣвались, а между тѣмъ онъ оказался весьма удачнымъ, почти незамѣтный для потребителей, онъ съ самаго же перваго года далъ около двухъ милліоновъ рублей чистаго дохода. Не вводя монополіи, оказалось возможнымъ, путемъ нѣкотораго измененія системы взиманія и повышеніемъ окладовъ, не мало значительно увеличить доходъ отъ вина, табака и сахара. Съ теченіемъ времени доходы государства стали расти изумительно даже по такимъ статьямъ, которыя не были затронуты никакими переменами; ростъ былъ совершенно естественный, вызываемый отчасти нѣсколькими годами хорошихъ урожаевъ,—однимъ словомъ, можно

сказать, что Ивану Алексѣвичу везло до самаго несчастнаго 1891 года, когда съ неурожаемъ наступилъ кризисъ и какъ бы переломъ его счастью.

Въ видахъ сокращенія расходовъ Иванъ Алексѣвичъ обратилъ между прочимъ вниманіе на возможность сокращенія нашего расходнаго бюджета путемъ конверсін нашихъ займовъ и обращенія ихъ въ государственную ренту.

Вопросъ о превращеніи ежегодно обязательно погашаемыхъ займовъ въ государственную ренту, не подлежащую обязательному погашенію, давно уже былъ возбужденъ въ финансовой наукѣ; первый, кажется, обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ извѣстный экономистъ I. B. Say. Онъ указывалъ, что почти всѣ государства гасятъ ежегодно часть старыхъ займовъ и одновременно заключаютъ новые займы, часто на условіяхъ менѣе выгодныхъ; потому разумнѣе было бы въ такое время, когда приходится заключать новые займы, не гасить старыхъ, а для этого необходимо превратить займы въ государственную ренту, къ погашенію которой, покупкой ея на рынкѣ, можно приступать въ такое время, когда оказывается избытокъ доходовъ и не предстаетъ необходимости въ новыхъ займахъ. Согласно этой теоріи Франція превратила весь свой государственный долгъ въ государственную ренту, которой не присвоено обязательнаго погашенія.

Къ этой системѣ перешелъ и Вышеградскій; пользуясь расположеніемъ къ намъ французскаго рынка и избыткомъ денегъ на европейскихъ рынкахъ вообще, онъ комбинировалъ конверсію нашихъ государственныхъ займовъ съ превращеніемъ ихъ въ государственную ренту.

Незадолго передъ тѣмъ графъ Бисмаркъ, ставъ въ непріязненное къ намъ отношеніе, заключилъ направленный противъ насъ договоръ съ Австріей и вмѣстѣ съ тѣмъ закрылъ для нашихъ бумагъ нѣмецкій рынокъ. Онъ объяснялъ этотъ поворотъ враждебнымъ настроеніемъ противъ Германіи русской прессы послѣ Берлинскаго конгресса, лишившаго насъ части выгодъ, которыя могли бы быть послѣдствіемъ нашей побѣдоносной войны съ Турціей,—и опасеніемъ, что подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Россія могла бы быть вовлечена въ непріязненныя отношенія къ Германіи. Мѣры Бисмарка вполнѣ достигли желаемой имъ цѣли, значительная часть русскихъ бумагъ была изгнана съ германскихъ биржъ; бумаги эти перешли большею частью по дешевой цѣнѣ во Францію. Германскіе капиталисты, сбывшіе русскія бумаги, стали помѣщать освободившіеся капиталы въ разныя высокопроцентныя бумаги, сомнительнаго достоинства — въ аргентинскіе, турецкіе,

португальскіе фонды,—на которыхъ они понесли впоследствии значительныя потери.

Разъ французскій рынокъ оказался расположеннымъ къ русскимъ бумагамъ, Иванъ Алексѣевичъ воспользовался моментомъ изобилія нашихъ свободныхъ денегъ, приступилъ къ осуществленію задуманной имъ операціи.

Первые переговоры начались съ банкирскимъ домомъ Субейранъ, только что выпустившимъ итальянскій заемъ. Послѣдовало соглашеніе, проектъ договора былъ составленъ, но когда Вышнеградскій внесъ его въ финансовый комитетъ, послѣдній отказалъ въ своемъ на него согласіи, потому что Россія до сихъ поръ имѣла дѣло только съ первоклассными банкирами, а домъ Субейрана такимъ не считался.

Тогда Вышнеградскій вступилъ въ переговоры съ Ротшильдомъ и Госкье и, благодаря его ловкому образу дѣйствія и благопріятнымъ для насъ политическимъ констеляціямъ, ему удалось совершить во Франціи рядъ конверсионныхъ операцій, благодаря которымъ наши 5⁰/₀ бумаги были обращены въ четырехпроцентную ренту, которая въ скоромъ времени дошла до пари.

Столь высокаго уровня нашъ государственный кредитъ никогда еще не достигалъ. Это былъ несомнѣнно блистательный моментъ въ исторіи нашихъ финансовъ. Одновременно съ этимъ, Иванъ Алексѣевичъ погасилъ небольшой остатокъ нашего 6⁰/₀ займа и кромѣ того сократилъ болѣе чѣмъ на 100 милліоновъ нашъ внутренній краткосрочный долгъ, изъятіемъ изъ обращенія соответственнаго числа казначейскихъ билетовъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ операцій не только нашъ кредитъ значительно поднялся, но еще и въ бюджетѣ оказалась ежегодная экономія приблизительно въ 30 милліоновъ, обусловленная частью прекращеніемъ обязательныхъ амортизацій, частью пониженіемъ процента по нашимъ государственнымъ долгамъ.

Конверсионную операцію, предпринятую Вышнеградскимъ, нельзя не признать въ высшей степени удачно исполненною. Въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ того, нашъ государственный кредитъ стоялъ на значительной высотѣ; только въ послѣднее время несчастная японская война лишила насъ того блестящаго положенія, которое столько лѣтъ занимали наши финансы на европейскихъ рынкахъ.

Вышнеградскій кромѣ того былъ постоянно занятъ мыслями о подготовленіи средствъ для возстановленія нашего денежнаго обращенія на металлическомъ основаніи. Въ это время серебро стало значительно падать въ цѣнѣ, и это паденіе дошло до того, что курсъ серебра почти сравнялся съ курсомъ нашихъ кредитныхъ

билетовъ, такъ что представлялось возможнымъ приступить безотлагательно къ размѣну кредитныхъ билетовъ на серебро по номинальной ихъ цѣнѣ, рубль за рубль. На подобномъ рѣшеніи монетнаго вопроса однако серьезно и не останавливались, такъ какъ при постоянныхъ колебаніяхъ цѣны серебра и при продолжающемся ея паденіи бѣлый металлъ не могъ уже представлять солиднаго базиса для металлическаго денежнаго обращенія страны. Конечною цѣлью имѣлась ввиду золотая монетная единица,—такое рѣшеніе было окончательно установлено въ засѣданіи финансоваго комитета, происходившемъ лѣтомъ 1887 года въ Царскомъ Селѣ въ квартирѣ М. Х. Рейтерна, подъ его предсѣдательствомъ. Въ этомъ засѣданіи кромѣ меня принимали участіе: Н. Х. Бунге, Д. М. Сольскій, кажется, Государственный контролеръ, и директоръ кредитной канцеляріи А. В. Цимсень.

Ввиду такого рѣшенія пришлось постепенно накапливать золото въ нашемъ металлическомъ фондѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности противодѣйствовать колебаніямъ въ курсѣ нашихъ кредитныхъ билетовъ. Еще незадолго передъ тѣмъ эти колебанія доходили въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сколько помню, до 20% разницы между высшимъ и низшимъ курсомъ. Понятно, до какой степени подобная неустойчивость денежной единицы должна была вредно отзываться на торговыхъ оборотахъ. Дѣлая какую-либо закупку на срокъ, приходилось одновременно съ этимъ дѣлать каждый разъ дополнительную кредитную операцію для обезпеченія себѣ извѣстнаго курса въ моментъ платежа.

Вышнеградскому удалось довести эти колебанія до минимума путемъ операціи постояннаго арбитража на золото, которое онъ ввелъ въ дѣйствіе. Когда цѣна золота понижалась, государство стало покупать золото, а напротивъ того, когда цѣна на золото начинала значительно расти и одновременно съ симъ курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ понижаться, казначейство приступало къ продажѣ золота и тѣмъ полагало предѣлъ упадку курса. Эта операція была ведена министромъ такъ искусно, что колебанія курса были заключены въ очень тѣсные предѣлы и вмѣстѣ съ тѣми операція содѣйствовала накопленію золота въ нашемъ металлическомъ запасѣ.

Нельзя однако было не опасаться, что нашъ невыгодный международный балансъ будетъ служить препятствіемъ къ введенію у насъ твердаго металлическаго обращенія. Въ сущности нашъ торговый балансъ склонялся постоянно въ нашу пользу,—но избытокъ его не могъ восполнить наши заграничные платежи по государственному долгу и др. При такомъ положеніи дѣла Вышне-

градскій считалъ особенною своею задачею содѣйствовать возвышенію активности нашего торговаго баланса и съ этою цѣлью съ одной стороны приступилъ къ значительному повышенію нашего таможеннаго тарифа, а съ другой стороны обратилъ особое вниманіе на увеличеніе отпуска хлѣба за границу, поощряя этотъ отпускъ введеніемъ покровительствующихъ этому отпуску желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

Какъ ни послѣдовательна была эта финансовая политика, но послѣдствіемъ ея являлось вздорожаніе предметовъ иностраннаго привоза, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр. сельскохозяйственныя орудія, представляли потребность для нашего сельскаго хозяйства. Вотъ почему его финансовую политику стали упрекать въ томъ, что она покровительствуетъ фабрично-мануфактурному производству страны въ ущербъ ея сельскаго хозяйства. Такой упрекъ не былъ лишенъ основанія, ибо хотя потребность сельскаго хозяйства въ иностранныхъ продуктахъ при этомъ обыкновенно нѣсколько преувеличивалась, но несомнѣнно хозяйства, работающія машинами, страдали отъ ихъ дороговизны, а вмѣстѣ съ тѣмъ при крайней экономіи въ государственныхъ расходахъ, которой держался Вышнеградскій, въ нашемъ бюджетѣ почти совершенно не ассигновалось средствъ на разныя статьи, отъ которыхъ могло послѣдовать развитіе нашего сельскаго хозяйства, какъ-то: проложеніе мѣстныхъ дорогъ, созданіе мелкаго кредита и т. п.

Мы говорили выше о поощреніи отпуска, изданіемъ *ad hoc* соотвѣтствующихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. По этому поводу необходимо сказать нѣсколько словъ о нашей желѣзнодорожной тарифной политикѣ вообще. Въ прежнее время установленіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ было всецѣло предоставлено усмотрѣнію правленій обществъ. При такомъ положеніи дѣла, каждая дорога заботилась только о своихъ частныхъ интересахъ. Подъ вліяніемъ конкуренціи устанавливались тарифы, явно невыгодные для государства, провозъ товаровъ часто затруднялся по такимъ направленіяхъ, которыя были желательны странѣ, и кромѣ того сложность расчетовъ по разнообразнымъ тарифамъ чрезвычайно затрудняла вообще передвиженіе по нимъ товаровъ. Отъ этого особенно страдалъ отпускъ нашего хлѣба за границу.

Это неудобство уже давно указывало на необходимость нѣкотораго регулированія жел.-дор. тарифнаго порядка въ интересѣ общества. И въ прессѣ и въ правительственныхъ сферахъ шла борьба мнѣній о степени допустимости правительственнаго воздѣйствія на тарификацію частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Иванъ Алексѣевичъ

энергически настаивалъ на правѣ правительства руководить этимъ дѣломъ въ общемъ интересѣ. Его мнѣніе наконецъ восторжествовало — изданъ былъ законъ, дающій правительству возможность регулировать жел.-дор. тарифную политику въ видахъ ея упрощенія и направленія сообразно истиннымъ интересамъ государства. По достиженіи этого важнаго результата, оставалось рѣшить, кому будетъ поручено это руководство. Вышнеградскій былъ убѣжденъ, что если это дѣло будетъ предоставлено инженерамъ, то изъ него ничего не выйдетъ. Отсюда возникла ожесточенная борьба между министерствомъ финансовъ и министерствомъ путей сообщенія, во главѣ котораго, послѣ кратковременнаго управленія министерствомъ Паукеромъ, стоялъ въ то время Гюббенетъ. Въ этой борьбѣ министръ финансовъ остался побѣдителемъ: въ его руки было передано тарифное дѣло желѣзныхъ дорогъ, и по этому случаю въ министерствѣ финансовъ былъ учрежденъ желѣзнодорожный департаментъ. Кромѣ того, подъ моимъ предсѣдательствомъ былъ устроенъ совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ принимали участіе, кромѣ членовъ отъ министерства финансовъ, представитель министерства путей сообщенія, министерства внутреннихъ дѣлъ и всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ; директоромъ жел.-дор. департамента Иванъ Алексѣевичъ назначилъ С. Ю. Витте, съ которымъ онъ былъ давно въ сношеніяхъ по предшествовавшему участию его въ правленіи Юго-Западныхъ дорогъ. Какъ оказалось впоследствии, Вышнеградскій, докладывая Государю о назначеніи Витте, рекомендовалъ его какъ человѣка крайне способнаго и даже отчасти указалъ на него, какъ на лицо, могущее впоследствии наследовать ему въ министерствѣ финансовъ. Далѣе я буду имѣть случай, въ свое время, изложить, какъ въ дѣйствительности состоялось, послѣ болѣзни Вышнеградскаго, назначеніе С. Ю. Витте, и какъ послѣднему удалось осуществить то, къ чему стремились его предшественники — Рейтернъ, Бунге и Вышнеградскій, а именно: установить у насъ прочное золотое металлическое обращеніе.

Считаю не безынтереснымъ заключить эту общую характеристику финансовой дѣятельности И. А. Вышнеградскаго слѣдующимъ разсказомъ.

Въ концѣ 1890 года, при утвержденіи бюджета на слѣдующій годъ, въ первый разъ оказался значительный избытокъ въ доходахъ. По этому поводу А. А. Абаза, который тогда былъ предсѣдателемъ департамента экономіи, сдѣлалъ обѣдъ въ честь Ивана Алексѣевича, на которомъ я также участвовалъ. Вышнеградскаго поздравляли съ блестящими результатами его финансовой политики, пили за его здоровье и т. д.; повидимому, Иванъ Алексѣевичъ былъ

на апогеѣ своей славы и своего величія. Никто изъ нихъ не предвидѣлъ на этомъ обѣдѣ, что это былъ не только моментъ величія Вышнеградскаго, но и моментъ поворота его судьбы въ противоположную сторону. Съ этого момента счастье и удачи ему измѣнили. 1891 годъ ознаменовался необычайнымъ неурожаемъ, пришлось ассигновать милліоны на прокормленіе голодающихъ, затѣмъ несчастная мѣра — воспрещеніе по рѣшенію Комитета Министровъ вывоза нашего хлѣба—не принесшая никакой пользы, а между тѣмъ разстроившая на многіе годы нашу отпускную торговлю хлѣбомъ, и тѣмъ нанесшая благосостоянію страны неисчислимый ущербъ, наконецъ самая болѣзнь Ивана Алексѣевича... Годъ спустя сошелъ со сцены и хозяинъ, дававшій этотъ обѣдъ.

Послѣ этого историческаго отступленія, далеко заходящаго впередъ, возвращаюсь къ обычной нашей жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 14-го октября по 18 ноября 1910 г.**

Абрамовичъ, Н. Я. Художники и мыслители. II книга литературно-критическихъ очерковъ. М. 1911. Изд. Заря (уг. Тверского б. и М. Бронной, 1). Тип. Рекордъ (Арбатъ, 32). 8° (19×28). 233 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 1 ф. 2 л. 1.050 экз.

Дурново, Н. Н. I. Историческое изслѣдованіе о патриаршихъ и архіепископскихъ (автокефальныхъ) престолахъ въ православной Восточной Церкви. II. О различныхъ чинахъ церковныхъ, или должностяхъ. М. 1910. Тип. Русская Печатня Сарандинаки (Арбатъ, 29). 8° (15×23). 49 стр. Ц. 35 к. Вѣсь 4 л. 400 экз.

Зелинскій, В. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. 22. М. 1910. Тип. В. Рихтеръ (Мамоновск. п., с. д.) 8° (15×23). 239 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 21 л. 1.200 экз.

Извѣстія Общества археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ. Томъ XXVI, вып. 4. Казань. 1910. Тип. Казанскаго Университета. 8° (17×26). 295—414 стр. Съ таб. Вѣсь 22 л. 350 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. № 33. Спб. 1910. Изд. Т-ва Бр. А. И. Гранатъ и К°. Тип. Тов. И. Н. Кушнерева и К°. 8° (19×27). 80 стр. Вѣсь 17 л. 15.450 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянникова-Куликовскаго (Вып. 2). М. 1910. Изд. Т-ва Миръ (Знаменка, 9). Тип. И. Кушнерева и К° (Пименовск., с. д.). 8° (19×28). 161—240 стр. Съ портр. Вѣсь 20 л. 10.000 экз.

Михеевъ, С. Исторія русской арміи. Вып. I. Эпоха Петра В. М. 1910. Изд. С. Михеева и А. Казачкова. Тип. Окружнаго штаба. 8° (16×24). 94 стр. + 1 портр. Скл.: Александр. Воен. Учил. Ц. 60 к. Вѣсь 11 л. 1.200 экз.

Покровскій, К. IX сатира Кантемира. М. 1910. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздв. пер., д. Лиснера). 8° (17×25). 19 стр. Вѣсь 3 л. 50 экз.

Рижскій Торговый Архивъ. 1910. Вып. II. Рига. 1910. Тип. Р. Руэтцъ (Донская пл., 11—13). 8° (16×26). 214 стр. Вѣсь 18 л. 350 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 гг. Т. IX. Второстепенные театры

военныхъ дѣйствій. Часть I—IV. Спб. 1910. Изд. воен.-истор. комиссін Гл. Упр. ген. штаба. Тип. Тренке и Фюсно (Максим. пер., 13). 8° (20×28). X+288 стр. Вѣсь 1 ф. 28 л. 4.050 экз.

Сборникъ отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 87-й. Спб. 1910. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (17×24). 38+21+IV+130+IV+111+III+163+IV+272 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 24 л. 300 экз.

Содержаніе. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русск. яз. и словесности Импер. Акад. Наукъ, составл. акад. Н. П. Кондаковымъ.—А. Б. Карповъ. Сборникъ словъ, синонимовъ и выраженій, употребляемыхъ Амурскими казаками.—Н. М. Гутьяръ. Хронологическая кавва для біографіи Н. С. Тургенева.—М. К. Герасимовъ. Словарь уѣзднаго Череповецкаго говора.—К. Михальчукъ и А. Крымскій. Программа для собиранія особенностей малорусскихъ говоровъ.—Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ. Выпускъ IX.

Ананьевъ, С. Исторія Педагогикѣ. Лекціи, читанныя на В. Ж. К. въ 1909/10 учебн. году въ Кіевѣ. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ 40). 8° (16×24). 114 стр. Вѣсь 1 л. 300 экз.

Антоновъ, М. И. Наглядное описаніе разновидностей монетъ Россіи преимущественно XIX столѣтія и мелкаго достоинства, найденныхъ за послѣднее время. Спб. 1910. Тип. Маркса (Измайловскій пр., 29). 8° (28×21). III+70 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 18 л. 700 экз.

Аполлосъ, архим. Описаніе Благовѣщенскаго женскаго перво-класснаго монастыря. Составленное въ 1851 году. Съ примѣч. прот. Н. Пальмова. Астрахань. 1910. Тип. Губернская. 8° (17×26). 41 стр. Вѣсь 5 л.

Валишевскій, К. Смутное время. Пер. съ франц. подъ ред. Е. Н. Щепкиной. Спб. 1911. Изд. Общ. вспомож. Спб. Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Тип. „Русская“ (Екатерин. кан., 94). 8° (16×24). II+434 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 14 л. 2.000 экз.

Голицынъ, Петръ, кн. Первый вѣкъ Сената. Спб. 1910. Тип В. Д. Смирнова (Екатерининск. кан., 45). 8° (19×25). 205 стр. Вѣсь 27 л. 300 экз.

Далькевичъ, М. М. Императорская Академія Художествъ. Галерея графа Н. А. Кушелева-Безбородко. Вып. IV. Спб. 1910. Изд. и тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (43×53). 8+16 рис. Вѣсь 5 ф. 2 л. 250 экз.

Едемскій, М. О старыхъ торговыхъ путяхъ на Сѣверъ (по поводу одной находки на верховьяхъ р. Устья). Изъ записокъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Импер. Рус. Археологич. Общества. Т. IX. Стр. 39—62. Спб. 1910. Изд. Археологич. общества. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (19×27). 24 стр. Съ рис. Вѣсь 5 л. 75 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссін. Прибавленіе къ вып. 34-му (хроника и бібліографія, вып. 17). Спб. 1910. Тип. Гл. Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20×28). 231 стр. Вѣсь 1 ф. 23 л. 900 экз.

Калужская Старина. Подъ ред. И. Θ. Цвѣткова. Т. 5. Калуга. 1910. Изд. Калуж. Церк. Истор.-Археол. Об-ва. Тип. Губ. Земск. Упр. 8 (18×26). II+83+59+VIII+171—258+74+V+III стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 4 л. 800 экз.

Клеръ, М. О. Замѣтка о деревянномъ мостѣ каменнаго вѣка въ

Горбуновскомъ болотѣ близъ Нижне-Тагильскаго завода. Екатеринбургъ-1909. Тип. В. Н. Алексѣева и П. Н. Галина. 8° (16×24). 13 стр. Въсь 1 л. 100 экз.

Крыловскій, А. С. Систематическій каталогъ книгъ библиотеки Кіевской духовной академіи. Т. III. Исторія. Вып. 9. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 374 стр. Складъ: ред. Трудовъ Кіев. Духов. Акад. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 1 ф. 1 л. 420 экз.

Литература по нумизматикѣ. Каталогъ книгъ нумизматической торговли В. Ф. Кошыллова. Вып. II. Спб. 1910. Тип. „Капиталь“ (6-я Рождеств., № 22). 8° (15×22). 26 стр. Въсь 3 л. 500 экз.

Матеріалы для біографіи епископа Порфирія Успенскаго. Томъ I. Официальные документы. Подъ редакціей П. В. Безобразова. Спб. 1910. Изд. Имп. Академіи Наукъ. Тип. В. Θ. Киршбаума (д. Минист. Финанс., на Дворц. пл.). 8° (18×26). 863 стр. Въсь 3 ф. 5 л. 600 экз.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. IV, ч. I. Измѣненія экономическаго и политическаго строя. Международныя отношенія. Спб. 1910. Тип. „Общ. Польза“ (Б. Подъяч., 39). 8° (18×23). 392 стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 1 ф. 25 л. 2.300 экз.

Описаніе военныхъ дѣйствій на морѣ въ 87—88 г.г. Мейдан (въ 1904—1905 г.г.). Томъ 3. Дѣйствія противъ русской Владивостокской эскадры. Перев. съ японскаго А. Воскресенскій. Спб. 1910. Изд. Морс. генер. Штаба. Тип. Морс. Министерства (въ Глав. Адмиралтействѣ). 8° (18×27). 80 стр. и 4 листа чертежей. Ц. 80 к. Въсь 18 л. 2.000 экз.

Перетцъ, В. Н., проф. Отчетъ объ экскурсіи семинаріи русской филологини въ Полтаву и Екатеринославъ 1—9 іюня 1910 года. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меряиговская, 6) 8° (17×25). 99 стр. Ц. 60 к. Въсь 11 л. 150 экз.

Рудаковъ, В. В. Великій русскій критикъ В. Г. Вѣльнскій, Научно-популярный біографическій очеркъ. Дешевая бібліотека. № 369. Спб. 1910. Изд. и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 16° (11×16). 104 стр. Съ портр. Ц. 20 к. Въсь 4 л. 5.000 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Томъ V. Муиженское сраженіе. Ч. II. Отъ отхода къ р. Хунхэ до сосредоточенія на Сыпингайскихъ позиціяхъ. Спб. 1910. Изд. Воен. истор. комиссіи по описанію войны. Тип. Государственная. 8° (19×28) 356+50 стр. Въсь 2 ф. 14 л. 4.050 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ II. Вып. 3. (Русская литература начала XIX вѣка). Спб. 1910. Изд. 2-е, Я. Башмакова и К°. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (17×23). VIII+129 стр. Ц. 60 к. Въсь 16 л. 3.000 экз.

Сиповскій, В. В. Очерки изъ исторіи русскаго романа. Томъ I. Вып. 2-й (XVIII вѣкъ). Съ картограммой и указателемъ. Спб. 1910. Тип. т-ва „Трудъ“ (Кавалергардская, 40). 8° (17×26). II+951 стр.+1 картограмма. Адр. склада: Спб., Итальянская, 31, у. Я. Башмакова и К°. Ц. за оба выпуска 7 р. Въсь 2 ф. 27 л. 1.450 экз.

Щеглова, С. А. „Пчела“ по рукописямъ Кіевскихъ бібліотекъ. Опытъ наученія и тексты. Памятники древней письменности и искусства. Т. CLXXV. Спб. 1910. Изд. Общ. Любит. древней письменности. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (16×28). III+101+82 стр. Въсь 1 ф. 3 л. 475 экз.

Ярковъ, Вяч. П. Народныя пѣсни, записанныя въ Сысертскомъ заводѣ въ 1896 г. Екатеринбургъ. 1909. Тип. В. Н. Алексѣева и П. Н. Галина. 8° (17×27). 11 стр. Въсь 1 л. 100 экз.

Былины. Старинки богатырскія. Со вступительной статьей Е. А. Ляцкаго. Спб. 1910. Изд. т-ва „Огни“. Тип. Акціон. Общ. Типографск. Дѣло. 8° (20×26). XXX+199 стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 7 л. 2.400 экз.

Высоцкій, Н. Ѳ. проф. Народная медицина. (Оттискъ изъ Т. IX. Записокъ Московскаго Археологическаго Института). М. 1910. Тип. Л. В. Пожидаевой (Моховая, 26). 8° (18×27). V+168 стр. Съ 2 табл. Въсь 1 ф. 400 экз.

Ерошевичъ, Г. К. Оборона Севастополя. Штурмъ 6 іюня 1855 года. Спб. 1910. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Мохов., 40). 16° (12×18). Ц. 10 к. 31 стр. Въсь 3 л. 10.000 экз.

Живоглядовъ, А. И. Нѣсколько словъ по поводу воспоминаній старожила (Сергѣя Григорьевича Ярона): „Кіевъ въ 80-хъ годахъ“. Кіевъ. 1910. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (15×22). 20 стр. Ц. 20 к. Въсь 4 л. 1.000 экз.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. XXVIII. Одесса. 1910. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×28). II+199+126+112+1 таб.+2 нен. стр. Въсь 2 ф. 7 л. 230 экз.

Записки Московскаго Археологическаго Института, издаваемые подъ редакціей А. И. Успенскаго. Томъ VII. 1910. Изд. Моск. Археолог. Общества. Тип. А. И. Сиѣгиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8° (19×28). 60+19+10+7+4+4+18+8+32+8 стр. Съ 36 фототипіями. Ц. 7 р. Въсь 1 ф. 21 л. 600 экз.

Каретниковъ, С. М. Волынская губернія. Географическо-историческій очеркъ губерніи и описаніе уѣздовъ съ приложеніемъ краткой исторіи Малороссіи и Зап. Россіи во II-ю половину XVII вѣка и въ XVIII вѣкѣ, памятниковъ южно и западно-русскаго письма разныхъ вѣковъ, 8 родословныхъ таблицъ Волынскихъ и Галицкихъ князей и волынскихъ княжескихъ фамил. и статистическихъ свѣдѣній о народонаселеніи, промышленности и образованіи въ губерніи. Кременецъ. 1910. Изд. 2-е испр. и доп. Тип. В. Цвика. 8° (17×21). 3 нен.+112 стр. Съ картой Волын. губ. и планомъ Житомира и 1 табл. Ц. 60 к. Въсь 16 л. 400 экз.

Колоколовъ, Михаилъ, свящ. Къ столѣтію Воскресенскаго собора въ гор. Корчевѣ (1810—1910). Историческая справка (Извлеченіе изъ №№ 39 и 40 „Тверск. Епарх. Вѣдомостей“ за 1910 г.). Тверь. 1910. Тип. Н. М. Родіонова (Трехсвятская, д. Шиканова). 8° (17×25). 19 стр. Въсь 2 л. 30 экз.

Красвянскій, М. Б. Остатки древне-греческаго поселенія на территоріи гор. Ростова-на-Д. Перепечатано изъ № 268 газеты „Прязовскій Край“, отъ 12 октября 1910 года. Ростовъ-на-Дону. 1910. Тип. Акціонерная Печатня. 16° (13×18). 16 стр. Въсь 1 л. 100 экз.

Линдеманъ, І. К. Маринкина башня въ Коломнѣ и вопросъ о смерти Марины Мнишекъ. М. 1910. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвижен. пер., св. д.). 8° (12×25). 35 стр. Съ рис. Въсь 8 л. 800 экз.

Московское дворянство. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ краткимъ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ родословныхъ дѣлахъ Архива Московскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія

М. 1910. Тип. Л. В. Пожидаевой (Моховая, 26). 8° (18×27). 614 стр. Вѣсъ 4 ф. 6 л. 38 экз.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга 16-я. М. 1910. Тип. Синодальная. 8° (19×28). 518+184 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 350 экз.

Покровскій, М. Н. „Русская Исторія“ съ древнѣйшихъ временъ. Т. 2-я. Книга третья. При участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. Вл. Чичеринъ (Марьинскій участокъ, св. д.). 8° (19×28). 160 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 5.000 экз.

Розановъ, М. Н. Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и XIX в. Очерки по исторіи руссизма на Западѣ и въ Россіи. Т. I. М. 1910. Тип. Университета. 8° (17×25). VIII+559 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 900 экз.

Бѣлогостицкій, В., свящ. Реформа Петра Великаго по высшему церковному управленію. Спб. 1910. Тип. Синодальная. 8° (16×23). 70 стр. Скл. у автора (уг. Церковной ул. и Успенскаго пер., д. 2 — 16). Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Т. XV. Кн. 2. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (12×24). 327 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 817 экз.

Содержаніе: Б. М. и Ю. М. Соколовы. — Остатки былинъ. А. И. Соболевскій. — Изъ церковно-слав. литературы. П. Н. Сакулинъ. — Лермонтовъ А. И. Томсонъ. — Поправки къ статьѣ Н. П. Некрасова. Н. П. Кашинъ. — Къ исторіи текста произвед. А. Н. Островскаго. М. Н. Сперанскій. — И. В. Ягичъ. Н. Н. Соколовъ. — Литовскія рукописи. П. И. Поповичъ. — О методахъ въ изученіи Дубровницкой литературы. Н. Эндзелинъ. — О судьбѣ носовыхъ звуковъ въ латыш. яз. В. М. Истринъ. — Къ изданію болгарскаго перев. хроники Георгія Амартало. В. Н. Бенешевичъ. — Обзоръ трудовъ по славяновѣдѣнію.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 34-ый. Спб. 1910. Изд. Бр. Гранатъ (Моховая, 37). Тип. Мин. Путей Сообщенія. 4° (20×27). 80—160 стр. Съ 6 портр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 20 л. 5.400 экз.

Котляревскій, Несторъ. Николай Васильевичъ Гоголь (1829—1842 г.). Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы. Спб. 1910. Изд. 3-е. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 лин., 28). 8° (16×27). XV+580 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 27 л. 3.100 экз.

Ларионовъ, А. М., инж. Исторія Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I-го, за первое столѣтіе его существованія 1810—1910. Спб. 1910. Тип. Эрлихъ (Мал. Дворянская, 19). 8° (18×27). VIII+409 стр. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 5.000 экз.

Михѣевъ, С. Исторія русской арміи. Вып. II. Эпоха Румянцева и Суворова. М. 1910. Изд. С. Михѣева и А. Казачкова. Тип. Окружнаго Штаба. 8° (15×23). 68 стр. съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 8 л. 1.200 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Роскошно-иллюстрированное изданіе, посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина. № 6. М. 1910. Изд. т-ва „Образованіе“ (Долгоруковская, д. № 8, кв. 2). Тип. „Русскаго товарищества“ (Мыльниковъ пер., св. д.) 4° (25×33). 142 стр., съ 24 ототип. Вѣсъ 3 ф. 5.000 экз.

Общественное движеніе въ Россіи началъ XX вѣка. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. II. Ч. 2-ая. Спб. 1910. Тип. Общ.

Польза (Б. Подъяч., 39). 8° (18×27). 339 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 3.000 экз.

Орловъ, А. „Домострой“ по Коншинскому списку и подобнымъ. Книга вторая. М. 1910. Тип. Синодальная. 8° (19×29). 140 стр. Вѣсъ 22 л. 300 экз.

Памятники славянской письменности, изданные Императорскою Археологическою Коммиссіею. I. Великія минеи-четьи, собранныя всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ. Январь. Тетрадь I, дни 1—6. М. 1910. Изд. Импер. Археогр. Коммисіи. Тип. Синодальная. 4° (26×35). 160 листовъ въ два столбца. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 800 экз.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Томъ 3-й. М. 1910. Изд. „Сотрудникъ школъ“, 2-е. Тип. И. Кушнеревъ и К°. (Пименовск., с. д.). 8° (16×24). VI+432 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 3.100 экз.

Садовской, Борисъ. Русская камена. Статьи. М. 1910. Изд. Мускетъ. Тип. А. Мамонтова (Леонтьевскій пер., св. д.). 8° (17×23). 63 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 28 л. 1.200 экз.

Собрание русской старины кн. В. П. Сидамонъ-Эристовой и Н. П. Шабельской. Вып. I-й „Вышивки и кружева“. М. 1910. Тип. Импер. Строгановскаго училища. 4° (26×34). 8 стр.+12 (рис.). Вѣсъ 31 л. 1.200 экз.

Волковъ, Н. Е. Очеркъ Законодательной Дѣятельности въ царствованіе Императора Александра III 1881—1894 г.г. Спб. 1910. Тип. А. Ф. Штольценбурга (Моховая, 37). 8° (17×25). IX+372 + III стр. + I портретъ. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 22 л. 1.025 экз.

Исторія русской арміи и флота. Подъ ред. А. С. Гришинскаго, В. П. Никольскаго и Н. Л. Кладо. Роскошно иллюстрированное изданіе. Проспектъ М. 1910. Изд. Книгоизд. „Образованіе“ (3 Тверская, 46/7). Тип. Русскаго Товарищества (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (20×27). 64 стр.+8 рис. Вѣсъ 27 л. 600 экз.

Князевъ, Г. О Чеховѣ. Литературный очеркъ. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (15×22). 48 стр. Съ портр. Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 2.500 экз.

Краснянскій, М. Б. Разысканія о гербѣ города Ростова-на-Дону. Перепечатано изъ № 2781 газеты „Южный Телеграфъ“ отъ 26-го октября 1910 года. Ростовъ на Дону. 1910. Тип. Южный Телеграфъ. 16° (14×18). 15 стр. Съ 3 рис. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Левъ Толстой. Жизнь и творчество. 1828—1910. Вып. III. Спб. 1910. Изд. и тип. П. П. Сойкина (Стремяная, 12). 4° (23×30). 97—148 стр. Съ 43 рис. и портр. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Любичъ-Кошуровъ, I. А. 300 лѣтъ дома Романовыхъ. (Смутное время на Руси. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова). М. 1910. Изд. Н. А. Хорошевичъ (Средняя Прѣсня, Больш. Никольскій пер., д. Мельникова). Тип. И. Ѳ. Смирнова (Козьмодемьяновск. пер., 10). 8° (13×20). 122 стр.+11 отд. рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 12 л. 4.000 экз.

Майковъ, Б. А. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Разборъ главнѣйшихъ произведеній. С.-Петербургъ-Варшава. 1910. Изд. Товарищества „Оросъ“ (Новый Свѣтъ, 70). Тип. Петра Ляскауэра (Ординатская, 3). 8° (16×23). 236 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 24 л. 4.000 экз.

Назаревскій, В. В. Трехсотлѣтіе съ освобожденія Москвы отъ Поляковъ и избранія Михаила Ѳеодоровича Романова на Царство 1612—1613.

М. 1910. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (16×24). 104 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсь 15 л. 4.000 экз.

Отчетъ Церковнаго историко-археологическаго Общества Казанской епархіи за 1909—10 годъ. Казань. 1910. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16×24). 6 стр. Вѣсь 1 л. 200 экз.

Румянцевъ, Николай. Н. И. Пироговъ, его взгляды на природу дѣтей и задачи воспитанія. Къ столѣтію со дня рожденія, 13 ноября 1810—1910 г. Спб. 1910. Тип. П. П. Сойкина (Стремяная, 12). 8° (14×22). 25 стр. Съ 1 портр. Складъ: Фонтанка, 10. Лабораторія педагогической психологій и Педагогической Академіи. Вѣсь 3 л. 2.000 экз.

Скориченко, Г. Г. Столѣтіе Военнаго Министерства. Императорская военно-медицинская академія (Т. IX. Часть 2-ая). Спб. 1910. Тип. М. О. Вольфа (В. О., 18 линія, 5--7). 8° (23×28). 221 стр. Вѣсь 1 ф. 18 л. 1.700 экз.

Филипповъ, А. Н., проф. Депутаты Екатеринбургской Комиссіи и Правительствующій Сенатъ. Изд. „Журн. Мин-ства Юстиціи“, Сентябрь и Октябрь, Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8° (16×24). 54 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 8 л. 300 экз.

Чернушевичъ, М. Служба пограничной стражи въ военное время (Ч. II. Вып. 2-й). (Матеріалы къ исторіи пограничной стражи). Спб. 1910. Тип. Штаба отд. кор. погран. стражи (В. О., у Биржи). 8° (17×24). VII+428 стр. и карта. Вѣсь 1 ф. 14 л. 2.500 экз.

Шведеръ, Е. Пушкинскіе Уголки. Спб. 1910. Изд. Журн. „Тропинка“ (Спб., Вознесенск., 36., кв. 26). Тип. Сойкина (Стремяная, 12). 8° (18×23) 31 стр. Съ рис. Вѣсь 4 л. 2.000 экз.

Щербатова, М. Н., кн. Матеріалы для справочной книги по русскимъ портретамъ. М. 1910. Тип. Синодальная. 8° (20×27). VII+70 стр. Вѣсь 16 л. 600 экз.

Щукинскій сборникъ. Выпускъ девятый. М. 1910. Изд. Отд. Имп. Рос. Ист. Муз. Им. Имп. Алекс. III. Тип. Синодальная (Никольская, св. д.). 4. (27×36). 3+452 стр. Вѣсь 4 ф. 24 л. 200 экз.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1910 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.	СТРАН.
I. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864 — 1909 г.г.). Ивана Янжула 3—20, 258—272,	485—500
II. Розовое и черное изъ моей жизни. (Посвящается А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой). М. Безобразовой.	21— 43
III. Около бурсы. (Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства). В. К. . .	49— 70
IV. Воспоминанія гр. К. К. Бенкендорфа о Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. (Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845). Сообщ. Б. М. Колюбакинъ 79—94, 273—288,	518—532
V. Овсянниковъ и Юханцевъ въ Красноярскѣ. К. А. Сапѣгина	109—118
— VI. Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ. (Воспоминанія запасного). Н—ча. 119—139,	533—548
VII. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 148—164, 433—447,	635—644
VIII. Воспоминанія жизни Э. Г. Тернера. 201—210,	365—401, 654—673
IX. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей (1806—1812 г.г.). Сообщ. Е. Каменскій. .	211—230

X. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣя- теля. А. Ѳ. Кони	231—257
XI. Воспоминанія идеалиста, принимавшаго уча- стіе въ работахъ по реформамъ крестьян- скимъ. А. Н. Т.	410—424
XII. Первые годы службы. А. Петрушев- скаго	425—431, 625—634
XIII. Житейскія встрѣчи. А. Ѳ. Кони	469—483

Портреты:

- I. Маріи Владиміровны Безобразовой (при 10-й книгѣ).
 - II. Графа К. К. Бенкендорфа (при 11-й книгѣ).
 - III. Н. П. Колюбакина (тамъ же).
 - IV. Барона Шеппинга (тамъ же).
 - V. Портретъ гр. Льва Николаевича Толстого (при 12-й книгѣ).
 - VI. Публичное ученое засѣданіе въ фізіологической аудиторіи
Московского университета.
-

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Пере- писка.—Разказы.—Матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Темное Царство. (Черты изъ жизни Москов- скаго Китая-города XVII вѣка). Сообщилъ В. Шереметевскій	549—555
II. Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Сообщилъ А. Чебышевъ	71—78, 405—409
III. Изъ дневника русской въ Турціи передъ вой- ной 1877—1878 г.г. Е. А. Рагозиной	95—108, 312—332, 556—566
IV. Три письма Цесаревича Константина Павло- вича къ П. И. Линдестрему (1812). Сообщ. Мих. Соколовскій	140—142
V. Изъ далекаго прошлаго. (Памяти именитаго предка). М. Бардакова	143—147
VI. Оригинальная резолюція епископа смоленскаго Іосифа I-го. Сообщ. А. Ильенковъ	165—166
VII. М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. А. Е. К.	167—174, 617—624

	СТРАН.
VIII. Александръ I и Восточная политика Россіи. В. В. Тимошукъ	175—192
IX. Генераль Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. (Изъ бумагъ А. Попова). А. Л. Попова.	193—200
X. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. (Великій князь Николай Михайловичъ. „Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I“. Т. III. Спб. 1909). В. В. Тимошукъ	298—311
XI. Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Гэнбюри Уилльямса, какъ историческій памятникъ. Д. Архангельскаго. 383—348	583—613
XII. Отжившіе бюрократическіе порядки. (Къ вопросу о реформѣ Правительствующаго Сената). Н. Покровскаго.	349—364
XIII. Молитва для учащагося юношества. Сообщилъ В. П. Федоровъ	402—404
XIV. Выписка изъ двухъ приказовъ по 1-й арміи. Сообщ. Мих. Соколовскій.	482
XV. А. Н. Сергѣевъ. Николая Еремѣева.	448—452
XVI. Неизданное письмо К. Н. Батюшкова. Н. Лернера.	453—454
XVII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 августа по 14 октября и съ 14 октября по 18 ноября 1910 г.	455—468, 674—680
XVIII. Мелочи: I. Запрещеніе азартныхъ игръ княземъ Г. А. Потемкинымъ. II. Отголоски Павловскаго режима. Сообщилъ М. Соколовскій.	484
XIX. Н. Г. Чернышевскій. Сообщ. Александръ Лебедевъ.	501—517
XX. Впечатлѣнія Великаго Князя Константина Павловича, вынесенныя имъ изъ поѣздки въ Германію въ 1824 г. Сообщила В. В. Тимошукъ	567—582
XXI. Н. И. Пироговъ по документамъ Московской Троицкой, въ Сыромятникахъ, церкви. Н. П. Кудрявцева.	614—616
XXII. Тѣни прошлаго (по документамъ). З. А. Слезкинской	645—654
XXIII. Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ 141, 142, 143 и 144 томахъ „Русской Старины“ изданія 1910 г.	1—84

Въ декабрьской книгѣ, съ отдѣльною пагинаціею:

1. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой (некрологъ). I—XIV
2. Страхъ смерти. Разговоръ съ гр. Л. Н. Толстымъ. Ив. Янжула XV—XVI
3. Письмо гр. Л. Н. Толстого А. Ѳ. Кони.

Библиографическій листокъ.

1. Н. Г. Мартыновъ. Статистическія таблицы россійскаго книгоиздательства за 1909 годъ. Пять таблицъ. Спб. 1910 г. (на оберткѣ октябрьской книги).
2. И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели отъ Гоголя до нашихъ дней. Опытъ библиографическаго пособия по новѣйшей литературѣ. Бердянскъ 1909 г. (тамъ же).
3. „Библиотекаръ“. Журналъ общества библиотекоевѣдѣнія. Спб. 1910 г. № 1 (тамъ же).
4. Шведская война 1808—1809. Ч. II. Спб. (тамъ же).
5. Журналъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго общества. 1910 г. Кн. I (тамъ же).
6. Военно-Историческій Вѣстникъ. Кіевъ 1909 г. №№ 1—6. (тамъ же).
7. Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть II (отъ Петра Великаго). Спб. 1910 г. (на оборотѣ ноябрьской книги).
8. Ѳ. М. Уманецъ. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб. 1910 г. (тамъ же).
9. Е. Бѣлявскій. Русскіе писатели по ихъ происхожденію и воспитанію. Спб. 1909 г. Н. Л. (тамъ же).
10. Ю. Айхенвальдъ. Силуеты русскихъ писателей. Выпуски II и III. Москва. Изданіе „Научнаго Слова“. 1908—1910. (тамъ же).
11. Современное искусство. Серія иллюстрированныхъ монографій. Изд. Н. И. Бутковской. Спб. Выпускъ I. Борисовъ-Мусатовъ. Біографическій очеркъ барона Н. Н. Врангеля. (тамъ же).
12. Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. 1910 г. Выпускъ II. В. Я. (тамъ же).
13. Полное собраніе сочин. В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакц. и съ примѣч. С. А. Венгерова (на оберткѣ декабрьской книги).
14. Записки Московск. Археолог. института, издаваемые подъ редакціею А. И. Успенскаго. Т. VI. М. 1910 г. (тамъ же).
15. Любовная лирика XVIII в. К-во Пантеонъ. Спб. 1910 (тамъ же).
16. Степ. Филип. Галактіоновъ и его произведенія. Сост. В. Я. Адарюковъ. 1910 (тамъ же).
17. Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1910. Вып. III, IV и V (тамъ же).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Открыта подписка на 1911 г. (Второй годъ изданія)
на художественно-литературный журналъ

А П О Л Л О Н Ъ

Въ 1911 г. журналъ будетъ выходить, при томъ же составѣ сотрудниковъ, ежемѣсячными выпусками (кромя июня и июля), съ значительно увеличеннымъ количествомъ репродукцій (въ краскахъ, меццотинтой фото—и автотипей и т. д.) съ произведенийъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ (по 40—45 репродукцій въ каждомъ выпускѣ), причемъ эти иллюстраціи будутъ сопровождаться статьями (монографіями) и всесторонне представлять или творчество отдѣльныхъ мастеровъ, или цѣлое художественное направленіе, или выставку, театральную постановку и т. п. Кромѣ того, въ журналъ будутъ помѣщаться статьи общаго характера по вопросамъ живописи, зодчества, скульптуры, поэзіи, литературы, театра, музыки, въ особенности же—иллюстрированные статьи, освѣщающія современныя исканія въ области искусства въ связи съ художественнымъ наслѣдіемъ прошлаго. Для ближайшихъ книжекъ редація располагаетъ слѣдующими статьями:

Сергій Ауслендеръ—„Театральный диллетантизмъ“; *Александръ Бенуа*—монографія: „Ліотаръ“, „Домье“; *Валерій Брюсовъ*—„Должна ли поэзія быть глуповатой?“; *Макс. Волошинъ*—„Экзотизмъ Поля Клодела“; бар. *Н. Н. Врангель*—„М. Добужинскій“, „Вермееръ Дельфтскій“, „Французскіе художники Кушелевской галлерей“; *Н. Н. Евреиновъ*,—„Реализація монодрамы“; *А. И. Ивановъ*—„М. Врубель“; *М. Кальвокоресси*—„Современная французская музыка“; *Вяч. Каратыгинъ*—„Геній Мусоргскаго“; „Скрябинъ и московская школа“; *Н. Киселевъ*—„Форма, рисунокъ, живопись и масса“; *М. Кузминъ*—„О комедіи“, „Мнѣ объ Орфѣ въ музыкѣ“; *Г. К. Лукомскій*—„Архитекторъ Жолтовскій“, „Художники города“; *Сергій Маковскій*—монографія: А. Головинъ, С. Судейкинъ, К. Петровъ-Водкинъ, Современные русскіе скульпторы; „Архангелскія статуи грековъ“; *Вс. Э. Мейерхольдъ*—„Театръ—зданіе“; *Ф. Мейеръ-Грефе*—„Гюставъ Курбе“; *П. П. Муратовъ*,—„Методы стилистическаго изслѣдованія“; *А. В. Оссовскій*—„Орфей—Глюка“; *К. К. Романовъ*—„Соборъ въ Юрьевѣ-Польскомъ“; *Дени Ромъ*—„В. Сѣровъ“; *Д. С. Стеллецкій*—„Красота древне-русскихъ фресокъ“; *А. А. Трубиновъ*—„Демонизмъ Иеронимуса Босха“; *Я. А. Тугендхольдъ*—„Ванъ-Гогъ“, „Проблема пейзажа“, „Портретъ въ современной французской живописи“; кн. *А. К. Шервашидзе*—„Сѣра“; *Б. Шлецеръ*—„Консонансъ и диссонансъ“; *О. Шмитцъ*—„Современная нѣмецкая музыка“; *Б. Юкинъ*—„Д. Стеллецкій“. Широко поставленная хроника „Аполлона“ будетъ давать, по возможности, полную и своевременную картину жизни искусства въ Россіи и за границей. Въ теченіе мѣсяцевъ январь—апрѣль и сентябрь—декабрь подписчикамъ русская хроника будетъ разсылаться два раза въ мѣсяць—каждое 1-ое и 15-ое число—отдѣльно отъ журнала. Первый выпускъ хроники будетъ разосланъ уже въ декабрь, вмѣстѣ съ первымъ № „Аполлона“ 1911 г. Въ журналѣ будутъ также помѣщаться стихи и небольшіе рассказы. Кромѣ того, будутъ выпускаются отдѣльными книжками Литературные Альманахи „Аполлона“, для которыхъ въ распоряженіи редакціи имѣются произведенія *Сергѣя Ауслендера, Валерія Брюсова, Александра Блока, Бор. Зайцева, Н. Гумилева, М. Кузмина, А. М. Ремизова, гр. Алексѣя Н. Толстого* и др. Подписчикамъ „Аполлона“ Альманахи будутъ высылаться со значительною скидкой.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (январь—декабрь) 9 р. безъ доставки, 10 р. съ доставкой и пересылкой. При подпискѣ въ Главной Конторѣ допускается разсрочка платежа (безъ повышенія цѣны): при подпискѣ—5 р., къ 1-му марта—2 р., къ 1-му мая—остальное. За границу—12 р. На полгода 5 р. безъ доставки, 6 р. съ доставкой и пересылкой; за границу—7 р.

Иллюстрированные проспекты высылаются Главной Конторой бесплатно.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ—С.-Петербургъ, Мойка, 24, кв. 6, телеф. 109-12 и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи; розничная продажа—также на станціяхъ жел. дорогъ.

СТАРЫЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1911 г.

ГОДЫ

Въ пятomъ году изданія „Старые Годы“ будутъ выходить при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

В. С. Арсеньевъ, Александръ Н. Бенуа, Ф. Г. Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, Wilhelm Bode, J. de Bosschère, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi, L. Venturi, В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Pieren Gevaert, Max Geisberg, J. v. d. Gheyn, В. В. Голубевъ, Adolf Gottschewsky, Georg Gronau, Jean Guiffrey, Игорь Э. Грабаръ, Loys Delteil, Léon Déshairs, С. П. Дягилевъ, R. Kœchlin, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковскій, Pierre Marcel, L. de Maeterlinck, П. П. Муратовъ, А. В. Орѣшниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont, Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. Ротштейнъ, Denis Roche, А. В. Селивановъ, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, Max Friedländer, Pascal Forthuny, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Фоминъ, П. Д. Эттингеръ, А. И. Яцимирскій и мн. др.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 10 руб., безъ доставки 9 руб., за границу—40 франковъ.

При подпискѣ въ конторѣ редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р.; 1 апрѣля—3 р. и 1 іюля—2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Соляной пер., 7) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Клочкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, „Новаго Времени“, Шибанова и М. Веркмейсфера.

Объявленіе: страница 50 р., $\frac{1}{2}$ стр.—30 р., $\frac{1}{4}$ стр.—20 р., $\frac{1}{8}$ стр.—12 р.
За перемѣну адреса 50 коп.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ ограниченномъ количествѣ:

1) Лѣтній выпускъ (№ 7—9) 1907 г. Ц. 5 р. 2) Лѣтній выпускъ (№ 7—9) 1910 г. Ц. 7 р. 50 к. 3) Каталогъ старинныхъ произведеній искусствъ, хранящихся въ Императорской Академіи Художествъ. (Введеніе. Портреты зала Совѣта и Скульптура). Сост. бар. Н. Врангель. Ц. 10 р.

Редакціонный комитетъ: Алекс. Н. Бенуа, В. А. Верещагинъ, баронъ Н. Н. Врангель, I. I. Леманъ, С. К. Маковскій, С. Н. Трубницкій и А. А. Трубниковъ.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 годъ

На еженедѣльный Художественно-Юмористическій журналъ

„Будильникъ“.

(47 ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

ПОЛНѢЙШІЙ ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ МЕДИЦИНѢ.

607 (хохототерапія).

52 ампулы „Будильника“, принятыя втеченіи 1911 г., радикально излѣчиваютъ отъ сплина, ипохондріи, черной меланхоліи, конституціофобіи, безудержнаго отчаянія, человѣковенавистничества и прочихъ болѣзней нашего милаго вѣка.

Скептики и бюрократы могутъ купить на пробу одинъ номеръ и убѣдиться въ его цѣлебныхъ свойствахъ.

Для окончательнаго возстановленія здоровья лицъ, подписавшихся на полный годовой курсъ лѣченія „Будильникомъ“ и внесшихъ впередъ всю подписную плату, мы даемъ премію:

Кинематографъ „Будильника“

художественно выполненный альбомъ-фоліантъ, въ которомъ безъ всякой пощады будутъ изображены всѣ выдающіяся лица и событія 1910 г., какъ отечественнаго, такъ и заграничнаго производства.

Желаніе оказать страдающему человечеству благодѣаніе заставляетъ сдѣлать приобрѣтеніе «БУДИЛЬНИКА» для всѣхъ доступнымъ.

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ полный курсъ втеченіи года съ преміей 10 р., безъ преміи (цѣлебная сила почти та-же) 9 р., полугодичный курсъ 5 р., трехмѣсячный 3 р.

МОСКВИЧИ, какъ земляки наши, пользуются уступкой:

Съ преміей 9 р., безъ преміи 8 р. На 1/2 г. 4 р. 50 к. и на 3 мѣсяца 2 р. 50 к.

Желающіе лѣчиться въ разсрочку (увы, безъ преміи!) вносятъ къ 1 января 5 руб., къ 1 іюля иногородніе 4 руб., городскіе 3 руб.

Адресъ „БУДИЛЬНИКА“ Москва, Салтыковскій пер., д. Михайлова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 годъ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

(XXXV годъ изданія).

Два еженедѣльные иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

Подписной годъ съ 1-го Ноября 1910 г. ✂ Первые №№ высылаются немедленно.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей младшаго возраста (отъ 5 до 9 лѣтъ) получаютъ

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

- ◆ Большая картина въ хромоолеограф. краскахъ „УТРО МАЛЮТКИ“, художника Б. М. Кустодіева.
- ◆ 12 Занимательныхъ игръ, работъ, руководствъ и т. п. на раскраш. и черныхъ листахъ.
- ◆ 12 Иллюстрированныхъ книжекъ рассказовъ, повѣстей, сказокъ, шутокъ и пр. для маленькихъ дѣтей.
- ◆ 12 Вып. иллюстр. изданія „Новый дневникъ Мурзилки“. Записки о приключеніяхъ и путешествіяхъ крошечныхъ лѣсныхъ человѣчковъ-эльфовъ, съ мног. веселыми рисунками Е. Конса.
- ◆ 8 Тетрадей изданія „Моя первая книга стиховъ“. Сборникъ лучшихъ стихотв. для дѣтей младшаго возраста; составила М. Р. Лемме, съ иллюстр. худ. Герардова.
- ◆ Игра Домино-Звѣринецъ, съ краткими свѣдѣніями о жизни животныхъ, на большемъ листѣ.
- ◆ Стѣнная таблица-расписание занятій съ стѣннымъ табель-календаремъ и мног. друг.

Гг. годовые подписчики „З. Сл.“ для дѣтей Старшаго возраста (отъ 9 до 14 лѣтъ) получаютъ

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

- ◆ Акварельная картина „Въ Стѣнахъ Кремля“, худ. В. В. Верещагина.
- ◆ 12 Повѣстей, рассказовъ и пьесъ для юнош., русскихъ и иностр. авторовъ, съ илл.
- ◆ 6 Книжекъ „Библиот. Истор. Очерковъ“, русскихъ авторовъ, съ иллюстр.
- ◆ 10 Вып. „Книги знаменитыхъ людей“. Биографическіе рассказы для юношества Евг. Мюллера, съ илл. худ. Балра.
- ◆ 12 Вып. изданія „Вечера княжны Дикавахи“. Сказанія старой Барбала, Л. А. Чарской, съ рис. худ. Гурьева, Наразина и др.
- ◆ 6 Вып. „Русскіе самородки и самоучки“ Биографическіе очерки и рассказы Виктора Русакова, съ портр.
- ◆ 6 Книжекъ „Библиотеки полезныхъ свѣдѣній“ для юношества, съ иллюстр.
- ◆ Спутникъ Школы. Календарь и записная книжка для учащихся на 1911—12 учебный годъ въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаются „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ“ и „ДѢТСКІЯ МОДЫ“.

Подписная цѣна cadaго изданія „Задушевнаго Слова“ со всеми объявленіями, преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ 6 руб.

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая по 2 руб.

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“ при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-Петербургъ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 18.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 141, 142, 143 и 144 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1910 года.

А

- Абаза**, Алексд. Андреев., мин. финанс. 1879 г., т. CXLII, июнь, 571, 575, т. CXLIII, авг. 329, 336, сент., 523, 525, т. CXLIV, окт., 201, дек., 672.
- Абдуль - Азисъ**, султанъ 1877 г., т. CXLIV, дек., 557—563.
- Абдуль - Гамидъ**, султанъ, 1880 г., т. CXLIV, дек., 563—565.
- Абдуль - Меджидъ**, т. CXLIV, декабрь, 557.
- Абрютинъ**, маіоръ † 1845 г., т. CXLIV, дек., 653, 654.
- Абрютина**, Пелагея Ксеноф., 1830 г., т. CXLIV, 651.
- Адамовичъ**, А. С., ген.-отъ-инфант., 1885 г., т. CXLII, апр., 45—47.
- Адашевъ**, Алексѣй Ѳед., окольнічій † 1560 г., т. CXLII, май, 373.
- Адлербергъ**, гр-ня, Е. Н., пѣвица, т. CXXI, янв., 96, 97, 104, 105.
- Адлербергъ**, гр., Влад. Ѳед., ген.-отъ-инфат., мн-ръ имп. двора; р. 1790 † 1884 г., т. CXXI, мартъ, 604, т. CXLIII, июль, 40.
- Адлербергъ**, гр., Николай Влад., Финляндск. ген.-губерн., 1869 г., т. CXXI, янв., 85.
- Адріановъ**, А. А., Московскій градоначальникъ, 1909 г., т. CXLII, июнь, 544, 546.
- Адріановъ**, С. А., проф., 1910 г., т. CXLIV, дек., стр. VII.
- Адріанъ**, патриархъ, † 1700 г., т. CXLII, июнь, 637.
- Адроновъ**, Петръ Никол., купецъ, 1810 г., т. CXLIV, дек., 615.
- Айвазовскій**, Ив. Конст., художникъ, т. CXLII, май, 475, июнь, 563, т. CXLIV, нояб., 389.
- Ажемъ**, Филимонъ Филимон., голландск. купецъ, 1637 г., т. CXLIII, сент., 434.
- Акимовъ**, М. Г., предсѣд. Гос. Сов. 1910 г., т. CXLIV, дек., стр. V.
- Акимовъ**, офиц., 1811 г., т. CXLIII, сент., 544.
- Аккерманъ**, дипломат. агентъ въ Дрезденѣ, 1865 г., т. CXLIII, июль, 30.
- Аксаковъ**, Ив. Сергѣев., писат., р. 1823 † 1886 г., т. CXXI, янв., 8, 9, февр., 463, мартъ, 555, 558, 564, 565.
- Аксеновъ**, С., офиц. л.-гв. Измайл. полка, 1840 г., т. CXXI, мартъ, 524.
- Алабьева**, Ольга Ив., т. CXXI, февр., 303.
- Алавердицъ**, М. Я., сообщ.: „Тестъ А. С. Грибоѣдова—князь Александръ Чавчавадзе—въ характеристикѣ армянскаго историка“ (матеріалы для биографіи А. С. Грибоѣдова). т. CXLIII, сент. 427—432.
- Александра Іосифовна**, великая княгиня, 1855 г., т. CXXI, мартъ, 669.
- Александра Ѳеодоровна**, императрица, р. 1798 † 1860 г., т. CXXI, янв., 97, т. CXLII, апр., 165, 179, т. CXLIV, дек., 622.
- Александровъ**, Павелъ Констант., р. 1808 г., т. CXLIV, окт., 140.

- Александровъ, П. Я.**, юристъ, 1860 г., т. CXLIV, нояб., 233.
- Александръ I**, императоръ, р. 1777 † 1825 г., т. CXLI, янв., 53, 75—77, 81, 170, 171, 234—240, февр., 317—332, мартъ, 508—523, 641, т. CXLII, апр., 159—176, май, 329—348, 374, 375, 382, 406, 408, 452, т. CXLIII, июль, 107—114, авг., 250, 344, 345, 352, сент., 429, 491, 494—498, т. CXLIV, окт., 140, 175—192, нояб., 309, 310, 402, дек., 567.
- Александръ II**, императоръ, р. 1818 † 1881 г., т. CXLI, янв., 64, 107, 173, февр., 360, 370, 407, т. CXLII, апр., 75, 123, 124, 139, 180, 184, 195, май, 256, 378, 382, 419, 448, июнь, 488, 613, т. CXLIII, июль, 3—7, 11—18, 22, 36, 39—44, 48—55, 155, авг., 290, 295, 332—336, сент., 409, 449, 551, 556, т. CXLIV, окт., 19, 202, 204, нояб., 355, 363, 366, 410, дек., 622.
- Александръ III**, императоръ, р. 1845 † 1894 г., т. CXLI, мартъ, 644—664, т. CXLII, апр., 26—44, 211, 215, 225, май, 448, т. CXLIII, июль, 16, 33, 34, 40—44, 52, 53, 56, 58, авг., 249, 294, сент., 445, т. CXLIV, окт., 202, нояб. 367, 368, дек., 655, 666.
- Александръ Михайловичъ**, великій князь, т. CXLIV, нояб., 378.
- Александръ**, принцъ Гессенскій, оф. рус. арміи, 1845 г. т. CXLIV, дек., 523.
- Александръ**, еписк. Минскій, 1864 г., т. CXLII, июнь, 491.
- Алексѣевъ, В. А.**, сообщ.: „Письмо Е. Н. Жулевой гр. В. Ф. Адлербергу“, т. CXLI, мартъ, 604, „Всепопданнѣйшее прошеніе потомковъ Дмитревскаго“, т. CXLII, апр., 48.
- Алексѣевъ, Н. А.**, моск. городск. голова, 1886 г., т. CXLII, апр., 92, 97.
- Алексѣевъ**, адм., намѣстникъ на Дальн. Востокѣ, 1904 г., т. CXLI, мартъ, 701.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь, р. 1629 † 1676 г., т. CXLI, февр., 432, т. CXLIII, сент., 435, 551.
- Алексѣй Петровичъ**, царевичъ, † 1718 г., т. CXLIII, авг., 203.
- Алисова**, 1875 г., т. CXLI, мартъ, 499.
- Алисовъ**, изобрѣт. печатн. пишущ. машины, 1875 г., т. CXLI, мартъ, 496, 497.
- Алихановъ**, штабсъ-ротмістръ, 1881 г., т. CXLI, мартъ, 649, 650, 659, 664, т. CXLII, апр., 27, 28, 34—36, 40
- Аллартъ**, Морисъ, масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр. 336.
- Алмазовъ**, стольн., т. CXLIV, окт., 45.
- Алопеусъ, И. С.**, сенат. и юристъ, 1892 г., т. CXLIV, нояб., 359.
- Альбединскій**, Петръ Павл., вилensk. ген.-губерн., т. CXLII, июнь, 519, т. CXLIII, июль, 36.
- Альбицкій**, Дм. Игнат., коллежск. ассесоръ, масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр., 346, 347.
- Альбрантъ**, 1845 г., т. CXLII, апр., 188, т. CXLIV, окт., 80.
- Амалия**, маркграфиня Баденская, мать императрицы Елисаветы Алексѣевны, т. CXLI, янв., 236.
- Амалия**, принцесса Баденская, сестра императрицы Елисаветы Алексѣевны, † 1823 г., т. CXLI, янв., 235—238, февр., 322, 323, мартъ, 516, т. CXLII, апр., 175.
- Амвросій**, Подобѣловъ, митропол. новгородск., р. 1742 † 1818 г., т. CXLII, май, 289—280, 407, 415.
- Амосовъ**, юнкеръ, 1845 г., т. CXLII, апр., 189.
- Анастасій** (Братановскій-Романенко, въ мѣрѣ Андрей), съ 1797 по 1805 г., архіеп. могилевскій, р. 1761 † 9 декабря, 1806 г., т. CXLII, май, 289—290, 409.
- Андерсъ**, 1878 г., т. CXLIII, авг., 338.
- Андреевскій**, докт., 1845 г., т. CXLIV, окт., 80.
- Андреевъ**, Евг. Николаев., проф., главн. фабричн. инспект., 1882 г., т. CXLII, апр., 82, 89.
- Андреевъ**, Н. А., художн., 1908 г., т. CXLII, июнь, 543.
- Андреевъ**, полковн., 1864 г., т. CXLI, февр., 265.
- Андреевъ**, 1872 г., т. CXLI, янв., 151.
- Андрей Боголюбскій**, вел. князь суздальскій, † 1174 г., т. CXLIII, сент., 547, 548.
- Андре**, г-жа, 1867 г., т. CXLIII, авг., 291.
- Андропова**, Екат. Вас., купчиха, 1810 г., т. CXLIV, дек. 615.
- Анжу**, ген., 1811 г., т. CXLIII, июль, 177.
- Аничковъ**, В. М., редак. журнала «Военный Сборникъ», 1858 г., т. CXLII, апр., 146, июнь, 524, 613.
- Анна Леопольдовна**, принцесса мекленбургская, правительница, р. 1718 † 1740 г., т. CXLII, май, 374.
- Анна Павловна**, великая княгиня, въ супр. королева Нидерландская, р. 1795 † 1865 г., т. CXLII, апр., 159.
- Анна Феодоровна**, великая княгиня, принцесса Саксенъ-Кобургская, супруга Константина Павловича, р. 1781 † 1860 г., т. CXLI, мартъ, 519.
- Анненковъ**, Мих. Никол., ген.-лейт.,

р. 1835 † 1872 г., т. CXLI, февр. 469, 470, т. CXLIII, авг., 334—337.
Анненковъ, Пав. Вас., писат., р. 1812 † 1887 г., т. CXLI, янв., 32—35.
Анненковъ, оберъ - полицеймейстеръ, 1864 г., т. CXLII, июнь. 492, т. CXLIII, июль, 16.
Анренъ, ген., т. CXLIII, июль, 87.
Анрепъ, Васил. Конст., врачъ, профес., т. CXLIV, дек., 658, 659.
Антель, финляндск. сенат. 1866 г., т. CXLII, янв. 83.
Антонелли, кардиналь, 1865 г., т. CXLIII, июль, 11, 12.
Антоновичъ, В. В., профес., р. 1834 † 1908 г., т. CXLII, апр. 1,213.
Антроповъ, 1864 г., т. CXLII, июнь, 489.
Антроновъ, инспект. казанск. учебн. окр., 1850 г., т. CXLIV, дек., 513, 514.
Анципа, офиц., 1863 г., т. CXLII, май, 361, 362.
Аполевъ, предсѣдат. Мозырской повѣрочной по крестьянск. дѣламъ комиссіи, 1864 г., т. CXLII, апр., 14, 15, 24.
Апраксина, Е. К., рожд. княжна Голицына, 1802 г., т. CXLI, янв., 235, 237.
Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андр., ген.-отъ-артил., р. 1769 † 1834 г., т. CXLI, янв. 75—80, т. CXLIII, июль, 107—114, сент., 491—498, дек., 651, т. CXLIV, дек., 603—612.
Арапетовъ, И. П., т. CXLIII, июль, 22.
Арапова, Вас. Григ., въ зам. Пазухина, т. CXLII, июнь, 635.
Арапова, М. М., пѣвица, т. CXLI, янв., 102.
Аргутинскій-Долгоруковъ, кн., 1845 г., т. CXLII, апр., 198, 199, т. CXLIV, окт., 92.
Арнольди, секретарь губерnsk. по крестьян. дѣламъ присут., 1864 г., т. CXLI, февр., 249.
Артамоновъ, ген., 1873 г., т. CXLI, мартъ, 529.
Артоболевскій, С., сообщ.: „Таинственная старица“ (изъ архивныхъ дѣлъ XIX вѣка), т. CXLI, мартъ, 665—679.
Архангельская, Д., сообщ.: «Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Гэнбюри Уильямса, какъ историческій памятникъ», т. CXLIV, нояб., 333—348.
Архангельскій, З. А., сообщ.: «Переписка вел. княг. Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Гэнбюри Уильямса, какъ историческій памятникъ», т. CXLIV, декаб., 583—613,

Арцимовичъ, В. А., сенат., юристъ, 1820 г., т. CLXIV, нояб., 357—359.
Аскоченскій, редакт. «Домашней Бесѣды», т. CXLIII, июль, 1€1.
Асламбековъ, Аврамій, адмир. 1880 г., т. CXLIII, июль, 88.
Астаховъ, 1811 г., т. CXLIII, авг. 350.
Асташевъ, 1872 г., т. CXLI, янв., 151—153.
Атласовъ, Влад., казачій голова, 1701 г., т. CXLIII, авг., 209.
Ахматовъ, помѣщ. 1834 г., т. CXLIV., дек., 659—660.
Ахматовъ, маіоръ † 1845 г., т. CXLIV, 650, 651.
Афанасьевъ, проф., докторъ, т. CXLIV, 1890 г., 650, 659.
Афанасій, еписк. саратовск., 1851 г., казанск. архіеписк., 1862 г., т. CXLIII, авг., 239, дек., 513.

Б

Баба-Ханъ, прапорщикъ, 1864 г., т. CXLII, апр., 36.
Бабстъ, управл. Московск. купеч. банкомъ, 1874 г., CXLI, февр. 290.
Багратионъ, кн., Петръ Ив., ген.-отъ-инфант., р. 1761 † 1812 г., т. CXLIII, авг., 346, сент., 530.
Баженовъ, Алексѣй Степ., свящ., 1810 г., т. CXLIV, дек., 615.
Базили, Конст. Мих., диплом., директ., Азіатск. Департ. 1853 г., т. LXLIV, нояб., 376.
Бакунинъ, Мих. Александр., эмигрантъ, † 1876 г., т. CXLIII, сент., 486—488.
Бакшеевъ, маіоръ, 1811 г., т. CXLIII, июль, 176.
Балакиревъ, Милій Алексѣев., композиторъ, р. 1836 г., т. CXLI, февр., 364.
Балбековъ, маіоръ, 1811 г., т. CXLIII, июль, 177.
де - Бальменъ, гр., художникъ, т. CXLII, апр., 189, т. CXLIV, окт., 80.
Бамбергеръ, проф., 1877 г., т. CXLIII, авг. 317.
Бамбергъ, М. Р., въ зам. Кюн, пѣвица, 1858 г., т. CXLI, февр., 364.
Баранова, графиня, Е. Н., т. CXLI, янв., 104.
Барановскій, Александръ Ив., спб. столичный мировой судья, 1878 г., т. CXLI, янв. 5.
Барановъ, гр., Эдуардъ Трофим., съ 1866 г., предсѣд. деп. экономіи Госуд. Сов. † 1884 г., т. CXLIII, авг., 334, 335, 336.
Барановъ, Никол. Мих., спб. градонач., 1881 г., т. CXLIV, окт., 205.
Баранцевичъ, т. CXLIV, дек., стр. XV.

*

- Баранцовъ**, Александръ Алексѣев., ген.-ад., р. 1810 † 1882 г., т. CXLII, апр., 178, июнь, 494, 495.
- Бардакова**, М., сообщ.: «Изъ далекаго прошлаго». Памяти именитаго предка, т. CXLIV, окт., 143—147.
- Барклай-де-Толли**, гр., Мих. Богд., фельдмаршалъ, воен. ми-ръ, р. 1761 † 1818 г., т. CXXI, янв., 188, т. CXLIII, авг., 345, 346, т. CXLIV, окт., 213.
- Барковъ**, Дм. Ник., камеръ-юнкеръ, р. 1796 † 1855 г., т. CXLIII, авг., 286.
- Бартеневъ**, Юрій Никитичъ, директ. учил. Костромской губерни, р. 1792 † 1866 г., т. CXXI, февр., 345.
- Бартоломей**, полковн., 1828 г., т. CXLII, май, 423—434.
- Баршевъ**, Сергѣй Ив., ректоръ моск. унив., професс., юристъ, 1875 г., т. CXXI, мартъ, 490, 491.
- Барятинская**, княгиня, рожд. графиня Келлеръ, 1824 г., т. CXLII, май, 335.
- Барятинская**, княжна, см. Толстая.
- Барятинскій**, кн., Александръ Ив., фельдмарш., р. 1814 † 1879 г., т. CXXI, янв., 160, февр., 401, т. CXLII, стр. 188, май, 299, т. CXLIII, июль, 37, 38, авг., 234, 235, т. CXLIV, окт. 174, дек., 523, 524.
- Барятинскій**, кн., Фед., 1690 г., т. CXLIV, окт., 44.
- Баснинъ**, литерат., т. CXLIV, дек., стр. XV.
- Батюшкова**, Александра Николаевна, т. CXLIII, авг., 225.
- Батюшкова**, Варвара Николаевна, по мужу Соколова, 1862 г., т. CXLIII, авг. 224—226.
- Батюшкова**, см. Гревеницъ.
- Батюшкова**, см. Шипилова.
- Батюшковъ**, Констант. Николаев., писатель, р. 1787 † 1855 г., т. CXLIII, авг., 223—226, т. CXLIV, нояб., 453—454.
- Батюшковъ**, Помпей Николаев., почетн. опекунъ, т. CXXI, янв., 83, т. CXLIII, авг., 224, сент., 552.
- Бахметьевъ**, Фед. Лавр., стольн., т. CXLII, июнь, 636.
- Бахтинъ**, Никол. Ив., ст.-секрет., р. 1796 † 1854 г., т. CXLII, апр., 127—137, май, 435—446, т. CXLIII, авг., 281—287, т. CXLIV, окт., 71—78, нояб., 405—409.
- Башиловъ**, юнкеръ, 1845 г., т. CXLII, апр., 189.
- Бебутовъ**, кн., Вас. Осип., ген.-лейт., команд. кавказ. корп., р. 1791 † 1854 г., т. CXLII, апр., 186, 199, т. CXLIV, ноябр., 283, 284, дек., 522.
- Безакъ**, Александръ Павл., ген.-ад., ген.-губерн. Юго-Запад. края, р. 1800 † 1868 г., т. CXLII, июнь, 491—493, т. CXLIII, июль, 13.
- Безобразова**, Марія Влад., р. 29 мая 1857 г., сообщ.: «Дневникъ академика В. П. Безобразова 1886 г., т. CXXI, февр. 207—313, «Розовое и черное изъ моей жизни». т. CXLIV, окт. 21—43.
- Безобразова**, Елизавета Дмитр., писат., р. 1834 г., т. CXLIV, окт., 21.
- Безобразовъ**, Влад. Павл., акад., сенат., р. 1828 † 1889 г., т. CXXI, янв., 209, 217, 218, февр., 307—313, т. CXLIII, июль, 153, авг. 329, т. CXLIV, окт., 21.
- Безобразовъ**, ген., 1845 г., т. CXLII, апр., 188, май, 297, 299.
- Бекетовъ**, Андрей Николаев., профес., р. 1825 г., т. CXLII, июнь, 483, 484.
- Беклемишевъ**, А. П., Могилевск. губернат., 1863 г., т. CXLII, май, 352, 363.
- Беклемишевъ**, поруч., 1845 г., т. CXLIV, окт. 79, 80.
- Беклемишевъ**, капит., 1845 г., т. CXLII, апр., 187.
- Белюстинъ**, Н. И., директ. таможен. вѣд., 1901 г., т. CXXII, июнь, 569.
- Бенкендорфъ**, гр., Александръ Христофоров., шефъ жандарм., ген.-ад. р. 1783 † 1844 г., т. CXLII, апр., 189, 190, 200, т. CXLIV, дек., 651, 652.
- Бенкендорфъ**, гр., Константинъ Констант., его воспоминанія о кавказской лѣтней экспедици 1845 г., т. CXLII, апр., 185—201, май, 291—306, т. CXLIV, окт., 79—94, нояб., 273—288, дек., 518—532.
- Бенкендорфъ**, Конст. Христоф., ген.-ад., р. 1785 † 1828 г., т. CXLII, апр. 189, т. CXLIII, июль, 175, 182, авг. 349.
- Бенуа**, Александръ, художн., т. CXXI, мартъ, 687.
- Бергъ**, гр., Фед. Фед., фельдмарш., на-мѣстн. Цар. Польск., р. 1793 † 1874 г., т. CXXI, февр., 468, 469, 472—474, т. CXLIII, июль, 4.
- Березинъ**, Фед. Мих., мировой посредн., 1864 г., т. CXLII, апр. 18.
- Березовскій**, политич. преступн., 1863 г., т. CXLIII, авг. 290.
- Беренсъ**, А. И., т. CXLII, апр., 146.
- Беркенгеймъ**, Г. М., докт. 1910 г., т. CXLIV, дек., стр. V.
- Бернарди**, венеціанскій ювелиръ, 1744 г., т. CXLIV, дек., 598.
- Берсъ**, проповѣдн., 1867 г., т. CXLIII, авг., 291.
- Беръ**, Д. Б., сенат. и юристъ, 1892 г., т. CXLIV, нояб., 357, 359.
- Беръ**, Н. А., 1909 г., т. CXLII, июнь, 546.
- Бестужевъ**, (Марлинскій) Александръ Александр., декабр., р. 1797 † 1837 г., т. CXLII, апр., 130, май, 443.

- Бестужевъ - Рюминъ**, гр., Алексѣй Петр., канцл., 1744 г., т. CXLIV, нояб., 337, 339, 347, дек. 583—612.
- Бестужевъ - Рюминъ**, Конст. Никол., акад., 1840 г., т. CXLI, янв., 192, 196.
- Бецкій**, Ив. Ив., гос. дѣят. р. 1704 г., † 1795 г., т. CXLIV, дек. 584—586.
- Бибииковъ**, маіоръ, † 1812 г., т. CXLIII, сент., 538.
- Бибииковъ**, кавказск. офиц., † 1845 г., т. CXLII, апр., 188, т. CXLIV, дек., 524.
- Бильбасовъ**, Вас. Алексѣев., историкъ, т. CXLIV, нояб., 338, 340, дек., 589—611.
- Бирюковъ**, Алексѣй, 1812 г., т. CXLI, янв., 178, 180, 183, 185.
- Бисмаркъ**, гр., канцлеръ, т. CXLII, май, 447—450, т. CXLIII, авг., 290, 319, 322, т. CXLIV, окт., 169, дек., 668.
- Битовтъ**, Ю. т. CXLIV, дек., стр. XIII.
- Біанки**, Валентина, пѣвица, т. CXLI, мартъ, 545.
- Благосвѣтловъ**, Григ. Евламп., писат., р. 1824 г., † 1880 г., т. CXLIV, дек., 505.
- Блюхъ**, банкиръ, 1863 г., т. CXLI, февр., 472.
- Блохинъ**, исправн., 1863 г., т. CXLII, май, 365.
- Блудова**, графиня, Антонина Дм., † 1891 г., т. CXLIII, июль, 154.
- Блудовъ**, гр., Дм. Никол., мн-ръ ви. дѣль, р. 1785 † 1864 г., т. CXLI, янв., 180—183, 186, 192, 194, т. CXLII, июнь, 512.
- Фонъ-Блюмъ**, поручик., 1845 г., т. CXLII, апр., 189.
- Боборыкинъ**, Петръ Дм., писат., т. CXLII, апр., 82, май, 308, июнь, 484.
- Бобровский**, Михаилъ, магистръ филос. и богослов., т. CXLIII, авг., 243.
- Богавескій**, Л., сообщ.: «Изъ давно прошедшаго» (1876—1879), т. CXLI, мартъ, 695—700, т. CXLII, апр., 202—208, июнь, 640—667, т. CXLIII, июль, 115—130, авг., 267—280.
- Богдановичъ**, Модестъ Ив., проф. 1856г., т. CXLI, мартъ, 641—643.
- Богдановскій**, профес., хирург., 1813 г., т. CXLI, мартъ, 526.
- Боголѣповъ**, Николай Павл., мн-ръ народн. просвѣщ., т. CXLI, мартъ, 490, 497—499, т. CXLIV, нояб., 263, 265.
- Боде**, баронесса, 1812 г., т. CXLI, мартъ, 516.
- де-Бое**, проф. слб. дух. акад., 1808 г., т. CXLII, май, 411.
- Божовскій**, председат. Борисовск., повѣрочн. по крестьянск. дѣламъ комис. сн., 1864 г., т. CXLI, февр., 250—254, т. CXLII, апр. 3, 10, 13, 14, 19, 22, 23.
- Бологовскій**, Яковъ Дм., тверск. губерни., р. 1798 † 1851 г., т. CXLII, май, 442.
- Бориславскій**, адъют., 1863 г., т. CXLII, май, 350, 351.
- Боровиковскій**, Александръ Львов., юристъ, т. CXLIV, окт. 11, 12.
- Бородинъ**, Александръ Порфирьев., композиторъ, р. 1834 † 1887 г., т. CXLI, февр., 364.
- Бородина**, смоленскій губерни., 1864 г., т. CXLI, янв., 47.
- Бородинъ**, И., сообщ.: «В. О. Ключевскій, къ тридцатипятилѣтію его научно-преподавательской дѣятельности», т. CXLII, апр., 155—158.
- Борхъ**, гр., т. CXLI, янв., 105.
- Боткинъ**, Сергѣй Петр., докторъ, 1878г., т. CXLIII, авг. 332, 333, т. CXLIV, ноябр., 240, 242.
- Боцановскій**, В., писат., т. CXLI, мартъ, 686.
- Браницкая**, графиня, см. Воронцова.
- Братъяно**, румынскій мн-ръ финансовъ, 1877 г., т. CXLIII, авг., 304—306.
- Бревернъ-Делагарди**, гр., Александръ Ив., ген.-ад. нач. штаба войскъ, гвард. и петерб. воен. округа, т. CXLI, янв., 175.
- Бревернъ**, Магнусъ Ив., ген.-маіоръ, команд. гв. конно-артиллер. бригады, т. CXLI, янв., 175.
- Брозъ**, Петръ Фад., мн-ръ финансовъ, р. 1885 † 1875 г., т. CXLI, мартъ, 623.
- Броссе**, докторъ, 1826 г., т. CXLII, июнь, 528.
- Броунъ**, гр., лифлянк., ген-губерн., 1763 г., т. CXLII, июнь, 511.
- Брунновъ**, бар., Филиппъ Ив., дипломатъ, посоль въ Лондонѣ, † 1875 г., т. CXLI, февр. 281, т. CXLII, июнь, 484, 485.
- Брюсъ**, Я., ген., 1702 г., т. CXLIII, авг., 214.
- Будбергъ**, бар., А. А., главноуправляющ. канцеляріей прошеній, 1902 г., т. CXLII, май, 383, 389, июнь, 551.
- Будбергъ**, бар., ген., т. CXLIII, июль, 87, авг., 335, 338.
- Будревичъ**, Викентій Антон., масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр., 336, 344.
- Булатовъ**, ген., 1811 г., т. CXLIII, авг., 350, 355—359, сент., 531, т. CXLIV, окт. 221.
- Булгаковъ**, маіоръ, 1811 г., т. CXLIII, июль, 181.
- Булгаринъ**, полковн., 1811 г., т. CXLIII, июль, 177.

- Булдинъ**, проф., т. CXLIV, дек., стр. XV.
- Бунге**, Никол. Христиан., ми-ръ фин., р. 1823 † 1895 г., т. CXLI, янв., 206, мартъ, 502, т. CXLII, апр., 83, 90, 97, 100, 216, т. CXLIII, авг., 329, сент., 523, 524, т. CXLIV, нояб., 260, 367, 368, 396, дек. 662, 665, 670.
- Бургеръ**, А. И., докторъ, 1881 г., т. CXLIV, окт., 110.
- Буренинъ**, Викторъ Петров., писатель, 1864 г., т. CXLII, июнь, 484.
- Бурлаковъ**, правит. канц. министерст. юстици, 1864 г., т. CXLIV, нояб., 236.
- Бутаковъ**, Григ. Ив., адм., ген.-ад., чл. государст. совѣта, р. 1820 † 1882 г., т. CXLI, мартъ, 535, т. CXLIV, окт., 99.
- Буташиевичъ-Петрашевскій**, Мих. Васильев., † 1867 г., т. CXLI, янв., 132.
- Бутковичъ**, 1855 г., т. CXLIII, июль, 102.
- Бутовскій**, А. И., директоръ департам. торговли, т. CXLI, февр., 465, т. CXLII, июнь, 575.
- Бутовскій**, Петръ Мих., тайн. совѣтн., т. CXLIV, нояб., 356.
- Бутсъ**, основатель, «Арміи спасенія», 1867 г., т. CXLIII, авг., 291, 292.
- Бутурлина**, 1831 г., т. CXLIII, авг., 230.
- Бутурлинъ**, Алексд. Борисов., ген. ад., р. 1694 г., † 1767 г., т. CXLIV, дек., 594.
- Бухманъ**, поруч., 1863 г., т. CXLII, май, 372.
- Бушенъ**, Артуръ Богданов., сотруди. «Русск. Инвалида», т. CXLII, июнь, 484, 570, 576, т. CXLIII, июль, 156, 157.
- Быковскій**, архитект., акад., 1849 г., т. CXLII, июнь, 535.
- Бычковъ**, Аонасій Ѳед., акад., † 1894 г., т. CXLI, янв., 194.
- Бѣлинскій**, Виссар. Григ., писат., р. 1810 † 1848 г., т. CXLI, янв., 26, мартъ, 486, т. CXLII, апр., 82.
- Бѣлозерскій**, В. М., чл. Варш. судебн. палаты, редакт. журнала «Основа», т. CXLIV, нояб., 358.
- Бѣлозеръ**, подполковн., 1904 г., т. CXLI, мартъ, 710, 712.
- Бѣлосельскій - Бѣлозерскій**, кн., Эсперь, 1836 г., т. CXLII, май, 298.
- Бѣлявскій**, , ген., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Бѣляевъ**, И. С., сообщ.: «Бытовые очерки прошлаго. По архивнымъ документамъ», т. CXLI, февр., 313—316.
- Бѣляевъ**, проф., 1875 г., т. CXLI, мартъ, 490.
- Бюловъ**, Гансъ, пианистъ, т. CXLI, янв., 100.

В

- Валуева**, Е. П., камеръ - фрейлина, 1812 г., т. CXLI, мартъ, 516, т. CXLII, апр. 168, май, 334, 347.
- Валуевъ**, гр., Петръ Александровичъ, ми-ръ госуд. имущ., ми-ръ внутр. дѣль, р. 1814 † 1890 г., т. CXLI, янв., 210—213, мартъ, 692, т. CXLII, апр., 147, 148, июнь, 488, 490, 495, 519—525, 592, 593, т. CXLIII, июль, 13—16, 21, 34—36, 44, авг., 224, 238, CXLIV, окт., 205.
- Вальберхова**, артистка, т. CXLIV, нояб., 408.
- Вальтеръ-Скоттъ**, писатель, т. CXLI, янв., 177—189.
- Ванновскій**, Петръ Степ. воен. ми-ръ, ген.-ад., † 1904 г., т. CXLI, мартъ, 656, т. CXLII, апр., 41, май, 258, июнь, 642, т. CXLIII, авг., 278, 279, сент., 401—405, т. CXLIV, окт., 174, нояб., 366, дек. 493.
- Василевскій**, А. М., ксендзь, 1909 г., т. CXLII, июнь, 543, 546, 547.
- Васильева**, Екат. Никол., артистка московск. театра, т. CXLI, янв., 102.
- Васильевъ**, Юсифъ Вас., прот., т. CXLII, июнь, 634.
- Васильчиковъ**, кн., Виктор. Иларіон., управл.-воен. мин-ръ, т. CXLIII, июль, 103.
- Васильчиковъ**, кн., Иларіонъ Вас., ген.-ад., р. 1777 † 1847 г., т. CXLIII, авг., 355.
- Васильчиковъ**, кн. Семень, адъют., 1845 г., т. CXLIV, окт., 80.
- Васильчиковъ**, кн., Сергій Иларіон., 1845 г., т. CXLII, апр., 187.
- Васильчиковъ**, первый секретарь посольства въ Вѣнѣ, т. CXLI, февр., 454, 455.
- Васьковъ**, мировой посредн., 1864 г., т. CXLI, февр., 263, т. CXLII, апр. 10.
- Вахрамѣевъ**, Ѳед. Вас., помощн. предсѣд., комисси по крестьян. дѣламъ, 1864 г., т. CXLI, февр., 269, CXLII, апр., 4, 10.
- Введенскій**, Ирринархъ Ив., писат. и переводчикъ, р. 1813 г., † 1855 г., т. CXLIV, дек., 504—507.
- Веберъ**, юристъ, 1860 г., т. CXLIV, нояб., 245.
- Вейзель**, см. графиня Чернышева.
- Веймарнъ**, П. Ф., начальн. штаба, 1838 г., т. CXLI, янв., 190.
- Вейсъ**, масонъ, 1812 г., т. CXLIV, окт. 141.

- Велепольскій**, маркизъ, Александръ, польск. гос. дѣят., р. 1803 † 1877 г., т. CXLIH, июль, 3, 5, 12, 13.
- Величкинъ**, Александръ Александровъ, дїаконъ, † 1810 г., т. CXLIV, дек., 615.
- Величковскій**, Іосифъ еписк. Смоленс. съ 1821 по 1834 г., т. CXLIV, окт., 165—166.
- Велю**, бар., чл. Госуд. Совѣта, 1878 г., т. CXLIH, авг., 335, т. CXLIV, декаб., 359.
- Вельтманъ**, Елена Ив., рожд. Сабаниѣва, 1863 г., т. CXLI, янв., 19.
- Вельтманъ**, Александръ Ѳомичъ, писат., т. CXLI, янв., 6, 18.
- Вельяминовъ**, Алексѣй Александровъ, ген.-лейт., 1845 г., т. CXLII, апр., 190, 191, 200, май, 301—305, 428.
- Вельяшева**, Екат. Николаев., въ зам. Янжуль, т. CXLI, янв., 138, 147.
- Вельяшева**, Софія Константиновна, 1874 г., т. CXLI, янв., 138, 145.
- Вельяшевъ**, Н. В., адвокатъ, 1874 г., т. CXLI, янв., 135, 138.
- Венгеровъ**, Сем. Аван., литерат., т. CXLIV, дек., стр. XII.
- Венкстернъ**, Яковъ, масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр., 336.
- Веревкинъ**, Никол. Александровъ, ген., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Верещагинъ**, Вас. Васил., художн., 1888 г., т. CXLII, июнь, 625.
- Веригинъ**, Александръ Ив., ген., редакт. «Русскаго Инвалида», т. CXLII, апр., 153, май, 349, 350.
- Вернъ**, банкиръ, 1878 г., т. CXLIH, авг., 325.
- Верховскій**, В. В., т. CXLIV, дек., 660.
- Веселовскій**, Ив. Семен., докторъ, масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр., 336, 342, 343.
- Вестерлуундъ**, Теодоръ, шведск. врачъ, 1902 г., т. CXLIV, нояб., 263, 264, 268.
- Вешняковъ**, товар. мн-ра госуд. имущ., 1890 г., т. CXLIV, нояб., 360.
- Викторовъ**, ген., 1845 г., т. CXLII, апр., 187.
- Вилковъ**, Александръ Алексѣевъ, священникъ, т. CXLIH, сент., 499.
- Вилье**, бар., Яковъ Вас., лейбъ-медикъ. † 1854 г., т. CXLI, февр., 318, 324, т. CXLII, май, 329, 337—345.
- Вильгельмъ I**, германск. императоръ, † 1888 г., т. CXLIH, авг., 290.
- Вильде**, артистъ, т. CXLI, янв., 102.
- Вилькенъ**, ген.-лейт. 1863 г., т. CXLII, май, 349, 351.
- Вильсонъ**, И. И., проф., т. CXLII, апр., 227, июнь, 576.
- Вильчинскій**, Евгенийъ, сообщ.: Андрей Денисьевичъ Вишюсъ, т. CXLIH, сент., 433—440.
- Винбергъ**, ген., начальникъ дивизіи, 1879 г., т. CXLIH, авг., 279.
- Вишюсъ**, Андрей Андреев., думный дьякъ, † 1717 г., т. CXLIH, авг., 203—219.
- Вишюсъ**, Андрей Денисьевъ, голланд. купецъ, 1632 г., т. CXLIH, сент., 433—440.
- Вишюсъ**, Матвѣй, † 1715 г., т. CXLIH, авг., 211, 217.
- Виноградовъ**, священникъ, 1909 г., т. CXLI, янв., 83, т. CXLII, июнь, 544.
- Винцингероде**, бар., Фердинандъ Ѳед., ген., р. 1770 † 1818 г., т. CXLI, февр., 332, мартъ, 511.
- Вирховъ**, анатомъ, 1856 г., т. CXLI, янв., 228.
- Витали**, юристъ, 1860 г., т. CXLIV, нояб., 245.
- Виталий**, архимандр., цензоръ духовныхъ книгъ, т. CXLIH, июль, 158—163.
- Витгевтъ**, адм., 1904 г., т. CXLI, мартъ, 701.
- Витгенштейнъ**, княгиня, рожд. Эйлеръ, гофмейст. при дворѣ великой княгини Ольги Ѳеодоровны, т. CXLIV, нояб., 396.
- Витгенштейнъ**, кн., Эмилиј, генераль, 1845 г., т. CXLII, апр., 187, т. CXLIV, окт., 79, 82.
- Витгенштейнъ**, кн., землевлад. с.-а. края, т. CXLII, апр., 10, 11.
- Витмеръ**, А. Н., сообщ.: «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ. Казимиръ Васильевичъ Левицкій», т. CXLI, февр., 351—362, мартъ, 525—542, т. CXLII, апр., 138—140, «По поводу возраженій М. А. Гаенкампа», июнь, 609—611.
- Витте**, гр., Сергѣй Юльев., мн-ръ финанс., т. CXLI, янв., 206, т. CXLII, май, 318, т. CXLIH, авг., 319, т. CXLIV, нояб., 362, 378, дек., 667, 672.
- Вишневецкій**, кн., Констант., воевода, † 1641, т. CXLI, февр., 244.
- Вишнеградскій**, И. А., мн., 1887 г., т. CXLII, апр., 97, 98.
- Вишняковъ**, полковн., 1840 г., т. CXLI, мартъ, 626.
- Владимиръ Александровичъ**, великій князь, † 1909 г., т. CXLI, февр., 418.
- Владинъ**, полковн., фл.-ад., 1811 г., т. CXLIH, июль, 177.
- Власовъ**, А. С., директ. спб. гимназіи 1859 г., т. CXLI, янв., 12.
- Воейковъ**, Александръ Ѳед., писатель, р. 1778 † 1839 г., т. CXLII, апр., 128.
- Воейковъ**, полковн., 1811 г., т. CXLIH, авг., 352.
- Возницынъ**, Прокофій, 1699 г., т. CXLIH, авг., 206.

- Войновъ**, Александръ, ген., 1811 г., т. CXLIИ, июль, 169, 170, 173, 174, 182, авг., 341, 342, 349, 350, 361.
- Волковъ**, Фед. Григ., основат. русскаго театра. р. 1729 † 1763 г., т. CXLIИ, апр., 48.
- Волковъ**, Фед. Пав. учитель, 1849 г., т. CXLIV, дек. 509, 512.
- Волконская**, В. М., княжна, камеръ-фрейлина, 1824 г., т. CXLIИ, апр., 168, май, 334, 347.
- Волконская**, княгиня, Зинаида Алесд., писат-ца, † 1862 г., т. CXLIV, нояб., 454.
- Волконскій**, кн., Петр. Мих., ген.-ад., мн-ръ импер. двора и удѣл., р. 1776 † 1852 г., т. CXLI, янв., 93, 235, т. CXLIИ, май, 334, 340, 344, 347, т. CXLIИИ, июль, 111—113.
- Волконскій**, кн., попеч. петерб. учебн. округа, т. CXLIV, окт., 10.
- Воловскій**, экономистъ, т. CXLIИИ, авг., 322.
- Вонлярларскіе**, т. CXLIИ, апр., 47.
- Воронцова**, графиня, рожд. графиня Браницкая, т. CXLIИ, май, 299.
- Воронцовъ**, гр., Александръ Романовичъ, госуд. канцл., р. 1741 † 1805 г., т. CXLI, янв., 237. т. CXLIV, дек. 602.
- Воронцовъ**, гр., Мих. Сем., новорос. ген.-губ. вполн. намѣстн. Кавказа, р. 1782 † 1856 г., т. CXLIИ, апр., 185—187, 191—200, май, 291, 297, 336, т. CXLIИИ, июль, 176, т. CXLIV, окт., 79, 83—89, 92, 94, нояб., 274—276, 279, 285—288, дек., 520—527.
- Воронцовъ**, гр., Семень Мих., 1845 г., т. CXLIИ, апр., 187.
- Воронцовъ**, гр., Семень Романовичъ, полномоч. мн-ръ въ Лондонѣ, р. 1744 † 1832 г. т. CXLI, янв., 237.
- Воронцовъ**, воен. инжен., мировой посредн., 1864 г., т. CXLI, февр., 263.
- Воронцовъ - Вельяминовъ**, Евграфъ Никол., директ. учил. Тульской губерніи, масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр., 345, 346.
- Воронцовъ - Дашковъ**, гр., Иларіонъ Ив., мн-ръ двора, ген.-ад., 1872 г., т. CXLI, янв., 151—153.
- Воропоновъ**, Ф. Ф., членъ Совѣта Крест. Поз. Банка, т. CXLIV, нояб., 413, 418, 419.
- Врангель**, бар., 1845 г., т. CXLIИ, апр., 188.
- Врасскій**, А. Б., т. CXLIV, нояб., 418.
- Вревскій**, бар., Иполитъ, † 1858 г., т. CXLIИ, апр., 188.
- Вревскій**, бар., Павелъ Александр., ген.-ад., р. 1808 † 1855 г., т. CXLIИ, апр. 200, т. CXLIИИ, июль, 103.
- Вреденъ**, проф., т. CXLIИ, апр., 227.
- Второвъ**, полковн., 1811 г., т. CXLIV, окт., 229.
- Вурцель**, дипломатъ, т. CXLIV, нояб., 377, 379.
- Высотскій**, правитель дѣлъ попечит. графа Капниста, т. CXLI, мартъ, 478.
- Вышнеградскій**, Ив. Алексѣев., мн-ръ, финанс., р. 1831 † 1892 г., т. CXLIИ, июнь, 569, т. CXLIИИ, авг., 328, т. CXLIV, нояб., 351. дек., 667—573.
- Вяземскій**, кн., Петръ Андр., тов. мн-ра народн. просв., писат., р. 1792 † 1878 г., т. CXLI, янв., 192, т. CXLIИ, май, 436, 441.

Г

- Гаазъ**, Фед. Петров., докторъ, филантропъ, † 1853 г., т. CXLIИ, июнь, 527—552.
- Гавриловъ**, Матв. Гаврил., проф. Моск. унив., 1826 г., т. CXLI, февр., 336, 340.
- Гавриилъ**, архіеписк. Вологодск. и Бѣлоозерск., т. CXLIИИ, июль, 131, авг., 220, 221.
- Гавриилъ** Кременецкій, митрополитъ кievск., перв. рект. Александро-Невской семинаріи † 1783 г., т. CXLIИ, июнь, 631.
- Гавриилъ**, Петровъ, митроп. Спб., † 1801 г., т. CXLIИ, май 405.
- Гагарина**, кн-ня, см. Семенова.
- Гагаринъ**, кн., Ал. Ив., Кутанск. воен. губерн., 1845 г., т. CXLIИ, апр., 187.
- Гагаринъ**, кн., Ив. Алексѣев., р. 1771 † 1832 г., т. CXLIИ, май, 439.
- Гагаринъ**, кн., Григ. Григ., художн., вице-президентъ академ. худож., 1870 г., т. CXLIИ, апр., 191, 193.
- Гагаринъ**, кн., Сергій Серг., оберъ-гофмейст., 1847 г., т. CXLI, янв., 93, 94.
- Гагемейстеръ**, Ю. А., ст.-секрет. † 1878 г. т. CXLI, янв., 201, 207, т. CXLIИИ, авг., 308.
- Гайдебурова**, Евг. Карловна, т. CXLIV, окт., 4, 7.
- Гайдебуровъ**, Пав. Александр., редакт. «Недѣли», т. CXLIV, окт., 3, 4, 6.
- Гайдуковъ**, Мих. Мих., главноуправл. заводомъ Нечаева-Мальцева, 1880 г., т. CXLI, февр., 311, 312.
- Газенкамифъ**, Мих. Александр., сообщ.: «По поводу статьи А. Н. Витмера», «К. В. Левицкій», т. CXLIИ, апр., 138—140, упом. февр., 361, 362, мартъ, 533—542, июнь, 609—611, 624.
- Газенгеръ**, пасторъ, т. CXLIИ, июнь, 585.

- Галаховъ**, Алексѣй Дмитр., писат., р. 1807 † 1892 г., т. CXLII, апр., 146.
- Галиндо**, К. Ѳ., директ. департ. Государст. казнач., 1890 г., т. CXLIV, нояб., 354, 355, 562.
- Галкинъ**, воспит. городск. Рукавишниковск. приюта, 1909 г., т. CXLII, июнь. 551.
- Гамбургеръ**, дипломатъ, 1864 г., т. CXLII, июнь, 485.
- Гамперъ**, ген., 1811 г., т. CXLII, сент., 534, 542.
- Ганецкій**, Николай Степ., ген., 1904 г., т. CXLII, апр., 108.
- Гартевельдъ**, собиратель пѣсенъ каторжанъ, бродягъ и сибирскихъ инородцевъ, т. CXLIII, июль, 83.
- Гартингъ**, ген., 1811 г., т. CXLIII, июль, 176, 182, авг., 348, 361, сент., 544.
- Гедройць**, кн., 1863 г., т. CXLII, июнь, 492.
- Гейденъ**, гр., Ѳед. Логиновичъ, начальн. гл. штаба, впол. ген.-губерн. финл., 1878 г., т. CXXI, мартъ, 534, т. CXLII, апр., 153, 188, т. CXLIII, сент., 382, 402, 403.
- Гельмерсенъ**, см. Моласъ.
- Гейманъ**, Василій Александр., ген., † 1878 г., т. CXLII, апр., 192.
- Гериковъ**, П. К., юристъ, 1872 г., т. CXLIV, нояб., 247, 250—252.
- Гербель**, пор. гвард., 1845 г., т. CXLII, апр., 189.
- Герингросъ**, ген., 1904 г., т. CXLIV, дек. 544, 545.
- Герценъ**, Александръ Ив., р. 1812 † 1870 г., т. CXXI, янв., 8, апр., 83, т. CXLII, июнь, 603—604, т. CXLIII, июнь, 115, сент., 407, 408, 485—488.
- Гершельманъ**, Константинъ Ив., ген., т. CXXI, февр., 359.
- Гершензонъ**, М., сообщ.: «Отголоски 14-го декабря въ Московскомъ университетѣ», т. CXXI, февр., 333—349.
- Гессенскій**, Александръ, принцъ, 1845 г., т. CXLII, апр., 187, т. CXLIV, окт., 79.
- Гець**, капит. генеральн. штаба, 1865 г., т. CXXI, янв., 84.
- Гильфердингъ**, Александръ Ѳедоровичъ, славяноф., ученый и писат., р. 1831 † 1872 г., г., т. CXLII, июнь, 484, т. CXLIII, июль, 5—9, 22, 24, 34.
- Гиларовъ-Платоновъ**, Никита Петр., писат., р. 1826 † 1887 г., т. CXLVI, нояб., 262.
- Гине**, Васил. Ив., директ. Саратовск. гимназ. † 1844 г., т. CXLIV, дек. 512.
- Гинкуль**, ген., † 1811 г., т. CXLIII, сент., 532.
- Гирсъ**, Александръ Карл., тов. ми-ра финанс., р. 1815 † 1880 г., т. CXXI, янв., 207, т. CXLIII, авг., 328.
- Гирсъ**, Николай Карл., ст. секр., ми-ръ иностр. дѣль, р. 1820 г., т. CXLIII, июль, 53, т. CXLIV, нояб., 376, 397.
- Гиршбергъ**, историкъ, авторъ изслѣдов. о Самозванцѣ, т. CXXI, февр., 245.
- Главацкій**, 1864 г., т. CXXI, июнь, 489, 490.
- Гладстонъ**, Вильямъ, англ. госуд. дѣятель, т. CXXI, мартъ, 563—565, т. CXLII, апр., 118, май, 403, т. CXLIV, окт., 148—154, нояб., 434, 435, 445, дек., 635—644.
- Гладстонъ**, Екатерина, супруга англ. госуд. дѣятеля, т. CXXI, мартъ, 564.
- Глинка**, Мих. Ив., композит., р. 1804 † 1857 г., т., CXXI, февр., 364, т. CXLIII, февр., 83.
- Глинка**, Ѳед. Никол., писат., † 1880 г., масонъ, адъют. гр. М. А. Милорадовича, 1840 г., т. CXXI, мартъ, 524.
- Глинскій**, т. CXLII, апр., 146.
- Глѣбовъ**, 1744 г., т. CXLIV, дек., 590, 591.
- Глѣбовъ**, поруч., † 1847 г., т. CXLII, апр., 187, т. CXLIV, окт., 79.
- Глѣбовъ**, С., сообщ.: «Воспоминанія о Гоголѣ», т. CXXI, янв., 65—74.
- Глѣвъ-Кошанскій**, поруч., 1904 г., т. CXXI, мартъ, 708—710.
- Глѣвичъ**, Ник. Ив., писат., р. 1784 † 1833 г., т. CXLII, май, 441.
- Гоголь**, Николай Вас., писат., р. 1809 † 1852 г., т. CXXI, янв., 65—74, мартъ, 632, т. CXLII, май, 276, т. CXLIII, июль, 83.
- Годенъ**, ген., директоръ I корпуса, 1840 г., т. CXXI, мартъ, 626.
- Голембатовскій**, ген., т. CXLIV, окт., 119.
- Голенищевъ-Кутузовъ**, поэтъ, 1890 г., т. CXLIV, дек. 666.
- Голенищевъ**, М. Ил., см. Кутузовъ.
- Голицына**, см. Апраксина.
- Голицына**, Елизавета, княжна, † 1816 г., т. CXLII, апр., 160.
- Голицына**, Наталія Ѳ., княгиня, рожд. княжна Шаховская, 1802 г., т. CXXI, янв., 235—238, февр., 321, т. CXLII, апр., 160.
- Голицынъ**, кн., Александръ Николаевичъ, ми-ръ дух. дѣль, и просв., р. 1773 † 1844 г., т. CXXI, янв., 235, т. CXLII, апр., 173, 187, май, 261, 262, 408, 410, т. CXLIV, окт., 76.
- Голицынъ**, кн., Ал., офиц., 1845 г., т. CXLIV, окт., 80.
- Голицынъ**, кн., Александръ Мих., об.-камергеръ, 1804 г., т. CXXI, янв., 287.
- Голицынъ**, кн., Б. А., 1703 г., т. CXLIII, авг., 215.

- Голицынъ**, кн., Дм. Влад., московск. ген. губерн., р. 1771 † 1844 г., т. CXLII, июнь, 528, 529, 534, 539.
- Голицынъ**, кн., К. М., гофмейст., 1812 г., т. CXLI, февр., 326, мартъ, 516.
- Голицынъ**, К. Н., 1823 г., т. CXLIII, авг., 286.
- Голицынъ**, кн., Мих. Николаев., ярославск. губерн. съ 1802 по 1816 г.; р. 1755 † 1827 г., т. CXLIV, окт., 76.
- Голицынъ**, кн., Николай Сергѣев., поруч. р. 1796 † 1833 г., т. CXLII, апр., 128.
- Голицынъ**, кн., Пав. Борис., камеръ-юнкеръ, р. 1795 † 1879 г., т. CXLII, май, 440.
- Голицынъ**, кн., Юрій Никол., дирижеръ, композиторъ, р. 1823 † 1872 г., т. CXLII, июнь, 634.
- Голицынъ**, кн., ген., 1872 г., т. CXLI, янв., 155.
- Голиховскій**, Норбертъ, настоятель монастыря бернардиновъ, 1897 г., т. CXLI, февр., 241, 242.
- Головачевъ**, А. А., писат. экономистъ, 1880 г., т. CXLI, мартъ, 505—507.
- Головачевъ**, Николай Никит., ген.-лейт., т. CXLIV, окт., 149.
- Головина**, Варвара, графиня † 1821 г., т. CXLI, февр., 323, мартъ, 522, т. CXLII, апр., 175.
- Головинъ**, Е. А., ген.-губерн. прибалтійскій края, † 1858 г., т. CXLII, июнь, 507.
- Головинъ**, 1878 г., т. CXLIII, авг., 327.
- Головкинъ**, гр., Мих. Гавр., канцлеръ, † 1755 г., т. CXLIII, авг., 217.
- Головинъ**, Александръ Вас., мнръ народн. просв., † 1886 г., т. CXLI, февр., 463, т. CXLIII, июль, 4, 16.
- Голомбевскій**, ссылка на его статью „Драма изъ жизни писателя“, т. CXLII, май, 269, 270, 278.
- Голубевъ**, М. А., проф., 1860 г., т. CXLII, май, 419.
- Гольцовъ**, Ф. Н., помѣщ., т. CXLII, апр., 46.
- Гончаровъ**, Ив. Александров., писат., р. 1812 † 1891 г., т. CXLI, янв., 32, 41, т. CXLIV дек., стр. XIV.
- Горбачевъ**, маіоръ, 1811 г., т. CXLIII, июль, 181.
- Горвицъ**, поставщикъ, 1877 г., т. CXLI, мартъ, 532, 539.
- Горковенко**, Н. С., сенат., 1892 г., т. CXLIV, нояб., 359.
- Горловъ**, И. Я., проф., 1866 г., т. CXLII, апр., 214.
- Горловъ**, ген., русскій воен. агентъ въ Лондонѣ, т. CXLIV, окт., 149, 150, 151, 152.
- фонъ-Горнъ**, Иог., проф. дерптск. универ., 1810 г., т. CXLII, май, 414.
- Горчаковъ**, кн., Александръ Мих., госуд. канцлеръ, р. 1798 † 1883 г., т. CXLI, февр., 407, 408, т. CXLII, апр. 125, 222, 223, июнь, 484, 485, т. CXLIII, июль, 6, 10, 12, 32, 33, 40—48, 50, авг., 306, сент., 552, т. CXLIV, нояб., 436.
- Горчаковъ**, кн., Константинъ Александров., т. CXLII, апр., 212.
- Горчаковъ**, кн., Петръ Дм., ген., † 1868 г., т. CXLII, апр., 192, май, 425—434, июль, 94—104.
- Горюновъ**, С. М., т. CXLIV, нояб., 333—334, дек., 599.
- Готовцевъ**, управл. минской палатой государст. имуществъ, 1864 г., т. CXLI, февр., 254, т. CXLII, апр., 3.
- Гошка**, полковникъ, 1702 г., т. CXLIII, авг., 214.
- Граббе**, гр., Мих. Павл., кавказ. ген., † 1877 г., т. CXLII, апр., 194.
- Грановскій**, Тимоф. Никол., профес., р. 1813 † 1855 г., т. CXLII, апр., 83.
- Граціани**, пѣвецъ, т. CXLI, мартъ, 545, 553.
- Гревеницъ**, Анна Николаевна, рожд. Батюшкова, т. CXLIII, авг., 225.
- Гревеницъ**, Григорій Абрамов., вологодск. помѣщ., 1862 г., т. CXLIII, авг., 224, 225.
- Грегерь**, поставщикъ, 1877 г., т. CXLI, мартъ, 532, 539.
- Грейгъ**, Самуиль Алексѣев., мнръ финансовъ, р. 1827 † 1887 г., т. CXLI, мартъ, 503, т. CXLII, июнь, 568, 576, т. CXLIII, июль, 54, 158, авг., 320, 321, 327—329, сент., 523, 524, т. CXLIV, окт., 201, нояб., 369.
- Грековъ**, полковн., 1811 г., т. CXLIII, июль, 177, 180, авг., 350, 353, сент., 534, 542.
- Гречъ**, Николай Ив., журналистъ, р. 1787 † 1867 г., т. CXLII, апр., 128, май, 437, 444—446, т. CXLIII, авг., 283, 284, т. CXLIV, окт., 72, 73.
- Грибоѣдовъ**, Александръ Серг., писат., р. 1795 † 1829 г., т. CXLII, май, 276, 277, 423—434, т. CXLIII, авг., 283, сент., 427—432.
- Горшковъ**, Григорій, сектантъ, 1873 г., т. CXLIV, нояб., 253.
- Григоровичъ**, Дм. Вас., писатель, т. CXLI, янв., 32—36, 41, т. CXLII, апр., 221, 222.
- Гринвальдъ**, управл. минск. губерн. акцизнымъ управленіемъ, 1864 г., т. CXLI, февр., 255.
- Громицкій**, Мих. Ѳед., юристъ, т. CXLIV, окт., 3.

Громовскій, помѣщ., 1879 г., т. СХLIII, авг., 272, 273.
Гротъ, А. Ѳ., сенат., юристъ, 1892 г., т. СХLIV, нояб., 359.
Гротъ, Констант. Карлов., ст.-секрет., т. СХLI, янв., 216, 217, т. СХLII, апр., 216, июнь, 573, т. СХLIII, июль, 22.
Гротъ, Констант. Яковл., т. СХLII, июнь, 633.
Гротъ, Яковъ Карл., акад., р. 1812 † 1893 г., т. СХLI, янв., 81, 82.
Гротъ, акцизн. чиновн., 1864, т. СХLI, февр., 255.
Грохольская, графиня, помѣщица, 1863 г., т. СХLII, июнь, 493.
Грузинскій, кн., Ираклій, офиц., 1845 г., т. СХLII, апр., 187, т. СХLIV, окт. 80.
Грумъ-Гржимайло, И. К., оберъ-прокуроръ гражд. кассацион. департ. сената, т. СХLIV, нояб., 354.
Гурко, Влад. Юсифов., начальн. штаба, 1845 г., т. СХLII, апр., 188, т. СХLIV, окт., 79.
Гурко, Юсифъ Влад., ген., варш. ген-губерн., фельдмарш., р. 1828 † 1886 г., т. СХLI, янв., 20, февр., 360, 361, мартъ, 538, т. СХLII, апр., 138, 139, июнь, 609, 610, 621, 623, т. СХLIV, нояб., 415—418.
Гурко, помѣщ., 1862 г., т. СХLII, апр., 45, 46.
Гурьевъ, С. Е., акад., проф. спб. дух. акад., 1808 г., т. СХLII, май, 411, 413.
Гучковъ, Н. И., московск. городск. голова, 1910 г., т. СХLII, июнь, 542—547.
Гъ, художн., т. СХLI, янв., 45.
Гэнгудъ, переводчица съ русск. на англійск. языкъ, т. СХLII, май, 319—322.

Д

Давыдовъ, Вадимъ Денисов., офиц. 1863 г., т. СХLIII, авг., 244.
Давыдовъ, Ив. Ив., профес. моск. унив., масонъ, р. 1794 † 1863 г., т. СХLI, февр., 336, 340, 341, т. СХLIV, дек., стр. XV.
Дадіани, кн., см. Чавчавадзе.
Дадуровъ, артиллеристъ, 1851 г., т. СХLI, мартъ, 639.
Даль, Влад. Ив., лексикографъ, 1863 г., т. СХLI, янв., 19.
Дальтонъ, пасторъ, 1877 г., т. СХLIII, авг., 305.
Даневскій, профес. междунарад. права, т. СХLII, апр. 68, 70.

Данзасъ, секрет. посольст. въ Аянахъ, т. СХLIV, нояб., 379.
Данилевскій, Н., 1864 г., т. СХLII, июнь, 485.
Даниловскій, А. I., 1840 г., т. СХLI, мартъ, 626.
Данилъ Романовичъ, князь, т. СХLIII, сент., 548.
Дараганъ, Мих. Иван., офиц., 1845 г., т. СХLII, апр., 188.
Даргомъжскій, Александръ Серг., композиторъ, р. 1813 † 1869 г., т. СХLI, февр., 363, 364.
Дариво, Д. А., агентъ русскаго общества пароходства и торговли, 1876 г., т. СХLI, февр., 379.
Дашковъ, Пав. Яковл., † 1910 г., т. СХLI, мартъ, 680—694.
Дебнеръ, пасторъ, 1866 г., т. СХLII, июнь, 521—525.
Дегубернатисъ, санскритологъ, т. СХLIV, окт., 24.
Дейхманъ, чиновн. минист. финанс., 1869 г., т. СХLIII, сент., 382.
Делано, г-жа, т. СХLII, май, 323.
Дельвигъ, бар., шт.-кап., 1845 г., т. СХLII, стр., 188, 192, т. СХLIV, окт., 89.
Демерикъ, диплом., т. СХLIV, нояб., 377, 379.
Демидовъ, Никита, владѣлецъ заводовъ, 1702, т. СХLIII, авг., 211.
Денисовъ, ген., 1811 г., т. СХLIII, авг., 353.
Дентонъ, В., свящ. 1877 г. т. СХLIV, дек., 636.
Денферъ, Новгород. губерн. 1834 г. т. СХLIV, дек., 645—654.
Денъ, ген., т. СХLI, янв., 174.
Депшицъ, Н. М., чиновн. мин. финанс. 1890 г., т. СХLII, июнь, 574, т. СХLIV, нояб., 354, 355.
Фонъ-Дервигъ, инжен., т. СХLI, янв., 219.
Державинъ, И. С., оберъ-свящ.; 1807 г., т. СХLII, май, 408, 410.
Дерикеръ, преподават. Дворянск. полка 1852., врачъ гомеопат., т. СХIV, дек., 505.
Дехтеревъ, ген., 1811 г., т. СХLIII, июль, 177, авг., 341, 342, сент., 537.
Джунковскій, В. Ф., московск. губернаторъ, 1909 г., т. СХLII, июнь, 544, 546.
Джунковскій, Ѳед. Степан., ген.-инсп. кавалер., 1864 г., т. СХLI, февр., 401.
Дивовъ, тн. сов., директ. департ. минист. иностр. дѣль. 1821 г., т. СХLIY, окт., 183.
Дивовъ, ген., т. СХLII, апр. 82.
Дивѣевъ, кн., мировой посредн., 1864 г., т. СХLI, февр., 269, т. СХLII, апр., 3, 10, 18.

- Дилъкъ**, Антонъ Антонов., студентъ, т. CXLI, май, 310.
- Димитрій**, Самоованецъ, т. CXLI, янв., 22—24, февр., 241.
- Димитрій II**, Самоованецъ, 1605 г., т. CXLI, янв., 22, 23.
- Димитрій** (Півницькій), архієписк., проф. кіевск. акад., † 1883 г., т. CXLI, май, 422.
- Димитрій**, Тупгало, митр., ростовск., митр. сибирск., 1701 г., р. 1651 † 1709 г., т. CXLI, авг., 206, 207.
- Дмитревскій**, Ив. Афанасьев. актеръ, р. 1736 † 1821 г., т. CXLI, апр., 48.
- Дмитрієвъ**, Ѳед. Мих., проф. моск. унив., 1875 г., сенат., р. 1829 г., т. CXLI, мартъ, 490, т. CXLIV, нояб., 359.
- Дмитрієвъ**, 1824 г., т. CXLI, май, 331.
- Доббертъ**, врачъ, 1824 г., т. CXLI, май, 334.
- Добошинскій**, К. Д., чиновн. енисейск. губериск. правл., 1881 г., т. CXLIV, окт., 110, 114, 115.
- Добровольскій**, С. М., педагог., 1849 г., т. CXLI, мартъ, 632.
- Добролюбовъ**, Николай Александр., критикъ, р. 1836 † 1861 г., т. CXLI, янв., 33, 35, 42, т. CXLI, апр., 146, 147.
- Добронравовъ**, Н. П., протоіер., Александров. воен. учил., 1909 г., т. CXLI, июнь, 544, 546.
- Добронравовъ**, медицинск. инспект., 1825 г., т. CXLI, июнь, 528, 532.
- Добряковъ**, Г., сообщ.: «На могилѣ Батюшкова (очеркъ)», т. CXLI, авг., 223—226.
- Долгорукая**, княгиня, Анастасія Симоновна, рожд. Лаптева, † 1827 г., т. CXLIV, нояб., 303.
- Долгорукій**, кн., Влад. Петр., т. CXLIV, нояб., 303.
- Долгорукій**, Мих. Петр., т. CXLIV, нояб., 303.
- Долгорукій**, кн., Петръ Петров., т. CXLIV, нояб., 303.
- Долгорукій**, кн., ст.-секрет. у принятія прошеній, 1869 г., т. CXLI, май, 387.
- Долгоруковъ**, кн., Вас. Андр., шефъ-жандарм., управляющ. III отдѣл. собст. Е. И. В. канцелярія, р. 1804 † 1867 г., т. CXLI, мартъ, 672, т. CXLI, июль, 13.
- Долгоруковъ**, кн., Влад., Андр., моск. ген.-губерн., р. 1810 † 1899 г., т. CXLI, мартъ, 501, 502.
- Домбровскій**, начальн. станціи Харьковско-Николаевской ж. д., 1873 г., т. CXLI, мартъ, 530.
- Домонтовичъ**, К. И., т. CXLI, янв., 206, февр., 469.
- Доморацкій**, прокур., т. CXLIV, нояб. 245.
- Домороцкій**, участн. польск. вост., 1863 г., т. CXLI, май, 351.
- Дондуковъ-Корсаковъ**, кн., Алексд. Мих., кіевск. ген.-губерн., въ 1869 г., рус. комиссаръ въ Болгаріи 1876 г., главноупр. гражд., частью на Кавказѣ 1882—1890 г., р. 1820 † 1893 г., т. CXLI, мартъ, 652—656, т. CXLI, апр., 38, 42, т. CXLIV, нояб. 371, 395.
- Дундуковъ-Корсаковъ**, М. А., 1845 г., т. CXLI, апр., 188, 191, 192, 198, т. CXLIV, окт., 79, 82.
- Достоевскій**, Мих. Мих., журналистъ, р. 1820 † 1864 г., т. CXLI, янв., 30.
- Достоевскій**, Ѳед. Мих., писат., р. 1821 † 1881 г., т. CXLI, янв., 30, 31, февр., 367—376, мартъ, 605—621, т. CXLIV, окт., 6, 7, дек., стр. VII, XIV.
- Дохтуровъ**, Дм. Сергѣев., ген., р. 1756 † 186 г., т. CXLI, авг., 346.
- Дохтуровъ**, М. Н., сообщ.: „Замѣтки на статью Д. Скалона. Забытый фельд-маршалъ“, т. CXLI, июнь, 519—626.
- Дохтуровъ**, Сергѣй Ив., команд. гренадерск. полка, 1863 г., т. CXLIV, нояб., 413.
- Дохтуровъ**, кн., 1877 г., т. CXLI, июнь, 621, 625.
- Дрейшокъ**, Александръ, піанистъ, р. 1818 † 1869 г., т. CXLI, янв., 100.
- Дрентельнъ**, Александръ Романов., ген.-ад., ген.-отъ-инфант., шефъ-жандарм. и главн. начальн. III отд. собст. Е. В. канц., 1881 г., р. 1820 † 1888 г., т. CXLI, сент., 410.
- Драгомировъ**, Мих. Ив., ген.-ад., р. 1830 † 1905 г., т. CXLI, февр., 445.—453, т. CXLI, апр., 108, 177—184, май, 447—450, июнь, 610, т. CXLIV, окт., 167—174, дек., 617—624.
- Дрентельнъ**, артиллеристъ, 1851 г., т. CXLI, мартъ, 639.
- Дреникинъ**, маіоръ, 1811 г., т. CXLI, сент., 531.
- Дрецовъ**, Іосифъ, еписк. смоленск., съ 1874 по 1881 г., т. CXLIV, окт., 165, 166.
- Дружининъ**, Александръ Вас., писат., р. 1824 † 1864 г., т. CXLI, янв., 29, 32—35.
- Дружининъ**, офиц., 1845 г., т. CXLI, апр., 188.
- Дугласъ**, агентъ франц. короля въ Сбп., 1744 г., т. CXLIV, дек., 586, 602.
- Дудникова**, жена инспектора кіевск. унив. 1860 г., т. CXLIV, нояб., 233.
- Дубровинъ**, Николай Ѳедоров., ген.-

- лейт., академ. писат., † 1904 г., т. CXLII, июнь, 612.
Дудышкинъ, Степ. Сем., журналистъ, † 1866 г., т. CXLII, апр., 141.
Дукмейеръ, Ф., докторъ, 1909 г., т. CXLIII, авг., 203.
Дурасовъ, Виссарионъ Ив., т. CXLIV, дек., 503.
Дурново, П. Н., гл. законодат. комиссiн, 1886 г., т. CXLII, апр., 91.
Дурново, Семень, т. CXLIII, авг., 204.
Дуровъ, Сергѣй Фёд., членъ общ. Петрашев., 1850 г., т. CXXI, мартъ, 606.
Духовниковъ, Флегонъ Васил., изслѣдователь саратовск. старины, 1890 г., т. CXLIV, дек., 501—517.
Дыбовъ, Г. Г. 1910 г., т. CXLIV, дек. 502.

Е

- Евгеній**, Болховитиновъ, митропол. кievск., р. 1767 † 1887 г., т. CXLII, май, 409.
Евгеній, Казанцевъ, iеромонахъ, проф. спб. дух. акад., 1808 г., т. CXLII, май, 410—413.
Евгеній, ректоръ тобольской семинари, 1823 г., т. CXLII, май, 445.
Евгенiа, императрица, т. CXLII, май, 453, 455.
Евграфъ, Мусалевскiй-Платоновъ, ректоръ спб. дух. акад. † 1809 г., т. CXLII, май, 410—413.
Евдокимовъ, команд. Апшеронской роты, 1845 г., братъ Н.И. Евдокимова, т. CXLIV, дек., 529.
Евентиусъ, Александръ Егор., докт., медиц., масонъ, 1826 г., т. CXXI, февр., 343.
Евлогiевъ, свящ., 1862 г., т. CXLIII, авг., 239.
Егоровъ, шт.-капитанъ, 1863 г., т. CXLII, май, 364.
Едлинскiй, Артуръ Альбертов., 1845 г., т. CXLII, май, 299, т. CXLII, окт., 80.
Ежовскiй, Осипъ Павл., масонъ, 1826 г., т. CXXI, февр., 336, 343, 344.
Екатерина I, императрица, р. 1679 † 1796 г., т. CXXI, янв., 93, т. CXLII, май, 404, т. CXLIII, авг., 218, 219, сент., 428.
Екатерина II, императрица, р. 1729 † 1796 г., т. CXLII, май, 374, 375, 405, июнь, 511, 512, 627, 629, т. CXLIII, авг., 250, т. CXLIV, нояб., 307, ея переписка съ англ. посломъ Чарльзомъ Уильямсомъ, т. CXLIV, нояб., 333—348, дек., 583—613.
Екатерина Михайловна, вел. княгиня, 1881 г., т. CXLII, июнь, 574, т. CXLIV, окт., 203, нояб., 379, дек., 658—660.
Екатерина Павловна, великая княгиня, герцог. Ольденбургская, во втор. бракѣ кор. Виртембергская, р. 1788 † 1819 г., т. CXXI, февр., 325, 326, т. CXLII, апр., 159, 171, т. CXLIII, июль, 108.
Елена Георгиевна, вел. княгиня, т. CXLIV, дек., 660.
Елена Павловна, принцесса Шарлотта Виртембергская, великая княгиня, р. 1806 † 1873 г., т. CXXI, янв., 97, февр., 463, т. CXLII, май, 330—332, июнь, 571—574, 577, т. CXLIII, июль, 4, т. CXLIV, нояб., 396, дек., 658.
Елисавета Алексѣевна, императрица, р. 1779 † 1826 г., т. CXXI, янв., 234—240, февр., 317—332, мартъ, 508—523, т. CXLII, апр., 159—176, май, 329—348, т. CXLIV, нояб., 298—311.
Елисавета Петровна, императрица, р. 1709 † 1761 г., т. CXLII, апр., 134, т. CXLIV, нояб., 336—339, 342—346, дек., 583—612.
Елисавета Феодоровна, великая княгиня, т. CXLII, апр., 180, июнь, 544.
Елисавета, супруга румынскаго короля Карла, р. 1843 г., т. CXLIII, авг., 305.
Елисавета, дочь императора Александра I, р. 1806 † 1808 г., т. CXXI, февр., 321—324.
Елисѣевъ, Григ. Захар., чл. редакци „Отечественныхъ Записокъ“, 1881 г., т. CXXI, мартъ, 507, т. CXLIV, окт., 13.
Емельяновъ, полковн., 1811 г., т. CXLIII, июль, 176.
Еремѣевъ, Николай, сообщ.: „А. Н. Сергѣевъ“, т. CXLIV, нояб., 448—452.
Ермаковъ, Н. А., директ. департамента торговли и мануфактуръ, 1882 г., т. CXLII, апр., 84, 91.
Ермолаевъ, Василій, волости. старшина Венетинской волости, 1862 г., т. CXLIII, авг., 238, 239.
Ермоловъ, Алексѣй Петров., т. CXLII, апр., 185, 191, 196, 197, май, 302, 304, 430, 433, т. CXLIV, окт., 183, 184, нояб., 277, дек., 530.
Ермоловъ, А. С., товар. мн-ра финанс., т. CXLIV, нояб., 357—360.
Ермоловъ, Сергѣй, ген.-майоръ 1811 г., т. CXLIII, авг., 352, 359.
Есиповичъ, Яковъ Григ., сенат. и вристъ, 1892 г., т. CXLIV, нояб., 359.
Есиповъ, мировой посредникъ, 1862 г., т. CXLIV, нояб., 411.
Ефремовъ, Петръ Александр., библиогр.,

р. 1830 † 1907 г., т. CXLI, мартъ, 691.
Ефремъ, игумень, 1679 г. т. CXLII, июнь, 526.

Ж

Жабокрицкій, подполковн., 1811 г., т. CXLIII, авг., 357.
Жандръ, Андр. Андр., сенат., писат., переводч. театральн. пьесъ, р. 1789 † 1873 г., т. CXLII, апр., 127, т. CXLIII, авг., 282, 286, т. CXLIV, окт., 72, 76, 77.
Жвирждовскій (псевд. Топоръ), офиц. ген.-штаба, участн. польск. возст. 1863 г., т. CXLII, апр., 146, май, 351, 355, 359—362.
Желябовъ, революционеръ, 1881 г., т. CXLIII, сент., 409.
Жерве, В., т. CXLI, мартъ, 684.
Жизневскій, А. К., т. CXLII, июнь, 542.
Жиржинскій, полковн., 1877 г., т. CXLII, июнь, 622, 623.
Жиркевичъ, А., сообщ.: «По Вальтеръ-Скотту», т. CXLI, янв., 177—189, по поводу статьи «По Вальтеръ-Скотту», т. CXLII, апр., 45—47.
Жомини, бар., Александр. Генрихов., чиновн. мин-ва ин. дѣль, † 1888 г., т. CXLIV, нояб., 376.
Жоховской, 1850 г., т. CXLI, мартъ, 620.
Жуковскій, Игнатій, нотариусъ, 1879 г., т. CXLII, июнь, 625.
Жуковскій, Вас. Андр., писат., р. 1783 † 1852 г., т. CXLII, май, 445, т. CXLIV, нояб., 406.
Жуковскій, судебн. слѣдоват., 1874 г., т. CXLIV, нояб., 250—253.
Жуковскій, камергеръ, 1896 г., т. CXLIII, июль, 150.
Жуковъ, Трофимъ Гаврил., помѣщ., 1687 г., т. CXLI, февр., 314, 315.
Жуковъ, офиц., 1856 г., т. CXLI, мартъ, 640.
Жулева, Екат. Николаев., въ зам. Небольсина, драматич. актриса, † 1905 г., т. CXLI, апр., 604.

З

Заблоцкій, артиллеристъ, 1851 г., т. CXLI, мартъ, 639.
Заболоцкій, Андрей Парфен., госуд. дѣятель, писатель, р. 1807 † 1881 г., т. CXLII, июнь, 484, июль, 22.
Завалевскій, офиц., 1845 г., т. CXLII, апр., 188, т. CXLIV, дек., 524.

Завьяловъ, Г. П., слѣдоват., 1864 г., т. CXLIV, нояб., 239.
Задашъ, помѣщ., 1879 г., т. CXLIII, авг., 271.
Задора - Цивельскій, бранденбургск. резидентъ, † 1700 г., т. CXLIII, авг., 204.
Закревскій, гр., Арсеній Андр., финлянд. ген.-губ. 1826 г., мн-ръ вн. дѣль, 1828 г., москов. ген.-губ. 1851 г., † 1865 г., т. CXLII, май, 256, 270, 277, 281, июнь, 534—549, т. CXLIV, окт., 183.
Закревскій, Игнатій Платонов., юристъ, 1888 г., CXLIV, нояб. 243.
Закржевскій, Н., полковн., генеральн. штаба, 1885 г., т. CXLI, мартъ, т. CXLII, апр., 27—32, 38—43.
Залольскій, прокур., т. CXLIV, нояб., 245.
Зарудный, Сергій Ив., сенат., 1821 † 1887 г., т. CXLII, апр., 227.
Засеъ, г-жа, 1811 г., т. CXLIII, июль, 169.
Засеъ, бар., Андрей Павлов., генер., † 1815 г., т. CXLIII, июль, 169, 170, авг., 354, 355, 360, 361, т. CXLIV, окт., 223, 224, 226, 227, 228, 229, 230.
Засуличъ, Вѣра, политич. преступница, 1878 г., т. CXLI, янв., 3—6.
Захаровъ, фабрикантъ, 1886 г., т. CXLII, апр., 94.
Збѣевскій, ген., 1811 г., т. CXLIV, окт., 226, 227.
Звенигородскій, кн., Андрей, сообщ.: «Письмо И. Д. Якушкина къ М. Я. Чаадаеву», т. CXLIII, сент., 499—503.
Звенигородскій, Влад. Яковл., 1868 г., т. CXLIII, июль, 33.
Звѣревъ, Н. А., начальн. главн. управл. по дѣламъ печати, т. CXLIV, нояб. 268, 269.
Зеленой, Александръ Алексѣев., мн-ръ государств. имущ., ген.-ад., р. 1814 † 1880 г., т. CXLII, апр., 148, июнь, 564.
Зеленой, П. А., адм., т. CXLI, февр., 380.
Зиберъ, Н. И., писатель, экономистъ, 1881 г., т. CXLII, апр., 67, 69.
Зиберъ, врачъ, 1874 г., т. CXLI, февр., 272.
Змеовъ, Борисъ Андреевичъ, воевода, 1685 г., т. CXLIII, авг., 220.
Змѣевъ, маіоръ, 1811 г., т. CXLIII, сент., 531.
Значко - Яворскій, Карпъ, есауль, 1720 г., т. CXLII, июнь, 627.
Значко-Яворскій, Мелхиседекъ, архимандритъ, † 1809 г., т. CXLII, июнь, 627—632.
Зотовъ, Рафаиль Михайлов., романистъ

драматургъ, р. 1796 † 1871 г., т. CXLIИ, май, 445.

Зубковъ, Нуколай Абрамов., чл. губериск. по крестьянск. дѣл. присутствія, 1864 г., т. CXLI, янв., 52, 56—62.

Зыковъ, Дм. Петров., офиц. преображ. полка, т. CXLIИ, май, 443.

Зыковъ, Сергѣй Пав., ген.-отъ-инфант., сообщ.: «Наброски изъ моей жизни», т. CXLI, мартъ, 622—643, т. CXLIИ, апр., 141 154, май, 349—372, июнь, 483—525, т. CXLIИ, июль, 3—38, сент., 381—412, «Отвѣтъ Ѳ. А. Максешеву», июль, 105, упом. 614, 615.

Зыковъ, полковн., 1823 г., т. CXLIИ, авг. 284.

Зябловскій, Евдокимъ Филип., проф. слб. унив., р. 1763 † 1846 г., т. CXLIИ, апр., 129.

И

Ивановъ, Еремѣй, 1702 г., т. CXLIИ, авг., 207.

Ивановъ, полковн., 1811 г., т. CXLIИ, сент., 542.

Ивашкевичъ, полковн., помощн. управл. минск. губери. акцизнаго управленія, 1864 г., т. CXLI, февр., 255.

Ивковъ, маіоръ, 1811 г., т. CXLIИ, июль, 176.

Игнатъевъ, гр., Никол. Павл., посоль въ Парижѣ, Константиноп. и пр., мин. вн. дѣлъ, р. 1832 г., т. CXLI, февр., 408, мартъ, 579, 580, т. CXLIИ, июль, 40, 41, 45, т. CXLIИ, окт., 154—156, нояб., 365, 367, 439—443, дек., 560—564.

Игнатій, митроп. сибир., 1700 г., т. CXLIИ, авг., 206—208.

Икорниковъ, 1872 г., т. CXLI, янв. 134.

Иловайскій, Павелъ, ген., 1811 г. т. CXLIИ, авг., 361

Ильенковъ, А. сообщ.: „Оригинальная резолюція епископа смоленскаго Иосифа I-го“, т. CXLIИ, окт., 165—166.

Ильинъ, А. А., владѣлецъ картографич. заведенія, 1881 г., т. CXLIИ, сент., 406, 407.

Имеретинскій, Александръ Арчилловичъ, ген.-фельдцейхмейстеръ, 1700 г., т. CXLIИ, авг., 210.

Имеретинскій, кн. Александръ Констант., ген.-отъ-инфант., нач. шт. варшавскаго воен. округа, р. 1837 г., т. CXLI, мартъ, 535.

Инноцентій (Борисовъ), архіеп. херсонск. и тавричск., † 1857 г., т. CXLIИ, июль, 86.

Ипемланги, Александръ Констант., борецъ за независимость грековъ, † 1828 г., т. CXLIИ, окт., 180, 181.

Ирманъ, ген., 1904 г., т. CXLI, мартъ, 702, 709.

Исаа, митроп., 1700 г., т. CXLIИ, июнь, 638.

І

Іедлинскій, поруч., 1845 г., т. CXLIИ, апр., 187.

Іезберъ, Ѳед. Ив., доцентъ варш. унив., † 1901 г., т. CXLIИ, июнь, 633—634.

Іоанпъ IV, Васильевичъ, Грозный, царь, р. 1530 † 1584 г., т. CXLIИ, май, 373.

Іоанникій (Горскій), еписк. саратовск., 1860 г., т. CXLIИ, дек., 513.

Іосифъ, Сѣмашко, митроп. литовскій, р. 1798 † 1868 г., т. CXLIИ, авг., 240—244.

Іустинъ, въ мѣрѣ Иванъ Охотинъ, архіеп. херсонск. и одесск., р. 1828 † 1907 г., т. CXLI, февр., 442.

Іота, англійск. политич. агентъ, 1885 г., т. CXLIИ, апр., 27—32, 39.

К

Каблуковъ, Н. А., профес. моск. унив., 1881 г., т. CXLIИ, апр., 67, 70.

Кавелинъ, Дмитр. Александр., директ. главн. педаг. инстит. и слб. унив., 1823 г., р. 1818 † 1885 г., т. CXLIИ, нояб., 454.

Кавелинъ, Констант. Дм., писатель профес., † 1885 г., т. CXLIИ, июль, 22.

Кавелинъ, фл.-ад., 1865 г., т. CXLIИ, июль, 18.

Кавелинъ, полковн., 1864 г., т. CXLIИ, апр., 13, 14, 19.

Казанцевъ, полковн., 1885 г., т. CXLI, мартъ, 658, т. CXLIИ, апр., 34.

Казяниновъ, казанск. воен. губери., ген., 1862 г., т. CXLIИ, авг., 237, 238.

Кайзерлигъ, прусскій послан., 1703 г., т. CXLIИ, авг., 215.

Кайсаровъ, капит., адъют. Кутузова, 1811 г., CXLIИ, авг., 345.

Калайдовичъ, Ив., масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр., 336.

Калитинъ, Алексѣй, 1715 г., т. CXLIИ, авг., 218, 219.

Калошинъ, 1864 г., т. CXLIИ, июнь, 484.

Каменскій, Е., сообщ.: «Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 г.г.», т. CXLIИ, июль, 167—182, авг., 341—361, сент., 526—546, т. CXLIИ, окт., 211—230.

- Каменскій**, гр., Николай, 1811 г., т. CXLIII, авг., 346.
- Каменскій**, гр., Сергѣй, 1811 г., т. CXLIII, авг., 345, 346.
- Каменскій**, гр., ген., 1811 г., т. CXLIII, июль, 169, 170, авг., 345, 360.
- Капнистъ**, гр., Пав. Алексѣев., попечит. московск. учебн. окр., т. CXLI, мартъ, 478.
- Каподистрія**, гр., Иоаннъ, русск. и греческій госуд. дѣятель, † 1831 г., т. CXLIV, окт., 183.
- Капцевичъ**, т. CXLII, июнь, 549.
- Каракозовъ** (Михайловъ-Рославлевъ), Мих. Мих., госуд. преступникъ, 1866 г., т. CXLI, янв., 64, т. CXLII, июнь, 491, т. CXLIII, июль, 13, 14, авг., 332.
- Карамзинъ**, Николай Мих., историкъ, р. 1766 † 1826 г., т. CXLII, апр., 172, 173, май, 331, 445, 446, т. CXLIV, окт., 72, нояб., 454.
- Каратыгина**, см. Колосова.
- Каратыгинъ**, Андрей Вас., р. 1774 † 1831 г., т. CXLII, май, 435, 440.
- Каратыгинъ**, Вас. Андр., актеръ, р. 1802 † 1853 г., т. CXLII, апр., 130, май, 439—444, 446, т. CXLIII, авг., 285, т. CXLIV, окт. 73, 76.
- Карганова**, въ зам. Кнаппъ, т. CXLI, янв., 142.
- Карказевичъ**, см. Кракузевичъ.
- Карловичъ**, проф. инжен. акад., 1873 г., т. CXLI, мартъ, 528.
- Карлъ**, король Румынскій, 1877 г., т. CXLIII, авг., 305.
- Карповъ**, В. Д., чинов. мин. внутр. дѣлъ, 1869 г., т. CXLIII, сент., 382.
- Карповъ**, предсѣдат. Рѣчицкой повѣрочной по крестьянск. дѣламъ комиссiи, 1864 г., т. CXLII, апр., 14.
- Картавцевъ**, Е. Э., управл. крест. Поз. Банка, т. CXLIV, нояб., 418, 419, дек., 665, 666.
- Карцова** см. Христофовичъ.
- Карцовъ**, Александръ Петров., ген.-ад.-воен. писат., † 1875 г., т. CXLI, мартъ, 642, 643.
- Карцовъ**, Пав. Петр., ген., † 1892 г., т. CXLII, июнь, 622, 623.
- Карцовъ**, Ю. С., секрет. посольства въ Константинополь 1894 г., т. CXLIV, нояб., 372—378.
- Кассо**, мн-ръ народн. просв., 1910 г., т. CXLIV, дек., стр. VI.
- Кастеляновъ**, подполковн., 1832 г., т. CXLIII, июль, 63.
- Катакази**, 1864 г., т. CXLII, июнь, 485.
- Катенинъ**, Александръ Андр., ген.-ад., ген.-губерн. оренбургскій и самарскій, р. 1803 † 1860 г., т. CXLII, май, 435, 436.
- Катенинъ**, Пав. Александр., писат., р. 1792 † 1853 г., т. CXLII, апр., 127—137, май, 435—446, т. CXLIII, авг., 281—287, т. CXLIV, окт., 71—78, нояб., 405—409.
- Катенинъ**, Фед. Андр., офиц., 1823 г., т. CXLIII, авг., 286.
- Катковъ**, Мих. Никифор., публиц., р. 1818 † 1887 г., т. CXLI, янв., 6, 18—20, 42, 191, мартъ, 476, т. CXLII, май, 309, т. CXLIV, окт., 8, нояб., 397, 412, дек., 662—664.
- Каульбарсъ**, бар., 1878 г. т. CXLIII, авг., 335, 338.
- Кауницъ**, гр., 1699 г., т. CXLIII, авг., 203.
- фонъ-Кауфманъ**, шт.-капит., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Кауфманъ**, Констант. Петров., ген.-губ. с.-в. края, вполн. Туркест. ген.-губ., † 1882 г., т. CXLII, апр., 12—23, т. CXLIII, июль, 13.
- Кахановъ**, М. С., т. CXLIII, сент., 522.
- Качаловъ**, Н. А., архангельск. губерн., 1871 г., т. CXLII, июнь, 566—571.
- Качени**, подполк., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Каченовскій**, Мих. Троф., историкъ, журнал. и проф. московск. унв., редакт. «Вѣстника Европы», р. 1776 † 1842 г., т. CXLI, мартъ, 487, т. CXLII, май, 438, т. CXLIII, авг., 282—285, т. CXLIV, окт., 72, 78.
- Кашкаровъ**, П. А., чиновн. спб. казенной палаты, т. CXLI, мартъ, 678.
- Квистъ**, Оскаръ Ильичъ, гофмейст.-двора вел. княг. Елены Павловны, † 1890 г., т. CXLII, июнь, 571.
- Кедровъ**, Пав. Ив., студ., 1866 г., т. CXLIV, окт., 14, 17, 19.
- Кейзерлингъ**, графиня, 1871 г., т. CXLII, июнь, 571.
- Келлеръ**, княгиня, см. Барятинская.
- Кене**, бар., т. CXLIII, июль, 24, 28, 29.
- Кетчеръ**, докторъ, 1830 г., т. CXLII, июнь, 533.
- Кидошенковъ**, казначей дѣйствующей армiи, 1877 г., т. CXLIII, авг., 301, 302.
- Кижинъ**, П. Е., адъют., 1812 г., т. CXLIV, окт., 146.
- Киленинъ**, подполковн., 1904 г., т. CXLII, апр., 110.
- Кирковъ**, редакт. «Новаго Временя», 1864 г., т. CXLII, июнь, 489, 491.
- Кирничевъ**, Л. Л., профес., 1878 г., т. CXLII, апр., 203.
- Кирѣева**, см. Новикова.
- Кирѣева**, Анна Ив., т. CXLIV, нояб., 372.
- Кирѣева**, Ольга А., въ зам. Новикова, т. CXLIV, нояб., 372.
- Кирѣевъ**, Александръ Алексѣев., ген.,

- публицистъ, 1890 г., т. CXLI, февр., 410, 420, т. CXLIИ, авг., 323.
- Кирѣевъ**, Николай Алексѣев., офиц., чл. славянск. благотворит. об-ва, † 1876 г., т. CXLI, февр., 405—422, мартъ, 555—564, т. CXLIИ, июль, 138—140, 154.
- Киселевъ**, Н. Д., посоль въ Италиі 1864 г., т. CXLIИ, апр., 228.
- Киселевъ**, гр. Пав. Дм., мн-ръ госуд. им. р. 1788 † 1872 г., т. CXLI, мартъ, 524, т. CXLIИ, окт., 183.
- Кнестеръ**, Ѳедоръ Ив., проф., масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр., 336, 341.
- Кіамиль-паша**, великій визирь, т. CXLI, февр., 378, мартъ, 572—580, т. CXLIИ, апр., 50—52, июнь, 554, т. CXLIИ, авг., 194.
- Клейгельсъ**, Н. В. фл.-адъют., варш. оберъ-полицейм., т. CXLIИ, нояб., 418.
- Клейнмихель**, гр., Петръ Андреев. госуд. дѣятель, † 1869 г., т. CXLIИ, сент., 498.
- Клейнмихель**, 1872 г., т. CXLI, янв., 151.
- Клейнъ**, ген.-маіоръ, 1868 г., т. CXLIИ, сент., 389.
- Клемченковъ**, 1855 г., т. CXLIИ, июль, 102.
- Климовъ**, предсѣдат. новгородск. повѣрочной по крестьянск. дѣламъ комиссіи, 1864 г., т. CXLIИ, апр., 14, 15, 24.
- Клокачевъ**, Николай Павл., помѣщ., 1872 г., т. CXLI, янв., 135.
- Клюки-фонъ-Клюгенау**, Францъ Карлов., кавказск. генераль, † 1851 г., т. CXLIИ, апр., 186, т. CXLIИ, окт., 84.
- Ключаревъ**, капит., 1845 г., т. CXLIИ, апр., 189.
- Ключевскій**, Вас. Осип., профес. рус. исторіи, т. CXLIИ, апр., 155—158.
- Ключниковъ**, 1855 г., т. CXLIИ, июль, 103.
- Книримъ**, Ив. Ѳед., юристъ, 1874 г., т. CXLIИ, нояб., 253—255.
- Кнопъ**, бар., А. А., 1808 г., т. CXLIИ, июнь, 543, 551.
- Княжевичъ**, Александръ Макс., мн-ръ финансовъ, р. 1792 † 1870 г., т. CXLI, янв., 205, 217.
- Кобеко**, Ѳ. Ѳ., т. CXLI, мартъ, 623.
- Ковалевскій**, В. А., сообщ.: „Командировка дивизіона лейбъ-драгунъ въ Финляндію въ г. Вильманстрандъ, въ лагерь финскихъ войскъ въ 1888 г.“, т. CXLIИ, июль, 65—82.
- Ковалевскій**, Влад. Ив., сельск. хозяинъ и администрат. финансистъ, 1878 г., т. CXLIИ, сент., 411, 412.
- Ковалевскій**, Евгр. Петров., государ. дѣятель, † 1886 г., т. CXLIИ, май, 386, июнь, 575.
- Ковалевскій**, Егоръ Петров., путешествен. и писат., р. 1811 г., т. CXLI, янв., 35.
- Ковалевскій**, Максимъ Максимов., проф., моск. унив., 1876 г., т. CXLI, февр., 300, мартъ, 478—482, 486—491, 501, т. CXLIИ, 308—312, т. CXLIИ, окт., 9.
- Ковалевскій**, Мих. Евграфов., судебный дѣятель, † 1884 г., т. CXLIИ, сент., 523.
- Ковалевскій**, П. М., сообщ.: „Переписка Карла IX-го съ самозванцами“, т. CXLI, янв., 22—46.
- Ковалевскій**, полковн., † 1845 г., т. CXLIИ, апр., 188, 198, 199, т. CXLIИ, дек., 521—531.
- Кованько**, ротм., 1845 г., т. CXLIИ, апр., 189.
- Коганъ**, поставщикъ, 1877 г., т. CXLI, мартъ, 532, 539.
- Кожевниковъ**, милскій губерн., 1864 г., т. CXLI, февр., 247—251, 255, 256, 262, 268, 269, т. CXLIИ, апр., 3, 21.
- Козловскій**, Викентій Мих., команд. Кабардинскаго полка, 1845 г., т. CXLIИ, апр., 188.
- Козловскій**, И. П., сообщ.: „Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго“, т. CXLIИ, авг., 203—219.
- Козловскій**, ксендзъ, 1864 г., т. CXLIИ, июнь, 489.
- Козляниновъ**, ген., начальн. артил., 1845 г., т. CXLIИ, апр., 188.
- Кожошкина**, г-жа, т. CXLIИ, дек., 508.
- Колосова**, Александра Мих., въ зам. Каратыгина, артистка р. 1802 † 1880 г., т. CXLIИ, апр., 130, май, 446, т. CXLIИ, авг., 282, 287, т. CXLIИ, окт., 73, 77, нояб., 405—408.
- Колосова**, Евгения Ив., танцовиц., р. 1782 † 1869 г., т. CXLIИ, авг., 282, 287, т. CXLIИ, окт., 73.
- Колосовъ**, Н. Н., вице-директ. департ. внутрен. торговли, т. CXLI, февр., 465.
- Колосовъ**, акушеръ, 1872 г., т. CXLI, янв., 13, т. CXLIИ, нояб., 251.
- Кольцовъ**, Алексѣй Вас., поэтъ, р. 1808 † 1842 г., т. CXLI, мартъ, 685.
- Колюбакинъ**, Б. М., сообщ.: „Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года. (Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845)“, т. CXLIИ, апр., 185—201, май, 291—306, т. CXLIИ, окт., 79—94, нояб., 273—288, дек., 518—532.
- Колюбакинъ**, Николай Петров., капит., 1845 г., вполсѣд. кутаиск. воен. гу-

- берн., съ 1868 г., сенаторъ, т. CXLII, апр., 188, май, 294.
- Колюбакинъ**, сепат., 1863 г., т. CXXI, янв., 19.
- Комарова**, фрейлина, въ зам. графиня Шувалова, т. CXLIV, нояб., 379.
- Комаровъ**, Александръ Виссаріон., ген.-лейт., 1883 г., т. CXXI, мартъ, 644—664, т. CXLII, апр., 26—44.
- Комаровъ**, секрет. посольства въ Константинополь 1894 г., т. CXLIV, нояб., 372, 377.
- Комаровскій**, гр., т. CXLIV, дек., стр. XV.
- Кондратенко**, Романъ Исидоров., ген., † 1904 г., т. CXXI, мартъ, 712.
- Кондоиди**, лейбъ-медикъ Елисавет. Петр., т. CXLIV, нояб., 342.
- Кони**, Анат. Фед., сенат., сообщ.: „Жителскія встрѣчи“, т. CXXI, янв., 3—21, т. CXLII, июнь, 527—552, 605—608, „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“, т. CXLIV, нояб., 231—257, декабр., 469—483, факсимиле съ письма Л. Н. Толстого, прилож. къ декабр. книгѣ, упом., окт., 109, нояб., 357, дек., стр. VI.
- Коноваловъ**, Н., сообщ.: „С.-Петербургская духовная академія“ (1809—1909). (Краткій очеркъ ея исторіи за 100 л. существованія), т. CXLII, май, 404—422.
- Константиновъ**, ген.-маіоръ, 1856 г., т. CXXI, мартъ, 638, 639.
- Константиновъ Николаевичъ**, великій князь, р. 1827 † 1892 г., т. CXXI, янв., 211, 212, 217, февр., 462, т. CXLIII, июль, 5, 138, 151, авг., 323—331, септ., 387, т. CXXIV, окт., 205, дек., 660—661.
- Константиновъ Павловичъ**, цесаревичъ, р. 1772 † 1831 г., т. CXLIV, окт., 140—142, дек., 567—582.
- Коптевъ**, чиновн. особ. поруч. при моск. ген.-губерн., 1849 г., т. CXLII, июнь, 536.
- Корбъ**, секретарь цесарскаго посольства 1698 г., авт. дневника, т. CXLIII, авг., 204, 213.
- Корниловъ**, А. Л., камер., 1909 г., т. CXLII, июнь, 544.
- Корниловъ**, А. П., 1909 г., т. CXLII, июнь, 546.
- Корниловъ**, Влад. Алексѣев., адмиралъ, † 1854 г., т. CXLIII, июль, 88.
- Корниловъ**, офицеръ † 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Коробьинъ**, В. Г., юристъ, т. CXLIV, нояб., 359.
- Корсаковъ**, офицеръ † 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Корсакъ**, поруч., 1863 г., т. CXLII, май, 360, 361.
- Корфъ**, гр., Модестъ Андр., ст.-секрет., госуд. дѣятель, р. 1800 † 1872 г., т. CXLII, июнь, 595.
- Корфъ**, гр., М. М., т. CXLII, июнь, 595, 599, 600.
- Корфъ**, бар., Ю. Ф., т. CXXI, янв., 223.
- Корфъ**, бар., 1879 г., т. CXLIII, авг., 279.
- Коршъ**, Фед. Адамов., основатель московск. театра, 1882 г., т. CXLII, май, 275.
- Косминъ**, подпоруч., 1885 г., т. CXLII, апр., 39.
- Костомаровъ**, Николай Ив., историкъ, р. 1817 † 1885 г., т. CXXI, янв., 15, т. CXLIII, авг., 242.
- Котовичъ**, полковн., бригадн. команд., т. CXLIV, нояб., 426.
- Кочетовъ**, Евг. Львов., корресп. и фельетон., 1866 г., т. CXLIV, окт., 14, 15, 17, 18, 19, 20.
- Кочубей**, гр., Викт. Павл., мн-ръ вн. дѣлъ, вполн. вице-консул., р. 1768 † 1834 г.г. т. CXXI, февр., 334.
- Кошелева**, Ольга Фед., 1850 г., т. CXLII, июнь, 633.
- Кошелевъ**, Александръ Ив., публиц., р. 1806 † 1883 г., т. CXXI, янв., 9, февр., 463, 469, т. CXLII, апр., 23, 24.
- Кояловичъ**, Мих. Іосифов., профес. спб. духовн. акад., 1864 г., т. CXLII, июнь, 484, т. CXLIII, июль, 5, 7, 22, 24, 34, авг., 241, 242.
- Краевскій**, Андрей Александр., изд. „Голоса“, р. 1810 † 1889 г., т. CXXI, янв., 26, 29, 39, т. CXLII, апр., 141, т. CXLIII, июль, 116.
- Кракузевичъ**, помѣщ., 1863 г., т. CXLII, май, 365, 367.
- Крамской**, Ив. Пв., художн., р. 1837 1887 г., т. CXXI, янв., 46.
- Крапоткинъ**, кн., харьковск. губерн., 1879 г., т. CXLIII, авг., 270.
- Красильниковъ**, Петръ, масонъ, 1826 г., т. CXXI, февр., 336.
- Красновъ**, П., т. CXLIV, дек., стр. XIII.
- Краснопольскій**, слѣдователь, 1860 г., т. CXLIV, нояб., 235, 236.
- Краснофѣвковъ**, С. Ф., протопресв., 1807 г., т. CXLII, май, 408.
- Красовскій**, подполковн., 1811 г., т. CXLIV, окт., 228, 229, 230.
- Красовскій**, Аванасій Пв., ген.-ад., † 1843 г., т. CXLIII, септ., 427.
- Креминскій**, офиц., 1879 г., т. CXLIII, авг., 278.
- Кривошеевъ**, подп., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Кривцовъ**, Вас. Григ., плацъ-маіоръ омской крѣпости, 1864 г., т. CXXI, мартъ, 620.

Кривцовъ, полковн., 1811 г., т. CXLIII, июль, 180, 182.
Криднеръ, баронесса, Юлія, проповѣдница, т. CXLII, апр., 160, т. CXLIV, окт., 184.
Кричинскій, артиллеристъ, 1851 г., т. CXXI, мартъ, 639.
Крохъ, полковн., 1877 г., т. CXLII, июнь, 623.
Кроненбергъ, банкиръ, 1863 г., т. CXXI, февр., 471, 472.
Крохинъ, В. П., сообщ.: „Какъ возникла въ гор. Сердоболѣ финская учительская семинарія и какъ она офиниваетъ Карелию“, т. CXXI, янв., 81—92.
Крузе, земск. дѣятель, т. CXLII, апр., 147.
Круковская, Елизавета Павловна, въ зам. Олешкевичъ, т. CXLIII, авг., 241.
Круковская, Марія Ивановна, † 1891 г., т. CXLIII, авг., 243.
Круковский, Анд., сообщ.: „Страничка изъ исторіи бѣлорусскаго духовенства“ (воспоминанія о протоіерѣ Павлѣ Ивановичѣ Круковскомъ), т. CXLIII, авг., 240—245.
Круковский, Вас. Павл., т. CXLIII, авг., 241.
Круковский, Павелъ Ив., протоіер., 1863 г., т. CXLIII, авг., 240—245.
Крушинскій, предводит. дворянства минск. губ., 1864 г., т. CXLII, апр., 10.
Крыжановскій, Никол. Андр., ген.-отъ - артиллер., оренб. ген. - губерн., 1867 г., р. 1818 † 1888 г., т. CXXI, февр., 263—266, 269.
Крыловъ, Никита Ив., проф., 1875 г., т. CXXI, мартъ, 490, 491.
Крюковский, М. В., драмат. писат., 1807 г., т. CXLIV, окт., 76.
Кудашевъ, ген.-м., 1845 г., т. CXLIV, дек., 526.
Кудрявцевъ, Е. А., сенат., т. CXLIV, нояб., 357, 359.
Кудрявцевъ, Н. П., сообщ.: „Н. И. Пироговъ по документамъ Московской Троицкой, въ Сыромятникахъ, церкви, (историческая справка), т. CXLIV, дек., 614—616.
Кудрявцевъ, директ. церемоніальной экспедиціи, т. CXXI, янв., 208.
Куломзинъ, Андрей Никол., ст. секрет., т. CXLIII, июль, 39.
Кузень, 1824 г., т. CXLIV, дек., 581.
Кузень, проповѣдн., 1867 г., т. CXLIII, авг., 291.
Кунцевичъ, Иосафатъ, ксендзъ, 1865 г., т. CXLIII, июль, 7.
Куплевацскій, Н. О., проф., т. CXLIV, дек., 495.
Курбатовъ, Александръ, масонъ, 1826 г., т. CXXI, февр., 336.

Курбатовъ, Петръ, масонъ, 1826 г., т. CXXI, февр., 336.
Курганскій, свящ., т. CXLII, апр., 217.
Курнатовскій, ген.-маіоръ, 1819 г., т. CXLII, май, 428.
Куропаткинъ, Алексѣй Никол., воен. ин-ръ, главнокоманд., 1904 г., т. CXXI, мартъ, 702, 703, т. CXLII, май, 258, 259, июнь, 612, т. CXLIII, сент., 412, т. CXLIV, нояб., 397.
Курочкинъ, капит., 1885 г., т. CXLII, апр., 39.
Кутейниковъ, полковн., фл.-ад., 1877 г., т. CXLII, июнь, 623.
Кутейниковъ, 1811 г., т. CXLIII, авг., 349.
Кутровъ, 1855 г., т. CXLIII, июль, 103.
Кутузова, см. графиня Тизенгаузенъ.
Кутузовъ, гр., Александръ Вас., ген.-маіоръ, воен. агентъ въ Берлинѣ. т. CXLII, май, 448.
Кутузовъ, В. М., т. CXLIV, окт., 169.
Кутузовъ-Голенищевъ, гр., Вас. Павлов., ген.-маіоръ, воен. агентъ при прусской главной квартирѣ † 1873 г., т. CXLII, май, 447—450, т. CXLIV, окт., 167, 168, 170, 171, 172.
Кутузовъ - Голенищевъ, кн., Мих. Иллар., фельдмарш., р. 1745 † 1813 г., т. CXXI, февр., 330, 331, т. CXLIII, июль, 167—181, авг., 341—360, сент., 534—546, т. CXLIV, окт., 211—230, дек., 617, 619, 622.
Кутузовъ, Пав., ген., 1811 г., т. CXLIII, авг., 345.
Кухта, дипломатъ, т. CXLIV, нояб., 377, 379.
Кушакевичъ, Александръ Яковл., инспект. воен.-учебн. завед., 1840 г., т. CXXI, мартъ, 626.
Кушелевскій, студентъ, 1863 г., т. CXLII, май, 351.
Кюн, Цезарь Антонов., инженеръ-генераль, профес., композит., р. 1835 г., т. CXXI, февр., 363.
Кюн, см. Бамбергъ.

Л

Лабынцевъ, Ив. Мих., ген., 1845 г., т. CXLII, апр., 186, 188, 192, 198, 199, т. CXLIV, нояб., 285, 286, дек., 522.
Лавинскій, сибирск. губерн., 1869 г., т. CXLIII, сент., 382.
Лаврентьевъ, Александръ Ив., ген.-отъ-инфант., редакт. «Военнаго Сборника» и «Русскаго Инвалида», р. 1831 † 1894 г., т. CXXI, мартъ, 640, 641.
Лавровъ, Петръ Лавров., эмигрантъ, 1870 г., т. CXLII, апр., 146.
Лазаревъ, Мих. Петр., вице-адмир., р. 1788 † 1851 г., т. CXLIII, июль, 87.

*

- Лазебниковъ**, ротм., 1845 г., т. CXLI, апр., 188.
- Ламанскій**, Влад. Ив., сотрудн. газеты «Русскій Инвалидъ», секрет. географич. Общ., р. 1833 г., т. CXLI, янв., 209, 220, т. CXLI, июнь, 484.
- Ламанскій**, Евг. Ив., управл. госуд. банкомъ, мн-рь финанс. р. 1825 г., т. CXLI, июнь, 570, 571, т. CXLI, июль, 158, т. CXLI, нояб., 367, 368.
- Ламанскій**, К. И., прокур., т. CXLI, окт., 201, нояб., 245.
- Ламедорфъ**, ген., 1811 г., т. CXLI, авг., 346.
- Лангенсъ**, артиллеристъ, 1851 г., т. CXLI, мартъ, 639.
- Ландсбергъ**, г-жа, 1831 г., т. CXLI, авг., 230—232.
- Ланжеронъ**, гр. Александръ Фед., ген.-отъ-инфант., р. 1763 † 1831 г., его записки, т. CXLI, июль, 167—182, авг., 341—361, сент., 526—546, т. CXLI, окт., 211—230.
- Ланниъ**, Н. П. фабрикантъ, 1886 г., т. CXLI, апр., 94, 95.
- Ланской**, гр., Сергій Степ., мн-рь внут. дѣль. масонъ, р. 1787 † 1862 г., т. CXLI, янв., 210, 212, т. CXLI, июль, 4.
- Ланской**, офиц., 1811 г., т. CXLI, авг., 345.
- Ланно**, 1864 г., т. CXLI, февр., 250.
- Лантева**, см. Долгорукая.
- Лантевъ**, полковн., 1811 г., т. CXLI, июль, 176, авг., 357.
- Ларионовъ**, жандармск., полковн., 1862 г., т. CXLI, авг., 238, 239.
- Ларошъ**, Г. А., проф. консерват., т. CXLI, февр., 365.
- Ласковский**, Фед. Павл., инженер. офиц., 1863 г., т. CXLI, янв., 151, т. CXLI, май, 362, 363.
- Лашкаревъ**, ген.-майоръ, 1877 г., т. CXLI, июнь, 622.
- Лашковъ**, Н. А., сообщ.: «Пребываніе Императора Александра I въ с. Грузино, Новгородскаго уѣзда, Новгородской губерніи, 7 іюня 1810 г.», т. CXLI, июль, 107—114, «Завѣщательныя распоряженія» графа А. А. Аракчеева, собственноручно написанныя на листахъ напрестольнаго Евангелія 1833 года [въ Андреевскомъ соборѣ села Грузино], сент., 491—498.
- Лебедевъ**, Ал. Алекс., сообщ.: «Два повелѣнія Петра Великаго», т. CXLI, 93—94, упом. т. CXLI, июль, 150, 160, 161, авг., 308—310, «Николай Гавриловичъ Чернышевскій», т. CXLI, дек., 501—517.
- Лебедевъ**, Петръ Семенов., профес. редакторъ «Русскаго Инвалида» въ 1855—1861 г., т. CXLI, мартъ, 642, 643.
- Лебединцевъ**, Ф. Г., писатель, т. CXLI, июнь, 631.
- Левашевъ**, подп., 1845 г., т. CXLI, апр., 188.
- Левиссонъ**, подп., 1845 г., т. CXLI, апр., 188.
- Левинскій**, Казиміръ Вас., генер. 1878 г., т. CXLI, янв., 159—164, 167, февр., 351—362, мартъ, 525—542, т. CXLI, апр., 138—140, июнь, 609—611.
- Левкинъ**, Ив., аптекаръ, 1702 г., т. CXLI, авг., 212, 213.
- Левшинъ**, Алексій Иракліев., тов. мн. внут. дѣль, чл. госуд. совѣта, р. 1799 † 1879 г., т. CXLI, янв., 52, февр., 268, т. CXLI, апр., 19, 23, июнь, 484, т. CXLI, июль, 156.
- Левшинъ**, Фед. Алексѣев., 1876 г., т. CXLI, июль, 156.
- Легонинъ**, Викт. Алексѣев., проф., 1875 г., т. CXLI, мартъ, 488.
- Лейхтенбергскій**, герцогъ, Николай Максимилиановичъ, ген.-ад., р. 1843 † 1890 г., т. CXLI, апр., 211—214, 222, 223, т. CXLI, июль, 155.
- Лелонгъ**, прокур., 1860 г., т. CXLI, нояб., 246.
- Лемсденъ**, ген., 1885 г., т. CXLI, апр., 40.
- Леонтовичъ**, офиц., 1811 г., т. CXLI, авг., 358.
- Леонтьевъ**, Конст. Николаев., публицистъ, † 1891 г., т. CXLI, мартъ, 476, 477, т. CXLI, окт., 8, нояб., 412.
- Леонтьевъ**, офицеръ, 1845 г., т. CXLI, апр., 188.
- Лернеръ**, Н., сообщ.: «Неизданныя письма К. Н. Батюшкова», т. CXLI, нояб., 453—454, упом. мартъ, 682, 693.
- Лессаръ**, Пав. Мих., инженер., р. 1851 г., т. CXLI, мартъ, 652.
- Лессепсъ**, Фердинандъ, строитель Суэцкаго канала, р. 1805 † 1894 г., т. CXLI, май, 462—464.
- Лестокъ**, гр., Іоганнъ-Германъ, лейб-хирургъ, р. 1692 † 1767 г., т. CXLI, нояб., 347.
- Лешковъ**, Вас. Николаев., деканъ моск. унив., юристъ, р. 1810 † 1881 г., т. CXLI, окт., 9.
- Либрихъ**, Никол. Ив., скульпторъ, р. 1828 † 1883 г., т. CXLI, янв., 153.
- Либхардъ**, пѣвецъ, т. CXLI, мартъ, 545.
- Ливень**, гр., Христофоръ Андр., ген.-ад., р. 1777 † 1838 г., т. CXLI, февр., 350, т. CXLI, окт., 190.
- Ливень**, бар., 1866 г., т. CXLI, апр., 149, 150.
- Лидерсъ**, гр., Александръ Никол., ген.-ад., команд. 5-мъ пѣхотн. корпуса,

- р. 1790 † 1874 г., т. СХЛII, апр. 186, 196, т. СХLIV, нояб., 283.
- Лиліенфельдъ-Тоаль, В. Ф.**, губери., т. СХLIV, нояб., 359.
- Лиліенфельдъ-Тоаль, Пав. Ѳедор.**, митавск. губери., социологъ, р. 1829 г., т. СХLIII, авг., 338, 339.
- Линдестремъ, Влад. Влад.**, контръ-адм., т. СХLIV, окт., 140, 141.
- Линдестремъ, Петръ Ив.**, масонъ, лейбъ-медикъ, 1812 г., т. СХLIV, окт. 140—142.
- Липно, полковн.**, 1811 г., т. СХLIII, июль, 182.
- Лисаневичъ, ген.**, 1811 г., т. СХLIII, июль, 177, авг., 341.
- Лисенко, ген.-м.**, 1855 г., т. СХLIII, июль, 95, 98.
- Литвиновъ, Алексд. Васил.**, помѣщ., 1834 г., т. СХLIV, дек., 645—647.
- Литъе, гр.**, Ѳед. Петр., презид. акад. наукъ, р. 1797 † 1882 г., т. СХLII, янв., 208, 209.
- Литта, графиня, ст.-дама**, 1808 г., т. СХLII, февр., 323.
- Лихачевъ, Влад. Ив.**, спб. городск. голова, сенат., р. 1837 г., т. СХLIV, окт., 11, нояб., 357, 358.
- Лихонинъ, Орестъ Семен.**, полковн., директоръ Александровск. корпуса, т. СХLII, мартъ, 630, т. СХLIII, авг., 294.
- Лобановъ, Мих. Евстафьев.**, переводч., р. 1787 † 1846 г., т. СХLII, май, 441.
- Лобановъ-Ростовскій, кн.**, Алексѣй Борис., посолъ въ Константи., вполн. мн-ръ иностран. дѣлъ, р. 1824 г., т. СХLII, мартъ, 682.
- Лобановъ-Ростовскій, кн.**, Михайль, 1845 г., т. СХLII, апр., 188, 200, т. СХLIV, окт., 82.
- Ловичъ, княгиня, Жанета Антонов.** супруга вел. кн. Константина Павловича, р. 1795 † 1831 г., т. СХLIV, дек., 567.
- Ловягинъ, Евграфъ Ив.**, проф., 1860 г., т. СХLII, май, 419.
- Лодій, Петръ Дм.**, проф. спб. педагогич. института, юристъ, р. 1764 † 1829 г., т. СХLII, май, 410.
- Лодеръ, Христіанъ Ив.**, лейбъ-медикъ, масонъ, р. 1753 † 1832 г., т. СХLII, февр., 335—337.
- Лонгиновъ, Никол. Мих.**, секрет. императрицы Елисаветы Алексѣевны, т. СХLII, апр., 165, 168, 173, 174, май, 334, 347, 376, т. СХLIV, нояб., 298, 299.
- Лонгиновъ, поруч.**, 1845 г., т. СХLII, апр., 187, т. СХLIV, окт., 79.
- Лопухинъ, кн.**, Петръ Вас., мн-ръ юстиціи съ 1808—1810 г., р. 1753 † 1827 г., т. СХLII, май, 451.
- Лорисъ-Меликовъ, гр.**, Мих. Таріел., ген.-адъют., мн-ръ внутр. дѣлъ, р. 1825 † 1888 г., т. СХLII, мартъ, 507, 646, т. СХLIII, апр., 73, т. СХLIII, авг., 328, 333, 336, сент., 522—525, т. СХLIV, окт., 203—206, 210, нояб., 365, 366, 376.
- Лосевъ, Николай**, губери. секрет., 1826 г., т. СХLII, февр., 336.
- Лугининъ, Влад. Ѳед.**, химикъ, т. СХLIII, сент., 484.
- Лугининъ, В.**, сообщ.: „Свиданіе съ Маццини“, т. СХLIII, сент., 484—488, „Севастопольскія воспоминанія“ 489—490.
- Лукка, баронесса Радець, пѣвица**, р. 1841 г., т. СХLII, мартъ, 545—548, 551—553.
- Луковкинъ, 1811 г.**, т. СХLIII, июль, 177.
- Лукутинъ, Сем. Андр.**, 1810 г., т. СХLIV, дек., 615.
- Лысцевъ, 1872 г.**, т. СХLII, янв., 135, 137, 143.
- Любимовъ, проф.**, 1875 г., т. СХLII, мартъ, 477, т. СХLIV, окт., 8.
- Любичъ-Романовичъ, Вас. Игнат.**, писат., воспит. Нѣжинскаго Безбородковскаго лицея, р. 1805 † 1888 г., т. СХLII, янв., 65—73.
- Любомирскій, кн.**, предводит. двор., 1863 г., т. СХLII, май, 358, июнь, 463.
- Любоцинскій, Маркъ Николаевичъ**, † 1889, сенат., т. СХLII, янв., 223, 224.
- Фонъ-Людевичъ, прапорщ.**, 1813 г., т. СХLII, янв., 182, 186.
- Людоговскій, чиновн. госуд. имущ.**, 1869 г., т. СХLIII, сент., 382.
- Лященко, А. I.**, т. СХLII, мартъ, 686.

М

- Магавли, гр.**, Іоганнъ-Филиппъ-Христофъ, окулистъ, 1880 г., т. СХLII, янв., 228, февр., 459.
- Мадзини, Джузеппе**, итальянскій политич. дѣятель, р. 1808 † 1872 г., т. СХLIII, сент., 484—488.
- Майковъ, Аполлонъ Александров.**, директ. императорск. театровъ, р. 1761 † 1838 г., т. СХLII, май, 439.
- Майковъ, Апол. Никол.**, поэтъ, р. 1821 † 1897 г., т. СХLII, янв., 195.
- Майковъ, поруч.** 1857 г. т. СХLII, мартъ, 676
- Макарій, въ мѣрѣ Мих. Петр.** Булгаковъ, митроп. московск. 1858 г., ректоръ спб. дух. акад., р. 1816 † 1882г.

- т. CXLI, мартъ, 672, т. CXLII, май, 416, т. CXLIII, июль, 86.
- Макаровъ**, Алексѣй Вас., кабинетъ-секретарь Петра I, † 1750 г., т. CXLIII, авг., 218.
- Макаровъ**, Ст. Ос., вице-адмир., р. 1843 † 1904 г., т. CXLIV, нояб. 380, 390.
- Макаровъ**, магистрантъ, 1874 г., т. CXLI, февр., 271.
- Макарскій**, инженер. путей сообщ., 1879 г., т. CXLI, мартъ, 529, 530.
- Макинъ**, В. П., преподаватель 1849 г., т. CXLI, мартъ, 633.
- Маковскій**, Конст. Егор., художникъ, 1886 г., т. CXLI, янв., 36.
- Максимовъ**, диплом., т. CXLIV, нояб., 377, 379.
- Макшеевъ**, Ф. А., редакт. „Русскаго Инвалида“, 1910 г., сообщ.: „О П. К. Меньковѣ“. (По поводу статьи С. П. Зыкова, „Наброски изъ моей жизни“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“, за 1910 г., т. CXLII, июнь, 613—615, т. CXLIII, июль, 106.
- Макъ-Магонъ**, гр., маршалъ, р. 1808 † 1893 г., т. CXLIII, авг., 325, 326.
- Малковскій**, К. О., сенат. юристъ, 1892 г., т. CXLIV, нояб., 359.
- Маловъ**, Мих. Яковл., проф., масонъ, 1826 г., т., CXLI, февр., 336, 341, 342.
- Мальцевъ**, Ив. Сергѣев., владѣлецъ заводовъ, т. CXLI, февр., 311, 312, т. CXLIII, сент., 509, 510.
- Мамоновъ**, см. Дмитріевъ-Мамоновъ.
- Мамонтовъ**, Анатолій Ив., типографщикъ, т. CXLI, февр., 303.
- Манасенинъ**, Николай Авксентьевичъ, мн-ръ юстиціи, р. 1835 † 1895 г., т. CXLIV, нояб., 361.
- Мансфельдъ**, англ. консулъ въ Польшѣ, т. CXLIV, дек., 638.
- Мантейфель**, гр., ген. 1811 г., CXLIII, июль, 177, авг., 341, 342.
- Маріо**, гр. пѣвецъ, р. 1812 † 1883 г., т. CXLI, мартъ, 545, 553.
- Марія Александровна**, императрица, р. 1824 † 1880 г., т. CXLII, апр., 179, т. CXLIII, июль, 19, 155.
- Марія Александровна**, великая княжна, въ зам. герцогиня Единбургская, 1881 г., т. CXLII, апр., 75.
- Марія Николаевна**, вел. княг., въ зам. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 † 1879 г., т. CXLI, янв., 97, т. CXLII, апр., 212, т. CXLIII, авг., 232.
- Марія**, Брауншвейгская, принцесса, † 1808 г., т. CXLI, февр., 323.
- Марія Феодоровна**, императрица, супруга императора Александра III, р. 1847 г., т. CXLII, апр., 98, июнь, 566.
- Марія Феодоровна**, императрица р. 1759 † 1828 г., т. CXLI, янв., 235, т. CXLII, апр., 166, май, 329, т. CXLIV, нояб., 298, 304—308.
- Марки**, судебн. слѣдов. 1888 г., т. CXLIV, нояб., 242—244.
- Марковъ**, Евгеній, ген.-лейт., 1811 г., т. CXLIII, авг., 352, 359—361, сент., 529, 534—546.
- Марселісъ**, Петръ, голланд. купецъ, 1637 г., т. CXLIII, сент., 433—440.
- Масловъ**, управл. государств. имущ., т. CXLII, май, 308.
- Матвѣевъ**, Леонтій, подьячій, 1702 г., т. CXLIII, авг., 213.
- Маццини**, см. Мадзини.
- Медвѣдева**, артистка моск. театра, т. CXLI, янв., 102.
- Медемъ**, бар., Мих. Н., сенат., р. 1831 г., юристъ, т. CXLIV, нояб., 359.
- Медемъ**, гр., Никол. Никол., помощн. варшавск. ген.-губерн., 1894 г., т. CXLIV, нояб., 415.
- Мезенцовъ**, Николай Влад., ген.-ад., шефъ жандарм., † 1878 г., т. CXLI, мартъ, 622, т. CXLIII, июль, 17, авг., 329.
- Мейендорфъ**, бар., русскій повѣрен. въ дѣлахъ при папск. дворѣ, 1865 г., т. CXLIII, июль, 11, 12.
- Фонъ-Мекъ**, Карль Фед., инженер., р. 1821 † 1875 г., т. CXLI, янв., 219.
- Мекленбургская**, принцесса, Елена Георгиевна, 1881 г., т. CXLIV, окт., 205.
- Меликовъ**, кн., Леванъ Ив., помощн. намѣстника кавказск., т. CXLII, апр., 188, т. CXLIV, окт., 87, 91, дек., 522.
- Мелисино**, ген., директ. кадетск. корп., т. CXLIII, июль, 111, 112.
- Меллеръ-Закомельскій**, полк., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Мельниковъ**, А. А., сенат. и юристъ, 1892 г., т. CXLIV, нояб., 359.
- Менгденъ**, В. М., предсѣдат. института ипотечнаго кредита, 1863 г., т. CXLI, февр., 471.
- Менделіни**, докт. ортопедич. института, 1840 г., т. CXLII, июнь, 531.
- Меншиковъ**, Александр. Данилов., госуд. дѣятель въ царств. Петра I, † 1727 г., т. CXLIII, авг., 214.
- Меншиковъ**, кн. Александръ Сергѣев., адм., ген.-ад. р. 1787 † 1869 г., т. CXLII, май, 424, т. CXLIII, июль, 89, 90.
- Меньковъ**, Петръ Кононов., ген.-майоръ, редакт. «Военнаго Сборника» 1867 г., воен. писат., р. 1814 † 1875 г., т. CXLII, апр., 143—145, июнь, 613—615, т. CXLIII, июль, 35, 106.

- Мещериновъ**, Григорій, 1863 г., т. СХLII, май, 369.
- Мещерская**, княжна, пѣвица, т. СХLII, янв., 102.
- Мещерская**, княгиня, 1817 г., т. СХLII, апр., 165.
- Мещерскій**, кн., Влад. Петров., писат., издат. «Гражданина», т. СХLII, апр., 212, июнь, 484, т. СХLIII, июль, 14, 15, сент., 401, 402, т. СХLIV, нояб., 397.
- Мидхадъ** паша, турецк. госуд. дѣят., 1877 г., т. СХLIV, дек., 556—566.
- Миклашевичева**, Варвара Семеповна, рожд. Смагина, р. 1768 † 1846 г., т. СХLIV, нояб., 406, 408.
- Миллеръ**, Всеволодъ Ѳед., этнографъ, писат., р. 1846 г., т. СХLII, мартъ, 501, т. СХLIV, дек., стр. XV.,
- Миллеръ**, Ѳед., т. СХLIV, дек., стр. XVI.
- Милорадовичъ**, гр., Мих. Анд., ген.-лейт., 1809 г., кievск. ген.-губ., 1811 г., апр., слб. ген.-губ., † 1825 г., т. СХLII, мартъ, 524, т. СХLIII, май, 437, 439, т. СХLIII, авг., 346.
- Милошевичъ**, сенат., 1811 г., т. СХLIII, июль, 171.
- Милуковъ**, А. П., писат., т. СХLIV, дек., 504, 505.
- Милютинъ**, гр., Дм. Алексѣев., воен.-ин-ръ, ген.-ад., р. 1816 г., т. СХLII, янв., 47, февр., 362, мартъ, 636, 642, т. СХLIII, апр., 143, 144, 148, 179, май, 256—258, 349, 350, июнь, 484, 494, 495, 506, 522, 614, т. СХLIII, июль, 7—10, 16, 22, 32—40, 43, 48, авг., 302, 329, 336, сент., 382, 386, 400—406, 523, т. СХLIV, окт., 169, 173, 174, нояб., 365, 366, дек., 660, 662.
- Милютинъ**, Николай Алексѣев., тов. ин-ра вн. дѣлъ, р. 1818 † 1872 г., т. СХLII, янв., 206, 212, февр., 254, 463, 469, 470, 474, т. СХLIII, апр., 3, 22, 23, 147, 225, июнь, 484, 502, т. СХLIII, июль, 4—19, сент., 552.
- Мильгаузенъ**, Ѳед. Богд., профес., юристъ, † 1877 г., т. СХLII, февр., 290—293, 304, 306, мартъ, 488, 490, 500.
- Мильковскій**, полковн., 1845 г., т. СХLII, апр., 188.
- Мявцъ**, гр., Эрнстъ, сынъ фельдмарш., авторъ записокъ, р. 1708 † 1788 г., т. СХLII, апр., 129, т. СХLIII, июль, 178.
- Минквицъ**, ген., 1845 г., т. СХLII, апр., 187, т. СХLIV, окт. 79, 82, дек., 520.
- Минкина**, Анастасія, домоправит-ца Аракчеева, т. СХLIV, дек., 651.
- Мирскій**, кн., ген.-ад., 1878 г., т. СХLII, июнь, 620.
- Миткевичъ**, мировой посредн., 1863 г., т. СХLII, май, 359, 360.
- Митусовъ**, старшій совѣтн. губериск. правлен. 1849 г., т. СХLII, июнь, 536.
- Михайлъ Николаевичъ**, великій князь, ген.-фельдцейхм., кавказ. намѣстн., т. СХLII, янв., 156, 172, т. СХLIII, сент., 405, т. СХLIV, нояб., 396.
- Михайлъ Павловичъ**, великій князь, р. 1798 † 1849 г., т. СХLII, янв., 171—175, мартъ, 625, т. СХLIII, май, 330, 348, т. СХLIII, авг., 228, 229, 232, т. СХLIV, дек., 580.
- Михайлъ Ѳедоровичъ**, царь, р. 1596 † 1645 г., т. СХLIII, сент., 439.
- Михайловскій**, Николай Конст., публицистъ, р. 1842 г., т. СХLIV, окт., 12, 13, 14.
- Михайловскій**, Я. Т., педагог., 1884 г., т. СХLII, апр., 89, 90.
- Михалковъ**, Сергій, подпор., масонъ, 1826 г., т. СХLII, февр., 336.
- Михаэль**, капит., 1840 г., т. СХLII, мартъ, 626, 627.
- Михельсонъ**, Ив. Ив., ген., † 1807 г., т. СХLIII, авг., 345.
- Михонъ**, подполковн., комендантъ крѣпости Сухумъ-Кале, 1822 г., т. СХLII, май, 429.
- Мицкевичъ**, Адамъ, писатель, † 1855 г., т. СХLIII, авг., 290.
- Мицкевичъ**, А. Н., директ. канц. ин-ра финанс., 1878 г., т. СХLIII, авг., 320, т. СХLIV, окт., 201.
- Мишо**, ген. генер. штаба, 1811 г., т. СХLIV, окт., 228.
- Мишкекъ**, Марина, жена перваго самозвалца, р. 1588 или 1589 † 1614 г., т. СХLII, февр., 241—246.
- Мишкекъ**, Урсула, 1603 г., т. СХLII, февр., 244.
- Мишкекъ**, Францискъ Бернандъ, 1636 г., т. СХLII, февр., 242, 243, 246.
- Мишкекъ**, Юрій, воевода Сендомірскаго, т. СХLII, февр., 241—245.
- Моисей**, Дементьевъ, свящ., 1700 г., т. СХLII, июнь, 638, 639.
- Моковицкій**, Д. П., докторъ, 1910 г., т. СХLIV, дек., стр. I, V.
- Мокрицкій**, Григорій, униатъ, 1766 г., т. СХLII, июнь, 629.
- Моласъ**, рожд. Гельмерсепъ, т. СХLIII, июль, 147.
- Моласъ**, контръ-адм., т. СХLIII, июль, 147.
- Мольтке**, прусскій фельдмаршалъ, р. 1800 † 1891 г., т. СХLIV, окт., 167—174, дек., 617—623.
- Монастырскій**, докторъ, 1890 г., т. СХLIV, дек., 658.
- Монтолонъ**, гр., Шарль - Тристанъ,

- адъют. императ. Наполеона I, р. 1783 † 1853 г., т. CXLIII, авг., 311.
- Мордвиновъ**, Сем. Александр., сенаторъ, р. 1825 г., т. CXLIII, сент., 623, т. CXLIV, нояб., 359.
- Мордвиновъ**, адъют., 1821 г., т. CXLI, мартъ, 636.
- Мордовцевъ**, Даниль Лукичъ, историкъ-романистъ, р. 1830 г., т. CXLII, июнь, 630.
- Моро**, ген., р. 1761 † 1810 г., т. CXLI, янв., 191—204, февр., 423—430, т. CXLIV, окт., 193—200.
- Мороховецъ**, Левъ Захар., физиологъ, проф. московск. унив., р. 1848 г., т. CXLI, февр., 272, т. CXLIV, дек., стр. XV.
- Мосолова**, Марія Петров., въ зам. Попова, т. CXLI, янв. 197.
- Мравинскій**, ген., 1881 г., т. CXLIV, окт., 203.
- Мудровъ**, Матвѣй Яков., врачъ, проф. моск. унив., масонъ, р. 1772 † 1831 г., т. CXLI, февр., 336, 339.
- Муравьева**, Екат. Ѳед., 1817 г., т. CXLIV, нояб., 454.
- Муравьевъ-Апостолъ**, Матвѣй Ив., декабристъ, р. 1783 † 1886 г., т. CXLIII, сен., 502.
- Муравьевъ**, Мих. Никитичъ, писат., р. 1757 † 1807 г., т. CXLIV, нояб., 454.
- Муравьевъ**, гр., Мих. Николаев., ми-ръ госуд. имущ., ген.-губ. с.-з. края, р. 1796 † 1886 г., т. CXLI, янв., 43—63, февр., 294—270, 473, 474, т. CXLII, апр., 6, 12, 19, 24, 32, 148, май, 349—368, июнь, 493, т. CXLIII, июль, 13 21, сент., 382, 387.
- Муравьевъ**, Никита Мих., декабристъ, р. 1796 † 1844 г., т. CXLII, апр., 128, т. CXLIV нояб., 454.
- Муравьевъ**, Николай Валеріановичъ, ми-ръ юстиціи, р. 1850 г., т. CXLIV, нояб., 361.
- Муравьевъ - Амурскій**, гр., Никол. Николаев., р. 1794 † 1866 г., т. CXLIII, сент., 500.
- Муравьевъ-Апостолъ**, Сергѣй Ив., декабр., р. 1796 † 1826 г., т. CXLIII, сент., 502.
- Мурашко**, столонач., 1874 г., т. CXLIV, нояб., 356.
- Муромцевъ**, Сергѣй Андреев., юристъ, профес. московск. унив., р. 1850 † 1910 г., т. CXLI, мартъ, 490, 491.
- Мусинъ-Пушкинъ**, Алексѣй Ѳед., помѣщ., 1834 г., т. CXLIV, дек., 647—649.
- Мусинъ-Пушкинъ**, Ив. Алексѣев., гр., сенат., 1715 г., т. CXLIII, авг., 218.
- Мусоргскій**, Модестъ Петров., композ., р. 1839 † 1881 г., т. CXLI, февр., 364.
- Мытцкая**, княгиня, т. CXLIV, дек., стр. XV.
- Мѣльницкій**, председатель слущкой повѣрочной комиссіи, 1864 г., т. CXLII, апр., 14.
- Мѣщаниновъ**, П. В., членъ сенат., 1868 г., т. CXLIV, нояб., 239.
- де-Мэстръ**, Жозефъ, сардинск. послан., 1808 г., писат., р. 1754 † 1821 г., т. CXLI, февр., 324.
- Мягкова**, Марія Геннадіевна, т. CXLIV, окт., 13.

И

- Нагловскій**, Дм Станис., полковн. ген. шт., 1878 г., т. CXLI, мартъ, 538.
- Надѣвинъ**, ген., 1904 г., т. CXLI, мартъ, 702—705.
- Найденовъ**, фабрикантъ, 1886 г., т. CXLII, апр., 92, 96.
- Назимовъ**, Влад. Ив., ген.-ад., попечит. моск. унив., ген.-губ. с.-з. края, р. 1802 † 1874 г., т. CXLI, февр., 256.
- Наполеонъ I**, императоръ, р. 1769 г., т. CXLI, янв., 177, 198, 239, февр., 317, 327—331, мартъ, 508—510, т. CXLIII, авг., 311—315, 351, т. CXLIV, дек., 619—621.
- Наполеонъ III**, императоръ, р. 1808 † 1873 г., т. CXLIII, авг., 288—290.
- Нарышкина**, Марія Антоновна, рожд. княжна Четвертинская, 1803 г., т. CXLI, янв., 238, 239, февр., 325, т. CXLII, май, 331, т. CXLIV, нояб., 309.
- Нарышкинъ**, А. А., оберъ-камерг., 1812 г., т. CXLI, мартъ, 516.
- Нарышкинъ**, А. А., 1877 г., т. CXLIII, авг., 318.
- Нарышкинъ**, Александръ Львовичъ, об.-камергеръ, главн. директоръ театровъ съ 1799 по 1814 г., канцлеръ россійскихъ орденовъ, 1818 г., т. CXLIII, авг., 281, т. CXLIV, окт. 71.
- Нарышкинъ**, Левъ Александр., т. CXLIV, дек., 591, 592, 612.
- Нарышкинъ**, Левъ Кириллов., р. 1668 † 1705 г., ген.-контролеръ, т. CXLIV, нояб., 350..
- Нарышкинъ**, Кирилль Александр., об.-гофмарш., презид. придворной конторы, р. 1785 † 1838 г., т. CXLII, май, 334.
- Наталья Кирилловна**, великая княгиня, т. CXLI, февр., 432.
- Наумовъ**, членъ дамск. попечит. о тѣрямахъ комитета, 1849 г., т. CXLII, июнь, 538.

- Нахимовъ**, Пав. Степ., адмир., р. 1802 † 1855 г., т. CXLIII, июль, 87—94, 98—104.
- Небольсина**, см. Жулева.
- Небольсинъ**, полковн., 1811 г., т. CXLIII, июль, 177, 180, 181.
- Небольсинъ**, Александръ Григ., начальн. промышлен. отдѣла, 1882 г., т. CXLII, апр., 84.
- Невельскій**, Геннадій Ив., адм., р. 1813 † 1876 г., т. CXLIII, сент., 383.
- Невѣжинъ**, Ив., дьякъ, 1702 г., т. CXLIII, авг., 213.
- Нейдгартъ**, Александръ Ив., ген.-ад., р. 1784 † 1845 г., т. CXLII, апр., 185, 194.
- Некрасовъ**, Николай Алексѣевичъ, писатель, р. 1821 † 1877 г., т. CXLI, янв., 25—46 т., CXLIV, дек., стр. XV.
- Нельговскій**, Н., 1864 г., т. CXLII, июнь, 486.
- Непокойчицкій**, Артуръ Адамов., ген.-ад., р. 1803 † 1881 г., т. CXLI, февр., 353, 451, мартъ, 527, 528, 533, 537—539, т. CXLII, апр., 188.
- Нерезаушъ**, мировой посредн., 1864 г., т. CXLII, февр., 259, 260.
- Нессельроде**, Карлъ Вас., канцл., р. 1780 † 1862 г., т. CXLIII, сент., 383, т. CXLIV, дек., 567.
- Нефедовъ**, Филиппъ Діомидов., беллетристъ-народникъ, этнографъ, р. 1848 г., т. CXLIV, окт., 18.
- Нечаевъ**, революционеръ, 1881 г., т. CXLIII, сент., 407, 408.
- Нечаевъ**, 1845 г., т. CXLII, апр., 192, т. CXLIV, окт., 79.
- Никаноръ**, въ мѣрѣ Александръ Ив. Бровковичъ, писат., архіеп. херсонск., р. 1827 † 1890 г., т. CXLII, май, 416, 420.
- Никаноръ**, въ мѣрѣ Николай Степанов. Клементьевскій, митроп. спб. 1852 г., р. 1787 † 1856 г., т. CXLI, мартъ, 666.
- Никитенко**, Алескд. Вас., проф., р. 1805—1877 г., т. CXLIV, 503.
- Никитинъ**, Д. В., докт., 1910 г., т. CXLIV, дек., стр. V.
- Никитинъ**, Влад. Николаев., докт. библиот. медико-хирургическ. акад., р. 1850 г., т. CXLI, янв., 13, т. CXLIV, нояб., 251.
- Никитинъ**, 1864 г., т. CXLII, июнь, 490.
- Николаевъ**, Пав. Никит., тов. мн-ра финанс., т. CXLIV, нояб., 367, дек., 662.
- Николай**, см. княг. Чавчавадзе.
- Николай**, бар., Алескнд. Павл., управл. гражд. частью на Кавказѣ 1866 г., мин. народн. просвѣщ. 1881 г., т. CXLII, апр., 187, 192, т. CXLIII, сент. 429, т. CXLIV, окт., 79, 82.
- Николай I**, императоръ, р. 1796 † 1855 г., т. CXLI, янв., 70, 93, 95, 170, 171, 174, февр., 257, мартъ, 523, 612, 625, 630, 641, 642, т. CXLII, апр., 165, 173, май, 267, 348, 357, 375, 423—434, июнь, 529, т. CXLIII, июль, 115, авг., 234, 249, 276, 295, сент. 382, 383, 445, 487, 488, 492, 498, т. CXLIV, окт., 147, 165, дек., 647, 661.
- Николай II**, императоръ, т. CXLI, февр., 363, т. CXLII, апр., 215, т. CXLIV, нояб., 363, дек., стр. V.
- Николай Михайловичъ**, великій князь, р. 1859 г., т. CXLII, апр., 159—176, май, 329, т. CXLIV, нояб., 298.
- Николай Николаевичъ**, великій князь, р. 1831 † 1891 г., т. CXLI, янв., 149—169, 173, 175, февр., 392—404, 445, мартъ, 527, 537—540, т. CXLII, апр., 138, июнь, 619—624, т. CXLIII, июль, 56, авг., 301—303, сент., 405.
- Николай (Доброхотовъ II)**, еписк. Тамбовск., 1852 г., т. CXLI, мартъ, 667—670.
- Николини**, пѣвецъ, т. CXLI, мартъ, 550.
- Никольскій**, Влад. Вас., педаг., р. 1836 † 1883 г., т. CXLIV, окт., 37, 41.
- Никольскій**, С., сообщ.: «Аракчеевская премія», т. CXLI, янв., 75—80, т. CXLIII, сент., 491.
- Никольскій**, профес., юристъ, 1872 г., т. CXLI, янв., 133.
- Никольскій**, прапорц., 1863 г., т. CXLII, май, 364.
- Никоновъ**, 1855 г., т. CXLIII, июль, 102.
- Никулина-Косицкая**, Надежда Алексѣевна, артистка, т. CXLI, янв., 102.
- Новикова**, см. Кирѣева.
- Новикова**, Вѣра Евгеніевна, т. CXLIV, нояб., 376.
- Новикова**, Марія Николаевна, т. CXLIV, нояб., 376.
- Новикова**, Ольга Алексѣевна, рожд. Кирѣева, р. 1840 г., ея воспоминанія, т. CXLI, февр., 405—422, мартъ, 555—565, т. CXLII, апр., 111—126, май, 391—403, т. CXLIV, окт., 148—164, нояб., 433—447, дек., 635—644.
- Новиковъ**, Евг. Петров., писат. посоль въ Констант. 1880 г., въ Вѣнѣ, т. CXLIII, июль, 134, т. CXLIV, нояб., 369—376, 381, 382, 388, 389, 394.
- Новосильскій**, Ѳед. Мих., адм., 1855 г., т. CXLIII, июль, 90, 92.
- Нордъ**, полковн., 1904 г., т. CXLII, апр., 107.
- Норовъ**, Абрамъ Сергѣев., мн-ръ народн. просвѣщ., съ 1853—1858 г., р. 1795 † 1869 г., т. CXLIII, сент., 492.

О

- Оболенская**, княгиня, Дарья Петр., 1881 г., т. CXLIV, окт., 202.
- Оболенская**, княгиня, т. CXLIV, нояб., 356.
- Оболенскій**, кн., Дм. Александр., директ. департ. вышней торговли, † 1881 г., т. CXLI, янв., 231, 232, февр., 462—469, т. CXLII, июнь, 564—570, т. CXLIII, июль, 4, авг., 327, т. CXLIV, окт., 201, 202.
- Оболенскій**, кн., финляндск., ген.-губернат. т. CXLIV, нояб., 246.
- Обольяниновъ**, 1872 г., т. CXLI, янв., 151.
- Обресковъ**, рус. резидентъ въ Константинополь, 1744 г., т. CXLIV, дек., 588.
- Обручевъ**, Влад. Афанасьев., оренб. ген.-губ., съ 1842 по 1851 г., ген.-отъ-инфант., р. 1795 † 1866 г., т. CXLII, апр., 146.
- Обручевъ**, Никол. Николаев., началн. главн. штаба, чл. Государств. Совѣта, ген.-ад., р. 1830 г., т. CXLII, апр., 146, июнь, 613, т. CXLIII, июль, 22, сент., 400—403, 412.
- Овсянниковъ**, Степ. Тарасов., подрядчикъ, т. CXLIV, окт., 109, 110, 111, 112, 113, 114, 116, 118.
- Овсянко-Куликовскій**, Д. П., писат., 1910 г., т. CXLIV, дек., стр. VI, VII.
- Огрызко**, вице-директ. акцизн. департамента, т. CXLII, апр., 215.
- Одинцовъ**, капит. генер. штаба, 1904 г., т. CXLI, мартъ, 708, 709.
- Ожаровскій**, капит., 1811 г., т. CXLIV, окт., 230.
- Озолнъ**, И. П., началн. станціи Астапово, гдѣ скончался Л. Н. Толстой, 1910 г., т. CXLIV, дек., стр. II.
- Олегъ**, князь † 912 г., т. CXLIII, сент., 547.
- Олешкевичъ**, см. Круковская.
- Олешкевичъ**, Петръ, свящ., т. CXLIII, авг., 241.
- Олинъ**, Валеріанъ Николаев., писат.-переводч., р. 1788 † 1839 г., т. CXLII, апр., 130, 132.
- Ольга Феодоровна**, принцесса Баденская, великая княгиня, р. 1839 † 1891 г., т. CXLI, янв., 156.
- Ольденбургскій**, Георгій, принцъ, 1809 г., т. CXLI, февр., 325.
- Ольховскій**, офиц., 1845 г., т. CXLII, апр., 189.
- Оноре**, Ирина Ив., пѣвица им. моск. театра, ея воспоминанія, р. 1838 г., т. CXLI, янв., 95—108, мартъ, 543—554.
- Оноре**, піанистъ, т. CXLI, янв., 100, 101.

- Ону**, драгоманъ, т. CXLIV, нояб., 376, 377.
- Оомъ**, Фед. Адольф., секрет. императрицы Маріи Феодоровны, почетный опекунь, † 1898 г., т. CXLII, июнь, 566.
- Орбеліани**, княжна, въ зам. кн. Чавчавадзе, 1817 г., т. CXLIII, сент., 429.
- Орбеліани**, кн., Илья Димитр., офиц. кавказск. войскъ, † 1854 г., т. CXLII, апр., 188, т. CXLIV, декаб., 522.
- Орда**, А. П., капит., 1856 г., т. CXLII, апр., 151.
- Оренто**, полковн., 1811 г., т. CXLIII, авг., 360.
- Оржевскій**, Петръ Вас., сенат. юристъ, р. 1839 † 1897 г., т. CXLIV, нояб., 357—359.
- Оржевскій**, ген., 1886 г., т. CXLIV, нояб., 415.
- Орлова-Давыдова**, графиня, т. CXLI, янв., 102.
- Орловъ**, гр., Алексій Фед., ген.-ад., шефъ-жандар., р. 1787 † 1862 г., т. CXLI, мартъ, 666, т. CXLII, июнь, 603.
- Орловъ**, Вас. Ив., статистикъ, р. 1848 г., т. CXLII, апр., 85.
- Орловъ**, Егоръ, 1828 г., т. CXLII, июнь, 529.
- Орловъ**, И. Н., сенат., юристъ 1892 г., т. CXLIV, нояб., 357, 359.
- Орловъ**, Яковъ Вас., проф. спб. духовн. акад., † 1819 г., т. CXLII, май, 411.
- Осининъ**, Ив. Терентьев., педагогъ, проф., р. 1835 † 1887 г., т. CXLIII, июль, 138—142, 151, авг., 323, т. CXLIV, окт., 38, 39.
- Осиновъ**, чпновн. департам. удѣловъ, 1869 г., т. CXLIII, сент., 382.
- Остенъ**, датскій послан. въ Спб., т. CXLIV, дек., 607.
- Остенъ-Сакенъ**, гр., Фабіанъ, ген.-фельдмаршалъ, † 1837 г., т. CXLIII, авг., 360, т. CXLIV, нояб., 432.
- Островскій**, Александръ Никол., писат., р. 1823 † 1886 г., т. CXLI, янв., 32, 44.
- Островскій**, Мих. Николаев., ст.-секрет., мн-рь госуд. имущ., р. 1827 г., т. CXLIV, нояб., 354, 365.
- Острогорскій**, Викт. Петров., педаг., р. 1840 † 1908 г., т. CXLIV, окт., 39, 40.
- Остроуховъ**, И. С., художн., 1908 г., т. CXLII, июнь, 543, 551.
- Оуэнъ**, докторъ, 1885 г., т. CXLII, апр., 39.

П

- Павелъ I**, императоръ, р. 1754 † 1801 г., т. CXLI, янв., 234, 235, февр., 404,

- т. CXLI, май, 335, 348, 374, 375, т. CXLIV, нояб., 339, декабр., 484, 594.
- Павелъ Александровичъ**, великій кн., т. CXLI, июль, 14.
- Павелъ**, митроп., 1690 г., т. CXLI, июнь, 635, 636.
- Павловъ**, Алексѣй Степанов., проф., р. 1832 г., т. CXLI, мартъ, 490, 491.
- Павловъ**, т. CXLI, янв., 33.
- Павскій**, Герасимъ Петров., протоіер., р. 1787 † 1863 г., т. CXLI, май, 415.
- Пазухина**, см. Арапова.
- Пазухина**, см. Тенишева.
- Пазухинъ**, Алексѣй, сообщ.: „Изъ хроники церкви Николая Чудотворца села Араповки, Алатырскаго уѣзда“, т. CXLI, июнь, 635—639.
- Пазухинъ**, Петръ Петров., 1757 г., т. CXLI, июнь, 639.
- Пазухинъ**, Сем. Нв., стольникъ при посольствѣ въ Хиву, Бухару и Юргенчъ въ 1669—1773 г., т. CXLI, июнь, 635—637.
- Паленъ**, гр., Конст. Ив., мин-ръ юстиціи, съ 1867—1878 г., р. 1833 г., т. CXLI, май, 386, т. CXLIV, нояб., 239, 242, 251.
- Паленъ**, гр., Петръ Петров., генераль, 1811 г., † 1864 г., т. CXLI, авг., 360.
- Панаева**, Авдотья Яковл., т. CXLI, янв., 44.
- Панаевъ**, Ив. Ив., писат., р. 1812 † 1862 г., т. CXLI, янв., 26, 31, 43.
- Панинъ**, гр., Никита Петров., диплом., р. 1770 † 1837 г., т. CXLI, янв., 179.
- Панинъ**, гр., 1860 г., т. CXLI, янв., 210—213.
- Панфилова**, Любовь М., 1855 г., т. CXLI, июль, 89.
- Панфиловъ**, Александръ Ив., адм., 1855 г., т. CXLI, июль, 87—105.
- Панютинъ**, 1877 г., т. CXLI, июнь, 626.
- Паренсовъ**, Петръ Дм., ген.-отъ-инфант., 1908 г., т. CXLI, июнь, 614.
- Пархоменко**, Влад., сообщ.: „Мелхиседекъ Значко-Яворскій“, (къ столѣтію со дня его смерти), т. CXLI, июнь, 627—632.
- Паскевичъ-Эриванскій**, кн. Варшавскій, Ив. Фед., ген.-фельдмаршалъ, р. 1782 † 1856 г., т. CXLI, май, 304, т. CXLIV, нояб., 286, декаб., 518.
- Паскевичъ**, кн., Ф. И., 1845 г., т. CXLI, апр., 187, т. CXLIV, окт., 79, 82.
- Пассекъ**, Діомидъ Вас., ген.-маіоръ, кавказ. дѣятель, р. 1808 † 1845 г., т. CXLI, апр., 186, 188, 192, т. CXLIV, окт., 83—87, 91, 94, нояб., 273—279, 284.
- Пассекъ**, полковн., т. CXLIV, нояб., 426, дек., 634.
- Патти**, Аделина, пѣвица, р. 1843 г., т. CXLI, мартъ, 545, 548—551.
- Паулуччи**, маркизъ, Филиппъ Осип., ген.-лейт., бывшій главнокоманд. войсками въ Грузіи, лифляндск. ген.-губернат., р. 1779 г., т. CXLI, июнь, 507, 511, т. CXLI, сент., 428, 429.
- Панковъ**, В. И., т. CXLI, июнь, 595—600, т. CXLI, авг., 292.
- Панковъ**, директ. департам. выѣшной торговли, т. CXLI, февр., 463.
- Пекарскій**, Петръ Петр., акад. р. 1828 † 1872 г., т. CXLI, авг., 203.
- Пеликанъ**, Евг. Венцеславов., директ. медицинск. департ., † 1884 г., т. CXLIV, нояб., 252.
- Перетцъ**, Т. С., 1871 г., т. CXLI, июнь, 571.
- Переяславцевъ**, дѣлопроизводит. слѣдственной комиссіи, оберъ-аудиторъ, т. CXLI, июль, 16, 17.
- Перовская**, политич. преступн., 1881 г., т. CXLIV, окт., 203, 204.
- Перовскій**, гр., Левъ, Алексѣев., мин-ръ внутр. дѣлъ, р. 1722 † 1856 г., т. CXLI, апр., 211.
- Перовъ**, Вас. Григ., художн., р., 1833 † 1882 г., т. CXLI, янв., 36.
- Перфильевъ**, капит., 1830 г., т. CXLIV, дек., 658.
- Петрашкевичъ**, Онуфрій Филиціанов., проф., масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр., 336, 343.
- Петровскій**, капит., 1814 г., т. CXLI, апр., 66.
- Петровъ**, Вас. Петр., писат., р. 1736 † 1799 г., т. CXLI, май, 435.
- Петровъ**, Н. С., начальн. контроля, т. CXLIV, нояб., 399.
- Петровъ**, Стефанъ, свящ., 1693 г., т. CXLI, июнь, 636.
- Петрушевскій**, А., сообщ.: «Первые годы службы», т. CXLIV, нояб., 425—431, дек., 625—634.
- Петрашевскій**, Александръ Ѳомичъ, ген.-лейт., историкъ, р. 1826 † 1904 г., т. CXLI, мартъ, 640.
- Петръ I**, императоръ, р. 1672 † 1725 г., т. CXLI, янв., 93—94, 149, т. CXLI, май, 373, т. CXLI, авг., 203—219, 220, сент., 511, т. CXLIV, окт., 144, 145.
- Петръ III**, императоръ, † 1762 г., т. CXLIV, нояб., 336, 337, 342 — 346, т. CXLIV, дек., 586 - 613.
- Петръ**, Филлимоновъ, свящ., 1679 г., т. CXLI, июнь, 526.
- Пивинъ**, П. А., сообщ.: «Мои воспоминанія», т. CXLI, авг., 237—239.
- Пирлингъ**, П., сообщ.: «Переписка Карла IX-го съ самозванцами», т. CXLI,

- янв., 22—24, «Поѣздка въ Самборъ»,
февр., 241—246.
- Пирогова**, Александра Ив., 1805 г., т. CXIV, дек., 614.
- Пирогова**, Анна, 1805 г., т. CXIV, дек., 614.
- Пирогова**, Пелагея Ив., 1805 г., т. CXIV, дек., 614.
- Пирогова**, Елисавет. Ив., т. CXIV, дек., 614.
- Пироговъ**, Ив. Ив., кол. секрет., † 1825 г., т. CXIV, дек., 614—616.
- Пироговъ**, Николай Ив., хирургъ, р. 1800 † 1881 г., т. CXLI, мартъ, 526, т. CXLII, апр., 142, т. CXLIV, дек., 614—616.
- Пироговъ**, Петръ Ив., 1805 г., т. CXIV, дек., 614.
- Писаревскій**, Н. Г., полковн. ген. штаба, издатель «Русскаго Инвалида», 1863 г., т. CXLII, июнь, 483.
- Писаревъ**, С. Н., т. CXLII, май, 373.
- Писемскій**, Алексѣй Теофилакт., писат., р. 1820 † 1881 г., т. CXLI, янв., 18, 32.
- Пистолькоресъ**, Елисавета Карл., т. CXLI, февр., 265.
- Пистолькоресъ**, Карлъ Вас., ген., комендантъ Бобруйск. крѣпости, 1864 г., т. CXLI, февр., 264, 265, т. CXLII, апр., 24.
- Пишегрю**, Шарль, франц. ген., р. 1761 † 1804, т. CXLI, янв., 198—200, февр., 423—429.
- Пій IX**, папа римскій, р. 1792 † 1878 г., т. CXLIII, июль, 11.
- Плакинъ**, Вас. Тимофеев., педагог., р. 1796 † 1869 г., т. CXLI, мартъ, 632.
- Платовъ**, Александръ Степанов., ген.-майоръ, проф., р. 1817 † 1891 г., т. CXLII, апр., 175.
- Платовъ**, гр., Матвѣй Ив., атаманъ войска Донскаго, † 1818 г., т. CXLIII, авг., 346.
- Платоновъ**, царскосельск. предвод. дворянства, 1864 г., т. CXLI, янв., 223, т. CXLII, июнь, 486—488.
- Платонъ**, Левшинъ, московск. митроп. съ 1775 по 1812 г. р. 1737 † 1812 г., т. CXLII, май, 411.
- Плевако**, юристъ, т. CXLIV, окт. 3.
- Плеве**, Вячеславъ Констант., государств. секрет., сенат., р. 1846 г., т. CXLII, апр., 91—93, 98, т. CXLIV, нояб., 258—272, декаб., 485—500.
- Плейеръ**, Отто-Антонъ, австрійск. резидентъ, т. CXLIII, авг., 215.
- Плетневъ**, Алексѣй, сообщ.: «Парижскія воспоминанія», т. CXLIII, авг., 288—292.
- Плетневъ**, Петръ Александр., акад., р. 1792 † 1865 г., т. CXLI, янв., 26.
- Плещеевъ**, Фед. Фед., стольникъ, 1700 г., т. CXLII, июнь, 639.
- Плющевскій-Плющикъ**, Я. А., юрис-консультъ мип. внутр. дѣлъ, 1878 г., т. CXLI, янв., 10.
- Побѣдоносцевъ**, Конст. Петр., об.-прокуроръ Синода, р. 1827 † 1907 г., т. CXLI, мартъ, 490, т. CXLII, июнь, 599, 600, т. CXLIV, окт., 10, 11, нояб., 262, 365, 398.
- Погодинъ**, Мих. Петр., акад., проф., р. 1800 † 1885 г., т. CXLI, янв., 19, 20, 191, 197, т. CXLIV, декаб., 504.
- Погожевъ**, Александръ Вас., докторъ, т. CXLIV, окт., 492, дек., 497.
- Познанскій**, шт.-офиц., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Покровская**, Ольга, т. CXLIV, нояб., 353, 358.
- Покровскій**, Гавриэль Семенов., тайн. совѣтн., 1831 г., т. CXLIV, нояб., 349.
- Покровскій**, Ив. Гаврилов., 1831 г., т. CXLIV, нояб., 349.
- Покровскій**, Н., сообщ.: „Отжившіе бюрократическіе порядки“. (Къ вопросу о реформѣ правительствующаго сената), т. CXLIV, нояб., 349—364.
- Покровскій**, Николаевъ Гавр., офиц., † 1866 г., т. CXLIV, нояб., 349, 350.
- Полевой**, Николай, поруч., лейбъ-гвардіи конной артіл., 1864 г., сообщ.: „Два года,—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ.“, т. CXLI, янв., 47—63, февр., 247—270, т. CXLII, апр., 3—25, т. CXLIV, нояб., 413.
- Политковскій**, ген., директ. канц. комит. о раненыхъ, 1853 г., т. CXLI, янв., 174.
- Половцовъ**, А. А., сенат., т. CXLIII, сент., 523.
- Полонскій**, Яковъ Петр., поэтъ, р. 1820 г., т. CXLI, янв., 32, т. CXLIV, окт., 6, 8.
- Полторацкій**, В. А. 1881 г., т. CXLIII, сент., 406.
- Поль**, профес., 1825 г., т. CXLII, июнь, 528.
- Поль**, начальн. отд. департ., госуд. казнач., 1874 г., т. CXLIV, нояб., 355.
- Полѣновъ**, полковн., воен. начальн. Бобруйскаго уѣзда, 1864 г., т. CXLI, февр., 258, 259, 262, 265.
- Полянскій**, Данило, т. CXLIII, авг., 204.
- Помяловскій**, Николай Герасимов., писат., р. 1835 † 1863 г., т. CXLIV, окт., 50.
- Понятовскій**, гр., Станиславъ-Августъ, 1750 г., т. CXLIV, нояб., 340, 341, дек., 595—599.
- Попова**, Ольга Вас., рожд. Петрашевская, † 1908 г., т. CXLI, янв., 132.
- Попова**, см. Мосолова.

- Поповъ**, Александръ Николаев., сообщ.: „генераль Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ“. (Биографическія свѣдѣнія о А. Н. Поповѣ), р. 1820 † 1877 г., т. CXLI, янв. 191—204, февр., 423—430, т. CXLIV, окт., 193—290.
- Поповъ**, В. И., 1869 г., т. CXLIII, сент., 382.
- Поповъ**, Евг. Ив., свящ., 1874 г., т. CXLI, февр., 282.
- Поповъ**, Сем. Ефимов., ст. сов., 1805 г., т. CXLIV, дек., 614.
- Поповцевъ**, судья, 1830 г., т. CXLIV, дек., 651, 652.
- Порецкій**, полковн., 1717 г., т. CXLIII, авг., 218, 219.
- Портеръ**, лэди, см. Щербатова.
- Портеръ**, сэръ, Робертъ Кэръ, политич., дѣят., батальн. живопис., писат. историкъ, р. 1762 г., т. CXLIV, окт., 144, 145, 146, 147.
- Постниковъ**, Григорій, рект. слб. дух. акад., 1858 г., т. CXLII, май, 416, 419.
- Посъетъ**, капит., 1845 г., т. CXLII, май, 292—295, т. CXLIV, окт., 88, 90.
- Посъетъ**, Конст. Никол., мн-ръ путей сообщ., 1878 г., р. 1819 † 1899 г., т. CXLIII, авг., 334, 336.
- Потаповъ**, Александръ Львов., ген.-ад., виленск. ген. губерн., р. 1818 г. † 1886 г., т. CXLII, апр., 22, 23, 148, июнь, 488—491, т. CXLIII, июль, 13.
- Потемкина**, Татьяна Борисовна, рожд. кн. Голицына, предсѣдат. слб. дамскаго тюремнаго комитета, 1852 г., † 1869 г., т. CXLI, мартъ, 667.
- Потемкинъ-Таврическій**, кн., Григорій Александр., р. 1738 † 1791 г., т. CXLIV, декаб., 484.
- Потуловъ**, офиц., 1831 г., т. CXLIII, авг., 230.
- Прасоловъ**, капит. генеральн. штаба, 1885 г., т. CXLI, мартъ, 659, 664, т. CXLII, апр., 26, 40.
- Предтеченскій**, свящ., редакт. журнала „Вѣра и Разумъ“, 1878 г., т. CXLIII, авг., 332.
- Преображенскій**, В. В., матем., 1874 г., т. CXLI, февр., 272.
- Преображенскій**, П. В., т. CXLIV, дек., стр. XV.
- Прессансъ**, пасторъ, 1867 г., т. CXLIII, авг., 291.
- Принтцъ**, Густ. Густ., присяж. повѣр. т. CXLIV, нояб., 355.
- Прозоровская**, княгиня, Анна Мих., ст.-дама, 1812 г., т. CXLI, янв., 237, мартъ, 516.
- Прозоровскій**, кн., 1809 г., т. CXLIII, сент., 538.
- Прокопе**, ген.-лейт., 1878 г., т. CXLII, май, 258, 259.
- Прокоповичъ - Антонскій**, Антонъ Антоновичъ, директ. унверситетск. благородн. пансіона въ Москвѣ, 1826 г., писатель, р. 1762 † 1848 г., т. CXLI, февр., 335, 336.
- Протасова**, графиня, Анна Степановна, камеръ-фрейлина Екатерины II, р. 1754 † 1826 г., т. CXLI, февр., 326.
- Протасовъ**, гр., Никол. Александр., об.-прокур. Синода, р. 1799 † 1855 г., т. CXLI, мартъ, 666, 667, т. CXLII, май, 417.
- Протасьева**, А. С., 1802 г., т. CXLI, янв., 237.
- Протасьевъ**, Фед., стольникъ, 1710 г., т. CXLIII, авг., 217.
- Прушановскій**, капит., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Прушинскій**, минск. губерн. предводит. дворянства, 1864 г., т. CXLI, февр., 249, 250, 256, т. CXLII, апр., 13.
- Пугачевъ**, Емельянъ Ив., † 1775 г., т. CXLII, июнь, 500.
- Пузыревскій**, полковн., 1820 г., т. CXLII, май, 428.
- Пустынниковъ**, Ив. Л., 1645 г., т. CXLIII, сент., 436, 437.
- Путятинъ**, гр., Ефимъ Вас., адм., мн-ръ народн. проsv., р. 1803 † 1883 г., т. CXLII, апр., 148.
- Пучковъ**, Сергѣй Вас., врачъ, сообщ.: „Къ характеристикѣ доктора Ф. П. Гааза. (Посвящается Апатолію Федоровичу Кони)“, т. CXLII, июнь, 527—552.
- Пушкинъ**, Александръ Ив., командиръ, кавалергардскаго полка, 1872 г., т. CXLI, янв., 151.
- Пушкинъ**, Александръ Серг., поэтъ, р. 1799 † 1837 г., т. CXLI, янв., 45, 63, 65, мартъ, 617, т. CXLII, апр., 156, т. CXLIII, июль, 83, авг., 223, т. CXLIV, декаб., 516.
- Пуцинъ**, т. CXLI, янв., 45.
- Пѣшкова-Толивѣрова**, А. Н., писательница, т. CXLIV, окт., 21—43.

P

- Рабутинъ**, 1744 г. т., CXLIV, дек., 585.
- Раденъ**, Эдита Федоров., баронесса, фрейлина, 1871 г., т. CXLII, июнь, 571—574, т. CXLIII, авг., 294, 295, т. CXLIV, окт., 205.
- Рагозина**, Е. А., сообщ.: „Изъ дневника русской въ Турціи, передъ войной 1877—1878 г.г.“, т. CXLI, февр., 377—391, мартъ, 566—586, т. CXLII, апр., 49—65, май, 245—255, июнь, 553—560, т. CXLIII, июль, 59—62, авг., 191—202, сент., 413—426, т.

- CXLIV, окт., 95—108, нояб., 312—332, дек., 556—566.
- Рагозинъ**, директ. книжн. пист. вел. кн. Елены Павловны, 1890 г., т. CXLIV, дек., 658, 659.
- Радецкій**, Фед. Фед., ген.-отъ-инфант., р. 1820 † 1890 г., т. CXXI, февр., 447, 450—453, т. CXLII, июль, 619—626.
- Радавиль**, польск. магнат., 1864 г., т. CXLII, апр., 10.
- Раевскій**, ген., CXLIII, июль, 87.
- Раевъ**, Александръ Фед., гл.-совѣтн.-ра финансовъ, т. CXLIV, декаб., 508, 509.
- Разинъ**, Степанъ Тимоѳ. (Стенька), † 1671 г., т. CXLII, июль, 500.
- Рауумовская**, графиня, Е. А., фрейлина, 1809 г., т. CXXI, февр., 326.
- Рауумовскій**, гр., Алексѣй Григ., обер-егермейст., р. 1709 † 1771 г., т. CXLIV, сент., 344, т. CXLIV, дек., 594.
- Рауумовскій**, Кирилль Григ., гетманъ, р. 1728 † 1803 г., т. CXLIV, нояб., 338, дек., 590, 593.
- Райскій**, Д. П., т. CXLII, июль, 633.
- Ранчъ**, Семень Егоров., переводч., р. 1792 † 1855 г., т. CXLII, май, 445.
- Раковичъ**, предсѣдат. мнискон повѣрочной по крестьянск. дѣламъ комиссiи, 1864 г., т. CXXI, февр., 251, 256.
- Ракоци**, маіоръ, комендантъ Редуть-Кале, 1826 г., т. CXLII, май, 425.
- Рамазановъ**, скульпт., т. CXXI, янв., 18.
- Ранжевскій**, шт.-офиц., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Ратайскій**, капитанъ, 1904 г., т. CXLII, апр., 103.
- Ратчъ**, ген., начальн. артил. виленск. воен. округа, 1864 г., т. CXXI, янв., 55, 56, 61, февр., 266, 267.
- Ратынскій**, бобруйск. предводит. дворянства, 1864 г., CXXI, февр., 258, 259, т. CXLII, апр., 5—8.
- Раухъ**, Оттонъ Егоров., ген.-лейт., р. 1834 † 1890 г., т. CXXI, февр., 394.
- Рашевскій**, И. Ф., педагог., 1876 г., т. CXLIV, окт., 36, 37.
- Рашеть**, В. К., ген.-маіоръ, т. CXLIV, нояб., 350, 351, 354.
- Ребиндеръ**, бар., Робертъ, Ив., ст.-секретарь Финляндiи, р. 1777 † 1841 г., т. CXLII, май, 267.
- Ребиндеръ**, ген., воспит. герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергскаго, т. CXLII, апр., 211, 222.
- Рейнгольдъ**, врачъ, 1824 г., т. CXLII, май, 334.
- Рейсъ**, Фед. Фед., профес., масонъ, 1826 г., т. CXXI, февр., 336, 339.
- Рейсъ**, кн., прусск. посоль, 1872 г., т. CXLII, июль, 577.
- Рейтернъ**, гр., В. Г., т. CXLIII, июль, 39.
- Рейтернъ**, Е. Е., юристъ, 1892 г., т. CXLIV, нояб., 359.
- Рейтернъ**, Мих. Христоф., мин. фин., р. 1820 † 1890 г., т. CXXI, янв., 216—232, февр., 463, 465, т. CXLII, июль, 565—571, 579, 580, т. CXLIII, июль, 4, 39—55, 135, 155—158, авг., 296, 306, 318—321, 355, т. CXLIV, нояб., 368, 369, дек., 663, 670.
- Рейтеросъ**, ген., состоявш. при особѣ императора германскаго, 1872 г., т. CXXI, янв. 165.
- Рембелинскій**, А., сообщ.: „Еще о драмѣ въ жизни писателя“, т. CXLII, май, 269—283.
- Ремезовъ**, Семень, 1701 г., т. CXLIII, авг., 208.
- Реннинъ**, кн., Никол. Васил., русскій посоль, въ Варшавѣ, 1763—69 г., р. 1734 † 1801 г., т. CXLII, июль, 631.
- Рербергъ**, ген.-лейт., начальн. Закарпатск. области, 1881 г., т. CXXI, мартъ, 645.
- Ререкъ**, полковн., 1811 г., т. CXLIII, июль, 176.
- Реутовъ**, Д., учит., 1820 г., т. CXLIV, нояб., 402.
- Реутовъ**, Ив., т. CXLIV, нояб., 403.
- Реутскій**, судебн. слѣдоват. по особоважнымъ дѣламъ, 1872 г., т. CXLIV, нояб., 247—252.
- Рехневскій**, С. С., т. CXLII, апр., 146.
- Рибасъ**, Осипъ Мих., адм., † 1800 г., т. CXLIII, сент., 545.
- Ридигеръ**, гр., Фед. Вас., ген.-ад., команд. войсками въ Польшѣ 1854 г., † 1856 г., т. CXLII, июль, 603, 604.
- Римскій-Корсаковъ**, Николай Андр., композит., † 1908 г., т. CXXI, февр., 364.
- Риттихъ**, А. Ф., сообщ.: „Володимірія“, т. CXLIII, сент., 547—557.
- Ритцъ**, маіоръ, 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Рихтеръ**, Алексд. Александр., чл. совѣта мин.-ра финансовъ, р. 1837 † 1898 г., т. CXLIV, дек., 665.
- Рихтеръ**, Егоръ Христіан., педагог., 1861 г., т. CXXI, янв., 16.
- Рихтеръ**, О. Б., ген.-ад., 1884 г., т. CXLII, май, 379—381.
- Ровинскій**, Д. А., московск. губерн. прокур., т. CXLIV, нояб., 232.
- Розановъ**, свящ., 1872 г., т. CXXI, янв., 137, 147.
- Розенъ**, 1855 г., т. CXLIII, июль, 102.
- Розенъ**, бар., 1832 г., т. CXLII, май, 304.
- Рождественскій**, З. П., вице-адмир., 1904 г., т. CXXI, мартъ, 701.

- Романовскій**, Дм. Ильичъ, ген.-лейт., писат., † 1881 г., т. CXLI, июль, 483.
- Романовскій**, капит. генеральн. штаба, 1904 г., т. CXLI, мартъ, 702.
- Романовскій**, 1856 г., т. CXLI, апр., 151.
- Ромодановскій**, кн., Фед. Юрьев., любимецъ Петра I, † 1717 г., 1703 г., т. CXLI, авг., 211, 212, 216.
- Роншъ**, ген., 1904 г., т. CXLI, мартъ, 707.
- Росени**, пѣвица, т. CXLI, янв., 99.
- Ростовцевъ**, Як. Ив., нач. шт. учебн. зав., председатель редакц. комис., ген.-ад., чл. госуд. совѣта и комитета мн-ровъ, р. 1803 † 1860 г., т. CXLI, янв., 210, 211, т. CXLI, апр., 225.
- Ротшильдъ**, т. CXLI, янв., 220.
- Ртищевъ**, Н. Ф., т. CXLI, сент., 429.
- Рубинштейнъ**, Антонъ Григ., композит., проф., р. 1830 † 1894 г., т. CXLI, янв., 100, февр., 363, 365, т. CXLI, июль, 577.
- Рубинштейнъ**, Николай Григ., директ. московск. консерватори, р. 1835 † 1883 г., т. CXLI, янв., 100, 103, 107, т. CXLI, авг., 326.
- Румянцевъ**, гр., Петръ Александров., фельдмарш., р. 1725 † 1796 г., т. CXLI, июль, 178, авг., 351, 352.
- Русановъ**, Н. А., 1881 г., т. CXLI, апр., 67.
- Русиновъ**, ген., 1863 г., т. CXLI, май, 362.
- Рѣдичъ**, 1879 г., т. CXLI, авг., 274, 275.
- Рѣзвый**, ген., 1811 г., т. CXLI, июль, 177.
- Рѣпинъ**, Илья Ефим., художн., т. CXLI, янв., 36.
- Рѣпинскій**, ген., 1811 г., т. CXLI, окт., 227.
- Рѣшетниковъ**, Фед. Мих., писат., р. 1841 † 1871 г., т. CXLI, янв., 38.
- Рэдстокъ**, англійскій проповѣдн., т. CXLI, июль, 595, 600.
- Рюль**, пейзажистъ, 1872 г., т. CXLI, янв., 153.
- Рюминъ**, Влад. Никол., издат. „Общезанимат. Вѣстника“, 1852 г., т. CXLI, декаб., 505.
- Рябчиковъ**, купецъ, 1852 г., т. CXLI, мартъ, 604.

С

- Сабанѣевъ**, ген., 1811 г., т. CXLI, авг., 355, 358, 359, сент., 534, 535, 541.
- Саблеръ**, Влад. Карлов., тов. об.-прокур. синода, 1890 г., т. CXLI, дек., 660.
- Саблинъ**, М. А., т. CXLI, окт., 4.

- Саблукова**, фрейлина, 1818 г., т. CXLI, апр., 164, 168.
- Савельева**, г-жа, пѣвица, т. CXLI, янв., 102.
- Савицкій**, 1863 г., т. CXLI, май, 367.
- Савицкій**, полковн., 1904 г., т. CXLI, мартъ, 705, 707.
- Савичъ**, шт.-кап., 1845 г., т. CXLI, апр., 189.
- Садовскій**, Провъ Мих., артистъ, р. 1818 † 1872 г., т. CXLI, янв., 102, т. CXLI, май, 285.
- Садыковъ**, Матвѣй, масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр., 336.
- Сакенъ**, см. Остенъ-Сакенъ.
- Сакенъ**, ген., 1855 г., т. CXLI, июль, 89, 103, 104.
- Салаговъ**, кн., С. И., ген.-аудиторъ, 1800 г., т. CXLI, февр., 350.
- Салиасъ**, гр-ня, Елис. Васил. (Евгенія Туръ), писательница, † 1892 г., т. CXLI, май, 276, т. CXLI, нояб., 412.
- Салтыковъ**, Сергѣй Вас., камергеръ, 1753 г., т. CXLI, нояб., 339.
- Салтыковъ**, см. Щедринъ.
- Самаринъ**, А. Д., губерн. предводит. дворянства, 1909 г., т. CXLI, июль, 544.
- Самаринъ**, Д. Ф., т. CXLI, янв., 191, 192.
- Самаринъ**, Юрій Федор., славяноф., писат., р. 1819 † 1876 г., т. CXLI, февр. 463, т. CXLI, апр., 23, 24, июль, 616, т. CXLI, авг., 294.
- Самаринъ**, Фед. Вас., начальн. тверской части, 1830 г., т. CXLI, июль, 533, 546.
- Самойловъ**, Вас. Вас., артистъ, р. 1813 † 1887 г., т. CXLI, янв. 157.
- Самсоновъ**, полковн., 1845 г., т. CXLI, апр., 187, т. CXLI, окт., 79.
- Самсоновъ**, ген., корпусн. командиръ, 1878 г. CXLI, мартъ, 534.
- Сандерсъ**, ген., 1811 г., т. CXLI, июль, 176.
- Сапѣгинъ**, К. А., сообщ.: „Овсянниковъ и Юханцевъ въ Красноярскѣ“, т. CXLI, окт., 109—118.
- Свенторжецкій**, полковн. генер. штаба, глава мпскаго польск. революц. комитета, 1864 г., т. CXLI, апр. 9, май, 362—366.
- Святополкъ - Мирскій**, кн. Дмитр. прапорщ., 1845 г., т. CXLI, апр. 188.
- Селивановъ**, сектантъ, 1824 г., т. CXLI, нояб., 248.
- Селихова**, помѣщица, 1857 г., т. CXLI, мартъ, 676.
- Семевскій**, Е. В., чиновн. особыхъ порученій при главнокомандующ. войсками кавказск. воен. округа, 1885 г., т. CXLI, апр., 28.

- Семеновскій**, Мих. Ив., основ. журн. «Русской Старины», р. 1837 † 1892 г., т. CXLI, янв., 196, т. CXLIV, декаб., 502.
- Семеновскій**, предѣдат. Пинской повѣрочной по крестьян. дѣламъ комиссія, 1864 г., т. CXLII, апр., 14, 15.
- Семенова**, Екатерина Семеновна, въ зам. княгиня Гагарина, актриса, р. 1786 † 1849 г., т. CXLII, май, 439—444.
- Семеновъ**, Никол. Петров., писатель, госуд. дѣятель, р. 1823 г., т. CXLI, янв., 212, т. CXLII, апр., 223, 224, 227, т. CXLIV, нояб., 359.
- Семеновъ**, Петръ Петров., вице-предсѣдат. географич. общ., сенаторъ, т. CXLII, апр., 223, 324, июнь, 576, т. CXLIV, нояб., 359.
- Семеновъ**, маіоръ, 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Семеновичъ-Никшичъ**, полковн., 1885 г. т. CXLI, мартъ, 658, т. CXLII, апр., 34, 39.
- Сенявинъ**, Ив. Григор., товар. мн-ра внутр. дѣлъ, р. 1801 † 1851 г., т. CXLI, янв., 93.
- Сенявинъ**, Улянь Іоакимов., † 1740 г., т. CXLI, янв., 93.
- Сенявинъ**, московск. губерн., 1840 г., т. CXLII, июнь, 530, 537.
- Сенъ-При**, гр., 1811 г., т. CXLIII, июль, 172.
- Серафимовъ**, Серафимъ Антонов., протоіер. въ Одессѣ, † 1884 г., т. CXLIII, июль, 86.
- Сербиновичъ**, Конст. Степанов., писатель, р. 1797 † 1874 г., т. CXLI, янв., 192.
- Сервиругъ**, полковн., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Сергіевскій**, Никол. Александр., духовн. писат., р. 1827 † 1892 г., т. CXLI, янв., 83.
- Сергій** (Крыловъ), редакторъ спб. дух. акад., 1810 г., т. CXLII, май, 413.
- Сергѣевичъ**, Васил. Ив., профес., писат., † 1910 г., т. CXLIV, окт., 6.
- Сергѣевъ**, Алексѣй Николаев., педагогъ, р. 1838 † 1910 г., сообщ.: „Секретное дѣло по предложенію синод. члена преосв. казанскаго съ объявленіемъ высочайшаго повелѣнія объ учиненіи выговора еп. бѣлорусскому Анастасію“, т. CXLII, май, 289—290.
- Сергѣй Александровичъ**, великій князь, † 1905 г., т. CXLIII, июль, 14.
- Силитъ**, офиц., 1811 г., т. CXLIII, авг., 358.
- Симонъ-Демангъ**, Лукса Ив., француженка, 1850 г., т. CXLII, май, 269—283.
- Симонъ**, архіеп. вологодск. и бѣлозерскій, 1679 г., т. CXLII, июнь, 526.
- Синайскій**, И. Ѳ., учитель греч. яз., 1849 г., т. CXLIV, декаб., 512, 513, 514, 515, 516, 517.
- Синявскій**, чл. совѣщат. комисс. по крестьянск. дѣламъ въ Вильнѣ, 1864 г., т. CXLI, февр., 268—270, т. CXLII, апр., 23.
- Синюхаевъ**, подп., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Сипягинъ**, Дм. Серг., мн-ръ внутр. дѣлъ, т. CXLI, янв., 151, 152.
- Ситонинъ**, Ив., купецъ, 1863 г., т. CXLI, янв., 86.
- Скалонъ**, Д. А., сообщ.: „На службѣ при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ“, т. CXLI, янв., 149—169, февр., 392—404.
- Скальковскій**, Конст. Аполлонов., горн. инженеръ, писатель, директ. горн. департ. съ 1891—1896 г., т. CXLIV, нояб., 354.
- Скарятинъ**, редакт. газеты „Вѣсть“, 1864 г., т. CXLII, июнь, 488—491, 495, 500.
- Скворцовъ**, Николай Семенов., редакт. „Русскихъ Вѣдомостей“, 1875 г., т. CXLI, мартъ, 476.
- Скинасъ**, проф. спб. дух. акад., 1808 г., т. CXLII, май, 410.
- Склифасовскій**, профес., врачъ, 1892 г., т. CXLIV, дек., 659.
- Скобелевъ**, Дм. Ив., ген.-лейт. р. 1821 † 1880 г., т. CXLI, янв., 157, 626, т. CXLII, июнь, 609—611, 619—621, 624, 625.
- Скобелевъ**, Іосифъ, монахъ, 1832 г., т. CXLIII, июль, 63.
- Скобелевъ**, Мих. Дм., ген.-адъют., р. 1843 † 1882 г., т. CXLI, янв., 21, 151, февр., 354—363, мартъ, 541, т. CXLII, апр., 139, 140, июнь, 621.
- Скобелевы**, т. CXLIII, июль, 63—64.
- Сколцовъ**, ген.-ад., 1869 г., т. CXLII, апр., 187, т. CXLIII, сент., 382, 386, т. CXLIV, окт., 80.
- Скоронадскій**, Ив. Ильичъ, гетманъ, † 1722 г., т. CXLIII, авг., 217.
- Скрыдловъ**, лейт., 1877 г., т. CXLIII, авг., 307.
- Скрыпниковъ**, городской голова въ Харьковѣ, 1864 г., т. CXLII, июнь, 486.
- Скуратовъ**, Пав. Петров., шт.-капит., 1813 г., т. CXLII, апр., 128.
- Слезкинская**, З. А., сообщ.: „Тѣни прошлаго“, т. CXLIV, дек., 645—654.
- Слезкинскій**, А., сообщ.: „Памяти Н. Ѳ. Дубровина“, т. CXLII, июнь, 612.
- Смагина**, см. Миклашевичева.
- Смарагдъ**, въ мнрѣ Александръ Крыжановскій, рект. спб. акад. съ 1858 г., архіеп. рязанск., † 1863 г., т. CXLII, июнь, 491.

- Смирновъ**, А. В., т. CXLIV, дек., 506, 507.
Смирновъ, Яковъ Григор., священ., т. CXLII, май, 320.
Смирновъ, Н. П., сенат., юристъ, 1892 г. т. CXLIV, нояб., 359.
Смирновъ, Пав. Никитичъ, священ., 1850 г., т. CXLIV, декаб., 512.
Смольяно, Отто, проф. сиб. дух. акад., 1808 г., т. CXLII, май, 411.
Смѣлковъ, священ., 1830 г., т. CXLIV, дек., 652.
Соболевъ, Матв. Петров., пономарь, 1810 г., т. CXLIV, дек., 615.
Соколова, см. Батюшкова.
Соколова, Евгения, танцов., 1872 г., т. CXLI, янв., 157.
Соколовскій, Мих. К., сообщ.: „Тѣсные кадеты на парадахъ“, т. CXLI, янв., 190. „Совѣтъ генераль-аудитору быть осторожнѣе (1800 г.)“, „Эпизодъ изъ исторіи московскаго генеральнаго госпиталя“, февр., 350. „Отъѣвъ гр. П. Д. Киселева о „Бородинскихъ очеркахъ“ Ѳ. Н. Глинка“. (Письмо Киселева Глинкѣ отъ 21 февраля 1840 г.), „Приглашеніе на горшокъ шей“ (страничка изъ бытовой исторіи офицеровъ л.-гв. Измайловскаго полка), мартъ, 524. „Баталіонная дѣвка въ походѣ“, т. CXLII, апр., 66. „Живой цыпленокъ въ киверѣ: переѣмна непристойной фамиліи“, май, 268. „Три письма цесаревича Константина Павловича къ П. И. Линдстрему (1812)“, т. CXLIV, окт., 140—142. „Выписка изъ двухъ приказовъ по 1-й арміи“, нояб., 432. „Запрещеніе азартныхъ игръ въ арміи княземъ Г. А. Потемкинымъ“, „Отголоски павловскаго режима“, декаб., 484.
Соколовскій, педаг., 1844 г., т. CXLI, мартъ, 633.
Соколовъ, Никол. Кириллов., проф. москов. унив., р. 1835 † 1874 г., т. CXLI, февр., 290, 293, 301, 302, мартъ, 490.
Солицевъ, Николай Дмитр., полковн., 1886 г., т. CXLIV, нояб., 415.
Соловьевъ, Влад. Сергѣев., философъ писат., 1875 г., т. CXLI, мартъ, 477—484, 488, т. CXLIII, июль, 139, авг., 317, сент., 455, т. CXLIV, окт., 8.
Соловьевъ, Серг. Мих., профес., историкъ, р. 1829 † 1879 г., т. CXLI, февр., 302, мартъ, 476, т. CXLIII, авг., 203, т. CXLIV, окт., 204, нояб., 335.
Соловьевъ, Яковъ Александр., членъ редакц. комисс., † 1876 г., т. CXLI, янв., 206, т. CXLII, апр., 23, 24.
Сольскій, гр., Дм. Мартин., чл. гос. сов., 1863 г., т. CXLI, янв., 225, т. CXLIV, дек., 670.
Сольскій, М. Д., докторъ, 1840 г., мартъ, 625.
Сомовъ, Орестъ Мих., журналистъ, поэтъ, р. 1793 † 1833 г., т. CXLIII, авг., 283.
Сомовъ, профес., акад., 1861 г., т. CXLI, янв., 16.
Соцъ, Вас. Ив., цензоръ, драматич. писатель, † 1841 г., т. CXLII, апр., 130.
Сперанскій, Мих. Мих., ст.-секрет., р. 1772 † 1839 г., т. CXLII, май, 375, 406—410, 414, 416.
Спицынъ, А., авт. некролога объ Ф. М. Духовниковѣ, т. CXLIV, декаб., 502.
Срезневскій, Изм. Ив., профес. т. CXLIV, декаб., 504.
Ставровскій, капит., нынѣ членъ военнаго совѣта, т. CXLI, февр., 355.
Старченковъ, полковн. 1830 г., т. CXLIV, дек. 653.
Стасовъ, Вас. Вас., писат., † 1906 г., т. CXLI, февр., 364.
Стасюлевичъ, Мих. Матв., издат. и редакт. „Вѣстника Европы“, историкъ, проф., р. 1826 г., т. CXLI, мартъ, 507.
Стенбокъ - Ферморъ, кавказ. офиц., † 1845 г., т. CXLII, апр., 188, т. CXLIV, дек., 525.
Степанова, Авдотья, уроженка Витебск. губ., 1814 г., т. CXLII, апр., 66.
Степанова, Анна И. (старица Анфиса), † 1861 г., т. CXLI, мартъ, 666—679.
Степановъ, полк., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
Стессель, ген., 1904 г., т. CXLI, мартъ, 701, 702, 706—709, т. CXLII, апр., 106, 109.
Стороженко, Николай Ильичъ, профес., 1874 г., т. CXLI, февр., 291—293.
Стояновскій, дѣйствит. тайн. совѣтн., 1889 г., т. CXLII, май, 380.
Стофрегенъ, лейбъ-мед., 1828 г., т. CXLI, февр., 326, мартъ, 516, т. CXLII, май, 334, 342—345, т. CXLIV, нояб., 299—305.
Страховъ, начальн. отд. департ. госуд. казнач., 1874 г., т. CXLIV, нояб., 355, 362.
Строганова, Софія Влад., графиня, рожд. княжна Голицына, 1802 г., т. CXXI, янв., 235, 237, т. CXLII, апр., 165, май, 347, т. CXLIV, нояб., 309.
Строгановъ, гр., Александръ Сергѣев., полковн., 1845 г., т. CXLII, апр., 187, т. CXLIV, окт., 80.
Строгановъ, бар., рус. послан. въ Константинополь, 1816 г., т. CXLIV, окт., 177—183, 186.
Стромилловъ, Юсафъ, іеродиак., 1700 г., т. CXLIII, авг., 207.
Струве, П. Б., т. CXLIV, окт., 14.
Струковъ, ген.-майоръ, 1877 г., т. CXLII, июнь, 619, 622—625.
Стуартъ, бар., генерал. консуль, 1877 г., т. CXLIII, авг., 301, 304.

- Стурдза**, фрейлина. въ зам. Эдлингъ, 1812 г., т. CXLI, мартъ, 516, т. CXLII, май, 347.
- Суворовъ**, кн., Александръ Аркад., ген.-губ. отстз. края, 1865 г., спб. воен. губерн., † 1882 г., т. CXLIII, июль, 13—16, авг., 294.
- Суворовъ-Рымникскій**, кн., Александръ Вас., фельдм., р. 1729 † 1800 г., т. CXLII, июнь, 490, 519, т. CXLIII, сент., 545, т. CXLIV, окт., 194—200.
- Суворовъ**, Ив., сообщ.: „Воинственный игумень (XVII в.)“, т. CXLII, июнь, 526. „Къ исторіи русскаго флота“. (Письмо 1698 г. изъ Воронежа, о кумпанствѣ, вологодскаго архіепископа), т. CXLIII, июль, 131—132. „Къ исторіи русскихъ суевѣрій (Челобитная 1685 г.)“, авг., 220—222, „Приходскіе нравы XVII в.“, т. CXLIII, сент., 504—506.
- Суворовъ**, кн., † 1811 г., т. CXLIII, июль, 168.
- Суденко**, т. CXLI, февр., 311.
- Суворинъ**, Алексѣй Сергѣев., сотрудн. газеты „Русскій Инвалидъ“, 1864 г., изд. газ. „Новое Время“ 1900 г., т. CXLII, июнь, 484.
- Судейкинъ**, В. Т., писатель-экономистъ, 1881 г., т. CXLII, апр., 67, май, 257.
- Сутгофъ**, А. Н., ген., директ. перваго корпуса, 1851 г., т. CXLI, мартъ, 635.
- Сухаревъ**, ген.-м., 1800 г., т. CXLIV, декаб., 484.
- Суходольскій**, начальн. сосновицкаго тамож. округа, 1864 г., т. CXLI, февр., 468, 469.
- Сухова-Кобылина**, см. Салиасъ.
- Сухова-Кобылинъ**, Александръ Вас., писатель, 1850 г., т. CXLII, май, 269—283, изъ его дневника, май, 284—288.
- Сухозанетъ**, Ник. Онуфр., ген.-отъ-арт., ген.-адъют., воен. мн-ръ, чл. государ. совѣта, † 1871 г., т. CXLI, мартъ, 635—642, т. CXLIII, июль, 3.
- Сушковъ**, т. CXLII, июль, 561, 562.
- Сцегениъ**, Петръ, ксендзъ, т. CXLI, февр., 369, 370.
- Сысоевъ**, казакъ, 1811 г., т. CXLIII, авг., 352, 358.
- Сѣмашко**, митроп. литовск., см. Юсифъ.
- Сѣраковскій** (Доленго), участн. польск. возст., 1863 г., т. CXLII, апр., 146, 146, 209.
- Сѣя**, экономистъ, 1878 г., т. CXLIII, авг., 325.

Т

- Таганцевъ**, Николай Степ., сенат., юристъ, р. 1843 г., т. CXLIII, апр., 91, 92, май, 257, т. CXLIV, окт., 6.
- Таль**, Р. X., 1878 г., т. CXLIII, апр., 326.
- Тамберликъ**, артистъ, т. CXLIII, сент., 488.
- Танъевъ**, ст.-секрет., 1813 г., т. CXLI, янв., 183.
- Тарасовъ**, врачъ, 1824 г., т. CXLII, май, 329.
- Татариновъ**, В. А., ст.-секрет., т. CXLIV, нояб., 350, 354.
- Татариневъ**, В. С., начальн. инспекторск. отд. горн., департ., т. CXLIV, нояб., 351.
- Татищевъ**, Ю. В., сообщ.: „Переписка о Герценѣ“, т. CXLII, июнь, 603—604, „Изъ архива вилленскаго генераль-губернаторства“. Къ родословію Скобелевыхъ, т. CXLIII, июль, 63—64.
- Татищевъ**, гр., 1886 г., т. CXLIV, дек. 660.
- Тенишева**, Надежда Димитріев., рожд. Пааухина, т. CXLII, июни, 639.
- Тенишевъ**, кн., владѣт. завода, т. CXLIII, сент., 510.
- Тенишевъ**, кн., Алексѣй Александр., т. CXLII, июнь, 639.
- Термантъ**, Ив., лекаръ, 1702 г., т. CXLIII, авг., 212.
- Тернеръ**, Софія Александровна, т. CXLIII, июль, 134, 166.
- Тернеръ**, Ѡ. Густ., товар. мн-ра финанс., р. 1828 г., его воспоминанія, т. CXLI, янв., 205—233, февр., 454—474, т. CXLII, апр., 209—243, май, 453—482, июнь, 561—602, т. CXLIII, июль, 133—166, авг., 293—340, сент., 507—525, т. CXLIV, окт., 201—210, нояб., 365—401, дек., 655—673; упом., нояб., 351, 352.
- Тивенгауземъ**, графиня, рожд. Кутузова, 1811 г., т. CXLIII, июль, 169.
- Тильмантъ**, секрет. прусск. посольства, 1871 г., т. CXLII, июнь, 571.
- Тимашевъ**, Александръ Егор., мн-ръ внутр. дѣлъ, ген.-ад., 1818 † 1893 г., т. CXLII, апр., 147, 148, июнь, 16, 34, 44, 47, 488.
- Тимошукъ**, Вѣра Вас., сообщ.: «Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга императора Александра I (вел. кн. Николай Михайловичъ, т. II—III), т. CXLI, янв., 234—240, февр., 317—332, мартъ, 508—523, т. CXLII, апр., 159—176, май, 329—348, т. CXLIV, нояб., 298—311, «Александръ I и восточная политика Россіи», т. CXLIV, окт., 175—192. „Впечатлѣнія вел. княз.

- Константина Павловича, вынесенныя имъ изъ поѣздки въ Германію въ 1824 г., дек., 567—582.
- Тичченко-Рубанъ**, т. СХLIII, авт. монографія «Присоед. къ русск. владѣніямъ Приамурья, Сахалина и Уссурийск. края», июль, 106.
- Тихменевъ**, А. Г., составитель біографіи поэта Э. В. Губера, т. СХLIV, декаб., 510.
- Тихомировъ**, врачъ, т. СХLII, май, 278.
- Токаревъ**, 1823 г., т. СХLIII, авг., 281.
- Токаржевскій**, Симонъ, сапожн. мастеръ, † 1890 г., т. СХLI, февр., 368—376, мартъ, 605—607, 610—612, 616—620.
- Толстая**, графиня, А. И., рожд. княжна Барятинская, 1802 г., т. СХLI, янв., 235, 237.
- Толстая**, гр-ня, Александра Львовна, 1910 г., т. СХLIV, дек., стр. I.
- Толстая**, гр-ня, Марія Никол., сестра Л. Н. Толстого, 1910 г., т. СХLIV, дек., стр. I.
- Толстая**, гр-ня, Софія Андр., рожд. Берсъ, т. СХLII, май, 314, 318, т. СХLIV, дек., стр. XV.
- Толстая**, гр-ня, Татьяна Львовна, въ зам. Сухотина, т. СХLII, май, 318, т. СХLIV, дек., стр. XV.
- Толстой**, гр., Александръ Петров., об-прокур. св. синода, † 1873 г., т. СХLII, май, 420.
- Толстой**, гр., Дм. Андр., мн-ръ народн. просв., внутр. дѣль, р. 1823 † 1889 г., т. СХLI, янв., 83, 86, февр., 463, т. СХLII, май, 380, т. СХLIII, сент., 523, т. СХLIV, нояб., 397.
- Толстой**, гр., Левъ Львов., 1902 г., т. СХLIV, нояб., 263.
- Толстой**, гр., Левъ Николаев., р. 1828 † 7 ноября 1910 г., т. СХLI, янв., 36, 113, т. СХLII, май, 307, 313—328, т. СХLIV, окт., 19, дек., стр. I—XVI. Факсимиле его письма къ А. Ѳ. Кони, прилож. къ Декабрьск. книгъ.
- Толстой**, гр., Николай Александров., оберъ-гофмаршалъ, 1810 г., т. СХLIII, июль, 108, 109, 114.
- Толстой**, Сергій Львов., т. СХLII, май, 314, 317.
- Толстой**, Яковъ Николаев., писатель, р. 1791 † 1867 г., т. СХLII, май, 444.
- Толстой**, гр., Ѳед. Петров., товарищъ президента акад. худож., р. 1783 † 1873 г., т. СХLII, апр., 173.
- Толстомятовъ**, профес., 1875 г., т. СХLI, мартъ, 488.
- Толь**, гр., Карлъ Ѳед., главноупр. пут. сообщ., 1836 г., р. 1777 † 1842 г., т. СХLI, янв., 183.
- Тонильскій**, директ. департам., 1855 г., т. СХLII, май, 285.
- Торнау**, бар., 1864 г., т. СХLII, июнь, 484.
- Тореуковъ**, Ардалионъ Александровичъ, р. 1754 † 1810 г., оберъ-гофмейстеръ, 1808 г., т. СХLI, февр., 323.
- Тотлебенъ**, гр., Эдуардъ Ив., ген.-ад., воен. инжен., р. 1818 † 1884 г., т. СХLII, апр., 150—154, июнь, 642, т. СХLIII, июль, 100.
- Трещовъ**, Ѳед. Ѳед., сиб. градонач., 1872 г., т. СХLI, янв., 134, февр., 469, 470, т. СХLII, июнь, 592, 598, т. СХLIII, июнь, 16, т. СХLIV, дек. 660.
- Третьяковъ**, полковн., 1904 г., т. СХLI, мартъ, 702—712, т. СХLII, апр., 102—110.
- Трифилій**, митроп. нижегородск., 1697 г. т. СХLII, июнь, 637, 638.
- Трубецкой**, кн., 1744 г., т. СХLV, дек. 584, 594.
- Трубецкой**, кн., 1845 г., т. СХLII, апр., 188.
- Тругъ**, Е. А., сообщила: «15 писемъ адмирала Александра Ивановича Панфилова», т. СХLIII, июль, 87—106.
- Тургеневъ**, Александръ Ив., писат., дир. деп. духов. дѣль, † 1845 г., т. СХLI, янв., 151, 192, т. СХLII, апр., 163, 164.
- Тургеневъ**, Ив. ц Сергѣев., писат., р. 1818 † 1883 г., т. СХLI, янв., 8, 29—38, т. СХLII, май, 307—317, 326, 436, т. СХLIV, дек., стр. XIV.
- Тургеневъ**, Мих. Борис., чл. самарск. губериск. по крестьянск. дѣламъ присутствія, т. СХLII, апр. 3, 10, 13, 14.
- Турчаниновъ**, ген., 1811 г., т. СХLIII, июль, 173, 176, сент., 530.
- Турчаниновъ**, А. Н., юристъ, 1860 г., т. СХLIV, нояб., 233.
- Тырковъ**, Диредвод. дворян. Новгород. уѣзда, 1830 г., т. СХLIV, дек. 651.
- Тышкевичъ**, гр., городск. голова въ Вильнѣ, 1864 г., т. СХLII, июнь, 490.
- Тышкевичъ**, артиллеристъ, 1851 г., т. СХLI, мартъ, 639.
- Тютчевъ**, Ѳед. Ив., поэтъ, р. 1803 † 1873 г., т. СХLIII, авг., 292.
- Тюфякинъ**, кн., Петръ Ив., гофмейст., главн. директ. императорскихъ театровъ съ 1818 по 1821 г., р. 1769 † 1845 г., т. СХLIV, окт., 73.

У

- Убри**, посоль въ Берлинѣ, т. СХLI, янв., 227, 229, февр., 454.
- Уваловъ**, 1811 г., т. СХLIII, авг., 353.

- Уварова**, Екат. Алексѣевна, 1817 г., т. СХLII, апр., 163, 164.
Уваровъ, Сергѣй Семенов., мн-ръ народн., просв., † 1855 г., т. СХLII, апр., 163—165.
Уваровъ, ген., 1811 г., т. СХLIII, авг., 353.
Удолинъ, ген., 1811 г., т. СХLIII, сент., 542.
Удомъ, ген., 1811 г., т. СХLII, июль, 168.
Уильямсъ, Чарльзъ, англійск. посоль, 1755 г., т. СХLIV, нояб. 333 — 348, дек., 583—613.
Уманецъ, ген., 1811 г., т. СХLIII, июль, 177, авг., 342.
Умовъ, Влад., Алексѣев., проф. гражд. права, 1875 г., т. СХLI, янв., 133, мартъ, 488, 489.
Унковскій, Алексѣй Мих., присяжн. повѣрен., т. СХLIV, окт., 11, 12.
Урусовъ, кн., юристъ, т. СХLIV, окт., 3.
Урусовъ, кн., юнкеръ, 1831 г., т. СХLIII, авг., 234.
Усовъ, Н. Н., студентъ, 1875 г., т. СХLI, мартъ, 489.
Усовъ, Сергѣй Алексѣев., проф., р. 1827 † 1886 г., т. СХLI, мартъ, 488, 489.
Успенскій, Глѣбъ Ив., писат., р. 1840 г., т. СХLIV, окт., 12.
Устряловъ, Николай Герас., проф., петерб. унив., р. 1805 † 1870 г., т. СХLIII, авг., 203.
Ухтомскій, предвод. дворян. 1834 г., т. СХLIV, дек., 647.
Ушаковъ, Симонъ, живописецъ, т. СХLI, февр., 432.

Ф

- Фадѣевъ**, т. СХLII, июнь, 501.
Фальковскій, Э. П., слѣдов., 1868 г., т. СХLIV, нояб., 239.
Федоровъ, В. П., сообщ.: „Молитва для учащагося юношества“, т. СХLIV, нояб., 402—404.
Федоровъ, прокур., т. СХLIV, нояб., 246.
Фельдманъ, Ф. А., капит. генер. штаба, т. СХLII, май, 450.
Феоктистова, В. М., 1910 г., т. СХLIV, дек., стр. I.
Ферри, профес. пѣнія спб. консерваторіи, т. СХLI, янв., 100.
Фесслеръ, Игнатій, профес. спб. дух. акад., 1808 г., т. СХLII, май, 410, 414.
Фетъ (Шеншинъ), Аванасій Аван., поэтъ, р. 1820 † 1892 г., т. СХLI, янв., 25—28, 34.

- Филаретъ** (Вас. Мих. Дроздовъ), моск. митр., рект. спб. дух. акад. 1812 г., р. 1782 † 1867 г., т. СХLI, мартъ, 667, т. СХLII, май, 411—416, июнь, 550.
Филаретъ, митроп. нижегородск. и ала-тырск., 1686 г., т. СХLII, июнь, 635.
Филаретъ, еписк. рижскій и митавск., 1878 г., т. СХLIII, авг., 339, 340.
Филипповъ, Тертіѣй Ив., ген.-контро-леръ, 1875 г., т. СХLIII, июль, 138, 142, сент., 521.
Филипсонъ, ген., попечит. спб. учебн. окр., 1866 г., т. СХLII, апр., 149, 150.
Филовей (Лецинскій), митроп. сибирск., р. 1650 † 1727 г., т. СХLIII, авг., 207—210.
Фирманъ, В. Ц., 1877 г., т. СХLII, июнь, 662, 663.
Фирсовъ, Н. Н., т. СХLI, мартъ, 487.
Фишеръ, Александръ Адамовичъ, про-фессоръ Михайл. артил. акад., 1864 г., т. СХLI, февр., 263.
Флоретти, пѣвица, т. СХLI, мартъ, 545.
Флавіанъ, еписк., т. СХLIV, нояб., 417.
Флейшеръ, полковн., 1885 г., т. СХLII, апр., 43.
Флокъ, адвокатъ, предсѣдат. франц. палаты, 1869 г., т. СХLIII, авг., 290.
Фойхстъ-Ретцъ, ген., т. СХLIV, дек., 617, 618, 623.
Фокъ, Александръ Викторов., ген., 1904 г., сообщ.: „Киньчжоусскій бой“, т. СХLI, мартъ, 701—712, т. СХLII, апр., 102—110.
Фокъ, ген., 1845 г., т. СХLII, апр., 187, т. СХLIV, окт., 79.
Фольбортъ, А. А., генер. консулъ въ Копенгагенѣ, 1878 г., т. СХLII, апр., 218, т. СХLIII, авг., 329.
Фольбортъ, Софія Александровна, 1871 г., т. СХLII, июнь, 576.
Фольбортъ, пасторъ, вице-президентъ евангелич. лютеранск. консисторіи, т. СХLII, июнь, 582.
Фоминъ, А. Г. литерат., авт. очерка литерат. дѣят. Л. Н. Толстого, т. СХLIV, дек., стр. VIII.
Фонтоиъ, Антонъ, дипломатъ, 1811 г., т. СХLIII, авг., 350, 352, т. СХLIV, окт., 217.
Фонтоиъ, 1871 г., т. СХLII, июнь, 576.
Форстенъ, Г. В., т. СХLI, янв., 22.
Фортуатовъ, Филиппъ Фед., профес., 1874 г., т. СХLI, янв., 145.
Фоссъ, Е. К., присяжн. повѣр., т. СХLIV, нояб., 355.
Фофановъ, К. М., поэтъ, 1904 г., т. СХLII, июнь, 612.

- Фофановъ**, капит., 1904 г., т. CXLII, мартъ, 708. т. CXLII, апр., 108—110.
- Францевъ**, В. А., сообщ.: „Письмо С. П. Шевырева къ Ф. И. Лебергъ“, т. CXLII, июнь, 633—634.
- Фрейтагъ**, Робертъ Карловичъ, ген., 1845 г., т. CXLII, апр., 190, 199—201, май, 306, т. CXLIV, дек., 532.
- Фрейштедтъ**, Каролина, маркграфиня, 1812 г., т. CXXI, мартъ, 517—519.
- Фридрихсъ**, Жозефина, 1812 г., т. CXLIV, окт., 140.
- Фриманъ**, 1877 г., т. CXLIV, дек., 637, 638, 643.
- Фриччи**, пѣвица, т. CXXI, мартъ, 545.
- Фроловъ**, М. М., инженеръ-подполковн., 1856 г., т. CXLII, апр., 151.
- Фроловъ**, Петръ Александр., писат., † 1867 г., сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“ и „Спб. Вѣдомостей“, т. CXXI, мартъ, 634. т. CXLII, апр., 141.
- Фуксъ**, Е. С., сотрудникъ „Quarterly Review“, 1877 г., т. CXLIV, нояб., 434.
- Хоментовскій**, полковн., 1864 г., т. CXLII, апр., 13—23.
- Хомяковъ**, Алексѣй Степ., проф. моск. унив., писат., р. 1804 † 1860 г., т. CXXI, янв., 191, CXLII, июнь, 594, 595, 600, т. CXLIII, июль, 139.
- Храневичъ**, В., сообщ.: «Ф. М. Достоевскій, по воспоминаніямъ ссыльнаго поляка», т. CXXI, февр., 367—376, мартъ, 605—621.
- Храповицкій**, П. П., т. CXLIV, нояб., 418.
- Христиановичъ**, С. Ф., правит. канцел., т. CXLII, июнь, 592, 593, т. CXLIV, нояб., 233.
- Христианъ - Августъ**, кн., ангальт-цербстскій, ген.-маіоръ прусск. арміи, т. CXLIV, нояб., 335.
- Христофовичъ**, въ зам. Карцова, т. CXLIV, нояб., 378.
- Христофоръ**, еписк. вологодск., 1862 г., т. CXLIII, авг., 224.
- Хрулевъ**, Степ. Александр., ген., р. 1807 † 1870 г., т. CXLIII, июль, 93—99, 103.

X

- Харитоновъ**, Л. А., сенат. юристъ, 1892 г., т. CXLIV, нояб., 359.
- Харламовъ**, художн., т. CXXI, янв., 37.
- Хвольсонъ**, Д. А., проф., 1860 г., т. CXLII, май, 419.
- Хвостовъ**, гр., Дм. Ив., р. 1757 † 1836 г., т. CXLII, май, 439—443.
- Хитрово**, Николай, 1809 г., т. CXLIII, сент., 538.
- Хлѣбниковъ**, Мартынь, 1687 г., т. CXLIV, нояб., 294.
- Хлѣбниковъ**, инженеръ - подполковн., 1856 г., т. CXLII, апр., 151.
- Хмельницкій**, Николай Ив., смоленск. губерн., 1835 г., т. CXXI, янв., 177—180, 183—188.
- Хмельницкій**, Николай Ив., драматич. писат., р. 1791 † 1845 г., т. CXLII, апр., 130.
- Хованскій**, кн., ген.-губери., смоленск., витебск. и могилевск., 1836 г., т. CXXI, янв., 182—186.
- Ховенъ**, баронесса, начальница дома трудолюбія, 1817 г., т. CXLII, апр., 163.
- Ховенъ**, бар., воен. сенат., 1863 г., т. CXXI, янв., 19.
- Холоповъ**, сектантъ, 1824 г., т. CXLIV, нояб., 248, 249, 252.
- Холоповъ**, офиц., 1879 г., т. CXLIII, авг., 275, 276.
- Хоменко**, 1878 г., т. CXLII, июнь, 640.

Ц

- Церпицкій**, ген., 1904 г., т. CXLIV, окт., 128, 138.
- Цез**, В. А., сенат., юристъ, 1892 г., т. CXLIV, нояб., 359.
- Цигнеусъ**, главн. школьн. инспект. въ Финляндіи, 1877 г., т. CXXI, янв., 88.
- Циммерманъ**, Апполонъ Эрнестов., ген., т. CXLII, апр., 144, май, 369—371.
- Цимсенъ**, А. В., директ. кредитной канцеляр., управл. госуд. банкомъ, 1884 г., т. CXLIII, авг., 296, 328, 328, т. CXLIV, нояб., 368, дек., 670.

Ч

- Чаадаева**, Ольга Захаровна, † 1893 г., т. CXLIII, сент., 499.
- Чаадаевъ**, Мих. Яковл., р. 1792 † 1866 г., т. CXLIII, сент., 499.
- Чаадаевъ**, Петръ Яковл., философъ, т. CXLIII, сент., 499.
- Чавчавадзе**, кн., Александръ Герсевановичъ, ген.-маіоръ, эриванск. губер. нат., р. 1784 † 1846 г., т. CXLIII, сент., 428—432.
- Чавчавадзе**, кн., Герсеванъ, 1783 г., т. CXLIII, сент., 428.
- Чавчавадзе**, кн., Давидъ Александр., свиты Е. В. ген.-маіоръ, т. CXLIII, сент., 429, 430.

- Чавчавадзе**, кн., Екатерина Александр., въ зам. кн. Дадіанъ, т. CXLIII, сент., 429.
- Чавчавадзе**, кн., Софія Александровна, въ зам. баронесса Николаи, т. CXLIII, сент., 429.
- Чавъзъ**, писат., 1863 г., т. CXLI, янв., 19.
- Чайковский**, Петръ Ильичъ, р. 1840 † 1893 г., композ., т. CXLI, февр., 366.
- Чапскій**, гр., 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Чарторыйскій**, князь Адамъ, р. 1734 † 1823 г., т. CXLI, янв., 235, февр., 318.
- Чеботаревъ**, Харитонъ Александр., проф. моск. унив., 1826 г., р. 1746 г., т. CXLI, февр., 340.
- Чебышевъ**, А., сообщ.: «Материалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.», т. CXLII, апр., 127—137, май, 435—446. «Материалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.». Письма П. А. Катенина къ Н. Н. Бахтину, т. CXLIII, авг., 281—287, т. CXLIV, окт., 71—78, нояб., 405—409.
- Чебышевъ**, Петръ Николаев., 1821 г., т. CXLII, апр., 129.
- Чебышевъ**, 1823 г., т. CXLIII, авг., 282.
- Чемезова**, помѣщица, 1862 г., т. CXLIII, авг., 237, 239.
- Череванскій**, В. П., товар. госуд. контрол., т. CXLIV, нояб., 359.
- Черевинъ**, ген., 1878 г., т. CXLIII, июль, 18, сент., 411, 412.
- Черемшанскій**, психіатръ, 1874 г., т. CXLI, февр., 272, 273, 276.
- Чериновъ**, проф., т. CXLIV, дек., стр. XV.
- Черкасскій**, кн., Алексѣй Михайл., кашперъ, р. 1680 † 1742 г., т. CXLIII, авг., 204.
- Черкасскій**, кн., Влад. Александр., мн-ръ внутр. дѣлъ, царства польск., завѣд. гражд. управл. въ Болгаріи, † 1878 г., т. CXLI, февр., 463, 469, т. CXLII, апр., 23, 24, т. CXLIII, июль, 12, авг., 302, 303.
- Черкасскій**, Яковъ, тульск. воевода, 1645 г., т. CXLIII, сент. 437.
- Черновскій**, артиллеристъ, 1851 г., т. CXLI, мартъ, 639.
- Чернолуцкій**, аудиторъ лейбъ-гвардіи гусарск. полка, 1863 г., т. CXLII, май, 356.
- Чернуски**, т. CXLIII, авг., 322, 325.
- Чернышева**, графиня, Анна Родіоновна, рожд. Вейдель, 1825 г., т. CXLII, май, 335.
- Чернышевская**, Евгенія Егоровна, мать писателя, т. CXLIV, декаб., 508, 509.
- Чернышевскій**, Никол. Гавр., писат., р. 1828 † 1889 г., т. CXLI, янв., 33, 42, т. CXLII, апр., 146—148, июнь, 613, т. CXLIV, декаб., 501—517.
- Чернышевъ**, гр., Александр. Ив., воен. мн-ръ, р. 1785 † 1852 г., т. CXLI, мартъ, 511, т. CXLII, апр., 186, 187, 200, т. CXLIV, декаб., 522.
- Чернышевъ**, гр., Захаръ Григ., камеръ-юнкеръ, 1753 г., т. CXLII, май, 335, т. CXLIV, нояб., 338, 339.
- Черняевъ**, Мих. Григ., команд. сербск. арміей 1878 г., туркест. ген.-губери., 1882—84 г., т. CXLI, янв., 159, февр., 412, 413, мартъ, 527, 555, 556, 649, т. CXLIII, июль, 155, т. CXLIV, окт., 156.
- Чертковъ**, ген.-ад. 1877 г., т. CXLIII, авг., 308, сент., 406.
- Четвериковъ**, подполк., инженер. пут. сообщ., 1836 г., т. CXLI, янв., 182—186.
- Четвериковъ**, фабрикантъ, 1886 г., т. CXLII, 92.
- Четвертинская**, см. Нарышкина.
- Чилева**, М. М., см. Щербинина.
- Чилевъ**, М. Е., кавказск. администраторъ, 1845 г., т. CXLIV, дек., 521.
- Чистовичъ**, проф., 1876 г., т. CXLIII, июль, 162.
- Чихачевъ**, Никол. Матв., адм., начальн. морск. шт., р. 1830 г., т. CXLI, февр., 380.
- Чичаговъ**; Пав. Васильев., команд. Дунайск. арміей, 1812 г., р. 1762 † 1849 г., т. CXLI, мартъ, 510.
- Чичеринъ**, проф., 1875 г., т. CXLI, мартъ, 490.
- Чумиковъ**, А., писат., т. CXLIV, декаб., 505.
- Чуровъ**, Алексад. Ив., проф. полит. эконом., 1878 г., т. CXLI, янв., 133—145, февр., 271, 273, 290, 295, 297, 304, 308, мартъ, 476, т. CXLII, апр., 67, 84, 101, май, 314, 327, т. CXLIV, дек., 488.

III

- Шайкевичъ**, Л. С., глав. докт. Александр. больницы, 1885 г., т. CXLII, июнь, 541.
- Шаликовъ**, кн., Петръ, масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр., 336.
- Шаликовъ**, кн., Петръ Ив., писатель, р. 1768 † 1852 г., т. CXLII, май, 438.

- Шамиль**, кадетъ, 1849 г., т. CXLI, мартъ, 631.
- Шамиль**, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. CXLI, мартъ, 631, 646, т. CXLII, апр., 185, 187, 194, 199, май, 297, 301, т. CXLIII, авг., 235, сент., 430, т. CXLIV, окт., 80, 81, 84, 174, декаб., 519, 521, 523.
- Шамшинъ**, Н. И., сенат., т. CXLIII, сент., 523.
- Шамшинъ**, П. И., 1878 г., т. CXLIII, авг., 328.
- Шараповъ**, Сергѣй Фед., писат., 1886 г., издат. газ. „Русское Дѣло“, т. CXLII, апр., 96, 99, т. CXLIV, нояб., 262.
- Шаховская**, княжна, см. Голицына.
- Шаховская**, княжна, Нат. Ф., фрейлина императрицы Елисаветы Алексѣевны, т. CXLI, янв., 235, 237.
- Шаховская**, кн., учр-ца приюта при городск. общинѣ сестеръ милосерд., т. CXLII, июнь, 544.
- Шаховской**, кн., Александръ Александр., драматургъ, писат., р. 1777 † 1846 г., т. CXLII, апр., 130, май, 440, т. CXLIII, авг., 282, т. CXLIV, нояб., 406.
- Шванебахъ**, подполковн., 1812 г., т. CXLI, янв. 179, 182, 186—188, т. CXLIV, дек., 659.
- Фонъ-Шварцъ**, Алексѣй Владиміров., инженер., 1904 г., т. CXLI, мартъ, 703.
- Шварцъ**, К. Н., полковн., 1856 г., т. CXLII, апр., 151.
- Шевыровъ**, Степ. Петров., проф., р. 1806 † 1864 г., т. CXLII, июнь, 633—634.
- Шейдеманъ**, ген., 1853 г., т. CXLIII, сент., 489.
- Шелгуновъ**, Николай Васил., писатель, р. 1824 † 1891 г., т. CXLIV, окт., 6, 7, 8.
- Шелгуновъ**, Пав., Николаев., минск. губери., 1864 г., т. CXLI, февр., 268, т. CXLII, апр., 3, 4, 10, 21.
- Шеншинъ**, А. А., см. Фетъ.
- Шеншинъ**, капит. генеральн. штаба, 1872 г., т. CXLI, февр., 351, 352.
- Шепелевъ**, Александръ Александров., фл.-адъют., полковн., 1885 г., т. CXLI, мартъ, 652.
- Шепинигъ**, бар., поруч. конной гвардіи, 1845 г., т. CXLII, апр., 188, май, 298.
- Шереметева**, см. Якушкина.
- Шереметева**, Надежда Николаев., т. CXLIII, сент., 501.
- Шереметевскій**, В., сообщ.: „Темное царство (Черты изъ жизни московскаго Китай-города, XVII вѣка)“, т. CXLI, февр., 431—441 т. CXLIV, окт., 44—48, нояб., 289—297, декаб., 549—555.
- Шереметевъ**, Б. П., 1702 г., т. CXLIII, авг., 214.
- Шереметевъ**, офиц., 1811 г., т. CXLIII, авг., 358.
- Шериваль-Валленъ**, бар., ст.-секрет., 1878 г., т. CXLII, май, 258.
- Щестаковъ**, губернат., 1864 г., т. CXLII, июнь, 491.
- де-ла-Шетарди**, маркизь, Іоакимъ, франц. посоль въ Спб., 1744 г., т. CXLIV, нояб., 347, дек., 583, 585.
- Шильдеръ**, Ник. Карл., генер.-лейт., историкъ, р. 1842 † 1902 г., т. CXLI, мартъ, 692, т. CXLIV, нояб., 454.
- Шиманъ**, проф., т. CXLIV, окт., 179, 184, 190, 191.
- Ширшова**, Елизавета Николаевна, рожд. Батюшкова, т. CXLIII, авг., 225.
- Ширванидзе**, кн., Дмитр., владѣтель Абхазіи, 1821 г., т. CXLII, май, 429.
- Шинковъ**, Александръ Сем., мн-ръ народн. просвѣщ., р. 1763 † 1841 г., т. CXLI, февр., 347, мартъ, 517, 522.
- Шкайскій**, полковн., 1811 г., т. CXLIII, июль, 176, авг., 357.
- Шлиппенбахъ**, бар., К. А., ген.-лейт., директ. Александр. корпуса, 1849 г., т. CXLI, мартъ, 627—630, 635, т. CXLIII, авг., 231—236.
- Шлыковъ**, коллежск. совѣтн., 1851 г., т. CXLII, май, 277.
- Шмеманъ**, директ. департ. мн-ра юстиціи, т. CXLIV, нояб., 362.
- Шмидтъ**, К. Е., 1878 г., т. CXLIII, авг., 319.
- Шмидтъ**, капит., 1877 г., т. CXLIII, авг., 316.
- Шмидтъ**, докторъ, 1877 г., т. CXLIII, авг., 308.
- Шмидтъ**, частн. приставъ, т. CXLII, июнь, 521.
- Шоненъ**, В. Е., слѣдоват., 1868 г., т. CXLIV, нояб., 239.
- Штакельбергъ**, бар., помѣщ., 1845 г., т. CXLIV, нояб., 250.
- Штакельбергъ**, бар., ген., 1872 г., т. CXLI, янв., 155.
- Штакельбергъ**, бар., офиц. конной артилл., 1864 г., т. CXLI, февр., 255.
- Штанге**, прокур., т. CXLIV, нояб., 245.
- Штейнгель**, бар., Николай Вас., начальн. бобруйскаго акцизнаго округа, 1864 г., т. CXLI, февр., 264, т. CXLII, апр., 24.
- Штидъ**, инженеръ, 1878 г., т. CXLIII, авг., 335, 338.
- Штиглицъ**, бар., т. CXLI, янв., 220.

- Шtrandманъ**, оф., 1811 г., т. CXLIV, окт., 223.
- Штраусъ**, композиторъ, т. CXLIII, авг., 289.
- Штюмеръ**, полковн., воен. цензоръ, 1867 г., т. CXLII, апр., 143—145, июнь, 614, 615, т. CXLIII, июль, 106.
- Шубертъ**, ген., т. CXLIII, авг., 316.
- Шубертъ**, 1877 г., т. CXLIII, авг., 316.
- Шувалова**, см. Комарова.
- Шуваловъ**, Алексд., гофмарш., т. CXLIV, дек., 591—598.
- Шуваловъ**, гр., Андрей, 1824 г., т. CXLII, апр., 147, 148, май, 331.
- Шуваловъ**, Ив. Ив., т. CXLIV, дек., 583—598.
- Шуваловъ**, гр., Петръ Андр., ген.-ад., ген.-губ. Остзейск. края, вполн. шефъ жанд., посолъ въ Лондонъ, посолъ въ Берлинъ, р. 1827 † 1889 г., т. CXLI, янв., 13, 221, 224, 225, т. CXLII, июнь, 490, 519, т. CXLIII, июль, 13—18, 34, 35, т. CXLIV, нояб., 347, 398.
- Шуваловъ**, Петръ Ив., 1744 г., т. CXLIV, дек., 583—610.
- Шувельская**, падат-ца австрійск. газеты „Die Reforme“, т. CXLIII, авг., 311.
- Шуйскій**, кн., Вас. Ив., царь, † 1612 г., т. CXLI, янв., 23, 24.
- Шульгинъ**, ген., 1852 г., т. CXLI, мартъ, 666, т. CXLII, май, 354, 355.
- Шульховъ**, артистъ, т. CXLI, янв., 100.
- Шульцъ**, П. А., сенат. и юристъ, 1892 г., т. CXLIV, нояб., 359.
- Шульцъ**, бар., офиц., 1811 г., т. CXLIII, сент., 529.
- Шуманъ**, Клара, артистка, т. CXLI, янв., 100.
- Шумахеръ**, А. Д., сенат. и юристъ, 1892 г., т. CXLIV, нояб., 359.
- Шумигорскій**, Евг. Севастіанов., писат., историкъ, т. CXLI, мартъ, 680.
- Шумова**, въ зам. Зиберъ, врачъ въ институтъ Елены Павловны, т. CXLI, февр., 272.
- Шумова**, 1874 г., т. CXLI, февр., 272.
- Шумскій**, артистъ Малаго театра, 1855 г., т. CXLI, янв., 102, т. CXLII, май, 275.

Щ

- Щедринъ** (Салтыковъ), Мих. Евграф., писат., р. 1826 † 1889 г., т. CXLI,

- янв., 29, 38, 39, 43, 44, мартъ, 507, т. CXLIV, окт., 11, 12, нояб., 238, дек., 590.
- Щербатова**, княжна Марія Федоровна, въ зам. лэди Портеръ, † 1824 г., т. CXLIV, окт., 143, 144, 145.
- Щербатовъ**, кн., А. Г., московск. ген.-губерн., 1840 г., т. CXLII, июнь, 530, 534.
- Щербачевъ**, секрет. посольства, т. CXLIV, нояб., 377.
- Щербинина**, Марія Мих., въ зам. Чилева, т. CXLIV, дек., 521.
- Щербининъ**, Мих. Пав., ген., 1845 г., т. CXLII, апр., 187, т. CXLIV, окт., 79, 82.
- Щербининъ**, авт. биографіи кн. Мих. Сем. Воронцова, т. CXLIV, декаб., 520.

Э

- Эбелингъ**, Мих. Алекс., команд. стрѣлк. батальона, 1877 г., т. CXLIII, авг., 316.
- Эвальдъ**, Влад. Федоров., педаг., 1881 г., т. CXLI, янв., 10.
- Эвениусъ**, Александръ, проф., масонъ, 1826 г., т. CXLI, февр., 336.
- Эдлингъ**, гр., см. Стурдаа.
- Эйлеръ**, см. княг. Витгенштейнъ.
- Эйлеръ**, фрейлина, 1871 г., т. CXLII, июнь, 571.
- Эйхвальдъ**, докторъ, 1871 г., т. CXLII, июнь, 571., т. CXLIV, дек., 658.
- Экъ**, подполковн. генер. штаба, т. CXLIV, нояб., 377.
- Энгельгардъ**, маіоръ, 1811 г., т. CXLIII, июль, 176, т. CXLIV, окт., 229.
- Энгельгардъ**, ген., 1811 г., т. CXLIII, июль, 175, 176.
- Эрисманъ**, Ф. Ф., т. CXLII, май, 327.
- Эрисманъ**, проф., т. CXLIV, дек., стр. XV.
- Эрисманъ**, Фед., 1900 г., т. CXLIV, дек., стр. XVI.
- Эристовъ**, Александръ, кавказск. офиц., 1845 г., т. CXLIV, декаб., 522.
- Эристовъ**, кн., Александръ, 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Эристовъ**, Григорій, кавказск. офиц., 1845 г., т. CXLIV, декаб., 522.
- Эристовъ**, Захарій, 1845 г., т. CXLII, апр., 188.
- Эссенъ**, офиц. кавказск. войскъ, капит., 1847 г., т. CXLIV, дек., 531, 532.
- Эссенъ**, Петръ, ген., 1811 г., т. CXLIII, июль, 173—176, 180, авг., 347—350, 353, 360, 361, сент., 528, 535, т. CXLIV, нояб., 288.

- Эссенъ**, офиц., 1845 г., т. CXLI, май, 293, 294.
Этингенъ, бар., лифляндск. богословъ, философъ, 1878 г., т. CXLI, авг., 338.
Эхлеръ, аптекарь, 1702 г., т. CXLI, авг., 213.

Ю

- Юдинъ**, писат., т. CXLI, окт., 117.
Юкаринъ, 1855 г., т. CXLI, июль, 102.
Юматовъ, издатель газеты „Вѣсть“, 1864 г., т. CXLI, июнь, 488.
Юрганова, Марія, рожд. Янжуль, 1872 г., т. CXLI, янв., 136.
Юргановъ, В. И., 1872 г., т. CXLI, янв., 136.
Юрій П. князь, † 1339 г., т. CXLI, сент., 549.
Юрьевъ, Сергѣй Андреев., редакторъ „Бесѣды“, 1878 г., т. CXLI, янв., 9.
Юсупова, княгиня, 1879 г., т. CXLI, авг., 276.
Юханцева, г-жа, т. CXLI, нояб., 356.
Юханцевъ, подрядчикъ, т. CXLI, окт., 109—118.
Юшковъ, 1878 г., т. CXLI, авг., 335, 338.

Я

- Яблоновскій**, кн., 1863 г., т. CXLI, июнь, 492.
Яблочковъ, техникъ, изобрѣт. электрич. свѣчи, 1875 г., т. CXLI, мартъ, 496, 497.
Ягелло, Великій князь литовскій, т. CXLI, сент., 549.
Языковъ, Н. Н., предсѣд. Курск. окружн. суда, т. CXLI, нояб., 239.
Языковъ, директ. деп. мн-ва народн. просв., 1826 г., т. CXLI, февр., 347.
Яковлевъ, Николай Павл., мировой посредн. въ Бобруйскѣ, 1864 г., т. CXLI, апр., 10, 18.
Яковлевъ, ген. консуль въ Іерусалимѣ, т. CXLI, нояб., 377.
Якушкина, Анастасія Вас., рожд. Шереметева, † 1846 г., т. CXLI, сент., 501.
Якушкинъ, И. Д., т. CXLI, сент., 499—503.

Янжуль, Екатерина Николаевна, 1874 г., т. CXLI, февр., 273.

Янжуль, Ив. Ив., акад., его воспоминанія, т. CXLI, янв., 133—148, февр., 271—306, мартъ, 475—507, т. CXLI, апр., 67—101, май, 307—328, т. CXLI, окт., 3—20, нояб., 258—272, декаб., 485—500, «Страхъ смерти», разговоръ съ гр. Л. Н. Толстымъ, т. CXLI, дек., стр. XV—XVI, упом., т. CXLI, февр., 309.

Янжуль, ген.-лейт., т. CXLI, янв., 136.

Янжуль, см. Юрганова.

Яниковскій, офиц., 1879 г., т. CXLI, авг., 278.

Яниковскій, предсѣдат. Бобруйск. повѣрочн. по крестьянск. дѣламъ комисси, 1864 г., т. CXLI, февр., 256.

Яновскій, полковн., 1865 г., т. CXLI, июль, 20, 21.

Янсонъ, ученый, статистич., т. CXLI, апр., 214.

Янышевъ, Іоаннъ Леонтьев., протоіер., ректоръ спб. духовн. акад., съ 1869 по 1883 г., протопресвитеръ, † 1910 г., т. CXLI, май, 421, т. CXLI, июль, 138—142, 151, 158, авг., 323.

Ярославъ, вел. кн. Киевскій, 1040 г., т. CXLI, сент., 547.

Яроцкій, В. Г., проф., 1881 г., т. CXLI, апр., 67.

Ярошевичъ, дворянинъ, т. CXLI, нояб., 251.

Яшвилъ, В., кн., 1863 г., т. CXLI, май, 350—363, 366—372.

Яшвилъ, кн., офиц., 1645 г., впослед. команд. л.-гв. гусарск. полка, 1845 г., т. CXLI, апр., 188, т. CXLI, окт., 80.

О

Федоръ Кузьмичъ, старецъ, 1826 г., т. CXLI, май, 347.

Федоръ, въ мѣрѣ Александръ Матвѣевичъ Бухаринъ, архимандр., т. CXLI, июль, 160.

Феодосій (Яновскій), архіеписк. новгородск., 1721 г., т. CXLI, май, 404.

Феофистовъ, Евг. Мих., цензоръ. управл. по дѣламъ печати, впослед. сенат., 1864 г., т. CXLI, май, 276, 285, июнь, 484, т. CXLI, июль, 5, 7, 10, 22, 34.

Феофанъ (Говоровъ), архим., рект. спб. духов. акад., 1859 г., в посл. еписк. тамбовск., т. СХLII, май, 419.

Феофлактъ (Русановъ), архіеп. калужск. 1807 г., экзархъ Грузіи, † 1821 г., т. СХLII, май, 408—416, 428.

Филиповъ. Тимоф., т. СХLIII, авг., 220.

Фоминъ, полк., 1864 г., т. СХLI, февр., 266.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 15 октября по 12 ноября 1909 г. (на оберткѣ), т. СХLI, мартъ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 ноября по 3 декабря 1909 г. (на оберткѣ), т. СХLII, апр.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 по 10 декабря 1909 г. (на оберткѣ), т. СХLII, іюнь.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 10 декабря 1909 г. по 3 февраля 1910 г., т. СХLIII, іюль, 183—190.

Книги, вышедшія по исторіи и литературе съ 3 февраля по 18 мая 1910 г., т. СХLIII, авг., 362—380.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 18 мая по 15 іюня 1910 г., т. СХLIII, сент., 558—566.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 августа по 14 октября 1910 г., т. СХLIV, нояб., 455—468.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14 октября по 18 ноября 1910 г., т. СХLIV, дек., 674—680.

Указатель составила В. В. Тимошукъ.

нѣяхъ покоящагося садовника* и т. п. Ихъ почти забыли, что довольно понятно. Лирическое чувство старѣеть быстро,—для нашей современности оно кажется слишкомъ наивнымъ, для исторіи недостаточно типичнымъ; въ прошломъ каждому времени присущъ былъ особый видъ литературы и въ пышномъ, фанфарномъ вѣкѣ лирика не была замѣтнымъ явленіемъ. Но извѣстная характерность въ ней, особенно въ любовной, все же есть, и кто за маской прошлаго ищетъ его лицо, тотъ встрѣтитъ здѣсь томный и сентиментальный взоръ жестокаго, чувственнаго человѣка тѣхъ дней.

Составительница включила въ сборникъ лишь избранныя пьесы, принимая во вниманіе распространенность даннаго произведенія, свидѣтельствующую о томъ, что оно нравилось, и собственный эстетическій вкусъ, который, по ея мнѣнію, является необходимымъ для сборниковъ подобнаго рода, не претендующихъ на научность. Рядомъ съ малоизвѣстными встрѣчаются и громкія имена: Сумарокова, Державина и Кацниста, но съ ихъ дѣятельностью въ этомъ родѣ знакомство у любителей литературы небольшое. Любопытно отмѣтить разнообразіе размѣровъ, чѣмъ въ XIX вѣкѣ поэты насъ меньше баловали.

Книга явится очень хорошимъ допoлненіемъ къ недавно вышедшему изслѣдованію А. А. Веселовскаго: *Любовная лирика XVIII вѣка*. СПБ. 1909. Статья барона Врангеля „Женщина въ русскомъ искусствѣ XVIII вѣка“ написана со вкусомъ и удачно вводитъ читателя въ духъ эпохи, а примѣчанія г-жи Веселовской составлены тщательно. Такимъ образомъ, отъ сборника получается цѣльное впечатлѣніе, а что касается того, кому для чтенія онъ предназначенъ, то составительница очень кстати вспоминаетъ слова Карамзина: „Правда, что есть люди, которые не любятъ стиховъ, такъ же какъ другіе не любятъ музыки и прекрасныхъ женщинъ, но такая антипатія есть чрезвычайность, и мы изъ учтивости ничего не скажемъ о сихъ людяхъ“.

Степанъ Филипповичъ Галактионовъ и его произведенія. Составилъ В. Я. Адарюковъ. Кружокъ любителей русскихъ изящныхъ изданій. 1910.

Императоръ Александръ I, обладая незауряднымъ чувствомъ прекраснаго, питалъ, какъ извѣстно, страсть къ строительству; ни одно, даже частное зданіе не могло въ Петербургѣ строиться, пока Государемъ не были получены проекты, и они не были „апробованы“, вѣдствие чего городская поэзія молодой, еще неиспорченной сѣверной столицы, которая восхищала прїѣзжавшихъ иностранцевъ, возникла именно въ alexандровское время. Она хорошо намъ знакома по волнующимъ насъ пушкинскимъ строкамъ. Но были и скромныя художники кисти и рѣзца, изображеніе которыхъ поражалось величественными ансамблями воздвигнутыхъ зданій, пустыннымъ безмолвіемъ площадей, холодомъ набережныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ довольно часто теперь вспоминаемый С. Ф. Галактионовъ. Архитектурные пейзажи его при всей вычерченности линий имѣютъ налетъ меланхоли и хотя слишкомъ глубокаго чувства въ немъ не замѣтно, но именно легкость грусти дѣлаетъ его типичнымъ для своего времени и пріятнымъ намъ. У Галактионова есть и окрестности города, большое число всевозможныхъ рисунковъ, виньетокъ съ плакучими ивами, урнами, и т. п. неизбѣжными подробностями романтизма его современниковъ. Славенъ онъ какъ граверъ рѣзцомъ и пунктиромъ и какъ литографъ. Изслѣдованіе г. Адарюкова состоитъ изъ документально составленной біографіи (нѣсколько излишне сухой) и погоднаго списка произведеній художника—гравюръ, рисунковъ и литографій, а также рисунковъ другихъ художниковъ для его гравюръ.

Все это старательно разработано, приложено 7 отчетливыхъ снимковъ, а въ текстѣ помѣщенъ рядъ виньетокъ. Изданіе радуется глазъ, имѣя привлекательную внѣшность.

Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ 1910. Вып. III, IV и V.

Какъ и въ предшествовавшихъ томахъ при новой редакціи журналъ даетъ привлекательный и разнообразный матеріалъ по вопросамъ исторіи театра, литературы, музыки и даже театральной архитектуры. Въ указанныхъ выпускахъ среди ряда другихъ интересныхъ статей обращаютъ на себя вниманіе—П. Н. Столяническаго „Н. А. Некрасовъ и театральная критика“, продолженіе статей Н. П. Кашина объ Островскомъ и старинной драмѣ, Т. Наленинскаго „о Гамлетѣ на сценѣ“ и Н. Н. Долгова о предшественникѣ театра настроеній (Мартыновъ). По-прежнему содержательны музыкальные обзоры петербургскаго В. Каратыгина и московскаго Ю. Энгеля и обзоръ „Русская драма“ въ Москвѣ—Эфроса. По поводу работы Вл. Иванова-Корсунскаго объ Одоевскомъ (Другъ русской музыки) замѣтимъ слѣдующее. Написанная содержательно и основанная на нѣкоторыхъ неизданныхъ документахъ, она имѣетъ однако значительную погрѣшность. Говоря объ идеалахъ образованнѣйшаго писателя-гуманиста своего времени, авторъ считаетъ ихъ столь высокими, что таковыхъ вообще по его мнѣнію трудно было даже ожидать отъ русскаго человѣка, и въ дальнѣйшемъ развиваетъ мысль о полной независимости эстетическихъ сужденій Одоевскаго. Не отрицая того, что въ музыкальной критикѣ О. былъ, можно сказать, первымъ серьезнымъ дѣятелемъ, предлагаемъ все-таки вспомнить принадлежность его къ извѣстному тогда типу „русскаго шеллингианца“; его возвышенные взгляды на искусство и въ частности на музыку являются вполне соответственными философскому ученію Шеллинга, какъ оно разрабатывалось въ московскихъ кружкахъ 30-хъ годовъ. Другое дѣло, что Одоевскій сталъ самымъ ревностнымъ проводникомъ новыхъ воззрѣній въ обществѣ и вѣдствие своего образованія первымъ изъ тѣхъ, кто дѣйствительно понялъ музыку Глинки. Но не былъ онъ одинокимъ, и его эстетика сложилась не вполне самостоятельно.—Въ статьѣ Г. Сильвіо о Біорсонѣ и Стриндбергѣ неряшливость слога изумительна; приведемъ нѣсколько строкъ: „Когда Исландія раздробила силы и вмѣсто обезпеченныхъ и просвѣщенныхъ скальдовъ начала замирать хвѣстатая жизнь, и крестъ Saga и съ присоединеніемъ Норвегій вступили въ вѣдство чужбыхъ кушницъ“ (стр. 50). Этотъ примѣръ—

ПЕРВЫЙ ПОДЪЕМЪ НАШЕГО ПЕРИОДИКА
РУССКАЯ СТАРИНА
 1911 г.

СРЕДНЕ ВЕКОВЫЕ РУССКАЯ

Второй выпуск, в котором: **СРЕДНЕ ВЕКОВЫЕ РУССКАЯ** — продолжение статьи о средневековой Руси, в которой описаны различные стороны жизни и культуры того времени. В этом выпуске также помещены статьи о древнерусском искусстве, о церковной жизни и о быте русского народа в средние века. В этом выпуске помещены следующие статьи: **Средневековая Русь** — А. Н. Давыдов; **Древнерусское искусство** — Н. П. Бартоломеев; **Церковная жизнь в средние века** — В. В. Дурович; **Быт русского народа в средние века** — В. В. Дурович.

В третьем выпуске: **СРЕДНЕ ВЕКОВЫЕ РУССКАЯ** — продолжение статьи о средневековой Руси, в которой описаны различные стороны жизни и культуры того времени. В этом выпуске также помещены статьи о древнерусском искусстве, о церковной жизни и о быте русского народа в средние века. В этом выпуске помещены следующие статьи: **Средневековая Русь** — А. Н. Давыдов; **Древнерусское искусство** — Н. П. Бартоломеев; **Церковная жизнь в средние века** — В. В. Дурович; **Быт русского народа в средние века** — В. В. Дурович.

В четвертом выпуске: **СРЕДНЕ ВЕКОВЫЕ РУССКАЯ** — продолжение статьи о средневековой Руси, в которой описаны различные стороны жизни и культуры того времени. В этом выпуске также помещены статьи о древнерусском искусстве, о церковной жизни и о быте русского народа в средние века. В этом выпуске помещены следующие статьи: **Средневековая Русь** — А. Н. Давыдов; **Древнерусское искусство** — Н. П. Бартоломеев; **Церковная жизнь в средние века** — В. В. Дурович; **Быт русского народа в средние века** — В. В. Дурович.

В пятом выпуске: **СРЕДНЕ ВЕКОВЫЕ РУССКАЯ** — продолжение статьи о средневековой Руси, в которой описаны различные стороны жизни и культуры того времени. В этом выпуске также помещены статьи о древнерусском искусстве, о церковной жизни и о быте русского народа в средние века. В этом выпуске помещены следующие статьи: **Средневековая Русь** — А. Н. Давыдов; **Древнерусское искусство** — Н. П. Бартоломеев; **Церковная жизнь в средние века** — В. В. Дурович; **Быт русского народа в средние века** — В. В. Дурович.

Можно получить во всеобщую редакцию **„Русскую Старину“** за следующие годы: 1876, 1877, 1878, 1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и с 1888—1910 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА
МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЛѢВНОСТЬ

съ предисловіемъ и похв. редакц. Н. К. Шильдера. Дѣла 2 р. съ пересылкою.
 Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъячская ул., д. 7.

1111

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1911 г.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго
 союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой
 по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ
 магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелле и К^о), Невскій просп., д. № 20.
 «Новое Время», Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостинный дворъ, № 18. Въ
 Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д.
 Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ,
 № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).
 Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ
 Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о
 дѣльныхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и
 XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ
 дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ,
 артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства:
 переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—
 V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—
 Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго време-
 ни.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к.
 послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными
 для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничто-
 жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ
 не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за
 слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г.,
 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1910 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТІ“

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъячская ул., д. 7.